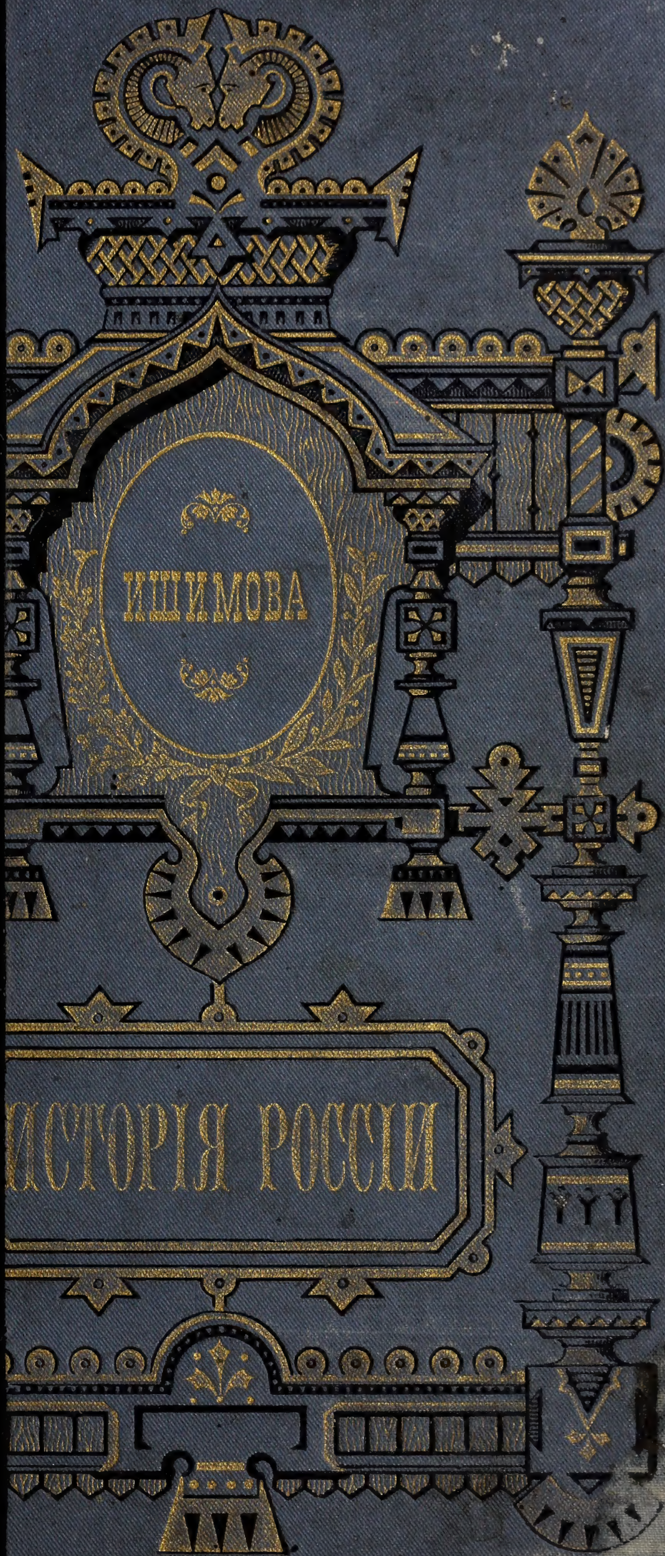

ИШИМОВА
ИСТОРІЯ РОССІИ

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРЫ ИШИМОВОЙ

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Жуковскій

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1890

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

СЛАВЯНЕ

ДО 862 ГОДА, ХРИСТІАНСКАГО ЛѢТОСЧИСЛЕНІЯ.

Вы любите, дѣти, слушать чудные разсказы о храбрыхъ герояхъ и прекрасныхъ царевнахъ, васъ веселятъ сказки о добрыхъ и злыхъ волшебницахъ. Но, вѣрно, для васъ еще пріятнѣе будетъ слышать не сказку, а быль, т. е. сущую правду? Послушайте же, я разскажу вамъ ее о дѣлахъ вашихъ предковъ.

Встарину, въ отечествѣ вашемъ, Россіи, не было такихъ прекрасныхъ городовъ, какъ нашъ Петербургъ и Москва. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вы любуетесь теперь красивыми строеніями, гдѣ вы такъ весело бѣгаете въ тѣни прохладныхъ садовъ, нѣкогда видны были непроходимые лѣса, топкія болота и дымныя избушки; мѣстами были и города, но вовсе не такіе обширные, какъ въ наше время; въ нихъ жили люди, красивые лицомъ и станомъ, гордые славными дѣлами предковъ, честные, добрые и ласковые дома, но страшные и непримиримые на войнѣ. Ихъ называли славянами.

Они были такъ честны, что въ обѣщаніяхъ своихъ, вмѣсто клятвъ, говорили только: «Если я не сдержу моего слова, то *да будетъ мнѣ стыдно!*» и всегда исполняли обѣщанное; такъ храбры, что и отдаленные народы боялись ихъ; такъ ласковы и гостепріимны, что наказывали того хозяина, у котораго гость былъ чѣмъ нибудь оскорбленъ. Жаль только того, что они не знали истиннаго Бога и молились не Ему, но разнымъ идоламъ.

Идолъ значитъ статуя, сдѣланная изъ дерева или какого нибудь металла и представляющая человѣка или звѣря.

Славяне раздѣлялись на разныя племена: у сѣверныхъ или новгородскихъ славянъ не было и государя, что̀ бываетъ у многихъ необразованныхъ народовъ: они почитали начальникомъ своимъ того, кто болѣе всѣхъ отличался на войнѣ. По этому вы видите, какъ они любили войну и все соединенное съ нею. На полѣ, гдѣ сражались они и потомъ торжествовали побѣду или славную смерть погибшихъ товарищей, можно было всего лучше видѣть истинный характеръ славянъ. Жаль, что до насъ не дошли пѣсни, которыя обыкновенно пѣлись въ то время пѣвцами ихъ. Мы такъ хорошо узнали бы тогда самихъ ихъ, потому что въ пѣсняхъ народныхъ выражается народъ. Но я могу предложить вамъ здѣсь нѣсколько строкъ, изъ которыхъ вы все-таки получите понятіе о славянахъ лучшее и подробнѣйшее, нежели какое можетъ дать вамъ небольшой разсказъ нашъ. Это отрывокъ изъ стихотворенія Жуковскаго:

Пѣсня барда надъ гробомъ славянъ-побѣдителей.

«Ударь во звонкій щитъ! стекитесь, ополченны!
Умолкла брань—враги утихли расточенны,
Лишь паръ надъ пепломъ селъ густой;
Лишь волкъ, сокрытый нощи мглой,
Очами блещущій, бѣжитъ на ловъ обильный.
Зажжемъ костеръ дубовый; изройте ровъ могильный!»
Сложите на щиты поверженныхъ во прахъ.
Да холмъ вѣщаетъ здѣсь вѣкамъ о бранныхъ дняхъ,
Да камень здѣсь хранитъ могущихъ слѣдъ священной!
Гремитъ... раздался гулъ въ дубравѣ пробужденной!
Стеклись вождей и ратныхъ сонмъ;
Глухой полнощи тьма кругомъ;
Предъ ними вѣщій Бардъ, вѣнчанный сѣдиною,
И падшихъ страшный рядъ, простертыхъ на щитахъ.
Объяты думою, съ поникнутой главою,
На грозныхъ лицахъ кровь и прахъ,
Оперлись на мечи; средь нихъ костеръ пылаетъ
И съ свистомъ грозный вѣтръ ихъ кудри воздымаетъ.
И се! воздвигся холмъ и камень водруженъ
И дубъ, краса полей, воспитанный вѣками,
Склонилъ главу на дернъ и токомъ орошенъ;

И се! могущими перстами
Пѣвецъ ударилъ по струнамъ—
Одушевленны забряцали!
Воспѣлъ—дубравы застенали
И гулъ помчался по горамъ».

Эта картина изъ жизни древнихъ славянъ представлена прекрасно и вѣрно. Смотря не нее, кажется, видишь нашихъ горделивыхъ, воинственныхъ предковъ.

Но эта самая воинственность, охраняя землю ихъ, была причиною и большого зла для нея. Вы слышали уже, что, не имѣя государей, они почитали начальникомъ своимъ того, кто болѣе другихъ отличался на войнѣ; а какъ они всѣ были храбры, то иногда случалось, что такихъ начальниковъ было много. Каждый изъ нихъ хотѣлъ приказывать по-своему; народъ не зналъ, кого слушать, и оттого были у нихъ безпрестанные споры и несогласія. А вѣдь вы знаете, какъ несносны ссоры? И вамъ, въ вашихъ маленькихъ дѣлахъ, вѣрно случалось уже испытать, какія непріятныя слѣдствія имѣютъ онѣ и какая разница въ чувствахъ и положеніи вашемъ, когда всѣ, окружающіе васъ, довольны вами, а вы—ими.

И славяне также видѣли, что во время несогласій ихъ всѣ дѣла шли у нихъ дурно, и они даже перестали побѣждать своихъ непріятелей. Долго не знали они что̀ дѣлать; наконецъ придумали средство привести все въ порядокъ. На берегахъ Балтійскаго моря—стало быть, не очень далеко отъ отечества нашего — жилъ народъ, по имени варяги-русь, происходившій отъ великихъ завоевателей въ Европѣ — нормановъ.

Эти варяги-русь почитались отъ сосѣдей народомъ умнымъ: у нихъ давно уже были добрые государи, были и законы, по которымъ эти государи управляли ими, и оттого варяги жили счастливо и имъ удавалось даже иногда побѣждать славянъ, — правда, что это случалось только тогда, какъ они нападали на нихъ во время споровъ и несогласій ихъ.

Вотъ старики славянскіе, видя счастіе варяговъ и желая такого же своей родинѣ, уговорили всѣхъ славянъ отправить пословъ къ этому храброму и предпріимчивому

народу просить у него князей управлять ими. Послы сказали варяжскимъ князьямъ такъ: «*Земля наша велика и богата, а порядка въ ней нѣтъ; идите княжить и владѣть нами*».

НАЧАЛО РУССКАГО ГОСУДАРСТВА И ПЕРВЫЕ ГОСУДАРИ РУССКІЕ.

отъ 862 до 944 года[1]).

(82 года).

Варяги-русь были очень рады такой чести и три брата изъ князей ихъ: *Рюрикъ, Синеусъ* и *Труворъ*, тотчасъ поѣхали къ славянамъ. Рюрикъ сдѣлался государемъ въ одномъ изъ первыхъ городовъ, основанныхъ славянами, въ Новѣгородѣ, Труворъ—въ Изборскѣ, Синеусъ—въ землѣ, лежащей около Бѣлаго-озера. Отъ сихъ-то трехъ варяго-русскихъ князей славяне начали называться *русскими*, а земля ихъ—*Русью*, впослѣдствіи *Россіею*. Синеусъ и Труворъ скоро умерли и Рюрикъ сдѣлался одинъ великимъ княземъ русскимъ и основателемъ Русскаго государства. Онъ княжилъ счастливо два года съ братьями и пятнадцать лѣтъ одинъ.

Не хотите ли вы прочитать что-нибудь о немъ? Я могу доставить вамъ это удовольствіе. Есть стихи, написанные однимъ изъ лучшихъ поэтовъ нашихъ, Державинымъ, на побѣды, одержанныя русскими въ Италіи, во времена позднѣйшія[2]), и въ этихъ стихахъ есть изображеніе Рюрика. Такъ какъ всякое описаніе, взятое изъ поэзіи, гораздо

---

[1]) Въ отношеніи расчисленія годовъ въ каждомъ разсказѣ берется авторомъ въ соображеніе вообще весь періодъ времени, обозначенный въ началѣ разсказа, но съ особенными подробностями описывается то происшествіе, которое было всего важнѣе въ означенномъ періодѣ и которое по этой самой причинѣ и избрано авторомъ въ заглавіе разсказа. Это примѣчаніе должно служить и для всѣхъ послѣдующихъ разсказовъ.

[2]) Въ царствованіе государя императора Павла I.

живѣе дѣйствуетъ на умъ и долѣе остается въ памяти, нежели сдѣланное прозою, то я увѣрена, что вы сохраните въ памяти черты, въ которыхъ великій поэтъ представилъ перваго государя Россіи. Вообразите, какъ было бы весело читать наизусть въ прекрасныхъ стихахъ такія примѣчательныя мѣста изъ отечественной исторіи! Я постараюсь собрать для васъ все, что поэзія наша имѣетъ лучшаго въ этомъ родѣ, а вы постарайтесь прилежнымъ изученіемъ достойно оцѣнить эти прекрасныя произведенія нашихъ поэтовъ. Но возвратимся къ портрету Рюрика:

«Но кто тамъ, бѣлыхъ волнъ туманомъ
Покрытъ по персямъ, по плечамъ,
Въ стальномъ доспѣхѣ свѣтитъ рдяномъ
Подобно синя моря льдамъ?
Кто, на копье склонясь главою,
Событье слушаетъ временъ?—
Не тотъ ли древле, что войною
Потрясъ парижскихъ[1]) твердость стѣнъ?
Такъ, онъ плѣняется пѣвцами,
Поющими его дѣла,
Смотря, какъ блещетъ битвъ лучами
Сквозь тьму временъ его хвала.
Такъ, онъ!—Се Рюрикъ торжествуетъ
Въ Валгалѣ[2]) звукъ своихъ побѣдъ
И перстомъ долу показуетъ
На Росса [3]), что по немъ идетъ».

Послѣ Рюрика остался маленькій сынъ, Игорь, который еще не могъ быть государемъ, и для того Рюрикъ просилъ своего родственника и товарища, Олега, управлять государствомъ, пока выростетъ Игорь.

Олегъ былъ храбръ и уменъ, побѣдилъ много сосѣднихъ народовъ и такъ увеличилъ Россію, что при немъ она простиралась почти до горъ Карпатскихъ, которыя лежатъ въ Венгріи. Но этотъ Олегъ не совсѣмъ заслуживалъ похвалы. Вы увидите это сами.

Вмѣстѣ съ Рюрикомъ пріѣхали къ славянамъ многіе варяги, которые еще на родинѣ служили ему и, любя

[1]) Здѣсь говорится о завоеваніяхъ нормановъ, которыми они приводили въ ужасъ Западную Европу.
[2]) Такъ назывался рай у языческихъ нормановъ.
[3]) Это относится къ герою Суворову.

добраго начальника, не хотѣли разстаться съ нимъ. Рюрикъ за это усердіе дарилъ нѣкоторымъ изъ нихъ деревни и селенія славянскія: отъ этого появились у насъ *помѣщики*, т. е. такіе бояре, которые владѣли людьми и землями. Но не всѣ эти помѣщики были довольны своими помѣстьями: инымъ казалось веселѣе искать счастія на войнѣ, нежели сидѣть дома. Надобно сказать вамъ, дѣти, что тогда люди очень любили войну. Это потому, что, будучи язычниками, они почитали непремѣннымъ долгомъ отмщать за обиды, а обижали они очень часто другъ друга! Къ тому же они мало учились тогда и не понимали пріятностей мира, который доставляетъ намъ возможность предаться занятіямъ тихимъ, сладостнымъ для сердца и полезнымъ для ума. Они думали только о томъ, чтобы имъ сражаться и побѣждать своихъ враговъ.

Двое изъ такихъ смѣлыхъ воиновъ, по имени Аскольдъ и Диръ, отправились съ товарищами къ югу отъ Новгорода, и на прекрасныхъ берегахъ рѣки Днѣпра увидѣли маленькій городъ, который имъ очень понравился. Этотъ городокъ былъ — *Кіевъ*. Они недолго думали: завладѣли имъ и сдѣлались государями кіевскими.

Олегъ, управляя Новгородомъ послѣ смерти Рюрика, слышалъ, что всѣ пріѣзжавшіе изъ Кіева хвалили новое княжество Русское, и вздумалъ завоевать его. Но онъ зналъ, что князья кіевскіе и народъ ихъ храбры, что они будутъ сражаться съ такою же смѣлостію, какъ и его воины, и оттого рѣшился употребить хитрость. Подошедъ къ Кіеву, онъ оставилъ войско назади, приплылъ къ кіевскому берегу въ небольшой лодкѣ только съ Игоремъ и нѣсколькими воинами, и послалъ сказать государямъ кіевскимъ, что съ ними желаютъ видѣться купцы варяжскіе изъ Новгорода, ихъ друзья и земляки. Аскольдъ и Диръ были очень рады такимъ гостямъ и тотчасъ отправились на лодку ихъ. Но лишь только они вошли туда, какъ вдругъ воины Олега окружили ихъ, а самъ Олегъ, поднявъ на рукахъ маленькаго Игоря, сказалъ: «*Вы не князья, но я князь, и вотъ сынъ Рюрика!*» Въ эту самую минуту воины бросились на обоихъ князей кіевскихъ и убили ихъ! Вотъ одно дурное дѣло Олега,

а впрочемъ, онъ былъ хорошій опекунъ маленькаго воспитанника своего, старался о пользѣ народа русскаго, соединилъ оба новыя государства варяговъ въ одно, сдѣлалъ столицею Кіевъ, и такъ прославился своею храбростію, что даже греки въ Константинополѣ боялись его и имени русскаго. Олегъ имѣлъ съ ними войну, подходилъ къ самымъ стѣнамъ славной столицы ихъ; въ знакъ побѣды повѣсилъ свой щитъ на воротахъ ея; взялъ дань съ грековъ, и когда возвратился въ Кіевъ, народъ назвалъ его *Вѣщимъ:* это значитъ почти то же, что *всевѣдущимъ.* Славныя дѣла его кратко и въ то же время прекрасно описалъ *Языковъ* въ стихотвореніи своемъ: «*Олегъ*». Онъ представилъ, какъ наслѣдовавшій ему государь, молодой Игорь, вмѣстѣ съ народомъ отправлялъ торжественную *тризну* или поминки по немъ, и на этой тризнѣ былъ, по обыкновенію славянъ, пѣвецъ, долженствовавшій воспѣть дѣла умершаго. Но прочтите стихи Языкова съ того самаго мѣста, какъ пѣвецъ или—какъ звали его славяне—*баянъ*—приходитъ въ средину народа, торжествовавшаго память знаменитаго князя своего:

«Вдругъ, словно мятежъ усмиряется шумный
    И чинно дорогу даетъ,
Когда посѣдѣлый въ добрѣ и разумный
    Бояринъ на вѣче идетъ:—
Толпы разступились—и сталъ среди схода
    Съ гуслями въ рукахъ славянинъ.
Кто онъ? Онъ не князь и не княжескій сынъ,
    Не старецъ, совѣтникъ народа,
Не славный дружинъ воевода,
    Не славный соратникъ дружинъ;
Но всѣ его знаютъ, онъ людямъ знакомъ
    Красой вдохновеннаго гласа...
Онъ сталъ среди схода,—молчанье кругомъ,
    И звучная пѣснь раздалася.
Онъ пѣлъ, какъ премудръ и какъ мужественъ былъ
    Правитель полночной державы;
Какъ первый онъ громомъ войны огласилъ
    Древлянъ вѣковыя дубравы;
Какъ дружно сбирались въ далекій походъ
    Народы по слову Олега;
Какъ шли чрезъ пороги, подъ грохотомъ водъ
    По высямъ днѣпровскаго брега;
Какъ по морю бурному вѣтеръ носилъ

Проворные русскіе челны:
Летѣла, шумѣла станица вѣтрилъ
И прыгали челны чрезъ волны.
Какъ послѣ, водима любимымъ вождемъ,
Сражалась, гуляла дружина
По градамъ и селамъ, съ мечемъ и огнемъ
До града царя Константина:
Какъ тамъ побѣдитель къ воротамъ прибилъ
Свой щитъ знаменитый во брани,
И какъ онъ дружину свою одѣлилъ
Богатствами греческой дани.
Умолкъ онъ,—и радостнымъ крикомъ похвалъ
Народъ отзывался несмѣтный;
И братски баяна самъ князь обнималъ,
Въ стаканъ золотой и завѣтный
Онъ медъ наливалъ искрометный,
И съ ласковымъ словомъ ему подавалъ
И, вновь наполняемый медомъ,
Изъ рукъ молодого владыки славянъ
Съ конца до конца межъ народомъ
Ходилъ золотой и завѣтный стаканъ».

Олегъ управлялъ государствомъ тридцать три года: добрый Игорь не хотѣлъ напомнить ему, что уже можетъ княжить, и сдѣлался государемъ русскимъ только тогда, какъ умеръ Олегъ.

Игорь, какъ и всѣ русскіе князья, былъ храбръ, но не такъ счастливъ, какъ Олегъ: при немъ явились въ первый разъ въ землю Русскую печенѣги,—народъ, который потомъ всегда былъ страшнымъ врагомъ нашихъ предковъ.

Печенѣги поселились между рѣками Дономъ и Днѣпромъ, на лугахъ, гдѣ паслись стада ихъ. Они не строили домовъ, но дѣлали подвижные шатры или шалаши. Когда стада ихъ не находили болѣе корма на лугахъ, то они переносили шалаши свои на другое мѣсто и оставались тамъ, пока была трава. Они сами и лошади ихъ бѣгали очень скоро; по рѣкамъ же умѣли плавать почти какъ рыбы. Это очень помогало имъ нападать на сосѣдей своихъ, уводить въ плѣнъ бѣдныхъ жителей и спасаться отъ погони. Злые печенѣги даже нанимались въ службу къ такимъ народамъ, которые имѣли съ кѣмъ нибудь войну, и тогда-то злодѣйствовали, сколько имъ хотѣлось.

Игорь, хотя наложилъ на нихъ дань, т. е. заставилъ каждаго изъ нихъ платить нѣсколько денегъ въ казну свою, но не могъ прогнать ихъ подалѣе отъ границъ своего государства. Важнѣйшимъ происшествіемъ его княженія былъ походъ на грековъ, но не столь счастливый, какъ Олеговъ. Впрочемъ, все-таки ему удалось собрать съ грековъ дань и заключить миръ, и по случаю этого мира послы греческіе пріѣзжали въ Кіевъ, и съ обѣихъ сторонъ принесены были клятвы въ сохраненіи этого мира вѣчно. Христіане клялись въ церкви св. Иліи, которая тогда уже была въ Кіевѣ.

Самый несчастный походъ Игоря былъ на древлянъ, которые жили тамъ, гдѣ у насъ теперь Волынская губернія. Древляне были также славянскаго племени; ихъ покорилъ Олегъ. Игорь ѣздилъ къ нимъ для того, чтобы взять болѣе дани, нежели сколько они всегда платили. Древлянамъ показалось это такъ обидно, что они забыли все почтеніе, какое должно имѣть къ государю своему, и сдѣлали ужасный грѣхъ: убили Игоря! Эти жалкіе люди не знали Бога и не понимали, какое страшное злодѣяніе дѣлали.

Такъ погибъ Игорь. Онъ княжилъ тридцать-два года, но не отличался никакими особенно примѣчательными дѣлами.

Семейство великаго князя Рюрика I.

Супруга: Эфанда, княжна Урманская.
Сынъ: Игорь.

Семейство великаго князя Игоря Рюриковича I.

Супруга: Ольга, поселянка Псковской области.
Сынъ: Святославъ.

СВЯТАЯ ОЛЬГА.

отъ 945 до 955 года.

(10 лѣтъ).

Гораздо болѣе Игоря прославилась прекрасная супруга его *Ольга*. Святославъ, сынъ ея, былъ еще очень малъ, когда умеръ отецъ его, и потому Ольга правила государствомъ вмѣстѣ съ двумя знаменитыми воеводами: бояриномъ *Асмудомъ*, дядькою маленькаго Святослава, и *Свѣнельдомъ*, начальникомъ войска. Исторія этой княгини очень любопытна. Каждый русскій мальчикъ и каждая русская дѣвочка должны знать ее. Послушайте же.

Ольга родилась простою дѣвушкой въ деревнѣ около города Пскова. Молодой князь Игорь пріѣхалъ туда на охоту и случайно увидѣлъ эту деревенскую красавицу, которая такъ понравилась ему своею скромностію и умомъ, что онъ не хотѣлъ слышать о другихъ невѣстахъ и женился на милой Ольгѣ. Въ высокомъ дворцѣ государя она была такъ же умна и любезна, какъ прежде—въ маленькомъ домикѣ своихъ родителей; такъ же добра и ласкова съ окружавшими ее знатными боярынями, какъ прежде съ своими сельскими подружками.

Услышавъ о несчастной смерти Игоря, Ольга обѣщала отмстить жестоко злымъ древлянамъ и тотчасъ послала войско свое въ землю ихъ.

Древляне отправили пословъ съ оправданіями, но Ольга приказала казнить ихъ, не желая слушать ихъ оправданій, и когда войско ея покорило ихъ, она наложила большую дань на этотъ ненавистный для нея народъ и присоединила землю его къ своему государству.

Ольга, вмѣстѣ съ маленькимъ Святославомъ, объѣзжала свои области и вездѣ приводила въ порядокъ то, что было разстроено. Съ тѣхъ поръ, какъ государи наши начали жить въ Кіевѣ, Новгородъ уже пересталъ быть столицею государства Русскаго. Князья кіевскіе, воюя съ Греціею и съ сосѣдними народами, не имѣли времени заботиться

объ отдаленныхъ подданныхъ своихъ, новгородцахъ, и позволили имъ самимъ выбирать своихъ судей и начальниковъ, которые бы чинили судъ и расправу, т. е. награждали добрыхъ, наказывали злыхъ и собирали съ народа дань для князя кіевскаго. Главнаго изъ такихъ начальниковъ новгородцы назвали *посадникомъ*. Зная, что князь кіевскій живетъ далеко отъ нихъ, они начали менѣе уважать его и думали, что могутъ обойтись и безъ государя, имѣя своего посадника.

Ольга поѣхала туда и умными распоряженіями заставила новгородцевъ вспомнить, что они должны быть покорны государю своему, хотя бы онъ жилъ еще гораздо далѣе отъ нихъ.

Народъ любилъ и благословлялъ добрую мать государя своего. Но изъ всѣхъ прекрасныхъ дѣлъ Ольги, самое лучшее и самое великое было то, что она приняла вѣру христіанскую. Она первая изъ русскихъ государей поняла, какъ глупо молиться идоламъ, которые столько же могли слышать молитвы бѣдныхъ людей, сколько слышатъ дѣтей куклы, когда они говорятъ съ ними. Умная княгиня чувствовала въ сердцѣ своемъ, что есть Богъ, безъ котораго не могъ быть міръ, и все, что мы видимъ въ этомъ мірѣ. Къ тому же, она много слышала о вѣрѣ христіанской съ тѣхъ поръ, какъ жила въ Кіевѣ, гдѣ была уже церковь христіанская: воины князя Олега и супруга ея Игоря, бывшіе вмѣстѣ съ ними въ Греческой имперіи, разсказывали дома о счастіи и добродѣтеляхъ истинныхъ христіанъ; о святости вѣры ихъ; о терпѣніи, съ которымъ они переносили несчастія здѣшней жизни, надѣясь на награду въ будущей.

Надобно сказать, что въ это время греки давно уже перестали быть идолопоклонниками и знали истиннаго Бога. Въ столицѣ ихъ, Константинополѣ, жилъ *патріархъ*, то есть начальникъ духовенства христіанъ греческихъ. У него-то княгиня Ольга хотѣла учиться закону Божію, и для того поѣхала въ Константинополь, въ 955 году, когда сынъ ея уже выросъ и она перестала управлять государствомъ.

Патріархъ и императоръ греческій, Константинъ Ба-

грянородный, дивились уму и кротости государыни русской. Патріархъ съ радостію разсказалъ ей о жизни, страданіяхъ, смерти и воскресеніи Іисуса Христа; научилъ ее всему, что должны знать всѣ любящіе Господа и вѣрующіе въ Него, и потомъ окрестилъ ее. Императоръ былъ крестнымъ отцомъ Ольги; въ крещеніи назвали ее *Еленою.* Съ восторгомъ возвратилась она въ Кіевъ, радуясь тому, что можетъ просвѣтить душу сына своего и сдѣлать его также христіаниномъ. Но молодой, гордый Святославъ не хотѣлъ слышать о новомъ законѣ. Княгиня печалилась, что не можетъ раздѣлить съ милымъ сыномъ счастіе знать истиннаго Бога, и умерла съ этою печалію черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ крещенія. Церковь наша признала ее—*святою,* а исторія—*мудрою.*

Уважайте память этой доброй княгини Ольги, милые читатели: она первая старалась о томъ, чтобы предки наши избавились отъ ужаснаго несчастія быть идолопоклонниками; она первая говорила имъ объ истинномъ Богѣ, учила ихъ вѣрѣ Іисуса Христа. Любите святую Ольгу за такое великое благодѣяніе, и старайтесь быть такъ же благочестивы, такъ же усердны къ Богу, какъ была она.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВЪ I.

отъ 955 до 972 года.

(17 лѣтъ).

Не удивительно, что Святославъ не слушалъ добрыхъ совѣтовъ матери, когда она говорила ему о Богѣ: онъ думалъ только о сраженіяхъ, желалъ только того, чтобы всѣ говорили о его храбрости и чтобы всѣ боялись его. Конечно, нельзя было и не говорить о немъ: мало было людей такихъ смѣлыхъ и такихъ терпѣливыхъ, какъ онъ. Онъ всегда первый бросался въ опасность и никогда не нападалъ на враговъ нечаянно, но посылалъ напередъ сказать имъ: *иду на васъ!*

Какъ храбръ былъ духъ его, такъ крѣпко—тѣло: онъ не боялся никакой погоды: ни слишкомъ жаркой, ни слишкомъ холодной; спалъ на землѣ, даже безъ палатки—войлокъ былъ его постелью, сѣдло — подушкой, грубое мясо дикихъ звѣрей—его пищею, простая вода—питьемъ! Таковъ былъ герой нашъ Святославъ; таковы почти и теперь всѣ наши добрые солдаты! Вы, вѣрно, слыхали, какъ терпѣливы они во время войны за добраго государя и родину, какъ охотно ѣдятъ они тогда одинъ черный хлѣбъ, пьютъ одну воду и спятъ—часто на мокрой землѣ! Они рады переносить все это, лишь бы не уступить побѣды непріятелю; и это дѣлаютъ не они одни, но также офицеры и генералы ихъ, если того потребуютъ обстоятельства. И вы вѣрно сдѣлаете то же, милые маленькіе читатели мои? Вѣдь и вы будете современемъ защитниками государя, отечества, родителей и друзей вашихъ.

Молодой Святославъ началъ побѣждать, какъ только принялъ начальство надъ войсками. Первые народы, покоренные имъ, были: вятичи, козары, ясы и касоги. Касогами называли тогда нынѣшнихъ черкесовъ. Когда уже всѣ сосѣдніе народы были покорены, онъ пошелъ въ Болгарію [1]), завоевалъ и эту страну, которая такъ понравилась ему, что онъ хотѣлъ было остаться навсегда жить въ тамошнемъ городѣ Переяславцѣ, но вдругъ получилъ извѣстіе, что къ Кіеву пришли страшные печенѣги. Вы помните этотъ злой народъ, который еще при Игорѣ поселился съ своими шатрами близко Россіи? Они боялись храбраго Святослава, но когда узнали, что онъ ушелъ далеко отъ своей земли, то и напали на Кіевъ, а воевода русскій Претичъ и съ нимъ немного войска стояли на другой сторонѣ рѣки Днѣпра, такъ что бѣдные кіевскіе жители не могли даже сказать своимъ защитникамъ, что они въ опасности. Въ это время русская столица и все семейство Святослава вѣрно бы погибли, если бы не нашелся одинъ смѣлый пятнадцатилѣтній мальчикъ, который спасъ ихъ.

---

[1]) Болгарія теперь княжество, по ту сторону Дуная.

Онъ надѣлъ такое платье, какое носили печенѣги, взялъ въ руку уздечку и вышелъ изъ города въ поле, будто бы искать свою лошадь. Печенѣги не замѣтили, что это русскій, и пропустили его черезъ все войско свое. Когда же онъ дошелъ до берега, то сбросилъ съ себя платье и поплылъ. Тутъ опомнились непріятели и пустили въ него множество стрѣлъ; но онъ былъ уже далеко, въ кругу своихъ, которые встрѣтили его въ лодкѣ. Претичъ, узнавъ отъ него, что Кіевъ въ опасности и хочетъ ужъ сдаться, тотчасъ велѣлъ воинамъ своимъ приготовиться къ сраженію, и на разсвѣтѣ поѣхалъ на лодкахъ къ городу съ громкою военною музыкою. Печенѣги, которые боялись одного имени Святослава, испугались ужасно, думая въ страхѣ, что самъ Святославъ возвратился изъ Болгаріи. Тутъ ужъ имъ было не до того, чтобы идти къ Кіеву: они думали, какъ бы спасти самихъ себя, и тотчасъ же удалились отъ города, а жители кіевскіе съ радостію вышли на встрѣчу къ своимъ избавителямъ. Тогда было очень весело въ Кіевѣ, — и вы вѣрно догадаетесь, что доброму молодому кіевлянину было всѣхъ веселѣе! Онъ сдѣлалъ болѣе, нежели Претичъ и всѣ его воины: онъ могъ сказать себѣ: «*Я хотѣлъ умереть за мое отечество и за дѣтей моего государя! Я спасъ всѣхъ!..*» Вы можете представить себѣ, какъ щедро наградилъ его Святославъ, который вскорѣ послѣ этого пріѣхалъ въ Кіевъ! Печенѣги же были наказаны за свою дерзость: Святославъ прогналъ ихъ далеко отъ границъ своего государства.

Но скоро наскучила ему тихая жизнь въ Кіевѣ: ему хотѣлось возвратиться опять въ любимую Болгарію, гдѣ было много золота, серебра, вина, меду и всякихъ плодовъ. Чтобы скорѣе исполнить свое желаніе, онъ поручилъ государство тремъ сыновьямъ своимъ и, приказавъ имъ жить дружно между собою, отправился самъ въ Болгарію. Но болгарскіе жители встрѣтили его совсѣмъ не съ такою любовію, съ какою проводили кіевляне: онъ не былъ природнымъ государемъ ихъ и потому неудивительно, что они не очень любили его. Къ тому же, сосѣдъ ихъ греческій императоръ Іоаннъ Цимисхій совсѣмъ не желалъ видѣть храбраго Святослава въ такомъ

близкомъ сосѣдствѣ отъ Греціи и старался всѣми силами вытѣснить его изъ Болгаріи. Онъ собралъ даже войско и выступилъ самъ противъ Святослава, который, потерявъ болгарскую столицу Переяславецъ, долженъ былъ затвориться въ городѣ Доростолѣ [1]).

Іоаннъ окружилъ войскомъ своимъ этотъ городъ. Грековъ было такъ много, что Святославу и воинамъ его нельзя было думать о спасеніи. Но здѣсь-то и доказалъ князь русскій, что онъ былъ точно герой. Когда воины его, терпя болѣе двухъ мѣсяцевъ голодъ и страдая отъ ранъ, совѣтовали ему просить мира у непріятеля или убѣжать ночью въ отечество, Святославъ сказалъ: «Нѣтъ, друзья мои! могутъ ли жить весело тѣ, которые спасутся бѣгствомъ? Побѣдимъ или умремъ! *Мертвымъ срама нѣтъ!* Я пойду впередъ, и когда положу свою голову, тогда дѣлайте что хотите!»

Мертвымъ срама нѣтъ! Это замѣчательное восклицаніе Святослава повторено у Жуковскаго, въ его «*Пѣвецъ въ станѣ россійскихъ воиновъ*», когда онъ, сообразно понятіямъ скандинавцевъ, воображаетъ, что тѣни древнихъ героевъ нашихъ носятся надъ полемъ битвы:

Смотрите, въ грозной красотѣ,
Воздушными полками
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ нашими шатрами...
О, Святославъ, бичъ древнихъ лѣтъ,
Се твой полетъ орлиной—
«*Погибнемъ! мертвымъ срама нѣтъ!*»
Гремитъ передъ дружиной.

Такія слова храбраго князя ободрили воиновъ до того, что они громко вскричали: «Гдѣ ляжетъ голова твоя, государь, тамъ лягутъ и наши!» На другой же день они вышли изъ города на встрѣчу непріятелямъ. Не смотря на то, что грековъ было гораздо болѣе, долго нельзя было узнать, кто побѣдитъ: такъ храбро сражались русскіе! Но вдругъ подулъ страшный вѣтеръ прямо въ лицо ихъ. Бѣдное войско Святослава не могло продолжать сраженія отъ густой пыли, и греки остались побѣдителями.

---

[1]) Нынѣшняя Силистрія, въ Турціи.

Раненый Святославъ, чувствуя, что нѣсколько храбрыхъ воиновъ его не могутъ побѣдить сильнаго войска грековъ, согласился наконецъ просить мира. Іоаннъ Цимисхій обрадовался этому,—и два знаменитыхъ врага помирились. Они оба желали видѣть другъ друга. Это свиданіе было на берегу Дуная. Императоръ Іоаннъ пріѣхалъ верхомъ, платье его сіяло золотомъ и дорогими каменьями; со всѣхъ сторонъ окружали его воины въ блестящихъ латахъ. Святославъ приплылъ къ берегу въ лодкѣ, гребя самъ веслами. Простая бѣлая одежда его не имѣла никакихъ украшеній: въ одномъ ухѣ только свѣтлѣла золотая серьга съ двумя жемчужинами и рубиномъ; но видъ его былъ такъ важенъ, въ голубыхъ глазахъ его примѣтно было такъ много величія и благородства, что Іоаннъ почувствовалъ невольное почтеніе къ герою русскому и сошелъ съ лошади. Святославъ пристально посмотрѣлъ на него, поговорилъ съ нимъ немного и отъѣхалъ отъ берега.

Весело отправился въ Грецію Іоаннъ; грустно было плыть къ Кіеву Святославу, въ первый разъ побѣжденному! Злые печенѣги, зная, что русскихъ осталось въ живыхъ немного, ждали ихъ на берегахъ Днѣпра. Старый Свѣнельдъ, который былъ воеводой еще при Игорѣ, совѣтовалъ государю своему проѣхать сухимъ путемъ опасное мѣсто; но храбрый князь былъ часто безразсудносмѣлъ, и не смотря на то, что войско его было очень мало, пустился въ опасность. Печенѣги, которыхъ было множество на берегу, бросились на русскихъ, какъ скоро увидѣли ихъ, и гордый, безстрашный Святославъ былъ убитъ въ этомъ сраженіи! Только одинъ Свѣнельдъ и нѣсколько воиновъ спаслись и сказали кіевлянамъ о смерти государя ихъ.

Куря, князь печенѣговъ, отрубилъ голову Святославу и изъ черепа ея велѣлъ сдѣлать чашу, въ которой подавали вино на его праздникахъ.

Семейство великаго князя Святослава I Игоревича.

Супруги: 1) Гречанка, плѣнная монахиня. 2) Ключница вел. кн. Ольги *Малуша*.

Дѣти: a) Ярополкъ. b) Олегъ. c) Владиміръ.

СЫНОВЬЯ СВЯТОСЛАВА.

отъ 972 до 980 года.

(8 лѣтъ).

Святославъ, уѣзжая въ послѣдній разъ въ Болгарію, раздѣлилъ все государство свое на три части: старшему сыну *Ярополку* отдалъ Кіевъ; второму *Олегу* — землю Древлянскую; младшему *Владиміру*—Новгородъ. Это раздѣленіе имѣло несчастныя слѣдствія: вмѣсто одного государя было три въ одно время. Тамъ, гдѣ распоряжается не одинъ, а нѣсколько начальниковъ, дѣла идутъ всегда дурно, и понятно, отчего это бываетъ. Нѣсколько начальниковъ не могутъ имѣть одинакій нравъ и часто что нравится одному, то сердитъ другого, а гдѣ ссорятся старшіе, тамъ и младшіе не могутъ жить въ дружбѣ. Хотя Святославъ и приказалъ двумъ меньшимъ сыновьямъ уважать и слушаться старшаго брата Ярополка и оттого назвалъ его *великимъ княземъ* Кіевскимъ, а тѣхъ—*удѣльными князьями,* но они худо исполняли приказаніе отца, и оттого всѣ сдѣлались очень несчастливы. Вы пожалѣете о нихъ, когда услышите ихъ исторію.

Прежде всего поссорились Ярополкъ и Олегъ. Въ этомъ виноватъ былъ старый воевода Свѣнельдъ, который ненавидѣлъ Олега за то, что онъ однажды на охотѣ убилъ — можетъ быть и ненарочно — сына его *Люта.* Съ тѣхъ поръ онъ безпрестанно наговаривалъ Ярополку на Олега, и наконецъ убѣдилъ его пойти войною въ землю Древлянскую.

Олегъ, услышавъ, что братъ идетъ на него, собралъ также своихъ воиновъ, но Ярополкъ побѣдилъ ихъ и заставилъ бѣжать назадъ: въ суматохѣ они такъ тѣсно столпились на мосту у города Овруча, гдѣ жилъ Олегъ, что столкнули нечаянно князя своего въ глубокій ровъ. За нимъ упало туда множество людей и лошадей. Несчастнаго раздавили до смерти.

Ярополкъ, который, хотя былъ легковѣренъ и вѣтренъ, но совсѣмъ не имѣлъ злого сердца, хотѣлъ видѣть брата,

и ему показали тѣло его, покрытое ранами и кровію. Тогда бѣдный князь забылъ, что онъ побѣдитель: не чувствовалъ ничего, кромѣ ужасныхъ мученій совѣсти, плакалъ и рвалъ на себѣ волосы, но всею своею горестію и слезами не могъ воскресить брата.

Владиміръ, князь новгородскій, узнавъ, что Ярополкъ завоевалъ Древлянскую область, испугался и убѣжалъ изъ своей столицы къ варягамъ, въ ту землю, откуда пріѣхалъ прадѣдъ его, Рюрикъ. Ярополкъ скоро забылъ убѣжавшаго брата, а въ Новгородъ послалъ посадниковъ или намѣстниковъ своихъ, т. е. такихъ людей, которые вмѣсто него управляли этою областію.

Но Владиміръ не даромъ жилъ у варяговъ. Черезъ два года онъ набралъ тамъ сильное войско и пришелъ въ свой Новгородъ, выгналъ оттуда посадниковъ Ярополковыхъ и послалъ ихъ сказать брату, что онъ идетъ наказать его за смерть Олега. Между тѣмъ онъ зналъ, что у Ярополка была прекрасная невѣста, дочь князя полоцкаго. Рогнѣда—такъ звали ее—была такъ хороша, мила и умна, что Владиміръ никакъ не хотѣлъ уступить ее брату и сталъ свататься за ней. Но Рогнѣда уже обѣщала выйти за Ярополка: какъ же ей можно было сдѣлаться невѣстой Владиміра? Она отказала. Владиміръ такъ раздраженъ былъ этимъ отказомъ, что, пришедши съ войскомъ въ Полоцкъ, лишилъ жизни отца ея, двухъ братьевъ и женился на бѣдной Рогнѣдѣ. Каково же было ей выйти за такого человѣка, который былъ причиною смерти ея отца и братьевъ? Несчастная столько плакала и была всегда такъ печальна, что ее прозвали *Гориславою*.

Вскорѣ послѣ свадьбы Владиміръ пошелъ къ Кіеву. Ярополкъ не смѣлъ выйти съ войскомъ своимъ на встрѣчу къ брату и затворился въ городѣ. Здѣсь Ярополкъ опять потерпѣлъ оттого, что скоро слушался чужихъ совѣтовъ и, не разсуждая, вѣрилъ своимъ любимцамъ. Такъ одинъ изъ нихъ, прельщенный дарами Владиміра, посовѣтовалъ ему уйти изъ Кіева въ маленькій городокъ Родню, лежавшій близко Кіева. Только что онъ сдѣлалъ это, Владиміръ вошелъ въ Кіевъ и окружилъ войскомъ Родню. Тотъ же измѣнникъ началъ уговаривать тогда Ярополка

помириться съ братомъ и отправиться къ нему въ кіевскій дворецъ. Ярополкъ послушался и въ этомъ злодѣя: поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Кіевъ и потомъ во дворецъ брата. Только что они вошли въ сѣни, какъ два варяга бросились на несчастнаго Ярополка и умертвили его! Ужасно, ужасно слышать, что братъ погибъ въ домѣ брата своего! Но такъ часто случалось у народовъ, еще не знавшихъ Бога истиннаго, у жалкихъ идолопоклонниковъ! Они считали долгомъ мстить за обиды,—и Владиміръ, наказывая одного брата за смерть другого, вѣрно думалъ, что исполняетъ дѣло, пріятное его богамъ.

Семейство великаго князя Ярополка I Святославича.

Супруга: Гречанка, бывшая потомъ супругою брата его Владиміра.

КРЕЩЕНІЕ РУСИ.

отъ 980 до 988 года.

(8 лѣтъ).

Можно ли было ожидать, милые читатели, чтобы этотъ князь Владиміръ, бывшій виновникомъ погибели брата и несчастія бѣдной красавицы Рогнѣды, сдѣлался потомъ добрѣйшимъ государемъ и первымъ благодѣтелемъ своего народа? Вотъ какія чудеса можетъ Богъ дѣлать съ тѣми людьми, которые искренно раскаиваются и сожалѣютъ о худыхъ дѣлахъ своихъ.

Съ самаго начала своего княженія, Владиміръ старался побѣдами и славою заставить народъ свой забыть его прежнюю жизнь. Онъ завоевалъ у польскаго короля Галицію [1]) или города *Червенскіе;* побѣдилъ болгаръ, народъ жившій на берегахъ Волги; къ сѣверу—увеличилъ

---

[1]) *Поляки,* такъ же какъ и русскіе, происходятъ отъ народа *славянскаго.* Племя ихъ поселилось около рѣки *Вислы* и основало *Польское королевство. Галиція* была прежде польскою областію, а нынѣ принадлежитъ Австріи, и лежитъ у горъ Карпатскихъ.

Россію до самаго Балтійскаго моря. Кромѣ этихъ завоеваній, онъ старался прославиться и хорошими качествами: сердце его сдѣлалось добрѣе, нравъ спокойнѣе. Онъ очень любилъ народъ свой, старался о его счастіи, могъ уже не наказывать того, кто обижалъ его, могъ даже прощать самыхъ жестокихъ враговъ своихъ, въ числѣ которыхъ была супруга его, Рогнѣда-Горислава. Эта несчастная государыня такъ много печалилась, что сдѣлалась почти безумною отъ слезъ. Однажды она вздумала отмстить Владиміру за всѣ горести, какія терпѣла отъ него, и уже вошла съ ножемъ въ рукѣ въ ту комнату, гдѣ спалъ онъ крѣпкимъ сномъ. Къ счастію, Владиміръ вдругъ проснулся, и въ первую минуту гнѣва хотѣлъ наказать смертію такое злодѣйство, но, увидѣвъ слезы маленькаго сына своего Изяслава и услышавъ трогательныя слова [2]), которыми малютка просилъ помиловать мать, простилъ ее и, по совѣту бояръ, построилъ для нея на родинѣ ея, въ нынѣшней Минской губерніи, новый городъ, назвалъ его по имени сына *Изяславлемъ* и отправилъ туда ихъ обоихъ.

Чтобы успокоить совѣсть свою, которая все еще напоминала ему объ убитомъ братѣ, Владиміръ приносилъ часто жертвы своимъ богамъ и даже сдѣлалъ одинъ новый идолъ съ серебряною головою. Но могли ли утѣшить его боги безчувственные, какъ бы усердно онъ ни молился имъ? Нѣтъ, онъ начиналъ понимать, какъ и бабушка его Ольга, что такіе боги не могутъ быть богами истинными, но не зналъ, какая вѣра лучше всѣхъ: въ Кіевѣ были и магометане, и іудеи, и римскіе католики, и греки. Каждый изъ нихъ хвалилъ свою вѣру. Владиміръ, не зная, кого слушать, рѣшился отправить десять человѣкъ въ разныя земли, чтобъ узнать, какой народъ лучше всѣхъ другихъ понимаетъ Бога истиннаго. Послы его объѣздили много государствъ и болѣе всего понравилось имъ благочестіе грековъ и святое служеніе въ церквахъ ихъ. Съ восхищеніемъ разсказывали они великому князю о вѣрѣ греческой. Владиміръ радовался, что наконецъ можетъ мо-

---

[2]) Вотъ подлинныя слова Изяслава, переданныя намъ лѣтописцами: «*Отче! егда единъ жити хощеши, пріими мечъ сей, вонзи прежде въ утробу мою, да не вижу азъ смерти матери моея*».

литься Богу истинному, и предпочелъ принять христіанскую вѣру отъ грековъ.

Но знаменитому князю русскому, привыкшему всегда повелѣвать, казалось унизительно просить съ покорностію крещенія у грековъ, прежнихъ враговъ его отечества, и для того, отправляя пословъ въ Константинополь къ императорамъ Василію и Константину, онъ просилъ у нихъ не одной вѣры христіанской, но вмѣстѣ съ нею и руки сестры ихъ царевны *Анны*. Умный Владиміръ зналъ, что, сдѣлавшись братомъ императоровъ, онъ могъ уже не стыдясь называть ихъ своими просвѣтителями въ вѣрѣ истинной.

Греки, еще со временъ Олега, начали бояться храбрыхъ князей русскихъ; Владиміръ же завоевалъ уже богатый городъ ихъ, Херсонъ, и угрожалъ идти съ войскомъ къ Константинополю, если ему откажутъ въ рукѣ царевны. И такъ, императоры должны были умолять сестру свою выйти за государя русскаго. Царевна горько плакала, желая лучше умереть, нежели разстаться съ родными и отечествомъ; но Богъ призывалъ ее просвѣтить идолопоклонниковъ;—могла ли она не повиноваться Ему? Добрая царевна со слезами простилась съ братьями и отправилась на кораблѣ въ Херсонъ, гдѣ ждалъ ее женихъ. Кромѣ придворныхъ, съ нею поѣхало много священниковъ для крещенія Владиміра и земли Русской.

Народъ въ Херсонѣ съ радостію спѣшилъ на берегъ встрѣтить прекрасную невѣсту, называлъ ее своею спасительницею, дивился ея красотѣ и привѣтливости. Но великій князь, съ нетерпѣніемъ ожидавшій ее, не былъ такъ счастливъ, какъ народъ его: въ то время у него болѣли глаза, такъ что онъ ничего не видѣлъ. Онъ могъ только плакать о своемъ несчастіи и благодарить царевну за жертву, которую она сдѣлала.

Анна, какъ Ангелъ-хранитель, посланный Богомъ Владиміру, просила его тотчасъ креститься. Великій князь послушалъ совѣта благочестивой невѣсты своей, и за то щедро награжденъ былъ Богомъ: какъ скоро епископъ херсонскій и священники константинопольскіе въ церкви христіанской приступили къ совершенію крещенія Владиміра и епископъ возложилъ руку на новокрещаемаго,

больные глаза его открылись, и онъ увидѣлъ храмъ Божій, гдѣ раздавалось святое пѣніе, увидѣлъ прелестную невѣсту свою и вмѣстѣ съ нею упалъ на колѣни благодарить Бога милосерднаго и всемогущаго! О! какъ сильно онъ чувствовалъ тогда, что молился Богу истинному, а не прежнимъ идоламъ своимъ! Бояре и дружина его [1]), удивляясь такому чуду, также крестились въ вѣру христіанскую и потомъ весело праздновали свадьбу государя съ царевною.

Прекрасная Анна уже не плакала, какъ въ то время, когда уѣзжала изъ Константинополя: она, какъ усердная христіанка, радовалась, что избавила супруга своего и народъ его отъ ужаснаго несчастія быть идолопоклонниками, потому что съ тѣхъ поръ всѣ русскіе начали креститься въ вѣру христіанскую.

Когда великій князь возвратился съ молодою супругою и со всѣмъ дворомъ своимъ въ Кіевъ, то прежде всего онъ велѣлъ жечь и рубить всѣхъ идоловъ, а главнаго изъ нихъ, *Перуна* съ серебряною головою—бросить въ рѣку. Потомъ приказалъ всѣмъ кіевлянамъ явиться на другой день на берегъ Днѣпра. Тогда-то открылось чудесное, несравненное зрѣлище. Священники освятили Днѣпръ и начали крещеніе народа. Взрослые люди вошли въ воду; маленькія дѣти были на рукахъ отцовъ и матерей, между тѣмъ какъ на берегу стояли великій князь, супруга его, бояре и воины, крещенные еще въ Херсонѣ. Они стояли въ тихомъ благоговѣніи и усердно молились за новыхъ христіанъ. Въ эту торжественную минуту Владиміръ поднялъ руки къ небу и сказалъ: «Творецъ неба и земли! благослови сихъ новыхъ дѣтей Твоихъ! дай имъ познать тебя, Бога истиннаго, и утверди вѣру ихъ».

Такъ крестились предки наши, и такое усердіе къ Богу видно было не въ одномъ Кіевѣ, но и во всемъ государствѣ Русскомъ: вездѣ народъ оставлялъ идоловъ и съ радостію принималъ вѣру христіанскую.

---

[1]) Такъ называли предки наши воиновъ и тѣлохранителей княжескихъ.

ВЛАДИМІРЪ ХРИСТІАНИНЪ.

отъ 988 до 1014 года.

(26 лѣтъ).

Владиміръ послѣ крещенія еще болѣе прославился добрыми дѣлами. Онъ уже не думалъ о завоеваніи чужихъ государствъ, но всего болѣе старался о просвѣщеніи своихъ подданныхъ: заводилъ для нихъ училища, строилъ церкви, заботился какъ отецъ о всѣхъ бѣдныхъ; на княжескомъ дворѣ его они могли во всякое время получать пищу и деньги; больнымъ же, которые не могли выходить изъ домовъ своихъ, великій князь приказывалъ развозить съѣстные припасы, хлѣбъ, рыбу, медъ и даже квасъ въ бочкахъ. Онъ сдѣлался наконецъ такъ милостивъ, что самыхъ ужасныхъ злодѣевъ боялся наказывать смертію и позволялъ имъ откупаться отъ наказанія деньгами. Такое денежное наказаніе называлось: *вира*[1]), и было тяжко для преступниковъ, потому что деньги въ то время были очень рѣдки. Однимъ словомъ, всѣ добродѣтели, которыми великій князь старался загладить прежніе дурные поступки свои, были такъ велики и угодны Богу, что церковь наша назвала его *Святымъ и Равноапостольнымъ*. Онъ заслужилъ это названіе потому, что съ такимъ же усердіемъ, какъ и святые апостолы, старался просвѣщать вѣрою въ Іисуса Христа своихъ подданныхъ-идолопоклонниковъ.

Въ старости добрый Владиміръ имѣлъ большое огорченіе. Но прежде нежели вы узнаете, какое было это огорченіе, надобно вамъ разсказать о семействѣ великаго князя. Оно было очень велико, потому что до греческой царевны Анны, послѣдней супруги его, было у него еще четыре жены. Вы помните, что первою была несчастная Рогнѣда. Отъ нея онъ имѣлъ четырехъ сыновей: *Изяслава*,

---

[1]) Однакожъ Владиміръ скоро отмѣнилъ эту *виру*, потому что священники объяснили ему, что Богъ не только позволяетъ, но даже велитъ наказывать дурныхъ людей, чтобы они не обижали добрыхъ.

Мстислава, Ярослава, Всеволода. Отъ трехъ другихъ: *Вышеслава, Святослава, Мстислава, Бориса* и *Глѣба.* Кромѣ того, онъ еще усыновилъ *Святополка,* сына убитаго брата своего Ярополка. Владиміръ называлъ этого племянника старшимъ сыномъ своимъ, потому что всѣ родныя дѣти его были моложе Святополка.

Всѣ эти князья были еще маленькіе, когда Владиміръ сдѣлалъ ихъ намѣстниками своими въ разныхъ областяхъ государства и послалъ ихъ туда съ умными воспитателями, которыхъ называли тогда *пѣстунами.* Имъ приказалъ Владиміръ управлять областями, пока выростутъ сыновья его. Прошло много лѣтъ: всѣ маленькія дѣти Владиміра сдѣлались храбрыми князьями. Одинъ изъ нихъ, Ярославъ, управлялъ Новгородомъ. Новгородцы, еще во время малолѣтства Святослава, почитались народомъ безпокойнымъ, и только умная княгиня Ольга могла усмирить ихъ гордость. При Владимірѣ они забыли опять долгъ свой къ государю и захотѣли быть вольными. Ярославъ вмѣсто того, чтобы удержать непослушныхъ подданныхъ своего отца и государя отъ такого дурного поступка, взялъ ихъ сторону и послалъ сказать Владиміру, что Новгородъ не намѣренъ болѣе платить ему обыкновенную дань и не хочетъ быть подъ его властію. Вы можете представить себѣ, каково было Владиміру услышать извѣстіе, что одинъ изъ старшихъ сыновей его осмѣлился не повиноваться ему! Тогда-то онъ узналъ, что не должно было раздѣлять Россію на многіе удѣлы, тогда-то онъ почувствовалъ, какія ссоры и несогласія начнутся послѣ смерти его! Эти размышленія о несчастіи любезнаго отечества, безъ сомнѣнія, были очень горестны для души Владиміра: онъ занемогъ и вскорѣ потомъ скончался въ загородномъ дворцѣ своемъ Берестовѣ. Народъ неутѣшно плакалъ о добромъ государѣ, бѣдные—о благодѣтелѣ! Долго разсказывали и въ Россіи, и въ чужихъ земляхъ о славномъ княженіи великаго князя Владиміра I; много говорили о богатыхъ пирахъ его и славныхъ богатыряхъ его времени. Изъ приключеній ихъ сочиняли даже много сказокъ и теперь еще добрые крестьяне наши съ удовольствіемъ читаютъ эти сказки и дивятся силѣ

Ильи Муромца, Добрыни Новгородскаго, Рогдая и другихъ богатырей Владиміра. Сказки, при всѣхъ несообразностяхъ своихъ, много помогаютъ исторіи, потому что изъ нихъ можно видѣть нравы и обычаи того времени: напримѣръ, въ сказкахъ о богатыряхъ Владиміра мы видимъ, что онъ очень любилъ храбрыхъ воиновъ своихъ, что онъ щедро награждалъ вѣрную службу ихъ, что давалъ для нихъ веселые праздники во дворцѣ своемъ. Въ одномъ изъ *Посланій* [1]) Жуковскаго есть описаніе, прекрасно изображающее время Владиміра со многими особенностями, отличавшими это славное княженіе. Здѣсь вы услышите и о богатыряхъ его, и о многихъ чудахъ и чудесахъ, которымъ вѣрили наши добродушные предки, услышите и пѣсню, которую пѣла одна изъ княгинь русскихъ, проводившая супруга своего на войну и горько плакавшая о немъ; услышите.... Но зачѣмъ говорить вамъ напередъ,— вотъ читайте. Поэтъ видитъ передъ собою давно минувшія времена:

«...Я вижу древни чудеса:
Вотъ наше Солнышко-краса
Владиміръ-князь съ богатырями;
Вотъ Днѣпръ кипитъ между скалами;
Вотъ златоверхій Кіевъ градъ;
И бусурмановъ тьмы, какъ пруги,
Вокругъ зубчатыхъ стѣнъ кипятъ;
Сверкаютъ шлемы и кольчуги;
Отъ кликовъ, топота коней,
Отъ стука палицъ, свиста пращей
Далеко слышенъ гулъ дрожащій;
Вотъ дивной облеченъ броней,
Добрыня, богатырь могучій;
И конь его Златокопытъ;
Чрезъ степи и лѣса дремучи
Не скачетъ витязь, а летитъ,
Громя Зилантовъ и Полкановъ,
И вѣдьмъ, и чудь, и великановъ;
И втайнѣ дѣвица-краса
За дальни степи и лѣса
Вослѣдъ ему летитъ душою,
Склоняся на руку главою
На путь изъ терема глядитъ,

[1]) Къ Воейкову.

И такъ въ раздумьи говоритъ:
«О вѣтеръ, вѣтеръ! что ты вьешься?
Ты не отъ милаго несешься,
Ты не принесъ веселья мнѣ;
Играй съ касаткой въ вышинѣ,
По поднебесью, съ облаками,
По синю морю съ кораблями —
Стрѣлу пернатую отвѣй
Отъ друга-радости моей» [1]).
Краса-дѣвица ноетъ, плачетъ,
А другъ по доламъ, холмамъ скачетъ,
Летя за тридевять земель;
Ему сыра-земля постель;
Возглавье—щитъ; ночлегъ—дубрава;
Тамъ бьется съ Бабою-Ягой;
Тамъ изъ ручья съ живой водой,
Подъ стражемъ змѣя шестиглава,
Кувшиномъ черпаетъ златымъ;
Тамъ машетъ дубомъ передъ нимъ
Косматый людоѣдъ Дубыня;
Тамъ заслоняетъ путь Горыня;
И вотъ внезапно занесенъ
Въ жилище чародѣевъ онъ:
Предъ нимъ чернѣетъ лѣсъ ужасной,
Сіяетъ блескъ въ дали прекрасной,—
Чѣмъ ближе онъ, тѣмъ далѣ свѣтъ;
То тяжкій филина полетъ,
То врановъ раздается рокотъ;
То слышится русалки хохотъ;
То вдругъ изъ-за сѣдого пня
Выходитъ лѣшій козлоногій;
И вдругъ стоятъ предъ нимъ чертоги,
Какъ будто слиты изъ огня—
Дворецъ волшебный Царь-Дѣвицы».

Не правда ли, милые читатели мои, много чудесъ было въ княженіе *Краснаго - Солнышка?* — такъ народъ называлъ Владиміра. Эти чудеса, увеличиваясь въ разсказахъ, переходившихъ отъ одного поколѣнія къ другому, разливаютъ какой-то поэтическій свѣтъ на всѣ приключенія того отдаленнаго времени. Не только важнѣйшія изъ нихъ, которыми было такъ богато княженіе Владиміра I, но даже и обыкновенныя, какъ, напр., пиры и

[1]) Плачъ Ярославны — изъ древнѣйшаго стихотворенія русскаго «*Слово о полку Игоревѣ*».

праздники при дворѣ его, имѣли въ себѣ что-то особенное. На этихъ праздникахъ великій князь и семейство его угощали отъ души гостей своихъ, и не сердились даже и тогда, какъ эти гости отъ большихъ кружекъ вина и меда дѣлались очень веселы и говорили смѣло все, что̀ думали. Такъ однажды они сказали, что стыдно славному государю русскому подавать за столомъ своимъ деревянныя ложки. Владиміръ, услышавъ это, приказалъ сдѣлать для нихъ серебряныя и сказалъ при этомъ случаѣ: «*Серебромъ и золотомъ не достанешъ вѣрной дружины, а съ нею я достану много серебра и золота*».

Вы видите, какъ государи русскіе были всегда добры и ласковы къ своимъ подданнымъ. Вы съ восхищеніемъ смотрите теперь, когда государь милостиво разговариваетъ въ лагерѣ подъ Петергофомъ съ маленькими кадетами или заслуженными воинами; вы удивляетесь этой рѣдкой снисходительности и, можетъ быть, думаете, что прежде никогда этого не бывало. Нѣтъ, друзья мои, любовь къ народу была всегда врожденнымъ чувствомъ нашихъ государей. Но зато какъ и народъ всегда любилъ ихъ! Вы, вѣрно, замѣтили это въ то время, когда читали, что воины Святослава хотѣли съ радостію умереть вмѣстѣ съ нимъ при Доростолѣ. Вы замѣтили это и тогда, какъ по одному повелѣнію Владиміра весь народъ крестился въ вѣру христіанскую и изъ любви къ государю рѣшился оставить прежнихъ боговъ своихъ. Вы увидите эту любовь и потомъ во все продолженіе нашей исторіи; вы найдете ее и въ молоденькихъ сердцахъ вашихъ, которыя такъ сильно и весело бьются всякій разъ, когда вамъ случается видѣть прекрасныхъ дѣтей нашего добраго Государя! Въ привѣтливыхъ поклонахъ, въ ласковыхъ взорахъ ихъ видите вы ясный отвѣтъ на любовь вашу. Берегите же эту взаимную любовь: въ ней заключается счастіе жизни вашей и слава отечества вашего?

Семейство великаго князя Владиміра I Святославича.

Супруги: 1) Чехиня. 2) Рогнѣда, княжна полоцкая. 3) Гречанка, вдова Ярополка. 4) Чехиня вторая. 5) Болгарка. 6) Анна, греческая царевна.

Сыновья: a) Святополкъ. b) Вышеславъ. c) Изяславъ. d) Ярославъ. e) Всеволодъ. f) Святославъ. g) Станиславъ. h) Позвиздъ. i) Борисъ. j) Глѣбъ. k) Мстиславъ. l) Судиславъ.

СВЯТОПОЛКЪ ОКАЯННЫЙ.

отъ 1015 до 1019 года.

(4 года).

То, что предчувствовалъ Владиміръ предъ смертію своею, исполнилось: несчастія дѣтей его и земли Русской начались прежде, нежели его похоронили. Племянникъ его Святополкъ, котораго онъ называлъ старшимъ сыномъ своимъ, былъ во время кончины въ Кіевѣ. Этотъ гордый, злой и хитрый князь не могъ никогда простить Владиміру убіеніе отца своего Ярополка и, не смотря на всѣ благодѣянія, которыми великій князь осыпалъ его и которыми старался загладить преступленіе своей молодости, Святополкъ оставался всегда непримиримымъ врагомъ дяди. Какъ скоро онъ узналъ о смерти его, тотчасъ объявилъ народу, что онъ государь кіевскій, и отправилъ четырехъ злодѣевъ убить Бориса, любимаго сына Владимірова, котораго отецъ незадолго передъ кончиною послалъ съ войскомъ усмирять печенѣговъ.

Борисъ былъ молодой человѣкъ, прекрасный душою и тѣломъ, кроткій, благочестивый, умный и храбрый. Уже онъ усмирилъ печенѣговъ и стоялъ съ войскомъ въ лагерѣ при рѣкѣ Альтѣ, когда получено было извѣстіе о смерти Владиміра и о новомъ государѣ кіевскомъ, Святополкѣ. Огорченный Борисъ плакалъ о нѣжно-любимомъ отцѣ, молился о душѣ его и не думалъ обижаться тѣмъ, что двоюродный братъ его завладѣлъ престоломъ; напротивъ того, онъ даже молился за него въ ту самую минуту, когда убійцы были уже въ лагерѣ и подошли къ палаткѣ его. Они услышали нѣжный голосъ Бориса, читавшаго молитвы, и задрожали такъ, что должны были остановиться

отъ страха. Но голосъ скоро замолкъ: Борисъ кончилъ молитву и легъ въ постель. Тогда злодѣи сдѣлались опять смѣлы: они вбѣжали въ палатку, убили добраго князя и вѣрнаго отрока [1]) его Георгія. Святополкъ наградилъ четырехъ убійцъ, которые такъ удачно исполнили его порученіе и, можетъ быть, ихъ же отправилъ къ другому сыну Владимірову, князю муромскому Глѣбу. И этотъ князь, во всемъ похожій на брата своего Бориса и искреннѣйшій другъ его, былъ также убитъ подкупленнымъ злодѣемъ, который назывался *Торчинъ*. Тѣло его положено было вмѣстѣ съ тѣломъ Бориса, и оба брата признаны церковью нашею *святыми*.

Но для жестокаго Святополка казалось еще мало погубить двухъ братьевъ: онъ приказалъ убить и третьяго, Святослава, князя древлянскаго. Такія злодѣйства не могли оставаться долго безъ наказанія. Ярославъ, князь новгородскій, отмстилъ убійцѣ трехъ братьевъ своихъ. Онъ нанялъ варяговъ и вмѣстѣ съ ними и новгородцами пришелъ къ Кіеву, и на берегахъ Альты, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погибъ святый Борисъ, побѣдилъ жестокосердаго брата своего.

Святополкъ убѣжалъ далеко изъ отечества, въ густые лѣса Богеміи, но и тамъ сдѣланныя имъ преступленія безпрестанно представлялись ему; мысль о нихъ такъ мучила совѣсть его, что наконецъ онъ лишился разсудка и умеръ на чужой сторонѣ, безъ родныхъ и друзей. Никто не плакалъ и даже не сожалѣлъ объ этомъ несчастномъ князѣ, и всѣ назвали его *Окаяннымъ*.

Семейство великаго князя Святополка I Владиміровича.

Супруга: Дочь короля польскаго Болеслава I.

---

[1]) *Отроками* назывались молодые тѣлохранители князей.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ I ВЛАДИМІРОВИЧЪ.

отъ 1019 до 1054 года.

(35 лѣтъ).

Ярославъ Новгородскій, побѣдивъ Святополка, вошелъ въ Кіевъ и сдѣлался одинъ великимъ княземъ почти всей Руси. Только два княжества не принадлежали ему: *Тмутораканское,* лежавшее на берегу Азовскаго моря, и *Полоцкое.* Въ первомъ княжилъ послѣдній, оставшійся въ живыхъ братъ его Мстиславъ, прозванный *Удалымъ,* а Полоцкою областью владѣли дѣти старшаго брата его Изяслава, того самаго, который, будучи еще ребенкомъ, спасъ мать свою Рогнѣду отъ гнѣва государева и смерти.

Мстислава недаромъ называли *Удалымъ:* онъ былъ очень храбръ, силенъ и любилъ войну. Народы, жившіе около владѣній его, скоро испытали это: онъ побѣдилъ хозаровъ, касоговъ. Прослывъ знаменитымъ побѣдителемъ, Мстиславъ думалъ, что уже стыдно быть государемъ одной только Тмутораканской области и пошелъ съ покоренными народами къ Кіеву. Ярославъ прибѣгнулъ опять къ храбрымъ помощникамъ своимъ варягамъ, и вмѣстѣ съ ними и съ своею собственною дружиною встрѣтилъ брата у города *Листвена,* въ Черниговской губерніи. Началось сраженіе. Богъ, какъ будто бы для того, чтобъ показать, какъ гнѣвитъ Его ссора двухъ братьевъ, покрылъ все небо черными тучами; яркія молніи безпрестанно сверкали, дождь съ шумомъ лилъ на сражавшихся. Но они ничего не видали и не слыхали: всѣ мысли ихъ были заняты битвою. И зато эта битва была отчаянная. Оба войска были храбры, ни одно не хотѣло уступить другому побѣды; наконецъ, однакожъ, Мстиславъ, никогда не знавшій неудачъ, и въ этотъ разъ остался побѣдителемъ. Но онъ не поступилъ такъ, какъ поступали въ то время всѣ люди храбрые и сильные: онъ не воспользовался своимъ счастіемъ, не присвоилъ себѣ всего владѣнія брата, но предложилъ ему помириться и раздѣлить Русь на двѣ

части: Ярославу, какъ старшему, онъ отдалъ *Кіевъ;* себѣ взялъ *Черниговъ.* Днѣпръ былъ границею между владѣніями ихъ; всѣ земли, лежавшія по лѣвую сторону этой рѣки, принадлежали Мстиславу; всѣ другія, на правой сторонѣ— Ярославу.

Настало спокойное время для земли Русской: примирившіеся братья уже никогда болѣе не ссорились, но оба старались о счастіи своихъ подданныхъ. Чрезъ десять лѣтъ послѣ ихъ примиренія Мстиславъ заболѣлъ и скоро скончался. Послѣ него не осталось наслѣдниковъ и Ярославъ, получивъ въ свое владѣніе всю часть брата, сдѣлался одинъ государемъ Руси.

Въ его княженіе отечество наше очень прославилось: онъ былъ князь умный, храбрый, богобоязливый, справедливый, который старался не столько о завоеваніяхъ и побѣдахъ, сколько о счастіи своего народа, и какъ онъ зналъ, что нельзя быть счастливымъ безъ вѣры въ Іисуса Христа и просвѣщенія, то старался, чтобы подданные его были истинными христіанами, велѣлъ переводить священныя книги съ греческаго на славянскій языкъ, даже списывалъ самъ многія изъ нихъ для народнаго употребленія; заводилъ училища въ городахъ своихъ; уговаривалъ подданныхъ отдавать туда дѣтей; вызывалъ изъ иностранныхъ государствъ художниковъ для украшенія церквей и дворцевъ кіевскихъ; собралъ всѣ законы, по которымъ предки его управляли землею Русскою, и приказалъ написать ихъ: это была первая книга законовъ русскихъ; она есть еще и теперь и называется *Русскою Правдою.* Однимъ словомъ, слава имени Ярославова была такъ велика, что и отдаленные государи уважали знаменитаго князя русскаго и считали честію быть его союзниками и родственниками: король французскій Генрихъ I женился на одной изъ дочерей его, княжнѣ *Аннѣ;* другая была за королемъ венгерскимъ, а третья за Гаральдомъ Смѣлымъ, принцемъ норвежскимъ, бывшимъ впослѣдствіи королемъ норвежскимъ.

Замужество этой послѣдней княжны соединялось съ обстоятельствами, особенно любопытными въ отношеніи историческомъ и доказывающими, какое почетное мѣсто

занималъ Ярославъ между государями тогдашней Европы. Гаральдъ въ первой молодости своей оставилъ отечество и пріѣхалъ служить ко двору Ярослава. Въ это время у великаго князя русскаго были три прелестныя дочери: *Елисавета, Анна и Анастасія.* Молодой принцъ восхищенъ былъ первою, но, едва начиная службу свою, не успѣвъ еще отличиться знаменитыми подвигами, онъ не смѣлъ думать о рукѣ ея: государь, столь могущественный какъ Ярославъ, могъ обѣщать дочь свою только такому принцу, который извѣстенъ былъ своею славою. И вотъ Гаральдъ рѣшился заслужить эту славу, и для того прежде всего отправился въ Константинополь и тамъ вступилъ въ службу императора восточнаго; потомъ въ Африкѣ и Сициліи воевалъ съ невѣрными; былъ въ Іерусалимѣ для поклоненія святымъ мѣстамъ и черезъ нѣсколько лѣтъ, покрытый славою, возвратился въ Россію и получилъ награду, для которой подвергался всѣмъ опасностямъ, — получилъ руку великой княжны. Гаральдъ не только былъ герой, — что доказываетъ названіе его: *Смѣлый*, — но и поэтъ: во время походовъ своихъ онъ сочинилъ нѣсколько пѣсенъ, въ которыхъ трогательно выражается печаль его о разлукѣ съ прекрасною княжною русскою. Одну изъ этихъ пѣсенъ *Батюшковъ* перевелъ съ норвежскаго на русскій языкъ. Здѣсь Гаральдъ, еще не увѣренный въ благосклонности къ нему Елисаветы, тоскуетъ о томъ, что она презираетъ, его и въ то же время описываетъ свои смѣлые подвиги. Очень любопытно послушать его.

Пѣснь Гаральда Смѣлаго.

Мы, други, летали по бурнымъ морямъ,
Отъ родины милой летали далеко!
На сушѣ, на морѣ, мы бились жестоко;
И море, и суша покорствуютъ намъ.
О, други! какъ сердце у смѣлыхъ кипѣло,
Когда мы, содвинувъ стѣной корабли,
Какъ птицы неслися станицей веселой
Вкругъ пажитей тучныхъ Сиканской земли!..
А дѣва русская Гаральда презираетъ!

О, други! я младость не праздно провелъ.
Съ сынами Дронтгейма вы помните сѣчу?

Какъ вихорь предъ вами я мчался на встрѣчу
Подъ камни и тучи свистящія стрѣлъ.
Напрасно сдвигались народы; мечами
Напрасно о наши стучали щиты:
Какъ блѣдные класы подъ ливнемъ упали
И всадникъ, и пѣшій; владыка, и ты!
А дѣва русская Гаральда презираетъ!

Насъ было лишь трое на легкомъ челнѣ;
А море вздымалось, я помню, горами:
Ночь черная въ полдень нависла съ громами
И Гела сіяла въ соленой волнѣ.
Но волны, напрасно яряся, хлестали:
Я черпалъ ихъ шлемомъ, работалъ весломъ...
Съ Гаральдомъ, о други! вы страха не знали,
И въ мирную пристань влетали съ челномъ.
А дѣва русская Гаральда презираетъ!

Вы, други, видали меня на конѣ?
Вы зрѣли, какъ рушилъ сѣкирой твердыни,
Летая на бурномъ питомцѣ пустыни
Сквозь пепелъ и вьюгу въ пожарномъ огнѣ?
Желѣзомъ я ноги мои окрыляя
И лань упреждая по звонкому льду,
Я хладную влагу рукой разсѣкая,
Какъ лебедь отважный по морю иду.
А дѣва русская Гаральда презираетъ!

Я въ мирныхъ родился полночи снѣгахъ,
Но рано отбросилъ доспѣхи ловитвы—
Лукъ грозный и лыжи, и въ шумныя битвы
Васъ, други, съ собою умчалъ на судахъ.
Не тщетно за славой летали далеко
Отъ милой отчизны по дикимъ морямъ;
Не тщетно мы бились мечами жестоко:
И море, и суша покорствуютъ намъ!
А дѣва русская Гаральда презираетъ!

Казалось, что Ярославъ, видѣвшій собственными глазами, что Русь только тогда можетъ быть сильна и счастлива, когда управляется однимъ государемъ, никогда уже не раздѣлитъ ее на нѣсколько частей, но случилось иначе: и Ярославъ, удивлявшій всѣхъ своимъ благоразуміемъ отдалъ государство пятерымъ сыновьямъ своимъ! Онъ думалъ, что родительскія наставленія его удержатъ ихъ отъ ссоръ даже и тогда, когда его не будетъ на свѣтѣ,

и потому предъ смертію долго говорилъ съ ними; напомнилъ имъ, сколько несчастій терпѣли предки ихъ отъ несогласій; просилъ ихъ не забывать, что они всѣ, какъ дѣти одного отца и матери, должны искренно любить другъ друга; приказалъ имъ слушаться во всемъ старшаго брата какъ отца и государя, и умеръ спокойно, думая, что они никогда не забудутъ завѣщанія родительскаго.

Ему было болѣе семидесяти лѣтъ. Народъ искренно плакалъ о славномъ государѣ, который такъ много заботился о его пользахъ и счастіи; но всѣхъ болѣе плакали новгородцы: Ярославъ особенно любилъ ихъ за вѣрную службу и привязанность къ нему. Онъ далъ имъ многія преимущества, какихъ не имѣли другіе подданные его, и даже позволилъ имъ самимъ выбирать князей своихъ. Прошло много вѣковъ — и новгородцы все еще помнили и любили незабвеннаго князя своего; все еще пользовались тѣми выгодами, какія онъ доставилъ имъ; все еще называли *Дворомъ Ярослава* то мѣсто, гдѣ собирались для совѣта о дѣлахъ своихъ.

Семейство великаго князя Ярослава I Владиміровича.

Супруга: Ингегерда, королевна шведская, въ крещеніи *Ирина.*

Сыновья: 1) Владиміръ. 2) Изяславъ. 3) Святославъ. 4) Всеволодъ. 5) Вячеславъ. 6) Игорь.

КУДЕСНИКИ.

отъ 1055 до 1077 года.

(23 года).

Вѣрно никто изъ васъ, милыя дѣти, не повѣритъ теперь глупымъ сказкамъ о колдунахъ и волшебникахъ, еслибы и вздумалось какой нибудь простодушной нянюшкѣ или шалуну-товарищу попугать васъ ими? Вѣрно всѣ вы понимаете уже, что чудесныя шутки, которыми

удивляютъ насъ въ деревянныхъ театрахъ у качелей на масляницѣ и Святой недѣлѣ, дѣлаются проворствомъ и ловкостiю, а не волшебствомъ. Но не такъ разсудительны были въ этомъ случаѣ предки наши. Всякiй хитрый человѣкъ, который зналъ болѣе ихъ и умѣлъ пользоваться ихъ незнанiемъ, могъ обмануть и напугать ихъ. Однакожъ мы не должны осуждать ихъ за это. Теперь намъ не мудрено не быть суевѣрными: съ самыхъ малыхъ лѣтъ насъ учатъ, что есть Богъ, Который заботится какъ отецъ о всѣхъ людяхъ, что подъ защитою Его и не дѣлая ничего дурного, мы ничего не должны бояться, что никакихъ волшебниковъ и колдуновъ нѣтъ на свѣтѣ. Но добрые предки наши могли думать иначе: тогда еще не прошло ста лѣтъ, какъ они начали креститься изъ прежней, языческой вѣры своей въ христiанскую; а эта прежняя вѣра ихъ была наполнена такими вздорными сказками, что совсѣмъ неудивительно, если, привыкнувъ съ малолѣтства вѣрить имъ, они вѣрили и колдунамъ. Конечно, русскiе начали просвѣщаться съ тѣхъ поръ, какъ узнали вѣру въ Iисуса Христа; но скоро ли это просвѣщенiе могло разойтиться по всему отечеству нашему? Оно всегда было очень велико, и долго еще въ разныхъ областяхъ его были безразсудные люди, вѣрившiе разсказамъ о прежнихъ, славныхъ волшебникахъ, которые у язычниковъ были въ величайшемъ почтенiи. Дурные люди пользовались этимъ легковѣрiемъ и, называя себя кудесниками или колдунами, безсовѣстно обманывали бѣдный народъ, который, чтобъ избавиться отъ колдовства ихъ, отдавалъ имъ съ радостiю все, что имѣлъ лучшаго.

Но самые злые изъ такихъ обманщиковъ были два злодѣя, называвшiе себя кудесниками и явившiеся около 1070 года въ городѣ Ростовѣ, во время случившагося тамъ голода. Они увѣряли людей, будто бы голодъ происходитъ отъ того, что женщины скрываютъ въ тѣлахъ своихъ хлѣбъ, рыбу и медъ. Можно ли представить себѣ, что нашлось множество людей, которые повѣрили такимъ глупостямъ и, почитая многихъ несчастныхъ женщинъ колдуньями, мучили и убивали ихъ.

Къ счастію, въ то самое время, когда эти два злодѣя дѣлали такіе ужасы въ Ростовской области, пріѣхалъ туда храбрый и умный воевода Янъ, сынъ славнаго Вышаты, полководца Ярославова. Онъ услышалъ о злыхъ кудесникахъ и велѣлъ представить ихъ къ себѣ; но они испугались его и убѣжáли въ Бѣлозерскъ. Онъ поѣхалъ и туда за ними. Бѣлозерскіе жители, видно, были умнѣе ростовскихъ: они не побоялись схватить колдуновъ и представили ихъ къ Яну.

Янъ долго разговаривалъ съ ними; старался вразумить ихъ, какой страшный грѣхъ они дѣлали, губя беззащитныхъ женщинъ; но, видя упрямство, съ которымъ они спорили съ нимъ, и злость, съ которою защищали прежнихъ боговъ своихъ, Янъ, для общаго спокойствія, приказалъ повѣсить ихъ. На другой день медвѣдь взлѣзъ на дерево, гдѣ они были повѣшены, и съѣлъ тѣла ихъ.

Еще одинъ кудесникъ явился въ Новгородѣ въ то время, когда тамъ былъ князь молодой и благочестивый Глѣбъ, сынъ Святослава Ярославича. Этотъ новый кудесникъ отговаривалъ людей креститься въ вѣру христіанскую, и успѣлъ такъ прельстить чудесами своими новгородцевъ, что они собрались на главной городской площади и хотѣли убить епископа, т. е. начальника всего духовенства въ Новгородѣ. Епископъ же не испугался, но взялъ въ руки крестъ и вышелъ къ народу, спрашивая: «*Кто за него, и кто со мною?*» Князь Глѣбъ, видя, что никто изъ народа нейдетъ прикладываться къ кресту, подошелъ очень близко къ колдуну и спросилъ у него: «Знаешь ли ты, что будетъ завтра?» — Все знаю, отвѣчалъ кудесникъ. — «Стало быть, ты знаешь и то, что случится съ тобою сегодня?» спросилъ опять князь. — Я сдѣлаю много чудесъ! — вскричалъ мнимый волшебникъ. Въ эту самую минуту Глѣбъ разсѣкъ ему голову топоромъ. Рѣшительность смѣлаго князя спасла отъ многихъ несчастій народъ, который, увидѣвъ собственными глазами безсиліе мнимаго колдуна и славу князя, вѣрившаго истинному Богу, понялъ обманщика и спокойно разошелся по домамъ. Этотъ примѣчательный случай старинной Россіи нашей разсказанъ вполнѣ Языковымъ:

На мѣстѣ священномъ, гдѣ съ дѣдовскихъ дней.
Счастливый дарами природы,
Народъ Ярославовъ, на волѣ своей,
Себѣ избираетъ и ставитъ князей,
Полкамъ назначаетъ походы
И жалуетъ миромъ сосѣдей враговъ,
Толпятся: кудесникъ явился изъ Чуди...
Къ нему-то съ далекихъ и ближнихъ концовъ
Стеклись любопытные люди.
И старецъ-кудесникъ, съ соблазномъ въ устахъ,
Въ толпу изъ толпы переходитъ;
Народу о черныхъ крылатыхъ духахъ,
О многихъ и страшныхъ своихъ чудесахъ
Твердитъ и руками разводитъ;
Святителей, церковь и святость мощей,
Христа и Пречистую Дѣву поноситъ;
Онъ сдѣлаетъ чудо—и добрыхъ людей
На чудо пожаловать проситъ.
Онъ сладко, хитро празднословитъ и лжетъ,
Смущаетъ умы и морочитъ:
Ужъ онъ-то потѣшитъ великій народъ,
Ужъ онъ-то, кудесникъ, чрезъ Волховъ пойдетъ
Водой—и ноги не замочитъ.
Вотъ вышелъ епископъ Θеодоръ съ крестомъ
Къ народу; — народъ отъ него отступился;
Лишь князь со своимъ правовѣрнымъ полкомъ
Къ святому кресту приложился.
И вдругъ къ соблазнителю твердой стопой
Подходитъ онъ, грозенъ и пылокъ:
«Кудесникъ! скажи мнѣ, что будетъ съ тобой?»
Замялся кудесникъ—и самъ онъ не свой,
И жмется, и чешетъ затылокъ.
— Я сдѣлаю чудо. — «Безумный старикъ,
Солгалъ ты!» и княжеской дланью своею
Онъ поднялъ топоръ свой тяжелый и вмигъ
Чело раздвоилъ чародѣю».

Были и такіе дурные люди, которые пугали народъ разными глупыми предвѣщаніями, напримѣръ говорили: будто бы земля перевернется, рѣки начнутъ течь назадъ и всѣ земли перейдутъ изъ одного мѣста въ другое, такъ что гдѣ была Россія — тамъ будетъ Греція, а гдѣ была Греція — тамъ будетъ Россія. Иные люди смѣялись надъ такими предсказаніями, другіе вѣрили имъ и тревожились, потому что въ тѣ времена думали, что всякое необыкновенное происшествіе предвѣщало что нибудь дур-

ное. Эта несправедливая мысль утвердилась въ народѣ еще болѣе въ то несчастное время, когда послѣ смерти Ярослава отечество наше опять раздѣлилось и страдало отъ безпрестанныхъ ссоръ князей своихъ. То въ одной области люди гибли отъ войны за какую нибудь небольшую обиду, сдѣланную государю ихъ братомъ его; то въ другой—отъ набѣга сосѣднихъ народовъ, которые умѣли пользоваться слабостію несогласныхъ жителей; то въ третьей — отъ голода; а этотъ голодъ очень часто случался оттого, что всѣ взрослые люди уходили на войну и некому было обработывать полей. Такія несчастія могли быть предсказаны предкамъ нашимъ не одними хитрыми обманщиками, но каждымъ человѣкомъ, видѣвшимъ, что государствомъ ихъ правило пять государей. Изъ этихъ пяти сыновей Ярославовыхъ, которыхъ имена были: *Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Игорь* и *Вячеславъ*, старшій, Изяславъ, былъ великимъ княземъ, другіе же четверо—удѣльными князьями. Кромѣ того, вы помните, было еще особенное княжество Полоцкое, принадлежавшее потомкамъ Рогнѣды или Гориславы. Въ это время былъ тамъ государемъ молодой и храбрый Всеславъ.

Всѣ эти шесть государей русскихъ жили очень несогласно другъ съ другомъ. Всеславъ ненавидѣлъ родственниковъ своихъ и называлъ себя законнымъ наслѣдникомъ великаго княжества, потому что дѣдушка его былъ старшій сынъ св. Владиміра. Ярославичи также ссорились другъ съ другомъ за наслѣдственныя области: каждому хотѣлось имѣть болѣе другихъ. Великій князь Изяславъ принужденъ былъ даже два раза бѣжать изъ Россіи и просить помощи у чужихъ государей. Онъ возвратился въ отечество только тогда, какъ уже изъ четырехъ братьевъ его остался въ живыхъ только одинъ, Всеволодъ. Этотъ добрый братъ, узнавъ о возвращеніи Изяслава, встрѣтилъ его съ войскомъ, какъ государя, далеко отъ столицы, привезъ съ торжествомъ въ Кіевъ, уступилъ ему великое княженіе и самъ доволенъ былъ только Черниговскою областію.

Но несчастный Изяславъ ненадолго успокоился: черезъ годъ послѣ возвращенія своего въ отечество онъ

убитъ былъ въ сраженіи съ племянниками: Олегомъ Святославичемъ и Борисомъ Вячеславичемъ.

Семейство великаго князя Изяслава Ярославича.

Супруга: королевна польская *Мечислава.*
Сыновья: 1) Мстиславъ. 2) Михаилъ. 3) Ярополкъ. 4) Юрій.

ССОРЫ КНЯЗЕЙ.

отъ 1077 до 1097 года.

(20 лѣтъ).

Вы, конечно, удивляетесь, читатели мои, что великій князь Изяславъ Ярославичъ погибъ въ сраженіи съ племянниками? Но, къ несчастью, это была правда: примѣру отцовъ слѣдовали и дѣти; какъ несогласно жили между собою сыновья Ярослава, такъ точно и внуки его. Самые примѣчательные изъ нихъ были: *Святополкъ,* сынъ Изяслава, *Олегъ* и *Давидъ,* сыновья Святослава, *Владиміръ,* сынъ Всеволода; *Давидъ*—Игоря; *Борисъ* — Вячеслава и еще внуки шестого сына Ярославова, умершаго въ молодыхъ лѣтахъ: *Володарь* и *Василько* Ростиславичи.

Знаменитѣйшимъ изъ этихъ князей были: *Олегъ* и *Владиміръ.* Богъ одарилъ ихъ самыми хорошими способностями: они были очень умны, храбры, великодушны. Владиміръ получилъ даже за военныя заслуги свои названіе *Мономаха.* Это значитъ по-гречески: *единоборецъ.* Впослѣдствіи вы еще болѣе услышите объ этомъ славномъ князѣ. Но всѣ достоинства его и Олега много теряли оттого, что они не любили другъ друга и жили совсѣмъ не такъ, какъ должны бы жить братья. Это же можно сказать и о всѣхъ другихъ князьяхъ русскихъ того времени. Главною причиною несогласія ихъ были споры за удѣлы и то, что младшимъ поколѣніямъ князей вовсе не давалось удѣловъ. Оттого и зачинщиками споровъ были чаще всего младшіе; но нельзя слишкомъ

много обвинять ихъ, потому что нерѣдко сами отцы и дяди ихъ поступали несправедливо. Такъ, Изяславъ и Всеволодъ лишили нѣкоторыхъ изъ молодыхъ племянниковъ своихъ наслѣдныхъ владѣній отцовъ ихъ. Обиженные князья удалились въ отдаленную область Тмутораканскую и думали, какъ бы отмстить дядямъ за обиду. Скоро они нашли къ тому средство.

Вы помните страшныхъ печенѣговъ, которые дѣлали столько зла нашимъ предкамъ при Игорѣ и Святославѣ? Со временъ св. Владиміра, прогнавшаго ихъ далеко отъ своего государства, не слышно было объ этихъ непримиримыхъ врагахъ Россіи; но при Изяславѣ I Ярославичѣ явился на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они жили, другой народъ одного съ ними племени и одинакихъ свойствъ. Этотъ народъ были — половцы. Они были такъ же злы, такъ же дики и необразованы, какъ печенѣги. Всякій, кому нужны были безжалостные воины, могъ нанимать ихъ, и за деньги они готовы были драться даже съ родными братьями.

Вотъ съ ними-то молодые, обиженные князья надѣялись отмстить дядямъ, и двое изъ нихъ, Олегъ Святославичъ и Борисъ Вячеславичъ, нанявъ цѣлыя толпы злыхъ половцевъ, вступили въ черниговское княжество, гдѣ былъ тогда княземъ Всеволодъ.

Защитниками его явились: храбрый сынъ его, Владиміръ Мономахъ, и братъ, великій князь Изяславъ. Здѣсь-то была первая ссора Олега и Владиміра: здѣсь-то, какъ вы уже слышали, былъ убитъ Изяславъ.

Встарину, послѣ смерти государя русскаго, наслѣдовалъ не сынъ его, но братъ. Итакъ, хотя Изяславъ I имѣлъ сыновей, но великимъ княземъ кіевскимъ сдѣлался братъ его, Всеволодъ I Ярославичъ. Княженіе этого государя было очень несчастливо. Онъ былъ уже такъ старъ и такъ слабъ, что не могъ усмирять безпокойныхъ племянниковъ, которые продолжали ссориться, не смотря на то, что Всеволодъ далъ многимъ изъ нихъ удѣлы. Подпорою и помощникомъ его былъ сынъ его, Мономахъ, котораго онъ сдѣлалъ княземъ черниговскимъ. Это несчастное время Россіи съ удивительною вѣрностію описано въ

нѣсколькихъ строкахъ Жуковскимъ въ стихотвореніи: «*Русская слава*».

«Была пора: губительный раздоръ
Вездѣ леталъ съ хоругвію кровавой;
За нимъ вослѣдъ бѣжали гладъ и моръ;
Разбой, грабежъ и мщенье были славой.
Отъ русскихъ русскихъ кровь текла,
Губилъ половчанинъ безъ страха,
Лежали грады кучей праха,
И Русь бѣдою поросла...
Но Русь въ бѣдѣ крѣпка была
Душой великой Мономаха».

Это было совершенно справедливо; Мономахъ служилъ отцу и храбростію, и умомъ своимъ. Безпрестанно онъ долженъ былъ то наказывать непослушаніе однихъ двоюродныхъ братьевъ своихъ, то мирить другихъ, то бояться третьихъ. Можетъ быть ему не удалось бы такъ удачно управлять ими, еслибы самый опасный и самый умный изъ нихъ — Олегъ вмѣшивался также въ эти ссоры; но, напротивъ того, онъ жилъ все это время очень уединенно въ области Тмутораканской, которая находилась на берегахъ Азовскаго моря, далеко отъ всѣхъ другихъ княжествъ русскихъ, почиталась какъ будто бы мѣстомъ ссылки. Мы увидимъ потомъ, что Олегъ недаромъ жилъ тамъ, но приготовлялся къ войнѣ за свое наслѣдство.

Между тѣмъ престарѣлый Всеволодъ, замѣчательный своимъ справедливымъ и кроткимъ нравомъ, умеръ послѣ пятнадцати лѣтъ княженія. Это былъ уже послѣдній изъ дѣтей Ярослава I: наслѣдникомъ его, по завѣщанію Ярослава, былъ *Святополкъ*, сынъ старшаго брата ихъ. Бѣдное отечество наше ни при одномъ изъ прежнихъ государей своихъ не было такъ несчастливо, какъ при этомъ князѣ, не имѣвшемъ никакихъ хорошихъ достоинствъ. При немъ половцы безпрестанно нападали на деревни и города русскіе и немилосердно грабили и жгли ихъ. При немъ Олегъ, собравъ въ шестнадцать лѣтъ силы свои и нанявъ цѣлое войско половцевъ, ворвался во владѣнія Мономаха и принудилъ этого храбраго князя уступить и отдать ему Черниговскую область. При немъ, и даже съ согласія его, одинъ изъ русскихъ князей сдѣлалъ такое

злодѣйство, что вы ужаснетесь, любезныя дѣти. Послушайте и подивитесь, до чего можетъ дойти злой человѣкъ!

Семейство великаго князя Всеволода I Ярославича.

Супруга: Греческая царевна *Анна,* дочь императора Константина Мономаха.

Сыновья: 1) Владиміръ. 2) Ростиславъ.

СЪѢЗДЫ КНЯЗЕЙ.

отъ 1097 до 1113 года.

(16 лѣтъ).

Князья, для прекращенія безпрестанныхъ ссоръ за владѣнія свои, съѣхались всѣ на совѣтъ въ городъ *Любечъ,* лежавшій на берегахъ Днѣпра. Кромѣ великаго князя кіевскаго, Святополка II Изяславича, пріѣхали туда: Мономахъ, Олегъ, Володарь и Василько Ростиславичи и Давидъ Игоревичъ. Они съ общаго согласія снова раздѣлили русскія земли. *Мономаху* достались: Переяславль, Смоленскъ, Ростовъ, Суздаль и Бѣлоозеро; сыну его *Мстиславу* — Новгородъ; *Олегу* — Черниговъ; двумъ братьямъ Олега—Рязань и Муромъ; *Давиду Игоревичу*—Владиміръ Волынскій; за *Володаремъ* и *Василькою Ростиславичами* утвердили два города Перемышль и Теребовль, отдѣленные еще прежде и отданные сыновьямъ Ростислава оттого, что прадѣдъ ихъ, Ярославъ, не назначилъ имъ никакого удѣла.

Это отдѣленіе двухъ городовъ отъ Волыни, принадлежавшей отцу Давида Игоревича, было первою причиною ненависти Давида къ молодымъ племянникамъ его и особенно къ младшему, Васильку, котораго всѣ прославляли за умъ, храбрость и доброе сердце. Видя на съѣздѣ уваженіе всѣхъ родственниковъ своихъ къ Васильку, прекрасному и видомъ, и душой, слушая разсказы о его неустрашимости, о его намѣреніи побѣдить, безъ помощи другихъ князей, всѣхъ непріятелей отечества—и болгаръ, и

поляковъ, и половцевъ, — завистливый Давидъ рѣшился погубить его, чтобы возвратить къ своей области отданный Васильку—Теребовль.

Вотъ князья, окончивъ всѣ дѣла свои на съѣздѣ и давъ клятву жить дружно и быть довольными своими удѣлами, поѣхали въ свои области. Одинъ Давидъ Игоревичъ отправился не домой, но въ Кіевъ, и тамъ напугалъ великаго князя, что Василько хочетъ погубить ихъ обоихъ. «Не думай»,—говорилъ этотъ злой князь Святополку, — «чтобы Василько собиралъ войско для войны съ поляками, какъ онъ объявилъ это нарочно на съѣздѣ, — нѣтъ, онъ хочетъ напасть на тебя и на меня! Не будетъ намъ обоимъ покоя, пока онъ свободенъ; схвати его, когда онъ поѣдетъ мимо Кіева, и отдай мнѣ. Я ужъ справлюсь съ нимъ!» Этого довольно было, чтобы встревожить слабаго, трусливаго Святополка: онъ повѣрилъ всему и условился съ Давидомъ, какъ заманить во дворецъ бѣднаго Василька. Они послали звать его къ себѣ въ гости въ то время, когда онъ заѣхалъ въ Кіевскій монастырь св. Михаила помолиться Богу.

Не подозрѣвая никакого обмана и полагаясь на клятву, такъ недавно еще данную въ Любечѣ, молодой князь спокойно поѣхалъ во дворецъ дяди. Святополкъ съ притворною ласкою встрѣтилъ его, привелъ въ комнату, гдѣ сидѣлъ Давидъ, и вышелъ будто бы за тѣмъ, чтобы велѣть подать угощеніе. Василько остался одинъ съ злодѣемъ, начиналъ дружески говорить съ нимъ, но совѣсть такъ мучила Давида, что онъ ничего не слышалъ и ничего не отвѣчалъ, но только безпрестанно краснѣлъ и блѣднѣлъ, и наконецъ вышелъ изъ комнаты, чтобы послать убійцъ. Они тотчасъ вошли, сковали удивленнаго Василька и отвели въ темницу.

На другой день духовенство, бояре и народъ просили Святополка не судить слишкомъ скоро Василька и прежде узнать справедливо ли обвиняетъ его Давидъ; но великій князь, опять напуганный обманщикомъ, отдалъ ему въ руки несчастнаго племянника. Давидъ поручилъ двумъ конюхамъ — своему и Святополкову — везти Василька въ Бѣлгородъ. Злодѣи пріѣхали ночью въ этотъ городъ, ввели

бѣднаго князя въ темную комнату, начали при немъ острить ножъ и разостлали на полъ коверъ. Василько догадался, что хотятъ съ нимъ дѣлать убійцы и началъ противиться имъ. Тогда они призвали еще двухъ помощниковъ, связали князя, положили его на полъ, бросили доску на грудь его и сѣли по концамъ доски, такъ что кости несчастнаго затрещали..... Этого еще мало. Пастухъ, Святополкъ, бывшій тутъ же, вырѣзалъ ему глаза! Въ это время бѣдный князь уже ничего не помнилъ. Безчувственнаго бросили въ телѣгу и повезли во Владиміръ.

Ужасно было положеніе страдальца, когда дорогою онъ пришелъ въ память и не могъ видѣть ни свѣтлаго солнца, ни голубыхъ небесъ, ни яркихъ звѣздъ небесныхъ! Грустно, грустно было бѣдному Васильку, милыя дѣти! темно, очень темно предъ больными глазами, но свѣтло въ доброй душѣ его! Онъ не проклиналъ враговъ своихъ, даже не роптал на жестокую судьбу свою, но переносилъ терпѣливо свое несчастіе и думалъ, что Богу угодно было такимъ образомъ наказать гордое намѣреніе его: побѣдить всѣхъ враговъ Россіи безъ помощи братьевъ.

Такія смиренныя мысли имѣлъ кроткій несчастливецъ и во время своего печальнаго путешествія, и при въѣздѣ во Владиміръ, гдѣ жилъ жестокій врагъ его, и въ самой темницѣ владимірской, куда заперли его тотчасъ по пріѣздѣ.

Между тѣмъ слухъ о такомъ ужасномъ злодѣяніи скоро разнесся по всѣмъ русскимъ княжествамъ и заставилъ плакать всѣхъ добрыхъ князей. Особенно огорчены были Мономахъ и Олегъ. Они условились наказать злодѣевъ и пошли съ войскомъ къ Кіеву требовать отвѣта отъ Святополка. Этотъ недостойный и малодушный князь, по обыкновенію, испугался, сложилъ всю вину на Давида и раскаявался только въ томъ, что скоро повѣрилъ ему. Сжалясь надъ его слезами и страхомъ и еще болѣе надъ несчастіями отечества, митрополитъ и старая княгиня вдова Всеволода поѣхали въ станъ соединенныхъ князей просить о томъ, чтобы они не раздирали земли Русской междоусобіемъ и помиловали Святополка. Добрый Мономахъ, привыкшій уважать и служителей Божіихъ, и почтенную

мачиху свою, согласился простить великаго князя, который обѣщалъ наказать Давида.

Но долго бы бѣдному Васильку еще томиться въ заключенiи, еслибы храбрый братъ его, Володарь, не пошелъ тотчасъ въ Владимiрское княжество и не заставилъ Давида силою освободить его. Обнимая другъ друга, эти благородные, великодушные братья-христiане простили враговъ своихъ и возвратились въ свои области. Для наказанiя же Давида князья назначали новый съѣздъ и наказали его тѣмъ, что Владимiрскую область его прибавили къ владѣнiямъ Святополка, а ему дали другую.

ВЛАДИМIРЪ МОНОМАХЪ.

отъ 1113 до 1125 года.

(12 лѣтъ).

Владимiръ Мономахъ во всякомъ возрастѣ умѣлъ заслуживать любовь всѣхъ окружавшихъ его. Въ дѣтствѣ своемъ онъ былъ послушный сынъ; въ молодости—смѣлый изъ князей на полѣ битвы, привѣтливый дома, почтительный къ родителямъ, которые, въ знакъ особенной любви своей къ нему столько же, какъ и за храбрость, назвали его *Мономахомъ*[1]); въ зрѣлыхъ лѣтахъ—онъ былъ добрымъ государемъ въ наслѣдственномъ владѣнiи своемъ, умнымъ совѣтникомъ великаго князя, сострадательнымъ благодѣтелемъ бѣдныхъ, знаменитымъ побѣдителемъ враговъ отечества.

Слава его еще болѣе увеличилась въ послѣднiе годы княженiя Святополка; онъ уговорилъ въ это время всѣхъ князей идти на жестокихъ половцевъ, разорявшихъ Русскую землю. Владимiръ говорилъ такъ увлекательно о счастiи избавить отъ опасности жизнь и имѣнiе своихъ соотечественниковъ, о славѣ—умереть за родину, что всѣ

---

[1]) Греческiй императоръ Константинъ, дѣдъ Владимiра по матери, назывался *Мономахомъ*, и можетъ быть въ честь его дано было это прозванiе самому достойному изъ внуковъ его.

князья забыли на время ссоры свои, и съ благороднымъ усердіемъ собрали воиновъ во всѣхъ княжествахъ. Согласіе ихъ подавало имъ надежду побѣдить, и эта надежда точно исполнилась: они побѣдили половцевъ совершенно и заключили съ ними самый выгодный миръ. Всею славою этой побѣды, всѣми выгодами этого мира Россія была обязана Мономаху. Народъ зналъ это и при всякомъ случаѣ старался показать благодарность и особенную любовь свою къ Владиміру. Эта любовь была наконецъ такъ велика, что когда великій князь Святополкъ умеръ, жители кіевскіе объявили, что не хотятъ слышать ни о какомъ другомъ государѣ, кромѣ общаго любимца всѣхъ русскихъ— знаменитаго Мономаха. Сначала онъ отказался, потому что были другіе наслѣдники престола ближе его: *Олегъ* Черниговскій и братья его — дѣти старшаго Владимірова дяди *Святослава;* но потомъ, видя, что въ Кіевѣ происходятъ ужасные безпорядки отъ безначалія, согласился на желаніе кіевлянъ, тѣмъ болѣе, что и самъ Олегъ, старинный непріятель его и главный наслѣдникъ великаго княженія, не спорилъ съ народомъ, и молчаніемъ своимъ подтверждалъ его выборъ. Такой поступокъ Олега показываетъ, какъ велики были и его достоинства: надобно имѣть очень доброе сердце, чтобъ не спорить, когда нашу собственность отдаютъ другому, и еще врагу нашему! Можетъ быть причиной этого были слабыя силы и старость его; но какъ бы то ни было, мы обязаны ему благодарностью за то, что онъ не начиналъ новой войны за свое наслѣдство и согласился видѣть на престолѣ великокняжескомъ Владиміра.

Мономахъ, во все время двѣнадцатилѣтняго княженія своего, продолжалъ отличаться храбростію. Не смотря на старость свою, онъ усмирилъ еще разъ половцевъ и два новыхъ народа, появившихся на Руси: *торковъ* и *берендѣевъ*. Съ его времени эти грубые народы уже не были такъ страшны для русскихъ. Многіе изъ нихъ покорились Владиміру и поселились на берегахъ Днѣпра. Ихъ называли предки наши *каракалпаками* или *черными-клобуками*. Это названіе произошло оттого, что они носили *черныя шапки*.

Кромѣ побѣдъ надъ народами чужими и надъ непокорными князьями удѣльными, Мономахъ славился и другими дѣлами. Онъ старался улучшать законы, строилъ церкви и общественные домы, обводилъ каменными стѣнами старые города, закладывалъ новые. Въ числѣ послѣднихъ былъ на рѣкѣ Клязьмѣ городъ *Владиміръ*, основанный въ Суздальской области и названный *Залѣсскимъ*, для отличія его отъ другого Владиміра, бывшаго на Волыни. Не забудьте названія этого новаго города, милыя дѣти: онъ современемъ будетъ очень примѣчателенъ.

Но чтобы вы поняли совершенно, каковъ былъ Владиміръ Мономахъ, прочитайте духовное завѣщаніе его дѣтямъ своимъ. Я выпишу для васъ въ короткихъ словахъ прекрасныя наставленія, какія даетъ онъ молодымъ потомкамъ своимъ. Счастливы бы они были, еслибы послѣдовали этимъ наставленіямъ! Не худо и вамъ хорошенько затвердить ихъ въ памяти: дѣти русскія найдутъ много полезнаго въ умныхъ совѣтахъ стариннаго государя своего. Читайте же:

«Приближаясь ко гробу, благодарю Бога за долгіе дни мои: рука Его довела меня до глубокой старости. А вы, дѣти любезныя, и всякій, кто будетъ читать это писаніе, исполняйте правила, въ немъ написанныя.

«Страхъ къ Богу и любовь къ людямъ есть начало добродѣтели. Великъ Господь; чудесны дѣла Его!

«О дѣти мои! хвалите Бога! Любите также людей. Не постъ, не монашество спасетъ васъ, но благодѣянія. Не забывайте бѣдныхъ, кормите ихъ и помните, что все, что̀ вы имѣете, принадлежитъ Богу, и поручено вамъ только на время. Будьте отцами сиротъ; судите вдовицъ сами; не давайте сильнымъ обижать слабыхъ. Не убивайте ни праваго, ни виноватаго: жизнь и душа христіанина священны. Не призывайте напрасно имени Бога; давъ же клятву, не преступайте ее. Не оставляйте больныхъ; не страшитесь видѣть мертвыхъ: всѣ умремъ. Принимайте съ любовію благословеніе священниковъ и не удаляйтесь отъ нихъ; дѣлайте имъ добро, чтобъ они молились за васъ Богу.—Не имѣйте гордости ни въ умѣ, ни въ сердцѣ, и думайте: мы не вѣчны, *сегодня живы, а завтра въ*

гробѣ! Бойтесь всякой лжи.—Почитайте старыхъ людей, какъ отцовъ, любите младшихъ, какъ братьевъ.—Въ хозяйствѣ сами за всѣмъ смотрите, чтобы гости не осудили ни дома, ни обѣда вашего.—На войнѣ будьте дѣятельны. Тогда не время думать о праздникахъ.—Путешествуя въ своихъ областяхъ, не давайте жителей въ обиду княжескимъ отрокамъ. Всего же болѣе почитайте гостя, и знаменитаго, и простого, и купца, и посла: гости распускаютъ въ чужихъ земляхъ и добрую, и худую о насъ славу. Кланяйтесь каждому человѣку, когда идете мимо.—Все хорошее узнавъ, вы должны помнить: чего не узнаете, тому учитесь.—Лѣность—мать пороковъ; берегитесь ее.—Старайтесь, чтобъ солнце никогда не заставало васъ въ постелѣ!—Идите рано въ церковь принести Богу молитву утреннюю: такъ дѣлалъ отецъ мой, такъ дѣлали всѣ добрые люди. Когда озаряло ихъ солнце, они хвалили Бога съ радостію. Потомъ садились думать съ дружиною, или судить народъ, или ѣздили на охоту. Такъ жилъ и вашъ отецъ. Я самъ дѣлалъ все, что могъ бы велѣть отроку: на охотѣ и на войнѣ, днемъ и ночью, въ жаръ лѣтній и въ холодъ зимній, не зналъ покоя, не надѣялся на посадниковъ, не давалъ бѣдныхъ и вдовъ въ обиду сильнымъ; самъ смотрѣлъ за церковью и за божественнымъ служеніемъ, за домашнимъ порядкомъ, конюшнею, охотою, ястребами и соколами. Всѣхъ походовъ моихъ было восемьдесятъ три; а другихъ маловажныхъ не упомню. Я заключилъ съ половцами девятнадцать мирныхъ договоровъ, взялъ въ плѣнъ и выпустилъ изъ неволи болѣе ста лучшихъ князей ихъ, а болѣе двухъ сотъ казнилъ и топилъ въ рѣкахъ.—Кто ѣздилъ скорѣе меня? Выѣхавъ рано изъ Чернигова, я бывалъ въ Кіевѣ, у родителя, прежде вечеренъ.—Любя охоту, мы часто ловили звѣрей съ вашимъ дѣдомъ. Своими руками въ густыхъ лѣсахъ вязалъ я дикихъ коней вдругъ по нѣскольку. Два раза буйволъ бросалъ меня на рогахъ; олень—бодалъ; лань топтала ногами; медвѣдь прокусилъ сѣдло; лютый звѣрь однажды бросился и уронилъ коня подо мною! Сколько разъ падалъ я съ лошади! Дважды разбилъ себѣ голову, повреждалъ руки и ноги, не берегъ жизни въ юности и не

щадилъ головы своей. Но Господь хранилъ меня. И вы, дѣти мои, не бойтесь смерти, ни битвы, ни звѣрей свирѣпыхъ, но будьте мужественны во всякомъ случаѣ, посланномъ отъ Бога. Если Господь опредѣлитъ кому умереть, то не спасутъ его ни отецъ, ни мать, ни братья. Богъ лучше сохранитъ, нежели люди».

Изъ этой духовной, милые читатели, вы можете видѣть и душу Владиміра Мономаха, и образъ жизни того времени. Вы, вѣрно, замѣтили, что государи наши были очень усердны къ Богу, что они любили болѣе всего славиться храбростію, а жили очень просто, и часто сами смотрѣли за порядкомъ церкви, дворца и даже конюшенъ своихъ.

Семейство великаго князя Владиміра I Всеволодовича.

Супруги: 1) Христина, дочь шведскаго короля Ингоря. 2) Евфимія

Сыновья: a) Мстиславъ. b) Изяславъ. c) Ростиславъ. d) Ярополкъ. e) Вячеславъ. f) Романъ. g) Юрій. h) Андрей. i) Глѣбъ. j) Святославъ.

ОЛЕГОВИЧИ И МОНОМАХОВИЧИ.

ОТЪ 1125 ДО 1147 ГОДА.

(21 годъ).

Олеговичами называютъ въ исторіи нашей — потомковъ *Олега*, *Мономаховичами* — потомковъ *Мономаха*, — двухъ знаменитыхъ князей, которыхъ ссоры причинили столько несчастій землѣ Русской. Несчастія еще болѣе увеличились, когда начались ссоры между этими Олеговичами и Мономаховичами.

Вы, конечно, не забыли, что Владиміръ Мономахъ сдѣлался великимъ княземъ не потому, что имѣлъ право на престолъ, но потому, что народъ любилъ его и желалъ имѣть своимъ государемъ; настоящимъ же наслѣдникомъ

Всеволода I былъ Олегъ, сынъ старшаго брата его Святослава. Любовь и уваженіе къ Мономаху были такъ велики, что и послѣ смерти его никто не думалъ спорить, когда великими князьями были *его* дѣти, а не *Олеговы*. Однакожъ эта тишина была ненадолго: только на время княженія перваго сына его *Мстислава,* который, будучи во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ наслѣдникомъ отца своего, управлялъ съ такою славою государствомъ, что заслужилъ названіе *Великаго;* при наслѣдникѣ же и братѣ его *Ярополкѣ Владиміровичѣ* дѣти Олега заговорили о томъ, что они законные наслѣдники кіевскаго престола, и съ этого-то времени начались безпрестанныя ссоры и несогласія ихъ съ Мономаховичами. Эти ссоры раздирали бѣдное отечество наше болѣе ста лѣтъ и были причиною всѣхъ бѣдствій, которыя потомъ вѣрно опечалятъ васъ, милые читатели мои!

Сначала намѣреніе Олеговичей возвратить наслѣдственный престолъ исполнилось довольно удачно, потому что Ярополкъ Владиміровичъ былъ князь слабый и въ его княженіе было много безпорядковъ въ Россіи. Новгородцы безпрестанно бунтовали, смѣняли сами своихъ посадниковъ, изгоняли князей своихъ и уже считали себя не подданными государей кіевскихъ, но людьми вольными. Сыновья Мономаха,—которыхъ, кромѣ великаго князя, было еще трое: *Вячеславъ, Георгій* и *Андрей,* часто ссорились съ племянниками своими, дѣтьми умершаго Мстислава Владиміровича: эти молодые князья, по примѣру дѣдушки своего, почитали себя, а не дядей своихъ, законными наслѣдниками. Великій князь долженъ былъ безпрестанно усмирять то новгородцевъ, то братьевъ, то племянниковъ своихъ. Это уменьшало силы его и было такъ выгодно для главныхъ враговъ его, Олеговичей, что, по смерти великаго князя Ярополка Владиміровича, Всеволодъ Олеговичъ безъ всякаго труда отнялъ у Мономаховичей престолъ кіевскій. Семь лѣтъ онъ владѣлъ имъ, старался быть въ мирѣ со всѣми князьями, и особенно съ молодыми Мстиславичами. Сильнѣйшими врагами его были: безпокойные новгородцы, *Георгій Владиміровичъ, князь суздальскій* или *влади-*

мірскій, желавшій непремѣнно быть великимъ княземъ и — *князь галицкій.*

До сихъ поръ вы еще не слышали о княжествѣ Галицкомъ. Это потому, что оно было еще новое и основано около этого времени *Владимiркомъ,* сыномъ Володаря, князя Перемышльскаго, племянникомъ бѣднаго слѣпца Василька. Владимiрко былъ смѣлый, храбрый, но также и жадный князь: онъ несправедливо завладѣлъ удѣломъ племянника своего, *Іоанна Берладника,* перенесъ столицу свою въ Галичъ, лежавшій на берегахъ Днѣстра, и это новое княжество было потомъ очень знаменито. Берладникъ принужденъ былъ бѣжать отъ дяди въ Кіевъ и просить защиты у великаго князя, который принялъ его ласково. Владимірко такъ разсердился за это, что объявилъ войну великому князю, и во время этой войны Всеволодъ II скончался. Передъ смертію онъ объявилъ наслѣдникомъ своимъ родного брата своего, *Игоря Олеговича,* и заставилъ многихъ князей присягнуть ему еще при жизни своей.

Несчастный Игорь, не смотря на присягу, былъ государемъ только шесть недѣль. Никто не любилъ его, и почти всѣ князья, давшіе клятву быть ему вѣрными, измѣнили. Жители кіевскіе также: они тайно звали къ себѣ Изяслава Мстиславича, который тотчасъ собралъ войско и пришелъ къ Кіеву. У Игоря былъ одинъ только защитникъ: братъ его Святославъ Олеговичъ; но и тотъ принужденъ былъ бѣжать, когда показалось войско Изяслава, встрѣченное съ радостью народомъ кіевскимъ. Игоря нашли завязшимъ въ болотѣ съ нѣсколькими воинами и отправили въ монастырь переяславскій. Съ тѣхъ поръ потомки Олеговы уже не были болѣе великими князьями, и Мономаховичи остались побѣдителями, но ссоры ихъ еще не скоро окончатся.

Семейство великаго князя Мстислава I Владимiровича.

Супруги: 1) Христина. 2) Дочь новгородскаго посадника.

Сыновья: a) Всеволодъ. b) Изяславъ. c) Ростилавъ. d) Святополкъ. e) Владимiръ. f) Романъ.

Семейство великаго князя Ярополка II Владимировича.

Супруга: Елена, княжна Ясская.
Сынъ: Василько.

Семейство великаго князя Всеволода II Олеговича.

Сыновья: 1) Святославъ. 2) Михаилъ.

НАЧАЛО МОСКВЫ.

отъ 1146 до 1155 года.

(9 лѣтъ).

Въ то время, когда народъ кіевскій съ радостію встрѣчалъ новаго великаго князя своего, Изяслава II Мстиславича, въ отдаленной Суздальской области сбирались враги его разсуждать о томъ, какъ бы скорѣе выгнать его изъ Кіева. Главный изъ этихъ враговъ, кромѣ дяди его, суздальскаго князя *Георгія* или *Юрія Владиміровича Долгорукаго*—почитавшаго себя законнымъ наслѣдникомъ престола кіевскаго—былъ *Святославъ Олеговичъ*, братъ несчастнаго Игоря, заключеннаго въ монастырь Переяславскій. Этотъ нѣжный братъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ счастіемъ своимъ и даже жизнію, чтобы только освободить бѣднаго Игоря изъ рукъ Изяславовыхъ. Онъ думалъ, что Георгій—отецъ семи храбрыхъ князей и ненавидѣвшій великаго князя, скорѣе всѣхъ можетъ помочь ему въ войнѣ съ Кіевомъ и для того пріѣхалъ къ нему вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, Олегомъ.

Георгій ласково принялъ и угощалъ ихъ въ новомъ городѣ своемъ *Москвѣ*. Но эта маленькая, бѣдная Москва вовсе не походила тогда на нашу нынѣшнюю бѣлокаменную Москву. Еще не прошло и года отъ ея построенія. Многіе еще и не называли ее Москвою, но *Кучковымъ*. Это названіе произошло оттого, что прежде на мѣстѣ, гдѣ она построена, было нѣсколько селъ и деревень богатаго боярина *Степана Ивановича Кучки*. Георгій былъ недо-

воленъ какимъ-то дерзкимъ поступкомъ этого боярина и приказалъ казнить его, а село взять въ казну.

Чрезъ нѣсколько времени онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ любимымъ сыномъ своимъ, храбрымъ Андреемъ, посмотрѣть имѣніе убитаго боярина. Въ одной изъ деревень жили сироты Кучки: два сына и дочь. Необыкновенная красота этой молодой дѣвушки удивила обоихъ князей: отецъ упрекалъ себя, что причинилъ несчастье такого милаго творенія; сынъ говорилъ съ восхищеніемъ, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ дѣвушки лучше прелестной сироты Кучковой и умолялъ отца позволить ему жениться на ней. «Родитель!» —говорилъ Андрей, — «ты облегчишь этимъ горестную судьбу бѣдныхъ дѣтей, у которыхъ отнялъ отца». Георгій, нѣжно любившій сына, не могъ отказать неотступнымъ просьбамъ его: онъ велѣлъ приготовляться къ свадьбѣ и позволилъ сыну взять къ себѣ въ службу братьевъ невѣсты. Между тѣмъ красивыя мѣста по берегамъ рѣки Москвы такъ понравились ему, что онъ вздумалъ основать городокъ и назвалъ его по имени рѣки — *Москвою*. Андрей былъ очень доволенъ этимъ: ему казалось, что не было мѣста лучше того, гдѣ узналъ онъ милую невѣсту свою. Здѣсь праздновали свадьбу и здѣсь-то чрезъ нѣсколько времени потомъ Георгій Владиміровичъ угощалъ Святослава Олеговича и бояръ его, сбираясь вмѣстѣ съ ними идти къ Кіеву.

Но прежде нежели успѣли собраться защитники Игоря, этотъ несчастный князь уже былъ взятъ силою изъ монастыря и убитъ народомъ.

Такое злодѣйство еще болѣе ожесточило Святослава Олеговича: онъ могъ подозрѣвать, что великій князь самъ позволилъ народу это убійство и еще болѣе началъ просить Георгія поспѣшить походомъ.

Но Георгій, соглашаясь помогать ему, думалъ болѣе о собственныхъ выгодахъ, нежели о немъ: хотѣлъ мстить Изяславу II не за Игоря, но за престолъ кіевскій, и потому неудивительно, что онъ обращалъ мало вниманія на просьбы Святослава и вѣрно еще долго бы медлилъ, еслибы великій князь не сдѣлалъ ему новой жестокой обиды: онъ напалъ съ новгородцами на суз-

дальскіе города его, жегъ и разорялъ ихъ, и наконецъ выгналъ изъ Кіева сына Георгіева, Ростислава, прежняго друга своего. Все это заставило Георгія рѣшиться. Онъ выступилъ съ Святославомъ и наемными половцами. Пять лѣтъ продолжалась эта война почти безпрестанно. Въ небольщіе промежутки мира кіевляне имѣли государями своими то Георгія Владиміровича, то Изяслава Мстиславича, то еще третьяго князя—Вячеслава, старшаго сына Владиміра Мономаха. Этотъ послѣдній князь имѣлъ болѣе всѣхъ права быть государемъ кіевскимъ, но онъ былъ тихаго, не честолюбиваго нрава, никогда не искалъ самъ престола, но принималъ его всякій разъ, когда Изяславъ II предлагалъ ему. Изяславъ же дѣлалъ это для того, чтобы подъ его именемъ управлять государствомъ. Вячеславъ былъ уже такъ старъ, что не могъ заниматься дѣлами и отдавалъ все во власть Изяслава Мстиславича, которому обязанъ былъ именемъ великаго князя. Однакожъ, не смотря на старость свою, Вячеславъ пережилъ этого племянника своего. Война съ Георгіемъ еще не была окончена, какъ умеръ Изяславъ II. Вскорѣ послѣ него скончался и старый Вячеславъ Владиміровичъ, и тогда-то честолюбивый князь суздальскій достигъ своего желанія. Никто уже не спорилъ съ нимъ: какъ старшій изъ всѣхъ князей, онъ былъ законнымъ наслѣдникомъ великаго княжества, и кіевляне должны были покориться ему, хотя и не любили его.

Семейство великаго князя Изяслава II Мстиславича.

Супруга: Обезкая княжна.

Сыновья: 1) Мстиславъ. 2) Ярославъ. 3) Ярополкъ. 4) Владиміръ.

СВОЕВОЛЬСТВО НОВГОРОДЦЕВЪ.

ОТЪ 1155 ДО 1167 ГОДА.

(12 лѣтъ).

Прежде нежели мы будемъ говорить о томъ, что̀ были новгородцы при великомъ князѣ Георгіѣ Владиміровичѣ Долгорукомъ, надобно разсказать читателямъ исторію ихъ гораздо ранѣе того времени.

Вы помните, что новгородцы почти еще при самомъ началѣ Русскаго государства были уже непослушны къ князьямъ своимъ, жившимъ въ Кіевѣ. Въ то время мудрая княгиня Ольга усмирила ихъ. Они боялись потомъ храбрыхъ князей: Святослава I, Ярослава I, ихъ благодѣтеля, и Владиміра Мономаха; но несогласныя дѣти Ярослава и Мономаха, безпрестанно ссорясь между собою и стараясь вредить другъ другу всѣми возможными средствами, часто были такъ слабы, что и смирные подданные могли не слушаться ихъ! А о новгородцахъ и говорить нечего! Они выгоднѣе всѣхъ другихъ русскихъ отправляли торговыя дѣла свои не только съ сосѣдними народами, но даже съ Даніей и нѣмецкими городами. Торговля доставляла имъ богатство, а богатство дѣлало ихъ гордыми. Они сочинили себѣ пословицу: *Кто противъ Бога и Великаго Новгорода?*—и дѣлали въ этомъ Великомъ Новгородѣ все, что хотѣли. Чтобы поднять тревогу въ городѣ и собрать гражданъ новгородскихъ на совѣтъ, стоило только ударить въ большой колоколъ, висѣвшій на *Дворѣ Ярослава*. Граждане тотчасъ сходились разсуждать о дѣлахъ своихъ. Такое собраніе новгородцевъ называлось *вѣче*, а большой колоколъ—*вѣчевымъ колоколомъ*.

Послѣ смерти Мономаха этотъ колоколъ звонилъ часто, потому что новгородцы начали съ тѣхъ поръ очень своевольничать. Такъ, при великомъ князѣ Ярополкѣ Владиміровичѣ они, досадуя на князя своего Всеволода Мстиславича, внука Мономахова, нѣсколько разъ смѣняли посадниковъ; бросили съ моста и утопили въ рѣкѣ одного

изъ главныхъ чиновниковъ, наконецъ посадили подъ стражу самого князя со всѣмъ его семействомъ, и только тогда выпустили, какъ пріѣхалъ въ Новгородъ новый князь, выбранный народомъ. Этотъ князь былъ Святославъ Олеговичъ. Съ того времени новгородцы уже не считали себя подвластными кіевскому государю, но назывались *вольными людьми*.

Чрезъ два года они изгнали и Святослава, и призвали къ себѣ княжить Ростислава Георгіевича, сына князя суздальскаго, и онъ пробылъ не болѣе двухъ лѣтъ.

При великомъ князѣ Изяславѣ II новгородцы выпросили себѣ княземъ сына его, Ярослава Изяславича. Этотъ князь былъ долѣе другихъ государемъ ихъ потому, что они любили отца его, который пріѣзжалъ къ нимъ изъ Кіева. Народъ, давно невидавшій у себя великихъ князей, былъ въ восхищеніи отъ пріѣзда Изяслава, особливо когда онъ на другой день далъ пиръ всѣмъ гражданамъ и самъ обѣдалъ вмѣстѣ съ ними. *Городище*—то мѣсто, гдѣ былъ этотъ праздникъ, и теперь еще извѣстно въ Новгородѣ.

Не прошло еще пяти лѣтъ—и вѣтреные новгородцы уже забыли и Изяслава Мстиславича, и сына его. Третій внукъ Мономаха, Ростиславъ Мстиславичъ, пріѣхалъ, по желанію ихъ, княжить въ Новгородѣ. Но этотъ князь послѣ смерти Изяслава II призванъ былъ кіевлянами заступить мѣсто его при старомъ Вячеславѣ. Радуясь великому княжеству, Ростиславъ спѣшилъ въ Кіевъ и оставилъ княземъ новгородскимъ сына своего Давида.

Гордые новгородцы не любили князей, которые оставляли ихъ, хотя бы то было для престола великокняжескаго: они тотчасъ же изгнали Давида и выбрали княземъ Мстислава, другого сына Георгіева.

Въ это самое время исполнилось самое пріятное желаніе Георгія Владиміровича. Мы говорили уже объ этомъ: онъ вступилъ съ побѣдою въ Кіевъ послѣ смерти Вячеслава. Ростиславъ же Мстиславичъ едва успѣлъ пріѣхать въ Кіевъ и долженъ былъ уже выѣхать и уступить силѣ Георгія. Съ досадою поѣхалъ онъ назадъ въ Новгородъ, но тамъ стоило ему большихъ трудовъ примириться съ народомъ, который раздѣлился на двѣ стороны: одна—*Торговая*, за-

щищала новаго своего князя Мстислава Георгіевича; другая — *Софійская,* хотѣла прежняго — Ростислава. Добрый Мстиславъ Георгіевичъ, не желая, чтобы за него проливали кровь невинныхъ, уступилъ престолъ свой Ростиславу и уѣхалъ ночью изъ Новгорода.

Вотъ какіе безпорядки происходили у дерзкихъ новгородцевъ, а они были такъ безразсудны, что не винили въ томъ себя, но еще величались своимъ гибельнымъ своеволіемъ! Дерзость ихъ была такъ велика, что они сами выбирали и епископа своего.

Ростиславъ Мстиславичъ былъ княземъ новгородскимъ до тѣхъ поръ, пока кіевляне, послѣ смерти Георгія Владиміровича, въ другой разъ призвали его на престолъ свой. Уѣзжая, онъ оставилъ у нихъ сына Святослава. Безпокойные новгородцы изгнали бы и этого молодого князя, но черезъ нѣсколько времени опять помирились съ нимъ.

Ростиславъ Мстиславичъ, безпокоясь объ участи этого сына, поѣхалъ незадолго до кончины своей въ Новгородъ и взялъ клятву съ подданныхъ его въ томъ, что никогда не будутъ искать другого князя и *разлучатся съ Святославомъ только смертію.* Послѣ этой клятвы, новгородцы, казалось, успокоились. Увидимъ, надолго ли?

Семейство великаго князя Георгія I Владиміровича Долгорукаго.

Супруги: 1) Дочь князя Половецкаго. 2) Ольга, въ монахиняхъ *Евфросинія.*

Сыновья: a) Ростиславъ. b) Андрей. c) Іоаннъ. d) Борисъ. e) Глѣбъ. f) Святославъ. g) Ярославъ. h) Мстиславъ. i) Василій. j) Михаилъ. k) Димитрій.

Дѣти великаго князя Ростислава I Мстиславича.

1) Романъ. 2) Рюрикъ. 3) Святославъ.

АНДРЕЙ ГЕОРГІЕВИЧЪ БОГОЛЮБСКІЙ.

отъ 1157 до 1174 года.

(18 лѣтъ).

Когда почти всѣ князья въ южной Россіи ссорились за престолъ кіевскій, въ сѣверо-восточной части ея жилъ князь, еще въ молодыхъ лѣтъ удивлявшій всѣхъ своею храбростію и умомъ. Этотъ князь былъ мужественный *Андрей,* сынъ Георгія Владиміровича Долгорукаго. Вы уже слышали о немъ, милые читатели, — вспомните разсказъ о началѣ Москвы.

Андрей Георгіевичъ, родившійся и выросшій въ Суздальской области, не любилъ Кіева, какъ причину вѣчныхъ споровъ княжескихъ, и рѣдко ѣздилъ туда, даже и тогда, какъ великимъ княземъ кіевскимъ былъ отецъ его Георгій. Онъ отказался и отъ новыхъ удѣловъ, какіе отецъ давалъ ему на югѣ, и, уѣзжая въ послѣдній разъ изъ Кіева, взялъ съ собою только образъ Божіей Матери, привезенный изъ Греціи однимъ купцомъ греческимъ, по имени Пирогощи [1]). Андрей Георгіевичъ ѣхалъ изъ Кіева на родину свою въ городъ Владиміръ-Залѣсскій, основанный знаменитымъ дѣдомъ его Мономахомъ. Огорчаясь ссорами князей и видя, что всѣ несчастія земли Русской происходятъ отъ раздѣленія ея на многіе удѣлы, умный Андрей ѣхалъ во Владиміръ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы поселиться тамъ и всѣми силами стараться перемѣнить обыкновеніе князей,—дѣлить свои владѣнія братьямъ и сыновьямъ, и по крайней мѣрѣ для дѣтей своихъ оставить княжество сильное и счастливое подъ властію одного государя.

Съ такими благодѣтельными для отечества нашего мыслями, Андрей Георгіевичъ подъѣзжалъ къ Владиміру съ драгоцѣннымъ образомъ Божіей Матери. За одиннад-

---

[1]) Говорятъ, что этотъ образъ *Богоматери Пирогощей* писанъ евангелистомъ Лукою. Онъ находится теперь въ московскомъ Успенскомъ соборѣ и называется *Владимірскимъ.*

цать верстъ отъ этого города лошадь, на которой везли образъ, вдругъ остановилась и никакъ не хотѣла идти далѣе. Князь, который—какъ и всѣ предки наши—былъ очень набоженъ и богобоязливъ, почиталъ это происшествіе не простымъ случаемъ, но опредѣленіемъ Божіимъ: онъ велѣлъ построить на томъ мѣстѣ, гдѣ остановилась лошадь, церковь во имя Рождества Богоматери, и поставилъ въ ней образъ Ея. Потомъ построилъ тутъ дворецъ для себя и монастырь для монаховъ. Бояре и жители владимірскіе строили также домы въ любимомъ мѣстѣ государевомъ, такъ что цѣлый городъ скоро явился около церкви. Андрей Георгіевичъ назвалъ его *Боголюбовымъ*. Онъ очень любилъ этотъ городъ и отъ него получилъ названіе *Боголюбскаго*.

Андрей, желая видѣть всю Россію подъ властію одного государя и, можетъ быть, желая самъ быть этимъ самовластнымъ государемъ, не давалъ удѣловъ ни сыновьямъ, ни меньшимъ братьямъ своимъ, Михаилу и Всеволоду Георгіевичамъ. Оттого Владимірское княжество его не ослабѣвало, но, напротивъ того, укрѣплялось болѣе и болѣе, и было уже очень сильно, когда умеръ наслѣдникъ Георгія Долгорукаго на кіевскомъ престолѣ—Ростиславъ Мстиславичъ. Онъ назначилъ княземъ племянника своего Мстислава II Изяславича, князя, уже славнаго военными дѣлами.

Въ то же время вѣтреные и безсовѣстные новгородцы, узнавъ о смерти Ростислава, забыли клятву, которую дали ему, изгнали сына его Святослава и просили великаго князя прислать къ нимъ государемъ сына его *Романа*. Мстиславъ II зналъ, что несправедливо было бы исполнять требованіе народа своевольнаго; зналъ, что Андрей Георгіевичъ, сильный, всѣми уважаемый князь суздальскій, принялъ подъ покровительство изгнаннаго князя новгородскаго, и потому сначала не хотѣлъ отпустить Романа въ Новгородъ, чтобы тѣмъ не разсердить Андрея, но потомъ рѣшился сдѣлать это. Еще хуже отца поступилъ молодой Романъ. Какъ только онъ пріѣхалъ въ Новгородъ, тотчасъ объявилъ новымъ подданнымъ своимъ, что будетъ мстить за нихъ всѣмъ князьямъ, за-

щищавшимъ прежняго государя ихъ, и пошелъ разорять города полоцкіе, смоленскіе и суздальскіе.

Андрей Георгіевичъ вступился за обиженныхъ и хотѣлъ наказать не молодого, безразсуднаго Романа, но того, кто несправедливо послалъ его къ новгородцамъ: великаго князя Мстислава. Многіе изъ князей были уже недовольны имъ. Андрей видѣлъ, что ему представлялся случай унизить навсегда важность великаго князя кіевскаго и сдѣлаться старшимъ надъ всѣми князьями русскими. Онъ спѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ и уговорилъ недовольныхъ князей идти на Кіевъ. Ихъ было одиннадцать. Каждый привелъ съ собою свое войско; главнымъ начальникомъ всѣхъ былъ Андрей Георгіевичъ. Они окружили Кіевъ. Бѣдный Мстиславъ съ нанятыми черными клобуками защищался храбро два дня; на третій—древняя столица Олега, *мать городовъ русскихъ*, взята была *приступомъ!* Воины союзныхъ князей силою ворвались въ Золотыя Ворота и, къ стыду своему, забыли, что побѣжденные жители Кіева были такъ же, какъ и они, русскіе. Великій князь Мстиславъ ушелъ съ братомъ своимъ въ Волынь.

Съ тѣхъ поръ великимъ княземъ Руси былъ Андрей Георгіевичъ Боголюбскій. Столицею его былъ уже не *Кіевъ*, сдѣлавшійся простымъ удѣльнымъ городомъ, а *Владиміръ-Залѣсскій*, городъ новый, бѣдный, но счастливый, потому что государь любилъ его.

Семейство великаго князя Мстислава II Изяславича.

Супруга: Дочь Якуна новгородскаго.
Сыновья: 1) Романъ. 2) Святославъ. 3) Ярополкъ.

УБІЕНІЕ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКАГО.

(1174 годъ).

Понимая, что всѣ несчастія Россіи происходили отъ ея раздѣленія на многія удѣльныя княжества и желая видѣть ее подъ властію одного государя, Андрей Боголюбскій доказалъ намъ, что былъ князь умный. Храбрость его была также извѣстна съ самыхъ молодыхъ лѣтъ его, когда еще происходили частыя войны за престолъ кіевскій у отца его Георгія съ Изяславомъ II.

Но эти способности Андрея Георгіевича очень ослабѣли въ старости. Совѣсть упрекала его за разграбленіе Кіева: всякое несчастіе, случавшееся въ государствѣ его, онъ почиталъ наказаніемъ Божіимъ за грѣхи свои и потому проводилъ большую часть времени въ молитвѣ, а государственныя дѣла поручалъ боярамъ, которые грабили и притѣсняли народъ. Бѣдный Андрей Георгіевичъ не думалъ, что такимъ поведеніемъ онъ еще болѣе увеличиваетъ вину свою передъ Богомъ: теряетъ любовь народа и доставляетъ дурнымъ людямъ случай не бояться справедливости законовъ. Дерзость такихъ людей дошла наконецъ до того, что они сдѣлали заговоръ на жизнь великаго князя.

Вы знаете, что Андрей Боголюбскій женатъ былъ на дочери боярина Кучки. Нѣжно любя прекрасную супругу свою, великій князь любилъ всею душою и братьевъ ея. Оба они занимали важныя мѣста при дворѣ и жили очень счастливо. Вдругъ одинъ изъ нихъ сдѣлалъ какое-то важное преступленіе, за которое по законамъ слѣдовало наказать его смертію. Онъ думалъ, что братъ великой княгини избавленъ будетъ отъ этого наказанія, или, лучше сказать, онъ надѣялся на слабость великаго князя; но на этотъ разъ Андрей Георгіевичъ поступилъ иначе, и черезъ нѣсколько дней голова Кучковича была отрублена. Братъ его, Якимъ, возненавидѣлъ за это Андрея и подговорилъ двадцать человѣкъ друзей и товарищей своихъ отмстить великому князю смертію за смерть убитаго преступника.

Злодѣи, въ числѣ которыхъ были *Петръ*, зять Якима, и *Анбалъ Ясинъ*, казначей князя, положили собраться въ Боголюбовѣ, 29-го іюня, въ день Петра и Павла.

Когда князь уже помолился Богу и легъ въ постель въ своей ложницѣ [1]), заговорщики тихонько вошли во дворецъ и прежде всего въ княжескій погребъ къ Анбалу, который напоилъ ихъ до-пьяна.

Въ такомъ положеніи злодѣи потеряли послѣдній, остававшійся у нихъ страхъ, и съ неслыханною дерзостію и злобою перерѣзали всю стражу и подошли къ дверямъ ложницы. Князь проснулся отъ шума и спрашивалъ: «кто тамъ?» —Прокопій! отвѣтилъ одинъ изъ злодѣевъ, называя по имени любимца княжескаго, Прокопія. «Отвори, государь!» Но Андрей узналъ, что это голосъ не Прокопія, и не велѣлъ отроку, бывшему при немъ, отворять дверей. Тогда убійцы однимъ ударомъ вышибли ихъ и ворвались въ ложницу. Несчастный князь вскочилъ съ постели и долго защищался. Но онъ былъ безъ всякаго оружія одинъ съ молодымъ отрокомъ; злодѣи же имѣли все, что только можно было имѣть въ то время: сабли, мечи и копья, и ихъ было двадцать человѣкъ. Они рубили и кололи его до тѣхъ поръ, пока онъ, сказавъ: «Господи! въ руцѣ Твои предаю духъ мой!» скончался. Убійцы вышли изъ ложницы и отправились окончить грабежемъ свое ужасное преступленіе.

Богъ, принявъ на небо душу набожнаго князя, такъ прогнѣвался на землю Русскую за это злодѣяніе, что, казалось, совсѣмъ оставилъ ее. Это говорили всѣ благочестивые люди того времени. Они видѣли гнѣвъ Божій въ тѣхъ ужасахъ, какіе происходили послѣ кончины государя. Убійцы его разграбили погреба и казну княжескую, разбѣжались по городку Боголюбову, сзывали къ себѣ всѣхъ жителей, чтобы вмѣстѣ идти грабить дворецъ и домы боярскіе. Не нужно сказывать вамъ, что всѣ дурные люди тотчасъ послушались ихъ. Ворвавшись во дворецъ, они вытащили тѣло князя и бросили его въ огородѣ, безъ всякой одежды. Вѣрный слуга его, Козьма

[1]) Такъ называли въ то время *спальню*.

кіевлянинъ, едва могъ выпросить у злого Анбала коверъ, чтобы покрыть его и отнести въ церковь. И туда даже безумный народъ не пустилъ своего князя. Всѣ причетники были пьяны и сторожъ велѣлъ положить тѣло на паперть. Жалко было смотрѣть и слушать, какъ добрый и чувствительный Козьма, горько рыдая надъ тѣломъ и цѣлуя покрытыя кровью руки государя, говорилъ такъ о своей горести:

— О добрый князь мой! Никто изъ слугъ твоихъ не узнаетъ тебя, который такъ ласково принималъ и угощалъ во дворцѣ своемъ всякаго: и грека, и латина, и болгара, и еврея! А тебя и въ храмъ Божій не пускаютъ!

Никто не пришелъ утѣшать его: онъ плакалъ одинъ. Да и некому было раздѣлять его горесть: весь народъ былъ въ ужасѣ и смятеніи. Одни убивали и грабили, другіе прятались отъ убійцъ и грабителей, третьи плакали объ убитыхъ. Однимъ словомъ, нельзя пересказать вамъ всего, что происходило въ это время въ великомъ княжествѣ Владимірскомъ и особенно въ Боголюбовѣ! Наконецъ священники рѣшились молить Бога о прощеніи великаго злодѣянія, сдѣланнаго въ землѣ Русской. Помолясь усердно въ церквахъ, они пошли въ ризахъ, съ образами, молитвами и пѣніемъ по улицамъ. Бунтовщики испугались, вспомнили о Богѣ, Котораго они такъ прогнѣвали, и усмирились. Тогда граждане и священники владимірскіе пришли за тѣломъ несчастнаго государя и повезли его во Владиміръ. Толпы владимірцевъ вышли изъ города, и какъ только увидѣли вдали княжескія знамена и услышали печальное пѣніе, всѣ заплакали и упали на колѣни. Грустно было имъ видѣть въ гробѣ того, кого они встрѣчали прежде съ радостью въ *Золотыхъ Воротахъ* своихъ: Андрей Георгіевичъ почти всегда возвращался изъ походовъ своихъ съ побѣдою надъ непріятелями. Онъ построилъ у въѣзда такія же Золотыя Ворота, какія были въ Кіевѣ. Сюда въѣзжалъ онъ живой съ веселіемъ и славою; сюда ввезли его и мертваго, и похоронили въ прекрасной золотоверхой церкви св. Богоматери, имъ же построенной.

Семейство великаго князя Андрея I Георгіевича Боголюбскаго.

Супруга: Улита, дочь боярина Кучки.

Сыновья: 1) Юрій. 2) Изяславъ. 3) Владиміръ. 4) Мстиславъ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ГЕОРГІЕВИЧЪ.

отъ 1174 до 1176 года.

(2 года).

Послѣ несчастной смерти Андрея Георгіевича, четыре князя имѣли право быть наслѣдниками его: два брата его—*Михаилъ* и *Всеволодъ Георгіевичи* и еще два сына старшаго брата его — *Ярополкъ* и *Мстиславъ Ростиславичи.*

Подданные покойнаго государя раздѣлились въ своихъ желаніяхъ: однимъ хотѣлось имѣть государями своими—Ярополка и Мстислава, другимъ — Михаила и Всеволода. Глѣбъ Святославичъ, князь Рязанскій, одинъ изъ Олеговичей, женатый на сестрѣ Ярополка и Мстислава, старался всѣми силами, чтобы выбраны были молодые князья, братья жены его; они всегда жили въ домѣ его и потому онъ надѣялся, что, по молодости ихъ, будетъ имѣть много власти въ великомъ княжествѣ. Старанія его—хотя и не надолго—имѣли успѣхъ: Ярополкъ и Мстиславъ были выбраны, но только при этомъ случаѣ княжество раздѣлилось на два: *Владимірское* и *Ростовское.* Въ первомъ былъ государемъ Ярополкъ, во второмъ—Мстиславъ.

Княженіе ихъ было непродолжительно. Владимірцы скоро увидѣли, что не новый государь, но Глѣбъ Рязанскій управляетъ ими; и по согласію съ ростовцами отправили пословъ къ Михаилу Георгіевичу, жившему тогда въ Черниговѣ, и велѣли посламъ сказать ему такъ: «Ты внукъ Мономаха и старшій изъ князей его рода. Иди на престолъ Боголюбскаго».

Михаилъ былъ въ это время боленъ, однакожъ согласился на просьбы бояръ владимірскихъ и велѣлъ нести

себя на носилкахъ въ городъ Владиміръ. Вмѣстѣ съ нимъ былъ и меньшій братъ его, Всеволодъ Георгіевичъ. Ярополкъ, услышавъ о такой неожиданной новости, пошелъ на встрѣчу врагамъ своимъ; но ни онъ, ни пришедшій на помощь къ нему братъ его Мстиславъ Суздальскій не могли остановить Михаила. Хотя онъ и былъ боленъ, но зато братъ его Всеволодъ Георгіевичъ храбро сражался и прогналъ обоихъ племянниковъ.

Михаила внесли въ городъ какъ побѣдителя; народъ встрѣтилъ его съ радостію и веселился нѣсколько дней съ новымъ великимъ княземъ, который старался исправить всѣ ошибки Ярополка: отдалъ назадъ всѣ деньги, взятыя изъ церквей, и выгналъ изъ Владиміра чужихъ бояръ, обижавшихъ бѣдныхъ жителей.

Ростовцы и суздальцы просили его также быть и ихъ государемъ. Михаилъ ѣздилъ къ нимъ, принялъ присягу и приказалъ войску приготовиться къ войнѣ, чтобы наказать Глѣба Рязанскаго за временное овладѣніе Владиміромъ до пріѣзда великаго князя. Но Глѣбъ прислалъ просить у него прощенія и отдалъ назадъ все, что вывезъ изъ Владиміра. Въ числѣ прочихъ вещей былъ и образъ Богоматери Пирогощей. Михаилъ, видя радость, съ которою народъ встрѣчалъ святую Заступницу свою, согласился простить рязанскаго князя.

Кончивъ дѣло съ этимъ хитрымъ врагомъ, Михаилъ почиталъ первымъ долгомъ своимъ наказать убійцъ брата Андрея Георгіевича: онъ приказалъ всѣхъ ихъ утопить въ озерѣ, которое съ тѣхъ поръ называлось *поганымъ*.

Великій князь Михаилъ вѣрно отличилъ бы себя многими славными дѣлами, но, къ несчастію, болѣзнь его продолжалась, и черезъ годъ народъ русскій лишился добраго государя.

Семейство великаго князя Михаила I Георгіевича.

Супруга: неизвѣстна.
Сынъ: Глѣбъ.

ВСТУПЛЕНІЕ НА ПРЕСТОЛЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВСЕВОЛОДА III.

отъ 1176 до 1178 года.

(2 года).

Владимірцы тотчасъ послѣ смерти Михаила Георгіевича собрались передъ Золотыми Воротами своими и присягнули брату Михаила Всеволоду III Георгіевичу. Но не то было въ Ростовѣ. Тамъ рязанскій князь Глѣбъ Святославичъ принялся опять за прежнее любимое ремесло свое: ссорить князей и народъ, чтобы пользоваться ихъ ссорами; и ростовцы, по совѣту его, объявили, что желаютъ имѣть государемъ не Всеволода, но Мстислава Ростиславича.

Опять началась война, опять полилась кровь русскихъ! Глѣбъ, защитникъ Мстислава, доказалъ во время этой войны, что не имѣлъ никакой привязанности къ отечеству, никакой жалости къ народу; онъ нанялъ злыхъ половцевъ и первый ввелъ ихъ въ сѣверныя области наши, гдѣ они до тѣхъ поръ никогда не были. Подъ начальствомъ этого жестокаго князя они ворвались туда, какъ голодные волки въ овчарню, взяли Боголюбовъ, грабили церкви, жгли деревни боярскія, уводили женъ и дѣтей въ плѣнъ. Но Богъ наказалъ за это Глѣба Святославича; онъ, сынъ его Романъ и Мстиславъ Ростиславичъ были побѣждены великимъ княземъ и посажены въ темницу.

Въ этой темницѣ объявили безпокойному князю Глѣбу, что онъ будетъ освобожденъ только тогда, какъ откажется навсегда отъ своего княжества и уѣдетъ жить въ южную Россію. Онъ гордо отвѣчалъ, что лучше умретъ въ неволѣ, нежели согласится на такое условіе, и въ самомъ дѣлѣ вскорѣ скончался.

Рязанцы, услышавъ о несчастіи своего князя, испугались сильнаго Всеволода и сами привезли къ нему брата Мстислава, Ярополка Ростиславича. Народъ владимірскій, увидѣвъ опять этого князя, причинившаго вмѣстѣ съ бра-

томъ своимъ столько бѣдъ въ великомъ княжествѣ, пришелъ въ ужасную ярость, ворвался въ темницу и ослѣпилъ обоихъ братьевъ. Неизвѣстно, не хотѣлъ или точно не могъ великій князь удержать дерзость народа, сдѣлавшаго это преступленіе; мы знаемъ только то, что онъ не наказалъ злодѣевъ, и оттого нельзя почитать его совершенно невиннымъ въ этомъ дѣлѣ.

Но Ярополкъ и Мстиславъ были всѣхъ менѣе виноваты въ тѣхъ безпорядкахъ, за которые думали наказывать ихъ: они были молоды, никогда сами не начинали ссоръ, но только исполняли приказанія Глѣба, котораго привыкли слушаться, потому что выросли въ его домѣ. Богу угодно было доказать всѣмъ невинность ихъ, и вы очень удивитесь, милые читатели, услышавъ, что̀ случилось съ ними.

Когда выпустили ихъ, уже слѣпыхъ, изъ темницы, они отправились въ южную Россію и, проѣзжая мимо Смоленска, зашли помолиться въ Смядынскую церковь Св. Бориса и Глѣба. Оба князя были всегда очень набожны, но въ этотъ разъ они съ особеннымъ усердіемъ молились и, помня слова Іисуса Христа, не только не проклинали враговъ своихъ, но даже простили ихъ. Богъ не оставляетъ никогда безъ награды такія добрыя сердца, и вообразите же радость и счастіе обоихъ князей, когда вдругъ въ то время, какъ они оканчивали молитву свою, темнота, покрывавшая глаза ихъ, начала исчезать, и вмѣсто нея показывалось что-то похожее на прежній прекрасный свѣтъ дня. Бѣдные князья думали сначала, что они видятъ это во снѣ. Но вотъ уже они различаютъ образа, горящія передъ ними свѣчи, видятъ всю церковь, наконецъ узнаютъ другъ друга! Со слезами восхищенія и благодарности, громко прославляя святое имя Господа, они упали на колѣни и обѣщались всегда быть добрыми и не слушать совѣтовъ злыхъ людей.

Это чудо разнеслось по всей Руси: всѣ полюбили князей, любимыхъ Богомъ, и новгородцы призвали ихъ быть государями въ областяхъ ихъ; Мстиславъ началъ княжить въ самомъ Новгородѣ, Ярополкъ—въ Торжкѣ.

Такимъ образомъ всѣ успокоились, и Всеволодъ III Георгіевичъ уже безъ всякаго спора, какъ *старшій изъ Мономаховичей,* сдѣлался великимъ княземъ Владимірскимъ. *Старшій же* изъ *Олеговичей,* Святославъ Всеволодовичъ, сынъ Всеволода II, былъ въ это время княземъ черниговскимъ и кіевскимъ.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

отъ 1178 до 1185 года.

(7 лѣтъ).

Вѣрно многіе изъ васъ, дѣти, съ восхищеніемъ слушаютъ, когда старшіе братцы или сестрицы ваши читаютъ прелестныя сказки въ стихахъ Жуковскаго и Пушкина? Можетъ быть даже вы знаете наизусть нѣкоторыя? Припомнивъ изъ нихъ нѣсколько пріятныхъ строчекъ, прочитайте потомъ слѣдующія:

«Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ аркучи: «О вѣтрѣ вѣтрило! чему, господине, насильно вѣяше! Чему мычеши хановскіе стрѣлки на своею нетрудною крильце, на моея лады воевъ! Мало ти бяшетъ горъ подъ облаки вѣяти, лелѣючи корабли на сине морѣ! Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя! О Днѣпре словутице! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозь землю половецкую; ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли посады до полку Кобякова! Возлелѣй, господине, мою ладу ко мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано!»

Каково показалось вамъ это, друзья мои? Однакожъ это также поэтическое произведеніе, сочиненное при великомъ князѣ Всеволодѣ Георгіевичѣ, въ XII вѣкѣ. Оно то самое, изъ котораго нѣсколько строкъ вы уже читали въ стихахъ Жуковскаго о княженіи Владиміра I или Святого; они взяты изъ перваго русскаго поэтическаго разсказа, который называется: «*Слово о полку Игоревѣ*». Мы называемъ его первымъ, потому что онъ былъ *первый,*

до насъ дошедшій; но надобно думать, что и до того времени были поэты русскіе: сочинитель «*Слово о полку Игоревѣ*» говоритъ о *Соловьѣ* стараго времени, стихотворцѣ Боянѣ, который сладко пѣлъ о славѣ князей нашихъ. Сочиненія ихъ, вѣроятно, истребились во время безпрестанныхъ войнъ, пожаровъ и грабительствъ, разорявшихъ встарину наше отечество.

«*Слово о полку Игоревѣ*», значитъ повѣсть или разсказъ о походѣ Игоря. Игорь былъ внукъ знаменитаго Олега Черниговскаго и князь Новгорода-Сѣверскаго. Этотъ городъ находился въ землѣ Сѣверской, тамъ, гдѣ теперь двѣ губерніи наши: Черниговская и Полтавская. Игорь въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ былъ чрезвычайно храбръ, любилъ войну и для славы готовъ былъ съ радостію умереть. Въ 1184 году князья южной Россіи,—изъ которыхъ главнымъ былъ Святославъ Всеволодовичъ Кіевскій,—не сказавъ ни слова Игорю Сѣверскому, пошли противъ злыхъ враговъ отечества—половцевъ, и 30-го іюля одержали надъ ними славную побѣду, взяли въ плѣнъ 7,000 человѣкъ, 417 князьковъ, — въ томъ числѣ знаменитаго Кобяка,—множество прекрасныхъ лошадей азіятскихъ и разнаго оружія. Даже самый храбрый изъ хановъ ихъ, Кончакъ, былъ разбитъ ими, не смотря на то, что у него было *огнестрѣльное оружіе*, которое предки наши называли *живымъ огнемъ*.

Слава о такой побѣдѣ разнеслась по всей землѣ Русской. И большіе, и маленькіе говорили о храбрыхъ князьяхъ; пѣвцы пѣли о дѣлахъ ихъ въ пѣсняхъ; сказочники разсказывали въ сказкахъ. Многіе завидовали такой славѣ, и всѣхъ болѣе князь Игорь Сѣверскій. Онъ совершенно потерялъ прежнее спокойствіе и веселость свою, сердился на князей за то, что они не пригласили его идти вмѣстѣ съ ними; думалъ только о томъ, чтобы прославиться еще болѣе ихъ, и для того началъ вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ своимъ, Всеволодомъ Курскимъ, тайно приготовляться къ походу. Не прошло года, какъ уже оба смѣлые князя, съ своими боярами, дружиною и нанятыми черными-клобуками пошли къ Дону. Около этой рѣки раскинуты были шатры половецкіе. Кончакъ, такъ не-

давно еще разбитый русскими, и пять другихъ хановъ удивились, увидѣвъ ихъ опять передъ собою. Съ ужасною злобою, съ сильнымъ желаніемъ отмстить бросились они на нашихъ, однакожъ храбрые князья побѣдили и принудили половцевъ бѣжать и оставить имъ въ добычу весь станъ и даже семейства свои.

Весело пировали князья русскіе въ завоеванной землѣ и въ шатрахъ непріятельскихъ; гордо говорили: «Что скажутъ теперь князья и братья наши? Они побѣдили половцевъ у себя, дома, и не смѣли идти въ ихъ землю; а мы уже въ ней, скоро будемъ и за Дономъ, гдѣ никогда еще не были отцы наши; истребимъ всѣхъ *поганыхъ*[1]) и достанемъ себѣ славу вѣчную».

Такая гордость, такое ненасытное желаніе прославиться истребленіемъ невинныхъ людей, никогда не остаются безъ наказанія. Это случилось и съ Игоремъ. Онъ хотѣлъ истребить всѣхъ половцевъ, а между тѣмъ они собрали силы свои, и на берегахъ рѣки Каялы[2]) истребили почти все войско русское! Некому было даже принести въ отечество извѣстіе о несчастіи ихъ: всѣ оставшіеся въ живыхъ были уведены въ плѣнъ, въ томъ числѣ князь Игорь и братъ его Всеволодъ.

Къ счастью, случилось въ это время проѣзжать по Каялѣ какимъ-то купцамъ: имъ поручили половцы сказать въ Кіевѣ, что теперь они могутъ обмѣняться съ Святославомъ плѣнниками.

Получивъ это извѣстіе, всѣ князья опечалились; Святославъ Кіевскій даже плакалъ; но никто не пошелъ выручать князей изъ плѣна, боясь такой же участи. Однакожъ Игорь вскорѣ возвратился самъ. Одинъ крещеный половчанинъ помогъ ему убѣжать отъ хана Кончака, который, не смотря на жестокое сердце свое, уважалъ храбраго Игоря и не обижалъ его во время плѣна, но позволилъ ему жить какъ князю, имѣть у себя слугъ, священника и забавляться ястребиною охотою. Зато и Игорь

[1]) Такъ всегда русскіе называли своихъ непріятелей, особенно не-христіанъ.

[2]) *Каяла*—называется нынѣ *Кагальникомъ*.

не скоро согласился бѣжать отъ благороднаго непріятеля своего: только сильное желаніе увидѣть печальную супругу, дѣтей и народъ свой заставило его рѣшиться на такой поступокъ, который онъ всегда называлъ постыднымъ.

Кончакъ не разсердился за это на Игоря; но, *упустивъ сокола, хотѣлъ опутать соколенка,* сказано въ «*Словѣ о полку Игоревѣ»:* у Игоря былъ молоденькій сынъ, Владиміръ, такой же храбрый, какъ и отецъ. Онъ былъ съ нимъ въ этомъ походѣ и не отставалъ отъ отца ни въ какихъ опасностяхъ. Вмѣстѣ съ нимъ попался и онъ въ плѣнъ. Это былъ тотъ соколенокъ, котораго хотѣлъ опутать ханъ Кончакъ. Такими словами сочинитель первой поэмы нашей хотѣлъ сказать, что благородный Кончакъ желалъ привязать къ себѣ молодого Владиміра любовію и благодарностію и сдѣлалъ это, выдавъ за него прекрасную дочь свою. Два года прожилъ молодой князь въ новомъ семействѣ своемъ; на третьемъ началъ просить тестя отпустить его на родину, и добрый Кончакъ согласился: Владиміръ уѣхалъ изъ земли половецкой вмѣстѣ съ женою свою.

Вотъ этотъ несчастный походъ и плѣнъ Игоря описаны въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Чтобъ оцѣнить всѣ достоинства его, надобно хорошо понимать старинный языкъ нашихъ предковъ, а вы видѣли изъ нѣсколькихъ строкъ въ началѣ этой главы, что это еще невозможно для васъ, мои читатели. Итакъ, подождите, пока вы будете постарше: тогда вы вѣрно поймете, въ чемъ состоитъ поэтическое достоинство ихъ? А до тѣхъ поръ будьте довольны тѣми немногими строками, которыя прочли здѣсь. Я постараюсь сдѣлать ихъ болѣе понятными для васъ. Въ нихъ описывается горесть супруги Игоревой, когда она узнала, что онъ въ плѣну у половцевъ.

«Ярославна плачетъ рано поутру, смотря съ городской стѣны Путивля въ чистое поле: «О вѣтеръ сильный! Для чего легкими крыльями своими наносишь ты стрѣлы ханскія на воиновъ моего друга! Развѣ мало для тебя вѣять на горахъ подоблачныхъ и лелѣять корабли на синемъ морѣ?... Для чего, о сильный, развѣялъ ты веселіе мое?...

О Днѣпръ славный! ты пробилъ горы каменныя, стремяся въ землю половецкую; ты лелѣялъ на себѣ ладіи Святославовы до стана Кобякова: принеси же и ко мнѣ друга милаго, чтобы не посылала я къ нему рано утромъ слезъ моихъ въ синее море!»

Не правда ли, что это очень мило?

ЛИВОНІЯ И РЫЦАРИ НѢМЕЦКІЕ.

отъ 1185 до 1200 года.

(15 лѣтъ).

Не берегахъ Балтійскаго моря, — стало быть на сѣверо-западѣ Россіи, въ нынѣшнихъ губерніяхъ нашихъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, — жили въ XII вѣкѣ *латыши* и народы *чудскіе,* или просто *чудь.* Потомковъ послѣднихъ мы видимъ теперь въ нашихъ чухнахъ, которые такъ часто привозятъ на рынки петербургскіе масло, молоко, угли, дрова и разныя другія вещи. Хотите ли вы знать, какъ попали къ намъ рыцари нѣмецкіе? Послушайте.

Въ то время всѣ народы европейскіе, принявшіе вѣру христіанскую, очень заботились о томъ, чтобы не было нигдѣ идолопоклонниковъ. Почти въ каждомъ государствѣ были люди, которые, чувствуя истину христіанской вѣры, такъ усердно желали сдѣлать всѣхъ христіанами, что собирались по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ и старались всѣми силами крестить всѣхъ невѣрныхъ, гдѣ бы они ни жили, и защищать церковь Божію отъ всѣхъ враговъ ея. Такіе люди разъѣзжали по всѣмъ странамъ, гдѣ думали найти идолопоклонниковъ, и часто даже силою заставляли ихъ быть христіанами.

Чудскіе народы и латыши не имѣли еще никакого понятія о Богѣ истинномъ, и вотъ христіане разныхъ государствъ задумали просвѣщать ихъ. Чаще всего приходили къ нимъ шведы, датчане и нѣмцы. Бѣдненькіе

много терпѣли отъ своихъ просвѣтителей: они учили ихъ не съ тою кротостью, въ которой примѣръ показалъ намъ Спаситель нашъ, но съ жестокостью, можно сказать даже — съ злодѣйствомъ: они убивали тѣхъ, которые не слушали ихъ и, завладѣвъ землями убитыхъ, поселялись сами въ жилищахъ ихъ. Въ 1186 году одинъ изъ просвѣтителей, по имени Мейнгардъ, построилъ первую латинскую церковь въ городѣ Икскулѣ, при рѣкѣ Двинѣ. Папа [1]) былъ такъ доволенъ усердіемъ этого Мейнгарда, что сдѣлалъ его епископомъ ливонскимъ и съ тѣхъ поръ нѣмцы получили большую власть въ землѣ ливонской. Эта власть еще болѣе увеличилась въ 1197 году, когда послѣ смерти Мейнгарда пріѣхалъ изъ Германіи епископомъ ливонскимъ Албертъ фонъ-Буксгевденъ. Онъ привезъ съ собою множество родственниковъ своихъ, нѣмецкихъ купцовъ и воиновъ, чтобы поселить ихъ въ своемъ епископствѣ, и для того заложилъ въ 1200 году городъ *Ригу*. Албертъ былъ очень уменъ и хитръ: чтобъ утвердиться еще болѣе въ Ливоніи, онъ выпросилъ у папы позволеніе учредить военный и духовный орденъ рыцарей, которые бы защищали церковь ливонскую, покоряли земли невѣрныхъ и крестили ихъ. Этихъ рыцарей называли *меченосцами* или *рыцарями св. Маріи*. Послѣднее названіе получили они оттого, что церковь, которую имъ должно было защищать, была во имя Пресвятой Богородицы. Они такъ усердно помогали своему епископу, что бѣдные латыши и чудь боялись ихъ какъ огня! Изъ страха къ проповѣдникамъ, они тотчасъ соглашались креститься и быть подданными епископа. Чтобы заставить ихъ отдать все, что было у нихъ самаго лучшаго, стоило только надѣть бѣлый плащъ съ краснымъ крестомъ рыцаря! Завидѣвъ издали эту страшную одежду, идолопоклонники прятались куда только могли; многіе убѣгали въ дремучіе лѣса и оставались тамъ жить. Если кто нибудь изъ нихъ умиралъ, они плакали надъ нимъ, клали въ гробъ его пищу, питье, топоръ, немного денегъ и говорили: «ступай, бѣднякъ, въ

---

[1]) Папа или первосвященникъ есть начальникъ всего духовенства римско-католическаго. Онъ живетъ въ Римѣ.

лучшій міръ, гдѣ не тебѣ нѣмцы, но ты нѣмцамъ будешь приказывать». По этому можно судить, какъ во зло употребляли имя Божіе эти жестокіе рыцари-меченосцы и даже самъ епископъ!

При такой силѣ и при такихъ злодѣяніяхъ, не удивительно, что владѣнія епископа рижскаго безпрестанно увеличивались и скоро нападенія рыцарей съ ливонцами на сосѣдственныя къ нимъ земли полоцкія, псковскія и новгородскія сдѣлались страшны для бѣднаго отечества нашего, и безъ того разоряемаго ссорами собственныхъ удѣльныхъ князей и нерѣшительностію, можно сказать, даже слабостію великаго князя Всеволода Георгіевича, который, продолжая спокойно княжить въ сѣверныхъ областяхъ русскихъ, казалось, мало заботился о южныхъ, и совсѣмъ не думалъ, что Россія счастлива только тогда, когда зависитъ отъ одного государя. Вмѣсто того, чтобы держать въ страхѣ южныхъ удѣльныхъ князей, онъ позволялъ имъ своевольничать до того, что наконецъ они совершенно по своей волѣ распоряжали своими владѣніями и безпрестанно отнимали ихъ другъ у друга. Самымъ смѣлымъ, сильнымъ, хитрымъ и жестокимъ изъ нихъ былъ Романъ Мстиславичъ Волынскій, правнукъ Мстислава Великаго. Исторія о дѣлахъ его такъ велика, что надобно разсказать ее въ особенной главѣ.

РОМАНЪ ВОЛЫНСКІЙ И КНЯЖЕСТВО ГАЛИЦКОЕ.

отъ 1200 до 1212 года.

(12 лѣтъ).

Ярославъ Владимірковичъ, сынъ перваго князя Галицкаго *Владимірка Володаревича,* былъ достоинъ знаменитаго отца своего, котораго читатели мои, конечно, помнятъ, потому что онъ былъ племянникъ ослѣпленнаго Василька и основатель Галича въ княженіе Всеволода II. Ярославъ Владимірковичъ увеличилъ еще болѣе это новое

княжество и сдѣлалъ его страшнымъ для сосѣдей своихъ венгерцовъ и поляковъ. Но зато единственный сынъ его Владиміръ, вовсе не походилъ ни на отца своего, ни на дѣда. Причиною этого было баловство матери, которая сначала позволяла ему дѣлать всевозможныя шалости, а потомъ не могла уже и унять избалованнаго сына!

Нельзя описать всѣхъ безпорядковъ, какіе были при Владимірѣ, когда послѣ смерти отца онъ сдѣлался государемъ галицкимъ. Вмѣсто того, чтобы заниматься дѣлами, онъ предавался невоздержанію, веселился какъ безумный. Послѣ этого, вы можете представить себѣ, что при такомъ государѣ бояре могли дѣлать все, что хотѣли. Бѣдный народъ терпѣлъ ужасныя притѣсненія, началъ роптать и наконецъ взбунтовался. Но надобно сказать къ чести простого народа нашего, что никогда самъ онъ не забудетъ почтенія къ государю своему, а всегда какіе нибудь дурные люди научатъ его этому. Такъ случилось и въ Галичѣ. Самымъ близкимъ сосѣдомъ галичанъ былъ Романъ Мстиславичъ Волынскій, князь гордый, хитрый, властолюбивый. Безпрестанно слыша о безпорядкахъ Владиміра, онъ зналъ, что не трудно будетъ взбунтовать недовольный народъ и заставить его изгнать слабаго государя. Онъ надѣялся также, что галичане, сдѣлавъ это, изберутъ непремѣнно его княземъ своимъ.

Надежда его точно исполнилась. Владиміръ принужденъ былъ бѣжать въ Венгрію, а Романъ Мстиславичъ тотчасъ призванъ былъ галичанами на престолъ его. Но это было ненадолго.

Венгерскій король Бела, такъ же какъ и Романъ, хотѣлъ завладѣть Галичемъ и послалъ туда съ войскомъ сына своего Андрея, который, выгнавъ князя Волынскаго, сдѣлался самъ королемъ галицкимъ. Несчастный же Владиміръ былъ посаженъ въ темницу въ Венгріи.

Но и царствованіе Андрея было непродолжительно. Всѣ князья южной Россіи съ досадою смотрѣли, что прекраснѣйшая область въ отечествѣ ихъ была въ рукахъ у чужеземцевъ; всѣ они бросились отнимать ее у венгровъ, но никто не успѣлъ въ этомъ, потому что всѣ они, по обыкновенію своему, перессорились. Андрей радовался

этимъ ссорамъ и уже думалъ спокойно владѣть чужою областію, какъ вдругъ совсѣмъ неожиданно лишился ея.

Владиміръ Ярославичъ Галицкій былъ посаженъ по приказанію венгерскаго короля въ высокую башню. Ему удалось однакожъ уйти оттуда въ окно по веревкамъ, свитымъ изъ простынь и занавѣсовъ кровати. Нѣмецкій императоръ Фридерикъ Барбарусса и польскій король Казиміръ Справедливый были его покровителями. Послѣдній даже далъ ему войско, чтобы выгнать венгровъ изъ Галича. Галичане радовались этому, потому что новый государь ихъ, Андрей, дѣлалъ имъ еще болѣе зла, нежели Владиміръ. Онъ и пріѣхавшіе съ нимъ венгры такъ презирали русскихъ, что даже въ церквахъ нашихъ дѣлали лошадиныя стойла! Послѣ этого, подумайте, могли ли они не радоваться возвращенію Владиміра? По крайней мѣрѣ онъ былъ одной съ ними вѣры.

Владиміръ, выгнавъ венгровъ, боялся другихъ искателей Галича и для того просилъ о покровительствѣ великаго князя Всеволода Георгіевича. Онъ писалъ ему такъ: «Будь моимъ отцомъ и государемъ, *я Божій и твой* и со всѣмъ Галичемъ, но *только твой;* тебѣ одному хочу повиноваться». Такія слова государя княжества знаменитаго были лестны для гордаго Всеволода, и онъ объявилъ себя защитникомъ его.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ Владиміръ умеръ, не оставивъ дѣтей. Тогда-то ужасна была судьба несчастнаго княжества Галицкаго! Романъ Волынскій тотчасъ явился туда съ поляками, которыхъ выпросилъ на помощь себѣ у короля польскаго. Галичане, зная жестокій нравъ этого князя, умоляли сына Казимирова, чтобы онъ самъ управлялъ ими, или прислалъ намѣстника. Однакожъ онъ не согласился и силою сдѣлалъ Романа государемъ ихъ.

Еслибы бѣдные галичане знали это, то вѣрно не показали бы Роману, что такъ сильно ненавидѣли его: дорого заплатили они за эту ненависть! Съ самаго начала его княженія не проходило дня, чтобы кто нибудь изъ бояръ не былъ казненъ. Лучшихъ изъ нихъ онъ умерщвлялъ, зарывалъ живыхъ въ землю, разстрѣливалъ и потомъ присвоивалъ себѣ имѣнія ихъ. Любимая посло-

вица его была: «*Если хочешь ѣсть медъ, то надобно задавить пчелъ*». Послѣ этого я уже не буду разсказывать вамъ, читатели мои, каково было княженіе Романа. Вы сами поймете.

Страшный князь галицкій былъ жестокъ не только къ однимъ подданнымъ своимъ. Узнавъ, что тесть его и наслѣдникъ умершаго Святослава Кіевскаго, князь Рюрикъ Ростиславичъ, замышляетъ съ Олеговичами отнять у него Галичъ, Романъ собралъ войско свое скорѣе ихъ, явился въ Кіевѣ, покорилъ всѣхъ, и тесть его съ женою и дочерью ихъ, супругою Романа, очень не любимою имъ, были насильно пострижены и заключены въ одномъ изъ монастырей кіевскихъ.

Романъ Мстиславичъ, поступивъ такъ жестоко съ бѣдною супругою своею, женился на другой. Воюя безпрестанно съ сосѣдними народами и безпрестанно побѣждая ихъ, онъ такъ прославился своими завоеваніями, что волынскіе историки называютъ его *великимъ* и даже *самодержцемъ всей Руси*. Можетъ быть, стараясь загладить преступленія своей молодости раскаяніемъ и добрыми дѣлами, онъ такъ же, какъ и св. Владиміръ, заслужилъ бы подлинно это названіе *великаго*, но жизнь и счастіе его не были такъ продолжительны, и въ 1203 году онъ убитъ былъ въ сраженіи съ поляками. Молодая супруга его, оставшись вдовою съ двумя маленькими сыновьями, терпѣла много горя. Старшему изъ нихъ, Даніилу, наслѣднику Романа, было только четыре, младшему, Васильку, два года. Подумайте, читатели мои, что̀ могла сдѣлать слабая женщина съ двумя малютками противъ всѣхъ непріятелей князя галицкаго, которые съ нетерпѣніемъ ожидали случая отмстить ему!

Князья южной Россіи, и особенно постриженный князь кіевскій Рюрикъ, спѣшили воспользоваться смертію Романа Мстиславича, и явились въ Галичѣ. Съ другой стороны шли туда поляки. Испуганная княгиня съ обоими сыновьями бѣжала въ наслѣдственную область супруга своего, Владиміръ-Волынскій, но и тамъ пробыла недолго.

Князья сѣверскіе, сыновья Игоря, извѣстнаго несчастнымъ походомъ на половцевъ, сдѣлавшись съ общаго

согласія Олеговичей государями галицкими, требовали отъ владимірцовъ, чтобы они выдали имъ маленькихъ сыновей Романа или столица ихъ будетъ разрушена. Народъ хотѣлъ умертвить посла, привезшаго это извѣстіе, и просилъ княгиню надѣяться на его защиту; но нѣжная мать, страшась одной мысли потерять милыхъ дѣтей своихъ, не рѣшилась остаться вблизи враговъ и ночью бѣжала изъ дворца вмѣстѣ съ обоими сыновьями своими, съ дядькой старшаго, бояриномъ Мирославомъ и кормилицею младшаго. Съ ними былъ также и священникъ, вѣроятно духовникъ княгини, отецъ Юрій. Подойдя къ воротамъ городскимъ, несчастные бѣглецы нашли ихъ уже запертыми и принуждены были пролѣзть сквозь небольшое отверстіе развалившейся стѣны. Долго шли они пѣшкомъ до границъ Польши. Тамъ король Лешко Бѣлый ласково и дружески принялъ княгиню. Судьба несчастнаго семейства такъ тронула его, что онъ обѣщалъ ему всю возможную помощь и послалъ маленькаго Даніила съ письмомъ къ королю венгерскому Андрею. Въ этомъ письмѣ онъ напомнилъ Андрею дружбу къ нему Романа, отца Даніилова, и приглашалъ его вступиться за изгнанниковъ и возвратить имъ наслѣдственныя владѣнія ихъ. Андрей также очень ласково принялъ маленькаго князя, но ни тотъ, ни другой ничего не сдѣлали въ пользу его, потому что богатые подарки князей Сѣверскихъ, завладѣвшихъ Галичемъ, вскорѣ перемѣнили расположеніе Венгріи и Польши къ семейству Романа Мстиславича. Однакожъ вдова и сироты его жили при этихъ двухъ дворахъ, гдѣ мы ненадолго оставимъ ихъ, чтобы взглянуть на то, что дѣлается на сѣверѣ Россіи.

МСТИСЛАВЪ МСТИСЛАВИЧЪ ХРАБРЫЙ, КНЯЗЬ НОВГОРОДСКІЙ.

ОТЪ 1212 ДО 1219 ГОДА.

(7 лѣтъ).

Великій князь Всеволодъ III имѣлъ много дѣтей, и по этой причинѣ предки наши называли его *Великимъ Гнѣздомъ*. Шесть сыновей его были: *Константинъ, Георгій, Ярославъ, Владиміръ, Святославъ* и *Іоаннъ*. Всѣхъ ихъ онъ любилъ съ одинаковою нѣжностію. Весело и богато праздновалъ онъ рожденіе каждаго изъ нихъ, но еще веселѣе и торжественнѣе *постриги* ихъ.

Это слово вѣрно непонятно для читателей нашихъ, и потому поспѣшимъ объяснить его.

Слово: *постриги* значило встарину праздникъ перваго обрѣзанія волосъ у мальчика, когда ему исполнится четыре года. Предки наши почитали это обрѣзаніе важнымъ обрядомъ: оно означало, что мальчикъ, которому при епископѣ, боярахъ и гражданахъ *стригли волосы*, и котораго потомъ *сажали на лошадь*, вступалъ въ званіе гражданина и воина. Чѣмъ знатнѣе были родители, чѣмъ нѣжнѣе они любили сына, тѣмъ богаче были *постриги* малютки. Но никто не давалъ такихъ пышныхъ пировъ при этомъ случаѣ, какъ Всеволодъ III. Онъ угощалъ тогда всѣхъ князей союзныхъ, дарилъ ихъ золотомъ, прекрасными лошадьми, дорогими одеждами; дарилъ и бояръ своихъ мѣхами, позволялъ и народу пировать и веселиться на дворѣ княжескомъ.

Когда же всѣ сыновья великаго князя выросли, особенная любовь его примѣтна была ко второму сыну, Георгію. Онъ даже назначилъ наслѣдникомъ своимъ его, а не старшаго сына, Константина. Это подало причину къ ссорѣ между братьями, которая и открылась послѣ смерти отца. Примирителемъ ихъ былъ *Мстиславъ Мстиславичъ Храбрый*, князь знаменитый, добрый, великодушный. Дѣла его заслуживаютъ особеннаго вниманія, и

потому надобно разсказать исторію его нѣсколько прежде того времени, какъ онъ помирилъ двухъ братьевъ.

Вы видѣли, сколько безпорядковъ происходило въ продолженіе тридцати-семи-лѣтняго княженія Всеволода III; вы видѣли, что слабая нерѣшительность его не могла удержать въ повиновеніи князей южной Россіи, которые вовсе не считали его государемъ своимъ. Въ сѣверныхъ областяхъ власть его была гораздо дѣйствительнѣе, такъ что онъ могъ держать въ страхѣ безпокойныхъ новгородцевъ и по волѣ своей смѣнять князей ихъ. Гордые новгородцы славились богатою торговлею своею. Всеволодъ Георгіевичъ зналъ, что, препятствуя этой торговлѣ, всего скорѣе можно покорить сильный Новгородъ, и точно не ошибся! Какъ скоро онъ началъ мѣшать новгородскимъ купцамъ торговать по Россіи заморскими товарами, а чиновникамъ разъѣзжать по Двинской землѣ за податьми,—*вольные люди,* чтобы умилостивить хитраго князя, принуждены были выбрать государемъ своимъ одного изъ сыновей его, по имени Святослава. Всеволодъ только того и ждалъ,—и съ тѣхъ поръ начались несчастія Новгорода! Вмѣстѣ съ четырехлѣтнимъ Святославомъ Всеволодовичемъ пріѣхали въ Новгородъ опытные бояре владимірскіе, управлявшіе Новгородомъ подъ именемъ маленькаго князя. Много терпѣли несправедливостей и обидъ граждане новгородскіе отъ этихъ пріѣзжихъ бояръ, но не смѣли жаловаться, потому что боялись терпѣть еще болѣе. Надѣясь на Бога, они ожидали помощи отъ одного Его.

Эта надежда не обманула ихъ: къ нимъ явился защитникъ, сынъ прежняго, любимаго князя ихъ, знаменитаго Мстислава *Храбраго,* также Мстиславъ и также названный потомъ *храбрымъ* и *удалымъ.* Этотъ молодой князь, горячо любившій свое отечество, съ печалію смотрѣлъ на безпорядки, происходившіе во всѣхъ областяхъ его, и рѣшился употребить всѣ силы свои, чтобы поправить разстройство и примирить сколько можно князей. Дѣла было довольно для великодушнаго Мстислава Мстиславича: безпорядки были и въ Кіевѣ, и въ Галичѣ, и въ Новгородѣ. Прежде всего онъ отправился въ этотъ послѣдній городъ, объявилъ себя защитникомъ новгородцевъ,

которые, съ восторгомъ принимая новаго государя, называли его своимъ спасителемъ, отцомъ, своимъ воскресшимъ Ярославомъ! Онъ усмирилъ бояръ владимірскихъ и отправилъ ихъ вмѣстѣ съ маленькимъ Святославомъ къ великому князю. Потомъ защитилъ земли новгородскія отъ нападеній нѣмецкихъ рыцарей и литовцевъ, принудилъ чудь заплатить обыкновенную дань ея Новгороду, и наконецъ, приведя все въ порядокъ, объявилъ на вѣчѣ, что онъ долженъ идти въ южную Россію, гдѣ жадные венгры, поляки и Олеговичи безжалостно мучили бѣдныхъ жителей.

Новгородцы со слезами разстались съ незабвеннымъ княземъ, благодѣтелемъ отечества ихъ, и призвали на престолъ свой зятя его, Ярослава Всеволодовича. Но какъ онъ былъ не похожъ на добраго и благороднаго тестя своего! Ярославъ думалъ, что одна строгость можетъ удержать въ повиновеніи безпокойныхъ новгородцевъ и довелъ эту строгость до такой жестокости, что во время случившагося тамъ голода выѣхалъ со всѣмъ семействомъ своимъ въ Торжокъ и не послалъ въ столицу новгородскую ни одного воза съ хлѣбомъ. Добрый Мстиславъ Мстиславичъ, услышавъ о дѣлахъ зятя, пріѣхалъ утѣшить новгородцевъ. Онъ надѣялся, что успѣетъ помирить ихъ съ Ярославомъ, но этотъ строгій князь не хотѣлъ и слышать о мирѣ. Въ то время отца его, великаго князя Всеволода III, уже не было на свѣтѣ, а у двухъ старшихъ братьевъ, *Константина* и *Георгія,* началась ссора за престолъ великокняжескій. Войско Георгія было многочисленнѣе, и всѣмъ казалось, что побѣда будетъ на его сторонѣ. Онъ обѣщалъ помогать и меньшему брату своему Ярославу въ войнѣ его съ Мстиславомъ и новгородцами, но въ то же время и Мстиславъ обѣщалъ возвести Константина на престолъ великокняжескій, если онъ поможетъ ему усмирить зятя. Константинъ Всеволодовичъ явился съ полками своими. Сначала благоразумный Мстиславъ старался всѣми силами уговорить князей не начинать войны междоусобной, которая бываетъ всегда величайшимъ зломъ для государства; просилъ ихъ ласково

признать великимъ княземъ старшаго брата и возвратить новгородцамъ взятые у нихъ Ярославомъ города. Но гордые князья съ насмѣшкою отвѣчали, что они съ своими храбрыми суздальцами могутъ противиться всѣмъ русскимъ вмѣстѣ, а новгородцевъ *закидаютъ и одними сѣдлами.* Послѣ такого дерзкаго отвѣта они созвали къ себѣ въ шатры воеводъ своихъ, приказали имъ не щадить въ битвѣ никого, но убивать всѣхъ безъ разбора и, думая непремѣнно завоевать всю Русь, уже дѣлили ее между собою. Георгій назначилъ письменнымъ договоромъ, какія области останутся братьямъ его, какія останутся за нимъ, и, окончивъ эти распоряженія, послалъ сказать Мстиславу и Константину, что онъ и братъ его, Ярославъ, хотятъ сражаться съ ними на Липецкомъ полѣ.

Замѣтьте, милые читатели, какъ Богъ всегда наказываетъ людей гордыхъ и слишкомъ надѣющихся на себя! Георгій и Ярославъ пришли на Липецкое поле, думая непремѣнно побѣдить непріятелей своихъ и вмѣсто того были побѣждены сами! Новгородцы и полки Константиновы, подъ начальствомъ героя Мстислава, показали рѣдкую храбрость. Непріятели вскорѣ побѣжали отъ нихъ и на каждомъ шагу оставляли мертвыхъ: побѣдители гнались за ними, не щадя никого. Ярославъ ушелъ въ свой Переяславскій удѣлъ и въ гнѣвѣ умертвилъ тамъ многихъ купцовъ новгородскихъ, а Георгій прискакалъ во Владиміръ. Напрасно умолялъ онъ владимірцевъ защитить его: спустя два дня пришелъ къ нимъ Мстиславъ, и все покорилось ему и Константину. Георгій, выѣзжая изъ столицы, съ горестію жаловался на Ярослава и винилъ его во всемъ несчастіи своемъ.

Но доброму Константину горестно было видѣть въ изгнаніи брата: чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ призвалъ его къ себѣ и, чувствуя свое слабое здоровье, объявилъ его своимъ наслѣдникомъ.

Между тѣмъ храбрый Мстиславъ во второй разъ простился съ новгородцами. Хотите ли послушать, какъ говорили тогда князья новгородскіе съ своими подданными на вѣчѣ ихъ? Вотъ немногія слова Мстислава: «Клянусь

святой Софіи [1]), гробу отца моего и вамъ, добрые новгородцы! Чужіе народы владѣютъ знаменитымъ княжествомъ Галицкимъ: я хочу изгнать ихъ. Но васъ не забуду и желаю, чтобы кости мои лежали у св. Софіи, тамъ, гдѣ покоится родитель мой!»

Онъ точно исполнилъ свое намѣреніе и, вскорѣ по пріѣздѣ въ Галичъ, развѣялъ какъ пыль многочисленныхъ враговъ этой несчастной земли. Главными изъ нихъ были венгры и поляки, которые, убивъ самымъ жестокимъ образомъ Игоревичей, посадили на престолъ ихъ двухъ соединенныхъ бракомъ дѣтей: *Коломана*, сына короля венгерскаго, и *Соломею*, дочь короля польскаго.

Такимъ образомъ венгры и поляки уже совсѣмъ завладѣли наслѣдствомъ дѣтей Романа Мстиславича, короновали Коломана и Соломею, какъ короля и королеву галицкихъ, и между тѣмъ бояре ихъ управляли, какъ хотѣли, дѣлами государственными. Своевольство ихъ дошло наконецъ до того, что они хотѣли перемѣнить и греческую вѣру галичанъ на латинскую, и уже выгнали нашихъ священниковъ и принуждали всѣхъ русскихъ сдѣлаться католиками. Вотъ это притѣсненіе православной вѣры нашей заставило Мстислава Храбраго поспѣшить какъ можно скорѣе на помощь къ бѣдному народу галицкому.

Для героя, прославившагося дѣлами необыкновенными, не трудно было побѣдить разстроенное войско венгровъ, не имѣвшихъ опытнаго начальника, унять своевольныхъ бояръ и взять въ плѣнъ маленькихъ государей ихъ. Галичане, благословляя своего избавителя, называли его своимъ *краснымъ солнышкомъ*, а епископы русскіе, возвращенные имъ на родину, возвели его на престолъ галицкій.

Но вы, вѣрно, ожидали, что добрый и справедливый Мстиславъ отдастъ это княжество Даніилу, законному наслѣднику Романа, и это желательно было бы потому, что

---

[1]) Въ Новгородѣ была главная церковь во имя св. Софіи, покровительницы этого княжества. Она существуетъ и до сихъ поръ.

Даніилъ, еще будучи ребенкомъ, подавалъ отличными качествами своими прекрасную надежду быть со временемъ княземъ знаменитымъ. Но Мстиславъ имѣлъ тотъ недостатокъ, который имѣютъ почти всѣ добрые и откровенные люди: онъ былъ легковѣренъ и, никогда не умѣя лгать, думалъ, что и всѣ люди говорятъ правду. Хитрые бояре галицкіе, подкупленные венграми, старались воспользоваться этою слабостію и увѣрили его, что народъ не любитъ Даніила, и что миръ съ королемъ венгерскимъ гораздо выгоднѣе для Галича, нежели война съ нимъ. Мстиславъ сожалѣлъ объ этомъ, потому что любилъ Даніила и даже отдалъ за него дочь свою; но чтобы не ссориться съ венграми, не только отпустилъ въ Венгрію *Коломана* и *Соломею,* но и сговорилъ другую дочь свою за меньшого сына короля венгерскаго и обѣщалъ дать за нею въ приданое Галичъ. Это была важная ошибка Мстислава, ошибка, которая причинила вскорѣ новыя бѣды галичанамъ.

Даніилъ Романовичъ, уважая тестя, не роопталъ на него и остался княземъ только въ Волыни.

Семейство великаго князя Всеволода III Георгіевича:

Супруга неизвѣстна.

Сыновья: 1) Константинъ. 2) Георгій. 3) Ярославъ. 4) Владиміръ. 5) Святославъ. 6) Іоаннъ.

НАШЕСТВІЕ ТАТАРЪ.

отъ 1219 до 1238 года.

(19 лѣтъ).

Если, читая эту исторію, вы, милыя дѣти, часто жалѣли о несчастіяхъ бѣднаго отечества нашего; если васъ, точно, огорчало то, что должны были терпѣть добрые предки наши, то вы вдвое болѣе будете огорчены теперь: ни злые кудесники, ни дикіе печенѣги и половцы, ни

появившіеся вновь литовцы и нѣмецкіе рыцари, ни ссоры князей и ненависть ихъ другъ къ другу—не причинили столько бѣдъ землѣ Русской, какъ ужасное, неслыханное несчастіе, которое въ исторіи нашей называется *нашествіемъ татаръ!* Вы живете въ самое счастливое время Россіи: вы веселитесь ея успѣхами, гордитесь великимъ государемъ нашимъ, который съ отеческою любовію заботится о счастіи своихъ подданныхъ, — и такъ, вы не можете судить, не можете понять, что испытали бѣдные предки наши подъ властію жестокихъ варваровъ, ихъ покорившихъ! Одна мысль, что Богъ наказываетъ въ здѣшней жизни только тѣхъ людей, которыхъ, по человѣколюбію своему, хочетъ сдѣлать лучшими, могла поддержать ихъ въ страданіяхъ и спасти отъ совершенной погибели въ продолженіе этого ужаснаго, болѣе двухъ сотъ лѣтъ продолжавшагося бѣдствія! Пусть же эта мысль о любви Божіей и о нынѣшнемъ счастіи нашемъ будетъ утѣшать насъ при чтеніи о прошедшихъ бѣдствіяхъ нашей милой родины.

Въ то время татары вовсе не походили на смирныхъ и честныхъ потомковъ ихъ, спокойно живущихъ теперь въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ губерній, напримѣръ: Тобольской, Казанской, Таврической. Нѣтъ! то были грубые, полудикіе, безчеловѣчные воины, жившіе въ Азіи, къ югу отъ Иркутска, въ нынѣшней Татаріи Китайской, питавшіеся звѣриною ловлею, скотоводствомъ и грабежемъ. О природной жестокости ихъ вы можете судить по слѣдующему разсказу, взятому изъ дѣтства самаго знаменитаго *хана* или царя ихъ, Темучина.

Онъ остался тринадцати лѣтъ послѣ смерти отца своего, Езукая Багадура. Подданные его вдругъ взбунтовались противъ хана-ребенка. Что же сдѣлалъ этотъ ребенокъ, этотъ тринадцати-лѣтній Темучинъ? Онъ собралъ войско, усмирилъ бунтовщиковъ и приказалъ ихъ сварить живыхъ въ семидесяти котлахъ кипящей воды! Одинъ такой поступокъ показываетъ вамъ всѣ ужасныя свойства народа, у котораго даже дѣти были такъ злы и безжалостны!

Этотъ молодой Темучинъ болѣе всѣхъ другихъ хановъ прославился завоеваніями и побѣдами: онъ покорилъ

не только многія сосѣдственныя орды [1]) татарскія, монгольскія и киргизскія, но даже былъ и въ Китаѣ, и сжегъ главный городъ китайцевъ—Пекинъ. Подданные Темучина почитали его человѣкомъ необыкновеннымъ, посланнымъ къ нимъ отъ Бога для прославленія ихъ царства. Эта мысль еще болѣе утвердилась въ нихъ съ тѣхъ поръ, какъ явился къ нимъ какой-то мнимый пророкъ или колдунъ, вѣроятно подкупленный ханомъ, и объявилъ всему народу и войску татарскому, что Богъ отдаетъ Темучину всю землю и повелѣваетъ ему называться впредь *Чингисъ-ханомъ* или *Великимъ-ханомъ.* Послѣ такого объявленія Темучинъ или Чингисъ-ханъ ужъ не встрѣчалъ болѣе непріятелей между татарскими народами: всѣ они почитали за грѣхъ противиться повелѣнію Божію. Не находя болѣе противниковъ въ Азіи и все еще желая увеличивать свою славу, Чингисъ-ханъ пошелъ въ 1223 году къ странамъ западнымъ,—и тѣмъ рѣшилъ судьбу Россіи!

Недалеко отъ береговъ Каспійскаго моря полководцы Чингисъ-хана встрѣтили половцевъ, разбили ихъ и гнались за ними до самыхъ границъ нашихъ. Побѣжденные половцы убѣжали въ Кіевскую область, и въ числѣ ихъ былъ ханъ Котянъ, тесть Мстислава Храбраго [2]). Этотъ ханъ встревожилъ всю Россію своими разсказами о страшныхъ татарахъ, умолялъ князей идти противъ нихъ, увѣряя, что если они не сдѣлаютъ этого, то татары придутъ и въ Русскую землю, такъ же какъ пришли въ половецкую.

Князья наши, всегда любившіе войну и славу, не съ страхомъ, но съ жадностію слушали разсказы стараго Котяна; имъ хотѣлось летѣть навстрѣчу новыхъ, еще невиданныхъ враговъ, и вотъ самые храбрые изъ нихъ: Мстиславъ Галицкій, Мстиславъ Черниговскій и Мстиславъ Кіевскій, со многими молодыми князьями, не согласившись съ старшими, безразсудно пошли искать татаръ! Въ то время великаго князя Константина Всеволодовича

---

[1]) *Орда* значитъ у татаръ кочующее племя народовъ ихъ.

[2]) Не одинъ Владиміръ, сынъ Игоря Сѣверскаго, но и многіе другіе князья наши были женаты на княжнахъ половецкихъ.

уже не было на свѣтѣ и престолъ владимірскій принадлежалъ брату его, Георгію II. Георгій, воюя съ камскими болгарами, побѣждая ихъ и основывая новые города [1]) въ мѣстахъ завоеванныхъ, не могъ участвовать въ походѣ южныхъ князей.

На Днѣпрѣ смѣльчаки встрѣтили пословъ татарскихъ. Они еще не начинали ссоры и, напротивъ того, приглашали князей нашихъ бить, вмѣстѣ съ ними, половцевъ, которыхъ татары называли своими *рабами* и *конюхами*. Но князья какъ будто сами желали своей погибели: они думали, что мирныя предложенія татаръ происходятъ отъ трусости, и съ гордостію отвергли ихъ. Молодой князь волынскій, Даніилъ, вмѣстѣ съ тестемъ своимъ, Мстиславомъ Храбрымъ, первые бросились на показавшійся отрядъ непріятельскій и совершенно разбили его. Эта первая удача заманила далѣе минутныхъ побѣдителей: они переправились со всѣмъ войскомъ за Днѣпръ и девять дней шли до рѣки Калки [2]). Здѣсь-то, на берегахъ этой несчастной для русскихъ рѣки, начались бѣдствія отечества нашего; здѣсь-то, 31-го мая 1224 года, предки наши претерпѣли ужасное пораженіе, отъ котораго не спасли ихъ храбрость всего войска, ни отчаянное мужество неустрашимаго Даніила Волынскаго! Этотъ герой въ жару сраженія не чувствовалъ раны, полученной въ грудь, и продолжалъ бить татаръ. Все прекрасное войско наше исчезло: шесть князей и семьдесятъ славныхъ богатырей были убиты! Едва десятая часть спаслась бѣгствомъ вмѣстѣ съ Мстиславомъ Галицкимъ и Даніиломъ Волынскимъ.

Побѣдители преслѣдовали побѣжденныхъ до самаго Днѣпра. Жители городовъ и селеній, чтобы смягчить враговъ своихъ покорностію, выходили къ нимъ на встрѣчу съ образами и крестами, но у татаръ было правиломъ,

---

[1]) Въ это время Георгій II Всеволодовичъ основалъ тамъ, гдѣ сливаются рѣки *Волга* и *Ока*, *Нижній-Новгородъ*, знаменитый въ наше время славною ярмаркою, которая бываетъ тамъ каждый годъ въ августѣ мѣсяцѣ.

[2]) Эта рѣка называется теперь *Калецомъ* и течетъ по Екатеринославской губерніи, близь Маріуполя.

что *побѣжденные не могутъ быть друзьями побѣдителей*. Слѣдуя этому правилу, жестокіе татары убивали всѣхъ, кого встрѣчали, не щадя ни стариковъ, ни женщинъ, ни даже дѣтей! Народъ во всей южной Россіи былъ въ ужасѣ: ожидая неминуемой смерти, всѣ молились Богу въ церквахъ и дома, — и Милосердый сжалился надъ слезами христіанъ, и еще на нѣсколько лѣтъ отсрочилъ погибель ихъ: полководцы татарскіе вдругъ получили повелѣніе отъ Чингисъ-хана возвратиться къ нему въ Азію.

Нельзя описать той радости, какую почувствовали русскіе, услышавъ, что страшные враги удалились отъ отечества ихъ! Не зная, откуда они приходили и куда ушли, всѣ почитали ихъ наказаніемъ небеснымъ, и народъ, къ несчастію, скоро забылъ это наказаніе! Двѣнадцать лѣтъ не было слуху о татарахъ, и князья русскіе, вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ временемъ и соединенными силами укрѣпить свое разстроенное государство, продолжали свое несогласіе. Двое изъ нихъ, Михаилъ Черниговскій и Ярославъ Всеволодовичъ, — уже извѣстный читателямъ нашимъ — братъ великаго князя, ссорился за Новгородъ: непостоянные новгородцы избирали то одного изъ нихъ, то другого. Наконецъ утвердился тамъ Ярославъ, имѣвшій гораздо болѣе правъ на эту безпокойную область и по той храбрости, съ которою онъ защищалъ ее отъ нападеній литовцевъ и нѣмецкихъ рыцарей, и по тому усердію, съ которымъ старался загладить прежнюю жестокость свою къ новгородцамъ. Однакожъ княженіе его у нихъ было непродолжительно: въ 1236 году онъ призванъ былъ на престолъ кіевскій. Княземъ же новгородскимъ остался сынъ его, молодой *Александръ Ярославичъ*, который прославился потомъ знаменитыми дѣлами, заслужилъ имя *Невскаго*, и еще болѣе—заслужилъ небесный вѣнецъ *святого!*

Великій князь Георгій II, усмиривъ болгаръ, жилъ спокойно въ Владимірѣ и, слѣдуя примѣру отца своего, не вмѣшивался въ ссоры князей, не старался усмирять непокорныхъ изъ нихъ, ни мирить несогласныхъ. Время

отъ времени ходилъ онъ воевать съ мордвою. Это былъ народъ, жившій недалеко отъ камскихъ болгаръ, по берегамъ Волги.

Мстиславъ Галицкій, послѣ несчастнаго сраженія при Калкѣ, уже не могъ называться *Удалымъ:* уныніе совершенно перемѣнило нравъ его: онъ сдѣлался слабымъ, недовѣрчивымъ, позволилъ вельможамъ галицкимъ управлять собою, позволилъ имъ даже оклеветать добраго, благороднаго зятя своего, Даніила Волынскаго, и, повѣривъ клеветѣ ихъ, поссорился съ нимъ. Во время этой ссоры онъ исполнилъ обѣщаніе, давно данное королю венгерскому; отдалъ дочь свою и престолъ галицкій сыну его, а себѣ оставилъ только небольшую *Подольскую* область. Великодушный, вѣрный слову своему Мстиславъ скоро раскаялся въ поступкѣ своемъ: венгерскій королевичъ отплатилъ ему неблагодарностію, а добрый Даніилъ оставался вѣрнымъ сыномъ его и во время ссоры ихъ, и тогда, какъ уже открылась клевета бояръ. Обманутый, унылый Мстиславъ не могъ долго переносить жизнь безславную и скончался въ 1228 году.

Смерть его подала новую причину къ ссорамъ. Даніилъ и Михаилъ Черниговскій спорили съ венгерскимъ королевичемъ за Галичъ, который наконецъ, по смерти королевича, достался Михаилу. Даніилъ просилъ великаго князя и брата его, Ярослава Всеволодовича Кіевскаго, помочь ему возвратить наслѣдственную область и, получивъ ласковое обѣщаніе ихъ, надѣялся наконецъ быть счастливымъ государемъ въ милой родинѣ своей, какъ вдругъ всѣ княжества снова встревожились, всѣ люди снова съ ужасомъ услышали страшную вѣсть о врагахъ, которыхъ почти забыли: наступилъ 1237 годъ и—съ нимъ бѣдствіе нашего отечества!

Чингисъ-ханъ умеръ въ 1227 году. Онъ завѣщалъ сыну и наслѣднику своему *Октаю* окончить послѣ него завоеваніе всего свѣта и *мириться только съ побѣжденными народами!* Октай такой же злой, какъ и отецъ его, спѣшилъ исполнить это приказаніе: онъ покорилъ самъ всѣ страны, лежавшія вблизи его государства, а племянника своего, Батыя, и съ нимъ 300,000 воиновъ послалъ за-

воевать сѣверные берега моря Каспійскаго и другія, сосѣднія съ ними земли. Эти *другія земли* были—русскія.

Батый въ 1237 году былъ уже въ Камской Болгаріи и разорилъ столицу болгаровъ—*Великій-городъ*. Едва эта вѣсть успѣла дойти до русскихъ, какъ уже татары были въ Рязанской области и послали нашимъ князьямъ двухъ пословъ и какую-то *колдунью*, которые объявили, что если руссскіе хотятъ остаться живы, то чтобъ были данниками и рабами татаръ, и тотчасъ же прислали бы къ нимъ десятую часть всего имѣнія ихъ. Князья удивились такой дерзости и гордо отвѣчали: «Пока мы живы, ничего не дадимъ; если же не будетъ насъ, тогда все возьмите»

Послѣ такого благороднаго отвѣта князьямъ слѣдовало бы забыть несогласія свои, думать объ одномъ спасеніи отечества и всѣми соединенными силами ударить на враговъ,—но они не сдѣлали этого, они безчеловѣчно отказывали другъ другу въ помощи, и за то пострадали, пострадали ужасно!

Рязань, напрасно ожидавшая защиты отъ великаго князя Георгія, погибла первая. Несчастные жители защищались пять дней, не сходя съ городской стѣны; въ шестой—татары ворвались въ городъ, убивая безъ всякаго милосердія всѣхъ встрѣчавшихся имъ людей: они не пощадили ни князя, ни супруги, ни матери его! Варвары распинали плѣнниковъ, связывали имъ руки, стрѣляли въ нихъ, какъ въ цѣль, для забавы, жгли священниковъ, обращали въ пепелъ всѣ домы и монастыри! Однимъ словомъ, невозможно описать всѣхъ ужасовъ, тогда происходившихъ! Небольшое повѣствованіе о нихъ есть въ стихотвореніяхъ Языкова: это разсказъ о славной смерти одного изъ бояръ рязанскихъ, *Евпатія Коловрата*. Во время бѣдствія Рязани онъ былъ съ однимъ изъ князей рязанскихъ въ Черниговѣ. Тамъ услышалъ онъ о нашествіи татаръ и о гибели Рязани. Исполненный пламеннаго желанія отмстить безчеловѣчнымъ непріятелямъ, Евпатій съ избранною дружиною бросился вслѣдъ за татарами, догналъ и разбилъ задніе полки ихъ, такъ что испуганные татары думали, не ожили ли мертвецы рязанскіе и не они ли гнались за ними. Но эта отчаянная храбрость не при-

несла никакой пользы русскимъ: Евпатій и горсть его неустрашимыхъ товарищей пали подъ ударами безчисленнаго множества татаръ. Вотъ стихи Языкова, вы увидите въ нихъ подробный разсказъ о знаменитомъ подвигѣ Евпатія:

«Ты знаешь ли, витязь, ужасную вѣсть?
Въ рязанскія стѣны вломились татары!
Тамъ сильные долго сшибались удары,
Тамъ долго сражались съ насиліемъ честь:
Но все побѣдили Батыевы рати:
Нашъ градъ—пепелище и князь нашъ убитъ!»
Евпатію блѣдный гонецъ говоритъ
И, страшно блѣднѣя, внимаетъ Евпатій.

«О витязь! я видѣлъ сей день роковой:
Багровое пламя весь градъ обхватило.
Какъ башня спрямилось, какъ буря завыло;
На стогнахъ смертельный свирѣпствовалъ бой,
И крики послѣднихъ молитвъ и проклятій
Въ дыму заглушили звенящій булатъ—
Все пало... и небо стерпѣло сей адъ!»
Ужасно блѣднѣя, внимаетъ Евпатій.

Гдѣ-гдѣ по широкой долинѣ огонь
Сверкаетъ во мракѣ ночного тумана—
То грозная рать побѣдителя хана
Покоится, тихи воитель и конь:
Лишь изрѣдка, черной тревожимый грезой,
Татаринъ впросонкахъ съ собой говоритъ,
Иль, вздрогнувъ, безмолвный подниметъ свой щитъ,
Иль схватитъ свое боевое желѣзо.

Вдругъ... что тамъ за топотъ въ ночной тишинѣ?
«На битву, на битву!» взываютъ татары.
Откуда-жъ свершитель отчаянной кары?
Не все ли погибло въ крови и въ огнѣ?
Отчизна, отчизна! подъ латами чести
Есть сильное чувство, живое, одно...
Полмертваго руку подъемлетъ оно
Съ послѣднимъ ударомъ рѣшительной мести.

Не синее море кипитъ и шумитъ,
Почуя внезапный набѣгъ урагана:
Шумятъ и волнуются ратники хана:
Оружіе блещетъ, труба дребезжитъ,
Толпы за толпами, какъ тучи густыя,

Дружину отважныхъ стѣсняютъ кругомъ;
Сто копій сражаются съ русскимъ копьемъ:
И пало геройство подъ силой Батыя.

Рѣдѣетъ ночного тумана покровъ,
Утихла долина убійства и славы.
Кто сей на долинѣ убійства и славы
Лежитъ, окруженный тѣлами враговъ?
Уста ужъ не кличутъ безтрепетныхъ братій.
Ужъ кровь запеклася въ отверстіяхъ латъ,
А длань еще держитъ кровавый булатъ:
Сей падшій воитель свободы—Евпатій!

Татары, разоривъ Рязань, шли далѣе къ Владиміру. Дорогою Батый сжегъ Москву, взялъ въ плѣнъ сына великаго князя Владиміра, умертвилъ воеводу московскаго и почти всѣхъ жителей. Тогда-то гордый великій князь, слишкомъ много полагавшійся на свои силы, ужаснулся и, поручивъ столицу двумъ сыновьямъ своимъ Всеволоду и Мстиславу, удалился въ Ярославскую область, на берега рѣки Сити, собирать ополченіе на враговъ.

2-го февраля 1238 года татары пришли къ Владиміру и скоро приготовили всѣ нужныя для приступа орудія и лѣстницы. Князья и бояре увидѣли погибель свою, но не хотѣли просить постыднаго мира у варваровъ: они рѣшились умереть со славою. Супруги ихъ были достойны такихъ героевъ и думали точно также. Въ то время, какъ князья отдавали послѣднія приказанія свои на городской стѣнѣ и ободряли бѣдныхъ жителей, княгини ихъ съ дѣтьми своими и всѣмъ дворомъ собрались въ церкви Богоматери и просили епископа посхимить ихъ. Посхимленіе есть такой обрядъ, который дѣлается надъ принявшими монашество тогда, когда они хотятъ совсѣмъ отказаться отъ свѣта и даже не говорить ни съ кѣмъ изъ людей: это все равно, что за-живо умереть. Семейство великаго князя и знаменитые вельможи его желали такой смерти: они простились съ жизнію, со всѣми друзьями, отказались даже отъ утѣшенія видѣть другъ друга — потому что лица схимниковъ бываютъ завѣшаны покрывалами—и молили Бога только о прощеніи грѣховъ своихъ и о спасеніи отечества.

7-го февраля, послѣ заутрени, татары начали приступъ и скоро ворвались въ городъ. Все падало передъ ними, и бѣдные затворившіеся въ церкви схимники не могли умереть спокойно: злые татары вломились и къ нимъ; ограбили всѣ драгоцѣнности съ образовъ, всѣ богатыя одежды княжескія, которыя сберегались въ ризницѣ: изъ людей они обыкновенно большую часть убивали, немногихъ брали въ плѣнъ, и эти немногіе, непокрытые одеждою, умирали на дорогѣ отъ жестокаго мороза.

Георгій, услышавъ о гибели столицы и всего семейства своего, горько заплакалъ и молилъ Бога послать ему твердость перенести такое несчастіе. Въ то же время онъ услышалъ, что татары продолжали ужасный походъ свой и уже разорили Костромскій Галичъ, Ростовъ, Ярославъ, Переяславль, Юрьевъ и Дмитровъ. Въ мартѣ они дошли до Сити, гдѣ стоялъ съ войскомъ великій князь. Онъ палъ въ первой битвѣ и татары взяли въ плѣнъ племянника его, Василька Константиновича. Богъ знаетъ отчего, — только этотъ молодой князь понравился безчеловѣчнымъ татарамъ. Они не только не хотѣли убить его, но даже предлагали ему быть другомъ ихъ и воевать подъ начальствомъ Батыя. Вы вѣрно догадаетесь, друзья мои, что Василько не согласился на это предложеніе?— «Нѣтъ!» отвѣчалъ этотъ безстрашный князь, — «враги моего отечества и Христа не могутъ быть мнѣ друзьями! Злодѣи! Есть Богъ, и когда нибудь и вы погибните!» Эти смѣлыя слова привели въ такую ярость татаръ, что они тотчасъ же закололи Василька и бросили въ лѣсъ. Тѣло несчастнаго князя было найдено потомъ русскими и положено въ одной могилѣ съ Георгіевымъ.

Между тѣмъ Батый все шелъ далѣе по Россіи, къ Новгороду, покоряя своей власти всѣ города, лежавшіе по дорогѣ его. Новгородцы уже ожидали погибели своей, потому что уже не на кого было надѣяться, но судьба спасла ихъ: за сто верстъ до столицы, окруженной болотами и лѣсами, Батый вдругъ поворотилъ назадъ къ сторонѣ Калуги. Тутъ пришелъ онъ къ небольшому городку Козельску, въ которомъ былъ тогда государемъ какой-то еще малолѣтній князь Василій. Казалось, что та-

тарамъ не много будетъ дѣла у такого ничтожнаго городка; но вотъ что значитъ вѣрность и мужество подданныхъ: послушайте и подивитесь жителямъ Козельска! Они посовѣтовались между собою и рѣшились, какъ настоящіе русскіе, всѣ умереть за своего князя, хотя этотъ князь еще былъ младенецъ! «Мы оставимъ по себѣ добрую славу», говорили эти достойные люди, «и за гробомъ будемъ безсмертны!» Такъ они и сдѣлали. Цѣлыя семь недѣль татары осаждали крѣпость ихъ и не прежде взошли на валъ, какъ разбивъ стѣны особенными орудіями. Но и на валу жители дрались съ ними до послѣдней крайности, положили на мѣстѣ 4,000 татаръ и легли на убитыхъ врагахъ. Татары удивились такой храбрости, и съ досады на нее назвали Козельскъ *злымъ* городомъ, а изъ жителей его не оставили въ живыхъ ни одного человѣка! Но они живы въ исторіи, живы въ сердцахъ всѣхъ русскихъ и, безъ всякаго сомнѣнія, живы на небесахъ, въ лучахъ того безсмертія, котораго желали.

Послѣ злодѣйствъ въ Козельскѣ, Батый оставилъ наконецъ Русь и пошелъ въ землю половецкую.

Семейство великаго князя Георгія II Владиміровича:

Супруга: Дочь великаго князя Всеволода II.
Сыновья: 1) Владиміръ. 2) Всеволодъ. 3) Мстиславъ.

РОССІЯ ПОКОРЕННАЯ.

ОТЪ 1238 ДО 1243 ГОДА.

(5 лѣтъ).

Уныло стояли развалины городовъ и селеній, чрезъ которые прошелъ ужасный Батый! Печально дымились обгорѣлыя стѣны ихъ; страшно лежали по пустымъ улицамъ мертвецы непогребенные; боязливо прятались, гдѣ только могли, живые, лишенные всего, что было дорого для сердецъ ихъ! Это печальное состояніе отечества нашего прекрасно описанно въ «Пѣсни Барда во время владычества татаръ въ Россіи» Языкова:

Гдѣ вы, краса минувшихъ лѣтъ,
Баяновъ струны золотыя,
Пѣвицы вольности и славы и побѣдъ,
Народу русскому родныя?

Бывало: ратники лежатъ вокругъ огней
По брегу свѣтлаго Дуная,
Когда тревога боевая
Молчитъ до утреннихъ лучей.
Вдали—туманомъ покровенный
Станъ грековъ, и надъ нимъ грозна,
Какъ щитъ въ бою окровавленный,
Восходитъ полная луна!

И тихій сонъ во вражьемъ станѣ;
Но тамъ, гдѣ вы, сыны снѣговъ,
Тамъ, вдохновенный, на курганѣ,
Поетъ дѣянья праотцовъ—
И персты вѣщіе летаютъ
По звонкимъ пламеннымъ струнамъ,
И взоры воиновъ сверкаютъ,
И рвутся длани ихъ къ мечамъ!

На утро солнце лишь возстало—
Проснулся дерзостный булатъ:
Валятся греки—рядъ на рядъ,
И ихъ полковъ какъ не бывало!
И вы сокрылися, вѣка полночной славы,
Побѣдъ и вольности вѣка!
Такъ сокрывается ликъ солнца величавый
За громовыя облака.

Но завтра солнце вновь возстанетъ...
А мы... намъ долго цѣпи влечь!
Столѣтья [1]) протекутъ—и русскій мечъ не грянетъ
Тиранства гордаго о мечъ.
Неутомимыя страданья
Погубятъ память объ отцахъ,
И геній рабскаго молчанья [2])
Возсядетъ, вѣчный, на гробахъ.

---

[1]) Татарское иго бременило Россію почти три столѣтія: отъ несчастнаго сраженія при рѣкѣ Калкѣ до сраженія при рѣкѣ Непрядвѣ, гдѣ храбрый Димитрій Донской разбилъ Мамая.

[2]) Состояніе Россіи было самое плачевное: казалось, что огненная рѣка промчалась отъ ея восточныхъ предѣловъ до западныхъ; что язва, землетрясеніе и всѣ ужасы естественные вмѣстѣ опустошили ихъ. *(Ист. Гос. Росс., Т. IV, стр. 16).* Отъ временъ Василія Ярославича (періодъ самый ужаснѣйшій) отечество наше походило болѣе на темный лѣсъ, нежели на государство. *(Тамъ же, Т. V, стр. 370).*

Теперь вотще младый баянъ
На голосъ предковъ запѣваетъ:
Жестокихъ бѣдствій ураганъ
Рабовъ полмертвыхъ оглашаетъ
И онъ, дрожащею рукой
Поднявъ холодныя желѣзы,
Молчитъ, смотря на нихъ сквозь слезы,
Съ неисцѣлимою тоской!

Таково было состояніе отечества и предковъ нашихъ, когда братъ послѣдняго великаго князя Георгія, *Ярославъ Владиміровичъ*, какъ законный наслѣдникъ его, пріѣхалъ въ прежній счастливый, но теперь уже не походившій на столицу Владиміръ! Больно было смотрѣть новому государю на несчастіе народа любимаго, но онъ зналъ, что не слезы освобождаютъ насъ отъ бѣдъ: всего нужнѣе тогда мужество и терпѣніе, и Ярославъ спѣшилъ показать въ нихъ примѣръ своимъ подданнымъ! Онъ приказалъ скорѣе погребать мертвыя тѣла, чтобы не сдѣлалось отъ гніенія ихъ заразительности въ воздухѣ, вызывалъ людей, убѣжавшихъ въ лѣса и мѣста отдаленныя; занимался дѣлами государственными; однимъ словомъ, старался всѣми средствами ободрять народъ и показать ему, что онъ не потерялъ еще надежды на славу и счастіе.

Батый ненадолго оставлялъ Россію: онъ хотѣлъ только завладѣть землею половцевъ. Чрезъ годъ онъ уже навсегда прогналъ оттуда въ Венгрію знаменитаго хана ихъ Котяна съ 40,000 воиновъ, и пришелъ въ южныя области наши съ тою же злобою, съ тѣмъ же звѣрствомъ, съ какими былъ онъ за годъ до того въ сѣверныхъ. Города: Муромъ, Гороховецъ, Переяславль, Черниговъ погибли точно такъ же, какъ Суздаль, Владиміръ, Рязань, Ростовъ, Ярославль!

Драгоцѣнный, святый для сердца русскаго Кіевъ, эта старинная столица и *мать городовъ* нашихъ, еще оставалась цѣлою; но слухъ о сокровищахъ церквей и дворцовъ ея, о богатствѣ жителей и многочисленности ихъ уже давно дошелъ до Батыя, и въ 1240 году онъ окружилъ его со всѣхъ сторонъ своимъ войскомъ. Еще издали любовались варвары прекраснымъ положеніемъ города на крутомъ берегу гордаго Днѣпра, зелеными садами

его, бѣлою стѣною съ высокими башнями и воротами; но они не только любовались, вмѣстѣ съ тѣмъ они и радовались богатой добычѣ!

Во время этой радости татаръ какой страхъ, какой ужасъ былъ въ Кіевѣ! Князь его Михаилъ бѣжалъ вмѣстѣ съ сыномъ въ Венгрію, какъ скоро услышалъ о приближеніи Батыя! Даніилъ Галицкій, заступившій мѣсто его, зная, что съ небольшимъ войскомъ нельзя одолѣть великую силу татаръ, рѣшился также уѣхать къ королю венгерскому просить его помощи. Защиту Кіева поручилъ онъ искусному и храброму боярину Димитрію.

Но ни искусство и храбрость его, ни отчаянное мужество жителей, рѣшившихся умереть за вѣру и отечество, не спасли Кіева, и 9-го мая онъ былъ взятъ послѣ двухдневной осады. Кіевляне не сдавались до послѣдней крайности: даже внутри города сдѣлали наскоро заборъ около Десятинной церкви; бились еще тамъ, и почти всѣ легли на мѣстѣ! Я не буду разсказывать вамъ все, чтò дѣлали татары послѣ побѣды своей. Вы уже имѣете понятіе о жестокости ихъ изъ описанія о взятіи городовъ въ сѣверной Россіи. Эта жестокость была всегда одинакова, и звѣрскія сердца ихъ не могли ни устать отъ вѣчнаго кровопролитія, ни наскучить имъ! Скажу вамъ только то, что красота и великолѣпіе стариннаго Кіева съ тѣхъ поръ исчезли навѣки. Печерскій монастырь или лавра, соборъ, знаменитая Десятинная церковь были совсѣмъ разрушены, и хотя чрезъ двѣсти лѣтъ потомъ они опять были возобновлены, но уже совсѣмъ не въ томъ величіи, какъ прежде. Татары похитили всѣ сокровища ихъ, искали драгоцѣнностей не только во дворцахъ, даже въ могилахъ княжескихъ! Посреди этого всеобщаго разрушенія сохранилась только православная вѣра ваша, и замѣчательно, что дикіе татары и впослѣдствіи показывали уваженіе къ русскому духовенству.

Бояринъ Димитрій, начальникъ неустрашимыхъ кіевлянъ, попался въ плѣнъ. Батый, не смотря на жестокость свою, уважалъ истинное мужество и потому полюбилъ Димитрія, бралъ его съ собою во всѣ новые походы свои и даже иногда охотно принималъ его совѣты. Бѣдный

Димитрій былъ при жестокомъ побѣдителѣ своемъ и тогда, какъ онъ изъ Кіева отправился разорять княжество Галицкое. Здѣсь-то добрый и храбрый воевода русскій съ ужасомъ смотрѣлъ на погибель своего отечества и успѣлъ оказать ему послѣднюю услугу: онъ посовѣтывалъ Батыю идти скорѣе въ богатую Венгрію, чтобы король ея не успѣлъ собрать сильнаго войска и напасть на самихъ татаръ. Батый послушался его, и несчастная Россія отдохнула! Бѣдствія ея вмѣстѣ съ татарами перешли въ Венгрію, Кроацію, Сербію, Дунайскую Болгарію, Молдавію, Валахію. Вся Европа затрепетала, но судьба спасла ее: Батый получилъ извѣстіе, что великій ханъ Октай умеръ. Наслѣдникомъ престола былъ сынъ его, *Гаюкъ*, жившій всегда несогласно съ Батыемъ. Это заставило страшнаго завоевателя подумать о собственныхъ владѣніяхъ своихъ. Привыкнувъ видѣть, что все покоряется ему, онъ не хотѣлъ зависѣть отъ великаго хана и потому рѣшился основать свое собственное твердое владѣніе, которое бы признавало надъ собою одно имя, а не власть Гаюка. Для этого онъ выбралъ мѣсто около нынѣшней Астрахани, и на берегу рѣки Ахтубы, въ 60-ти верстахъ отъ устья Волги, велѣлъ строить городъ *Сарай*. Близь *Селитряннаго городка* и города Царева и нынѣ видны еще остатки этого Сарая. Все владѣніе Батыя называлось *Золотою* или *Капчакскою Ордою*. Орда же младшихъ братьевъ его, поселившаяся около Аральскаго моря, называлась *Малою*.

Бродя по астраханскимъ и донскимъ степямъ, смотря за постройкою новой столицы своей, Сарая, имѣя подъ начальствомъ полмилліона воиновъ, Батый не заботился о новомъ великомъ ханѣ и объявилъ себя повелителемъ всѣхъ областей русскихъ, земли половецкой, Тавриды, странъ кавказскихъ и всѣхъ земель отъ устья Дона до рѣки Дуная. Никто не смѣлъ съ нимъ спорить, всѣ государи согласились, всѣ покорились его ужасной силѣ.

Батый, величаясь своею славою, гордо звалъ къ себѣ, какъ своихъ подданныхъ, всѣхъ князей, имъ побѣжденныхъ, и въ томъ числѣ великаго князя Суздальскаго.

Ярославъ II почиталъ неблагоразуміемъ не повиноваться врагу ужасному, и для спокойствія своего народа,

для избавленія его отъ новыхъ бѣдъ, поѣхалъ со многими боярами въ Золотую Орду. Съ той минуты, въ которую государь русскій рѣшился признать надъ собою власть Батыя, кончилась независимость отечества нашего, и земля Русская сдѣлалась землею *покоренною,* сдѣлалась *данницею* татаръ. Это было въ 1243 году.

Жестокое униженіе ожидало бѣднаго Ярослава въ шатрѣ Батыя, который, хотя былъ ласковъ къ своимъ подвластнымъ, но принималъ ихъ съ обрядами, несносными для человѣка съ душою высокою и благородною! Грубый, полудикій ханъ татарскій сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ съ одною изъ женъ, которыхъ было у него очень много. На скамейкахъ, ниже Батыя, сидѣли его другія жены, дѣти, родня и знатныя особы. На столѣ, посреди шатра, стоялъ любимый напитокъ татаръ — *кумысъ* [1]) въ золотыхъ и серебряныхъ чашахъ, очень нечистыхъ: у татаръ почиталось за грѣхъ мыть посуду и платья и они обыкновенно были чрезвычайно неопрятны. Подходя къ шатру, надобно было пройти мимо двухъ костровъ огня: татары думали, что огонь очищаетъ злыя намѣренія и даже лишаетъ силы ядъ, если кто несетъ его къ хану. Прежде нежели войти, надобно было поклониться на югъ тѣни Чингисъ-хана, потомъ, вошедъ въ шатеръ, надобно было стать на колѣни и кланяться въ землю. Это должны были дѣлать безъ различія всѣ цари, князья, вельможи, покоренные Батыемъ и приходившіе къ нему. Послѣ этого унизительнаго обряда они дѣлались совершенными рабами его. Князь не могъ владѣть своими землями безъ граматы Батыя, долженъ былъ платить ему большую дань, исполнять всѣ его приказанія, являться по первому слову его въ Орду. Ярославъ Всеволодовичъ, думая только о спасеніи жизни немногихъ оставшихся подданныхъ своихъ, рѣшился перенесть такое униженіе, и мы должны помнить эту рѣшимость его, какъ величайшую жертву, какую государь можетъ принесть своему народу! Униженіе съ такою цѣлію выше отчаянной храбрости: умереть можно въ одну минуту, но государю знаменитому отказаться

---

[1]) Онъ дѣлается изъ кобыльяго молока.

отъ славы и свободы, жить въ рабствѣ у дикаго варвара,— это гораздо хуже одной смерти: это безпрестанная смерть. Еслибы великій князь и почти всѣ князья удѣльные, послѣдовавшіе примѣру его, не рѣшились тогда на эту великую жертву, злые татары вѣрно докончили бы истребленіе всѣхъ предковъ нашихъ, и имя русское уже давно, давно было бы забыто на землѣ! Сохранимъ же въ душѣ нашей уваженіе къ памяти тѣхъ князей, которые для спасенія жизни своихъ подданныхъ и для будущаго счастія потомковъ ихъ принуждены были покориться Батыю! Добрые князья страдали для насъ! Чувствуя это, мы должны доказать благодарность свою къ нимъ пламенною любовію къ тому отечеству, которое для нихъ было дороже всего на свѣтѣ. Они увидятъ наше усердіе къ нему и благословятъ насъ на небѣ, такъ какъ мы благословляемъ драгоцѣнную память ихъ на землѣ.

Семейство великаго князя Ярослава II:

Супруга: Ѳеодосія Мстиславовна.

Сыновья: 1) Ѳеодоръ. 2) Александръ. 3) Константинъ. 4) Андрей. 5) Аѳанасій. 6) Даніилъ. 7) Ярославъ. 8) Михаилъ. 9) Василій.

СВЯТЫЙ АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

отъ 1243 до 1263 года.

(20 лѣтъ).

Когда всѣ княжества русскія почти исчезали подъ жестокими ударами татаръ; когда всѣ князья ихъ,— не исключая и неустрашимаго Даніила Галицкаго, зятя Мстислава Храбраго,—клялись предъ трономъ Батыя быть его вѣрными подданными; когда счастіе, слава и радость, казалось, совсѣмъ оставили города и селенія предковъ нашихъ— была еще область, гдѣ раздавались пѣсни побѣды, былъ еще князь, никогда не преклонявшій колѣнъ въ шатрѣ хана татарскаго! Эта область была Новгородская; этотъ князь — Александръ Ярославичъ Невскій. Всѣ читатели

мои очень знаютъ и любятъ его. Это тотъ князь, котораго мы призываемъ въ молитвахъ; тотъ князь, который почитается Ангеломъ-Хранителемъ сѣверной столицы нашей; наконецъ, тотъ князь, котораго святое тѣло почиваетъ въ прекрасномъ монастырѣ Александро-Невскомъ. Маленькіе обитатели и обитательницы Петербурга! Вѣрно вы не одинъ разъ были въ этомъ монастырѣ и молились передъ драгоцѣнною гробницею его. Вѣрно вы часто удивлялись военнымъ украшеніямъ, такъ искусно расположеннымъ по обѣимъ сторонамъ ея? И вѣрно, смотря на эти латы, шлемы, щиты и копья, вамъ очень хотѣлось знать исторію героя Невскаго? Если такъ, то ваше желаніе можетъ быть легко исполнено. Вотъ эта исторія.

Александръ былъ сынъ великаго князя Ярослава II. Необыкновенно умный, храбрый, прекрасный душою и лицомъ Александръ еще въ молодыхъ лѣтахъ сдѣлался наслѣдникомъ отца своего въ Новгородѣ, и съ того времени безпрестанныя побѣды его надъ чудью, финнами, литовцами и ливонскими рыцарями разносили славу его по всѣмъ странамъ. Ливонскіе рыцари сдѣлались въ это время еще страшнѣе для русскихъ: орденъ ихъ присоединился къ другому сильному нѣмецкому ордену рыцарей св. Маріи Іерусалимской, которые завоевали почти всю Пруссію и съ такою же жестокостію учили христіанской вѣрѣ тамошнихъ жителей, какъ ливонскіе рыцари— чудь и ливонцевъ. Я уже говорила вамъ, что эти бѣдные люди убѣгали въ лѣса отъ своихъ учителей, которые въ это время, вмѣсто прежнихъ красныхъ крестовъ, нашили на бѣлые плащи свои черные, такъ какъ было это у нѣмецкихъ рыцарей св. Маріи.

Но не такъ думалъ молодой князь Александръ Ярославичъ и его храбрые новгородцы. Не однимъ ливонскимъ рыцарямъ, чуди и ливонцамъ было худо отъ него: разъ онъ побѣдилъ даже шведовъ и норвежцевъ. За эту побѣду его назвали *Невскимъ*, и такъ надобно узнать о ней получше. Къ тому же, вѣдь это случилось на берегахъ нашей родной, прекрасной Невы!

Въ 1240 году королю шведскому вздумалось завоевать Ладогу и даже Новгородъ. Для того онъ отправилъ

на рѣку Неву множество судовъ съ шведами и норвежцами подъ начальствомъ зятя своего, Биргера. Биргеръ, привыкшій къ побѣдамъ, велѣлъ гордо сказать князю новгородскому: «Иди сражаться со мною, если смѣешь; я уже въ землѣ твоей!» Александръ не устрашился, не показалъ посламъ шведскимъ досады, но спокойно отвѣчалъ имъ, что онъ готовъ къ сраженію. Тотчасъ велѣлъ онъ небольшому войску своему собраться; самъ же пошелъ въ софійскую церковь и тамъ усердно молился Богу, прося святой Его помощи. Усердная молитва имѣетъ чудесную силу надъ душой христіанина: Александръ, который не могъ въ такое короткое время ожидать помощи отъ отца своего, не могъ даже собрать все войско свое, вышелъ къ своей вѣрной дружинѣ и весело сказалъ ей: «Насъ немного, и врагъ силенъ: но Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ: идите съ вашимъ княземъ!» Надежда Александра на небесную помощь перешла и въ сердца его воиновъ. Весело приблизились они къ берегамъ Невы, гдѣ стояли шведы, дружно бросились на многочисленныхъ враговъ подъ личнымъ начальствомъ неустрашимаго князя и одержали побѣду въ то самое время, какъ одинъ изъ новгородцевъ, по имени Миша, утопилъ всѣ суда у шведовъ, такъ что у нихъ едва осталось два судна, которыя нагрузили тѣлами главныхъ начальниковъ. Всѣхъ же другихъ зарыли въ яму и въ темную ночь, 15-го іюля, отправились по Невѣ назадъ въ Швецію. Эта славная побѣда, одержанная въ то самое время, когда бѣдные предки наши терпѣли столько горя и униженія отъ злыхъ татаръ, обрадовала унылыя сердца ихъ и доставила храброму Александру названіе *Невскаго*.

Но слава не спасла его отъ несчастія: въ 1247 году онъ лишился отца, который не имѣлъ даже той радости въ жизни, чтобы умереть въ своемъ отечествѣ! Батый приказалъ ему ѣхать въ Китайскую Татарію, поклониться великому хану. Ярославъ Всеволодовичъ не могъ не повиноваться, но былъ такъ слабъ здоровьемъ, такъ печаленъ духомъ, что не перенесъ труднаго путешествія по степямъ и пустынямъ необитаемымъ, дикимъ, безплоднымъ и даже безводнымъ до того, что иногда люди уми-

рали въ нихъ отъ жажды. Великій князь кое-какъ доѣхалъ туда и, возвращаясь, скончался на дорогѣ. Бывшіе съ ними бояре привезли тѣло его во Владиміръ. Наслѣдникомъ престола былъ меньшой братъ его Святославъ III Всеволодовичъ.

Въ то самое время, какъ великій князь русскій испытывалъ всю тоску кончины на голой землѣ степей киргизскихъ, далеко отъ милаго семейства и родины, другой князь, столько же знаменитый, оканчивалъ жизнь свою въ ужасныхъ мученіяхъ предъ шатромъ Батыя! Это былъ Михаилъ, князь черниговскій, пріѣхавшій въ Золотую Орду по приказанію хана и не хотѣвшій поклониться ни тѣни Чингисъ-хана, ни идоламъ татарскимъ! «Нѣтъ!» говорилъ онъ варварамъ, принуждавшимъ его сдѣлать это,— «я могу поклониться царю вашему, потому что Богъ отдалъ ему судьбу государствъ земныхъ, но христіанинъ никогда не служитъ идоламъ!» Батый удивился, что еще есть люди, которые противятся ему, и объявилъ, что Михаилъ умретъ, если не будетъ повиноваться. Князь русскій не боялся смерти. Съ ангельскою кротостію читалъ онъ молитвы въ то время, когда татары мучили его самымъ жестокимъ образомъ, и тихо скончался, сказавъ: «*Я христіанинъ!*» Церковь наша признала его *святымъ* и *мученикомъ*.

Послѣ этого разсказа о смерти Ярослава и Михаила можно судить, какова была участь бѣдныхъ предковъ нашихъ подъ властію татаръ! Прибавьте къ тому еще всѣ безпорядки, какіе происходили въ то время, когда надобно было сбирать дань; всѣ притѣсненія, какія дѣлали народу татарскіе чиновники-сборщики, которые часто платили хану всю сумму вдругъ и получали за то право взыскивать ее съ русскихъ по мелочамъ, почти вдвое! [1]) Прибавьте къ тому ссоры князей, неусмиренныя и общимъ несчастіемъ всей Руси, жалобы и клеветы ихъ другъ на друга въ Ордѣ и бѣды, оттого происходившія въ ихъ княжествахъ. Однимъ словомъ, все въ древнемъ

---

[1]) Такихъ сборщиковъ русскіе называли *откупщиками бусурманскими* или *мытарями*.

отечествѣ нашемъ было печально и уныло, только слава князя новгородскаго Александра Ярославича сіяла какъ свѣтлая звѣзда на небѣ русскомъ, покрытомъ черными тучами. Эта слава, носясь по всѣмъ княжествамъ, долетѣла до слуха страшнаго Батыя и вотъ уже посолъ татарскій несетъ къ герою Невскому повелѣніе явиться къ царю, чтобы присягнуть ему въ вѣрности и *узнать славу и величіе татаръ*. Александръ, любившій свое отечество гораздо болѣе своей славы, не хотѣлъ, чтобы за него оно испытало опять новыя бѣдствія, и потому съ покорностію христіанина послѣдовалъ примѣру отца и поѣхалъ вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ къ Батыю, а отъ него въ Татарію къ великому хану. Грустно было сыновьямъ Ярослава ѣхать по той самой пустынѣ, гдѣ скончался отецъ ихъ! Они думали, что такъ же, какъ и онъ, не увидятъ своего отечества, но Богъ подкрѣпилъ ихъ и чрезъ два года они возвратились, осыпанные милостями великаго хана, который поручилъ Александру всю южную Россію и Кіевъ, а Андрею — престолъ владимірскій, не смотря на то, что дядя ихъ, великій князь Святославъ, былъ еще живъ. Такъ своевольно распоряжали татары судьбою и князей, и княжествъ русскихъ! Святославъ Всеволодовичъ напрасно ѣздилъ въ Орду жаловаться на несправедливость, и чрезъ два года скончался. Но и Андрей недолго былъ государемъ владимірскимъ. Онъ не имѣлъ столько христіанской терпѣливости, столько любви къ своимъ подданнымъ, чтобъ для спокойствія и безопасности ихъ покориться неизбѣжной власти побѣдителей Руси: пылкому, гордому сердцу его казалось лучше отказаться отъ престола, нежели быть государемъ-подданнымъ Батыя! Вы можете представить себѣ, друзья мои, что съ такимъ нравомъ онъ часто показывалъ свое презрѣніе къ татарамъ, часто не слушалъ приказаній ихъ! Толпы ихъ уже шли наказать дерзкаго данника. Андрей, услышавъ это, убѣжалъ въ Швецію со всѣмъ семействомъ своимъ и оставилъ великое княжество въ добычу варварамъ. Послѣ новаго разоренія оно отдано было общему любимцу не только русскихъ, но даже и татаръ, князю Александру Невскому. Видѣвъ изъ примѣра брата, какъ вредны были

для отечества гордыя и непокорныя намѣренія его, Александръ Ярославичъ еще болѣе увеличилъ осторожность и благоразуміе свое въ сношеніяхъ съ татарами, не противился имъ и тогда, какъ они прислали чиновниковъ своихъ сосчитать всѣхъ жителей въ Россіи и опредѣлили надъ ними десятниковъ, сотниковъ и темниковъ [1]) для собранія податей; уговорилъ даже гордыхъ, все еще считавшихъ себя независимыми новгородцевъ, заплатить дань, которую требовалъ отъ нихъ наслѣдникъ умершаго въ 1256 году Батыя, братъ его, ханъ *Беркій*, и тѣмъ избавилъ отъ разоренія первую столицу русскую, богатый и великій Новгородъ.

Такъ двѣнадцать лѣтъ продолжалось княженіе Александра; такъ оберегалъ онъ бѣдное отечество свое отъ новыхъ несчастій, ему грозившихъ, такъ примирялъ оскорбленныхъ соотечественниковъ своихъ съ самовластными ханами! Онъ принесъ всю жизнь свою на жертву спокойствія своихъ подданныхъ: вы можете представить себѣ, что не легко было благородному князю земли Русской ѣздить кланяться полудикимъ ханамъ татарскимъ! Послѣднее путешествіе его въ городъ Сарай было въ 1262 году, когда ханъ Беркій, сбираясь идти на новое разореніе чужихъ земель, вздумалъ требовать отъ него вспомогательнаго войска. Александръ Ярославичъ, не смотря на всю кротость свою, не могъ перенести мысли, чтобы бѣдные подданные его,—кромѣ всѣхъ несчастій, какія терпѣли отъ невѣрныхъ, — еще проливали за нихъ кровь свою! Онъ поѣхалъ умолять Беркія отмѣнить такое жестокое повелѣніе. Ханъ, чувствуя невольное почтеніе къ великому князю, не могъ отказать ему, но съ досады продержалъ его въ Ордѣ всю зиму и лѣто. Тоскуя по родинѣ, насмотрясь, во время своего продолжительнаго пребыванія въ Сараѣ, на силу и могущество татаръ и потерявъ надежду видѣть освобожденіе отечества отъ жестокой власти ихъ, Александръ примѣтно ослабѣвалъ духомъ и тѣломъ, и осенью, возвращаясь на родину, прі-

---

[1]) *Тьмою* называлось у древнихъ русскихъ *десять тысячъ*. Стало быть *темникъ* значило начальникъ десяти тысячъ человѣкъ.

ѣхалъ уже больной въ Нижній-Новгородъ, а оттуда въ Городецъ-на-Клязьмѣ. Здѣсь онъ опасно занемогъ и скончался 23 ноября 1263 года!

Невыразима была горесть всѣхъ русскихъ, когда они узнали о кончинѣ своего ангела-хранителя; имъ казалось, что наступила совершенная погибель отечества ихъ, что уже некому будетъ защитить ихъ отъ нападеній нѣмцевъ и литовцевъ, умилостивить за нихъ жестокость хановъ, спасти ихъ отъ притѣсненій откупщиковъ татарскихъ! Митрополитъ, встрѣчая гробъ Александра у Боголюбова, воскликнулъ, проливая горькія слезы: «*Закатилось солнце земли Русской!*» и всѣ бояре, и весь народъ голосомъ отчаянія отвѣчали ему однимъ словомъ: «*погибаемъ!*»

Видя чудеса, бывшія при погребеніи Александра, духовенство и вся Россія причислили его къ лику *святыхъ*, и съ тѣхъ поръ мы молимся ему, какъ нашему заступнику предъ Богомъ. Тѣло его погребено было въ монастырѣ Рождества Богоматери, во Владимірѣ. Оно находилось тамъ до временъ Петра Великаго, который перевезъ его въ новую столицу свою, какъ бы поручая ее особенному покровительству того, кто нѣкогда прославилъ это мѣсто подвигами мужества и храбрости.

Семейство великаго князя Александра Ярославича Невскаго:

Супруга: Княжна полоцкая Александра Брячиславовна.
Сыновья: 1) Василій. 2) Димитрій. 3) Андрей. 4) Даніилъ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ III И КНЯЗЬЯ ЛИТОВСКІЕ.

отъ 1263 до 1272 года.

(9 лѣтъ).

Наслѣдникомъ Александра Невскаго былъ меньшой братъ его Ярославъ Ярославичъ Тверскій; старшій же Андрей, хотя и возвратился изъ Швеціи, но умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Александра. Новогородцы, ду-

мая, что Ярославъ Ярославичъ можетъ болѣе защитить ихъ отъ нападеній татаръ, нежели маленькій князь ихъ, Димитрій Александровичъ, изгнали изъ Новгорода этого сына прежняго благодѣтеля своего—Невскаго, и назвали княземъ новгородскимъ Яровлава III. Но они жестоко ошиблись. Ярославъ не принадлежалъ къ такимъ государямъ, которые любятъ народъ свой. Съ самаго начала своего княженія онъ лишилъ новгородцевъ многихъ правъ ихъ, и когда они, по обыкновенію, взбунтовались, Ярославъ увѣрилъ хана, будто бы они враги его и не хотятъ платить ему положенной дани. Ханъ уже отрядилъ войско наказать непокорный Новгородъ, но братъ великаго князя, молодой Василій Ярославичъ, спасъ невинныхъ. Онъ нарочно поѣхалъ въ Орду и обнаружилъ несправедливость Ярослава. Ханъ остановилъ войско, но Ярославъ объявилъ войну Новгороду и безъ его помощи. Едва митрополитъ Кириллъ уговорилъ князя и народъ не ссориться. Новгородцы согласились признать Ярослава своимъ княземъ, но тогда уже, какъ онъ поклялся наблюдать вѣрно законы Ярослава Великаго и не обижать своихъ подданныхъ.

Княженіе и жизнь его были непродолжительны. Вскорѣ послѣ мира съ новгородцами онъ ѣздилъ въ Орду и, возвращаясь оттуда, скончался на дорогѣ какъ и отецъ его.

Нельзя ничего сказать въ похвалу этого князя: онъ не отличался даже и храбростію, которая была всегда обыкновеннымъ качествомъ русскихъ. Во время войны новгородцевъ съ датчанами и рыцарями ливонскими онъ не водилъ самъ войско свое въ сраженіе, но всегда посылалъ или сыновей своихъ, или другихъ молодыхъ князей. Въ его княженіе русскіе въ первый разъ услышали о князьяхъ литовскихъ; до тѣхъ же поръ литовцы извѣстны были имъ какъ дикіе разбойники, набѣгавшіе безпорядочными толпами на области русскія и польскія, на рыцарей ливонскихъ и нѣмецкихъ. Вдругъ началъ славиться между ними князь *Миндовгъ*. Погубивъ многихъ другихъ князей литовскихъ, присвоивъ себѣ земли и имѣніе убитыхъ, разбогатѣвъ грабительствомъ, онъ началъ думать о соединеніи нестройныхъ

частей своего государства въ одно цѣлое владѣніе, которое съ того времени сдѣлалось еще страшнѣе для сосѣдей своихъ. Миндовгъ не успѣлъ однакожъ окончить всѣхъ своихъ намѣреній, потому что вскорѣ былъ убитъ однимъ изъ обиженныхъ родственниковъ своихъ.

За смерть его ужасно мстилъ всей Литвѣ сынъ его *Воишелгъ*, который съ самыхъ молодыхъ лѣтъ славился своимъ безстрашіемъ и такою свирѣпостію, что бывалъ печаленъ въ тотъ день, когда некого было казнить. Однакожъ, еще при жизни Миндовга, онъ вдругъ почувствовалъ раскаяніе въ своихъ злодѣйствахъ, уѣхалъ въ Галичъ, къ тамошнему князю Даніилу, который былъ друженъ съ князьями литовскими, и тамъ постригся въ монастырѣ. Никакія просьбы отца не могли убѣдить его оставить монашество; но смерть Миндовга возвратила ему всю прежнюю жестокость: онъ сбросилъ съ себя рясу и поклялся не надѣвать ее до тѣхъ поръ, пока не отмститъ за убіеніе отца. Съ этой минуты Воишелгъ проливалъ безъ всякой пощады кровь родственниковъ-враговъ своихъ и, побѣдивъ всѣхъ, сдѣлался главнымъ повелителемъ литовцевъ. Онъ исполнилъ клятву свою и, наказавъ убійцъ отца, носилъ сверхъ богатаго княжескаго платья черную мантію монаха: отъ этого часто называли его *волкомъ въ овечьей кожѣ*.

Въ это самое время умеръ Даніилъ Галицкій. У него осталось три сына: Левъ, Мстиславъ и Шварнъ. По желанію Воишелга, Шварнъ признанъ былъ княземъ литовскимъ, а самъ Воишелгъ вступилъ опять въ монастырь. Однакожъ недолго онъ прожилъ тамъ: Левъ, изъ зависти къ брату, лишилъ жизни его благодѣтеля. Но Шварнъ остался государемъ Литвы, а злой братъ его былъ у всѣхъ въ презрѣніи. Итакъ, Воишелгъ и Миндовгъ были первыми извѣстными намъ государями Литвы, Литвы, которая нанесла потомъ много горя и бѣдъ нашему отечеству!

Семейство великаго князя Ярослава III.

Супруга: Ксенія.
Сыновья: 1) Михаилъ. 2) Святославъ.

ДѢТИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО.

отъ 1272 до 1304 года.

(32 года).

У добрыхъ родителей бываютъ часто дурныя, вовсе не похожія на нихъ, дѣти. Это удивительно; однакожъ, къ стыду такихъ дѣтей, это случается довольно часто, и случилось даже въ семействѣ добродѣтельнаго, святого князя Александра Ярославича!

У него было три сына: *Димитрій*, изгнанный изъ Новгорода по желанію Ярослава III, *Андрей*, князь Городца Волжскаго, и *Даніилъ*, князь московскій. Никто изъ нихъ не имѣлъ великихъ достоинствъ отца своего: двое, *Димитрій* и *Даніилъ*, остались почти незамѣченными въ исторіи, но зато третій, *Андрей*, своею жестокостію, своимъ непремѣннымъ желаніемъ быть великимъ княземъ, надолго оставилъ память о себѣ въ сердцахъ русскихъ. Онъ достигъ своего желанія—былъ великимъ княземъ, но когда читатели мои узнаютъ какимъ образомъ, то вѣрно пожалѣютъ о бѣдныхъ подданныхъ его.

Послѣ Ярослава III, великимъ княземъ былъ четыре года меньшой братъ его, Василій I Ярославичъ. Въ непродолжительное княженіе его не случилось ничего примѣчательнаго, кромѣ того, что татарскіе *баскаки* или чиновники переписывали во второй разъ людей во всѣхъ областяхъ русскихъ для того, чтобы вѣрнѣе получать съ нихъ дань.

Послѣ смерти Василія Ярославича законнымъ наслѣдниковъ престола былъ *Димитрій Александровичъ*. Всѣ были согласны на это, всѣ—даже безпокойные новгородцы. Одинъ братъ его, Андрей, думалъ иначе, и, надѣясь на помощь татаръ, спѣшилъ отправиться въ Орду, чтобы тамъ выпросить себѣ великое княжество, тѣмъ болѣе, что ссоры, происходившія между разными ханами татарскими, давали ему надежду очень скоро склонить на свою сторону котораго нибудь изъ нихъ. Эти ссоры въ Волжской или Кипчакской Ордѣ начались еще въ кня-

женіе Александра Невскаго. Ногай, одинъ изъ главныхъ воеводовъ татарскихъ, начальствуя многими Ордами при Черномъ морѣ, не захотѣлъ быть подъ властію хана Беркія, наслѣдника Мангу-Тимура, сдѣлался независимымъ и даже страшнымъ для прежней сильной и богатой Орды Кипчакской. Примѣру Ногая слѣдовали и многіе другіе ханы и воеводы, такъ что царство татарское дѣлилось на части, между собою несогласныя, ослабѣвало отъ этого дѣленія и мало-по-малу приготовлялось къ тому паденію, отъ котораго зависѣло освобожденіе нашего отечества. Но это счастливое время еще далеко. Много еще прольется крови русской, прежде нежели оно настанетъ.

Итакъ, возвратимся къ Андрею Александровичу: онъ радовался несогласію татаръ не для будущаго счастія своихъ соотечественниковъ, но для того, что, въ случаѣ отказа отъ одного хана, ему можно было надѣяться выпросить себѣ помощь у другого. По совѣту одного изъ недостойныхъ бояръ и друзей своихъ, какого-то Семена Тонигліевича, онъ отправился въ Золотую Орду, къ хану Мангу-Тимуру. Богатыми подарками и лестью хитрый Андрей такъ расположилъ къ себѣ этого хана, что онъ далъ ему и грамоту на великое княжество, и войско для покоренія тѣхъ областей и городовъ, которые бы вздумали противиться ему. Вотъ съ этими дикими толпами варваровъ, злодѣянія коихъ были еще такъ живы въ памяти народа русскаго, князь *русскій* же возвратился въ отечество требовать себѣ вѣнца великокняжескаго! Никто изъ удѣльныхъ князей не смѣлъ ослушаться: всѣ покорились повелѣнію Мангу-Тимура. Великій князь удалился изъ столицы въ Новгородъ, а татары, пользуясь случаемъ, предались своей природной жестокости и разорили Муромъ, окрестности Владиміра, Суздаля, Ростова, Твери и Торжка: они, безъ разбора, грабили и жгли и тѣ города, которые противились имъ, и тѣ, которые безусловно покорились ихъ власти. Все опять погрузилось въ печаль и уныніе въ бѣдномъ отечествѣ нашемъ: каждый оплакивалъ или отца, или сына, или брата, или друга. Одинъ злой Андрей радовался и пировалъ съ татарами.

Между тѣмъ несчастный Димитрій, непринятый нов-

городцами, для которыхъ выгоднѣе было перейти на сторону великаго князя, жилъ во Псковѣ, гдѣ княжилъ тогда зять его, славный въ исторіи *Довмонтъ,* одинъ изъ князей литовскихъ, изгнанный изъ отечества Миндовгомъ. Довмонтъ, терпѣвъ много несправедливостей отъ литовцевъ, не любилъ ихъ и, принявъ во Псковѣ вѣру христіанскую, сдѣлался русскимъ душою и языкомъ, и за отличныя достоинства и храбрость выбранъ былъ псковитянами княземъ надъ всею ихъ областію. Добраго Довмонта уважали всѣ князья русскіе, а Димитрій Александровичъ даже выдалъ за него дочь свою и во время несчастнаго изгнанія своего къ нему же пришелъ искать утѣшенія. Вскорѣ услышалъ онъ, что войско ханское уже ушло въ Орду. Это извѣстіе дало ему смѣлость возвратиться въ свою разоренную область. Обрадованные жители начали сбираться къ нему, а испуганный Андрей опять бросился въ Орду и привелъ съ собою новыхъ грабителей, которые со всѣхъ сторонъ нападали на области великаго княжества. Димитрій въ отчаяніи бѣжалъ къ Ногаю просить его помощи. Ногай, владѣвшій тогда всѣми землями, отъ степей нашихъ нынѣшнихъ губерній Харьковской и Екатеринославской до береговъ Чернаго моря и Дуная, принялъ его очень милостиво и былъ такъ силенъ, что однимъ повелѣніемъ своимъ возвратилъ ему престолъ: не только что Андрей, но даже самъ новый ханъ, Туданъ-Мангу, не смѣли противиться этому повелѣнію, и оба брата помирились. Однакожъ это было ненадолго: Андрей, пронырствами своими, склонилъ на свою сторону многихъ удѣльныхъ князей, и въ томъ числѣ князя Ѳеодора Ярославскаго, женатаго на дочери Ногая. Чрезъ зятя не трудно было Андрею оклеветать бѣднаго Димитрія и предъ самимъ Ногаемъ. Несчастный великій князь лишился и послѣдняго защитника: Ногай далъ Андрею грамоту на престолъ владимірскій и войско для новаго разоренія Россіи. Начальникомъ этого войска былъ *Дюдень,* братъ хана Тохты. Съ обыкновенною свирѣпостью своею татары устремились опять на области великаго княжества.

Димитрій, можетъ быть предчувствуя близкую кончину

свою, не захотѣлъ болѣе быть причиною бѣдствій своего отечества и рѣшился отказаться отъ престола велико·княжескаго. За это должно благодарить, кажется, сына Ярослава II, молодого князя тверского Михаила, у котораго жилъ Димитрій во время послѣдняго изгнанія своего и который всѣми силами старался помирить братьевъ. Предчувствіе не обмануло Димитрія: онъ скончался въ 1292 году.

Наконецъ Андрей Александровичъ могъ уже надѣяться, что никто не будетъ оспаривать у него великаго княжества. Не любя новаго государя за жестокій, властолюбивый нравъ, удѣльные князья жили очень несогласно между собою, и каждый изъ нихъ хотѣлъ быть независимымъ: Михаилу Тверскому и Ѳедору Ярославскому удалось сдѣлать это во время несчастнаго княженія Димитрія. Даніилъ же Московскій и сынъ Димитрія Александровича, Іоаннъ Переяславскій, старались объ этомъ же при Андреѣ.

Московское княжество вскорѣ еще увеличилось: Іоаннъ, умирая бездѣтнымъ, отдалъ городъ свой, Переяславль, князю московскому. Это случилось въ 1295 году, за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Даніила, перваго, изъ князей московскихъ, начавшаго думать о томъ, чтобы современемъ сдѣлать Москву столицею Россіи.

Княженіе Андрея продолжалось десять лѣтъ, и каждый годъ предки наши записывáли въ лѣтописи свои какіе нибудь естественные ужасы и несчастія, тогда случавшіеся. Въ числѣ явленій, пугавшихъ необразованный и суевѣрный народъ, была комета, явившаяся въ 1301 году. Но были и дѣйствительныя бѣдствія: страшные вихри, засухи, голодъ, моръ и сильные пожары. Къ этому жестокій Андрей Александровичъ прибавлялъ всѣ тѣ страданія и горести, какія терпятъ люди отъ злобы подобныхъ себѣ. Единственнымъ хорошимъ дѣломъ Андрея было то, что онъ въ 1301 году побѣдилъ безпокойныхъ сосѣдей нашихъ, шведовъ, часто нападавшихъ на новгородскія области и наконецъ построившихъ въ семи верстахъ отъ нашего нынѣшняго Петербурга, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь *Охта,* городъ и крѣпость, от-

куда имъ было еще удобнѣе приходить въ наши владѣнія. Этотъ новый городъ назывался *Ландскрона*, т. е. *Вѣнецъ земли*. Андрей взялъ его и срылъ всѣ укрѣпленія, такъ что почти не осталось и слѣдовъ ихъ. Здѣсь только, одинъ разъ въ жизни, Андрей думалъ о пользѣ отечества и сражался за него. Впрочемъ же никто изъ потомковъ Мономаха не сдѣлалъ столько зла отечеству, какъ этотъ гордый, властолюбивый, жестокій сынъ кроткаго, великодушнаго, святого отца!

Онъ умеръ 27 іюля 1304 г. и погребенъ въ Городкѣ Волжскомъ.

Семейства дѣтей Александра Невскаго:

Сыновья великаго князя Дмитрія I Александровича: 1) Іоаннъ. 2) Іоаннъ. 3) Александръ.

Сыновья великаго князя Андрея III Александровича: 1) Георгій. 2) Борисъ. 3) Михаилъ.

МИХАИЛЪ ЯРОСЛАВИЧЪ ТВЕРСКОЙ.

отъ 1304 до 1319 года.

(15 лѣтъ).

Съ смертію Андрея Александровича не кончились тѣ новыя несчастія, какія навлекъ онъ на Россію: примѣру его послѣдовали многіе другіе князья, и съ тѣхъ поръ клеветы ихъ другъ на друга въ Ордѣ причиняли безпрестанно новыя бѣды въ ихъ областяхъ, но самымъ усерднымъ подражателемъ Андрея былъ племянникъ его, Георгій Даниловичъ, князь московскій. Какъ Андрей спорилъ о престолѣ великокняжескомъ съ старшимъ братомъ своимъ Димитріемъ, такъ точно и Георгій не хотѣлъ уступить этого престола законному наслѣднику Андрея, дядѣ своему, Михаилу Ярославичу, князю тверскому и сыну Ярослава III. Они должны были для рѣшенія спора своего ѣхать въ Золотую Орду, гдѣ уже царствовалъ ханъ Тохта, побѣдитель сильнаго Ногая, найденнаго убитымъ на полѣ сраженія. Тохта, къ досадѣ Георгія, приказалъ быть великимъ княземъ Михаилу.

Нѣсколько лѣтъ княжилъ онъ спокойно и жилъ по большей части въ Твери, которая съ того времени сдѣлалась однимъ изъ главныхъ городовъ русскихъ.

Между тѣмъ Георгій не терялъ надежды быть со временемъ великимъ княземъ и для того часто ѣздилъ въ Орду и дружился съ татарами. Привыкнувъ видѣть, съ какимъ удовольствіемъ онъ всегда пріѣзжалъ къ нимъ, привыкнувъ слышать, какъ онъ хвалилъ нравы, обычаи, даже кушанье и отвратительный кумысъ ихъ, татары полюбили Георгія. Молодыя татарки скучали на тѣхъ пирахъ, гдѣ не было миловиднаго князя русскаго, котораго привѣтливое обращеніе и всегда веселые разговоры такъ не походили на угрюмыя лица и повелительныя рѣчи отцовъ и братьевъ ихъ. Но болѣе всѣхъ любовалась имъ прекрасная Кончака, дочь хана Тохты и любимая сестра молодого Узбека, наслѣдника престола татарскаго. Георгій замѣтилъ это и еще болѣе началъ стараться заслужить ея благосклонность не для того, чтобы онъ любилъ ее, но для того что надѣялся чрезъ нее достичь престола великокняжескаго тѣмъ болѣе, что въ это самое время Тохта умеръ и ханомъ Золотой Орды сдѣлался сынъ его, Узбекъ, братъ Кончаки. Счастіе милой сестры было для молодого царя татарскаго дороже всего на свѣтѣ; видя, что ей нравится Георгій, и думая, что и онъ любитъ ее, Узбекъ согласился, чтобы сестра его приняла вѣру христіанскую и вышла за князя русскаго. Кончаку назвали въ крещеніи *Агаѳіею*.

Сдѣлавшись зятемъ хана и получивъ отъ него войско подъ начальствомъ воеводы Кавгадыя, Георгій Даніиловичъ отправился въ отечество и прямо въ Тверь, чтобы выгнать оттуда великаго князя. Михаилъ, видя страшную силу татаръ и боясь подвергнуть народъ свой новымъ несчастіямъ, послалъ сказать князю московскому, что онъ уступаетъ ему престолъ великокняжескій и проситъ оставить ему только наслѣдственную Тверскую область его. Георгій вмѣсто отвѣта началъ разорять всѣ города и селенія этой области. Тогда Михаилъ принужденъ былъ послушаться совѣта епископа и бояръ, и идти съ полками на встрѣчу Георгія. Богъ помогъ ему побѣ-

дить враговъ и тѣмъ спасти отъ совершеннаго разоренія свое Тверское княжество. Молодая супруга Георгія, братъ его, Борисъ Даниловичъ, воевода татарскій Кавгадый попались въ плѣнъ къ Михаилу, но онъ всѣмъ имъ возвратилъ свободу, и когда Георгій не тронулся этимъ великодушіемъ и приготовлялся опять къ сраженію, Михаилъ, желая спасти своихъ подданныхъ отъ новаго кровопролитія, предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Орду на судъ хана. Къ несчастію, Кончака-Агаѳія, не успѣвъ возвратиться къ супругу, умерла скоропостижно въ Твери, и Геогрій выдумалъ, что она была отравлена. Такой выдумки довольно было, чтобы обвинить Михаила въ глазахъ Узбека, нѣжно любившаго сестру свою. Несчастный князь съ чистою совѣстію своею отправился въ Орду вслѣдъ за уѣхавшими туда Георгіемъ и Кавгадыемъ. Можетъ быть, имѣя темное предчувствіе о томъ, что его ожидало тамъ, онъ написалъ завѣщаніе, назначилъ сыновьямъ удѣлы, съ чрезвычайною горестію простился съ ними и съ супругою, и въ продолженіе всей дороги причащался св. Таинъ каждую недѣлю.

Узбекъ, отъ природы добрый и справедливый, принялъ Михаила довольно милостиво и вѣрно не рѣшился бы казнить его, боясь осудить невиннаго, еслибы не злой Георгій и другъ его Кавгадый, которые каждый день такъ много наговаривали на Михаила, что наконецъ Узбекъ приказалъ вельможамъ своимъ судить его съ Георгіемъ. Главнымъ судіею былъ назначенъ Кавгадый. Разумѣется, что несчастный Михаилъ былъ обвиненъ: приставы въ ту же минуту наложили ему на шею тяжелую колодку, сняли съ него драгоцѣнную одежду и раздѣлили ее между собою.

Нельзя описать вамъ, дѣти, сколько униженія, обидъ и мученій терпѣлъ кроткій Михаилъ съ той минуты, какъ осудили его, до той, какъ Узбекъ рѣшился наконецъ утвердить этотъ судъ! Это продолжалось болѣе мѣсяца и случилось въ то самое время, когда вся Орда отправлялась на охоту къ берегамъ Терека. Нѣсколько сотъ тысячъ людей собиралось тогда для удовольствія хана. Каждый надѣвалъ лучшій нарядъ и садился на лучшую

лошадь, которыми и теперь еще славятся татары. Купцы везли за подвигавшеюся ордою множество товаровъ индійскихъ и греческихъ, однимъ словомъ: мѣсяцъ или два охоты у татаръ можно было назвать продолжительнымъ, великолѣпнымъ праздникомъ, гдѣ всѣ были веселы и счастливы. И вслѣдъ за этими счастливцами, которыхъ радостныя пѣсни шумно раздавались по дикимъ степямъ, вели несчастнаго князя русскаго! Не думайте однакожъ, чтобъ онъ шелъ съ лицомъ печальнымъ. Нѣтъ, гораздо печальнѣе были добрые бояре, его окружавшіе, и не они его, но онъ ихъ часто утѣшалъ такими словами: «Друзья мои! вы долго видѣли меня въ чести и славѣ; неужели будемъ роптать на Бога за непродолжительное униженіе? Шея моя скоро освободится отъ этихъ оковъ!»

Ожиданіе его въ самомъ дѣлѣ скоро исполнилось: безсовѣстные судьи, друзья Георгія, упросили молодого Узбека утвердить приговоръ, и день казни былъ назначенъ. Михаилъ не испугался: уже давно онъ готовъ былъ явиться къ Богу. Въ утро того дня онъ отслушалъ заутреню, благословилъ двѣнадцатилѣтняго сына своего Константина, бывшаго съ нимъ въ Ордѣ, поручилъ его и бояръ своихъ покровительству доброй супруги Узбека, царицы Баялыни, и когда Георгій и Кавгадый подъѣхали къ шатру князя и послали палачей умертвить его, онъ спокойно вышелъ къ нимъ на встрѣчу, безъ малѣйшаго ропота перенесъ все, что̀ заставили его вытерпѣть мучители, и съ молитвою въ сердцѣ и на языкѣ закрылъ навѣки глаза, заслуживъ по справедливости названіе *мученика* и *святого*.

Тѣло его было отослано въ Москву и погребено въ въ монастырѣ Спасскомъ, въ Кремлѣ.

Семейство великаго князя Михаила I Ярославича:

Супруга: Княжна *Анна* Дмитріевна Борисовичева.

Сыновья: 1) Димитрій. 2) Александръ. 3) Константинъ. 4) Василій.

СОПЕРНИЧЕСТВО МОСКВЫ СЪ ТВЕРЬЮ.

отъ 1319 до 1328 года.

(9 лѣтъ).

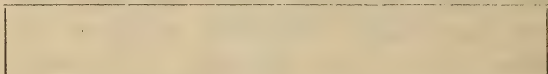
Съ неописанною горестію узнали въ Твери о смерти Михаила супруга его, дѣти и народъ. Не смѣя требовать отчета въ этой смерти у Георгія Даніиловича, уже пріѣхавшаго во Владиміръ съ граматою Узбека на престолъ великокняжескій, печальное семейство думало только о томъ, какъ бы выручить изъ рукъ убійцы священный гробъ умершаго страдальца и освободить маленькаго Константина Михаиловича, котораго онъ привезъ съ собою изъ Орды какъ плѣнника. Для этого отправленъ былъ къ Георгію III второй сынъ Михаила, Александръ.

Георгій, довольный успѣхомъ своимъ, не спорилъ о томъ, гдѣ будетъ лежать его жертва; приказалъ вынуть изъ земли гробъ Михаила, уже пять мѣсяцевъ похороненный въ монастырѣ Спасскомъ, и отдать его сыну.

Княгиня Анна, вдова Михаила, и старшій сынъ ея, Димитрій, плыли въ лодкахъ далеко по Волгѣ на встрѣчу драгоцѣнныхъ останковъ супруга и отца, и уже вмѣстѣ съ ними подъѣхали къ Тверскому берегу, гдѣ приняли ихъ духовенство и народъ. Всѣ громко рыдали, всѣ тѣснились цѣловать гробъ добраго государя. Сколь же велика была радость всѣхъ, когда, открывъ его, увидѣли, что тѣло нигдѣ не было повреждено ни отъ продолжительнаго путешествія съ береговъ моря Каспійскаго, ни отъ пятимѣсячнаго лежанія въ могилѣ! Семейство святого мученика и народъ упали на колѣна, благодаря Бога за это чудо, и съ этой минуты перестали плакать о Михаилѣ: они видѣли доказательство счастія, которымъ онъ уже наслаждался на небесахъ! Добрая, благочестивая княгиня Анна съ этого дня простилась съ міромъ и постриглась въ монахини. Предки наши во всѣ времена отличались своимъ усердіемъ къ вѣрѣ и государи ихъ почти всегда оканчивали жизнь въ монастыряхъ. Тѣло св. Михаила почиваетъ и теперь въ тверскомъ Преображенскомъ соборѣ.

Между тѣмъ Константинъ Михаиловичъ и бояре тверскіе, пріѣхавшіе съ нимъ изъ Орды, все еще оставались въ плѣну у Георгія и онъ не прежде отпустилъ ихъ, какъ въ 1321 году, когда Димитрій Михаиловичъ далъ ему *двѣ тысячи рублей* и слово — не искать великаго княжества.

Здѣсь надобно замѣтить, милые читатели мои, что при этомъ выкупѣ князя Константина Михаиловича въ первый разъ говорится въ исторіи нашей о *рубляхъ*, которые вовсе не походили на цѣлковые рубли наши. Нѣтъ! то были простые отрубки серебра безъ всякаго клейма и вѣсили каждый отъ 22 до 24 золотниковъ. Крестьяне одной подмосковной деревни нашли не очень давно нѣсколько такихъ кусковъ серебра въ землѣ. Вѣрно, многимъ изъ васъ хотѣлось бы знать, какого рода были эти отрубки? Мнѣ пріятно, что могу услужить вамъ небольшимъ рисункомъ, по которому вы можете узнать по крайней мѣрѣ видъ и длину этихъ старинныхъ рублей. Вотъ онъ:

Видите, какъ некрасивы эти деньги нашихъ предковъ въ сравненіи съ нынѣшними монетами. Но это все-таки лучше, нежели прежнія деньги ихъ, которыя были просто лоскутки кожи съ клеймомъ и назывались *кунами*, отъ того, что дѣлались изъ кожъ *куницъ*.

Итакъ, заплативъ 2,000 такихъ рублей, Димитрій выручилъ изъ плѣна брата своего; что же касается обѣщанія не искать великаго княжества, то онъ далъ его не искренно, далъ въ ту самую минуту, когда въ душѣ клялся отмстить убійцѣ отца своего; и тотчасъ, по пріѣздѣ брата Константина въ Тверь, отправился въ Орду и выпросилъ себѣ у Узбека престолъ владимірскій. Георгій Даніиловичъ ходилъ въ это время съ новгородцами къ берегамъ Невы, и тамъ, гдѣ она вытекаетъ изъ Ладожскаго озера на островѣ *Орѣховомъ*, построилъ крѣпость *Орѣховскую* (нынѣшній *Шлиссельбургъ*) для того, чтобы шведы не могли входить въ это озеро. Получивъ извѣстіе, что Димитрій не исполнилъ своего обѣщанія и уже вездѣ

объявленъ великимъ княземъ, Георгій огорчился и боялся выѣхать изъ Новгорода, чтобы не потерять и этой области, но чрезъ нѣсколько времени, одержавъ побѣды надъ шведами, литовцами и князьями устюжскими, заслужилъ благодарность новгородцевъ, принялъ клятву ихъ въ вѣрности и отправился къ Узбеку, опять просить у него великаго княжества.

Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ въ Орду и Димитрій. Этотъ князь, молодой, пылкій, названный *Грозныя-очи*, былъ представленъ Узбеку въ одно время съ смертельнымъ врагомъ своимъ. Отмстить этому врагу — было первымъ желаніемъ, всегдашнею мыслію Димитрія въ теченіе шести лѣтъ. Онъ никогда не зналъ Георгія лично и вдругъ видитъ его подлѣ себя! Кровь молодого князя закипѣла; большіе голубые глаза его сдѣлались подлинно *очами грозными;* ему казалось, что онъ видитъ предъ собою блѣдную тѣнь отца, ему казалось, что онъ слышалъ жалобные стоны, которые вырывались у него предъ смертію, и — горестный, несчастный сынъ не могъ владѣть собою, бросился на Георгія и заколоъ его въ одну минуту! Тѣло убитаго князя привезли въ Москву, гдѣ княжилъ братъ его, Іоаннъ Даніиловичъ, и митрополитъ Петръ похоронилъ его въ церкви Архангела Михаила.

Между тѣмъ въ Твери всѣ со страхомъ ожидали, чѣмъ накажетъ Узбекъ Димитрія, осмѣлившагося въ глазахъ его сдѣлать убійство. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и ханъ все еще молчалъ. Друзья великаго князя уже начали надѣяться, что Узбекъ не будетъ мстить за Георгія. Но вдругъ, 15-го сентября 1326 года, дано повелѣніе казнить несчастнаго Димитрія, и въ тотъ же день его убили въ Ордѣ. Ему было только 27 лѣтъ.

Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о казни брата, Александръ Михаиловичъ получилъ отъ хана и грамату на престолъ великокняжескій. Но недолго онъ владѣлъ имъ. Не прошло года, какъ пріѣхалъ въ Тверь двоюродный братъ Узбека, *Шевкалъ*, со множествомъ татаръ. Въ народѣ разнесся слухъ, будто бы онъ пріѣхалъ для того, что обратить всѣхъ русскихъ въ вѣру магометанскую, убить князя Александра и другихъ братьевъ его, и роздать всѣ города

вельможамъ татарскимъ. Вѣроятно этотъ слухъ былъ несправедливъ, но великій князь, боясь умереть такъ же, какъ умеръ его отецъ, и не имѣя великодушія Михаила, жертвовавшаго собою для спокойствія подданныхъ, встревожилъ этими слухами народъ, который повѣрилъ ему, и для спасенія вѣры и государей своихъ рѣшился на дѣло, чрезвычайно опасное и вовсе безполезное въ то время: рѣшился истребить всѣхъ татаръ, бывшихъ въ Твери. Онъ исполнилъ это подъ начальствомъ своего князя 15-го августа 1327 года, въ самый день Успенія Богородицы: ни одного татарина не осталось живого въ городѣ.

Непростительно было для Александра Михаиловича такъ безразсудно вовлечь подданныхъ своихъ въ неминуемую погибель! Гнѣвъ Узбека былъ ужасенъ: онъ поклялся истребить все княжество Тверское и поручилъ исполнить это Іоанну Даніиловичу, князю московскому, обѣщая въ награду сдѣлать его великимъ княземъ и прислать къ нему на помощь 50,000 воиновъ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Тверь, Кашинъ, Торжокъ были опустошены со всѣми селеніями и жители истреблены или уведены въ неволю; Іоаннъ Даніиловичъ сдѣланъ великимъ княземъ; Александръ Михаиловичъ убѣжалъ въ Псковъ: меньшіе братья его—въ Ладогу.

Это ужасное состояніе сѣверной части государства нашего было еще счастіемъ въ сравненіи съ бѣдствіями южной, которая въ это время подпала подъ власть одного изъ наслѣдниковъ Миндовга, князя литовскаго Гедимина. Гедиминъ былъ необыкновенно уменъ и храбръ; однакожъ онъ сдѣлалъ великое злодѣйство, умертвивъ государя своего Буйвида и присвоивъ себѣ престолъ его. Вскорѣ нѣмцы, русскіе и поляки узнали его силу. Онъ завоевалъ Брестъ, Овручъ, Житоміръ, наконецъ самый Кіевъ и всю старинную область Кривскую или нынѣшнюю Бѣлоруссію. Хитрый Гедиминъ, понимая трудное искусство удерживать у себя завоеванія свои, не изгонялъ природныхъ князей покоренныхъ имъ земель, уважалъ ихъ обычаи, покровительствовалъ православію и позволялъ новымъ подданнымъ своимъ зависѣть въ церковныхъ дѣлахъ отъ митрополита московскаго. Самъ же онъ пользовался верховною властію и ти-

туломъ *великаго князя литовскаго и русскаго.* Столицею его была *Вильна,* имъ же основанная.

Семейство великаго князя Георгія III:

Супруга: Кончака, царевна *татарская,* въ крещеніи *Агаѳія.*

Семейство великаго князя Димитрія Михаиловича:

Супруга: Княжна литовская, дочь Гедимина.

Семейство великаго князя Александра Михаиловича:

Супруга неизвѣстна.
Сыновья: 1) Ѳедоръ. 2) Всеволодъ. 3) Левъ. 4) Михаилъ.

ІОАННЪ КАЛИТА И МОСКВА, СТОЛИЦА ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАЯ.

ОТЪ 1328 ДО 1340 ГОДА.

(12 лѣтъ).

Ссоры князей московскихъ, потомковъ Александра Невскаго, съ князьями тверскими, дѣтьми брата его Ярослава Ярославича, напоминаютъ намъ старинное, болѣе ста лѣтъ продолжавшееся несогласіе Олеговичей и Мономаховичей. Разница была въ томъ, что прежде князья-враги явно ненавидѣли и часто истребляли другъ друга въ жестокихъ сраженіяхъ; теперь же они тайно клеветали въ Ордѣ и губили другъ друга чрезъ царей татарскихъ! Такъ погибли Михаилъ и Димитрій, то же угрожало и Александру Михаиловичу! Ужасна была судьба его, когда, послѣ разоренія Тверского княжества его, онъ долженъ былъ бѣжать изъ родины и напрасно просить пристанища и помощи у князей русскихъ! Никто не хотѣлъ принять его: всѣ боялись гнѣва Узбека и любимца его, великаго князя Іоанна Даніиловича, которому приказано было отъ хана представить бѣглеца въ Орду.

Въ то время, когда для всѣхъ русскихъ такъ ужасны казались злые татары, жители Псковской области показали

рѣдкій примѣръ неустрашимости и великодушія: они осмѣлились быть защитниками бѣднаго Александра Михаиловича и не только приняли его къ себѣ со всѣмъ семействомъ, но даже выбрали его княземъ своимъ и отложились отъ Новгорода. Никакія угрозы Узбека, великаго князя и новгородцевъ не могли заставить ихъ выдать несчастнаго князя, тѣмъ болѣе, что ему покровительствовалъ и сильный князь литовскій Гедиминъ.

Александръ прожилъ во Псковѣ около десяти лѣтъ, между тѣмъ какъ Тверью управлялъ братъ его Константинъ Михаиловичъ. Но чужая сторона, не смотря на всѣ выгоды свои, никогда не можетъ быть для насъ такъ пріятна, какъ родная, гдѣ мы въ первый разъ увидѣли свѣтъ, гдѣ выросли, гдѣ всѣ мѣста знакомы намъ, гдѣ живутъ люди, которыхъ мы привыкли любить съ младенчества! Поэтому вы не удивитесь, милые читатели мои, когда я скажу вамъ, что Александръ Михаиловичъ все время, пока жилъ во Псковѣ, грустилъ по своей родинѣ— Твери и старался всѣми силами возвратить себѣ эту наслѣдственную область. Чрезъ десять лѣтъ онъ могъ надѣяться, что гнѣвъ Узбека уже утихъ, и рѣшился ѣхать въ Орду, чтобы совершенно заслужить его милость. Онъ не обманулся: царю понравилась покорность и въ то же время смѣлость, съ которою князь сказалъ ему: «Царь верховный! я заслужилъ гнѣвъ твой и отдаю тебѣ судьбу мою. Милуй или казни: если помилуешь, я прославлю Бога и тебя. Хочешь ли головы моей?—Она предъ тобою!» Узбекъ милостиво выслушалъ его и съ улыбкою сказалъ своимъ вельможамъ: «Князь Александръ кротостію и умомъ своимъ избавляетъ себя отъ казни!» И тогда же возвратилъ ему княжество Тверское.

Но ненадолго обрадованъ былъ бѣдный Александръ Михаиловичъ! Не прошло года, какъ онъ съ семействомъ своимъ пріѣхалъ въ Тверь и уже Іоаннъ Даніиловичъ, боясь, чтобы князья тверскіе опять не усилились и не заспорили съ нимъ о престолѣ великокняжескомъ, поѣхалъ въ Орду клеветать на Александра. Узбека не трудно было обмануть: онъ вѣрилъ всему, что говорили князья русскіе другъ на друга, особливо если они прибавляли къ своимъ

словамъ богатые подарки. Іоаннъ Даніиловичъ не забылъ сдѣлать этого — и судьба тверского князя рѣшилась: онъ получилъ повелѣніе хана пріѣхать въ Орду, не смѣлъ ослушаться и былъ убитъ тамъ вмѣстѣ съ молодымъ сыномъ своимъ, Ѳеодоромъ, 28-го октября 1339 года.

Узбекъ, умерщвляя князей, думалъ, что этимъ утвердитъ еще болѣе власть татаръ надъ русскими; но онъ очень ошибся; жестокость его только помогла имъ скорѣе освободиться отъ этой власти, утвердивъ на престолѣ русскомъ Іоанна I. Имя великаго князя помрачилось погубленіемъ Александра Михаиловича, но ослѣпленный честолюбіемъ, онъ думалъ, что обстоятельства оправдаютъ его. Зная, что всѣ несчастія Россіи происходили отъ несогласія и слабости князей, онъ старался, съ самаго вступленія своего на престолъ, имѣть подъ властію своею всѣ другія княжества. Самое сильное изъ нихъ было Тверское. Предвидя, сколько новыхъ бѣдъ могло случиться въ Россіи, еслибы тверскіе князья вздумали отнимать у потомковъ его престолъ великокняжескій, Іоаннъ не почиталъ за грѣхъ погубить одного князя для спасенія нѣсколькихъ тысячъ людей. Конечно, онъ очень ошибался, потому что никто, кромѣ одного милосердаго Бога, не можетъ располагать жизнію людей, и всѣ мы должны отвѣчать ему не только за несчастіе, но даже за тѣ небольшія огорченія, какія причиняемъ нашимъ ближнимъ. Еслибы не это бѣдственное заблужденіе, то намъ оставалось бы только прославлять память Іоанна Даніиловича, потому что онъ первый положилъ начало къ освобожденію предковъ нашихъ отъ власти татарской; онъ первый возобновилъ мысль Андрея Георгіевича, что для счастія и славы отечества нашего нужно, чтобы всѣ обширныя части его повиновались волѣ одного государя, а не прихотямъ нѣсколькихъ ничтожныхъ князей маленькихъ удѣловъ; онъ первый, послѣ нашествія татаръ, началъ соединять эти расторгнутыя части въ одно цѣлое; онъ первый назвалъ столицею государства — нашу Москву, родную, славную, незабвенную по тѣмъ происшествіямъ, какія потомъ случились въ ней! Казалось, что самъ Богъ назначалъ ее быть столицею: Москва лежала въ самой рединѣ тогдаш-

ней Россіи. Всѣ главныя области окружали ее почти въ равномъ разстояніи; слѣдовательно нельзя было лучше выбрать города для пребыванія государя. Кромѣ того, привязанность къ нему благочестиваго митрополита Петра, названнаго потомъ Церковью нашею *святымъ,* какъ будто бы предвѣщала новой столицѣ благословеніе и особенное покровительство Божіе. Всѣ митрополиты русскіе всегда жили прежде въ Кіевѣ, потомъ во Владимірѣ, какъ столичныхъ городахъ государства. Св. Петръ, полюбивъ Москву, переселился въ нее прежде, нежели ее сдѣлали столицею, и просилъ Іоанна построить въ ней церковь Богоматери. Іоаннъ исполнилъ его желаніе и въ 1326 году, 4-го августа, *заложилъ* въ Москвѣ на площади *первую церковь каменную* во имя Успенія Богородицы. Святый митрополитъ собственными руками построилъ себѣ каменный гробъ въ ея стѣнѣ и вскорѣ скончался. Церковь была достроена и освящена ужъ безъ него новымъ митрополитомъ Ѳеогностомъ.

Княженіе Іоанна Даніиловича продолжалось двѣнадцать лѣтъ. Не смортя на несчастную смерть родственника его, Александра Михаиловича, москвитяне очень любили Іоанна за его набожность, усердіе къ строенію церквей и милосердіе къ нищимъ. Они называли его *собирателемъ земли Русской и государемъ-отцомъ.* Еще было у него одно прозваніе: *Калита.* Оно произошло отъ того, что онъ всегда носилъ со собою мѣшокъ, наполненный деньгами для бѣдныхъ, а такой мѣшокъ называли встарину *калитою.* Кромѣ Успенскаго собора, онъ построилъ еще каменный Архангельской, гдѣ былъ и погребенъ, и гдѣ съ того времени погребали всѣхъ князей московскихъ. Въ 1339 году онъ окружилъ новую столицу дубовыми стѣнами и возобновилъ *Кремникъ* или *Кремль,* который при немъ сгорѣлъ. Кремль былъ тогда внутреннею крѣпостію или, по старинному названію, *дѣтинцемъ* [1]).

Если вы слыхали, дѣти, пословицу: «*близъ царя, близъ смерти*», то надобно сказать вамъ, что она появи-

[1]) Названіе *дѣтинецъ* происходитъ отъ имени стражи, или тѣлохранителей княжескихъ, называвшихся *дѣтями* или *отроками,* которымъ поручали защищать внутреннія крѣпости.

лась въ то время, когда не только народъ русскій, но даже и князья его такъ боялись царей татарскихъ, что поѣхать въ Орду было для нихъ то же, что приготовиться къ смерти. Они прощались навѣкъ съ семействомъ и друзьямя своими, писали духовныя завѣщанія, назначали даже деньги на поминовеніе души своей. Вы можете видѣть это въ завѣщаніи великаго князя Іоанна Калиты, который написалъ его, отправляясь еще въ началѣ княженія своего къ Узбеку. Оно очень любопытно тѣмъ, что даетъ намъ понятіе о владѣніяхъ и состояніи великаго князя. Я не буду описывать подробно этого завѣщанія, но выпишу изъ него только то, что, кажется, будетъ любопытно для васъ.

Эта духовная начинается такъ: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Не зная, что Всевышній готовитъ мнѣ въ Ордѣ, куда ѣду, оставляю эту *душевную* грамату, написанную мною добровольно въ полномъ умѣ и совершенномъ здоровьѣ. Приказываю, въ случаѣ смерти, сыновьямъ моимъ городъ Москву: отдаю *Семеону* Можайскъ, Коломну съ волостями; *Ивану*—Звенигородъ и Рузу; *Андрею*—Лопасну, Серпуховъ, Перемышль; княгинѣ моей съ меньшими дѣтьми—села, бывшія въ ея владѣніи. Еще при жизни далъ я сыну *Симеону* четыре цѣпи, три пояса, двѣ чаши, блюдо съ жемчугомъ и два ковша золотые, да три блюда серебряныя; *Ивану*—четыре цѣпи, два пояса съ жемчугомъ и съ каменьями, третій сердоликовой, два ковша, двѣ круглыя чаши золотыя, да три блюда серебряныя. *Андрею*—четыре цѣпи, поясъ жемчужный, другой съ крюкомъ, на красномъ шелкѣ, третій ханскій, два ковша, двѣ чарки золотыя, да три блюда серебряныя. Золото княгини отдалъ я дочери Фетиньѣ: 14 колецъ, новый складень, ожерелье матери ея, *чело* [1]) и гривну; а мое собственное золото и коробочку золотую отказываю княгинѣ моей съ меньшими дѣтьми. Изъ платьевъ моихъ назначаю: *Симеону*—шубу красную съ жемчугомъ и шапку золотую; *Ивану*—желтую объяринную шубу съ жемчугомъ и мантію съ бармами; *Андрею*—шубу соболью съ наплечниками, низанными жем-

[1]) Головной уборъ.

чугомъ; а двѣ новыя шубы съ жемчугомъ — меньшимъ дѣтямъ *Марьѣ* и *Өедосьѣ*. Серебряные пояса и другія одежды мои раздать священникамъ, а сто рублей, оставленныхъ мною у казначея, по церквамъ. Тебѣ, Симеонъ, какъ старшему сыну, приказываю (поручаю) меньшихъ братьевъ и княгиню съ дочерьми: будь имъ по Богѣ главнымъ защитникомъ.—Грамату писалъ дьякъ великокняжескій *Кострома* при духовныхъ отцахъ моихъ, священникахъ Ефремѣ, Өеодосьѣ и Давидѣ. Кто нарушитъ ее, тому Богъ судія».

Вы видите, милыя дѣти, какъ невелико было богатство прежнихъ государей нашихъ; однакожъ, довольствуясь и малымъ, они высоко цѣнили его; вы можете замѣтить это по той точности, съ которою сказано въ духовной даже о кольцахъ. А мы какъ часто считаемъ за ничто не только кольцо, но и вещи, гораздо драгоцѣннѣйшія, которыми дарятъ насъ нѣжные родители наши. Какъ часто вы готовы безразсудно отдать ихъ за какую нибудь бездѣлку, болѣе блестящую! Поучимся же у старинныхъ князей нашихъ быть бережливыми и сохранимъ надолго все, что получили мы отъ людей, которыхъ такъ много любимъ и уважаемъ! Вѣдь и Іоаннъ Калита получилъ отъ отца и дѣда почти всѣ тѣ вещи, которыя отказывалъ въ духовной дѣтямъ своимъ.

Семейство великаго князя Іоанна I Даніиловича Калиты:

Супруга: Елена.
Сыновья: 1) Симеонъ. 2) Іоаннъ. 3) Андрей.
Дочери: 4) Фетинья. 5) Марья. 6) Өеодосія.

СВЯТЫЙ МИТРОПОЛИТЪ АЛЕКСІЙ.

отъ 1340 до 1359 года.

(19 лѣтъ).

Богъ, посылая несчастія на предковъ нашихъ, посылалъ имъ также и утѣшителей, которые облегчали страданія ихъ и иногда даже спасали ихъ отъ новыхъ бѣдствій. Этими утѣшителями были по большей части святые служители Его, т. е. митрополиты, епископы, священники и монахи. Такъ первый митрополитъ *всей Россіи*, св. Петръ, старался всегда мирить князей, и особенно московскаго съ тверскимъ, и не имѣя возможности облегчить весь народъ отъ тягостной дани татарской, ѣздилъ нарочно въ Орду, чтобы по крайней мѣрѣ избавить отъ нея церкви Божія и домы ея служителей.

Такъ потомъ св. митрополитъ Алексій—во время новаго, ужаснаго бѣдствія, случившагося въ землѣ Русской въ 1352 году, при великомъ князѣ Симеонѣ, сынѣ Іоанна Калиты—заботился, какъ отецъ, о всѣхъ страдавшихъ несчастливцахъ. Это бѣдствіе была смертельная болѣзнь, извѣстная подъ именемъ *черной смерти*. Человѣкъ умиралъ отъ нея въ ужасныхъ мученіяхъ, которыя продолжались два или три дня. Не одно отечество наше испытало всѣ ужасы этой болѣзни: *черная смерть* началась въ Китаѣ, гдѣ истребила около 13 милліоновъ людей, потомъ перешла въ Грецію, Сирію, Египетъ, перевезена была на корабляхъ въ Италію, Францію, Англію, Германію, наконецъ въ нашъ Псковъ и Новгородъ. Всѣ историки говорятъ, что нельзя вообразить зрѣлища болѣе страшнаго: въ одинъ день исчезали цѣлыя семейства! Сначала люди усердно ходили за своими больными, но потомъ, когда замѣтили, что не только они, но даже вещи ихъ были заразительны, всѣ начали оставлять несчастныхъ, даже сынъ бѣжалъ отъ отца, дочь отъ матери, братъ отъ брата! Въ это время общаго унынія людей, митрополитъ Алексій, такъ же какъ и многія другія духовныя особы, были для нихъ настоящими анге-

лами-хранителями. Они погребали несчастныхъ, оставленныхъ всѣми мертвецовъ; утѣшали живыхъ, огорченныхъ потерею родныхъ или друзей, и помогали бѣднымъ, осиротѣвшимъ, безпріютнымъ малюткамъ.

Въ 1353 году ужасная болѣзнь дошла до Москвы, и тамъ въ короткое время скончались отъ нея великій князь, два сына его и братъ, Андрей Іоанновичъ. Симеонъ, во время тридцати-лѣтняго княженія, слѣдовалъ правиламъ отца своего и такъ же, какъ онъ, заботился о томъ, чтобы вся Россія повиновалась *одному* государю. Онъ былъ не только строгъ съ князьями удѣльными и важенъ въ обхожденіи съ ними, отчего и названъ *Гордымъ,* но умѣлъ заслуживать почтеніе и отъ сильныхъ въ то время князей литовскихъ, сыновей славнаго Гедимина. Знаменитѣйшій изъ нихъ, *Ольгердъ,* сдѣлавшійся потомъ повелителемъ и братьевъ своихъ, и всей Литвы, былъ даже въ родствѣ съ великимъ княземъ Симеономъ [1]), а потомъ женилъ и брата своего Любарта на племянницѣ его, княжнѣ ростовской.

Когда Симеонъ Гордый скончался, всѣ князья русскіе поѣхали въ Орду, гдѣ уже не было Узбека, умершаго еще въ 1341 году. Сынъ и наслѣдникъ его, Чанибекъ, отдалъ престолъ великокняжескій брату Симеона—Іоанну Іоанновичу Московскому, князю кроткому и даже слабому.

Правленіе такихъ государей рѣдко бываетъ счастливое: доброе сердце и слабость ихъ дѣлаютъ дерзкими и собственныхъ подданныхъ ихъ, и враговъ чужеземныхъ. Такъ, новгородцы не хотѣли повиноваться намѣстникамъ Іоанна II и дѣлали въ своей области все, что хотѣли. Такъ даже въ Москвѣ, которая во всѣ времена славилась покорностію и любовью къ государямъ своимъ, происходили при Іоаннѣ II безпорядки разнаго рода, и даже одинъ изъ любимцевъ Іоанна найденъ былъ убитымъ на площади. Такъ, Ольгердъ, князь литовскій, уже не хотѣлъ, какъ прежде, уважать великаго князя, но, напро-

---

[1]) Онъ былъ женатъ на свояченѣ Симеона Гордаго, княжнѣ *Іуліаніи,* дочери князя Александра Михаиловича Тверского.

тивъ того, отнималъ города русскіе и едва не завладѣлъ всею Тверью.

Въ это смутное время св. митрополитъ Алексій снова имѣлъ случай показать усердіе свое къ отечеству. Слухъ о его добродѣтеляхъ, о его святости, о милости къ нему Божіей дошелъ даже до столицы татарской. Супруга хана Чанибека *Тайдула* вдругъ опасно занемогла. Въ тоскѣ болѣзненной ей казалось, что, кромѣ молитвъ русскаго митрополита Алексія, ничто не спасетъ ее отъ смерти. Она умоляла супруга своего послать за нимъ, и Чанибекъ исполнилъ ея желаніе. Св. Алексій поѣхалъ въ Орду съ надеждою на Бога и теплою молитвою къ Нему. Эта молитва была услышана: ханша Тайдула выздоровѣла и не знала, чѣмъ бы возблагодарить добраго избавителя своего. Скоро ей представился къ тому случай: Чанибекъ, котораго наши историки называютъ *добрымъ,* вскорѣ послѣ того былъ убитъ роднымъ сыномъ своимъ Бердибекомъ. Этотъ ужасный злодѣй не пощадилъ и братьевъ своихъ. Вы можете представить себѣ, милые читатели, какая участь ожидала бѣдное отечество наше подъ властію такого чудовища! Всѣ князья русскіе устрашились, когда услышали о новомъ ханѣ. Страхъ ихъ еще болѣе увеличился, когда вскорѣ потомъ они увидѣли предъ собою *баскака* или посла его, которому приказано было собрать новую, дотолѣ неслыханную дань, и жестоко наказывать всякаго, кто не заплатитъ ее. Всѣ были въ отчаяніи, думая, что настала совершенная погибель отечества. Одинъ св. Алексій не пришелъ въ уныніе и, напротивъ того, рѣшился на дѣло чрезвычайно смѣлое: рѣшился ѣхать въ Орду, умолять злодѣя, котораго въ исторіи называютъ *Тигромъ*. Онъ надѣялся на милость доброй Тайдулы, матери Бердибека. Уже нѣсколько разъ она оказывала ему разныя небольшія услуги и всегда желала имѣть случай сдѣлать что нибудь болѣе. Старанія и просьбы ея имѣли полный успѣхъ: жестокій ханъ умилостивился надъ Россіею, отмѣнилъ новую дань и приказалъ баскаку своему пріѣхать назадъ.

О! какая была радость, какой праздникъ въ Москвѣ, когда добрый митрополитъ возвратился изъ Орды! Всѣ

спѣшили къ нему навстрѣчу: великій князь, семейство его, бояре и народъ. Всѣ называли его своимъ ангеломъ-избавителемъ, всѣ желали поцѣловать, если не руку, то по крайней мѣрѣ одежду его! Въ эту сладостную минуту всѣ были еще болѣе тронуты, когда вдругъ увидѣли, что осьмилѣтній сынъ великаго князя, *Димитрій,* — о которомъ вы услышите потомъ много, много хорошаго, друзья мои, — подошелъ также къ митрополиту и нѣжнымъ, младенческимъ голосомъ сказалъ ему: «О, отецъ нашъ! ты избавилъ насъ отъ войны и смерти: какъ намъ благодарить тебя». Крупныя слезы катились по лицу малютки и показывали, сколько чувствительности, сколько любви къ народу уже было въ дѣтскомъ сердцѣ его. Митрополитъ съ восхищеніемъ обратилъ взоры свои на небо, къ престолу Божію: святая душа его предвидѣла будущую славу прекраснаго младенца и благословляла минуту его рожденія.

Говоря о святыхъ утѣшителяхъ и покровителяхъ Россіи, нельзя не сказать и о св. *Сергіи,* основателѣ знаменитой Троицкой лавры или монастыря въ окрестностяхъ Москвы. Этотъ добрый, благочестивый инокъ былъ сынъ ростовскаго боярина Кирилла. Съ самой нѣжной молодости онъ любилъ молиться Богу, любилъ размышлять о Немъ, и удалялся отъ общества веселыхъ товарищей своихъ. Уединеніе было для него такъ пріятно, что онъ, наконецъ, поселился въ лѣсахъ дремучихъ города Радонежа, въ 60-ти верстахъ отъ Москвы, и жилъ пустынникомъ нѣсколько лѣтъ; потомъ построилъ тамъ деревянную церковь св. Троицы и подлѣ нея нынѣшнюю лавру, или монастырь, для тѣхъ монаховъ, которые, слыша о добродѣтеляхъ его, приходили къ нему часто изъ отдаленныхъ странъ и желали остаться съ нимъ навсегда. Слава св. Сергія, одного изъ первыхъ чудотворцевъ нашихъ, была такъ велика и при жизни его, что всѣ князья, митрополитъ, бояре и народъ показывали къ нему особенное уваженіе, какъ будто предвидя будущую святость его, и во всѣхъ важныхъ дѣлахъ государственныхъ спрашивали совѣта его. Вы увидите потомъ его усердіе къ отечеству, и если будете въ Москвѣ, не забудьте съѣздить

въ Троицко-Сергіевскую лавру и поклониться святому гробу его.

Семейство великаго князя Симеона I Іоанновича Гордаго.

Супруги: 1) *Августа,* въ крещеніи *Анастасія,* княжна Литовская. 2) *Параскевія,* княжна Смоленская. 3) *Марія* Александровна, княжна Тверская.

Сыновья: a) Василій. b) Константинъ. c) Даніилъ. d) Михаилъ. e) Іоаннъ. f) Симеонъ.

Семейство великаго князя Іоанна II Іоанновича.

Супруги: 1) *Θеодосія* Димитріевна, княжна Брянская. 2) *Александра,* въ монахиняхъ *Марія.*

Сыновья: a) Димитрій. b) Іоаннъ.

МАЛОЛѢТСТВО ДИМИТРІЯ ІОАННОВИЧА, ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МОСКОВСКАГО.

ОТЪ 1359 ДО 1362 ГОДА.

(3 года).

Мнѣ не нужно сказать вамъ, читатели мои, что храбрость—врожденное качество народа русскаго: нельзя исчислить, сколько разъ доказали это воины наши во всѣхъ вѣкахъ и при всѣхъ государяхъ; но, кромѣ того, бывали примѣры въ Россіи, что и дѣти ходили въ настоящія сраженія и побѣждали непріятелей своихъ съ такою же славою, какъ и взрослые люди! Вы удивляетесь—и вамъ очень хочется узнать, какія были эти дѣти? Хорошо, хорошо, я не заставлю васъ ждать долго и скорѣе приступлю къ дѣлу.

Въ 1359 году скончался великій князь Іоаннъ II Іоанновичъ, названный *Кроткимъ.* У него остались два сына: старшій *Димитрій,* о которомъ вы уже слышали, *девяти,* младшій *Іоаннъ, семи,* и еще племянникъ, сынъ брата Андрея Іоанновича, *Владиміръ, шести* лѣтъ. Этимъ

тремъ малюткамъ Іоаннъ II отказалъ въ такой же духовной, какую писалъ и дѣдъ ихъ, Іоаннъ Калита, свое наслѣдственное Московское княжество со всѣми принадлежавшими къ нему городами и деревнями, но ни одного изъ нихъ не назначилъ *великимъ княземъ,* потому что это назначеніе зависѣло отъ царя татарскаго.

Въ это время въ Ордѣ происходили ужасные безпорядки, ссоры, убійства. Ханы безпрестанно смѣнялись, истребляя другъ друга. Одинъ изъ нихъ, Темирхожа, былъ ханомъ только шесть дней, въ седьмой татары взбунтовались, простой темникъ *Мамай* былъ начальникомъ этого бунта, убилъ Темирхожу и отдалъ ханство какому-то *Авдулу,* который во всемъ повиновался ему.

Но не всѣ хотѣли имѣть царемъ своимъ Авдула: многіе вельможи татарскіе остались въ Сараѣ съ ханомъ *Мурутомъ;* другіе овладѣли землею болгарскою, третьи — мордовскою. Такъ царство Кипчакское раздѣлялось, ослабѣвало и приготовлялось къ своему паденію. Но это паденіе еще не такъ скоро случится. Имѣйте терпѣніе, друзья мои.

Вы можете себѣ представить, что во время такихъ безпорядковъ трудно было князьямъ русскимъ узнать отъ хановъ, кто будетъ великимъ княземъ послѣ Іоанна II. Они почти всѣ поѣхали въ Орду, даже и маленькій Димитрій. Урусъ, бывшій въ то время царемъ, вздумалъ безъ всякой особенной причины сдѣлать великимъ княземъ Димитрія Константиновича Суздальскаго, сына князя ростовскаго, никакими особенными достоинствами и дѣлами не заслужившаго столь важное отличіе. Всѣ русскіе удивились этому: всѣ знали, что ни дѣдъ, ни отецъ Димитрія Константиновича никогда не были великими князьями, что это достоинство принадлежало князьямъ московскимъ.

Маленькій Димитрій Іоанновичъ обидѣлся такимъ распоряженіемъ и выѣхалъ изъ Орды съ непремѣннымъ намѣреніемъ отнять у Димитрія Константиновича непринадлежавшее ему достоинство и заслужить его славными дѣлами и побѣдами. Эта мысль очень твердо поселилась въ дѣтскомъ умѣ смѣлаго мальчика. Мать его, великая княгиня Александра, митрополитъ Алексій и всѣ вѣрные бояре, лю-

бившіе отечество и предвидѣвшіе славу его отъ величія князей московскихъ, старались поддержать эту внушенную Богомъ мысль маленькаго героя, и чрезъ два года онъ былъ такъ неустрашимъ, что объявилъ себя великимъ княземъ и звалъ Димитрія Константиновича, жившаго все время своего княженія въ прежней столицѣ Россіи, Владимірѣ-Залѣсскомъ, на судъ къ хану. Это было въ то самое время, когда нѣсколько хановъ царствовало въ Кипчакской Ордѣ, но русскіе почитали законнымъ того изъ нихъ, который жилъ въ Сараѣ. Итакъ, бояре московскіе отправились къ Муруту. Напуганный, притѣсненный мятежникомъ Мамаемъ, Мурутъ обрадовался чести, какую сдѣлали ему московитяне, и согласился признать двѣнадцати-лѣтняго Димитрія великимъ княземъ русскихъ.

Но слабый ханъ Мурутъ не могъ дать вспомогательнаго войска новому великому князю и потому Димитрій Константиновичъ не уважалъ его суда и не выѣзжалъ ни изъ Владиміра, ни изъ Переяславля-Залѣсскаго. Тогда-то дѣти русскія показали храбрость свою! Не только Димитрій, но и младшій братъ его Іоаннъ и даже осмилѣтній Владиміръ пошли вмѣстѣ съ полками московскими усмирять непокорнаго князя Суздальскаго. Конечно, ихъ не только благословилъ на этотъ походъ, но даже и поѣхалъ вмѣстѣ съ ними св. митрополитъ Алексій; ихъ окружали умные и храбрые воеводы, ихъ защищали отъ опасностей всѣ воины грудью своею, но все-таки нельзя не удивляться ихъ смѣлости, нельзя не восхищаться ихъ неустрашимостію. Димитрій Константиновичъ, зная, что княземъ московскимъ былъ почти младенецъ, никакъ не ожидалъ, чтобы москвитяне осмѣлились идти противъ него и, не приготовясь къ сраженію, принужденъ былъ бѣжать изъ Переяславля и уступить престолъ великокняжескій маленькому сопернику своему. Государи русскіе еще не короновались тогда въ Москвѣ, но въ прежней столицѣ—Владимірѣ. Димитрій Іоанновичъ поѣхалъ также туда, прожилъ тамъ нѣсколько дней послѣ коронованія и возвратился въ Москву, не желая преслѣдовать непріятеля, который остался княжить въ наслѣдственномъ удѣлѣ своемъ.

Такъ благодѣтельная для насъ мысль *Андрея Бого-*

любскаго, Іоанна *Калиты* и Симеона *Гордаго,* мысль о томъ, чтобы всѣхъ князей удѣльныхъ привести подъ власть одного государя, по промыслу Божію, сдѣлалось также мыслью Димитрія. Мы скоро увидимъ, что Димитрій имѣлъ еще другую, славную цѣль всей своей жизни: онъ хотѣлъ освободить отечество свое отъ власти татаръ. Какъ же велика должна быть наша благодарность къ этому храброму князю! О! можно сказать навѣрное, что вы, дѣти, чувствуете эту благодарность, что вы очень любите добраго, храбраго Димитрія и съ удовольствіемъ прочтете на слѣдующихъ страницахъ разсказъ о славной побѣдѣ его.

ДОНСКОЕ СРАЖЕНІЕ ИЛИ БИТВА КУЛИКОВСКАЯ.

отъ 1362 до 1380 года.

(18 лѣтъ).

Много заботъ, трудовъ, безпокойствъ и огорченій ожидало Димитрія Іоанновича на престолѣ великокняжескомъ! Сначала ему надобно было нѣсколько разъ усмирять Димитрія Константиновича, который все еще стремился быть великимъ княземъ. Наконецъ, видя, что всѣ старанія его напрасны, онъ отказался отъ желанія своего и не только помирился съ Димитріемъ Іоанновичемъ, но даже, чрезъ пять лѣтъ послѣ того, отдалъ за него дочь свою, *Евдокію.*

Послѣ мира съ главнымъ врагомъ своимъ, Димитрій долженъ былъ утѣшать бѣдныхъ московскихъ жителей въ несчастіяхъ, у нихъ случившихся: прежде отъ большого пожара [1]), истребившаго почти всю Москву, потомъ отъ возвратившейся въ нее ужасной *черной смерти.*

Но эти несчастія Москвы не были такъ важны, какъ тѣ, какія навлекъ на нее гордый и честолюбивый тверской князь *Михаилъ,* сынъ Александра Михаиловича. Онъ видѣлъ намѣреніе Димитрія покорить удѣльныхъ

---

[1]) Этотъ пожаръ называется въ исторіи нашей—*Всесвятскимъ,* потому что начался въ церкви *Всѣхъ Святыхъ.*

князей своей власти и, смотря болѣе на собственныя выгоды, нежели на пользу отечества, рѣшился противиться всѣми силами трудному, великому дѣлу Димитрія. Къ несчастію, Михаилъ имѣлъ сильныя средства дѣлать зло: знаменитый Ольгердъ, князь литовскій, наводившій въ то время съ братомъ своимъ Кестутіемъ страхъ на всѣхъ сосѣдей своихъ, былъ женатъ на сестрѣ Михаила, княжнѣ тверской Іуліаніи Александровнѣ. При всякой небольшой неудачѣ въ Россіи Михаилъ уѣзжалъ къ зятю въ Литву и возвращался оттуда съ войскомъ литовскимъ, которое не менѣе татарскаго разоряло отечество наше! Такъ, въ 1368 году онъ пришелъ вмѣстѣ съ самимъ Ольгердомъ, который три дня грабилъ, жегъ, опустошалъ Москву. Великій князь, братъ его Владимірѣ Андреевичъ, митрополитъ Алексій и всѣ самые знатные бояре едва спаслись въ Кремлѣ [1]). Злой Ольгердъ, выходя изъ Москвы, еще хвасталъ тѣмъ, что русскіе долго не забудутъ его. Впрочемъ, это нашествіе литовцевъ не принесло никакой пользы Михаилу: Димитрій остался на престолѣ великокняжескомъ. Тогда недостойный князь тверской рѣшился просить помощи у Мамая, который въ это время былъ уже такъ силенъ, что соединялъ силою Волжскую Орду съ Золотою или Сарайскою и, сдѣлавъ ханомъ *Мамантъ-Салтана,* повелѣвалъ имъ какъ хотѣлъ. Михаилъ Александровичъ умѣлъ угодить гордому татарину, и Мамай далъ ему грамоту на великое княжество и посла ханскаго, чтобы возвести его на престолъ.

Но прошло то время, когда князья русскіе, не разсуждая, повиновались татарамъ: Михаилъ съ ханскою грамотою едва могъ убѣжать отъ полковъ московскихъ въ Вильну. Вы помните, что это была столица князя литовскаго. Старый Ольгердъ ласково принялъ зятя и опять согласился идти съ нимъ на русскихъ.

Кремль во второй разъ спасъ великаго князя и все семейство его. Пока литовцы стояли передъ этою славною

---

[1]) Послѣ пожара *Всесвятскаго,* Димитрій, видя, что деревянныя укрѣпленія ненадежны, построилъ *каменный Кремль,* и въ немъ-то спасся отъ Ольгерда.

крѣпостію, разсуждая о томъ, начинать ли приступъ,— братъ Димитрія, Владиміръ Андреевичъ и князь Пронскій пришли съ сильными полками изъ Перемышля и Рязани. Ольгердъ, увидѣвъ, что со всѣхъ сторонъ его окружали русскіе, испугался и началъ просить мира, увѣряя, что онъ будетъ *вѣчно* другомъ русскихъ. Чтобы доказать свою искренность, онъ предложилъ даже выдать дочь свою Елену за умнаго и храбраго князя Владиміра Андреевича. Добрые предки наши повѣрили ему: княжна литовская сдѣлалась княгинею русскою, но ссоры съ Ольгердомъ оттого не уменьшились, и до самой смерти своей онъ разорялъ отечество наше въ угодность зятю своему, который не прежде, какъ въ 1375 году, былъ совершенно усмиренъ великимъ княземъ. Въ договорной грамотѣ Михаилъ поклялся при митрополитѣ Алексіѣ почитать московскаго князя старшимъ и никогда не искать престола великокняжескаго. Молодой Димитрій Іоанновичъ былъ такъ добръ, что не только не отнялъ наслѣдственнаго княжества у смертельнаго врага своего (чего онъ, по справедливости, заслуживалъ), но даже позволилъ ему называться великимъ княземъ тверскимъ. Впрочемъ, одно это названіе не было важно: такъ называли сами себя часто и разные другіе князья, напримѣръ: рязанскіе и смоленскіе.

Войско русское почти не отдыхало въ славное княженіе Димитрія: едва окончилась продолжительная война съ тверскимъ княземъ, какъ уже полки московскіе шли въ Камскую Болгарію. Великій князь, безпрестанно думая о томъ, чтобы освободить милое отечество свое отъ власти татаръ, искалъ всѣхъ случаевъ вредить имъ. Камская Болгарія тогда принадлежала имъ; довольно было, чтобы заставить Димитрія овладѣть ею. Эта страна уже называлась въ то время не Камскою, но *Казанскою* Болгаріею, потому что въ ней былъ уже славный въ исторіи нашей городъ *Казань*. Его основалъ одинъ изъ татарскихъ хановъ, по имени *Саинъ*, который, идучи воевать Россію, былъ встрѣченъ тутъ многими князьями русскими. Боясь татаръ, какъ огня, они пришли къ нимъ съ покорностію

и принесли богатые дары. Саинъ[1]) сжалился надъ ними и не пошелъ на тотъ разъ далѣе. Мѣсто ему понравилось по красивому положенію своему, по изобилію во всемъ, особенно въ *пчелахъ* и *зеленыхъ лугахъ*, и Саинъ вздумалъ основать тутъ городокъ для того, чтобы татарскіе баскаки, посылаемые для собранія дани съ русскихъ, могли тутъ отдыхать. Онъ населилъ этотъ городокъ: болгарами, черемисами, вотяками, мордвою и назвалъ Казанью. *Казанъ* значитъ по-татарски *котелъ* или *золотое дно*.

Вотъ эта Казань была уже при Димитріи Іоанновичѣ не городкомъ, но богатымъ городомъ. Жители, думая испугать русское войско, посланное Димитріемъ, выѣхали на встрѣчу къ нему на верблюдахъ! Русскіе бросились на нихъ такъ скоро и неустрашимо, что верблюды едва успѣли повернуться и побѣжать назадъ къ городу. Два владѣтеля болгарскіе, *Осанъ* и *Махматъ-Солтанъ*, покорились великому князю и дали ему 2,000, а на воиновъ его 3,000 рублей, и обязались и впредь быть данниками московскаго князя.

Димитрій очень досадилъ татарамъ покореніемъ области, имъ принадлежавшей, но чрезъ два года потомъ, въ 1378 году—еще болѣе: онъ побѣдилъ въ Рязанской области, на берегахъ рѣки Вожи, сильное войско ихъ, посланное Мамаемъ наказать дерзкаго князя русскаго. Эта побѣда, первая одерженная надъ татарами съ 1224 года, привела въ ужасный гнѣвъ Мамая и показала ему, что русскіе уже не тѣ покорные рабы, какими были прежде. Нетерпѣливо желалъ онъ отмстить храброму Димитрію, и чтобы вѣрнѣе сдѣлать это, набралъ страшное войско изъ татаръ, половцевъ, турокъ, черкесовъ, яссовъ, жидовъ кавказскихъ и армянъ. Но все это войско не казалось еще Мамаю достаточнымъ для усмиренія русскихъ: онъ пригласилъ на помощь князя литовскаго. Тогда Ольгерда уже не было на свѣтѣ. Наслѣдникомъ его былъ любимый сынъ его, *Ягайло*, который началъ свое правленіе тѣмъ, что убилъ дядю Кестутія и принудилъ сына его, молодого *Витовта*, убѣжать въ Пруссію.

---

[1]) Этотъ *Саинъ* былъ или сынъ Батыевъ—*Сартакъ*, или Батый, котораго татарскіе историки называютъ *Сагиномъ*.

Мамай, слыша о такихъ злыхъ дѣлахъ Ягайлы, подумалъ: «Это будетъ славный помощникъ мнѣ!» И не ошибся. Литовскій князь обрадовался предложенію его и условился съ нимъ разорить совершенно землю Русскую и сжечь всѣ города, селенія и церкви христіанскія. Съ этими двумя безбожными врагами нашего отечества соединился еще третій. Кажется, онъ былъ еще хуже ихъ; вѣрно вы согласитесь съ этимъ, милые читатели, когда узнаете, что онъ былъ *русскій!* Да, грустно сказать это, — но онъ былъ князь рязанскій — *Олегъ!* Будучи жестокъ, хитръ, лукавъ, онъ умѣлъ скрывать свои пороки и показывалъ всегда столько почтенія и любви къ великому князю, что добрый Димитрій считалъ его истиннымъ другомъ своимъ. И послѣ того онъ не постыдился измѣнить ему: самъ предложилъ Мамаю и Ягайлѣ помощь свою и тайно согласился ждать ихъ на берегахъ Оки. Мамай обѣщалъ за то раздѣлить обоимъ союзникамъ своимъ завоеванное великое княжество. Эта награда была съ самаго начала причиной измѣны Олега; онъ думалъ, что всѣ соединенныя войска татарскія и литовскія разорятъ совсѣмъ княжества русскія и надѣялся въ это время не только сохранить свое, но даже увеличить его.

Между тѣмъ, какъ безсовѣстный Олегъ разсуждалъ такимъ образомъ, между тѣмъ какъ Мамай и Ягайло мысленно уже считали звонкое *золото русское,* которымъ хотѣли *обогатиться,* въ Москвѣ все было въ тревогѣ. Но эта тревога происходила не отъ страха; напротивъ того, начиная отъ самыхъ храбрыхъ и неустрашимыхъ воиновъ, до женщинъ и дѣтей, всѣ оживлены были какою-то смѣлостію, всѣ какъ будто думали, что уже настало время освобожденія отъ власти татаръ, какъ будто предчувствовали, что Богъ, сжалясь надъ страданіями русскихъ, наконецъ поможетъ имъ побѣдить своихъ притѣснителей.

Истинно-русскій поэтъ нашъ Языковъ, пламенно любившій свое отечество, часто переносился мыслію въ эти печальныя времена нашей исторіи и въ стихотвореніи своемъ: «*Баянъ къ русскому воину*» такъ заставляетъ говорить пѣвца того времени къ воину русскому:

О, бранный витязь! Ты печаленъ,
Одинъ, съ поникшею главой,
Ты бродишь, мрачный и нѣмой,
Среди могилъ, среди развалинъ:
Ты видишь въ родинѣ своей
Слѣды пожаровъ и мечей.

И неужель трава забвенья
Успѣетъ вырость на гробахъ,
Пока не вспыхнетъ въ сихъ поляхъ
Война рѣшительнаго мщенья?
Или замолкла навсегда
Твоя за родину вражда?

Твои отцы славяне были,
Желѣзомъ страшные врагамъ;
Чужія руки ихъ рукамъ
Не цѣпи—злато приносили
И не свобода-ль имъ дала
Ихъ знаменитыя дѣла?

Когда съ толпой отважныхъ братій,
Ты грозно кинешься на бой,—
Кто сильный сдержитъ предъ тобой
Враговъ тьмочисленныя рати?
Кто сгонитъ блѣдность съ ихъ лица
При видѣ гнѣвнаго бойца?

Рука свободнаго сильнѣе
Руки измученной ярмомъ:
Такъ съ неба падающій громъ
Подземныхъ грохотовъ звучнѣе,
Такъ пѣснь побѣдная громчей
Глухого скрежета цѣпей.

Не гордый духъ завоеваній
Зоветъ булатъ твой изъ ножонъ:
За честь, за вѣру грянетъ онъ
Въ твоей опомнившейся длани—
И передъ челнами татаръ
Не промахнется твой ударъ!

На бой, на бой! — И жаръ баяновъ
Съ народной славой оживетъ
И арфа смѣлыхъ пропоетъ:
«Конецъ владычеству тирановъ:
Ужасенъ ханъ татарскій былъ,
Но русскій мечъ его убилъ!»

Такъ смѣло и храбро думали во время княженія Димитрія Іоанновича, и примѣръ въ этой смѣлости и въ надеждѣ на Бога подавалъ всѣмъ жителямъ московскимъ— самъ государь. Какъ скоро Димитрій узналъ о намѣреніи Мамая и Ягайлы, первою мыслію его было — идти въ церковь и молить Бога о помощи. Усердная молитва укрѣпила еще болѣе и безъ того храбрый духъ его. Почти въ тотъ же часъ онъ разослалъ гонцовъ во всѣ области великаго княжества, чтобы собирать войско и вести его прямо въ Москву. Всѣ усердно спѣшили исполнить повелѣніе государя и чрезъ нѣсколько дней почти цѣлые города готовы были идти противъ непріятелей отечества. Каждый день приходили въ Москву новые полки подъ начальствомъ князей или бояръ своихъ. Я угадываю, милыя дѣти, что вамъ хочется знать, изъ какихъ именно городовъ и мѣстъ приходили эти добрые защитники нашихъ предковъ! Такое любопытство похвально, оно доказываетъ ваше уваженіе къ памяти этихъ почтенныхъ и добрыхъ людей. Итакъ, я скажу вамъ, что то были князья ростовскіе, бѣлозерскіе, ярославскіе съ своими дружинами; бояре владимірскіе, суздальскіе, переяславскіе, костромскіе, муромскіе, дмитровскіе, можайскіе, звенигородскіе, углицкіе, серпуховскіе съ *дѣтьми боярскими* [1]). Всѣ эти дружины составили многочисленное войско, которое нетерпѣливо желало выступить въ походъ. Но Димитрій прежде этого выступленія хотѣлъ съ неразлучнымъ другомъ—и послѣ ранней кончины роднаго брата, Іоанна— единственнымъ братомъ и товарищемъ своимъ, княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣми главными воеводами съѣздить въ уединенный Троицкій монастырь и тамъ принять благословеніе игумена Сергія, о благочестіи котораго читатели уже слышали. Этотъ святой старецъ хотя уже давно отказался отъ міра, но все еще пламенно любилъ свое отечество. Онъ радовался, неожиданно увидѣвъ храбрыхъ защитниковъ его въ тихомъ монастырѣ своемъ; радовался смиренію, съ которымъ они желали

---

[1]) Прежде эти *дѣти боярскіе* или *дружина бояръ* назывались *дѣтскими* и *отроками боярскими*.

получить чрезъ него благословеніе Божіе, потому что это смиреніе предвѣщало имъ помощь небесную и побѣду. Онъ упросилъ великаго князя отобѣдать въ монастырѣ, окропилъ святою водою его и всѣхъ бывшихъ съ нимъ военачальниковъ и отпустилъ съ ними, раздѣлять опасности войны, двухъ монаховъ—*Александра Пересвѣта* и *Ослабя*. Димитрій, выѣзжая изъ Троицкаго монастыря, еще болѣе надѣялся одержать побѣду.

Въ церкви Михаила Архангела, надъ гробницею предковъ своихъ, государей московскихъ, великій князь еще разъ помолился Богу и простился съ печальною супругою. Горько плакала она, отпуская друга своего на сраженіе съ безчеловѣчными татарами. Невольно приходила ей въ голову мысль о всѣхъ князьяхъ, уже убитыхъ ими. И самъ мужественный супругъ ея едва удержалъ слезы, когда въ послѣдній разъ обнялъ ее и сказалъ: «Богъ нашъ заступникъ!» Далеко за ворота городскіе провожали московскіе жители добраго государя и войско его и только къ вечеру возвратились въ тихую столицу, гдѣ остались почти одни старики, женщины и дѣти.

Въ 94 верстахъ отъ Москвы, въ городѣ Коломнѣ, соединились съ Димитріемъ два союзника его, сыновья Ольгерда, князья *Полоцкій* и *Брянскій*, обиженные братомъ своимъ Ягайломъ и поклявшіеся отмстить ему.

Здѣсь великій князь осматривалъ все войско свое. Никогда еще оно не было такъ многочисленно: болѣе ста пятидесяти тысячъ воиновъ, конныхъ и пѣшихъ, стояло въ рядахъ! Любуясь этими прекрасными, такъ много обѣщавшими рядами, Димитрій былъ спокоенъ и твердъ: его огорчала только измѣна Олега, и огорчала не потому, чтобы онъ боялся ее, но потому, что ему горестно было узнать измѣнника въ прежнемъ другѣ. Между тѣмъ Олегъ страдалъ отъ измѣны своей гораздо болѣе его: узнавъ, что великій князь не устрашился войны и уже перешелъ за Оку въ его собственную Рязанскую землю, онъ не зналъ, что дѣлать и къ кому пристать: боялся и Мамая, и Димитрія, раскаивался въ измѣнѣ и дрожалъ при одной мысли о томъ, что будетъ съ нимъ впослѣдствіи.

Мамай уже со всею ордою стоялъ за Дономъ и

ждалъ Ягайла. Войско наше подошло къ этой рѣкѣ, и долго разсуждали князья и бояре: переходить ли ее или ожидать здѣсь татаръ? Общимъ совѣтомъ рѣшено было—*перейти*, чтобы не дать Мамаю соединиться съ княземъ литовскимъ, и на другой день, рано поутру, все войско русское уже стояло на другой сторонѣ Дона, на берегахъ рѣки Непрядвы. Здѣсь Димитрій Іоанновичъ еще разъ взглянулъ съ высокаго холма на многолюдные полки свои. Мысль, что, можетъ быть, черезъ нѣсколько часовъ всѣ эти храбрые воины погибнутъ подъ ударами жестокихъ татаръ, такъ тронула доброе сердце его, что онъ упалъ на колѣни и, смотря на золотой образъ Спасителя на *черномъ* знамени великокняжескомъ, молился за народъ свой. Потомъ онъ объѣхалъ всѣ полки, говорилъ съ каждымъ изъ нихъ, называлъ воиновъ *милыми братьями*, обѣщалъ имъ славу въ здѣшнемъ мірѣ и въ будущемъ.

Это было 8-го сентября 1380 года. Въ шестомъ часу дня войско наше дошло до поля *Куликова*, которое простиралось болѣе нежели на десять верстъ. Здѣсь русскіе увидѣли непріятелей. Татаръ было болѣе нежели нашихъ. Димитрій, не смотря на просьбы князей и бояръ, которые умоляли его не подвергать опасности жизнь свою, сражался въ передовомъ полку. Онъ первый ударилъ на враговъ; мѣсто его было въ рядахъ простыхъ воиновъ. Три часа продолжалась страшная битва, кровь лилась на всемъ обширномъ полѣ, но все еще нельзя было рѣшить, кто останется побѣдителемъ. Въ одномъ мѣстѣ русскіе тѣснили татаръ, въ другомъ татары—русскихъ. Однакожъ уже *большія* или княжескія знамена едва спасены были отъ рукъ Мамая, уже нѣкоторые изъ полковъ московскихъ хотѣли было бѣжать, какъ вдругъ князь Владиміръ Андреевичъ, начальникъ засаднаго полка, выступилъ изъ рощи, которая скрывала его отъ всѣхъ, и быстро, неустрашимо бросился на татаръ. Это смѣлое движеніе храбраго князя рѣшило судьбу сраженія: удивленные и изнуренные непріятели не могли уже противиться свѣжему войску и всѣ побѣжали! Мамай, увидѣвъ это бѣгство, вскричалъ съ тоскою отчаянія: «Великъ Богъ христіанскій!» и также побѣжалъ за своими воинами. Русскіе

гнали ихъ до рѣки *Мечи,* убивали и топили безъ счета и взяли въ добычу множество лошадей и верблюдовъ, навьюченныхъ разными драгоцѣнностями.

Радость и счастіе побѣдителей были неописанны. *Перваго* героя этого знаменитаго въ нашей исторіи дня—великаго князя Димитрія Іоанновича назвали—*Донскимъ; второго,* князя Владиміра Андреевича,— *Храбрымъ.* Они вмѣстѣ со всѣми оставшимися въ живыхъ князьями и боярами объѣзжали поле Куликово: много было убито русскихъ, но вчетверо болѣе татаръ; всего же, по увѣренію нѣкоторыхъ историковъ, было до 200,000 тѣлъ. Въ числѣ убитыхъ были также два инока Троицкаго монастыря—Александръ Пересвѣтъ и Ослабя. Великій князь плакалъ надъ всѣми ими и, въ знакъ благодарности къ храбрымъ защитникамъ отечества, приказалъ праздновать вѣчно память ихъ въ Дмитріевскую субботу, которая бываетъ между 18 и 26 числами октября.

Ягайло въ день Донского сраженія былъ уже только въ 30-ти верстахъ отъ Мамая, и узнавъ, чѣмъ оно окончилось, устрашился и побѣжалъ назадъ въ Литву такъ скоро, что русскіе не могли догнать его. Такъ счастливо Димитрію удалось въ одинъ день избавить Россію отъ двухъ сильныхъ непріятелей! Извѣстіе о побѣдѣ его восхитило не только жителей Москвы и областей великаго княжества, но и всѣхъ другихъ княжествъ. Народъ вездѣ смотрѣлъ на Донского, какъ на ангела-хранителя, вездѣ встрѣчали его съ неизъяснимымъ восторгомъ, какъ освободителя отечества отъ жестокой власти варваровъ; всѣ думали, что это освобожденіе уже исполнилось, что слава и счастіе нашего отечества уже навсегда возобновились, что татары послѣ Куликовской битвы никогда уже не осмѣлятся идти на русскихъ!

НОВОЕ БѢДСТВІЕ МОСКВЫ И РАЗБОИ НОВГОРОДЦЕВЪ.

отъ 1380 до 1388 года.

(8 лѣтъ).

Бѣдные предки наши обманулись въ своихъ ожиданіяхъ: не прошло двухъ лѣтъ послѣ славнаго Донского сраженія и Москва была опять въ рукахъ татаръ, и она опять терпѣла всѣ тѣ ужасы, какіе происходили въ ней во времена Батыя! Новый мучитель ея, т. е. новый царь татарскій, былъ не Мамай, котораго уже не было на свѣтѣ, но смертельный непріятель его—ханъ *Тохтамышъ*, одинъ изъ потомковъ Чингисъ-хана. Во время безпорядковъ, происходившихъ въ Кипчакской Ордѣ около 1360 года, Тохтамышъ былъ изгнанъ оттуда ханомъ Урусомъ и убѣжалъ въ Бухарію къ монголамъ чагатайскимъ. Тамъ онъ умѣлъ войти въ милость къ главному эмиру или князю *Тамерлану*. Тамерланъ очень походилъ на страшнаго Чингисъ-хана, и такъ же, какъ онъ, хотѣлъ завоевать весь свѣтъ. Читатели мои, вѣрно, очень хорошо помнятъ этого злодѣя, который бросалъ людей въ котлы. Вотъ второй Чингисъ-ханъ, Тамерланъ, жалѣя объ участи Тохтамыша, изгнаннаго изъ отечества, далъ ему войско, чтобы отнять наслѣдственный престолъ свой у Мамая, который въ это время печально возвращался съ остатками своихъ полковъ съ поля Куликова. Мамая разбили совершенно. Тохтамышъ сдѣлался царемъ въ Ордѣ и послалъ къ великому князю требовать, чтобы всѣ князья наши, какъ подданные татаръ, немедленно явились къ нему. Русскіе удивились, но не встревожились; напротивъ того, они даже показали такъ много ненависти къ татарамъ, что посолъ ханскій не смѣлъ ѣхать далѣе Нижняго-Новгорода и возвратился въ Сарай. Димитрій, слишкомъ надѣясь на слабость Орды, вовсе не думалъ ни о новомъ ханѣ, ни о томъ, чтобы приготовиться къ защитѣ.

Тохтамышъ молчалъ около года и вдругъ услышали въ Москвѣ страшную вѣсть: что онъ идетъ на Россію, и что безчестный Олегъ, не смотря на благодѣянія вели-

каго князя, простившаго прежнюю измѣну его, опять отдалъ отечество на жертву варварамъ и дружески встрѣтилъ ихъ на границахъ своего Рязанскаго княжества. Эта вѣсть была ужасна для всѣхъ русскихъ, совсѣмъ не приготовившихся къ ней; но еслибы всѣ князья равно любили свое отечество и соединили войска свои, можно было бы ручаться, что еще одно сраженіе такое, какъ было Донское, и Россія навсегда освободилась бы отъ притѣснителей своихъ. Но вмѣсто этого спасительнаго согласія, всѣ князья оставили Димитрія на жертву Тохтамышу, шедшему прямо на Москву. Даже тесть его, князь Нижегородскій, не хотѣлъ помочь ему, но, напротивъ того, послалъ къ хану двухъ сыновей своихъ съ дарами. Великій князь въ уныніи потерялъ твердость духа и, не имѣя надежды побѣдить Тохтамыша съ однимъ только вѣрнымъ помощникомъ своимъ, братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, вздумалъ, что лучше защищаться въ крѣпости, нежели выйти на встрѣчу непріятелю, и удалился въ Кострому со всѣмъ своимъ семействомъ. Тогдашній митрополитъ *Кипріанъ*, родомъ грекъ, также выѣхалъ въ Тверь, и народъ московскій, оставленный государемъ и митрополитомъ, шумѣлъ и спорилъ съ боярами: то приходилъ въ отчаяніе, то храбро защищался, и наконецъ 16 августа 1382 года сдалъ столицу Тохтамышу. Жестокій ханъ принудилъ его къ тому хитростію: онъ обѣщалъ жителямъ не разорять Москвы и тотчасъ уйти изъ нея, если они сдадутся добровольно. Москвитяне повѣрили и дорого заплатили за легковѣріе: татары злодѣйствовали въ Москвѣ съ обыкновеннымъ звѣрствомъ своимъ, убивали всѣхъ, кого встрѣчали; грабили все, что находили въ церквахъ, дворцахъ, домахъ и погребахъ; неконецъ, выходя, зажгли весь городъ.

Такую же участь вытерпѣли и другіе города великаго княжества: Владиміръ, Звенигородъ, Юрьевъ, Можайскъ, Дмитровъ. Не спаслась и область Рязанская, не смотря на измѣну князя ея: татары и тамъ поступили, какъ въ землѣ непріятельской, и доказали Олегу, какъ ненадежна милость, купленная безчестіемъ.

Съ горестію возвратился въ Москву великій князь и увидѣлъ всѣ несчастія столицы своей: на однѣхъ улицахъ нашли 24,000 мертвыхъ тѣлъ, не считая въ томъ числѣ сгорѣвшихъ и утонувшихъ. Димитрій, видя, какъ безполезно для людей унывать въ бѣдствіяхъ, собралъ всѣ силы огорченной души своей и принялся вмѣстѣ съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ возобновлять красоту Москвы, о которой съ восхищеніемъ говорили историки того времени. На слѣдующій годъ, для спокойствія подданныхъ своихъ, онъ уже съ честію принялъ ханскаго посла, отпустилъ съ нимъ въ Орду старшаго сына своего *Василія,* заплатилъ большую дань Тохтамышу, который хотя былъ и страшенъ въ гнѣвѣ, но любилъ миловать показывающихъ раскаяніе и покорность, и потому великій князь не боялся за жизнь сына: ханъ принялъ его очень ласково.

Но Димитрію Іоанновичу видно неопредѣлено было жить спокойно: едва началъ онъ забывать ужасное нашествіе Тохтамыша, какъ уже новыя огорченія, новыя безпокойства готовились для доброй души его. Эти огорченія, эти безпокойства причиняли ему своевольные подданные его, новгородцы. Они не только отдали безъ согласія его два города свои: Ладогу и Русу, берегъ Наровскій одному изъ князей литовскихъ, *Патрикію Наримантовичу,* но въ послѣдніе годы, когда великій князь былъ занятъ приготовленіемъ къ Донскому сраженію и потомъ несчастіями Москвы отъ нашествія Тохтамыша, новгородцы, наскучивъ тишиною своей области, вздумали заниматься разбоями и называли это ужасное ремесло—*удальствомъ* или *молодечествомъ.* Они сбирались большими толпами, выбирали себѣ начальника, котораго называли *атаманомъ,* и отправлялись грабить деревни и города по рѣкамъ Волгѣ, Камѣ, Вяткѣ. Въ 1371 году они завладѣли такимъ образомъ Ярославлемъ; въ 1375—Костромою, и цѣлую недѣлю злодѣйствовали въ ней: брали въ неволю людей, грабили домы, лавки, бросали въ рѣку то, чего не могли взять съ собою. Оттуда они отправились далѣе внизъ по Волгѣ, и не боялись никого, разорили всѣ береговыя селенія до самаго *Хазитораканя* или нынѣшней Астрахани. Правда, что эти разбойники были тамъ всѣ убиты татарскимъ

княземъ *Сальчеемъ,* но у новгородцевъ была не одна такая шайка. Съ каждымъ годомъ число ихъ увеличивалось, и наконецъ дерзость новгородцевъ дошла до того, что правительство ихъ начало захватывать даже доходы великокняжескіе, а духовенство не захотѣло повиноваться митрополиту московскому. Великій князь сначала старался и кротостію, и угрозами напомнить имъ обязанность ихъ къ государю, но когда увидѣлъ, что все это напрасно, и что новгородцы хотятъ непремѣнно быть независимыми отъ великаго княжества, рѣшился смирить ихъ оружіемъ. Онъ собралъ войска съ двадцати шести областей своихъ; кромѣ того, соединились съ нимъ даже нѣкоторые изъ подданныхъ Новгорода, какъ-то: жители Вологды, Бѣжецка, Торжка, недовольные безпорядками своевольнаго правительства. Съ этими страшными силами великій князь расположился лагеремъ въ 30 верстахъ отъ Новгорода. Тутъ встрѣтилъ его архіепископъ новгородскій, умоляя простить вину Новгорода, который готовъ заплатить ему 8,000 рублей за дерзости своихъ разбойниковъ. Добрый Димитрій, милостивый и для непокорныхъ подданныхъ, согласился на миръ съ условіемъ, чтобы Новгородъ всегда повиновался ему какъ государю своему, платилъ каждый годъ *черной боръ* или *дань,* собираемую съ чернаго народа, и внесъ бы 8,000 рублей за разбойниковъ. Кромѣ того, они должны были взять у литовскаго князя Русу и Ладогу.

Такъ и гордость новгородская смирилась передъ героемъ Донскимъ! Мнѣ остается разсказать вамъ, милыя дѣти, еще одно знаменитое дѣло его! оно много облегчило судьбу отечества нашего и потому заслуживаетъ наше особенное вниманіе.

ВЕЛИКОДУШІЕ КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА ХРАБРАГО.

1389 годъ.

Это славное государственное дѣло было: новый порядокъ въ наслѣдованіи престола. Вы помните, что до того времени наслѣдникомъ государя русскаго былъ всегда не сынъ его, но братъ, какъ старшій въ родѣ. Вы помните также, сколько споровъ и несогласій было за это въ семействахъ княжескихъ. Какъ часто сынъ, воспитанный въ глазахъ отца своего, великаго князя, наученный примѣромъ его трудной наукѣ управлять государствомъ, долженъ былъ уступить свои законныя права дядѣ, можетъ быть никогда не выѣзжавшему изъ своего маленькаго удѣльнаго городка, незнакомому съ тѣми знаніями, какія имѣлъ его племянникъ. Какъ часто народъ терялъ при такомъ случаѣ свое счастіе, или проливалъ кровь свою въ междоусобной войнѣ неуступчивыхъ наслѣдниковъ. Бѣдные предки наши чувствовали всю несправедливость такого установленія первыхъ государей своихъ, но, уважая память ихъ, не смѣли явно противиться ему. Владиміръ Мономахъ, Георгій Долгорукій, Андрей Боголюбскій были первые изъ князей, которые громко заговорили о невыгодахъ такого порядка въ наслѣдствѣ, но не имѣли еще столько силы и смѣлости, чтобы отмѣнить древній законъ отцовъ своихъ и ввести новый. Исполненіемъ этого труднаго дѣла мы обязаны Димитрію Іоанновичу Донскому и доброму, великодушному Владиміру Андреевичу. Будучи старшимъ въ родѣ, какъ двоюродный братъ великаго князя, онъ былъ законнымъ наслѣдникомъ московскаго престола послѣ смерти Димитрія. Но, любя отечество свое болѣе всѣхъ выгодъ, какія могло доставить ему великое княжество, Владиміръ добровольно отказался отъ правъ своихъ и согласился на предложеніе Димитрія постановить новый законъ о наслѣдствѣ. Въ договорной граматѣ, которая была написана у нихъ по этому случаю, сказано, что Владиміръ Андреевичъ признаетъ Димитрія отцомъ, сына его Василія—братомъ *старшимъ*, Георгія—*равнымъ*;

а *меньшихъ* сыновей великаго князя—*младшими* братьями; всѣхъ же вообще наслѣдниками великаго княжества послѣ смерти Димитрія.

Не правда ли, любезные читатели, какъ благородно, какъ великодушно поступилъ добрый Владиміръ Андреевичъ? Подписывая эту договорную грамату, онъ сравнялся заслугами отечеству съ самыми знаменитыми государями нашими; съ того времени кончились кровопролитныя ссоры дядей и племянниковъ, и навсегда утвердился лучшій порядокъ въ наслѣдованіи престола.

1389 годъ былъ несчастливъ для Россіи: она лишилась любимаго государя своего, Димитрія Іоанновича, и тогда какъ ему исполнилось только сорокъ лѣтъ! Болѣзнь его случилась вдругъ и продолжалась нѣсколько дней. Передъ смертію онъ представилъ окружавшимъ его боярамъ своего семнадцатилѣтняго сына Василія, какъ будущаго государя ихъ, и выбралъ ему девять совѣтниковъ изъ опытныхъ вельможъ. Съ удивительною твердостію говорилъ онъ съ ними еще за нѣсколько минутъ до кончины; просилъ ихъ служить вѣрно семейству его и отечеству; обнялъ нѣжную супругу свою; благословилъ каждаго изъ сыновей. Послѣднія слова его были: «Богъ мира да будетъ съ нами!»

Трудно описать горесть, какую чувствовалъ народъ о кончинѣ Димитрія. Никого изъ государей своихъ, исключая Мономаха и Александра Невскаго, не любилъ онъ такъ, какъ Донского! Димитрій въ полной мѣрѣ заслуживалъ эту любовь. Кромѣ храбрости, которая доставила ему имя *перваго побѣдителя татаръ*, онъ имѣлъ всѣ достоинства превосходнаго государя, и только по добродушію своему не присоединилъ Рязань и Тверь къ Москвѣ въ то время, когда могъ это сдѣлать. Вы помните, читатели мои, Олега Рязанскаго и Михаила Тверского? Они сдѣлали столько зла отечеству своему, что можно было бы порадоваться, еслибы Димитрій Донской былъ не столько совѣстливъ и отнялъ бы у нихъ княжества ихъ. Они, право, стоили того.

Въ двадцати-шести-лѣтнее княженіе Димитрія случилось еще много примѣчательныхъ происшествій, кромѣ тѣхъ, о которыхъ мы уже говорили. Въ числѣ самыхъ важныхъ было крещеніе въ вѣру христіанскую пермянъ и литов-

цевъ. *Пермью* называлась обширная страна въ сѣверной Россіи отъ рѣки Двины до горъ Уральскихъ. Жители ея, пермяне и зыряне, давно уже платили дань русскимъ, которые, получая отъ нихъ много серебра и мѣховъ, не принуждали ихъ креститься. Въ это время одинъ молодой монахъ, *Стефанъ,* сынъ церковника въ городѣ Устюгѣ, принялъ на себя подвигъ просвѣтить этихъ идолопоклонниковъ. Онъ выучился языку пермскому, выдумалъ для него особенныя буквы, перевелъ главныя церковныя книги съ славянскаго языка и отправился къ дикарямъ проповѣдывать Евангеліе. Богъ благословилъ его усердіе. Пермяне поняли истину его ученія, начали сами истреблять своихъ идоловъ [1]) и шли цѣлыми толпами къ Стефану, чтобы креститься. Митрополитъ московскій сдѣлалъ его первымъ епископомъ пермскимъ. Во все время жизни своей Стефанъ былъ покровителемъ народа, имъ просвѣщеннаго. Нетлѣнное тѣло его, прославленное святостію, погребено въ Кремлѣ, въ церкви Преображенія.

Но крещеніе литовцевъ происходило совсѣмъ иначе. Ихъ не просвѣщалъ кроткій служитель Божій, но крестилъ волею и неволею князь ихъ, сердитый Ягайло. Можетъ быть читатели мои удивятся, какъ это Ягайло—самъ идолопоклонникъ—вздумалъ крестить народъ свой? Вотъ какъ. Въ 1382 году умеръ король польскій Людовикъ. У него не осталось сына, но одна пятнадцатилѣтняя дочь, прекрасная, добрая, благочестивая Гедвига. Польскіе вельможи, управлявшіе государствомъ, искали для молодой королевы такого супруга, который бы могъ защитить ея владѣнія отъ нападенія враговъ чужеземныхъ. Изъ всѣхъ князей, сосѣднихъ къ Польшѣ, не было сильнѣе Ягайла. Итакъ, его избрали супругомъ прекрасной королевнѣ польской, съ тѣмъ условіемъ однакожъ, чтобы онъ принялъ вѣру христіанскую. Вотъ для того, чтобы жениться на Гедвигѣ и сдѣлаться чрезъ то королемъ польскимъ, Ягайло согласился самъ креститься и потомъ крестить весь народъ свой. И какъ же онъ крестилъ его? Онъ не училъ такъ, какъ училъ св. Стефанъ и другіе про-

---

[1]) Главнымъ идоломъ народа пермскаго былъ: *Золотая баба* или каменное изображеніе *старухи съ двумя дѣтьми.*

повѣдники вѣры Христовой, но только ставилъ литовцевъ въ ряды цѣлыми полками и заставлялъ ихъ читать *Символъ вѣры.* Въ это время священники кропили ихъ святою водою и давали имъ имена христіанскія, но чтобы не терять времени, выдумывая разныя имена—въ одномъ полку называли всѣхъ людей *Петрами,* въ другомъ—*Павлами,* въ третьемъ—*Иванами,* и такъ далѣе. Надобно сказать вамъ, что вѣра поляковъ, принятая и Ягайломъ, была не наша греческая, но латинская или католическая. Отъ этого произошли новыя бѣды для тѣхъ русскихъ областей, которыя были подъ властію Литвы и Польши [1]), теперь соединенныхъ въ одно государство. Ягайло, усердный католикъ, уже не любилъ греческихъ христіанъ и всячески старался притѣснять ихъ.

Въ княженіе Димитрія Донского предки наши перестали употреблять *куны* или кожаныя деньги и начали дѣлать, кромѣ *рублей,* мелкую серебряную монету по образцу татарской. Татары называли свою серебряную монету *тангою,* а мѣдную—*пулою.* И русскіе называли также свою. Это названіе нѣсколько измѣнилось потомъ отъ выговора: изъ *танги* сдѣлались деньги, а изъ *пулы*—*полушки.* И теперь еще у любителей древностей можно найти эти самыя старинныя серебряныя монеты наши. Каждая изъ нихъ вѣситъ $^1/_4$ золотника. На нихъ изображена фигура человѣка, сидящаго на лошади.

Въ послѣдній же годъ княженія Димитрія появилось у насъ *огнестрѣльное оружіе,* выписанное предками нашими изъ нѣмецкой земли. Здѣсь кстати сказать вамъ, что порохъ изобрѣтенъ около половины XIV столѣтія францисканскимъ монахомъ *Бертольдомъ Шварцомъ.*

Семейство великаго князя Димитрія IV Іоанновича Донского.

Супруга: Евдокія, въ монахиняхъ Евфросинія, дочь князя суздальскаго, Димитрія Константиновича.

Сыновья: 1) Даніилъ, умеръ въ дѣтствѣ. 2) Василій, наслѣдникъ престола. 3) Юрій. 4) Петръ. 5) Андрей. 6) Іоаннъ. 7) Константинъ.

---

[1]) *Литвѣ* принадлежали всѣ города, отнятые у насъ Гедиминомъ; *Польшѣ*—княжества *Галицкое* и *Волынское* или все прежнее королевство Романа Галицкаго.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ДИМИТРІЕВИЧЪ.

ОТЪ 1389 ДО 1425 ГОДА.

(36 лѣтъ).

Счастливъ тотъ человѣкъ, который горячо любитъ Бога, искренно боится прогнѣвить Его и въ горести твердо надѣется на Его помощь. Никакія опасности для него не страшны: онъ всегда можетъ быть увѣренъ, что, усердно помолясь Богу, онъ будетъ услышанъ Имъ и избавленъ отъ бѣды! Это испытали предки наши. Послушайте, какъ чудесно Онъ показалъ имъ однажды, что молитвы людей доступны свѣтлому престолу Его.

Уже прошло болѣе пяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ молодой сынъ и наслѣдникъ Донского, великій князь Василій II Димитріевичъ, вступилъ безъ всякаго спора на престолъ великокняжескій; уже онъ успѣлъ показать подданнымъ своимъ, что во многомъ походилъ на знаменитаго отца своего: твердость духа, умъ, намѣренія, желанія— все было у нихъ одинаково. Василій такъ же, какъ и Димитрій, понималъ, что счастіе Россіи требуетъ усиленія великаго княжества, и уже въ первые годы своего княженія умѣлъ сдѣлать то, о чемъ не смѣлъ еще и думать отецъ его: онъ присоединилъ къ Москвѣ, съ согласія хана, сильныя княжества Суздальское и Нижегородское и, кромѣ того, получилъ отъ него города: Мещеру, Городецъ, Торусу и Муромъ.

Увеличивъ такимъ образомъ великое княжество, усмиривъ новый бунтъ безпокойныхъ поданныхъ своихъ, новгородцевъ, Василій весело праздновалъ свадьбу свою съ Софіею, дочерью литовскаго князя Витовта, какъ вдругъ разнеслась страшная вѣсть, что новый Батый, чагатайскій ханъ Тамерланъ, идетъ на Россію! Читатели мои уже слышали нѣсколько объ этомъ безстрашномъ государѣ татарскомъ, хотѣвшемъ завоевать цѣлый свѣтъ. Вы помните, что онъ помогъ Тохтамышу побѣдить Мамая и завладѣть *Золотою Ордою.* Но благодарности не знаютъ народы полудикіе. Тохтамышъ забылъ все, чѣмъ обязанъ былъ Тамер-

лану, и осмѣлился идти войною на этого государя, уже повелителя двадцати-шести царствъ въ трехъ частяхъ міра! Уже онъ послалъ войско свое разорять сѣверную Персію. Тамерланъ, узнавъ о такой дерзости, пошелъ самъ наказать его и между рѣками Терекомъ и Курою, въ черкесской землѣ, встрѣтились жестокіе враги. Тохтамышъ былъ совершенно разбитъ и бѣжалъ за Волгу. Ужасный завоеватель Востока пошелъ къ сѣверу вслѣдъ за бѣгущимъ Тохтамышемъ, перешелъ Волгу, степи саратовскія, и уже взялъ одинъ русскій городъ Елецъ. Всѣ встревожились и тотчасъ вообразили, что настало опять то время, какое было за 160 лѣтъ назадъ. Одинъ великій князь не пришелъ въ уныніе и доказалъ, что былъ достоинъ отца своего: не теряя времени, собралъ онъ многочисленное войско, въ которомъ еще можно было видѣть стариковъ, сражавшихся на полѣ Куликовомъ, и, поручивъ Москву храброму дядѣ своему, Владиміру Андреевичу, самъ выступилъ съ полками на берега Оки.

Отпуская молодого государя своего на опасную войну съ татарами, московскіе жители показали столько унынія, что Василій, желая утѣшить и ободрить добрый народъ свой, писалъ изъ Коломны къ митрополиту московскому, чтобы онъ послалъ во Владиміръ за образомъ Божіей Матери Пирогощей, привезеннымъ Андреемъ Боголюбскимъ изъ Кіева. Вы помните, милые читатели, то странное происшествіе, которое случилось съ Андреемъ въ то время, когда онъ подъѣзжалъ съ этимъ образомъ къ Владиміру. Многіе другіе случаи и особенно побѣда Андрея надъ болгарами, приписанная также помощи этого образа, внушила предкамъ нашимъ глубокое уваженіе къ нему. Молитва предъ Святою Дѣвою, на немъ изображенною, успокоивала ихъ надеждою вѣрной помощи въ бѣдствіи. Поэтому вы можете судить, какъ обрадовались москвитяне, когда услышали, что къ нимъ принесутъ чудотворный владимірскій образъ! Но зато владимірцы горько плакали о немъ! Далеко по дорогѣ провожали они святую Защитницу свою. Между тѣмъ въ Москвѣ всѣ съ восхищеніемъ приготовлялись къ принятію Ея, и митрополитъ, все духовенство, князь Владиміръ Андреевичъ, семейство вели-

каго князя, бояре и народъ встрѣтили образъ за городомъ, на *Кучковѣ* полѣ, гдѣ теперь монастырь *Срѣтенскій*. Увидѣвъ его издали, всѣ упали на колѣни и со слезами говорили: «Матерь Божія! спаси землю Русскую!» Но всѣ, говоря это, проливая слезы, были спокойны: всѣ уже имѣли сладостное предчувствіе, что Господь не оставитъ надѣющихся на Него.

И это предчувствіе было справедливо, было такъ справедливо, что всѣ удивились и не знали, какъ благодарить Бога за чудесное спасеніе свое! Представьте себѣ, что Тамерланъ уже шелъ по берегамъ Дона, разоряя всѣ селенія и города. По всему примѣтно было, что онъ хотѣлъ идти къ Москвѣ, но вдругъ остановился, цѣлыя двѣ недѣли пробылъ на одномъ мѣстѣ, и потомъ, 26 августа 1395 года — въ самый тотъ день и часъ, когда жители Москвы съ такою истинною вѣрою встрѣтили образъ Божіей Матери на Кучковѣ полѣ, поворотилъ къ югу и вышелъ изъ Русской земли! Это было удивительно, непонятно для ума человѣческаго, но легко и возможно для Бога Всемогущаго! Великій князь и все войско, радуясь избавленію отечества отъ самаго ужаснаго завоевателя, спѣшили возвратиться въ Москву и усердными молитвами передъ спасительнымъ образомъ благодарили за чудесную помощь Божію! Великій князь построилъ каменную церковь Пресвятой Богородицѣ и монастырь на полѣ Кучковѣ и установилъ съ того времени праздновать Срѣтеніе Богоматери въ день 26-го августа.

Между тѣмъ Тамерланъ заставилъ несчастный городъ Азовъ, землю черкесскую и ясскую, Астрахань и Сарай вытерпѣть все то, что приготовлялъ Москвѣ: всѣ эти области были разорены и выжжены. Орда кипчакская послѣ нашествія его осталась въ самомъ жалкомъ положеніи: три хана присвоивали ее себѣ: Тохтамышъ, Кайричакъ и Тимуръ-Кутлукъ.

ВРАГИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ.

Богъ любитъ отечество наше, милыя дѣти! Вы вѣрно и сами видите это, читая исторію нашу. Сколько бѣдъ и несчастій оно переносило! И страшные завоеватели чужеземные, и собственные князья русскіе разоряли, жгли, опустошали его! Благородные, великодушные государи его должны были преклонять колѣна предъ дикими варварами, должны были болѣе двухсотъ лѣтъ безпрестанно дрожать за жизнь не только подданныхъ своихъ, но и за свою собственную! Кромѣ татаръ,—этихъ ужасныхъ, безчеловѣчныхъ мучителей Россіи,—сколько еще другихъ враговъ желали погубить ее! Сначала печенѣги и половцы, потомъ шведы, датчане, нѣмцы, литовцы, поляки, венгры — всѣ, въ свою очередь, нападали на русскихъ и истребляли ихъ. Посреди такихъ опасностей, что другое, кромѣ любви и помощи Божіей, могло спасти ихъ? И какъ премудро посылалась имъ эта небесная помощь! Когда въ ордѣ царствовалъ ханъ, болѣе другихъ любившій войну и кровопролитіе, тогда и Россіи Богъ посылалъ храбраго князя, который умѣлъ противиться злому татарину; когда, напротивъ того, царь татарскій болѣе любилъ спокойную и веселую жизнь въ Сараѣ и деньги, на которыя можно было покупать все, что̀ веселило его, тогда на русскомъ престолѣ, вѣрно, былъ щедрый и миролюбивый князь, который радовался, что деньгами—а не кровью, могъ покупать спокойствіе своихъ подданныхъ. Когда сосѣднею Литвою управлялъ злой, жестокій, жадный Ольгердъ, тогда у насъ былъ умный, неустрашимый Димитрій Донской. Когда литовскимъ княземъ сдѣлался храбрый и хитрый Витовтъ, племянникъ Ольгерда, тогда великимъ княземъ московскимъ былъ не менѣе его хитрый сынъ Донского, Василій II. Болѣе двадцати лѣтъ продолжались ссоры этихъ двухъ князей, не смотря на то, что дочь Витовта, Софія, была замужемъ за Василіемъ Димитріевичемъ. Оба они были примѣчательными людьми своего времени, и потому читатели мои вѣрно захотятъ узнать нѣсколько подробнѣе ихъ исторію.

Витовтъ былъ одинъ изъ самыхъ жестокихъ и сильныхъ завоевателей. Король Ягайло, сдѣлавшись супругомъ наслѣдницы польскаго престола, Гедвиги, уже не думалъ о войнѣ и, не заботясь о литовскомъ княжествѣ, не выѣзжалъ никуда изъ польской столицы своей, Кракова. Витовтъ, пользуясь тѣмъ, овладѣлъ Литвою, а чрезъ нѣсколько времени и Волыніею.

Но все это казалось мало ненасытному: въ 1395 году онъ завладѣлъ Смоленскомъ, такъ что уже, кромѣ литовсхихъ земель, ему принадлежала вся старинная земля вятичей, т. е. нынѣшняя Орловская губернія съ частію Калужской и Тульской, множество удѣльныхъ городовъ князей черниговскихъ; однимъ словомъ, Витовтъ былъ государемъ надъ всею южною Россіею и замышлялъ отнять у Василія Димитріевича и послѣднія, оставшіяся у него, области, гдѣ сохранялась жизнь и будущее величіе русскихъ. Сколько надобно было Василію имѣть мужества, благоразумія, осторожности и даже хитрости, чтобы не допустить злого Витовта исполнить его намѣреніе! Ему удалось это совершенно, и Витовтъ, видя твердость князя русскаго, отказался отъ своихъ замысловъ и въ послѣдніе годы княженія Василія жилъ уже въ мирѣ съ нимъ. Гордость его была очень много усмирена татарами. Чрезвычайная страсть повелѣвать другими и отнимать чужія владѣнія внушила ему однажды мысль побѣдить—прежде сарайскаго хана, Тимура-Кутлука, а потомъ и покровителя его, самого Тамерлана. Чтобы завести ссору съ Кутлукомъ, онъ призвалъ къ себѣ изгнаннаго изъ орды хана Тохтамыша и обѣщалъ возвратить ему опять престолъ татарскій. Тохтамышъ обрадовался такому счастію: князь литовскій уже давно славился своею силою и храбростію, и на помощь его можно было надѣяться. Вотъ они отправились на татаръ. Витовтъ приглашалъ въ этотъ походъ и зятя своего, Василія Димитріевича; но умный великій князь, видя изъ примѣра южной Россіи, что власть литовская еще хуже для русскихъ—татарской, и зная, что послѣ побѣды надъ татарами уже все должно будетъ покориться Витовту, умѣлъ отговориться отъ приглашенія тестя и не далъ ему вспомогательнаго войска.

Гордый Витовтъ оставилъ безъ вниманія отказъ Василія: онъ надѣялся, что и безъ помощи русскихъ справится съ татарами, но ошибся. У Тимура-Кутлука былъ, хотя старый, но умный и храбрый воевода *Эдигей*. Ему суждено было наказать дерзкаго князя литовскаго, который въ первомъ же сраженіи былъ такъ разбитъ татарами, что едва могъ спасти третью часть своего войска. Ханъ Тимуръ-Кутлукъ гналъ его до самаго Днѣпра, взялъ съ Кіева 3,000 рублей серебра литовскаго, оставилъ въ этомъ городѣ своихъ баскаковъ и разорилъ области Витовта до самаго Луцка. Такъ всегда бываютъ наказаны гордые!

Старикъ Эдигей былъ памятенъ и для сѣверной Россіи: въ 1408 году онъ приходилъ разорять ее за позволеніе, данное великимъ княземъ сыновьямъ Тохтамыша, жить въ Россіи. Это нашествіе татаръ было такъ же ужасно, какъ и прежнія. Всѣ мѣста отъ рѣки Дона до Бѣлаго Озера и Костромского Галича были разорены. Только Москва, благодаря храбрости князя Владиміра Андреевича, спаслась. Впрочемъ, этотъ походъ Эдигея не принесъ большой пользы татарамъ; новые безпорядки въ Ордѣ заставили его скорѣе возвратиться туда, а русскимъ дали возможность не слушать приказаній хановъ. Хотите ли, дѣти, прочитать письмо, которое старый Эдигей написалъ съ дороги къ великому князю? Оно очень любопытно, потому что покажетъ вамъ, какъ думали и писали тогда наши гордые повелители и какъ уже мало повиновался имъ русскій великій князь!

Вотъ это замѣчательное письмо:

«Отъ Эдигея поклонъ къ Василію, послѣ думы съ царевичами и князьями нашими. Великій ханъ послалъ меня на тебя съ войскомъ, потому что слышали мы, что у тебя укрываются дѣти Тохтамыша. Да еще слышали мы, что у тебя въ московскомъ княжествѣ не право дѣлается: вы осмѣиваете и всячески притѣсняете не только купцовъ нашихъ, но даже и пословъ царскихъ. Такъ ли бывало прежде? Спроси у стариковъ: земля Русская была нашимъ вѣрнымъ улусомъ, *держала страхъ*, платила дань, почитала пословъ и гостей ординскихъ. Ты не хочешь знать того, и что же дѣлаешь? Когда Тимуръ сѣлъ на цар-

ство,—ты не видалъ его въ глаза, не присылалъ къ нему ни князя, ни боярина. Прошло царство Тимурово; Шадибекъ восемь лѣтъ былъ ханомъ,—ты не былъ у него! Теперь царствуетъ Булатъ уже третій годъ,—ты, самый старшій князь въ улусѣ русскомъ, не являешься въ Ордѣ! Всѣ дѣла твои недобры. Были у васъ нравы и дѣла добрые, когда жилъ бояринъ *Федоръ Кошка,* и напоминалъ тебѣ о ханскихъ благодѣяніяхъ. Нынѣ ты думы старцевъ не слушаешь. Что же вышло? Разореніе твоему улусу! Хочешь ли княжить мирно? Призови на совѣтъ бояръ старѣйшихъ: *Илью Іоанновича, Петра Константиновича* и другихъ, согласныхъ съ ними въ доброй думѣ; пришли къ намъ одного изъ нихъ съ старинными оброками, какіе вы платили царю Чанибеку, чтобъ не погибло совсѣмъ твое царство. Все, что ты писалъ къ хану о бѣдности народа русскаго, несправедливо: мы теперь сами видѣли твой улусъ и узнали, что ты собираешь въ немъ по рублю съ двухъ сохъ? Куда же идетъ серебро? Земля христіанская осталась бы цѣла, когда бы ты исправно платилъ дань; а теперь бѣгаешь какъ рабъ!... Размысли и научися!»...

Но Василій Димитріевичъ не испугался этого грознаго письма, не исполнилъ ни приказаній, ни совѣтовъ Эдигея, и вообще, во все время своего тридцати-шестилѣтняго княженія менѣе всѣхъ прежнихъ великихъ князей платилъ дань татарамъ и менѣе всѣхъ признавалъ власть ихъ надъ собою. Это примѣтно и изъ духовнаго завѣщанія его, въ которомъ онъ уже явно, не ожидая согласія Орды, объявляетъ наслѣдникомъ великаго княжества малолѣтняго сына своего, *Василія.* Боясь, чтобы честолюбивые братья его, по прежнему праву дядей, не лишили малютку престола, Василій Димитріевичъ поручилъ его покровительству тестя своего, прежняго врага, но потомъ помирившагося съ нимъ,—государя литовскаго. И здѣсь виденъ хитрый умъ Василія: такая лестная довѣренность не могла не внушить гордому Витовту желанія оправдать ее предъ глазами свѣта. Если же бы въ головѣ литовскаго князя еще оставалась какая нибудь мысль о завладѣніи московскимъ государствомъ, то и на этотъ

случай Василій Димитріевичъ умѣлъ распорядиться: онъ далъ совѣту великокняжескому, который состоялъ изъ бояръ-пѣстуновъ маленькаго государя, письменныя наставленія, въ какой мѣрѣ должно принимать покровительство Витовта и до чего не допускать его.

Въ княженіе Василія Димитріевича начали показываться въ Россіи разныя искусства: Москва славилась хорошими живописцами, которые прекрасно расписывали церкви; были также въ ней и литейные мастера, а въ 1404 году одинъ монахъ, Лазарь, родомъ изъ Сербіи, устроилъ первые боевые часы, которые поставлены были на великокняжескомъ дворѣ за церковью Благовѣщенія и стоили 150 рублей серебромъ. Народъ удивлялся этимъ часамъ какъ чуду, и при каждомъ боѣ толпами сходился смотрѣть и слушать ихъ.

У предковъ нашихъ при Василіи Димитріевичѣ были также и рыцарскія игры или карусели и турниры. Они называли это *игрушками*. На этихъ *игрушкахъ* молодые люди иногда наносили смертельныя раны другъ другу.

Семейство великаго князя Василія II Димитріевича.

Супруга: Софія Витовтовна, великая княжна литовская.

Сыновья: 1) Іоаннъ, умеръ въ дѣтствѣ. 2) Василій, наслѣдовалъ престолъ.

ССОРА НА СВАДЬБѢ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ III.

отъ 1425 до 1433 года.

(8 лѣтъ).

27-го февраля 1425 года скончался Василій Димитріевичъ. Всѣ братья его, бывшіе въ Москвѣ, обѣщали ему почитать государемъ своимъ десятилѣтняго сына его, *Василія*. Одинъ только Юрій Димитріевичъ, князь звенигородскій, не давалъ этого обѣщанія, и какъ скоро узналъ о смерти брата, отправилъ посла съ угрозами въ Москву. Но маленькій князь не испугался дяди: у него была умная мать, былъ сильный опекунъ, дѣдъ его, Витовтъ литовскій, были усердные совѣтники и пѣстуны, между которыми самымъ искус-

нымъ, самымъ краснорѣчивымъ и самымъ хитрымъ былъ одинъ бояринъ *Иванъ Димитріевичъ*. Всѣ эти защитники малолѣтняго государя, посовѣтовавшись между собою, отправили отъ имени его къ Юрію Димитріевичу митрополита Фотія.

Убѣжденія служителя Божія подѣйствовали на Юрія: онъ согласился, хотя не совсѣмъ, отказаться отъ великаго княжества, но по крайней мѣрѣ не искать его до тѣхъ поръ, пока царь татарскій рѣшитъ, кому принадлежитъ оно.

Между тѣмъ какъ шли переговоры объ этомъ съ Ордою, новгородскія области терпѣли много горя отъ жадности къ завоеваніямъ Витовта, которая не уменьшалась въ немъ и при глубокой старости. Ему давно хотѣлось завладѣть сильнымъ Новгородомъ, котораго всѣ области были богаты и велики. Первое мѣсто между ними занималъ *Псковъ*, знаменитая родина святой Ольги. Новгородцы были такъ довольны услугами псковитянъ, всегда защищавшихъ ихъ отъ ливонцевъ и литовцевъ, что въ 1348 году сняли со Пскова верховную власть свою и назвали его *братомъ* Новгорода. Съ тѣхъ поръ псковитяне имѣли во всемъ одинакія права съ новгородцами, имѣли такое же вѣче, какое было на Дворѣ Ярослава; но со временъ *Калиты* это вѣче уже немного значило и въ Новгородѣ, и во Псковѣ: великіе князья московскіе не позволяли имъ имѣть особенныхъ князей и посылали къ нимъ только своихъ намѣстниковъ. Новгородцы, привыкшіе всегда сами выбирать и по своей дерзкой волѣ смѣнять князей своихъ, не любили Москвы и при каждомъ случаѣ показывали эту нелюбовь. Витовтъ умѣлъ пользоваться этимъ расположеніемъ и старался еще болѣе разжигать ссоры Новгорода съ Москвою, надѣясь, что эти ссоры, отнимая мало-по-малу силы у обоихъ враговъ, помогутъ ему овладѣть первымъ. Такія намѣренія, вредныя для отечества нашего, вѣрно исполнились бы, еслибы Витовтъ былъ моложе или наслѣдники его имѣли столько же ума и страсти къ завоеваніямъ, какъ онъ. Но, къ счастію Россіи, слава народа литовскаго началась и кончилась съ Витовтомъ. Онъ умеръ въ 1430 году, и умеръ отъ досады! Вы удивляетесь этому, читатели мои? Точно, отъ досады. Послушайте.

Витовту очень хотѣлось назваться *королемъ литовскимъ*. Ягайло, король польскій и настоящій владѣтель Литвы, былъ согласенъ на это. Папа римскій также. Но паны или вельможи польскіе, не желая видѣть отдѣленія Польши отъ Литвы, тайно старались передѣлать все это, а между тѣмъ не мѣшали Витовту уже звать гостей на свое коронованіе и готовить для нихъ пышные праздники. Гости съѣхались. Это были князья русскіе и польскіе, ханы татарскіе, господарь Валахіи, послы императора греческаго, ландмаршалъ ливонскій, король Ягайло, великій князь Василій Васильевичъ, внукъ Витовта. Молодого государя русскаго провожалъ митрополитъ Фотій. Историки того времени говорятъ, что этотъ торжественный съѣздъ такого множества знаменитыхъ князей представлялъ необыкновенную, прекрасную картину! Сѣдой, восьмидесятилѣтній хозяинъ, окруженный первыми вельможами литовскими, угощалъ посѣтителей своихъ такъ пышно, что во всей Европѣ съ удивленіемъ разсказывали о его праздникахъ. Вообразите себѣ, дѣти, что изъ погребовъ княжескихъ отпускалось каждый день 700 бочекъ меду, кромѣ вина и пива, а на кухню привозили 700 быковъ, 1,400 барановъ, 100 зубровъ, столько же лосей и кабановъ! Около семи недѣль продолжались эти пиры въ Вильнѣ и Трокахъ. Витовтъ съ каждымъ днемъ ожидалъ, что пріѣдетъ посолъ римскій короновать его; но вмѣсто короны онъ привезъ отъ папы отказъ на просьбы князя литовскаго! Гордый старикъ такъ огорчился этимъ, что сдѣлался боленъ, распрощался съ гостьми, которые спѣшили разъѣхаться, и чрезъ нѣсколько дней скончался. Послѣ смерти его владѣлъ Литвою прежде двоюродный братъ его *Свидригайло*, потомъ родной—*Сигизмундъ*, наконецъ сынъ Ягайла польскаго, *Казимиръ*. Всѣ эти государи уже совсѣмъ не походили на храбраго, неустрашимаго, хитраго Витовта.

Вѣрно князь Юрій Димитріевичъ боялся этого страшнаго опекуна молодого великаго князя: при жизни его онъ не напоминалъ Василію Васильевичу объ условіи ихъ—просить суда ханскаго, но тотчасъ послѣ смерти Витовта объявилъ опять свои притязанія на престолъ великокня-

жескій, и вотъ дядя и племянникъ поѣхали въ Орду къ царю Махмету. При отъѣздѣ великаго князя изъ Москвы народъ въ первый разъ увидѣлъ слабый нравъ его: онъ боялся одной мысли ѣхать къ татарамъ и плакалъ не отъ печали по матери и отечеству, но отъ страха погибнуть въ Ордѣ такъ же, какъ погибли тамъ многіе князья русскіе. Его ободрялъ и утѣшалъ во время всей дороги бояринъ Иванъ Дмитріевичъ. Рѣдко кто умѣлъ такъ краснорѣчиво говорить, какъ этотъ хитрый совѣтникъ великаго князя. Къ тому же у него была хорошенькая дочка, которую ему очень хотѣлось видѣть великою княгинею. Онъ уже нѣсколько разъ намекалъ объ этомъ своему воспитаннику, и молодой Василій Васильевичъ не отговаривался: гордому Ивану Дмитріевичу казалось даже, что великій князь съ удовольствіемъ слушаетъ объ его предложеніи, что онъ уже согласенъ назвать дочь его своею невѣстою; мы обыкновенно охотно вѣримъ тому, что желаемъ! Вотъ Иванъ Дмитріевичъ съ новымъ жаромъ принимается за дѣло будущаго зятя своего; ласковыми словами и богатыми подарками склоняетъ всѣхъ вельможъ ханскихъ въ пользу молодого князя, и наконецъ, съ полною надеждою на успѣхъ, является съ нимъ въ назначенный день суда къ хану Махмету. Ханъ уже зналъ, что Василій доказывалъ свое право на престолъ новымъ закономъ государей московскихъ, по которому сынъ послѣ отца, а не братъ послѣ брата, былъ наслѣдникомъ. Дядя же его находилъ этотъ законъ несправедливымъ и хотѣлъ быть великимъ княземъ по прежнему установленію. Когда князь Юрій кончилъ жаркую рѣчь свою, бояринъ Иванъ Дмитріевичъ, сдѣлавъ низкій поклонъ, сталъ передъ Махметомъ и сказалъ: «Царь верховный! Позволь мнѣ, смиренному холопу, говорить за моего молодого князя. Юрій ищетъ великаго княжества по стариннымъ граматамъ русскимъ, а государь нашъ,— по твоей милости, зная, что оно въ твоей волѣ: отдашь его кому хочешь. Одинъ требуетъ, другой проситъ. Что̀ значатъ всѣ граматы противъ воли твоей? Шесть лѣтъ уже Василій Васильевичъ на престолѣ: ты не свергнулъ его, стало быть самъ признавалъ государемъ законнымъ».

Эта льстивая, хитрая рѣчь такъ понравилась хану, что онъ тутъ же обнялъ молодого Василія, поздравилъ его великимъ княземъ и приказалъ Юрію *вести подъ нимъ коня;* это азіатское обыкновеніе означало власть верховнаго государя надъ княземъ, зависящимъ отъ него. Но Василій Васильевичъ не допустилъ дядю до такого униженія, и возвратясь въ отечество, они, казалось, уже забыли свои несогласія и жили спокойно, каждый въ своемъ владѣніи, какъ вдругъ совсѣмъ неожиданно вспыхнула между ними новая, кровопролитная ссора, и вотъ по какой причинѣ.

Бояринъ Иванъ Дмитріевичъ, пріѣхавъ изъ Орды, съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда великій князь, такъ много обязанный ему, назначитъ день свадьбы своей съ его дочерью. Но, къ удивленію его, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ заговорили о свадьбѣ государя, и невѣстою объявили не дочь Ивана Дмитріевича, а княжну Марію Ярославовну, внучку знаменитаго и такъ много любимаго народомъ князя Владиміра Андреевича Храбраго! Нельзя представить себѣ, какъ разсердился за это гордый Иванъ Дмитріевичъ! Онъ поклялся отмстить за эту обиду великому князю, и тотчасъ же, не дожидаясь окончанія свадьбы, уѣхалъ въ Костромской Галичъ къ дядѣ его, Юрію Димитріевичу, и предложилъ ему услуги свои—погубить Василія.

Между тѣмъ какъ эти два жестокіе врага князя выдумывали средства отмстить за себя, новая ссора въ Москвѣ доставила имъ еще двухъ усердныхъ помощниковъ.

Два сына Юрія Димитріевича, Василій *Косой* и Дмитрій *Шемяка* остались въ Москвѣ пировать на свадьбѣ молодого государя и двоюроднаго брата своего. *Косой* былъ въ это время сговоренъ на внучкѣ боярина Ивана Дмитріевича. Дѣдушка невѣсты, въ день сговора, подарилъ жениху золотой поясъ съ цѣпями, осыпанный драгоцѣнными каменьями. Зная богатство Ивана Дмитріевича, *Косой* не любопытствовалъ спросить, откуда достался ему этотъ прекрасный поясъ, но только любовался его чудесною отдѣлкой, блескомъ изумрудовъ и рубиновъ, красотою искусно сдѣланныхъ цѣпочекъ. Нетерпѣливо хотѣлось ему обновить дорогой подарокъ на какомъ нибудь

праздникѣ, и скоро случай представился. 8-го февраля 1433 года назначена была свадьба великаго князя. Весело отправился во дворецъ Василій Юрьевичъ въ золотомъ своемъ поясѣ, и уже заранѣе восхищался, какъ онъ удивитъ всѣхъ гостей богатымъ нарядомъ своимъ. Онъ, точно, удивилъ, но зато и самъ удивленъ былъ. Когда уже молодые пріѣхали изъ церкви и всѣ гости сидѣли съ ними за пышнымъ столомъ, одинъ изъ бояръ ростовскихъ началъ всматриваться въ драгоцѣнный поясъ *Косого* и какъ будто бы припоминать себѣ что-то знакомое. Наконецъ, оборотясь къ матери великаго князя, княгинѣ Софіи, бояринъ тихо сказалъ ей: «Государыня! видишь ты поясъ на князѣ Васильѣ Юрьевичѣ; онъ не простой, но изъ кладовыхъ великокняжескихъ. Этотъ поясъ подаренъ княземъ Димитріемъ Константиновичемъ Суздальскимъ зятю его, нашему незабвенному государю Димитрію Донскому. Въ день свадьбы его онъ затерялся: говорили, что будто бы одинъ изъ самыхъ близкихъ къ великому князю бояръ подмѣнилъ его, но до сихъ поръ неизвѣстно было, кто именно. Я удивляюсь, какъ могъ этотъ драгоцѣнный для всѣхъ насъ поясъ попасть къ молодому Василію Юрьевичу!» Пылкая, гордая Софія, имѣвшая причину не любить семейства Юрія Димитріевича, обрадовалась и дорогой находкѣ, и случаю сдѣлать непріятность сыну врага своего. Поспѣшно подошла она къ Василію Юрьевичу, надменно спросила, гдѣ взялъ онъ богатый поясъ свой и, не дождавшись отвѣта, собственными руками сорвала его! Удивленіе и гнѣвъ молодого князя были неописанны! Не имѣя понятія о томъ, что поясъ достался боярину Ивану Дмитріевичу точно потому, что былъ подмѣненъ однимъ изъ предковъ его, Василій Юрьевичъ видѣлъ въ немъ только подарокъ дѣда невѣсты своей и не хотѣлъ лишиться его. Братъ его, Димитрій *Шемяка*, держалъ его сторону, но спорить было нельзя: поясъ былъ уже въ рукахъ Софіи Витовтовны, которая приказывала молчать сыновьямъ Юрія!..

Кровь кипѣла въ молодыхъ князьяхъ отъ такой жестокой обиды: въ бѣшенствѣ выбѣжали они оба изъ дворца и въ тотъ же часъ отправились въ Галичъ, къ отцу. Тамъ

давно ожидали ихъ два старика, ненавидѣвшіе великаго князя. Разсказъ о новой обидѣ еще болѣе увеличилъ ихъ злобу, и вы пожалѣете, милыя дѣти, сколько новыхъ несчастій вытерпѣли предки наши за свадьбу государя своего съ княжною Маріею Ярославною и за поясъ Василія *Косого!..*

ДИМИТРІЙ ШЕМЯКА.

отъ 1433 до 1446 года.

(13 лѣтъ).

Изъ всѣхъ враговъ, возставшихъ на великаго князя въ день его свадьбы, самымъ жестокимъ былъ *Димитрій Шемяка.* Ни дядя Юрій, ни сынъ его Василій Косой, ни даже мстительный бояринъ Иванъ Дмитріевичъ не причинили столько зла великому князю, какъ этотъ двоюродный братъ его. Правду сказать, что и онъ самъ не всегда былъ справедливъ и очень часто заслуживалъ тѣ несчастія, какія терпѣлъ. Особливо Шемяка былъ, кажется, назначенъ Богомъ на то, чтобы показать великому князю, что еще и въ здѣшнемъ мірѣ зло бываетъ наказано. Прочитайте разсказъ о кровопролитныхъ ссорахъ ихъ, и не забудьте никогда того сильнаго доказательства правосудія Божія, которое вы найдете въ немъ.

Свадебные праздники Василія Васильевича были, кажется, послѣдними пріятными днями для этого несчастнаго государя: не прошло мѣсяца послѣ нихъ, какъ уже Юрій Димитріевичъ съ сыновьями своими изгналъ его изъ Москвы и, изъ милости давъ ему въ удѣлъ городъ Коломну, объявилъ себя великимъ княземъ. Правда, княженіе его продолжалось только нѣсколько мѣсяцевъ и Василій опять возвратился въ Москву, но Юрій могъ бы сдѣлаться для него опаснымъ, еслибы вскорѣ потомъ не умеръ. Однакожъ, съ нимъ не умерли всѣ враги Василія, и сыновья его, *Косой* и *Шемяка*, имѣли точно такія же честолюбивыя намѣренія, какъ и отецъ ихъ. Косой, какъ старшій,

объявилъ первый право свое на престолъ великокняжескій и, нанявъ вятчанъ, уже пошелъ съ ними къ Москвѣ; но великій князь съ вѣрными москвитянами, чрезвычайно любившими его, побѣдилъ гордаго брата своего, и тогда же обезславилъ себя ужаснымъ злодѣйствомъ, напоминавшимъ Россіи XII вѣкъ и несчастнаго Василька Ростиславича: приказалъ ослѣпить Василія *Косого!* Такой жестокій поступокъ уменьшилъ любовь русскихъ къ великому князю и извинилъ нѣсколько все зло, какимъ впослѣдствіи отмстилъ ему Шемяка за несчастіе брата. Сначала этотъ хитрый князь не показывалъ Василію ненависти своей и даже вмѣстѣ съ нимъ называлъ врагомъ отечества бѣднаго слѣпца; но это все было только для того, чтобы получить во владѣніе свое тѣ богатые удѣлы, которыми великій князь хотѣлъ вознаградить ему несчастіе Косого. Какъ скоро новыя области были ему отданы, онъ началъ думать о мщеніи, и недолго искалъ къ тому случая; въ Россіи, окруженной со всѣхъ сторонъ врагами, такіе случаи были не рѣдки.

Въ 1437 году ханъ татарскій *Махметъ* былъ изгнанъ изъ Орды братомъ своимъ *Кичимомъ*. Сдѣлавъ въ царствованіе свое много добра для Василія Васильевича, онъ надѣялся жить спокойно въ отечествѣ нашемъ и пріѣхалъ въ одинъ изъ городовъ русскихъ. Но Василій не помнилъ благодѣяній и, узнавъ о пріѣздѣ Махмета, тотчасъ приказалъ ему удалиться изъ предѣловъ Россіи. Ханъ, обиженный такою неблагодарностію и привыкшій видѣть въ великомъ князѣ своего данника, не хотѣлъ послушаться его, имѣя у себя 3,000 воиновъ. Василій послалъ на него войско подъ начальствомъ Шемяки. Заранѣе радовался Шемяка пріятному случаю досадить брату: всѣ селенія, мимо которыхъ проходилъ онъ, были разграблены, а у стѣнъ того маленькаго городка, гдѣ жилъ Махметъ, русское войско вмѣстѣ съ начальникомъ своимъ пришло въ такой страхъ, что, почти не начиная сраженія, пустилось бѣжать назадъ. Татары удивились и, поскакавъ за бѣглецами, почти всѣхъ ихъ изрубили.

Злой умыселъ Шемяки въ этомъ дѣлѣ былъ явный, но совѣсть все еще мучила великаго князя за ослѣпле-

ніе Косого,—и не смѣя наказывать брата его, онъ оставилъ его спокойно княжить въ удѣлахъ, ему данныхъ.

Между тѣмъ ханъ Махметъ, зная, что ему нельзя долго жить въ Россіи и спорить съ Василіемъ, пошелъ чрезъ мордовскую землю въ Болгарію, къ тому мѣсту, гдѣ была Казань, разоренная русскими въ 1399 году. Это прекрасное, изобильное мѣсто, любимое татарами Батыя, понравилось и потомкамъ ихъ, и изгнанный ханъ кипчакскій сдѣлался возобновителемъ знаменитаго царства казанскаго, которое потомъ около ста лѣтъ было страшно для русскихъ. Слухъ о ласковости и добродушіи Махмета, о выгодахъ, какія доставлялъ онъ всѣмъ желавшимъ поселиться въ Казани, привлекалъ къ нему новыхъ жителей со всѣхъ сторонъ. Кромѣ болгаръ, черемисовъ, татаръ, къ нему пріѣзжали цѣлыя семейства изъ Золотой орды, изъ Астрахани, Азова, такъ что Казань чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ наполнилась людьми. Чрезъ годъ Махметъ ходилъ уже грабить московское княжество, а въ 1445 году историки наши уже говорятъ о настоящемъ нашествіи на Россію того же царя казанскаго. Онъ взялъ Нижній-Новгородъ, а двухъ сыновей своихъ послалъ къ Суздалю. Это нападеніе было такъ неожиданно, что великій князь не успѣлъ собрать всѣхъ своихъ защитниковъ, а Шемяка опять обманулъ его: не поѣхалъ самъ къ нему на помощь и не прислалъ обѣщаннаго войска.

Этотъ обманъ дорого стоилъ великому князю: имѣя только 1,500 воиновъ, онъ не только былъ разбитъ татарами при Суздалѣ, но даже и взятъ въ плѣнъ съ простреленной рукою, съ тринадцатью ранами на головѣ и безъ нѣсколькихъ отсѣченныхъ пальцевъ.

Какъ радовался Шемяка несчастію Василія, особливо когда Махметъ прислалъ къ нему своего мурзу или вельможу съ дружескими предложеніями! Онъ уже не сомнѣвался, что добьется себѣ у Махмета престола великокняжескаго, а Василію вѣчной неволи, какъ вдругъ все перемѣнилось: въ то время, какъ казанскій царь праздновалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ побѣды свои, какой-то татарскій князь овладѣлъ Казанью. Махметъ, желая скорѣе возвратиться въ столицу свою, не сталъ дожидаться возвращенія

посла своего къ Шемякѣ и ласково отпустилъ великаго князя въ Москву, взявъ съ него только выкупъ.

Неожиданное возвращеніе восхитило радостію печальное семейство Василія Васильевича и весь народъ его, но въ то же время встревожило новою досадою сердце Димитрія. Съ этой минуты онъ опять поклялся погубить врага своего и уже рѣшился не ожидать случая отъ времени, но измѣною и заговоромъ кончить дѣло скорѣе.

Для этого ему нужны были помощники, и какъ дурныхъ людей вездѣ много, то онъ скоро нашелъ ихъ. Главнымъ изъ нихъ—кромѣ многихъ бояръ, купцовъ, дворянъ и даже монаховъ—былъ двоюродный братъ Василія и Димитрія Шемяки: князь *Іоаннъ Андреевичъ Можайскій*. Заговорщики условились овладѣть нечаянно столицею и схватить великаго князя.

Они выбрали то время, когда Василій поѣхалъ въ Троицкій монастырь благодарить Бога и св. Сергія за избавленіе свое изъ плѣна. Это было въ 1446 году. 12-го февраля, ночью, злодѣи вошли въ Кремль и безъ труда овладѣли этою крѣпостію, гдѣ всѣ спали, а потомъ и всею Москвою. Въ ту же ночь Шемяка отправилъ въ Троицкій монастырь вѣрнаго друга своего Іоанна Можайскаго схватить тамъ великаго князя. Несчастный государь, вовсе не ожидая жестокой судьбы своей, усердно молился въ церкви въ ту самую минуту, какъ злодѣи вошли и взяли его предъ самою гробницею св. Сергія! Безъ всякой жалости они бросили бѣднаго князя въ голыя сани и привезли въ Москву, прямо на дворъ къ Шемякѣ. Напрасно умолялъ онъ отпустить его, обѣщая постричься въ монахи, напрасно плакалъ предъ врагомъ своимъ: Шемяка былъ неумолимъ, и чтобы заставить Василія испытать всѣ тѣ страданія, какія терпѣлъ отъ него Василій Косой, приказалъ ослѣпить его и потомъ сослалъ въ Угличъ.

Тогда же онъ объявилъ себя великимъ княземъ, и во время непродолжительнаго правленія своего показалъ столько безсмысленности, столько несправедливости, сколько неуваженія къ прежнимъ законамъ нашимъ, что съ тѣхъ поръ появилась въ народѣ пословица *о судѣ Шемякинѣ*. И теперь еще всякое несправедливое и безтолковое разбирательство какой нибудь ссоры или дѣла называютъ иногда *судомъ Шемякина*.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ КНЯЖЕНІЯ ВАСИЛІЯ ТЕМНАГО.

отъ 1446 до 1462 года.

(16 лѣтъ).

Василія III со времени ослѣпленія называли *Темнымъ* или *Слѣпымъ*. Это несчастіе—одно изъ самыхъ горестныхъ для человѣка—было полезно для него. Оно заставило его раскаяться въ прежнихъ несправедливыхъ поступкахъ, примирило совѣсть его съ Богомъ, сдѣлало его опять столько же любимымъ, какъ былъ онъ любимъ всѣми до ослѣпленія Василія Косого. Не прошло года,—и эта общая любовь народа возвратила ему престолъ великокняжескій. Съ христіанскою кротостію онъ простилъ Шемяку, взявъ съ него торжественную клятву при епископахъ: никогда не думать о великомъ княжествѣ.

Но для злого человѣка, который не боится Бога, клятва немного значитъ: въ 1450 году Шемяка уже опять пришелъ съ войскомъ на великаго князя, и 27-го января было у нихъ жестокое сраженіе у Галича, особенно замѣчательное тѣмъ, что оно было *послѣднее* въ междоусобныхъ ссорахъ князей: величіе Россіи уже близко и несчастное несогласіе удѣльныхъ князей скоро утихнетъ подъ хранительнымъ могуществомъ *одного* государя. Шемяка былъ совершенно разбитъ москвитянами и, потерявъ наслѣдственный удѣлъ свой, Галичъ, убѣжалъ въ Устюгъ,—городъ и теперь существующій въ Вологодской губерніи.

Болѣе двухъ лѣтъ Василій Темный не тревожилъ этого мятежника въ Устюгѣ; наконецъ въ 1453 году, собравъ

войско, пошелъ наказать его. Еще разъ побѣжденный Шемяка убѣжалъ въ Новгородъ и тамъ умеръ отъ яда. Неизвѣстно кто отравилъ его, но эта смерть обрадовала многихъ, въ томъ числѣ и великаго князя.

Избавясь отъ врага, котораго жестокость двадцать лѣтъ тревожила отечество наше, Василій Темный спокойнѣе принялся за дѣла государственныя. Въ 1456 году онъ усмирилъ новгородцевъ такъ, какъ еще ни одинъ изъ князей не усмирялъ ихъ. Въ 1459 году покорилъ Вятку, которая, хотя и принадлежала къ области Костромского Галича, присоединеннаго къ московскому княжеству еще при жизни Шемяки, но долго не хотѣла повиноваться Василію.

Въ послѣдніе годы жизни своей великій князь почти не платилъ никакой дани татарамъ и счастливо побѣждалъ ихъ, когда они приходили иногда разорять наши области. При немъ сдѣлалась извѣстна еще новая Орда, составленная старымъ Эдигеемъ изъ черноморскихъ татаръ. Она называлась *Крымскою* и находилась на полуостровѣ Крыма, т. е. въ нашей нынѣшней Таврической губерніи. Эдигей, незадолго до смерти, оставляя эту Орду сыновьямъ своимъ, просилъ ихъ не дѣлиться и жить въ дружбѣ между собою, но они не послушали его, раздѣлились и погибли! Тогда крымскіе татары выбрали себѣ въ ханы молодого *Ази*, потомка Чингисъ-ханова, спасеннаго отъ смерти и воспитаннаго какимъ-то земледѣльцемъ *Гиреемъ*. Изъ благодарности къ своему благодѣтелю молодой Ази принялъ и его имя и назвался *Ази-Гиреемъ*. Съ того времени всѣ ханы крымскіе всегда назывались Гиреями. Эта новая орда притѣснителей нашего отечества долго тревожила его.

Въ тотъ годъ, когда скончался *Темный*, Греческая имперія была завоевана османскими турками, которые и теперь еще владѣютъ ею. Это несчастіе знаменитаго государства записано было на память и нашими историками, потому что русскіе, со времени принятія вѣры христіанской, привыкли почитать Грецію какъ будто вторымъ отечествомъ своимъ; привыкли любить грековъ и принимать участіе во всемъ, что̀ касалось до нихъ. Въ то время у насъ говорили о Константинополѣ точно такъ же, какъ теперь говорятъ о Парижѣ или Лондонѣ. Строеніе цер-

квей, домовъ, даже обычаи и нравы—все перенимали мы у грековъ. Это пристрастіе къ нимъ спасло насъ отъ несчастія слишкомъ сблизиться съ нашими жестокими врагами—татарами. Были примѣры въ исторіяхъ разныхъ государствъ, что побѣжденные народы, принимая обычаи своихъ побѣдителей, смѣшивались съ ними такъ, что впослѣдствіи составляли одинъ народъ; но мы избавились отъ этого униженія и должны благодарить за то грековъ. Обычаи татаръ, которые были прежде идолопоклонниками, потомъ магометанами, были такъ непріятны для предковъ нашихъ, что они называли ихъ *погаными,* и оттого болѣе и болѣе любили все то, что было *греческое.* Съ другими государствами Европы мы не имѣли еще никакого сообщенія, кромѣ торговли новгородцевъ съ нѣмецкими городами.

Семейство великаго князя Василія III Васильевича Темнаго.

Супруга: Марія Ярославовна, внучка князя Владиміра Андреевича.

Сыновья: 1) Юрій, умеръ въ дѣтствѣ. 2) Іоаннъ. 3) Юрій. 4) Андрей старшій. 5) Симеонъ, умеръ въ дѣтствѣ. 6) Андрей младшій. 7) Димитрій, умеръ въ дѣтствѣ. 8) Борисъ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ III И ГРЕЧЕСКАЯ ЦАРЕВНА СОФІЯ.

ОТЪ 1462 ДО 1472 ГОДА.

(10 лѣтъ).

Наконецъ мы дошли до самаго знаменитаго изъ старинныхъ государей нашихъ—до великаго князя Іоанна III. Онъ освободилъ насъ отъ жестокой власти татаръ, онъ возвратилъ отечеству нашему прежнюю славу его, наконецъ онъ исполнялъ великую мысль единовластія, т. е. покореніе всѣхъ областей удѣльныхъ подъ власть одного государя. Нѣкоторые изъ князей имѣли также эту мысль, но не имѣли возможности исполнить ее; Іоанну III удалось это, и наша благодарность къ нему должна быть

очень, очень велика. Онъ такъ много сдѣлалъ хорошаго, умнаго, славнаго во время сорока-трехъ-лѣтняго княженія своего, что вы, вѣрно, съ удовольствіемъ будете читать разсказы о великихъ дѣлахъ его.

Сдѣлавшись на двадцать-второмъ году великимъ княземъ, наслѣдникомъ отца своего Василія *Темнаго*, Іоаннъ, при самомъ вступленіи на престолъ, уже показывалъ необыкновенную твердость, умъ, осторожность въ дѣлахъ государственныхъ. Въ 1464 году было первое знаменитое дѣло его: онъ усмирилъ гордаго царя казанскаго Ибрагима и, окруживъ войскомъ Казань, принудилъ его заключить миръ *на всей волѣ* государя московскаго.

Въ 1470 году началась и два года продолжалась война съ Новгородомъ, котораго безпокойные жители все еще искали случая освободиться отъ власти великихъ князей. Здѣсь вы, милые читатели, увидите явленіе, дотолѣ неслыханное у насъ на Руси. Женщина вздумала сдѣлать возмущеніе, вздумала быть защитницею своей родины, Новгорода, и устроить судьбу его! Эта безразсудная женщина была пылкая, гордая, честолюбивая *Марѳа*, жена бывшаго посадника *Исаака Борецкаго* и мать двухъ взрослыхъ сыновей. Домъ ея былъ самый богатый и великолѣпный въ Новгородѣ; всѣ уважали ее, какъ вдову знаменитаго посадника: даже самъ великій князь, въ знакъ особенной милости, пожаловалъ старшему сыну ея важный чинъ боярина московскаго; но всего этого было недовольно для надменной души ея: ей хотѣлось управлять всѣмъ Новгородомъ, и какъ это было невозможно подъ властію государя московскаго, то она начала увѣрять всѣхъ новгородцевъ, что они напрасно считаютъ себя подданными князей московскихъ, что Новгородъ самъ себѣ господинъ, что жители его вольные люди, что имъ нуженъ только покровитель и что этимъ покровителемъ надобно выбрать не Іоанна, но Казимира, короля польскаго и князя литовскаго. Хитрая Марѳа хотѣла въ это время выйти замужъ за какого-то вельможу литовскаго, и вмѣстѣ съ нимъ, подъ именемъ Казимира, управлять своимъ отечествомъ. Однакожъ вредныя для Россіи намѣренія этой честолюбивой женщины не исполнились и хотя

послы ея уже отправились къ Казимиру, но великій князь еще во-время пришелъ съ войскомъ къ Новгороду и одинъ изъ лучшихъ полководцевъ его, князь Холмскій, одержалъ на берегахъ рѣки Шелони такую побѣду надъ мятежниками, что около 12,000 ихъ было убито на мѣстѣ, а остальные разбѣжались въ разныя стороны. Вступивъ въ Новгородъ, Іоаннъ поступилъ съ преступниками по всей строгости законовъ. Главные измѣнники, въ томъ числѣ и старшій сынъ Маѳы, были казнены. Съ нею же Іоаннъ поступилъ со всею снисходительностію государя великодушнаго: оставилъ ее какъ слабую женщину—безъ наказанія. Прочіе новгородцы внесли за вину свою 15,500 рублей или около 80 пудовъ серебра и, благодаря милости Іоанна, еще остались со своими прежними законами, съ своими правами, съ нѣкоторою свободою; великій князь предоставлялъ себѣ только верховный судъ въ такихъ случаяхъ, когда намѣстники его будутъ въ чемъ либо несогласны съ новгородскими судьями. Защищая владѣнія свои то отъ хана Ахмата, то отъ польскаго и литовскаго короля, Казимира, онъ еще не могъ имѣть столько силъ и войска, чтобы совершенно уничтожить вольность новгородскую, и благоразумно отложилъ это трудное дѣло еще на нѣсколько времени.

Въ 1472 году случилось съ Іоанномъ происшествіе, которое заставило всѣ государства европейскія съ любопытствомъ посмотрѣть на неизвѣстную имъ и отдаленную Россію. Это происшествіе было: свадьба великаго князя, и надобно сказать правду, что не столько женихъ, какъ невѣста дѣлала эту свадьбу, примѣчательною для Европы. Это и не удивительно. Тогда Россія была не то, что она теперь. Теперь царицу русскую называютъ *царицею полсвѣта*, но тогда супругъ ея былъ еще подданнымъ татаръ! Это отдаляло чужеземныхъ принцевъ отъ родства съ князьями русскими и заставляло государей нашихъ жениться на княжнахъ удѣльныхъ княжествъ, а потомъ на своихъ подданныхъ; такое обыкновеніе продолжалось даже до временъ Петра Великаго. Но для Іоанна III, въ судьбѣ котораго примѣтно было съ самыхъ молодыхъ лѣтъ какое-то необыкновенное величіе, назначено было и

въ этомъ случаѣ нѣчто особенное. Вскорѣ послѣ кончины первой супруги его, княжны тверской Маріи Борисовны, папа Павелъ II предложилъ ему чрезъ посла своего, какого-то грека, руку греческой царевны Софіи, дочери Ѳомы Палеолога, брата послѣдняго императора, при которомъ завоевана была Греція турецкимъ султаномъ Магометомъ II. Послѣ разоренія отечества несчастное семейство царей греческихъ жило въ Римѣ, гдѣ пользовалось всеобщимъ уваженіемъ и покровительствомъ папы. Папа имѣлъ особенную причину благодѣтельствовать этому знаменитому семейству: боясь, чтобы жестокость и ужасная сила Магомета II, не разорила и его владѣній, онъ полагалъ, что будущій супругъ царевны Софіи, получивъ вмѣстѣ съ рукою ея право на престолъ константинопольскій, захочетъ освободить Грецію отъ власти турокъ и тѣмъ избавить Италію отъ страшныхъ сосѣдей.

Эта причина заставила папу искать жениха для царевны между знаменитыми государями европейскими, и онъ выбралъ Іоанна, самаго близкаго къ грекамъ по закону. Вѣроятно послы польскіе и литовскіе и духовенство греческое, жившее послѣ разоренія имперіи въ Римѣ, разсказывали папѣ о той славѣ, какую обѣщали Россіи великія достоинства молодого государя ея.

Іоаннъ обрадовался предложенной ему чести и вмѣстѣ съ своею матерью, духовенствомъ, боярами и всемъ народомъ думалъ, что знаменитая невѣста, послѣдняя отрасль императоровъ греческихъ, имѣвшихъ одну вѣру съ русскими, послана ему отъ самого Бога. Прекрасный портретъ, гдѣ представлено было умное и привлекательное лицо молодой царевны, еще болѣе увеличилъ радость и благодарность Іоанна къ папѣ.

17-го января 1472 года отправлены были послы за невѣстою. Съ большими почестями приняли ихъ въ Римѣ и 1-го іюня царевна въ церкви св. Петра была обручена государю *Бѣлой Россіи* [1]), котораго лицо представлялъ главный посолъ его.

---

[1]) Іоаннъ III началъ первый называть государство свое *Бѣлою Русью.* Слово *бѣлая,* по смыслу языковъ восточныхъ, значитъ *великая.*

Папа далъ за царевною богатое приданое и отправилъ съ нею въ Россію легата, т. е. посла своего, которому поручено было охранять ее во время дороги. 24-го іюня она выѣхала со всѣмъ дворомъ своимъ изъ Рима, и 1-го сентября пріѣхала въ Любекъ, а потомъ на кораблѣ въ Ревель. Здѣсь богато угощали ее ливонскіе рыцари; въ Дерптѣ же встрѣтилъ ее посолъ московскій съ поздравленіями отъ имени государя и всей Россіи.

Первая русская область, въ которую надобно было въѣхать царевнѣ, была—Псковская. О! еслибъ вы знали, дѣти, какая суматоха происходила тогда въ этой области! Всякой только о томъ и думалъ, какъ бы показать свое усердіе къ будущей государынѣ. Правители городовъ приготовляли для нея подарки, столовые запасы, медъ и вина. Вы знаете, что предки наши были очень гостепріимны и любили угощать и потому не удивляйтесь, что они прежде всего позаботились о вкусныхъ кушаньяхъ и напиткахъ для царевны. Потомъ они украсили разноцвѣтными флагами и лентами всѣ суда и лодки свои: вѣдь имъ надобно было встрѣтить Софію и потомъ везти ее на судахъ по Чудскому озеру, потому что тутъ начинались границы русскихъ владѣній. Съ восхищеніемъ дождались они наконецъ этой встрѣчи и показали столько усердія и любви, что царевна была тронута до слезъ. Съ удовольствіемъ провела она пять дней во Псковѣ и, уѣзжая, ласково сказала жителямъ: «Спѣшу къ моему и вашему государю, благодарю бояръ и весь великій Псковъ за угощеніе и рада при всякомъ случаѣ просить за васъ въ Москвѣ». Псковитяне, прощаясь съ Софіею, поднесли ей въ подарокъ *пятьдесятъ*, а послу Іоаннову—*десять* рублей деньгами.

Съ такою же радостію встрѣчали царевну и по всѣмъ другимъ областямъ. Наконецъ 12-го ноября, рано поутру, она въѣхала въ Москву. Митрополитъ ожидалъ ее въ церкви. Получивъ благословеніе его, она пошла къ матери Іоанна и тамъ въ первый разъ увидѣлась съ женихомъ. Въ тотъ же день празднована была и свадьба.

Такъ совершился во второй разъ союзъ государей на-

шихъ съ императорами греческими [1]). Съ того времени Іоаннъ принялъ и гербъ ихъ—*двуглаваго орла*—и соединилъ его на печати своей съ гербомъ московскимъ.

СОВЕРШЕННОЕ ПОКОРЕНІЕ НОВГОРОДА.

отъ 1472 до 1478 года.

(6 лѣтъ).

Іоаннъ, назначенный Богомъ воскресить отечество наше къ славѣ и счастію, никогда не дѣлалъ ничего необдуманно и неосторожно, но прежде всегда долго разсматривалъ свое намѣреніе, разсуждалъ о томъ, какъ лучше исполнить его, приготовлялъ все нужное къ этому исполненію и потомъ уже приступалъ къ дѣлу.

Такъ было и съ покореніемъ Новгорода. Чтобы собрать всѣ силы для усмиренія этой безпокойной области, Іоанну надобно было не бояться нападеній окружавшихъ его враговъ: поляковъ, литовцевъ и татаръ. Судьба и проницательный умъ его доставили ему средство, если не совсѣмъ избавиться отъ этихъ враговъ, то по крайней мѣрѣ останавливать ихъ дерзость.

Вы помните, читатели мои, что со временъ Василія *Темнаго* составилась у татаръ новая орда—*Крымская* или *Таврическая.* Знаменитый основатель ея Ази-Гирей умеръ, оставивъ шесть сыновей. Братья долго спорили о наслѣдствѣ, и престолъ крымскій принадлежалъ то одному изъ нихъ, то другому. Примѣчательный изъ нихъ и владѣвшій долѣе всѣхъ другихъ Крымомъ былъ *Менгли-Гирей,* отнявшій престолъ у старшаго брата своего, Нордаулата. Часто ссорясь и съ царемъ Золотой Орды, Ахматомъ, и съ литовскимъ княземъ Казиміромъ, который покровительствовалъ обиженному Нордаулату, убѣжавшему въ Литву, Менгли-Гирей находился въ затруднительномъ

---

[1]) Вѣрно читатели помнятъ царевну Анну, супругу Владиміра Святого.

положеніи между двумя сильными врагами. Іоаннъ III, разсчитавъ, что могутъ выиграть русскіе отъ дружбы съ непріятелемъ двухъ главныхъ враговъ своихъ, предложилъ крымскому хану свою помощь. Онъ не ошибся въ разсчетѣ: Менгли-Гирей и прежде уважалъ Іоанна, а теперь къ этому искреннему уваженію присоединилась жаркая благодарность за великодушную помощь, и онъ на всю жизнь свою сдѣлался усерднымъ другомъ и защитникомъ Іоанна противъ общихъ враговъ.

Это дружество было чрезвычайно полезно для русскихъ: оно увеличивало силы ихъ и удерживало Казимира и Ахмата отъ нападеній на владѣнія наши. Имѣя такую вѣрную защиту отъ татаръ и поляковъ, осторожный Іоаннъ увидѣлъ наконецъ возможность навсегда усмирить непокорныхъ новгородцевъ. Неблагодарные къ великодушію государя, еще оставившаго имъ часть прежней свободы, они доказали безпрестанными ссорами своими и безпорядками разнаго рода, какъ вредна эта свобода и какъ необходимо покорить эту безпокойную область совершенно одинакимъ законамъ со всѣми другими областями Руси. Но Іоаннъ никогда не желалъ сдѣлать это силой; напротивъ того, ему хотѣлось, чтобы хотя часть новгородцевъ сама поняла необходимость такой перемѣны. Въ семь лѣтъ, прошедшихъ со времени послѣдняго усмиренія ихъ, въ 1471 году, ему удалось достичь своей цѣли: верховный судъ, которому въ теченіе всего этого времени часто подвергались дѣла новгородцевъ, показалъ въ немъ такой умъ, такое безпристрастіе, такую заботливость о пользѣ народа, что благоразумные изъ новгородцевъ, съ огорченіемъ смотря на неустройство правленія и безпорядки чиновниковъ своихъ, искренно желали, чтобы государь принялъ все подъ власть свою и далъ всему новое устройство. Того же хотѣли и всѣ бѣдные граждане и большая часть народа. Но не такъ думали важные и богатые новгородцы. При власти государя они лишались многихъ выгодъ, которыми своевольно пользовались и потому они употребляли всѣ усилія, чтобы возмущать народъ противъ Іоанна, и споры при этомъ случаѣ дошли до такой степени, что Новгородъ раздѣлился на двѣ стороны: *одна*—

хотѣла видѣть Іоанна *полнымъ властителемъ* и *государемъ* своимъ, соглашалась не имѣть у себя другихъ судей, кромѣ княжескихъ, отдать ему Дворъ Ярославовъ и не имѣть вѣча, котораго собранія такъ часто оканчивались кровопролитіемъ; *другая* же—не хотѣла слышать объ этомъ, даже не называли великаго князя *государемъ* своимъ, но, по прежнему обыкновенію, только *господиномъ,* и явно возмущала противъ него всѣхъ. Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончился этотъ споръ, еслибы новгородцы не узнали, что Іоаннъ идетъ къ столицѣ ихъ съ многочисленнымъ, отборнымъ войскомъ. Съ нимъ были всѣ храбрые князья и полководцы того времени и всѣ братья его. Устрашенные мятежники испугались и отправили въ станъ Іоанна своего архіепископа Ѳеофила и знатнѣйшихъ гражданъ для переговоровъ. Эти переговоры продолжались отъ 23-го ноября 1477 до 7-го января 1478 года и окончились слѣдующимъ объявленіемъ всѣхъ новгородцевъ: «Соглашаемся не имѣть ни вѣча, ни посадника; молимъ только, чтобы государь утолилъ навѣки гнѣвъ свой и простилъ насъ искренно». Трудно было довести новгородцевъ до такого смиренія, но благоразуміе и твердость Іоанна умѣли сдѣлать это.

15-го января всѣ знатные граждане, бояре, житые люди, купцы и весь народъ присягали великому князю, и бояре московскіе объявили всѣмъ имъ, что государь забываетъ навѣки вины ихъ, съ условіемъ, чтобы Новгородъ не измѣнялъ ему ни дѣломъ, ни мыслію.

Такъ новгородцы, шесть сотъ лѣтъ называвшіеся *людьми вольными,* покорились Іоанну III! При этомъ важномъ случаѣ не произошло никакого кровопролитія; непріятельскія дѣйствія даже не начинались и великій князь приказалъ взять подъ стражу только нѣсколько человѣкъ изъ главныхъ мятежниковъ, въ томъ числѣ и непокорную Марѳу Борецкую.

Отправляясь въ Москву, Іоаннъ ласково простился съ новгородцами, нѣсколько разъ угощалъ обѣдами архіепископа и знатнѣйшихъ бояръ ихъ, принималъ подарки отъ всего народа—потому что не было человѣка, который бы не желалъ показать государю чѣмъ нибудь своего усер-

дія,—одаривалъ и самъ каждаго. 5-го марта возвратился онъ въ Москву и вслѣдъ за нимъ привезли туда вѣчевой колоколъ, на звонъ котораго уже сходились теперь не гордые граждане новгородскіе для шумныхъ совѣщаній своихъ, но мирные жители Москвы для благочестивой молитвы: онъ повѣшенъ былъ на колокольнѣ Успенскаго собора.

ОСВОБОЖДЕНІЕ РУСИ.

отъ 1478 до 1480 года.

(2 года).

У великой княгини Софіи были уже три дочери. Она и супругъ ея желали имѣть сына, и Богъ исполнилъ ихъ желаніе: въ 1478 году у нихъ родился сынъ *Василій*, который былъ потомъ наслѣдникомъ престола. Но ни эти семейныя радости, ни слава, ни безпрестанныя побѣды русскихъ, не могли доставить совершеннаго счастія ни великому князю, ни супругѣ его. Обоихъ занимала только одна мысль: видѣть Русскую землю, освобожденною отъ власти татаръ. Умная, гордая Софія искусно умѣла усиливать въ сердцѣ супруга ненависть его къ ханамъ! Какъ часто даже на веселыхъ праздникахъ княжескихъ, когда Іоаннъ восхищался величественнымъ видомъ ея, богатствомъ ея царскаго наряда, красотою дѣтей своихъ, Софія съ хитростію спрашивала у него: «Долго ли быть мнѣ и дѣтямъ моимъ подданными хана татарскаго?» Іоаннъ, который почти безпрестанно и самъ дѣлалъ себѣ этотъ вопросъ, радовался, находя то же самое желаніе и въ сердцѣ супруги своей, и еще усерднѣе старался исполнить его. Случай къ тому скоро представился.

Князья русскіе всегда должны были съ особенными обрядами встрѣчать пословъ татарскихъ, которые привозили съ собою *басму*, т. е. изображеніе или болванъ хана. Князья выходили на эту встрѣчу за городъ пѣшкомъ, кланялись посламъ и для слушанія ханскихъ граматъ подстилали

мѣхъ соболій подъ ноги чтецу и сами становились на колѣни. На томъ мѣстѣ, гдѣ бывала эта встрѣча, построили потомъ церковь, которая и теперь еще называется *Спасомъ на Болвановкѣ*. Софія, чувствуя достоинство супруга своего, не могла перенести мысли, чтобы онъ преклонилъ колѣна предъ *болваномъ* хана, и уговорила его не ходить навстрѣчу пословъ. Нѣкоторые историки говорятъ, что Іоаннъ не только исполнилъ желаніе ея, но даже изломалъ басму, бросилъ ее на землю, растопталъ ногами и сказалъ послу: «Объяви это хану: что сдѣлалось съ его *басмою*, то будетъ и съ нимъ, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ». Отпустивъ съ такими словами посла, онъ не далъ ему нисколько дани, за которою тотъ пріѣзжалъ изъ орды. Такая смѣлость государя русскаго разсердила ужасно хана Ахмата. Хитрый король польскій Казимиръ, желавшій всегда вредить Россіи, постарался воспользоваться этою ссорою и наговорилъ столько на Іоанна, что царь татарскій приказалъ войску своему готовиться къ нападенію на русскія земли. Казимиръ обѣщалъ быть его союзникомъ.

Въ это трудное для Россіи время крымскій ханъ Менгли-Гирей доказалъ свою вѣрность и дружество къ Іоанну: онъ напалъ на польскія и литовскія владѣнія и тѣмъ помѣшалъ Казимиру исполнить обѣщаніе, данное Ахмату. Іоаннъ отправилъ другихъ крымскихъ царевичей, братьевъ Менгли-Гирея, жившихъ въ Россіи, и съ ними звенигородскаго воеводу Ноздреватаго съ отдѣльнымъ отрядомъ къ Сараю во время отсутствія хана разорить столицу его и по дорогѣ къ ней—селенія или улусы татарскіе.

Между тѣмъ великій князь собиралъ войско, непремѣнно хотѣлъ самъ предводительствовать имъ и приготовился дать рѣшительное сраженіе, котораго съ нетерпѣніемъ ожидалъ весь народъ, потому что увѣренъ былъ въ искусствѣ и счастіи государя своего; но Іоаннъ, по обыкновенной осторожности своей, не спѣшилъ начать войну, жалѣлъ проливать безъ нужды кровь своихъ подданныхъ и, дойдя съ войскомъ только до береговъ Угры [1]), гдѣ онъ могъ удержать Ахмата отъ вторженія во внутренность го-

---

[1]) Рѣка Угра течетъ въ нынѣшней Калужской губерніи.

сударства своего, ожидалъ извѣстія о томъ, что̀ сдѣлалъ воевода Ноздреватый. Чрезъ нѣсколько времени подошелъ и Ахматъ съ своимъ войскомъ, также къ Угрѣ, и расположился на правомъ берегу ея противъ русскихъ, стоявшихъ на лѣвомъ. Въ числѣ главныхъ воеводъ русскихъ былъ также и молодой сынъ великаго князя отъ первой супруги, *Іоаннъ*. Двѣ недѣли оба войска смотрѣли другъ на друга, ничего не дѣлая: Ахматъ поджидалъ литовцевъ, о которыхъ не было и слуху, Іоаннъ высматривалъ мѣстоположеніе, гдѣ удобнѣе было бы сражаться, и наконецъ выбралъ для того поля боровскія и приказалъ своему войску отступить туда. Князья, бояре и воины удивились и съ досадою думали, что государь ихъ боится сраженія: они не поняли осторожнаго Іоанна. Татары же поняли его еще менѣе, вообразивъ, что русскіе обманываютъ ихъ и, нарочно отступая, заманиваютъ въ приготовленныя засады. Непостижимый ужасъ овладѣлъ Ахматомъ: онъ спѣшилъ уйти изъ Русской земли и дорогою разорилъ двѣнадцать городовъ, бывшихъ во владѣніи литовцевъ, за то, что Казимиръ не пришелъ къ нему на помощь. Никто не понималъ, отчего ханъ татарскій такъ неожиданно оставилъ русскія области, но вскорѣ узнали причину: онъ получилъ извѣстіе, что въ Сараѣ и во всѣхъ окрестностяхъ его производятъ страшное опустошеніе посланные Іоанномъ царевичи крымскіе и воевода Ноздреватый. Итакъ, Ахмату надобно было оставить отечество наше, чтобы защищать собственную землю. Но онъ не дошелъ до нея. Ногайскіе татары, подъ начальствомъ шейбанскаго князя Ивака, слыша о богатой добычѣ Ахмата, отнятой въ городахъ литовскихъ, напали на него, загнали къ берегамъ Азовскаго моря и тамъ убили. Потомъ Ивакъ окончательно разорилъ Сарай, котораго развалины еще и теперь видны на берегахъ Ахтубы, и прислалъ пословъ сказать великому князю, что врага его уже нѣтъ на свѣтѣ, а онъ, какъ потомокъ Чингисъ-хана, проситъ только дружбы государя русскаго. Дѣти Ахматовы долго еще бродили съ остатками своей орды по степямъ, окружавшимъ прежнія владѣніи ихъ; воевали съ крымскими татарами, ненавидя Менгли-Гирея за его преданность къ государю русскому;

уговаривали казанскихъ татаръ идти съ ними на русскихъ, и можетъ быть это и удалось бы имъ сдѣлать, еслибы въ Казани все было въ это время въ прежнемъ порядкѣ; но, напротивъ того, тамъ послѣ царя Ибрагима происходили страшныя ссоры за наслѣдство престола, и народъ раздѣлился на разныя партіи, изъ которыхъ однѣ старались уничтожить другихъ. Іоаннъ воспользовался такимъ неустройствомъ и послалъ въ Казань храбраго воеводу своего, князя Холмскаго, который усмирилъ всѣхъ и возвелъ на престолъ одного изъ царевичей, Махметъ-Аминя, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ данникомъ Іоанна. Послѣ того казанскому царю уже нельзя было согласиться на приглашеніе Ахматовыхъ дѣтей идти на русскихъ, но, напротивъ того, надобно было по присягѣ, данной государю русскому, считать ихъ врагами своими. Такимъ образомъ, не получая ни отъ кого помощи, орда Кипчакская была совершенно истреблена неутомимымъ врагомъ свомъ Менгли-Гиреемъ за три года до кончины Іоанна, и послѣдній ханъ ея, Шигъ-Ахматъ, просившій помощи въ Литвѣ, умеръ тамъ въ темницѣ.

Такъ, наконецъ, бѣдное отечество наше освободилось отъ жестокой власти своихъ завоевателей. О! какъ должны мы благодарить Бога за то, что Онъ помогъ добрымъ предкамъ нашимъ перенесть столько бѣдъ и горя! Вспомните все, что они терпѣли со временъ Ярослава Всеволодовича, перваго изъ князей нашихъ, принужденнаго покориться царямъ татарскимъ. Можно ли было перенесть всѣ эти страданія безъ особеннаго покровительства и помощи Божіей? Можно ли было Руси, растерзанной и жестокими татарами, и собственными князьями, и чужеземными государями, дойти одной, безъ этой небесной помощи, до той степени славы, въ какой она уже была при Іоаннѣ III? Конечно, нѣтъ! А чѣмъ же, думаете вы, милые читатели мои, предки наши заслужили эту помощь, эту любовь, эту милость къ нимъ Бога?.. Тѣмъ, что они были самыми усердными христіанами; тѣмъ, что они любили Бога выше всего на свѣтѣ, что они надѣялись на Него Одного, а не на свои силы и умъ, и не начинали никакого дѣла, не помолясь прежде Ему и не попросивъ Его благословенія.

Такъ жили у нихъ и князья, и бояре, и купцы, и простые люди, и усердіе ихъ такъ пріятно было Богу, что Онъ спасалъ ихъ во всѣхъ опасностяхъ и, наконецъ, возвратилъ имъ счастіе.

Точно, любезные друзья мои, вѣра и набожность ихъ были примѣрныя. За то Богъ примѣрно и наградилъ ихъ. Славное княженіе Іоанна III есть еще только начало этой награды. Вы увидите въ слѣдующихъ разсказахъ, какъ слава ихъ будетъ постепенно увеличиваться и какъ, наконецъ, отечество наше достигнетъ до настоящаго могущества своего. Мы можемъ по справедливости сказать, что благословеніе Божіе часто самымъ очевиднымъ образомъ сопровождало дѣла предковъ нашихъ. Постараемся же и мы, потомки ихъ, заслужить это драгоцѣнное благословеніе: постараемся имѣть къ Богу такую же твердую вѣру, такое же искреннее усердіе, такую же пламенную любовь, какую имѣли они, и—счастіе отечества нашего будетъ всегда неизмѣнно!

НОВОЕ СОСТОЯНІЕ РОССІИ.

отъ 1480 до 1498 года.

(18 лѣтъ).

Съ того времени, какъ Россія избавилась отъ власти жестокихъ татаръ, какъ она сдѣлалась опять государствомъ независимымъ, все въ ней какъ будто переродилось, все получило другой видъ! Имя Іоанна начало гремѣть еще болѣе и безпрестанныя побѣды прославили его воинство. Это чувствовали и рыцари ливонскіе, и литовцы, и казанцы, и вятчане, и тѣ изъ князей удѣльныхъ, которые оставались до сихъ поръ независимыми и теперь должны были покориться самодержавной власти Іоанна.

И чужеземные государи смотрѣли уже совсѣмъ другими глазами на Россію и желали не только дружества, но даже родства съ ея владѣтелемъ. Первый, показавшій это желаніе, былъ господарь молдавскій, Стефанъ IV. Онъ

выдалъ дочь свою Елену въ 1488 году за старшаго сына государя русскаго, Іоанна. Этотъ новый союзъ былъ почти столько же полезенъ для великаго князя, какъ и дружество его съ крымскимъ ханомъ, Менгли-Гиреемъ, всегда вѣрнымъ защитникомъ его противъ Литвы.

Вскорѣ послѣ этой свадьбы пріѣхалъ въ Москву въ первый разъ знатный рыцарь Николай Поппель, посломъ отъ императора римскаго Фридриха III. Ему поручено было увѣрить Іоанна въ дружествѣ императора, просить его помощи, если король польскій вздумаетъ воевать Венгрію, принадлежавшую императору, и обѣщать помощь Іоанну, если поляки нападутъ на русскія владѣнія. Кромѣ того, послу велѣно было предложить великому князю выдать его дочь, княжну Елену или Ѳеодосію, за маркграфа Баденскаго, племянника императорскаго.

Іоаннъ принялъ этого посла со всѣмъ достоинствомъ государя, равнаго императору, и когда Поппель, въ концѣ аудіенціи своей, предложилъ ему, что Фридрихъ можетъ пожаловать его въ короли, Іоаннъ съ благородною гордостію приказалъ боярамъ своимъ сдѣлать слѣдующій отвѣтъ на такое предложеніе: «Государь нашъ, великій князь, наслѣдовалъ державу русскую отъ Бога и предковъ своихъ, и ни отъ кого другого никогда не захочетъ быть жалованнымъ». На сватовство за дочь Іоаннъ отвѣчалъ, что союзъ съ маркграфомъ не довольно знаменитъ для государя русскаго, брата древнихъ царей греческихъ. Однакожъ этотъ отказъ сдѣланъ былъ очень учтиво, такъ что Поппель, окончивъ всѣ порученія свои, выѣхалъ изъ Москвы безъ всякаго неудовольствія, и вслѣдъ за нимъ Іоаннъ отправилъ отъ себя къ императору посломъ грека Трахоніота, также съ изъявленіями дружества и богатыми подарками.

Такъ слухъ о достоинствахъ и славѣ Іоанна доставилъ ему въ римскомъ императорѣ третьяго защитника противъ Польши и Литвы. Но скоро и сама Литва начала искать союза съ нимъ.

Въ 1492 году умеръ Казимиръ. Старшій сынъ его, *Альбертъ,* сдѣлался королемъ польскимъ, а младшій, *Александръ,* великимъ княземъ литовскимъ.

Литва, отдѣлясь отъ Польши, уже не имѣла столько силъ какъ прежде, и молодой государь ея, слыша, что со всѣхъ сторонъ сбираются на него союзники Іоанна, очень желалъ помириться съ Россіей. Ему казалось, что самымъ лучшимъ средствомъ къ тому было: сдѣлаться зятемъ великаго князя. Долго послы его и Іоанновы переѣзжали изъ Вильны въ Москву и изъ Москвы въ Вильну, прежде нежели государь русскій рѣшился отдать любимую дочь свою *Елену* за князя латинской вѣры. Наконецъ, послѣ многихъ переговоровъ онъ согласился съ условіемъ, чтобы Александръ никогда не принуждалъ супруги своей къ перемѣнѣ греческаго закона ея.

6-го января 1495 года пріѣхало въ Москву великое посольство литовское за невѣстою. Оно состояло изъ знатнѣйшихъ князей и пановъ Александра. Всѣ они отличались великолѣпнымъ нарядомъ, множествомъ слугъ, богатыми уборами лошадей. Іоаннъ еще разъ подтвердилъ главнымъ посламъ, напомнить Александру условіе ихъ о томъ, чтобы дочь его ни въ какомъ случаѣ не перемѣняла закона, и чтобы у ней была своя придворная церковь греческая. Обнимая въ послѣдній разъ Елену передъ самымъ отъѣздомъ ее, онъ вложилъ ей въ руку слѣдующую записку: «Память великой княжнѣ Еленѣ. Въ церковь латинскую не ходить, а ходить въ греческую; изъ любопытства можешь видѣть первую или монастырь латинскій, но только одинъ или два раза. Если свекровь твоя будетъ въ Вильнѣ и прикажетъ тебѣ идти съ собою въ церковь, то проводи ее до дверей и скажи ей учтиво, что идешь въ свою церковь». Такъ набожный Іоаннъ заботился о томъ, чтобы милая дочь его не оставила православной, отечественной вѣры своей!

Литовскій народъ радостно встрѣчалъ молодую невѣсту. Вѣдь вы помните, милые читатели, что большая часть государства литовскаго состояла изъ русскихъ областей, отнятыхъ у предковъ нашихъ Гедиминомъ и Витовтомъ. Въ нихъ жили русскіе, терпѣвшіе много притѣсненій отъ литовцевъ. Вотъ эти-то бѣдные соотечественники наши всѣхъ болѣе радовались, встрѣчая русскую княжну: теперь они могли надѣяться, что будетъ кому

попросить за нихъ государя, будетъ кому защитить ихъ отъ злыхъ литовцевъ.

Александръ встрѣтилъ Елену со всѣмъ дворомъ своимъ за три версты отъ Вильны. Невѣста и женихъ вмѣстѣ въѣхали въ столицу: онъ верхомъ, а она въ богато-украшенныхъ саняхъ. Великая княжна пріѣхала прямо въ греческую церковь и отслужила молебенъ. Здѣсь московскія боярыни, по старинному обыкновенію, расплели ей косу, надѣли на голову *кику* или кокошникъ съ покрываломъ, осыпали ее хмѣлемъ и повели въ церковь св. Станислава, гдѣ было вѣнчаніе. И русскіе, и литовцы долго веселились вмѣстѣ на богатыхъ пирахъ этой свадьбы, но не получили отъ нея тѣхъ выгодъ, какихъ ожидали; несогласія между Іоанномъ и зятемъ его почти не уменьшились, а чрезъ четыре года сдѣлались еще сильнѣе: Александръ вздумалъ принуждать всѣхъ русскихъ подданныхъ своихъ греческаго закона принимать вѣру латинскую. Знатнѣйшіе изъ нихъ князья и вельможи, владѣвшіе большими областями, не желая оставить своей вѣры, перешли въ подданство къ Іоанну со всѣми принадлежавшими имъ городами. Іоаннъ считалъ долгомъ вступиться за своихъ единовѣрцевъ, и посланное имъ войско безъ труда овладѣло всею литовскою или западною Русью, отъ нынѣшнихъ губерній Калужской и Тульской до Кіевской.

Такъ счастіе вездѣ было съ Іоанномъ, такъ успѣвалъ онъ во всѣхъ своихъ желаніяхъ, изъ которыхъ главнѣйшимъ было: дать новую жизнь Россіи. Вы видите, какъ счастливо это удалось ему! Никто не узналъ бы въ Іоанново время той Россіи, которая такъ униженно кланялась Батыю и Узбеку.

ДВА НАСЛѢДНИКА ПРЕСТОЛА.

ОТЪ 1498 ДО 1505 ГОДА.

(7 лѣтъ).

Іоаннъ, счастливый почти во всемъ, былъ несчастливъ только въ семействѣ своемъ. Отъ первой супруги былъ у него сынъ Іоаннъ, котораго для отличія отъ отца называли *Іоанномъ Младымъ.* Вы помните, что онъ женился на молдавской княжнѣ Еленѣ. Этотъ молодой князь, кроткій и ласковый ко всѣмъ, чрезъ два года послѣ свадьбы своей скончался. У него остался маленькій сынъ *Димитрій.* Іоаннъ сильно огорченъ былъ этою жестокою потерею и никто не могъ утѣшить его горести, кромѣ милаго внука, малютки Димитрія. Любовь его къ этому ребенку сдѣлалась такъ велика, что великая княгиня Софія начала досадовать: у ней были свои дѣти, и нѣжной, огорченной матери казалось, что супругъ ея менѣе любитъ ихъ съ тѣхъ поръ, какъ родился Димитрій. Она имѣла еще другую причину досадовать на этого мальчика: гордая царевна греческая думала, что старшій сынъ ея, *Василій,* имѣетъ болѣе правъ быть наслѣдникомъ престола отцовскаго, нежели *внукъ.* Это думала не она одна, но и многіе изъ бояръ, приверженныхъ къ ней. Между тѣмъ другіе находили, что по всей справедливости престолъ долженъ принадлежать *Димитрію,* сыну прежняго наслѣдника. Мать его, княгиня Елена, столько же гордая и честолюбивая, какъ Софія, старалась всѣми силами поддерживать это мнѣніе. Такимъ образомъ дворъ раздѣлился на двѣ стороны и каждый бояринъ былъ или другъ или врагъ той или другой княгини. Маленькіе князья, окруженные каждый своими, росли, не любя другъ друга. Іоаннъ, всегда занятый дѣлами государственными, не могъ обращать много вниманія на это семейное несогласіе и никогда не думалъ, чтобы оно могло сдѣлаться важнымъ до тѣхъ поръ, какъ уже Василію было двадцать лѣтъ. Въ это время вдругъ доносятъ ему, что нѣсколько молодыхъ людей, друзей Василія, согласились отравить ядомъ Димитрія, разгра-

бить казну княжескую и объявить государемъ своимъ — Василія. Гнѣвъ Іоанна былъ ужасенъ: всѣхъ заговорщиковъ наказали примѣрно и приставили стражу даже къ Василію, который, вѣроятно, не зналъ о намѣреніяхъ безразсудныхъ друзей своихъ, потому что былъ всегда почтителенъ къ отцу. Софію же съ того времени государь не хотѣлъ видѣть, подозрѣвая, что она болѣе всѣхъ желала отравить Димитрія, и чтобы наказать ее самымъ чувствительнымъ для нея образомъ, объявилъ всему народу наслѣдникомъ престола внука своего и назначилъ день его коронованія. Это было первое царское вѣнчаніе, подробно описанное въ нашей исторіи. Оно происходило въ Успенскомъ соборѣ 4-го февраля 1498 г., куда государь самъ привелъ молодого Димитрія. Митрополитъ и пять епископовъ встрѣтили ихъ со всѣмъ духовенствомъ и служили молебенъ. Посреди церкви сдѣлано было возвышеніе, на которомъ стояли три кресла. Послѣ молебна Іоаннъ и митрополитъ сѣли, но Димитрій стоялъ на возвышеніи. Тогда великій князь сказалъ: «Отецъ митрополитъ! предки наши, государи русскіе, давали великое княжество первымъ сынамъ своимъ: я также благословилъ имъ моего старшаго, Іоанна. Но по волѣ Божіей его не стало: благословляю теперь внука Димитрія, его сына, при себѣ и послѣ себя, великимъ княжествомъ владимірскимъ, московскимъ, новогородскимъ, — и ты, отецъ мой, дай ему благословеніе!» Митрополитъ всталъ, благословилъ Димитрія крестомъ, положилъ руку на его голову и громко молился, чтобы Богъ принялъ подъ святое покровительство свое новаго государя. Послѣ этой молитвы два архимандрита подали вѣнецъ и бармы Мономаха [1]). Митрополитъ, читая приличныя на этотъ случай молитвы, передалъ царскія утвари въ руки Іоанна, который надѣлъ то и другое на внука. Послѣ этого пѣли многолѣтіе обоимъ государямъ, и митрополитъ съ епископами и всѣмъ дворомъ поздравилъ дѣда и внука. Послѣ обѣдни повели Димитрія въ

---

[1]) *Бармы* значатъ родъ воротника съ оплечьями. Они вмѣстѣ съ вѣнцомъ были присланы Мономаху отъ царей греческихъ и съ того времени употребляются при коронованіи нашихъ государей.

вѣнцѣ и бармахъ въ соборъ Архангельскій. Тамъ, по старинному обыкновенію, его осыпали въ дверяхъ, въ знакъ богатства и изобилія, золотыми и серебряными деньгами. Въ тотъ день былъ великолѣпный пиръ у государя.

Вы вѣрно догадаетесь, мои читатели, что на этомъ праздникѣ всѣхъ довольнѣе и всѣхъ счастливѣе была великая княгиня Елена. Она достигла въ полной мѣрѣ своего желанія: пятнадцати-лѣтній сынъ ея—уже государь Россіи, и гордая Софія, вмѣстѣ съ блестящею надеждою своею—Василіемъ, окружена стражею и лишена даже радости видѣть супруга своего! Но непродолжительно было счастіе Елены. Уже въ самый день коронованія государь былъ не совсѣмъ веселъ: замѣтно было, что онъ грустилъ о супругѣ, съ которою былъ двадцать пять лѣтъ счастливъ, о сынѣ, котораго рожденіе всегда казалось ему особенною милостію Бога, ниспосланною на молитвы его. Приверженцы Димитрія догадывались о такомъ расположеніи Іоанна и, боясь перемѣны, не смѣли слишкомъ радоваться своему счастію. Прошелъ годъ—и эта страшная для нихъ перемѣна точно сдѣлалась: Іоаннъ узналъ, что доносы на Софію и Василія были несправедливы, и со всею строгостію осудилъ и казнилъ за то знатнѣйшихъ вельможъ, друзей великой княгини Елены.

Чрезъ шесть недѣль послѣ этого суда Іоаннъ объявилъ Василія *великимъ княземъ Новгорода и Пскова*, а чрезъ три года—*государемъ-наслѣдникомъ престола Всероссійскаго*. Въ тотъ же день отдано было приказаніе приставить къ Димитрію и матери его стражу. Итакъ, этотъ несчастный молодой князь, кроткій и добрый, какъ отецъ его, невинный въ честолюбивыхъ намѣреніяхъ матери, для того только съ такою пышностію вѣнчался на престолъ, чтобы еще живѣе чувствовать свое бѣдствіе! Елена скончалась отъ горести и тоски чрезъ два года послѣ своего заключенія, но сынъ ея жилъ еще нѣсколько лѣтъ и умеръ уже въ княженіе своего соперника—Василія.

Это семейственное огорченіе имѣло вліяніе на здоровье Іоанна, особенно съ того времени, какъ скончалась супруга его, княгиня Софія. Онъ примѣтно ослабѣвалъ, но всетаки не переставалъ неутомимо заниматься великими обя-

занностями государя. Напрасно зять его, литовскій князь Александръ, сдѣлавшійся послѣ смерти брата Альберта и королемъ польскимъ, и все еще не помирившійся съ тестемъ, думалъ воспользоваться его болѣзнію и прислалъ въ Москву пословъ требовать возвращенія завоеванныхъ Іоанномъ городовъ у Литвы. Іоаннъ, для котораго слава Россіи была дороже даже спокойствія милой дочери, страдавшей отъ несогласія отца съ супругомъ, не хотѣлъ слышать о требованіяхъ и предложеніяхъ Александра, и гордо сказалъ посламъ его: «Великій князь русскій никому не отдаетъ своего. Для истиннаго, прочнаго мира Александръ долженъ уступить мнѣ и Смоленскъ, и Кіевъ, также принадлежавшіе нѣкогда Россіи». Послѣ этого король польскій удостовѣрился въ невозможности помириться съ Іоанномъ такъ, какъ ему хотѣлось, и долженъ былъ исполнить желаніе великаго князя.

Такимъ образомъ Іоаннъ до конца жизни своей заботился о счастіи отечества нашего, и даже въ день смерти своей отдавалъ приказанія и говорилъ о дѣлахъ государственныхъ. Этотъ горестный для Россіи день былъ 27 октября 1505 года.

Исторія назвала Іоанна *Великимъ*. Обдумавъ все сдѣланное этимъ государемъ, мы должны согласиться, что такое названіе очень справедливо. Не однѣми побѣдами онъ заслужилъ его: зная, что счастіе народа не заключается въ одной славѣ его, Іоаннъ гораздо болѣе думалъ о хорошемъ управленіи своими подданными, нежели о распространеніи своихъ владѣній. Онъ приказалъ собрать всѣ законы и грамоты прежнихъ князей, разсмотрѣлъ, исправилъ и издалъ ихъ подъ названіемъ *Уложенія;* устроилъ лучшее войско, завелъ городскую исправу или полицію, почту, почтовые дворы, гдѣ всѣмъ проѣзжимъ давали не только лошадей, но даже пищу, если на то былъ приказъ государевъ; велѣлъ исправлять дороги; не терпѣлъ нетрезвости. Однимъ словомъ, Іоаннъ заботился о всѣхъ своихъ подданныхъ, и за то самые отдаленные потомки ихъ должны чувствовать вѣчную благодарность къ этому великому государю, къ этому незабвенному освободителю Россіи отъ власти варваровъ, *двѣсти пятьдесятъ лѣтъ* ее угнетавшихъ.

Семейство великаго князя Іоанна III Васильевича.

Супруги: 1) *Марія* Борисовна, княжна тверская. 2) *Софія,* царевна греческая.

Сыновья: a) Іоаннъ, умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. b) Василій наслѣдовалъ престолъ послѣ отца. c) Юрій. d) Симеонъ. e) Андрей. f) Борисъ.

Дочери: g) Елена, была въ супружествѣ за великимъ княземъ Литовскимъ, Александромъ. h) Ѳеодосія—за княземъ Василіемъ Даніиловичемъ Холмскимъ. i) Елена, умерла въ дѣтствѣ.

ПОКОРЕНІЕ ПСКОВА И СОВЕРШЕННОЕ УНИЧТОЖЕНІЕ УДѢЛОВЪ.

отъ 1505 до 1523 года.

(18 лѣтъ).

Василій Іоанновичъ, сдѣлавшись наслѣдникомъ знаменитаго отца своего, старался во всемъ подражать ему, и хотя не имѣлъ отъ природы великихъ способностей его, но усердныя старанія никогда не остаются напрасны: исторія называетъ Василія IV достойнымъ сыномъ Іоанна III.

Первое важное дѣло его, о которомъ надобно разсказать читателямъ, было покореніе *Пскова*. Вы знаете, что во Псковѣ было такое же народное правленіе, какъ и въ Новгородѣ. Псковъ назывался даже *братомъ* его, прежде *младшимъ,* а потомъ за оказанныя услуги Новгороду—*равнымъ.* Законы, вѣче, посадники, однимъ словомъ, всѣ учрежденія псковитянъ были такія же, какъ у новгородцевъ. Псковитяне отличались только тѣмъ отъ братьевъ своихъ, что не были такъ горды, дерзки, своевольны и за то долѣе ихъ наслаждались своею свободою. Іоаннъ III хотя посылалъ и къ нимъ своихъ намѣстниковъ, но приказалъ управлять ими не иначе, какъ по ихъ собственнымъ законамъ. И такъ, къ досадѣ новгородцевъ, во Псковѣ все еще раздавался звонъ вѣчевого колокола и жители все еще сходились на шумныя собранія свои. Но это было недолго: на одномъ

изъ такихъ собраній земледѣльцы объявили, что не хотятъ платить дани гражданамъ. Ихъ хотѣли принудить къ тому силою, и при этомъ случаѣ всѣ перессорились такъ, что намѣстникъ долженъ былъ прибѣгнуть къ великому князю.

Василій, видя явное доказательство того, какія несчастія терпитъ народъ отъ излишней свободы, которою никогда не умѣетъ пользоваться, рѣшился навсегда уничтожить ее во Псковѣ, какъ отецъ его уничтожилъ ее въ Новгородѣ.

Это было въ январѣ мѣсяцѣ 1510 года. Молодой государь, недовольный псковитянами, поѣхалъ разбирать ссоры ихъ не во Псковъ, но въ Новгородъ, куда пріѣхало къ нему многочисленное посольство псковское, состоявшее изъ семидесяти знатнѣйшихъ бояръ. Разбирательство кончилось тѣмъ, что всѣхъ ихъ посадили подъ стражу и объявили, что великій князь, недовольный дерзостью ихъ противъ намѣстника его и несправедливостію противъ народа, требуетъ, чтобы они уничтожили свое вѣче и приняли государевыхъ намѣстниковъ не только въ Псковъ, но и во всѣ города свои. Въ такомъ случаѣ онъ проститъ ихъ и пріѣдетъ къ нимъ помолиться св. Троицѣ [1]).

Псковскіе бояре, и чувствуя вину свою, и не надѣясь имѣть столько силъ, чтобы противиться великому князю, съ горестію согласились исполнить волю его и писали во Псковъ, прося весь народъ сдѣлалъ то же.

Такая просьба привела въ ужасное уныніе Псковъ: *вольные люди* (какъ называли себя псковитяне), узнавъ о согласіи первыхъ бояръ своихъ, лишились всякой надежды сохранить свободу свою, и на другой день съ неописанною печалью, съ горькими слезами, сошлись въ послѣдній разъ на звукъ своего колокола и объявили послу великокняжескому, что покоряются волѣ государя.

Посолъ въ тотъ же день отправился къ великому князю, который вскорѣ потомъ пріѣхалъ во Псковъ, учредилъ въ немъ совсѣмъ новый порядокъ, опредѣлилъ новыхъ чиновниковъ, принялъ присягу въ вѣрности всѣхъ жите-

---

[1]) Во Псковѣ главною церковью былъ соборъ св. Троицы. Онъ существуетъ и теперь.

лей, заложилъ новую церковь во имя св. Ксеніи [1]), отправилъ триста семействъ знатныхъ псковитянъ въ Москву, а на мѣсто ихъ велѣлъ перевесть туда столько же изъ другихъ городовъ и, устроивъ все, уѣхалъ чрезъ мѣсяцъ въ столицу. Вскорѣ послѣ отъѣзда его повезли туда же и вѣчевой колоколъ псковитянъ, которые, чувствуя пользу новаго правленія, уже менѣе жалѣли о немъ, нежели въ ту минуту, когда спускали его съ колокольни.

Въ то самое время, какъ Василій занимался дѣлами Пскова, на него сбирались враги съ двухъ сторонъ. Первые изъ нихъ были *литовцы*, эти всегдашніе непріятели нашего отечества; вторые *крымцы*. Помня добраго Менгли-Гирея, вѣрнаго союзника Іоанна III, конечно, читатели удивятся, что подданные его вдругъ вздумали ссориться съ русскими? Но въ этомъ виноваты также литовцы. Князя ихъ Александра уже давно не было на свѣтѣ: наслѣдникомъ Литвы и Польши былъ братъ его *Сигизмундъ*, который еще болѣе Александра вредилъ Россіи. Онъ-то поссорилъ насъ съ Менгли-Гиреемъ, или, лучше сказать, съ молодыми и смѣлыми сыновьями его, Ахматомъ и Бурнашъ-Гиреями, которые по своей волѣ управляли старымъ отцомъ своимъ: онъ былъ уже такъ слабъ и дряхлъ, что никто не узнавалъ въ немъ прежняго храбраго, умнаго и благороднаго Менгли-Гирея. Сигизмундъ обѣщалъ имъ платить каждый годъ 15,000 червонцевъ, если они нападутъ вмѣстѣ съ нимъ на наши области. Молодые царевичи, именемъ отца, согласились на это предложеніе и исполнили желаніе Сигизмунда, который, ненавидя русскихъ, какъ литовецъ, имѣлъ еще другую причину сердиться на великаго князя: Василій милостиво принялъ къ себѣ одного изъ знаменитѣйшихъ вельможъ литовскихъ, измѣнившаго королю своему,—князя Михаила Глинскаго съ братьями, и не только отказалъ Сигизмунду выдать ихъ, но даже далъ имъ у себя цѣлые города въ помѣстья. Вотъ эти Глинскіе,—и особенно Михаилъ,—много помо-

[1]) Память святой Ксеніи праздновалась въ тотъ день, когда уничтожилась вольность Пскова.

гали великому князю въ войнѣ съ Сигизмундомъ: кромѣ того, что съ ними выѣхало въ Россію много пановъ и дворянъ литовскихъ, они нанимали искусныхъ воиновъ для Василія даже въ Богеміи и Германіи, и съ этою помощію война шла такъ счастливо для великаго князя, что ему удалось даже возратить въ свое владѣніе Смоленскъ, бывшій сто десять лѣтъ подъ властію Литвы.

Вы не можете представить себѣ, какъ обрадовались жители Смоленска тому, что присоединились опять къ старинному своему отечеству! Хотя въ теченіе ста лѣтъ они поневолѣ уже переняли многое у своихъ завоевателей, но все еще твердо помнили, что они русскіе, и любили Россію какъ милую мать, съ которою литовцы разлучили ихъ. Эта любовь, не менѣе Михаила Глинскаго, помогла Василію овладѣть Смоленскомъ; Михаилъ же показывалъ такое усердіе недаромъ: онъ думалъ, что великій князь, изъ благодарности къ его заслугамъ, сдѣлаетъ его владѣтельнымъ княземъ Смоленска, но ошибся. Великій князь не любилъ Михаила и никакъ не согласился отдать ему этотъ городъ. Да и какъ можно было отдать? Если уже онъ измѣнилъ отечеству, то Россіи могъ бы измѣнить еще скорѣе. Такъ и сдѣлалось: обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, онъ тотчасъ перешелъ опять на сторону Сигизмунда и надѣлалъ бы много хлопотъ, еслибы воеводы наши не поймали его. По приказанію Василія его сковали и отвезли въ Москву.

Между тѣмъ въ 1515 году умеръ Менгли-Гирей. Сынъ и наслѣдникъ его, Магметъ-Гирей, не имѣвшій никакихъ достоинствъ отца, попеременно былъ союзникомъ то русскаго, то литовскаго государя, смотря по тому, кто изъ нихъ болѣе давалъ ему денегъ. Однажды Магметъ, получивъ отъ Сигизмунда огромную сумму, ворвался съ своими крымцами въ Россію и едва было не напомнилъ ей временъ Батыя и Тохтамыша!

Наконецъ вотъ что нѣсколько усмирило крымскаго хана: услышавъ, что въ Москву пріѣхалъ посолъ изъ Константинополя и привезъ великому князю ласковое письмо отъ знаменитаго и страшнаго для всей Европы турецкаго султана *Солимана*, Магметъ-Гирей испугался, чтобы онъ не

вступился за русскихъ, и на нѣкоторое время отложилъ свои нападенія на наши области.

Сигизмундъ также боялся сосѣда своего, опаснаго Солимана, и уже, не споря о Смоленскѣ, заключилъ съ великимъ княземъ миръ на пять лѣтъ.

Пользуясь этимъ спокойствіемъ, Василій Іоанновичъ спѣшилъ исполнить намѣреніе великаго отца своего и свое собственное: спѣшилъ совершенно уничтожить удѣлы. Правда, ихъ оставалось уже очень немного: главнымъ было—княжество *Рязанское* и другое—*Сѣверское.* Молодой рязанскій князь Іоаннъ первый подалъ поводъ Василію исполнить это намѣреніе: онъ такъ подружился съ дерзкимъ ханомъ крымскимъ, Магметомъ, что хотѣлъ жениться на его дочери и объявилъ себя совсѣмъ независимымъ отъ великаго князя. Государь узналъ это и считалъ долгомъ своимъ наказать замыслы, вредные для отечества: Рязань была взята въ совершенное владѣніе великаго князя, а Іоаннъ посаженъ въ темницу, откуда убѣжалъ въ Литву и тамъ скончался.

Окончивъ безъ всякаго кровопролитія покореніе важнаго княжества Рязанскаго, болѣе 400 лѣтъ бывшаго отдѣльнымъ и независимымъ, Василію еще легче было присоединить къ своей коронѣ Сѣверское. Княземъ его былъ *Василій Шемякинъ,* внукъ того Димитрія Шемяки, котораго вы, вѣрно, помните. Будучи смѣлъ, гордъ, непримиримъ, онъ напоминалъ собою дѣда своего и много безпокоилъ великаго князя: нѣсколько разъ Василій подозрѣвалъ его въ дружбѣ съ Литвою, и наконецъ въ 1523 году открылъ переписку его съ Сигизмундомъ. Князь Шемякинъ былъ заключенъ въ темницу, гдѣ и умеръ.

Такъ навсегда кончились удѣлы въ Россіи! такъ соединились всѣ части ея въ одно *цѣлое;* такъ это *цѣлое* стало зависѣть уже не отъ мелочныхъ требованій *нѣсколькихъ* владѣтелей, но отъ высокой, самодержавной и неизмѣнной воли *одного* государя!

НРАВЫ И ОБЫЧАИ РУССКИХЪ ПРИ ВАСИЛІИ IV.

отъ 1523 до 1533 года.

(10 лѣтъ).

Пріятно знать не только о важныхъ дѣлахъ тѣхъ людей, которыхъ мы любимъ, какъ предковъ своихъ, напримѣръ о ихъ походахъ, побѣдахъ, завоеваніяхъ, но даже и о самыхъ обыкновенныхъ: о томъ, что дѣлали они въ домашнемъ кругу своемъ, какъ они веселились, какъ показывали печаль свою, какъ угощали друзей своихъ; даже мнѣ бы хотѣлось знать, какое платье они носили, какія кушанья подавали на обѣдахъ ихъ, о чемъ разговаривали они во время этихъ обѣдовъ. Я увѣрена, что и читатели мои точно такъ же любопытны, какъ я, и имъ также хочется узнать все это. Очень рада, друзья мои, и постараюсь выбрать изъ исторіи самыя занимательныя для васъ описанія нравовъ и обыкновеній нашихъ добрыхъ предковъ. И какъ кстати мы остановились теперь на томъ самомъ времени, какъ Василій IV, уже самодержавный государь Россіи, усмиривъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ отечества нашего, праздновалъ въ 1526 году вторую свадьбу свою. Для маленькихъ охотниковъ до веселостей и всѣхъ происшествій, не совсѣмъ обыкновенныхъ, вѣрно всего пріятнѣе будетъ, если я начну разсказъ мой нѣсколькими словами о томъ великомъ веселіи, какое было тогда на Руси.

Но если вы думаете, что тогдашніе свадебные праздники и угощеніе походили на нынѣшніе, то очень ошибаетесь. Напримѣръ, сказать ли вамъ, что̀ разносили гостямъ на свадьбѣ Василія Іоанновича вмѣсто нашихъ нынѣшнихъ затѣйливыхъ, можно сказать даже великолѣпныхъ, конфектъ? Калачи, *перепечу* [1]) и сыры! а вмѣсто вина шампанскаго въ нашихъ прекрасныхъ бокалахъ изъ граненаго хрусталя подавали романею [2]), рейнское, но еще

---

[1]) *Перепеча*—сдобное пирожное особенной формы, съ гранью, похожею на ананасную.

[2]) *Романеею* называлось бургонское вино.

болѣе—медъ и пиво въ большихъ золотыхъ и серебряныхъ кубкахъ или ковшахъ.

Хотите ли знать, какъ одѣтъ былъ государь-женихъ? О! совсѣмъ не такъ, какъ одѣваются теперь. На немъ былъ бархатный, золотой *кожухъ* или *тулупъ* на собольемъ мѣху, да шуба русская соболья, крытая бархатомъ золотымъ. Полы этой шубы *закинуты были назадъ за плеча.* Поясъ былъ кованый золотой, шапка—горлатная изъ черныхъ лисицъ.

Нарядъ невѣсты также вовсе не походилъ на то платье, какое она надѣваетъ у насъ теперь. Русскія дѣвицы встарину не носили на головѣ никакого другого убора, кромѣ широкой повязки, похожей на ту, въ какой вѣрно многія изъ маленькихъ читательницъ моихъ пляшутъ по-русски. Въ такой повязкѣ верхъ головы оставался открытымъ, а волосы заплетались въ косу, которая спускалась по спинѣ. Къ концу косы старинной княжны, боярышни или простой дѣвушки русской привязывался *косникъ* или треугольникъ изъ картузной бумаги, который обвивался шелковою матеріею, а у богатыхъ украшался жемчугомъ и дорогими каменьями. Косу старались плесть такъ широко, чтобы она закрывала всю шею отъ самыхъ ушей, и постепенно съуживалась до косника. У невѣстъ косы были распущены, и въ церкви, послѣ вѣнчанія, имъ заплетали двѣ косы, надѣвали кокошникъ и покрывали *фатою* [1]). Платье, которое называлось ферязью или *сарафаномъ,* спереди до подола, также рукава аршина въ три и стоячій воротникъ, пальца въ три, унизывались крупнымъ жемчугомъ.

Вотъ какъ богато одѣта была невѣста Василія IV, Елена, молодая княжна Глинская, племянница того Михаила Глинскаго, который прослылъ въ исторіи измѣнникомъ сперва своему природному государю, потомъ—русскому. Вы помните, читатели мои, что за эту послѣднюю измѣну онъ посаженъ былъ въ темницу и получилъ совершенное прощеніе только тогда, какъ великій князь сдѣлался супругомъ его племянницы.

Имѣя теперь нѣкоторое понятіе о праздникахъ и одеждѣ предковъ нашихъ, мы поговоримъ о другихъ обыкновеніяхъ

---

[1]) *Фата* походила на то, что мы называемъ теперь вуаль.

ихъ. Всѣ они—и знатные бояре, и бѣдные дворяне, казалось, были спѣсивы. Къ боярамъ никто не смѣлъ въѣзжать на дворъ: надобно было оставлять лошадей у воротъ. Дворяне стыдились ходить пѣшкомъ и мало знакомились съ мѣщанами.

Гость, входя въ комнату, прежде всего молился образамъ и потомъ уже подходилъ къ хозяину, цѣловался съ нимъ и говорилъ: «*дай Богъ тебѣ здоровья!*» Тутъ начинались взаимные поклоны, послѣ которыхъ гость и хозяинъ садились и разговаривали. Когда гость уходилъ, хозяинъ провожалъ его до крыльца, а иногда и до самыхъ воротъ.

Молодыя женщины почти всегда сидѣли дома, даже въ церковь рѣдко ходили. Главное рукодѣлье ихъ было— прясть и шить; главная забава — качаться на качеляхъ. Русскіе вообще очень любили и любятъ до сихъ поръ качели: мы видимъ это и теперь на Святой недѣли.

Къ чужеземцамъ предки наши были гораздо горделивѣе насъ; даже послы ихъ жаловались на ту важность, съ которою ихъ принимали въ Россіи. Когда иностранный посолъ объявлялъ о себѣ въ первомъ русскомъ городѣ намѣстнику государеву, то ему дѣлали множество вопросовъ: «Изъ какой земли? отъ кого онъ ѣдетъ? знатный ли человѣкъ? бывалъ ли прежде въ Россіи? говорилъ ли нашимъ языкомъ?» Замѣтьте этотъ послѣдній вопросъ, дѣти; онъ доказываетъ, что предки наши только по необходимости говорили чужимъ языкомъ и всегда предпочитали свой собственный всякому другому.

Не подумайте, однакожъ, чтобы предки наши, любя все отечественное, обходились дурно съ иностранцами. Нѣтъ! они всегда уважали добрыхъ и умныхъ изъ нихъ, старались перенимать у нихъ всѣ полезныя знанія, и государи наши, особенно Іоаннъ III и Василій IV, даже приглашали многихъ чужеземныхъ художниковъ и ремесленниковъ переселяться къ намъ въ Москву. Такимъ образомъ у насъ были и тогда уже иностранные зодчіе или архитекторы, денежники [1]), слесари и даже живописцы, которые списывали портреты. Всѣ они жили весело и богато въ

---

[1]) Люди, дѣлавшіе деньги.

нашей гостепріимной Москвѣ и обучали русскихъ тому, что знали сами. Однакожъ надобно признаться, что не всѣ иностранцы приносили пользу отечеству нашему: иные изъ нихъ вредили ему и не всегда были благодарны Россіи, въ которой почти всегда обогащались.

Возвращаясь къ описанію нравовъ предковъ нашихъ, скажемъ, что главною чертою ихъ характера была набожность, усердіе къ вѣрѣ и привязанность къ монашеству. Почти всѣ они желали умереть въ *ангельскомъ образѣ*. Такъ называли они *постриженіе* и *принятіе схимы*, и тѣ, которые не успѣвали постричься за нѣсколько лѣтъ до смерти, старались сдѣлать это по крайней мѣрѣ за нѣсколько часовъ. Это случилось и при кончинѣ великаго князя Василія IV, котораго жизнь неожиданно прекратилась на 54 году. Онъ почти никогда не чувствовалъ никакихъ болѣзней, любилъ дѣятельность и движеніе, былъ всегда веселъ и счастливъ, особенно со времени рожденія сына своего, будущаго грознаго государя Россіи Іоанна IV, тогда еще трехлѣтняго мальчика.

Въ 1533 году великій князь праздновалъ день св. Сергія 25-го сентября, въ Троицкой лаврѣ, вмѣстѣ съ супругою и дѣтьми. Въ то же время онъ благодарилъ Бога за избавленіе отъ непріятелей, крымскихъ татаръ, сдѣлавшихъ опять набѣгъ на наши владѣнія. Въ тотъ же день великій князь ѣздилъ на охоту и занемогъ такою болѣзнью, которая сначала совсѣмъ не казалась опасною: у него сдѣлался вередъ на лѣвой ногѣ; но этотъ вередъ такъ разболѣлся, что чрезъ два мѣсяца причинилъ смерть его. 21-го ноября въѣхалъ онъ въ Москву шагомъ, въ саняхъ, на постели и скрытно, чтобы не встревожить народъ, горячо любившій его. Какъ скоро внесли его во дворецъ Кремлевскій, онъ тотчасъ созвалъ бояръ и приказалъ имъ писать духовную, въ которой объявилъ трехлѣтняго сына своего Іоанна наслѣдникомъ государства, подъ опекою матери и бояръ до пятнадцати-лѣтняго возраста; назначилъ удѣлъ меньшему сыну Юрію; просилъ братьевъ своихъ, Юрія и Андрея, не забыть обѣщанія ихъ, служить вѣрно племяннику; устроилъ многія дѣла государственныя и церковныя; однимъ словомъ, не забылъ

ничего, что касалось спокойствія его подданныхъ и отечества. Исполнивъ эту обязанность государя, онъ послалъ за супругою и дѣтьми. Малютку Іоанна принесъ на рукахъ братъ матери его, князь Иванъ Глинскій. Умирающій отецъ благословилъ его крестомъ св. Петра митрополита. Дитя не плакало: оно не понимало еще, кого лишалось! Но зато нельзя было видѣть безъ слезъ отчаянія великой княгини: ее вынесли на рукахъ изъ спальни государя.

Разставшись съ супругою, Василій Іоанновичъ уже ни о чемъ болѣе не думалъ, какъ о Богѣ и душѣ своей. Онъ тотчасъ сказалъ духовнику своему, протоіерею Алексію: «Не похороните меня въ бѣлой одеждѣ: я не останусь въ мірѣ, если я выздоровлю». Это значило: «постригите меня въ монахи». Алексій, митрополитъ Даніилъ и все бывшее тутъ духовенство радовались такому желанію государя, но князья, братья Василія, и нѣкоторые изъ вельможъ противились этому: они говорили, что ни св. Владиміръ, ни Димитрій Донской не были монахи, но, вѣрно, заслужили вѣчное блаженство. Долго они спорили и шумѣли; между тѣмъ взоры великаго князя темнѣли, языкъ едва произносилъ шопотомъ молитвы; рука не могла сдѣлать креста. Замѣтивъ это, огорченные князья забыли споръ свой, и митрополитъ, пользуясь ихъ безмолвною печалію, самъ постригъ государя, названнаго въ монашествѣ *Варлаамомъ*. Едва успѣлъ онъ кончить этотъ обрядъ и положить Евангеліе на грудь умирающаго, Василій скончался. Всѣ зарыдали, и этотъ плачъ семейства и первыхъ вельможъ государевыхъ въ ту же минуту перешелъ на улицы дворцовыя, гдѣ толпился огорченный народъ, и тотчасъ распространился до Красной площади. Василія называли *добрымъ, ласковымъ* государемъ, и потому неудивительно, что смерть его была такъ горестна для всѣхъ.

Во все двадцатисеми-лѣтнее княженіе свое онъ *судилъ* и *рядилъ землю,* т. е. занимался дѣлами государственными, всякое утро до самаго обѣда; любилъ сельскую жизнь и почти всегда проводилъ лѣто не въ Москвѣ, а въ окрестностяхъ ея; часто ѣздилъ на охоту въ Можайскъ и Волоколамскъ; но и тамъ даже, не любя терять время на-

прасно или на одни веселости, занимался дѣлами и иногда принималъ пословъ чужеземныхъ. Онъ первый началъ ѣздить на охоту съ собаками: прежде русскіе считали этихъ животныхъ нечистыми и не любили ихъ.

Василій IV прибавилъ къ двору своему новыхъ чиновниковъ: *оружничаго*, у котораго хранились оружія; *ловчихъ*, завѣдывавшихъ охотою; *крайчаго*, подававшаго при столѣ питье государю, и *рындъ*. Крайчій значилъ то же, что теперь *оберъ-шенкъ;* а *рынды*—были оруженосцы или родъ пажей. Въ эту должность выбирали молодыхъ людей, красивыхъ лицомъ и стройныхъ станомъ, изъ знатныхъ фамилій. Они носили бѣлое атласное платье, держали въ рукахъ маленькіе серебряные топорики и всегда шли впереди великаго князя, когда онъ выходилъ къ народу. Василій любилъ пышность, когда она нужна, и особенно показывалъ ее во время пріема чужестранныхъ пословъ, чтобы они видѣли и богатство, и славу государства его. Въ тотъ день, когда они представлялись, приказано было запирать всѣ лавки и останавливать всѣ дѣла и работы. Чиновники выходили на встрѣчу посламъ: купцы и мѣщане, ничѣмъ не занятые, спѣшили толпами къ Кремлевскому дворцу. Войско, которое уже со временъ Іоанна III не распускалось по домамъ, какъ прежде, стояло въ ружьѣ. Въ пріемной комнатѣ все было тихо. Государь сидѣлъ на тронѣ: подлѣ него, на стѣнѣ, висѣлъ образъ: бояре сидѣли на скамьяхъ, въ платьѣ, вышитомъ жемчугомъ, и въ высокихъ шапкахъ изъ дорогихъ мѣховъ. Однимъ словомъ, все было важно, величественно, пышно, все показывало знаменитость государя, самодержавную власть его надъ народомъ, богатство этого народа и безпредѣльную преданность его къ своему повелителю. Болѣе всего удивляла пословъ эта преданность. Пламенное усердіе русскихъ къ доброму государю, отцу ихъ, казалось такъ непонятно для хладнокровныхъ сердецъ чужеземныхъ гостей, что одинъ изъ посланниковъ, баронъ Герберштейнъ, разсказывалъ объ этой преданности, какъ о чудѣ, своимъ соотечественникамъ. Послушайте, какъ онъ говоритъ: «Русскіе увѣрены, что великій князь есть исполнитель воли небесной. Обыкновенныя слова ихъ: «*такъ угодно Богу и государю;*

это знаетъ Богъ и государь!» Усердіе этихъ людей невѣроятно. Я видѣлъ одного изъ знатныхъ великокняжескихъ чиновниковъ, бывшаго посломъ въ Испаніи, сѣдого старика, который, встрѣтивъ насъ при въѣздѣ въ Москву, скакалъ верхомъ, суетился, бѣгалъ какъ молодой человѣкъ, потъ градомъ лилъ съ его лица. Когда я изъявилъ ему свое удивленіе, онъ громко сказалъ: «*Ахъ, господинъ баронъ! мы служимъ государю не по вашему!*»

Не правда ли, милые читатели, что вамъ очень понравился этотъ прекрасный отвѣтъ? Не правда ли, что баронъ Герберштейнъ, побывавъ въ нашемъ Петербургѣ, могъ бы сказать точно то же и о насъ русскихъ XIX столѣтія, что онъ сказалъ о русскихъ XVI вѣка? Въ этомъ священномъ случаѣ мы будемъ вѣчно тѣ же, и какое бы платье ни носили, какія бы обыкновенія ни приняли, любовь къ государю, это святое, сладостное чувство русскаго, будетъ всегда чисто, цѣло, неизмѣнно въ сердцахъ нашихъ!

Семейство великаго князя Василія IV Іоанновича.

Супруга: 1) *Соломонія* Юрьевна, дочь дворянина Сабурова. 2) Княжна *Елена* Васильевна Глинская.

Сыновья: a) Іоаннъ, наслѣдовалъ престолъ. b) Юрій.

РЕГЕНТСТВО ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛЕНЫ.

отъ 1533 до 1538 года.

(5 лѣтъ).

Никогда Россія не была въ такомъ ненадежномъ состояніи, какъ послѣ смерти Василія IV: государемъ ея былъ трехлѣтній ребенокъ: опекуншею его и правительницею государства—молодая княгиня изъ народа литовскаго, всегда ненавидѣвшаго Россію, изъ семейства *Глинскихъ,* памятныхъ измѣнами и непостоянствомъ. Правда, что въ духовной покойнаго великаго князя ей приказано было управлять государствомъ не одной, но съ Думою бояр-

скою, т. е. государственнымъ совѣтомъ, состоявшимъ изъ братьевъ Василія Іоанновича и двадцати знаменитыхъ бояръ. Но такъ приказано было, однакожъ такъ не исполнялось. Главнымъ бояриномъ въ Думѣ государственной, не смотря на многихъ старыхъ и почтенныхъ князей, былъ молодой князь Иванъ Ѳедоровичъ Телепневъ-Оболенскій, имѣвшій знатный чинъ *конюшаго боярина.* Его одного слушалась правительница; ему одному позволяла дѣлать все, что̀ онъ находилъ нужнымъ для государства. Власть его была такъ велика, что даже родной дядя Елены, князь Михаилъ Глинскій, былъ посаженъ въ темницу и вскорѣ потомъ умерщвленъ въ ней за то только, что осмѣлился сказать племянницѣ, какъ она дурно исполняла обязанности правительницы и матери государя!

Послѣ такой жестокости Елены съ ближайшимъ родственникомъ своимъ, вы можете судить, милыя дѣти, что̀ было съ другими совѣтниками Думы! Они не смѣли разсуждать сами ни о чемъ, но должны были только исполнять то, чего желалъ князь Телепневъ. Такъ съ самаго начала его правленія ему показался опаснымъ старшій дядя маленькаго государя, князь Юрій Іоанновичъ, и, по приказанію Елены, бѣдный князь былъ посаженъ въ темницу и чрезъ нѣсколько времени умеръ въ ней отъ голода! Такъ потомъ избалованный любимецъ началъ бояться замысловъ меньшого брата его, князя Андрея Іоанновича, и успѣлъ погубить и послѣдняго дядю государева! Къ супругѣ и сыну этого несчастнаго князя приставили стражу, а бояръ и всѣхъ вѣрныхъ слугъ его мучили и умерщвляли безъ всякой пощады; дѣтей же боярскихъ, числомъ около тридцати, которые вздумали было защищать Андрея, повѣсили какъ измѣнниковъ на дорогѣ новгородской. Богъ знаетъ, до чего дошли бы ужасы правленія Елены, еслибы оно было продолжительнѣе; но чрезъ четыре года она вдругъ совсѣмъ неожиданно скончалась въ цвѣтущей молодости. Многіе подозрѣвали, что она умерла не своею смертью. Такое подозрѣніе было неудивительно, судя по жестокостямъ, обыкновеннымъ въ то время. Но, не чувствуя никакой любви къ Еленѣ, ни бояре, ни народъ не отыскали злодѣевъ, сдѣлавшихъ это преступленіе, и даже не показали

никакой печали при погребеніи этой слабой и несчастной государыни. Только маленькій великій князь и Телепневъ неутѣшно плакали: первый—лишился матери, послѣдній—предчувствовалъ, что владычество его кончилось.

ДѢТСТВО И ПЕРВАЯ МОЛОДОСТЬ ІОАННА IV.

отъ 1538 до 1546 года.

(8 лѣтъ).

Изъ всѣхъ людей, которыхъ вы знаете, дѣти, никто не любитъ васъ такъ нѣжно, какъ ваши родители. Съ какою заботливостію стараются они сдѣлать васъ добрыми, умными, любезными! Какъ веселятъ ихъ малѣйшіе успѣхи ваши! Какъ огорчаютъ недостатки! Ничѣмъ нельзя болѣе обрадовать ихъ, какъ сказавъ: «Какія добрыя дѣти у васъ! Какъ они хорошо занимаются ученьемъ своимъ! Какъ хорошо ведутъ себя во всемъ! Вы очень, очень счастливы!» Слушая это, всѣ родители чувствуютъ себя, точно, счастливыми и вознагражденными за всѣ тѣ безчисленныя попеченія и заботы, какихъ стоитъ для нихъ воспитаніе дѣтей. Эти попеченія и заботы въ самомъ дѣлѣ безчисленны. Вспомните все то, что они дѣлаютъ для васъ каждый день, и вы сами поймете, что чужой человѣкъ никогда не вздумаетъ, никогда не догадается и даже никогда не захочетъ сдѣлать такъ много. Стало быть, потерять родителей есть такое несчастіе для ребенка, которое не можетъ сравниться ни съ какимъ другимъ. Почти никогда, или очень рѣдко, встрѣтитъ онъ людей, которые могли бы въ полной мѣрѣ замѣнить его потерю. Іоаннъ IV даже и на тронѣ не нашелъ такихъ! О! какъ вы пожалѣете объ этомъ маленькомъ государѣ, когда узнаете, что было съ нимъ послѣ смерти матери!

Правленіе осталось тогда въ рукахъ думы боярской, или, лучше сказать, въ рукахъ тѣхъ бояръ, которые, будучи смѣлѣе другихъ, присвоили себѣ власть надъ всѣми.

То были князья *Шуйскіе,* потомки князей суздальскихъ, всегда ненавидѣвшіе великихъ князей за уничтоженіе удѣловъ. Главнымъ изъ нихъ былъ князь Василій Васильевичъ. Преклонивъ къ себѣ разными средствами многихъ бояръ и сановниковъ, онъ объявилъ себя въ самый день кончины Елены *главнымъ* въ правленіи, и чрезъ недѣлю велѣлъ схватить князя Телепнева и сестру его, боярыню Агриппину, которая была любимою надзирательницею при маленькомъ Іоаннѣ. Ни просьбы, ни слезы бѣднаго малютки-государя не спасли любимцевъ его, и перваго Шуйскій уморилъ голодомъ въ темницѣ, вторую сослалъ въ небольшой городъ Каргополь и велѣлъ постричь въ монахини. Чтобъ еще надежнѣе утвердить власть свою, онъ постарался сдѣлаться родственникомъ государя и жениться на двоюродной сестрѣ его. Но, не смотря на все это, Богъ не допустилъ его долго управлять Россіею, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ занемогъ и умеръ, оставивъ всю власть въ рукахъ родного брата своего, князя Ивана Васильевича Шуйскаго. Бѣдное отечество наше терпѣло еще болѣе при этомъ новомъ правителѣ: онъ не имѣлъ никакихъ хорошихъ качествъ и былъ золъ, гордъ и дерзокъ не только противъ бояръ, но даже противъ самого государя, который и въ дѣтскомъ возрастѣ долженъ быть предметомъ глубокаго уваженія для подданныхъ. Обращеніе Шуйскаго совсѣмъ не показывало того: во всѣхъ поступкахъ его примѣтно было, что онъ считалъ себя гораздо важнѣе маленькаго Іоанна. Кромѣ того, онъ былъ такъ жаденъ, что бралъ изъ казны великокняжеской множество золота, приказывалъ дѣлать изъ него разную посуду для себя и вырѣзывать на ней имена своихъ предковъ. Всѣ важныя должности и выгодныя мѣста онъ раздавалъ родственникамъ и друзьямъ своимъ, которые безъ милосердія разоряли ввѣренныя имъ области. При такомъ нравѣ и при такихъ распоряженіяхъ главнаго вельможи и правителя государства, читатели могутъ представить себѣ, каково было воспитаніе Іоанна! Ни онъ, ни помощники его—три другіе князя Шуйскіе, Иванъ и Андрей Михайловичи и Ѳедоръ Ивановичъ Скопинъ-Шуйскій,—совсѣмъ не думали, что счастіе всего народа зави-

ситъ отъ качествъ сердца и ума его государя. Напротивъ того, они разсуждали, что всего выгоднѣе для нихъ самихъ было бы то, еслибъ Іоаннъ и въ совершенномъ возрастѣ не входилъ ни въ какія дѣла и предоставилъ бы имъ управлять государствомъ, и для того рѣшились воспитать его такъ, чтобы онъ не любилъ никакихъ занятій и думалъ объ однихъ забавахъ и удовольствіяхъ. Къ тому же, исполняя всѣ дѣтскія желанія великаго князя, они надѣялись, что онъ ни къ кому не будетъ такъ привязанъ, какъ къ Шуйскимъ. Итакъ, эти гордые, самолюбивые, жестокіе бояре, думавшіе только о себѣ, а не о своемъ бѣдномъ отечествѣ, каждый день забавляли маленькаго государя то новыми играми во дворцѣ, то разнаго рода охотою въ полѣ. Охота, во время которой люди съ такимъ веселіемъ убиваютъ невинныхъ животныхъ, располагаетъ сердце къ жестокости, и дѣти, такъ легко принимающія всѣ впечатлѣнія и неимѣющія еще разсудка взрослыхъ людей, чтобы предохранить себя отъ дурныхъ, никогда не должны видѣть охоту, а не только сами участвовать въ ней. Бѣдный малютка Іоаннъ, смотря почти каждый день на травлю дикихъ животныхъ, невольно привыкъ къ такой жестокости, что уже для него сдѣлалось удовольствіемъ мучить и домашнихъ. Часто, сидя на высокомъ крыльцѣ Кремлевскаго дворца, бросалъ онъ оттуда на землю комнатныхъ собачекъ, кошекъ, кроликовъ, бѣлокъ, и когда несчастныя визжали самымъ жалобнымъ голосомъ отъ ушибовъ, а другіе и совсѣмъ умирали, жестокій ребенокъ весело смѣялся и радовался ихъ мученіямъ, а безразсудные бояре говорили: «*пусть державный веселится!*» Для этой забавы онъ держалъ медвѣдей и часто, когда добрый народъ сходился на площадь дворцовую поглядѣть на *свое красное солнышко, надежу-государя,*—этотъ государь приказывалъ выпускать двухъ или трехъ медвѣдей, которые бросались на всѣхъ, кто не успѣвалъ убѣжать отъ нихъ. Такъ царственное дитя, одаренное отъ природы рѣдкимъ умомъ и великими способностями, проводило драгоцѣнное время свое во все правленіе Шуйскихъ, которые старались отдалять отъ него всѣхъ умныхъ, добродѣтельныхъ и усердныхъ бояръ. Они

употребляли къ тому всевозможныя средства и многіе были сосланы, заключены въ темницы, даже лишены жизни. Въ числѣ такихъ жертвъ властолюбія Шуйскихъ знаменитѣе, добрѣе и несчастнѣе всѣхъ былъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Бѣльскій, родственникъ государя. По уму и добродѣтелямъ онъ одинъ могъ быть достойнымъ воспитателемъ Іоанна и правителемъ государства. Шуйскіе замѣтили это— и несчастный князь, не смотря на высокое мѣсто, занимаемое имъ въ Думѣ боярской, не смотря на пользу, какую принесли Россіи совѣты его во время бывшаго въ 1541 году нашествія на наши области хана крымскаго и царя казанскаго, не смотря на близкое родство его съ великимъ княземъ, былъ посаженъ въ темницу и вскорѣ потомъ умерщвленъ въ ней безъ вѣдома Іоанна, по одному приказанію Шуйскихъ.

Такое ужасное состояніе Двора и всего народа продолжалось до тринадцати-лѣтняго возраста государя. Въ это время два дяди его—князья Глинскіе, Юрій и Михаилъ Васильевичи, ненавидѣвшіе Шуйскихъ,—начали говорить племяннику, что уже пора ему отнять власть у жестокихъ бояръ, управлявшихъ его именемъ, что пора ему объявить себя настоящимъ государемъ и, избавивъ народъ отъ неслыханныхъ притѣсненій, наказать главныхъ тирановъ. Іоаннъ, никогда не любившій Шуйскихъ за ихъ дерзкое обращеніе съ нимъ и за то, что они всегда нападали на любимцевъ его, охотно выслушалъ совѣтъ дядей, и, ничего никому не сказывая, вдругъ созвалъ къ себѣ бояръ 29-го декабря 1543 года и объявилъ имъ, что видя, какъ безсовѣстно многіе изъ нихъ, пользуясь его молодостію, грабятъ и убиваютъ его подданныхъ, онъ рѣшился наказать виновныхъ, и прежде всѣхъ—князей Шуйскихъ. Бояре были чрезвычайно удивлены смѣлостію маленькаго князя, до сихъ поръ думавшаго объ однѣхъ забавахъ, и прежде нежели успѣли опомниться, главный изъ Шуйскихъ уже былъ выведенъ на улицу и отданъ на волю *псарей*, которые, въ свою очередь, отдали его звѣрямъ на растерзаніе. Всѣ молчали и никто изъ родственниковъ и друзей несчастнаго не смѣлъ показать ни малѣйшаго неудовольствія: такъ грозенъ былъ видъ тринадцати-лѣтняго госу-

даря и такъ искусно новые правители—князья Глинскіе—устроили планъ свой.

Въ тотъ же день всѣхъ Шуйскихъ и приверженцевъ ихъ заключили въ темницы или сослали въ отдаленныя мѣста. Народъ радовался паденію притѣснителей своихъ, воображая, что теперь всѣ будутъ спокойны и счастливы. Но какъ жестоко обманулся онъ! Враги его не исчезли, но только перемѣнили имя, и вмѣсто Шуйскихъ сдѣлались Глинскіе; а государь, входя въ возрастъ, не любилъ ни въ чемъ противорѣчій, и съ малолѣтства пріученный къ жестокости, не имѣлъ никакого понятія о страданіи и не жалѣлъ никого. Безпрестанно говорили то о гнѣвѣ великаго князя на того изъ бояръ, то о новомъ наказаніи другого, то о ссылкѣ третьяго. Такъ одному придворному чиновнику за нѣсколько дерзкихъ словъ отрѣзали языкъ; такъ пятидесяти новгородцамъ отрубили головы за то только, что они осмѣлились пожаловаться Іоанну на притѣсненія, какія дѣлали имъ бояре—любимцы его. Однимъ словомъ, нѣсколько лѣтъ первой молодости Іоанна IV предвѣщали столько жестокостей и столько бѣдствій для его подданныхъ, что только одна безпредѣльная привязанность русскихъ къ государю своему помогла имъ перенесть страданія ихъ. Не смѣя роптать на того, кто назначенъ былъ Богомъ управлять ими, они усердно просили Господа умилостивить сердце его и послать ему умныхъ и добрыхъ совѣтниковъ, которые бы говорили ему о нуждахъ народа, а не о забавахъ и веселостяхъ. Уже четыре года русскіе молились о томъ, и Іоанну исполнилось семнадцать лѣтъ.

ЧУДЕСНАЯ ПЕРЕМѢНА.

1547 годъ.

Было утро 16-го января 1547 года. Яркіе лучи солнца хотя мало грѣли, но за то осыпали алмазными искрами бѣлый снѣгъ, покрывавшій улицы московскія. По этимъ улицамъ, — не широкимъ и великолѣпнымъ какъ тѣ, ко-

торыя окружаютъ теперь Кремль, но узкимъ, застроеннымъ бревенчатыми домами,—толпился народъ въ праздничномъ нарядѣ, ѣхали бояре въ разукрашенныхъ саняхъ, шло войско, хотя не похожее видомъ и одеждою на наше нынѣшнее, но столько же храброе, столько же усердное къ отечеству, столько же вѣрное государю.

Всѣ эти люди были веселы, на всѣхъ лицахъ написано было какое-то пріятное ожиданіе. Какъ вы думаете, милые читатели, куда всѣ они шли и какой праздникъ былъ тогда въ Москвѣ?—О! былъ праздникъ большой, торжественный, драгоцѣнный для народа русскаго во всѣ времена исторіи: было коронованіе или вѣнчаніе на царство государя.

Іоаннъ вскорѣ послѣ того, какъ ему исполнилось семнадцать лѣтъ, объявилъ митрополиту и вельможамъ, что онъ намѣренъ короноваться. Извѣстіе о такомъ намѣреніи обрадовало весь народъ: всѣ надѣялись, что священная минута, въ которую Іоаннъ въ церкви и передъ престоломъ Божіимъ приметъ на себя, вмѣстѣ съ царскимъ вѣнцомъ, святыя обязанности государя, будетъ имѣть счастливое дѣйствіе на сердце его; что онъ почувствуетъ всѣ ужасы дурного правленія и сдѣлается другимъ человѣкомъ. Такъ думали добрые предки наши, и усердныя молитвы ихъ, нѣсколько лѣтъ возносимыя къ Богу объ исправленіи Іоанна, давали имъ право надѣяться такого чуда отъ милосердія Того, Кому все возможно.

Вотъ отчего они такъ весело спѣшили въ Кремль къ Успенскому собору, гдѣ уже все было готово въ такомъ же порядкѣ, какъ при коронованіи несчастнаго Димитрія Іоанновича, котораго читатели мои вѣрно не забыли. Іоаннъ, такъ же какъ и тотъ молодой князь, торжественно шелъ изъ дворца въ соборъ въ сопровожденіи брата, дядей и всего двора, также сидѣлъ съ митрополитомъ на возвышеніи, покрытомъ золотою парчею, также вѣнчался тою царскою короною, присланною изъ Греціи, которую, какъ говорятъ намъ лѣтописи, Владиміръ Мономахъ отдалъ сыну своему Георгію. Судьба, украсивъ ею на одну минуту Димитрія, не дала ему счастія носить ее; итакъ первый государь русскій, удостоившійся вѣнчаться ею, былъ Іоаннъ IV. Съ той минуты, какъ этотъ драгоцѣнный знакъ

достоинства царей возложенъ былъ на молодого государя, онъ уже сдѣлался не только *великимъ княземъ,* какъ всѣ предки его, но и *царемъ* Россіи. Мысль объ этомъ высокомъ призваніи, о важности обязанностей его, о присутствіи Бога, принимающаго обѣщаніе царей любить подданныхъ, какъ дѣтей своихъ,—все это вмѣстѣ подѣйствовало такъ сильно на пылкую душу Іоанна, что, выходя изъ церкви, онъ искренно желалъ сдѣлать счастливыми всѣхъ своихъ подданныхъ. Народъ, восхищенный величественнымъ видомъ перваго царя своего, ласковыми взорами его, надеждою на будущее счастіе, съ восторгомъ бросился къ царскому мѣсту и оборвалъ съ него всю золотую парчу. Каждому хотѣлось имѣть хотя маленькій лоскутокъ на память этого незабвеннаго дня.

Между тѣмъ, еще за нѣсколько недѣль до коронаціи, знатные чиновники придворные посланы были во всѣ области русскія съ указами государя о томъ, чтобы бояре и дворяне, имѣвшіе дочерей дѣвицъ, везли ко двору всѣхъ самыхъ прекрасныхъ изъ нихъ. Вы вѣрно удивляетесь, друзья мои, зачѣмъ нужно было при дворѣ такое собраніе красавицъ? А вотъ зачѣмъ: многіе изъ старинныхъ государей нашихъ не хотѣли жениться на принцессахъ иностранныхъ и, надѣясь прожить счастливѣе съ своею соотечественницею, выбирали невѣстъ изъ своихъ подданныхъ. Для этого привозили изъ всѣхъ мѣстъ Россіи молодыхъ дѣвицъ, прекрасныхъ собою, дочерей бояръ и дворянъ, знатныхъ и незнатныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, и государь выбиралъ изъ нихъ ту, которая болѣе всѣхъ ему нравилась.

Но ни при одномъ изъ такихъ случаевъ не собиралось въ Москвѣ столько прекрасныхъ, милыхъ, добрыхъ дѣвицъ, какъ въ январѣ 1547 года, когда Іоаннъ, вскорѣ послѣ коронованія, хотѣлъ праздновать и свадьбу свою. Съ каждою изъ нихъ пріѣзжали родители, а часто и родственники, и по этому вы вѣрно воображаете, что въ Москвѣ было въ это время очень шумно и весело. О, какъ же вы ошибаетесь! Всѣ эти дѣвицы, или, какъ тогда называли ихъ, *боярышни,* не пользовались почти ни однимъ изъ тѣхъ невинныхъ удовольствій, какія имѣютъ теперь

наши русскія барышни. Всѣ онѣ проводили жизнь въ теремахъ[1]) родительскихъ, совсѣмъ отдѣльныхъ отъ той части дома, гдѣ отецъ или братья принимали гостей своихъ. Почти никогда не выходили онѣ за порогъ своихъ комнатъ, и къ тому же ихъ не учили никакимъ пріятнымъ искусствамъ, которыми онѣ могли бы развлечь скуку своего уединенія. Онѣ не умѣли не только рисовать или играть на какомъ нибудь инструментѣ, но даже не имѣли понятія о простомъ чтеніи и письмѣ, въ которыхъ у насъ теперь иныя пятилѣтнія дѣвочки бываютъ искусны. О! вѣрно вы рады, что не родились въ то время, не правда ли, милыя читательницы мои? Скучно было бы вамъ сидѣть въ какомъ-нибудь высокомъ теремѣ и ничего болѣе не дѣлать, какъ прясть, да шить, и иногда развѣ прогонять свою скуку какою нибудь заунывною пѣсенкою, въ которыхъ, говорятъ, были очень искусны наши пра-пра-прабабушки.

Красавицамъ, привезеннымъ ко двору молодого царя Іоанна Васильевича, и въ Москвѣ не было веселѣе, тѣмъ болѣе, что слухи о строгомъ, сердитомъ и даже жестокомъ нравѣ жениха такъ пугали бѣдняжекъ, что и самыя честолюбивыя не очень желѣли быть избранными. Другія же, болѣе скромныя, даже боялись этого выбора и едва поднимали прекрасные глаза свои, когда молодой государь смотрѣлъ на нихъ. Но, какъ обыкновенно, скромность нравится болѣе всего въ дѣвицѣ, то и Іоаннъ выбралъ изъ всѣхъ красавицъ самую скромную, и оттого самую прелестную, Анастасію, дочь небогатой вдовы Захарьиной. Покойный отецъ невѣсты, Романъ Юрьевичъ, былъ окольничимъ, а дѣдушка бояриномъ при Іоаннѣ III. Предки ихъ происходили отъ одного прусскаго князя, выѣхавшаго въ Россію съ двумя сыновьями и крестившагося въ греческую вѣру въ 1287 году. Не забудьте этого Романа Юрьевича, дѣти: отъ него произойдетъ впослѣдствіи драгоцѣнное для насъ поколѣніе Романовыхъ,—Романовыхъ, уже болѣе двухъ сотъ лѣтъ составляющихъ счастіе Россіи.

---

[1]) *Теремомъ* назывались у предковъ нашихъ отдѣльныя комнаты для дѣвицъ, обыкновенно помѣщаемыя въ верхней части зданія.

Итакъ, Анастасія была дочь знаменитаго родоначальника царей нашихъ. Всѣ историки того времени съ восторгомъ говорятъ о прекрасныхъ качествахъ души и сердца этой первой *царицы* русской! Благочестіе, умъ, чувствительность, неизъяснимая кротость—все соединялось въ прелестной супругѣ Іоанна Васильевича. Смотря на ея милое, привлекательное лицо, на ея небесные взоры, можно было подумать, что молитвы добраго народа услышаны и прекрасный ангелъ рая посланъ на землю превратить грубое, суровое сердце Іоанново въ нѣжное и сострадательное. Жестокости Іоанна въ самомъ дѣлѣ уменьшились послѣ женитьбы его, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и совсѣмъ кончились. Эта счастливая перемѣна была такъ удивительна, что читатели мои вѣрно будутъ довольны, если я разскажу имъ, какъ она сдѣлалась.

Іоаннъ, и послѣ коронованія своего, мало думалъ о царскихъ обязанностяхъ и, не любя заниматься дѣлами, предоставлялъ все на волю Глинскихъ, родственниковъ и любимцевъ своихъ, которые, не заботясь о пользѣ народа, думали только о своей собственной, и безсовѣстно притѣсняли всѣхъ, кто хотя въ бездѣлицѣ противорѣчилъ имъ, такъ что народъ возненавидѣлъ не только ихъ, но даже всѣхъ ихъ друзей и знакомыхъ.

Случай показать эту ненависть вскорѣ представился. Въ Москвѣ, состоявшей почти изъ однихъ деревянныхъ домовъ, выстроенныхъ безъ всякаго порядка и очень близко одинъ къ другому, часто бывали пожары. Они были ужасны въ то время, когда еще не знали никакихъ пожарныхъ снарядовъ. 1547 годъ былъ особенно несчастливъ такими случаями. Въ два мѣсяца были тогда три страшныхъ пожара. Все горѣло—и царскіе дворцы, и боярскія палаты, и монастыри, и церкви. Люди, теряя не только имѣніе, но даже и родныхъ, или раздавленныхъ, или сгорѣвшихъ, *выли* какъ *дикіе звѣри* — сказано въ исторіи. И въ этомъ горестномъ положеніи никто не утѣшалъ ихъ: Іоаннъ и всѣ первые вельможи уѣхали въ село *Воробьево*, недалеко отъ Москвы, и, будучи сами въ безопасности, не думали о бѣдныхъ жителяхъ столицы. Недовольные рѣшились воспользоваться этимъ случаемъ. Главные не-

пріятели были Глинскіе, и такъ на нихъ-то обратилась вся ненависть народа. Хитрецы, подстрекавшіе простолюдиновъ, выдумали глупую сказку, будто бы мать Глинскихъ, княгиня Анна, вынимала сердца изъ мертвыхъ и клала въ воду, кропила ею всѣ улицы, и оттого сдѣлался пожаръ. Бояре и другіе умные люди не вѣрили такому вздору, но нарочно молчали, потому что и сами не любили Глинскихъ, и ожидали, чтобы легкомысленный народъ повѣрилъ и избавилъ всѣхъ отъ общихъ притѣснителей. Такъ и случилось. Какъ скоро сказка разнеслась по городу, всѣ встревожились и съ шумомъ собрались на площади Кремлевской, требуя отъ бояръ, чтобы имъ выдали всѣхъ Глинскихъ. Одинъ изъ нихъ, князь Юрій, стоя тутъ же съ боярами, услышалъ этотъ крикъ и хотѣлъ спрятаться въ Успенской церкви, но не успѣлъ: народъ ворвался въ церковь вслѣдъ за нимъ и въ безумной ярости своей сдѣлалъ неслыханное злодѣйство: убилъ въ храмѣ Божіемъ дядю государева! Вы можете судить, друзья мои, что послѣ этого страшный бунтъ, грабительство и убійство распространились по всему городу.

Въ эти ужасныя минуты, когда и самъ грозный, безстрашный Іоаннъ встревожился въ Воробьевомъ дворцѣ своемъ и не зналъ, что дѣлать,—въ царскую комнату его вошелъ какой-то простой священникъ. Лицо его было сурово, взоры строги. Держа въ рукахъ Св. Писаніе, онъ подошелъ безъ всякаго страха къ Іоанну и пророческимъ голосомъ сказалъ, что Богъ наказываетъ Москву за вины государя, не исполняющаго своихъ обязанностей. Святая книга была раскрыта на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ описывались эти обязанности. Онъ далъ прочесть молодому царю—и все перемѣнилось въ Іоаннѣ. Въ эту священную минуту исправленія своего онъ почувствовалъ въ полной мѣрѣ всѣ проступки свои, всю несправедливость, всю безпечность свою о народѣ, котораго счастіе зависѣло отъ одного его. Горькія слезы полились изъ глазъ его; съ жаромъ благодарилъ онъ добродѣтельнаго священника и не хотѣлъ разстаться съ нимъ, чтобы имѣть всегда съ собою совѣтника и наставника въ трудномъ дѣлѣ правленія государствомъ. Съ того же дня священникъ, котораго родина была Нов-

городъ, а имя Сильвестръ, остался во дворцѣ, и все пошло иначе. У Іоанна былъ еще одинъ любимецъ, прекрасный молодой человѣкъ, Алексѣй Ѳедоровичъ Адашевъ, котораго современники называли *земнымъ ангеломъ:* такъ онъ былъ добръ, уменъ, благороденъ. Вотъ эти два человѣка со дня исправленія молодого государя сдѣлались почти единственными совѣтниками его. Прежде всего онъ усмирилъ бунтовщиковъ и помогъ всѣмъ бѣднымъ, потерпѣвшимъ отъ пожара; потомъ, чтобъ еще болѣе утвердиться въ добрыхъ намѣреніяхъ своихъ, онъ нѣсколько время постился, каялся въ грѣхахъ своихъ и наконецъ причастился Св. Таинъ. Примирясь такимъ образомъ съ Богомъ и совѣстію, этотъ великій государь хотѣлъ показать свое исправленіе не только передъ Москвою, но и передъ всею Россіею, и для того велѣлъ созвать изъ всѣхъ городовъ людей избранныхъ всѣхъ состояній. Они всѣ съѣхались, не зная за какимъ дѣломъ призывалъ ихъ государь въ столицу,—и вотъ, въ одно воскресенье, послѣ обѣдни, Іоаннъ вышелъ изъ Кремля со всѣмъ духовенствомъ, боярами и войскомъ на большую площадь, гдѣ находилось возвышеніе, называемое Лобнымъ мѣстомъ [1]). Вся площадь была покрыта народомъ, но все было тихо. Отслужили молебенъ. Тогда Іоаннъ обратился къ митрополиту и сказалъ: «Святый владыко! знаю твою любовь къ отечеству: помоги мнѣ въ моихъ добрыхъ намѣреніяхъ. Рано Богъ лишилъ меня отца и матери, а вельможи не старались обо мнѣ: своевольствовали, отнимали моимъ именемъ у людей чины и богатство, притѣсняли народъ—и никто не останавливалъ ихъ. Въ жалкомъ дѣтствѣ своемъ я былъ какъ будто глухъ и нѣмъ: не слушалъ бѣдныхъ и не защищалъ ихъ. Судьи несправедливые! вы дѣлали, что̀ хотѣли. Сколько слезъ, сколько крови отъ васъ пролилося! Я не виноватъ въ этой крови и слезахъ!» Здѣсь молодой царь поклонился на всѣ стороны и продолжалъ такъ: «Люди Божіи и Богомъ намъ данные! умоляю вашу вѣру къ Нему и любовь къ намъ: будьте великодушны! Нельзя исправить *прошедшаго* зла! Я могу только *впередъ* спасать васъ отъ притѣсненій. За-

[1]) Оно существуетъ и теперь.

будьте, чего ужъ нѣтъ и не будетъ! Соединимся всѣ любовію христіанскою. Съ этого дня я вашъ судія и защитникъ!»

Чего нельзя было ожидать отъ такого государя, который въ семнадцать лѣтъ, и при всемъ дурномъ воспитаніи своемъ, имѣлъ столько величія и благородства! О! какъ сильно кроткія слова его восхитили всѣхъ русскихъ! Они увидѣли счастливую перемѣну въ сердцѣ царя, увидѣли исполненіе молитвъ своихъ и съ радостными слезами обнимали и поздравляли другъ друга съ новымъ правленіемъ. Оно — съ этого счастливаго дня — въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось новое: власть бояръ кончилась и государь началъ управлять не по ихъ волѣ, но по своей собственной, всегда болѣе благодѣтельной для народа.

КАЗАКИ.

ОТЪ 1547 ДО 1552 ГОДА.

(5 лѣтъ).

Вмѣстѣ съ нравомъ Іоанна перемѣнилось и все его окружавшее. На Кремлевской площади уже не слышны были крики людей, бѣжавшихъ отъ злыхъ медвѣдей; въ комнатахъ дворца уже не раздавался хохотъ шутовъ, шутихъ и скомороховъ [1]), которыхъ было тамъ множество въ то время, когда Іоаннъ занимался только забавами. Нѣтъ! теперь занятія его были совсѣмъ другого рода: каждый часъ употреблялъ онъ на что нибудь полѐзное, каждую минуту думалъ о томъ, чтобы вознаградить недостатокъ своего воспитанія. Во время же отдыха отъ трудовъ наслажденіемъ его были не прежнія жестокія забавы, но пріятное общество добродѣтельной и прелестной супруги и умнаго друга его—Адашева. Благочестивая, кроткая, прекрасная душа первой утверждала молодого царя во всѣхъ добрыхъ намѣреніяхъ его и молилась о продолженіи ихъ; а прони-

---

[1]) Такъ называли людей веселыхъ и забавныхъ, которыхъ привозили изъ разныхъ областей: должность ихъ была смѣшить государя во всякое время, когда позволялось это.

цательный, твердый, дѣятельный умъ второго помогалъ ему открывать несправедливость и защищать слабыхъ отъ притѣсненій сильныхъ. Великія способности Іоанна Васильевича съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе удивляли счастливыхъ подданныхъ его. Какъ скоро образъ жизни его перемѣнился, не смотря на множество различныхъ и трудныхъ занятій, не смотря на чрезвычайную молодость свою, онъ принялся за дѣло, самое важное для государства: *законодательство.* Вмѣстѣ съ умнѣйшими боярами онъ разсмотрѣлъ всѣ прежніе законы великихъ князей и послѣднее уложеніе Іоанна III и, дополнивъ его новыми постановленіями, издалъ въ 1550 году книгу законовъ: *Судебникъ*, или вторую *Русскую Правду.*

Для лучшаго образованія юношества, приготовлявшагося къ духовному званію, молодой, попечительный государь приказалъ завести училища въ Москвѣ и въ другихъ городахъ.

Онъ хотѣлъ просвѣтить не одно духовенство, но и весь народъ свой, и для того поручилъ одному саксонцу Шлитту, который жилъ въ Москвѣ, вывезти изъ нѣмецкой земли разныхъ ремесленниковъ, художниковъ, лекарей, аптекарей, типографщиковъ и другихъ искусныхъ людей. Это благодѣтельное намѣреніе молодого государя не исполнилось: Шлиттъ, хотя и отправился въ Германію и уже набралъ тамъ 120 человѣкъ, но литовскіе рыцари, боясь, что, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ Россіи, могущество и сила ея еще болѣе увеличатся, не допустили въ Москву умныхъ нѣмцевъ и самого Шлитта посадили въ темницу. Однакожъ нѣкоторые изъ нихъ пробрались потомъ въ Россію и были полезны для предковъ нашихъ своими знаніями.

Ливонцы тѣмъ болѣе боялись Россіи, что въ это время рыцари ихъ уже не были тѣми храбрыми, неустрашимыми воинами, которымъ не разъ удавалось побѣждать предковъ нашихъ. Лишась помощи нѣмецкаго ордена въ Пруссіи, уничтоженнаго польскимъ королемъ Сигизмундомъ въ 1522 году, они сдѣлались гораздо слабѣе и, уже не смѣя нападать на владѣнія наши, заключили въ 1503 году перемиріе съ Россіею на пятьдесятъ лѣтъ.

Во время такого продолжительнаго спокойствія ливонцы болѣе занимались торговлею, отъ которой такъ

разбогатѣли, такъ привыкли къ пріятностямъ жизни, къ нѣгѣ, къ роскоши, что рыцари и дворяне ихъ ничего болѣе не дѣлали, какъ только строили себѣ великолѣпные зàмки и думали уже не о войнѣ и ея опасностяхъ, но о томъ, какъ бы имъ веселѣе пожить и попировать въ своихъ богатыхъ помѣстьяхъ. Они охотно откупались отъ всякой войны деньгами, чтобы только не разставаться съ своими пріятными забавами, и поэтому читатели могутъ судить, что Іоанну IV нечего было опасаться Ливóніи. Онъ досадовалъ на нее только за то, что она не пропустила къ намъ людей, для него нужныхъ, и сбирался жестоко наказать ее за такую дерзость.

Но гораздо болѣе тревожили его ханы крымскіе. Изъ нихъ Магметъ-Гирей, еще при Василіи Іоанновичѣ, имѣлъ намѣреніе соединить три Батыева царства: Казань, Астрахань и Крымъ или Тавриду въ одно государство, и тогда бѣдные предки наши, можетъ быть, опять подпали бы подъ власть татаръ; но Богъ избавилъ Россію отъ этого новаго несчастія, и хотя Магметъ-Гирею удалось сдѣлать казанскимъ царемъ брата своего Саипъ-Гирея, однакожъ онъ самъ вскорѣ убитъ былъ ногайскимъ ханомъ Мамаемъ, а наслѣдники его не имѣли столько ума и твердости, чтобы исполнить его намѣреніе. Они вмѣстѣ съ казанцами только тревожили границы наши частыми набѣгами и разоряли жителей, но Іоаннъ Васильевичъ, имѣя храбрыхъ воеводъ, умѣлъ усмирять ихъ и даже могъ уже думать о совершенномъ покореніи этихъ безпокойныхъ враговъ. Опаснѣе всѣхъ казались ему казанцы, какъ самые близкіе и самые хитрые сосѣди владѣній нашихъ. Нѣсколько разъ уже молодой царь посылалъ войско для покоренія этой области, но напрасно: крѣпость казанская, хотя и деревянная, выдерживала всѣ нападенія и не сдавалась. Однакожъ Іоаннъ Васильевичъ, какъ всѣ умные и твердые люди, не боялся неудачъ; напротивъ того, при каждой изъ нихъ онъ увеличивалъ свои усилія, и всегда думалъ, что рано или поздно они будутъ успѣшны. Такъ, возвращаясь въ одномъ изъ такихъ походовъ отъ стѣнъ казанскихъ, онъ остановился въ 30 верстахъ отъ нихъ, у высокой горы, называвшейся *Круглою.* Подлѣ нея течетъ рѣка Свіяга. Съ вершины этой горы открывался

неизмѣримый видъ во всѣ стороны. Іоаннъ, любуясь красотою мѣста, съ восхищеніемъ вскричалъ: «Здѣсь будетъ городъ христіанскій! Стѣснимъ Казань: Богъ отдастъ ее намъ въ руки!» Молодой, но великій государь сказалъ это— и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ прекрасный городъ *Свіяжскъ* уже красовался на круглой горѣ и, возвышаясь почти надъ самою Казанью, какъ будто уже предвѣщалъ свою будущую надъ нею побѣду.

Построивъ эту новую крѣпость для защиты подданныхъ своихъ отъ нападеній казанцевъ, Іоаннъ IV чрезъ годъ построилъ еще двѣ другія отъ набѣговъ крымскихъ татаръ: городъ *Михайловъ,* на рѣкѣ Пронѣ, въ Рязанской области, и *Шатскъ,* на рѣкѣ Цнѣ, въ нынѣшней Тамбовской губерніи. Но главною защитою той части отечества нашего, которая лежала между Азовскимъ и Каспійскимъ морями, сдѣлался въ то время новый, храбрый и неустрашимый народъ, о которомъ давно уже пора разсказать моимъ читателямъ.

Это были казаки, — казаки, которые такъ смѣлы на войнѣ, такъ искусны въ сраженіяхъ, такъ ловки и проворны верхомъ на маленькихъ, быстрыхъ лошадкахъ своихъ, — казаки, которыхъ всѣ вы такъ любите, которыхъ *атаманомъ* или главнымъ начальникомъ теперь нашъ Августѣйшій Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ. Мы видимъ Его въ казачьемъ мундирѣ чаще, нежели въ другихъ: стало быть Онъ любитъ казаковъ, а эта любовь доказываетъ, что они добрые, честные, благородные люди. Какъ же должно быть пріятно узнать о томъ, гдѣ и какъ они жили встарину, отъ кого произошли, всегда ли были такими, какъ они теперь. О! исторія ихъ любопытна. Послушайте, друзья мои!

Каждый народъ улучшается со временемъ: такъ и казаки, въ началѣ своего существованія при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ далеки были отъ славныхъ потомковъ своихъ, отъ того неустрашимаго, отъ того всегда неизмѣннаго государю и отечеству войска донского, которое извѣстно всей Европѣ. Повѣрите ли вы даже, что первые казаки были бѣглецы, оставившіе свою родину, Россію и жившіе всякими несправедливостями? Защищая своихъ любимцевъ,

читатели мои, уже знающіе римскую исторію, вѣрно скажутъ, что и римляне были такого же происхожденія, и сдѣлались потомъ первымъ народомъ въ свѣтѣ. Точно, вы правы: происхожденіе никогда не можетъ уменьшить цѣну хорошихъ качествъ человѣка, и тѣмъ менѣе можетъ вредить нашимъ добрымъ донскимъ соотечественникамъ, что они не сами начали такой родъ жизни, но только подражали тому народу, къ которому присоединились, оставивъ отечество.

Этотъ народъ были *черные-клобуки*, которыхъ князья русскіе, во время прежнихъ ссоръ своихъ, часто нанимали, чтобы вести войну другъ съ другомъ. Они были славные наѣздники, охотники драться и грабить, и за деньги съ радостію рѣшались на всякія опасности. Ихъ называли также *казаками* [1]). Они жили на низовыхъ берегахъ Днѣпра и Днѣстра. Вотъ, въ то время, когда татары безъ всякой жалости разоряли Россію, многіе изъ предковъ нашихъ, жившихъ въ южныхъ областяхъ, и особенно малороссіяне, лишенные жестокими варварами своихъ родственниковъ, а часто и всего имѣнія, оставляли бѣдное отечество и уходили плакать о своихъ несчастіяхъ къ казакамъ, которые ласково принимали ихъ въ свою службу, давали имъ лошадей, оружіе, учили ихъ удальству и наѣздничеству, называли своими братьями-казаками. Несчастные, потерявъ все, что̀ было для нихъ мило, ненавидя татаръ, радовались случаю мстить имъ, охотно исполняли всѣ приказанія казаковъ, гордились ихъ именемъ и съ того времени не называли себя иначе. Пріятный климатъ, прекрасныя мѣста, изобиліе и свобода во всемъ увеличивали съ каждымъ годомъ число бѣглецовъ, такъ что чрезъ двѣсти лѣтъ они совсѣмъ смѣшались съ черными-клобуками и составили одинъ народъ, уже называвшійся *казаками*. Владѣнія ихъ дошли до Азовскаго моря, и казаки, жившіе на берегахъ его, назывались *азовскими;* а первые, жившіе около Днѣпра и Днѣстра—*запорожскими*, а потомъ

---

[1]) Имя *казаковъ* происходитъ отъ *косоговъ,* народа, жившаго около Чернаго моря. Читатели, конечно, помнятъ, что еще Святославъ I побѣдилъ ихъ.—Слово *казакъ* значитъ: *легко-вооруженный конный воинъ.*

украинскими. Были также казаки *ордынскіе:* ихъ называли такъ потому, что они состояли по большей части изъ татаръ или бѣглецовъ изъ Орды. Всѣ эти различные казаки управлялись атаманами, которыхъ сами выбирали. Главныя качества ихъ, которыми они любили хвалиться, были: удальство и удивительная храбрость. Они такъ безстрашно нападали на своихъ непріятелей, такъ ловко защищались, такъ проворно скрывались отъ нихъ, что предки наши не могли надивиться ихъ искусству и часто нанимали ихъ въ свою службу, а потомъ, насмотрѣвшись на нихъ, заводили и у себя въ пограничныхъ городахъ такіе же полки и называли ихъ *казачьими.*

Въ 1480 году азовскіе казаки оказали важную услугу нашему отечеству: 16,000 ихъ было съ тюменскимъ княземъ Ивакомъ въ то время, когда онъ побѣдилъ послѣдняго хана Золотой Орды Ахмата, послѣ котораго Россія уже не была данницею татаръ. Но азовскіе и ордынскіе казаки существовали только до 1500 года: состоя болѣе изъ бѣглецовъ татарскихъ, они, вѣроятно, разошлись по домамъ или пристали къ кочующимъ калмыкамъ. Какъ бы то ни было, только исторія съ тѣхъ поръ уже ничего не говоритъ о нихъ, но зато очень много о казакахъ, поселившихся около 1500 года на берегахъ рѣки Дона, и оттого названныхъ *донскими.* Эти всѣ уже были наши русскіе выходцы и бѣглецы, исповѣдовали одну съ нами вѣру, говорили однимъ съ нами языкомъ, имѣли одни съ нами обычаи. Итакъ, о нихъ, какъ о самыхъ близкихъ къ намъ по происхожденію, мы поговоримъ нѣсколько подробнѣе.

Они жили по правому берегу Дона, отъ устья рѣки Аксая до границъ нынѣшней Воронежской губерніи. Маленькіе городки ихъ были разбросаны въ глуши лѣсовъ и между болотъ, и состояли изъ шалашей и землянокъ, очень некрасивыхъ, потому что казаки вовсе не заботились объ этой красотѣ для того, какъ говорили ихъ прадѣды: *чтобы глазъ непріятельскій не любовался ими,* и чтобы можно было безъ сожалѣнія оставить ихъ во время сильнаго нападенія враговъ.

Главный городъ ихъ былъ—*Раздоры,* а потомъ *Чер-*

каскъ. Сюда собирались они изъ всѣхъ городковъ своихъ на совѣтъ, который назывался у нихъ не вѣче, какъ у новгородцевъ, но *кругъ.* На этомъ *кругу* рѣшались всѣ дѣла общественныя, и тутъ каждый годъ народъ выбиралъ атамановъ и старшинъ своихъ. Надобно сказать вамъ, что своевольство казаковъ было гораздо хуже новгородскаго; они не признавали надъ собой никакого государя и только тогда уже, когда короли польскіе начали притѣснять всѣхъ запорожскихъ и литовскихъ казаковъ, — донскіе назвались подданными Іоанна IV. Но они желали только покровительства его, не думая повиноваться ему въ полной мѣрѣ. Только одно приказаніе Іоанна Васильевича исполняли они всегда въ точности: приказаніе защищать границы его государства отъ татаръ крымскихъ, ногайскихъ и другихъ варваровъ, еще бродившихъ около южныхъ областей нашихъ.

Видя какъ усердно казаки подстерегали непріятелей, какъ искусно и храбро били и прогоняли ихъ, Іоаннъ IV былъ доволенъ ими, ничего больше не требовалъ и даже не наказывалъ ихъ за безпрестанныя своевольства.

Таковы еще были донскіе казаки въ началѣ царствованія Іоанна Васильевича. Такъ мы ихъ оставимъ теперь сторожить границы наши, а сами поспѣшимъ въ Москву: тамъ молодой государь сбирается на какое-то важное дѣло.

ПОКОРЕНІЕ ЦАРСТВА КАЗАНСКАГО.

1552 годъ.

Положась на храбрость казаковъ, Іоаннъ не безпокоился объ южныхъ областяхъ своихъ. Швеція и Ливонія также не были страшны: онѣ ничего болѣе не желали, какъ свободной торговли съ Россіею. Польскимъ королемъ былъ уже не безпокойный Сигизмундъ, умершій въ 1548 году, но сынъ его *Августъ,* который занимался болѣе забавами, нежели государственными дѣлами. Итакъ, почти со всѣхъ сторонъ Іоаннъ могъ быть спокоенъ: одни казанцы безпрестанно нападали на наши области.

Всегдашняя ненависть ихъ къ русскимъ сдѣлаласъ еще сильнѣе съ тѣхъ поръ, какъ Казанью владѣли крымскіе ханы. Саипъ-Гирей послѣ смерти брата своего Магмета уѣхалъ управлять Крымомъ, а въ Казани оставилъ племянника своего Сафа-Гирея; законный же царь казанцевъ Шигъ-Алей, изгнанный народомъ своимъ, жилъ въ Москвѣ подъ покровительствомъ государя русскаго. Нѣсколько разъ Іоаннъ возвращалъ ему потерянный престолъ, но вскорѣ онъ опять лишался его. Казанцы не любили Шигъ-Алея за то, что онъ признавалъ власть Россіи надъ Казанью и былъ всегда вѣренъ Іоанну.

Въ 1549 году умеръ Сафа-Гирей. Наслѣдникомъ его остался двухлѣтній сынъ Утемишъ-Гирей правительницею Казани, во время его малолѣтства,—мать его, царица *Сююнбека* или *Сумбека*. Смотря на эту молодую женщину, совсѣмъ не привыкшую къ дѣламъ государственнымъ, и на маленькаго Утемишъ-Гирея, еще не умѣвшаго говорить, многіе изъ вельможъ казанскихъ боялись за отечество свое и послали къ крымскому хану просить защиты противъ царя русскаго. Другіе, приверженные къ законному государю своему Шигъ-Алею, звали его на престолъ казанскій и клялись въ вѣчной вѣрности къ нему и Россіи. Можно представить себѣ, какая суматоха была тогда въ Казани. Каждый дѣлалъ что хотѣлъ и огорченная Сумбека часто плакала, не зная какъ справиться съ своими непокорными подданными.

Между тѣмъ Іоаннъ Васильевичъ спѣшилъ воспользоваться такимъ состояніемъ враговъ, болѣе ста лѣтъ разорявшихъ подданныхъ его своими набѣгами, и съ лучшимъ воинствомъ и царемъ Шигъ-Алеемъ пошелъ самъ къ Казани. Это былъ тотъ самый походъ, во время котораго построенъ былъ городъ Свіяжскъ. Полудикіе народы—чуваши, мордва, черемисы, жившіе въ окрестностяхъ его и бывшіе данниками казанцевъ, такъ удивились неожиданному появленію этого прекраснаго города на высокой горѣ своей, такъ поражены были волшебною, по мнѣнію ихъ, силою того, кто могъ сдѣлать это, что сами послали своихъ знатныхъ людей къ Іоанну и просили его взять ихъ въ подданство къ себѣ.

Умный государь предвидѣлъ большую пользу отъ новыхъ подданныхъ: отдѣляясь отъ Казани, они уменьшали силы ея и увеличивали его собственныя, и потому Іоаннъ принялъ ихъ благосклонно, осыпалъ милостями и подарками, и не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ: казанцы, потерявъ помощь столь многихъ данниковъ, сдѣлались гораздо сговорчивѣе и скоро согласились на всѣ требованія государя русскаго, признали царемъ своимъ Шигъ-Алея и отправили въ Москву Сумбеку и сына ея. Хотя потомки хановъ крымскихъ беззаконно владѣли престоломъ казанскимъ, но жалко было смотрѣть, какъ эта бѣдная государыня, еще такъ недавно гордившаяся своею славою и красотою, теперь слабая и печальная, отправлялась плѣнницею въ столицу русскую. Тихо ѣхала она въ колесницѣ до рѣки Казанки, гдѣ стояла богатая лодка. За нею — пѣстуны несли на рукахъ маленькаго Утемишъ-Гирея, который, ничего не понимая, радовался новой прогулкѣ и весело улыбался. Бывшая царица, садясь въ лодку, печально поклонилась народу, провожавшему ее, и навсегда простилась съ нимъ.

Между тѣмъ безпокойные казанцы недолго были довольны новымъ царемъ, хотя, правду сказать, и самъ Шигъ-Алей виноватъ былъ: онъ обходился съ ними слишкомъ жестоко и тѣмъ заставилъ всѣхъ возненавидѣть себя до того, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ пріѣхали въ Москву послы казанскіе и объявили Іоанну Васильевичу, что Казань умоляетъ его избавить ее отъ Шигъ-Алея и дать только *намѣстника московскаго,* которому она будетъ повиноваться охотнѣе, нежели жестокому царю своему.

Іоаннъ еще разъ милостиво выслушалъ казанцевъ, еще разъ исполнилъ просьбу ихъ: убѣдилъ Шигъ-Алея выѣхать изъ Казани и сдѣлалъ намѣстникомъ ея князя Микулинскаго. Покореніе безпокойнаго царства казалось ему несомнительнымъ, но прежде нежели князь Микулинскій успѣлъ доѣхать туда, Казань еще разъ измѣнила.

На эту, уже послѣднюю, измѣну преклонилъ ее опять крымскій ханъ, но уже не Саипъ-Гирей, недавно умершій, а племянникъ его Девлетъ-Гирей. Онъ обѣщалъ турецкому султану, начинавшему бояться могущества Россіи, спасти

Казань и поддержать прежнюю славу татарскаго царства. Сдѣлавъ казанскимъ царемъ астраханскаго царевича Эдигера, Девлетъ-Гирей отправилъ его туда, а самъ, зная, что Іоаннъ занятъ теперь одною Казанью и что даже большая часть казаковъ находится тамъ въ службѣ его, вздумалъ сдѣлать сильное нападеніе на русскія области.

Но благоразуміе, храбрость и всего болѣе вѣра Іоанна спасли Россію. Надѣясь на Бога, помогающаго справедливости, онъ принялъ самъ начальство надъ войскомъ, не смотря на слезы царицы Анастасіи и всего народа, которые умоляли его беречь драгоцѣнную жизнь свою и остаться въ Москвѣ. Утѣшая плачущихъ и обнимая нѣжную супругу свою, онъ показалъ такую твердость, какой нельзя было ожидать отъ его молодости. Смотря на его веселое, мужественное лицо, всѣ самые слабые люди ободрялись и съ какою-то надеждою простились съ нимъ 16-го іюня 1552 года.

Эта надежда была не напрасна: не прошло мѣсяца и крымскій ханъ уже бѣжалъ изъ Россіи, скорѣе нежели пришелъ туда, а побѣдитель его уже отправился въ походъ на казанцевъ. Однакожъ покореніе этого мятежнаго народа дорого стоило русскимъ, не смотря на то, что они имѣли гораздо болѣе познаній въ военномъ искусствѣ, нежели казанцы. Здѣсь въ первый разъ говорится въ исторіи нашей о подкопахъ, которыми русскіе взрывали стѣны и башни казанскія и которые помогли имъ наконецъ ворваться въ городъ и одержать совершенную побѣду. Предки наши очень гордились этою побѣдою и имѣли на то полное право, потому что казанцы, рѣшившись скорѣе умереть, нежели покориться, сражались такъ отчаянно, что осада Казани, не смотря на всѣ убѣжденія Іоанна Васильевича, на всѣ мирныя предложенія его, продолжалась съ августа мѣсяца до 1-го октября. Въ этотъ день сдѣланъ былъ рѣшительный приступъ, взорвано нѣсколько новыхъ подкоповъ, и послѣ геройства, почти невѣроятнаго съ обѣихъ сторонъ, гордая Казань наконецъ сдалась русскому войску, котораго начальникомъ былъ знаменитый князь Воротынскій, и назвала государемъ своимъ Іоанна Васильевича. Но жители ея, прежде нежели рѣшились на

это, сдѣлали все, что только подавало имъ малѣйшую надежду къ спасенію своего царства: они зажигали свои домы, сражались даже посреди города, въ улицахъ, и наконецъ царь ихъ Эдигеръ съ остальными казанцами еще около часа защищался въ укрѣпленномъ дворцѣ царскомъ. Но храбрость русскихъ побѣдила все. Не гордясь своею побѣдою, они приписывали ее святой помощи Бога, и благочестивый государь, войдя въ пылавшій городъ, прежде всего принесъ благодарность Небесному Помощнику своему и, отслуживъ молебенъ у главныхъ городскихъ воротъ, называвшихся *Царскими*, поставилъ на этомъ мѣстѣ крестъ и назначилъ быть тамъ первой церкви христіанской. Тутъ же послѣ молебна представили ему бывшаго царя казанскаго Эдигера. Іоаннъ принялъ его съ кротостію, и видя, что онъ раскаивается въ своемъ упрямствѣ и даже желаетъ креститься въ вѣру христіанскую, не упрекалъ его ни въ чемъ. Впрочемъ, молодой государь былъ такъ счастливъ славною побѣдою своею, такъ радовался покоренію знаменитаго царства, такъ утѣшался мыслію, что подданные его навсегда избавились отъ нападеній жестокихъ казанцевъ, что ему не хотѣлось ни на кого сердиться: онъ былъ ласковъ ко всѣмъ, благодарилъ за храбрость и знатныхъ воеводъ, и простыхъ воиновъ, утѣшалъ раненыхъ, плакалъ объ убитыхъ, заботился даже о врагахъ, хвалилъ ихъ мужество, и такъ обходился съ побѣжденными, что разбѣжавшіеся жители Казани на другой же день возвратились въ домы свои и сдѣлались вѣрными подданными его.

Устроивъ новый порядокъ въ Казани, сдѣлавъ намѣстникомъ ея князя Александра Горбатаго-Шуйскаго, а товарищемъ его князя Серебрянаго, и оставивъ у нихъ около 5,000 войска, Іоаннъ Васильевичъ отправился 11-го октября въ Москву. Нельзя описать, съ какою радостію встрѣчали его по всей дорогѣ! Молодой двадцатидвухлѣтній побѣдитель народа жестокаго и отчаянно-храбраго, народа, 115 лѣтъ разорявшаго Россію, казался всѣмъ человѣкомъ неземнымъ, казался ангеломъ, посланнымъ отъ Бога вознести отечество наше выше другихъ государствъ! Мы въ настоящее время никакъ не можемъ понять всей ра-

дости, какую чувствовали предки наши, услышавъ о побѣдѣ Іоанна! Это былъ какой-то неизъяснимый восторгъ, о которомъ всѣ историки ихъ говорятъ какъ поэты.

Въ то самое время, какъ Москва готовилась встрѣтить государя любимаго, судьба, казалось, хотѣла дать ему почувствовать все счастіе, возможное для человѣка: у него родился первый сынъ и наслѣдникъ—царевичъ Димитрій. Эта новая радость восхитила сердце Іоанна: онъ не зналъ, какъ благодарить Бога за всѣ милости, ему посылаемыя! Чувствуя всю великость ихъ, онъ съ слезами на глазахъ подъѣзжалъ къ столицѣ и еще за шесть верстъ отъ нея встрѣченъ былъ народомъ, который тѣснился около его лошади, цѣловалъ его ноги, руки и безпрестанно кричалъ: «Многая лѣта царю благочестивому, побѣдителю варваровъ, избавителю христіанъ!» Ласково кланяясь на всѣ стороны, государь едва могъ проѣхать сквозь тѣсные ряды народа. Отслушавъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, Іоаннъ спѣшилъ во дворецъ. Здѣсь-то, обнимая супругу и сына, слушая поздравленія окружавшихъ его вельможъ, видя искреннюю любовь народа, толпившагося съ радостными криками на площади дворцовой, молодой герой почувствовалъ всю цѣну счастія, какимъ Богъ наградилъ твердое намѣреніе его исправиться, и благословилъ минуту своей чудесной перемѣны. Ахъ! еслибы онъ навсегда остался тѣмъ, чѣмъ былъ въ это незабвенное время! Тогда Россія назвала бы его не *Грознымъ*, но *Великимъ* Іоанномъ!

КОНЧИНА АНАСТАСІИ.

отъ 1552 до 1560 года.

(8 лѣтъ).

Послѣ побѣды казанской много было праздниковъ при дворѣ, но самымъ лучшимъ и пріятнымъ было крещеніе царевича-наслѣдника и двухъ бывшихъ царей казанскихъ: Эдигера и маленькаго Утемишъ-Гирея. Первый, назван-

ный *Симеономъ,* жилъ потомъ въ Кремлѣ, имѣлъ много бояръ, служившихъ при немъ, и женился на дочери одного знатнаго чиновника, Кутузова. Сохранивъ до смерти имя царя казанскаго, онъ совершенно забылъ прежнее свое царство и во всю жизнь свою былъ вѣрнымъ подданнымъ Россіи. Что-жъ касается до маленькаго Утемишъ-Гирея, котораго въ крещеніи назвали *Александромъ,* то государь взялъ его къ себѣ во дворецъ и заботился о немъ, какъ о сынѣ.

Еще жители московскіе не успѣли наговориться о покороніи Казани, еще не успѣли нарадоваться славѣ молодого царя своего, какъ вдругъ разнеслась ужасная вѣсть объ его опасной болѣзни: Іоаннъ занемогъ сильною горячкою. Всѣ встревожились, всѣ съ отчаяніемъ говорили: «Видно грѣхи наши страшно велики, когда Богъ отнимаетъ у насъ такого государя!» Это отчаяніе было общее, начиная отъ дворца до самыхъ бѣдныхъ жилищъ: всѣ равно любили Іоанна добраго, великаго, обѣщавшаго такъ много славы народу своему.

Между тѣмъ, какъ это новое несчастіе заставляетъ плакать всю Москву, мы посмотримъ, что дѣлается во дворцѣ Кремлевскомъ, и особенно въ почивальнѣ государя! О! тамъ была еще сильнѣйшая горесть: тамъ плакала царица о супругѣ нѣжно любимомъ, тамъ плакали бояре о славѣ и величіи Россіи, которыя должны были погаснуть вмѣстѣ съ жизнію Іоанна! Но не всѣ изъ нихъ были заняты этою мыслію, и когда умирающій Іоаннъ объявилъ наслѣдникомъ сына своего малютку Димитрія и приказалъ знатнѣйшимъ чиновникамъ присягнуть ему, — не всѣ согласились на это. Многіе изъ бояръ начали шумѣть, спорить, говорили, что они не намѣрены опять подвергнуться тѣмъ несчастіямъ, какія уже испытали во время малолѣтства Іоанна, и хотѣли, по смерти его, сдѣлать государемъ своимъ не родного брата его Юрія, слабаго умомъ и памятью, но двоюроднаго, Владиміра Андреевича, имѣвшаго много блестящихъ достоинствъ. Вообразите себѣ ужасное положеніе Іоанна Васильевича, какъ царя и отца! Не смотря на всю жестокость болѣзни, онъ былъ въ полной памяти и слышалъ весь этотъ споръ. И безъ того невы-

разимо-грустно было для него разставаться съ жизнію, оставлять столько радостей, столько счастія, столько славы! Оставлять прекрасную, добродѣтельную супругу, шестимѣсячнаго сына, добрый народъ, такъ искренно простившій прежніе пороки его и такъ нѣжно любившій его!.. Все это, живо представляясь Іоанну, мучило его жестокою тоскою, и въ это самое время онъ услышалъ споръ бояръ, отвергавшихъ сына его! Онъ былъ такъ слабъ, что не могъ остановить ихъ, а нечувствительные, забывъ о государѣ умирающемъ, шумѣли въ самой спальнѣ его. Въ числѣ ихъ Іоаннъ съ новою горестію увидѣлъ и окольничаго Ѳедора Адашева, отца любимца его Алексія, и духовника своего Сильвестра.

Но Богъ, вѣроятно, хотѣлъ только испытать этою болѣзнію твердость молодого государя: къ радости всѣхъ, онъ выздоровѣлъ, и хотя въ немъ осталось непріятное воспоминаніе о томъ, что люди самые приближенные къ нему не хотѣли назвать царемъ сына его, но великая отъ природы душа Іоанна простила вину ихъ. Можетъ быть и самое воспоминаніе объ этомъ жестокомъ оскорбленіи современемъ совершенно изгладилось бы изъ его сердца, еслибъ не слѣдующій случай, въ достовѣрности котораго увѣряли современники.

Государь, желая показать пламенную благодарность свою къ Богу, ѣздилъ послѣ выздоровленія вмѣстѣ съ супругою и даже маленькимъ царевичемъ въ Бѣлозерскій Кирилловъ монастырь [1]) и тамъ видѣлся съ бывшимъ епископомъ Вассіаномъ, который пользовался нѣкогда большею милостію великаго князя Василія IV, но потомъ, въ правленіе бояръ, былъ сосланъ за хитрости и жестокость. Съ того времени онъ ненавидѣлъ бояръ и, не смотря на старость свою, искалъ всѣхъ случаевъ вредить имъ. Какъ же онъ обрадовался, когда государь пріѣхалъ въ тотъ монастырь, гдѣ онъ жилъ, а еще болѣе, когда пришелъ къ нему въ келію, началъ милостиво разговаривать съ нимъ

---

[1]) Этотъ монастырь и нынѣ существуетъ, и находится въ Новгородской губерніи, при озерѣ Одольскомъ, въ 36 верстахъ отъ Бѣлаго-Озера.

о томъ времени, когда Вассіанъ былъ еще при дворѣ и, уважая въ немъ любимца отца своего, просилъ у него совѣта, какъ лучше управлять государствомъ. Хитрый старецъ воспользовался этою минутою и этимъ вопросомъ и съ злою радостію сказалъ молодому, доброму царю: «Если хочешь быть настоящимъ государемъ, то не имѣй совѣтниковъ умнѣе себя: ты долженъ учить, а не учиться, повелѣвать, а не слушаться: тогда будешь твердъ на царствѣ, и вельможи будутъ бояться тебя!»

Такой совѣтъ былъ согласенъ съ тогдашнимъ расположеніемъ духа Іоаннова, которому еще живо представлялась дерзость бояръ во время его болѣзни. Съ чувствомъ благодарности поцѣловалъ онъ руку бывшаго епископа и вскричалъ: «Самъ отецъ мой не далъ бы мнѣ лучшаго совѣта!»

Съ этой минуты искра неудовольствія, таившаяся въ сердцѣ государя, начала разгораться и произвела впослѣдствіи всѣ пороки его и всѣ несчастія Россіи. Да, милые читатели, много значитъ одно слово злого человѣка; часто его довольно бываетъ, чтобы испортить десять добрыхъ сердецъ. Берегитесь же злыхъ людей, никогда не слушайте совѣтовъ ихъ, и помните несчастный примѣръ Іоанна. Но зачѣмъ заранѣе печалить васъ, друзья мои! Еще Іоаннъ добръ, благороденъ, великъ; еще слова Вассіана не успѣли укорениться въ его сердцѣ и памяти, но только слегка представляются ему. Современемъ они сдѣлаютъ то, чего хотѣлъ злой Вассіанъ, но теперь мы еще можемъ насладиться добродѣтелями молодого царя, еще можемъ порадоваться громкой славѣ его.

Возвратясь съ богомолья, Іоаннъ съ прежнимъ усердіемъ занялся дѣлами государственными, и хотя въ душѣ его скрывалось теперь болѣе неудовольствія на бояръ, обидѣвшихъ его, но онъ ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ не показалъ его. Впрочемъ, ему и времени не было много думать о нихъ: неугомонные жители царства казанскаго, не смотря на то, что были уже подданными Россіи, часто затѣвали новыя безпокойства, такъ что русскіе еще около пяти лѣтъ не могли быть совершенно увѣрены въ ихъ покорности. Послѣ этого времени многіе изъ нихъ начали креститься въ вѣру христіанскую, которая смягчила

нравы ихъ; другіе же усмирены были казаками или *стрѣльцами* [1]), жившими, по приказанію Іоанна, въ крѣпостяхъ и городахъ казанскихъ.

Въ 1557 году слава Іоанна увеличилась покореніемъ новаго царства: *Астрахани.* Городъ Астрахань, построенный при устьѣ Волги и называвшійся прежде *Астороканью,* существовалъ еще при началѣ государства русскаго. Въ немъ жили прежде казары, потомъ алане, наконецъ, послѣ разоренія Золотой Орды, Асторокань была столицею татарскихъ хановъ, одноплеменныхъ съ ногайскими князьями. Эти ханы никогда не были сильными владѣтелями и, спасаясь отъ притѣсненій черкесовъ и крымцевъ, часто прибѣгали къ покровительству Россіи, и послѣдній изъ нихъ *Дербышъ,* обязанный сохраненіемъ престола своего Іоанну IV, въ минуту искренней благодарности своей къ благодѣяніямъ его, поклялся вмѣстѣ со всѣмъ народомъ повиноваться русскому царю, какъ своему верховному государю. Но прежде нежели отборное войско, посланное къ нему на помощь отъ Іоанна и состоявшее изъ царскихъ дворянъ, жильцовъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ, успѣло удалиться, Дербышъ измѣнилъ своей клятвѣ и передался крымскому хану Девлетъ-Гирею. Подданные его, уже испытавшіе разницу между благодѣтельнымъ покровительствомъ Россіи и дерзкими поступками крымцевъ, очень недовольны были измѣною своего государя и обрадовались, когда храбрые стрѣльцы и казаки совершенно разбили его и заставили бѣжать въ Азовъ. Тогда они всѣ дали новую присягу Россіи и навсегда уже остались ея вѣрными подданными.

Наша нынѣшняя *Астрахань* построена въ нѣсколькихъ верстахъ отъ старинной *Асторокани.* Даже камни на построеніе нѣкоторыхъ домовъ новаго города брали изъ развалинъ стараго. Астрахань славится теперь большими пло-

[1]) Іоаннъ IV, улучшая войско наше, завелъ *стрѣльцовъ;* это были пѣхотные полки, которыхъ выбирали изъ сельскихъ людей и вооружали пищалями. *Пищаль* значитъ старинное ружье, ставившееся для прицѣливанія на сошкѣ. Стрѣльцы составляли безсмѣнное войско, жили обыкновенно въ городахъ и употреблялись болѣе всего для осады крѣпостей.

доносными садами и богатѣйшими рыбными ловлями. Во время же Іоанна IV пріѣзжали туда торговать купцы изъ Шемахи, Дербента, Шавкала, Тюмени, Хивы; жители многихъ изъ этихъ земель хотѣли, такъ же, какъ и астраханцы, быть въ подданствѣ Россіи. Іоаннъ ласково принималъ ихъ и своими умными, благодѣтельными распоряженіями доставлялъ столько счастія новымъ подданнымъ своимъ, что слухъ о славѣ его достигъ до отдаленныхъ странъ Сибири.

Сибирь не была еще въ то время тою обширною землею, которой пространству и непроходимымъ лѣсамъ вѣрно вы удивляетесь теперь, милые друзья, смотря во время географическаго урока на карту Азіи. Нѣтъ, тогда извѣстна была подъ именемъ Сибири только средняя часть нынѣшней Тобольской губерніи. Ею управляли князья монгольскіе, потомки Батыева брата, *Шибана*. Русскіе ничего болѣе не знали объ этой Сибири, но послѣ покоренія царствъ казанскаго и астраханскаго пріѣхали въ Москву два посла отъ князя сибирскаго Эдигера съ поздравленіемъ къ царю, по случаю побѣдъ его, и съ просьбою защитить его отъ другихъ князей татарскихъ, разорявшихъ его землю. Эдигеръ обѣщалъ платить за это богатую дань царю: по соболю и по бѣлкѣ съ каждаго человѣка въ годъ. По его словамъ, въ Сибири было тогда 30,700 человѣкъ жителей.

Вотъ какъ возвысилась Россія въ царствованіе Іоанна IV! Кто бы изъ предковъ нашихъ, съ такимъ страхомъ отправлявшихся на судъ въ Золотую Орду, повѣрилъ, что настанетъ время, когда потомки жестокихъ и гордыхъ притѣснителей ихъ будутъ искать чести быть подданными царей русскихъ! Но не думайте, друзья мои, чтобы только одни необразованные татары показывали такое уваженіе къ Іоанну; нѣтъ, слава о немъ долетѣла даже до Англіи, не имѣвшей прежде никакого понятія объ отечествѣ нашемъ: въ августѣ 1553 года вошелъ англійскій корабль въ Двинскій заливъ Бѣлаго моря и присталъ къ берегу, гдѣ былъ монастырь св. Николая и гдѣ потомъ построенъ городъ *Архангельскъ*. Русскіе рыбаки, увидѣвшіе въ первый разъ большой корабль, испугались и хотѣли уплыть въ лодкѣ своей подальше отъ невиданнаго чуда, но капитанъ корабля *Ченслеръ* оста-

новилъ ихъ и сказалъ, что онъ пріѣхалъ изъ Англіи съ письмами къ государю ихъ отъ своего короля, который желаетъ завести съ русскими торговлю. Начальники Двинской земли тотчасъ дали знать объ этомъ Іоанну, который, понимая, какъ выгодна можетъ быть для народа его торговля съ англичанами, уже и тогда славившимися своими морскими путешествіями и богатымъ купечествомъ, приказалъ послу англійскому пріѣхать въ Москву и принялъ его и всѣхъ бывшихъ съ нимъ англичанъ такъ милостиво и такъ ласково, что они не могли безъ особеннаго чувства благодарности писать о томъ въ Лондонъ, и съ того времени и торговыя сношенія русскихъ съ англичанами, и дружество государей ихъ продолжались во все время царствованія Іоанна.

Но высоко-уважаемый и самыми отдаленными владѣтелями, онъ не находилъ такого расположенія въ близкихъ сосѣдяхъ своихъ и безпрестанно долженъ былъ бояться нападеній то шведскаго короля Густава Вазы, то польскаго — Августа, то крымскаго хана Девлетъ-Гирея. Всѣ они боялись возрастающаго могущества Россіи и старались всѣми силами вредить ей. Густава Вазу, который былъ тогда уже очень старъ, скоро усмиряли храбрые полки русскіе; крымскаго хана прогоняли отъ границъ нашихъ стрѣльцы, и въ особенности днѣпровскіе или литовскіе казаки, перешедшіе тогда въ подданство Россіи съ атаманомъ своимъ, княземъ Вишневецкимъ. Что же касается польскаго и литовскаго короля Августа, то главною причиной несогласій его съ русскимъ царемъ была Ливонія. Іоаннъ жестоко мстилъ ей за то, что она, стараясь помѣшать просвѣщенію Россіи, не пропускала въ нее выписанныхъ имъ ученыхъ и художниковъ. Къ тому же, онъ почиталъ Ливонію землею, давно принадлежавшею Россіи, потому что еще великій князь Ярославъ I, названный въ св. крещеніи Юріемъ, завоевалъ ее, и въ 1030 году основалъ въ ней городъ, названный по его имени *Юрьевымъ*, а потомъ *Дерптомъ;* построилъ тамъ церкви греческія и наложилъ дань на всю землю, которая съ того времени считалась Русскою и только въ 1210 году отнята была у насъ ливонскими рыцарями. Іоаннъ IV, помня все

это и еще болѣе помня послѣднюю дерзость ливонцевъ, непремѣнно рѣшился возвратить Россіи прежнія владѣнія ея, и уже взялъ Нарву, Нейшлотъ, Адежъ, Нейгаузъ, Дерптъ и много другихъ городовъ, а король польскій, желая не менѣе ливонцевъ вредить русскимъ, уговаривалъ рыцарей не терять бодрости и съ радостію обѣщалъ имъ свою помощь и покровительство, когда магистръ ливонскаго ордена, со всѣми рыцарями и дворянствомъ, присягнулъ ему въ вѣрности и просилъ защиты противъ Іоанна. Ливонцы хотѣли лучше зависѣть отъ Польши, нежели отъ Россіи. Послѣ этого надобно было ожидать настоящей войны съ Литвою и Польшею; ливонская же продолжалась уже два года, и во все это время войско русское не переставало побѣждать. Изъ воеводъ Іоанновыхъ всѣхъ болѣе отличались въ этой войнѣ князья: Андрей Курбскій, Иванъ Мстиславскій, Петръ Шуйскій, Василій Серебряный и Даніилъ Адашевъ, братъ Алексія. Несчастная Ливонія почти вся была разорена и выжжена; слабые рыцари, не смотря на всю храбрость магистра своего, молодого Кетлера, вездѣ уступали; между тѣмъ русскіе, гордясь необыкновенными достоинствами царя своего, его славою, его неизмѣннымъ счастіемъ и своими побѣдами, уже надѣялись скоро поздравить другъ друга съ усмиреніемъ Ливоніи и Польши, какъ вдругъ разнеслась горестная вѣсть о неожиданномъ несчастіи и остановила надежду и побѣды ихъ, остановила всѣ радости народа, всѣ мечты о счастіи самого Іоанна! Эта ужасная вѣсть была кончина кроткаго ангела прекрасной царицы Анастасіи. Въ іюлѣ 1560 года она вдругъ занемогла, и больная испугалась сильнаго пожара, случившагося въ Москвѣ. Испугъ усилилъ болѣзнь и, не смотря на все искусство врачей, Анастасія скончалась 7-го августа. Какъ описать то, что̀ происходило тогда въ Москвѣ? Государь былъ въ совершенномъ отчаяніи: этотъ твердый, мужественный, великій Іоаннъ плакалъ и рвался какъ слабая женщина! Бояре, окружавшіе его, и даже самъ братъ его, князь Юрій Васильевичъ, боялись утѣшать его; одинъ митрополитъ иногда осмѣливался подходить къ нему и напоминать о томъ, что христіанинъ долженъ быть покоренъ Богу. Народъ неутѣшно рыдалъ; бѣдные, идучи за гробомъ

доброй благодѣтельницы своей, называли ее всѣми нѣжнѣйшими именами, и въ глубокой, нелицемѣрной горести даже отказывались принимать милостыню. Однимъ словомъ, всѣ какъ будто предчувствовали, что вмѣстѣ съ прекрасною душою Анастасіи отлетятъ на небо и добродѣтели царя, и счастіе народа его! Они угадали: слава Іоанна добродѣтельнаго кончилась съ жизнію супруги его и, оплакивая первую, незабвенную *царицу* свою, предки наши приготовлялись къ тѣмъ горькимъ слезамъ, которыя проливали они потомъ отъ жестокостей уже не великаго, но грознаго, но страшнаго своими пороками Іоанна!

ОПРИЧНИКИ И СЛОБОДА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ.

отъ 1560 до 1569 года.

(9 лѣтъ).

Мы дошли теперь до ужаснаго мѣста исторіи нашей, милые читатели. До сихъ поръ вы видѣли, что государи русскіе всегда любили народъ свой, всегда заботились о немъ съ отеческою нѣжностію, и если встарину, во времена междоусобій, были въ числѣ ихъ князья жестокіе, безжалостно разорявшіе свои области, то это были князья-враги между собою, которые мстили за сдѣланныя имъ обиды и, примирясь другъ съ другомъ, старались вознаградить народъ за несчастія, причиненныя ихъ несогласіемъ. Но теперь бѣдные предки наши видѣли предъ собою государя, который былъ жестокъ не къ врагамъ, но къ вѣрнымъ подданнымъ своимъ; который съ удовольствіемъ могъ смотрѣть на мученіе умирающихъ, который иногда даже собственными руками отрѣзывалъ въ шутку уши у любимцевъ своихъ, или убивалъ ихъ за одно неосторожное слово! Вы пугаетесь и, конечно, едва вѣрите тому, что я разсказываю,—вы, возрастающіе въ кроткое, отеческое правленіе царствующаго Государя нашего,—вы, привыкшіе видѣть его нѣжныя попеченія не только о под-

данныхъ, достойныхъ по заслугамъ своимъ его драгоцѣннаго вниманія, но даже и о дѣтяхъ, еще ничѣмъ не заслужившихъ эту высокую честь [1]). Такъ, друзья мои, намъ трудно повѣрить *жестокостямъ* протекшаго времени; даже и предки наши, видѣвшіе ихъ собственными глазами, едва вѣрили имъ и говорили, что онѣ происходятъ не отъ сердца царя, но по волѣ Божіей, наказующей ихъ за грѣхи. Эта мысль помогала имъ переносить безъ малѣйшаго ропота страданія свои, а намъ поможетъ выслушать разсказъ объ ужасныхъ дѣлахъ Іоанна IV, еще такъ недавно добраго и великаго.

Вы помните совѣтъ, какой далъ молодому государю старый епископъ Вассіанъ. Этотъ совѣтъ причинилъ первое зло: онъ отдалилъ отъ сердца Іоанна тѣхъ людей, которыхъ усердію и добродѣтелямъ онъ обязанъ былъ своею славою—священника Сильвестра и Алексія Адашева. Возвратясь изъ монастыря Кириллова, онъ уже не любилъ ихъ, но еще уважалъ заслуги ихъ, и при жизни ангела-хранителя своего, доброй Анастасіи, еще могъ удерживать дурныя склонности и злыя помышленія свои. Но съ тѣхъ поръ, какъ ея не стало, все перемѣнилось: пылкая душа Іоанна, потерявъ милое и единственное существо, имѣвшее власть надъ нею, увлекаемая льстецами, раздражаемая людьми злыми, пришла снова въ то состояніе, въ какомъ была за тридцать лѣтъ предъ тѣмъ, и еще хуже, ожесточилась такъ, что Іоанна уже не могли умолить никакія просьбы, не могли смягчить никакія слезы. Какъ скоро государыня скончалась, враги Сильвестра и Адашева распустили слухъ, что она отравлена ими. Іоаннъ въ безотрадной тоскѣ по умершей повѣрилъ ложному слуху, не хотѣлъ выслушать оправданій обвиняемыхъ и по рѣшенію несправедливаго суда наказалъ ихъ: Сильвестра сослалъ на дикій островъ Бѣлаго моря, въ монастырь Соловецкій; Адашева въ го-

---

[1]) Вѣрно многіе изъ читателей моихъ или сами воспитываются или имѣютъ братьевъ, сестеръ, родственниковъ и друзей въ корпусахъ и институтахъ, и вѣрно всѣ они видятъ или слышатъ, какъ милостивъ и снисходителенъ Государь, какъ добра и ласкова Государыня къ дѣтямъ, воспитывающимся подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ихъ Величествъ.

родъ Дерптъ, гдѣ чрезъ два мѣсяца этотъ добродѣтельный другъ царя, названный въ исторіи *красою вѣка и человѣчества*, умеръ въ темницѣ.

Послѣ этихъ двухъ первыхъ жертвъ несправедливости Іоанна начались страданія друзей и приверженцевъ ихъ: всѣ они были или сосланы или казнены. Любимцами Іоанна сдѣлались теперь люди, отличавшіеся не храбростію, не благородствомъ, не добротою души, но злостію, клеветою, низкими доносами; только они могли жить спокойно; добрые же бояре каждую минуту боялись смерти или *опалы*, т. е. гнѣва царскаго. Многіе изъ нихъ отъ страха уходили въ Литву и Польшу. Въ числѣ такихъ измѣнниковъ былъ, къ сожалѣнію всѣхъ русскихъ, и знаменитый герой, участвовавшій въ завоеваніяхъ Казани и Ливоніи, прежній любимецъ царя — князь Андрей Курбскій. Хотя онъ съ чрезвычайною горестію рѣшился на эту измѣну, но тѣмъ не менѣе она покрыла имя его вѣчнымъ стыдомъ и заставила совѣсть его испытать вѣчныя мученія. Съ какою невыразимою грустію слушалъ онъ разсказы о вѣрности другихъ бояръ Іоанна; какъ завидовалъ той твердости, съ которою они, не смотря на всѣ лестныя предложенія короля польскаго, не измѣнили чести и терпѣливо переносили жестокость Іоанна, какъ наказаніе, посланное имъ отъ Бога. Но это терпѣніе и покорность не умилостивили сердце жестокое: довольно было одного подозрѣнія, чтобы раздражить Іоанна, а онъ подозрѣвалъ каждаго. Всѣ вельможи казались ему тайными злодѣями, друзьями Курбскаго. Находясь въ такомъ безпокойномъ состояніи, выдумалъ онъ новое средство для своей безопасности. Послушайте, друзья мои, и подивитесь, до чего можетъ дойти человѣкъ — это прекрасное созданіе Божіе, — когда дастъ волю своимъ страстямъ!

Въ концѣ 1564 года Іоаннъ вдругъ собрался ѣхать куда-то со всѣмъ своимъ семействомъ, приближенными, любимцами, со всѣмъ богатствомъ и деньгами изъ дворцовъ и даже изъ церквей придворныхъ. Бояре и народъ съ удивленіемъ смотрѣли на этотъ таинственный отъѣздъ и въ страхѣ ожидали чего нибудь чрезвычайнаго. Вскорѣ

услышали, что царь со всѣмъ дворомъ остановился въ слободѣ Александровской [1]).

Прошелъ мѣсяцъ. Все было въ прежней унылой тишинѣ ожиданія. Вдругъ 3-го января 1565 года митрополитъ получаетъ письмо отъ государя. Іоаннъ описывалъ въ немъ беззаконія бояръ, разорявшихъ Россію во время его малолѣтства; говорилъ, что духъ ихъ до сихъ поръ не перемѣнился; что они все еще злодѣйствуютъ, а если государь вздумаетъ наказывать ихъ, то митрополитъ и все духовенство вступаются за виновныхъ. (Это правда, что служители Божіи осмѣливались иногда умолять грознаго царя за несчастныхъ, осужденныхъ на казнь). «И потому»,—продолжалъ Іоаннъ,—«не желая терпѣть вашихъ измѣнъ, мы отъ жалости сердца оставили государство и поѣхали, куда Богъ покажетъ намъ путь!»

Этого было довольно, чтобы встревожить весь народъ, которому безначаліе казалось страшнѣе всѣхъ жестокостей. «Государь оставляетъ насъ!»—кричали съ горестію вѣрные москвитяне. — «Мы погибаемъ! Кто будетъ нашимъ защитникомъ отъ чужеземцевъ! Кто будетъ начальникомъ царства нашего?—и въ эту минуту отчаянія всѣ пороки, всѣ злодѣйства Іоанна исчезли въ глазахъ добраго народа: онъ видѣлъ въ немъ только царя своего и умолялъ митрополита умилостивить Іоанна. Духовенство, бояре и всѣ чиновники со слезами просили о томъ же и всѣ въ одинъ голосъ говорили: «Пусть царь казнитъ своихъ злодѣевъ, но царство безъ царя быть не можетъ. *Мы всѣ ѣдемъ за тобою, бить челомъ государю и плакаться!*»

Они исполнили это, и въ тотъ же день отправились въ слободу Александровскую. Іоаннъ ожидалъ ихъ: онъ зналъ народъ свой, зналъ его пламенную, безпредѣльную привязанность къ царямъ своимъ и мнимое отреченіе отъ государства было только хитростію. Какъ будто противъ воли и только для просьбы митрополита согласился онъ быть опять государемъ Россіи, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы никто изъ духовенства никогда не вмѣшивался въ дѣла

---

[1]) Теперь городъ *Александровъ* въ Владимірской губерніи, 156 верстъ отъ Москвы. Слобода Александровская была любимымъ мѣстомъ Іоанна IV.

его и не просилъ за виновныхъ, которыхъ онъ найдетъ достойными казни.

2-го февраля царь въѣхалъ въ Москву и на другой же день созвалъ къ себѣ духовенство, бояръ и знатнѣйшихъ чиновниковъ. Но какъ же удивились всѣ, увидѣвъ Іоанна! Наружность его, прежде привлекательная, такъ перемѣнилась, что вѣрные подданные едва узнали его! Свѣтлые, проницательные, полные огня глаза его были теперь мрачны и дики; всѣ черты прежняго, моловиднаго лица сдѣлались безобразны, а на головѣ и въ бородѣ не осталось почти ни одного волоса. И все это произошло оттого, что онъ безпрестанно предавался сильному гнѣву и жестокости. Это ужасно, ужасно, милые читатели мои!

Іоаннъ объявилъ собравшимся боярамъ, что онъ намѣренъ для своей и государственной безопасности учредить новыхъ тѣлохранителей. Сначала никто не удивился этой новости, потому что всѣ знали боязливость его съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ быть добродѣтельнымъ; но когда объяснилось, какіе будутъ это тѣлохранители, то всѣ ужаснулись.

Іоаннъ объявилъ своею собственностію девятнадцать городовъ съ разными волостями; выбралъ 6,000 человѣкъ изъ князей, дворянъ и дѣтей боярскихъ и далъ имъ имѣнія въ этихъ городахъ, а тамошнихъ владѣльцевъ перевелъ въ другія мѣста; въ самой Москвѣ взялъ себѣ также нѣсколько улицъ, откуда должны были выѣхать всѣ незаписанные въ царскіе тѣлохранители; назначилъ себѣ *особенныхъ* чиновниковъ для услугъ: дворецкаго, казначеевъ, ключниковъ, даже поваровъ, хлѣбниковъ и другихъ ремесленниковъ и, не желая жить во дворцѣ своихъ предковъ, приказалъ строить себѣ новый, за рѣчкою Неглинною. Вотъ эта часть Россіи и Москвы, эта шести-тысячная дружина тѣлохранителей, этотъ новый дворъ, неимѣвшій другого начальника, кромѣ самого царя, были названы *Опричниною,* а все остальное, т. е. все государство—*Земщиною,* которую Іоаннъ поручилъ *боярамъ земскимъ,* велѣвъ имъ рѣшать всѣ дѣла съ прежними чиновниками, а въ важныхъ случаяхъ относиться къ нему.

Новые ужасы начались вмѣстѣ съ новымъ порядкомъ въ правленіи и особенно вмѣстѣ съ страшною опричниною!

Въ нее выбраны были молодые люди, отличные не достоинствами, но удальствомъ и дерзкою готовностію на все. Царь взялъ съ нихъ присягу служить ему вѣрою и правдою, доносить на измѣнниковъ, не дружиться съ *земскими*, не водить съ ними хлѣба-соли, не знать отца и матери, знать одного государя. За такую совершенную преданность Іоаннъ отдалъ въ жертву своимъ *опричникамъ* всю Россію: они дѣлали все, что̀ хотѣли, и были всегда правы въ судахъ. Опричникъ могъ безъ всякаго страха притѣснять своего сосѣда, а если онъ пожалуется — брать пеню за безчестье. Послѣ этого подумайте, чего не могли дѣлать эти своевольные тѣлохранители немилосердаго Іоанна! Доносы ихъ на людей *земскихъ*, т. е. на всѣхъ, не принадлежавшихъ къ ихъ ужасной дружинѣ, были безконечны; злодѣйства — безчисленны; ненависть къ нимъ всего народа — неописанна! Но они не огорчались этою ненавистью: чѣмъ сильнѣе нанавидѣли ихъ, тѣмъ болѣе довѣренности имѣлъ къ нимъ Іоаннъ. Онъ далъ имъ достойное отличіе: опричники ѣздили всегда съ *собачьими головами* и съ *метлами*, привязанными къ сѣдламъ ихъ, въ знакъ того, что они *грызутъ* злодѣевъ царскихъ и *метутъ* Россію. О! какъ радовались этому отличію бѣдные жители московскіе, проходившіе по улицамъ! По крайней мѣрѣ, благодаря ему, они съ перваго взгляда узнавали злодѣевъ и спѣшили скрываться отъ нихъ, такъ что иногда многолюдныя прежде улицы столицы были пусты, какъ въ какомъ нибудь необитаемомъ городѣ. Уныніе и пустота Москвы еще примѣтнѣе сдѣлались съ тѣхъ поръ, какъ государь разлюбилъ ее и, не считая себя безопаснымъ даже въ новомъ, крѣпкомъ дворцѣ своемъ, жилъ по большей части въ слободѣ Александровской. Съ того времени эта слобода сдѣлалась городомъ и украсилась церквами, домами и лавками каменными. Царь жилъ въ палатахъ, обведенныхъ рвомъ и валомъ; чиновники—въ особенныхъ домахъ. Здѣсь-то Іоаннъ проводилъ почти все время, занимаясь церковною службою: казалось, онъ думалъ успокоить молитвами душу свою. Набожность его была такъ велика, что дворецъ походилъ на монастырь. Любимцевъ своихъ онъ называлъ монахами, себя—игумномъ; всѣ они ходили въ скуфейкахъ и черныхъ

рясахъ, подъ которыми носили богатые кафтаны съ соболь-ими опушками. Въ четыре часа утра Іоаннъ ходилъ самъ на колокольню съ первымъ любимцемъ и другомъ своимъ, Малютою Скуратовымъ, благовѣстилъ къ заутрени; потомъ самъ же пѣлъ, читалъ и молился такъ усердно, что на лбу всегда оставались у него знаки земныхъ поклоновъ. Въ восемь часовъ опять собирались къ обѣднѣ; вечеромъ къ вечернѣ.

Въ прекрасной трагедіи Пушкина „*Борисъ Годуновъ*“ есть разсказъ одного старца-монаха о тогдашней жизни Іоанна:

Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ;
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ,
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней:
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
«Отцы мои, желанный день придетъ,
Предстану здѣсь алкающій спасенья,
Ты Никодимъ, ты Сергій, ты Кириллъ,
Вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный:
Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,
И схиму здѣсь честную воспріиму,
Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши».
Такъ говорилъ державный государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилась
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.

Но напрасно молились они: характеръ Іоанна не исправлялся. Можетъ быть въ наше время искусство врачей открыло бы, что причиною необыкновенной жестокости

его была какая нибудь болѣзнь тѣла или разстройство души, слишкомъ сильно пораженной невозвратною потерею нѣжно любимой супруги; но тогда не думали этого; тогда никто не воображалъ, чтобы сильная горесть могла имѣть какое нибудь чрезвычайное вліяніе на здоровье человѣка, и потому, вовсе не подозрѣвая никакой болѣзни въ Іоаннѣ, предки наши присоединяли его къ числу тѣхъ ужасныхъ правителей, которыхъ иногда Богъ посылаетъ для наказанія народовъ, и какими у римлянъ были *Калигула* и *Неронъ*, у французовъ—*Лудовикъ XI*. И римляне, и французы ужасались имени этихъ государей, но не таково было чувство русскихъ къ Іоанну: когда побѣды храбрыхъ войскъ его раздавались и въ Ливоніи, и въ Литвѣ, и въ Крыму, когда умными распоряженіями его торговля русская цвѣла не только въ Москвѣ, Астрахани и Казани, но даже въ Германіи и Англіи, когда онъ торжественно въѣзжалъ въ Москву и съ обыкновеннымъ своимъ великолѣпіемъ принималъ знаменитыхъ пословъ иностранныхъ, когда они со всѣми знаками глубочайшаго уваженія стояли передъ нимъ и слушали остроумные разговоры его о важныхъ дѣлахъ государственныхъ,—добрый народъ забывалъ свои страданія, забывалъ слободу Александровскую со всѣми ея ужасами и, гордясь величіемъ Россіи, помнилъ только, что Іоаннъ — царь его! Это имя, священное для русскихъ, производило въ такія минуты свое чудесное дѣйствіе надъ сердцами ихъ: имъ казалось, что они любили Іоанна!

СЛАБОСТЬ РОССІИ.

отъ 1569 до 1582 года.

(13 лѣтъ).

Но величіе Россіи не могло быть продолжительно при такомъ государѣ и при такихъ происшествіяхъ въ государствѣ. Іоаннъ, истребляя иногда цѣлыя поколѣнія князей и бояръ, не щадилъ и тѣхъ изъ нихъ, которые отли-

чались великими заслугами своими въ дѣлахъ военныхъ или гражданскихъ: онъ казнилъ ихъ наравнѣ съ обыкновенными преступниками, и оттого число умныхъ и знаменитыхъ совѣтниковъ царскихъ безпрестанно уменьшалось, такъ что вскорѣ Іоаннъ остался почти одинъ съ своими недостойными любимцами, съ своею ужасною дружиною опричниковъ и съ своими глупыми шутами и забавниками.

Враги, окружавшіе Россію и съ завистію смотрѣвшіе на ея могущество, обрадовались такой перемѣнѣ и спѣшили воспользоваться ею. Тогда-то узналъ жестокій Іоаннъ свою ошибку; тогда-то почувствовалъ онъ самъ отвращеніе къ ненавистнымъ опричникамъ, лишившимъ его клеветами своими лучшихъ вельможъ и полководцевъ. Но напрасны были всѣ сожалѣнія его: сдѣланнаго перемѣнить было невозможно. Въ первомъ пылу досады и гнѣва онъ уничтожилъ опричнину. Это случилось спустя семь лѣтъ послѣ ея учрежденія. Однакожъ зло не поправилось тѣмъ: убитые князья: Горбатый-Шуйскій, Серебряный, Одоевскій, Куракинъ—не воскресли, а между тѣмъ враги нападали со всѣхъ сторонъ на бѣдное отечество наше.

Первымъ изъ нихъ былъ крымскій ханъ Девлетъ-Гирей. Набравъ болѣе ста тысячъ войска, онъ неожиданно подошелъ къ городу Серпухову, гдѣ находился самъ Іоаннъ. Вмѣсто того, чтобы показать рѣшительное сопротивленіе, царь, уже не прежній мужественный, великій Іоаннъ, окруженный героями, но слабый, ненадѣявшійся не только на искусство, но даже и на усердіе своихъ полководцевъ, бѣжалъ въ Коломну, потомъ въ слободу Александровскую, наконецъ въ Ярославль, а ханъ между тѣмъ пробрался прямо въ Москву, и разорилъ, и сжегъ ее такъ, что изъ всѣхъ зданій остался одинъ Кремль. Девлетъ-Гирей не хотѣлъ осаждать его, и на другой день, посмотрѣвъ съ Воробьевыхъ горъ на опустошенную столицу, отправился назадъ, испугавшись ложнаго слуха, что многочисленное войско идетъ на помощь къ русскимъ. Такъ бѣдная Москва еще разъ была въ рукахъ варваровъ! Возвратившійся государь не скоро могъ опять поправить ея разрушенныя стѣны, населить ея опустѣвшія улицы. Онъ еще не успѣлъ заняться этимъ, какъ новые враги уже спѣшили въ Россію!

То были поляки. Но прежде, нежели мы будемъ говорить о нихъ читателямъ, надобно узнать о главной причинѣ ссоръ ихъ съ русскими, — о землѣ ливонской. Вы вѣрно не забыли, въ какое жалкое положеніе привели побѣды Іоанна эту несчастную страну еще въ 1560 году. Съ того времени русскіе не переставали разорять ее и въ 1561 году рыцари ливонскіе уже не существовали болѣе: орденъ ихъ уничтожился и ливонцы признали государемъ своимъ польскаго короля Августа, который, получивъ въ свое владѣніе всю южную Ливонію, обѣщалъ не измѣнять ни вѣры, ни законовъ ея. Послѣдній магистръ Кетлеръ, сложивъ съ себя это достоинство, получилъ отъ короля званіе наслѣдственнаго герцога Курляндіи. Прочія земли орденскія раздѣлились еще на три части: Нарва, Дерптъ и всѣ мѣста, сосѣдственныя съ Россіею, были завоеваны Іоанномъ; Гаррія, Ревель и половина Вирландіи—шведами; Эзель принадлежалъ датскому принцу Магнусу. Всѣ эти различные владѣтели безпрестанно ссорились между собою, желая вытѣснить одинъ другого. Пока знаменитые полководцы Іоанна IV еще жили и начальствовали войскомъ его, русскіе были вездѣ побѣдителями и города Ливоніи одинъ за другимъ покорялись оружію ихъ; но когда въ 1577 году Іоаннъ казнилъ послѣдняго изъ героевъ, прославившагося при взятіи Казани — князя Михаила Воротынскаго, счастіе, какъ будто желая справедливо наказать Іоанна, совершенно оставило его, и войско русское, лучше нежели когда нибудь устроенное, но подъ начальствомъ новыхъ, неискусныхъ предводителей, забыло побѣждать и послѣ каждаго сраженія должно было стыдиться то шведовъ, то поляковъ. Особенно послѣдніе славились въ это время своими успѣхами. Они обязаны были этою славою новому знаменитому въ исторіи королю своему—Стефану Баторію. Еще въ 1573 году умеръ слабый Сигизмундъ-Августъ, не оставивъ послѣ себя наслѣдниковъ. Поляки долго не знали, кого выбрать государемъ своимъ; многіе изъ нихъ, чтобы привесть отечество свое въ безопасность отъ враговъ, окружавшихъ его, турокъ и австрійцевъ, охотно желали видѣть на престолѣ своемъ сильнаго царя русскаго или одного изъ сыновей его и даже посылали для того

вельможъ своихъ въ Москву; но другіе, слыша о жестокостяхъ Іоанна, боялись быть подъ властію его и спорили съ своими соотечественниками, приверженными къ Россіи; къ тому же и самъ Іоаннъ, не предвидя большихъ для себя выгодъ отъ соединенія Россіи съ Польшею, которой надобно было безпрестанно помогать въ ея войнахъ съ Турціею, Австріею и Крымомъ, не слишкомъ желалъ чести быть королемъ поляковъ, или дать имъ своего сына, и предложилъ посламъ такія затруднительныя условія, что они безъ всякаго успѣха возвратились въ Варшаву. Тогда народъ польскій, въ угодность самому опасному изъ враговъ своихъ—турецкому султану Селиму, избралъ королемъ друга его, князя семиградскаго [1]), Стефана *Баторія*. Впрочемъ, слухъ о достоинствахъ Стефана давно уже носился въ Польшѣ; всѣ знали, что онъ получилъ свое княжество по выбору народа семиградскаго, который, удивляясь его уму, учености, краснорѣчію, отличной храбрости, надѣялся быть счастливымъ подъ его правленіемъ и не обманулся въ своей надеждѣ. Видя это, и поляки съ радостію назвали его королемъ своимъ. Благодарный за такую довѣренность, Баторій спѣшилъ исполнить ожиданія новыхъ подданныхъ своихъ, и зная, что болѣе всего онъ можетъ угодить имъ униженіемъ Россіи, обратилъ на нее все свое вниманіе. Прежде всего онъ обѣщалъ полякамъ возвратить всѣ области, нѣкогда отнятыя Россіею у Польши и Литвы.

Но для войны съ Іоанномъ надобно было запастись союзниками. Баторій скоро нашелъ ихъ въ короляхъ шведскомъ и датскомъ и въ ханѣ крымскомъ. Кромѣ того, къ нему пришли изъ Трансильваніи и земли нѣмецкой опытные наемные воины, прежде служившіе ему; его увѣряли въ своемъ дружествѣ—султанъ турецкій и самъ папа, однимъ словомъ, все, казалось, соединилось на погибель отечества нашего, все угрожало ему нападеніемъ и некому было думать о защищеніи его, не смотря на то, что восемьдесятъ крѣпостей нашихъ были наполнены воинами и

[1]) Великое княжество Семиградское называется теперь *Трансильваніею* и составляетъ часть венгерскаго королевства.

всѣми нужными снарядами, что одинъ особенный царскій полкъ имѣлъ 40,000 дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ, что, кромѣ русскихъ, готовы были сражаться за Россію и князья черкесскіе, шевкалскіе, мордовскіе, ногайскіе, и царевичи, и мурзы старинной Золотой Орды, также казанской и астраханской.

Читая это, вы вѣрно съ трудомъ можете повѣрить, дѣти, что при такомъ многочисленномъ войскѣ некому было думать о защитѣ отечества! Но, къ несчастію, это была правда! Что значитъ самое пламенное усердіе народа, если государь не ободряетъ его примѣромъ своимъ? Что значитъ самое храброе войско безъ храбрыхъ и умныхъ начальниковъ? Въ такомъ случаѣ и народъ, и войско часто совсѣмъ погибаютъ. Такъ едва не случилось и съ Россіей во время войны съ Баторіемъ. При извѣстіи о первыхъ побѣдахъ его, Іоаннъ уже потерялъ бодрость, предоставилъ начальство надъ войскомъ воеводамъ и самъ не участвовалъ ни въ одномъ сраженіи. Въ началѣ войны жилъ онъ нѣсколько времени во Псковѣ, но потомъ уѣхалъ въ слободу Александровскую и оттуда вотъ какъ писалъ къ главнымъ воеводамъ: «Промышляйте дѣломъ государевымъ, какъ Всевышній вразумитъ васъ и какъ лучше для безопасности Россіи. Всю надежду мою возлагаю на Бога и на ваше усердіе». Воеводы, видя несмѣлость царя, сами дѣлались робкими и, не смотря на храбрость, всегда неразлучную съ русскими, города наши одинъ за другимъ сдавались Баторію. Прежде всего онъ взялъ Полоцкъ, потомъ еще девять городовъ, въ числѣ которыхъ и Старую Руссу. Въ Ливоніи войска Стефана опустошили всѣ города, такъ недавно еще завоеванные русскими, и Богъ знаетъ, до какого униженія доведено было бы отечество наше этою несчастною войною, еслибы наконецъ гордость Баторія не смирилась у стѣнъ древняго города Ольги—Пскова. Здѣсь были еще воеводы надежные, присягнувшіе Іоанну умереть, но не сдаться непріятелю. Первыми изъ нихъ были князья Шуйскіе: Иванъ Петровичъ и Василій Ѳедоровичъ Шуйскій-Скопинъ. Они-то вмѣстѣ съ храбрыми псковитянами поддержали честь имени русскаго и спасли Россію отъ величайшей опасности: еслибы Псковъ сдался, то Ба-

торій взялъ бы Смоленскъ и всю землю Сѣверскую, а можетъ быть даже и Новгородъ. Но они своею неустрашимостью остановили его посреди самыхъ блестящихъ побѣдъ, и послѣ четырехъ-мѣсячной осады заставили, наконецъ, согласиться на десятилѣтнее перемиріе съ Іоанномъ. Правда, что условія этого перемирія были тягостны: русскіе должны были отказаться отъ всей Ливоніи, и прежней, принадлежавшей еще стариннымъ государямъ русскимъ, и вновь завоеванной Іоанномъ, и уступить Польшѣ — Полоцкъ и Велижъ, но за то Стефанъ возвратилъ намъ всѣ взятые имъ города Псковской области.

Русскіе успокоились, но еще были унылы: имъ грустно было видѣть необыкновенную слабость своего отечества, имъ грустно было слушать разсказы о той горести, съ которою соотечественники ихъ отдавали родные города свои литовцамъ и полякамъ. Но вдругъ новое несчастіе перемѣнило тихую печаль ихъ въ ужасъ и горькія слезы. Приготовьтесь, читатели мои, услышать страшное происшествіе, которое заставитъ васъ еще болѣе пожалѣть о той крайности бѣдствія, въ которую повергла Іоанна его неукротимая вспыльчивость.

Послѣ смерти царицы Анастасіи, Іоаннъ Васильевичъ былъ нѣсколько разъ женатъ и имѣлъ многихъ дѣтей, но болѣе всѣхъ любилъ онъ *Іоанна,* старшаго сына первой супруги своей. Никогда не разлучаясь съ отцомъ, молодой царевичъ былъ во всемъ похожъ на него. Однакожъ, не смотря на чрезвычайную жестокость своего нрава, онъ показывалъ иногда чувствительность къ несчастіямъ отечества, и во время послѣднихъ переговоровъ о мирѣ съ Баторіемъ, досадуя на уступчивость отца, просилъ, чтобы онъ послалъ его съ войскомъ изгнать непріятеля и освободить отъ стыда имя русское. Іоаннъ ужасно разсердился и закричалъ: «И ты вмѣстѣ съ боярами хочешь свергнуть меня съ престола!» Въ жестокомъ гнѣвѣ своемъ онъ даже ударилъ тростью по головѣ любимаго сына. Въ ту же минуту несчастный царевичъ упалъ, обливаясь кровью, и черезъ четыре дня скончался, 19 ноября 1582 года.

Ужасно было отчаяніе Іоанна. Никто не думалъ тогда,

чтобы печальный государь, въ нѣмой горести сидѣвшій надъ тѣломъ милаго сына, былъ тотъ же грозный Іоаннъ, предъ которымъ дрожали и поданные, и чужеземцы. Неумолимое сердце его готово было въ то ужасное для него время прощать и миловать всѣхъ, готово было даже отдать собственную жизнь, чтобы только воскресить драгоцѣнное дитя свое! Но ни раскаяніе, ни слезы не помогали: надобно было покориться волѣ Божіей! Іоаннъ чувствовалъ, что это ужасное несчастіе послано на него съ небесъ, какъ страшное наказаніе за безчисленныя жестокости его и былъ такъ глубоко пораженъ имъ, предавался такому горестному отчаянію, что не только всѣ добрые подданные его, но даже и тѣ, которые еще ненавидѣли его за претерпѣнныя страданія, не могли безъ слезъ смотрѣть на его горесть. Иногда мученія совѣсти внушали виновному Іоанну обѣты покаянія, и тогда любимою мыслію его было кончить жизнь въ монастырѣ. Такая мысль казалась новымъ несчастіемъ для вѣрнаго народа, еще такъ недавно испытавшаго слабость своего отечества. Огорченная и встревоженная Россія давно уже не была въ такомъ несчастномъ положеніи, но, благодаря Бога, оно было непродолжительно, и вскорѣ новое завоеваніе воскресило надежды ея и разсѣяло нѣсколько ужасную тоску царя.

ЕРМАКЪ, ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ.

отъ 1582 до 1584 года.

(2 года).

Императоръ нашъ, въ громкомъ титулѣ своемъ, называется также государемъ *югорскимъ, обдорскимъ* и *кондійскимъ*. Не знаете ли вы, дѣти, отъ чего произошли эти названія и гдѣ эти Югорскія, Обдорскія и Кондійскія земли, ему принадлежащія? Вѣрно нѣтъ, потому что теперь уже такъ не зовутъ ихъ. Итакъ, я скажу вамъ: онѣ лежатъ въ нашей богатой Сибири, друзья мои,—въ Сибири, которую

еще предки наши, не имѣвшіе понятія объ ея драгоцѣнныхъ рудникахъ, называли *золотымъ дномъ,* и изъ которой мы получаемъ теперь самые лучшіе металлы, самые прекрасные камни и яшмы, самые дорогіе мѣха бобровые, собольи, куньи и лисьи.

Смѣлые новгородцы были первые изъ предковъ нашихъ, рѣшившіеся еще въ XI вѣкѣ переѣхать горы Уральскія, отдѣляющія Сибирь отъ Европы. Смѣлость ихъ была вознаграждена: полудикіе жители странъ зауральскихъ, отъ страха къ незнакомымъ пришельцамъ, согласились платить имъ выгодную дань прекрасными мѣхами. Новгородцы назвали земли новыхъ данниковъ своихъ: *Югорскими.* Впослѣдствіи времени купцы, ѣздившіе торговать въ богатую Югорскую землю, называли страны, лежавшія по берегамъ рѣки Оби—*Обдоріею,* по берегамъ Конды—*Кондіею.* Но эти страны еще не принадлежали русскимъ совершенно, хотя Іоаннъ IV уже назывался не только государемъ обдорскимъ и кондійскимъ, но даже и *сибирскимъ,* съ тѣхъ поръ, какъ Эдигеръ, князь сибирскій, самъ захотѣлъ быть его данникомъ. Читатели, конечно, не забыли, что Эдигеръ сдѣлалъ это сколько изъ уваженія къ славѣ государя русскаго, столько и изъ страха къ окружавшимъ его разнымъ князьямъ татарскимъ, которые часто нападали на его владѣнія. Но Эдигеръ ошибся въ своихъ разсчетахъ: отдаленное разстояніе Сибири отъ Москвы препятствовало Іоанну во̀-время помогать ему, и прежде нежели царь узналъ объ опасностяхъ своего новаго данника, Эдигеръ уже былъ убитъ Кучумомъ, сыномъ киргизскаго хана. Побѣдитель завладѣлъ его столицею, *Искеромъ*[1]), и назвался *царемъ сибирскимъ.* Сначала Кучумъ, боясь гнѣва Іоаннова и еще неувѣренный въ покорности новыхъ подданныхъ своихъ, призналъ надъ собою, какъ и Эдигеръ, верховную власть царя русскаго, но потомъ, утвердясь въ своихъ владѣніяхъ, не только не хотѣлъ платить назначенной дани, но даже часто дѣлалъ набѣги на границы наши, и особенно на землю пермскую, лежавшую ближе всѣхъ къ его вла-

[1]) Городъ *Искеръ* назывался также и *Сибирью,* и былъ построенъ при рѣкѣ Иртышѣ, въ 16 верстахъ отъ нынѣшняго Тобольска.

дѣніямъ. Іоаннъ, занятый въ это время безпрестанными войнами, не могъ послать ни одного отряда войскъ своихъ для усмиренія дерзкаго князя татарскаго; но въ богатой землѣ Пермской жило много русскихъ семействъ, занимавшихся выгодною торговлею съ сосѣдственными народами. Самыми знаменитыми изъ нихъ были: Яковъ и Григорій *Строгановы*. Они отличались своимъ умомъ, богатствомъ, усердіемъ къ государю, любовью къ отечеству. Зная уваженіе и привязанность всѣхъ жителей страны Пермской къ Строгановымъ, Іоаннъ избралъ ихъ быть защитниками границъ нашихъ, и для того далъ имъ много земель по рѣкамъ Камѣ, Сылвѣ и Чусовой, позволилъ строить крѣпости, имѣть свое войско, торговать двадцать лѣтъ безъ пошлинъ съ бухарцами и киргизами, съ тѣмъ условіемъ только, чтобы они оберегали Россію отъ нападеній сибирскихъ татаръ на то время, пока войска его имѣютъ дѣло съ другими непріятелями. Строгановы вѣрно исполняли возложенную на нихъ обязанность, но не могли справиться съ Кучумомъ: полки ихъ, набранные изъ разныхъ людей вольныхъ, не были многочисленны, потому что жители земли Пермской болѣе любили заниматься торговлею, нежели войною. Итакъ, Строгановы рѣшились не здѣсь, но гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ искать храбрыхъ, неустрашимыхъ воиновъ, съ которыми бы можно было вѣрнѣе исполнить желаніе царя и побѣдить враговъ его. Какъ вы думаете, друзья мои, гдѣ надѣялись они найти такихъ воиновъ?.. Точно, вы угадали, у казаковъ! Эти ловкіе наѣздники имѣли съ излишествомъ то, чего недоставало у пермскихъ жителей: если они сами не вели ни съ кѣмъ войны и никто изъ сосѣднихъ государей не нанималъ ихъ сражаться за себя, то самые отважные и, можно сказать, самые дурные люди изъ нихъ выѣзжали на большія дороги и тамъ грабили и бились съ проѣзжими. Между такими недостойными удальцами были въ это время пять атамановъ: Ермакъ Тимофѣевъ, Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ и Матвѣй Мещерякъ. Они дѣлали такъ много зла, что уже были подъ гнѣвомъ государя, и Иванъ Кольцо даже осужденъ имъ на смерть. Строгановы умѣли обратить въ пользу отечества ихъ отчаянную храбрость и

дерзкое безстрашіе, необходимыя для войны съ жестокими варварами и для безчисленныхъ опасностей, какія могли встрѣтиться съ войскомъ въ странѣ чужой и неизвѣстной. Они думали сдѣлать въ одно время два добрыя дѣла: доставить царю нужныхъ людей и обратить на путь истинный преступниковъ.

Усердіе Строгановыхъ имѣло полный успѣхъ: въ ту самую минуту, какъ атаманы прочитали ласковое письмо ихъ, мысль примириться съ совѣстію и заслужить снова милость государя такъ тронула еще не совсѣмъ ожесточенныя сердца пяти казаковъ, что они съ радостію, даже со слезами благодарности на глазахъ, согласились на предложеніе Строгановыхъ—быть воинами *царя Бѣлаго* и защищать христіанъ пермскихъ отъ притѣсненій невѣрныхъ.

Скоро собрали они дружину изъ 540 храбрыхъ казаковъ, и подъ начальствомъ лучшаго и смѣлѣйшаго изъ нихъ—Ермака, весело поплыли по Волгѣ, къ Строгановымъ. Какъ скоро безстрашные донцы показались въ разныхъ мѣстахъ границъ русскихъ, кончились набѣги татаръ, и трусливые варвары такъ присмирѣли, что уже черезъ годъ и Строгановы, и Ермакъ могли думать о походѣ въ землю Сибирскую, чтобы выгнать изъ нея хана Кучума. Какъ вздумано, такъ и сдѣлано. Строгановы, кромѣ казаковъ, набрали еще нѣсколько нѣмецкихъ и литовскихъ плѣнниковъ, обѣщали имъ именемъ государя свободу за вѣрную службу, поручили все войско, изъ 840 человѣкъ состоявшее, храброму Ермаку, и съ молитвами проводили его 13-го сентября 1581 года до берега рѣки Чусовой [1]). Здѣсь небольшой, но отборный отрядъ сѣлъ на легкія суда и отправился къ горамъ Уральскимъ искать смерти или славы, и съ нею—прощенія прежнихъ проступковъ своихъ.

Такъ, вы въ полной мѣрѣ заслужили это прощеніе, храбрые воины, почти всѣ заплатившіе жизнію за свою славу! Сколько трудностей они перенесли! До горъ Уральскихъ надобно было ѣхать водою, часто по узкой рѣкѣ, между нависшими скалами; потомъ перевезти сухимъ пу-

[1]) Рѣка *Чусовая* протекаетъ въ Пермской губерніи и впадаетъ въ рѣку Каму.

темъ суда на другую сторону горъ, до рѣки Журавли, уже протекавшей въ Сибири. Прибавьте къ тому, что, проѣзжая въ мѣстахъ неизвѣстныхъ, они каждую минуту могли ожидать непріятелей, скрывавшихся въ лѣсахъ, опасностей для судовъ отъ подводныхъ камней въ рѣкахъ быстрыхъ и незнакомыхъ. Кромѣ того, не зная, далеко ли простирались земли Сибирскаго царства, они не могли быть увѣрены въ томъ, что у нихъ достанетъ припасовъ и что они не умрутъ отъ голода. Но храбрость и усердіе все преодолѣли! Съ первыми шагами казаковъ за горами Уральскими раздались побѣды ихъ, не смотря на многочисленность непріятеля, у котораго была и конница, и пѣхота. Правда, что они вооружены были одними стрѣлами и копьями: татары еще не знали въ то время употребленія пороха, и оттого Ермакъ съ сотнею воиновъ, стрѣлявшихъ огнемъ, разгонялъ часто цѣлыя тысячи. Не прошло еще и двухъ мѣсяцевъ похода ихъ, какъ храбрый атаманъ, взявъ всѣ городки сибирскіе, мимо которыхъ проходилъ, уже стоялъ 23-го октября подъ стѣнами Искера, гдѣ находился самъ Кучумъ, племянникъ его Маметкулъ и всѣ главныя силы ихъ. Здѣсь мужество казаковъ могло бы поколебаться, еслибы они были не такъ храбры, потому что небольшое число ихъ уже довольно уменьшилось во время нѣсколькихъ жаркихъ сраженій, которыя они имѣли съ татарами; но, давъ слово смирить Кучума, или смертію загладить вины свои предъ государемъ, смѣлые атаманы вскричали: «Мы долго жили съ худою славою, умремъ же съ доброю! Богъ даетъ побѣду, кому хочетъ: нерѣдко слабымъ мимо сильныхъ. Да святится имя Его!» Вся дружина, сказавъ въ одинъ голосъ: «*аминь, съ нами Богъ!*» пустилась къ укрѣпленіямъ татаръ. Битва была сильная, непріятели защищали столицу свою такъ отчаянно, что казаки едва успѣвали заряжать свои пищали. Но, къ несчастію татаръ, главный начальникъ ихъ, Маметкулъ, получилъ тяжелую рану и долженъ былъ оставить сраженіе. Войско его смѣшалось и побѣжало.

Надобно сказать читателямъ, что Кучумъ былъ слѣпъ и не могъ самъ начальствовать войскомъ, но во время

битвы стоялъ на горѣ Чувашьей вмѣстѣ съ муллами [1]) и молился Магомету о спасеніи своего царства. Услышавъ о бѣгствѣ полковъ своихъ и о томъ, что знамена христіанскія уже развѣваются на стѣнахъ Искера, Кучумъ благодарилъ судьбу, что не могъ видѣть этого, и убѣжалъ въ степи Ишимскія, гдѣ въ разбросанныхъ кочевьяхъ своихъ соотечественниковъ надѣялся найти не только безопасность, но, можетъ быть, и помощь.

Сраженіе при Искерѣ было главное и кровопролитное. Въ немъ погибло 107 храбрыхъ казаковъ, но за то оно рѣшило покореніе почти всей Сибири: хотя послѣ того и были еще непріятельскія дѣйствія подъ начальствомъ выздоровѣвшаго Маметкула, но безъ всякаго успѣха для татаръ, а наконецъ и самъ Маметкулъ попался въ плѣнъ къ Ермаку. Тогда унылые жители Сибири, видѣвъ совершенное паденіе царства своего, начали добровольно покоряться знаменитому побѣдителю, который, благосклонно принимая присягу на подданство Іоанну IV съ князей смиренныхъ улусовъ, былъ неумолимъ къ непокорнымъ.

Такимъ образомъ то ласкою, то угрозами утвердилъ онъ въ нѣсколько мѣсяцевъ власть государя русскаго надъ новымъ царствомъ, котораго обширныя страны, соединяя въ себѣ всѣ климаты, представляютъ всѣ разнообразныя, безчисленныя выгоды каждаго изъ нихъ. Чтобы дать вамъ нѣкоторое понятіе о числѣ мѣстъ, завоеванныхъ безсмертнымъ Ермакомъ, надобно назвать самые главные изъ городовъ и селеній покоренныхъ. Первые, добровольно согласившіеся быть подданными Іоанна, были два князя вогульскіе. Владѣнія одного простирались по берегамъ Конды; другого—въ окрестностяхъ Тоболя. Потомъ казаки завоевали нѣсколько селеній и юртъ остяцкихъ, города ихъ Нарымъ, Назымъ и много другихъ крѣпостей на берегахъ Оби. Здѣсь остановился Ермакъ и не захотѣлъ идти далѣе: природа въ этихъ сѣверныхъ мѣстахъ была такъ бѣдна, такъ сурова, такъ уныла, что не могла ничѣмъ привлечь къ себѣ завоевателя. Можно судить о суровости климата сѣверной Сибири по тому, что даже березы, эти простыя

[1]) *Муллами* называютъ татары своихъ священниковъ.

деревья, такъ хорошо растущія въ нашихъ странахъ, почитаются тамъ рѣдкостью, и въ 900 верстахъ отъ Тобольска есть маленькій городокъ, построенный спустя десять лѣтъ послѣ покоренія Сибири и названный *Березовымъ,* потому что на мѣстѣ его была березовая роща, удивлявшая собою всѣхъ тамошнихъ жителей. При всемъ томъ Березовъ еще не самый сѣверный городъ: въ Сибири есть еще тремя стами верстами далѣе его—*Обдорскъ.* Въ этомъ послѣднемъ городѣ не только березъ нѣтъ, но даже и трава растетъ худо. Взгляните же на югъ Сибири: тамъ такъ тепло, что въ простыхъ садахъ жителей городка Семипалатинска растутъ не только всѣ прекраснѣйшіе цвѣты оранжерей нашихъ, но даже дыни и арбузы! А трава такъ нѣжна и питательна и въ такомъ изобиліи покрываетъ землю, что стада круглый годъ пасутся на обширныхъ лугахъ. Но, оставивъ богатства природы въ южной Сибири, возвратимся въ сѣверную, гдѣ мы оставили бѣднаго Ермака среди снѣговъ, болотъ и лѣсовъ непроходимыхъ. Боясь потерять отъ жестокихъ морозовъ небольшой остатокъ своего храбраго войска, онъ спѣшилъ отъ границъ нынѣшняго Березовскаго уѣзда возвратиться въ Искеръ.

Здѣсь первымъ дѣломъ счастливаго побѣдителя было отправить посольство въ Москву и повергнуть передъ государемъ всю славу своего завоеванія и все раскаяніе сердца, нѣкогда виновнаго. Посломъ выбранъ былъ храбрѣйшій изъ атамановъ послѣ Ермака—Иванъ Кольцо и съ нимъ нѣсколько товарищей. Дорогою они заѣзжали къ Строгановымъ и вмѣстѣ съ ними отправились въ Москву, гдѣ народъ все еще былъ въ унынiи послѣ унизительнаго мира съ Баторіемъ. Какая же радость, какое веселіе оживили всѣ сердца, когда узнали о покореніи новаго царства, когда увидѣли пословъ Ермака, вошедшихъ во дворецъ съ богатыми дарами отъ своего предводителя: они привезли съ собою и дорогихъ соболей, и черныхъ лисицъ, и бобровъ. Всѣ были въ восхищеніи: и государь, и народъ. Первый не зналъ, какъ наградить смѣлыхъ казаковъ, осыпалъ милостями прежняго преступника Ивана Кольцо, дарилъ и его, и всѣхъ пріѣхавшихъ съ нимъ деньгами, сукнами, золотыми парчами; послалъ богатые дары и всѣмъ оставшимся въ Сибири атаманамъ

и рядовымъ, а начальнику ихъ, Ермаку, котораго назвалъ *княземъ Сибирскимъ* — латы, серебряный кубокъ и шубу съ плеча царскаго.

Съ восхищеніемъ и благодарностію принялъ Ермакъ милость государеву, но непродолжительно было счастіе этого добраго и неустрашимаго воина! Еще около двухъ лѣтъ онъ управлялъ Сибирью: Іоаннъ, хотя и прислалъ съ Иваномъ Кольцомъ воеводу и 500 стрѣльцовъ, но главное управленіе новою страною поручилъ умному и храброму Ермаку. Первымъ несчастіемъ русскихъ въ Сибири были болѣзни и голодъ, отъ которыхъ умерли многіе изъ казаковъ и стрѣльцовъ, и даже самъ воевода, присланный изъ Москвы, князь Болховскій. Потомъ довѣрчивые донцы были обмануты татарскимъ княземъ *Карачею*, который, притворясь другомъ русскихъ, просилъ Ермака прислать къ нему для защиты отъ ногаевъ нѣсколько казаковъ. Ермакъ послалъ сорокъ человѣкъ съ Иваномъ Кольцомъ, и злой Карача всѣхъ ихъ умертвилъ. Наконецъ послѣднее несчастіе было печальнѣе всего, милые читатели мои! Узнайте, какая горестная участь постигла сибирскаго героя, и пожалѣйте о немъ.

Въ Сибирь, которая, съ появленіемъ въ ней казаковъ, начала выходить изъ прежняго, дикаго состоянія своего, уже ѣздили купцы бухарскіе съ разными товарами. Караваны ихъ привозили множество вещей всякаго рода, потому что всѣ жители Сибири, и русскіе, и татары, и остяки, и вогуличи, съѣзжались покупать ихъ. Въ это время ярмарки Искеръ, унылая столица сибирскаго царства, оживлялась веселіемъ и наполнялась народомъ. Однажды Ермакъ, съ нетерпѣніемъ ожидая прихода каравановъ, вдругъ услышалъ, что изгнанникъ Кучумъ, бродя безъ дѣла по степи Вагайской, вздумалъ не пропускать къ намъ бухарцевъ. Досада и гнѣвъ въ одно время вспыхнули въ сердцѣ горделиваго побѣдителя: онъ удивился дерзости слабаго непріятеля, уже давно побѣжденнаго, и, презирая ее, тотчасъ отправился съ пятьюдесятью казаками встрѣтить купцовъ. Цѣлый день напрасно искалъ онъ ихъ и Кучума, и поздно вечеромъ, возвращаясь назадъ, расположился ночевать въ шатрахъ на берегу Иртыша. Это было 8-го августа 1584 года. Чувствуя сильную усталость, Ермакъ и хра-

брые товарищи его скоро уснули глубокимъ, сладкимъ сномъ въ то самое время, какъ ангелъ смерти уже леталъ надъ ними: на другой сторонѣ рѣки стоялъ Кучумъ и тайно замѣчалъ всѣ движенія враговъ своихъ. О! какъ обрадовался онъ, когда все затихло въ станѣ русскихъ! Даже въ лѣтописи, въ которой описывается это печальное происшествіе, сказано: «Заиграло Кучумово сердце». Онъ напалъ на сонныхъ казаковъ и всѣхъ изрубилъ, кромѣ двухъ: одинъ убѣжалъ въ Искеръ, другой—былъ нашъ храбрый и несчастный Ермакъ! Онъ пробудился отъ звука мечей и стоновъ умирающихъ. Ужасно было это пробужденіе для того, кто привыкъ къ однѣмъ побѣдамъ! Въ смертельной тоскѣ отчаянія вскочилъ онъ съ своего мѣста, еще далъ нѣсколько ударовъ саблею убійцамъ и бросился въ быстрый Иртышъ, котораго волны, высоко вздымаясь въ то время отъ сильной бури, заглушили грознымъ шумомъ своимъ послѣдній вздохъ героя!

Такая смерть была ужасна: она поразила несчастнаго въ ту минуту, когда онъ воображалъ, что слава его исчезнетъ и завоеванное съ такимъ трудомъ царство снова достанется въ руки враговъ Россіи. Но если души, оставившія міръ нашъ, еще имѣютъ понятіе о земныхъ событіяхъ, то, вѣрно, благородная и великая душа Ермака уже утѣшена: она видитъ, что славное отечество его навсегда удержало подъ властію своею обширную страну, имъ покоренную, и что благодарное потомство никогда не перестанетъ прославлять память воина, сравнившагося смѣлостію своего предпріятія съ величайшими завоевателями въ свѣтѣ! Такъ, дѣти, Ермакъ достоинъ этой славы, достоинъ нашего глубокаго уваженія! Сдѣлавшись постарше, вы поймете всю цѣну его знаменитаго дѣла, вы узнаете всѣ источники богатствъ, всѣ безчисленныя выгоды, доставленныя намъ его завоеваніемъ, и тогда полюбите Ермака еще болѣе и еще справедливѣе!

КОНЧИНА ІОАННА ГРОЗНАГО.

1584 годъ.

Пасмурно разсвѣло утро 18-го марта 1584 года. Тихо звонили колокола московскіе; уныло стоялъ народъ въ церквахъ и усердно молился. Всѣ—и старые, и молодые—плакали: казалось, всѣ просили Бога о какой-то милости, о какомъ-то великомъ благодѣяніи. Угадаете ли вы, милые читатели, о чемъ молились предки наши? Они молились о выздоровленіи Іоанна IV. Такъ, друзья мои, слухъ объ опасной болѣзни государя заставилъ всѣхъ позабыть его несправедливость: всѣ видѣли въ немъ только умирающаго царя, а этотъ видъ горестенъ для всякаго народа, и тѣмъ болѣе для русскаго.

Но молитвы ихъ были напрасны: Іоаннъ скончался въ тотъ же день и въ то самое время, когда, чувствуя облегченіе, онъ располагался играть съ княземъ Бѣльскимъ въ шашки и уже разставилъ ихъ. Имѣя не болѣе пятидесятитрехъ лѣтъ отъ роду, онъ могъ бы еще долго жить, но сильное волненіе, которое безпрестанно происходило въ немъ, то отъ гнѣва, то отъ страха; досада на успѣхи враговъ его государства; угрызенія совѣсти о сдѣланныхъ злодѣяніяхъ; наконецъ страшная мысль объ убійствѣ сына, все это вмѣстѣ сокрушило силы Іоанна: съ каждымъ днемъ здоровье его разстроивалось, слабѣло и, наконецъ, жизнь прекратилась ударомъ.

Такъ исчезъ изъ міра человѣкъ, соединявшій въ себѣ разительныя противоположности хорошаго и худого! Вспомнивъ о всѣхъ добрыхъ и дурныхъ свойствахъ его, зная изъ лѣтописей того времени о его превосходномъ умѣ и твердости духа, нельзя понять его настоящаго характера, и можно думать, что этотъ необыкновенный государь посланъ былъ отъ Бога въ отечество наше по Его неисповѣдимому промыслу съ какою нибудь особенною цѣлію, неизвѣстною для насъ, точно такъ же, какъ неизвѣстны людямъ еще многія чудныя явленія въ природѣ.

Непонятенъ былъ Іоаннъ для народа своего, — непонятно было и чувство этого народа къ Іоанну. Это было

соединеніе и страха, и ненависти, и любви. Во время жестокостей Іоанна, продолжавшееся двадцать четыре года, подданные его переносили бѣдствія свои съ христіанскимъ великодушіемъ. Самые невинные изъ нихъ умирали спокойно, покорясь судьбѣ своей, какъ назначенію Божіей воли, по слову святого писанія: «*Чти царя твоего*».

Такія кроткія, набожныя чувства добрыхъ предковъ нашихъ еще болѣе усилились со времени кончины государя: не боясь болѣе его страшнаго гнѣва, они забыли всѣ *жестокія* и помнили только одни *славныя* дѣла его. Три покоренныя царства татарскія: казанское, астраханское и сибирское; новая книга законовъ — Судебникъ; новыя учрежденія по дѣламъ церковнымъ и гражданскимъ; новыя училища для образованія народа; множество новыхъ городовъ, построенныхъ въ это царствованіе; многочисленное войско; выгодная торговля русскихъ съ иностранными государствами, богатство и пышность, оттого происходившая при дворѣ и въ народѣ,—все это напоминало русскимъ не пороки, но великія качества умершаго государя, и потому неудивительно, что они называли Іоанна IV не *мучителемъ*, какъ нѣкоторые звали его при жизни, но только *грознымъ*. Имъ казалось, что это имя довольно выражало и суровость нрава Іоанна, и ту *грозу* небесъ, которая гремѣла надъ ними во все время его правленія, и можетъ быть, по особенному промыслу Творца, была такъ же полезна для Россіи, какъ бываютъ полезны для земли громъ и молнія, убійственные для нѣсколькихъ жизней и благодѣтельные для всего живущаго.

Семейство Іоанна IV Васильевича Грознаго.

Супруги: 1) *Анастасія,* дочь боярина *Романа Юрьевича Захарьина-Юрьева.*

Отъ нея дѣти: a) *Димитрій,* скончался въ дѣтствѣ. b) *Іоаннъ,* убитый отцомъ. c) *Ѳеодоръ,* наслѣдовалъ престолъ. d) *Анна,* e) *Марія*—скончались въ дѣтствѣ.

2) *Марія* Темрюкована, княжна Черкасская. 3) *Марѳа* Васильевна Собакина, дочь купца новгородскаго. 4) *Анна*

Алексѣевна Колтовская. 5) *Анна* Васильчикова. 6) *Марія* Θеодоровна Нагихъ.

От послѣдней сынъ: Царевичъ *Димитрій*.

НОВЫЙ ЦАРЬ И ЛЮБИМЕЦЪ ЕГО.

отъ 1584 до 1591 года.

(7 лѣтъ).

Изъ всѣхъ дѣтей Іоанна IV остались въ живыхъ только двое: двадцати-семи-лѣтній царевичъ *Θеодоръ*, сынъ любимой супруги его Анастасіи Романовны, и пятимѣсячный царевичъ *Димитрій*, сынъ послѣдней царицы Маріи Θеодоровны изъ рода *Нагихъ*. Перваго онъ объявилъ наслѣдникомъ своимъ, второму назначилъ въ удѣлъ, вмѣстѣ съ матерью, городъ Угличъ.

Никогда отецъ и сынъ не имѣли такъ мало сходства между собою, какъ Іоаннъ IV и наслѣдникъ его; никогда послѣ такого гнѣвнаго, жестокаго, могущественнаго государя не бывало такого кроткаго и слабаго.

Θеодоръ, отъ природы былъ робокъ, застѣнчивъ и чрезвычайно набоженъ: одна мысль согрѣшить въ чемъ нибудь передъ Богомъ была такъ ужасна для него, что съ самаго начала своего царствованія, чувствуя слабыя способности свои и боясь оттого дурно исполнить великія обязанности государя и тѣмъ прогнѣвать Бога,—смиренный царь отказался отъ занятій дѣлами государственными. Онъ не зналъ, что такимъ образомъ прогнѣвлялъ Бога гораздо болѣе, потому что для Него всегда пріятнѣе видѣть, когда люди не только усердно молятся, но и подтверждаютъ дѣлами слова свои. А Θеодоръ, проводя большую часть дня въ постѣ и молитвѣ, не дѣлалъ—отъ излишней ненадѣянности на себя—и половину того, что могъ бы сдѣлать и съ самыми слабыми способностями. При такомъ бездѣйствіи новаго государя народъ могъ бы сдѣлаться еще несчастнѣе, нежели былъ при всѣхъ жестокостяхъ прежняго; но Богъ избавилъ его отъ этой новой опасности.

При дворѣ Өеодора былъ человѣкъ, щедро одаренный отъ природы всѣмъ, чего недоставало молодому царю, способный исполнить всѣ трудныя обязанности его: человѣкъ, который заслужилъ бы вѣчную благодарность русскихъ, еслибы впослѣдствіи времени не сдѣлалъ одного ужаснаго преступленія. Это былъ *Борисъ Өедоровичъ Годуновъ*, братъ молодой царицы *Ирины*, супруги Өеодора, воспитанный во дворцѣ и съ самаго дѣтства сдѣлавшійся любимцемъ и грознаго Іоанна, и кроткаго сына его. Необыкновенная красота, величественный видъ, рѣдкій умъ, пріятное обхожденіе отличали Бориса еще въ цвѣтущей молодости, когда, какъ родственникъ и воспитанникъ царскій, онъ находился въ числѣ страшныхъ опричниковъ. Никогда не участвуя въ ихъ жестокостяхъ, онъ являлся какъ ангелъ-утѣшитель къ несчастнымъ, которые страдали отъ безчеловѣчныхъ поступковъ ужасной дружины; помогалъ имъ деньгами, облегчалъ судьбу ихъ нѣжнымъ участіемъ, иногда осмѣливался просить за нихъ Іоанна, и даже многіе говорили, что онъ подалъ грозному царю первую мысль объ уничтоженіи опричнины. Однимъ словомъ, Борисъ дѣлалъ все, чѣмъ только можно заслужить любовь народа, и въ полной мѣрѣ достигъ своего желанія! всѣ съ восхищеніемъ смотрѣли на умнаго и миловиднаго брата прелестной царицы, всѣ любили молодого боярина, всегда добраго и ко всѣмъ привѣтливаго. Но, къ несчастію, при этой наружной добротѣ и привѣтливости въ властолюбивомъ сердцѣ Бориса, въ хитромъ умѣ его таилась гордая мысль—быть первымъ человѣкомъ въ государствѣ по близкому родству съ супругою Өеодора. Послѣ несчастной смерти старшаго царевича эта мысль еще болѣе укрѣпилась въ пылкой головѣ молодого честолюбца: будущимъ царемъ былъ супругъ нѣжной сестры его, князь робкій, слабый, вовсе неспособный царствовать, чрезвычайно любившій супругу свою и совершенно покорный волѣ ея. Правда, что она не употребляла во зло этой власти, потому что была самою доброю и кроткою женщиною; но за то братъ ея надѣялся въ полной мѣрѣ пользоваться слабостію Өеодора, и, точно, не ошибся: молодой царевичъ, сдѣлавшись государемъ, радовался, что имѣетъ такого умнаго родственника, и безъ вся-

кихъ размышленій о послѣдствіяхъ поручилъ ему всѣ дѣла государственныя, оставивъ при себѣ только одно имя царя. Народъ, привыкшій видѣть въ Иринѣ свою милую благодѣтельницу, привыкшій называть *ее второю Анастасіею,* не только не роптал, но даже радовался, что добрый братъ ея, не боявшійся защищать несчастныхъ и предъ царемъ жестокимъ, помогаетъ слабому и больному Ѳеодору управлять государствомъ. Его умъ, познанія, твердость нрава были необходимы для царя, и Борисъ, оставшись только *правителемъ* Россіи, *ближнимъ великимъ бояриномъ* и наконецъ *слугою* [1]) Ѳеодора, остался бы благодѣтелемъ отечества нашего и великимъ человѣкомъ своего времени; но онъ захотѣлъ быть *царемъ,* захотѣлъ увеличить несмѣтное богатство свое[2]) сокровищами всего государства, и съ этой минуты слава его помрачилась, всѣ великія достоинства потеряли свою цѣну: Борисъ началъ приготовляться къ злодѣйству ужасному, которое поразитъ нѣжныя сердца ваши, мои милые читатели! Эта перемѣна въ расположеніи души правителя, это безпокойство, которое всегда примѣтно въ человѣкѣ, когда онъ имѣетъ какое нибудь злое намѣреніе, не скрылись отъ проницательныхъ глазъ добрыхъ вельможъ, засѣдавшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ думѣ боярской: они начали подозрѣвать, какого рода замыслы могли таиться въ гордомъ сердцѣ любимаго брата царицы, при государѣ, не имѣвшемъ дѣтей, и въ страхѣ за жизнь царя, хотя слабаго, но все-таки любезнаго народу, въ страхѣ за жизнь маленькаго царевича Димитрія [3]), послѣдней надежды рус-

---

[1]) Титло *слуги* было знаменитѣе боярскаго, и въ продолженіе цѣлаго столѣтія оно дано было только тремъ вельможамъ: князю *Симеону Ряполовскому,* котораго отецъ спасъ маленькаго Іоанна III отъ злобы Шемяки; князю *Ивану Михайловичу Воротынскому*—за славныя побѣды его, и сыну его, безсмертному *князю Михаилу*—за взятіе Казани.

[2]) Годуновъ получалъ годового доходу со всѣхъ своихъ земель, помѣстьевъ, лѣсовъ и луговъ до девяти сотъ тысячъ нынѣшнихъ рублей серебряныхъ. Ни одинъ вельможа русскій, во все существованіе Россіи, не имѣлъ такого богатства: оно доставляло Борису средства вывести въ поле на свой счетъ до 100,000 войска *(См. Ист. Карамзина,* т. X, стр. 15).

[3]) Такъ какъ у царя Ѳеодора Іоанновича не было дѣтей, то царевичъ Димитрій, меньшій братъ его, былъ наслѣдникомъ престола и послѣднимъ княземъ царскаго поколѣнія Рюрика по мужескому колѣну.

скихъ, добрые и вѣрные бояре, вмѣстѣ съ митрополитомъ Діонисіемъ и со многими дворянами и купцами московскими, рѣшились открыться Өеодору и умолять его быть осторожнымъ; но прежде нежели они успѣли сдѣлать это, хитрый правитель узналъ чрезъ приверженцевъ своихъ о заговорѣ и жестоко отмстилъ за него. Наказавъ смертію купцовъ, ссылками бояръ и князей: Шуйскихъ, Мстиславскихъ, Татевыхъ, Урусовыхъ, Колычевыхъ, жестокій Борисъ въ гнѣвѣ своемъ не пощадилъ и знатнѣйшаго изъ Шуйскихъ, спасителя Пскова и чести имени русскаго, героя, которому удивлялись всѣ народы Европы,—знаменитаго князя Ивана Петровича!... Считая его главнымъ и, можетъ быть, самымъ опаснымъ врагомъ, Годуновъ недоволенъ былъ одною ссылкою его на Бѣлоозеро: онъ приказалъ удавить его въ темницѣ! Даже и митрополитъ, не смотря на всю важность своего званія, не остался безъ наказанія: его сослали въ одинъ изъ монастырей новгородскихъ. Теперь вы можете судить, какъ велика была власть Бориса! Хотя онъ всегда отдавалъ свои приказанія отъ имени царя, но всѣ знали и въ Россіи, и даже въ иностранныхъ земляхъ, что Өеодоръ не занимался ничѣмъ, кромѣ молитвъ и разговоровъ съ монахами и священниками, и что одинъ Борисъ управлялъ государствомъ. Съ нимъ однимъ чужеземные государи имѣли сношенія по разнымъ дѣламъ своимъ; къ нему одному пріѣзжали посланники ихъ, и надобно отдать справедливость его искусному правленію—Россія уже не показывала той слабости, которая печалила предковъ нашихъ въ послѣдніе годы царствованія Іоанна IV. Крымцы, литовцы, поляки, датчане, шведы, нѣмцы, даже страшные въ то время для всей Европы турки уважали русскихъ и не тревожили владѣній ихъ, которыя въ 1591 году еще увеличились возвращеніемъ отъ шведовъ завоеванныхъ ими городовъ нашихъ: Яма, Копорья, Ивана-города и всей области Корельской. Эту войну съ шведами началъ Борисъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы ослабить силы ихъ противъ насъ. Надобно сказать вамъ, милые читатели, что около этого времени славный король польскій Баторій умеръ, и на престолъ его поляки и литовцы выбрали его племянника и сына ко-

роля шведскаго принца Сигизмунда. Вы можете представить, что съ тѣхъ поръ Польша и Швеція какъ будто бы породнились и могли дѣйствовать заодно противъ сосѣдки своей—Россіи. Но Борисъ, умный, проницательный твердый, умѣлъ разстраивать вредныя для предковъ нашихъ намѣренія этихъ двухъ союзницъ, умѣлъ внушать имъ страхъ къ русскимъ. Борисъ умѣлъ бы сдѣлать многое для славы отечества своего и своей собственной, еслибъ не властолюбіе его! Оно затмило громкую славу его, оно призвало на него гнѣвъ Божій, оно погубило послѣднюю отрасль знаменитаго поколѣнія святого Владиміра: послѣдняго Іоаннова сына, составлявшаго надежду Россіи.

УГЛИЧЪ И ПОСЛѢДНІЙ ПОТОМОКЪ РЮРИКА ПО МУЖЕСКОМУ КОЛѢНУ.

отъ 1591 до 1597 года.

(6 лѣтъ).

Въ Ярославской губерніи, въ 340 верстахъ отъ Москвы, на правомъ берегу Волги, лежитъ старинный городъ Угличъ. Читатели мои знаютъ, что онъ былъ нѣкогда удѣломъ князя Димитрія Юрьевича Шемяки. И теперь еще Угличъ довольно богатъ и красивъ: въ немъ около 8,000 жителей; много церквей и домовъ каменныхъ, много заводовъ кожевенныхъ и кирпичныхъ, много лавокъ и амбаровъ съ товарами. Но не таковъ былъ онъ въ царствованіе Өеодора Іоанновича: тогда окружность его была 24 версты, церквей въ немъ было 150, монастырей 12, а жителей болѣе 30,000 человѣкъ. Въ то время Угличъ могъ славиться предъ другими городами русскими: въ немъ жилъ меньшой сынъ Іоанна Грознаго, царевичъ Димитрій съ матерью. Правда, что Годуновъ, ненавидя его, какъ наслѣдника престола, въ случаѣ, если Өеодоръ умретъ, не оставивъ дѣтей, разлучилъ его съ братомъ и отправилъ въ Угличъ, какъ въ ссылку; но бѣдный малютка не понималъ этого: онъ былъ вмѣстѣ съ своею милою матерью и ничего не желалъ болѣе. Жители Углича

также были счастливы, радуясь тому, что умирающій Іоаннъ выбралъ область ихъ въ удѣлъ своему сыну. Они съ восхищеніемъ смотрѣли на маленькаго царевича, ожидаемаго наслѣдника царства, послѣдняго изъ рода государей, составлявшихъ такъ долго славу Россіи, и гордились тѣмъ, что онъ выростетъ въ стѣнахъ ихъ. Они не помышляли, чтобы какая нибудь опасность могла угрожать прекрасному малюткѣ; онъ былъ всегда такъ здоровъ и веселъ, его такъ нѣжно любилъ и братъ его, и каждый русскій; о немъ молились милліоны людей, надѣявшихся нѣкогда быть его подданными. Однимъ словомъ, казалось, все улыбалось счастливому Димитрію; печально было только лицо царицы, матери его. Бѣдное сердце ея, угадывая намѣренія Годунова, какъ будто предчувствовало судьбу милаго сына: каждую минуту казалось ей, что убійцы стерегутъ его, что жизнь его въ опасности и потому старалась какъ можно менѣе разлучаться съ Димитріемъ. Въ такомъ безпрестанномъ страхѣ она воспитывала его до восьми-лѣтняго возраста. Въ это время честолюбіе Годунова достигло высочайшей степени: адскій планъ его былъ совершенно устроенъ и оставалось найти злодѣя, который бы, не боясь Бога, могъ совершить ужасное дѣло. Послѣднее было труднѣе всего для преступнаго правителя: многимъ уже дѣлалъ онъ страшное предложеніе, но всѣ отказывались.

Наконецъ явился къ Борису человѣкъ, какого могъ онъ желать, дьякъ *Михаилъ Битяговскій*. Звѣрскій видъ его показывалъ, что онъ вѣрно исполнитъ всякое преступленіе, ему порученное. Борисъ обѣщалъ ему и кучу золота, и вѣчную милость свою, отправилъ его въ Угличъ будто для того, чтобы управлять земскими дѣлами и хозяйствомъ царицы Маріи Ѳеодоровны.

Несчастная государыня, и безъ того бывшая всегда въ безпокойствѣ, еще болѣе встревожилась, увидѣвъ Битяговскаго, пріѣхавшаго къ ней отъ имени царя и правителя. Материнское сердце, по непонятному предчувствію, сказало ей, что она должна бояться этого человѣка, и съ тѣхъ поръ царица не оставляла сына своего ни на одну минуту: она спала въ одной съ нимъ комнатѣ; изъ собственныхъ рукъ кормила его; вмѣстѣ съ нимъ ходила въ

церковь, вмѣстѣ съ нимъ гуляла въ садахъ и рощахъ, окружавшихъ богатый дворецъ угличскій. Нѣжная мать такъ неусыпно охраняла любимца души своей, такъ заботливо берегла милое дитя свое, драгоцѣнное для всей Россіи, что злодѣй Битяговскій началъ сомнѣваться въ успѣхѣ, хотя онъ былъ не одинъ; вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали въ Угличъ: сынъ его *Даніилъ* и племянникъ *Никита Качаловъ*, да, кромѣ того, онъ подкупилъ еще двухъ новыхъ помощниковъ: мамку царевича, боярыню *Василису Волохову*, и сына ея, *Осипа*. Каждый день эти злодѣи сходились совѣтоваться между собою, придумывали новыя средства, искали новыхъ случаевъ и, не надѣясь тайно убить Димитрія, всегда неразлучнаго съ матерью, рѣшились сдѣлать это явно; они увѣрены были, что Годуновъ будетъ умѣть оправдать ихъ.

Назначили день. Это было 15-го мая 1591 года. Въ шестомъ часу дня царица пришла съ сыномъ изъ церкви. Накрывали столъ для обѣда, и между тѣмъ какъ слуги носили кушанья, царевичъ разсматривалъ съ дѣтскимъ любопытствомъ живопись, которая украшала стѣны комнатъ царскихъ и представляла разныя сцены изъ Священнаго Писанія [1]). Въ эту самую минуту мамка Волохова позвала его погулять по двору; царица остановилась за чѣмъ-то въ другой комнатѣ. Кормилица малютки, Ирина Жданова, добрая и усердная женщина, со всею нѣжностію любившая своего питомца, сама не зная почему, не пускала его изъ дома, но мамка силою вывела его въ сѣни, потомъ на крыльцо. Здѣсь явились сынъ ея Осипъ Волоховъ, Даніилъ Битяговскій и Никита Качаловъ. Главный же злодѣй, управлявшій всѣми ихъ движеніями, Михаилъ Битяговскій, не показался на глаза къ царевичу, потому что бѣдное дитя боялось страшнаго лица его и вѣрно бы закричало, увидѣвъ его. Осипъ Волоховъ подошелъ первый къ Димитрію, взялъ его за руку и сказалъ: «Государь, у тебя новое ожерелье?» Малютка едва успѣлъ поднять

---

[1]) Дворецъ или каменная палата о двухъ этажахъ съ расписанными стѣнами, гдѣ жилъ царевичъ Димитрій съ матерью, и теперь еще существуетъ въ Угличѣ.

невинную головку свою и съ улыбкой отвѣчать: «нѣтъ, старое...», какъ острый ножъ сверкнулъ въ рукѣ Волохова, опустился на нѣжную шею дитяти и, слегка ранивъ ее, упалъ на полъ. Убійца, испугавшись, пустился бѣжать изъ дворца. Кормилица въ ужасѣ закричала, обняла крѣпко царевича, но Даніилъ Битяговскій и Качаловъ вырвали несчастное дитя и безжалостно умертвили его!... Все это произошло такъ скоро, что когда царица на крикъ кормилицы выбѣжала изъ сѣней на крыльцо, убійцы уже сбѣжали съ лѣстницы и были у воротъ. Въ отчаяніи бросилась несчастная мать къ умирающему,—но поздно! Младенческая, невинная душа его уже перестала страдать и летѣла на небо, чтобы тамъ, вмѣстѣ съ ангелами, славить Бога и молиться о милой матери.

Царица, увѣрясь въ своемъ бѣдствіи, увѣрясь въ томъ, что уже никакая власть земная не оживитъ прекраснаго младенца, упала безъ чувствъ на полъ подлѣ доброй кормилицы его, также безъ памяти лежавшей. Однакожъ онѣ успѣли назвать по именамъ злодѣевъ, и всѣ вѣрные слуги царицы спѣшили ловить ихъ. Въ нѣсколько минутъ весь городъ узналъ о горестной потерѣ: пономарь соборной церкви, случайно проходя мимо дворца, видѣлъ убійство и, взбѣжавъ на колокольню, ударилъ въ набатъ. Этого было довольно, чтобы встревожить всѣхъ жителей. Въ страшномъ испугѣ сбѣжались они къ дворцу, услышали ужасный разсказъ и не прошло часа, какъ уже главный злодѣй Михаилъ Битяговскій и всѣ сообщники его были убиты. Ярость народа была неописанна: отмщая за любимца своего, онъ былъ безжалостенъ не только къ злодѣямъ, но даже ко всѣмъ родственникамъ и друзьямъ ихъ. Многіе изъ нихъ передъ смертію признались, что исполнили приказаніе Бориса Годунова. Такое признаніе ужаснуло вѣрныхъ подданныхъ Ѳеодора: они знали, какъ близокъ былъ къ нему Борисъ, и потому, проливая слезы надъ тѣломъ невиннаго царевича, признаннаго нашею церковію святымъ мученикомъ, они могли бояться и за жизнь старшаго брата его. Но этотъ страхъ былъ непродолжителенъ: онъ кончился вмѣстѣ съ ихъ жизнію. Борисъ, получивъ изъ Углича донесеніе объ убіеніи Димитрія и о томъ, съ какою яро-

стію народъ бросился на всѣхъ, кого подозрѣвалъ въ этомъ убійствѣ, прислалъ чиновниковъ своихъ изслѣдовать это дѣло, и—повѣрите ли вы, чѣмъ кончилось это слѣдствіе? Присланные чиновники донесли царю, что царевичъ Димитрій, въ припадкѣ падучей болѣзни, зарѣзалъ самъ себя ножемъ: что царица и братъ ея, Михаилъ Нагой, напрасно обвиняя въ убійствѣ Волохова, Качалова и Битяговскихъ, приказали умертвить ихъ; что граждане угличскіе повѣрили несправедливымъ обвиненіямъ и погубили многихъ невинныхъ.

Выслушавъ это донесеніе, въ которомъ не было ни одного слова правды, Борисъ, именемъ Θеодора, объявилъ наказаніе виновнымъ. Началось съ царицы, этой горестной матери, едва переносившей жизнь: ее постригли въ монахини и отвезли въ отдаленный монастырь; всѣхъ родственниковъ ея, Нагихъ, также сослали и заключили въ темницы; гражданъ угличскихъ, числомъ около двухъсотъ, какъ убійцъ людей невинныхъ, казнили смертію; другимъ отрѣзали языки, многихъ послали въ Сибирь; и съ того времени исчезла знаменитость славнаго города Углича. Борисъ боялся, чтобы въ чьей нибудь памяти не остались послѣднія признанія убійцъ, и для того истребилъ всѣхъ, на кого не могъ надѣяться.

Ему удалось и это: никто не смѣлъ говорить вслухъ о томъ, что подозрѣвалъ правителя въ убійствѣ маленькаго царевича; казалось, никто не смѣлъ даже думать такъ дерзко. Вскорѣ новыя происшествія: сперва сильный пожаръ въ Москвѣ, а потомъ нашествіе тогдашняго крымскаго хана *Казы-Гирея* совсѣмъ отвлекли мысли народа отъ ужаснаго убійства послѣдняго потомка Рюрикова. Во время пожара Борисъ показалъ столько участія въ бѣдствіи москвитянъ, а во время неожиданнаго нашествія татаръ — столько благоразумія и храбрости, что всѣ русскіе—или утѣшенные его благодѣяніями, или спасенные отъ варваровъ его умными распоряженіями—уже не хотѣли вѣрить, чтобы добрый правитель былъ убійцею царевича и не смѣли обижать его своими подозрѣніями.

Такъ хитрый Борисъ, при величайшемъ злодѣяніи своемъ, умѣлъ сохранить довѣренность и любовь народа, умѣлъ

сдѣлать еще болѣе: завладѣть престоломъ, и не силою, не принужденіемъ, но по общему, единодушному желанію всѣхъ русскихъ! Изъ слѣдующаго разсказа вы узнаете подробности этого важнаго происшествія въ нашей исторіи.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ, ЦАРЬ РОССІИ.

ОТЪ 1597 ДО 1600 ГОДА.

(3 года).

Уже прошло болѣе шести лѣтъ послѣ убіенія царевича, уже народъ началъ привыкать къ горестной мысли, что поколѣніе царей его кончится съ смертію Ѳеодора и что наслѣдникомъ его уже не будетъ князь, происшедшій отъ святой крови Владиміра. Стараясь всѣми силами увѣрить русскихъ, что они должны въ этомъ случаѣ покориться волѣ Божіей, Борисъ въ то же время старался показать себя съ самой выгодной стороны. Его милосердіе, кротость, правосудіе были безпримѣрны; его щедрость, великодушіе, любовь къ народу неописанны. Всякій разъ, когда надобно было объявить кому нибудь прощеніе и милость царя, то въ указѣ писали: «*Государь прощаетъ для ближняго своего пріятеля, слуги и конюшаго-боярина Бориса Ѳедоровича*». Если же кого осуждали на казнь, то въ указѣ не было имени Годунова, но писали «*приговорили бояре, князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій съ товарищами*». По этой хитрости можно судить и о всѣхъ, какія употреблялъ Борисъ, чтобы вкрасться въ любовь ко всѣмъ русскимъ. Такія средства не могли остаться безъ успѣха, особенно съ того времени, какъ онъ подкрѣпилъ свою власть новою опорою: зная набожность народа нашего и глубокое уваженіе его къ служителямъ Божіимъ, Годуновъ предложилъ царю возвысить духовенство русское учрежденіемъ патріаршескаго достоинства. Имя патріарховъ означало главныхъ пастырей церкви, и такія были только въ пяти знаменитѣйшихъ городахъ: Римѣ, Александріи, Антіохіи, Іерусалимѣ и Константинополѣ. Съ

этимъ высокимъ званіемъ, конечно, соединялось и болѣе власти, нежели съ обыкновеннымъ достоинствомъ, особенно въ правленіе Ѳеодора, посвятившаго всю жизнь свою молитвамъ. Борисъ зналъ все это, зналъ, кого сдѣлать патріархомъ, и потому предложилъ объ этомъ учрежденіи Ѳеодору.

Какъ ожидалъ онъ, такъ и сдѣлалось: царь согласился съ удовольствіемъ; духовенство и народъ съ радостію приняли новое званіе: первому оно обѣщало лестныя отличія, второму казалось особенною милостію Божіею. Въ Москвѣ былъ въ то время константинопольскій патріархъ Іеремія; онъ посвятилъ въ достоинство патріарха русскаго—митрополита русскаго Іова, одного изъ преданнѣйшихъ друзей Годунова. Благодарный за свое возвышеніе, Іовъ началъ съ того времени еще усерднѣе служить своему покровителю.

Такимъ образомъ все исполнилось по желанію правителя. Неограниченная власть его, поддерживаемая самимъ государемъ и всѣмъ духовенствомъ, казалась для народа священною, какъ будто происходившею отъ Бога, и еще при жизни Ѳеодора всѣ думали, что никто другой, кромѣ брата царицы, не можетъ быть наслѣдникомъ престола. Властолюбивый Борисъ, видя такое расположеніе умовъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ счастливаго дня, въ который съ царскимъ могуществомъ его соединится и имя царя. Этотъ день настал 6-го января 1598 года. Ѳеодоръ опасно занемогъ и на другой день скончался. Народъ, любя этого кроткаго сына незабвенной Анастасіи за его благочестіе и набожность, за его щедрость и милосердіе къ бѣднымъ, забывалъ его слабости, искренно плакалъ по немъ и, исполняя волю его и совѣтъ Бориса, присягнулъ царицѣ Иринѣ, не смотря на то, что печальная государыня, съ первой минуты кончины нѣжнаго супруга своего, рѣшилась постричься въ монахини. Годуновъ зналъ это, но для него нужно было, чтобы русскіе поклялись въ вѣрности сестрѣ его. Эта клятва приближала его еще болѣе къ престолу, и когда чрезъ девять дней Ирина постриглась, пламенное желаніе брата ея исполнилось: вельможи, духовенство и народъ поднесли ему корону русскую! И что-жъ вы думаете, милые читатели, онъ тотчасъ съ радостію

принялъ ее? Совсѣмъ нѣтъ! Притворщикъ отказывался; говорилъ, что никогда дерзкая мысль—сѣсть на престолъ кроткаго ангела и друга его Ѳеодора не приходила ему въ голову; что онъ хочетъ жить только для утѣшенія сестры своей; что онъ хочетъ такъ же, какъ и она, отказаться отъ свѣта; однимъ словомъ, онъ такъ обманулъ всѣхъ своимъ смиреніемъ, что удивленіе къ его высокимъ добродѣтелямъ еще болѣе увеличилось и всѣ еще усерднѣе начали просить его согласія. Но Годуновъ не давалъ его: шесть недѣль уже москвитяне просили его и получали одни отказы и, наконецъ, только тогда уже, когда съ просьбами ихъ соединились просьбы всей Россіи, когда изъ самыхъ отдаленныхъ областей пріѣхали депутаты и народъ, два дня служивъ молебны, на третій день съ крестнымъ ходомъ пришелъ къ избранному царю и съ колѣнопреклоненіемъ умолялъ его сжалиться надъ осиротѣвшимъ отечествомъ, хитрый властолюбецъ согласился и какъ будто противъ желанія принялъ корону, которая болѣе четырнадцати лѣтъ занимала всѣ мысли его и для которой онъ пожертвовалъ спокойствіемъ своей совѣсти и счастіемъ жизни настоящей и будущей!

1-го сентября 1598 года было коронованіе Бориса. Здѣсь кстати сказать, что до временъ Петра Великаго предки наши праздновали въ день 1-го сентября начало новаго года, то, что мы дѣлаемъ теперь 1-го января. Годуновъ выбралъ нарочно этотъ день, чтобы придать болѣе важности своему коронованію. Оно праздновалось самымъ великолѣпнымъ образомъ. Милости были безчисленны: богатые подарки лились на бояръ, деньги—на бѣдныхъ; ласки семейства царскаго—на всѣхъ подданныхъ. Супруга Бориса, новая царица Марія Григорьевна, давно славилась своими добродѣтелями; дѣти ихъ—девятилѣтній сынъ *Ѳеодоръ* и шестнадцати-лѣтняя дочь *Ксенія*—были ангелы сердцемъ и наружностію. Народъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ, какъ милостиво они разговаривали съ чиновниками, купцами и даже самыми нищими; какъ они принимали отъ нихъ хлѣбъ и соль и звали всѣхъ обѣдать къ царю. Однимъ словомъ, Борисъ старался самыми лестными угожденіями истребить въ народѣ малѣйшее воспоминаніе о несчастной кончинѣ

маленькаго царевича Димитрія. Старанія его имѣли полный успѣхъ, особенно въ первые два года его царствованія. Годы эти были самые блестящіе. Усмиреніе крымскаго хана, совершенное покореніе Сибири и истребленіе Кучума и всѣхъ приверженцевъ его, выгодный миръ съ Швеціею, Даніею, Польшею; любовь Бориса къ наукамъ, его старанія о просвѣщеніи подданныхъ, его справедливость, трудолюбіе, примѣрная нѣжность къ семейству и особенно къ сыну, въ которомъ онъ готовилъ достойнаго наслѣдника престола,—все это вмѣстѣ такъ радовало всѣхъ русскихъ, такъ увѣряло ихъ въ добротѣ сердца государя, что они совсѣмъ забыли о прежнихъ слухахъ, носившихся насчетъ Бориса, или, лучше сказать, они не вѣрили имъ и всею душою, всѣмъ пламеннымъ сердцемъ своимъ любили милостиваго, добродѣтельнаго по наружности Годунова, никакъ не думая, чтобы онъ могъ быть убійцею законнаго царя ихъ!

МУЧИТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ УБІЙЦЫ.

отъ 1600 до 1603 года.

(3 года).

Такъ могли ошибаться люди; такъ Борисъ могъ скрыть отъ *нихъ* преступленіе свое; но могло ли оно утаиться отъ Бога, видящаго малѣйшія помышленія наши? О! конечно, нѣтъ; совѣсть напоминала ему объ этомъ каждый часъ его жизни и никакая слава, никакія удовольствія не могли заглушить ея страшнаго голоса, или, лучше сказать, никакое счастіе земное не могло радовать сердце несчастнаго царя! Если иногда лицо его прояснялось при мысли о томъ прекрасномъ устройствѣ, въ которое приводилъ онъ всѣ части государства своего; если иногда онъ улыбался на нѣжныя ласки милыхъ дѣтей своихъ, — то эта ясность и эта улыбка походили на тѣ тусклые лучи солнца, которые иногда, передъ бурею, прорываются на одну минуту сквозь темныя тучи и тотчасъ опять исчезаютъ, оставивъ небо еще мрачнѣе, землю — еще печальнѣе.

Какъ вѣрно представилъ Пушкинъ это безотрадное состояніе сердца несчастнаго царя! Въ одномъ мѣстѣ трагедіи его, о которой мы уже упоминали, онъ говоритъ такъ:

«Достигъ я высшей власти,
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:
Но счастья нѣтъ моей душѣ...
. . . .
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной;
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ:
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ!...

И потомъ, исчисливъ всѣ горести, какія переносилъ онъ на престолѣ, восклицаетъ:

«Ахъ! чувствую, ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить:
Ничто, ничто.... едина развѣ совѣсть.
Такъ здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветой;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ.
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть не чиста!

Мучительно такое состояніе души для всякаго человѣка, еще мучительнѣе оно было для царя! Каждую минуту Борисъ боялся, чтобы кто нибудь не прочелъ на лицѣ его страшную тайну, и для того старался видѣть какъ можно менѣе людей, пересталъ показываться народу запросто, но всегда съ такою пышностію, которая никого не допускала подходить къ нему близко; часто давалъ для народа обѣды; для вельможъ — пиры, и такіе богатые, какихъ русскіе не видали ни при одномъ изъ прежнихъ государей. Все это бѣдный царь дѣлалъ для того, чтобы развеселить тайную грусть свою, чтобы хотя ненадолго разсѣять мрачное безпокойство души своей. Праздники Годунова были такъ великолѣпны и такъ хорошо показывали нравы и обычаи его времени, что мнѣ хочется дать нѣкоторое по-

нятіе о нихъ моимъ читателямъ. Мы выберемъ для того случай самый любопытный: пріѣздъ въ Москву жениха царевны Ксеніи, датскаго принца *Іоанна*.

Современники съ удивленіемъ говорили о красотѣ дочери Годунова: она такъ восхищала предковъ нашихъ, что въ исторіи есть даже описаніе ея наружности. Послушайте, какъ одинъ изъ писателей ихъ говоритъ о ней: «Царевна Ксенія, отроковица чюднаго домышленія, зѣльною красотою лѣпа, бѣла и лицемъ румяна, очи имѣя черны, велики, свѣтлостію блистаяся; когда же въ жалости слезы отъ очію испущаше, тогда наипаче свѣтлостію зѣльною блисташе, тѣломъ изобильна, млечною бѣлостію обліянна, возрастомъ ни высока, ни низка; власы имѣя черные велики, аки трубы по плечамъ лежащу: во истину во всѣхъ женахъ благочиннѣйша и писанію книжному искусна: гласы воспѣваемые любляше и пѣсни духовныя любезнѣ слышати любляше».

Надѣюсь, что изъ этого описанія вы поймете, что прекрасная царевна была роста средняго, тѣломъ полна и стройна; имѣла молочную бѣлизну, волосы черные, лежавшіе локонами по плечамъ, лицо свѣжее, румяное, глаза большіе, черные, которые дѣлались еще прелестнѣе, когда въ нихъ блистали слезы жалости; что она изъ всѣхъ женщинъ была самою скромною: плѣняла всѣхъ не одною красотою, но и умомъ образованнымъ; любила читать книги и пѣть пѣсни духовныя.

Для такой доброй, умной и прелестной дочери не трудно было царю русскому найти жениха. Датскій принцъ согласился оставить для нея отечество и быть удѣльнымъ княземъ Россіи. Борисъ умѣлъ цѣнить такую жертву, и еще не видавъ Іоанна, уже любилъ его какъ сына.

10-го августа 1602 года женихъ пріѣхалъ на адмиральскомъ кораблѣ къ устью рѣки Наровы, гдѣ начиналась граница русская. При громѣ пушекъ онъ ступилъ на нее и присланные навстрѣчу къ нему бояре *Салтыковъ* и *Власьевъ* ввели его въ богатый шатеръ и поднесли въ подарокъ отъ имени царя восемьдесятъ самыхъ дорогихъ соболей. Во все продолженіе пути до Москвы знаменитый гость почти каждый день получалъ новые дары

отъ будущаго тестя: царь безпрестанно посылалъ ему то шапки, низанныя жемчугомъ, то поясы и кушаки драгоцѣнные, то золотыя цѣпи, то сабли съ бирюзою и яхонтами. Для спокойствія герцога приказано было везти его тихо, такъ что, рѣдко дѣлая болѣе тридцати верстъ въ день, онъ не прежде 19-го сентября въѣхалъ въ Москву.

Въ этотъ день Москва представляла пріятную и веселую картину. Надобно сказать вамъ, милые читатели, что русская столица была въ это время гораздо красивѣе, нежели прежде. Царь Борисъ любилъ украшать ее новыми зданіями и безпрестанно что нибудь строилъ въ Кремлѣ. И теперь еще существуетъ въ Москвѣ огромный памятникъ его царствованія: колокольня Ивана Великаго, конченная въ 1600 году. Домы боярскіе строились также гораздо лучше, нежели прежде; они были уже всѣ изъ сосноваго лѣса, въ два или три этажа, съ большими крыльцами, съ досчатыми свислыми кровлями, а на дворахъ были лѣтнія спальни и каменныя кладовыя. Улицы были вымощены деревомъ; но ужъ, конечно, маленькіе читатели мои догадаются, что эта мостовая вовсе не походила на тотъ гладкій паркетъ, который такъ красиво стелется у насъ по Невскому проспекту. Нѣтъ! тогдашняя мостовая московская была сдѣлана просто изъ досокъ; предки наши были рады и тому: по крайней мѣрѣ теперь имъ можно было не бояться грязи. Но возвратимся къ встрѣчѣ важнаго гостя Москвы—герцога датскаго.

Между тѣмъ какъ народъ съ ранняго утра толпился по улицамъ, чиновники военные и гражданскіе и купечество поѣхали встрѣтить герцога за нѣсколько верстъ отъ города въ полѣ. Онъ ласково выслушалъ рѣчь бояръ, сѣлъ на лошадь и тихо ѣхалъ посреди ихъ, потомъ еще тише по городу, какъ будто для того, чтобы дать полюбоваться собою народу: Іоаннъ былъ красавецъ. Во всѣхъ церквахъ звонили колокола и всѣхъ громче раздавался звонъ кремлевскаго, который употреблялся только въ важныхъ случаяхъ. Въ этотъ день герцогъ еще не представлялся Борису, но поѣхалъ прямо въ назначенный для него домъ. Сюда прислали ему царскій обѣдъ. Какъ вы думаете, друзья мои, сколько кушаньевъ принесли къ нему? Не менѣе *ста*,

и всѣ они положены были на золотыхъ блюдахъ съ такими же крышками. У царя Бориса было иногда и по *двѣсти* кушаньевъ за обѣдомъ. Кажется трудно придумать столько разныхъ блюдъ, но хлѣбосольные предки наши, любя сытно покушать, не затруднялись въ этомъ случаѣ: они дѣлали изъ каждаго блюда нѣсколько различныхъ приготовленій; напримѣръ у нихъ были: и *куря тушеное*, и *куря въ рѣпѣ*, и *куря въ лапшѣ; тетеревъ съ шафраномъ* и *тетеревъ съ сливами; уха куричья шафранная* и *уха куричья черная*, и *уха куричья бѣлая*. Изъ одного журавля дѣлали восемь блюдъ, изъ лебедя—столько же; а пирогамъ, короваямъ и блинамъ такъ счета не было! Кажется это были любимыя ихъ кушанья. Изъ напитковъ же болѣе всего былъ въ употребленіи медъ; его дѣлали изъ разныхъ ягодъ и очень неумѣренно пили за столомъ! Вотъ этихъ разныхъ медовъ принесли къ герцогу болѣе семидесяти ведеръ. Кромѣ того, было много разныхъ винъ иностранныхъ. И все это для одного обѣда! Іоаннъ удивлялся такому пышному угощенію, но удивился еще болѣе богатству русскихъ, чрезъ недѣлю, въ день своего представленія, когда онъ обѣдалъ у царя, въ Грановитой палатѣ, за серебрянымъ столомъ. Борисъ сидѣлъ на золотомъ тронѣ, подъ висѣвшей надъ нимъ короною съ боевыми часами. Послѣ обѣда поднесли принцу дорогіе подарки. Но онъ все еще не видѣлъ невѣсты: у предковъ нашихъ не было обыкновенія показывать дѣвицу жениху прежде, нежели родители совершенно кончатъ всѣ условія. До обрученія и свадьбы все семейство царское ѣздило въ Троицкую лавру помолиться Богу о счастіи Ксеніи. Обрядъ этого выѣзда очень любопытенъ. Если вамъ, дѣти, хочется знать—походилъ ли онъ на наши нынѣшнія церемоніи, то вы можете сдѣлать это сравненіе: я разскажу вамъ, какъ говорили о немъ очевидцы. Слушайте.

«Впереди всѣхъ ѣхали шестьсотъ человѣкъ верхомъ и двадцать пять лошадей, всѣ въ золотѣ и серебрѣ; за ними двѣ кареты: пустая, царевича, обитая краснымъ сукномъ, и другая, обитая бархатомъ, гдѣ сидѣлъ государь, обѣ въ шесть лошадей: около первой ѣхали верховые, около второй шли придворные чиновники. Далѣе ѣхалъ верхомъ

молодой царевичъ, лошадь его вели знатные бояре. Чрезъ полчаса выѣхала царица въ великолѣпной каретѣ; въ другой, со всѣхъ сторонъ закрытой, сидѣла царевна: первую везли десять бѣлыхъ лошадей; вторую—восемь. Впереди сорокъ лошадей и дружина престарѣлыхъ вершниковъ, съ длинными бородами; сзади двадцать четыре боярыни на бѣлыхъ лошадяхъ. Шляпы боярынь украшались золотыми пуговицами и кистями, висѣвшими до плечъ, а сапожки на всѣхъ были желтые. Вокругъ шли триста приставовъ съ жезлами».

Видите ли, милые читатели, какая пышность всегда окружала Бориса! Какъ онъ старался какъ будто отдалять ею отъ себя людей, какъ будто заглушать шумомъ и блескомъ ея безпокойство своей виновной совѣсти. Но это не помогло, и несчастіе, казалось, и въ здѣшнемъ мірѣ уже преслѣдовало тайнаго убійцу и семейство его. Милая, невинная Ксенія лишилась жениха своего прежде, нежели возвратилась изъ Троицкой лавры: Іоаннъ вдругъ занемогъ и чрезъ недѣлю скончался. Это былъ добрый принцъ, обѣщавшій много хорошаго той землѣ, которую уже называлъ вторымъ отечествомъ своимъ. Годуновъ непритворно плакалъ о немъ; въ то же время онъ плакалъ и о преступленіи своемъ: ему казалось, что уже наказаніе его началось и что вмѣстѣ съ нимъ будетъ страдать все невинное семейство его.

Отъ такой мысли сердце его сдѣлалось еще безпокойнѣе, думы—мрачнѣе. Безпрестанно казалось ему, что тайное убійство его открыто; безпрестанно слышалось ему страшное имя *Димитрія!...* Вездѣ представлялась ему измѣна, во всѣхъ боярахъ думалъ онъ видѣть хитрыхъ обманщиковъ, замышлявшихъ противъ него заговоры. Разумѣется, что при такомъ расположеніи подозрительнѣе всѣхъ казались ему ближайшіе родственники прежняго царскаго дома—*Романовы.* Кромѣ этого священнаго права на любовь и уваженіе всѣхъ русскихъ, Романовы отличались своими добродѣтелями, своею привязанностію къ отечеству, своимъ усердіемъ къ пользѣ народа. Могли ли всѣ эти достоинства ближайшихъ родственниковъ св. Димитрія не внушать страха похитителю престола? Онъ почувствовалъ этотъ страхъ въ полной мѣрѣ и несчастія, одно за дру-

гимъ, поражали знаменитыхъ предковъ нынѣшнихъ государей нашихъ. Но чтобы погубить ихъ, надобно было выдумать какой нибудь предлогъ. Это не остановило Бориса: клеветниковъ было у него довольно. Родственникъ и любимецъ его Семенъ Годуновъ тотчасъ придумалъ средство: онъ подкупилъ казначея Романовыхъ, далъ ему нѣсколько мѣшковъ съ кореньями, велѣлъ спрятать ихъ въ кладовой господъ своихъ и донести на нихъ, что они занимаются составленіемъ яда и хотятъ отравить царя. Низкая хитрость удалась: страшное преступленіе, взведенное на Романовыхъ, встревожило и духовенство, и всѣхъ знатнѣйшихъ чиновниковъ, и никто не противился, когда осужденныхъ взяли подъ крѣпкую стражу и велѣли судить. Не смотря на то, что при самомъ строгомъ судѣ, при самыхъ ужасныхъ пыткахъ, никого не нашли виновнымъ,— несчастные погибли по одному доносу, а Бориса назвали *неслыханно-милосердымъ*, когда онъ осудилъ Романовыхъ и всѣхъ родственниковъ ихъ — не на смерть, а на одну ссылку и заключеніе. Вотъ сколько жертвъ принесъ Годуновъ своему страху.

Старшаго изъ Романовыхъ, боярина Ѳеодора Никитича, постригли, назвали *Филаретомъ* и сослали въ Сійскій Антоніевскій монастырь, находившійся въ Архангельской области; супругу его Ксенію, также постриженную и названную *Марѳою* — въ одну изъ деревень Заонежскихъ; брата его, втораго Романова — *Александра Никитича* — въ Усолье, къ Бѣлому морю; третьяго — *Михаила* — въ Великую Пермь, въ село Ныробъ; четвертаго — *Ивана* — въ Пелымъ; пятаго и послѣдняго — *Василія* — въ Яренскъ; зятя ихъ князя черкасскаго, съ женою и порученными ей дѣтьми ея брата Ѳеодора Никитича, шестилѣтнимъ сыномъ *Михаиломъ* и маленькою сестрою его — на Бѣлоозеро. Всѣ ихъ богатыя помѣстья роздали другимъ вельможамъ, всѣ домы, драгоцѣнности и деньги взяли въ казну.

Избавивъ себя такимъ образомъ отъ людей, казавшихся для него самыми опасными, Борисъ думалъ успокоиться, думалъ освободиться отъ всякаго страха и наконецъ насладиться счастіемъ, какъ вдругъ новая гроза загремѣла надъ головой его! Случилось то, о чемъ не думалъ убійца

и въ самомъ величайшемъ страхѣ своемъ; что̀ было для него ужаснѣе всѣхъ прежнихъ опасностей, что̀ поразило его почти смертельнымъ ужасомъ: разнеслась вѣсть, что̀ царевичъ Димитрій, что святый младенецъ, убитый въ Угличѣ,—живъ!...

САМОЗВАНЕЦЪ.

отъ 1603 до 1605 года.

(2 года).

Къ несчастію, эта вѣсть была несправедлива; это былъ ужаснѣйшій обманъ, какой когда либо могъ прійти въ голову человѣка безсовѣстнаго и безбожнаго! Прочитайте разсказъ объ этомъ, почти невѣроятномъ происшествіи, и подивитесь, какими безчисленными несчастіями, какимъ горькимъ униженіемъ угодно было Богу довести отечество наше до нынѣшняго величія его!

Въ Москвѣ, въ Чудовѣ монастырѣ, жилъ старый монахъ, бывшій прежде бояриномъ — *Замятня-Отрепьевъ.* Видно было, что несчастія заставили бѣднаго старика постричься: лицо его было всегда печально, и правду сказать, недаромъ печалился Замятня. У него было только два сына и тѣ оба умерли въ молодыхъ лѣтахъ. У одного изъ нихъ Богдана, служившаго сотникомъ въ стрѣльцахъ, осталась жена и маленькій сынъ *Юрій,* или какъ запросто звали его—*Юшка.* Мальчикъ былъ уменъ, но золъ, непослушенъ, упрямъ, такъ что бѣдная мать, которая была, впрочемъ, умная женщина и сама учила его грамотѣ, часто не знала, что дѣлать съ негоднымъ шалуномъ. Она жаловалась дѣдушкѣ; но Юрій не боялся и дѣдушки! Старикъ горевалъ вмѣстѣ съ невѣсткою и утѣшалъ ее тѣмъ, что когда Юша выростетъ постарше, то будетъ умнѣе и добрѣе. Но не тутъ-то было! Какъ скоро Юрій научился хорошо читать часовникъ и псалтирь,—а это почиталось въ то время большою ученостью,—то и ушелъ отъ матери и опредѣлился въ службу знаменитаго дома Романовыхъ, когда еще

онъ былъ въ полномъ блескѣ своего счастія. Здѣсь насмотрѣлся она на первыхъ вельможъ государства, полюбилъ богатство, окружавшее ихъ, и, завидуя ему, началъ жестоко досадовать на бѣдность свою, не смотря на то, что не имѣлъ еще и четырнадцати лѣтъ отъ роду. Хитрый мальчикъ принялся съ того времени искать всѣхъ средствъ разбогатѣть и вести жизнь спокойнѣе и пріятнѣе той, какую онъ велъ въ домѣ благодѣтелей своихъ, и въ одно утро вдругъ исчезъ, не сказавъ ни имъ, ни дѣду и ни матери своей о томъ, куда онъ отправился. Не прежде какъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ услышали, что постригся въ монахи, названъ *Григорьемъ* и живетъ въ суздальскомъ Ефимьевскомъ монастырѣ. Родные его радовались такому извѣстію и надѣялись, что примѣръ святой жизни служителей Божіихъ и ихъ благочестивыя наставленія сдѣлаютъ наконецъ изъ непокорнаго шалуна—человѣка добраго и богобоязненнаго. Но Григорій не о томъ думалъ: не прошло года, какъ онъ былъ уже въ другомъ монастырѣ, потомъ въ третьемъ, такъ что въ три или четыре года онъ пережилъ въ нѣсколькихъ и, наконецъ, явился въ Чудовъ монастырь въ келію дѣда своего Замятни. Старикъ обрадовался, увидѣвъ внука. Это былъ уже не злой шалунъ, дерзкій со всѣми, но умный молодой монахъ съ самою скромною наружностію, съ самымъ тихимъ нравомъ, съ самымъ лучшимъ образованіемъ того времени. Григорій научился уже скрывать свои пороки и показывать хорошія способности, которыми природа щедро надѣлила его. Въ короткое время онъ сдѣлался извѣстенъ патріарху: Іовъ такъ полюбилъ его, что посвятилъ въ діаконы и взялъ къ себѣ для переписки и занятія *книжнымъ дѣломъ*. Надобно сказать вамъ, что Григорій славился не только тѣмъ, что умѣлъ лучше всѣхъ списывать, но даже и сочинять молитвы и духовныя пѣсни святымъ. Сдѣлавшись почти необходимымъ для патріарха, онъ былъ съ нимъ часто и во дворцѣ; тамъ завистливый діаконъ увидѣлъ величіе и пышность царей и плѣнился ими болѣе, нежели нѣкогда въ домѣ Романовыхъ знаменитостію и богатствомъ бояръ. Удачно исполнивъ прежнее желаніе свое и сдѣлавшись изъ бѣднаго мальчика важнымъ человѣкомъ при патріархѣ, дерзкій Григо-

рій вообразилъ, что для него нѣтъ ничего невозможнаго, вообразилъ, что онъ можетъ сдѣлаться царемъ! Вмѣсто того, чтобы испугаться такой преступной мысли и помолиться Богу о прощеніи грѣха своего, несчастный оправдывалъ себя разсужденіями о томъ, что онъ хотѣлъ бы отнять престолъ не отъ настоящаго государя, но отъ убійцы его [1]); онъ думалъ даже, что Богъ избралъ его для наказанія Бориса. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе занимался онъ своими дерзкими намѣреніями и, наконецъ, уже началъ въ шутку говорить чудовскимъ монахамъ: «Знаете ли, что я буду царемъ въ Москвѣ?» Почти всѣ, слыша это, смѣялись, называли его безстыднымъ лгуномъ и разсказывали другъ другу о глупыхъ шуткахъ монаха Григорья. Слухъ о нихъ дошелъ чрезъ митрополита до самого царя, который тотчасъ же приказалъ отправить Григорія, какъ безумнаго, въ Соловецкій монастырь. Это приказаніе отдали такому чиновнику, который былъ въ родствѣ съ Отрепьевымъ, и потому Григорій былъ уже далеко отъ Чудова монастыря, прежде нежели вздумали искать его.

Въ то набожное время монахи принимаемы были вездѣ хорошо и потому Отрепьеву не трудно было уйти очень далеко отъ Москвы. Но съ его намѣреніемъ, ужаснымъ для Россіи, не нужно было идти далѣе Литвы; тамъ всегда были люди, готовые вредить нашему отечеству. Итакъ, будущій самозванецъ отправился прямо въ Кіевъ и тамъ искусно распустилъ слухъ, что царевичъ Димитрій былъ спасенъ отъ смерти однимъ изъ преданныхъ служителей своихъ и скрывается въ Литвѣ. Готовясь скоро приступить къ исполненію своего дерзкаго намѣренія и еще чувствуя необходимость много учиться, чтобы походить на сына царскаго, Отрепьевъ снялъ съ себя монашеское платье [2]) и въ легкомъ нарядѣ казака отправился учиться военному искусству. У кого же вы думаете, милые читатели? У запорожскихъ казаковъ, или, лучше сказать, у разбойниковъ, жившихъ грабежемъ по берегамъ Днѣпра. Изъ этой шайки

---

[1]) Отрепьевъ, бродя по разнымъ городамъ и монастырямъ, провелъ нѣсколько мѣсяцевъ и въ Угличѣ, и потому имѣлъ случай слышать самыя вѣрныя подробности убіенія царевича Димитрія и зналъ убійцу его.

[2]) По этой причинѣ звали его *Разстригою*.

онъ перешелъ въ школу волынскаго городка Гащи и тамъ учился языкамъ польскому и латинскому. Имѣя необыкновенныя способности, онъ скоро успѣлъ и въ этихъ познаніяхъ, и тогда уже — совсѣмъ готовый на свое дерзкое дѣло—явился на службу къ одному изъ знатнѣйшихъ польскихъ вельможъ, князю Адаму *Вишневецкому*. Добившись притворнымъ усердіемъ благорасположенія гордаго пана, сильнаго своимъ богатствомъ, но не дальновиднаго умомъ, самозванецъ, съ величайшею тайною, открываетъ ему, что онъ сынъ Іоанна IV, царевичъ Димитрій, почитаемый всѣми давно умершимъ, но спасенный отъ смерти вѣрнымъ докторомъ своимъ; что злодѣи, присланные Борисомъ, умертвили сына какого-то священника, а Димитрія добрые вельможи отправили въ Литву, гдѣ онъ и воспитывался. Простодушный Вишневецкій повѣрилъ этой сказкѣ; ему пріятно было видѣть прежняго слугу своего — царевичемъ; ему лестно было благодѣтельствовать этому царевичу, и какъ для славы люди часто рѣшаются на дѣла самыя трудныя, то и гордый князь польскій рѣшился, во что бы то ни стало, возвратить русскій престолъ законному наслѣднику Іоанна IV. Онъ сказалъ объ этомъ намѣреніи брату своему князю Константину Вишневецкому и тестю его, воеводѣ сендомирскому Юрію *Мнишекъ*. Они оба были согласны съ великодушіемъ своего родственника; послѣдній показалъ вскорѣ особенное усердіе въ этомъ дѣлѣ и вотъ почему.

У него была прекрасная дочь. Марину называли всѣ гордою красавицею, потому что она отказывала всѣмъ женихамъ, которые до сихъ поръ искали руки ея. Отецъ называлъ отказы ея упрямствомъ, но не принуждалъ ее, думая, что еще не явился человѣкъ, который бы ей нравился. Но какъ же онъ доволенъ былъ этимъ въ ту минуту, когда въ домѣ его показался будущій царь Россіи. Какая радость видѣть дочь свою царицею! О такомъ блаженствѣ никогда и не снилось старому воеводѣ! Въ томъ, что Марина понравится царевичу, Мнишекъ и не сомнѣвался: она такъ прекрасна, такъ ловка, такъ хитра. Къ тому же ей и самой такъ хочется быть царицею, что она вѣрно постарается ему понравиться. Старикъ не ошибся: не смотря на свою очень непривлекательную наружность,

обманщикъ, котораго мы будемъ называть теперь, какъ зовутъ его въ исторіи, *Лжедимитрій*, понравился гордой Маринѣ, какъ скоро она узнала знаменитое происхожденіе его, а низкій разстрига не могъ быть разборчивымъ: онъ любилъ бы прелестную княжну польскую и тогда, когда бы она и совсѣмъ не была хороша, потому что ему нужна была помощь ея родственниковъ.

Итакъ, все шло по желанію хитреца: Вишневецкіе и Мнишекъ усердно старались доставить ложному царевичу помощь короля своего Сигизмунда, который проводилъ большую часть своего времени въ молитвахъ и во всемъ повиновался католическимъ монахамъ и послу папскому. Лжедимитрій зналъ это и заранѣе подружился съ ними, обѣщалъ имъ не только самъ креститься, но и крестить весь народъ русскій въ вѣру латинскую, если они помогутъ ему взойти на престолъ. Папа всегда очень желалъ соединить римскую церковь съ греческою и потому посолъ его чрезвычайно обрадовался, когда мнимый царевичъ сдѣлалъ ему такое предложеніе, и вмѣстѣ съ монахами и Вишневецкими началъ просить короля принять подъ свое покровительство несчастнаго сына государя знаменитаго и дать ему войско, съ которымъ бы онъ могъ завоевать свое наслѣдство. Сигизмунда не нужно было долго уговаривать, да и щедрый царевичъ не хотѣлъ пользоваться даромъ его помощію: онъ отдавалъ Польшѣ нѣсколько уѣздовъ княжества Сѣверскаго и, кромѣ того, дарилъ тестю своему, Мнишеку, княжество Смоленское, а прекрасной невѣстѣ—двѣ великія области: Новгородскую и Псковскую.

Между тѣмъ какъ польскій король и паны его съ папскимъ посланникомъ рѣшаютъ судьбу нашего бѣднаго отечества и, собирая войско, уже заранѣе радуются тому ужасу, какой они наведутъ на Россію, посмотримъ, что̀ дѣлается въ Москвѣ, гдѣ мы оставили царя въ неописанномъ страхѣ отъ одного имени *Димитрія*. Какъ онъ ни увѣренъ былъ, что это обманщикъ и что истинный царевичъ спитъ сномъ непробуднымъ, но страхъ все-таки не уменьшался. И могъ ли онъ уменьшиться? Это былъ страхъ виновной совѣсти, которая говорила ему, что настала минута наказанія Божія за ужасный грѣхъ его! Какъ

скоро эта мысль представилась встревоженному уму Бориса, послѣднее мужество его исчезло, и вмѣсто того, чтобы скорѣе собрать войско и идти навстрѣчу самозванца, уже вступившаго на границы русскія 16 октября 1604 года, несчастный царь въ уныніи, въ мучительной тоскѣ грѣшника, отчаявался и дѣйствовалъ такъ слабо, что въ прежнихъ многочисленныхъ полкахъ русскихъ едва собралось до 50,000 человѣкъ! И тѣ всѣ шли неохотно. Состояніе царя явно показывало вину его: смотря на его робость, на его блѣдное, унылое лицо, народъ удостовѣрился въ истинѣ разглашаемаго слуха, что онъ точно убійца Димитрія, котораго Богъ чудесно спасъ отъ смерти и теперь возвращаетъ отечеству. Съ такими чувствами могло ли и войско усердно защищать Бориса и сражаться съ тѣмъ, кого считало истиннымъ сыномъ царей своихъ. Напротивъ того, и оно, и весь народъ готовы были съ радостію встрѣтить его и посадить на престолъ. Самозванецъ зналъ это расположеніе и умѣлъ воспользоваться имъ. При самомъ вступленіи его въ отечество наше съ поляками и преданными ему запорожскими казаками, онъ посылалъ граматы къ народу русскому, какъ настоящій государь его, напоминалъ ему присягу, данную Іоанну IV, просилъ его оставить похитителя престола и служить царю законному. Это объявленіе или манифестъ его такъ подѣйствовалъ, что уже не одна чернь, но и всѣ жители тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ проходилъ, покорялись ему какъ настоящему царевичу. Спустя мѣсяцъ послѣ появленія его въ въ Россіи, ему принадлежали уже города: Моравскъ, Черниговъ, Рыльскъ, Борисовъ, Бѣлгородъ, Волуйки, Осколъ, Воронежъ, Кромы, Ливны, Елецъ, однимъ словомъ, всѣ области до Новгорода-Сѣверскаго. Здѣсь только встрѣтилъ онъ сопротивленіе отъ одного воеводы, оставшагося вѣрнымъ Борису—*Петра Басманова*. Но вѣрность и усердіе одного человѣка не могли спасти цѣлаго царства. Годуновъ видѣлъ погибель свою въ безпрестанныхъ измѣнахъ, о которыхъ доносили ему, чувствовалъ ее въ каждомъ убійственномъ упрекѣ совѣсти и, будучи не въ состояніи переносить долѣе страданій своихъ, скончался скоропостижно 13 апрѣля 1605 года.

Въ то время измѣна еще не дошла до Москвы и древняя столица, исполняя долгъ свой, присягнула въ вѣрности сыну скончавшагося царя шестнадцати-лѣтнему Өеодору. Но непродолжительно было царствованіе этого несчастнаго государя: чрезъ шесть недѣль его уже не было на престолѣ! И какъ вы думаете, милые читатели, кто такъ ускорилъ паденіе всего дома Годуновыхъ и торжество самозванца? Трудно повѣрить, но это была правда: тотъ же самый Петръ Басмановъ, который за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ такъ блистательно показалъ предъ всею Россіею свою вѣрность и благородство! Борисъ не зналъ въ то время, какъ выразить ему свою благодарность: возвысилъ его въ санѣ, дарилъ помѣстьями и, кромѣ того, изъ своихъ рукъ далъ ему золотое блюдо, полное червонцевъ, и двѣ тысячи [1]) рублей серебромъ. Өеодоръ, получившій отъ умнаго отца лучшее образованіе по тому вѣку, заботился съ первыхъ дней своего царствованія о томъ, чтобы въ такое опасное время дать войску искуснаго и вѣрнаго воеводу и, по совѣту матери и опытныхъ бояръ, не могъ выбрать никого лучше Басманова. Умилительно было видѣть и слышать, какъ молодой государь, прекрасный и невинный какъ ангелъ, отправляя новаго воеводу къ войску, съ слезами на глазахъ сказалъ ему: «Служи намъ, какъ ты служилъ отцу моему». Казалось Басмановъ еще не думалъ объ измѣнѣ въ эту торжественную минуту, потому что съ пламеннымъ усердіемъ далъ клятву Өеодору умереть за него; но чрезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда своего къ войску склонилъ его къ измѣнѣ и самъ присягнулъ самозванцу. Причина такого низкаго поступка перваго воеводы того времени непонятна: онъ очень хорошо зналъ, что подъ именемъ Димитрія скрывался обманщикъ, и развѣ только одно безчестное желаніе пользоваться неограниченною милостію самозванца заставило Басманова, до сихъ поръ вѣрнаго подданнаго Годуновыхъ, сдѣлаться измѣнникомъ. Но эта измѣна рѣшила судьбу дерзкаго разстриги: какъ скоро герой Новгорода-Сѣверскаго, никакъ не хотѣвшій прежде покориться самозванцу, назвалъ

---

[1]) Тогдашніе 2,000 составляли нынѣшнихъ 100,000 рублей серебряныхъ.

его государемъ своимъ, сомнѣнія исчезли: все войско, весь народъ, однимъ словомъ, вся Россія увидѣла въ немъ истиннаго сына Іоанна IV и вездѣ раздались радостные крики: «Да здравствуетъ отецъ нашъ, государь Димитрій Іоанновичъ!»

Съ этимъ восклицаніемъ шумныя толпы народа ворвались 1-го іюня во дворецъ московскій и съ проклятіями вывели оттуда несчастнаго Θеодора, мать и сестру его. Бѣдная царица молила только о жизни милыхъ дѣтей ея. Народъ, всегда склонный къ жалости, согласился на просьбы ея и несчастное семейство отвезено было въ прежній собственный домъ Борисовъ; но Лжедимитрій и Басмановъ, и другіе достойные служители обманщика не знали жалости — и 10-го іюня пріѣхали въ Москву чиновники съ повелѣніемъ умертвить все семейство Бориса, прежде нежели новый царь въѣдетъ въ столицу. Повелѣніе самозванца было исполнено въ тотъ же день, и несчастная царица и невинный сынъ ея удавлены!.. Необыкновенная красота Ксеніи остановила убійцъ: ее оставили живою, но постригли въ монахини.

Такъ ужасенъ былъ конецъ величія, для котораго властолюбивый Борисъ Годуновъ пролилъ святую кровь Димитрія; такъ явно было наказаніе Божіе надъ убійцею и всѣмъ семействомъ его!

Семейство царя Бориса Θеодоровича Годунова.

Супруга: Марія Григорьевна, дочь военачальника Малюты-Скуратова.

Дѣти ихъ: *Сынъ: Θеодоръ,* наслѣдовалъ послѣ отца, но былъ убитъ чрезъ шесть недѣль послѣ восшествія своего на престолъ.

Дочь: Ксенія, пострижена въ монахини.

ПОЛЯКИ ВЪ МОСКВѢ.

ОТЪ 1605 ДО 1606 ГОДА.

(1 годъ).

Въ то время, какъ правосудіе Вѣчнаго истребляло весь родъ *одного* похитителя престола русскаго, *другой*, еще во всемъ блескѣ и счастіи, веселился въ Тулѣ. Тамошній дворецъ едва могъ помѣщать въ себѣ множество знатныхъ вельможъ и бояръ, пріѣзжавшихъ изъ всѣхъ городовъ Россіи съ поздравленіями къ царевичу. Во всей же Тулѣ собралось тогда болѣе 100,000 человѣкъ. Шумные крики народной радости раздавались на городскихъ улицахъ съ утра до вечера: русскіе думали, что давно оплаканный народомъ Димитрій воскресъ для счастія своихъ подданныхъ, и веселились отъ всей души. Самозванецъ старался увеличить веселье народа виномъ и притворнымъ участіемъ въ ихъ радости. Я говорю *притворнымъ*, потому что онъ никогда не любилъ русскихъ и во всякомъ случаѣ предпочиталъ имъ поляковъ. Впослѣдствіи времени это предпочтеніе было главною причиною его погибели, потому что поляки безсовѣстно имъ пользовались и оскорбляли русскихъ какъ хотѣли. Читателямъ моимъ, вѣрно, досадно будетъ узнать о томъ униженіи, какое терпѣли тогда бѣдные предки наши; но я напередъ скажу имъ, что оно будетъ непродолжительно, что русскіе отмстятъ за себя и что время счастія и славы ихъ уже близко! Вооружимся же терпѣніемъ, друзья мои, и съ твердостію прочтемъ еще нѣсколько разсказовъ о ихъ бѣдствіяхъ. Самыми тягостными были тѣ, которыя ожидали ихъ тогда въ Москвѣ, куда уже отправился подъ драгоцѣннымъ именемъ святого младенца—бродяга, болѣе презрительный, нежели послѣдній изъ его подданныхъ.

26-го іюня 1605 года—чрезъ десять дней послѣ убіенія молодого Ѳеодора—самозванецъ въѣхалъ въ столицу. Этотъ въѣздъ былъ чрезвычайно великолѣпенъ. Казалось, бѣглый діаконъ Чудова монастыря боялся, чтобы кто нибудь изъ московскихъ жителей не узналъ его и потому

старался скрыться подъ самымъ пышнымъ нарядомъ и окружить себя самою многочисленною свитою. Большую часть ея составляли не русскіе, но поляки, литовцы и нѣмцы. Польскіе литаврщики и трубачи, и литовскіе музыканты, ѣхавшіе впереди, заглушали даже пѣніе молебна, который служили на лобномъ мѣстѣ, гдѣ духовенство московское встрѣтило царя. Такое неуваженіе къ святынѣ, непривычное для русскихъ, огорчило ихъ, не смотря на общее веселье праздника. Бѣдные встревожились еще болѣе, когда вслѣдъ за царемъ и духовенствомъ вошли въ соборную церковь Успенія и всѣ иновѣрцы, поляки, венгерцы, нѣмцы и другіе: тогда еще не было въ обыкновеніи позволять иностранцамъ входить въ церковь, а допущеніе музыки казалось народу еще большимъ неприличіемъ. Съ ужасомъ подумали многіе: «Нашъ ли это благочестивый государь позволяетъ гремѣть музыкѣ во время молебна и впускаетъ въ церковь Божію некрещеныхъ! Видно, что онъ выросъ не на своей православной Руси, а у поляковъ!» Такъ разсуждали предки наши, смотря на самозванца въ первые дни его царствованія, когда поступки его еще не были слишкомъ безразсудны и онъ хотя нѣсколько старался угождать народу: дѣлалъ много милостей, возвратилъ изъ ссылки несчастныхъ бояръ, сосланныхъ Борисомъ, показалъ особенную благосклонность къ Романовымъ, какъ мнимымъ родственникамъ своимъ, назначилъ старшаго изъ нихъ Филарета—митрополитомъ ростовскимъ; удвоилъ жалованье чиновникамъ и войску; велѣлъ заплатить всѣ казенные долги Іоаннова царствованія; отмѣнилъ разныя пошлины. Но все это было только въ первые недѣли; послѣ же коронованія, 21 іюля, онъ уже пересталъ притворяться и явно занимался одними поляками. Будучи обязанъ Польшѣ своимъ величіемъ, онъ предпочтительно любилъ эту страну и, восхищаясь обычаями и учрежденіями ея, непремѣнно хотѣлъ ввести ихъ и у насъ. Прежде всего онъ началъ перемѣнять порядокъ нашей старинной боярской думы: приказалъ засѣдать въ ней, кромѣ патріарха, митрополитамъ и епископамъ, и назвалъ всѣхъ бояръ думы—*сенаторами*. Потомъ учредилъ новые придворные чины: великаго дворецкаго, великаго мечника, великаго

оружничаго, великаго сокольничаго, назвалъ дьяковъ—*великими секретарями*. Всѣ эти перемѣны ничего бы не значили, еслибы онъ перемѣнялъ на хорошее только то, что мы имѣли дурного и дѣлалъ бы это не унижая русскихъ; но дерзкій Отрепьевъ былъ не таковъ: онъ обижалъ подданныхъ своими насмѣшками, называлъ ихъ *невѣжами*, безпрестанно хвалилъ однихъ иностранцевъ. Смѣшнѣе всего казалась ему набожность русскихъ, которую онъ для извиненія своего называлъ суевѣріемъ и старался противорѣчить имъ на каждомъ шагу: напримѣръ, въ то время было обыкновеніе у царей нашихъ, чтобы передъ обѣдомъ священникъ благословилъ и окропилъ пищу святою водою; самозванецъ не велѣлъ дѣлать этого и садился за столъ не съ молитвою, а съ музыкою; далъ іезуитамъ, которыхъ русскіе называли *некрещеными*, лучшій домъ въ Кремлѣ и позволилъ имъ служить латинскую обѣдню. Кромѣ того, онъ былъ расточителенъ и такъ безразсудно сыпалъ деньги на всякія ненужныя вещи, что въ три мѣсяца издержалъ болѣе семи милліоновъ рублей! Однимъ словомъ, добрый народъ, сначала съ радостію повѣрившій, что это истинный царевичъ Димитрій, началъ сомнѣваться, видя дѣла его и неуваженіе дерзкихъ поляковъ къ святынѣ. Вскорѣ нашлись люди, которые знали убѣжавшаго изъ Чудова монастыря діакона Григорія, и находили сходство между имъ и царемъ. Былъ еще человѣкъ, опаснѣе ихъ: князь Василій Ивановичъ Шуйскій, занимавшій главное мѣсто въ числѣ тѣхъ, которые ѣздили въ Угличъ для слѣдствія объ убіеніи царевича: онъ зналъ Димитрія живого, видѣлъ его мертваго и могъ присягнуть, что на тронѣ русскомъ сидѣлъ обманщикъ. Онъ говорилъ объ этомъ такъ громко, что вскорѣ слова его дошли до ушей перваго любимца Лжедимитріева—Басманова, и Шуйскій былъ взятъ подъ крѣпкую стражу, преданъ суду и приговоренъ къ смерти. Уже несчастный стоялъ на лобномъ мѣстѣ передъ палачемъ, уже голова его лежала на плахѣ, и народъ, любя всегда Шуйскихъ, происходившихъ отъ князя Андрея Ярославича, брата Невскаго, съ горестными слезами смотрѣлъ на него, какъ вдругъ раздался крикъ: *стой!* Царскій чиновникъ прискакалъ изъ Кремля и объявилъ прощеніе пре-

ступнику. Самозванецъ, вѣроятно, побоялся народнаго мятежа за смерть любимаго боярина, или уже, слыша о дурномъ расположеніи къ себѣ русскихъ, хотѣлъ удивить ихъ своимъ милосердіемъ,—какъ бы то ни было, но мнимый Димитрій спасъ Шуйскаго на погибель свою.

Народъ, въ минуту объявленія этой милости, былъ подлинно въ восхищеніи и славилъ царя; но чрезъ нѣсколько дней, когда восторгъ прошелъ, всѣ снова начали толковать о вѣроятности словъ князя Шуйскаго и о другихъ слухахъ, носившихся въ городѣ насчетъ бѣглаго Отрепьева. Мнимый царь, презирая своихъ подданныхъ, мало обращалъ вниманія на толки ихъ и, выбравъ въ новые тѣлохранители свои триста нѣмцевъ подъ начальствомъ трехъ капитановъ: Маржерета, Кнутсена и Вандемана, почиталъ себя въ совершенной безопасности, безумно веселился съ своими поляками и въ сентябрѣ мѣсяцѣ отправилъ пышное посольство за невѣстою.

Но Марина и отецъ ея не скоро выѣхали изъ Польши; гордые поляки, величаясь помощью, какую они подали царю русскому, не соглашались на обрученіе, пока онъ не прислалъ 200,000 злотыхъ на уплату долговъ воеводы Сендомирскаго; дары же, посланные невѣстѣ, стоили 800,000 рублей [1]), кромѣ той безчисленной суммы, которая была издержана на путешествіе Марины и ея свиты до Москвы.

Это путешествіе было единственное въ то время по своей блистательной пышности, и едва ли какая нибудь истинно царская невѣста ѣхала къ жениху своему съ такимъ великолѣпіемъ, какъ эта гордая полька къ своему мнимому царю-жениху.

Свита воеводы Сендомирскаго состояла изъ двухъ тысячъ человѣкъ и такого же числа лошадей. Невѣста ѣхала между рядами конницы и пѣхоты. Отъ мѣстечка *Краснаго* повезли ее въ великолѣпныхъ саняхъ, украшенныхъ серебрянымъ орломъ и запряженныхъ двѣнадцатью бѣлыми лошадьми; кучера были въ парчевой одеждѣ и въ черныхъ лисьяхъ шапкахъ. Во всѣхъ селеніяхъ встрѣчали ее съ хлѣбомъ и солью; въ городахъ—съ драгоцѣнными дарами.

---

1) 4.000,000 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ.

2-го мая 1606 года Марина пріѣхала въ Москву. У городской заставы встрѣтили ее дворянство и войско. Еще не въѣзжая въ городъ, невѣста пересѣла въ колесницу съ серебряными орлами, запряженную въ десять пѣгихъ лошадей. Музыка раздавалась во всѣхъ сторонахъ. Звонъ колоколовъ, бой барабановъ, пальба изъ пушекъ оглушали всѣхъ москвитянъ. Для нихъ странно и непріятно было видѣть, что духовенство не встрѣчало царскую невѣсту: она была католичка, и самозванецъ, намѣреваясь и всѣхъ подданныхъ своихъ сдѣлать католиками, не требовалъ, чтобы она крестилась. Безразсудный не думалъ, какое негодованіе онъ возбуждалъ такими поступками въ народѣ, который всегда былъ чрезвычайно привязанъ къ вѣрѣ своей и никогда не имѣлъ еще царицею — иновѣрку [1]). Безсовѣстный обманщикъ сдѣлалъ еще болѣе: онъ почтилъ невѣсту свою такою честію, какой не имѣли и самыя лучшія и добродѣтельныя царицы: короновалъ Марину, эту простую дворянку польскую, вѣнцомъ Мономаха! На нее надѣли, какъ на царей русскихъ, животворящій крестъ, бармы и цѣпь Владиміра, помазали мѵромъ и причастили!

Эта послѣдняя дерзость совершенно обнаружила царя: всѣ увидѣли, что онъ не можетъ быть истиннымъ Димитріемъ, и въ то время, когда самые шумные свадебные праздники одинъ за другимъ смѣнялись при дворѣ, когда гордые паны польскіе, вездѣ занимая первое мѣсто, веселились униженіемъ народа, всегда для нихъ ненавистнаго, и надѣялись, по милости хитрой Марины и ея услужливаго супруга скоро завладѣть всею Россіею, русскіе, по наружности спокойные и равнодушные, но въ душѣ встревоженные и оскорбленные, тайно совѣтовались о средствахъ спасти святую вѣру и милое отечество.

---

[1]) Если нѣкоторые великіе князья и были женаты на дочеряхъ хановъ, то всѣ такія невѣсты прежде вѣнчанія крестились въ вѣру греческую.

СМЕРТЬ САМОЗВАНЦА.

1606 годъ.

Эти совѣщанія происходили въ домѣ того, кто первый имѣлъ смѣлость назвать Димитрія обманщикомъ, кто пострадалъ ужасно за эту смѣлость, и хотя потомъ былъ помилованъ, но сохранилъ въ душѣ жестокое воспоминаніе о минутѣ грозившей ему казни,—въ домѣ князя Василія Ивановича Шуйскаго. Зная лучше всѣхъ о смерти истиннаго царевича, онъ считалъ долгомъ вывести Россію изъ заблужденія, особенно съ того времени, какъ всѣ дѣла и поступки самозванца явно вредили счастію отечества нашего. Можетъ быть вы удивитесь, что онъ не сдѣлалъ этого съ самаго начала, но восхищеніе народа и его преданность къ воскресшему Димитрію были такъ велики, что никто не повѣрилъ бы въ то время словамъ князя Шуйскаго и онъ вѣрно сдѣлался бы жертвою своего усердія. Теперь же было совсѣмъ другое дѣло: всѣ ясно видѣли обманъ и искренно благодарили человѣка, который предлагалъ средство избавиться отъ стыда называть государемъ своимъ — бѣглаго разстригу. Князь Шуйскій былъ уменъ, хитеръ, рѣшителенъ; былъ любимъ народомъ какъ потомокъ поколѣнія царскаго и какъ герой, не страшившійся умереть за правду, и такъ ему не трудно было управлять умами всѣхъ бояръ, недовольныхъ Лжедимитріемъ и его поляками и мало-по-малу составить заговоръ, въ которомъ участвовали почти всѣ москвитяне. Онъ умѣлъ склонить на свою сторону и городскихъ чиновниковъ, и людей военныхъ: первые увѣрены были въ согласіи народа, вторые—войска. Кромѣ того, помѣщики представляли отъ себя усердныхъ слугъ, а Шуйскіе призвали въ Москву 20,000 надежныхъ людей изъ собственныхъ деревень своихъ.

Все это приготовилось очень скоро. Заговорщики рѣшились истребить самозванца и поляковъ, и уже назначили на то день: это было 17-го мая 1606 года, чрезъ недѣлю послѣ свадьбы царя.

Пышные праздники еще не всѣ кончились: Лжедимитрій располагался удивить народъ невиданною на Руси забавою; велѣлъ построить деревянную крѣпость за Срѣтенскими воротами, вывезти туда нѣсколько пушекъ изъ Кремля и представить картину приступа. Марина также сбиралась повеселить придворныхъ дамъ маскарадомъ, или, какъ русскіе говорили тогда, сбиралась плясать съ *своими поляками въ личинахъ*. Вы догадаетесь, милые читатели, что предки наши называли личинами—*маски*. Надѣть маску почиталось у нихъ величайшимъ грѣхомъ, и разсказы о приготовленіяхъ царицы къ маскараду выводили изъ терпѣнія самыхъ кроткихъ и покорныхъ людей. Досадуя на такое, по мнѣнію ихъ, безбожіе, они готовы были на всѣ предложенія заговорщиковъ, особливо когда тѣ прибавляли къ разсказамъ своимъ описаніе новаго праздника, затѣваемаго царемъ. Слушая ихъ, нельзя было не вѣрить, что деревянная крѣпость строилась не для забавы, а для погибели всѣхъ бояръ русскихъ, которые будутъ на праздникѣ, и что потомъ самозванецъ отдастъ всѣ мѣста и должности, всѣ богатства и всѣхъ людей ихъ своимъ любимцамъ полякамъ. Разумѣется, что, слыша это, никакой русскій, искренно любившій свое отечество, не могъ отказаться отъ участія въ единодушномъ возстаніи. Однимъ словомъ, князь Шуйскій распоряжался въ этомъ дѣлѣ съ такою осторожностію и благоразуміемъ, что вся Москва уже съ нетерпѣніемъ ожидала назначеннаго дня, прежде нежели самозванецъ получилъ малѣйшее подозрѣніе о томъ, что̀ происходило около него. Даже наканунѣ 17-го мая, когда всѣ уже двѣнадцать воротъ московскихъ заняты были воинами Шуйскаго, а городскіе чиновники ходили по домамъ съ тайнымъ приказаніемъ, чтобы всѣ были готовы защищать церковь и царство и ожидали набата, Лжедимитрій и всѣ поляки веселились на великолѣпномъ праздникѣ, вовсе не думая о томъ, что̀ ожидало ихъ на другой день.

Всѣ они еще спали глубокимъ сномъ, какъ вдругъ въ четыре часа утра раздался звонъ набата во всей Москвѣ и народъ побѣжалъ изъ домовъ на Красную площадь. Тамъ уже ожидали его бояре и воеводы въ полномъ вооруженіи. Впереди всѣхъ былъ князь Василій Шуйскій,

съ мечемъ въ одной рукѣ и съ крестомъ въ другой. По его знаку Спасскія ворота въ Кремлѣ растворились и вслѣдъ за ними вошли туда безчисленныя толпы народа. Набожно приложился онъ въ церкви Успенія къ образу Божіей Матери Владимірской и потомъ съ жаромъ вскричалъ къ народу: «Во имя Божіе идите на злого еретика!» Этихъ немногихъ словъ было довольно на убѣжденіе: тихія толпы, еще въ какомъ-то молчаливомъ ожиданіи шедшія за боярами, сдѣлались шумными, необузданными и съ яростію бросились во дворецъ. Но тамъ они еще не скоро нашли того, кого искали. Съ первыми ударами набата самозванецъ проснулся, и въ страхѣ, не зная на что̀ рѣшиться, видя, что уже и храбрый другъ и защитникъ его Басмановъ убитъ, не могъ придумать ничего болѣе, какъ выскочить въ окно. Несчастный злодѣй вывихнулъ себѣ ногу, разбилъ грудь и голову, и упалъ прямо къ стрѣльцамъ, стоявшимъ на караулѣ въ Житномъ дворѣ. Однакожъ они не сдѣлали ему ничего дурного, но, напротивъ того, слушая увѣренія его, что онъ истинный Димитрій, убѣдили собравшійся къ нимъ народъ отнести его къ царицѣ-инокинѣ и отъ нея удостовѣриться, точно ли онъ сынъ ея. Печальная государыня была вызвана изъ келіи и торжественно объявила, что истинный царевичъ скончался на рукахъ ея въ Угличѣ и что она молчала объ этомъ во все царствованіе самозванца отъ одного страха къ нему: онъ угрожалъ тайно умертвить ее за одно неосторожное слово, сказанное противъ него. Царица обвиняла себя за свое малодушіе, со слезами просила прощенія у народа, и показала ему портретъ маленькаго царевича: всѣ увидѣли, что ни одна черта его ангельскаго лица не походила на Разстригу.

Объявленіе горестной матери рѣшило судьбу обманщика. Съ него сорвали царскую одежду, еще нѣсколько минутъ разспрашивали, откуда онъ, и, не дослушавъ его разсказовъ, застрѣлили. Народъ, раздраженный такою неслыханною дерзостію, не скоро оставилъ въ покоѣ и мертвое тѣло его: всякій, кто хотѣлъ, билъ и кололъ его мечами, а потомъ чернь вытащила его изъ Кремля и положила на Лобномъ мѣстѣ съ маскою, дудкою и волынкою. Этимъ хо-

тѣли предки наши показать склонность самозванца къ пляскамъ, шутовскимъ забавамъ и музыкѣ.

Въ то самое время, когда Отрепьевъ получилъ достойную награду за дѣла свои, гордая супруга его и съ нею вся ея свита были въ ужасномъ положеніи: народъ съ яростію бѣгалъ во всѣ домы, гдѣ только думалъ найти поляковъ, и вездѣ убивалъ ихъ. Марина скрылась въ комнатахъ одной изъ придворныхъ дамъ своихъ и была оставлена живою только по просьбѣ бояръ, которые спасли также и отца ея, и Вишневецкаго.

Семь часовъ продолжались убійства и смятеніе народа. Наконецъ все утихло и къ вечеру того же дня Москва была такъ спокойна, что чужестранцы, жившіе въ ней, не могли надивиться этой быстрой перемѣнѣ, тѣмъ болѣе, что народъ не имѣлъ еще царя и даже не зналъ, кто будетъ имъ.

Но эта неизвѣстность не была продолжительна. Сердца всѣхъ стремились къ одному человѣку, всѣ увѣрены были, что никто лучше умнаго князя Шуйскаго не можетъ управлять Россіей, и 19-го мая, на третій день послѣ возстанія, Василій Іоанновичъ уже былъ названъ царемъ. Удивительно было видѣть Шуйскаго въ эту торжественную минуту на Лобномъ мѣстѣ,—тамъ, гдѣ за нѣсколько недѣль передъ этимъ онъ стоялъ приговоренный къ смерти! Какая чудная перемѣна! Тогда каждый старался скрыть слезы и состраданіе свое къ несчастному, невинно-осужденному князю; теперь каждый думалъ только о томъ, чтобы показать ему свое усердіе, каждый называлъ его избавителемъ царства русскаго. Тогда всѣ боялись одного имени Димитрія, хотя нѣкоторые уже знали обманъ; теперь тотъ же самый человѣкъ, устрашавшій всѣхъ собою, лежалъ безжизненный въ нѣсколькихъ шагахъ отъ новаго царя! Всякому позволено было шутить и насмѣхаться надъ нимъ. Этого еще недовольно: и въ самой землѣ не было мѣста тѣлу самозванца. Чрезъ три дня его похоронили у большой дороги, за Серпуховскими воротами. Вдругъ нѣкоторые изъ суевѣрнаго народа начали говорить, что видѣли какія-то ужасныя чудеса надъ могилой его и что Разстрига, бывшій, по мнѣнію ихъ, большимъ колдуномъ и при жизни, вѣрно будетъ вредить Россіи волшебствомъ

своимъ и послѣ смерти. Итакъ, чтобы совсѣмъ избавиться отъ него, тѣло опять вынули изъ земли, сожгли и, смѣшавъ съ порохомъ, выстрѣлили имъ изъ пушки въ ту сторону, откуда самозванецъ пришелъ въ Москву. Бѣдные москвитяне думали, что съ этимъ выстрѣломъ далеко отлетятъ отъ нихъ всѣ бѣды, причиненныя злодѣемъ.

НЕСЧАСТНОЕ ЦАРСТВОВАНІЕ ШУЙСКАГО.

отъ 1606 до 1610 года.

(4 года).

Едва ли какой нибудь государь былъ несчастнѣе Василія Іоанновича! Всѣ добрыя намѣренія его не имѣли успѣха, все, что̀ думалъ онъ сдѣлать полезнаго для подданныхъ своихъ, было не понято ими; все, чѣмъ онъ хотѣлъ улучшить состояніе ихъ, было дурно принято ими. Напримѣръ, насмотрѣвшись на ужасное тиранство временъ Іоанна Грознаго и Бориса Годунова, Шуйскій хотѣлъ избавить отъ него русскихъ на будущее время и далъ имъ новыя права и преимущества. Но что-жъ? онъ угодилъ этимъ только тѣмъ боярамъ, которые были властолюбивы и желали наслаждаться неограниченною свободою; всѣ же прочіе, привыкшіе къ самодержавной волѣ государей своихъ и, можетъ быть, испытавшіе какъ опасна излишняя власть вельможъ, были недовольны новыми постановленіями и говорили, что царь отъ страха къ боярамъ даетъ имъ такую волю. И самый народъ, имѣя въ теченіе одного года четвертаго государя, не чувствовалъ уже прежняго уваженія къ этому священному званію, и чтобы снова возвратить ему всю важность и достоинство его, нуженъ былъ государь смѣлый, рѣшительный, одаренный необыкновенными способностями. Шуйскій не имѣлъ ихъ и отличался только чрезвычайною твердостію въ перенесеніи несчастій своихъ. Къ тому же, онъ былъ очень скупъ, не любилъ веселостей, и два торжества, бывшіе при немъ: коронованіе и

потомъ свадьба его съ молодою княжною Маріею Петровною Буйносовою-Ростовскою, праздновались такъ тихо, такъ скучно, что нашлось много людей, которые пожалѣли о пышныхъ и веселыхъ пирахъ самозванца. Однакожъ все это не сдѣлало бы много вреда Василію, еслибы не было главной причины всѣхъ несчастій его, истреблявшей всякое доброе расположеніе къ нему русскихъ. Эта причина заключалась въ чрезмѣрной любви народа не только къ самому *Димитрію,* но даже къ одному имени его! Цѣлый годъ царствованія обманщика; униженіе, испытанное при немъ; наконецъ мощи святого младенца, перенесенныя при Василіи Іоанновичѣ изъ Углича въ Москву и открыто поставленныя въ церкви Михаила Архангела, еще не довольно убѣдили легковѣрныхъ, и почти всѣ они готовы были снова съ радостію встрѣтить перваго пришлеца, которому вздумалось бы назвать себя Димитріемъ. Успѣхъ же Отрепьева не могъ не внушить и другимъ злодѣямъ желанія подражать его дерзости. Итакъ, новые самозванцы стали являться при самомъ началѣ царствованія Шуйскаго. Опаснѣйшій изъ всѣхъ ихъ былъ тотъ, котораго опять прислали намъ поляки. Эти непримиримые враги наши, отмщая Шуйскому за соотечественниковъ своихъ, убитыхъ въ Москвѣ съ Отрепьевымъ, поклялись во что бы то ни стало отнять у него престолъ. Прежде всего они старались сдѣлать Василія ненавистнымъ народу: увеличивали всѣ его недостатки, представляли въ дурномъ видѣ всѣ его хорошія качества, говорили даже, что онъ не можетъ называться законнымъ государемъ, потому что выбранъ одною Москвою, а не всѣми областями русскими[1]). Вмѣстѣ съ этимъ распространили они слухъ о томъ, что во время мятежа въ Москвѣ былъ убитъ не Димитрій, но одинъ изъ придворныхъ, походившій на него лицомъ; самъ же онъ успѣлъ уѣхать и скрывается теперь въ Польшѣ, у тещи своей, въ Самборскомъ замкѣ. Люди легкомысленные, всему вѣрившіе; вѣтренники, полюбившіе безпрестанныя пере-

[1]) Шуйскій избранъ былъ чрезъ два дня послѣ мятежа въ Москвѣ. Узнавъ о его избраніи, и всѣ другія области охотно послѣдовали примѣру Москвы и присягнули ему какъ законному государю.

мѣны въ правленіи; злодѣи, надѣявшіеся пользоваться такими перемѣнами,—слушали съ жадностію эти разсказы; нашлись даже дерзкіе смѣльчаки, которые начали набирать войско и съ нимъ покорять города именемъ царя Димитрія. Въ числѣ такихъ особенно отличался князь Григорій *Шаховскій*. Онъ въ короткое время возмутилъ всю землю Сѣверскую и Рязанскую и составилъ войско изъ жителей измѣнившихъ городовъ, изъ стрѣльцовъ, казаковъ, дѣтей боярскихъ и даже крестьянъ, толпами приходившихъ подъ знамена любимца своего Димитрія. Подивитесь такому усердію, милые читатели, тѣмъ болѣе, что еще никто не видѣлъ этого новаго самозванца и что одно имя его въ теченіе года покоряло города и цѣлыя области. Полякамъ трудно было найти человѣка, который согласился бы играть эту опасную роль, и не прежде, какъ чрезъ годъ сыскался такой: одни историки называютъ этого второго обманщика *Матвѣемъ Веревкинымъ*, бродягой и сыномъ какого-то священника; другіе—жидомъ. Съ восторгомъ приняли его во всей южной Россіи. Атаманъ днѣпровскихъ казаковъ *Заруцкій*, и начальникъ поляковъ, панъ *Рожинскій* — друзья перваго самозванца, знавшіе навѣрное, что онъ былъ убитъ, не стыдились служить и второму, какъ истинному царевичу. Они оба доставляли ему каждый день новыхъ воиновъ: къ Заруцкому приходили казаки, къ Рожинскому — богатые паны съ своими отрядами. Съ такими усердными помощниками, съ довѣрчивою любовью русскихъ къ имени Димитрія — и второй самозванецъ такъ же легко побѣждалъ, какъ и первый, и въ іюнѣ 1608 года былъ уже въ двѣнадцати верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Тушинѣ.

Бѣдное отечество наше находилось въ это время въ самомъ жалкомъ положеніи: вѣрными царю оставались только отдаленная Сибирь и города: Казань, Саратовъ, Нижній, Коломна, Новгородъ, Переяславъ-Рязанскій. Все же прочее принадлежало мятежникамъ. Село Тушино сдѣлалось столицею новаго царя ихъ. Видѣвъ, что Москва не покоряется такъ скоро, какъ можно было ожидать того, судя по другимъ городамъ, Лжедимитрій, или, какъ предки наши называли его, *Тушинскій воръ*, укрѣпилъ столицу свою

валомъ съ глубокими рвами [1]), украсилъ новыми строеніями, обогатилъ грабежемъ. Каждый день въ Тушинѣ походилъ на праздникъ: разнаго рода веселости и болѣе всего—вино и медъ манили туда измѣнниковъ, которыхъ вскорѣ уже считалось тамъ вмѣстѣ съ поляками болѣе ста тысячъ человѣкъ. Всѣ они нетерпѣливо желали доказать усердіе свое *царику* [2]) и готовы были съ радостію умереть за него. Это усердіе еще болѣе увеличилось съ тѣхъ поръ, какъ гордая и безсовѣстная Марина, отпущенная по просьбѣ польскаго короля въ отечество свое, согласилась на приглашеніе тушинскаго злодѣя и, забывъ Польшу, пріѣхала къ нему. Онъ встрѣтилъ ее торжественно, какъ царицу русскую; она же притворилась такъ искусно, что всѣ тѣ, которые еще нѣсколько сомнѣвались въ томъ, чтобы тушинскій царь былъ истинный Димитрій, должны были удостовѣриться, смотря на свиданіе его съ женою.

Съ того времени дѣла его пошли еще успѣшнѣе; въ одномъ только случаѣ онъ не могъ успѣть никакимъ образомъ: вѣрная Москва не сдавалась. Чтобы стѣснить ее до послѣдней крайности, онъ отрядилъ 30,000 войска подъ начальствомъ двухъ польскихъ пановъ, Сапѣги и Лисовсхаго, взять Троицкую лавру св. Сергія. Это священное мѣсто было всегда прибѣжищемъ для предковъ нашихъ въ дни бѣдствій ихъ, но никогда оно не было такъ спасительно для нихъ, какъ въ это ужасное время! Лавра соединяла Москву съ сѣверомъ и востокомъ Россіи; мимо ея лежала дорога въ Новгородъ, Вологду, Пермь, Сибирь, въ области: Владимірскую, Нижегородскую и Казанскую. Стало быть она защищала эти земли отъ нашествія самозванца; она предохранила ихъ отъ стыда—измѣнить отечеству и государю законному. Чувствуя важность такого священнаго дѣла, всѣ монахи рѣшились лучше умереть, нежели уступить полякамъ и русскимъ измѣнникамъ, и сдѣлались совершенными воинами: надѣли на рясы свои оружіе, призывали къ себѣ вѣрныхъ защитниковъ отечества и вмѣстѣ съ ними сражались такъ храбро, что, не смотря на мало-

---

[1]) И теперь еще въ селѣ Тушинѣ примѣтны слѣды укрѣпленій.
[2]) Тушинскаго вора называли также *царикомъ*.

численность свою, не смотря на болѣзни и голодъ, продолжавшійся у нихъ всю зиму, монастырь уже болѣе года выдерживалъ жестокую осаду, и какъ будто упрекалъ въ слабости Москву, которая, имѣя гораздо болѣе войска и жителей, нежели сколько было ихъ въ Тушинѣ, не могла рѣшиться прогнать отъ стѣнъ своихъ дерзкаго самозванца, и спокойно смотрѣла, какъ и остальные города, до сихъ поръ вѣрные Василію Іоанновичу, мало-по-малу начали оставлять его и покоряться Димитрію; какъ самыя ужасныя злодѣйства происходили во всѣхъ городахъ и селеніяхъ ихъ; какъ русскіе, измѣняя Богу и присягѣ своей и унижаясь предъ недостойными поляками, казалось, уже потеряли и отечество, и вѣру свою. Невозможно описать, милые читатели, тогдашняго состоянія предковъ нашихъ! Я представлю вамъ, какъ говоритъ о томъ одинъ изъ умныхъ и добродѣтельныхъ людей, жившихъ въ то время и собственными глазами видѣвшихъ всѣ происшествія — келарь Троицко-Сергіевскаго монастыря Авраамій Палицынъ.

«Россію терзали свои болѣе, нежели чужіе: проводниками, наставниками и хранителями поляковъ были наши измѣнники. Поляки только смотрѣли и смѣялись надъ безумнымъ междоусобіемъ. Въ лѣсахъ, въ болотахъ непроходимыхъ, русскіе указывали имъ дорогу, берегли ихъ въ опасности, умирали за тѣхъ, которые обходились съ ними какъ съ рабами. Не было милосердія: всѣхъ твердыхъ въ добродѣтели предавали смерти, бросали съ крутыхъ береговъ въ глубину рѣкъ, разстрѣливали изъ луковъ; грудныхъ младенцевъ вырывали изъ рукъ матерей и разбивали о камни. Гибли отечество и церковь; храмы истиннаго Бога разорялись, какъ храмы идоловъ во времена Владиміра. Люди уступали свои жилища звѣрямъ; медвѣди и волки, оставивъ лѣса, ходили въ пустыхъ городахъ и селеніяхъ. Могилы возвышались какъ горы. Граждане и земледѣльцы жили въ лѣсахъ или въ болотахъ, и только ночью выходили изъ нихъ осушиться. Не луною, но пожарами освѣщались ночи: грабители жгли все, чего не могли взять съ собою; они хотѣли видѣть Россію пустынею необитаемою».

Вотъ какъ ужасно было состояніе отечества нашего въ царствованіе Василія Іоанновича! Несчастный государь, не смотря на всю твердость свою, началъ отчаяваться; но Богъ, вѣроятно, умилостивленный усердными молитвами добрыхъ защитниковъ лавры Сергіевской, послалъ избавителя и имъ, и всѣмъ вѣрнымъ русскимъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРЫ ИШИМОВОЙ

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Жуковскій

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1890

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

ОТЪ 1609 ДО 1610 ГОДА.

(1 годъ).

Этотъ избавитель, о которомъ было упомянуто въ концѣ предыдущей главы, былъ племянникъ царя, князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Прекрасный душою, прекрасный наружностію, необыкновенный превосходными качествами ума и сердца, молодой князь точно могъ назваться существомъ небеснымъ и утѣшителемъ, посланнымъ отъ Бога любимому Имъ народу въ трудное время бѣдствій.

Когда несчастія Василія Іоанновича достигли высочайшей степени, когда окруженный измѣнниками, безпрестанно переходившими изъ Москвы въ Тушино и изъ Тушина въ Москву, онъ не находилъ уже надежныхъ защитниковъ царства между русскими, князь Скопинъ, не разъ отличавшійся побѣдами надъ войскомъ самозванца, посланъ былъ просить помощи у короля шведскаго. Умный посланникъ, не смотря на двадцати-лѣтній возрастъ свой, исполнилъ самымъ лучшимъ образомъ важное порученіе: король шведскій принялъ истинное участіе въ бѣдствіяхъ Россіи и далъ князю Михаилу пять тысячъ воиновъ подъ начальствомъ молодого генерала Делагарди. Сходство высокихъ характеровъ, равное благородство, равная любовь къ чести и справедливости соединили обоихъ полководцевъ тѣснѣйшею дружбою. При единодушномъ желаніи спасти Россію, для двухъ друзей не было ничего невозможнаго: Делагарди удерживалъ корыстолюбивыхъ шве-

довъ, когда, не получая во всей исправности обѣщаннаго имъ жалованья, они нѣсколько разъ сбирались воротиться въ Швецію; Скопинъ, не имѣя казенныхъ денегъ, платилъ имъ изъ собственныхъ. Дѣйствуя съ такимъ усердіемъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ они выгнали мятежниковъ изъ всѣхъ мѣстъ отъ границъ новгородскихъ до московскихъ, возвратили подъ власть Василія всѣ города, чрезъ которые проходили; въ другіе же, отдаленнѣйшіе, посылали для того чиновниковъ; вездѣ напоминали жителямъ о священной присягѣ ихъ, данной законному государю, однимъ словомъ употребляли всѣ средства, какія были въ ихъ власти, и имѣли полный успѣхъ: 12-го января 1610 года вѣрные и благочестивые монахи лавры Троицкой уже прославляли избавителя своего князя Михаила и съ радостію смотрѣли, какъ бѣжалъ отъ стѣнъ ихъ гордый Сапѣга, шестнадцать мѣсяцевъ осаждавшій знаменитую обитель святого Сергія.

Поляки, жившіе въ Тушинѣ, узнавъ о побѣдахъ Скопина и о томъ, что онъ приближается къ Москвѣ, немедленно оставили Тушино и разбрелись въ разныя стороны. Надобно сказать вамъ, милые читатели, что самозванца уже тамъ не было: онъ убѣжалъ оттуда при первомъ извѣстіи объ успѣхахъ войскъ князя Скопина и союзниковъ его. Дерзкій обманщикъ отправился въ Калугу, а тамъ собралъ новые полки изъ безразсудныхъ жителей, добродушно вѣрившихъ его разсказамъ. Но теперь ему труднѣе было находить приверженцевъ, кромѣ сильнаго удара, которымъ поразилъ его Скопинъ; еще другой человѣкъ жестоко вредилъ ему. Это былъ король польскій. Долго смотря на ужасные безпорядки, происходившіе въ отечествѣ нашемъ, честолюбивый Сигизмундъ разсудилъ, что гораздо выгоднѣе для него воспользоваться ими самому, нежели помогать негодяю овладѣть знаменитымъ престоломъ, котораго давно добивались короли польскіе. Итакъ, онъ началъ тѣмъ, что отправилъ въ Россію новое войско, которому приказано было не защищать, но преслѣдовать самозванца, возвратить отъ него всѣхъ поляковъ подъ знамена короля и обѣщать всѣмъ русскимъ миръ, спокойствіе и счастіе, если они свергнутъ съ престола Шуйскаго и покорятся Польшѣ.

Какъ скоро поляки, уже болѣе двухъ лѣтъ разорявшіе Россію съ тушинскимъ самозванцемъ, узнали о новыхъ распоряженіяхъ Сигизмунда, то вмѣсто того, чтобы покориться волѣ короля своего, многіе изъ нихъ остались защитниками Лжедимитрія и смѣло пошли противъ Сигизмунда. Такимъ образомъ бѣдное отечество наше должно было видѣть не только междоусобную войну собственныхъ сыновъ своихъ, но и кровопролитныя ссоры чужеземцевъ! Сигизмундъ уже осаждалъ Смоленскъ; тушинскій воръ, вмѣстѣ съ недостойною Мариною, величался послѣдними своими успѣхами въ Калугѣ въ то время, какъ князь Скопинъ разогналъ изъ Тушина остатки поляковъ и русскихъ измѣнниковъ.

Довольный счастливыми успѣхами, относя ихъ не къ себѣ, но къ чудесной помощи Бога, надѣясь довершить избавленіе отечества и изгнать изъ Смоленска Сигизмунда, изъ Калуги—самозванца, молодой герой былъ въ это время счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Благодарный народъ въ восторгѣ признательности называлъ его не иначе, какъ *отцомъ отечества, своимъ возлюбленнымъ Михаиломъ!* Радостныя восклицанія встрѣчали и провожали его вездѣ, гдѣ онъ показывался. Не любя Василія Іоанновича и приписывая ему всѣ несчастія свои, русскіе—иные шопотомъ, другіе громко—говорили, что никто болѣе Михаила не заслуживаетъ чести быть царемъ Россіи и что старый, никакими достоинствами не отличающійся дядя долженъ уступить престолъ молодому, храброму, великодушному племяннику, обѣщающему столько славы отечеству. Рязанскіе дворяне осмѣлились даже торжественно предложить корону Скопину чрезъ намѣстника своего, думнаго дворянина *Ляпунова*.

Безкорыстная, великая душа молодого героя, нелицемѣрно уважавшаго несчастнаго дядю, содрогнулась отъ гнѣва при такомъ предложеніи. Онъ съ твердостію отвергнулъ его и только слезы и раскаяніе спасли отъ наказанія дерзкихъ рязанцевъ.

Великъ былъ Михаилъ, любезные читатели, въ эту минуту, лучшую въ жизни его! Рѣдко встрѣтите вы въ исторіи царей и царствъ человѣка, который отказался бы отъ престола

и отказался такъ искренно, не только не пожалѣвъ, но даже не подумавъ ни одной минуты о великости того счастія, отъ котораго отказывался. Еще болѣе: невинная душа его даже не понимала, какъ могло быть что нибудь выше того счастія, какимъ наслаждался онъ, спасая отечество свое и видя радость и веселіе народа, бывшаго еще такъ недавно печальнымъ и близкимъ къ отчаянію!

Съ сладостнымъ чувствомъ этого счастія, съ самымъ чистымъ намѣреніемъ посвятить жизнь свою милой родинѣ, молодой князь вмѣстѣ съ другомъ своимъ Делагарди въѣхалъ въ Москву, гдѣ встрѣтили его съ различными чувствами: народъ — съ неописаннымъ восторгомъ, дядя—съ притворною радостію: онъ узналъ о предложеніи рязанцевъ и уже боялся великодушнаго князя, слишкомъ любимаго всѣми русскими.

Этотъ страхъ возбудилъ въ Василіи братъ его, князь Димитрій Шуйскій, надѣявшійся быть современемъ наслѣдникомъ престола и потому ненавидѣвшій Скопина. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе пугалъ онъ брата своими подозрѣніями, такъ что царь, хотя и зналъ, что надобно какъ можно скорѣе послать помощь къ осажденному Смоленску, все еще не могъ рѣшиться поручить опять войско Михаилу, и чтобы не дать замѣтить своей медленности, старался отклонить племянника отъ его цѣли пышными праздниками. Безпрестанно кто нибудь изъ бояръ давалъ пиръ въ честь избавителя, и на одномъ изъ нихъ—на обѣдѣ у Димитрія Шуйскаго — молодой князь вдругъ занемогъ и чрезъ нѣсколько часовъ прекрасная душа его вмѣстѣ съ лучшими надеждами Россіи отлетѣла на небо!

Невозможно описать ужаса Москвы! Какъ скоро страшная вѣсть о неожиданной кончинѣ Михаила разнеслась въ столицѣ вмѣстѣ съ разсказами о томъ, что болѣзнь его случилась въ ту самую минуту, какъ онъ выпилъ кубокъ вина, поднесенный хозяйкою дома, княгинею Екатериною Шуйскою, народъ съ отчаяніемъ и яростію бросился въ домъ брата царскаго, и едва Димитрій спасся отъ смерти, благодаря воинамъ, присланнымъ отъ государя. Усмиряя народъ, старались увѣрять его, что молодой князь скончался естественною смертію, но немногіе вѣрили тому, и почти

всѣ подозрѣвали, что въ винѣ, поднесенномъ знаменитому гостю, былъ положенъ ядъ.

Такое бѣдственное происшествіе могло ли не вооружить весь народъ противъ Шуйскихъ? Они отняли у него того, кто одинъ могъ спасти Россію въ это трудное время. Всѣ знали, что и поляки, и самозванецъ, и измѣнники русскіе боялись только одного Михаила, и всѣ ожидали, что съ извѣстіемъ о кончинѣ его они всѣ оживутъ новыми надеждами. Такъ и случилось: всѣ они снова обратились къ Москвѣ. Одинъ Сигизмундъ не хотѣлъ оставить Смоленска, но за то онъ отправилъ къ несчастной столицѣ русской одного изъ самыхъ умныхъ и храбрыхъ полководцевъ своихъ: гетмана Жолкевскаго и съ нимъ нѣсколько тысячъ войска. Къ многочисленнымъ врагамъ Василія Іоанновича прибавился еще новый родъ злодѣевъ: люди, увѣрявшіе народъ, что онъ былъ причиною смерти племянника.

Это обвиненіе, вовсе несправедливое, довершило погибель Шуйскаго. Число ненавидящихъ его вдвое увеличилось, и полякамъ еще легче было теперь склонять русскихъ на измѣну къ Василію. Они и измѣнники русскіе дѣйствовали такъ усердно, что прежде нежели прошли три мѣсяца послѣ кончины Михаила—17-го іюля 1610 года—Василій Іоанновичъ былъ вывезенъ силою изъ дворца вмѣстѣ съ молодою супругою своей и на другой день силою же пострижень въ монахи.

Но этимъ еще не кончились страданія государя, въ полной мѣрѣ заслужившаго названіе *несчастнаго*. Впослѣдствіе времени неблагодарные подданные выдали его, какъ плѣнника, полякамъ. Увезенный въ Варшаву, онъ долженъ былъ видѣть торжество Польши надъ бѣднымъ отечествомъ своимъ, долженъ былъ перенесть всю великость униженія для царя русскаго—быть *плѣнникомъ* въ столицѣ польской! Но онъ перенесъ его съ честію, достойной знаменитой короны, четыре года украшавшей его голову. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ немногихъ словъ, сказанныхъ имъ въ минуту, самую горькую для него и самую пріятную для поляковъ.

Когда, во время торжественнаго представленія Василія при дворѣ польскомъ, гордый Сигизмундъ со всею надмен-

ностію побѣдителя принималъ своего царственнаго плѣнника, сидя на великолѣпномъ тронѣ, поляки хотѣли, чтобы онъ поклонился королю,—Василій съ благородною гордостію отвѣчалъ имъ: «Царь московскій не кланяется королямъ! По волѣ Бога я плѣнникъ, но взятъ не вашими руками: меня выдали вамъ мои подданные—измѣнники». Такая твердость и чувство собственнаго достоинства въ положеніи безнадежномъ удивили поляковъ и заставили ихъ уважать Василія.

Оплакивая бѣдствіе милаго отечества, оплакивая собственную судьбу и судьбу семейства своего, Шуйскій жилъ въ зaмкѣ Гостинскомъ, близъ Варшавы, и тамъ скончался 12-го сентября 1612 года. Тамъ же умерли и братья его, вмѣстѣ съ нимъ привезенные въ Польшу. Сигизмундъ поставилъ надъ могилою Василія памятникъ. Гордая надпись говорила прохожимъ о торжествѣ короля и униженіи русскихъ. Поляки двадцать три года величались этою славною для нихъ гробницею и только въ 1636 году принуждены были отдать ее Россіи.

Можетъ быть читатели мои съ сердечнымъ участіемъ и нетерпѣніемъ спросятъ меня: «Что же въ это время дѣлалось съ отечествомъ нашимъ? Кто управлялъ имъ, когда несчастный государь его кончилъ жизнь въ землѣ враговъ своихъ? Кто защищалъ его? Кто заботился о немъ!» О, друзья мои! оно было несчастнѣе, нежели когда нибудь: *въ немъ не было царя!* Этого довольно, чтобы дать вамъ понять весь ужасъ тогдашняго положенія нашихъ предковъ! Въ слѣдующемъ разсказѣ вы увидите эту новую картину бѣдствій ихъ, но вы можете смотрѣть на нее съ утѣшительною мыслію: она блещетъ и добродѣтелями того народа, къ которому вы принадлежите, и прекрасною зарею счастія, разлившеюся по небу Россіи вмѣстѣ съ сіяніемъ имени Романовыхъ на престолѣ нашего отечества.

Семейство царя Василія V Іоанновича Шуйскаго.

Супруга: княжна *Марія* Петровна Буйносова-Ростовская.

Дочь: Анастасія, скончалась въ дѣтствѣ.

МЕЖДУЦАРСТВІЕ.

отъ 1610 до 1613 года.

(3 года).

Такъ называется въ исторіи нашей это несчастное время, когда русскіе не имѣли государя, по всей справедливости называемаго *отцомъ народа*, и потому испытывали всю горесть сиротства и беззащитности! Только тѣ изъ насъ, читатели мои, которыхъ зовутъ *сиротками* и которыхъ некому ни приласкать, ни защитить, ни остановить отъ дурныхъ поступковъ, ни похвалить за добрые, могутъ имѣть нѣкоторое понятіе о томъ, что чувствовали предки наши во время междуцарствія. Оно продолжалось три года и заключало въ себѣ столько бѣдствій, что я не знаю съ чего начать разсказъ мой! Сказать ли вамъ о томъ, что терпѣли бѣдные жители Смоленска во время продолжительной осады ихъ города королемъ польскимъ? Сказать ли вамъ о той твердости, съ которою они переносили свои страданія, о той неустрашимости, съ которою около двухъ лѣтъ защищали городъ свой и, наконецъ, о томъ геройствѣ, съ которымъ знатнѣйшіе изъ нихъ рѣшились лучше умереть, нежели сдаться непріятелю. Для этого они затворились въ одной изъ главныхъ городскихъ церквей, зажгли порохъ, лежавшій въ подвалахъ церковныхъ, и взлетѣли на воздухъ въ виду удивленныхъ поляковъ! Показать ли вамъ на четырнадцать шатровъ, раскинутыхъ въ окрестностяхъ Смоленска за версту отъ королевскаго стана? Эти шатры бѣдны, некрасивы и вовсе не походятъ на тѣ покойныя, чистыя, бѣлыя, какъ снѣгъ, палатки, которыми бываютъ усѣяны поля и холмы Краснаго Села въ то время, когда полки нашей гвардіи проводятъ тамъ теплые дни іюня и іюля. И знаете ли вы, милые читатели мои, кто жилъ въ этихъ бѣдныхъ шатрахъ въ глубокую, холодную осень? Не солдаты и офицеры, которые, привыкнувъ ко всѣмъ трудностямъ войны, легко перенесли бы холодъ и сырость октябрьскихъ ночей, но знаменитые бояре, пріѣхавшіе къ Сигизмунду послами отъ всего московскаго народа, чтобы

предложить престолъ русскій шестнадцати-лѣтнему сыну его *Владиславу.* Вы вѣрно удивитесь такому предложенію, друзья мои? Да, положеніе бѣдныхъ предковъ нашихъ было такъ горестно, что для избавленія себя отъ несчастій и отъ сильнаго врага своего Сигизмунда они не находили другого средства, какъ назвать государемъ своимъ сына его! До такого униженія довелъ ихъ гетманъ Жолкевскій, уже вошедшій въ Москву со всѣмъ своимъ войскомъ. Однакожъ русскіе покорялись судьбѣ своей съ тою мыслію, что королевичъ польскій, принимая корону царей ихъ, приметъ въ то же время вѣру и обычаи ихъ; и потому, чувствуя всю важность посольства своего, они выбрали для этого людей, самыхъ отличныхъ по уму, добродѣтелямъ и преданности къ отечеству. Первыя мѣста занимали между ними: ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ и князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Свита ихъ состояла также изъ самыхъ знатныхъ дворянъ и духовенства; злые поляки заставили ихъ терпѣть холодъ и даже голодъ въ шатрахъ, разбросанныхъ на поляхъ смоленскихъ. Болѣе восьми мѣсяцевъ они держали ихъ тамъ и потомъ отправили плѣнниками въ Польшу за то, что они не согласились отдать Россію безъ всякихъ условій во власть польскаго короля. Ужасно было положеніе этихъ вѣрныхъ защитниковъ отечества, этихъ знаменитыхъ страдальцевъ за честь престола русскаго! Оставимъ эту печальную картину; она слишкомъ мрачна для вашего свѣтлаго воображенія, милыя дѣти. Но на чемъ же остановимся мы? Описать ли вамъ состояніе Калуги, гдѣ въ одинъ день тушинскій злодѣй былъ убитъ, а у Марины родился сынъ, котораго она назвала царевичемъ Іоанномъ Димитріевичемъ! Говорить ли вамъ о новыхъ замыслахъ этой достойной презрѣнія женщины, которая вскорѣ потомъ подружилась съ дерзкимъ атаманомъ днѣпровскихъ казаковъ Заруцкимъ и обвѣнчалась съ нимъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ посадилъ на престолъ московскій маленькаго сына ея, и подъ именемъ этого сына управлялъ бы вмѣстѣ съ нею государствомъ? Представить ли вамъ южную часть бѣднаго отечества нашего, которую крымцы опустошали набѣгами; Астрахань—гдѣ безпрестанно появлялись новые

самозванцы; Новгородъ — гдѣ прежній знаменитый другъ князя Михаила Скопина-Шуйскаго, генералъ Делагарди, уже дѣйствовалъ какъ непріятель и, пользуясь всеобщимъ разстройствомъ, заставлялъ не только новгородцевъ, но и жителей многихъ другихъ городовъ выбрать въ цари принца Филиппа, сына короля шведскаго? Или посмотрѣть намъ, что дѣлается въ это ужасное время въ самомъ сердцѣ Россіи, въ столицѣ ея Москвѣ? Такъ, остановимся въ ней! По крайней мѣрѣ здѣсь мы можемъ отдохнуть! Здѣсь еще блеститъ слабая надежда на спасеніе. Какъ ни велики несчастія москвитянъ, принужденныхъ принять къ себѣ гетмана Жолкевскаго со всѣмъ войскомъ его, принужденныхъ видѣть собственными глазами весь ужасъ власти поляковъ надъ отечествомъ ихъ, принужденныхъ, наконецъ, присягнуть сыну короля полькаго, но у нихъ есть еще люди, которые, не смотря на бурю, страшно бушующую вокругъ нихъ, еще осмѣливаются мечтать о спасеніи, еще не боятся говорить и дѣйствовать за погибающую родину! Это были: патріархъ *Гермогенъ,* не соглашавшійся признать царемъ Владислава и за то гонимый поляками; *Прокопій Ляпуновъ,* мятежникъ противъ Шуйскаго, впослѣдствіи времени рѣшившійся употребить всѣ усилія, чтобы избавить русскихъ отъ власти чужеземцевъ, и *князь Трубецкой,* второй послѣ него начальникъ войска русскаго, пришедшаго къ Москвѣ для ея избавленія. Третьимъ отрядомъ, дружиною казаковъ, управлялъ Заруцкій. Еслибы этотъ злодѣй не отдѣлилъ желаній своихъ отъ желаній всей Россіи и не сдѣлался защитникомъ безбожной Марины и сына ея, то, вѣроятно, бѣдствія отечества нашего не были бы такъ продолжительны и поляковъ выгнали бы изъ Москвы въ то самое время, о которомъ мы говоримъ теперь, т. е. въ 1611 году; но вмѣсто того, чтобы дѣйствовать согласно съ товарищами, Заруцкій, думая только о пользѣ Марины, старался погубить Ляпунова, — того, кто первый началъ призывать русскихъ на спасеніе отечества, кто первый собралъ и привелъ къ стѣнамъ Москвы полки защитниковъ! Съ надеждою смотрѣли на него всѣ русскіе, но, почти прежде нежели начались подъ Москвою важныя сраженія съ поляками, Ляпуновъ уже былъ убитъ казаками Заруцкаго!

Это послѣднее несчастіе, уничтоживъ всѣ ожиданія предковъ нашихъ, привело въ неописанное уныніе сердца ихъ: они не знали уже къ кому обратиться съ своею горестію, кого молить о помощи! Уже нельзя было искать ее на землѣ: только помощь небесная могла спасти ихъ! И Богъ послалъ ее тѣмъ, которые всегда твердо надѣялись на Него! Чудесна была эта помощь, любезные читатели, удивительны средства, какія употребилъ Господь для спасенія Россіи, безпредѣльна должна быть благодарность наша за это спасеніе! Послушайте разсказъ объ этомъ важнѣйшемъ періодѣ въ исторіи нашей и порадуйтесь, что вы родились въ странѣ, такъ много любимой Творцомъ міра.

Изъ священнаго жилища Сергія — нѣкогда усерднаго защитника Россіи,—изъ монастыря Троицкаго блеснулъ первый лучъ надежды для русскихъ. Тамошніе архимандритъ *Діонисій* и келарь *Авраамій Палицынъ* первые начали великое дѣло спасенія отечества. Они уговорили двѣсти человѣкъ стрѣльцовъ и пятьдесятъ монастырскихъ слугъ идти на избавленіе Москвы. Этотъ небольшой отрядъ, конечно, ничего не значилъ въ сравненіи съ силами поляковъ, но онъ былъ счастливымъ началомъ того великаго ополченія, которое собралось впослѣдствіи со всѣхъ концовъ Россіи по призванію Діонисія и Авраамія. Они писали грамоты во всѣ города и просили всѣхъ жителей ихъ идти противъ враговъ отечества. Авраамій, увлеченный своимъ пламеннымъ усердіемъ, даже оставилъ тихую жизнь монастырскую и былъ неразлученъ съ воинами: ободрялъ ихъ въ опасностяхъ, разбиралъ ихъ споры, мирилъ поссорившихся и даже самъ участвовалъ въ сраженіяхъ.

Между тѣмъ какъ это происходило въ окрестностяхъ Москвы, наполненной гордыми поляками, смѣющимися надъ слабыми усиліями монаховъ лавры Сергіевской, грамоты Діонисія и Авраамія производятъ чудо въ Нижнемъ-Новгородѣ. Усердно сходился слушать ихъ народъ во всѣхъ городахъ и селеніяхъ русскихъ: весело было людямъ грамотнымъ читать ихъ землякамъ своимъ, собравшимся около нихъ и боявшимся проронить одно слово изъ умныхъ посланій. Всѣ они готовы были летѣть на смерть за милую родину, но, не зная какъ сдѣлать это, проводили время

въ напрасныхъ толкахъ и, ничего не придумавъ, печально расходились въ разныя стороны. Такъ дошла очередь и до Нижняго; но тамъ случилось иначе: тамъ жилъ избавитель Россіи! И кто-жъ бы вы думали былъ этотъ избавитель, любезные читатели? Вѣрно вы скажете, какой нибудь знаменитый и богатый бояринъ, извѣстный всему государству? Нѣтъ, друзья мои, любовь къ отечеству не принадлежитъ одной знатности и богатству: она равно разлита во всѣхъ добрыхъ и благородныхъ сердцахъ. Избавителемъ Россіи въ горестное время междуцарствія былъ простой мѣщанинъ Нижняго-Новгорода — *Козьма Миничъ Сухорукой*, котораго мы обыкновенно зовемъ *召Мининымъ*.

Какое-то особенное усердіе пылало въ душѣ Минина во время чтенія грамотъ лавры Сергіевской. Безъ сомнѣнія, оно зажглось въ немъ по волѣ Божіей, потому что могла ли высокая мысль спасти Россію, уже погибавшую, уже преданную во власть поляковъ и шведовъ, уже называвшую царями своими и Владислава, и Филиппа,— могла ли эта смѣлая мысль прійти сама собою простому человѣку, неимѣвшему никакихъ средствъ сдѣлать такое чудо? Самъ Мининъ чувствовалъ, что она внушена ему Богомъ по той надеждѣ, какую имѣлъ на успѣхъ. Не медля ни одной минуты, онъ тутъ же на площади, гдѣ читали грамоты, сказалъ народу: «Вѣра и отечество наше погибаютъ, но мы можемъ спасти ихъ. Не пощадимъ жизни и имущества для избавленія Москвы: продадимъ свои домы, заложимъ женъ и дѣтей своихъ и выкупимъ изъ бѣды отечество. Богъ благословитъ наше предпріятіе!»

Какія прекрасныя слова, друзья мои! Какъ хорошо, что исторія сохранила ихъ во всей точности! Если они и теперь восхищаютъ насъ, то подумайте, какое дѣйствіе произвели они на собравшихся нижегородцевъ! Прибавьте къ тому, что слезы текли по щекамъ Минина, когда онъ говорилъ ихъ, что святой огонь любви къ отечеству блисталъ въ его взорахъ, что благословеніе Всевышняго вмѣстѣ съ лучами яркаго солнца, озарявшаго въ этотъ славный день небо Нижняго-Новгорода, лилось на говорившаго,— и вы не удивитесь, что дѣйствіе словъ его было чудесно, неописанно. Нижегородцы въ одинъ голосъ вскричали:

«Умремъ за Русь святую!»—и спасеніе отечества нашего было рѣшено. Въ этомъ крикѣ соединились всѣ сердца, всѣ души, всѣ мысли, всѣ желанія русскихъ. Съ площади Нижегородской раздался онъ во всѣхъ отдаленныхъ странахъ Россіи; онъ привелъ къ одной цѣли всѣхъ вѣрныхъ дѣтей ея: онъ одушевилъ одинакимъ усердіемъ всѣхъ защитниковъ ея. Это усердіе было безпримѣрно: оно пылало не только въ сердцахъ мужчинъ, но также и женщинъ. Будучи не въ состояніи проливать кровь свою за милое отечество, они приносили ему въ жертву все, что̀ имѣли самаго лучшаго: всѣ драгоцѣнныя украшенія свои, всѣ алмазы и жемчуги съ богатыхъ одеждъ своихъ. Скажу вамъ еще болѣе, милые читатели мои: даже дѣти, смотря на родителей, дѣлали то же и, принося къ родителямъ все, что было у нихъ дорогого, просили ихъ отослать въ ту же общественную казну народа, куда съ такимъ чистымъ усердіемъ сыпалось чистое золото русское. Эта казна хранилась у Минина: онъ продавалъ драгоцѣнныя пожертвованія и на вырученныя деньги содержалъ воиновъ, со всѣхъ сторонъ сходившихся на защиту родины. Благодаря такому усердію, новое войско имѣло уже все нужное; недоставало только полководца, которому бы можно было поручить спасеніе царства. Мининъ и въ этомъ случаѣ вывелъ изъ затрудненія своихъ соотечественниковъ. Служивъ нѣкогда въ полкахъ царскихъ, онъ, не смотря на лѣта свои, еще былъ храбръ и любилъ слушать разсказы о дѣлахъ знаменитыхъ полководцевъ русскихъ; зналъ почти всѣхъ ихъ лично и безошибочно могъ судить, который изъ нихъ былъ первымъ по достоинствамъ. Онъ отдавалъ это первенство князю *Дмитрію Пожарскому*, уже извѣстному своею любовію къ отечеству, своимъ усердіемъ къ народу, своею въ полной мѣрѣ русскою неустрашимостію. Защищая бѣдныхъ москвитянъ съ небольшими отрядами своими противъ многочисленныхъ поляковъ, князь Пожарскій за годъ передъ тѣмъ былъ опасно раненъ и въ это время, выздоравливая отъ ранъ, жилъ въ деревнѣ своей, за 120 верстъ отъ Нижняго-Новгорода. Вотъ къ нему-то отправился Мининъ, его-то умолялъ именемъ всѣхъ русскихъ спасти Россію. Тронутый такою довѣренностію,

готовый пожертвовать послѣднею каплею крови за вѣру и отечество, Пожарскій съ восхищеніемъ принялъ предложеніе народа и, уже не думая о ранахъ своихъ, едва закрывавшихся, отправился тотчасъ къ войску, съ нетерпѣніемъ его ожидавшему. Съ этой минуты судьба Россіи перемѣнилась и торжество поляковъ надъ бѣдными предками нашими кончилось. Злые враги, при первомъ извѣстіи о всеобщемъ ополченіи русскихъ, предчувствовали гибель свою, и первою жертвою ихъ злобы сдѣлался патріархъ Гермогенъ: они замучили голодною смертію этого святого защитника церкви и престола, но онъ умеръ спокойно, потому что уже зналъ о приближеніи къ Москвѣ Пожарскаго, и праведная душа его, разставаясь съ жизнію, благословляла воиновъ и молилась объ успѣхахъ ихъ.

Народное ополченіе, подъ защитою этого благословенія и молитвы, уже соединилось въ концѣ августа 1612 года съ войскомъ, болѣе года стоявшимъ около Москвы. Начальникъ его князь Трубецкой и Авраамій Палицынъ съ радостію встрѣтили новыхъ сподвижниковъ. Теперь уже не страшны были для нихъ замыслы Заруцкаго: слава Пожарскаго, присутствіе Минина, пламенное усердіе народа ручались за побѣду. Видъ московскаго стана совсѣмъ перемѣнился: надежда на милость Бога, всегда помогающаго правому дѣлу, оживляла каждое сердце, и, не смотря на то, что многочисленное войско польское, подъ начальствомъ гетмана Хоткевича, шло на помощь къ полякамъ, владѣвшимъ Москвою, русскіе были увѣрены въ побѣдѣ. 22-го августа первые отряды Хоткевича перешли Москву-рѣку и остановились близь Новодѣвичьяго монастыря. Пожарскій и Трубецкой встрѣтили ихъ и сражались нерѣшительно три дня. Храбрость видна была съ обѣихъ сторонъ, но побѣду русскихъ замедляли казаки, находившіеся въ войскѣ князя Трубецкого: они вздумали въ ту минуту, когда рѣшалась судьба отечества, спорить о жалованьѣ своемъ, и говоря, что они еще не получали его, не хотѣли сражаться. Слава Богу, что въ эту ужасную минуту, когда могли погибнуть всѣ великія намѣренія спасителей Россіи, нашелся человѣкъ, который былъ въ состояніи поправить зло, причиненное измѣнниками чести русской: то былъ добрый, не-

утомимый въ усердіи Авраамій Палицынъ. Съ чувствомъ души высокой и благородной, съ трогательными слезами человѣка, пламенно любившаго отечество свое и боявшагося видѣть погибель его, онъ началъ представлять казакамъ всю низость поступка ихъ; обѣщалъ имъ, вмѣсто денегъ, которыхъ уже не было ни у него, ни въ казнѣ лавры Сергіевской,—всѣ утвари церковныя; умолялъ ихъ именемъ Бога и святого Сергія не отказываться отъ сраженія. Эти убѣдительныя слова, это имя Бога и Его угодника напоминали казакамъ долгъ ихъ, показали имъ всю безразсудность, все малодушіе ихъ. Съ раскаяніемъ въ сердцѣ, съ клятвою побѣдить или умереть, полетѣли они на поле сраженія, гдѣ счастіе уже было на сторонѣ гетмана. Храбрость казаковъ перемѣнила судьбу его, но побѣда все еще оставалась нерѣшенною, какъ вдругъ Мининъ, отобравъ триста отличныхъ воиновъ, бросился съ ними на непріятелей съ тыла. Такое неожиданное нападеніе смѣшало польское войско: ряды его разстроились, а русскіе воспользовались этимъ безпорядкомъ, и славная побѣда сдѣлала навсегда незабвеннымъ для насъ день 24-го августа. Болѣе 15,000 поляковъ было убито, а остальные съ гетманомъ ушли въ Польшу.

Освободясь такимъ образомъ отъ сильнаго войска непріятельскаго, посланнаго на помощь къ полякамъ, князья Пожарскій и Трубецкой еще смѣлѣе приступили къ несчастной столицѣ и окружили ее войскомъ со всѣхъ сторонъ. Поляки, не имѣя возможности выѣзжать изъ города за съѣстными припасами, видѣли погибель свою, страдали отъ голода, который былъ такъ великъ, что они ѣли собакъ, кошекъ и мышей, но все еще не хотѣли покориться.

Наконецъ страшный голодъ дошелъ до крайности, и 22-го октября 1612 года поляки сдались, и Москва, обезображенная, разоренная, но оживленная надеждами на будущее счастіе, приняла съ любовью и благодарностію храбрыхъ освободителей своихъ.

Вслѣдъ за этою радостію русскіе услышали о другой: Сигизмундъ, узнавъ о разбитіи Хоткевича и видя, что войско его гибнетъ въ Россіи отъ голода и наступившихъ морозовъ, отказался на время отъ своихъ намѣреній за-

владѣть отечествомъ нашимъ и отправился въ Польшу. Но не онъ одинъ былъ сильнымъ врагомъ земли Русской и опаснымъ искателемъ престола ея. Съ другой стороны страшилъ ее грозою знаменитый Густавъ-Адольфъ, тогда только что сдѣлавшійся королемъ шведскимъ. Онъ напоминалъ Новгороду и другимъ сѣвернымъ городамъ нашимъ клятву, данную ими Делагарди въ томъ, что они избираютъ царемъ меньшого брата королевскаго, принца Филиппа.

И такъ, прежде нежели вѣрный народъ успѣлъ порадоваться побѣдѣ своей, новая буря уже собиралась надъ головой его! Спасти себя отъ нея можно было только подъ могущественною защитою царя, а его не было у русскихъ! Страхъ подвергнуться новымъ бѣдамъ и увѣренность въ томъ, что счастіе Россіи есть всегда *дѣло* государя ея, заставили и вельможъ, и народъ поспѣшить избавленіемъ того, кому надобно было поручить судьбу отечества. Но какъ труденъ былъ этотъ выборъ послѣ двухъ неудачныхъ! Царствованіе Годунова и Шуйскаго пугало русскихъ. Съ горестію вспоминали они снова о несчастной кончинѣ царевича Димитрія и о томъ, что уже не поколѣніе прежнихъ царей ихъ будетъ управлять ими. Печально и сомнительно смотрѣли они на знаменитые домы бояръ и не знали, въ которомъ изъ нихъ искать *Надежу-государя!* Во время этой нерѣшительности, чувство живѣйшей благодарности привязывало ихъ къ князю Пожарскому и, какъ разсказываютъ нѣкоторые повѣствователи, многіе, увлеченные имъ, уже думали назвать царемъ героя-спасителя отечества.

Утѣшительно было для князя Пожарскаго услышать о такомъ намѣреніи соотечественниковъ его: оно доказывало любовь и благодарность ихъ, а эти два чувства составляютъ всегда лучшія радости человѣка. Насладившись ими, знаменитый князь хотѣлъ быть въ полной мѣрѣ достойнымъ ихъ, и потому вмѣсто того, чтобы воспользоваться восторгомъ, которымъ увлекались благодарныя сердца русскихъ, онъ отклонилъ намѣреніе ихъ и былъ изъ первыхъ, напомнившихъ вельможамъ и боярамъ-избирателямъ о томъ, кто имѣлъ право на корону Россіи: это былъ близкій родственникъ царей нашихъ, племянникъ незабвеннаго ангела Анастасіи. «Правда»,—говорилъ князь Пожарскій и другіе

бояре, бывшіе одного съ нимъ мнѣнія,—«онъ не принадлежитъ уже свѣту; умный и добрый Филаретъ нашъ—служитель Божій и, къ тому же, онъ теперь въ Польшѣ плѣнникомъ Сигизмунда; но у него есть сынъ, у него есть шестнадцати-лѣтній Михаилъ! Вотъ кто долженъ быть царемъ нашимъ и по праву рожденія, и по праву заслугъ его предковъ, и по праву воспитанія своего: келіи монастырскія и наставленіе блогочестивой матери-монахини ручаются намъ за чистоту его сердца! И такъ, друзья, пусть будетъ царемъ нашимъ *Михаилъ Романовъ*».

«Да здравствуетъ царь нашъ! да здравствуетъ Михаилъ!» воскликнуло въ одинъ голосъ все собраніе. Такъ согласно и быстро сдѣланъ былъ этотъ счастливый выборъ! Имя Михаила, произнесенное такъ единогласно, казалось для всѣхъ волею Бога, опредѣленіемъ небесъ. Народъ съ восхищеніемъ повторялъ восклицанія бояръ; родство избраннаго царя съ поколѣніемъ Рюрика, съ добродѣтельною Анастасіею, удовлетворяло пламенныя желанія русскихъ, обѣщало имъ снова продолжительное счастіе. Съ чувствомъ радости, уже не боясь за свою будущность, всѣ пошли въ церкви благодарить Бога. Вы вѣрно угадаете, друзья мои, что въ это время всѣхъ пріятнѣе было молиться князю Пожарскому. На совѣсти у него было такъ чисто, такъ свѣтло, какъ будто сами ангелы прилетали за молитвою его и, небесно улыбаясь ему, несли ее къ престолу Божію! Память объ этомъ знаменитомъ и великодушномъ избавителѣ отечества нашего, во время величайшихъ опасностей его, продлится до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать Россія и пока русскіе будутъ чувствительны къ добродѣтелямъ своихъ предковъ. Эти добродѣтели были не перенятыя отъ другихъ народовъ, но врожденныя въ сердцахъ ихъ; онѣ равно свойственны были у нихъ людямъ всѣхъ званій и состояній, и читатели мои, удивляясь славнымъ дѣламъ царей, князей, бояръ, духовенства и наконецъ простыхъ мѣщанъ, въ числѣ которыхъ былъ Мининъ, удивятся еще болѣе, когда я скажу, что и самые крестьяне ихъ могли гордиться героями, достойными въ полной мѣрѣ этого названія! Прочитайте слѣдующій разсказъ, и вы повѣрите этому.

ИВАНЪ СУСАНИНЪ И ЕГО ПОТОМСТВО.

1613 годъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Костромы есть село *Домнино*. Въ немъ живутъ свободные поселяне, которые не платятъ никому податей, не исполняютъ никакихъ повинностей, т. е. не мостятъ дорогъ, не держатъ лошадей для почты и проѣзжихъ, не представляютъ рекрутъ на службу государеву, однимъ словомъ, не знаютъ никакихъ тягостей жизни общественной, но пользуются всѣми выгодами ея. Этихъ счастливцевъ называютъ *бѣлопашцами*. Знаете ли, милые друзья мои, отчего они наслаждаются такою пріятною жизнію и кому обязаны всѣми преимуществами своими? О! это любопытное и трогательное происшествіе. Вы вѣрно поблагодарите меня, если я разскажу его. Послушайте же.

Въ то время, когда сердца всѣхъ русскихъ съ согласнымъ, единодушнымъ восторгомъ назвали государемъ своимъ Михаила Романова и уже съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстія о томъ, какъ приметъ онъ и благочестивая мать его монахиня Мароа Іоанновна пословъ московскихъ, поѣхавшихъ къ нимъ съ усердными мольбами отъ имени всего народа, поляки, узнавъ объ этой новости и предвидя, какъ повредитъ она намѣренію ихъ завладѣть Россіей, рѣшились погубить избраннаго царя. Шестнадцати-лѣтній юноша, котораго отецъ, плѣнникъ въ Варшавѣ, оплакивалъ въ тишинѣ бѣдствія своего отечества, а мать, невольно постриженная, проводила печальные дни въ келіи монастырской, не могъ быть страшенъ для враговъ сильныхъ и многочисленныхъ, и погибель его казалась для нихъ легкою: все зависѣло оттого только, чтобы сдѣлать это прежде, нежели послы успѣютъ пріѣхать къ нему и превратить скромное, беззащитное жилище молодого боярина въ неприступный, окруженный вѣрными подданными дворецъ избраннаго государя.

Разсуждая такимъ образомъ, отправили они отрядъ самыхъ рѣшительныхъ злодѣевъ въ помѣстье Романовыхъ. Это помѣстье было въ Костромской губерніи; къ нему

принадлежало также и то село Домнино, о которомъ мы говорили въ началѣ этого разсказа. Отрядъ поляковъ съ ужаснымъ намѣреніемъ уже явился въ Домнинѣ: оставалось не болѣе версты до той деревни, гдѣ былъ господскій домъ, въ которомъ жилъ молодой Михаилъ въ разлукѣ съ добрыми родителями, тоскуя о несчастной судьбѣ отца и услаждая горесть свою только свиданіями съ матерью-монахинею, жившею въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него въ монастырѣ Ипатьевскомъ. Убійцы не знали дороги въ эту деревню и случайно встрѣтили крестьянина изъ села Домнина *Ивана Сусанина*. Нетерпѣливо они начали разспрашивать у него, какъ имъ найти помѣстье новаго царя Михаила Өеодоровича, и чтобъ не показаться подозрительными, злодѣи притворились, что посланы отъ друзей его съ тѣмъ, чтобы прежде всѣхъ поздравить съ неожиданнымъ счастіемъ. Но Сусанинъ былъ уменъ и смѣтливъ: онъ скоро догадался, что имѣлъ дѣло не съ друзьями, но съ самыми жестокими врагами господина своего. По платью, онъ тотчасъ увидѣлъ въ нихъ поляковъ, а въ то время этого довольно было, чтобы встревожить всякаго русскаго. Чувствуя, что отъ его скромности зависѣла жизнь боярина его, онъ въ ту же минуту рѣшился на всякое пожертвованіе, чтобы только спасти его. Искусно скрывъ радость, которая взволновала сердце его при извѣстіи о томъ, что молодой Михаилъ Өеодоровичъ избранъ царемъ Россіи, онъ отвѣчалъ на разспросы поляковъ самымъ простодушнымъ разсказомъ о томъ, что онъ оченъ хорошо знаетъ помѣстье Романовыхъ, что часто бываетъ тамъ и можетъ проводить дорогихъ гостей помѣщика до самаго дома его. Притворное простодушіе крестьянина обмануло поляковъ: они повѣрили словамъ его и велѣли вести себя какъ онъ знаетъ. Что-жъ онъ сдѣлалъ и куда повелъ ихъ? Совсѣмъ въ противную сторону отъ настоящей дороги! А между тѣмъ успѣлъ еще отправить къ молодому царю вѣсть объ угрожавшей ему опасности. Долго поляки шли съ проводникомъ своимъ, нигдѣ не останавливаясь, и наконецъ ночью пришли въ самый густой дремучій лѣсъ, гдѣ никогда никто не проходилъ и не проѣзжалъ. И тамъ еще Сусанинъ долго водилъ ихъ,

увѣряя, что сбился въ темнотѣ съ тропинки. Наконецъ злодѣи начали догадываться, что проводникъ обманываетъ ихъ, и съ гнѣвомъ сказали ему это. «Нѣтъ!» — отвѣчалъ добрый, неустрашимый Сусанинъ, уже предвидя свою мучительную смерть, — «нѣтъ, не я васъ, но вы обманули сами себя. Какъ могли вы думать, что я выдамъ вамъ нашего государя? Онъ спасенъ теперь и вы очень далеко отъ его помѣстья! Вотъ вамъ голова моя, дѣлайте со мною что хотите, я отдаю себя Богу!»

Вы можете представить себѣ, милые читатели, какія жестокія мученія были наградой благороднаго Сусанина за его вѣрность и мужество, за его великодушное пожертвованіе собою! Злодѣи, видя предъ собою вѣрную смерть въ лѣсу, гдѣ никогда еще не было протоптано ни одной тропинки, гдѣ земля покрыта была глубокимъ снѣгомъ, какъ будто грозившимъ заморозить ихъ, бросились съ неописанною яростію на добраго слугу Романовыхъ и ужасны были страданія, какія вытерпѣлъ онъ, умирая отъ рукъ ихъ. Но эти страданія были вознаграждены: на небесахъ — Богъ принялъ съ любовію прекрасную душу Сусанина; на землѣ — царь по-царски наградилъ усердіе и вѣрность его: онъ далъ дѣтямъ своего спасителя земли, лежавшія въ окрестностяхъ села Домнина, половину деревни *Деревнищъ,* принадлежавшей къ этому селу, и наконецъ всѣ преимущества и выгоды, которыя должны на вѣчныя времена отличать потомковъ Сусанина отъ другихъ крестьянъ государственныхъ. Слово *бѣлопашцы* или *бѣляне* произошло, вѣроятно, оттого, что встарину отмѣненіе всѣхъ податей и повинностей съ какого нибудь селенія или земли называлось *обѣленіемъ* ихъ, и въ царской граматѣ, полученной дѣтьми Сусанина, приказано было *обѣлить* деревню, имъ пожалованную. Здѣсь кстати сказать вамъ, что эти дѣти и потомство ихъ не носятъ названія Сусаниныхъ, но *Собининыхъ.* Это потому, что у Ивана не было сына, но одна дочь *Антонида,* которая была тогда замужемъ за *Богданомъ Собининымъ* и имѣла двухъ сыновей: *Данила* и *Константина.* Вотъ они-то и воспользовались наградой за геройскій подвигъ своего дѣдушки, и отъ нихъ-то происходятъ всѣ бѣлопашцы, кото-

рыхъ по послѣднимъ извѣстіямъ считалось уже въ 1836 году сто пять мужескаго и сто двадцать одна душа женскаго пола.

Графиня Ростопчина въ своемъ «Собраніи стихотвореній»[1]) посвятила нѣсколько прекрасныхъ строкъ воспоминанію Сусанина. Вѣрно, читатели мои съ большимъ удовольствіемъ прочтутъ ихъ:

Тебѣ-ль чугунъ, тебѣ ли мраморъ ставить,
Сусанинъ, вѣрный сынъ, честь родины своей?...
Тебя ли можемъ мы прославить
Дѣяньемъ рукъ и грудами камней?
Чугунъ растопится... Полудня мраморъ бѣлый
Раздробятъ долгіе морозы русскихъ зимъ...
Есть памятникъ иной: онъ твердъ, несокрушимъ,
Онъ силенъ и великъ, какъ ты, Сусанинъ смѣлый!
Сей вѣчный памятникъ тебѣ сооруженъ
Въ сердцахъ признательныхъ потомковъ,
Во дни крамолъ и смутъ, изъ пепла, изъ обломковъ,
Съ Россіей новою возсталъ какъ фениксъ онъ,
И съ ней цвѣтетъ поднесь, могучій и спокойный.
Да!... благоденствіе и слава россіянъ
Да... громкія хвалы позднѣйшихъ согражданъ—
Вотъ памятникъ, Сусанина достойный!...

СКРОМНОСТЬ РОМАНОВЫХЪ.

Прекрасная цѣль, къ которой стремилось доброе сердце вѣрнаго Сусанина, была достигнута почти въ то самое время, какъ онъ умиралъ отъ рукъ убійцъ своихъ: московскіе послы нашли молодого Михаила въ совершенной безопасности у родительницы его, въ монастырѣ Ипатьевскомъ. Весело приблизились они къ этимъ священнымъ стѣнамъ, заранѣе радуясь счастію показать усердіе свое новому царю прежде всѣхъ другихъ подданныхъ. Въ граматѣ, которую они везли къ нему, народъ такъ трогательно умолялъ его принять корону русскую; эта корона была такъ знаменита; блескъ, окружающій престолъ, такъ пышенъ и пріятенъ, что никто изъ пословъ никакъ не во-

---

[1]) Изданіе 1841 года.

ображалъ, чтобы молодой бояринъ могъ одну минуту помедлить своимъ согласіемъ на такое счастіе! Но какъ же обманулись эти добрые люди! Они не знали, какая скромность отличала семейство будущихъ царей ихъ! И Михаилъ, и кроткая мать его не только не обрадовались, но даже испугались высокой чести, имъ предложенной! Первый, не смотря на молодость, обыкновенно гордую и высоко о себѣ думающую, совсѣмъ не считалъ себя способнымъ быть государемъ обширнаго царства русскаго; вторая, воспитавъ въ смиреніи милое дитя свое, совсѣмъ не приготовивъ его къ величію, еще болѣе трудному по причинѣ чрезвычайной молодости Михаила, и зная, какія опасности окружали въ это бурное время престолъ русскій, видѣла одни бѣдствія въ неожиданной перемѣнѣ судьбы сына своего и, проливая слезы, никакъ не соглашалась благословить его на царство. Напрасно умоляли ихъ послы и всѣ знатнѣйшіе бояре и духовенство: они съ твердостію отказывались и согласно говорили, что почитаютъ дерзостію думать о такомъ предложеніи и никогда не примутъ его.

Всѣ поражены были неожиданною горестію, лишаясь царя, съ такимъ восторгомъ всѣми избраннаго,—царя, котораго скромность и добродѣтели уже въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ такъ много обѣщали народу. Не зная, что дѣлать въ этомъ затруднительномъ положеніи, добрые предки наши прибѣгли къ обыкновенному помощнику своему Богу и, усердно помолясь Ему въ соборной церкви Богородицы, пошли съ крестами и образами еще разъ убѣждать государя. Михаилъ и набожная родительница его вышли навстрѣчу священнаго шествія, приложились къ образамъ и вмѣстѣ съ ними вошли въ церковь. Здѣсь начались новыя просьбы, полились новыя слезы! но уже плакала не одна смиренная Марѳа, плакалъ весь народъ, умоляя о согласіи. Главный изъ пословъ, рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, представлялъ ей разстроенное состояніе Россіи и всѣ несчастія, какія терзали ее съ тѣхъ поръ, какъ, сиротѣя безъ царя, она лишилась могущественнаго защитника своего и сдѣлалась игралищемъ иноземцевъ и собственныхъ злодѣевъ; говорилъ все, что сердце, любящее

отечество, можетъ придумать самаго убѣдительнаго; но видя, что всѣ слова его имѣютъ мало успѣха, сказалъ наконецъ, что Богъ въ день страшнаго суда спроситъ у сына ея отчетъ въ счастіи того народа, который отъ его одного ожидалъ окончанія своихъ бѣдствій и былъ отвергнутъ имъ.

Эта мысль о судѣ Божіемъ, о несчастіяхъ соотечественниковъ и о томъ, что Богъ, ниспосылая Михаилу высокую судьбу царя, безъ сомнѣнія ниспошлетъ ему и силы къ исполненію всѣхъ трудныхъ обязанностей его, заставила ее рѣшиться. Со всѣмъ смиреніемъ христіанки подняла она кроткіе, полные слезъ взоры на небо, взяла за руку сына и, приведя его къ образу Богородицы, сказала: «Великъ Господь и чудны дѣла Его! Волѣ Его никто не можетъ противиться! Тебѣ, о Матерь Божія! предаю дитя мое, устрой ему и всему православному христіанству полезное!»

Такова была молитва благочестивой матери перваго изъ Романовыхъ! Мы видимъ, какъ прекрасно исполнилась она, какъ блистательна слава августѣйшихъ потомковъ Михаила, какъ могуществень народъ, живущій подъ ихъ правленіемъ! Мы видимъ это, и потому имѣемъ полное право раздѣлить тотъ восторгъ, который въ эту торжественную минуту чувствовали предки наши. Согласіе матери обѣщало согласіе сына; и подлинно, скромный Михаилъ, какъ ни огорчался опаснымъ величіемъ будущей судьбы своей, какъ ни боялся всей важности новыхъ обязанностей, какъ ни умолялъ и мать, и народъ оставить его въ счастливой неизвѣстности, но наконецъ долженъ былъ согласиться. Набожный, какъ и родительница его, онъ прежде всего объявилъ предъ Богомъ согласіе свое и, упавъ на колѣни, произнесъ трогательнымъ голосомъ: «Господи! да будетъ воля Твоя! Спаси меня: на Тебя одного уповаю!»

Прекрасна, незабвенна для Россіи была та минута, когда новый государь ея съ смиреніемъ ангела поднялся съ колѣнъ и принялъ первыя привѣтствія своихъ подданныхъ! Смотря на храмъ Божій, гдѣ все это происходило, на священные лики образовъ, хранительно осѣнявшихъ молодого государя, на кроткій видъ его матери, стоявшей подлѣ него въ святой одеждѣ монахини, нельзя было не сознаться, что Самъ Богъ посылалъ Россіи избраннаго ею

царя, съ его дѣтскою непорочностію, съ его глубокимъ благочестіемъ, съ его скромнымъ нравомъ, съ его добрымъ сердцемъ! Архіепископъ тутъ же возложилъ на него животворящій крестъ царскій, а старшій бояринъ поднесъ скипетръ. Это было 14-го марта 1613 года.

Спустя нѣсколько дней, государь выѣхалъ изъ Костромы и, останавливаясь во многихъ городахъ для занятія дѣлами государственными, и въ монастыряхъ для моленья, не прежде 29-го апрѣля пріѣхалъ въ Москву. Не буду разсказывать вамъ, друзья мои, съ какимъ восторгомъ народъ встрѣчалъ его во всѣхъ мѣстахъ этого путешествія и наконецъ въ самой Москвѣ! Вы уже имѣете понятіе о привязанности русскихъ къ царю своему во время величайшаго счастія и славы ихъ и потому можете представить себѣ, что чувствовали они, встрѣчая во время бѣдствій того, отъ кого ожидали облегченія своихъ страданій, вознагражденія за все претерпѣнное, новой жизни послѣ своего уничиженія. Въ это время Москва, сожженная разграбленная, обезображенная, переставъ считать себя сиротою, не замѣчала печальныхъ развалинъ своихъ и въ очарованіи радости казалась для всѣхъ горделивою, пышною и прекрасною. Зато добрый Михаилъ замѣчалъ эти развалины и, не смотря на всѣ пріятныя ощущенія сердца, не разъ отиралъ слезы, проѣзжая въ день въѣзда своего по улицамъ московскимъ. О! какъ хотѣлось ему утѣшить бѣдныхъ москвитянъ! Какъ хотѣлось ему скорѣе возвратить имъ прежнее счастіе ихъ!

ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ПОРЯДКА И СПОКОЙСТВІЯ.

ОТЪ 1613 ДО 1619 ГОДА.

(6 лѣтъ).

Съ первыхъ дней своего царствованія Михаилъ началъ заботиться о водвореніи порядка и въ полной мѣрѣ оправдалъ надежды русскихъ, не смотря на всѣ трудности, какія должно было ему побѣдить, управляя государствомъ, со

всѣхъ сторонъ разоряемымъ. Жестокіе враги нашего отечества еще не усмирились, и шведы—въ сѣверныхъ областяхъ его, поляки и помощникъ ихъ, гетманъ запорожскихъ казаковъ Сагайдашный,—въ западныхъ, измѣнникъ Заруцкій—въ Астрахани, продолжали свои злодѣянія. Первые дѣйствовали именемъ принца Филиппа; вторые—именемъ Владислава, который, наконецъ, и самъ пришелъ съ войскомъ къ Москвѣ требовать короны русской; третій—съ такъ называемою *царицею* Мариною еще не оставлялъ безумной надежды завладѣть со временемъ престоломъ и, покоривъ себѣ Астрахань, жилъ тамъ царемъ и уже отправлялъ посольства къ персидскому шаху Аббасу, прося его покровительства противъ русскихъ.

Вотъ сколько опасностей угрожало Михаилу! Но съ твердостію, осторожностію и благоразуміемъ онъ всегда находилъ средства избѣгать или совсѣмъ уничтожать ихъ. Прежде всего онъ старался избрать въ совѣтники свои самыхъ достойныхъ изъ тѣхъ бояръ и воеводъ, которые участвовали въ спасеніи отечества. Разумѣется, что первое мѣсто въ этомъ избранномъ числѣ занимали: князья Пожарскій и Трубецкой, и знаменитый гражданинъ Нижняго-Новгорода Мининъ. Но послѣдній недолго пользовался своимъ счастіемъ. Жизнь при дворѣ была не по немъ; доброе сердце его, привыкшее къ простотѣ, тосковало по родинѣ, не смотря на всѣ милости царскія, и спустя три года Мининъ выпросилъ у государя позволеніе оставить свою должность *думнаго дворянина* и отправиться домой. Въ томъ же году онъ скончался и погребенъ въ нижегородской соборной церкви Преображенія Господня.

Я увѣрена, что каждый и каждая изъ читателей моихъ, которыхъ судьба какимъ нибудь случаемъ приведетъ въ Нижній-Новгородъ, нарочно сходятъ поклониться этой знаменитой и драгоцѣнной для насъ гробницѣ. Знаете ли, кто поклонился ей однажды? Петръ, нашъ незабвенный Петръ! Вѣдь вы вѣрно ужъ знаете, какимъ великимъ государемъ онъ почитается во всѣхъ исторіяхъ, гдѣ только говорятъ о немъ; вы знаете, какъ прославляютъ его не только русскіе, но и всѣ другіе народы, знающіе русскихъ! Итакъ, этотъ знаменитый Петръ, проѣзжая однажды мимо

Нижняго-Новгорода, былъ въ церкви Преображенія и, подошедши къ гробницѣ Минина, поклонился ей до земли и сказалъ: «На этомъ мѣстѣ погребенъ освободитель Россіи!» О! какъ эти слова должны быть пріятны для того, кто заслужилъ ихъ! Безсмертная душа Минина, можетъ быть, въ небесномъ мірѣ почувствовала сладость ихъ и тамъ благословила внука, такъ какъ на землѣ благословляла дѣда за счастіе отечества! Петръ былъ внукъ того Михаила, къ которому мы возвратимся теперь, друзья мои.

Итакъ, выбравъ себѣ умныхъ и вѣрныхъ совѣтниковъ, наградивъ всѣхъ, кто показывалъ усердіе къ отечеству въ несчастное время междуцарствія и простивъ всѣхъ раскаявшихся измѣнниковъ, молодой государь, коронованный 13-го іюля того же 1613 года, любимый единодушно народомъ, покровительствуемый Богомъ, принялся за устройство царства, почти разрушеннаго.

Изъ многочисленныхъ враговъ Россіи прежде всѣхъ погибъ Заруцкій. Усмирить его помогъ тотъ самый шахъ Аббасъ, отъ котораго онъ ожидалъ покровительства. Зная о его злодѣйствахъ, умный шахъ не поддался въ обманъ и, уважая царя русскаго, выдалъ посланнику его чиновниковъ Заруцкаго. Вскорѣ потомъ Заруцкій услышалъ, что къ Астрахани приближается отрядъ войскъ, посланныхъ противъ него изъ Москвы, подъ начальствомъ князя Одоевскаго. Злодѣй испугался и вмѣстѣ съ Мариною и сыномъ ея бѣжалъ на одинъ изъ острововъ рѣки Урала. Но князь Одоевскій и тамъ отыскалъ его, взялъ въ плѣнъ и, успокоивъ бѣдныхъ астраханцевъ, страдавшихъ подъ жестокою властію бунтовщика, привезъ его въ Москву. Здѣсь и онъ, и сынъ Марины были казнены, а сама она умерла въ темницѣ.

Освободивъ Россію отъ этихъ внутреннихъ враговъ ея, молодой царь въ то же время старался объ усмиреніи внѣшнихъ. Заботясь гораздо болѣе о спокойствіи подданныхъ, нежели о распространеніи владѣній своихъ, онъ благоразумно согласился на миръ съ Швеціей. Этотъ миръ, заключенный въ 1617 году въ *Столбовѣ,* близь нынѣшняго Тихвина, не былъ выгоденъ для Михаила, потому что онъ долженъ былъ уступить Швеціи Ингерманландію

и Карелію и отказаться отъ правъ своихъ на Лифляндію и Эстляндію; но зато Новгородская область благословила умѣренность царя своего и несчастные жители ея отдохнули отъ бѣдствій, какія нѣсколько лѣтъ терпѣли отъ шведскихъ войскъ и Делагарди.

Въ слѣдующемъ 1618 году Михаилъ заключилъ миръ и съ Польшею. Читатели знаютъ, что Владиславъ вмѣстѣ съ атаманомъ Сагайдашнымъ былъ уже подъ стѣнами Москвы. Ему очень хотѣлось надѣть на себя корону русскую, и потому неудивительно, что онъ даже и разбойниковъ бралъ въ союзники свои. Запорожскіе казаки съ атаманомъ своимъ были настоящіе разбойники. Кромѣ того, Владиславъ привелъ съ собою наемное войско венгровъ и нѣмцевъ и старался, сколько могъ, возмутить противъ царя жителей всѣхъ областей, мимо которыхъ проходилъ; но все это было напрасно: пятилѣтнее правленіе такъ утвердило русскихъ въ привязанности ихъ къ Михаилу, такъ явно показало имъ всѣ прекрасныя качества и всѣ умныя распоряженія его, такъ убѣдило ихъ въ мысли, что онъ одинъ можетъ спасти отечество ихъ отъ погибели, что жадный королевичъ польскій почти вездѣ встрѣчалъ отказы на безчестныя предложенія свои и только развѣ силою могъ заставить жителей нѣкоторыхъ городовъ и селеній измѣнить законному государю. Другимъ препятствіемъ для намѣреній Владислава были храбрые полководцы Михаила, между которыми болѣе всѣхъ отличались князья Пожарскій и Трубецкой, окольничій Годуновъ и воевода Жеребцовъ. Первые три заставили Владислава отступить отъ Москвы, послѣдній—отъ монастыря Троицкаго. Это священное мѣсто, такъ часто защищавшее отечество наше, опять спасло его: здѣсь Владиславъ въ первый разъ почувствовалъ невозможность завладѣть престоломъ Россіи и отказался отъ этого безразсуднаго намѣренія. Онъ послалъ въ монастырь къ воеводѣ Жеребцову и келарю Авраамію грамату, въ которой писалъ, что соглашается переговорить о мирѣ. Вы можете представить себѣ, друзья мои, что послѣ всѣхъ ужасовъ, какіе происходили въ Россіи отъ этой продолжительной войны съ поляками, предки наши очень обрадовались предложенію королевича, и царь Михаилъ Ѳеодо-

ровичъ тотчасъ же отправилъ въ монастырь для мирныхъ переговоровъ одного изъ первыхъ бояръ своихъ — *Шереметева* съ двумя дьяками—*Болотниковымъ* и *Сомовымъ*. Они съѣхались съ польскими министрами и чиновниками въ деревнѣ Деулиной, лежавшей въ 3 верстахъ отъ монастыря, и послѣ многихъ споровъ съ обѣихъ сторонъ согласились помириться на четырнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ. Это перемиріе дорого стоило Россіи: она должна была уступить Польшѣ много городовъ своихъ и въ томъ числѣ: *Смоленскъ, Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскій* и *Стародубъ*. Но эти потери вознаграждались тѣмъ, что всѣ войска польскія оставляли Россію и родитель Михаила, знаменитый *Филаретъ Никитичъ*, получилъ свободу послѣ девяти-лѣтняго плѣна въ Варшавѣ.

Не знаю, что описать вамъ, милые читатели мои,—ту ли тихую небесную радость отца, какую чувствовалъ добродѣтельный Филаретъ въ минуту, когда узналъ, что Богъ такъ милостиво вознаграждалъ его продолжительныя страданія и съ такою славою возвращалъ на родину въ объятія милаго сына и царя, уже нѣсколько лѣтъ прославляемаго народомъ, — или то пылкое, неограниченное восхищеніе, какимъ наполнялось сердце сына при одной мысли о близкомъ свиданіи съ нѣжнымъ родителемъ? Вамъ не понять еще высокое, святое чувство этого счастливаго отца, и къ маленькимъ сердцамъ вашимъ гораздо ближе сыновная радость молодого Михаила.

Итакъ, послушайте объ этой радости. Въ то время во всей Россіи говорили о ней. И старики, и дѣти разсказывали другъ другу о томъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ царь отца своего, какія почести готовитъ ему, съ какою заботливостію посылаетъ государственныхъ чиновниковъ встрѣчать его во всѣхъ городахъ, гдѣ онъ будетъ останавливаться! О! какъ бы желала я, чтобы всѣ вы, маленькіе друзья мои, со вниманіемъ прочли и навсегда оставили въ памяти то, что разсказываетъ исторія объ этомъ глубокомъ уваженіи царя Михаила Ѳеодоровича къ своему родителю? Михаилъ выѣхалъ изъ Москвы навстрѣчу къ отцу своему и, увидѣвъ его, упалъ предъ нимъ на колѣни, не смотря на свое царское достоинство! Какая картина мо-

жетъ сравниться съ этою трогательною картиною? Бояре и народъ, видѣвшіе ее, надолго сохранили драгоцѣнное воспоминаніе о ней и навсегда — увѣренность въ счастіи отечества: добрый сынъ не могъ не быть добрымъ отцомъ и государемъ.

Михаилъ въ этотъ счастливый день не хотѣлъ радоваться одинъ. Онъ осыпалъ милостями своихъ подданныхъ, простилъ всѣхъ преступниковъ, освободилъ всѣхъ заключенныхъ и, наконецъ, заложилъ каменную церковь во имя того святого, чья память праздновалась въ день возвращенія Филарета.

Со времени этого возвращенія счастіе Россіи еще болѣе утвердилось. Съ свѣжими, юношескими силами Михаила, съ пылкимъ усердіемъ его молодого сердца соединилась вся зрѣлость ума, вся долговременная опытность его родителя. Какъ благодѣтельно было для Россіи это соединеніе! Всѣ дѣла его государственныя шли въ стройномъ порядкѣ: сынъ съ уваженіемъ принималъ малѣйшіе совѣты отца; отецъ не имѣлъ другой цѣли, кромѣ счастія и славы Россіи. Во всѣхъ граматахъ царскихъ писали такъ: «Государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи, и отецъ его, великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Россіи, указали...» — Филаретъ Никитичъ посвященъ былъ въ патріархи вскорѣ послѣ пріѣзда изъ Польши, но только однѣ неотступныя просьбы сына, бояръ и всего народа преклонили добродѣтельнаго и смиреннаго митрополита принять это высокое званіе.

ЦАРИЦА ЕВДОКІЯ.

Первая супруга Михаила Ѳеодоровича была Марія Владиміровна, княжна Долгорукова. Они нѣжно любили другъ друга и потому были очень счастливы, но это счастіе исчезло какъ сонъ: молодая Марія скончалась чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы своей. Печальный царь неутѣшно плакалъ по ней и долго не могъ рѣшиться вы-

брать другую супругу, не смотря на то, что народъ пламенно желалъ, чтобы добрый государь его, за всѣ труды и безпокойства, соединенныя съ престоломъ, былъ снова награжденъ счастіемъ семейной жизни. Не одинъ разъ подданные Михаила даже просили его объ этомъ, но царь продолжалъ отказываться: для него довольно было любви добрыхъ родителей его. Но когда и они начали совѣтывать ему выбрать себѣ другую супругу, Михаилъ Ѳеодоровичъ рѣшился исполнить общее желаніе и въ январѣ 1626 года приказалъ, по обыкновенію прежнихъ царей русскихъ, привести ко двору прекрасныхъ дѣвицъ изъ знатнѣйшихъ фамилій въ государствѣ.

Красавицы не съ такимъ страхомъ сбирались на этотъ съѣздъ, какъ въ то время, когда Іоаннъ IV выбиралъ первую супругу свою. Слухъ о кротости и любезныхъ качествахъ Михаила былъ такъ различенъ отъ того, что говорили о Грозномъ, что всѣ молодыя боярышни, назначенныя къ выбору, съ радостію спѣшили въ Москву и съ самыми пріятными надеждами входили во дворецъ государевъ. Ихъ было шестьдесятъ. Каждая изъ нихъ имѣла при себѣ прислужницу. Эти прислужницы оставались съ ними во дворцѣ, пока онѣ находились тамъ.

Въ назначенный для выбора день молодой государь, вмѣстѣ съ родительницею своею, пришелъ къ невѣстамъ: нѣсколько времени смотрѣлъ на прекрасное собраніе красавицъ, но взоры его равнодушно переходили съ одной изъ нихъ на другую и вовсе не восхищались ни привлекательными лицами ихъ, ни пышностію наряда. Вдругъ выраженіе этихъ взоровъ перемѣнилось: они привѣтливо остановились на дѣвушкѣ, робко притаившейся нѣсколько поодоль блистательныхъ княженъ. Повязка ея не сіяетъ алмазами, простой темненькій сарафанъ не украшенъ золотыми нашивками, на прекрасной шеѣ и рукахъ не перевиваются зерна крупнаго жемчуга, но едва примѣтно нѣсколько ниточекъ разноцвѣтнаго бисера. Кто бы подумалъ, что на эту дѣвушку, такъ скромно одѣтую, на эту дѣвушку, по всему походившую на прислужницу которой нибудь изъ знаменитыхъ боярышень, можно было хотя однажды взглянуть въ той комнатѣ, гдѣ было шестьдесятъ

пышныхъ красавицъ? Но молодой царь взглянулъ на нее и не захотѣлъ глядѣть ни на кого болѣе. Кроткое, милое лицо ея рѣшило выборъ и сердце Михаила въ ту же минуту назвало ее своею супругою. Однакожъ никто еще не узналъ этого намѣренія въ то время, когда царь вышелъ изъ комнаты: онъ долженъ былъ прежде всего объявить его своей матери. Какъ удивилась Марѳа Іоанновна! Сначала она старалась перемѣнить мысли сына своего, представляя ему, какъ огорчатся выборомъ его знатнѣйшіе бояре, отцы и родственники собравшихся невѣстъ; но потомъ, видѣвъ твердую рѣшительность его, согласилась. Послали узнать имя счастливицы; оно было — *Евдокія Лукъяновна Стрѣшнева*—дочь можайскаго дворянина.

Евдокія—которой отецъ, не смотря на свое старинное дворянство, былъ такъ бѣденъ, что самъ обработывалъ поле свое и жилъ въ маленькой деревушкѣ—пріѣхала въ Москву прислужницею при дальной родственницѣ своей. Эта родственница была горда, сердита, своенравна и потому бѣдной Евдокіи, съ ея тихимъ и кроткимъ нравомъ, часто случалось плакать отъ горя; но чтобы имѣть возможность помогать отцу, добрая дѣвушка терпѣливо переносила все, никогда не жалуясь и надѣясь, что Богъ наградитъ когда нибудь ея труды и терпѣніе. Въ какомъ неописанномъ положеніи находилась она въ то время, когда эта надежда исполнилась, и Богъ въ самомъ дѣлѣ наградилъ доброе сердце ея такимъ блистательнымъ образомъ! Почитая неожиданное счастіе свое этою драгоцѣнною наградою, она приняла его съ радостію и смиреніемъ, и была на тронѣ царскомъ еще привѣтливѣе и добрѣе, нежели прежде въ своемъ бѣдномъ состояніи. Это чувствовала болѣе всѣхъ молодая родственница ея, которая прежде такъ грубо обходилась съ нею, и теперь не знала, какъ благодарить добрую царицу за ласки, которыми она старалась доказать, что простила всѣ сдѣланныя ей обиды.

Съ такою добродѣтельною подругою Михаилъ Ѳеодоровичъ не могъ не быть счастливымъ. Любовь ея услаждала для него огорченія, неразлучныя съ управленіемъ государствомъ, во всѣхъ частяхъ разстроеннымъ, подкрѣпляла мужество его въ неудачахъ, увеличивала радость

въ счастливыхъ окончаніяхъ намѣреній, предпринятыхъ для пользы любимаго народа. Наконецъ, почтительная привязанность Евдокіи къ благочестивымъ родителямъ Михаила, соединяя еще нѣжнѣе семейство царское, доставляло ему то счастіе, какимъ рѣдко можно наслаждаться на тронѣ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА ДО КОНЧИНЫ ЕГО.

отъ 1619 до 1645 года.

(26 лѣтъ).

Но, не смотря на все семейственное счастіе свое, увеличившееся впослѣдствіи времени рожденіемъ двухъ дочерей, а въ 1629 году—рожденіемъ наслѣдника престола царевича *Алексія*, у Михаила Ѳеодоровича бывали минуты, въ которыя не могли развеселить его ни нѣжность супруги и родителей, ни ласки дѣтей. Это бывало тогда, когда какія нибудь новыя опасности угрожали подданнымъ его, какія нибудь новыя несчастія растравляли свѣжія, еще незажившія раны ихъ. Такого рода огорченія чаще всѣхъ причиняли доброму государю неугомонные сосѣди наши поляки. Королевичъ ихъ Владиславъ, не смотря на заключенное перемиріе, не смотря на обѣщаніе свое отказаться отъ всѣхъ требованій на царство русское, все еще тайно ласкался надеждою, рано или поздно, завладѣть имъ. Въ 1632 году умеръ отецъ его, Сигизмундъ III, и Владиславъ, сдѣлавшись наслѣдникомъ его, началъ еще смѣлѣе надѣяться, и не постыдился при самомъ восшествіи своемъ на престолъ принять на себя вмѣстѣ съ именемъ *короля польскаго* и имя *царя московскаго*. Такая дерзость не могла остаться безъ наказанія и, зная, какъ гибельно было всякое нашествіе поляковъ на Россію, осторожный Михаилъ принужденъ былъ предупредить Владислава и послать войско къ Смоленску. Съ горестію видя этотъ знаменитый городъ въ рукахъ непримиримыхъ враговъ своихъ, царь

хотѣлъ при этомъ случаѣ возвратить его. Русскіе радовались тому намѣренію и надѣялись, что оно будетъ удачно: войско состояло изъ 100,000 человѣкъ и было подъ начальствомъ знаменитаго воеводы Михаила Борисовича Шеина. Шеинъ прославился въ томъ же самомъ Смоленскѣ во время продолжительной и несчастной осады этого города Сигизмундомъ. Читатели мои вѣрно помнятъ, какую отчаянную храбрость показали тогда смоляне и какъ многіе изъ нихъ, будучи принуждены сдаться, рѣшились лучше погибнуть ужасною смертью подъ развалинами взорванной церкви, нежели быть плѣнниками поляковъ. Первый примѣръ этой неустрашимости, этой пламенной любви къ отечеству подавалъ жителямъ Смоленска градоначальникъ ихъ *Шеинъ*. Зато, когда поляки взяли Смоленскъ, Шеинъ сдѣлался первою жертвою ихъ. Безчеловѣчно погубивъ все его семейство, они отправили его самого плѣнникомъ въ Варшаву. Онъ прожилъ тамъ девять лѣтъ и возвратился въ одно время съ Филаретомъ Никитичемъ. Въ душѣ его пылала непримиримая ненависть къ полякамъ — убійцамъ супруги и дѣтей его; кому же лучше можно было поручить возвращеніе того города, гдѣ былъ онъ счастливъ вмѣстѣ съ ними, и отмщеніе врагамъ его? Такъ думалъ государь, такъ думали всѣ. Но вышло не то! Подивитесь, друзья мои, что разсказываютъ современники объ этомъ странномъ, удивительномъ для русскихъ происшествіи.

Шеинъ уже подошелъ съ войскомъ къ Смоленску и тотчасъ приказалъ сдѣлать приступъ. Воины быстро взлетѣли на стѣны, но вдругъ сзади, изъ собственнаго лагеря ихъ, стали стрѣлять въ нихъ изъ пушекъ! Пораженные ужасомъ, въ недоумѣніи, несчастные не могли продолжать своего дѣла и принуждены были отступить. Причина такого поступка осталась неоткрытою. Одни писатели называютъ это ошибкою, происшедшею отъ торопливости воеводы, не разсмотрѣвшаго своихъ; другіе приписываютъ это измѣнѣ его; третьи, и самые достовѣрнѣйшіе, говорятъ, что измѣнникомъ былъ не онъ, а начальникъ наемнаго войска, генералъ *Леслій*. Какъ бы то ни было, но русскіе отступили и уже во все продолженіе несчастной войны

чувствовали вліяніе этой жестокой неудачи: уныніе распространилось по всему войску и съ каждымъ днемъ увеличивалось, особенно съ того времени, какъ оно услышало, что самъ король идетъ къ Смоленску. Огорченный царь, узнавъ о такомъ жалкомъ положеніи воиновъ, на которыхъ такъ много надѣялся, послалъ на помощь къ нимъ новые полки подъ начальствомъ князей Черкасскаго и Пожарскаго. Но прежде нежели они успѣли дойти до Смоленска, Владиславъ съ сильною арміею былъ уже тамъ, и не разбилъ, но какъ будто какою-то волшебною силою побѣдилъ русскихъ: они почти безъ сраженія начали отступать и такъ скоро и съ такимъ, казалось, страхомъ, что всю артиллерію свою, всѣ военные снаряды и весь обозъ оставляли непріятелю, а знамена даже положили передъ королемъ! Однимъ словомъ, русское войско не узнавало само себя въ этомъ постыдномъ дѣлѣ, а иностранцы, бывшіе въ немъ, и самъ король польскій, не вѣрили глазамъ своимъ! Когда же вѣсть объ этомъ разнеслась по Россіи, всѣ въ одинъ голосъ сказали, что русскіе неспособны къ такой трусости, что въ этой легкой побѣдѣ поляковъ есть что-то особенное, что главный воевода долженъ быть измѣнникъ, и Шеинъ—еще такъ недавно любимый и уважаемый всѣми соотечественниками своими, Шеинъ—надежда государя и народа, сдѣлался ненавистнымъ для всѣхъ и заплатилъ жизнію за свою вину и несчастіе.

Вотъ какія огорченія оставляли глубокіе слѣды въ чувствительной душѣ Михаила. Въ то время, какъ онъ испытывалъ ихъ, Владиславъ наслаждался побѣдами и только имя князя Пожарскаго остановило блестящіе успѣхи его: какъ скоро онъ услышалъ, что избавитель Россіи приближается къ Смоленску, тотчасъ показалъ готовность къ миру, и чтобъ не продолжать войны, которая могла дурно кончиться для него, не смотря на самое лестное начало, согласился на многія требованія русскихъ, напримѣръ: обязался возвратить имъ большую часть сокровищъ, увезенныхъ поляками изъ Кремля, отдать тѣло царя Василія Іоанновича Шуйскаго, а что всего важнѣе—отказался навсегда отъ имени *царя русскаго*. Но и Михаилъ Ѳеодоровичъ не возвратилъ при этомъ мирѣ ни одного изъ горо-

довъ, отданныхъ полякамъ въ 1618 году, и кромѣ того, долженъ былъ оставить всѣ свои требованія на Ливонію, Эстляндію и Курляндію.

Судьба, уменьшая владѣнія Михаила на Западѣ, увеличивала ихъ на Востокѣ: храбрые казаки, слѣдуя примѣру знаменитаго Ермака, помогали русскимъ купцамъ распространять торговлю въ странѣ, имъ завоеванной, и съ каждымъ годомъ далѣе и далѣе проводили караваны ихъ, такъ что уже около 1635 года почти вся Сибирь до Камчатскаго моря принадлежала русскимъ. Города, одинъ за другимъ строившіеся тамъ, оживляли лѣса и пустыни новаго царства, знакомили дикихъ жителей его съ началомъ образованнаго общества, доказывали попечительность государя о самыхъ отдаленныхъ подданныхъ его. Туринскъ, Енисейскъ, Ирбитъ, Якутскъ и многіе другіе города въ Сибири были построены въ это время. Въ Туринскѣ тогда же открыта была первая желѣзная руда въ Россіи.

Заботясь объ устройствѣ всѣхъ частей государства своего, Михаилъ Ѳеодоровичъ выдалъ также важный указъ о крестьянахъ. Надобно сказать вамъ, милые читатели, что встарину крестьяне наши имѣли право переходить отъ одного помѣщика къ другому. Вы легко можете представить себѣ, сколько безпорядковъ происходило отъ этого права: своевольные крестьяне то сами безпрестанно переходили отъ одного господина къ другому, то богатые помѣщики переманивали ихъ отъ бѣдныхъ, чтобы населять свои обширныя земли. Во время междуцарствія эти безпорядки дошли до крайности: крестьяне цѣлыми селеніями переходили съ одного мѣста на другое, и дорогою, не боясь наказаній, дѣлали разбои и даже убійства. Михаилъ Ѳеодоровичъ при самомъ началѣ своего правленія обратилъ на это вниманіе, но воюя съ Швеціею и Польшею и усмиряя самозванцевъ, разорявшихъ бѣдное отечество наше, онъ не могъ до 1625 года сдѣлать рѣшительное распоряженіе о крестьянахъ. Въ этомъ году вышелъ указъ о томъ, чтобы всѣхъ ихъ переписать и оставить навсегда при тѣхъ деревняхъ и помѣстьяхъ, при которыхъ они будутъ записаны. Съ тѣхъ поръ кончились своевольства всякаго рода: помѣщики начали болѣе заботиться о людяхъ, которые

должны были всегда оставаться у нихъ; крестьяне, зная, что уже не могутъ перемѣнить господъ своихъ, болѣе старались заслуживать любовь ихъ и прилежнѣе работали на тѣхъ поляхъ, которыхъ уже не смѣли оставить.

Въ 1634 году скончался великій помощникъ царя въ трудномъ дѣлѣ правленія: родитель его патріархъ Филаретъ Никитичъ. Твердо помня всѣ наставленія его, Михаилъ, съ такою же какъ и прежде славою, продолжалъ свое царствованіе и до самой кончины своей, послѣдовавшей 13-го іюля 1645 года, остался тѣмъ благодѣтельнымъ ангеломъ Россіи, который, казалось, посланъ былъ ей съ небесъ, чтобы воскресить умирающія силы ея и, разогнавъ темную ночь безнадежности, пролить на все существо ея прекрасный свѣтъ новой жизни.

Семейство царя Михаила I Θеодоровича Романова.

Супруги: 1) *Марія* Владиміровна, княжна Долгорукова. 2) *Евдокія* Лукьяновна, дочь дворянина Стрешнева.

Дѣти отъ послѣдней: a) Алексѣй, наслѣдовалъ престолъ. b) Іоаннъ, c) Василій—скончались въ дѣтствѣ. d) Ирина. e) Пелагея. f) Анна. g) Марθа. h) Софія. i) Татьяна. k) Евдокія.

БОЯРИНЪ МОРОЗОВЪ И МЯТЕЖИ НАРОДНЫЕ.

ОТЪ 1645 ДО 1649 ГОДА.

(4 года).

Сынъ и наслѣдникъ скончавшагося государя, пятнадцати-лѣтній царевичъ Алексѣй, былъ еще такъ молодъ, что не могъ царствовать безъ совѣтника. Судьба въ этомъ случаѣ не была къ нему такъ милостива, какъ къ его родителю, и первый совѣтникъ его вовсе не походилъ на благочестиваго руководителя Михаилова, великаго патріарха Филарета. Это былъ бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, человѣкъ гордый, завистливый, жадный къ богатству. Будучи очень хитръ, онъ научился съ самыхъ молодыхъ лѣтъ

скрывать свои пороки подъ такою пріятною и обманчивою наружностію, что всѣ считали его самымъ лучшимъ изъ бояръ, и Михаилъ Ѳеодоровичъ поручилъ ему даже воспитаніе наслѣдника. Хитрый наставникъ скоро узналъ прекрасное сердце своего воспитанника: оно было чувствительно и благородно, оно обѣщало вѣчную привязанность тому, кто умѣлъ заслужить ее, и Морозовъ началъ пользоваться всѣми случаями, чтобы показать свои мнимыя достоинства, чтобы плѣнить ими всѣхъ окружавшихъ царевича и такимъ образомъ непримѣтно завладѣть нѣжною душою младенца, довѣрчиво полюбившаго своего умнаго, всѣми выхваляемаго воспитателя. Съ каждымъ днемъ эта любовь увеличивалась, и когда Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престолъ, Борису Ивановичу не оставалось желать ничего болѣе: онъ сдѣлался первымъ вельможею въ государствѣ. Молодой царь никого не уважалъ столько, какъ его, ни для кого не дѣлалъ такъ много, какъ для него. Гордый бояринъ, совершенно успѣвъ въ своемъ намѣреніи, достигнувъ до высочайшей знаменитости, какая только возможна для подданнаго, осмѣлился возвыситься еще болѣе: въ 1648 году Алексѣй Михайловичъ выбралъ, по совѣту его, въ супруги дочь дворянина Ильи Милославскаго *Марію;* въ 1649 г. Морозовъ женился на сестрѣ молодой царицы—*Аннѣ.*

Сдѣлавшись такимъ образомъ ближнимъ родственникомъ царя, гордый честолюбецъ уже не считалъ нужнымъ скрывать свои истинныя свойства и мало-по-малу началъ показываться народу тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Только передъ государемъ былъ онъ еще прежнимъ, по наружности, добродѣтельнымъ Морозовымъ, только государь могъ еще любить его; всѣ же другіе вскорѣ возненавидѣли, потому что корыстолюбіе приводило его часто къ дѣламъ самымъ несправедливымъ. Онъ могъ тѣмъ удобнѣе исполнить свои желанія, что, по старанію его, всѣ важнѣйшія государственныя должности были заняты его родственниками—Милославскими, или друзьями и приверженцами ихъ, въ числѣ которыхъ отличались своею дерзостію окольничіе: *Плещеевъ* и *Траханіотовъ.* Съ ними, а иногда и съ тестемъ своимъ, бояриномъ Ильею Милославскимъ,

Морозовъ обдумывалъ новые планы свои, изобрѣталъ новые способы наживаться, налагалъ новыя подати на подданныхъ кроткаго и правосуднаго Алексѣя, совсѣмъ не подозрѣвавшаго бояръ своихъ въ такой недобросовѣстности. Богатые, жертвуя своимъ состояніемъ, еще могли переносить притѣсненія любимцевъ царскихъ, но ужасна была судьба бѣдныхъ! У нихъ часто отнимали послѣднія крохи, и они все еще не роптали громко, все еще помнили, что жестокій притѣснитель ихъ женатъ на сестрѣ царицы. Наконецъ наложили тягостную подать на самыя необходимыя потребности жизни: на соль, хлѣбъ, медъ и другіе предметы Это было уже выше силъ несчастныхъ: они заговорили. Но жалобы ихъ не доходили до государя; осторожные любимцы не допускали ихъ до стѣнъ дворца: они знали, какъ добрый царь любилъ своихъ подданныхъ. Вельможи, не участвовавшіе въ притѣсненіяхъ, разорявшихъ бѣдныхъ людей, не смѣли доносить на родственниковъ царскихъ, и такъ недовольные рѣшились сами управиться съ своими притѣснителями, и страшный мятежъ вспыхнулъ въ Москвѣ. Шумныя толпы ворвались въ домы ненавидимыхъ ими бояръ. Прежде всего ограблены были великолѣпныя палаты Бориса Ивановича, потомъ Плещеева, Траханіотова, думнаго дьяка Чистова. Трое послѣднихъ были убиты; перваго бунтовщики не нашли дома и, думая, что онъ скрылся во дворцѣ, побѣжали въ Кремль и въ бѣшенствѣ требовали, чтобы царь выдалъ имъ Морозова и Милославскаго.

Государь, огорченный и дерзостью народа, и печальною новостію, что любимцы его явились передъ нимъ преступниками, принужденъ былъ силою усмирить мятежниковъ и царскимъ заступленіемъ своимъ спасти отъ смерти Морозова и Милославскаго. Народъ остановился при видѣ царя и, вспомнивъ, что Милославскій его родственникъ, оставилъ свое мщеніе и отдалъ его на судъ Божій.

Но ропотъ недовольныхъ раздавался не въ одной Москвѣ: Алексѣй Михайловичъ едва успѣлъ усмирить мятежниковъ въ столицѣ, какъ получилъ извѣстіе о безпокойствахъ, происходившихъ во Псковѣ и Новгородѣ. Причина вездѣ была одинакова, и тѣ же притѣсненія, отъ которыхъ взволновались москвитяне, вывели изъ терпѣнія и псковитянъ, и

новгородцевъ. Первые при этомъ случаѣ убили своего градоначальника и всѣхъ тѣхъ чиновниковъ, которыхъ считали друзьями и приверженцами Морозова, даже осмѣлились противиться войску, которое государь послалъ противъ нихъ, и съ трудомъ опомнились только тогда, когда духовенство съ граматами отъ царя и патріарха прибыло къ нимъ изъ Москвы.

Бунтъ новгородцевъ начался также ужасно, но кончился скорѣе, потому что тамъ былъ человѣкъ, умѣвшій усмирить его пожертвованіемъ собою. Это былъ тамошній митрополитъ *Никонъ*, о которомъ вамъ надобно узнать подробнѣе, милые читатели мои: онъ занимаетъ важное мѣсто въ нашей исторіи.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ.

отъ 1649 до 1654 года.

(5 лѣтъ).

Въ деревнѣ Вельяминовѣ, близъ Нижняго-Новгорода, жилъ крестьянскій мальчикъ *Никита*. Бѣдные родители его замѣтили въ немъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ большую охоту къ ученью, и потому очень обрадовались, когда одинъ добрый монахъ изъ монастыря, находившагося недалеко отъ Нижняго-Новгорода, вызвался выучить его грамотѣ. Мальчикъ же обрадовался еще болѣе ихъ и началъ такъ прилежно твердить свои уроки, что въ короткое время могъ уже читать *часовникъ* и *псалтирь*. Встарину это были первыя книги, даваемыя дѣтямъ, начинающимъ читать. Я думаю, вамъ не нужно сказывать, друзья мои, что *часовникъ* есть книга, заключающая въ себѣ службу *часовъ*, а *псалтирь*—псалмы Давида. Маленькій Никита, проводя почти все свое время въ монастырѣ, полюбилъ монашескую жизнь, и когда выросъ, то очень желалъ постричься тамъ, но родителямъ его это не нравилось: они тосковали по миломъ сынѣ, просили его не разлучаться съ ними и съ свѣтомъ такъ рано, и Никита послушался ихъ, оста-

вилъ монастырь, и чтобы совершенно успокоить и утѣшить ихъ, женился и жилъ съ ними. Благочестіе его и знаніе всей службы церковной скоро доставили ему мѣсто приходскаго священника. Никита былъ совершенно счастливъ и доволенъ судьбой своей. Вдругъ умираютъ у него родители, потомъ всѣ дѣти. Въ сильной горести онъ подумалъ, что Богъ хотѣлъ показать ему этими несчастіями, что онъ назначилъ его не для свѣтской, но для монашеской жизни. Какъ скоро пришла ему въ голову эта мысль, онъ уже не могъ оставаться болѣе въ свѣтѣ, уговорилъ жену свою разстаться съ нимъ и уѣхалъ на островъ Анзерскій, лежащій на Бѣломъ морѣ, недалеко отъ Соловецкаго. Тамъ былъ въ то время монастырь, называвшійся *Анзерскій скитъ* [1]). Этотъ монастырь славился строгими правилами монаховъ: сюда-то спѣшилъ Никита и вскорѣ послѣ пріѣзда своего постригся и былъ названъ *Никономъ*.

Примѣрная жизнь его, не смотря на отдаленность пустыннаго острова, обратила на себя вниманіе высшаго духовенства московскаго и Никонъ сдѣланъ былъ настоятелемъ Кожеозерскаго монастыря, на озерѣ Онежскомъ. Читатели мои знаютъ, что это озеро гораздо ближе къ древней столицѣ нашей, нежели Бѣлое море, да къ тому же и Никонъ былъ уже теперь не простымъ монахомъ, но начальникомъ монастыря; стало быть имѣлъ дѣла, для которыхъ долженъ былъ ѣздить въ Москву. Вотъ въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ ему удалось видѣть царя. Алексѣй Михайловичъ, быстро умѣвшій различать людей и цѣнить истинныя достоинства ихъ, замѣтилъ необыкновенный умъ Никона и повелѣніемъ его настоятель неизвѣстнаго монастыря Кожеозерскаго поставленъ архимандритомъ Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ. Въ этомъ званіи Никонъ провелъ счастливѣйшіе дни своей жизни. Душа его еще не имѣла и тѣни того честолюбія, какое овладѣло ею впослѣдствіи; она наполнена была только пламенною любовью къ Богу, неограниченнымъ усердіемъ къ государю, нѣжнымъ состраданіемъ ко всѣмъ ближнимъ. Помогать несчастнымъ и просить за нихъ царя—было единственнымъ занятіемъ

---

[1]) *Скитъ* значитъ *пустыня* или *жилище отшельниковъ*.

архимандрита Никона въ то время, когда онъ не стоялъ на молитвѣ. Любимый день его—была *пятница:* въ этотъ день онъ ѣздилъ къ государю. Алексѣй Михайловичъ такъ любилъ разговаривать съ умнымъ архимандритомъ, что приказалъ ему каждую недѣлю прiѣзжать во дворецъ. Здѣсь-то совершилось множество добрыхъ дѣлъ, которыя составили лучшую славу Никона! здѣсь-то онъ былъ ходатаемъ за всѣхъ обиженныхъ, за всѣхъ несчастныхъ, неимѣвшихъ случая и возможности излить свои жалобы предъ самимъ государемъ. Алексѣй Михайловичъ, увѣренный въ справедливости любимца своего, исполнялъ всѣ его просьбы, и часто добрый Никонъ прямо изъ дворца спѣшилъ въ жилища страдальцевъ отнести щедрое пособiе или живительное слово царское.... Такъ прошло три года, и — архимандритъ Новоспасскiй сдѣлался митрополитомъ новгородскимъ.

Съ тѣми же добродѣтелями, съ тою же любовiю къ народу Никонъ прiѣхалъ къ мѣсту новаго своего назначенiя. И здѣсь сыпалъ онъ благодѣянiя царскiя: устроилъ на счетъ казны четыре богадѣльни, гдѣ старые люди и дѣти-сироты жили спокойно и счастливо; смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы чиновники хорошо исполняли свои обязанности: посѣщалъ темницы и, находя тамъ иногда невинно-заключенныхъ, представлялъ о нихъ царю, съ которымъ не только часто переписывался, но даже и видался: Алексѣй Михайловичъ приказывалъ ему каждую зиму прiѣзжать въ Москву. Въ это время своихъ свиданiй и сладкихъ бесѣдъ съ царемъ Никонъ испрашивалъ для жителей Новгорода всѣ тѣ милости, о которыхъ они умоляли его предъ отъѣздомъ.

Но подумайте, друзья мои, какъ были неблагодарны новгородцы, или, лучше сказать, подивитесь, до чего могутъ дойти люди, какъ скоро они рѣшатся сбросить съ себя власть, которой должны повиноваться, какъ скоро они рѣшаются дѣлать, что хотятъ. Я говорю о томъ времени, когда новгородцы, недовольные притѣсненiями боярина Морозова, вздумали взбунтоваться. Надобно сказать вамъ, что главною причиною этого бунта былъ одинъ безсовѣстный купецъ новгородскiй, по имени *Волкъ*. Ужъ можно сказать, что по немъ было дано ему это имя! Вотъ этотъ Волкъ

очень не любилъ иностранныхъ купцовъ, которыхъ всегда было множество въ торговомъ и богатомъ Новгородѣ. Онъ отъ природы былъ завистливъ и досадовалъ, что многіе изъ нихъ были богаче его. Что-жъ сдѣлалъ этотъ злой человѣкъ? Онъ началъ распускать въ народѣ слухи, что иностранные купцы, скупивъ хлѣбъ, самовольно возвысили на него цѣну. Ну, этого было довольно, чтобы взволновать всѣхъ новгородцевъ, которые всегда любили своевольничать. Итакъ, дерзкій народъ бросился на домы иностранцевъ и разграбилъ ихъ.

Въ эти ужасныя минуты бунта, когда каждый заботился о своемъ спасеніи, митрополитъ думалъ только о средствахъ успокоить народъ и не находилъ другого, какъ, забывъ собственную опасность, выйти къ мятежникамъ и начать увѣщевать ихъ. Но могли ли они слушать кого нибудь, когда бѣшенство потемняло разсудокъ ихъ? Безумные, вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на слова своего добродѣтельнаго митрополита, бросились на него съ кольями и каменьями; и пастырь едва не погибъ подъ ихъ ударами! Вы думаете, что это остановило его усердіе? Нѣтъ! На другой же день онъ опять явился на площади, опять говорилъ къ народу и слова его уже не остались безъ дѣйствія: они тронули жестокія сердца мятежниковъ, смирили гордость ихъ и заставили просить помилованія у оскорбленнаго святителя. Вы можете себѣ представить, что имъ не надобно было долго умолять Никона: онъ не только простилъ имъ собственную обиду, но выпросилъ прощеніе и у царя; только одинъ купецъ Волкъ былъ казненъ съ главными изъ своихъ сообщниковъ.

Государь не зналъ, чѣмъ наградить своего вѣрнаго подданнаго, своего благороднаго и неустрашимаго любимца. За такое великодушное пожертвованіе собою только одна дружба царя могла быть достойною наградою, и Алексѣй Михайловичъ въ полной мѣрѣ наградилъ ею Никона. Въ 1654 году счастливый другъ одного изъ лучшихъ царей земли возведенъ былъ въ достоинство патріарха. Достигнувъ этого высокаго званія — можетъ быть тайной цѣли давнишнихъ желаній своихъ — Никонъ прославилъ себя дѣломъ столь же труднымъ, какъ и знаменитымъ.

Имѣя отъ природы тонкій и проницательный умъ, онъ быстро могъ отличить хорошее отъ дурного и, любя Россію, искренно желалъ просвѣтить и сдѣлать счастливыми своихъ соотечественниковъ. Просвѣщеніе того времени заключалось болѣе въ книгахъ церковныхъ, а умный патріархъ находилъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ошибки и недосмотры, вкравшіеся отъ переписчиковъ, но тѣмъ не менѣе подавшіе поводъ къ нѣкоторымъ страннымъ толкамъ. Напримѣръ, говорили, что тѣ люди, которые носили платья новаго покроя и брили бороды, были беззаконники, достойные проклятія и отлученія отъ церкви. А особенно брить бороды считали величайшимъ грѣхомъ. И, къ сожалѣнію, такія правила, въ числѣ многихъ другихъ полезныхъ и достойныхъ похвалы, были утверждены въ царствованіе Іоанна Грознаго и даже вошли въ *Стоглавъ*, книгу правилъ, названную такъ потому, что въ ней было *сто* разныхъ статей, и изданную въ то время.

Вотъ патріархъ Никонъ, видя зло, которое происходило отъ этихъ предразсудковъ, рѣшился уничтожить ихъ, не смотря на всю опасность такого намѣренія: нельзя было ожидать, чтобы народъ вдругъ согласился отказаться отъ нихъ. Никонъ предвидѣлъ, что многіе будутъ противиться ему и для того не приступилъ къ этому важному дѣлу одинъ, но созвалъ Соборъ изъ всего высшаго духовенства и поручилъ ему разсмотрѣть недостатки книгъ церковныхъ.

Въ 1655 году, ровно черезъ годъ послѣ созванія собора, была напечатана первая исправленная книга: *Служебникъ церковный*. Народъ, давно слышавшій о замышляемыхъ патріархомъ перемѣнахъ и заранѣе недовольный ими, съ нетерпѣніемъ началъ читать новую книгу. Съ первыхъ страницъ она поразила его: вмѣсто того, чтобы писать, какъ неправильно писали прежде *Исусъ*, въ исправленномъ служебникѣ церковномъ напечатано было вездѣ: *Іисусъ!* Для грубыхъ умовъ жестокихъ суевѣровъ довольно было одной этой поправки: они не захотѣли и читать далѣе эту, по мнѣнію ихъ, безбожную книгу, закричали, что православная вѣра погибла и съ ужасомъ отдѣлились отъ тѣхъ изъ соотечественниковъ своихъ, которые одобрили благоразумныя исправленія, сдѣланныя Соборомъ, и

приняли ихъ съ благодарностью, сохраняя въ душахъ своихъ чувства вѣры и благочестія. Отдѣлившіеся безумцы, назвавшіеся православными *старовѣрами*, имѣли такое отвращеніе къ прежнимъ братьямъ своимъ по вѣрѣ, или, какъ они называли ихъ теперь, къ *никоніанцамъ*, или *нововѣрамъ*, что даже не хотѣли ѣсть и пить изъ одной съ ними посуды; не хотѣли ходить въ тѣ церкви, гдѣ служили по новымъ книгамъ, не хотѣли слушать священниковъ тѣхъ церквей, а если ихъ принуждали къ тому, то они скорѣе соглашались умереть самою мучительною смертію, нежели оставить упрямство свое и называли это упрямство усердіемъ къ вѣрѣ, а себя—святыми мучениками! Однимъ словомъ. трудно повѣрить, сколько безпорядковъ, сколько бѣдъ и несчастій произвело такое намѣреніе, за которое, казалось, надобно было благодарить Никона. Но твердость его въ этомъ случаѣ была удивительна; онъ не обращалъ вниманія на жалобы и ропотъ недовольныхъ и продолжалъ вмѣстѣ съ Соборомъ заниматься начатымъ дѣломъ. Прежде нежели оно было окончено и Соборъ распущенъ, случилось происшествіе, прославившее царствованіе Алексѣя Михайловича,—происшествіе, котораго русскіе давно желали и ожидали, и наконецъ дождались!

МАЛОРОССІЯ И БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

ОТЪ 1654 ДО 1667 ГОДА.

(13 лѣтъ).

Сколько земель заключаетъ въ себѣ наша обширная Россія, милые читатели! Почти нѣтъ мѣры ея пространству, нѣтъ счета ея богатствамъ. Читая со вниманіемъ ея исторію, вы знаете, что еще до царствованія Алексѣя Михайловича къ ней принадлежали и неизмѣримыя страны Сибири со всѣми сокровищами своихъ лѣсовъ и со всею прежнею славою гордыхъ хановъ своихъ, и земли донскихъ казаковъ со всѣмъ изобиліемъ въ произведеніяхъ природы, со всею храбростію своихъ жителей. Но малень-

кіе друзья мои, вѣрно, замѣтили, что, кромѣ всего этого, Россія раздѣлялась еще на *Великую, Малую* и *Бѣлую.* Это раздѣленіе сохранилось до нашихъ временъ; еще недавно назывались у насъ губерніи: *Великороссійскими, Малороссійскими* и *Бѣлорусскими.* Учась географіи русской, вы, вѣрно, помните имена всѣхъ этихъ губерній. Въ числѣ Великороссійскихъ вы видѣли тѣ страны, кототыя, не смотря на всѣ перевороты въ судьбѣ отечества нашего, принадлежали всегда законнымъ владѣтелямъ, и хотя страдали подъ мучительною властію татаръ, но страдали вмѣстѣ съ государями своими и потомъ вмѣстѣ съ ними воскресли къ новой жизни. Въ Малороссіи же, часть которой также зовутъ и *Украиною,* вы видѣли Кіевъ, Черниговъ, Владиміръ на Волыни, города Сѣверскіе. Это были мѣста, знаменитыя важнѣйшими событіями въ исторіи нашихъ предковъ, мѣста, гдѣ разлился на нихъ свѣтъ христіанства, гдѣ побѣждали они и печенѣговъ, и казаровъ, и болгаръ, и даже грековъ. Кто изъ нихъ могъ безъ восхищенія вспомнить о славныхъ временахъ Олега, Святослава. св. Владиміра? Но что сдѣлалось впослѣдствіи съ потомками этихъ героевъ? Ахъ! они не сохранили чести предковъ и не умѣли защитить себя отъ враговъ своихъ, и въ мѣстахъ, гдѣ гремѣли отголоски славы русской, раздались вскорѣ веселые крики побѣдителей ихъ, поляковъ и литовцевъ! Вы давно знаете, милые читатели мои, судьбу городовъ южной Россіи. Они вмѣстѣ съ Бѣлоруссіею, которая называлась прежде землею кривичей, завоеваны были въ началѣ XIV вѣка литовскимъ княземъ Гедиминомъ.

Гедиминъ, не притѣсняя подданныхъ, показалъ благоразумный примѣръ своимъ наслѣдникамъ, и бѣдные соотечественники наши, разлученные съ матерью своею—Россіею, вели сначала жизнь довольно сносную, но впослѣдствіи, когда Литва и Польша соединились въ одно государство, русскіе, или, лучше сказать, малороссіяне, съ каждымъ годомъ болѣе терпѣли отъ гордыхъ побѣдителей. Чаще всего они нападали на вѣру ихъ. Поляки, будучи сами католиками, хотѣли непремѣнно и русскихъ сдѣлать такими же. Они никакъ но думали, что грѣшатъ, принуждая несчастныхъ перемѣнять вѣру отцовъ; напротивъ того,

они воображали, что угождаютъ тѣмъ Богу, потому что и папы римскіе, начальники всего духовенства католическаго, очень старались о томъ, чтобы соединить церковь греческую съ латинскою. Усерднѣе другихъ былъ въ этомъ случаѣ папа Евгеній IV. Онъ созвалъ 8-й вселенскій соборъ во Флоренцію, на который приглашенъ былъ и императоръ греческій Іоаннъ Палеологъ. Греческая имперія склонялась въ это время къ своему паденію и Іоанну очень нужна была помощь противъ турокъ. Евгеній обѣщалъ ему все, если только онъ согласится на соединеніе вѣръ. Императоръ боялся потерять престолъ и согласился. Но впослѣдствіи ни греки, подданные императора, ни русскіе и тогдашній государь ихъ Василій III не приняли этого соединенія, и теперь слѣды его остались только въ Польшѣ, потому что поляки, подъ предлогомъ его, могли удобнѣе принуждать русскихъ къ перемѣнѣ закона. Это соединеніе вѣръ назвали *уніей*, отъ слова *union*, а тѣхъ людей, которые согласились принять его—*уніатами*. Однакожъ не прежде какъ чрезъ 150 лѣтъ послѣ Флорентинскаго собора, и именно въ 1595 году, принято было это соединеніе въ Литвѣ и Польшѣ, гдѣ съ того времени явились двѣ церкви: *уніатская* или *соединенная* и *православная*, несогласная на соединеніе. Тогда-то начались самыя сильныя гоненія поляковъ на соотечественниковъ нашихъ греческаго закона! Не было горести, которой бы они не испытали, не было обиды, которой бы не заставили ихъ вытерпѣть! Но впослѣдствіи времени провидѣніе Божіе обратило все это къ пользѣ обиженныхъ, и чрезъ эти самыя несчастія доставило малороссіянамъ средства освободиться отъ власти враговъ ихъ. Вы удивляетесь, читатели мои; но развѣ есть что нибудь невозможное для Бога? Послушайте, какъ все это сдѣлалось.

Вѣдь вы знаете казаковъ и любите слушать о славныхъ дѣлахъ ихъ на войнѣ? Итакъ, вы будете довольны тѣмъ, что я разскажу вамъ теперь. Вы помните, что первые, извѣстные въ исторіи нашей казаки были *запорожскіе* или *украинскіе*, т. е. *малороссійскіе*. Они состояли изъ тѣхъ самыхъ малороссіянъ, которые, скрываясь отъ притѣсненій поляковъ, удалялись къ низовымъ странамъ

Днѣпра и поселялись тамъ, не жалѣя о родинѣ, гдѣ каждую минуту должны были бояться или за жизнь, или за свободу, или за вѣру свою. Поляки непремѣнно хотѣли, чтобы малороссіяне были католиками, или, по крайней мѣрѣ, уніатами. Малороссіяне же, отъ природы набожные и усердные къ закону, не хотѣли слышать о такой перемѣнѣ, и лучше соглашались разстаться не только съ домами, но даже съ семействами своими, нежели измѣнить православной вѣрѣ отцовъ своихъ. Въ новыхъ жилищахъ они занимались звѣриною и рыбною ловлями; вели войну съ сосѣдями, если они осмѣливались нападать на нихъ, и вообще жизнь ихъ во всемъ походила на своевольную жизнь прежнихъ казаковъ.

Число этихъ храбрыхъ и отчаянныхъ воиновъ на берегахъ Днѣпра безпрестанно умножалось: къ нимъ приходили товарищи со всѣхъ сторонъ и посреди ихъ можно было видѣть, кромѣ русскихъ,—и поляковъ, и молдаванъ, и валаховъ, и болгаръ, и даже иногда татаръ. Они принимали къ себѣ всѣхъ бѣглецовъ съ тѣмъ только, чтобы они были греческой вѣры. Малороссійскіе казаки раздѣлялись на два разряда: на женатыхъ и холостыхъ. Первые жили въ деревняхъ между Днѣпромъ и Бугомъ, вторые же выбрали мѣстомъ жилища своего островъ Хортицкій, лежавшій на Днѣпрѣ, за порогами его [1]). Оттого ихъ называли *запорожцами*. Не имѣя семействъ, для которыхъ бы они любили жизнь и желали сохранить ее, эти молодые казаки были храбры до дерзости, рѣшительны до отчаянія! Умереть вовсе ничего не значило для нихъ: они готовы были каждую минуту побѣждать или умирать, и оттого сдѣлались скоро такъ страшны для своихъ сосѣдей, крымскихъ татаръ, и такъ полезны для поляковъ, боявшихся нападеній крымцевъ, что прежніе притѣснители ихъ не только не думали наказывать ихъ за бѣгство изъ родины, но даже старались подружиться съ ними. Они видѣли, что добрые малороссійскіе казаки

---

[1]) *Порогами* называются такія мѣста въ рѣкѣ, гдѣ дно ея наполнено каменьями, и иногда такими высокими, что они бываютъ видны почти на поверхности воды.

могли быть для нихъ тѣмъ же, чѣмъ была для лукавой обезьяны та бѣдная кошка, которой лапами она таскала каштаны изъ горячей золы,—они видѣли это и начали ласкать тѣхъ самыхъ людей, которыхъ прежде безпрестанно мучили. Король ихъ Сигизмундъ I объявилъ, что принимаетъ малороссійскихъ казаковъ подъ свое покровительство, далъ имъ много земель по берегамъ Днѣпра, помогалъ имъ устраивать ихъ безпорядочное войско, однимъ словомъ показалъ столько расположенія къ нимъ, что малороссіяне начали забывать оскорбленія, какія терпѣли предки ихъ отъ поляковъ, и охотно жертвовали за нихъ жизнію въ битвахъ съ непріятелями ихъ. Иногда они простирали это усердіе такъ далеко, что ходили съ поляками даже и на прежнихъ соотечественниковъ своихъ—русскихъ. Чрезъ нѣсколько времени потомъ король Стефанъ Баторій докончилъ начатое Сигизмундомъ: онъ еще болѣе благодѣтельствовалъ казакамъ и еще заботливѣе старался о ихъ счастіи и выгодахъ: его умными распоряженіями храброе войско въ 1576 году раздѣлилось на полки и сотни, которыми управляли *полковники* и *сотники*. Главнаго же атамана или начальника ихъ Баторій назвалъ *гетманомъ*, и это достоинство сравнилъ важностію съ достоинствомъ гетмановъ польскихъ и литовскихъ, далъ ему тѣ же самые знаки: королевское знамя, бунчукъ, булаву и печать. Кромѣ того, Стефанъ подарилъ казакамъ городъ Терехтемировъ, который сдѣлался ихъ главнымъ мѣстомъ, позволилъ имъ селиться до самаго Кіева и записаннымъ въ полки или служащимъ казакамъ назначилъ жалованье.

Съ этихъ поръ казаки начали наслаждаться совсѣмъ другою жизнію: общество ихъ походило на небольшое, хорошо устроенное государство, и въ то время, когда бѣдные жители малороссійскихъ областей нашихъ страдали подъ жестокою властію польскихъ воеводъ, управлявшихъ ими по законамъ королей своихъ, казаки пользовались всѣми правами свободнаго народа, и дѣла ихъ судились собственными старшинами ихъ. Власть надъ ними короля польскаго была слаба и почти незамѣтна для нихъ: иногда они не слушались его приказаній и гораздо выше

его считали своего гетмана, избираемаго ими изъ самыхъ храбрыхъ товарищей. Маленькіе читатели мои уже слышали нѣсколько объ этихъ гетманахъ. Одинъ изъ нихъ князь *Романъ Рожинскій* помогалъ полякамъ разорять Россію во время самозванцевъ, а другой—*Петръ Сагайдашный*, вмѣстѣ съ королевичемъ Владиславомъ, приходилъ осаждать Москву и дѣлалъ ужасныя опустошенія въ ея окрестностяхъ.

Но малороссійскіе казаки недолго пользовались тѣмъ выгоднымъ состояніемъ, какое доставилъ имъ Баторій; наслѣдникъ его Сигизмундъ III, отецъ Владислава, уже началъ бояться возрастающей силы этого военнаго народа и старался болѣе и болѣе покорять его власти своей. Всѣ преимущества, данныя имъ Стефаномъ, были отмѣнены: поляки начали селиться во всей Малороссіи, заняли важнѣйшія мѣста и должности и въ Кіевѣ, и у казаковъ, и, привезя съ собою римскихъ священниковъ и польскаго епископа, начали строить въ Кіевѣ католическіе монастыри и церкви, а наконецъ уже и явно заставляли жителей принимать латинскую вѣру. Весь народъ опять встревожился, но не всѣ могли противиться: одни казаки рѣшились защищать оружіемъ свою вѣру и свои отмѣненныя права. Гетманомъ ихъ былъ въ это время герой, отличавшійся въ исторіи Малороссіи, герой, освободившій ее отъ власти польской—*Богданъ Хмельницкій*. Надобно разсказать вамъ, читатели мои, нѣсколько подробнѣе исторію этого знаменитаго человѣка. Онъ былъ сынъ сотника казачьяго Чигиринскаго полка, имѣлъ отъ природы отличныя способности, обучался прежде въ Кіевѣ, а потомъ у іезуитовъ. Служивъ, какъ и отецъ, сотникомъ въ казачьемъ войскѣ, онъ имѣлъ случай видѣть всѣ притѣсненія, какія терпѣли отъ поляковъ и мирные соотечественники его—жители Малороссіи, и не столько спокойные товарищи—казаки! Пламенно любя свою родину, онъ огорчался ея несчастіями и часто размышлялъ о томъ, какъ бы облегчить ихъ. Во время такихъ размышленій удивительно ли, что ему приходила въ голову мысль: какъ несправедливо владѣли поляки страною, отнятою отъ законныхъ государей ея! Вслѣдъ за этою мыслію являлась другая: это

была сладостная, славная, великая мысль—избавить несчастныя области отъ чужеземнаго владычества и возвратить ихъ древнему отечеству. Вообразите же, друзья мои, его восторгъ и удивленіе, когда вдругъ, вскорѣ послѣ этого, казаки избираютъ его своимъ гетманомъ! Ему показалось, что самъ Богъ показываетъ ему средства къ исполненію великаго намѣренія его, самъ Богъ помогаетъ ему избавить христіанъ греческаго закона отъ гоненій католиковъ и уніатовъ. Итакъ, съ этою мыслію онъ принимается за дѣло и начинаетъ его съ своихъ вѣрныхъ казаковъ. Ему не нужно было *заставлять* ихъ думать по-своему: общее неудовольствіе на поляковъ было такъ велико, что стоило только назвать законныхъ владѣтелей Малороссіи—великихъ князей русскихъ, чтобы зажечь во всѣхъ сердцахъ казаковъ пламенное желаніе освободиться отъ власти завоевателей и снова принадлежать къ любимому отечеству.

Это желаніе недолго оставалось тайною: казаки не скрывали его, и съ 1648 года послы Хмельницкаго начали ѣздить въ Москву съ просьбами къ царю Алексѣю Михайловичу принять присягу въ подданствѣ и вѣрности отъ малороссійскаго войска. Какъ ни выгодно было это предложеніе, но благоразумный царь, находясь въ то время въ мирѣ съ Польшею, не хотѣлъ такимъ образомъ нарушить его и обѣщалъ казакамъ быть только посредникомъ между ними и королемъ польскимъ. Онъ сдержалъ свое обѣщаніе и нѣсколько лѣтъ старался вразумить короля Яна Казимира [1]), какъ несправедливо преслѣдовать народъ за вѣру его и отнимать преимущества, однажды ему данныя. Но всѣ старанія его были напрасны: чѣмъ усерднѣе царь просилъ за казаковъ, тѣмъ болѣе нападали на нихъ. Наконецъ Янъ Казимиръ склонилъ дарами на свою сторону хана крымскаго и условился съ нимъ совершенно покорить Малороссію Польшѣ, напасть вмѣстѣ на москвитянъ и возстановить для хана астраханское царство.

[1]) На престолѣ польскомъ былъ уже въ это время не Владиславъ, умершій въ 1648 году, но избранный поляками *Янъ Казимиръ II.*

Извѣстіе о такомъ союзѣ остановило великодушіе Алексѣя Михайловича. Онъ увидѣлъ, что его не понимаютъ и что изъ сострæданія къ бѣдствующимъ единовѣрцамъ онъ долженъ принять ихъ подъ защиту свою. Итакъ, въ концѣ 1653 года отправлены были послы русскіе—ближній бояринъ *Батурлинъ,* окольничій *Альферьевъ* и думный дьякъ *Лопухинъ* въ Малороссію для принятія присяги отъ Хмельницкаго и казаковъ его. Въ Переяславлѣ назначено было сборное мѣсто. Послы пріѣхали туда въ январѣ 1654 года. 7-го числа было торжественное собраніе всѣхъ старшинъ казачьихъ и всего народа. Здѣсь Хмельницкій говорилъ къ нимъ рѣчь, въ которой описалъ прежде все, что терпѣла Малороссія отъ поляковъ, потомъ всѣ старанія короля польскаго и хана крымскаго завладѣть Украйною, и наконецъ сказалъ, что русскій царь соглашается принять ихъ подъ свою державу. Рѣчь его кончилась слѣдующими словами: «Кромѣ его царской высокой руки, мы не можемъ найти лучшаго пристанища, и если кто съ нами несогласенъ, тотъ иди куда хочешь,—вольная дорога».

«Волимъ подъ царя Восточнаго, православнаго!»—закричалъ тогда въ одинъ голосъ народъ, и съ радостію произнесъ присягу свою въ вѣчной вѣрности.

Такъ исполнилось желаніе Хмельницкаго. Вскорѣ потомъ онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть, что и жители Кіева и всѣхъ другихъ городовъ малороссійскихъ послѣдовали примѣру казаковъ и сдѣлались также подданными Алексѣя Михайловича.

Вообразите теперь, милые читатели мои, досаду и гнѣвъ поляковъ! Они видѣли, что 166 городовъ и мѣстечекъ и 60,000 войска [1]), еще такъ недавно имъ принадлежавшаго,

---

[1]) Въ то время, когда казаки присоединились къ Россіи, записное войско ихъ состояло уже изъ 60,000 человѣкъ. Можетъ быть милымъ читательницамъ моимъ давно уже наскучилъ этотъ длинный разсказъ о нашихъ храбрыхъ казакахъ и добрыхъ малороссіянахъ. Но, маленькіе читатели мои, эти будущіе герои наши, защитники отечества, вѣрно, не думаютъ такъ! По живымъ, быстрымъ глазкамъ ихъ примѣтно, какъ весело имъ слушать о дѣлахъ военныхъ! И такъ, для васъ, мои смѣлые друзья, и для тѣхъ изъ сестрицъ вашихъ, которыя терпѣливѣе другихъ и ни разу еще не пересчитали, сколько страницъ осталось до конца этого разсказа, я скажу, на сколько полковъ раздѣлялись эти 60,000 малороссійскихъ казаковъ, сдѣлавшихся подданными Алексѣя

вдругъ перешли подъ власть ненавистной для нихъ Россіи! Разумѣется, что гордость ихъ не могла перенесть такого сильнаго оскорбленія и жестокая война началась. Она была продолжительна и такъ неудачна для польскаго короля, что, безпрестанно теряя полки и города свои, онъ принужденъ былъ бѣжать къ самой Варшавѣ. Напротивъ того, счастіе и слава не оставляли войско Алексѣя Михайловича. Причиной успѣховъ его, вѣроятно, было и то, что въ этомъ войскѣ уже были полки, устроенныя по-европейски. Умный Алексѣй вызывалъ изъ разныхъ государствъ Европы офицеровъ и поручалъ имъ обучать вновь набранныхъ солдатъ. Въ 1655 году уже были у него правильные конные полки и многіе офицеры назывались по-европейски — полковниками, маіорами, ротмистрами и проч. Прежде же, вы знаете, ихъ звали дѣтьми боярскими, жильцами, дворянами. Въ русской службѣ было тогда много и иностранныхъ европейскихъ офицеровъ.

Въ то время, когда Алексѣй Михайловичъ, начальствуя лично своею арміею, отнималъ отъ Польши города Бѣлорусскіе и Сѣверскіе, шведскій король напалъ также на Польшу и хотѣлъ завладѣть всѣмъ Балтійскимъ моремъ. Это угрожало большою опасностію торговлѣ русскихъ и предусмотрительный царь долженъ былъ воевать и съ шведами, чтобы остановить успѣхи ихъ. Война съ ними продолжалась до 1661 года, съ поляками же до 1667. Съ первыми заключенъ былъ миръ въ деревнѣ *Кардисѣ,* на границѣ Эстляндіи, съ послѣдними — въ деревнѣ *Андрусовѣ,* близь Смоленска. Условія мира съ Швеціею были тѣ же, на какихъ мирились въ Столбовѣ; съ Польшею — гораздо выгоднѣйшія прежнихъ: Россія получала, кромѣ Малороссіи и Кіева, города Сѣверскіе и Смоленскъ.

Такимъ образомъ въ счастливое царствованіе Алексѣя Михайловича возвратились къ Россіи старинныя владѣнія

Михайловича; скажу даже и то, какъ назывались эти полки. Я угадываю, что вамъ хочется знать это. Такое любопытство похвально.

Полковъ малороссійскихъ казаковъ было *десять*. По именамъ городовъ, около которыхъ жили казаки, эти полки назывались: кіевскій, черниговскій, стародубскій, нѣжинскій, переяславскій, прилуцкій, лубенскій, гадячскій, миргородскій и полтавскій.

ея, и въ титулѣ царя русскаго съ 1-го іюля 1654 года начали писать: *всея Великія и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ.*

ВЕЛИЧІЕ ДУШИ АЛЕКСѢЯ.

ОТЪ 1667 ДО 1670 ГОДА.

(3 года).

Присоединеніе Малороссіи — это важное, такъ давно желаемое русскими событіе — случилось очень кстати, чтобы разсѣять нѣсколько горестныя чувства добраго государя ихъ: отеческое сердце его страдало отъ безпокойствъ и непріятностей, почти безпрестанно происходившихъ въ послѣднія десять лѣтъ между подданными его. Началось безпорядками, происшедшими отъ исправленія книгъ церковныхъ. Вы можете представить себѣ, друзья мои, что не легко было царю видѣть, какъ народъ его погибаетъ отъ своего упрямства; какъ суевѣры, умирая въ мученіяхъ, говорили, что настало гоненіе на христіанъ православныхъ, что они съ радостію переносятъ это гоненіе и ожидаютъ, что дѣти ихъ сдѣлаютъ то же. Ожиданія ихъ, къ сожалѣнію, исполнились: даже и до сихъ поръ, когда уже прошло почти двѣсти лѣтъ послѣ того, есть еще люди, послѣдующіе ихъ правиламъ, и не только во многихъ губерніяхъ нашихъ, но даже и здѣсь, въ Петербургѣ, вы найдете этихъ упрямцевъ. Добрые государи наши не преслѣдуютъ и не наказываютъ ихъ, но стараются кротостію и просвѣщеніемъ показать имъ заблужденіе ихъ. Это въ самомъ дѣлѣ производитъ такое хорошее дѣйствіе, что съ каждымъ годомъ число ихъ уменьшается, и можно основательно надѣяться, что современемъ всѣ эти бѣдные, ослѣпленные суевѣріемъ братья наши соединятся съ нами снова въ одной церкви.

Мы можемъ уже равнодушно смотрѣть на мирныя секты ихъ, но не таковы они были при царѣ Алексіи Михайловичѣ, и потому не удивительно, что споры ихъ очень озабочивали доброе сердце его. Почти въ то же

время долженъ онъ былъ испытать новое огорченіе: война съ Польшею и Швеціею стоила такъ дорого, что почти вся казна истощилась, и первые бояре царя посовѣтовали ему надѣлать мѣдныхъ денегъ и дать имъ ту же цѣну, по какой ходили серебряныя. Это шло хорошо, пока всѣ вещи продавались попрежнему, но какъ скоро нѣкоторые изъ тѣхъ же самыхъ бояръ начали пользоваться случаемъ и сбирать всѣ серебряныя деньги къ себѣ, а въ оборотѣ оставлять только однѣ мѣдныя, то все вздорожало, а отъ этого и весь народъ взволновался. Только одно благоразуміе государя остановило новыя несчастія, какія могли произойти отъ этого смятенія: онъ увидѣлъ, какъ неоснователенъ былъ совѣтъ бояръ и отмѣнилъ употребленіе мѣдныхъ денегъ. Все успокоилось.

Вскорѣ потомъ Алексѣй огорченъ былъ такимъ человѣкомъ, отъ котораго всего менѣе могъ ожидать этого. Повѣрите ли вы, милые читатели, что этотъ человѣкъ былъ патріархъ Никонъ! этотъ умный, этотъ добродѣтельный Никонъ, котораго прекраснымъ качествамъ мы еще такъ недавно удивлялись! Да, трудно повѣрить, но, къ сожалѣнію, это была правда!

Вы знаете, какъ любилъ его государь. Никонъ имѣлъ даже счастіе быть другомъ его. Но, видно, сердце Никона, не смотря на необыкновенный умъ его, было слабо: оно не могло выдержать всей полноты этого счастія и позабылось отъ великости его. Патріархъ сдѣлался такъ гордъ, что захотѣлъ быть болѣе самого царя, и не только иногда спорилъ съ нимъ, но даже явно не хотѣлъ исполнять тѣхъ повелѣній, какія государь отдавалъ, не спросивъ его мнѣнія или совѣта. Добрый царь, помня прежнія заслуги патріарха, прощалъ его дерзости, но уже гораздо менѣе началъ цѣнить его. Это такъ разсердило Никона, что онъ самовольно отказался отъ своего высокаго званія, оставилъ всѣ дѣла, зависѣвшія отъ патріарха, и уѣхалъ за 46 верстъ отъ Москвы—въ любимой свой монастырь Воскресенскій [1]). Здѣсь жилъ онъ нѣсколько лѣтъ, не согла-

---

[1]) Этотъ монастырь лежалъ по Волоколамской дорогѣ. Онъ основанъ былъ самимъ Никономъ и назывался *Новымъ Іерусалимомъ,* по-

шаясь ни на какія просьбы всего духовенства и почти всей Россіи, умолявшей его вступить въ прежнюю должность. Наконецъ терпѣніе кроткаго Алексѣя истощилось, и Никонъ былъ преданъ суду. Для этого важнаго дѣла вызвали изъ Греціи двухъ патріарховъ: александрійскаго и антіохійскаго. Они рѣшили, что гордый святитель за самовольное оставленіе своего мѣста, за дерзость и неповиновеніе царю не можетъ быть патріархомъ. Торжественно предъ всѣмъ собраніемъ судей сняли съ него всѣ знаки этого высокаго достоинства и потомъ сослали въ Ѳерапонтовъ монастырь, бывшій на Бѣломъ озерѣ. Не думаете ли вы, друзья мои, что жестокое наказаніе открыло, наконецъ, глаза надменному Никону и заставило его раскаиваться въ своихъ поступкахъ, такъ мало приличныхъ для служителя Божія? О! вовсе нѣтъ! Онъ не показывалъ печали, когда снимали съ него клобукъ и панагію, украшенные дорогими камнями. Этого еще мало: онъ имѣлъ духъ говорить въ эту минуту греческимъ патріархамъ, что если они раздѣлятъ между собою эти каменья, то поправятъ свое бѣдное состояніе невольниковъ турецкаго султана. А когда передъ отъѣздомъ его въ Ѳерапонтовъ монастырь великодушный государь, думая утѣшить нѣсколько участіемъ своимъ горесть прежняго друга, послалъ ему съ придворнымъ чиновникомъ денегъ, двѣ шубы и разныя другія вещи, то этотъ гордый упрямецъ ничего не взялъ и сказалъ: «Никонъ ничего не требуетъ».

Гордость его была одинакова и въ ссылкѣ, которая продолжалась пятнадцать лѣтъ, и уже не Алексѣй Михайловичъ, но сынъ его царь Ѳеодоръ позволилъ ему въ 1681 году возвратиться въ Воскресенскій монастырь. Однакожъ, не доѣхавъ до него, онъ умеръ на дорогѣ.

тому что все въ немъ было устроено такъ, какъ въ іерусалимскомъ храмѣ Воскресенія Господня, гдѣ хранится святая гробница Спасителя. Всѣ мѣста этого монастыря назывались такъ же, какъ въ палестинскомъ Іерусалимѣ: здѣсь былъ и Назаретъ, и село Скудельничье, и гора Елеонская, и гора Ѳаворъ, а рѣка *Истра,* протекавшая около монастыря, названа была *Іорданомъ.* Чтобы имѣть точные планы и модели іерусалимской церкви Гроба Господня, посланъ былъ нарочно въ Палестину келарь Троицкой лавры Арсеній Сухановъ. Это доказываетъ, съ какою легкостію исполнялись всѣ желанія патріарха.

И такъ, вы видите, читатели мои, сколько горестей, одна за другою, терзали чувствительное сердце Алексѣя. Но это еще не все. Послушайте, какой новый ударъ поразилъ его: вы знаете, какъ хорошо начинало уже устраиваться сухопутное войско его и даже какъ правильны были нѣкоторые полки. Но знаете ли вы, чѣмъ занимался великій умъ Алексѣя въ то время, когда выписанные изъ чужихъ краевъ офицеры и генералы обучали русскихъ воиновъ? Онъ занимался мыслію о будущемъ флотѣ Россіи. Такая мысль для государя, не имѣвшаго еще ни одного корабля, была въ полной мѣрѣ смѣлою, высокою, блистательною мыслію! Онъ предался ей съ надеждою на успѣхъ; съ какимъ-то предчувствіемъ необыкновенной славы, назначенной Богомъ народу его, и русскіе гонцы полетѣли въ Голландію, всегда славившуюся корабельнымъ дѣломъ, за мастерами и моряками.

Между тѣмъ недалеко отъ московскаго города Коломны, въ селѣ Дедиловѣ, на берегахъ рѣки Оки, приготовлено мѣсто для корабельной верфи. Ока, какъ извѣстно, течетъ въ Волгу, а Волга въ Каспійское море, на которомъ царь хотѣлъ обновить первые корабли свои. Вотъ уже голландскіе мастера, изъ которыхъ главнымъ былъ капитанъ Бутлеръ, пріѣхалъ, работы начались и скоро широкая Ока приняла на голубыя волны свои, еще незнакомыя съ тяжестію кораблей, русскаго *Орла:* такъ назывался первый большой корабль Алексѣя Михайловича. Въ то же время построено было нѣсколько малыхъ морскихъ судовъ, и новая флотилія, удивляя всѣ селенія береговъ, мимо которыхъ проходила, поплыла къ Астрахани.

Казалось, все обѣщало полный успѣхъ прекрасному началу; иностранные моряки, снарядившіе молодой, можно сказать новорожденный флотъ Россіи, были искусны и честны. Русскіе матросы, ученики ихъ, только что начавшіе трудное ученье, вознаграждали неопытность свою пламеннымъ усердіемъ и удивительною понятливостію, отличающею русскихъ. Но вообразите, милые друзья мои, чѣмъ кончились лестныя ожиданія и царя, и почти всего народа? Ужасно сказать это! Корабль и всѣ суда, построенныя въ Дедиловѣ, были сожжены однимъ разбойникомъ,

разъѣзжавшимъ по Волгѣ и морю Каспійскому—*Разинымъ!* Если вы хотите знать, кто былъ этотъ жестокій и безбожный Разинъ, то я скажу вамъ въ короткихъ словахъ, что онъ былъ донской казакъ, появившійся на Дону въ 1667 году. Злодѣйства его были ужасны! Вы получите нѣкоторое о нихъ понятіе, когда узнаете, что онъ набралъ обманомъ и угрозами до 200,000 человѣкъ войска, въ которомъ по большей части были донскіе и малороссійскіе казаки, взялъ Астрахань, погубивъ мучительною смертію астраханскаго воеводу князя Прозоровскаго и все семейство его, ограбилъ, кромѣ Астрахани, города Царицынъ, Симбирскъ, Саратовъ! Долго нельзя было усмирить этого злодѣя, но наконецъ онъ былъ пойманъ и казненъ.

Такое неожиданное разрушеніе предпріятія, уже оконченнаго и стоившаго безчисленныхъ трудовъ и издержекъ, могло бы привести въ уныніе человѣка слабаго и нетерпѣливаго, но умный Алексѣй не лишился своей твердости и даже имѣлъ духъ помышлять снова о дѣлѣ, такъ безжалостно уничтоженномъ безбожнымъ злодѣемъ.

Но чтобъ въ полной мѣрѣ показать вамъ, милые читатели, великую душу Алексѣя Михайловича, надобно разсказать о томъ, что̀ сдѣлалъ онъ въ 1664 году съ англичанами. Въ это время въ Англіи происходили ужасныя дѣла: жители, по какимъ-то причинамъ недовольные королемъ своимъ Карломъ I дошли до такого безумія, что, по совѣту нѣкоторыхъ вельможъ, казнили его и признали надъ собой власть одного изъ главныхъ убійцъ — Кромвеля, назвавъ его не королемъ, но *протекторомъ,* т. е. покровителемъ Англіи. Весь этотъ новый и безумный порядокъ былъ скоро разрушенъ, но судьба не вдругъ наказала Кромвеля, и хотя онъ жестоко мучился безпокойствомъ и страхомъ душевнымъ, однакожъ нѣсколько времени пользовался славою, и вскорѣ послѣ смерти несчастнаго Карла, изгнавъ изъ Англіи сына его и завладѣвъ властію, равнявшеюся съ королевскою, отправилъ пословъ ко всѣмъ европейскимъ дворамъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ это всѣ государи, вступающіе на престолъ, чтобы объявить о своемъ вступленіи. Эти посольства приняты были вездѣ съ великою честію: всѣ боялись богатой и

сильной Англіи, у которой давно уже былъ самый лучшій флотъ и самая значительная торговля. И такъ, каждое государство, для собственныхъ выгодъ, должно было принять хорошо ихъ важныхъ лордовъ. Вотъ два изъ нихъ, съ великолѣпною свитою, подъѣзжали и къ нашему отечеству, заранѣе мечтая о томъ лестномъ пріемѣ, какой, вѣроятно, сдѣлаютъ имъ въ государствѣ, только что начинающемъ входить въ сношенія съ Европою и потому, вѣрно, очень уважающемъ всѣхъ европейскихъ посланниковъ. Но какъ же ошиблись въ своихъ разсчетахъ эти важные господа? Только что царь Алексѣй Михайловичъ узналъ, что они пріѣхали въ Архангельскъ [1]), какъ послалъ имъ повелѣніе не ѣхать далѣе и тотчасъ оставить его царство. Вотъ какими словами онъ приказалъ объявить имъ это повелѣніе: «*что когда они своему королю осмѣлились голову отсѣчь, чего нигдѣ на свѣтѣ не слыхано, то царь русскій никакого сообщенія съ ними имѣть не хочетъ*». Кромѣ того, почувствовавъ съ этого времени величайшее презрѣніе къ англичанамъ, Алексѣй Михайловичъ отмѣнилъ всѣ торговыя преимущества, какія даны имъ были въ Россіи царями Іоанномъ Васильевичемъ и Ѳеодоромъ Іоанновичемъ. Но этого еще недовольно: благородное сердце его, справедливо ненавидя убійцу, было исполнено нѣжнѣйшимъ состраданіемъ къ бѣдному, изгнанному изъ отечества принцу, наслѣднику престола Англіи. Онъ жилъ въ это время въ Копенгагенѣ, и царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ къ нему пословъ, которымъ поручилъ изъявить ему свое участіе, вручить большую сумму денегъ и предложить даже помощь войсками противъ недостойныхъ подданныхъ его.

Это чистое, не соединенное ни съ какими разсчетами великодушіе, это смѣлое презрѣніе къ могущественному злодѣю заставили всю Европу обратить удивленные взоры

[1]) Я думаю, что не нужно объяснять маленькимъ друзьямъ моимъ, отчего англійскіе посланники пріѣзжали въ то время чрезъ Архангельскъ? Вѣрно, всѣ они знаютъ, что нашего Петербурга еще не существовало тогда и самая земля, гдѣ онъ построенъ, а слѣдовательно и Финскій заливъ, омывающій берега ея, принадлежали еще Швеціи. На Бѣломъ же морѣ началась торговля наша съ англичанами и сюда приходили почти всѣ корабли ихъ, отправляемые въ Россію.

на престолъ, гдѣ сіяло такое величіе. Никто не ожидалъ видѣть его въ странѣ, еще не имѣвшей европейской образованности, и съ тѣхъ поръ государи, съ унизительною для нихъ честію принявшіе пословъ Кромвеля, краснѣли всякій разъ, какъ произносили при нихъ благородное имя царя русскаго Алексѣя. А въ числѣ этихъ государей былъ даже знаменитый Людовикъ XIV, этотъ славный король, которымъ такъ гордятся французы!

РОЖДЕНІЕ ПЕТРА I.

1672 годъ.

Живо представляю себѣ, какъ обрадуетесь вы, друзья мои, прочитавъ названіе этой главы, увидѣвъ это имя, славное, великое, равно-прославляемое русскими и въ раззолоченныхъ палатахъ вельможъ ихъ, и въ бревенчатыхъ домикахъ крестьянъ. Скажите, кто изъ маленькихъ читателей моихъ еще не знаетъ его и не желаетъ нетерпѣливо слышать все, что разсказываютъ о немъ? О! въ этомъ случаѣ не уступятъ имъ и читательницы мои! Это уже не то, что длинный разсказъ о малороссійскихъ казакахъ! Такъ, мои милыя малютки, ваше нетерпѣніе очень справедливо, и я сожалѣю, что не могу въ эту же минуту удовлетворить его, не смотря на обманчивое названіе этого разсказа! Еще не настало время начать исторію Петра: будущій герой Россіи, вмѣстѣ съ будущимъ величіемъ ея, покоится въ дѣтской колыбели; младенческіе взоры его еще не зажглись огнемъ генія; маленькія ручки еще не чертятъ плановъ завоеванныхъ земель и новой столицы, но безпечно играютъ жемчужными нитками, обвивающими шею молодой красавицы, нѣжно наклонившейся надъ его колыбелью. Но кто-жъ эта счастливица, такъ сладко улыбающаяся младенцу Петру? Не такъ ослѣпителенъ блескъ царской одежды ея, какъ очаровательно счастіе, блистающее въ прекрасныхъ глазахъ ея. О! если она наслаждается такимъ блаженствомъ, то отгадать не трудно, кто она.

Это молодая супруга царя Алексѣя Михайловича, эта счастливая мать Петра!

Мать Петра! Сколько величія, сколько славы въ этомъ словѣ для женщины! Какъ занимательна должна быть ея исторія! какъ любопытны всѣ подробности, до нея касающіяся! Къ тому же, вѣдь это не первая супруга Алексія Михайловича, уже извѣстная намъ царица Марія Ильинишна, изъ рода Милославскихъ. Нѣтъ, она умерла въ 1669 году и царь женатъ теперь на другой. Итакъ, маленькіе друзья мои, ожиданія и желаніе ваше не были совсѣмъ напрасны: вы услышите исторію матери Петра, узнаете, кто была она прежде, нежели судьба возвела ее на тронъ Россіи. Возвратимся же нѣсколько назадъ, забудемъ, что Петръ уже родился, и представимъ себѣ то время, когда Алексѣй Михайловичъ, еще недавно лишившись супруги, съ которою жилъ долго и счастливо, долженъ былъ вскорѣ потомъ оплакать и смерть старшаго шестнадцати-лѣтняго сына, царевича Алексѣя Алексѣевича. Но и эти сильныя семейныя горести не производили своего гибельнаго дѣйствія надъ твердою душою царя. Съ прежнею неутомимостію продолжалъ онъ заниматься дѣлами государственными. Во всемъ обширномъ царствѣ его не было предмета, на который бы онъ не обращалъ своего благодѣтельнаго вниманія. Собранныя узаконенія уже давно выданы были новою книгою, подъ названіемъ *Уложеніе Царя Алексія Михайловича,* и эта книга, къ славѣ мудраго государя, сдѣлалась основаніемъ русскихъ законовъ. Послы его ѣздили не только въ Германію, Францію и Швецію, но даже въ Испанію и Италію, даже въ Турцію и Китай. Для торговли съ послѣднимъ построены были въ Сибири города: *Нерчинскъ* и *Иркутскъ.* Торговля вообще была много улучшена въ это примѣчательное царствованіе; самыя деньги получили другой видъ: Алексѣй Михайловичъ учредилъ монетный дворъ, гдѣ начали чеканить серебряные рубли и полтинники. Для распространенія просвѣщенія онъ основалъ въ Москвѣ первую академію, которая называлась *Заиконоспасскою.* Что-жъ касается до правосудія, то рѣдкій государь былъ правосуденъ такъ, какъ Алексѣй Михайловичъ. Кромѣ того, что онъ внимательно разсматри-

валъ всѣ дѣла, какія представляли ему бояре, предъ дворцемъ его всегда стоялъ запечатанный царскою печатью ящикъ съ такою скважиною на крышкѣ, въ которую можно было просунуть свернутый листъ бумаги. Въ этотъ ящикъ каждому позволялось класть свою просьбу. Вечеромъ его приносили къ государю, который самъ распечатывалъ его, самъ разсматривалъ всѣ положенныя просьбы и самъ тотчасъ же писалъ на нихъ свои рѣшенія.

Въ такомъ безпрестанномъ занятіи счастіемъ народа, великодушный Алексѣй проводилъ всю жизнь свою. Обманчивая преданность боярина Морозова рано сдѣлала его осторожнымъ въ выборѣ совѣтниковъ и искреннихъ друзей. Долго искалъ онъ человѣка, съ которымъ бы можно было раздѣлить тяжесть правленія, и все боялся ошибиться. Наконецъ казалось ему, что онъ встрѣтилъ такого, что онъ нашелъ вѣрнаго друга, готоваго пожертвовать ему и отечеству жизнію. Это былъ думный дворянинъ *Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ*. Съ каждымъ днемъ царь открывалъ въ немъ новыя достоинства, съ каждымъ днемъ любилъ его болѣе и болѣе; и, надобно сказать правду на этотъ разъ Алексѣй Михайловичъ не ошибся: изъ всѣхъ придворныхъ его не было никого благороднѣе, добрѣе и усерднѣе Матвѣева. Царь находилъ такъ много удовольствія въ бесѣдахъ съ умнымъ совѣтникомъ своимъ, что даже иногда ѣзжалъ къ нему въ гости. Съ удивленіемъ смотрѣли на это придворные: прежде никогда не бывало, чтобы цари русскіе посѣщали своихъ подданныхъ.

Со времени кончины супруги и сына эти посѣщенія сдѣлались чаще, потому что, не смотря на всю твердость души, государь не могъ не грустить о невозвратной потерѣ милыхъ сердцу его. Артамонъ Сергѣевичъ умѣлъ развлекать его горесть, умѣлъ утѣшать его лучше всѣхъ другихъ придворныхъ бояръ и вельможъ.

Такъ протекли два года и къ царю возвратились прежнее спокойствіе и веселость. Вотъ въ одинъ вечеръ Алексѣй Михайловичъ пріѣхалъ къ любимцу своему позже обыкновеннаго: у боярина, не ожидавшаго въ тотъ день гостей, уже былъ накрытъ столъ для ужина. Царь, замѣтивъ небольшое замѣшательство хозяина, шутливо сказалъ,

что столъ накрытъ очень кстати и что онъ вмѣстѣ съ нимъ отъужинаетъ; только съ тѣмъ, прибавилъ добрый государь, «чтобы за столомъ были всѣ тѣ, кто обыкновенно ужинаетъ съ тобою».

Желаніе царя было исполнено, и когда кушанье подали, въ комнату вошла хозяйка съ сыномъ и молодой дѣвушкой. Царь удивился: никогда не слыхалъ онъ, чтобъ у Матвѣева была дочь, и никогда прежде не видалъ въ домѣ его этой дѣвушки. За ужиномъ удивленіе его увеличилось: незнакомка была красавица изъ красавицъ. По обыкновенію того времени, она мало говорила, но за то всякое слово ея было такъ мило и умно, что восхищенный государь не могъ наслушаться ея сладкаго голоса, не могъ наглядѣться на прекрасныя черты ея лица. Почти не спуская съ нея глазъ, Алексѣй Михайловичъ даже позабылъ спросить, какъ зовутъ ту, которая такъ пріятно поразила его, и не прежде какъ уже въ половинѣ ужина поздравилъ хозяина съ такою прекрасною дочерью. Но тутъ узналъ онъ, что это была не дочь, а только воспитанница Матвѣева. Отецъ ея—*Кириллъ Полуехтовичъ Нарышкинъ* былъ небогатый дворянинъ, который, проживая лѣто и зиму въ бѣдной деревенькѣ своей, былъ очень радъ, что родственникъ и другъ его, Артамонъ Сергѣевичъ, взялъ къ себѣ маленькую дочь его. И такъ, Наталія выросла въ домѣ Матвѣева. Онъ и добрая жена его любили воспитанницу свою какъ родное дитя и, рано замѣтивъ чрезвычайную красоту дѣвочки, старались украсить и умъ ея всѣми познаніями, какія только можно было въ то время доставить знаменитой боярышнѣ русской. Наталія щедро вознаграждала эту любовь и эти нѣжныя попеченія: она была добра, чувствительна, прекрасна сердцемъ, точно столько же, какъ и наружностію. Любуясь ею, добрые Матвѣевы часто думали, что какъ Богъ помогъ имъ воспитать пріемную дочь ихъ, такъ современемъ поможетъ и выдать замужъ за хорошаго человѣка, который не посмотритъ на то, что она бѣдная дѣвушка.

Все это было разсказано Алексѣю Михайловичу, когда онъ началъ разспрашивать любимца своего о прекрасной воспитанницѣ его. Артамонъ Сергѣевичъ не скрылъ отъ добраго государя даже и того, какъ и онъ, и жена его же-

лали бы видѣть милую Наталію свою замужемъ. Царь не только одобрилъ такое желаніе, но даже, уѣзжая домой, сказалъ, что онъ подумаетъ о томъ, какъ бы найти хорошаго жениха для такой прекрасной дѣвушки, какъ Наталія.

Онъ и подлинно началъ думать объ этомъ, и—вообразите, кто былъ этотъ женихъ, котораго онъ выбралъ для счастливицы? Это былъ — онъ самъ! Да, прелестная дочь Нарышкина такъ плѣнила царя своею милою наружностію, а воспитаніе, полученное ею въ домѣ умнаго Артамона Сергѣевича, такъ хорошо ручалось за ея душевныя качества, что онъ рѣшился сдѣлать ее супругою своею, и на той же недѣлѣ пріѣхалъ сказать объ этомъ Матвѣеву. Вы можете представить себѣ, какъ удивился добрый воспитатель Наталіи! Сначала думалъ онъ, что слышитъ это во снѣ, но потомъ, когда государь повторилъ еще разъ слова свои, Матвѣевъ упалъ къ ногамъ его и умолялъ оставить это намѣреніе: оно, казалось, предвѣщало счастливому любимцу царя столько опасностей отъ зависти вельможъ, и безъ того уже не любившихъ его за это счастіе, что онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на блистательную судьбу Наталіи.

Алексѣю Михайловичу пріятно было видѣть безкорыстную преданность вѣрнаго подданнаго и друга. Онъ ласково поднялъ его и старался успокоить искренними увѣреніями въ томъ, что никогда никакія причины не заставятъ перемѣнить расположеніе его къ тому, кто такъ часто доказывалъ ему свое усердіе и вѣрность.

По просьбѣ Матвѣева, царь не сказалъ въ тотъ день Наталіи ни слова о любви своей, но исполнилъ старинный обрядъ русскихъ государей. Вы вѣрно догадаетесь, друзья мои, что я говорю о томъ собраніи красавицъ, изъ которыхъ царь обыкновенно выбиралъ невѣсту свою. Да, и въ этотъ разъ онѣ съѣхались въ Кремлевскій дворецъ. Робко всходила на великолѣпное крыльцо царское и Наталія, съ удивленіемъ размышляя, отчего и ее—бѣдную и вовсе незнатную дѣвушку—назначили въ списокъ невѣстъ. Подлѣ нея шла нѣжная воспитательница ея, супруга Матвѣева, которая знала причину этого на-

значенія, и очень желала сказать ее своей милой питомицѣ; но Артамонъ Сергѣевичъ запретилъ это, и она молчала до тѣхъ поръ, пока участь Наталіи была тайною для нея самой и для всѣхъ; за то съ той минуты, какъ счастливая дѣвушка названа была царевною и въ великолѣпномъ нарядѣ невѣсты государя приготовлялась принимать поздравленія отъ всего народа, терпѣніе доброй боярыни кончилось, и она высказала знаменитой воспитанницѣ своей все, что̀ знала о любви къ ней государя.

Вотъ, милые читатели, подробности второго супружества царя Алексѣя Михайловича. Свадьба была 25 января 1671 года. Рѣдкое счастіе его и молодой царицы сдѣлалось совершеннымъ въ достопамятный, навѣки незабвенный для Россіи день: *30 мая 1672 года.* Это былъ день рожденія Петра! Хотя у Алексѣя Михайловича и остались отъ первой супруги два сына: царевичи Өеодоръ и Іоаннъ, но оба были такого слабаго злоровья, что вовсе нельзя было надѣяться на продолжительную жизнь ихъ, и потому царь восхищенъ былъ рожденіемъ третьяго! Можетъ быть счастливый отецъ предчувствовалъ славу новорожденнаго. Но небо отказало ему въ блаженствѣ видѣть, какъ чудесно развивались великія силы необыкновеннаго ребенка; самое младенчество Петра не протекло въ глазахъ родителя: прежде нежели исполнилось ему четыре года, Алексѣй Михайловичъ скончался и осиротѣвшее сердце печальной царицы уже одно, безъ нѣжнаго друга своего, прислушивалось къ первымъ словамъ героя, къ первымъ мыслямъ великаго ума его.

Семейство царя Алексѣя Михайловича.

Супруги: 1) *Марія* Ильинишна Милославская.

Дѣти отъ нея: a) Царевичъ *Алексѣй,* скончался 16-ти лѣтъ. b) *Өеодоръ,* наслѣдовалъ престолъ. c) *Іоаннъ.* d) *Марөа.* e) *Софія.* f) *Екатерина.* g) *Марія.* h) *Өеодосія.*

2) *Наталія* Кирилловна Нарышкина.

Дѣти отъ нея: i) *Петръ.* j) *Наталія.* k) *Өеодора.*

ЦАРЬ ѲЕОДОРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ.

отъ 1676 до 1682 года.

(6 лѣтъ).

Хотя наслѣдникъ царя Алексѣя Михайловича, девятнадцати-лѣтній сынъ его, *Ѳеодоръ*, былъ отъ самаго рожденія своего слабъ и боленъ, но, не смотря на тѣлесныя страданія, душевныя силы его были достойны знаменитаго отца его. Имѣя предъ глазами великій примѣръ его, онъ старался продолжать все начатое имъ, старался исполнять во всемъ волю его и, кромѣ того, сдѣлалъ много и собственныхъ улучшеній въ отечествѣ нашемъ. Непродолжительное, но примѣчательное царствованіе Ѳеодора много прославилось тѣмъ, что онъ уничтожилъ *мѣстничество*, причинявшее у насъ такъ много вреда. Тѣмъ изъ маленькихъ читателей моихъ, которые не понимаютъ этого слова, я разскажу вотъ что:

Мѣстничество — значитъ споръ между дворянами о томъ, чьи предки были знатнѣе и древнѣе родомъ. Этотъ споръ дѣлалъ много зла между спѣсивыми боярами нашей старинной Россіи. Напримѣръ, если случилось, что какой нибудь внукъ или правнукъ знаменитаго поколѣнія поступалъ въ службу подъ начальство такого человѣка, котораго предки были менѣе знатны, то ужъ этотъ гордый потомокъ важнаго дѣдушки ни за что не хотѣлъ исполнять приказаній своего начальника, и не хотѣлъ служить съ нимъ, хотя бы за это его даже казнили. Можно представить себѣ, какъ часто это могло случаться и какъ много было такихъ споровъ. Для разобранія ихъ учреждено было особенное присутственное мѣсто, которое называлось Разряднымъ приказомъ [1]).

---

[1]) Встарину почти всѣ присутственныя мѣста назывались *приказами*. Кромѣ *Разряднаго* въ Москвѣ были вотъ еще какіе приказы: 1) *Посольскій*, гдѣ разсматривались всѣ дѣла, касающіяся до сношеній съ иностранными государствами; 2) *Помѣстный*, гдѣ были дѣла о земляхъ, розданныхъ чиновникамъ за службу; 3) *Казанскій*, гдѣ были дѣла царствъ казанскаго, астраханскаго и сибирскаго; 4) Приказъ *Большой приходъ*,— это было государственное казначейство; 5) *Бронный приказъ*,—этотъ вѣрно походилъ на наши нынѣшніе арсеналы и литейные дворы,

Чиновники, которые служили тамъ, или — какъ ихъ тогда называли — приказные люди занимались только разборомъ споровъ о мѣстахъ службы, т. е. прилично ли такому-то имѣть равное мѣсто съ такимъ-то или служить подъ начальствомъ такого-то. По тогдашнему обыкновенію думали, что два боярина не могутъ имѣть равныхъ мѣстъ, если предки одного занимали нѣкогда мѣста выше предковъ другого, и даже если самъ государь назначалъ кого нибудь изъ нихъ въ какую либо должность при посольствѣ, при дворѣ или на войнѣ, то бояринъ тотъ прежде всего отправлялся въ разрядный приказъ, гдѣ хранились всѣ родословныя книги и тамъ справлялся: не занимали ли его предки высшихъ мѣстъ въ сравненіи съ предками того, кто назначался государемъ въ равную, или—что̀ еще хуже—въ высшую должность, и если находилъ, что въ самомъ дѣлѣ это было такъ, то объявлялъ государю, что ему *невмѣстно*, т. е. неприлично принять назначенную ему должность и дѣйствительно не принималъ ее, хотя бы его казнили; тотъ же, съ кѣмъ не хотѣлъ онъ служить, считалъ себя въ свою очередь обиженнымъ и подавалъ просьбу государю о сдѣланномъ ему безчестьѣ, умоляя о защитѣ. Странны и даже смѣшны кажутся намъ теперь дѣла такого рода, но тогда они были такъ важны, что самъ государь принималъ на себя трудъ разбирать эти споры, справлялся по разряднымъ книгамъ, кто былъ справедливѣе, и правыхъ оправдывалъ, виноватыхъ строго наказывалъ. Можно представить себѣ, сколько безпорядковъ происходило въ государствѣ отъ такихъ безразсудныхъ споровъ и сколько времени терялось на разбирательство ихъ! Случалось, что отъ нихъ въ военное время проигрывали сраженія, что воеводы, считавшіе себя обиженными, отказывались идти на защиту отечества; однимъ словомъ, нельзя исчислить всего зла, какое происходило отъ этого страннаго предразсудка. Цари Михаилъ Ѳеодоровичъ

потому что здѣсь заготовлялось оружіе; 6) *Житный приказъ*, — сюда относились всѣ запасные магазины, и наконецъ, 7) *Холопій судъ* или *приказъ*, гдѣ разбирались дѣла о крѣпостныхъ людяхъ. Другія же присутственныя мѣста назывались просто *избами*, напримѣръ *Дворцовая изба*, *Стрѣлецкая изба*, *Ямская изба*. Названія ясно показываютъ, какія дѣла разсматривались въ каждой изъ нихъ.

и Алексѣй Михайловичъ очень старались уничтожить его мало-по-малу, но честь совершеннаго уничтоженія его принадлежитъ Ѳеодору Алексѣевичу, и вотъ какимъ образомъ совершилъ онъ это дѣло.

Чувствуя болѣе всего это зло во время войны, государь рѣшился дать новое устройство войску, чтобы при этомъ случаѣ уничтожить мѣстничество. Созвана была дума изъ людей избранныхъ военнаго званія подъ предсѣдательствомъ одного изъ образованнѣйшихъ вельможъ того времени, князя Голицына, и этой думѣ поручено было обсудить, какъ устроить войско такъ, чтобы оно могло самымъ лучшимъ образомъ защищать отечество отъ враговъ. Дума рѣшила, что надобно преобразовать войско, раздѣлить полки на роты и вмѣсто прежнихъ сотенныхъ головъ, назначить ротмистровъ и поручиковъ, которые бы ни въ какомъ случаѣ своими предками не считались другъ съ другомъ, и чтобы такихъ разсчетовъ не было на будущее время ни въ дѣлахъ военныхъ, ни въ посольскихъ, ни при дворѣ и ни въ приказахъ. Ѳеодоръ, ожидая такого рѣшенія и совершенно соглашаясь съ нимъ, созвалъ Соборъ изъ самыхъ старшихъ чиновъ духовныхъ и свѣтскихъ, представилъ имъ мнѣніе избранныхъ людей военныхъ, представилъ имъ самымъ убѣдительнымъ образомъ всѣ несчастныя слѣдствія нелѣпаго предразсудка и просилъ совѣта: что̀ дѣлать. Соборъ въ одинъ голосъ рѣшилъ, что настала пора уничтожить такое зло. Государь, нетерпѣливо желавшій этого уничтоженія, спѣшилъ исполнить рѣшеніе Собора; приказалъ тотчасъ же принести всѣ разрядныя книги и тутъ же, въ присутствіи всѣхъ лицъ Собора, сжечь ихъ. Вмѣсто же нихъ позволилъ имѣть дворянамъ *родословную книгу* только для того, чтобы память предковъ не исчезла. Такъ уничтожились старинные споры мѣстничества, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ несчастія, отъ нихъ происходившія.

Но больной и слабый Ѳеодоръ не однимъ этимъ дѣломъ заставилъ подданныхъ своихъ помнить о себѣ: нѣтъ, онъ безпрестанно занимался счастіемъ ихъ и съ строгою отчетливостію исполнялъ всѣ свои обязанности, вовсе не думая о томъ, что силы его еще болѣе слабѣли отъ того. Почти каждый день онъ присутствовалъ въ большой думѣ цар-

ской, каждый день принималъ всякаго, кто имѣлъ нужду лично о чемъ нибудь просить его, каждый день дѣлалъ какое нибудь новое благодѣяніе для народа своего. Какъ часто цѣлое семейство было спасаемо имъ отъ бѣдности, какъ часто цѣлымъ селеніямъ прощалъ онъ казенныя подати, обращалъ кроткими увѣщаніями нѣсколько сотъ магометанскихъ подданныхъ своихъ въ христіанство, или выкупалъ христіанъ изъ плѣна турецкаго! Однимъ словомъ, слушая о дѣлахъ Ѳеодора Алексѣевича, нельзя думать, что все это дѣлалъ государь, безпрестанно страдавшій и съ каждымъ днемъ ослабѣвавшій въ силахъ [1]). Напротивъ того, въ отечествѣ нашемъ примѣтна была въ это царствованіе безпрестанная дѣятельность: во многихъ мѣстахъ учреждались новыя училища, строились богоугодные домы для бѣдныхъ, больницы—для страждущихъ. Въ Москвѣ явилась даже новая академія *Славяно-греко-латинская.* Самъ государь очень часто посѣщалъ всѣ эти новыя, основанныя имъ заведенія. Обыкновенно дѣлалъ онъ эти посѣщенія верхомъ на прекрасной лошади; верховая ѣзда была его страстію. И эту самую страсть онъ умѣлъ сдѣлать полезною: видя, что государь любитъ прекрасныхъ лошадей, всѣ старались имѣть ихъ, и съ тѣхъ поръ завелись у насъ первые конскіе заводы и появились у многихъ хорошія лошади.

Но вотъ чего терпѣть не могъ Ѳеодоръ: излишней роскоши въ одеждѣ и вообще во всемъ. Онъ даже выдалъ на этотъ случай указъ, въ которомъ запрещено было носить дорогія платья, особливо татарскія, и приказано было носить нарядъ стариннаго русскаго или польскаго покроя, приличный сѣверному климату и неубыточный. Вскорѣ потомъ царь замѣтилъ, что, не имѣя возможности щеголять запрещенными платьями, русскіе начали показывать

[1]) Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича былъ, однако же, горестный случай: ссылка знаменитаго боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, по клеветѣ боярина Милославскаго, пользовавшагося въ это время большою силою при дворѣ. Великодушный другъ царя Алексѣя Михайловича посланъ былъ въ *Пустоозерскій острогъ,* мѣсто холодное и безлюдное, гдѣ онъ не столько плакалъ о несчастіи и бѣдности своей, какъ о томъ, что лишенъ былъ возможности благотворить. Ѳеодоръ Алексѣевичъ, повѣривъ совершенно хитрому Милославскому, былъ въ сильномъ гнѣвѣ на Матвѣева.

богатство свое въ упряжи. Государь и это остановилъ, и выдалъ новое повелѣніе, гдѣ расписано было кому какъ ѣздить: бояре, окольничіе и думные люди могли ѣздить лѣтомъ въ каретахъ, а зимою въ саняхъ, на *двухъ* лошадяхъ; въ праздничные же дни на *четырехъ*, а на свадьбы и на *шести* лошадяхъ. Но это могли дѣлать только высшіе бояре; всѣмъ же другимъ дворянамъ и чиновникамъ позволялось ѣздить только на одной лошади,—зимою въ саняхъ, а лѣтомъ—верхомъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ полезныхъ распоряженій внутри царства своего, Ѳеодоръ Алексѣевичъ имѣлъ успѣхъ и въ своихъ сношеніяхъ съ сосѣдними государствами. Швеція и Польша не начинали съ нимъ войны, а намѣренія турецкаго султана Мугаммеда IV, давно старавшагося возмущать противъ царя жителей Малороссіи, остались неудачны и запорожскіе казаки, покорившіеся ему на нѣсколько времени, при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ признали надъ собой власть царя русскаго.

Исполняя съ величайшею точностію царскія обязанности, Ѳеодоръ точно также исполнялъ и семейственныя: онъ былъ рѣдкій сынъ, братъ, супругъ. Горестная вдова, царица Наталія Кирилловна, часто бывала тронута до слезъ тою нѣжною привязанностію, которую онъ показывалъ къ ней и къ сыну ея. Маленькій Петръ былъ утѣшеніемъ его: не только онъ любилъ его со всею нѣжностію брата, но онъ восхищался его необыкновенными способностями, любовался его прекрасною наружностію, тревожился при малѣйшей болѣзни его гораздо болѣе, нежели самыми сильными собственными страданіями: казалось, онъ боялся потерять надежду Россіи! Этотъ страхъ тѣмъ болѣе мучилъ его, что онъ не имѣлъ собственныхъ дѣтей и видѣлъ слабость тѣлесныхъ и душевныхъ силъ родного брата своего Іоанна. Вотъ еще доказательство, какъ превосходно было сердце добраго Ѳеодора Алексѣевича: онъ не смотрѣлъ на то, что по родству Іоаннъ былъ ближе къ нему, нежели Петръ; онъ смотрѣлъ только на пользу отечества своего, и когда въ семействѣ царскомъ заходила рѣчь о наслѣдникѣ престола, Ѳеодоръ всегда говорилъ, что этимъ наслѣдникомъ будетъ меньшой братъ его Петръ. Но прежде не-

жели дальновидный и великодушный государь успѣлъ сдѣлать письменный актъ объ этомъ распоряженіи, смерть отняла его въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ у любившей его Россіи! Онъ скончался 27-го апрѣля 1682 года, на 27-мъ году своего возраста. Нѣтъ нужды разсказывать о горести всего царскаго дома: она была одинакова для всѣхъ членовъ его, потому что всѣ равно любили умнаго, кроткаго, добродѣтельнаго Ѳеодора, но неутѣшнѣе всѣхъ плакали двѣ царицы: Марѳа Матвѣевна, молодая супруга его, и Наталія Кирилловна. Первая лишалась въ немъ нѣжнѣйшаго друга; послѣдняя—оплакивала второго отца своего вновь осиротѣвшаго сына.

Семейство царя Ѳеодора Алексѣевича.

Супруги: 1) *Агафія* Симеоновна Глушецкая. 2) *Марѳа* Матвѣевна Апраксина.

Сынъ отъ нея: Царевичъ *Илія*, скончался въ дѣтствѣ.

ПЕТРЪ, ДЕСЯТИЛѢТНІЙ ЦАРЬ РОССІИ.

1682 годъ.

Наконецъ на тронѣ Россіи является государь, назначенный судьбою произвесть въ отечествѣ нашемъ тотъ великій переворотъ, который въ полной мѣрѣ можетъ назваться чудеснымъ, неслыханнымъ ни у какихъ народовъ. Всѣ они, начиная съ самыхъ древнѣйшихъ, просвѣщались постепенно; русскіе же сдѣлали это вдругъ, какъ будто по какой-то волшебной силѣ. Эту волшебную, удивительную силу Богъ вложилъ въ душу любимца своего Петра. Точно, этотъ великій государь могъ назваться любимцемъ Бога: все въ немъ было прекрасно и необыкновенно! Чудесно самое младенчество его, чудесны лѣта дѣтства! Даже самое рожденіе его было чудесно предсказано за нѣсколько мѣсяцевъ. Это удивляетъ васъ, милые читатели? Да, вы правы, это удивительно, непонятно и объясняется развѣ

только тѣмъ, что Богъ для такого чрезвычайнаго смертнаго допустилъ чрезвычайное явленіе въ природѣ. Какъ бы то ни было, только прежде нежели онъ родился, два монаха, одинъ Симеонъ Полоцкій и другой, бывшій потомъ митрополитомъ въ Ростовѣ, св. Димитрій, сказали царю Алексѣю Михайловичу, что *у него родится сынъ Петръ, что онъ наслѣдуетъ престолъ его, и будетъ такимъ героемъ, съ которымъ не сравнится никто изъ современниковъ*. Они говорили, что видѣли это по расположенію звѣздъ на небѣ. Встарину во всей Европѣ вѣрили, что звѣзды имѣютъ вліяніе на рожденіе людей, и потому часто предвѣщаютъ судьбу ихъ. Эта наука называлась *астрологіею*. Вы удивитесь еще болѣе, милые читатели мои, когда я скажу вамъ, что предсказаніе о Петрѣ было не въ одной Россіи. Въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ есть до сихъ поръ переписка двухъ иностранныхъ ученыхъ, Николая Гейнзіуса и Іоанна Гревіуса. Первый въ 1672 году былъ нидерландскимъ посланникомъ въ Москвѣ и писалъ къ послѣднему о рожденіи царевича Петра и о тѣхъ предвѣщаніяхъ, какія были сдѣланы о немъ, а Гревіусъ отвѣчалъ на это изъ Голландіи, что и у нихъ ученые гадатели замѣтили то же самое по звѣздамъ и согласны съ предсказаніями русскихъ о новорожденномъ царевичѣ.

Что же надобно было думать предкамъ нашимъ объ этомъ младенцѣ, удивившемъ міръ прежде рожденія своего? Конечно, они могли ожидать отъ него всего необыкновеннаго, и ожиданія ихъ исполнились болѣе, нежели они могли вообразить себѣ! Мнѣ кажется, я никогда не кончила бы, милые читатели мои, еслибы начала разсказывать вамъ обо всемъ, что сдѣлалъ великаго этотъ ни съ кѣмъ несравнимый Петръ! Слова и дѣйствія его составляютъ многочисленные томы сочиненій, которыхъ и десятая часть не можетъ помѣститься въ краткой исторіи нашей; они должны храниться въ памяти каждаго русскаго, и вѣрно вы не одинъ разъ прочитаете ихъ, когда уже въ состояніи будете заниматься такимъ важнымъ чтеніемъ.

Но до тѣхъ поръ вамъ надобно довольствоваться небольшими разсказами нашими. Конечно, они не совершенны,

они не могутъ назваться исторіей Петра—это только легкіе очерки его великихъ дѣлъ; но мы вознаградимъ сколько нибудь это несовершенство: я постараюсь собрать какъ можно болѣе любопытныхъ для васъ подробностей этого славнаго царствованія, а вы будете внимательно читать и помнить ихъ до тѣхъ поръ, пока настанетъ для васъ время приняться за изученіе настоящей исторіи Великаго Преобразователя Россіи.

И такъ, начнемъ разсказы наши съ самыхъ первыхъ лѣтъ Петра: великіе люди бываютъ занимательны даже въ то время, когда только что начинаютъ говорить. Напримѣръ, послушайте, каковъ былъ Петръ при самомъ началѣ третьяго года своей жизни.

Въ день св. апостоловъ Петра и Павла, 29 іюня, праздновались имянины царственнаго малютки. Кромѣ дорогихъ вещей, полученныхъ въ этотъ день Петромъ отъ нѣжныхъ родителей его и другихъ лицъ семейства царскаго, множество подарковъ отъ вѣрныхъ подданныхъ ожидало маленькаго имянинника въ одной изъ комнатъ Кремлевскаго дворца. Вотъ онъ входитъ туда съ боярами, приставленными къ нему [1]), съ дѣтскимъ любопытствомъ смотритъ на все, чѣмъ усердіе народа хотѣло повеселить сына государя обожаемаго, и вдругъ быстрые, прекрасные глаза его засверкали отъ радости: онъ увидѣлъ маленькую стальную саблю! Не прошло минуты, какъ онъ уже держалъ ее въ рукахъ, уже зналъ, что ее поднесъ какой-то купецъ, уже приказалъ привести къ себѣ этого купца! Какъ скоро тотъ явился, царевичъ бросился къ нему навстрѣчу, приказалъ ему поднять себя на руки, поцѣловалъ его въ голову и сказалъ, что онъ никогда не забудетъ его за такой прекрасный подарокъ. Не выпуская изъ рукъ сабли, побѣжалъ онъ къ своему родителю и просилъ непремѣнно чѣмъ нибудь пожаловать купца, а его опоясать саблею. Алексѣй Михайловичъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на пламенную радость двухлѣтняго ребенка при видѣ оружія: она предвѣщала любовь его къ

[1]) Главнымъ изъ нихъ, или наставникомъ царевича, былъ дѣдъ его, бояринъ Кириллъ Полуехтовичъ Нарышкинъ, и при немъ помощники: князь Прозоровскій, Головинъ и Головкинъ.

славѣ военной. Все было исполнено по желанію Петра: купецъ пожалованъ достоинствомъ гостя московскаго; сабля съ молитвою надѣта самимъ государемъ сверхъ голубого шелковаго кафтанчика царевича. Царь сдѣлалъ еще болѣе: видя особенную страсть сына своего къ военнымъ занятіямъ, онъ собралъ нѣсколько человѣкъ дѣтей однихъ лѣтъ съ Петромъ, приказалъ сдѣлать для нихъ разныя маленькія оружія и выучить ихъ всему, чему учились солдаты. Тутъ-то съ каждымъ днемъ начались для Петра праздники: съ утра до вечера онъ игралъ и учился съ своими маленькими воинами и счастливая сабля почти никогда не снималась съ храбраго малютки; случалось даже, что онъ засыпалъ вмѣстѣ съ нею! — Вотъ, милые читатели мои, вотъ Петръ на третьемъ году своего возраста! На четвертомъ онъ лишился попечительнаго и нѣжнаго отца, но мѣсто его заступилъ столько же нѣжный братъ и воспитаніе его продолжалось съ прежнею заботливостію; на пятомъ опредѣленъ былъ къ нему учителемъ—дьякъ *Никита Моисѣевичъ Зотовъ*. Онъ училъ его читать и писать по-русски, также исторіи всеобщей, и въ особенности отечественной. Зотовъ, хотя не получилъ самъ отличнаго образованія, слишкомъ рѣдкаго въ то время въ отечествѣ нашемъ, и не зналъ иностранныхъ языковъ, но былъ человѣкъ очень умный, который понималъ искусство сдѣлать ученіе пріятнымъ занятіемъ, и кромѣ того, былъ усерденъ и неутомимъ въ отправленіи своей должности. Историческіе уроки его не могли называться этимъ строгимъ именемъ. Нѣтъ, это были не уроки, но самые занимательные разговоры, во время которыхъ онъ разсказывалъ маленькому ученику своему о славныхъ государяхъ русскихъ, особенно о Святославѣ, Владимірѣ, Александрѣ Невскомъ, Димитріи Донскомъ, Іоаннахъ: Великомъ и Грозномъ и наконецъ о Михаилѣ и Алексѣѣ. Чтобъ сдѣлать разсказы свои еще разнообразнѣе, Зотовъ велѣлъ представить въ рисункахъ всѣ важнѣйшія происшествія, случившіяся во время этихъ знаменитыхъ царствованій, и расположилъ ихъ по всѣмъ комнатамъ царевича. О! еслибъ вы могли представить себѣ, маленькіе друзья мои, какъ эти картины и разсказы нравились Петру! Какой

огонь блисталъ въ глазахъ его, когда онъ слышалъ о храбрости Святослава или Владиміра! Какъ весело улыбался при побѣдѣ Донского! Какъ восхищался великими дѣлами Грознаго! какъ огорчался его преступленіями! Однимъ словомъ, Зотовъ въ полной мѣрѣ достигъ цѣли своей: пятилѣтній царевичъ, не смотря на младенческій умъ свой, понялъ, что государь только изъ исторіи можетъ научиться царствовать, и полюбилъ эту науку болѣе всѣхъ другихъ. Иногда, слушая описаніе какого нибудь города или крѣпости, онъ просилъ, чтобы ему показали планы ихъ и, къ удивленію всѣхъ окружавшихъ его, разсматривалъ ихъ со всею внимательностію и любопытствомъ взрослаго человѣка. Нерѣдко случалось даже и то, что быстрый умъ ученика увлекался далѣе познаній учителя, и добрый Зотовъ, не смотря на все свое усердіе, не въ состояніи былъ отвѣчать на безпрестанные вопросы его и принужденъ былъ прибѣгать въ такихъ случаяхъ къ ученымъ иностранцамъ, находившимся въ службѣ царской, а иногда и къ самому царю, который съ особеннымъ удовольствіемъ любилъ разговаривать съ умнымъ малюткой и удивляться его необыкновеннымъ способностямъ.

Таковъ былъ умъ Петра въ самомъ нѣжнѣйшемъ дѣтствѣ; теперь я разскажу маленькимъ читателямъ моимъ случай, который покажетъ имъ сердце и нравъ его въ этомъ возрастѣ.

Царица Наталія Кирилловна, не смотря на все сыновнее почтеніе къ ней Ѳеодора Алексѣевича, имѣла много огорченій во время вдовства своего. Ближніе бояре, окружавшіе царя, по большей части родственники матери его— Милославскіе, ненавидѣли вторую супругу Алексѣя Михайловича и съ нею всѣхъ Нарышкиныхъ. Пользуясь частыми болѣзненными припадками Ѳеодора и кротостію Наталіи, нелюбившей жалобами своими тревожить добраго и больного государя, они и приверженцы ихъ выдумывали на нее разныя клеветы, старались отдалять ее отъ царя, и даже осмѣливались иногда явно показывать ей свое неуваженіе. Однажды самый дерзкій изъ нихъ, бояринъ Языковъ, похвасталъ между своими пріятелями, что заставитъ вдовствующую царицу выѣхать изъ дворца и

жить въ другомъ домѣ, отдаленномъ отъ царскаго. Вотъ онъ и въ самомъ дѣлѣ явился на другой день къ Наталіи Кирилловнѣ и сдѣлалъ ей свое дерзкое предложеніе подъ предлогомъ, что многочисленный дворъ ея [1]) не можетъ помѣщаться въ одномъ домѣ съ государевымъ. Сначала царица, зная, что это выдумка Языкова, не встревожилась этимъ безразсуднымъ предложеніемъ и съ твердостію отказалась отъ него, но потомъ, когда обманщикъ сказалъ, что пришелъ отъ имени царя, Наталія вздрогнула и, испугавшись опасностей, какія грозили сыну ея при немилости царствовавшаго брата его, не могла удержать слезъ своихъ. Между тѣмъ этотъ сынъ, предметъ нѣжнѣйшихъ попеченій ея, былъ тутъ же въ комнатѣ. Съ удивленіемъ слушалъ горделивый малютка дерзкаго, осмѣлившагося такъ грубо говорить съ государыней. Уже онъ готовъ былъ закричать отъ гнѣва, какъ вдругъ заблистали слезы въ прекрасныхъ глазахъ его матери. О! какъ сильно забилось младенческое сердце Петра! Царица, обожаемая мать его, плакала отъ дерзкихъ словъ подданнаго! Въ эту минуту онъ увидѣлъ, что для наказанія Языкова мало собственнаго гнѣва его и, не сказавъ никому ни слова, пошелъ къ царю. Одинъ Зотовъ провожалъ его и едва успѣвалъ бѣжать за пылкимъ ученикомъ своимъ.

Өеодоръ Алексѣевичъ по обыкновенію обрадовался, увидѣвъ своего любимца, но испугался его встревоженнаго вида и заботливо спрашивалъ, что съ нимъ? Тогда Петръ поцѣловалъ нѣсколько разъ руку брата и сказалъ: «Государь! я пришелъ къ тебѣ съ жалобою на Языкова: онъ хочетъ меня и съ матерью моею выгнать изъ дома отца моего и отдалить отъ тебя, какъ встарину Годуновъ отдалилъ и потомъ погубилъ царевича Димитрія. Если тотъ домъ, куда высылаютъ насъ, нравится тебѣ, то я буду жить въ немъ

[1]) Царь Өеодоръ Алексѣевичъ такъ уважалъ супругу родителя своего, что, вступивъ на престолъ, не перемѣнилъ ничего при дворѣ ея и оставилъ на прежнихъ мѣстахъ всѣхъ служившихъ у нея. Этотъ дворъ былъ такъ многочисленъ, что однихъ стольниковъ было 102. Изъ дѣтей этихъ придворныхъ чиновниковъ были выбраны первые товарищи военныхъ игръ Петра.

вмѣстѣ съ тобою, но изъ дома отца моего безъ тебя, государь, никуда не выѣду». Сказавъ это, маленькій царевичъ оборотился ко всѣмъ окружавшимъ въ это время государя и прибавилъ съ слезами на глазахъ: «Развѣ я не сынъ великаго царя Алексѣя Михайловича, что мнѣ нѣтъ мѣста въ домѣ отца моего?»

Ѳеодоръ былъ тронутъ почти столько же, какъ и маленькій братъ его; онъ спѣшилъ успокоить и утѣшить его своими ласками, и тотчасъ же пошелъ къ царицѣ увѣрить ее, что онъ никогда не думалъ отдавать Языкову такихъ несправедливыхъ приказаній. Онъ предоставилъ ей наказать обманщика, какъ ей угодно, но кроткая Наталія отказалась отъ того и великодушно простила виновнаго боярина. Ей пріятно было оказать эту милость: въ душѣ ея разливалась такая сладкая радость въ ту минуту, когда она нѣжными ласками благодарила маленькаго защитника своего, что ей хотѣлось бы всему свѣту доставить хотя половину того счастія, какое могло чувствовать ея материнское сердце!

Такъ Петръ во все время дѣтства своего продолжалъ быть утѣшеніемъ и славою родительницы своей и всего семейства царскаго. Вы слышали уже, что Ѳеодоръ Алексѣевичъ такъ любилъ его, что, умирая, назначилъ его своимъ наслѣдникомъ. Хотя это не было утверждено письменнымъ актомъ, но всѣ окружавшіе царя помнили слова его. Къ тому же, различіе между здоровьемъ и душевными способностями обоихъ царевичей было такъ велико, что каждый долженъ былъ сознаться, что царь поступилъ справедливо и великодушно. Здѣсь представится вамъ новое великодушіе, милые друзья мои! Подивитесь, какъ благородны были всѣ сыновья Алексѣя Михайловича! Вы сейчасъ слышали, что одинъ изъ нихъ, изъ любви къ отечеству, отдалъ престолъ не старшему, родному брату и наслѣднику, но меньшему, рожденному отъ второй супруги родителя своего. Но что же сдѣлалъ этотъ старшій, обиженный царевичъ! Вмѣсто того, чтобы оскорбиться такою несправедливостію и, какъ мы часто видимъ въ свѣтѣ, начать споръ о наслѣдствѣ своемъ, онъ добровольно согласился съ желаніемъ скончавшагося царя и, уступая корону меньшому брату, съ кротостію сознался, что не чув-

ствуетъ себя способнымъ царствовать такъ хорошо, какъ онъ! Помните, дѣти, этотъ трогательный примѣръ смиренія и братской любви, какой показалъ намъ добрый Іоаннъ Алексѣевичъ! Не думайте, что онъ принужденъ былъ сдѣлать это потому, что послѣ кончины Ѳеодора тотчасъ всѣ присягнули Петру. Нѣтъ! Это избраніе было сдѣлано совсѣмъ не такъ поспѣшно. Прежде патріархъ Іоакимъ со всѣмъ духовенствомъ и чинами государственными явился къ обоимъ царевичамъ и спрашивалъ, которому изъ нихъ угодно будетъ принять корону русскую? Іоаннъ Алексѣевичъ въ ту же минуту объявилъ, что онъ отказывается отъ нея, чувствуя слабыя силы свои, и тогда уже всѣ присягнули десятилѣтнему Петру. Іоанну же было въ это время шестнадцать лѣтъ. Не удивительна ли такая скромность и уступчивость въ этомъ пылкомъ и самонадѣянномъ возрастѣ? О! Іоаннъ заслуживаетъ уваженіе наше, какъ ни маловажно было участіе его въ дѣлахъ государственныхъ во все время его непродолжительной жизни. Но оставимъ этого кроткого сына царей: онъ былъ на землѣ не для здѣшняго міра, и хотя впослѣдствіи мы еще будемъ встрѣчать имя его въ исторіи нашей, но оно будетъ сіять въ ней тихо, едва замѣтно, подлѣ лучезарнаго блеска, окружавшаго имя младшаго брата его. Обратимся къ этому необыкновенному смертному, обратимся къ нашему Петру: онъ уже на престолѣ! Самыя отдаленныя страны Россіи уже назвали его царемъ своимъ, а добродѣтельную мать его—правительницею. Все по наружности было спокойно, все, казалось, съ довѣренностію ввѣрило судьбу свою тому, кто до рожденія еще названъ былъ *героемъ!* Но это спокойствіе походило на тишину — предвѣстницу страшной грозы!

ЦАРЕВНА СОФІЯ АЛЕКСѢЕВНА И СТРѢЛЬЦЫ.

отъ 1682 до 1688 года.

(7 лѣтъ).

Кто бы подумалъ, что Петръ, такъ много любимый Россіею и такъ много обѣщавшій ей,—Петръ, сынъ и братъ государей-благодѣтелей ея,—наконецъ Петръ, уже и самъ принявшій присягу въ вѣрности всего народа—могъ имѣть враговъ даже во время нѣжнаго дѣтства, этого невиннаго возраста, еще не умѣющаго дѣлать зла и оскорблять кого либо? Но такова бываетъ участь людей, одаренныхъ отличными способностями. Дорого платятъ они за свое превосходство! Это испыталъ Петръ, и чувствительнѣе, нежели кто нибудь другой: врагомъ его была сестра-царевна Софія Алексѣевна.

Начиная говорить объ этой примѣчательной церевнѣ, надобно покороче познакомить съ нею маленькихъ читателей моихъ. Она родилась 7-го сентября 1657 года. Ни одна изъ дочерей царя Алексѣя Михайловича не была такъ щедро одарена природою, какъ Софія. Плѣнительная наружность, острый умъ, склонность къ просвѣщенію, терпѣніе въ ученіи отличали царевну отъ сестеръ ея даже въ то время, когда всѣ онѣ были еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Вы сейчасъ увидите, какъ и тогда уже она удивляла собою всѣхъ окружавшихъ ее.

При дворѣ Алексѣя Михайловича, такъ много заботившагося о просвѣщеніи своихъ подданныхъ, былъ даже и театръ. Онъ состоялъ изъ труппы комедіантовъ, нарочно выписанныхъ для того изъ чужихъ краевъ. Директоромъ этого театра былъ просвѣщеннѣйшій изъ придворныхъ того времени—бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, представленія же давались въ Преображенскомъ, а иногда и въ Кремлевскомъ потѣшномъ дворцѣ [1]). Не подумайте, однa-

[1]) Преображенскій дворецъ былъ въ селѣ Преображенскомъ, которое недалеко отъ Москвы, на берегу Яузы. Этотъ дворецъ, такъ же какъ и нѣкоторые другіе въ окрестностяхъ Москвы, и одинъ въ самомъ Кремлѣ назывались *потѣшными,* по причинѣ тѣхъ увеселительныхъ

кожъ, чтобы пьесы того времени походили сколько нибудь на наши нынѣшнія. Нѣтъ, добрые предки наши, не имѣя совершеннаго понятія о театральномъ искусствѣ, представляли на театрѣ своемъ только небольшія происшествія изъ Священной исторіи. Часто на сценѣ ихъ можно было видѣть и Саула, и Давида, и Соломона, и другія лица Ветхаго Завѣта.

Смотря на эти представленія, маленькая Софія Алексѣевна восхищалась часто болѣе иной пожилой боярыни, оцѣнивала игру актеровъ лучше, нежели какой нибудь важный бояринъ, высоко мечтавшій о своемъ знаніи. Иногда не по лѣтамъ умная царевна, въ восторгѣ къ драматическому искусству, выбирала нѣсколько человѣкъ дѣтей придворныхъ чиновниковъ и вмѣстѣ съ ними сама играла маленькія пьесы, или двѣ-три сцены изъ большихъ. Съ восхищеніемъ смотрѣли на нее и родители, и сестры, и приставленныя къ ней мамушки, и всѣ придворные, и рано пріучили ее къ похваламъ и лестному одобренію. Слышавъ безпрестанное восхищеніе ея уму и красотѣ, малютка начала считать себя выше всего семейства царскаго, начала думать, что въ самомъ дѣлѣ ее ожидаетъ чрезвычайная судьба въ будущности. Эти гордыя мысли увеличивались въ ней вмѣстѣ съ лѣтами. Къ несчастію, она вовсе не думала, что дѣлаетъ дурно, такъ высоко мечтая о себѣ: напротивъ того, почитала эту гордость необходимою—при своихъ необыкновенныхъ дарованіяхъ. Ея дарованія, точно, были необыкновенны, особенно въ тотъ вѣкъ Россіи: во-

---

представленій, какія давались въ нихъ. Не хотите ли, маленькіе друзья мои, я выпишу для васъ здѣсь одну изъ придворныхъ записокъ 1676 года. Она лучше всѣхъ моихъ словъ дастъ вамъ понятіе какъ о вкусѣ предковъ нашихъ, такъ и слогѣ, какимъ писали они въ то время.

«Была комедія въ Преображенскомъ: тѣшили великаго государя иноземцы, какъ Алаферна царица царю голову отсѣкла и на органахъ играли нѣмцы, да люди дворовые боярина *Артамона Сергѣевича Матвѣева.* Того-жъ года, другая комедія тамъ же, какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, и въ органы играли, и на фіолахъ и въ инструменты, и танцовали. Въ третіе, тамъ же тѣшили великаго государя на заговѣнье нѣмцы и люди Артамона Сергѣевича на органахъ, и на фіолахъ, и на инструментахъ, и танцовали и всякими потѣхами разными».

По этимъ самымъ *потѣхамъ* очень можно было назвать и дворцы гдѣ они происходили—*потѣшными.*

образите, друзья мои, эта молоденькая царевна, едва вышедшая изъ дѣтства, занималась словесностію, исторіею и другими науками, и въ царствованіе брата своего, царя Ѳеодора Алексѣевича, не только сама была въ числѣ дѣйствующихъ лицъ придворнаго театра, но даже сочиняла для него драмы и трагедіи. Однакожъ, все-таки ей не должно было гордиться своими великими способностями: онѣ даются намъ отъ Бога, и счастливцы, получающіе ихъ, должны, изъ благодарности за прекрасный даръ, стараться всѣми силами употреблять его для того, чтобы принести какъ можно болѣе пользы ближнимъ, а не для того, чтобы величаться имъ передъ другими. О! эта гордость опасна! Послушайте, до чего довела она царевну Софію, отъ которой такъ много всѣ ожидали и такъ ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ!

Судьба дочерей прежнихъ государей русскихъ рѣдко бывала такъ радостна и блистательна, какъ обѣщало имъ это ихъ счастливое младенчество. Съ уничтоженіемъ удѣльныхъ княжествъ, управляемыхъ часто знаменитыми князьями, уже не было достойныхъ для нихъ жениховъ между соотечественниками ихъ; выходить же за принцевъ иностранныхъ, исповѣдывавшихъ другую вѣру, княжны, воспитанныя въ суевѣрныхъ понятіяхъ своего вѣка, считали несчастіемъ. Итакъ, обыкновенная участь ихъ была—оканчивать жизнь въ монастырѣ. Но какъ далека была эта печальная мысль отъ прекрасной и гордой Софіи Алексѣевны! Ей ли погребсти въ кельѣ монастырской свой чудесный умъ и глубокія познанія? Ей ли промѣнять блестящій нарядъ царевны на смиренную одежду монахини! «О! нѣтъ, нѣтъ!» говорила она,—«я чувствую съ самаго дѣтства высокое назначеніе мое! Я должна быть царицею, и царицею—въ родномъ отечествѣ моемъ!»

Такъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, думала Софія, смотря на приближавшагося къ смерти брата своего—царя Ѳеодора Алексѣевича, на больного и слабаго Іоанна, на добрыхъ и скромныхъ сестеръ своихъ, всегда покорныхъ ея властолюбивой волѣ. Что же касается до маленькаго брата ея, Петра, сына второй супруги отца ея, то она совсѣмъ не считала его препятствіемъ своимъ намѣреніямъ, хотя и

слыхала, что Өеодоръ иногда называлъ его своимъ наслѣдникомъ: она знала, что письменнаго акта на это не было, и потому не считала этого наслѣдника опаснымъ. Но какъ же удивилась, какъ огорчилась и встревожилась она, когда тотчасъ послѣ смерти Өеодора десятилѣтній Петръ объявленъ былъ царемъ Россіи и все духовенство, всѣ бояре съ одинакимъ усердіемъ присягнули ему въ вѣрности! Вовсе не ожидая, чтобы это могло случиться, она не успѣла остановить присягу и съ той минуты возненавидѣла Петра, и рѣшилась во что бы то ни стало не допустить его до нераздѣльнаго обладанія Россіей. Она нашла усердныхъ помощниковъ своихъ замысловъ въ родственникѣ своемъ по матери, бояринѣ *Милославскомъ*, и въ преданныхъ ей стрѣльцахъ.

Стрѣльцы—это войско, утвержденное Іоанномъ Грознымъ и употребляемое имъ не только для дѣлъ военныхъ, но часто и для исполненія его жестокихъ повелѣній,—всегда отличались дерзостію и самовольствомъ. Упрямо защищая учрежденія старины, представлявшія имъ болѣе случаевъ поступать по своей волѣ, они ненавидѣли всѣ улучшенія, сдѣланныя въ войскѣ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и осмѣливались даже такъ явно противиться новому образованію полковъ, что добрый государь, для спокойствія подданныхъ своихъ, принужденъ былъ начать это образованіе съ воиновъ вновь набранныхъ, которые и составляли семитысячный правильный корпусъ. Стрѣльцы же остались при прежнемъ устройствѣ своемъ и согласились только на то, что офицеровъ ихъ называли прежде *головами*, *полуголовами*, *пятисотенными*, называли, такъ какъ въ регулярныхъ полкахъ,—*полковниками*, *подполковниками*, *ротмистрами* и проч.

Теперь вы, вѣрно, не удивитесь, что въ такомъ непокорномъ войскѣ не трудно было найти охотниковъ идти противъ государя. Для этого довольно было только объявить, что если будетъ царствовать не Петръ, но братъ его Іоаннъ, то весь новый порядокъ, введенный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ войскѣ, будетъ уничтоженъ. Царевна же и Милославскій объявили гораздо болѣе: они обѣщали отмѣнить даже и тѣ перемѣны, какія сдѣланы

были Никономъ въ исправленныхъ книгахъ церковныхъ. Это послѣднее обѣщаніе восхитило стрѣльцовъ: всѣ они давно съ досадою смотрѣли на исправленія книгъ и большая часть стрѣльцовъ оставалась тайно старовѣрами. Съ радостію взялись они исполнить всѣ приказанія царевны. Чтобъ увеличить еще болѣе усердіе ихъ, сказали имъ, что Нарышкины рѣшились погубить весь родъ царскій, что лекарь фонъ-Гаденъ, по приказанію царицы Наталіи, отравилъ ядомъ царя Өеодора, а братья ея умертвили и царевича Іоанна, и когда ярость стрѣльцовъ доведена была этими несправедливыми слухами до высочайшей степени, Милославскій и главные изъ сообщниковъ его: Сунбуловъ, Циклеръ, Петровъ и Озеровъ раздавали по полкамъ списки мнимыхъ измѣнниковъ, назначенныхъ быть жертвами честолюбивыхъ замысловъ Софіи.

Съ этой минуты все было рѣшено и день страшнаго бунта назначенъ: это было 15-го мая, спустя три недѣли послѣ присяги, данной Петру. Боже мой! какъ ужасенъ былъ этотъ день! Рано утромъ стрѣльцы, при звонѣ набатныхъ колоколовъ и звукѣ барабановъ, вломились въ Кремль, подошли къ самымъ комнатамъ царскимъ и требовали, чтобы имъ выдали боярина Матвѣева и Нарышкиныхъ, убійцъ Іоанна! Напрасно больной и слабый царевичъ самъ выходитъ къ нимъ и увѣряетъ, что никто не думалъ лишать его жизни: безумцы уже успѣли убить добродѣтельнаго боярина Матвѣева, доктора фонъ-Гадена и начальника стрѣлецкаго приказа князя Долгорукова. Видъ царевича, почитаемаго убитымъ, остановилъ на нѣсколько минутъ злодѣевъ, но потомъ, какъ будто пожалѣвъ объ этихъ потерянныхъ минутахъ, они вскричали: «Хотя и живъ царевичъ теперь, но впередъ можетъ быть умерщвленъ отъ Нарышкиныхъ!» — бросились доканчивать свои убійства, продолжавшіяся нѣсколько дней. Главными жертвами послѣ трехъ первыхъ были: два брата царицы *Аѳонасій* и *Иванъ Нарышкины*, князья *Ромодановскіе* и *Черкасскій*, бояре *Языковъ* и *Салтыковъ*, всего же 67 человѣкъ.

18-го мая, когда уже не оставалось въ живыхъ ни одного изъ тѣхъ несчастныхъ, чьи имена записаны были въ роз-

данныхъ спискахъ, убійцы съ радостными криками: «*да здравствуетъ царь Іоаннъ* и *царевна Софія*» прибѣжали во дворецъ. Благородный, великодушный Іоаннъ и здѣсь показалъ себя достойнымъ сыномъ Алексѣя: онъ съ твердостію объявилъ и самовластной сестрѣ своей, и дерзкимъ бунтовщикамъ, что, помня послѣднюю волю старшаго брата, онъ не будетъ царствовать безъ назначеннаго имъ наслѣдника—Петра. Стрѣльцы должны были согласиться на это непремѣнное требованіе царевича, Софія также. Царевна дала это согласіе охотно: оно вовсе не казалось ей опаснымъ, потому что хитрый умъ ея обнадеживалъ ее при малѣйшемъ участіи въ правленіи завладѣть всѣмъ царствомъ. А въ такомъ случаѣ, что ей до того, кого народъ будетъ почитать царемъ своимъ, — она увѣрена была, что самодержавною царицею будетъ она сама!

Такъ и случилось! Больной Іоаннъ не могъ заниматься никакими дѣлами, маленькій Петръ, при всѣхъ необыкновенныхъ способностяхъ своихъ, все-таки былъ еще ребенокъ, котораго наблюдательный умъ и пылкую живость можно было занять часами ученья и остроумными играми. Царица Наталія Кирилловна уже не была правительницею государства, но только огорченною женщиною, которая безпрестанно то оплакивала несчастіе отца и братьевъ своихъ, то страшилась за драгоцѣнную жизнь сына: она не могла уже дѣйствовать противъ враговъ его: вся твердость ея исчезла въ страданіяхъ! Итакъ, кого же могла бояться гордая Софія? Совершенно никого, и доказательствомъ служитъ то, что чрезъ три недѣли послѣ бунта она короновала обоихъ царей-братьевъ, а себѣ предоставила только имя правительницы, и съ этимъ именемъ всю власть государей! Любимцы ея тотчасъ заняли важнѣйшія должности: главному изъ нихъ, князю Василью Васильевичу Голицыну поручено было управленіе государственными дѣлами, двумъ князьямъ Хованскимъ, отцу и сыну, начальство надъ стрѣльцами.

Привязанность Хованскихъ къ раскольничеству и воля, которую они давали и безъ того своевольнымъ стрѣльцамъ, были причиною новыхъ бунтовъ этого дерзкаго войска. Сначала они помогали одному разстриженному священнику—

староверу Никитѣ, который, шатаясь по улицамъ, училъ простой народъ проклинать новую вѣру и держаться старой. Потомъ, когда Никита получилъ достойное наказанiе за дѣла свои, да и на князей Хованскихъ сдѣланъ былъ такой доносъ, что сама царевна-правительница почла ихъ измѣнниками и приказала казнить, стрѣльцы вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ старика Хованскаго отмстили за любимцевъ своихъ: съ обыкновенною имъ дерзостiю они разграбили оружейную, разставили вездѣ свою стражу и дѣлали въ Москвѣ что хотѣли, потому что правительница со всѣмъ дворомъ удалилась еще при началѣ бунта въ Троицкiй монастырь.

При первомъ извѣстiи объ опасности царей монастырь окруженъ былъ защитниками ихъ, полками окрестныхъ областей и людьми всякаго званiя. Они просили у двора позволенiя идти въ Москву и истребить всѣхъ стрѣльцовъ. Но какъ скоро стрѣльцы узнали объ этомъ, храбрость ихъ исчезла и они думали уже не о томъ, чтобы отмщать за Хованскихъ, но о томъ, какъ бы умилостивить дворъ. И что же они сдѣлали? Около 3,000 изъ нихъ причастились Св. Тайнъ, простились съ женами и дѣтьми и отправлялись въ монастырь къ наказанiю. Въ знакъ покорности несли они плахи и топоры для казни своей. Царевна Софiя, какъ всегдашняя покровительница ихъ, употребила всю свою властъ на царей—безъ согласiя которыхъ она не могла обойтись въ этомъ случаѣ—чтобы выпросить у нихъ прощенiе любимцамъ своимъ, и, разумѣется, успѣла въ томъ: изъ 3,000 казнили только самыхъ виновныхъ—тридцать человѣкъ.

Любопытно описывали современники торжественный въѣздъ царскаго семейства въ Москву послѣ этого бунта. Младшiй царь былъ уже тогда тринадцати лѣтъ. По росту его, необыкновенно высокому, онъ казался нѣсколькими годами старѣе. Никогда различiе царственныхъ братьевъ не было такъ замѣтно, какъ при этомъ случаѣ. Въ то время, какъ слабый и блѣдный Iоаннъ равнодушно смотрѣлъ на безчисленныя толпы народныя и на безоружные ряды стрѣльцовъ, смиренно стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ дороги и громко благодарившихъ государей за свое помило-

ваніе, привлекательное, цвѣтущее здоровьемъ лицо Петра живо показывало волненіе души его и взоры безпрестанно выражали какое нибудь новое чувство: то грозно сверкали они пылкимъ негодованіемъ, то тихо сіяли кротостію къ самимъ преступникамъ, то привѣтливо горѣли любовью къ народу.

Впрочемъ, участіе его въ правленіи все еще не было замѣтно: Софія все еще управляла одна, и надобно сказать правду, что во многихъ случаяхъ распоряженія ея заслуживали похвалу и одобреніе. Такъ умѣла она вести искусные переговоры и сохранить миръ съ крымцами, съ молдавскимъ господаремъ и калмыцкимъ ханомъ; такъ умѣла избѣгать войны съ Швеціею и наконецъ такъ умѣла заключить важный союзъ съ Польшею и Австріею. Этотъ союзъ былъ противъ Турціи. Давно уже старались о немъ король польскій Іоаннъ Собѣсскій и австрійскій императоръ Леопольдъ. Сила и дерзкое самовластіе турокъ устрашили этихъ двухъ государей; имъ казалось, что только общая война и помощь сосѣднихъ царствъ можетъ остановить быстрые успѣхи магометанъ. Русскіе представляли самую близкую и самую надежную помощь въ такомъ случаѣ, и вотъ въ 1684 году императоръ и король отправили пословъ своихъ въ Москву. Правительница со всею азіатскою пышностію встрѣтила и угощала знаменитое посольство, но не прежде согласилась на предложеніе его, какъ въ 1686 году, когда уже и папа римскій, и король шведскій, и курфирстъ саксонскій, и господарь молдавскій соединили свои просьбы съ просьбами поляковъ и австрійцевъ, и когда Іоаннъ Собѣсскій отказался навсегда отъ своихъ требованій на Смоленскъ и Кіевъ, и на всѣ области, присоединенныя къ Россіи по Андрусовскому перемирію.

Восхищаясь выгодами заключеннаго союза, Софія щедро наградила бояръ, которые участвовали въ переговорахъ. Главнымъ лицомъ, по обыкновенію, былъ тутъ князь Василій Голицынъ. Разумѣется, что онъ получилъ и главныя награды: золотую чашу въ 9 фунтовъ, кафтанъ въ пятьсотъ рублей и въ окрестностяхъ Нижняго-Новгорода волость Богородицкую въ 3,000 дворовъ! Вы можете судить

теперь, какъ высоко цѣнила царевна заслуги любимца своего!

Нельзя было бы осуждать ее, еслибы она цѣнила эти заслуги тогда, когда онѣ, точно, приносили пользу отечеству, какъ случилось на тотъ разъ, но она осыпала Голицына своими милостями даже и тогда, когда онъ вовсе не заслуживалъ того. Такъ было вскорѣ послѣ заключенія знаменитаго союза. Союзники положили тѣснить турокъ съ трехъ сторонъ: польскими силами при Бѣлградѣ, австрійскими—въ Венгріи и Трансильваніи, а русскимъ поручено было завладѣть Крымскимъ полуостровомъ, котораго ханъ былъ вѣрнымъ союзникомъ турокъ. Два раза войско наше ходило въ Крымъ, и, по желанію правительницы, всегда подъ начальствомъ князя Голицына. Всякій разъ возвращалось оно оттуда не только безъ всякой пользы, но даже съ большими потерями, и всякій разъ получало богатые подарки. Кромѣ деревень и денегъ, слишкомъ щедро розданныхъ тогда начальникамъ полковъ, царевна пожаловала имъ и всѣмъ офицерамъ—золотыя, а простымъ солдатамъ—серебряныя медали. Медаль Голицына была сдѣлана изъ 300 червонцевъ, осыпана брилліантами и висѣла на золотой цѣпи.

Раздать такъ много милостей людямъ, не заслуживающимъ ихъ, нельзя было безъ цѣли! Софія имѣла эту цѣль: ей нужно было для новыхъ замысловъ привязать къ себѣ все войско и быть увѣренной въ его усердіи и преданности.

На слѣдующихъ страницахъ вы увидите, милые друзья мои, какъ ужасны были эти замыслы и какъ чудесно Богъ обратилъ ихъ къ славѣ Петра и къ стыду недостойной сестры его!

ПЕТРЪ, ЕДИНОДЕРЖАВНЫЙ ОБЛАДАТЕЛЬ РОССІИ.

1689 годъ.

Отчего вы задумались, маленькіе друзья мои? Что вы такъ невесело смотрите на 1689 годъ? Вамъ жаль, что Петру уже семнадцать лѣтъ, а вы ничего не слышали о томъ, что̀ было съ нимъ во все то время, какъ Софія такъ самовластно управляла царствомъ его? Ваше сожалѣніе очень справедливо: ничье дѣтство не было такъ любопытно, такъ прекрасно и блистательно, какъ дѣтство Петра! Итакъ, развеселитесь, милые читатели мои! Прежде разсказа о томъ, что̀ снова замышляетъ хитрая и властолюбивая царевна, и какъ избавился отъ нея семнадцатилѣтній Петръ, вы узнаете все, что есть въ исторіи любопытнаго о его дѣтствѣ и первой молодости. Слушайте же.

Вы помните, что еще на третьемъ году своего возраста Петръ имѣлъ маленькихъ товарищей, съ которыми любилъ играть въ солдаты. Пріятно было смотрѣть на малютокъ, какъ они, со всею точностію настоящихъ солдатъ, помнили весь порядокъ команды и, съ почтеніемъ слушая своего маленькаго командира, скоро и ловко исполняли его приказанія. Впослѣдствіи число ихъ увеличилось и какъ они обыкновенно жили въ Потѣшномъ Преображенскомъ дворцѣ, то и ихъ называли *потѣшными*. А можетъ быть это имя произошло и оттого, что они составляли увеселеніе, или—какъ тогда называли—*потѣху* Петра.

Но это увеселеніе вскорѣ сдѣлалось гораздо важнѣе, и вотъ по какой причинѣ: въ числѣ иностранцевъ, служившихъ въ Россіи при царяхъ Алексѣѣ Михайловичѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, былъ одинъ женевскій дворянинъ, *Лефортъ*. Съ красивою наружностію въ немъ соединялись и прекрасныя качества души. Особенно отличался онъ своею храбростію, праводушіемъ и привязанностію къ странѣ, ласково принявшей его въ число сыновъ своихъ. Онъ любилъ Россію, какъ свое отечество, и зналъ очень хорошо русскій языкъ. Все это обратило на него особенное вни-

маніе десятилѣтняго государя. Дружество, существовавшее впослѣдствіи между имъ и Лефортомъ, началось съ голландскаго языка. Петръ просилъ образованнаго женевца научить его по-голландски. Уроки начались, и съ того времени не было для Петра пріятнѣйшаго препровожденія времени, какъ разговаривать съ новымъ любимцемъ своимъ. Лефорту было чѣмъ занимать любопытнаго ребенка, было что̀ разсказывать! Онъ такъ много странствовалъ по разнымъ государствамъ, такъ много видѣлъ на свѣтѣ и хорошаго, и дурного, что въ разговорахъ съ нимъ Петръ могъ безпрестанно узнавать что нибудь новое и полезное. Лефортъ замѣтилъ, что маленькому слушателю болѣе всего нравились разсказы его объ иностранныхъ войскахъ и о томъ устройствѣ, до котораго они были уже доведены въ Европѣ. Не было конца разспросамъ о ихъ вооруженіи, одеждѣ, ученьи. Любопытный царь хотѣлъ знать малѣйшія о нихъ подробности. Вотъ Лефортъ, чтобы удовлетворить желаніе его въ полной мѣрѣ и удивить пріятною нечаянностію, выбралъ пятьдесятъ человѣкъ потѣшныхъ, одѣлъ, вооружилъ и обучилъ ихъ совершенно по-европейски, и въ одно утро привелъ всѣхъ ко дворцу. Двѣнадцатилѣтній Петръ былъ въ восхищеніи, увидѣвъ предъ глазами своими то, о чемъ прежде такъ много слышалъ въ разсказахъ: едва узнавая товарищей своихъ въ новыхъ мундирахъ, онъ то перебѣгалъ отъ одного изъ нихъ къ другому, то бралъ палочки изъ рукъ барабанщика и учился самъ барабанить, то обнималъ и цѣловалъ Лефорта, такъ искусно умѣвшаго угодить ему! Онъ сдѣлалъ его командиромъ новой роты, а самъ, чтобы изучить въ совершенствѣ военное искусство, записалъ себя въ эту роту простымъ солдатомъ! И не подумайте, чтобы онъ сдѣлалъ это для одного удовольствія своего, не имѣя намѣренія исполнять обязанностей новаго званія. Нѣтъ, напротивъ того, не было солдата усерднѣе и исправнѣе его. Онъ не только что спалъ въ общей палаткѣ солдатъ, обѣдалъ за однимъ столомъ съ ними и носилъ одинакую одежду, но даже стоялъ по очереди на караулѣ и отправлялъ всѣ солдатскія работы; напримѣръ, онъ возилъ землю къ строившейся крѣпости; онъ самъ сдѣлалъ ту телѣжку, на которой

возилъ эту землю. Однимъ словомъ, онъ хотѣлъ собственнымъ опытомъ узнать всѣ трудности военной службы, удостовѣриться въ возможности переносить ихъ и показать своимъ подданнымъ примѣръ повиновенія къ начальству. Такой примѣръ былъ чрезвычайно нуженъ для нихъ: духъ мѣстничества еще не совсѣмъ истребился и многіе изъ бояръ еще любили величаться старѣйшинствомъ или родомъ и неохотно вступали въ службу. Теперь же могли ли они не перемѣнить образъ мыслей, когда видѣли, что самъ государь служилъ простымъ солдатомъ, и въ этомъ званіи безъ всякихъ противорѣчій исполнялъ приказанія своего начальника? Вотъ первое великое дѣло Петра, милые читатели! Его служба рядовымъ въ ротѣ потѣшныхъ доказала самымъ надменнымъ приверженцамъ старинныхъ предразсудковъ о породѣ, что не знаменитые предки, но собственныя заслуги составляютъ достоинства человѣка. Съ тѣхъ поръ, какъ царственный воинъ-дитя съ восторгомъ и почтительною благодарностію принялъ отъ начальника роты, за отличную службу свою, чинъ *сержанта*, умолкли навсегда смѣшные споры о знатности предковъ и всѣ увѣрились въ необходимости лично заслуживать тѣ достоинства, которыми хотѣли гордиться. Многіе начали записывать дѣтей своихъ въ потѣшные и число ихъ вскорѣ такъ увеличилось, что уже не могло помѣщаться въ селѣ Преображенскомъ и надобно было часть изъ нихъ перевесть въ ближнее оттуда увеселительное село царское, *Семеновское*. Вотъ эти-то потѣшные: преображенскіе и семеновскіе, составили впослѣдствіи тѣ два гвардейскіе полка наши, которые до сихъ поръ носятъ эти знаменитыя имена.

Безпрестанно занимаясь ими и находя первое удовольствіе въ этомъ занятіи, Петръ менѣе и менѣе заботился о томъ, что̀ честолюбивая сестра отнимала у него всю царскую власть его. Онъ даже рѣдко ѣздилъ въ Москву: Преображенское было любимымъ мѣстомъ его, гдѣ онъ жилъ почти не выѣзжая. Кромѣ службы съ потѣшными, у него было много другихъ занятій и потому не удивительно, что онъ не догадывался о намѣреніяхъ Софіи. Каждый день нѣсколько часовъ проводилъ онъ за военно-математическими науками. Учитель его въ этомъ предметѣ былъ одинъ ис-

кусный артиллерійскій поручикъ *Францъ Тиммерманъ*, лично самимъ имъ выбранный изъ офицеровъ пушечнаго двора. Здѣсь кстати замѣтить, что Петру послѣ коронованія его уже не давали настоящихъ учителей: у предковъ нашихъ не было обыкновенія, чтобы коронованный государь продолжалъ ученье.

Съ радостію видѣла Софія, что маленькій царь думалъ объ этомъ совсѣмъ иначе и безпрестанно переходилъ отъ одного урока къ другому. Она явно и тайно благопріятствовала его занятіямъ, замѣчая, что они отвлекали его отъ всякаго участія въ правленіи. Къ тому же и потѣшные, и математика, и строеніе небольшихъ крѣпостей, и примѣрныя сраженія предъ ними,—все это казалось Софіи однѣми забавами меньшого брата ея, забавами, вовсе не опасными для умной правительницы!

Но какъ же ошиблась гордая царевна! Посреди этихъ мирныхъ забавъ возрасталъ могущественный Преобразователь Россіи, развивался необыкновенный умъ его. Въ четырнадцать лѣтъ онъ уже показывалъ боярамъ своимъ недостатки прежняго *ратнаго устава*, гдѣ особенно недоволенъ былъ излишними словами въ командѣ.—Послушайте,— говорилъ умный молодой царь окружавшимъ его,—можно ли офицеру скоро скомандовать все это: «*Подыми мушкетъ ко рту, содми съ полки, возми пороховой зарядецъ, опусти мушкетъ книзу, посыпь порохъ на полку, поколоти немного о мушкетъ, закрой полку, стряхни, содми, положи пульку въ мушкетъ, положи пыжъ на пульку, вынь забойникъ, добей пульку и пыжъ до пороху, приложися, стрѣляй!*» Не лучше ли, — продолжалъ Петръ, — вмѣсто всего этого сказать: *Слушай! заряди мушкетъ! прикладывайся! стрѣляй!*» Сначала бояре, защищая прежній порядокъ, не вѣрили, чтобы можно было хорошо понять и исполнить это короткое приказаніе, но когда Петръ скомандовалъ при нихъ и солдаты такъ же исправно все сдѣлали, какъ и прежде, упрямые приверженцы стараго порядка должны были согласиться, что замѣчанія молодого царя были въ полной мѣрѣ справедливы.

Военное искусство не было единственнымъ предметомъ вниманія Петра; съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ это вниманіе

обращалось на все. Съ удивленіемъ надо было слушать, какъ, двѣнадцати лѣтъ, онъ разговаривалъ съ патріархомъ о вѣрѣ и ея торжественныхъ обрядахъ. Съ удивленіемъ надо было видѣть, какъ онъ, въ этомъ же возрастѣ, разсматривая библіотеку патріарха, сердился на него за безпорядокъ, найденный въ ней, и поручилъ устроить ее своему бывшему учителю Зотову. Почти въ то же время искусною хитростію онъ отучилъ бояръ отъ пристрастія къ охотѣ и, представивъ имъ, какъ смѣшно такое безполезное употребленіе времени, записалъ большую часть людей, служившихъ на сокольничьемъ дворѣ, въ ряды своихъ потѣшныхъ.

Но, не смотря на множество такихъ случаевъ, ясно показывавшихъ удивительныя способности младшаго царя, гордая царевна, ослѣпленная властолюбіемъ, вовсе не замѣчала того и продолжала нераздѣльно управлять государствомъ даже и тогда, когда Петру исполнилось семнадцать лѣтъ и онъ, по желанію царицы-матери своей, уже избралъ себѣ супругу. И въ это время Софія называла себя во всѣхъ указахъ *Самодержицею Россіи,* изображала портретъ свой въ коронѣ и порфирѣ на всѣхъ монетахъ и медаляхъ, даже хотѣла представлять лицо государыни и тогда, когда въ большіе праздники семейство царское торжественно показывалось народу. Но семнадцатилѣтній Петръ, чувствуя права свои, началъ противиться этой самовластной волѣ и во время крестнаго хода изъ Успенскаго собора въ соборъ Казанскій, 8-го іюля 1689 года, рѣшительно объявилъ, что сестра его должна быть въ церкви только какъ царевна, а не какъ правительница и государыня. Софія не обратила никакого вниманія на слова брата и пошла, какъ и всегда, рядомъ съ обоими царями.

Такая гордость, такая дерзкая неуступчивость вывели, наконецъ, Петра изъ терпѣнія: не желая въ глазахъ всего народа покориться прихоти своенравной женщины, онъ въ ту же минуту вышелъ изъ церкви и уѣхалъ въ Преображенское вмѣстѣ съ матерью, супругою и своими приближенными.

Софія встревожилась: въ первый разъ она видѣла гнѣвъ Петра и испугалась слѣдствій его! Одна мысль потерять власть свою была для нея ужасна! Она готова была на

все, чтобы только удержать ее. Къ тому же, гордая душа ея никого не любила: она могла жертвовать обоими братьями! Но старшій не былъ опасенъ: надобно было избавиться только отъ младшаго. Вообразите же, друзья мои, она рѣшилась на это! Главнымъ помощникомъ ея въ этомъ ужасномъ дѣлѣ былъ начальникъ стрѣльцовъ Шакловитый, заступившій мѣсто старика Хованскаго, и съ нимъ восемь стрѣлецкихъ полковниковъ. Эти злодѣи, такъ же какъ и Милославскій, воспользовались легковѣріемъ и безпокойнымъ нравомъ стрѣльцовъ и снова обманули ихъ несправедливыми слухами. Они увѣрили ихъ, что царь, вводя нѣмецкіе обычаи и нѣмецкое войско, хочетъ перемѣнить вѣру и возстать на брата своего Іоанна. Услышавъ такія вѣсти, дерзкіе стрѣльцы, незадолго передъ тѣмъ осыпанные милостями царевны за второй безполезный походъ въ Крымъ, готовы были, для угожденія ей, рѣшиться на ужасное злодѣяніе: умертвить Петра и всѣхъ его приверженцевъ. Въ ту же ночь назначено было идти для того въ Преображенское.

Но Богъ чудесно показалъ милость свою къ герою русскому! Въ то самое время когда стрѣльцы-заговорщики толковали объ ужасномъ намѣреніи своемъ, въ толпѣ ихъ нашлись два человѣка—*Михаилъ Ѳеоктистовъ* и *Димитрій Мельновъ*—еще не совершенно забывшіе, что есть на небесахъ Господь, наказывающій преступленія: имъ страшно стало быть участниками злодѣевъ и они полетѣли въ Преображенское упасть къ ногамъ царя и открыть ему заговоръ.

Петръ ласково и съ благодарностію принялъ раскаявшихся преступниковъ и въ тотъ же часъ уѣхалъ со всѣмъ семействомъ своимъ въ Троицо-Сергіевскій монастырь. Между тѣмъ, чрезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда его, пріѣзжаетъ въ Преображенское Шакловитый. О! сколько злобы, досады и страха почувствовалъ онъ, увидѣвъ, что жертва ускользнула отъ него! Уныло возвратился онъ въ Москву; какъ убитый явился къ Софіи. Царевна ужаснулась, услышавъ разсказъ его: ей казалось, что спасеніе Петра куплено цѣною ея собственной гибели! Въ тоскѣ отчаянія, въ предчувствіи судьбы своей, она не знала на что̀ рѣшиться!

То уговаривала стрѣльцовъ довершить заговоръ Шакловитаго—общимъ возстаніемъ, то клеветала на Петра старшему брату, то просила совѣтовъ у князя Голицына, то снова отвергала ихъ! Нигдѣ не было успѣха: стрѣльцы не хотѣли болѣе слышать о мятежѣ и безъ всякаго сопротивленія выдали Петру всѣхъ сообщниковъ заговора и самого Шакловитаго. Царь Іоаннъ такъ любилъ и уважалъ брата, что не могъ повѣрить десятой части разсказовъ царевны, а Голицынъ никогда не одобрялъ замысловъ Софіи на жизнь брата, но совѣтывалъ ей скорѣе уѣхать въ Польшу. Между тѣмъ какъ виновная правительница находилась въ такой мучительной нерѣшительности, въ монастырѣ Троицкомъ дѣлали розыскъ о заговорѣ и назначенные Петромъ бояре уже открыли во всей подробности преступленіе Софіи и ея сообщниковъ. Главные изъ нихъ, вмѣстѣ съ Шакловитымъ, были наказаны смертію; другимъ отрѣзали языки, остальныхъ сослали въ Сибирь. Наказывая ихъ, Петръ все еще медлилъ наказать Софію; все еще уважалъ въ ней дочь отца своего! Софія хотѣла воспользоваться его великодушіемъ и послѣ потери усердныхъ помощниковъ, уже не имѣя надежды погубить великаго брата своего, начала стараться о примиреніи съ нимъ. Для этого она просила тетку свою, царевну Татьяну Михайловну, и сестеръ Мароу и Марію съѣздить въ монастырь Сергіевскій и увѣрить Петра, что стрѣльцы оклеветали ее. Царь увидѣлъ въ этомъ поступкѣ только новую хитрость сестры своей и показалъ тремъ царевнамъ такія ясныя доказательства вины ея, что онѣ всѣ не хотѣли возвратиться въ Москву и остались въ монастырѣ. Вслѣдъ за этимъ неудачнымъ посольствомъ Софія отправила къ брату патріарха Іоакима, который, узнавъ подробно о преступленіяхъ правительницы, послѣдовалъ примѣру сестеръ ея и отказался просить за нее царя. Царевна не пришла въ уныніе и на этотъ разъ и поѣхала сама видѣться съ братомъ, но Петръ отказалъ ей въ томъ и, видя ея желаніе оправдаться и воспользоваться прежнею властію, поспѣшилъ рѣшить судьбу ея: она лишена была званія правительницы и пострижена въ монахини [1]). Князь Василій

[1]) Софія Алексѣевна пострижена была подъ именемъ *Сусанны,* въ

Голицынъ и сынъ его лишены боярскаго достоинства и посланы въ вѣчную ссылку.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ совершеннаго окончанія дѣла о заговорщикахъ Петръ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву въ сопровожденіи войска, явившагося для защиты его въ монастырь Троицкій. Это войско состояло изъ потѣшныхъ, изъ регулярнаго отряда подъ начальствомъ генерала Гордона и тѣхъ стрѣлецкихъ полковъ, которые оставались вѣрными царю. Кромѣ того, множество народа шло вмѣстѣ съ войскомъ: всякому хотѣлось видѣть свиданіе обоихъ царей послѣ такого важнаго переворота въ правленіи, тѣмъ болѣе, что мятежники увѣряли всѣхъ, что царственные братья въ ссорѣ между собою. Но какъ же удивились всѣ, когда, подходя къ дворцу, увидѣли на крыльцѣ Іоанна, вышедшаго на встрѣчу брату! Съ непритворною радостію государи обнялись; ихъ не раздѣляли болѣе хитрости честолюбивой сестры. Въ тотъ же день старшій царь объявилъ народу, что онъ отказывается отъ участія въ правленіи и уступаетъ свою власть младшему брату своему, болѣе его способному составить счастіе подданныхъ. Петръ согласился на непремѣнное желаніе великодушнаго брата, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Іоаннъ предсѣдательствовалъ въ Думѣ боярской и чтобы имя старшаго брата во всѣхъ государственныхъ бумагахъ было выше имени младшаго.

Вотъ начало настоящаго царствованія Петра, милые читатели! Теперь вы услышите самые любопытные разсказы о дѣлахъ его.

московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Здѣсь провела она около 16-ти лѣтъ и скончалась въ іюлѣ 1075 года.

НАЧАЛО РУССКАГО ФЛОТА И ПЕРВАЯ ПОБѢДА ПЕТРА.

отъ 1689 до 1697 года.

(8 лѣтъ).

Изъ описанія дѣтскихъ игръ Петра и его потѣшныхъ вы уже видѣли начало сухопутнаго войска его. Хотите ли знать теперь, какъ образовались морскія силы нашего царя-героя? Можно сказать, что каждая игрушка показывала его стремленіе къ великимъ дѣламъ. Вы узнаете это изъ слѣдующаго разсказа.

Петръ осматривалъ однажды въ селѣ Измайловскомъ старыя вещи, оставшіяся въ домѣ прапрадѣда его Никиты Ивановича Романова. Вдругъ замѣчаетъ онъ между ними какую-то брошенную безъ употребленія лодку, вовсе не похожую на тѣ, какія дѣлались тогда въ Россіи. Съ нимъ былъ въ это время учитель его Францъ Тиммерманъ. Любопытный царь спрашиваетъ его, что это за лодка, и съ удивленіемъ узнаетъ, что это англійскій ботъ, употребляемый на морѣ, при корабляхъ, и что на немъ можно ѣздить на парусахъ по вѣтру и противъ вѣтра. Это была новость, еще никогда невиданная Петромъ. Сколько занимательности она представила ему! Нетерпѣливый царь хотѣлъ въ ту же минуту пуститься на немъ по Яузѣ, но ботъ былъ почти въ совершенномъ разрушеніи. Надобно было прежде исправить его, и тотчасъ приказано искать плотника. Къ счастію, нашли того самаго голландца Брандта, который строилъ этотъ ботъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Онъ починилъ, оснастилъ, спустилъ его на воду и нѣсколько времени ѣздилъ предъ глазами государя, стоявшаго на берегу. Насмотрѣвшись довольно на лавированіе мастера, Петръ самъ сѣлъ вмѣстѣ съ Брандтомъ и началъ управлять ботикомъ. Съ перваго же раза новое дѣло пошло такъ хорошо, что плаваніе на ботикѣ сдѣлалось тогда же одною изъ любимыхъ забавъ молодого государя. Здѣсь, къ славѣ Петра, надобно сказать вамъ, милые читатели, еще то, что онъ въ дѣтствѣ боялся воды и что ему стоило большихъ трудовъ преодолѣвать этотъ природный страхъ.

Но чего не сдѣлаетъ человѣкъ съ твердою волею и истиннымъ желаніемъ успѣха? Въ короткое время въ Петрѣ не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ прежняго страха. Рѣки Яуза и Москва скоро показались малы для молодого царя, и небольшія поѣздки водою до села Коломенскаго уже не удовлетворяли страсти его къ мореплаванію. Въ 1691 году выписаны были новые мастера изъ Голландіи и построена корабельная верфь на озерѣ Переяславскомъ [1]). Главный мастеръ Арріенъ Меетье долженъ былъ заложить двѣ одинаковой величины яхты: одну для себя, другую—подивитесь, милые читатели,—другую для самого Петра! Да, друзья мои, Петръ, прошедшій всѣ нижніе чины сухопутной военной службы, хотѣлъ съ такою же точностію узнать и морскую! Еще болѣе, онъ хотѣлъ имѣть совершенное понятіе не только о томъ, какъ надобно служить на кораблѣ, но даже и о томъ, какъ надобно строить корабль. Вотъ два мастера принялись за работу: старшій, Арріенъ—объяснялъ правила постройки и на опытѣ показывалъ ихъ младшему—Петру. Собственными руками исполнилъ онъ все показанное ему, собственными руками клалъ каждую доску, вколачивалъ каждый гвоздь и такимъ образомъ спустилась на воды Переяславскаго озера *первая* яхта русская! Она была *первою* потому, что царственный ученикъ опередилъ учителя и окончилъ работу свою прежде, нежели окончена была яхта Арріенова. 1-го мая 1692 года царь, восхищенный произведеніемъ своимъ, началъ прогулки по озеру, а когда новый флотъ состоялъ уже изъ пяти судовъ, эти прогулки перестали быть простымъ катаньемъ двора, но представляли морское ученье и часто даже примѣрныя сраженія. Царица Наталія неохотно смотрѣла на такія увеселенія: нѣжная мать боялась новыхъ опасностей, какимъ подвергалъ себя Петръ, и старалась отвлекать его отъ моря, кораблестроенія и вообще отъ многихъ нововведеній, ненравившихся большей части его подданныхъ. Великій былъ всегда послушнымъ сыномъ и до самой смерти родительницы своей, случившейся въ 1694 году и жестоко

---

[1]) Это озеро называется также *Клешнинскимъ* и находится въ Владимірской губерніи. Оно имѣетъ въ длину 8, а въ ширину 7 верстъ.

поразившей его [1]), не предавался всей силѣ своего генія и не могъ доводить до совершенства своихъ обширныхъ намѣреній.

Послѣ кончины Наталіи въ дѣйствіяхъ его примѣтно болѣе свободы. Не боясь огорчать нѣжность ея, онъ съ каждымъ годомъ смѣлѣе предавался страсти своей къ мореходству и въ маѣ 1694 года уже ѣздилъ въ Соловецкій монастырь, а этотъ монастырь построенъ на островѣ Соловкахъ, лежащемъ на Бѣломъ морѣ! Стало быть въ то время это было важное морское путешествіе. Оно соединялось съ большими опасностями, и смѣлый Петръ едва не сдѣлался жертвою ихъ. На дорогѣ къ монастырю застигла его такая сильная буря, что всѣ находившіеся съ нимъ люди потеряли надежду спастись и даже самъ онъ уже приготовился къ смерти и, причастившись Св. Таинъ, безъ страха ожидалъ минуты гибели. Но Богъ спасъ Своего избраннаго. Русскій кормщикъ изъ простыхъ крестьянъ одинъ не потерялъ бодрости: счастливо провелъ онъ царскую яхту посреди подводныхъ камней и присталъ къ берегу. Мы, русскіе, такъ много обязаны этому искусному кормщику, что непремѣнно должны знать его имя: его называли *Антипъ Пановъ*. Петръ, въ знакъ благодарности къ Богу за свое спасеніе, поставилъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вышелъ на берегъ, деревянный, сдѣланный собственными руками крестъ, на которомъ вырѣзалъ слѣдующую надпись на голландскомъ языкѣ: «Dat kruvs maken Captein Piter, van A. Cht. 1694» [2]).

Не смотря на опасность путешествій по Бѣлому морю, царь три года сряду возобновлялъ ихъ. Знакомство съ иностранцами, и особенно съ голландскими купцами, которыхъ всегда было много въ Архангельскѣ, и разговоры съ корабельщиками увеличивали морскія познанія его; самыя путешествія, дѣлаемыя обыкновенно до Вологды сухимъ путемъ,

---

[1]) Горесть Петра о кончинѣ матери трогательно выражается въ письмѣ его къ тогдашнему архангельскому воеводѣ Θеодору Апраксину. Это письмо начинается такъ: «*Бѣду свою и послѣднюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не можетъ, купно же и сердце*».

[2]) Этотъ крестъ сдѣланъ капитаномъ Петромъ въ 1694 году.

а оттуда водою, доставляли ему новые опыты. Въ 1695 году уже заложена была вторая корабельная верфь въ городѣ Воронежѣ, но прежде нежели готовы были суда, на ней строившіяся, Петръ занялся другимъ важнымъ предпріятіемъ.

Я уже говорила вамъ, дѣти, о союзѣ, заключенномъ противъ Турціи царевною Софіею съ австрійскимъ императоромъ и королемъ польскимъ. Вы помните также и о тѣхъ двухъ походахъ въ Крымъ, за которые правительница съ несправедливою щедростію наградила любимца своего, князя Голицына, и все войско, ходившее съ нимъ. Это было почти первою причиною неудовольствій Петра на самовластіе и дурное правленіе сестры. Ему досадно было узнать, что русскіе могли съ такимъ безславіемъ воевать съ татарами, уже боявшимися ихъ; еще досаднѣе было видѣть, что за это самое безславіе ихъ наградили какъ самыхъ храбрыхъ воиновъ! Эта досада скрывалась въ сердцѣ его, пока Софія была повелительницею Россіи; но какъ скоро власть ея кончилась, Петръ началъ заботиться о томъ, чтобы заставить позабыть неудачи русскаго войска въ Крымѣ, тѣмъ болѣе, что онѣ могли внушать Турціи невыгодное мнѣніе о силахъ нашихъ и придавали татарамъ смѣлость дѣлать набѣги на наши владѣнія. Но Петръ, не смотря на всю свою молодость, былъ остороженъ и благоразуменъ, какъ человѣкъ совершенныхъ лѣтъ, и потому намѣреніе его продолжать начатую войну съ Турціей не было извѣстно до тѣхъ поръ, пока полки русскіе, обученные по-европейски, не привыкли къ новому устройству, обѣщавшему болѣе успѣха въ сраженіяхъ съ войскомъ необразованнымъ. Итакъ, не прежде какъ въ 1695 году молодой царь объявилъ народу, что для безопасности государства надобно отнять у турокъ городъ *Азовъ*, въ которомъ они построили важную крѣпость, чтобы помогать татарамъ дѣлать набѣги на русскія области и укрывать ихъ отъ преслѣдованій.

Многіе изъ читателей моихъ, вѣрно, знаютъ изъ географіи, что эта Азовская крѣпость и теперь существуетъ еще въ Екатеринославской губерніи, на берегу рѣки Дона, въ 30 верстахъ отъ Азовскаго моря. Но въ ней едва примѣтны

теперь слѣды знаменитаго города Азова, который извѣстенъ былъ еще въ одиннадцатомъ вѣкѣ. Тогда онъ принадлежалъ половцамъ, часто побѣждаемымъ нашими предками. Въ XIII вѣкѣ завладѣли имъ генуэзцы и называли его *Тана*, потому что до нашествія половцевъ на мѣстѣ Азова былъ городъ *Танаисъ*, построенный греками около Р. Х. Надобно думать, что этотъ же самый Танаисъ половцы назвали *Азовомъ*, потому что *Азупъ* было имя одного изъ князей ихъ. *Танаисъ*, *Тана* или *Азовъ* славился своею торговлею и богатствомъ, но генуэзцы недолго владѣли имъ; въ 1392 году онъ отнятъ былъ у нихъ ханомъ *Темиръ-Аксакомъ*. Судьба Азова была чрезвычайно непостоянна: въ 1453 году завоевалъ его отъ крымцевъ турецкій султанъ Магометъ II; въ 1639 году четыре тысячи донскихъ казаковъ отняли его у турокъ, которые послѣ двухъ походовъ, стоившихъ имъ очень дорого, снова возвратили несчастный городъ подъ власть свою и тогда уже обратили его въ сильную крѣпость.

Вотъ эту крѣпость надобно было отнять у Турціи для безопасности южныхъ границъ нашихъ. Весною 1695 года тридцати-тысячное войско, назначенное для осады Азова, выступило изъ Москвы въ четырехъ отрядахъ: *первымъ* командовалъ генералъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ; *вторымъ*—Патрикій Гордонъ; *третьимъ*—Францъ Лефортъ; *четвертымъ*—Артамонъ Головинъ. Въ отрядѣ послѣдняго были царскіе потѣшные, уже называвшіеся полками: *преображенскимъ* и *семеновскимъ*. Къ полку преображенскому прибавлена была рота бомбардирская и въ ней капитаномъ—самъ Петръ! Неописанно было удивленіе, съ которымъ предки наши смотрѣли на этого великаго государя, покорнаго приказаніямъ своего начальника! Чудесно дѣйствовалъ на нихъ этотъ необыкновенный примѣръ: онъ заставлялъ ихъ стремительно бросаться во всѣ опасности. Да и можно ли было бояться этихъ опасностей? Петръ совершенно по-*братски* раздѣлялъ ихъ съ ними: Петръ безъ всякаго страха, часто даже безъ всякой осторожности, леталъ въ самую средину сраженія! Такъ однажды онъ преслѣдовалъ турокъ съ своими двумя полками до самыхъ стѣнъ Азовской крѣпости. Но всѣ

чудеса храбрости, показанныя русскими во время этого похода, окончились только тѣмъ, что взяты были двѣ сильно укрѣпленныя турками каланчи, построенныя на берегахъ Дона въ шести верстахъ отъ Азова для того, чтобы не пускать русскихъ судовъ по Дону и тѣмъ затруднять провозъ съѣстныхъ припасовъ къ нашему войску. Къ тому же, случилось еще происшествіе, остановившее совершенно успѣхъ войны: инженеръ *Яковъ Янсонъ*, за что-то разсердившійся на генераловъ, заклепалъ ввѣренныя ему пушки и передался на сторону непріятелей. Эта низкая измѣна причинила столько вреда для русскихъ, что они должны были отступить и отложить войну до слѣдующаго года. Не нужно сказывать вамъ, милые друзья мои, съ какою заботливостію занялся Петръ приготовленіями ко второму походу: всѣ вы уже имѣете понятіе о неутомимости этого удивительнаго государя! Узнавъ на опытѣ, какъ необходимъ флотъ для взятія приморскаго города, Петръ обратилъ главное вниманіе свое на постройку судовъ въ Воронежской верфи. Цѣлую зиму тамъ работали безпрестанно, и къ веснѣ готовы были: 2 фрегата, 4 брандера, 2 гальота и 23 галеры. Адмираломъ этого — какъ будто бы волшебною силою явившагося флота — сдѣланъ былъ одинъ изъ главныхъ помощниковъ Петра—Лефортъ. Подъ начальствомъ его были: вице-адмиралъ *де-Лима*, родомъ генуэзецъ, и контръ-адмиралъ *Лозеръ*. Главнокомандующимъ надъ сухопутнымъ войскомъ былъ генералъ Шеинъ. Отправляясь въ маѣ 1696 года въ этотъ второй походъ подъ Азовъ, молодой государь былъ печаленъ: незадолго передъ тѣмъ, и именно 29-го января, онъ лишился брата, котораго любилъ со всею нѣжностію. Многіе историки называютъ царя Іоанна Алексѣевича *слабымъ*. Но одинъ изъ нихъ, Галемъ, вотъ что̀ говоритъ о немъ: «Откровенно признаваясь въ тѣлесныхъ и душевныхъ своихъ недостаткахъ и отдавая всенародно преимущество предъ собою младшему своему брату, онъ показалъ болѣе величія души, нежели многіе, почитающіе себя умными и сильными». Если прибавить къ такому описанію—уваженіе и привязанность его къ Петру, то нельзя не оцѣнить достойно этого кроткаго государя. Не знаю, какъ вы,

милые читатели мои, но я очень, очень люблю добраго Іоанна Алексѣевича и жалѣю, что онъ рано скончался и не прожилъ по крайней мѣрѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ: тогда онъ услышалъ бы, съ какою славою любимецъ его, его несравненный Петръ, кончилъ азовскій походъ; увидѣлъ бы торжественное возвращеніе его въ Москву, и счастіе милаго брата утѣшило бы нѣжное сердце страдальца. Да, друзья мои, не позже, какъ 19-го іюля того же 1696 года, Азовъ, стѣсненный съ моря и съ сухого пути искусными распоряженіями Петра и его генераловъ, принужденъ былъ сдаться. Побѣдитель позволилъ жителямъ выйти и взять съ собою столько имущества, сколько можно было унесть на рукахъ, но потребовалъ за это выдачи измѣнника Янсона, и воля его была исполнена.

Петръ, обладая многими прекрасными качествами души, имѣлъ также и необыкновенную скромность. Не смотря на самое дѣятельное участіе свое въ осадѣ Азова, онъ приписалъ весь успѣхъ побѣды своимъ полководцамъ и войску, и хотѣлъ, чтобы не онъ, а они имѣли торжественный въѣздъ въ Москву.

Въ первый разъ столица русская видѣла такой праздникъ, какой былъ въ день этого въѣзда. Все было такъ ново, такъ необыкновенно для тогдашнихъ жителей Москвы, что они записали малѣйшія подробности этого торжества, а вы, вѣрно, поблагодарите меня, если я загляну въ ихъ описанія и разскажу вамъ то, что болѣе всего любопытно въ нихъ.

Прежде всего надобно сказать вамъ, что день, назначенный для торжественнаго въѣзда, былъ 30-го сентября. При всходѣ на каменный мостъ построены были тріумфальныя ворота. По правую сторону ихъ стояла на пьедесталѣ статуя Марса съ надписью: *Марсовою храбростію*. У ногъ Марса лежалъ татарскій мурза съ лукомъ и колчаномъ, а за ними два скованные татарина съ надписью:

Прежде на степяхъ мы ратовались,
Нынѣ-жъ отъ Москвы бѣгствомъ едва спасались.

По лѣвую сторону у воротъ стояла статуя Геркулеса съ надписью: *Геркулесовскою крѣпостію*. У ногъ его ле-

жалъ азовскій паша въ чалмѣ и два скованные турка, опять-таки съ надписью:

Ахъ! Азовъ мы потеряли
И тѣмъ бѣдствъ себѣ достали!

Рѣзвые читатели мои! не вздумайте подшучивать надъ этими стихами! Вспомните, что въ то время еще не существовали поэты, которыми мы гордимся теперь, и потому не удивляйтесь, если я скажу вамъ, что эти самыя строки, которыя заставляютъ васъ теперь такъ лукаво улыбаться, казались прекрасными нашимъ прапрадѣдушкамъ. Но возвратимся къ первымъ тріумфальнымъ воротамъ русскимъ: мы разсказали только самую маленькую часть тѣхъ чудесъ, которыми они были испещрены въ торжественный день 30-го сентября. Входъ въ ворота былъ украшенъ золотою парчею. По своду написано было золотыми буквами: *пріидохъ, видѣхъ, побѣдихъ*. Посреди свода висѣлъ зеленый лавровый вѣнокъ, наверху парилъ двуглавый орелъ съ тремя коронами. Кромѣ того, по сторонамъ воротъ возвышались двѣ пирамиды, перевитыя зелеными вѣтвями, а отъ нихъ вдоль моста разставлены были огромныя живописныя картины. На одной представленъ былъ приступъ къ Азову, на другой морское сраженіе съ надписью:

На морѣ турки поражены.
Оставя Москвѣ добычу, корабли ихъ сожжены.

Мостовыя перила и всѣ улицы, ведшія къ Кремлю, были увѣшаны дорогими персидскими коврами; по обѣимъ сторонамъ дороги стройно стояли стрѣльцы, не бывшіе въ походѣ.

Теперь мы знаемъ, друзья мои, въ какомъ блестящемъ видѣ приготовилась Москва встрѣтить возвращавшихся побѣдителей; посмотримъ же на порядокъ, въ какомъ эти побѣдители вступали въ радостную столицу. Послѣ множества конюшихъ, каретъ, колясокъ и богато убранныхъ лошадей, принадлежавшихъ или царю, или генераламъ, ѣхала торжественная колесница, сдѣланная въ видѣ раковины, украшенная золотомъ и запряженная шестью сѣрыми лошадьми. Въ этой колесницѣ сидѣлъ тотъ, кого Петръ хотѣлъ почтить болѣе всѣхъ — Лефортъ. На немъ

былъ бѣлый морской мундиръ, обшитый серебряными галунами. За колесницею шли всѣ морскіе офицеры и матросы, бывшіе подъ начальствомъ его, и всѣ находившіеся въ русской службѣ иностранцы. Послѣ множества знаменъ, провожаемыхъ трубачами и литаврщиками, несли большое знамя государево, на которомъ изображенъ былъ Спаситель. За знаменемъ ѣхалъ бояринъ и большой воевода, т. е. главнокомандующій, Алексѣй Семеновичъ Шеинъ, въ черномъ бархатномъ кафтанѣ, въ шапкѣ съ бѣлымъ перомъ и съ обнаженною саблею въ рукѣ: это было второе лицо торжества. Послѣ него ѣхалъ воевода артиллеріи Вельяминовъ-Зерновъ, за которымъ солдаты тащили по землѣ турецкія знамена и вели плѣнника мурзу Аталыка. За этимъ отдѣленіемъ ѣхалъ дивизіонный генералъ Артамонъ Головинъ, полковникъ семеновскаго полка Чамберсъ и, наконецъ, капитанъ преображенскаго—Петръ, въ простомъ офицерскомъ мундирѣ, пѣшкомъ, съ своею ротой. Какая картина могла быть прекраснѣе, величественнѣе, удивительнѣе этой! Надобно было только взглянуть на торжественную колесницу Лефорта и на молодого Петра въ его капитанской одеждѣ, чтобы понять все превосходство, все величіе государя, посланнаго Богомъ Россіи. Съ равнымъ восторгомъ смотрѣли на него и русскіе, и иностранцы, съ равною любовію они были преданы ему и потому съ равнымъ негодованіемъ всѣ увидѣли въ концѣ шествія, за бомбардирами и пушкарями, измѣнника *Янсона:* его везли на телѣгѣ, подъ укрѣпленною на ней висѣлицею, надъ которой виденъ былъ турецкій полумѣсяцъ съ надписью: «*ущербъ луны*». На шеѣ у него надѣта была петля, на груди дощечка съ словами: «*злодѣй!*» Нельзя было безъ ужаса смотрѣть на этого низкаго и жалкаго человѣка! Взоры всѣхъ, съ презрѣніемъ отворачиваясь отъ него, отдыхали на свѣтлыхъ и благородныхъ лицахъ Лефорта и Шеина. Особенное удовольствіе примѣтно было въ обоихъ генералахъ въ ту минуту, какъ они подъѣзжали къ тріумфальнымъ воротамъ. Здѣсь снова встрѣтили каждаго изъ нихъ съ привѣтствіемъ въ стихахъ. Эти стихи уже не были надписью, но были сказаны сверху воротъ геніемъ въ такую огромную трубу, что весь народъ могъ внятно слышать каждое слово.

Знаменитый день 30-го сентября кончился царскими милостями, щедро розданными всѣмъ участвовавшимъ въ походѣ, и разными увеселеніями, которыя царь любилъ дѣлать для народа въ торжественные праздники. Эти увеселенія состояли чаще всего въ иллюминаціяхъ и фейерверкахъ. Послѣдніе—какъ любимая забава царя—за три года передъ тѣмъ уже давались дворомъ во время масляницы и въ разные другіе праздники, и сначала очень удивляли предковъ нашихъ; особенно простой народъ долго не могъ понять, по какому чуду эти прекрасные разноцвѣтные огни летали по воздуху. И какъ бы вы думали, кто занимался этимъ дѣломъ? Самъ Петръ! Не только онъ приготовлялъ собственными руками фейерверки, но часто даже самъ зажигалъ ихъ.

Окружавшіе его удивлялись, какъ этотъ великій умъ могъ въ одно время заниматься важными дѣлами и мелочами! Впрочемъ, зажженіе фейерверка, соединеннаго въ то время съ опасностями, еще не могло назваться совершенною бездѣлицею, но часто случалось, что Петръ посреди самыхъ глубокомысленныхъ размышленій о какомъ нибудь предпріятіи писалъ письма къ архангельскому воеводѣ о томъ, чтобы онъ купилъ для него лимоновъ, и разсказывалъ въ томъ же письмѣ, какимъ образомъ приготовить ихъ, чтобы доставить къ нему неиспорченными; или отдавалъ приказаніе о починкѣ какой-нибудь вещи изъ одежды своей, или, наконецъ, самъ принимался за эту починку: такъ не одинъ разъ онъ самъ чинилъ башмаки свои. Когда приближенные его громко удивлялись такой безпримѣрной дѣятельности и, по мнѣнію ихъ, излишней для царя бережливости, Петръ обыкновенно отвѣчалъ имъ своею любимою пословицею: «*Кто не бережетъ денежки, тотъ самъ не стоитъ рубля*».

Семейство царя Іоанна Алексѣевича.

Супруга: Параскевія Өеодоровна Салтыкова.

Дочери: 1) *Анна,* бывшая въ супружествѣ за герцогомъ курляндскимъ, впослѣдствіи императрица Всероссійская. 2) *Екатерина,* бывшая въ супружествѣ за герцогомъ мекленбургскимъ *Леопольдомъ.*

ПУТЕШЕСТВІЕ ПЕТРА ВЪ ЧУЖІЕ КРАЯ И ПОСЛѢДНІЙ БУНТЪ СТРѢЛЬЦОВЪ.

отъ 1697 до 1700 года.

(3 года).

Прекрасная мысль сдѣлать Россію похожею на просвѣщенныя государства европейскія свѣтлѣла въ геніальномъ умѣ Петра еще въ то время, когда онъ съ дѣтскою радостію смотрѣлъ на первое военное ученье своихъ потѣшныхъ. Она сильнѣе заблистала потомъ съ вѣяніемъ парусовъ, въ первый разъ развившихся на его новомъ флотѣ; она ярко загорѣлась, наконецъ, въ ту минуту, когда знаменитый Азовъ упалъ къ ногамъ своихъ побѣдителей! Съ тѣхъ поръ она была уже не мечтательною мыслію пылкаго ребенка, но постояннымъ предметомъ размышленій человѣка совершеннаго, единственною цѣлію его надеждъ, желаній, дѣйствій! И потому восторгъ его былъ невыразимъ при взятіи Азова. Владѣніе этимъ городомъ открывало подданнымъ его новое море[1]); Петръ почиталъ мореплаваніе лучшимъ средствомъ къ просвѣщенію народовъ. И подлинно, не черезъ моря ли и корабли самыя отдаленныя государства могутъ сообщаться и передавать другъ другу свои познанія и образованность? Но, къ сожалѣнію, по берегамъ Чернаго моря были не такія государства, у которыхъ можно было бы заимствовать просвѣщеніе. Взгляните на карту: вы увидите тамъ только полудикія области Азіи съ одной стороны и Турцію, еще чуждую христіанской вѣрѣ, съ другой. Но для владѣній Петра было еще одно море—*Бѣлое*. Но и это представляло такъ же мало выгодъ, какъ и Черное. По причинѣ близости своей къ холодному полюсу, оно бываетъ каждый годъ такъ долго покрыто непроходимыми льдами, что немного остается теплаго времени для прихода кораблей. Гдѣ же искать самой близкой дороги къ образованнымъ царствамъ Европы?

---

[1]) Читатели мои, вѣрно, знаютъ уже, что это было *Черное море*: оно соединяется съ Азовскимъ, при которомъ лежалъ Азовъ.

Съ этимъ вопросомъ взоры Петра остановились на морѣ Балтійскомъ. «Какъ хорошо было бы для Россіи моей»,— думалъ онъ,—«имѣть на этомъ морѣ гавань, куда бы могли приходить иностранные корабли! Какъ близко оно и къ Германіи, и къ Даніи, и къ Голландіи, и къ Англіи!» Но берега Балтійскаго моря и заливы Финскій и Рижскій, гдѣ удобнѣе всего можно было построить обширную гавань, не принадлежали въ то время Россіи: вы помните, друзья мои, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ принужденъ былъ по Столбовскому миру отдать Ингерманландію и Карелію шведамъ, которымъ принадлежала также и Лифляндія. Шведы храбры—трудно отнять у нихъ владѣнія ихъ! Но Петръ не боится трудностей, чувствуя справедливость своего требованія и понимая всю пользу, все величіе прекрасной цѣли своей; на берегахъ Балтійскаго моря Россія будетъ имѣть портъ, который соединитъ судьбу ея съ судьбою Европы и передастъ переимчивымъ обитателямъ ея всѣ науки и искусства этой, такъ давно образованной части свѣта. Однакожъ Петръ, хотя совершенно преданный этой мысли, хочетъ прежде собственными глазами и во всѣхъ подробностяхъ видѣть то просвѣщеніе, о которомъ онъ такъ много наслышался и начитался. Въ важномъ дѣлѣ преобразованія цѣлаго царства онъ не поступитъ легкомысленно, не перемѣнитъ необдуманно нравовъ и обычаевъ своего народа; не положится на одни слова иностранцевъ, хотя эти иностранцы заслуживаютъ всю довѣренность, потому что первое мѣсто между ними занимаютъ его учителя — Лефортъ и Тиммерманъ, уже такъ много разъ доказавшіе вѣрность и привязанность свою къ Россіи. Онъ увидитъ все самъ; онъ собственнымъ сужденіемъ оцѣнитъ всѣ отрасли образованности и тогда уже собственными руками перенесетъ ихъ въ родную страну. Для счастія подданныхъ своихъ онъ не пожалѣетъ ничего; онъ подвергнется не только всякимъ трудамъ, но даже и всякимъ опасностямъ. Да, друзья мои, онъ рѣшился—и русскіе услышали новость, никогда прежде неслыханную въ отечествѣ нашемъ: царь отправился въ чужіе края! И подумайте, какъ образомъ? Безъ малѣйшаго признака той пышности, съ которою государи русскіе обык-

новенно показывались народу, даже скрывъ это знаменитое достоинство подъ именемъ и одеждою простого дворянина посольства, отправлявшагося въ Вѣну для переговоровъ съ императоромъ о войнѣ противъ турокъ. Онъ сдѣлалъ это для того, чтобы избавиться всѣхъ торжественныхъ встрѣчъ, всѣхъ тягостныхъ церемоній, отнимающихъ такъ много времени у того, кто каждую минуту свою желаетъ употребить на что нибудь полезное.

Поручивъ внутреннее управленіе столицы и всего государства одному изъ достойнѣйшихъ вельможъ того времени, князю *Ѳеодору Юрьевичу Ромодановскому*, Петръ выѣхалъ изъ Москвы со всѣмъ посольствомъ 7-го марта 1697 года. Первымъ посломъ былъ намѣстникъ новгородскій генералъ-адмиралъ *Лефортъ;* вторымъ—сибирскій намѣстникъ *Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ;* третьимъ—думный дьякъ *Возницынъ*. Самъ же царь назывался просто дворянскимъ десятникомъ *Петромъ Михайловымъ*. Свита посольства была очень многочисленна. Кромѣ всѣхъ чиновниковъ, въ ней было еще двадцать пять человѣкъ молодыхъ людей изъ знатныхъ фамилій, назначенныхъ въ это путешествіе для усовершенствованія себя въ наукахъ. Между ними отличался не породою, но рѣдкими способностями и умомъ *Александръ Меншиковъ*. Это былъ любимецъ царскій. Петръ увидѣлъ его въ первый разъ въ домѣ Лефорта, гдѣ Меншиковъ служилъ простымъ мальчикомъ. Ловкость и проворство его такъ понравились проницательному государю, что онъ взялъ его къ себѣ, записалъ въ потѣшную роту и впослѣдствіи такъ полюбилъ умнаго *Алексашу* (такъ Петръ называлъ Меншикова), что почти ни на минуту не отпускалъ его отъ себя и приказалъ ему даже спать въ одной съ нимъ комнатѣ. Въ продолженіе исторіи нашей вы часто будете слышать объ этомъ *Алексашѣ*, милые читатели: онъ будетъ впослѣдствіи княземъ, знаменитымъ полководцемъ и министромъ Петра; но теперь это еще только молодой человѣкъ, любящій до обожанія великаго благодѣтеля своего, страстный къ ученію и восхищенный мыслію ѣхать въ чужіе края и видѣть все, что̀ они имѣютъ любопытнаго.

Проницательный Петръ не ошибся, приготовясь къ не-

пріятностямъ, какія могли случиться съ нимъ въ этомъ путешествіи. Онѣ начались съ первыми шагами его за границу Россіи. Вы помните, съ какимъ неудовольствіемъ обитатели береговъ Балтійскаго моря, эти прежніе враги-сосѣди, а теперь—добрые соотечественники наши, лифляндцы и эстляндцы, всегда смотрѣли на старанія государей русскихъ образовать своихъ подданныхъ. Вы помните, какъ послѣдніе рыцари Ливоніи остановили всѣхъ иностранцевъ, выписанныхъ изъ чужихъ краевъ Іоанномъ IV? Итакъ, удивительно ли, что и потомки ихъ точно также угрюмо смотрѣли на знаменитое посольство, ѣхавшее какъ будто на завоеваніе всѣхъ наукъ и искусствъ образованной Европы! Петръ и его непросвѣщенная Россія уже были страшны для сосѣдей своихъ; что же было бы, еслибы необыкновенный геній государя соединился съ образованностію народа? Такое соединеніе предвѣщало слишкомъ великое могущество; лифляндцы и шведы боялись его, и жители Риги осмѣлились явно показать посламъ свое нерасположеніе. Генералъ-губернаторъ ихъ, графъ Дальбергъ, не только что смотрѣлъ за ними, какъ за людьми опасными, но даже дѣлалъ самому Петру непростительныя грубости. Однажды любопытный царь хотѣлъ осмотрѣть городскія укрѣпленія и измѣрить глубину рвовъ. Что-жъ? Ему не только не позволили сдѣлать этого, но даже дерзкіе часовые чуть было не выстрѣлили въ него изъ ружей. Тогда Петръ нашъ сказалъ эти примѣчательныя слова, въ самомъ дѣлѣ исполнившіяся впослѣдствіи: «Не хотятъ, чтобъ я видѣлъ укрѣпленія Риги? Я надѣюсь нѣкогда увидѣть ихъ съ меньшимъ для меня затрудненіемъ и отказать шведскому королю въ томъ, въ чемъ отказываетъ мнѣ нынче Дальбергъ».

Чѣмъ далѣе ѣхалъ Петръ, тѣмъ радушнѣе встрѣчали его: съ отдаленіемъ исчезала зависть, съ которою смотрѣли на молодого царя сосѣди, боявшіеся въ немъ будущаго побѣдителя своего, и потому въ Митавѣ, Кенигсбергѣ, Берлинѣ и Ганноверѣ уже съ удовольствіемъ показывали ему все достойное примѣчанія. Въ Берлинѣ онъ особенно занимался военнымъ искусствомъ; въ Ганноверѣ онъ былъ у двухъ тамошнихъ принцессъ, которыя оставили любо-

пытное о немъ описанiе. Если вамъ хочется знать, дѣти, каковъ былъ нашъ Петръ во время этого перваго путешествiя своего въ чужiе края, то я скажу вамъ, что одна изъ принцессъ, угощавшихъ государя, описала въ исторiи своей жизни примѣчательный день, проведенный ею съ Петромъ, и вотъ что говоритъ о немъ: «Петръ имѣетъ видный ростъ и привлекательное лицо; отвѣты его скоры и всегда удачны. Онъ небольшой охотникъ до музыки, но болѣе всего любитъ кораблестроенiе и фейерверки. По словамъ его, онъ знаетъ довольно хорошо четырнадцать ремеслъ, и въ доказательство этого показывалъ намъ руки свои, покрытыя мозолями. По просьбѣ нашей, царь послалъ за своими музыкантами и танцовалъ съ нами русскiй танецъ. Странно было видѣть, какъ онъ то цѣловалъ, то щипалъ четырехъ карликовъ своей свиты, а десятилѣтнюю принцессу Софiю-Доротею поднялъ за голову вверхъ: это очень испортило головной уборъ ея. Онъ очень добрый государь (говоритъ въ заключенiе принцесса), но, по обычаю своей страны, обходится со всѣми уже слишкомъ безъ чиновъ. При лучшемъ воспитанiи ничего недоставало бы къ его великимъ достоинствамъ, потому что въ немъ замѣтно много ума и много хорошихъ качествъ».

Неудивительно, что нѣмецкая принцесса находила недостатки въ воспитанiи Петра. Замѣчанiя ея были отчасти справедливы: воспитанiе Петра съ тѣхъ поръ, какъ сестра его сдѣлалась самовластною правительницею царства, оставлено было въ большомъ небреженiи, и если послѣ коронованiя своего онъ имѣлъ учителей, то это были только такiе, которыхъ онъ самъ выбиралъ себѣ. Въ наукахъ необыкновенный умъ его дѣлалъ удивительные успѣхи, не смотря на всѣ препятствiя, какiя мѣшали ему образоваться, и потому принцесса, вѣроятно, говорила не объ этой части воспитанiя, но о той, которая касается свѣтскаго образованiя. Вѣроятно, нашъ откровенный Петръ не обращался такъ чинно, не кланялся такъ ловко и не говорилъ такъ вѣжливо, какъ нѣмецкiе принцы. Это не могло быть иначе. Когда было ему учиться этому? Умъ его былъ безпрестанно занятъ какимъ нибудь важнымъ дѣломъ. Да притомъ и въ Россiи въ то время еще не обращали внима-

нія на эту свѣтскую образованность. Стало быть принцессы могли бы извинить этотъ небольшой недостатокъ Петра, и онѣ, конечно, сдѣлали это. Къ тому же, быстрый умъ его съ такою легкостію понималъ все хорошее, что безъ всякаго сомнѣнія, проѣзжая назадъ чрезъ Ганноверъ, онъ уже удивилъ принцессъ какъ перемѣною своего обращенія, такъ и необыкновенными успѣхами своими во всѣхъ наукахъ и искусствахъ, которыми онъ занимался во время путешествія. Мѣсто, самое примѣчательное въ этомъ отношеніи, былъ маленькій голландскій городокъ *Саардамъ*. Здѣсь Петръ, думая только о пользѣ подданныхъ своихъ, забывъ совершенно величіе царя, въ одеждѣ обыкновеннаго плотника, учился любимой наукѣ своей — кораблестроенію! О! какъ любопытно, какъ удивительно было видѣть тогда этого великаго государя въ самой простой одеждѣ: въ красномъ байковомъ камзолѣ и бѣлыхъ холстинныхъ брюкахъ! Съ какимъ восторгомъ и горестію подданные его могли смотрѣть на это матросское платье! Изъ любви къ нимъ царь надѣлъ его, изъ любви къ нимъ подвергался всѣмъ трудамъ и непріятностямъ!

Сначала никто не зналъ, кто былъ русскій плотникъ *Петръ Михайловъ*, пріѣхавшій на шлюпкѣ изъ Амстердама и нанявшійся работать на верфи саардамской. Всѣ удивлялись хорошей работѣ пріѣзжаго и не прошло недѣли, какъ уже называли его за это *мастеромъ, баасъ* (Piter Baas). Вы не можете представить себѣ, какъ это прозваніе обрадовало Петра! Онъ такъ восхищался, что, казалось, простое имя *мастера*, полученное имъ по заслугамъ, было для него выше его царскаго достоинства, принадлежавшаго ему по рожденію. Называться *баасомъ* было для него тѣмъ пріятнѣе, что добрые жители саардамскіе никакъ не воображали, *кого* они величали такъ. Но такая тайна не могла существовать долго: Саардамъ былъ недалеко отъ Амстердама, гдѣ находилось посольство русское, и къ концу недѣли всѣ заговорили, что Piter Baas есть великій царь Россіи!

При этой новости не было конца удивленію голландцевъ! Какъ они ни хладнокровны, какъ ни мало поворотливы, но тутъ вдругъ развернулись и такъ проворно пу-

стились къ Саардаму, такъ скоро разболтали всѣмъ саардамцамъ о знаменитости русскаго плотника, и такъ неотвязчиво начинали вмѣстѣ съ ними бѣгать по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ только можно было видѣть его, что Петръ, чрезвычайно не любившій обращать на себя вниманіе, не узнавалъ своихъ степенныхъ пріятелей и, потерявъ терпѣніе смотрѣть на ихъ усердное удивленіе, рѣшился уѣхать изъ Саардама. Что-жъ бы вы думали? Только что любопытные провѣдали объ этомъ, какъ всѣ улицы отъ маленькой квартиры Петра Бааса, которую онъ нанималъ у одной бѣдной вдовы, до яхты его—столько же скромной, какъ и все окружавшее этого необыкновеннаго смертнаго—наполнилось народомъ. Даже городское начальство не могло остановить толпы, совершенно покрывшей пристань. Увидѣвъ это, Петръ, съ досадою на зѣвакъ, бросился въ средину ихъ, силою очистилъ себѣ дорогу, проворно вскочилъ въ яхту и, не смотря на бурный вѣтеръ, сильно качавшій волны залива Эй, тотчасъ поднялъ парусъ, чтобы закрыться отъ несноснаго для него любопытства.

Съ этихъ поръ, Петру трудно было избавляться отъ этого любопытства. Оно преслѣдовало его и въ Амстердамѣ, не смотря на всѣ старанія тамошней полиціи, желавшей угодить скромному путешественнику удаленіемъ докучливыхъ. Какъ ни просто было платье его, какъ ни походило оно на одежду прочихъ дворянъ посольства, но величественный ростъ, горделивая поступь, глаза, блиставшіе всѣмъ огнемъ необыкновеннаго ума, тотчасъ изобличали прекраснаго царя Россіи. Чтобъ скрыться отъ нескромнаго удивленія народа и свободнѣе наслаждаться картиной неутомимаго движенія и той высокой степени образованности, какую почти всегда представляетъ намъ приморскій торговый городъ, Петръ купилъ небольшую шлюпку и, самъ управляя ею, подъѣзжалъ часто очень близко къ адмиралтейству. Иногда шлюпка Петра, тихонько пробравшись между кораблями всѣхъ народовъ, останавливалась вблизи отъ нихъ, не обративъ на себя ничьего вниманія, и царь, весело любуясь дѣятельною и богатою жизнью Амстердама, вдругъ задумывался. Казалось, какъ будто въ эту минуту какая-то очень пріятная мысль залетала въ душу

его и разливала радость въ глазахъ его... Казалось, онъ смотрѣлъ уже не на Амстердамъ, но на что-то другое, какъ будто вдали видимое имъ... Казалось, онъ прислушивался къ радостнымъ крикамъ не этихъ чужестранныхъ матросовъ и купцовъ, со всѣхъ сторонъ окружавшихъ его въ голландскомъ портѣ, но на какихъ-то другихъ въ какомъ-то другомъ городѣ, несравненно болѣе близкомъ къ сердцу его... Я вижу, что старшіе изъ читателей моихъ догадываются о томъ, что̀ восхищало Петра передъ гаванью Амстердама,—вижу, что они понимаютъ восторгъ его и, раздѣляя его, радуются, что, наконецъ, дошли до самой занимательной страницы въ исторіи этого государя. Но погодите, друзья мои, еще Петръ не говоритъ и самымъ приближеннымъ къ нему о прекрасной мысли своей: еще онъ мечтаетъ о ней только тогда, когда сидитъ одинъ въ своей маленькой шлюпкѣ. Вышедши изъ нея, онъ разстается съ великими намѣреніями своими или, лучше сказать, онъ скрываетъ ихъ въ глубинѣ души своей и является на улицахъ амстердамскихъ уже не могущественнымъ царемъ-Преобразователемъ, но простымъ плотникомъ саардамскимъ, котораго искусная работа удивляетъ людей, бывшихъ за нѣсколько недѣль его учителями. Въ Амстердамѣ эта работа не ограничивалась корабельною верфью: многіе ремесленники и фабриканты этого города видѣли Петра въ мастерскихъ своихъ; многіе ученые и артисты давали ему уроки въ любимыхъ наукахъ его. Изъ послѣднихъ исторія называетъ математиковъ Дама и Гартцокера, корабельныхъ мастеровъ Вейсселера, Кардинаала, Реенена, Петра Поля и корабельнаго рисовальщика Адама Сило. Непонятна была для современниковъ неутомимость этого генія! Они едва вѣрили глазамъ своимъ, видѣвъ царя въ одинъ день и за станомъ ткача, и съ циркулемъ математика, и съ молотомъ кузнеца, и съ листомъ самой тонкой бумаги, собственными руками выдѣланной имъ на бумажной фабрикѣ! Переимчивый мастеръ всѣхъ художествъ и искусствъ являлся почти въ то же самое время и въ академіяхъ, гдѣ слушалъ лекціи профессоровъ, на площадяхъ и рынкахъ, гдѣ покупалъ припасы для умѣреннаго обѣда своего и, наконецъ, въ ма-

ленькой кухнѣ своей, гдѣ иногда въ отсутствіе кухарки самъ приготовлялъ этотъ обѣдъ! Казалось, это былъ духъ, вездѣ носившійся, для чудесной силы котораго не было ничего невозможнаго, ничего слишкомъ великаго, ни слишкомъ малаго.

Такъ провелъ Петръ нѣсколько мѣсяцевъ въ Голландіи. Объѣздивъ всѣ главные города ея, осмотрѣвъ въ нихъ все любопытное, онъ отправился въ январѣ 1698 года въ страну, еще болѣе примѣчательную своимъ просвѣщеніемъ— въ Англію. Здѣсь тотъ же образъ жизни, то же удивленіе народа къ чудесному царю отдаленной Россіи, которую образованные европейцы привыкли считать страною полудикою! Въ Англіи это удивленіе было еще замѣтнѣе: англичане, начиная съ короля ихъ Вильгельма III до послѣдняго работника въ адмиралтействѣ, помогавшаго *плотнику Петру* носить бревна и строгать доски карабельныя,—всѣ наперерывъ показывали къ знаменитому гостю своему не только уваженіе, но даже глубокое благоговѣніе. Король, дружески посѣщавшій царя, старался угадывать малѣйшія желанія его; купцы, художники, офицеры англійскаго флота восхищались, если могли быть чѣмъ нибудь полезными для него, и многіе изъ нихъ охотно слѣдовали примѣру голландцевъ и соглашались вступать въ службу того, кого почитали непостижимымъ геніемъ своего вѣка.

Петръ съ своей стороны точно столько же восхищался англичанами и всѣмъ, что̀ видѣлъ въ Англіи. Какъ часто, проводя цѣлые дни въ адмиралтействѣ лондонскомъ, онъ говаривалъ новымъ друзьямъ своимъ — адмираламъ Кармартену и Митчелю: «Безъ Англіи я былъ бы плохой мастеръ!» А когда эти адмиралы вздумали однажды показать морскіе маневры, то Петръ былъ такъ восхищенъ совершенствомъ англійскаго флота, что отъ души вскричалъ: «Еслибы я не былъ царемъ въ Россіи, то желалъ бы быть адмираломъ въ Англіи!»

Возвращаясь въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Голландію, царь былъ въ большой опасности: сильная буря задержала его четверо сутокъ на морѣ. Съ ужасомъ смотря на высокія волны, бросавшія во всѣ стороны царскую яхту, спутники Петра уже приходили въ отчаяніе, но герой, не боявшійся

никакихъ опасностей, сохранилъ присутствіе духа и въ этомъ случаѣ, и, ободряя испуганныхъ улыбкою, шутливо говорилъ имъ: «Чего вы боитесь? Слыханное ли это дѣло, чтобы царь русскій утонулъ въ Нѣмецкомъ морѣ?»

Изъ Голландіи Петръ намѣренъ былъ ѣхать въ Италію черезъ Вѣну. Въ этомъ городѣ ему надобно было переговорить съ императоромъ Леопольдомъ о туркахъ, съ которыми русскіе все еще вели удачную войну, между тѣмъ какъ австрійцы желали мира. Леопольдъ принялъ и угощалъ знаменитаго путешественника съ тѣмъ же радушіемъ и уваженіемъ, какія ожидали его во всякомъ государствѣ. Между всѣми праздниками, данными въ честь его въ Вѣнѣ, особенно примѣчателенъ былъ маскарадъ въ день 1-го іюля. Императоръ, все семейство его и триста придворныхъ особъ представляли ремесленниковъ и крестьянъ всѣхъ народовъ. Петръ былъ въ платьѣ фрисландца; фрейлина Турнъ, занимавшая мѣсто его дамы, — фрисландки. Оба государя были очень веселы на этомъ простомъ и въ то же время необыкновенномъ праздникѣ. Императоръ предложилъ гостю своему, все еще слывшему дворяниномъ посольства, выпить за здоровье царя московскаго. «Выпьемъ», — сказалъ Леопольдъ, — «мнѣ извѣстно, что вы знаете этого государя?» — «Съ лица и наизнанку!» — отвѣчалъ фрисландецъ.

Дружеское расположеніе Леопольда къ Петру примѣтно было и во время переговоровъ ихъ о дѣлахъ турецкихъ, и, соглашаясь на миръ съ султаномъ, онъ желалъ того же, что и Петръ: чтобы всѣ мѣста, завоеванныя русскими, остались во владѣніи ихъ.

Имѣя основательную надежду на этотъ миръ и, стало быть, на совершенное спокойствіе своихъ подданныхъ, царь тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ думалъ о своемъ скоромъ путешествіи въ Италію, такъ давно прославленную исторіей, — Италію, знаменитую воспоминаніями, очаровательную красотами природы! Уже всѣ распоряженія къ отъѣзду посольства были сдѣланы, какъ вдругъ пріѣхавшій гонецъ отъ князя Ромодановскаго привозитъ извѣстіе о новомъ ужасномъ бунтѣ стрѣльцовъ! Ромодановскій, котораго Петръ, оставивъ въ Москвѣ на своемъ мѣстѣ, называлъ *княземъ-кесаремъ*, *вице-царемъ* и даже *царскимъ*

величествомъ, писалъ донесеніе свое въ такомъ разстроенномъ состояніи духа, что государь ясно видѣлъ опасность, угрожавшую столицѣ его. Отложивъ путешествіе въ Италію, онъ спѣшилъ возвратиться въ отечество.

Причины этого новаго и послѣдняго бунта стрѣльцовъ были все тѣ же, какъ и прежде: досада ихъ на новый порядокъ, заводимый въ войскѣ, на предпочтеніе, какое Петръ явно отдавалъ передъ ними полкамъ, образованнымъ по-европейски, и страхъ, что онъ, возвратясь изъ чужихъ краевъ, начнетъ еще болѣе заботиться о преобразованіи, которое они ненавидѣли. Эта ненависть происходила вотъ отчего: многіе изъ нихъ имѣли странную мысль, что просвѣщеніе вредитъ благочестію и что чѣмъ болѣе люди занимаются ученьемъ, тѣмъ менѣе думаютъ о Богѣ. Такая мысль, во всякомъ случаѣ неосновательная,—потому что можетъ ли что нибудь болѣе наукъ и образованія дать намъ понятіе о Богѣ и его чудесныхъ твореніяхъ, — была совершеннымъ несчастіемъ въ народѣ, который имѣлъ столько набожности, какъ наши предки. Она заставляла нѣкоторыхъ суевѣровъ не любить Петра, принуждавшаго ихъ къ ученію.

Враги Петра умѣли пользоваться этимъ несчастнымъ заблужденіемъ, и вы видѣли уже, милые читатели, сколько бѣдъ происходило оттого въ правленіе властолюбивой царевны Софіи! Съ тѣхъ поръ, какъ стѣны монастырскія разлучили ее съ свѣтомъ, Россія сдѣлалась спокойнѣе, и всѣ думали, что прежняя правительница, отказавшись отъ всѣхъ безразсудныхъ замысловъ, оплакиваетъ въ уединенной кельи монахини несчастныя ошибки свои. Но не то дѣлала Софія: подъ монашеской рясой ея все еще билось сердце гордой княжны, все еще таилась надежда отнять у брата престолъ его. Однако же, она не смѣла предаваться этой надеждѣ съ прежнею увѣренностью и, можетъ быть, не рѣшилась бы ни на что, еслибы путешествіе Петра въ чужіе края не увеличило неудовольствія народа и не ободрило любимцевъ Софіи—дерзкихъ стрѣльцовъ. Государство оставалось полтора года безъ царя; въ это время злые непріятели Петра могли сдѣлать много вреда, и вотъ что̀ сдѣлали:

Почти всѣ начальники стрѣльцовъ, преданные Софіи,

старались, каждый въ своемъ полку, увѣрять своихъ подчиненныхъ, что Петръ, возвратясь изъ путешествія, обратитъ всѣхъ ихъ въ правильное войско и вообще заведетъ во всемъ порядокъ европейскій. Такими увѣреніями не мудрено было внушить имъ самыя отчаянныя намѣренія. Мысль, что не только царевна Софія, но даже и супруга Петра, царица Евдокія Ѳеодоровна, — такъ же какъ и стрѣльцы — ненавидѣвшая новые обычаи и просвѣщеніе, была на ихъ сторонѣ, еще болѣе подкрѣпляла дерзость бунтовщиковъ. Въ совѣтѣ ихъ замышляли на жизнь Петра при возвращеніи его изъ чужихъ краевъ и положили сдѣлать Софію правительницею государства до совершеннолѣтія царевича Алексѣя, восьмилѣтняго сына Петра, и уничтожить всѣ новости, введенныя имъ въ правленіе, войско и нравы русскихъ.

Съ такими ужасными намѣреніями стрѣлецкіе полки, расположенные по разнымъ городамъ, пошли къ Москвѣ, чтобы соединиться тамъ съ своими главными товарищами, но храбрость и присутствіе духа генераловъ Шеина и Гордона спасли столицу и усмирили бунтовщиковъ незадолго до пріѣзда государя. Слѣдствіе о преступленіяхъ ихъ началось уже при немъ и открываемыя подробности ихъ замысловъ были такъ ужасны, что надобно было Петру показать чрезвычайную строгость; виновные наказаны были такъ, какъ заслуживали ихъ злодѣйскія намѣренія. Въ сильномъ негодованіи на преступниковъ, такъ хладнокровно сговорившихся истребить все, что онъ съ такою заботливостію приготовилъ для счастія любимаго народа, всѣ драгоцѣнные плоды его тяжкихъ трудовъ, его безпрестанныхъ пожертвованій, — Петръ готовъ былъ осудить на смерть всѣхъ до послѣдняго изъ ненавистныхъ стрѣльцовъ, но достойный наставникъ и другъ его Лефортъ склонилъ къ жалости оскорбленное сердце Великаго и казнены были только самые виновные. Правда, что ихъ было очень много. Государь пощадилъ и сестру свою: она жила попрежнему въ монастырѣ. Но оставить ее вовсе безъ наказанія казалось несправедливостію для Петра, въ высочайшей степени правосуднаго, и онъ наказалъ ее слѣдующимъ образомъ: передъ окнами монастыря ея поставлены были висѣлицы,

на которыхъ повѣсили самыхъ виновныхъ и самыхъ преданныхъ ей преступниковъ. Остальные были разосланы по разнымъ городамъ, записаны въ другіе полки, и такимъ образомъ имя стрѣльцовъ, знаменитое сначала, безславное впослѣдствіи, сохранилось еще около трехъ лѣтъ въ четырехъ полкахъ, оставшихся вѣрными царю; но потомъ, когда и тѣ получили новыя названія или новое устройство, оно совершенно исчезло въ отечествѣ нашемъ.

Что-жъ касается царицы Евдокіи Ѳеодоровны, найденной по слѣдствію виновною въ умышленіи на жизнь государя, Петръ не хотѣлъ болѣе называть ее супругою своею и, отославъ въ суздальскій Покровскій монастырь, приказалъ постричь въ монахини. Она назвалась Еленою.

НОВЫЕ ОБЫЧАИ И ВОЙНА СЪ ШВЕЦІЕЙ.

отъ 1698 до 1703 года.

(5 лѣтъ).

Вотъ каковы были происшествія, поразившія сердце Петра при его возвращеніи въ отечество! Горестно было для него видѣть, что то самое просвѣщеніе, которое стоило ему безчисленныхъ трудовъ, надобно было передавать дорогою цѣною подданнымъ его, надобно было силою и средствами тяжкими вести ихъ къ перевороту, который долженъ былъ доставить имъ такъ много выгодъ. Петръ предвидѣлъ, что если онъ не будетъ принуждать ихъ къ просвѣщенію, но предоставитъ на волю ихъ быть образованными или остаться въ своемъ невѣжествѣ, большая часть изъ нихъ предпочтетъ послѣднее, и потому рѣшился не отдавать на волю ихъ выбора, но заставить ихъ покориться своей собственной волѣ. Строгая казнь стрѣльцовъ была первымъ слѣдствіемъ этой рѣшимости. Послѣ ужасовъ ея враги Петра затихли: страшно было противиться ему, страшно было не исполнять его повелѣній. Съ огорченнымъ сердцемъ пользуясь этимъ страхомъ, Петръ началъ дѣлать раз-

ныя перемѣны и улучшенія въ старинныхъ учрежденіяхъ, началъ вводить новый порядокъ не только въ нѣкоторыя части государственнаго устройства, но даже въ нравы и обычаи своего народа. Зная, какъ много наружность вещей имѣетъ вліянія на людей необразованныхъ, онъ обратилъ прежде всего на нее свое вниманіе.

Предки наши, въ привычкахъ, обыкновеніяхъ и даже въ одеждѣ, имѣли много сходства съ азіятцами: золотые кафтаны ихъ, дорогія шубы, мѣховыя шапки и длинныя бороды, дѣлая ихъ очень похожими на турокъ и татаръ, раздѣляли рѣзкою чертою съ европейцами. Отъ уничтоженія этой черты зависѣло очень много: въ одеждѣ человѣка образованнаго, казалось, легче было приступить къ образованію. Къ тому же, была еще причина, по которой европейское платье сдѣлалось необходимо для русскихъ: они такъ ненавидѣли иностранцевъ, что эти несчастные люди, съ такими затрудненіями выписываемые Петромъ изъ чужихъ краевъ, иногда подвергались опасности, выходя на улицу въ своихъ платьяхъ. Итакъ, вскорѣ послѣ казни стрѣльцовъ, объявленъ былъ царскій указъ о томъ, что всѣ дворяне и всѣ военные люди должны брить бороды и носить новое платье, которое походило на платье нѣмцевъ и голландцевъ. Сколько шуму и тревоги надѣлалъ этотъ указъ! Сколько различныхъ чувствъ произвелъ онъ въ сердцахъ жителей Москвы! Иностранцы обрадовались: они надѣялись теперь избѣгать гнѣва народнаго въ толпѣ русскихъ, одѣтыхъ одинаково съ ними; но за то русскіе были сначала почти въ отчаяніи отъ этого нападенія на платья и особенно на бороды ихъ. Нѣкоторые безразсудные и до суевѣрія набожные думали, что обрить бороду значитъ испортить *образъ Божій,* и многіе изъ нихъ готовы были согласиться на всякое пожертвованіе, лишь бы только сохранить эту драгоцѣнность! Но Петръ былъ неумолимъ. Онъ приказалъ на улицахъ обрѣзывать полы кафтановъ у упрямцевъ, приказывалъ каждый годъ брать штрафы съ нехотѣвшихъ разстаться съ своими бородами, и такимъ образомъ мало-по-малу заставилъ ихъ слушаться. Вскорѣ потомъ вышло новое повелѣніе царское: это самое важное для насъ, милыя читательницы мои, слушайте со вниманіемъ.

Вы помните, какую жизнь вели прежде русскія женщины? Это была самая скучная жизнь. Не смѣя никуда показаться безъ покрывала, онѣ проводили все время свое какъ затворницы монастырскія и не имѣли своей воли даже и въ самомъ важномъ дѣлѣ жизни: въ своемъ замужествѣ. Ихъ отдавали за того человѣка, котораго выбирали родители, безъ всякаго согласія со стороны невѣсты и даже прежде нежели молодые люди видѣли другъ друга. Послѣ этого можно судить о счастіи этой четы, еще не знакомой между собою, но уже навѣкъ соединенной! Въ этомъ случаѣ женщина была еще болѣе достойна жалости, нежели мужчина. Послѣдній могъ забывать неудачный выборъ своихъ родителей въ шумѣ свѣта и общества, онъ могъ заниматься службою, охотою, пріятными бесѣдами съ людьми умными. Но женщина, такая же невольница въ домѣ мужа, какъ была въ домѣ отца, перемѣняла только мѣсто своей темницы, и изъ дѣвичьяго терема родительскаго переходила въ уединенныя комнаты супруга, гдѣ не имѣла даже и того развлеченія, какое доставляетъ хозяйство: старинныя боярыни русскія не любили заниматься имъ и не пріучали къ тому дочерей своихъ. Во всякомъ посредственнаго состоянія домѣ была и ключница, и казначея, и нѣсколько кухарокъ и служанокъ. Итакъ, хозяйкамъ оставалось только кушать за каждымъ обѣдомъ нѣсколько десятковъ блюдъ, сидѣть на пуховыхъ диванахъ своихъ и скучать иногда нестерпимо!

Такая участь женщинъ не могла не обратить вниманія того, кто входилъ въ малѣйшія подробности жизни своего народа. Петръ всегда думалъ, что общество много теряло отъ затворничества женщинъ, а побывавъ въ чужихъ краяхъ и собственными глазами увидѣвъ, сколько счастія можетъ просвѣщенная женщина пролить на все семейство свое и сколько пользы принесетъ обществу ея присутствіе въ немъ, рѣшительно приступилъ къ исполненію своего намѣренія и приказалъ, чтобы ни одинъ священникъ не вѣнчалъ никакой пары безъ собственнаго согласія ея, чтобы каждый женихъ и невѣста знали другъ друга по крайней мѣрѣ около шести недѣль до свадьбы; а чтобы доставить имъ случай быть знакомыми, приказалъ мужьямъ

и отцамъ пріѣзжать на всѣ праздники при дворѣ, во всѣ публичныя собранія и на всѣ обѣды и вечера вмѣстѣ съ своими женами и дочерями, одѣтыми такъ, какъ одѣвались въ то время жившія въ Москвѣ иностранки. Вотъ было тогда разговоровъ по всей Москвѣ! Бояре дивились никогда неслыханной прежде новости, молодыя боярыни и особенно боярышни радовались, какъ средству освободиться отъ скучной неволи; старыя, можетъ быть, сожалѣли, что не родились нѣсколько десятковъ лѣтъ позже, чтобы воспользоваться новыми правами, какія просвѣщенный государь давалъ русскимъ женщинамъ.

Заботясь, чтобы самыя увеселенія московскія походили на европейскія, Петръ выписалъ изъ Германіи актеровъ, которые играли уже не только въ придворномъ, но и публичномъ театрѣ. Нерѣдко пріѣзжалъ туда и самъ царь и, всѣми силами стараясь возбуждать въ народѣ своемъ охоту къ новой забавѣ, былъ всегда необыкновенно веселъ и необыкновенно ласковъ ко всѣмъ въ театрѣ. Видно и нѣмецкіе актеры замѣтили это, потому что однажды осмѣлились очень неосторожно пошутить съ нимъ. Незадолго до 1-го апрѣля они объявили въ афишкѣ своей, что въ этотъ день будетъ ими представлена никогда невиданная пьеса. Начиная уже любить театръ, публика съ большимъ нетерпѣніемъ собралась. Всѣ мѣста были уже заняты. Наконецъ пріѣхалъ государь и музыка заиграла. Послѣ увертюры, которая, можетъ быть, была не хуже нынѣшнихъ, поднялся занавѣсъ и что же увидѣли зрители? На прекрасно-освѣщенной сценѣ — одну бѣлую стѣну, на которой написано было крупными буквами: *первое апрѣля!* Вы можете представить себѣ, друзья мои, какъ публика была раздосадована такою вовсе неумѣстною шуткою! Однакожъ никто не показалъ этой досады, потому что самъ государь не сердился, а смѣялся и, выходя изъ театра, сказалъ: «*Вотъ вольность комедіянтовъ!*»

Такая снисходительность и простота въ обхожденіи болѣе и болѣе сближали русскихъ съ царемъ ихъ, а это сближеніе дѣлало для нихъ съ каждымъ днемъ легче всѣ пожертвованія для пользы своего образованія. Трудно было для русскихъ разстаться съ обычаями старины: они при-

выкли къ нимъ съ дѣтства; но, смотря на царя, который показывалъ примѣръ ко всякой перемѣнѣ такого рода, можно ли было жаловаться на трудности? Этотъ примѣръ былъ тою волшебною силою, посредствомъ которой Петръ дѣлалъ чудеса свои. Благодаря ему, въ Москвѣ, вслѣдъ за азіятскою грубостію нравовъ, начала исчезать и азіятская безразсудная пышность. Знатные бояре уже не смѣли выѣзжать со двора въ богатыхъ каретахъ съ безчисленнымъ множествомъ слугъ: самого царя провожалъ всегда только одинъ *деньщикъ*, съ которымъ садился онъ въ небольшой двухколесный экипажъ, или кабріолетку, часто даже безъ кучера. Боярскіе сыновья не смѣли отказываться отъ путешествій въ чужіе края, куда посылали ихъ учиться разнымъ наукамъ и ремесламъ: самъ царь былъ усерднымъ ученикомъ и работникомъ иностранцевъ. Хорошо было этимъ дѣтямъ боярскимъ, если они возвращались изъ своихъ путешествій съ познаніями; но если же время ихъ было напрасно потеряно, царь былъ неумолимъ къ нимъ. Вмѣсто принятія въ службу, онъ отдавалъ ихъ въ распоряженіе своихъ шутовъ, которые могли смѣяться надъ ними, сколько хотѣли. Строгость его въ этомъ случаѣ доказывала, что онъ болѣе всего ненавидѣлъ праздность и напрасную потерю времени. Собственная неутомимость его еще лучше доказывала это: ни одна минута его не была потеряна, и часто съ самыхъ веселыхъ праздниковъ онъ уѣзжалъ посмотрѣть какое нибудь новое училище или заглянуть въ новую типографію, гдѣ печатались любимыя книги его: *Всеобщая Исторія Пуффендорфа*, *Землеописаніе Гибнера* и много другихъ, касающихся до кораблестроенія и мореплаванія.

Такъ быстро велъ Петръ къ просвѣщенію свою милую родину! Наконецъ, съ началомъ 1700 года сдѣланъ былъ новый, важный шагъ къ совершенному соединенію ея съ Европой. Надобно сказать вамъ, что предки наши до того времени праздновали начало года не 1-го января, какъ дѣлаютъ всѣ христіане, но 1-го сентября. Разумѣется, что эти четыре мѣсяца разницы причиняли часто большіе безпорядки въ сношеніяхъ русскихъ съ европейцами и вотъ Петръ, 19-го декабря 1699 года, объявилъ народу, что

1-го января начнется новый годъ. Приверженцы старины подняли было опять голоса свои противъ этой важной новости, но шумъ праздниковъ, приготовляемыхъ къ этому дню, и торжественное моленіе по всѣмъ церквамъ въ самую минуту начала его заглушили всѣ безразсудныя разсужденія старовѣровъ.

Наступившій 1700 годъ памятенъ былъ для русскихъ заключеннымъ 3-го іюля тридцати-лѣтнимъ выгоднымъ миромъ съ Турціею и началомъ войны съ Швеціею.

Эта война была такъ важна для Россіи и имѣла такое сильное вліяніе на судьбу ея, что читатели мои должны знать о ней нѣсколько подробнѣе. Ее называютъ въ исторіи войны *Сѣверною,* потому что въ ней участвовали не только Россія и Швеція, но и другія государства сѣверныя. Вотъ какъ началась она.

Вы вѣрно замѣтили, что шведы всегда были воинственнымъ народомъ; они часто отнимали земли у своихъ сосѣдей. Такъ достались имъ: Ингерманландія и Карелія, Лифляндія и Эстляндія. Россія желала возвратить подъ власть свою двѣ первыя, Польша—послѣднія. Въ это время поляки избрали королемъ своимъ саксонскаго курфирста Августа II, и съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ непремѣнно отнялъ у шведовъ прежнія земли польскія. И такъ, желанія и выгоды соединяли Августа II съ Петромъ I, который еще болѣе имѣлъ причинъ сердиться на шведовъ, вспоминая жестокое оскорбленіе, причиненное ему въ Ригѣ губернаторомъ Дальбергомъ и часовыми тамошней крѣпости. Король датскій былъ также недоволенъ Швеціею за отнятіе нѣкоторыхъ принадлежащихъ ему земель и съ радостію согласился быть союзникомъ Россіи и Польши противъ Швеціи.

Между тѣмъ надобно сказать вамъ, что Швеціею управлялъ въ это время молодой король Карлъ XII. Конечно, вы слыхали уже что нибудь о героѣ древнихъ временъ, *Александрѣ Македонскомъ.* Итакъ, чтобы дать вамъ нѣкоторое понятіе о Карлѣ XII, надобно сказать, что во всей исторіи древней и новой, онъ не находилъ никого выше Александра и почиталъ за славу подражать ему во всемъ. Съ такими намѣреніями, съ храбростью, доходившею до ге-

ройства, съ гордостью, близкою къ гордости македонскаго завоевателя, удивительно ли, что Карлъ не только безъ всякаго страха узналъ о собиравшемся противъ него союзѣ, но даже обрадовался этому. Казалось, что судьба посылала ему прекрасный случай представить міру во второй разъ героя македонскаго, и отвѣты его на первыя требованія союзниковъ, удовлетвореніемъ которыхъ можно было бы избѣжать войны, были такъ дерзки, что, казалось, не они, но онъ объявлялъ войну!

Она началась. Первый, испытавшій храбрость Карла, былъ король датскій. Сраженіе предъ самою столицей его Копенгагеномъ испугало Данію и заставило ее согласиться на всѣ требованія короля шведскаго. Съ этого времени она уже не смѣла быть его непріятельницею.

Съ тѣми же гордыми мыслями онъ переплылъ море Балтійское и вышелъ на берегъ Лифляндіи. Одно приближеніе его заставило поляковъ и помогавшимъ имъ саксонцевъ оставить почти уже начатую осаду Риги. Увѣренный въ безопасности этого города, Карлъ пошелъ къ Нарвѣ, потому что тамъ, по уговору союзниковъ, должны были собраться главныя силы русскія. Онѣ состояли изъ 39,000 человѣкъ, но въ рядахъ ихъ недоставало двухъ знаменитѣйшихъ воиновъ: Лефорта и Гордона. Петръ оплакалъ смерть ихъ за годъ предъ тѣмъ. Начальниками войска были теперь фельдмаршалъ *Головинъ* и генералы: герцогъ *фонъ-Крои, Бутурлинъ, Вейде, Шереметевъ* и *князь Долгорукій*. Къ несчастію, самъ Петръ не могъ быть съ ними въ то время, когда присутствіе его было всего нужнѣе: онъ принужденъ былъ склониться на просьбы короля польскаго, который, въ страхѣ отъ отчаянной храбрости шведовъ, умолялъ его пріѣхать для переговоровъ въ городъ Бирзенъ. Петръ, никакъ не думая, чтобы Карлъ имѣлъ смѣлость напасть на его многочисленную армію въ то время, когда шведское войско состояло только изъ 8,000 человѣкъ, поѣхалъ вмѣстѣ съ Головинымъ и всегдашнимъ спутникомъ и и любимцемъ своимъ Меншиковымъ, бывшимъ уже поручикомъ бомбардирской роты Петра. Войско осталось подъ начальствомъ герцога фонъ-Крои и Долгорукаго [1]). Но недолго

---

[1]) Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, одинъ изъ знаменитѣй-

оно было подъ этимъ начальствомъ. Почти тотчасъ послѣ отъѣзда Петра, Карлъ съ необыкновенною пылкостію своею рѣшился сдѣлать нападеніе на русскихъ 19-го ноября 1700 года. Густой туманъ, а потомъ сильный снѣгъ и мятель помогли ему исполнить свое намѣреніе самымъ удачнымъ образомъ. Благодаря погодѣ, шведы подошли, никѣмъ не примѣченные, почти къ самому лагерю нашему, откуда увидѣли ихъ уже тогда, когда спасеніе было поздно! Сраженіе началось, но безъ всякаго порядка со стороны русскихъ, приведенныхъ въ совершенное замѣшательство неожиданнымъ нападеніемъ. Не прошло полчаса—и Карлъ уже одержалъ побѣду и оба главные начальники русскіе, герцогъ и князь Долгорукій, были взяты въ плѣнъ.

Такъ, 8,000 шведовъ побѣдили 39,000 русскихъ. Вамъ досадно и, кажется, даже стыдно слушать это, друзья мои? Но успокойтесь. Нарвское сраженіе не можетъ причинить намъ такъ много стыда, какъ вы думаете: 39,000 человѣкъ нашихъ были не тѣ, которые сражались подъ Азовымъ, но по большой части были новые ратники, набранные въ первый рекрутскій наборъ, бывшій въ 1699 году. Они никогда не видали еще непріятеля и сражались безъ царя, котораго присутствіе, вѣрно, не допустило бы ихъ до такого безславія. Войско же Карла, хотя и состояло только изъ 8,000 человѣкъ, но каждый изъ нихъ былъ опытный солдатъ подъ личнымъ начальствомъ героя неустрашимаго. Къ тому же, туманная погода помогла имъ обмануть наше войско. А многіе говорятъ, что былъ еще одинъ финскій крестьянинъ, который вызвался показать имъ самую близкую дорогу къ лагерю русскихъ, и онъ-то привелъ непріятеля почти къ самымъ палаткамъ ихъ. Наконецъ, къ утѣшенію вашему, скажу еще то, что и Петръ, получивъ извѣстіе объ этой неудачѣ, совсѣмъ не встревожился, но очень спокойно сказалъ: «шведы будутъ побѣждать насъ еще

шихъ любимцевъ Петра I. Онъ былъ отличный генералъ, а впослѣдствіи времени—справедливѣйшій изъ сенаторовъ. Петръ такъ уважалъ его за безпристрастіе, что, при разсматриваніи въ сенатѣ тяжебныхъ дѣлъ, всегда почиталъ правою ту сторону, на которой былъ князь Долгорукій, и не иначе называлъ этого преданнѣйшаго изъ подданныхъ своихъ, какъ *своимъ дядею.*

нѣсколько разъ — они учители наши въ военномъ искусствѣ, но современемъ мы заплатимъ имъ за ученье!»

Эти пророческія слова Великаго исполнились скорѣе, нежели онъ ожидалъ; Карлъ XII послѣ Нарвской побѣды вовсе перестал считать русскихъ опасными непріятелями и, размѣнявшись съ ними плѣнными, обратилъ всѣ силы свои на Августа II. Тогда какъ онъ заставлялъ дрожать передъ собою всю Польшу, Петръ не терялъ времени и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже нельзя было узнать его армію, разстроенную и унылую послѣ Нарвскаго сраженія. Десять новыхъ драгунскихъ полковъ заступили мѣста убитыхъ воиновъ; 180 пушекъ, перелитыя изъ колоколовъ, замѣнили тѣ, которыя достались шведамъ, и прежде нежели прошелъ годъ послѣ несчастнаго дня 19-го ноября, генералъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, сдѣланный фельдмаршаломъ, началъ, по словамъ Петра, платить за ученье шведамъ, сперва въ небольшихъ сшибкахъ, потомъ въ важныхъ сраженіяхъ, въ окрестностяхъ Дерпта, при Эрестферѣ и Гумельсгофѣ, гдѣ побѣда фельдмаршала надъ генераломъ Шлиппенбахомъ возвратила русскимъ потерянныя при Нарвѣ пушки и, кромѣ того, доставила имъ много непріятельской артиллеріи, знаменъ, барабановъ и 500 человѣкъ плѣнныхъ. Наконецъ, преслѣдуя шведовъ, Шереметевъ дошелъ до Лифляндіи и тамъ, въ августѣ 1702 года, завладѣлъ нѣсколькими городами, въ томъ числѣ *Маріенбургомъ,*—который читатели мои должны замѣтить и при случаѣ припомнить — разорилъ болѣе пятисотъ селеній и взялъ въ плѣнъ 12,000 человѣкъ, кромѣ солдатъ.

Такіе быстрые успѣхи восхитили Петра. Со всею царскою щедростію наградилъ онъ храбрыхъ воиновъ своихъ. Кромѣ помѣстьевъ, фельдмаршалъ получилъ орденъ св. Апостола Андрея, учрежденный въ 1698 году, вскорѣ послѣ возвращенія Петра изъ чужихъ краевъ; офицерамъ розданы были золотыя медали, солдатамъ — серебряныя.

Черезъ мѣсяцъ потомъ побѣдные крики русскихъ раздались на берегахъ Невы нашей, милые читатели мои, только не здѣсь, гдѣ оканчивается эта пышная Нева, но тамъ, гдѣ она начинается, вытекая изъ Ладожскаго озера. Въ этомъ мѣстѣ былъ въ то время шведскій городъ съ

крѣпостью *Нотебургъ*. Прежде онъ назывался *Орѣшекъ* и такъ же, какъ и вся Ингерманландія, принадлежалъ русскимъ и важенъ былъ для торговли ихъ, потому что посредствомъ Невы соединялъ Ладожское озеро съ Балтійскимъ моремъ. Петръ видѣлъ необходимость отнять его тѣмъ болѣе, что во время войны шведы могли хорошо держаться въ немъ и получать подкрѣпленіе моремъ. И такъ рѣшено было осадить эту важную крѣпость и осада примѣчательна тѣмъ, что въ ней участвовалъ самъ Петръ, но не какъ государь, а просто какъ капитанъ преображенскаго полка. Дѣятельное участіе его очень примѣтно было: Нотебургъ сдался послѣ одиннадцати дней осады. Здѣсь отличился болѣе всѣхъ любимецъ Петра, его милый *Алексаша — Herzenskind (дитя сердца)*, какъ онъ часто называлъ его, — и за это отличіе пожалованъ былъ генералъ-губернаторомъ Ингерманландіи. Взятіе Нотебурга чрезвычайно радовало Петра; онъ говорилъ, что это *ключъ*, который отворитъ ему входъ во всю Лифляндію и Балтійское море, и потому назвалъ его *Шлюссельбургомъ*. Вѣдь вы знаете, что *Schlüssel* значитъ по-нѣмецки *ключъ*. Это тотъ самый Шлюссельбургъ, который находится въ 60 верстахъ отсюда, по дорогѣ къ городу Новой-Ладогѣ.

Хотите ли знать, какъ Петръ писалъ о новомъ завоеваніи своемъ старому князю Ромодановскому, который во время отсутствія его всегда оставался въ Москвѣ, подъ именемъ князя Кесаря. Это коротенькое письмо покажетъ вамъ въ одно время и важность Нотебурга, и уваженіе Петра къ Ромодановскому, и необыкновенный родъ писемъ государя къ подданному. Читайте:

«*Sire!* Покорно доносимъ вашему величеству, что крѣпость Нотебургъ, по жестокомъ и трудномъ приступѣ, на имя вашего величества сдалась на аккордъ, а какъ тотъ белагеръ былъ, о томъ пространнѣе буду доносить впредь, а нынѣ за скорымъ отшествіемъ почты не успѣлъ. Сею викторіею поздравляя ваше величество, пребываю *Piter*. 13-го октября 1702 г.».

Это простое имя *Питеръ* былъ любимою подписью Петра: оно встрѣчается почти въ каждомъ письмѣ его.

НОВАЯ СТОЛИЦА, НОВЫЯ КРѢПОСТИ И ГАВАНИ.

отъ 1703 до 1708 года.

(5 лѣтъ).

На правомъ берегу Невы, въ семи верстахъ отъ ея устья, на мѣстѣ нашей нынѣшней Большой Охты, въ 1703 году стояла шведская крѣпость *Ніеншанцъ* [1]). Посмотрѣвъ на большую карту Россіи, гдѣ примѣтно предъ глазами нашими стелется наша величественная Нева, вы, вѣрно, согласитесь, друзья мои, что если Шлюссельбургъ могъ называться *ключемъ* Балтійскаго моря, то Ніеншанцу по всѣмъ правамъ могло принадлежать имя *воротъ* его. Стало быть для великихъ намѣреній Петра необходимо было завоеваніе и этой крѣпости. Вотъ 20,000 войска, подъ начальствомъ инженеръ-генерала Ламберта, окружаютъ Ніеншанцъ, стрѣляютъ въ него десять часовъ сряду изъ 20 пушекъ и 12 мортиръ и послѣ этой страшной стрѣльбы, продолжавшейся цѣлую ночь, крѣпость выставляетъ *бѣлое* знамя, т. е. сдается. Это было утромъ 1-го мая. Семьдесятъ пушекъ и множество разныхъ припасовъ были наградою побѣдителей. На другой же день они замѣтили около устья Невы нѣсколько шведскихъ военныхъ судовъ, которыя могли быть опасны для вновь завоеванной крѣпости, и потому надобно было непремѣнно разстроить намѣренія шведовъ и отогнать ихъ отъ береговъ, уже принадлежавшихъ Россіи. Кому же надежнѣе всего поручить это важное дѣло? думалъ адмиралъ Головинъ. Искуснѣйшему изъ моряковъ — бомбардиръ-капитану *Петру Михайлову*. А вѣдь вы знаете, кто былъ этотъ Петръ Михайловъ? Съ величайшею радостію поспѣшилъ онъ исполнить лестное для него порученіе и, посадивъ нѣсколько сотенъ гвардейскихъ солдатъ въ тридцати небольшихъ лод-

[1]) *Ніенъ*— есть старинное названіе рѣки Невы, а *шанцъ* или *Schanze* значитъ *окопъ*. Стало быть точное значеніе слова *Ніеншанцъ* есть *Невскій окопъ*. Слѣды его въ видѣ невысокаго вала еще теперь слегка примѣтны между *Большою* и *Малою* Охтами.

кахъ, отправился Фонтанкою до шведскихъ кораблей, которые разъѣзжали у нынѣшняго Васильевскаго острова [1]). Тамъ окружили ихъ мелкія суда русскія, и чрезъ нѣсколько часовъ знаменитый капитанъ уже доносилъ адмиралу о взятіи въ плѣнъ двухъ большихъ судовъ непріятельскихъ и о разогнаніи остальныхъ.

Главными помощниками Петра въ этой новой морской побѣдѣ были бомбардирскіе поручики Меншиковъ и Головкинъ. И они всѣ трое получили отъ адмирала въ награду за свою храбрость и искусство ордена св. Апостола Андрея. Читатели мои, вѣрно, удивятся, что Петръ, учредитель этого ордена, самъ принялъ его изъ рукъ своего подданнаго! Да, скромность этого государя была такъ велика, что, не смотря на всѣ свои безчисленныя заслуги, онъ не прежде почелъ себя достойнымъ этого важнѣйшаго у насъ знака отличія, какъ послѣ такого дѣла, гдѣ онъ былъ главнымъ распорядителемъ и начальникомъ. Не забудьте, что во всѣхъ другихъ сраженіяхъ онъ участвовалъ какъ офицеръ подчиненный.

Теперь-то, когда вся Нева отъ начала ея, при Шлюссельбургѣ, до конца, при Финскомъ заливѣ, принадлежитъ Россіи, когда свѣтлыя волны ея, сливаясь съ волнами Балтійскаго моря, уже разбиваютъ бѣлую пѣну свою о берега русскіе и какъ будто приглашаютъ корабли чужеземные везти къ новымъ владѣтелямъ своимъ искусства и науки народовъ образованныхъ, — теперь-то настало время сказать вамъ о той мечтѣ, которая занимала Петра тогда, когда онъ ѣздилъ въ маленькой шлюпкѣ своей по водамъ гавани Амстердамской! Но теперь эта мечта уже такъ ясно развивается предъ глазами нашими, что, вѣрно, всѣ вы, въ одинъ голосъ, скажете: она была — *Петербургъ!* Такъ точно, Петербургъ, нашъ прекрасный Петербургъ, какъ будто вышедшій изъ волнъ Финскаго залива! Но остановимъ во-

---

[1]) Здѣсь кстати сказать, отчего этотъ островъ получилъ названіе *Васильевскаго.* Вскорѣ послѣ основанія Петербурга на немъ построены были для защиты противъ непріятельскихъ кораблей двѣ батареи. Ими командовалъ инженерный офицеръ *Василій Корчминъ.* Часто получалъ онъ письменныя приказанія отъ царя, на конвертѣ которыхъ надписывалось: *Василію на островъ.* Съ тѣхъ поръ привыкли называть этотъ островъ *Васильевскимъ.*

сторгъ, который возбуждается въ душѣ вашей при имени Петербурга, закроемъ глаза на весь нынѣшній блескъ, можно сказать, на всю нынѣшнюю чудесность этого великаго творенія Петра и представимъ себѣ то время, когда на мѣстѣ этого великолѣпно-стройнаго города были пустынные лѣса и болота! Для этого лучше всего вообразить себѣ, что мы въ Ніеншанцѣ, и съ такимъ же любопытствомъ, какъ и всѣ окружавшіе Петра, смотримъ на разъѣзды его по завоеваннымъ водамъ. О! съ пылкимъ воображеніемъ можно очень живо перенестись въ то время, такъ давно прошедшее! Мнѣ кажется, что я собственными глазами вижу, какъ отъ пристани ніеншанцкой отъѣзжаетъ царская яхта. Государь ѣдетъ осмотрѣть новыя владѣнія свои и выбрать, наконецъ, то мѣсто, гдѣ должна исполниться великая мысль его, гдѣ долженъ явиться передъ нимъ его собственный Амстердамъ! Величественно-прекрасный ростъ съ перваго взгляда отличаетъ Петра отъ всѣхъ его спутниковъ. Онъ стоитъ у самаго руля. Темнорусые волосы его развѣваются тихимъ вѣтеркомъ мая; быстрыми взорами онъ окидываетъ широкую Неву и красивые берега ея, покрытые густыми лѣсами. Особенно любуется онъ правою стороною рѣки и внимательно разсматриваетъ ее, начиная отъ деревянныхъ стѣнъ и земляныхъ валовъ Ніеншанца до самаго окончанія Васильевскаго острова на взморьѣ. Здѣсь должно быть мѣсто соединенія русскихъ съ европейцами, здѣсь должна быть столица ихъ образованности, ихъ будущей славы! Въ какомъ же именно мѣстѣ основать ее? Всего легче на Ніеншанцѣ: тамъ есть уже начало города и крѣпости. Но Петръ не думаетъ о томъ, что̀ легче: для него всего важнѣе выгоды народа, для котораго онъ готовъ переносить труды безчисленные. Ніеншанцъ далеко отъ моря, а новая столица русская должна быть непремѣнно приморская, должна быть непремѣнно портомъ, куда приходили бы корабли иностранные. Между Васильевскимъ островомъ и нынѣшнею Выборгскою стороною есть еще островъ, который шведы называли *Люстъ-Элантъ* [1]). На

[1]) Это значитъ *островъ веселья.* Теперь мы знаемъ этотъ островъ подъ именемъ *Петербургской стороны.*

него падаетъ выборъ Великаго: на него слетаетъ свѣтлая мечта его и въ первый разъ является передъ глазами русскихъ: они узнаютъ намѣреніе царя имѣть близь моря Балтійскаго столицу. На островѣ Люстъ-Элантѣ будетъ крѣпость ея, на концѣ Васильевскаго Острова—гавань. Объявивъ все это приближеннымъ своимъ, Петръ принимается за исполненіе великаго плана. Собственными руками его сдѣланъ чертежъ новой крѣпости, и 16-го числа того же мая мѣсяца она начата и названа по заложенной тамъ церкви свв. апостоловъ Петра и Павла—*Петропавловскою.* Это было первое строеніе новой столицы. Стало быть мы можемъ смѣло называть Петербургскую сторону колыбелью нашего славнаго Петербурга. Можно сказать, что здѣсь онъ родился, здѣсь взлелѣянъ и укрѣпленъ былъ заботливою рукою своего основателя. Въ дополненіе этого небольшаго описанія, кстати будетъ прибавить другое прекрасное описаніе почти той же торжественной минуты, когда въ воображеніи Петра создался великій городъ его.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко;
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ—
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ онъ:
«Отсель грозить мы будемъ шведу:
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На-зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ.
Сюда по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ
И запируемъ на просторѣ».

Это первое начало Петербурга. Теперь взгляните на него, спустя цѣлое столѣтіе отъ его рожденія:

Прошло сто лѣтъ—и юный градъ
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ
По оживленнымъ берегамъ
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ, корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся.
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами:
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова—
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.

Такъ описываетъ новую столицу нашу Пушкинъ.

Для строеній новаго города выписано было изъ разныхъ областей болѣе 20,000 работниковъ. Надзоръ за ними имѣли люди самые близкіе къ Петру: Меншиковъ, Нарышкинъ, Трубецкой, Головкинъ и Зотовъ. Кромѣ того и самъ царь былъ безпрестанно съ ними, и чтобы какъ можно ближе видѣть исполненіе пламеннаго желанія своего, онъ приказалъ построить для себя, тутъ же подлѣ крѣпости, деревянный домикъ. Онъ походилъ на тотъ, въ которомъ царь жилъ въ Саардамѣ, и состоялъ только изъ двухъ комнатъ, кухни и сѣней. Вы можете и теперь видѣть это скромное жилище величайшаго изъ государей. Это тотъ самый маленькій дворецъ Петра на берегу Невы [1]), гдѣ вѣрно многіе изъ петербургскихъ читателей моихъ уже бывали; тѣ же, которые еще не были, вѣрно сдѣлаютъ это теперь, потому что рѣдкое чувство можетъ быть пріятнѣе того, какое наполняетъ душу нашу въ томъ мѣстѣ, гдѣ

[1]) Императрица Екатерина I, супруга Петра Великаго, чтобы сохранить потомству этотъ домикъ, приказала обнести его каменными стѣнами.

нѣкогда жилъ великій человѣкъ! Войдите въ этотъ домикъ Петра и вы увидите, какъ все тамъ будетъ для васъ дорого и священно, какъ величественны и прекрасны покажутся вамъ эти маленькія комнатки! Съ какимъ невольнымъ благоговѣніемъ станете вы на колѣна предъ тѣмъ образомъ Спасителя, которому молился Великій! Этотъ образъ составляетъ теперь главную и священную драгоцѣнность маленькаго дворца.

Но отъ нынѣшняго состоянія этого домика перейдемъ къ тому, въ какомъ онъ былъ при началѣ своего существованія! Какъ все въ немъ и около него было тогда шумно, живо, дѣятельно! Въ четыре, а иногда и въ три часа государь уже вставалъ и часто еще въ домашнемъ платьѣ своемъ, которое было не другое что, какъ бѣлый холстинный камзолъ съ костяными пуговицами, выходилъ смотрѣть на работы крѣпости. Послѣ того удивительно ли, что въ четыре мѣсяца онѣ были окончены? Съ благодарностію обнималъ восхищенный Петръ своихъ усердныхъ сотрудниковъ и приказалъ вырѣзать имена ихъ на стѣнахъ пяти болверковъ, ими построенныхъ; шестой былъ подъ его собственнымъ надзоромъ. Вскорѣ подлѣ крѣпости начали показываться другія городскія строенія и прежде всего на прежнемъ Люстъ-Элантѣ, или Петербургскомъ островѣ, и потомъ на Васильевскомъ. Здѣсь чрезъ нѣсколько времени явилось великолѣпное зданіе: домъ Меншикова, въ которомъ теперь 1-й кадетскій корпусъ. Противоположная сторона Невы—теперь главная часть города—не пользовалась въ то время этою славою: она позже начала застраиваться, и Петръ въ 1703 году заложилъ въ ней только адмиралтейство и корабельную верфь. Отъ этого она и называется до сихъ поръ *Адмиралтейскою* стороною, которая раздѣлилась впослѣдствіи на четыре Адмиралтейскія части.

Между тѣмъ какъ новорожденная столица какъ будто какимъ-то волшебствомъ является среди болотъ и лѣсовъ невскихъ, Петръ думаетъ о безопасности своей любимицы, заботится о спокойствіи и выгодахъ ея. Крѣпость Петропавловская не можетъ защитить ее отъ нападеній съ моря; гавань Васильевскаго острова, по причинѣ мелководія, не можетъ принять ни большихъ кораблей военныхъ, ни тя-

9*

жело-нагруженныхъ судовъ купеческихъ. Но Петръ зналъ это прежде, нежели положилъ основаніе новаго города, и уже давно приготовилъ и то, и другое вотъ гдѣ:

Въ 25-ти верстахъ отъ Петербурга, посреди волнъ Финскаго залива, лежитъ довольно большой, но необитаемый островъ, который финны называли *Ретусари*, а русскіе—*Котлинъ*. Этотъ островъ отдѣляется узкимъ, но глубокимъ пространствомъ воды, какъ будто узкимъ проливомъ, отъ довольно значительной песчаной мели. Увидѣвъ это въ первый разъ и измѣривъ глубокое мѣсто пролива, которое у моряковъ называется *фарватеромъ* [1]), Петръ съ восхищеніемъ и благодарностію поднялъ взоры свои на небо. Казалось, что Самъ Богъ заботился о защитѣ новой столицы русскихъ: проливъ былъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ могли проходить корабли всякой величины и тяжести; всѣ же другія мѣста Финскаго залива отъ Котлина до Петербурга были мелки и проходимы только для маленькихъ судовъ. Стало быть, для безопасности столицы стоило только не допустить непріятеля проѣхать по фарватеру. Для этого нужно было, чтобы по обоимъ берегамъ, между которыми онъ находится, русскіе сторожили своихъ непріятелей съ пушками и другими огнестрѣльными оружіями. И вотъ на песчаной мели, противъ Котлина, является чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ крѣпость *Кроншлотъ*. Противъ нея берегъ Котлина острова укрѣпляется также плотными стѣнами, уставляется также пушками, и такимъ образомъ страшный громъ и неминуемая погибель грозятъ съ этихъ двухъ береговъ каждому кораблю, которому вздумалось бы какъ непріятелю пробраться къ Петербургу. Вскорѣ на Котлинѣ была уже не одна стѣна съ укрѣпленіями, но за стѣною двѣ гавани—военная и купеческая, а подлѣ нихъ и городъ *Кронштадтъ*, въ который мы такъ скоро доѣзжаемъ лѣтомъ на пароходѣ, а зимою на лошадяхъ, по гладкому льду Финскаго залива. Но если это путешествіе возможно для васъ, то старайтесь сдѣлать его лѣтомъ. Рѣдкое удовольствіе можетъ сравниться съ тѣмъ,

---

[1]) Это голландское слово *Fahrwater*. Оно значитъ *водяной путь*, и только по этому пути можно плыть моремъ въ Петербургъ.

какое можно чувствовать, несясь—почти такъ же скоро, какъ птички—по синему морю, при ясной погодѣ, когда лучи яркаго солнца играютъ съ свѣтлыми волнами, а свѣжій вѣтерокъ съ бѣлыми парусами! Воспоминанія о Петрѣ сопровождаютъ васъ во все время переѣзда отъ Петербурга до Кронштадта. Не успѣешь потерять изъ вида петербургскую крѣпость и гавань Васильевскаго острова, какъ уже вдали показываются крѣпости Кронштадта и мачты кораблей, всегда наполняющихъ его гавани. А сколько воспоминаній объ этомъ государѣ въ самомъ Кронштадтѣ! Почти на каждомъ шагу вы встрѣтите что-нибудь изъ его великихъ учрежденій. Грозныя же укрѣпленія, которыми онъ такъ могущественно защитилъ насъ отъ нападеній непріятелей, ручаются намъ за безопасность Петербурга: до тѣхъ поръ, пока существуютъ Кронштадтъ и Кроншлотъ, ни одинъ непріятельскій корабль не дойдетъ до насъ!

Но какъ же удивились, узнавъ объ этомъ, тогдашніе государи европейскіе! Нѣкоторымъ изъ нихъ не только удивительно, но даже досадно было слушать разсказы о новой столицѣ, новыхъ крѣпостяхъ и гаваняхъ русскихъ. Болѣе всѣхъ занимало это шведовъ: они какъ будто начинали предчувствовать, что съ могуществомъ Россіи кончится власть ихъ надъ Балтійскимъ моремъ. Испуганные такою мыслію, они вмѣстѣ съ англичанами старались всѣми силами вразумить гордаго Карла XII, что уже прошло время презирать русскихъ, что надобно остановить завоеванія ихъ, казавшіяся сначала ничтожными, а теперь уже опасныя для Европы. Но всѣ представленія ихъ были напрасны: Карлъ и думать не хотѣлъ, чтобы русскіе что нибудь значили послѣ Нарвскаго сраженія и, равнодушно получая извѣстія о взятіи ими нѣсколькихъ, по мнѣнію его, неважныхъ мѣстечекъ Ингерманландіи, старался только скорѣе исполнить главное желаніе свое—отнять польскій престолъ у короля Августа. Петръ пользовался безразсуднымъ упрямствомъ и вѣтренностью Карла и, продолжая вести войну съ шведскими генералами, скоро завладѣлъ всею Ингерманландіею, и взятіемъ Нарвы отмстилъ за пораженіе, которое нѣкогда претерпѣлъ при этомъ городѣ. Такъ исполнилось предвѣщаніе Петра, что русскіе отплатятъ шве-

дамъ за уроки ихъ въ военномъ искусствѣ. Лучшими генералами царя въ этихъ счастливыхъ походахъ были фельдмаршалъ Шереметевъ и Меншиковъ, бывшій уже княземъ и получившій фельдмаршалскій чинъ послѣ важной побѣды, одержанной имъ надъ шведами при Калишѣ въ 1706 году. Фельдмаршалскій жезлъ, присланный къ нему государемъ, былъ украшенъ алмазами и стоилъ около 3,000 рублей.

Такіе успѣхи русскихъ заставили, наконецъ, Карла XII подумать нѣсколько объ опасномъ соперникѣ, который готовился для него въ Петрѣ: онъ могъ теперь опасаться его, тѣмъ болѣе, что дѣло съ Августомъ II было уже кончено, и этотъ несчастный и слабый государь, не смотря на все пособіе, какое подавала ему усердная помощница его Россія и отечество его Саксонія, не смотря на множество приверженцевъ своихъ въ Польшѣ, долженъ былъ уступить непреодолимому могуществу Карла и принять отъ него самый унизительный миръ, заключенный въ Альтранштадтѣ. По условіямъ этого мира Августъ долженъ былъ отказаться отъ польской короны и остаться попрежнему курфирстомъ саксонскимъ, долженъ былъ нарушить союзъ съ царемъ русскимъ, долженъ былъ поздравить съ восшествіемъ на престолъ новаго короля польскаго *Станислава Лещинскаго,* избраннаго по желанію Карла! Эти три условія, хотя очень тягостныя для жалкаго Августа, были еще лучше четвертаго, которое дѣлало стыдъ и тому, кто предложилъ его, и тому, кто принялъ! Грустно разсказать этотъ случай, друзья мои, но что дѣлать! Исторія неумолима: она не утаиваетъ дурное, но точно такъ же разсказываетъ его, какъ и все хорошее, и потому вы узнаете, какъ несправедливы, какъ безжалостны были Карлъ и Августъ.

Вы давно читали уже, что Швеція владѣла Лифляндіей, какъ своимъ завоеваніемъ. При королѣ Карлѣ XI эта несчастная земля терпѣла такія жестокія притѣсненія отъ своихъ завоевателей, что лифляндское дворянство рѣшилось наконецъ отправить въ Стокгольмъ съ избранными отъ себя членами просьбу къ королю о защитѣ противъ несправедливостей правительства. Главнымъ изъ членовъ былъ двадцатилѣтній капитанъ *Іоганнъ Рейнгольдъ Паткуль,* происходившій изъ древней лифляндской фамиліи. Это былъ

пылкій, умный, образованный молодой человѣкъ, пламенно любившій свою родину. Съ жаромъ защищалъ онъ ее передъ королемъ и тѣмъ обратилъ на себя его негодованіе: просьбу дворянства лифляндскаго нашли дерзкою противъ Швеціи и Паткуля, какъ сочинителя такой бумаги, приговорили къ смерти.

Несчастный спасся отъ казни бѣгствомъ, заложилъ все свое имѣніе и, проживая то въ Германіи, то въ Швейцаріи, старался доказать невинность свою и Карлу XI, и потомъ наслѣднику его Карлу XII. Старанія его были напрасны: тотъ и другой ненавидѣли смѣлаго лифляндца. Наскучивъ праздною жизнью, Паткуль съ радостью вступилъ въ польскую службу по приглашенію тогдашняго короля Августа. Но служба при такомъ государѣ, какимъ всегда былъ Августъ, не могла нравиться дѣятельному Паткулю и онъ скоро оставилъ ее. Безпріютный изгнанникъ, не имѣвшій дозволенія возвратиться въ отечество, готовъ былъ и въ чужой землѣ жертвовать всѣмъ для пользы и счастія людей, но такія высокія чувства могъ оцѣнить только тотъ, кто умѣлъ бы понять ихъ, могъ оцѣнить только такой государь, который, какъ Петръ, и самъ жертвовалъ бы всѣмъ для счастія подданныхъ. И судьба хотѣла, чтобы эти двѣ прекрасныя души встрѣтились: Паткуль узналъ Петра, и съ тѣхъ поръ не хотѣлъ служить никому другому. Здѣсь только, у государя, вокругъ котораго все кипѣло жизнію, можно было сказать, что Паткуль былъ на своемъ мѣстѣ. Неутомимая дѣятельность его безпрестанно находила себѣ занятіе: онъ былъ полезенъ, былъ нуженъ для Россіи и потому вы можете судить, любилъ ли его Петръ?

Счастливый этою драгоцѣнною любовью, Паткуль начиналъ забывать свои прежнія бѣдствія и, пламенно желая освобожденія родины своей отъ шведскаго владычества, молилъ Бога, чтобы побѣдителемъ въ войнѣ сѣверной былъ не безразсудный Карлъ, но великодушный, безпримѣрный царь Россіи. Чтобы отнять силы у шведскаго короля, нужно было, сколько возможно, поддерживать Августа, и Петръ дѣлалъ это, посылая ему и войско, и деньги. Начальникомъ этого войска и въ то же время посланникомъ

русскимъ въ Польшѣ, въ 1705 году, былъ Паткуль. Августъ, неблагодарный къ той помощи, какую оказывали ему русскіе, такъ безсовѣстно обходился съ ними, что войско ихъ терпѣло недостатокъ даже въ пищѣ. Это жестоко оскорбляло человѣколюбивое сердце Паткуля: онъ заговорилъ, и слова его въ такомъ дурномъ видѣ представлены были Августу, что онъ, забывъ священное званіе посланника и генерала своего союзника, приказалъ арестовать его. Несчастный Паткуль безъ всякой вины томился въ темницѣ, потому что этого желалъ непримиримый врагъ его Карлъ XII, возненавидѣвшій благороднаго лифляндца еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался усерднымъ подданнымъ соперника его Петра. Карлъ желалъ не только того, чтобы Паткуль былъ въ темницѣ, но даже и того, чтобы онъ былъ выданъ ему, какъ преступникъ, уже давно приговоренный къ смерти шведскимъ правительствомъ. И онъ предложилъ это Августу! И Августъ не постыдился принять это жестокое предложеніе. Вотъ оно-то было *четвертымъ* условіемъ того унизительнаго альтранштадтскаго мира, о которомъ я говорила вамъ. Оно исполнилось 28-го марта 1707 года: въ этотъ день Паткуль выданъ Карлу XII. Ужасна была судьба невиннаго страдальца! Казалось, Карлъ хотѣлъ отмстить ему и за ропотъ Лифляндіи, и за успѣхи Петра! Никакія просьбы государей, которыхъ царь русскій умолялъ вступиться за посланника его, не смягчили непреклоннаго короля Швеціи, и въ сентябрѣ того же 1707 года несчастный Паткуль казненъ.

Такая несправедливость, такая неслыханная участь посланника явно показывала ненависть къ государю его. Петръ могъ также видѣть въ этомъ безчеловѣчномъ поступкѣ желаніе Карла продолжать войну, которая должна сдѣлаться теперь гораздо важнѣе: твердое, обдуманное мужество Петра пылало новымъ жаромъ при мысли о горестной кончинѣ одного изъ благороднѣйшихъ любимцевъ его; гордая, необузданная храбрость Карла готовилась однимъ ударомъ уничтожить всю неожиданную имъ славу великаго государя и всѣ прекрасныя начинанія его. Европа съ любопытствомъ смотрѣла на споръ знаменитыхъ сопер-

никовъ; русскіе съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстія о томъ, съ которой стороны нападетъ на нихъ страшный для всѣхъ Карлъ.

ИЗМѢННИКЪ МАЗЕПА И БИТВА ПОЛТАВСКАЯ.

отъ 1708 до 1710 года.

(2 года).

Петръ I думалъ, что нападеніе сдѣлано будетъ на ту часть Россіи, гдѣ находилась новая столица ея и области, недавно отнятыя у Швеціи; вмѣсто того Карлъ XII явился тамъ, гдѣ никто не ожидалъ его, явился въ Малороссіи! Но этому была причина, и вотъ какая важная причина.

Начальникомъ малороссійскихъ казаковъ, которые, какъ вы знаете, составляли главную часть жителей Малороссіи, былъ въ это время гетманъ Мазепа. Съ молодыхъ лѣтъ онъ славился своимъ умомъ, образованіемъ и ловкостью. Этими качествами ему такъ хорошо удавалось скрывать свои пороки, что до самой старости никто не подозрѣвалъ въ немъ обманщика и хитреца, который достигалъ до всего коварствомъ и ласкательствами. Вмѣстѣ съ другими обманывался и Петръ: онъ видѣлъ въ Мазепѣ одного изъ вѣрнѣйшихъ слугъ своихъ и любилъ его за неустрашимость, которую онъ показывалъ во всѣхъ сраженіяхъ, гдѣ только участвовалъ. Въ первый разъ отличился онъ въ войнѣ съ турками, при Азовѣ, и съ того времени обратилъ на себя такое милостивое вниманіе государя, что при учрежденіи ордена св. апостола Андрея Первозваннаго онъ былъ вторымъ изъ генераловъ, получившихъ этотъ важный знакъ отличія. Кромѣ того, разныя милости, которыми Петръ осыпалъ казаковъ малороссійскихъ, разныя права и преимущества, которыми они пользовались, безпрестанно доказывали расположеніе государя къ гетману ихъ. Но неблагодарный заплатилъ за довѣрчивую любовь царя измѣною самою низкою, самою постыдною! Прочитавъ раз-

сказъ о ней, вы, вѣрно, удивитесь, до чего можетъ довести человѣка излишнее честолюбіе!

Можно сказать, что у Мазепы оно было болѣе нежели *излишнее!* Вообразите, что для него не довольно было пользоваться всѣми почестями, имѣть первый чинъ въ государствѣ, имѣть ордена: русскій св. Андрея и польскаго Бѣлаго Орла; недовольно было управлять не только всѣми казачьими полками, но и всею Украйною; быть владѣтелемъ 40,000 душъ крестьянъ, пожалованныхъ ему Петромъ, въ нынѣшнихъ Орловской и Курской губерніяхъ; наконецъ, не довольно счастія быть любимцемъ государя, — ему захотѣлось быть самому государемъ независимымъ. Послушайте, какъ онъ обдумалъ планъ свой. На тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя составляютъ Малороссію, было прежде княжество сѣверское, и вотъ дерзкій гетманъ казаковъ вообразилъ, что онъ можетъ возобновить это княжество и сдѣлаться княземъ его! Это возможно,—думалъ Мазепа,— Польша близко отсюда, а тамъ повелѣваетъ и новымъ королемъ, и народомъ тотъ Карлъ XII, которому стоитъ только захотѣть, и—я на престолѣ древнихъ князей сѣверскихъ! Я доставлю ему за это помощь всего малороссійскаго войска противъ Петра, а польскому королю буду льстить обѣщаніемъ присоединить къ королевству его славную Украйну.

Какъ вздумано, такъ и сдѣлано. Шестидесятилѣтній Мазепа, пылкій какъ молодой человѣкъ, не откладывалъ никогда надолго своихъ намѣреній и потому и на этотъ разъ тотчасъ же поручилъ самымъ надежнымъ друзьямъ своимъ представить королю шведскому свои измѣнническія предложенія.

Нечего сказывать, съ какою радостію Карлъ XII принялъ ихъ! Почитая себя и безъ того героемъ непобѣдимымъ, какихъ успѣховъ не могъ онъ ожидать отъ своей храбрости, видя вдругъ на своей сторонѣ все войско малороссійское? Съ благодарностью согласился онъ на всѣ желанія Мазепы и сверхъ того обѣщалъ, въ случаѣ неудачи, скрыть его отъ гнѣва царскаго въ своей Швеціи.

Всѣ эти переговоры и условія дѣлались съ такою тайною, что ни Петръ, ни министры его Головкинъ и Шафировъ нисколько не подозрѣвали замысловъ гетмана; но

за то въ самой Малороссіи нашлись люди, понимавшіе обманщика, не смотря на всѣ старанія его скрыть себя. Должно думать, что эти люди ненавидѣли гетмана, потому что неутомимая внимательность, съ которою они подсматривали за всѣми поступками его, не могла происходить отчего либо другого, какъ отъ ненависти. Къ счастію Россіи, такихъ людей было много въ Малороссіи: Мазепа былъ несправедливъ, дерзокъ, можно сказать даже безсовѣстенъ съ своими подчиненными. Удивительно ли, что они желали освободиться отъ своего притѣснителя? Однакожъ долго непріятели Мазепы не были для него страшны; ни одинъ изъ нихъ не осмѣливался дѣйствовать противъ любимца царскаго, но въ 1707 году онъ оскорбилъ жестоко, нестерпимо генеральнаго судью казаковъ Василія Леонтьевича *Кочубея*. Это былъ старикъ, уважаемый всѣмъ войскомъ, почтенный по своимъ заслугамъ и рожденію. Глубоко чувствуя сдѣланную ему обиду, онъ старался всѣми силами отмстить за нее и его не пугало всемогущество дерзкаго повелителя Украйны. Вотъ онъ-то открылъ всѣ тайныя связи измѣнника съ поляками и шведами. Какъ ужаснулся вѣрный сынъ Россіи опасности, грозившей ей! Какъ увеличилась ненависть его къ Мазепѣ съ той минуты, какъ онъ увидѣлъ въ немъ не только своего оскорбителя, но и врага Петрова! Нисколько немедля, онъ описалъ всѣ узнанныя имъ подробности измѣны гетмана и въ январѣ 1708 года отправилъ это донесеніе къ царю съ однимъ изъ преданныхъ друзей своихъ, полковникомъ полтавскаго полка *Искрою*. Но подивитесь, друзья мои, какъ хорошо умѣлъ гордый честолюбецъ скрывать свои пороки и злодѣянія! И проницательный Петръ, и умные вельможи его приняли усердныхъ доносителей за враговъ славнаго гетмана и къ нему же отослали ихъ для суда и наказанія!

Вы вѣрно угадаете горестную судьбу обоихъ несчастливцевъ? Да, они погибли; Мазепа же еще болѣе утвердился въ довѣренности государя и съ новымъ жаромъ и безъ боязни принялся за постыдный заговоръ свой. Карлъ XII, съ полною надеждою на успѣхъ, отправился въ Россію и въ августѣ 1708 года уже перешелъ Днѣпръ.

Теперь вы понимаете, отчего пошелъ онъ прямо на Малороссію, а не на новую столицу нашу, которую ему такъ хотѣлось уничтожить. Онъ думалъ, что скорѣе достигнетъ своего желанія тогда, когда соединится съ своимъ сильнымъ сообщникомъ и уже вмѣстѣ съ нимъ пойдетъ къ Петербургу. Но, кромѣ этого соединенія, для него нужно было еще другое: изъ Лифляндіи вышло шестнадцати-тысячное войско подъ начальствомъ генерала Левенгаупта и спѣшило къ королю своему. Петръ, еще не знавшій объ измѣнѣ Мазепы, предвидѣлъ вредъ, какой могъ произойти для русскихъ отъ соединенія Левенгаупта съ Карломъ, и рѣшился, во что бы то ни стало, не допустить ихъ соединиться. Для этого онъ отправилъ противъ Карла фельдмаршала Шереметева, а самъ пошелъ вслѣдъ за Левенгауптомъ и догналъ его въ нынѣшней Могилевской губерніи, около Пропойска, при мѣстечкѣ *Лѣсномъ*. Вамъ надобно хорошо знать, гдѣ находится это мѣсто, милые читатели, потому что здѣсь Петръ одержалъ такую блистательную побѣду надъ шведами, что въ восхищеніи называлъ ее матерью той знаменитой *Полтавской побѣды*, о которой вы скоро услышите. Левенгауптъ потерялъ большую часть своего войска, пушки и всѣ запасы, которые везъ для арміи короля.

Такая неожиданная потеря заставила Карла XII какъ можно скорѣе спѣшить въ Малороссію, гдѣ недостойный гетманъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прихода его, чтобы объявить свою измѣну Россіи. Въ октябрѣ 1708 года, ровно чрезъ три мѣсяца послѣ сраженія подъ Лѣснымъ, шведы явились во владѣніяхъ Мазепы, на берегахъ Десны. Два соединившіеся врага нашего отечества объявили малороссіянамъ свободу и возстановленіе княжества сѣверскаго. Но какъ же удивились они, когда увидѣли, какое дѣйствіе произвело это объявленіе! Малороссіяне, вмѣсто того, чтобы обрадоваться, ужаснулись, и безчестный гетманъ успѣлъ только обманомъ переманить за Десну двѣ или три тысячи человѣкъ, всѣ же прочіе остались вѣрными своему законному государю.

Карлъ XII, хотя жестоко обманутый въ своемъ разсчетѣ на помощь Малороссіи, не пришелъ въ уныніе и

съ прежнею гордостію, съ прежнею дерзкою самонадѣянностію продолжалъ походъ свой. Онъ шелъ по Украйнѣ, потому что плодоносныя поля ея доставляли большую пользу его арміи, начинавшей чувствовать недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Къ этому несчастію шведовъ присоединилось вскорѣ другое: настала зима съ самыми сильными морозами. Воины Карла такъ много терпѣли отъ нихъ, что часто находили ихъ на дорогахъ окостенѣвшими отъ стужи. Но и этотъ ужасный видъ не могъ поколебать души короля ихъ: онъ все еще считалъ себя непобѣдимымъ и, проведя въ Малороссіи пять мѣсяцевъ, рѣшился въ апрѣлѣ 1709 года взять приступомъ городъ Полтаву, лежащій на берегу рѣки Ворсклы, впадающей въ Днѣпръ. Полтава, существующая и теперь, казалась для Карла XII такимъ значительнымъ городомъ, что онъ думалъ получить въ ней награду за всѣ труды и неудачи свои во время этого похода.

Между тѣмъ какъ король шведскій, совершенно занятый этимъ приступомъ и мыслію о своей будущей побѣдѣ, строитъ укрѣпленія, чтобы лучше нападать на осажденную Полтаву и иногда имѣетъ небольшія сшибки съ ея жителями, посмотримъ, что дѣлаетъ знаменитый соперникъ его.

Горестно было для великой души Петра узнать низкую измѣну Мазепы, горестно тѣмъ болѣе, что эта измѣна погубила двѣ благороднѣйшія жертвы: *Кочубея* и *Искру!* Добрый царь, упрекая и себя въ этой погибели, спѣшилъ возвратить семействамъ несчастныхъ отнятую у нихъ честь и имѣніе. Потомъ съ благодарностію обратился онъ къ малороссіянамъ, наградилъ вѣрность ихъ, наказалъ небольшое число преданныхъ Мазепѣ, самого же его приказалъ предать церковному проклятію, которое вѣчно будетъ продолжаться надъ измѣнникомъ.

Поручивъ Малороссію новому гетману *Ивану Скоропадскому,* Петръ приготовилъ все для рѣшительнаго сраженія съ Карломъ XII: не только сухопутныя силы его блистали самымъ лучшимъ устройствомъ, но даже и морскія, разъѣзжавшія около Азова и Таганрога, были въ такомъ положеніи, что могли тотчасъ выдержать всякое

нападеніе турокъ, еслибы эти сосѣди южныхъ границъ нашихъ вздумали помогать шведамъ. Но Петръ не боялся этого: миръ съ Турціей былъ недавно подтвержденъ и въ окрестностяхъ Полтавы ожидалъ его Карлъ XII только съ однимъ помощникомъ своимъ Мазепою. Царь пріѣхалъ къ Полтавѣ въ іюнѣ 1709 года, когда осада продолжалась уже около трехъ мѣсяцевъ. Осажденные были доведены шведами до большой крайности и уже недолго могли противиться. Тѣмъ скорѣе спѣшилъ Петръ спасти ихъ и, увѣренный въ покровительствѣ Божіемъ, назначилъ день сраженія 29-го іюня, когда празднуется у насъ память свв. апостоловъ Петра и Павла. Въ то же время это былъ и день именинъ государя. Но Карлъ предупредилъ его двумя днями и началъ первый, по утру 27-го іюня. Битва была отчаянная съ обѣихъ сторонъ: Петръ сражался за счастіе народа своего, за все вновь созданное имъ царство, которое должно было уничтожиться вмѣстѣ съ торжествомъ Карла; Карлъ защищалъ громкую славу свою, свое названіе *героя* и своихъ несчастныхъ воиновъ, которыхъ ожидала неминуемая погибель въ странѣ враговъ-побѣдителей. Въ этотъ знаменитый день нельзя было рѣшить, который изъ двухъ государей былъ неустрашимѣе. Тысячи пуль летали около нихъ обоихъ, не пугая ни одного. Одна изъ нихъ пробила у русскаго царя шляпу, другая — сѣдло, третья попала въ крестъ, висѣвшій у него на груди [1]). Король же, за нѣсколько дней предъ тѣмъ раненый ночью при осмотрѣ казацкихъ пикетовъ, не въ состояніи былъ сидѣть на лошади и приказалъ возить себя между рядами своихъ воиновъ въ качалкѣ; когда же запряженные въ нее лошади были убиты, пересѣлъ на верховую, и раненую ногу положилъ къ ней на шею. Въ такомъ положеніи онъ разъѣзжалъ между своими храбрыми шведами, ободрялъ

---

[1]) Въ московскомъ Успенскомъ соборѣ и теперь хранится этотъ крестъ. Онъ четырехконечный, длиною въ пять вершковъ, шириною нѣсколько менѣе, сдѣланъ изъ золота и украшенъ драгоцѣнными каменьями. Въ немъ находятся рѣдкія святыни, присланныя съ Аѳонской горы царю Ѳеодору Іоанновичу. Этотъ крестъ принадлежалъ Константину Великому и потому называется Константиновскимъ. На немъ замѣтно еще поврежденіе, сдѣланное попавшею въ него пулею во время Полтавской битвы.

ихъ воспоминаніями о побѣдахъ, такъ часто одерживаемыхъ ими надъ русскими, предвѣщалъ новую славу и на этотъ день. Но предвѣщаніе его не сбылось: эта слава и этотъ день принадлежали Петру. Шведское войско послѣ непродолжительнаго сраженія было совершенно разбито, и Карлъ едва спасся бѣгствомъ отъ плѣна.

Прекрасно описанъ этотъ знаменитый день у Пушкина въ его поэмѣ «*Полтава*»:

«Горитъ востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули,
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ:
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины,
Сдается пылкій Шлиппенбахъ.
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.
Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло съ Богомъ!» изъ шатра
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.

Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
Равняясь, строятся полки.
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ,
И се — равнину оглашая,
Далече грянуло *ура!*
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земного,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Бауръ, и Рѣпнинъ,
И счастья баловень безродный —
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами
Въ качалкѣ, блѣдный, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился,
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился,
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины:
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ
Надъ падшимъ строемъ, свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей

Отряды конницы летучей,
Браздами саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ.
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ,
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ».

Какъ вѣрно представлена эта страшная картина битвы! Но вотъ, послушайте, приближается часъ побѣды Петра:

«Но близокъ, близокъ часъ побѣды.
Ура! мы ломимъ; гнутся шведы...
О славный часъ! О славный видъ;
Еще напоръ—и врагъ бѣжитъ;
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи».

Эта побѣда почитается знаменитѣйшею въ исторіи Петра. Утвердивъ за Россіею мѣста, завоеванныя ею у Швеціи, и въ нихъ—новый портъ и новую столицу ея, она доставила русскимъ то, что̀ было главною цѣлью жизни Петра: соединеніе ихъ съ образованными европейцами. Вы уже слышали, какъ европейцы не желали этого соединенія, какъ они боялись возрастающаго могущества Россіи и какъ старались уничтожить его. Это стараніе поручено было ими сосѣду Россіи—королю шведскому. И вы видите, друзья мои, какъ усердно исполнялъ онъ сдѣланное ему порученіе,—стало быть, можете представить себѣ, что было бы со всѣми новыми учрежденіями Петра: съ многочисленнымъ флотомъ его, съ его вновь образованнымъ войскомъ, съ его знаменитымъ портомъ на Балтійскомъ морѣ, однимъ словомъ, со всѣми его великими намѣреніями, еслибы Карлъ XII остался побѣдителемъ? Можно поручиться, что все это было бы уничтожено; дерзкій король шведскій въ гнѣвѣ своемъ уже не разъ кричалъ страшнымъ голосомъ: «О! и моего хлыста довольно будетъ, чтобы выгнать этихъ негодныхъ москвитянъ не только изъ Москвы, но даже и изъ всего міра!»

Вмѣсто того грозный предсказатель самъ обратился въ бѣгство и какъ?—безъ войска, почти съ однимъ только измѣнникомъ Мазепою и нѣсколькими адъютантами, въ татарской телѣгѣ!—и куда же?—въ одинъ изъ пограничныхъ городовъ Турціи, Бендеры, умоляя о покровительствѣ султана! Послѣдній отрядъ его, состоявшій изъ 16,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Левенгаупта, оставался еще въ окрестностяхъ Полтавы на берегахъ рѣки Ворсклы. Петръ отправилъ въ погоню за ними князей Голицына и Меншикова, и 30-го іюня, чрезъ три дня послѣ Полтавской битвы, всѣ 16,000 шведовъ, искусно окруженные со всѣхъ сторонъ 9,000 русскихъ, сдались безъ сраженія со всею амуниціею, знаменами, артиллеріею и королевскою казною.

Съ смиреніемъ христіанина наслаждался царь русскій своею знаменитою побѣдою. Относя весь успѣхъ ея къ всемогущему покровительству Бога, онъ смотрѣлъ на поля полтавскія, какъ на мѣста священныя, какъ будто ручавшіяся за будущую славу Россіи. Необыкновенный духъ его, быстрый, проницательный и благочестивый, не сомнѣвался въ этой славѣ и потому благодарность его къ Всевышнему была неизъяснима! Онъ изъявилъ ее торжественно на другой день побѣды, 28-го іюня, на самомъ мѣстѣ битвы. Молебствіе совершилось въ обширной походной церкви, посреди поля полтавскаго. Послѣ обѣдни погребены были на этомъ же полѣ, въ одной огромной могилѣ, тѣла убитыхъ защитниковъ Россіи, а въ другой—тѣла враговъ ихъ, шведовъ. Надъ первыми Петръ, собственными руками, поставилъ крестъ съ надписью дня побѣды и кончины ихъ; надъ вторыми плакали печальные соотечественники ихъ, попавшіеся въ плѣнъ. Всѣ они были тутъ же при торжествѣ вмѣстѣ съ русскими, но никто не оскорблялъ ихъ насмѣшками; напротивъ того, послѣ обѣдни самъ царь пригласилъ генераловъ и офицеровъ ихъ къ своему обѣденному столу и въ отмщеніе всѣхъ дерзостей, какими часто Карлъ XII оскорблялъ народъ его, позволилъ себѣ сказать только слѣдующія слова: «Вчера братъ мой Карлъ просилъ васъ сегодня на обѣдъ въ шатры мои и хотя онъ не сдержалъ своего слова, но мы выполнимъ это и для

того прошу васъ со мною откушать». За этимъ обѣдомъ добрый царь всячески старался развеселить унылыхъ шведовъ и не одинъ разъ пилъ за здоровье *учителей своихъ въ военномъ искусствѣ*. Такъ почти всегда онъ называлъ ихъ.

Пушкинъ говоритъ и объ этомъ славномъ пирѣ:

«Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ
При кликахъ войска своего;
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ.
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ».

Такое ласковое обращеніе государя, высоко уважаемаго всѣми, не могло не имѣть вліянія на бѣдныхъ плѣнниковъ: они на нѣсколько минутъ забыли свое несчастіе и развеселились. Да и трудно было бы не развеселиться! Почти каждый изъ сидѣвшихъ за столомъ былъ пожалованъ отъ царя [1]) или чиномъ, или помѣстьемъ, или орденомъ, или деньгами; кромѣ того, всѣ могли похвалиться милостію его, равно на всѣхъ излитою,—стало быть, всѣ были веселы и счастливы! Безпрестанно пили за здоровье того или другого генерала; а при такомъ случаѣ уже не бываетъ людей задумчивыхъ: общее веселье прогоняетъ грусть съ лица печальныхъ. Такъ было и съ храбрыми шведами, когда большіе бокалы самаго вкуснаго вина переходили у гостей царскихъ изъ рукъ въ руки, и особенно въ ту минуту, когда фельдмаршалъ Шереметевъ всталъ съ своего мѣста и громко сказалъ: «За здоровье нашего новаго *контръ-адмирала* и *генералъ-поручика!*» Догадаетесь ли вы, друзья мои, кто былъ этотъ *новопожалованный* двумя чинами?—Полковникъ преображенскаго полка *Петръ Михайловъ*. Въ Пол-

[1]) Для самыхъ любопытныхъ изъ читателей моихъ, которые бы желали знать, какія именно награды получили главные генералы—участники Полтавской битвы, надобно сказать, что князь Меншиковъ произведенъ былъ въ генералъ-фельдмаршалы; князья: Голицынъ, Долгорукій и Репнинъ получили помѣстья; Брюсъ, Галартъ и Ренцель—ордена св. апостола Андрея; гетманъ Скоропадскій—портретъ государя, осыпанный бриллiантами.

тавскую битву онъ въ первый разъ исполнялъ должность главнокомандующаго и за славное окончаніе ея всѣ генералы поднесли знаменитому полковнику дипломы на эти два важные чина въ сухопутномъ и морскомъ войскѣ.

Торжество не кончилось тѣмъ, потому что на другой день было 29-е іюня. Радость русскихъ увеличилась. И въ лагерѣ войска, и въ самой Полтавѣ, и въ окрестностяхъ ея—все веселилось! Знаменитый именинникъ снова угощалъ всѣхъ пышнымъ обѣдомъ. Въ этотъ день и для всѣхъ солдатъ поставлены были огромные столы съ виномъ и закусками. Переходя отъ одной роты къ другой, царь останавливался передъ каждою и говорилъ восхищеннымъ солдатамъ: «Хлѣбъ-соль, товарищи! поздравляю васъ съ праздникомъ и побѣдою!»

Такъ праздновалась эта славная побѣда въ первый разъ! Я говорю *въ первый разъ* потому, что съ тѣхъ поръ не прошло ни одного года, чтобы русскіе не праздновали ее. Этого желалъ побѣдитель: каждое 27-е іюня вы услышите во всѣхъ церквахъ благодарственный молебенъ Богу; но знаете ли, гдѣ всего пріятнѣе слушать его? На Выборгской сторонѣ есть церковь св. Сампсонія. Подите туда въ день Полтавской побѣды: память св. Сампсонія празднуется 27-го іюня, и эту церковь Петръ приказалъ построить въ воспоминаніе славнаго для Россіи дня и въ изъявленіе благодарности своей къ Богу. Здѣсь-то можно живѣе, нежели гдѣ нибудь, вспомнить въ этотъ день Петра и перенестись мысленно въ то уже отдаленное отъ насъ время, когда этотъ незабвенный государъ пріѣзжалъ туда каждый годъ благодарить Всевышняго и снова порадоваться побѣдѣ своей!

ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА.

Удивительны дѣла Петра! Удивительно могущественное вліяніе его на все, что̀ окружаетъ его: чудесно образуются, чудесно совершенствуются и вещи, и люди, до которыхъ прикасается онъ волшебною рукой своей! Чи-

татели мои видятъ доказательства этого и въ войскѣ его, которое еще такъ недавно начало устроиваться по примѣру войскъ европейскихъ и уже умѣло побѣждать ихъ; видятъ это и во флотѣ его, еще такъ недавно состоявшемъ изъ одного стараго ботика, а теперь уже изъ нѣсколькихъ сотенъ большихъ и малыхъ судовъ, страшныхъ для непріятелей Россіи, и въ новой столицѣ его, великолѣпно возвышающейся тамъ, гдѣ менѣе нежели за десять лѣтъ были только болота и пустыни; и въ любимцахъ, окружающихъ и престолъ, и мастерскія его! Какъ многіе изъ нихъ, еще недавно молодые люди, только что начинавшіе образоваться, спорили теперь въ искусствѣ и познаніяхъ съ лучшими полководцами и министрами Европы! Однимъ словомъ, кажется все, на что обращается творческій взоръ Петра, начинаетъ жить какою-то новою жизнію, начинаетъ стремиться къ какой-то новой, высокой цѣли! Но изъ всего этого, изъ всего, что̀ преобразовано, возвышено или сотворено̀ Петромъ, изъ всѣхъ прекрасныхъ созданій, обязанныхъ ему новою жизнію, вы, друзья мои, еще не знаете одного. Чтобы разсказать вамъ о немъ, мы оставимъ грозный шумъ войны и бурь, безпрестанно окружающій Петра, и войдемъ въ который нибудь изъ скромныхъ дворцевъ его, посмотримъ, какъ живетъ онъ у себя дома, когда усталость заставляетъ его на нѣсколько минутъ отдохнуть отъ тяжкихъ заботъ государственныхъ.

Вы, вѣрно, помните, что въ первомъ супружествѣ своемъ молодой царь не наслаждался семейственнымъ счастіемъ. Евдокія Ѳеодоровна Лопухина, не смотря на свою молодость и красоту, была нечувствительна, угрюма, любила старинныя обыкновенія и привычки предковъ нашихъ и ненавидѣла всѣ новости, какія великій супругъ ея вводилъ вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ въ нравы и обычаи народа своего. Рожденіе сына въ февралѣ 1690 года, восхитивъ сердце Петра, не сильно обрадовало равнодушную царицу: душа ея не сдѣлалась нѣжнѣе и первыя наставленія ея малюткѣ состояли въ томъ, чтобы онъ усерденъ былъ къ обычаямъ старины и сколько можно защищалъ бы ихъ отъ нападеній своего *немилосердаго* родителя! Такъ исполненная жестокихъ предразсудковъ Евдокія не стыдилась на-

зывать несравненнаго супруга своего въ присутствіи сына! Этого еще недовольно: она называла его гонителемъ православной вѣры, оправдывала стрѣльцовъ-раскольниковъ, безпрестанно бунтовавшихъ противъ Петра и просвѣщенія. Болѣе девяти лѣтъ переносилъ царь тягостную жизнь съ такою супругою, болѣе восьми лѣтъ находился царевичъ Алексѣй Петровичъ подъ надзоромъ матери, учившей его не любить отца! Наконецъ участіе Евдокіи въ послѣднемъ стрѣлецкомъ бунтѣ 1698 года показало царю въ полной мѣрѣ жестокія намѣренія супруги его: ужасаясь ихъ, онъ навсегда разстался съ нею. Постриженная подъ именемъ Елены въ суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ, она не переставала и тамъ желать всѣхъ несчастій супругу, не переставала и тамъ отвращать отъ него сердце сына въ тѣ немногіе часы, которые молодому царевичу позволено было проводить съ матерью въ монастырскихъ келіяхъ ея.

Между тѣмъ какъ Евдокія, благодаря природнымъ наклонностямъ сына, во многомъ походившаго на нее, успѣвала портить молодое сердце царевича и тѣмъ приготовлять его къ ужаснымъ порокамъ, погубившимъ впослѣдствіи этого князя — надежду русскихъ, — Петръ, безпрестанно озабоченный великими занятіями своими, не могъ имѣть близкаго надзора за воспитаніемъ наслѣдника. Вовсе не воображая, какія несчастія готовились ему въ сердцѣ сына, онъ, напротивъ того, почиталъ маленькаго царевича единственнымъ утѣшеніемъ своего одиночества и, можетъ быть, чувствуя къ нему самую нѣжную любовь, не вступалъ во второе супружество. Эта утѣшительная для отца привязанность продолжалась до тѣхъ поръ, пока Петръ, занятый то путешествіями, то войнами, рѣдко бывалъ въ Москвѣ, и потому не имѣлъ случая узнать въ совершенствѣ сердце и нравъ своего сына. Какъ же огорчился онъ, когда наконецъ случай представился, и онъ понялъ и это сердце, и этотъ нравъ! Въ двѣнадцати-лѣтнемъ сынѣ его были всѣ свойства матери, упорной, нечувствительной къ славѣ Россіи, ненавидѣвшей просвѣщеніе ея! Предвидя судьбу всѣхъ новыхъ учрежденій своихъ въ правленіе такого наслѣдника, царь ужаснулся и съ того времени заботы его о воспитаніи царевича еще болѣе увеличились. Онъ на-

дѣялся собственными попеченіями поправить въ немъ то, что было испорчено, и для того старался какъ можно менѣе разставаться съ нимъ. Часто молодой царевичъ былъ съ неутомимымъ родителемъ своимъ даже въ походахъ его. Но вся эта заботливость мало помогала: сердце Алексѣя было уже слишкомъ вооружено противъ великаго отца его. Печально смотрѣлъ на это царь и, лишившись надежды имѣть друга въ нѣжно-любимомъ сынѣ, началъ сильнѣе чувствовать горестную потерю своего семейственнаго счастія.

Это печальное чувство, присоединясь къ огорченіямъ, какія терпѣлъ онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ отъ властолюбивой сестры, имѣло сильное вліяніе на его здоровье, а оно и безъ того много разстроивалось отъ безпрестанныхъ трудовъ, часто превосходившихъ тѣлесныя силы Великаго. Впослѣдствіи времени это обратилось даже въ родъ нервной болѣзни, которой припадки жестоко мучили государя, тѣмъ болѣе, что въ это время онъ дѣлался неспособнымъ ни къ какимъ занятіямъ. А вѣдь вы знаете, какъ дорожилъ онъ каждою минутою! Тогда только что нибудь особенно смѣшное могло развлекать мрачную задумчивость его и приводить въ прежнее состояніе разстроенный духъ. Въ этомъ случаѣ искуснѣйшій изъ придворныхъ шутовъ *Балакиревъ* былъ неоцѣнененъ для всѣхъ окружавшихъ Петра: въ то время, когда всѣ они, встревоженные страданіями государя, не въ состояніи были придумать, чѣмъ помочь ему, Балакиревъ всегда находилъ удачное къ тому средство, и какая нибудь остроумная шутка, невольно заставивъ больного смѣяться, развеселяла его до того, что припадокъ проходилъ и царь, ласково потрепавъ по плечу притворно-глупаго Балакирева, принимался съ прежнею бодростью за оставленныя занятія.

Но такіе сильные припадки случались съ Петромъ впослѣдствіи, когда новыя душевныя и тѣлесныя страданія усилили болѣзнь; теперь же мы говоримъ еще о томъ времени, когда только начали показываться ея признаки, или, лучше сказать, мы говоримъ о причинахъ, произведшихъ эту болѣзнь. Итакъ, одною изъ главныхъ была — горесть о дурномъ сердцѣ и нравѣ царевича! Часто великодушный благотворитель своего народа задумывался надолго о бу-

дущей судьбѣ его и все блистательное начало его образованія, вся слава, уже имъ пріобрѣтенная, исчезала въ глазахъ Преобразователя при имени Алексѣя и его жестокой матери! Послѣ такихъ печальныхъ размышленій Петръ часто на цѣлый день оставался въ задумчивости.

Вотъ въ одинъ изъ такихъ дней, скучая болѣе обыкновеннаго, онъ пошелъ разсѣять грусть свою къ тому, кто всегда умѣлъ утѣшать его, къ своему Herzenskind—князю Меншикову. Но на этотъ разъ не Меншикову удалось перемѣнить грустное расположеніе духа его въ веселое и пріятное: это сдѣлала, совсѣмъ неожиданно, молодая женщина, которую онъ въ первый разъ увидѣлъ тамъ и которой величественная красота и образованный умъ тотчасъ привлекли вниманіе государя, умѣвшаго всегда быстро оцѣнивать все прекрасное. Никогда не встрѣчая ее прежде въ домѣ Меншикова, онъ спѣшилъ разспросить у него о замѣчательной незнакомкѣ и узналъ, что это была бѣдная лифляндка, вдова шведскаго драгунскаго офицера Раббе, попавшаяся въ плѣнъ при взятіи русскими лифляндскаго городка Маріенбурга. Участіе, которое Петръ почувствовалъ при этомъ разсказѣ къ бѣдной плѣнницѣ, еще болѣе увеличилось, когда, начавъ съ нею разговоръ, онъ узналъ отъ нея самой всѣ подробности дѣтства и первой молодости ея. Эти подробности были, въ самомъ дѣлѣ, любопытны и занимательны. Катерина Раббе — такъ называли молодую лифляндку — была дочь литовскаго дворянина Скавронскаго. Рано лишилась она отца и матери и изъ состраданія взята была въ домъ добраго пастора Глика. Благодѣтель ея, соединявшій съ превосходнымъ сердцемъ самый образованный умъ, воспитывалъ ее со всею заботливостью и впослѣдствіи выдалъ за человѣка, извѣстнаго своею честностью и благородствомъ. Но непродолжительно было счастіе сироты: въ самомъ началѣ замужества Екатерина лишилась супруга, а потомъ и свободы. Побѣдителемъ при Маріенбургѣ былъ фельдмаршалъ Шереметевъ; и такъ въ домѣ его молодая плѣнница провела время своего плѣна. Судьба, готовившая ей высокое счастіе, привела ее потомъ въ домъ Меншикова, и здѣсь-то она достигла этого счастія. Петръ, послѣ перваго свиданія, открывалъ

съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе достоинствъ въ прекрасной Екатеринѣ, съ каждымъ днемъ находилъ болѣе и болѣе удовольствій въ ея умномъ и пріятномъ обществѣ. Она была исполнена точно такими же чувствами къ Петру, и это было неудивительно: пасторъ Гликкъ уважалъ Петра, какъ великаго генія своего вѣка, и научилъ воспитанницу свою думать такъ же. Привыкнувъ съ младенчества почитать Петра необыкновеннымъ смертнымъ, посланнымъ на землю, чтобы дать новую жизнь цѣлому народу, Екатерина всегда пламенно желала его видѣть и была въ восторгѣ, когда это желаніе ея исполнилось. Величественный видъ царя, такъ прекрасно согласовавшійся съ великими качествами души его, внушилъ ей, при первомъ взглядѣ, не только самое пріятное удивленіе, но даже какое-то радостное, и въ то же время благоговѣйное чувство: оно выражалось въ эту минуту во всѣхъ чертахъ лица ея, выражалось впослѣдствіи въ томъ глубокомъ уваженіи, которымъ исполнено было сердце ея къ этому знаменитому государю, и выражалось, наконецъ, въ той безпредѣльной преданности, которую она всегда доказывала ему. Сначала она была только другомъ, утѣшительницею Петра во всѣхъ огорченіяхъ, какія печалили сердце его, и тогда, когда онъ занимался дѣлами государственными, и тогда, какъ онъ съ горестію слышалъ о поступкахъ своего сына. Потомъ, привыкая болѣе и болѣе къ той, которая такъ хорошо умѣла услаждать душевныя страданія, Петръ, творецъ всего прекраснаго въ царствѣ своемъ, хотѣлъ довершить свое твореніе царицею, достойною его не по рожденію и предкамъ, которые всегда были ничтожны въ глазахъ его, но по собственнымъ превосходнымъ качествамъ, отличавшимъ избранную имъ супругу. Въ ноябрѣ 1707 года исполнилась эта воля Петра: онъ обвѣнчался съ Екатериною, которая до свадьбы приняла греческую вѣру и была наречена *Екатериною Алексіевною*.

Эта свадьба совершилась не торжественно, но тихо, такъ что и о самомъ мѣстѣ вѣнчанія историки не согласны: иные изъ нихъ говорятъ, что оно происходило въ Петербургѣ, въ церкви Св. Троицы; другіе, по извѣстіямъ болѣе достовѣрнымъ, утверждаютъ, что этотъ бракъ былъ со-

вершенъ въ селѣ Яворовѣ; даже народу не было объявлено о томъ, какъ обыкновенно бываетъ въ такомъ случаѣ; казалось, чувствительное сердце Петра, не смотря на всѣ дурные поступки первой супруги его, жалѣло огорчить ее торжественнымъ объявленіемъ о счастіи соперницы и потому бракъ царя остался долго какъ будто тайною для подданныхъ его, и не прежде какъ уже въ мартѣ 1711 года объявленъ былъ Россіи. Съ того времени Екатерина называлась уже *царицею.*

Въ томъ же году молодая царица доказала цѣлому свѣту, какъ достойна она была своей блистательной судьбы! Милые читатели! когда вы узнаете, чтò она сдѣлала, то вѣрно поблагодарите Бога за счастливый выборъ Петра: казалось, этотъ необыкновенный государь проникалъ быстрымъ взоромъ своимъ будущность и, взводя на престолъ русскій Екатерину, видѣлъ въ ней не только любимую супругу, но и генія-спасителя Россіи. Да, друзья мои, имя Екатерины должно быть навѣки незабвенно для насъ: послушайте разсказъ о великомъ дѣлѣ ея.

Для этого мы должны обратиться къ тому времени, когда слухъ о Полтавской побѣдѣ, разносясь по Европѣ, заставлялъ во всѣхъ государствахъ ея съ удивленіемъ говорить о русскихъ, и особенно о ихъ славномъ Петрѣ. Теперь только, когда онъ побѣдилъ дотолѣ непобѣдимаго Карла, всѣ въ полной мѣрѣ поняли его величіе, всѣ начали другими глазами смотрѣть на царство его, еще такъ недавно почитаемое полудикимъ и азіатскимъ. Отъ этой перемѣны мыслей произошла вездѣ большая перемѣна въ происшествіяхъ: Данія снова объявила свои права на области, отнятыя у ней Швеціею. Станиславъ Лещинскій потерялъ престолъ, доставленный ему Карломъ; Августъ II, подъ покровительствомъ Петра, простившаго его трусость и поступокъ съ Паткулемъ, снова получилъ этотъ престолъ и изъ благодарности, а можетъ быть и изъ боязни къ знаменитому побѣдителю шведовъ, не спорилъ съ нимъ о Лифляндіи и предоставилъ ее во власть его. Въ іюнѣ 1710 года не только вся она, но даже и вся Эстляндія, и Карелія, и часть Финляндіи съ главнымъ городомъ ея Выборгомъ уже принадлежали русскимъ. Теперь великій

планъ Петра былъ конченъ: любимица его, юная столица сѣвера, была въ полной безопасности, окружена со всѣхъ сторонъ землями русскими. Весело онъ праздновалъ въ ней блестящія побѣды свой въ то время, какъ грозная туча сбиралась на него съ юга: Карлъ XII, со времени Полтавскаго сраженія, жилъ въ Турціи и не хотѣлъ выѣхать оттуда до тѣхъ поръ, пока не уговоритъ султана начать войну съ Россіей. Долго турецкій государь не соглашался на это, не имѣя причины ссориться съ русскими; но Карлъ полтора года жилъ въ Бендерахъ, полтора года твердилъ турецкимъ министрамъ, какъ нужно для собственной пользы ихъ остановить безпрестанно-возрастающее могущество Россіи,—и такъ нельзя удивляться, что, наконецъ, онъ успѣлъ въ своихъ намѣреніяхъ, и Турція въ ноябрѣ 1710 года объявила войну русскимъ.

Петръ принялъ это объявленіе безъ страха, хотя эта война могла быть въ то время очень опасна для него, потому что съ многочисленною арміею турецкою шли дикія, варварскія толпы татаръ и ногайцевъ. Помощниками царя русскаго были только ненадежные поляки, безпрестанно спорившіе между собою о короляхъ своихъ, Августѣ и Станиславѣ, и два господаря: молдавскій — *Кантемиръ* и валахскій—*Бранкованъ*. На послѣднихъ надѣялся онъ гораздо болѣе, нежели на поляковъ: они оба, спасая себя и владѣнія свои отъ притѣсненій турокъ, просили его принять въ подданство свое ихъ области, и за то обѣщали помогать русскимъ и соединить съ ними войска свои.

Петръ, положась на эту помощь, спокойно отправился въ походъ, въ мартѣ 1711 года вмѣстѣ съ супругою своею, уже объявленною царицею Россіи. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы, заботясь о томъ, чтобы дѣла государственныя шли въ порядкѣ и во время отсутствія государя онъ учредилъ *сенатъ*, или такое верховное присутственное мѣсто, котораго члены, избранные изъ первыхъ чиновъ царства, смотрѣли за правосудіемъ, за доходами государственными, даже за военною службою, и судили преступниковъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ царь съ гвардейскими полками своими и съ отрядами генераловъ Вейде, Алларта и Репнина

переправился уже чрезъ Днѣстръ и вступилъ во владѣнія союзника своего, господаря молдавскаго. Вѣрный своему слову, Кантемиръ встрѣтилъ его съ усердіемъ и преданностію, войско его было готово сражаться за русскихъ. Но не таковъ былъ Бранкованъ: этотъ безчестный грекъ, прельстившись обѣщаніями турокъ, измѣнилъ Петру въ то время, когда прямодушный царь, не подозрѣвая возможности такой низкой измѣны, уже перешелъ границы владѣній своихъ и былъ въ землѣ враговъ! Ужасно было положеніе, до котораго этотъ измѣнникъ довелъ войско русское! Вообразите, что оно отдѣльнымъ двадцати-двухъ тысячнымъ корпусомъ, подъ начальствомъ самого Петра, перешло рѣку Прутъ и было встрѣчено тамъ, вмѣсто ожидаемыхъ союзныхъ полковъ валахскихъ, цѣлою турецкою арміею, состоявшею болѣе нежели изъ 100,000 человѣкъ, кромѣ шведскихъ отрядовъ Карла XII, кромѣ поляковъ, приверженцевъ Станислава Лещинскаго, и кромѣ татаръ крымскихъ и ногайскихъ, зашедшихъ сзади русскихъ! Прибавьте къ этому совершенный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, невозможность достать ихъ въ землѣ непріятелей, жестокость этихъ непріятелей, и вы поймете всѣ мученія, какія долженъ былъ испытывать Петръ, чувствуя, что его собственная неосторожность и довѣренность къ обманщику была виною несчастія! Терзаемый этою мыслію, болѣе нежели опасностями, со всѣхъ сторонъ грозившими, онъ не прежде, однакожъ, пришелъ въ уныніе, какъ чрезъ нѣсколько дней послѣ несчастнаго перехода черезъ Прутъ, когда уже небольшое войско его еще уменьшилось отъ отчаянныхъ встрѣчъ съ непріятелемъ, и когда уже этотъ непріятель окружилъ весь лагерь русскій рвомъ и ожидалъ только прихода артиллеріи, чтобы открыть пушечную пальбу по всей арміи русской. Это было въ ночь на 11-е іюля 1711 года. Страшная ночь, казалось, предвѣщавшая погибель отечества нашего! Мраченъ былъ видъ лагеря русскихъ. Всѣ они приготовились умереть: иначе нельзя было спастись отъ плѣна и униженія. Такъ чувствовалъ каждый воинъ Петра; но что же чувствовалъ онъ самъ! О! страданія его были неизъяснимы: однакожъ никто не видѣлъ ихъ: онъ сидѣлъ одинъ въ палаткѣ своей, одинъ предавался горести, доходившей почти

до отчаянія при мысли о томъ, что съ плѣномъ его погибнетъ все сотворенное имъ для Россіи! Въ эти ужасныя минуты никто не утѣшалъ несчастнаго государя: онъ отвергнулъ даже заботливость самой милой утѣшительницы своей — Екатерины: и ей, такъ же какъ и всѣмъ, запрещено было входить въ палатку.

Здѣсь-то является во всемъ блескѣ эта знаменитая государыня, эта предвидѣнная геніемъ Петра спасительница Россіи. Видя бѣдственное положеніе всего войска, видя даже унываніе героя-супруга своего, она не теряетъ мужества и рѣшается дѣйствовать тогда, когда въ судьбѣ русскихъ, казалось, все уже было кончено! Сохранивъ присутствіе духа, необыкновенное въ женщинѣ, она устремляетъ всѣ силы ума своего на размышленіе о средствахъ спасти драгоцѣннѣйшія блага свои: жизнь Петра и славу Россіи. И вдругъ мысль о возможности заключить выгодный миръ блеснула въ душѣ Екатерины и обрадовала ее точно такъ, какъ радуетъ заключеннаго несчастливца утѣшительный лучъ солнца, неожиданно прокравшійся въ мрачную темницу его. Не медля ни минуты, она сзываетъ на совѣтъ всѣхъ старшихъ генераловъ и открываетъ имъ мысль свою; всѣ одобряютъ ее, но никто не осмѣливается предложить ее царю, никто не осмѣливается нарушить его грозное повелѣніе и войти въ палатку. Екатерина и здѣсь является выше всего ее окружающаго: она съ твердостію входитъ къ государю, видитъ его глубокую задумчивость и потомъ его негодованіе. Въ слезахъ бросается она къ ногамъ его и гнѣвъ Петра исчезаетъ; нѣжнѣйшія ея ласки прогоняютъ даже задумчивость супруга. Съ какимъ-то небеснымъ спокойствіемъ онъ слушаетъ своего ангела-утѣшителя, съ кротостію покоряется ея желанію и въ ту же минуту приказываетъ фельдмаршалу Шереметеву отправить письмо къ начальнику турецкаго войска, великому визирю, съ предложеніемъ о мирѣ. Екатерина, втайнѣ отъ супруга, отдаетъ посланному всѣ свои брилліанты и другія драгоцѣнности. Спасеніе Россіи, вѣроятно, было уже опредѣлено Богомъ, потому что, не смотря на всѣ представленія шведскихъ генераловъ, старавшихся удержать турокъ отъ мира съ русскими, почти побѣжденными уже,

великій визирь принялъ предложенный миръ. Конечно, условія этого мира были тягостны для Петра: онъ лишался всѣхъ мѣстъ, завоеванныхъ имъ у Швеціи, лишался важнаго для него Азова, Таганрога и нѣсколькихъ другихъ крѣпостей; долженъ былъ вывести войска свои изъ Польши, долженъ былъ позволить Карлу XII свободно проѣхать въ Швецію. Но что значило все это въ сравненіи съ тѣми несчастіями, какія могли случиться въ отечествѣ нашемъ тогда, когда бы великій государь его сдѣлался плѣнникомъ турокъ! Итакъ, съ благодарностію къ Богу Петръ согласился на всѣ условія, исключивъ только одно, о которомъ мы не говорили потому, что оно заслуживаетъ особенное вниманіе ваше, милыя дѣти. Оно состояло вотъ въ чемъ. Турки требовали, чтобы Петръ выдалъ преданнаго ему союзника и, можно сказать, друга: государя молдавскаго, князя Кантемира. Это напоминаетъ намъ Карла XII, сдѣлавшаго точно такое же предложеніе Августу. Но какая разница въ отвѣтахъ! Король польскій, для своихъ собственныхъ ничтожныхъ выгодъ, пожертвовалъ несчастнымъ Паткулемъ и отдалъ его на мучительную смерть; Петръ не согласился выдать Кантемира для спасенія своей свободы, жизни, царства! Хотите ли вы, друзья мои, знать слово въ слово отвѣтъ этого великаго государя визирю? О! этотъ отвѣтъ прекрасенъ; о немъ говорятъ съ удивленіемъ не только русскіе, но даже и чужестранные историки. Вотъ онъ: «*Я не могу преступить моего слова и предать князя, оставившаго свое владѣніе изъ любви ко мнѣ. Мы ничего не имѣемъ собственнаго, кромѣ чести; отступить отъ нея—есть перестать быть государемъ*».

Столько величія тронуло даже грубое сердце визиря: онъ отказался отъ своего требованія и 12-го іюля заключилъ миръ, доставившій Петру и арміи его свободу возвратиться въ отечество.

Въ какой ужасной досадѣ былъ Карлъ XII, когда извѣстіе объ этомъ мирѣ дошло до Бендеръ, гдѣ онъ жилъ въ ожиданіи видѣть погибель ненавистнаго ему царя русскаго! Безъ памяти поскакалъ онъ въ турецкій лагерь, чтобы остановить дѣйствія визиря, но уже было поздно. 14-го іюля русское войско, переправясь за Прутъ, уже шло

по дорогѣ къ Кіеву, и счастливая Екатерина, сопровождая супруга своего, наслаждалась истиннымъ блаженствомъ души. Всѣ окружавшіе ее, начиная отъ государя до послѣдняго изъ подданныхъ, видѣли въ ней свою избавительницу; всѣ говорили ей это съ такою искреннею признательностію, что прекрасная царица не могла не гордиться своимъ рѣдкимъ счастіемъ. Такая гордость была справедлива, потому что кто болѣе ея заслуживалъ это счастіе?

ПРАЗДНИКИ И УВЕСЕЛЕНІЯ ПЕТЕРБУРГСКІЕ.

Много бываетъ веселыхъ и торжественныхъ праздниковъ въ нашемъ Петербургѣ, милые читатели. И вы, вѣроятно, видѣли нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ парады военные — на площади Дворцовой и Царицыномъ лугу, церковные — въ день Крещенія на Невѣ, въ день св. Александра Невскаго — въ Невскомъ монастырѣ. Современемъ увидите можетъ быть и тѣ, какіе бываютъ во дворцѣ государя нашего при торжественныхъ случаяхъ въ семействѣ царскомъ. Эти удовольствія еще ожидаютъ васъ; но не хотите ли взглянуть хотя однимъ воображеніемъ на то, чего уже нѣтъ, хотите ли получить понятіе о праздникахъ петербургскихъ во времена Петра? Мы возьмемъ одинъ изъ тѣхъ, которые такъ подробно описаны въ историческихъ запискахъ тѣхъ временъ, что подлинно почти можно взглянуть на нихъ.

Для этого перенесемся мысленно на берега Васильевскаго острова. На нихъ нѣтъ еще той каменной стѣны домовъ, которая возвышается тамъ теперь, начиная отъ Горнаго корпуса до великолѣпнаго зданія Академіи Художествъ. Тамъ гордо стоитъ только дворецъ князя Меншикова. Съ ранняго утра 9-го сентября 1714 года начались въ этомъ дворцѣ приготовленія къ пріему знаменитаго гостя: государь, возвращавшійся въ тотъ день изъ морского похода, обѣщалъ кушать у любимца своего. Этотъ походъ былъ не одинъ изъ тѣхъ обыкновенныхъ походовъ,

какіе Петръ дѣлалъ такъ часто во время продолжительной войны съ Швеціей. Нѣтъ, это былъ знаменитый походъ, сгладившій съ имени русскихъ малѣйшіе слѣды того стыда, которымъ непріятели старались покрывать послѣ ихъ несчастнаго дѣла Прутскаго, доставившій во владѣніе Петра еще нѣсколько мѣстъ по берегу Финляндіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенную власть надъ заливомъ Финскимъ. Главное морское сраженіе, утвердившее новое завоеваніе и окончившее походъ, было 27-го іюля 1714 года, на южномъ концѣ Финляндіи, между Гельсингфорсомъ и Або, близь мѣстечка *Травемюнде* и мыса *Ганге-Уддъ* или *Гангутъ*. Здѣсь-то Петръ, контръ-адмиралъ и главный начальникъ своей эскадры, одержалъ славную побѣду и, далеко преслѣдуя шведскіе корабли, навелъ страхъ на самую столицу шведовъ и взялъ въ плѣнъ контръ-адмирала ихъ *Эреншильда*. Побѣдитель, въ награду трудовъ и опасностей, перенесенныхъ моряками-товарищами его, хотѣлъ торжественно въѣхать съ ними въ новую столицу свою. Вотъ въ этотъ-то знаменитый день назначенъ былъ обѣдъ у князя Меншикова и праздникъ въ Петербургѣ.

Уже было около полудня. Народъ давно толпился по улицамъ и особенно по берегамъ Невы, потому что царю надобно было ѣхать мимо ихъ изъ Кронштадта. Самые любопытные спѣшили въ гавань, изъ которой ближе всего видно синѣвшее море. Долго смотрѣли они напрасно на отдаленность; наконецъ тамъ показались первыя суда, старики и дѣти закричали: «*ѣдетъ! ѣдетъ!*»

Это были три русскія галеры, ѣхавшія впереди. За ними шли суда, взятыя у шведовъ, въ томъ числѣ фрегатъ *Элефантъ*, на которомъ сидѣлъ плѣнный контръ-адмиралъ Эреншильдъ; позади плыла командирская галера съ самимъ государемъ и еще двѣ другія съ солдатами подъ начальствомъ генерала Вейде.

Нельзя описать восторга, съ какимъ встрѣчали царя-побѣдителя усердные къ нему подданные его. Безпрестанное *ура!* раздавалось вмѣстѣ съ пушечными выстрѣлами во все время, пока суда величественно плыли по широкой Невѣ и потомъ остановились близь адмиралтейства. Здѣсь всѣ сидѣвшіе въ нихъ вышли на берегъ и въ торжествен-

номъ порядкѣ, съ нѣсколькими ротами полковъ преображенскаго и астраханскаго, съ шведскими морскими офицерами и съ плѣннымъ Эреншильдомъ, одѣтымъ въ богатое платье, прошли въ тріумфальныя ворота, украшенныя разными картинами.

Передъ домомъ сената, незадолго до того переведеннаго изъ Москвы въ Петербургъ, шествіе остановилось. Контръ-адмиралъ *Михайловъ* вошелъ въ сенатъ, гдѣ вицецарь принялъ отъ него рапортъ и поздравилъ побѣдителя шведовъ вице-адмираломъ. Новый чинъ, въ полной мѣрѣ заслуженный, увеличилъ удовольствіе, какое чувствовалъ Петръ въ этотъ торжественный день. Онъ хвалился имъ и во дворцѣ передъ государынею, и за обѣдомъ у князя Меншикова, гдѣ безчисленное множество гостей пировало до поздняго вечера, осушая бокалы за здоровье новаго вице-адмирала и за славную побѣду его.

Вотъ описаніе одного изъ петербургскихъ праздниковъ во время Петра. Но бывали тамъ праздники и другого рода. Высокій умъ Петра, безпрестанно занятый важными и очень часто тягостными трудами государственными, имѣлъ нужду въ развлеченіи. Въ такія минуты невольнаго стремленія къ забавѣ, душевное расположеніе его такъ скоро переходило отъ важнаго къ веселому, что окружавшіе его не могли надивиться тому. Отсюда происходитъ такое множество забавныхъ приключеній и праздниковъ, которыхъ описанія встрѣчаются въ исторіи Петра, часто на одной страницѣ съ разсказомъ о важнѣйшихъ происшествіяхъ. Такъ, въ октябрѣ 1710 года, сочиняя законы для управленія покоренной незадолго передъ тѣмъ Лифляндіи, Петръ занимался свадьбою двухъ карликовъ, на которую привезено было изъ разныхъ мѣстъ 72 человѣка карлъ; такъ, въ 1714 году, когда завоеваніе Финляндіи и осады городовъ ея, казалось, не должно бы оставить ни одной минуты свободной тому, кто лично присутствовалъ при каждомъ сраженіи этого похода,—необыкновенный государь находилъ время для составленія плана другой забавной свадьбы, извѣстной подъ именемъ *маскарадной*, гдѣ гости были одѣты въ разные костюмы и играли на разныхъ инструментахъ, а самъ женихъ, который былъ прежній

наставникъ государя, старикъ Никита Моисеевичъ Зотовъ — въ платье *кардинала,* потому что Петръ, кромѣ чина тайнаго совѣтника, далъ ему еще званіе *князя-папы.*

Добрый Зотовъ, изъ любви къ своему великому воспитаннику, охотно исполнялъ всѣ его желанія и уже не одинъ разъ тѣшилъ дворъ какими нибудь забавными сценами, гдѣ главною цѣлію было представить въ смѣшномъ видѣ грубые обычаи старины. Люди очень не любятъ быть смѣшными: многіе даже скорѣе согласятся подвергнуть себя непріятности, нежели представиться смѣшными въ глазахъ другихъ. Петръ хорошо зналъ человѣческое сердце и потому самые праздники его были однимъ изъ лучшихъ средствъ для осмѣянія пороковъ и странностей его подданныхъ. Впослѣдствіи времени, когда русскіе, насмотрѣвшись на все, что старина имѣла смѣшного и неприличнаго, старались удалиться отъ нея, Петръ приступилъ къ образованію Петербургскаго общества учрежденіемъ *ассамблей.*

Вижу, что читателямъ моимъ очень хочется знать, что такое значило въ то время слово: *ассамблея!* Это французское assemblée, т. е. нѣкоторое число людей, собравшихся для своего увеселенія или для разговоровъ дружескихъ. Чувствуя пользу такихъ собраній для общества, начинающаго образоваться, Петръ приказалъ, чтобы они были по очереди во всѣхъ знатнѣйшихъ домахъ столицы. Вмѣстѣ съ этимъ приказаніемъ изданы были и правила, какія надобно было наблюдать въ ассамблеяхъ. Читая эти правила, удивительно видѣть чрезвычайную заботливость, съ которою попечительный государь входилъ въ малѣйшія подробности всего, что находилъ полезнымъ для народа. Повѣрите ли вы, милые читатели, что не только онъ самъ назначалъ, въ которомъ часу должна была начаться и кончиться ассамблея, но даже и то, какими играми и танцами должно было заниматься общество, какіе напитки и закуски должны были приготовить хозяева.

Такая попечительность Петра не могла не имѣть чрезвычайнаго вліянія на новую столицу во всѣхъ частяхъ ея существованія: вмѣстѣ съ нравами, быстро улучшавшимися, улучшался и видъ города. Улицы Петербурга украшались

съ каждымъ годомъ новыми зданіями. Самыя окрестности его недолго оставались пустынными и неустроенными, и въ 1715 году царское семейство въ лѣтніе дни уже переѣзжало изъ Сарскаго — нынѣшняго Царскаго Села — въ Стрѣльну, изъ Стрѣльны въ Петергофъ. Всѣ эти, такъ называемыя тогда, *мызы* государя уже существовали. Послѣдняя, какъ самая близкая къ морю, была любимымъ мѣстомъ Петра. Тамъ строился уже и дворецъ, который вы и теперь можете видѣть въ томъ самомъ состояніи, какъ онъ былъ при знаменитомъ основателѣ своемъ: это тотъ самый прекрасный Монплезиръ, изъ окошекъ котораго такъ величественно синѣетъ безконечная даль моря. Въ Стрѣльнѣ же и Сарскомъ селѣ еще не было ничего похожаго на нынѣшнее великолѣпіе ихъ; тамъ любопытные, пріѣзжавшіе посмотрѣть на лѣтнее жилище царское, видѣли только небольшіе домики, гдѣ царица русская, достойная подражательница супруга своего въ его благодѣтельномъ намѣреніи учить подданныхъ своихъ всему высокимъ примѣромъ своимъ, любила заниматься домашнимъ хозяйствомъ. Она завела на мызахъ своихъ дѣланіе сыра, прежде неизвѣстное русскимъ, и очень часто сама смотрѣла за огородомъ и даже за кухнею. Видя все это, боярыни русскія стали усерднѣе заниматься хозяйствомъ, составляющимъ одну изъ главныхъ обязанностей женщины. Вскорѣ у многихъ знатныхъ вельможъ начали строить мызы, на поляхъ которыхъ показались стада, не уступавшія въ красотѣ царскимъ, выписаннымъ изъ Голландіи. Попечительная государыня развела голландскихъ коровъ даже въ Архангельской губерніи. Теперь онѣ извѣстны у насъ подъ именемъ *холмогорскихъ*.

Но живѣйшее участіе наше во всемъ, что касается до первыхъ временъ любезнаго намъ Петербурга, увлекло насъ далеко отъ происшествій все еще продолжавшейся войны шведской и отъ несчастнаго героя ея Карла XII. Чтобы возвратиться къ нему, надобно сказать, что послѣ Прутскаго мира онъ жилъ еще около трехъ лѣтъ въ Турціи и, безразсудно оставляя королевство свое на волю судьбы, хлопоталъ только о томъ, чтобы турецкій султанъ снова началъ войну съ русскими. Между тѣмъ, какъ располо-

женіе султана то подавало Карлу надежду на успѣхъ его стараній, то снова отнимало ее, Швеція страдала и отъ внутреннихъ безпорядковъ, и отъ сосѣдей своихъ, такъ часто переносившихъ прежде оскорбленія отъ гордаго короля ея. Это, вмѣстѣ съ рѣшительнымъ отказомъ султана на войну съ Россіей, заставило упрямаго короля опомниться и въ 1714 году возвратиться въ отечество. Шведы ожили: появленіе государя, котораго они не называли иначе, какъ героемъ, казалось обѣщало имъ новыя побѣды и возвращеніе всего потеряннаго въ отсутствіе его. Карлъ оправдалъ надежды ихъ: приказалъ набрать новыхъ рекрутъ и снова началъ грозить войною всѣмъ государствамъ, окружавшимъ его. Но на этотъ разъ они всѣ были осторожнѣе, и герой Швеціи увидѣлъ противъ себя сильный союзъ Россіи, Даніи, Ганновера, Голландіи и Пруссіи. Однакожъ союзники, которые сначала такъ уважали Петра, что даже вручили ему главное начальство надъ общимъ флотомъ, скоро охладѣли въ своемъ усердіи: могущество Петра начинало пугать ихъ не менѣе дерзости Карла, и потому, опредѣливъ въ совѣтѣ между собою напасть на южныя провинціи Швеціи, они такъ долго медлили отправленіемъ войскъ, что осень 1816 года настала прежде, нежели все было готово къ нападенію. Петръ замѣтилъ это хитрое поведеніе союзниковъ, понялъ причину его и съ негодованіемъ отослалъ флотъ свой назадъ въ Ревель, а самъ изъ Копенгагена, гдѣ потерялъ много времени въ напрасномъ ожиданіи, отправился посѣтить еще разъ свою старинную любимицу—Голландію. Тамъ могъ онъ узнать намѣреніе союзниковъ вѣрнѣе и подробнѣе; тамъ пріятно для него было увидѣть старинныхъ друзей и товарищей въ работахъ своихъ.

НОВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПЕТРА ВЪ ЧУЖІЕ КРАЯ И ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ.

отъ 1717 до 1719 года.

(2 года).

Съ восторгомъ и благоговѣніемъ они встрѣтили его въ тѣхъ городахъ Голландіи, гдѣ царственный художникъ за девятнадцать лѣтъ предъ тѣмъ проводилъ время въ изученіи ремеслъ. Особенное удовольствіе ожидало его въ Саардамѣ: тамъ радость жителей была неописанна при видѣ дорогого гостя. Не смотря на перемѣну въ наружности знаменитаго путешественника, явившагося къ прежнимъ знакомцамъ своимъ уже не въ одеждѣ матроса; не смотря на славу, окружавшую героя Полтавскаго, всѣ не только узнавали въ немъ прежняго *Петра Бааса*, но, увлеченные своею радостію и ласковымъ обращеніемъ Великаго, казалось, забывали всѣ другія достоинства его и помнили въ немъ только Петра Бааса.

Саардамскіе жители не одинъ разъ угощали у себя Петра и даже Екатерину, которая, не любя разлучаться съ супругомъ, была съ нимъ и въ этомъ путешествіи. Долго добрые саардамцы не могли забыть восхитительныхъ часовъ, проведенныхъ ими съ знаменитыми посѣтителями ихъ; долго разсказывали потомъ и дѣтямъ своимъ, какъ величественъ былъ видъ русскаго царя, не смотря на самую простую одежду его [1]); какъ прелестна была супруга его въ великолѣпномъ нарядѣ царицы сѣверной: Петръ, всегда носившій самое простое платье, любилъ видѣть свою милую *Катеньку* [2]), пышно одѣтую, а въ день именинъ ея онъ даже и самъ любилъ одѣваться пышно, и особенно съ того времени, какъ, въ 1714 году, онъ учредилъ въ этотъ день женскій орденъ св. Великомученицы Екате-

---

[1]) Петръ I носилъ въ это время въ Голландіи простой кафтанъ изъ сѣраго сукна, кортикъ на широкой кожаной портупеѣ, короткій черный парикъ и простую поярковую шляпу.

[2]) Такъ онъ всегда называлъ Екатерину.

рины въ память и награду смѣлой рѣшительности царицы во время несчастія русскихъ при рѣкѣ Прутѣ.

Объѣздивъ съ прекрасною подругою своею почти всѣ города Голландіи, Петръ, въ концѣ марта 1717 года, оставилъ ее въ Гагѣ, а самъ отправился во Францію. Надобно сказать вамъ, друзья мои, что занятія и образъ жизни Петра въ этомъ второмъ путешествіи его въ чужіе края были совсѣмъ другіе, нежели въ первомъ: тогда онъ, не любя показываться толпѣ любопытныхъ, проводилъ почти все время въ ученьѣ; теперь, все также ненавидя торжественныя встрѣчи и всякаго рода пышность и блескъ, онъ уже не бѣгалъ нигдѣ отъ народа, желавшаго видѣть его, и занимался болѣе не произведеніями ремесленниковъ, какъ прежде, но произведеніями изящныхъ искусствъ: онъ ѣздилъ во всякое мѣсто, гдѣ только было что нибудь рѣдкое и любопытное, и если можно было купить эту рѣдкость, то деньги царскія сыпались щедрою рукою и покупка отправлялась въ Петербургъ. Такъ купилъ онъ кабинетъ рѣдкостей знаменитаго профессора Рюйша за 40,000 гульденовъ, натуральный кабинетъ аптекаря Себы за 15,000 гульденовъ и за 5,000 рейхсталеровъ выкупилъ заложенный евреямъ Лидерскій минцъ-кабинетъ. Вмѣстѣ съ этими рѣдкостями отправлено было въ Петербургъ множество картинъ, купленныхъ въ Голландіи, гдѣ Петръ часто проводилъ по цѣлымъ часамъ передъ чудесными произведеніями кисти Рубенса, Вандика, Рембрандта и Сило. Особенно любилъ онъ картины послѣдняго, представлявшія морскіе виды и береговъ, и кораблей. Эти картины вскорѣ составили украшеніе дворцовъ государевыхъ, Петергофскаго и Лѣтняго петербургскаго, который вы найдете и теперь въ Лѣтнемъ саду нашемъ.

Въ Парижѣ, гдѣ такъ много любопытнаго, Петръ съ восхищеніемъ провелъ болѣе шести недѣль. Каждый день видѣлъ онъ тамъ что нибудь новое, каждый день и парижане смотрѣли съ новымъ удовольствіемъ на государя необыкновеннаго, котораго слава была такъ блистательна и велика. Уваженіе и радушіе встрѣчали его на каждомъ шагу: для жилища его назначенъ былъ одинъ изъ лучшихъ дворцовъ королевскихъ — Лувръ; на другой день

пріѣзда посѣтилъ его регентъ, управлявшій королевствомъ во время малолѣтства короля Людовика XV, и самъ этотъ маленькій король, дворъ, родственники государя и знатнѣйшіе вельможи попеременно давали для него пиры и праздники; знаменитыя академіи парижскія избрали его въ члены свои; на монетномъ дворѣ, въ короткое время его присутствія тамъ, выбита была золотая медаль, на которой съ одной стороны представленъ былъ Петръ, увѣнчанный лаврами, а на другой—летящая слава и восходящее солнце съ надписью: crescit eundo, т. е. *возрастаетъ въ пути*. Однимъ словомъ, парижане дѣлали все, чѣмъ можно было показать, какъ высоко цѣнили они и какъ глубоко уважали великаго посѣтителя ихъ. И Петръ разстался съ ними, чувствуя въ душѣ живѣйшую благодарность за этотъ радушный пріемъ. Въ это самое время получены были изъ Россіи очень дурныя вѣсти, принудившія царя поспѣшить своимъ возвращеніемъ въ отечество. Онѣ касались того, чье имя уже нѣсколько лѣтъ печалило сердце Петра: онѣ касались царевича Алексѣя Петровича. Но чтобы сдѣлать ихъ болѣе понятными для читателей, надобно прежде разсказать о происшествіяхъ, случившихся между царемъ и сыномъ его гораздо прежде этого времени. Мы говорили уже о томъ, каковъ былъ царевичъ до двѣнадцати-лѣтняго возраста его и какъ мало было надежды на его исправленіе. Послѣдствія оправдали печальныя опасенія государя: наслѣдникъ выросъ на горесть родительскаго сердца! Но оно все еще надѣялось; увлекаемое нѣжностію, оно все еще мечтало, что непокорный, исполненный самыми вредными предразсудками царевичъ еще можетъ исправиться, еще будетъ добродѣтельнымъ, еще полюбитъ просвѣщеніе. И какихъ средствъ не употреблялъ несчастный отецъ для этой цѣли! И занятія по службѣ, и важныя порученія по разнымъ частямъ государственнаго управленія, и путешествія по Европѣ: все поперемѣнно предлагалось царевичу, чтобы отвлечь его отъ грубыхъ забавъ, составлявшихъ его единственное препровожденіе времени. Не смѣя противиться приказаніямъ отца и государя, онъ исполнялъ ихъ, но неохотно, съ пренебреженіемъ, думая только о томъ, какъ

бы скорѣе отдѣлаться отъ порученія и потомъ донести своей матери, что онъ все тотъ же преданный ей сынъ, все тотъ же ненавистникъ нововведеній, все тотъ же защитникъ древнихъ обычаевъ, какъ былъ и какъ будетъ всегда. Проницательный Петръ не могъ не замѣчать этой непреклонности сына и рѣшилъ наконецъ употребить для исправленія его послѣднее средство, обѣщавшее болѣе успѣховъ, нежели какое-нибудь другое. Царевичъ, во время путешествій своихъ по Европѣ, видѣлъ при дворѣ саксонскомъ родственницу короля польскаго, Августа II, принцессу Вольфенбютельскую Шарлотту-Христину-Софію. Скромность и необыкновенная красота ея сдѣлали неожиданное никѣмъ впечатлѣніе на сердце Алексѣя. Никто не обрадовался этому столько, какъ великій родитель его. Мысль, что прелестная принцесса сдѣлаетъ надъ порочнымъ сердцемъ сына его такое чудо, какое нѣкогда сдѣлала кроткая Анастасія надъ сердцемъ Грознаго, восхищала Петра такою пріятною надеждою, что онъ очень скоро принялся за сватовство и, получивъ согласіе невѣсты и ея родителей, радовался почти болѣе самого жениха. Свадьба совершилась въ октябрѣ 1711 года, но сладкія надежды нѣжнаго отца не сбылись: молодая принцесса только на короткое время имѣла нѣкоторую власть надъ сердцемъ супруга своего. Кроткіе совѣты и наставленія скоро наскучили ему; слезы, проливаемыя ею, сердили его, а выговоры и упреки, которые царь дѣлалъ ему за горесть несчастной, выводили его изъ терпѣнія и заставляли ненавидѣть ангела, пожертвовавшаго ему родителями, отечествомъ и всѣмъ счастіемъ, которымъ она наслаждалась тамъ. Бѣдная страдалица не могла долго переносить грустную жизнь свою и въ октябрю 1715 года скончалась въ Петербургѣ, оставивъ недостойному супругу своему двухъ дѣтей: царевича *Петра* и царевну *Наталію*.

Послѣ смерти нѣжно-любимой невѣстки — невинной жертвы жестокаго сына, Петръ совершенно потерялъ надежду на его исправленіе, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе огорчаемый его поведеніемъ, рѣшительно приказалъ ему, въ 1716 году, или перемѣнить свой нравъ и быть достойнымъ наслѣдникомъ короны русской, или всту-

пить въ монашество. На размышленіе объ этомъ выборѣ снисходительный государь и отецъ давалъ непокорному сыну своему полгода. Полгода протекло—отвѣта не было! Царь находился въ это время съ флотомъ своимъ на Балтійскомъ морѣ и, пропустивъ еще нѣсколько времени, повторилъ свое предложеніе царевичу. Онъ отвѣчалъ, что избираетъ для себя монашество, а корону предоставляетъ меньшому брату своему Петру Петровичу—двухлѣтнему сыну Екатерины.

Еще въ печальныхъ глазахъ царя блистали слезы, отъ которыхъ не могъ удержаться Великій при чтеніи этого письма, какъ ему подали другой пакетъ: это было донесеніе генералъ-губернатора петербургскаго князя Меншикова о томъ, что царевичъ съ нѣсколькими изъ своихъ приближенныхъ уѣхалъ изъ столицы тайно и неизвѣстно куда. Долго не знали, гдѣ онъ скрывался; наконецъ въ Парижѣ получилъ Петръ извѣстіе, что царевичъ пріѣхалъ въ Вѣну умолять нѣмецкаго императора защитить его отъ отца и спасти отъ невольнаго постриженія. Можно представить себѣ, что почувствовало благородное сердце царя, узнавъ эту новость! Какая горесть и какое негодованіе разлились въ немъ при мысли, что родной сынъ его не только что желаетъ уничтожить все созданное имъ, но еще вооружаетъ противъ него чужія царства! Слыша о такихъ замыслахъ, надобно было думать, что многіе участвуютъ въ нихъ, что заговоръ великъ и требуетъ скораго изслѣдованія; вотъ причины, заставившія царя поспѣшить возвращеніемъ въ отечество. Между тѣмъ гвардейскій капитанъ Румянцевъ и тайный совѣтникъ Толстой посланы были въ Вѣну за царевичемъ. Услышавъ объ этомъ чрезъ своихъ сообщниковъ, Алексѣй Петровичъ бѣжалъ изъ Австріи въ Неаполь; но здѣсь Румянцевъ и Толстой нашли его, и онъ принужденъ былъ возвратиться къ разгнѣванному родителю.

Чувствуя, что для спокойствія и счастія Россіи нельзя оставить безъ изслѣдованія поступковъ царевича, Петръ старался заглушить въ родительскомъ сердцѣ своемъ всѣ нѣжныя чувства: ему надобно было рѣшиться на важное дѣло, надобно было предать суду хотя недостойнаго, но

все еще любимаго сына! Петръ рѣшился на это, и Алексѣй Петровичъ, какъ преступникъ противъ отца, государя и отечества, преданъ суду гражданскому и духовному. Первый состоялъ изъ министровъ, сенаторовъ, старшихъ генераловъ военныхъ и знатнѣйшаго дворянства, въ послѣднемъ были архіепископы, епископы и архимандриты, всѣхъ же вообще—144 человѣка. Читатели могутъ судить о справедливости и безпристрастіи этого судилища по тому высокому правосудію, въ которомъ примѣръ показывалъ ему великій государь, жертвуя собственнымъ сыномъ. Могъ ли кто нибудь изъ членовъ думать объ угожденіи царевичу, когда царь приказалъ забыть въ немъ это священное для подданныхъ имя и судить его какъ обыкновеннаго преступника? И такъ, со всею строгостію разсмотрѣны были поступки несчастнаго князя и открыто множество сообщниковъ его. Первыми изъ нихъ были: мать его, уже сбросившая одежду монахини и представлявшая царицу въ монастырѣ Суздальскомъ, и тетка, царевна Марія Алексѣевна, а съ ними всѣ приверженцы прежняго порядка, всѣ защитники старины и ненавистники новыхъ обычаевъ. Главною цѣлью заговора было возведеніе на престолъ царевича и потомъ уничтоженіе всего, что было начато, сдѣлано и усовершенствовано великимъ родителемъ его. Узнавъ это, члены судилища ужаснулись мысли о томъ положеніи, въ какое могла упасть Россія при удачномъ исполненіи этихъ замысловъ, и благодарили Бога за разрушеніе ихъ. И бывшая царица, и царевна Марія были преданы суду. Первую, просившую помилованія у супруга, сослали въ Новоладожскій монастырь; вторую заключили въ Шлиссельбургскую крѣпость. Главные сообщники, склонившіе ихъ и царевича къ заговору: ростовскій епископъ *Досиѳей*, генералъ-маіоръ *Глѣбовъ* и служившіе при Алексѣѣ Петровичѣ—*Кикинъ* и *Вяземскій*—были казнены. Послѣ этой казни приступили къ осужденію важнѣйшаго преступника, того, кто былъ виновенъ предъ лицомъ государя, не только какъ *подданный*, но и какъ *сынъ*. По всѣмъ законамъ церковнымъ, очень строгимъ въ этомъ отношеніи, и гражданскимъ, которые съ величайшею точностію согласовались съ священнымъ писаніемъ, виновный царе-

вичъ достоинъ былъ смерти. Духовные судіи предоставляли рѣшеніе на волю царя: исчисливъ примѣры и строгаго правосудія изъ Ветхаго Завѣта, и милосердія, и прощенія изъ Новаго, они заключили рѣшеніе свое слѣдующими словами: «Сердце царево въ руцѣ Божіей; да изберетъ то, къ чему рука Божія его преклоняетъ». Но гражданскіе судіи, боявшіеся малѣйшаго отступленія отъ своей должности и справедливости, произнесли ужасный приговоръ. Вотъ точныя слова его: «Царевичъ Алексѣй, за вышеобъявленныя всѣ вины свои и преступленія главныя противъ государя и отца своего, яко сынъ и подданный его величества, достоинъ смерти». Это рѣшеніе прочтено было царевичу въ сенатѣ, предъ всѣми членами и судіями его, и произвело такое сильное дѣйствіе надъ несчастнымъ — не имѣвшемъ отъ природы и малѣйшей части той героической твердости, какая отличала его родителя, — что почти въ ту же минуту онъ упалъ въ продолжительный обморокъ и всѣ старанія искусныхъ докторовъ едва могли привести его въ чувство, и то ненадолго! Томительный судъ, продолжавшійся пять мѣсяцевъ, и мучительное ожиданіе рѣшенія, вѣроятно, истощили силы виновнаго: опомнившись отъ сильнаго обморока, онъ жилъ только нѣсколько часовъ и скончался въ тотъ же день, получивъ прощеніе и благословеніе родителя своего, позабывшаго въ ужасную минуту этой кончины всѣ преступленія виновнаго сына.

Это было 26-го іюня 1718 года. Три дня тѣло умершаго было выставлено для народа въ Троицкой церкви и 30-го числа погребено въ Петропавловскомъ соборѣ.

Такъ горестный государь лишился старшаго сына своего, жестоко обманувшаго пріятныя ожиданія и надежды отеческаго сердца. Утѣшеніемъ Великаго и объявленнымъ наслѣдникомъ престола остался теперь маленькій царевичъ Петръ Петровичъ.

МИРЪ СО ШВЕЦІЕЮ И ПЕТРЪ ИМПЕРАТОРЪ.

Недолго это утѣшеніе радовало сердце Петра: 25-го апрѣля 1719 года царевичъ скончался на четвертомъ году своего возраста. Этотъ неожиданный ударъ сильно поразилъ государя, потерявшаго съ почившимъ ангеломъ послѣднюю надежду передать судьбу народа своего *родному* наслѣднику! Но много было твердости въ этой героической и въ то же время благочестивой душѣ! Отдавъ милаго младенца небесному Отцу его, Петръ вмѣстѣ съ нимъ предалъ Богу и будущую судьбу Россіи. Усердная молитва успокоила страданія государя до того, что онъ уже безъ убійственнаго унынія могъ видѣть всѣ приготовленія къ выносу тѣла царевича изъ дворца, могъ даже самъ проводить его до мѣста погребенія въ Невскомъ монастырѣ. Душевныя силы его были еще удивительнѣе: въ эти горестные дни онъ могъ, по обыкновенію, заниматься дѣлами государственными. Правда, что въ то время они были очень важны и требовали особеннаго вниманія царя: Швеція лишилась своего короля-героя, и новыя опасности угрожали Россіи. Вы удивляетесь, друзья мои, что смерть Карла XII, вмѣсто того чтобъ успокоить отечество наше, готовила ему новыя бѣды! Да, къ несчастію, это было такъ! Въ послѣднее время жизни своей Карлъ имѣлъ очень умнаго министра *Герца,* который, понимая всю пользу, могущую произойти отъ дружества между двумя такими великими государями, какими были Петръ I и Карлъ XII, старался помирить ихъ, и старанія его шли очень успѣшно, тѣмъ болѣе, что Петръ недоволенъ былъ союзниками своими. Вы помните, какъ долго сбирались они посылать на помощь къ нему войска свои? Впослѣдствіи они не толкко не поправили своей медленности, но нерасположеніе ихъ къ царю русскому такъ усилилось, что для него гораздо выгоднѣе было мириться съ давнишнимъ врагомъ, искавшимъ этого примиренія, нежели помогать противъ него новымъ союзникамъ своимъ. И вотъ въ то время, когда надежда на миръ уже казалась очень основательною, Карлъ XII неожиданно убитъ при осадѣ норвежскаго городка Фридрихс-

галля, и смерть его уничтожила все, что съ большимъ трудомъ устроивалъ Герцъ. Престолъ Карла достался младшей сестрѣ его Ульрикѣ-Элеонорѣ, супругѣ принца гессенскаго, хотя племянникъ ея *Фридерикъ,* герцогъ голштинскій, имѣлъ гораздо болѣе правъ на наслѣдство. Петръ зналъ молодого, обиженнаго герцога и покровительствовалъ ему. Этого уже довольно было, чтобы встревожить новую королеву, которую и безъ того старались ссорить съ русскими прежніе союзники ихъ: австрійцы, датчане, ганноверцы и даже англичане. Но что же было съ Ульрикою-Элеонорою, когда она услышала, что герцогъ голштинскій предлагаетъ руку свою дочери Петра, царевнѣ Аннѣ, и Петръ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе. Страхъ, что царь захочетъ доставить будущему зятю своему принадлежащій ему по законамъ престолъ, заставилъ шведскую королеву какъ можно скорѣе соединиться съ непріятелями Россіи, и вотъ, вмѣсто ожидаемаго мира, къ русскимъ прилетѣла вѣсть о новой войнѣ, еще страшнѣе прежней, потому что союзниками шведовъ были уже теперь и англичане съ своимъ сильнымъ, всегда славившимся флотомъ.

Петръ не только съ своею обыкновенною твердостію услышалъ эту новость, но даже сказалъ при этомъ случаѣ слѣдующія слова: «Я два раза предлагалъ миръ брату моему Карлу: сперва по нуждѣ, а потомъ изъ великодушія; теперь же исторгну его у шведовъ силою!» И это было исполнено съ точностію. Петръ въ самомъ дѣлѣ силою заставилъ упрямыхъ шведовъ помириться и вотъ какимъ образомъ: имѣя въ числѣ кораблей и судовъ своего флота очень много галеръ [1]), царь составилъ изъ нихъ особенный флотъ, отдѣльный отъ корабельнаго, и отправилъ его въ Балтійское море съ повелѣніемъ опустошать берега Швеціи огнемъ и оружіемъ. Генералы: князь Голицынъ и Ласси, бригадиръ Менгденъ, начальники разныхъ отдѣленій новаго флота, исполнили повелѣніе государя—и запылавшіе города и селенія на берегахъ Швеціи сильнѣе всякихъ словъ представили королевѣ необходимость мира съ русскими. Она и

---

[1]) Галера есть плоскодонное судно, которое по легкости своей можетъ подходить очень близко къ берегамъ.

супругъ ея, уже объявленный также королемъ Швеціи, предложили наконецъ сами этотъ миръ и прежде всего умоляли Петра объ отдаленіи страшныхъ галеръ его отъ разоренныхъ береговъ Швеціи. Съ искреннею радостію царь исполнилъ ихъ желаніе и тотчасъ же отправилъ тайнаго совѣтника барона Остермана въ финляндскій городокъ *Ништадтъ,* избранный мѣстомъ мирныхъ переговоровъ. Но и тутъ шведы, надѣясь на помощь англичанъ, приславшихъ къ нимъ болѣе 28 кораблей, долго медлили и не соглашались на всѣ условія, предложенныя Петромъ. Тогда онъ, потерявъ терпѣніе, приказалъ снова галерному флоту выступить въ походъ. Шведскіе селенія и лѣса по берегамъ Ботническаго залива загорѣлись до городовъ Вазы и Умео! Вмѣстѣ съ страшнымъ пожаромъ ихъ наконецъ потухла продолжительная война шведовъ съ русскими: король и королева согласились на всѣ предложенія царя, и знаменитый для Россіи миръ Ништадтскій заключенъ былъ 30-го августа 1721 года.

Выгоды этого мира были безчисленны. Утвердивъ въ вѣчномъ владѣніи отечества нашего области: Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію, Карелію и часть Финляндіи съ городами Кексгольмомъ и Выборгомъ, онѣ осуществили великій планъ Петра: онѣ соединили народъ его съ европейцами, и тѣмъ въ полной мѣрѣ вознаградили всѣ труды и опасности, какимъ подвергался царь въ продолженіе этой болѣе нежели двадцатилѣтней войны!

Зато какъ и радовался онъ этому счастливому окончанію! Какъ весело праздновалъ полученное извѣстіе о мирѣ! Съ какимъ торжествомъ объявилъ о немъ народу! Это важное объявленіе сдѣлано было 4-го сентября, въ день полученія извѣстія. Двѣнадцать драгунъ и съ ними два трубача, одѣтые въ зеленые мундиры съ бѣлыми тафтяными перевязями черезъ плечо и съ знаменами, украшенными лаврами, ѣздили по городу и почти въ каждой улицѣ повторяли свою торжественную новость.

Но это было только объявленіе о мирѣ; настоящее же торжество его не могло быть отпраздновано такъ скоро: приготовленія къ нему заняли много времени. Къ тому же, Россія готовилась праздновать не одно это торжество, но

вмѣстѣ съ нимъ и другое, не менѣе важное: торжество глубокой благодарности своей къ государю ея.

Уже давно между подданными Петра уменьшилось число недовольныхъ имъ и новымъ порядкомъ, вводимымъ имъ въ образованіе; уже давно большая и лучшая часть изъ нихъ поняла, что всѣ учрежденныя перемѣны дѣлаются для счастія ихъ, и въ заговорѣ царевича Алексѣя уже не участвовали знаменитѣйшіе бояре, но онъ почти весь составленъ былъ изъ приверженцевъ прежней царицы, стало быть уже можно было сказать, что всѣ русскіе согласно уважали того, кто достоинъ былъ уваженія всего свѣта. Заключенный миръ, такъ блистательно исполнившій намѣренія государя, придавалъ новую живость благодарнымъ чувствамъ подданныхъ его, тѣмъ болѣе, что незадолго передъ тѣмъ Петръ показалъ новое доказательство своей отеческой заботливости о счастіи народа: для лучшаго производства дѣлъ по всѣмъ частямъ государственнаго управленія онъ учредилъ на мѣсто приказовъ— о которыхъ вѣрно помнятъ читатели мои—государственныя коллегіи. Это учрежденіе было чрезвычайно благодѣтельно, потому что въ прежнихъ приказахъ рѣшеніе зависѣло отъ воли одного судьи, а въ коллегіяхъ отъ нѣсколькихъ, и начальникъ каждой коллегіи, называвшійся *президентомъ* или *предсѣдателемъ*, не могъ ничего сдѣлать безъ согласія товарищей своихъ, другихъ членовъ коллегіи. Такимъ образомъ никакое дѣло не могло болѣе зависѣть—какъ случалось это прежде—отъ прихоти одного человѣка, но подвергалось разсмотрѣнію и обсужденію многихъ.

Учрежденныхъ коллегій было *девять: коллегія иностранныхъ дѣлъ* заступила мѣсто посольскаго приказа; *камеръ-коллегія* занималась государственными доходами; *юстицъ-коллегія* смотрѣла за судопроизводствомъ; *вотчинная коллегія* замѣнила приказъ помѣстный; государственные счеты повѣрялись *ревизіонъ-коллегіею*. Всѣми дѣлами, которыя касались до флота, управляла *адмиралтействъ-коллегія;* всѣми военными дѣлами—*коллегія Военная;* всѣми торговыми, также всѣми каналами, дорогами и таможнями — *коммерцъ-коллегія*. Въ *бергъ-* и *ма-*

нуфактуръ-коллегіи были всѣ горные заводы, всѣ фабрики и мануфактуры. Вмѣстѣ съ основаніемъ коллегій, назначенныхъ для улучшенія правосудія, Петръ не забылъ и того, что главное основаніе правосудія составляютъ *законы*, и потому для усовершенствованія всѣхъ изданныхъ прежними государями и для разсужденія о новыхъ, сдѣлавшихся необходимыми по новому образованію царства, онъ учредилъ изъ членовъ коллегій *коммиссію составленія* новаго *уложенія*.

Занимаясь столь важными учрежденіями, царь находилъ время думать о другомъ великомъ намѣреніи. Оно касалось духовенства нашего. Давно уже онъ находилъ излишнею въ правленіи власть патріарховъ, почти равнявшуюся царской. Зная изъ исторіи нѣсколько примѣровъ тѣхъ безпорядковъ, какіе могутъ произойти въ такомъ случаѣ, Петръ давно рѣшился уничтожить это важное достоинство и для того не назначалъ новаго патріарха на мѣсто послѣдняго, Адріана, умершаго въ 1700 году. Чтобы слегка пріучить подданныхъ своихъ къ этой новости, онъ объявилъ сначала, что, не имѣя времени, по случаю войны съ шведами, заняться избраніемъ новаго патріарха, онъ откладываетъ это избраніе и между тѣмъ поручаетъ управлять всѣми духовными дѣлами рязанскому митрополиту *Стефану Яворскому*. Во все время войны государь продолжалъ откладывать и, наконецъ, въ январѣ 1721 года, когда уже всѣ привыкли къ возможности жить безъ патріарха, объявилъ рѣшительно, что его болѣе не будетъ въ Россіи и всѣ духовныя дѣла поручатся священному собору, названному *святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ*. Образованіе этого верховнаго духовнаго судилища было такое же, какъ и сената. Правила его и вообще все, что касалось до жизни и состоянія духовенства, сочинены были одними изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ того времени и любимцемъ Петра — архіепископомъ псковскимъ *Ѳеофаномъ Прокоповичемъ*. Народъ, уже довѣрчивый ко всему, что дѣлалъ государь его, безъ ропота принялъ новое учрежденіе и въ скоромъ времени почувствовалъ пользу его.

Всѣ эти знаменитыя дѣла, которыя Петръ обдумы-

валъ и очень часто даже исполнялъ посреди трудностей войны или жестокихъ огорченій душевныхъ, убѣдительно доказывали необыкновенное величіе его. Глубоко чувствуя это, русскіе, осыпанные благодѣяніями его, желали показать предъ цѣлымъ свѣтомъ и благодарность свою, и ту справедливость, какую всѣ сословія ихъ отдавали высокимъ качествамъ государя. Съ такимъ намѣреніемъ всѣ члены синода и сената собрались вмѣстѣ за два дня до назначеннаго торжества мира и, опредѣливъ предложить Петру титулъ *императора* и проименованія *Отца отечеста* и *Великаго,* письменно просили его чрезъ князя Меншикова о принятіи этихъ названій.

Долго скромность государя отказывалась принять эти громкія имена, но наконецъ убѣжденія любимца, сенаторовъ и духовенства заставили его согласиться: въ день празднованія мира назначено было торжественно исполнить общее желаніе.

Съ нетерпѣніемъ ожидали жители столицы сѣверной этого радостнаго дня! Онъ былъ 22-го октября 1721 года. Съ самаго утра этого дня засуетился народъ по улицамъ Петербурга, еще никогда не видавшаго такого знаменитаго праздника. Всѣ толпились около Троицкаго собора. Туда ожидали къ обѣднѣ государя со всѣмъ дворомъ. Двадцать девять полковъ съ пушками, трубами и литаврами уже стояли тамъ въ стройномъ порядкѣ. Горделиво и весело посматривали вокругъ себя храбрые воины, радостно и почтительно здоровались съ ними толпы любопытныхъ, со всѣхъ сторонъ окружавшія ихъ. Раздался благовѣстъ къ обѣднѣ. Всѣ, и воины, и граждане набожно перекрестились и обратили взоры къ той сторонѣ, откуда надобно было ѣхать царю. Вскорѣ увидѣли его приближеніе вмѣстѣ съ царицею и всѣмъ семействомъ. Тѣ же радостныя привѣтствія, какія раздаются теперь въ народѣ при видѣ государя, встрѣтили и проводили Петра до самаго входа въ церковь. Тамъ послѣ обѣдни прочитанъ былъ славный для русскихъ трактатъ Ништадтскаго мира и потомъ архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ произнесъ рѣчь, въ которой, представивъ кратко всѣ великія дѣла

царя, назвалъ его достойнымъ имени *Отца отечества, императора* и *Великаго*.

Канцлеръ графъ Головкинъ повторилъ отъ всѣхъ чиновъ государственныхъ такое же привѣтствіе и кончилъ восклицаніемъ: «*Виватъ! виватъ! виватъ! Петръ Великій, Отецъ отечества, императоръ Всероссійскій!*»

Три раза повторено было это восклицаніе всѣми находившимися въ церкви, и всѣмъ народомъ и войскомъ, окружавшими ее. Въ это же самое время раздавались въ воздухѣ колокольный звонъ, звуки трубъ и литавръ, пушечные и ружейные выстрѣлы.

Такъ совершилось торжественное принятіе Петромъ благодарныхъ чувствъ народа его. Новый императоръ, не менѣе благодарный къ своимъ товарищамъ въ побѣдахъ, въ тотъ же день спѣшилъ наградить каждаго по заслугамъ его. Въ это время князь Меншиковъ, Сиверсъ и Гордонъ пожалованы были въ вице-адмиралы; вице-адмиралъ Крюйсъ въ адмиралы синяго флага, а графъ Брюсъ и баронъ Остерманъ, за искусство и успѣхъ, съ которыми вели они переговоры въ Ништадтѣ, были награждены деревнями и деньгами.

Праздники продолжались три дня, и каждый вечеръ были иллюминованы корабли и домы петербургскіе; каждый вечеръ горѣлъ прекрасный фейерверкъ. Вы вѣрно догадаетесь, милыя дѣти, что въ этихъ веселостяхъ государя и столицы не забытъ былъ и простой народъ, столько любимый Петромъ: для него были выставлены жареные быки и разнаго рода птицы, также хлѣбы, калачи и сайки, а изъ двухъ фонтановъ било красное и бѣлое вина, не говоря уже о цѣлыхъ бочкахъ меда и пива, которыя веселые гости царя скоро опоражнивали за славный миръ и счастіе Россіи.

ПОСЛѢДНІЯ ДѢЯНІЯ ПЕТРА I.

отъ 1722 до 1725 года.

(3 года).

И такъ, на Балтійскомъ морѣ уже не раздавались болѣе военные громы, и для торговли русскихъ открылся свободный путь во всѣ государства Европы. Но Петръ, довольный великимъ дѣломъ своимъ, еще не считалъ его совсѣмъ оконченнымъ. Не одно Балтійское море представляло торговыя выгоды для подданныхъ его; съ другой стороны подлѣ нихъ было море Каспійское, а по берегамъ его прекрасныя страны Персіи, а за Персіею же— Индія со всѣми своими богатствами. Давно уже русскіе торговали съ персіянами и Петръ всѣми силами старался поддерживать эти дружескія сношенія между обоими народами. Но съ 1710 года дѣла въ Персіи пошли очень худо: государь ея, шахъ *Гуссейнъ* былъ очень слабъ и, надѣясь на эту слабость, многіе изъ подданныхъ его забыли свою покорность къ нему. Особенно одинъ изъ нихъ, *Мирависъ,* предводитель поколѣнія афганцевъ, жившихъ около горъ кавказскихъ, дошелъ до такой дерзости, что даже объявилъ себя независимымъ и вмѣстѣ съ своими приверженцами и другими мятежными ордами, подданными Персіи, началъ опустошать области, лежавшія около Кавказа, побилъ 300 человѣкъ русскихъ, жившихъ тамъ по дѣламъ торговымъ, и нанесъ купечеству русскому до 4.000,000 убытку. Такое жестокое оскорбленіе заставило Петра вступиться за своихъ подданныхъ и требовать отъ шаха удовлетворенія, но несчастный Гуссейнъ былъ въ такомъ положеніи, что желалъ бы самъ просить помощи у русскаго государя, чтобы управиться съ бунтовщиками. Пока продолжалась война шведская, Россія не могла подать ему этой помощи; но послѣ славнаго мира императору съ его войскомъ, такъ скоро привыкшимъ къ побѣдамъ, уже можно было думать о наказаніи убійцъ и грабителей его подданныхъ.

Въ іюнѣ 1722 года неутомимый государь былъ уже въ Астрахани, а въ іюлѣ отправился въ походъ съ своею болѣе нежели 60,000 арміею. Пѣхота плыла по Каспійскому морю на 274 судахъ, кавалерія шла сухимъ путемъ чрезъ степи. Послѣднею начальствовалъ генералъ-маіоръ Кропотовъ, надъ всѣмъ флотомъ—генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ.

Успѣхъ встрѣтилъ императора на первыхъ шагахъ этого похода: еще не доходя до береговъ персидскихъ земель, онъ получилъ извѣстіе, что владѣтель области Дагестанской *Абдулъ-Гирей* добровольно покорился его власти. Главный и важный городъ этой области былъ *Терки.* Вы найдете его и теперь, милые читатели, въ числѣ нашихъ приморскихъ каспійскихъ городовъ подъ именемъ *Тарку*. Вскорѣ потомъ и начальникъ города Дербента просилъ покровительства русскихъ, которые, вступивъ на берегъ Азіи, такъ удивляли ея необразованныхъ жителей своимъ воинственнымъ видомъ и страшными оружіями, что Петру легко было бы распространить свои завоеванія далеко по берегу Каспійскаго моря, еслибы войско его съ перемѣною холоднаго климата своего отечества на жаркій воздухъ странъ кавказскихъ не начало чувствовать разнаго рода болѣзней, которыя, съ наступленіемъ осени, еще болѣе усилились. Самъ государь почувствовалъ себя нездоровымъ; и такъ походъ былъ оконченъ, и въ началѣ ноября Петръ уже возвратился въ Астрахань, оставивъ въ завоеванныхъ мѣстахъ столько войска, сколько нужно было для удержанія въ покорности новыхъ подданныхъ. Число этихъ подданныхъ вскорѣ увеличилось: воины русскіе, оставшіеся на берегахъ Каспійскаго моря, завоевали еще одинъ изъ городовъ, тамъ лежащихъ, *Баку;* а персидскій шахъ, умоляя императора о помощи противъ непокорныхъ подданныхъ своихъ, уступалъ Россіи, кромѣ завоеванныхъ земель, еще три области: *Гилянъ*, *Мазандеранъ* и *Астерабатъ.* Съ этими предложеніями и съ просьбою о заключеніи мира пріѣхалъ отъ него посланникъ *Измаилъ-бекъ.* Петръ принялъ его съ большою честію и приказалъ ввезти въ Петербургъ водою въ богатой яхтѣ, украшенной со всѣми прихотями азіятскаго вкуса. Измаилъ-бекъ сѣлъ на нее у

Невскаго монастыря. За нимъ въ нѣсколькихъ судахъ поѣхала свита его; впереди вся Нева покрыта была ботами, лодками и разнаго рода судами невскаго флота [1]), на берегахъ раздавалась пушечная пальба и барабанный бой.

На другой день этого торжественнаго въѣзда, 11-го августа 1723 года, былъ у царя еще лучшій праздникъ. За нѣсколько недѣль передъ тѣмъ онъ выводилъ для маневровъ въ Балтійское море весь флотъ свой, состоявшій уже тогда изъ 100 галеръ, 22 кораблей и 14 фрегатовъ. Маневры такой грозной силы испугали прибрежныя государства, особенно давнишнихъ непріятелей Россіи—шведовъ; а Петру того и хотѣлось, потому что въ это время были у него переговоры съ шведами о справедливомъ требованіи герцогомъ голштинскимъ шведскаго престола. Любя этого принца, будущаго зятя своего, какъ сына, императоръ желалъ, чтобы шведы не забыли о правахъ его, и они, уважая посредничество Петра, исполнили все, чего желалъ онъ: дали 25,000 талеровъ въ годъ на содержаніе герцога и, кромѣ того, обѣщали имѣть его въ виду при избраніи наслѣдника престола шведскаго.

Довольный своимъ успѣхомъ, Петръ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на то, что̀ доставило ему и этотъ успѣхъ, и уваженіе шведовъ,—на знаменитый и многочисленный флотъ свой. Любуясь грозными великанами, такъ гордо разъѣзжавшими подъ бѣлыми парусами по волнамъ Балтійскаго моря и залива Финскаго, императоръ вспомнилъ съ живѣйшею благодарностію о маленькомъ ботикѣ, который подалъ ему первую мысль объ основаніи морскихъ силъ Россіи и, достойно величая его *дѣдушкой Русскаго флота*, приказалъ привезти его изъ Москвы въ Кронштадтъ. Желаніе государя исполнено, и 11-го августа назначенъ праздникъ въ честь знаменитаго *дѣдушки*. И какой же былъ

---

[1]) *Невскимъ флотомъ* назывались суда, принадлежавшія жителямъ столицы, которые всѣ обязаны были, на случай наводненія, имѣть лодки и умѣть хорошо управлять ими. Для этого, по приказанію императора, они два раза въ недѣлю выѣзжали на Неву и, подъ начальствомъ адмирала этого флота, дѣлали разнаго рода ученья. Петръ, страстно любившій море и мореплаваніе, хотѣлъ передать эту любовь и своимъ подданнымъ.

этотъ праздникъ! Въ своемъ родѣ онъ былъ такъ же необыкновененъ, какъ и всѣ дѣла этого удивительнаго государя. Рано утромъ весь флотъ вышелъ въ море; имъ начальствовали три адмирала: графъ Апраксинъ, Крюйсъ и *Михайловъ*. Со всѣхъ судовъ палили изъ пушекъ и спускали флаги въ честь маленькаго виновника праздника. Наконецъ, нѣсколько главныхъ морскихъ генераловъ вошли въ него: Сиверсъ, Гордонъ, Синявинъ и Сандерсъ принялись исправлять должность гребцовъ, князь Меншиковъ—боцмана, а адмиралъ *Михайловъ* сталъ на рулѣ за квартирмейстера.

Такъ величественно знаменитый ботикъ обошелъ кругомъ всего флота. Звукъ трубъ и барабановъ и громкое *ура!* окружали его со всѣхъ сторонъ и проводили потомъ въ самую гавань, куда поплыли за нимъ и всѣ корабли и фрегаты. За пышнымъ обѣдомъ, который давался въ тотъ день отъ двора въ Кронштадтѣ и на которомъ присутствовала вся императорская фамилія, Петръ пилъ за здоровье ботика, говоря: «Да здравствуетъ маленькій дѣдъ такихъ большихъ и славныхъ внуковъ!»

Вѣрно и вамъ, друзья мои, хотѣлось бы видѣть этого *маленькаго дѣдушку?* Желаніе ваше легко можетъ быть исполнено: въ Петропавловской крѣпости сохраняется этотъ драгоцѣнный любимецъ незабвеннаго Петра нашего. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ снова удостоенъ былъ такой же чести. Императоръ Николай Павловичъ дѣлалъ для него точно такой же праздникъ въ іюнѣ 1836 года.

Торжество въ честь ботика въ 1723 году примѣчательно еще потому, что оно было какъ будто заключеніемъ морскихъ походовъ Петра: послѣ маневровъ, сдѣланныхъ въ пользу голштинскаго герцога, императоръ уже не былъ на морѣ Балтійскомъ. Здоровье его съ каждымъ годомъ дѣлалось слабѣе и могло ли это быть иначе? Безпрестанные труды его—и умственные, и тѣлесные—были такъ велики, что кажутся теперь почти невѣроятными для насъ, а онъ почиталъ ихъ дѣломъ самымъ обыкновеннымъ и, не заботясь о здоровьѣ своемъ, всегда готовъ былъ жертвовать имъ для послѣдняго изъ подданныхъ. Къ тому же, въ сердцѣ его не было счастія, которое бы вознаграждало за

эти труды, не было утѣшенія, которое бы успокоивало мысли его о будущей судьбѣ Россіи; не было наслѣдника, которому онъ могъ бы передать все сдѣланное имъ! Это причиняло ему такую горесть, которая усиливала всѣ болѣзненные припадки его. Среди этихъ грустныхъ размышленій взоры его всегда съ утѣшеніемъ останавливались на кроткой и прекрасной подругѣ его славной жизни, на той героинѣ, которая такъ вѣрно дѣлила съ нимъ всѣ труды и опасности. Полагая, что она все еще не довольно вознаграждена за безсмертное благодѣяніе, сдѣланное ею для Россіи, онъ желалъ окружить ее всѣмъ блескомъ царственной власти и торжественно короновать государыню, которая, хотя давно объявлена была царицею, но не была вѣнчана на царство. Соображаясь съ пламеннымъ желаніемъ императора, всѣ приготовленія скоро были окончены и 7-го мая 1724 года Екатерина уже коронована была въ московскомъ Успенскомъ соборѣ со всѣми торжественными обрядами, какіе обыкновенно наблюдаются при короновaніи государей нашихъ. Въ этотъ день Петръ учредилъ въ честь и особенное охраненіе императрицы роту кавалергардовъ, состоявшую изъ самыхъ великорослыхъ солдатъ, выбранныхъ изъ всего русскаго войска. Одежда ихъ была чрезвычайно богата: на плечахъ и груди сіяли золотые императорскіе гербы, на шляпахъ развѣвались перья; даже лошади ихъ и все оружіе блестѣло золотомъ и серебромъ. Чины въ этой необыкновенной ротѣ были также необыкновенные, напримѣръ *капитаномъ* въ ней былъ генералъ-поручикъ Ягужинскій, *поручикомъ*—генералъ-маіоръ Дмитріевъ-Мамоновъ, *подпоручикомъ*—бригадиръ Леонтьевъ, а *прапорщикомъ*—полковникъ князь Мещерскій.

Императоръ уже чувствовалъ себя очень слабымъ во время коронаціи супруги своей, однакожъ, не смотря на это, самъ съ великолѣпною церемоніею ввелъ ее въ церковь и потомъ на тронъ, самъ возложилъ на нее корону и мантію, наконецъ, самъ подводилъ ее къ алтарю для мѵропомазанія и причащенія Св. Таинъ. Зато вскорѣ послѣ окончанія обряда онъ сильнѣе почувствовалъ слабость свою и поспѣшилъ во дворецъ гораздо прежде, нежели возвратилась туда императрица со всею прежнею церемоніею.

Торжественные обѣды и праздники, продолжавшіеся потомъ цѣлую недѣлю, не могли поправить здоровья государя, но еще болѣе разстроили его, такъ что онъ долженъ былъ на нѣсколько времени отложить важнѣйшія изъ занятій своихъ и лечиться минеральными водами; онъ любилъ этотъ родъ леченія и нѣсколько разъ ѣздилъ для того къ Олонецкимъ минеральнымъ водамъ; но онѣ не могли истребить совершенно болѣзни его, потому что при малѣйшемъ облегченіи онъ оставлялъ пользованіе и снова предавался трудамъ. Такъ случилось это и теперь: почувствовавъ себя нѣсколько здоровѣе и веселѣе, неутомимый государь уже отправился въ Петербургъ, а оттуда тотчасъ же въ Петергофъ, посмотрѣть много ли подвинулись работы фонтановъ и бассейновъ; потомъ въ Кронштадтъ взглянуть на свои корабли и фрегаты. Эти разъѣзды не кончились тѣмъ: возвратясь изъ Кронштадта, Петръ поѣхалъ въ Новую Ладогу, на берегъ рѣки Волхова. Тамъ, съ 1719 года, производились важныя работы, но чтобы понятно разсказать вамъ о нихъ, друзья мои, надобно развернуть карту Россіи. Видите, ли вы на ней, какъ Нева соединяетъ Финскій заливъ съ Ладожскимъ озеромъ, какъ потомъ это озеро соединяется рѣкою Волховомъ съ озеромъ Ильменемъ и какъ въ это послѣднее озеро впадаетъ рѣка *Мста*? Стало быть отъ самаго начала Мсты можно доѣхать водою до Петербурга. Эта водяная дорога важна не для путешественниковъ, которые гораздо скорѣе могутъ пріѣхать въ Петербургъ сухимъ путемъ, но для тѣхъ большихъ судовъ и барокъ, которыя привозятъ въ сѣверную столицу огромные запасы разныхъ необходимыхъ для жизни вещей. А надобно сказать правду, Петербургъ очень нуждается въ нихъ, будучи окруженъ землею, вовсе неплодородною. Но попечительный основатель его видѣлъ, что и всѣ мѣста, лежавшія по рѣкѣ Мстѣ, не отличаются богатствомъ природы; зато это богатство показывается тамъ, гдѣ начинается Волга, и продолжается по всѣмъ странамъ, гдѣ течетъ эта величественная рѣка, доходящая до самаго Каспійскаго моря. Какимъ же бы образомъ соединить эти плодородныя области съ безплодными мѣстами, окружающими новую столицу? Разумѣется, единственная возмож-

ность къ тому есть водяное сообщеніе. Но рѣка Мста, оканчиваясь около тѣхъ мѣстъ, гдѣ начинается Волга, не соединяется ни съ нею, ни съ большою рѣкою *Тверцою*, впадающею въ Волгу. И такъ, чтобы доѣхать водою отъ самой Астрахани до Петербурга, надобно соединить Тверцу и Мсту,—и Петръ, дальновидный и заботливый о выгодахъ народа своего, сдѣлалъ это еще въ первые годы существованія Петербурга, а въ 1719 году онъ принялся уже за другое дѣло въ такомъ же родѣ. Ладожское озеро, какъ величайшее изъ всѣхъ озеръ европейскихъ, очень бурно и опасно для судовъ, плавающихъ по немъ. Часто во время грозы люди и барки погибали безъ всякой вѣсти въ волнахъ его и послѣ такихъ несчастныхъ случаевъ страшно было и другимъ пускаться по той же дорогѣ. Такимъ образомъ Петербургъ могъ часто терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Чтобъ отвратить это несчастіе отъ любимаго города своего, Петръ придумалъ вотъ что: провести каналъ по берегу Ладожскаго озера отъ источника Невы до Волхова. Простираясь на 105 верстъ, онъ представлялъ чрезвычайныя трудности своему основателю; но какія трудности могли остановить Петра, когда съ ними соединялась польза Россіи? Государь, бережливый до невѣроятности во всемъ, что касалось до собственныхъ его расходовъ, не пожалѣлъ чрезвычайныхъ суммъ, какихъ должно было стоить проведеніе этого канала и съ 1719 года 25,000 человѣкъ работниковъ начали безпрестанно трудиться надъ нимъ. Сначала работы шли медленно, но съ 1723 года надзоръ за ними былъ порученъ одному изъ любимцевъ императора, графу Миниху, который съ такимъ успѣхомъ исправлялъ порученное ему дѣло, что Петръ, пріѣхавъ въ Новую Ладогу, могъ уже плыть въ лодкѣ нѣсколько верстъ по новому каналу и съ восхищеніемъ писалъ къ государынѣ: «Работа Миниxова сдѣлала меня здоровымъ. Я надѣюсь современемъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать водою изъ Петербурга и въ Головиномъ саду, при рѣкѣ Яузѣ, въ Москвѣ, встать».

Но эта надежда не исполнилась и удовольствіе при видѣ успѣшныхъ работъ Миниха ненадолго подкрѣпило драгоцѣнное здоровье императора! Какъ будто предчув-

ствуя приближавшуюся кончину, онъ спѣшилъ совершать великія намѣренія свои, и въ этомъ же 1724 году сдѣлалъ планъ основанія въ Петербургѣ Академіи Наукъ и приказалъ перенести мощи князя Александра Невскаго, почивавшія во Владимірѣ, на тѣ мѣста, гдѣ святой герой одержалъ побѣду, прославившую память его. Богъ, всегда ниспосылавшій успѣхъ намѣреніямъ благочестиваго Петра, ниспослалъ ему радость видѣть исполненіе этого усерднаго желанія его: мощи Невскаго привезены были въ новую столицу 30-го августа 1724 г., въ то время, когда государь еще былъ столько здоровъ, что самъ выѣхалъ встрѣтить ихъ на великолѣпной галерѣ и собственными руками участвовалъ въ перенесеніи ихъ на эту галеру и потомъ въ церковь Александро-Невскаго монастыря. Тутъ и теперь мы можемъ съ умиленіемъ молиться государю *Святому*—генію-хранителю Россіи и благоговѣйно вспоминать государя *Великаго*—генія-просвѣтителя ея.

КОНЧИНА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

1725 годъ.

Святый князь, котораго присутствіе всегда было утѣшительно для русскихъ въ продолженіе земной жизни его, казалось, и въ гробѣ хотѣлъ утѣшить ихъ: вскорѣ послѣ перенесенія священныхъ мощей его Петръ почувствовалъ такое облегченіе въ своей болѣзни, что съ 13-го сентября всѣ уже имѣли самую основательную надежду на совершенное выздоровленіе отца отечества. Государю надобно было только нѣсколько времени поберечь себя и не тотчасъ приниматься за обыкновенныя занятія свои. Вмѣсто того Петръ не только началъ прогуливаться по Невѣ и съ жаромъ принялся за всѣ дѣла государственныя, но въ началѣ октября, не смотря на всѣ представленія своего лейбъ-медика Блюментроста, отправился водою къ Кронштадтъ, Шлиссельбургъ и на Олонецкіе желѣзные заводы, гдѣ собственными руками выковалъ тяжелую полосу желѣза, ко-

торая и теперь хранится въ кунсткамерѣ. Объѣздивъ всѣ эти мѣста, государь, 27-го октября, возвратился въ Петербургъ и, отдохнувъ не болѣе какъ одинъ день, отправился опять водою въ Сестребекъ, мѣстечко, лежащее въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда. Къ вечеру того же дня довольно пріятная осенняя погода перемѣнилась въ сильную бурю, которая долго носила по волнамъ взморья яхту императорскую. Она ужъ приставала къ берегу Лахты [1], какъ вдругъ всѣ бывшіе на ней примѣчаютъ вдали какое-то судно, съ котораго раздаются жалобные крики о помощи. Этого уже было довольно, чтобы возбудить все живѣйшее участіе, къ какому было способно сострадательное сердце императора. Онъ забываетъ опасность, которой за минуту самъ подверженъ былъ, остается съ нѣсколькими изъ людей своихъ на яхтѣ, а всѣхъ другихъ отправляетъ въ шлюпкѣ на помощь погибающимъ. Это были солдаты и матросы, ѣхавшіе на большомъ ботѣ изъ Кронштадта и занесенные бурею на мель. Усердно желали посланные исполнить волю добраго государя, но всѣ усилія ихъ были напрасны: они не могли стащить бота съ мѣста. Видя это, Петръ забываетъ все, кромѣ святой обязанности человѣка помогать своему ближнему; забываетъ всю великость различія, существующаго между его жизнію и жизнію другихъ людей, забываетъ всю любовь къ себѣ подданныхъ, готовыхъ съ радостію умереть за него, всю неизмѣримость потери, ожидавшей ихъ со смертію его, и бросается съ остальными матросами своей яхты спасать тонувшихъ. Этотъ единственный примѣръ оживилъ новымъ мужествомъ сердца всѣхъ участниковъ великаго дѣла императора, и погибавшіе были спасены: двадцать человѣкъ изъ нихъ были обязаны этимъ спасеніемъ самому ему!

Прекрасенъ былъ подвигъ Петра, но горестны были слѣдствія его! Царственный избавитель для жизни спасенныхъ имъ пожертвовалъ собственною! Пробывъ болѣе получаса въ холодныхъ волнахъ, онъ простудился, и эта простуда, соединясь съ прежнею болѣзнію, прекратила дни Великаго въ январѣ 1725 года. Напрасно старалась бы я пред-

[1]) Селеніе, лежащее по дорогѣ къ Сестребеку.

ставить вамъ, милые читатели мои, всю великость удара, поразившаго Россію, и всю горесть, какую чувствовала она! Никакое перо, никакія выраженія не могутъ дать объ этомъ понятія. Ужасныя слова: «*Петръ I скончался!*» перелетая отъ одного человѣка къ другому, казалось, лишали каждаго возможности выражать общее страданіе: всѣ не говорили, но могли только неутѣшно плакать! И такъ, предоставляя собственнымъ сердцемъ вашимъ, друзья мои, понять всю неизмѣримость этой горести, я не буду говорить о ней, но разскажу вамъ печальныя подробности кончины государя.

Съ января мѣсяца здоровье Петра начало примѣтно разрушаться; однакожъ 6-го числа, въ праздникъ Крещенія, онъ еще самъ начальствовалъ войсками на Іорданѣ и послѣ того нѣсколько дней занимался, по обыкновенію, дѣлами. Наконецъ ужасныя страданія остановили эту неутомимую дѣятельность и съ половины января императоръ уже не могъ вставать съ постели. Никакія пособія искусства, никакіе совѣты врачей иностранныхъ, съ которыми переписывался Блюментростъ, не помогли! Видя безнадежность своего положенія, изображавшуюся на лицахъ всѣхъ окружавшихъ его, чувствуя ее въ предсмертныхъ мученіяхъ, Петръ имѣлъ еще мужество утѣшать нѣжную супругу, которой горесть доходила почти до отчаянія, имѣлъ еще мужество говорить ей и всѣмъ приближеннымъ своимъ: «Изъ меня можете познать, какое слабое твореніе есть человѣкъ!»

Однакожъ, не смотря на все глубокое чувство этой слабости, не смотря на то, что съ 22-го числа духовникъ уже не отходилъ отъ постели государя, примѣтно было, что надежда еще не оставляла больного до самаго 27-го числа, когда страданія и слабость его достигли высочайшей степени. Въ эти мучительныя минуты, казалось, онъ почувствовалъ приближеніе смерти и спросилъ бумаги и перо; но умирающая рука уже отказывалась служить, и изъ всѣхъ словъ, написанныхъ государемъ, можно было разобрать только два! *отдайте все*... Не имѣя возможности передать письменно послѣднюю волю свою, онъ, вѣроятно, желалъ сдѣлать это словесно и для того послалъ за старшею дочерью своею Анной, но прежде нежели печальная

великая княжна успѣла подойти къ постели умирающаго, онъ уже не въ состояніи былъ говорить. Около пятнадцати часовъ потомъ еще жилъ Великій, но эту жизнь можно было назвать только признаками жизни: иногда они примѣтны были въ движеніи руки, старавшейся сдѣлать знаменіе креста, иногда въ томъ вниманіи, съ которымъ слушалъ онъ читаемыя духовникомъ молитвы. Наконецъ въ утро 28-го числа—назначенное Богомъ быть послѣднимъ земнымъ утромъ Петра—благочестивый государь во второй разъ причастился Св. Таинъ, и въ первой четверти 6 часа безсмертная душа его отлетѣла на небо.

Въ первыя минуты казалось, что эта божественная душа унесла съ собою твердость и силы русскихъ: начиная отъ императрицы и дочерей ея, вынесенныхъ безъ чувствъ изъ комнатъ государя, до послѣдняго человѣка, служившаго во дворцѣ,—все предавалось отчаянію, все громко зарыдало! И эти рыданія раздались не въ одномъ дворцѣ, но въ каждомъ домѣ Петербурга, въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селеніи обширной Россіи! Жители Петербурга были счастливѣе другихъ тѣмъ, что могли по крайней мѣрѣ болѣе мѣсяца видѣть драгоцѣнные останки обожаемаго государя и не одинъ разъ проститься съ ними: день погребенія былъ 7-го марта, а до тѣхъ поръ всѣмъ позволено было приходить къ тѣлу, которое стояло все это время въ залѣ дворцовой, и потомъ со всѣмъ императорскимъ великолѣпіемъ перенесено въ Петропавловскій соборъ.

Здѣсь, предъ самымъ погребеніемъ, Россія сказала послѣднее *прости* своему великому благодѣтелю — въ краснорѣчивой рѣчи архіепископа Ѳеодора Прокоповича. Трогательныя слова проповѣдника и слезы всѣхъ слушателей, сливаясь вмѣстѣ съ громкимъ плачемъ войска и народа, окружавшихъ церковь, выразительно доказывали общую горесть. Она утихала нѣсколько только тогда, когда супруга Петра являлась взорамъ огорченныхъ и, какъ утѣшительный ангелъ небесъ, обѣщала осиротѣвшимъ подданнымъ ту же любовь и тѣ же попеченія, какими исполнено было къ нимъ сердце навѣки почившаго отца ихъ.

Семейство императора Петра I.

Супруги: 1-я) *Евдокія* Өеодоровна Лопухина.

Сынъ отъ нея: a) царевичъ *Алексѣй,* скончался въ 1718 г.

2-я) *Екатерина* Алексѣевна изъ рода Скавронскихъ, наслѣдовавшая престолъ.

Дѣти отъ нея: b) *Петръ,* c) *Павелъ,* d) *Петръ,* скончавшіеся въ дѣтствѣ. e) *Анна,* была въ супружествѣ за герцогомъ голштинскимъ Фридерикомъ. f) *Елисавета,* бывшая впослѣдствіи императрицею всероссійскою.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА I.

отъ 1725 до 1727 года.

(2 года).

Русскіе въ ужасное время жестокой потери своей имѣли полное право ожидать утѣшеній отъ Екатерины. Она объявлена была наслѣдницею престола въ самый день кончины супруга, по общему согласію вельможъ и народа. Однакожъ нельзя не сказать, что усерднѣе всѣхъ дѣйствовалъ въ этомъ важномъ дѣлѣ князь Меншиковъ. Имѣя много случаевъ быть полезнымъ для Екатерины еще съ первыхъ лѣтъ жизни ея въ Россіи и испытавъ въ полной мѣрѣ благодарныя чувства государыни, Меншиковъ увѣренъ былъ, что въ царствованіе ея онъ будетъ наслаждаться совершенною властію, которая давно уже сдѣлалась первымъ желаніемъ его честолюбиваго сердца. Старанія его о возведеніи на престолъ своей покровительницы имѣли тѣмъ болѣе успѣха, что не онъ одинъ чувствовалъ любовь и преданность къ доброй государынѣ: прекрасныя качества души ея доставляли ей безчисленное множество приверженцевъ. Сильная сторона ея не могла не побѣдить приверженцевъ девяти-лѣтняго великаго князя *Петра,* сына несчастнаго царевича Алексѣя Петровича, хотя, какъ родный внукъ покойнаго императора, онъ имѣлъ полное право на корону русскую. Но по дѣтскимъ лѣтамъ сво-

имъ онъ не могъ самъ управлять государствомъ. Итакъ, самые защитники его скоро согласились вручить императорскую власть общей любимицѣ, тѣмъ болѣе, что она обѣщала почитать великаго князя своимъ наслѣдникомъ и образовать въ немъ *государя, достойнаго имени и крови Петра I.*

Приверженцы Екатерины не ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ: новое царствованіе было достойно наслѣдницы Петра. Она съ такою точностію старалась исполнять всѣ извѣстныя ей намѣренія супруга своего, съ такимъ успѣхомъ умѣла довершать начатое имъ, что конецъ этого кратковременнаго царствованія, продолжавшагося не болѣе двухъ лѣтъ, былъ новою горестію для Россіи.

Вы раздѣлите эту справедливую горесть, милыя дѣти, когда услышите, какъ много сдѣлано было въ эти два года.

Прежде всего надобно сказать вамъ, что во всѣхъ мѣстахъ обширнаго отечества нашего, во все время правленія Екатерины, было совершенное спокойствіе и миръ со всѣми сосѣдями; только на берегахъ Каспійскаго моря, въ областяхъ, незадолго передъ тѣмъ завоеванныхъ Петромъ, бунтовали новые подданные Россіи, но и тѣ усмирены были оставленнымъ тамъ генераломъ Матюшкинымъ. Вслѣдъ за этимъ усмиреніемъ грузинскій царь *Вахтангъ,* уважая могущество Россіи и желая избавиться отъ притѣсненій персіянъ, вступилъ въ подданство Екатерины и такимъ образомъ увеличилъ царство ея новою областію.

При самомъ началѣ своего восшествія на престолъ государыня исполнила одно изъ важныхъ намѣреній великаго супруга своего: отправила въ Ледовитое море нѣсколько судовъ подъ начальствомъ капитана Беринга для того, чтобы узнать соединяется ли твердою землею Азія съ Америкой, или раздѣляется моремъ. Этотъ вопросъ былъ очень важенъ въ то время для всей Европы, и русскіе—въ первомъ морскомъ путешествіи своемъ—пріобрѣли честь, которой позавидовали многіе опытные моряки. Берингъ узналъ, что оконечности Азіи и Америки не составляютъ одного материка, но раздѣляются проливомъ. Хотя этотъ проливъ еще прежде путешествія Беринга извѣстенъ былъ казаку *Дежневу,* проѣхавшему по немъ, но какъ новое открытіе было довер-

шено и описано Берингомъ, то и названо было его именемъ. Вѣдь, вѣрно, всѣ вы, милые читатели мои, знаете проливъ *Беринговъ*?

Вскорѣ послѣ отправленія Беринга, и именно въ маѣ 1725 года, Екатерина основала Академію Наукъ по плану, сдѣланному за годъ передъ тѣмъ покойнымъ императоромъ. Почти въ то же время она учредила орденъ св. Александра Невскаго. Это было также намѣреніе Петра: онъ говорилъ о немъ при перенесеніи мощей героя Невскаго въ сѣверную столицу. Знаки новаго ордена розданы были въ первый разъ 21-го мая 1725 года, въ день бракосочетанія великой княжны Анны Петровны съ герцогомъ голштинскимъ. Вы знаете, друзья мои, что и начало этого брака устроено было Петромъ; однакожъ герцогъ голштинскій былъ общимъ любимцемъ родителей невѣсты своей, и Екатерина, такъ же какъ и супругъ ея, во всякомъ случаѣ показывала свою особенную къ нему привязанность. Она желала даже, чтобъ герцогъ участвовалъ въ дѣлахъ государственныхъ и для того назначила его однимъ изъ главныхъ членовъ учрежденнаго ею верховнаго тайнаго совѣта, котораго власть превышала власть сената и гдѣ разсматривались только самыя важныя дѣла государства. Еслйбы царствованіе ея было продолжительнѣе, она, вѣроятно, возвратила бы герцогу и шлезвигское владѣніе, отнятое у него Даніей въ послѣднюю войну русскихъ съ шведами: всѣ приготовленія къ морскому походу противъ датчанъ были уже сдѣланы и многочисленный флотъ готовъ былъ въ Ревелѣ и Кронштадтѣ. Но ранняя смерть, прекративъ неутомимую дѣятельность императрицы и всѣ ея прекрасныя намѣренія, лишила народъ русской государыни, въ полной мѣрѣ оправдавшей своимъ царствованіемъ справедливость судьбы, такъ блистательно возвысившей ее отъ бѣдности и сиротства до одного изъ знаменитыхъ троновъ Европы! Она скончалась 6-го мая 1727 года, но за нѣсколько времени до кончины успѣла утвердить будущее спокойствіе покидаемаго ею царства объявленіемъ духовной, въ которой наслѣдникомъ престола назначенъ былъ внукъ Петра I — *Петръ Алексѣевичъ II*. Родныя же дочери ея — великія княжны Анна и Елисавета — получали право на корону только въ

такомъ случаѣ, еслибы Петръ II умеръ безъ наслѣдниковъ мужескаго пола. Здѣсь видна справедливость императрицы,—справедливость, сохраненная ею, не смотря на всю материнскую любовь ея къ дочерямъ: царствованіе великаго князя обѣщало русскимъ болѣе прочное счастіе, нежели царствованіе которой нибудь изъ тетокъ его, и этого было довольно для супруги Петра: наслѣдница любви его къ народу во всей цѣлости сохранила драгоцѣнное наслѣдіе свое и, свято исполнивъ свою обязанность, спокойно и безъ сожалѣнія разсталась съ жизнію, въ которой не находила радостей послѣ кончины супруга своего.

ПЕТРЪ II И КНЯЗЬ МЕНШИКОВЪ.

отъ 1727 до 1728 года.

(1 годъ).

Одиннадцати-лѣтній императоръ Петръ II взошелъ на престолъ въ день кончины Екатерины, и бояре, и народъ единодушно назвали его государемъ своимъ. Кромѣ законныхъ правъ его, за него былъ сильнѣйшій вельможа тогдашней Россіи: князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Пора вамъ, милые читатели мои, узнать подробнѣе объ этомъ примѣчательномъ лицѣ въ исторіи нашего отечества.

Я не буду описывать вамъ, какъ онъ изъ самаго ничтожнаго званія чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался не только знаменитѣйшимъ вельможею въ царствѣ, но и любимѣйшимъ другомъ государя,—вы уже знаете это. И такъ, поговоримъ о томъ, какъ онъ, достигнувъ такого рѣдкаго счастія, не умѣлъ удержаться на высотѣ его и упалъ, упалъ ужасно! Причиною этого паденія были: жадность къ богатству и гордость, отъ которыхъ происходятъ обыкновенно почти всѣ несчастія людей. Эти двѣ унижающія человѣка страсти помрачали достоинства Меншикова и наконецъ взяли такую власть надъ душою его, что при всякомъ случаѣ, гдѣ только можно было воспользоваться чѣмъ нибудь для выгодъ своихъ, онъ пользовался; при

всякомъ случаѣ, гдѣ только можно было показать властолюбіе свое, онъ показывалъ его. Отсюда происходило то, что никто не любилъ его; никто не желалъ ему добра; но, зная власть, какою пользовался онъ при дворѣ, всякій боялся его. Эта власть очень уменьшилась въ послѣдніе годы царствованія Петра I, потому что правосудный государь узналъ о многихъ дурныхъ дѣлахъ своего любимца и даже не одинъ разъ отдавалъ его подъ судъ за несправедливое присвоеніе чужихъ имѣній и денегъ, но со времени восшествія на престолъ императрицы Екатерины, которой сердце, увлекаясь чувствомъ благодарности, видѣло въ Меншиковѣ только хорошія качества его, власть знаменитаго вельможи достигла высочайшей степени и продолжалась во все время ея царствованія. Всѣ недовольные, начинавшіе, въ послѣдніе мѣсяцы жизни Петра I, громко роптать на притѣсненія князя, умолкли или въ стѣнахъ душныхъ темницъ, или въ степяхъ холодной Сибири. Всѣ родственники ихъ, напуганные самовластіемъ любимца государыни, не смѣли возобновлять жалобъ несчастныхъ и ожидали отъ одного Бога облегченія страданій своихъ. Но долго печальныя сердца ихъ не могли дождаться этого облегченія: съ каждымъ днемъ могущество князя Меншикова увеличивалось и наконецъ съ кончиною императрицы еще болѣе утвердилось: въ духовной ея назначалась невѣстою молодого императора дочь Александра Даниловича, княжна Марія Александровна. Нельзя описать ужаса, какой почувствовали всѣ непріятели Меншикова, услышавъ объ этой новости и въ то же время узнавъ, что будущій тесть государя въ тотъ же день перевезъ его изъ дворца въ свой собственный домъ.

Съ этого времени началось полновластное владычество Меншикова надъ Россіей. Онъ одинъ управлялъ всѣми дѣлами государственными, хотя въ духовной Екатерины и назначена была до шестнадцати-лѣтняго возраста императора *правительственная опека,* состоявшая изъ дочерей ея: Анны и Елисаветы, герцога голштинскаго, супруга Анны, епископа любскаго, жениха Елисаветы, и шести членовъ Верховнаго Совѣта. Будучи однимъ изъ членовъ, Меншиковъ съ перваго дня присвоилъ себѣ всю власть;

остальные же пять: князья *Голицынъ* и *Долгорукій*, графы *Головкинъ* и *Остерманъ* и генералъ-адмиралъ *Апраксинъ*, только исполняли приказанія его, отъ которыхъ не могъ избавляться и самъ герцогъ голштинскій. Поведеніе гордаго честолюбца сдѣлалось наконецъ такъ нестерпимо, что великая княгиня Анна и супругъ ея должны были уѣхать изъ Россіи. Тогда-то Меншиковъ вообразилъ, что всѣ желанія его исполнились, и герцогъ голштинскій, послѣдній непріятель, котораго онъ болѣе всѣхъ боялся, побѣжденъ. И подлинно, послѣ отъѣзда старшей дочери великаго благодѣтеля его, кого могъ онъ бояться? Царевна Елисáвета была еще такъ молода, что не могла имѣть никакого вліянія на дѣла государственныя; ее занимали забавы почти дѣтскія. Императоръ, незадолго предъ тѣмъ праздновавшій двѣнадцатый годъ своего рожденія, былъ уже обрученъ съ дочерью Меншикова и жилъ въ его домѣ.

Но какъ часто ошибаются люди въ самыхъ вѣрныхъ разсчетахъ своихъ! Рѣдко кто испыталъ это въ такой степени, какъ честолюбивый князь Меншиковъ! Въ то самое время, какъ онъ съ гордымъ восхищеніемъ смотрѣлъ на свою прекрасную Марію, за которую народъ русскій уже молился въ церквахъ, какъ за обрученную невѣсту государя, въ то самое время, какъ онъ мечталъ о новомъ соединеніи семейства своего съ домомъ царскимъ чрезъ бракъ сына своего съ сестрою императора, царевною Наталіею Алексѣевною, враги его искусно приготовили ему погибель.

Эти враги были не тѣ безсильные и обиженные родственники семействъ, казненныхъ или сосланныхъ за оскорбленія Меншикову, нѣтъ! это были враги самые могущественные изъ всѣхъ ненавидѣвшихъ его, это были князья Долгорукіе.

Еще въ царствованіе Екатерины начались ссоры ихъ съ Меншиковымъ и продолжались нерѣшительно до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ, пятнадцати-лѣтній князь *Иванъ*, сынъ князя Алексѣя Долгорукаго, не подружился съ молодымъ императоромъ. Богъ, какъ бы желая показать ничтожность всѣхъ хитро-обдуманныхъ плановъ человѣка, выбралъ этого юношу для того, чтобы наказать гордость Меншикова. Князь Иванъ былъ ловокъ, статенъ, всегда

веселъ, онъ умѣлъ занимать государя, разнообразить его удовольствія, предупреждать его желанія. Вскорѣ государь, привыкнувъ къ молодому товарищу своему, хотѣлъ безпрестанно видѣть его. Но строгій надзоръ хитраго врага разстроивалъ эти свиданія, и только на охотѣ друзья могли поговорить со всею свободою. Государь, и безъ того очень любившій эту забаву, пристрастился къ ней еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ полюбилъ своего милаго Ивана Алексѣевича. Здѣсь-то, заѣзжая вдвоемъ иногда нечаянно, а иногда и нарочно въ густую чащу лѣса, Петръ и любимецъ его свободно разговаривали о разныхъ дѣлахъ придворныхъ. Здѣсь-то князь Долгорукій, по наставленію отца, сказалъ государю о тайныхъ замыслахъ Меншикова, о томъ, какъ онъ хочетъ посредствомъ брака своей дочери завладѣть всею властію царскою. Петръ находилъ эти замѣчанія справедливыми: онъ не любилъ гордаго князя, не любилъ и Маріи, не смотря на всю красоту ея; довѣрчиво повѣрялъ онъ самыя тайныя мысли свои любимому другу, и какъ же обрадовался тотъ, когда узналъ изъ нихъ, что невѣста царская не владѣла сердцемъ жениха своего! Услышавъ объ этомъ, враги Меншикова смѣлѣе приступили къ дѣлу, а между тѣмъ онъ самъ, безразсуднымъ поведеніемъ своимъ, какъ будто помогалъ всѣмъ ихъ намѣреніямъ. Купечество петербургское, чрезвычайно любившее молодого государя, поднесло ему въ это самое время 9,000 червонныхъ. Петръ, самый нѣжный изъ братьевъ, хотѣлъ подарить этими деньгами сестру свою, великую княжну Наталію, и тотчасъ же послалъ ихъ къ ней съ однимъ изъ придворныхъ чиновниковъ. Меншиковъ встрѣтилъ посланнаго, узналъ, куда несетъ онъ деньги, и нисколько не думая о дерзости поступка своего, сказалъ: «*Императоръ еще такъ молодъ, что не можетъ знать, какъ должно употреблять деньги: отнеси ихъ ко мнѣ*». Привыкнувъ безъ всякихъ противорѣчій повиноваться князю, посланный и на этотъ разъ исполнилъ волю его. На другой день государь узналъ объ этомъ и гнѣвъ его былъ такъ великъ, что Меншиковъ едва могъ вымолить себѣ прощеніе и, можетъ быть, отъ этого неожиданнаго случая чрезъ нѣсколько дней захворалъ. Болѣзнь его была даже опасною. Въ это

время Долгорукіе дѣйствовали всѣми силами противъ врага своего. Меншиковъ послѣ выздоровленія самъ доставилъ имъ новое средство къ своей погибели. Вмѣсто того, чтобы отправиться въ Петергофъ, куда переѣхалъ дворъ во время его болѣзни, онъ поѣхалъ на свою дачу Ораніенбаумъ, гдѣ надобно было освящать церковь. Меншиковъ послалъ пригласить на этотъ праздникъ государя со всѣмъ дворомъ. Но Петра уговорили отказаться отъ этого приглашенія. Гордый князь, ослѣпленный несчастнымъ честолюбіемъ, искусно скрылъ досаду на отказъ, и чтобы не подать никому изъ приближенныхъ своихъ малѣйшаго понятія о немилости къ нему государя, старался показать величіе свое болѣе обыкновеннаго и забылся до того, что во время освященія церкви занялъ мѣсто императора, приготовленное въ видѣ трона! Въ тотъ же день государь узналъ объ этой новой, величайшей дерзости и Меншиковъ уже не видалъ его болѣе! Напрасно поѣхалъ онъ тотчасъ послѣ праздника своего въ Петергофъ: императоръ уѣхалъ оттуда на охоту; напрасно поѣхалъ потомъ въ Петербургъ и два дня ожидалъ возвращенія государя въ домъ свой: разгнѣванный Петръ не только не возвратился, но даже приказалъ всѣ вещи свои перевезти въ лѣтній дворецъ, и на другой день пріѣзда своего туда, 7-го сентября 1727 года, послалъ генерала Салтыкова объявить Меншикову, чтобъ онъ не входилъ ни въ какія дѣла и не выѣзжалъ изъ дома; 9-го сентября несчастный горделивецъ получилъ приказаніе ѣхать въ Раненбургъ, городъ, самимъ имъ выстроенный и теперь находящійся въ Рязанской губерніи. Это новое приказаніе, вовсе неожиданное, поколебало твердость несчастнаго, но онъ и тутъ умѣлъ скрыть горесть свою, и только отчаянная супруга и дѣти его отправились къ государю умолять о помилованіи. Никто изъ нихъ не былъ допущенъ до него, и бѣдные, всѣми оставленные, въ неописанномъ положеніи возвратились въ великолѣпный дворецъ свой, гдѣ каждая комната царскою пышностію своею жестоко напоминала имъ потерянное величіе. Однакожъ Меншиковъ думалъ и въ изгнаніи сохранить это величіе и потому выѣхалъ изъ Петербурга съ такою многочисленною свитою и въ такихъ богатыхъ экипажахъ, что враги его, раздосадованные этою

неумѣстною важностію, выпросили у государя новое повелѣніе опечатать всѣ его вещи и оставить ему только самое нужное. Это было исполнено въ Твери. Отсюда уже несчастный поѣхалъ какъ совершенный изгнанникъ, и не въ Раненбургъ, но былъ сосланъ въ Сибирь, въ отдаленный городъ Тобольской губерніи, *Березовъ*. Горестная жена и дѣти ѣхали съ нимъ же, и величайшимъ наказаніемъ, посланнымъ отъ Бога гордой душѣ Меншикова, было: видѣть семейство свое, еще такъ недавно окруженное счастіемъ и славою, теперь покрытое стыдомъ и бѣдностію! Съ особенною грустію смотрѣлъ онъ на свою любимицу, на свою милую Марію, обрученную невѣсту государя. Кто бы могъ предсказать ей малѣйшее несчастіе за три мѣсяца назадъ, въ ту торжественную минуту, когда архіепископъ новгородскій Ѳеофанъ подалъ ей кольцо императора! Кто бы могъ подумать тогда, что она когда нибудь поѣдетъ въ Сибирь въ простой телѣгѣ изгнанника? Вотъ какъ невѣрна, какъ перемѣнчива участь людей, милыя дѣти! Надобно помнить это всегда при самомъ величайшемъ счастіи нашемъ, а не думать, какъ думалъ гордый Александръ Даниловичъ, который только тогда повѣрилъ возможности своего бѣдствія, когда оно настигло его. Однакожъ отдадимъ ему справедливость въ томъ, что онъ не впалъ въ отчаяніе отъ ужаснаго переворота судьбы своей даже и тогда, когда бѣдствіе его еще увеличилось потерею супруги, ослѣпшей отъ слезъ и скончавшейся отъ горести на дорогѣ. Напротивъ того, казалось, что съ каждымъ новымъ ударомъ онъ получалъ и новую твердость. Это происходило оттого, что онъ началъ болѣе думать о Богѣ и будущей жизни, началъ раскаяваться въ дурныхъ поступкахъ своихъ и молить о прощеніи. Богъ, никогда не оставляющій безъ исполненія такихъ молитвъ, принималъ его раскаяніе и посылалъ ему за то спокойствіе души, такъ что во время несчастной жизни своей въ *Березовѣ* нерѣдко чувствовалъ онъ себя довольнѣе и веселѣе, нежели въ то время, когда былъ первымъ вельможею въ столицѣ. Дѣти его, слушая наставленія отца, сдѣлавшагося очень благочестивымъ, раздѣляли чувства его. Вскорѣ положеніе ихъ сдѣлалось еще пріятнѣе: получая десять рублей въ день на свое содер-

жаніе, Меншиковъ издерживалъ очень мало и изъ остальныхъ отъ каждаго дня вскорѣ накопилъ столько, что могъ построить въ бѣдномъ городкѣ Березовѣ, мѣстѣ своего изгнанія, деревянную церковь. Часто и онъ, и сынъ его, бывшій тринадцати лѣтъ уже оберъ-камергеромъ Петра II, трудились собственными руками надъ этою постройкою; молодыя же княжны шили въ это время покровы для алтаря и одежды для священника. Часто радость разливалась въ сердцахъ ихъ за этой работой: онѣ утѣшались спокойствіемъ отца болѣе, нежели прежде самыми великолѣпными праздниками, на которыхъ нерѣдко лицо его было угрюмо и сердито. Такъ текла жизнь изгнанниковъ. Вдругъ жестокое несчастіе снова встревожило уже успокоенныя сердца ихъ: Марія, кроткая, любимая всѣмъ семействомъ, умерла отъ оспы. Горестный отецъ былъ неутѣшенъ; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и именно 22-го октября 1729 года, скончался и онъ отъ апоплексическаго удара. Его похоронили въ церкви, имъ построенной, подлѣ дочери. Такъ кончилась судьба счастливца, которому долго завидовали всѣ вельможи, окружавшіе тронъ Россіи; такъ правосудный и милосердый Богъ смирилъ гордость его и исцѣлилъ сердце отъ пороковъ. Меншиковъ, въ послѣдніе два года своей жизни, благодарилъ Бога за несчастіе, исправившее его, и говорилъ, что счастливъ бы онъ былъ, еслибъ ему нужно было отдать въ будущемъ мірѣ отчетъ только за ту жизнь, которую онъ провелъ въ *Березовѣ*. Сынъ и дочь его *Александра* возвращены были изъ ссылки чрезъ нѣсколько времени послѣ его смерти, въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны.

ДОЛГОРУКІЕ.

отъ 1728 до 1730 года.

(2 года).

Въ то время, какъ знаменитое семейство Меншиковыхъ такъ жестоко испытывало непостоянство судьбы и счастія, главные враги его, князья Долгорукіе, торжествовали въ полной мѣрѣ. Они сдѣлались первыми въ имперіи. Государь былъ неразлученъ съ любимцемъ своимъ, и родственники молодого князя получали чрезъ него все, чего желали.

Иванъ Алексѣевичъ, не смотря на свои молодыя лѣта, былъ очень хитръ и умѣлъ искусно поддерживать привязанность къ нему Петра. Конечно, это не было очень трудно при четырнадцати-лѣтнемъ возрастѣ императора. Стоило только угождать его желаніямъ, и Долгорукій дѣлалъ это тѣмъ охотнѣе, что желанія молодого государя часто были согласны съ его собственными. Такъ, напримѣръ, они оба любили охоту и никакія важныя занятія и даже никакая погода не могла остановить ихъ отъ этой забавы, они предавались ей такъ неумѣренно, что здоровье Петра, отъ природы слабое и нѣжное, начало разстроиваться. Можно бы подумать, что, почувствовавъ это, онъ и другъ его сдѣлаются осторожнѣе, и особенно послѣдній, какъ старшій, остановитъ излишнюю живость государя и подастъ ему полезный совѣтъ—беречь жизнь, драгоцѣнную для такого множества людей. Но вмѣсто того Долгорукій не останавливалъ его, потому что противорѣчіе въ этомъ случаѣ не нравилось государю, а хитрый любимецъ избѣгалъ всего, что могло бы обратить на него малѣйшее неудовольствіе. Къ тому же, ему совсѣмъ не было времени думать о здоровьѣ императора. Въ головѣ его вертѣлась другая мысль, которая удивитъ васъ своею смѣлостію, милыя дѣти: у Ивана Алексѣевича была сестра, прекрасная сердцемъ и наружностію, кроткая, милая, отлично-образованная. Въ то время, когда императоръ сговоренъ былъ съ дочерью Меншикова, судьба Екатерины Алексѣевны Долгорукой ка-

залась уже рѣшенною: она любила графа Вратислава, брата нѣмецкаго посланника, и была уже почти обручена съ нимъ. Но паденіе Меншиковыхъ открыло Долгорукимъ столько новыхъ надеждъ, столько новыхъ средствъ къ возвышенію, что ослѣпленные счастіемъ позабыли все благоразуміе, и вмѣсто того, чтобы сдѣлаться осторожнѣе послѣ разительнаго бѣдствія Александра Даниловича, они погубили свое счастіе точно такъ же, какъ и онъ. Честолюбіе ихъ, кажется, было еще сильнѣе: Меншиковъ, стараясь выдать дочь за Петра II, угождалъ не только своимъ собственнымъ желаніямъ, но и желаніямъ прекрасной Маріи. Напротивъ того, Екатерина Долгорукая въ высокомъ званіи невѣсты государя видѣла свое несчастіе, потому что давно уже привыкла почитать женихомъ своимъ другого. Но гордые отецъ и братъ, не вѣря, чтобъ можно было добровольно отказаться отъ величія и блеска, не хотѣли и слышать, чтобъ планъ ихъ могъ встрѣтить малѣйшее помѣшательство, и бѣдная княжна должна была скрыть всю горесть, терзавшую ее, и съ лицомъ довольнымъ и счастливымъ объявить императору о своемъ согласіи. Петръ былъ въ восхищеніи: прелестная Екатерина понравилась ему съ той самой минуты, какъ онъ, по хитрому распоряженію Ивана Алексѣевича, въ перый разъ увидѣлъ ее въ подмосковномъ домѣ Долгорукихъ.

19-го ноября 1729 года государь, въ полномъ совѣтѣ вельможъ и бояръ, объявилъ свое намѣреніе жениться и имя невѣсты. Никто не осмѣлился сказать слова противъ такого рѣшенія: всѣ боялись Долгорукихъ. 30-го числа того же мѣсяца было торжественное обрученіе. Чтобы читатели могли видѣть, какъ много отличались уже тогдашніе нравы и обычаи предковъ нашихъ отъ прежнихъ, старинныхъ, я разскажу нѣсколько подробнѣе объ этомъ знаменитѣйшемъ днѣ въ исторіи князей Долгорукихъ. Вы, вѣрно, помните всѣ царскія свадьбы, которыхъ описаніе читали въ этихъ разсказахъ. Сравните же ихъ съ слѣдующимъ.

Въ день обрученія государева назначено было собраться къ 3-му часу пополудни всему двору и всѣмъ иностраннымъ министрамъ въ Лефортовомъ дворцѣ. Госу-

дарь въ это время со всѣмъ дворомъ жилъ въ Москвѣ. Петръ II любилъ Москву болѣе Петербурга и провелъ въ ней почти все время своего царствованія. Онъ уѣхалъ туда тотчасъ послѣ паденія Меншикова и уже не возвращался болѣе въ Петербургъ. Царское семейство составляли въ то время: *царица Евдокія Ѳеодоровна,* освобожденная изъ заключенія при самомъ вступленіи на престолъ внука своего, *царевна Елисавета Петровна, герцогиня мекленбургская Екатерина Іоанновна* съ дочерью и *царевна Параскевія Іоанновна.* Всѣ онѣ приглашены были чрезъ гофмаршала Шепелева. Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій и всѣ ближніе родственники его удостоились особеннаго приглашенія для сопровожденія невѣсты во дворецъ. Одна изъ обширнѣйшихъ залъ приготовлена была для пышнаго собранія. На одной сторонѣ ея сидѣли государственные чины и дворянство, на другой—иностранные послы съ своими свитами. Посрединѣ залы, на коврѣ персидскомъ, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, поддерживаемымъ шестью генералъ-маіорами, поставленъ былъ столъ, покрытый золотой парчею; на немъ стояло золотое блюдо съ крестомъ и съ обручальными кольцами. Архіепископъ новгородскій и съ нимъ высшее духовенство занимали ближайшія мѣста подлѣ балдахина.

Въ то время, когда все уже готово было къ принятію ея высочества невѣсты (такъ ее называли тогда), — она съ торжественною церемоніею приближалась ко дворцу въ придворной каретѣ, запряженной въ шесть лошадей. Впереди кареты шли скороходы и четыре пажа; верхомъ ѣхали шталмейстеръ, придворные фурьеры и гренадерская гвардія; сзади ѣхалъ камеръ-пажъ, а у кареты шли гайдуки и служители. Родственницы и дамы невѣсты ѣхали въ другихъ каретахъ. Какъ скоро княжна пріѣхала ко дворцу, вдовствующая царица со всею императорскою фамиліею и дамами вышла встрѣтить ее на лѣстницѣ. Можно смѣло сказать, что въ эти минуты при всемъ дворѣ не было никого счастливѣе семейства Долгорукихъ и особенно молодого князя Ивана Алексѣевича. Какъ оберъ-камергеръ, онъ принялъ сестру свою изъ кареты и торжественно велъ до дверей залы, гдѣ встрѣтилъ ее самъ императоръ. Здѣсь

кстати сказать вамъ, друзья мои, нѣсколько словъ о наружности этого молодого государя. Онъ былъ высокъ и строенъ, полнота тѣла придавала ему видъ нѣсколько старѣе его пятнадцати-лѣтняго возраста. Лицо его, пріятное и правильное, отъ частой ѣзды на охоту было покрыто загаромъ и потому казалось мужественно, не смотря на осѣнявшіе его нѣжные, бѣлокурые волосы. Мундиръ свѣтлаго сукна, вышитый золотомъ, придавалъ въ тотъ день красивой наружности императора еще болѣе привлекательности и блеска.

Прекрасная невѣста, не смотря на привязанность свою къ прежнему жениху, не могла не замѣтить пріятности и величія, съ которыми императоръ принялъ ее изъ рукъ брата и проводилъ до креселъ, поставленныхъ подъ балдахиномъ. Что-жъ касается до нея самой, то въ этотъ великій для нея день она въ полной мѣрѣ заслуживала названіе прекрасной. Все, казалось, было придумано и самымъ лучшимъ образомъ исполнено, чтобы возвысить природную красоту ея. Прелестно было и бѣлое глазетовое платье ея, вышитое золотомъ, и волосы ея, завитые въ пышные локоны спереди и заплетенные въ гладкія косы сзади; и крупный жемчугъ, обвивавшій ихъ, и блестящая діадема, придававшая ей горделивый видъ царицы! Какъ скоро архіепископъ новгородскій совершилъ обрученіе, государь приложился вмѣстѣ съ невѣстою къ кресту и потомъ повѣсилъ на правую руку ея портретъ свой. Въ эту минуту началась пушечная пальба и продолжалась во все время, пока обрученные принимали поздравленія. Послѣ священнаго обряда невѣста считалась уже почти государынею: при поздравленіи всѣ присутствовавшіе цѣловали у нея руку. Она отвезена была домой въ императорской каретѣ, запряженной въ восемь лошадей, и придворный караулъ отдалъ ей честь барабаннымъ боемъ. Въ этотъ торжественный день всѣ вельможи съ завистію смотрѣли на счастіе Долгорукихъ; имъ казалось, что никогда никто еще не достигалъ подобнаго! Но чѣмъ же кончилось это великое счастіе?—Прежде нежели прошло два мѣсяца послѣ обрученія, княжна Долгорукая вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ своимъ и со всею Россіею оплакивала кончину царственнаго жениха своего!

Это было ужасное происшествіе для нашего отечества! Еще 6-го января молодой государь былъ совершенно здоровъ и въ самомъ пріятномъ расположеніи духа пріѣхалъ на парадъ крещенскій, стоя на запяткахъ за санями невѣсты. Но этотъ-то самый парадъ и причинилъ несчастіе Россіи. Читатели мои знаютъ, что около Крещенья у насъ бываетъ очень холодно, а стоять на льду рѣки, гдѣ обыкновенно строится храмъ Іордани, надобно довольно долго. Въ 1730 году эта церемонія въ Москвѣ, видно, была еще продолжительнѣе, нежели бываетъ теперь у насъ въ Петербургѣ, потому что въ запискахъ того времени разсказывается, что государь провелъ на льду около 4-хъ часовъ! Возвратясь во дворецъ, онъ жаловался на сильную головную боль и на другой же день слегъ въ постель. Сначала доктора приняли болѣзнь его за горячку, потомъ узнали въ ней оспу, которая дѣлала ужасныя опустошенія въ тѣ времена, когда еще не знали, что можно прививать ее.

Петръ II сдѣлался ея жертвою и скончался 29-го января 1730 года въ тотъ самый день, который назначенъ былъ днемъ брака его! Царствованіе этого государя, не смотря на чрезвычайную молодость его и все легкомысліе, съ которымъ онъ, увлекаемый любимцемъ своимъ, предавался забавамъ и удовольствіямъ, почиталось русскими за одно изъ счастливѣйшихъ. Во все продолженіе его они не имѣли ни съ кѣмъ войны; видѣли заботливость молодого государя о народѣ въ уменьшеніи налоговъ, видѣли радость, съ какою онъ, при самомъ началѣ своего царствованія, спѣшилъ освободить изъ заключенія свою бабушку, царицу Евдокію Ѳеодоровну; наконецъ, видѣли привязанность его къ старинѣ, все еще любимой многими—въ томъ предпочтеніи, которое онъ явно отдавалъ Москвѣ предъ Петербургомъ. Все это вмѣстѣ, соединясь со многими истинно-хорошими качествами Петра II, внушало русскимъ столько любви къ нему, что они всѣ согласно называли его своею *надеждою*.

Чтобъ доказать вамъ, мои читатели, какъ много оправдывалъ онъ это прекрасное названіе, я выпишу здѣсь письмо, писанное имъ къ сестрѣ его, великой княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, въ самый день восшествія его на пре-

столъ: «Богу угодно было назначить меня въ столь юныхъ лѣтахъ государемъ россійскимъ. Первымъ долгомъ моимъ будетъ—пріобрѣтать славу добраго монарха и управлять народомъ моимъ справедливо и богобоязливо. Я буду стараться покровительствовать и помогать несчастнымъ, буду оказывать пособіе бѣднымъ, внимать гласу невинно-угнетенныхъ и, слѣдуя примѣру императора Веспасіана, никого съ печалію не отпускать отъ себя». Послѣ такого письма судите, какихъ прекрасныхъ дѣлъ можно было ожидать отъ одиннадцати-лѣтняго государя, написавшаго его, и какую горесть чувствовалъ народъ, получивъ извѣстіе о его кончинѣ! Она тѣмъ болѣе поразила его, что молодой императоръ былъ послѣдній изъ потомковъ того поколѣнія царей, которые съ восшествіемъ своимъ на престолъ такъ быстро перемѣнили разстроенное и слабое состояніе Россіи въ стройное и могущественное. Оплакивая *надежду* свою, народъ, казалось, забывалъ, что у него были еще *княжны* этого обожаемаго поколѣнія.

Въ слѣдующемъ разсказѣ вы узнаете, которая изъ нихъ будетъ избрана наслѣдницею Петра II. Теперь же я кончу описаніе его царствованія, сказавъ вамъ, что одно изъ главныхъ происшествій, при немъ случившихся, было открытіе Ладожскаго канала, начатаго при Петрѣ I. Безчисленныя выгоды, происшедшія для жителей Петербурга отъ этого важнаго водяного сообщенія, заставили ихъ снова благословлять предусмотрительный геній Преобразователя Россіи.

ИМПЕРАТРИЦА АННА ІОАННОВНА.

1730 годъ.

Въ числѣ лицъ, имѣвшихъ право на престолъ русскій, былъ еще, кромѣ царевны Елисаветы Петровны и дочерей царя Іоанна Алексѣевича: Екатерины и Анны,—маленькій двухъ-лѣтній принцъ голштинскій *Петръ-Антонъ-Ульрихъ*, сынъ великой княжны Анны Петровны, скон-

чавшейся за годъ предъ тѣмъ. Права его сильныя, по близкому родству съ покойною императрицею, дѣлались еще сильнѣе потому, что герцогиня голштинская была любимая дочь Петра I и, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые историки того времени, назначенная императрицею наслѣдница престола въ случаѣ смерти Петра II бездѣтнымъ. Но на этотъ разъ маленькій принцъ удаленъ былъ отъ престола и корона русская отдана двоюродной теткѣ его, герцогинѣ курляндской *Аннѣ Іоанновнѣ*.

Члены Совѣта имѣли особенныя причины для этого выбора: насмотрѣвшись на могущество Меншикова во время царствованія императрицы Екатерины и Долгорукихъ — при государѣ несовершеннолѣтнемъ, они увлеклись примѣромъ властолюбія и, не размышляя о томъ, что народъ русскій можетъ быть счастливымъ только въ правленіе государя самодержавнаго, осмѣлились думать объ увеличеніи собственной власти. Для этого надобно было долго обдумывать планъ свой, долго разсуждать о перемѣнахъ, вовсе несвойственныхъ для народа русскаго, а времени было мало! И такъ, чтобъ успѣть сдѣлать всѣ распоряженія, необходимыя для исполненія дерзкаго намѣренія, члены Верховнаго Совѣта избрали не герцогиню Екатерину Іоанновну, старшую дочь царя Іоанна Алексѣевича, жившую въ то время въ Москвѣ, но младшую сестру ея, герцогиню курляндскую Анну Іоанновну, находившуюся въ Митавѣ. Пока новая императрица успѣла бы узнать объ этомъ избраніи и даже пока сбирались отправить къ ней депутатовъ съ этимъ извѣстіемъ, можно было многое обдумать, устроить и исполнить. Такъ и сдѣлали члены Совѣта, которыми были тогда: великій канцлеръ графъ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ, князь Димитрій и братъ его Михаилъ Михаиловичи Голицыны, князья Василій Лукичъ, Василій Владиміровичъ, Михаилъ Владиміровичъ и Алексѣй Григорьевичъ Долгорукіе. Одинъ только вице-канцлеръ, баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ не участвовалъ въ намѣреніяхъ своихъ товарищей: видя несправедливость ихъ и чувствуя себя неспособнымъ спорить противъ шестерыхъ, онъ, подъ предлогомъ болѣзни, отказался на то время отъ всякаго участія въ дѣлахъ Совѣта и даже не подписалъ пригласительнаго

акта на имя герцогини курляндской о принятіи престола съ ограниченною властію. Когда эта бумага привезена была членами Совѣта на домъ къ Остерману, онъ сказалъ, что съ нимъ вдругъ случился въ правой рукѣ припадокъ хирагры, непозволявшій держать пера [1]). Отправляя къ Аннѣ Іоанновнѣ князя Василія Лукича Долгорукаго, князя Михаила Михаиловича Голицына и генералъ-маіора Леонтьева, они успѣли написать, по своему желанію, просьбу народа русскаго о восшествіи ея на престолъ. Чтобы читатели мои могли понять нѣсколько, въ чемъ состояло желаніе ихъ, я выпишу нѣкоторыя статьи условій, предложенныхъ императрицѣ.

Главная и первая изъ нихъ состояла въ томъ, чтобы избранная государыня управляла царствомъ по опредѣленію Верховнаго Совѣта. Потомъ требовали отъ нея, чтобы она сама собою не объявляла войны и не заключала мира, чтобы не налагала новыхъ податей, не раздавала важнѣйшихъ должностей въ государствѣ, не располагала казенными имѣніями, наконецъ, не вступала бы въ супружество и не избирала бы наслѣдника безъ согласія Верховнаго совѣта.

Сдѣлавъ такія дерзкія предложенія государынѣ, которой предки всегда пользовались властію неограниченною, избиратели могли бояться ея несогласія, особливо еслибы она заранѣе узнала объ условіяхъ избранія, и потому подъ смертною казнію запрещено было увѣдомлять о нихъ императрицу прежде, нежели пріѣдутъ къ ней отправленные депутаты. Но, не смотря на строгое запрещеніе, нашлись люди, которые, чувствуя болѣе любви къ отечеству и усердія къ пользамъ его, рѣшились предостеречь государыню. То были: одинъ изъ членовъ Совѣта великій канцлеръ графъ Головкинъ и зять его графъ Ягужинскій. Послѣдній отправилъ къ Аннѣ Іоанновнѣ своего адъютанта Сумарокова, который, не смотря на строгій караулъ, разставленный въ разныхъ мѣстахъ по дорогѣ къ Митавѣ, успѣлъ проѣхать

[1]) Такого рода болѣзни случались съ графомъ Остерманомъ почти всякій разъ, какъ онъ находился въ какихъ нибудь сомнительныхъ обстоятельствахъ: такъ однажды, во время могущества Меншикова, не желая принять на себя одного изъ порученій его, онъ натеръ себѣ лицо винными ягодами и увѣрялъ всѣхъ, что у него желтуха.

переодѣтый и вручить герцогинѣ письмо своего генерала, за нѣсколько часовъ до прiѣзда депутатовъ. Ягужинскiй въ письмѣ своемъ совѣтовалъ императрицѣ согласиться на предложенiя, ей сдѣланныя, и положиться во всемъ прочемъ на вѣрныхъ подданныхъ, которые употребятъ всѣ усилiя, чтобы возвратить избранной государынѣ самодержавную власть ея предковъ.

Анна Iоанновна исполнила съ точностiю усердный совѣтъ, ей поданный, и на всѣ желанiя прiѣхавшихъ депутатовъ объявила согласiе свое съ такимъ совершеннымъ спокойствiемъ, что никто изъ нихъ не могъ воображать, чтобъ оно было только наружное. Государыня умѣла поддерживать это наружное спокойствiе даже и тогда, когда уже прiѣхала въ Москву: всѣ противники ея считали ее совершенно довольною образомъ правленiя въ то самое время, какъ она съ приверженцами своими тайно старалась объ уничтоженiи его. Кромѣ графовъ Головкина и Ягужинскаго, на сторонѣ ея были: графы Левенвольды, баронъ Остерманъ, князья Трубецкой и Черкасскiй и множество другихъ важнѣйшихъ чиновъ государства, не говоря уже о дворянствѣ и народѣ, которые не хотѣли слышать о какомъ либо ограниченiи всегда священной для нихъ воли государей ихъ. Но трудно было дѣйствовать усерднымъ защитникамъ справедливости. Долгорукiе, жившiе во дворцѣ, замѣчали малѣйшiе поступки императрицы и почти никого не допускали къ ней. Къ счастiю, при государынѣ была племянница князя Трубецкого, дѣвица Прасковья Юрьевна Салтыкова: чрезъ нее Анна Iоанновна имѣла сношенiя съ приверженцами своими и чрезъ нее, 23-го февраля, спустя восемь дней послѣ прiѣзда своего въ Москву, получила извѣстiе о просьбѣ, въ которой 276 человѣкъ подписавшихся умоляли государыню, отъ имени всего народа, принять самодержавiе и тѣмъ возвратить подданнымъ счастiе повиноваться ей одной. На другой день, въ 8 часовъ утра, дворянство, отслуживъ молебенъ, прiѣхало подтвердить просьбу свою лично предъ государынею. Князья Долгорукiе и Голицыны ужаснулись и не имѣли силы отвратить бурю, собравшуюся надъ головой ихъ: императрица, не смотря на всѣ старанiя князя Василiя Лукича удер-

жать ее отъ свиданія съ дворянствомъ, приказала допустить его къ себѣ, съ примѣтнымъ удовольствіемъ приняла просьбу, поднесенную княземъ Трубецкимъ, внимательно слушала, когда читали ее, и тутъ же написала на просьбѣ: *быть по сему.* Тотчасъ послѣ этого государыня приказала одному изъ приближенныхъ своихъ принесть бумагу, которую она должна была подписать въ Митавѣ, и въ присутствіи всѣхъ наддрать и бросить ее. Приказаніе было исполнено и вслѣдъ затѣмъ дана императрицѣ новая присяга, какъ *государынѣ самодержавной.*

Такъ скоро совершилось въ отечествѣ нашемъ происшествіе, которое снова доказываетъ вамъ, милые читатели, какъ единодушно русскіе всегда привержены были къ царямъ своимъ.

Анна Іоанновна снисходительно поступила съ противниками своими: никто не былъ лишенъ жизни, даже главнѣйшіе изъ нихъ — Долгорукіе были наказаны ссылкою. Князья же Голицыны были только удалены отъ двора и отправлены на службу въ разныя области Сибири. Такое снисхожденіе подавало русскимъ надежду на кротость правленія новой государыни, на материнское состраданіе ея ко всѣмъ несчастнымъ. Быстро разлилась эта радостная надежда по обширной Россіи нашей, но недолго утѣшала ее: сердце Анны вскорѣ сдѣлалось недоступно и для любви вѣрныхъ подданныхъ ея, и для слезъ, проливаемыхъ ими о потерѣ своего счастія.

БИРОНЪ.

Не думайте однакожъ, милыя дѣти, чтобы виною этой потери была Анна Іоанновна. Нѣтъ, она оставалась все такъ же чувствительна къ судьбѣ народа своего, какъ была при началѣ своего царствованія, но многое не доходило до ея свѣдѣнія; главною же причиною всѣхъ бѣдствій Россіи была излишняя довѣренность государыни къ герцогу Бирону,—довѣренность, во зло имъ употребленная. Сильное вліяніе этого человѣка на участь подданныхъ Анны, во

все продолженіе ея десятилѣтняго правленія' дѣлаетъ жизнь его столь примѣчательною для насъ, что читатели мои вѣрно будутъ довольны, узнавъ о ней нѣсколько подробнѣе.

Надобно начать съ того, что дѣдъ его, называвшійся *Биренъ,* былъ конюхомъ при дворѣ герцога курляндскаго Іакова III. Въ награду за вѣрную службу онъ получилъ небольшую мызу. У Бирена были два сына: одинъ изъ нихъ дослужился до чина генеральскаго, другой—до капитанскаго.

Капитанъ имѣлъ трехъ сыновей. Всѣ они потомъ были въ русской службѣ; но мы будемъ говорить о самомъ примѣчательномъ изъ нихъ: о среднемъ—*Эрнестѣ-Іоаннѣ.* Когда онъ былъ еще мальчикомъ, всѣ замѣчали въ немъ злой нравъ и необыкновенную гордость. Неласковый съ домашними, онъ часто еще угрюмѣе смотрѣлъ на нихъ, когда они съ уваженіемъ вспоминали о дѣдушкѣ: ему казалось, что дѣтямъ капитана и племянникамъ генерала стыдно говорить о дѣдушкѣ-конюхѣ! И такъ, безъ всякаго сожалѣнія разстался онъ съ родителями своими, когда они отправили его окончить ученье въ кенигсбергскую академію. Но это ученье не окончилось какъ должно: молодой Биренъ велъ себя въ академіи такъ дурно, что заставлялъ почти всѣхъ ненавидѣть себя, и наконецъ принужденъ былъ бѣжать оттуда назадъ въ Курляндію. И здѣсь непріятности встрѣтили его: небольшой доли изъ имѣнія отцовскаго было недостаточно для надменнаго Эрнеста, чтобы жить безъ службы; а служить тамъ, гдѣ всѣ знали его происхожденіе, ему не хотѣлось! И такъ, онъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ. Это было въ 1714 году, въ то самое время, какъ въ Петербургѣ составлялся дворъ для молодой великой княгини, супруги царевича Алексѣя Петровича. Ни мало не думая о томъ, что желаніе сдѣлаться придворнымъ было дерзко по его званію, Эрнестъ началъ искать себѣ мѣста камеръ-юнкера. Но съ нимъ тогда случилось такъ, какъ обыкновенно случается съ большею частію гордецовъ: чѣмъ болѣе они думаютъ о себѣ, тѣмъ менѣе думаютъ о нихъ другіе! И молодой Биренъ, воображавшій, что онъ достоинъ не только камеръ-

юнкерскаго, но даже камергерскаго чина, получилъ строгій выговоръ за свою дерзость и, кромѣ того, совѣтъ—скорѣе уѣхать изъ Петербурга. Вы можете представить себѣ, съ какою досадою, съ какимъ негодованіемъ исполнилъ онъ полученный совѣтъ! Съ тѣхъ поръ онъ возненавидѣлъ русскихъ и затаилъ въ зломъ сердцѣ своемъ пламенное желаніе отмстить имъ жестоко за показанное къ нему презрѣніе. Съ этимъ желаніемъ, столь пагубнымъ впослѣдствіи для предковъ нашихъ, онъ поѣхалъ въ Митаву, и прямо ко двору курляндской герцогини Анны Іоанновны. Тамъ былъ оберъ-гофмаршаломъ добрый и почтенный человѣкъ *Бестужевъ*. Биренъ употребилъ всевозможныя старанія понравиться ему, и съ своимъ хитрымъ умомъ и вкрадчивымъ нравомъ совершенно успѣлъ въ томъ: чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ его сдѣлали камеръ-юнкеромъ. Гордецъ добивался этого чина, какъ будто по предчувствію счастія, ожидавшаго его при дворѣ. Въ первую минуту его представленія, тамъ онъ замѣченъ былъ герцогинею по красотѣ и статному росту, а потомъ, когда она поговорила съ новымъ камеръ-юнкеромъ, то обратила столько же вниманія на умъ и ловкость его: надменный Эрнестъ, хотя былъ дурно воспитанъ, но умѣлъ хорошо говорить и привлекать къ себѣ сердца тѣхъ, которые слушали его. Правда, пріятныя рѣчи его по большей части несогласны были съ чувствами его холодной души; но какъ же знать объ этомъ тѣмъ, кому онъ говорилъ ихъ? И Анна Іоанновна, вовсе не подозрѣвая коварный нравъ Бирена, видѣла въ немъ молодого человѣка, привлекательнаго по наружности, отличнаго по уму, имѣвшаго нужду въ покровительствѣ по незнатному происхожденію своему. Она обратила на него такое вниманіе, что въ короткое время возвысила любимца своего до того, что гордые дворяне курляндскіе, сперва съ презрѣніемъ смотрѣвшіе на внука конюхова, принуждены были принять его въ число своихъ членовъ. Не думаете ли вы, друзья мои, что Биренъ, достигнувъ такого рѣдкаго счастія, сдѣлался лучше; что сердце его, довольствуясь пріобрѣтенною знатностію, перестало быть честолюбивымъ? Нѣтъ, въ томъ-то и дѣло, что чрезвычайное счастіе рѣдко дѣлаетъ людей лучшими; что, напротивъ того,

оно доставляетъ имъ болѣе случаевъ предаваться своимъ слабостямъ. Такъ было и съ Биреномъ, который послѣ камеръ-юнкерства своего уже назывался *Бирономъ* и увѣрялъ всѣхъ, что онъ происходитъ отъ извѣстной во Франціи фамиліи герцоговъ *Бироновъ*,—такъ было и съ нимъ: чѣмъ болѣе возвышался онъ, тѣмъ болѣе желалъ возвыситься. Средства, которыя онъ избиралъ для того, были низки, безсовѣстны. Въ доказательство этого, я разскажу вамъ одинъ только случай, который въ полной мѣрѣ можетъ показать сердце Бирона. Вы помните, что первымъ благодѣтелемъ его при дворѣ курляндскомъ былъ оберъ-гофмаршалъ Бестужевъ? Что-жъ? Какъ скоро молодой камеръ-юнкеръ овладѣлъ довѣренностію Анны Іоанновны, первымъ дѣломъ его было—вѣроятно для будущаго возвышенія своего счастія—погубить виновника своего: онъ оклеветалъ Бестужева предъ герцогинею, которая не только удалила его отъ двора, но даже и въ изгнаніи преслѣдовала. Послѣ этого скажите, друзья мои: какихъ злодѣйствъ нельзя было ожидать отъ Эрнеста Бирона? Ихъ и ожидали не только въ Курляндіи, но даже и въ Москвѣ, куда очень скоро приходили извѣстія обо всемъ, что̀ дѣлалось въ Митавѣ, и потому, когда члены Верховнаго Совѣта избирали на царство Анну Іоанновну, однимъ изъ главныхъ условій, предложенныхъ ей, было то, чтобы Биронъ не пріѣзжалъ въ Россію.

Это условіе ни къ чему не послужило: императрица сохраняла его только нѣсколько дней и, тотчасъ по принятіи самодержавія, послала Бирону приказаніе пріѣхать въ столицу ея.

Съ восхищеніемъ получилъ Биронъ это приказаніе; наконецъ пламенное желаніе его исполнилось: онъ будетъ повелѣвать русскими, отмститъ за обиду, ему нанесенную!

Вотъ съ какими чувствами и намѣреніями Биронъ поѣхалъ въ Россію. Счастіе, ожидавшее его тамъ, не перемѣнило ихъ и, пользуясь всѣми радостями жизни, онъ равнодушно отнималъ у другихъ не только эти радости, но даже спокойствіе, даже пропитаніе, нерѣдко даже самую жизнь! О! какъ ужасенъ былъ этотъ человѣкъ, какъ ужасно было мщеніе! Онъ проливалъ его безъ разбора на всѣхъ—

и всѣ избранныя имъ жертвы погибали непремѣнно, потому что могущество его было почти неслыханно! Анна Іоанновна имѣла къ нему неограниченную довѣренность и никогда не противорѣчила никакимъ распоряженіямъ его. При такой силѣ, кто могъ противиться ему? Съ первыхъ дней пріѣзда его въ Россію никто не думалъ о томъ, потому что тогда же все покорилось его власти: въ день принятія самодержавія Анна Іоанновна пожаловала его камергеромъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго; чрезъ два мѣсяца потомъ, при коронаціи,—оберъ-камергеромъ, графомъ Россійской имперіи и кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго.

Достигнувъ такимъ образомъ до самыхъ высокихъ почестей онъ не зналъ равныхъ себѣ во всемъ царствѣ Русскомъ и отдалялъ отъ престола государыни достойнѣйшихъ и усерднѣйшихъ слугъ ея. Въ числѣ такихъ примѣчательнѣе всѣхъ былъ фельдмаршалъ Минихъ. Заслуги этого знаменитаго генерала, какъ ученика и сподвижника безсмертнаго Петра, были равно велики по всѣмъ частямъ государственныхъ дѣлъ, какія поручались ему: въ военное время — онъ счастливо побѣждалъ непріятелей отечества во всѣхъ сраженіяхъ, гдѣ главное распоряженіе зависѣло отъ него; въ мирное — онъ былъ искуснымъ исполнителемъ великой мысли Петра I при основаніи канала Ладожскаго. Читатели мои, конечно, помнятъ, что Миниху поручены были работы канала и что онъ привелъ къ окончанію этотъ важный путь сообщенія для нашихъ сѣверныхъ губерній. Кромѣ того, Минихъ, проницательный и пламенно-любившій Россію, заботился о пользахъ ея при всякомъ случаѣ: онъ, будучи сдѣланъ въ 1732 году президентомъ военной коллегіи, довелъ русское войско до той степени совершенства, какую предназначалъ ему великій Преобразователь его; онъ, чувствуя, какъ необходимы для войска образованные офицеры, подалъ первую мысль объ основаніи кадетскаго корпуса и потомъ, по приказанію императрицы, прекрасно исполнилъ эту мысль [1]).

---

[1]) Кадетскій корпусъ, устроенный подъ надзоромъ графа Миниха, есть тотъ самый, который существуетъ и теперь, подъ названіемъ

Но всѣ заслуги и достоинства, все усердіе и преданность къ Россіи не спасли графа Миниха отъ преслѣдованій Бирона: боясь, что рано или поздно государыня отличитъ истинно-вѣрнаго подданнаго отъ низкаго льстеца, надменный любимецъ ея представилъ въ ложномъ видѣ поступки графа и успѣлъ удалить его отъ двора. Биронъ въ такихъ случаяхъ дѣйствовалъ безъ всякой совѣсти, и если нужно было выдумать клеветы, несправедливости, обманы,—онъ дѣлалъ это не краснѣя. Такъ напримѣръ, чтобъ заставить Миниха выѣхать изъ казеннаго дома, въ которомъ жилъ онъ нѣсколько лѣтъ подлѣ самаго дворца, Биронъ тотчасъ придумалъ сказать, что тутъ надобно помѣстить племянницу императрицы, принцессу Екатерину, и тотчасъ доложилъ объ этомъ государынѣ, и Минихъ, почтенный, заслуженный Минихъ долженъ былъ въ тотъ же часъ исполнить приказаніе, отданное именемъ Анны Іоанновны, и переѣхать въ другой, отдаленный отъ дворца домъ. Но благородная душа фельдмаршала ненадолго осуждена была терпѣть такое униженіе: въ слѣдующемъ разсказѣ вы увидите, что въ скоромъ времени послѣ неблаговоленія къ Миниху, и императрица, и Биронъ должны были прибѣгнуть къ его благоразумію, къ его испытанной храбрости.

ВОЙНЫ СЪ ПОЛЬШЕЮ И ТУРЦІЕЮ.

ОТЪ 1732 ДО 1739 ГОДА.

(7 лѣтъ).

13-го февраля 1733 года скончался король польскій Августъ II. Такое происшествіе, обыкновенно горестное для народа, въ Польшѣ почти всегда соединялось съ сильнымъ волненіемъ во всемъ государствѣ. Имѣя право изби-

---

перваго и въ томъ же самомъ домѣ, гдѣ былъ съ начала своего основанія: на Васильевскомъ островѣ, близь Дворцоваго моста, въ томъ огромномъ и длинномъ зданіи, которое было нѣкогда дворцомъ князя Меншикова.

рать королей своихъ, безпокойные поляки пользовались этимъ правомъ въ полной мѣрѣ: они часто шумѣли и спорили о томъ, кого назвать государемъ, даже и тогда, когда умершій король оставлялъ послѣ себя сына, почитаемаго всегда ближайшимъ наслѣдникомъ престола. Такъ случилось и послѣ смерти Августа II: половина Польши не хотѣла слышать о сынѣ его Августѣ, бывшемъ въ то время курфирстомъ Саксонскимъ, какъ нѣкогда отецъ его. И это происходило оттого, что Станиславъ Лещинскій, прежній король польскій, покровительствуемый Карломъ XII и потомъ изгнанный изъ Польши Петромъ I, былъ еще живъ; подстрекаемый Франціею, онъ старался всѣми силами завладѣть снова престоломъ, хотя недолго, но всетаки нѣкогда принадлежавшимъ ему, и старанія его были тѣмъ успѣшнѣе, что король французскій Людовикъ XV былъ женатъ на его дочери и, сколько могъ, помогалъ намѣреніямъ тестя. Министры Людовика и посланникъ его въ Польшѣ дѣйствовали такъ удачно, что въ нѣкоторыхъ городахъ польскихъ Станиславъ уже объявленъ былъ королемъ во второй разъ. У Августа были также приверженцы, желавшіе имѣть его королемъ своимъ, и справедливѣе другихъ ожидавшіе болѣе счастія отъ сына прежняго государя своего, нежели отъ Станислава, во всемъ покорнаго волѣ сильнаго короля французскаго. Къ несчастію саксонскаго курфирста, приверженцы его, не имѣя на сторонѣ своей знатнѣйшихъ вельможъ, не могли дѣйствовать смѣло одни и потому просили помощи у Австріи и Россіи. Анна Іоанновна нашла просьбу ихъ очень справедливою и безъ труда согласилась помочь имъ. Это согласіе дано было тѣмъ скорѣе и охотнѣе, что Биронъ просилъ о немъ императрицу, а онъ имѣлъ важную причину для этой просьбы. Тогдашній герцогъ курляндскій Фердинандъ, послѣдній изъ потомковъ знаменитаго Кетлера, о которомъ читатели мои, конечно, помнятъ, какъ о первомъ герцогѣ Курляндіи, былъ уже старъ и не имѣлъ дѣтей. Честолюбивый Биронъ, избалованный счастіемъ, давно уже скрывалъ въ душѣ своей дерзкое желаніе быть герцогомъ Курляндіи. Въ курляндцахъ онъ не сомнѣвался: приказаніе императрицы, бывшей герцогини ихъ, заста-

вило бы ихъ избрать его, но на это нужно было также согласіе короля польскаго, какъ бывшаго владѣтеля Курляндіи, а саксонскій курфирстъ заранѣе обѣщалъ ему это. Стало быть выгоды Бирона соединены были съ успѣхомъ Августа и это доставило Августу корону польскую.

Анна Іоанновна тотчасъ отправила въ Польшу 20,000 войска. Начальство надъ нимъ слѣдовало поручить графу Миниху, какъ старшему изъ генераловъ и фельдмаршалу, но это случилось въ то самое время, когда Минихъ былъ въ немилости. Хотя и императрица, и Биронъ чувствовали, что трудно замѣнить его другимъ генераломъ, но не хотѣли показать ему этого затрудненія, и потому вмѣсто него отправили генерала Ласси. Однакожъ вскорѣ они пожалѣли объ этомъ: хотя Ласси съ помощію русскаго посланника въ Польшѣ графа Левенвольда и могъ сдѣлать то, что саксонскій курфирстъ былъ во многихъ городахъ признанъ королемъ подъ именемъ Августа III; хотя могъ даже заставить Станислава съ главными приверженцами его и французскимъ посланникомъ выѣхать изъ Варшавы и удалиться въ Данцигъ; но не могъ взять этого Данцига, который былъ защищаемъ отчаянно, потому что въ немъ собрались самые усердные приверженцы Станислава. И такъ, видя, что война продолжается безъ рѣшительнаго успѣха около года, Биронъ узналъ необходимость помириться съ Минихомъ и поручить ему начальство надъ войскомъ.

Фельдмаршалъ, котораго благородное сердце, истинно-преданное Россіи, жестоко огорчено было потерею довѣренности императрицы, радовался несказанно возвращенной милости и съ восхищеніемъ принялъ повелѣніе государыни—въ тотъ же день отправиться къ войску. Съ точностію онъ исполнилъ это повелѣніе, и 25-го февраля 1734 года пріѣхалъ къ Данцигу. Однакожъ и онъ, привыкшій побѣждать, не могъ скоро покорить этого крѣпкаго, хорошо защищаемаго города: почти четыре мѣсяца продолжалась осада его и только въ іюнѣ мѣсяцѣ была кончена, и Данцигъ сдался на условіяхъ: присягнуть Августу и выдать военноплѣнными всѣхъ находившихся въ немъ французовъ—приверженцевъ Станислава: самъ же король

успѣлъ убѣжать изъ города за нѣсколько дней до сдачи его. Минихъ былъ очень недоволенъ данцигскими жителями за этотъ побѣгъ и въ наказаніе заставилъ ихъ заплатить вдвое болѣе денегъ, нежели сколько полагали взять съ нихъ за убытки, причиненные Россіи этой войною.

Окончивъ съ такою славою походъ свой, графъ Минихъ награжденъ былъ искреннѣйшею благодарностію государыни, которой доброе сердце старалось всѣмъ благоволеніемъ своимъ изгладить изъ мыслей вѣрнаго подданнаго воспоминаніе о недавней немилости. Въ то же время любимецъ старался удалить куда нибудь опаснаго соперника. И случай къ тому скоро представился: Франція, чрезвычайно раздосадованная неудачею намѣренія своего возвести на престолъ Станислава, употребляла всѣ усилія вооружить противъ Россіи сосѣднія съ нею государства. Скорѣе всего успѣла она склонить къ войнѣ Турцію, которой жители и безъ того часто ссорились съ русскими за набѣги крымскихъ и ногайскихъ татаръ на границы Россіи. Эти набѣги, увеличиваясь съ каждымъ годомъ, причиняли столько вреда отечеству нашему, что императрица, окончивъ войну съ Польшею, рѣшилась просить турецкаго султана остановить грабительства его подданныхъ или, въ противномъ случаѣ, приготовиться къ войнѣ. Султанъ какъ будто того и ожидалъ, и война съ обѣихъ сторонъ была объявлена въ 1736 году. Она продолжалась около пяти лѣтъ и доставила фельдмаршалу Миниху громкую, безсмертную славу, но, къ несчастію, мало выгодъ для Россіи, потому что Австрія, будучи сначала союзницею нашею, принуждена была потомъ неудачами своихъ генераловъ и убѣжденіями Франціи заключить съ турками самый невыгодный для нея миръ при Бѣлградѣ. Послѣ этого мира русскіе уже не могли полагаться на австрійцевъ, которые доказали имъ свое дурное расположеніе, когда нашимъ войскамъ случилось проходить чрезъ ихъ области. Къ тому же, и Швеція съ завистію смотрѣла на побѣды русскихъ и въ Польшѣ, и въ Турціи и, все еще съ огорченіемъ вспоминая о Ништадскомъ мирѣ, искала случаевъ возвратить хотя нѣкоторыя изъ областей, потерянныхъ ею въ то время. Когда же, какъ не теперь, могъ представиться самый удобный для того

случай? Всѣ войска наши, или, по крайней мѣрѣ, самая лучшая часть ихъ была на югѣ Россіи, гдѣ происходила война. Въ сѣверныхъ провинціяхъ оставалось мало защитниковъ и шведы могли смѣло напасть на русскихъ со стороны Финляндіи. Они уже и сбирались сдѣлать это, но прежде нежели успѣли привести въ исполненіе свое намѣреніе, оно было проникнуто умнѣйшимъ изъ министровъ Анны Іоанновны графомъ Остерманомъ, и миръ съ турками былъ заключенъ. Конечно, онъ не былъ такъ выгоденъ, какъ обѣщали то знаменитыя побѣды Миниха при Перекопѣ, Очаковѣ, Ставучанахъ и Хотинѣ, какъ обѣщалъ то геній его, уже чертившій планы будущихъ завоеваній своихъ въ самой срединѣ Турціи; но зато русскіе могли быть увѣрены въ безопасности важнѣйшихъ областей своихъ, гдѣ процвѣтала новая столица ихъ, гдѣ совершались уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ великія намѣренія ея безсмертнаго основателя, они могли теперь защитить ее всѣми войсками, сражавшимися на границахъ Турціи. Итакъ, колебаться было невозможно и графъ Минихъ съ стѣсненнымъ сердцемъ, съ досадою на примирительницъ — Австрію и Францію — долженъ былъ уступить почти все, что̀ было завоевано имъ, исключая одного Азова; но и въ этомъ послѣднемъ городѣ надобно было срыть всѣ укрѣпленія.

Однакожъ, не смотря на невыгодныя для русскихъ условія этого мира, турки понимали, чего стоили имъ побѣды Миниха: съ того времени началось сильное вліяніе Россіи на дѣла Турціи, долго помнившей страхъ, наведенный на нее фельдмаршаломъ Минихомъ.

Кромѣ этого знаменитаго полководца, былъ еще генералъ, отличавшійся во время турецкой войны своимъ искусствомъ и храбростію: это былъ Ласси, о которомъ мы уже говорили нѣсколько — Ласси, получившій за военныя заслуги свои не только чинъ фельдмаршальскій, но даже и графское достоинство. Въ теченіе пяти-лѣтней войны ему чаще всего поручалось усмирять крымскихъ татаръ, и онъ съ такимъ успѣхомъ исполнилъ это порученіе, что полуостровъ Крымъ вскорѣ пересталъ быть страною, страшною для сосѣдственныхъ земель: дерзкіе жители его не смѣли болѣе возобновлять прежнихъ набѣговъ и старались

сами какъ можно далѣе заходить въ горы, чтобы не попадаться на глаза грозному для нихъ Ласси или его храбрымъ воинамъ.

На кубанскихъ татаръ явился также усмиритель: это былъ подвластный Россіи калмыцкій князь Дундукъ-Омбо. Онъ не только усмирилъ ихъ, но привелъ даже въ подданство Россіи болѣе 10,000 человѣкъ ихъ племени.

Такъ въ торжествѣ побѣдъ протекли годы царствованія императрицы Анны. Слава генераловъ ея удивляла опытнѣйшихъ полководцевъ того времени, проницательный умъ министровъ—кабинеты европейскіе. Собственное сердце ея было сострадательно и великодушно, было исполнено материнской любви къ подданнымъ: стало быть все должно было обѣщать имъ счастіе; но вы знаете, милые читатели, счастливы ли они были? Здѣсь всего горестнѣе мысль о томъ, что эта государыня, кроткая, добродушная, искренно-любившая народъ свой, представлялась ему совсѣмъ въ другомъ видѣ. Всѣ почитали ее жестокою, надменною, несправедливою, однимъ словомъ всѣ приписывали ей пороки ненавистнаго любимца ея.

Чтобы понять, какъ не заслуживала она это обвиненіе и какъ сильно было вліяніе Бирона на всѣ поступки ея, мы посмотримъ на домашнюю жизнь ея: въ ней столько же, какъ и въ дѣлахъ государственныхъ, примѣтно это вліяніе. А для насъ тѣмъ полезнѣе будетъ взглянуть на это, что въ описаніи двора Анны Іоанновны и его обыкновеній мы узнаемъ также нравы и обычаи ея времени вообще.

ДВОРЪ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ.

Необыкновенна была картина этого двора! Въ ней соединилось столько противоположностей, что современники и очевидцы не знали чему удивляться болѣе. Прежде всего поражала взоры каждаго государыня, величественная, горделивая по наружности, государыня, повелѣвавшая однимъ изъ обширнѣйшихъ царствъ на землѣ и однакожъ уступившая слишкомъ много власти своему подданному.

Потомъ этотъ подданный, еще такъ недавно отвергаемый дворянствомъ Курляндіи,—и съ 1737 года владѣтельный герцогъ ея, жестокій, надменный, не считавшій никого равнымъ себѣ! Видя ихъ вмѣстѣ одинаково-важныхъ, одинаково-величавыхъ, даже съ одинаковою пышностію одѣтыхъ: Анну Іоанновну — почти всегда въ платье изъ ліонской парчи или бархата, герцога—въ богатомъ штофномъ кафтанѣ самаго яркаго цвѣта; смотря на блескъ, ихъ окружавшій, на угожденія, на каждомъ шагѣ ихъ ожидавшія, на безпокойство, которое выражалось во взорахъ государыни всякій разъ, когда малѣйшее неудовольствіе показывалось на лицѣ герцога, нельзя было подумать, что царское достоинство принадлежало не этому гордому, могущественному человѣку! И не только самъ онъ занималъ всѣ мысли императрицы, но точно столько же любви чувствовала она и къ его супругѣ, дѣтямъ, родственникамъ, однимъ словомъ ко всему, что̀ только касалось до него. Это показываетъ, съ какою хитростію Биронъ умѣлъ поддерживать привязанность къ себѣ государыни. Не было ни одного благороднаго чувства, которое бы онъ кстати не старался показать при ней, чтобъ увѣрить ее въ своемъ безпримѣрномъ усердіи къ ней. Привлекательное обращеніе, которымъ онъ прикрывалъ при ней свои, по обыкновенію, надменные и даже дерзкіе поступки, придавало такую пріятность его обществу, что Анна Іоанновна не могла почти ни на минуту разлучаться съ нимъ, и если когда это случалось по необходимости, то жена и дѣти хитраго любимца уже имѣли отъ него тайное приказаніе окружать Анну во все время его отсутствія. Къ несчастію, семейство Бирона состояло изъ людей, недостойныхъ своего удивительнаго счастія, изъ людей, болѣе или менѣе похожихъ на виновника своей незаслуженной знаменитости. Оба брата герцога, находившіеся въ русской службѣ, извѣстны только потому, что они были братья его, которыхъ каждый старался убѣгать, чтобы не сдѣлаться несчастнымъ: ссора съ ними сопровождалась ужасными слѣдствіями для каждаго, кто имѣлъ ее, а ссориться они любили оба, и особенно старшій братъ Карлъ, бывшій генералъ-аншефомъ службы нашей. Жена герцога была также гор-

дая, жестокая, ограниченнаго ума женщина, которая, не смотря на высокое мѣсто, занимаемое ею при дворѣ, не понимала, что есть блескъ выше блеска брилліантовъ, и, казалось, хотѣла имъ ослѣпить глаза всѣхъ и заставить уважать себя: во время торжественныхъ праздниковъ придворныхъ она надѣвала брилліанты въ такомъ множествѣ, что часто затмѣвала нарядъ императрицы, также очень любившей пышность. Впрочемъ, герцогинѣ курляндской не трудно было сіять брилліантами: благодаря жадности, съ которою Биронъ, можно сказать, грабилъ доходы государственные, бывшіе въ полномъ его распоряженіи, она имѣла на 2.000,000 рублей драгоцѣнныхъ каменьевъ. Ни тайныя слезы, ни кровь, которою были орошены эти каменья, не тяготили жестокаго сердца жены его, и она при всякомъ случаѣ щедро украшала ими и себя, и дѣтей своихъ. Что касается до послѣднихъ, то вы удивитесь, милые читатели, когда узнаете, какую судьбу назначали имъ гордые родители ихъ; но, къ счастію Россіи, намѣренія ихъ не исполнились и власть Бирона кончилась прежде, нежели дѣти его достигли до тѣхъ лѣтъ, когда могли причинить столько же зла, какъ и отецъ ихъ. Но паденіе его еще не такъ близко, друзья мои; много еще надобно разсказать вамъ объ этомъ ужасномъ времени— послѣднемъ испытаніи, посланномъ отъ Бога на отечество наше! Обратимся же къ этому описанію, чтобы скорѣе окончить его.

Мы говорили о дворѣ императрицы. Послѣ разительной картины, какую представлялъ посреди его Биронъ съ семействомъ своимъ, удивительнѣе всего была смѣсь образованности и грубости, отличавшая нравы того времени. Напримѣръ, можно ли представить себѣ, что тотъ же самый дворъ, который наканунѣ съ восхищеніемъ слушалъ, какъ лучшіе артисты, выписанные изъ Италіи, разыгрывали прекрасныя оперы своего отечества, на другой день утѣшался кривляньемъ и глупыми играми карловъ, шутихъ и шутовъ, которые наполняли дворецъ Анны Іоанновны. Между послѣдними были часто люди знатнаго происхожденія, имѣвшіе несчастіе прогнѣвать чѣмъ нибудь государыню. Надъ такими она часто забавлялась. Это слу-

чалось тогда, когда она уже начинала забывать вину ихъ и желала показать свое благоволенiе. Чтобы дать читателямъ моимъ понятiе о подобныхъ шуткахъ, я разскажу объ одномъ такомъ случаѣ.

Однажды Биронъ предложилъ государынѣ женить одного изъ шутовъ придворныхъ. Она согласилась. Вотъ приказано было ему выбрать себѣ невѣсту, а одному изъ умнѣйшихъ кабинетъ-министровъ[1]) того времени, оберъ-егермейстеру Волынскому, распорядить какъ можно лучше праздникомъ и придумать все, что̀ можно было сдѣлать удивительнаго и необыкновеннаго. Зная, что, не смотря на всю ничтожность предмета, удачное исполненiе доставитъ удовольствiе императрицѣ, Волынскiй считалъ обязанностiю своею внимательно заняться порученнымъ дѣломъ. Весь планъ и распоряженiя свадебнаго торжества предоставлены были на волю его; государыня объявила только желанiе свое, чтобы это торжество совершилось въ ледяномъ домѣ.— «Какъ въ ледяномъ домѣ?» съ удивленiемъ спросите вы, мои милые читатели и читательницы. Да, точно въ ледяномъ домѣ, т. е. въ домѣ, сдѣланномъ изъ льда! Какъ ни велико ваше удивленiе, друзья мои, но это была правда!— Странный вкусъ и какая-то суровость сердца отличали то время, достойно-названное *Бироновскимъ*. Заставить несчастную, хотя и шутовскую чету дрожать отъ нестерпимаго холода въ четырехъ ледяныхъ стѣнахъ, никому не казалось жестокостью и, начиная съ герцога курляндскаго до послѣдняго изъ поклонниковъ его, всѣ съ удовольствiемъ разсматривали прежде планъ этого необыкновеннаго дома, сдѣланный искуснымъ архитекторомъ; потомъ ѣздили и ходили смотрѣть постройку его, наконецъ любовались совершенствомъ отдѣлки, которая въ самомъ дѣлѣ была достойна удивленiя. Вообразите, что этотъ свадебный дворецъ состоялъ изъ нѣсколькихъ комнатъ и занималъ 8 саженъ въ длину, $2^1/_2$ въ ширину и 3 въ вышину. Чтобы построить его, разрубали ледъ большими квадратными плитами, клали ихъ одну на другую и для соединенiя поли-

[1]) Анна Iоанновна, вскорѣ по восшествiи своемъ на престолъ, уничтожила Верховный Совѣтъ и на мѣсто его учредила *Кабинетъ*.

вали холодною водою, которая отъ жестокихъ морозовъ той зимы тотчасъ же замерзала. Всѣ двери, рамы и стекла этого дома, вся мебель и даже посуда, напримѣръ: стаканы, рюмки и множество другихъ вещей, сдѣланы были также изъ чистаго льда! Этого еще мало: дрова въ каминѣ и свѣчи въ шандалахъ были также ледяныя, и чтобъ удивить еще болѣе—ихъ намазывали нефтью и по вечерамъ зажигали. То же самое дѣлали и съ ледяными дельфинами, поставленными у воротъ: ихъ заставляли выбрасывать изъ пасти огонь отъ зажженной нефти. Шесть же ледяныхъ пушекъ, на ледяныхъ лафетахъ и колесахъ, и двѣ ледяныя мортиры, окружавшія домъ, не одинъ разъ стрѣляли ядрами! Волынскій, которому предоставлено было устроить свадебный пиръ шута, былъ извѣстенъ *всѣмъ* по уму своему и *нѣкоторымъ* по своему тайному желанію обнаружить предъ императрицею коварнаго любимца, угнетавшаго народъ ея. Послѣдствія доказали, что это благодѣтельное намѣреніе не удалось и, напротивъ того, погубило Волынскаго; но во время приготовленій къ свадьбѣ шута оно еще въ полной мѣрѣ занимало мысли его, и можетъ быть для того, чтобы показать ослѣпленной государынѣ, почитавшей себя слабою безъ помощи герцога курляндскаго, все могущество царства ея и всю многоразличность силъ, его составляющихъ, Волынскій сдѣлалъ планъ необыкновеннаго маскарада. Изъ всѣхъ областей Россіи, населенной многими различными племенами народовъ, выписано было по парѣ каждаго. Всѣ они явились въ этотъ маскарадъ въ богатыхъ одеждахъ своего племени, сдѣланныхъ на счетъ казны; всѣ они плясали подъ родную музыку и даже за обѣдомъ всѣмъ имъ подали то блюдо, которое они предпочтительно любили на родинѣ. Этотъ обѣдъ былъ приготовленъ въ манежѣ герцога Бирона; но надобно разсказать вамъ, милые читатели, какъ доѣхали туда эти изъ разныхъ странъ съѣхавшіеся гости. О! этотъ поѣздъ стоилъ того, чтобы какой нибудь живописецъ списалъ его. Мы могли бы теперь полюбоваться имъ и отъ всей души посмѣяться. Представьте себѣ, что онъ начался слономъ, на спинѣ котораго укрѣплена была большая клѣтка, и въ ней сидѣли молодые, т. е. шутъ съ своею невѣстою, только

что обвѣнчанные. За ними попарно въ саняхъ ѣхали гости. Не подумайте, чтобы всѣ эти сани запряжены были лошадьми. Нѣтъ! они запряжены были разными животными, и по большей части тѣми, на которыхъ ѣздили въ той странѣ, откуда была пріѣзжая чета. И такъ, впряжены были въ сани и олени, и собаки, и быки, и даже козлы и медвѣди!

Послѣ бала, окончившаго этотъ день, молодые были торжественно отвезены въ ледяной дворецъ ихъ. Однакожъ надъ ними скоро сжалились и продержали тамъ не болѣе, какъ нѣсколько часовъ.

Читая описаніе этой свадьбы, нельзя не удивляться грубости нравовъ того времени; но это удивленіе еще болѣе увеличится, если прочитать описаніе какого нибудь другого дня изъ записокъ того же самаго двора и того же самаго времени. Не хотите ли, друзья мои, заглянуть въ нихъ? Мы возьмемъ даже время нѣсколькими годами прежде свадьбы шута: она была въ 1740 году, а мы посмотримъ 1734 годъ.

Въ этомъ году войска наши взяли Данцигъ и государыня великолѣпно праздновала эту побѣду въ Петербургѣ, въ нашемъ, такъ хорошо извѣстномъ вамъ, Лѣтнемъ саду.

Въ гротѣ сада накрытъ былъ столъ для императрицы и ея семейства, въ концѣ же большой аллеи — другой, подъ зеленымъ шелковымъ навѣсомъ, для гостей, которыхъ было сто пятьдесятъ человѣкъ мужчинъ и столько же дамъ. Всѣ они получали мѣста по жребію и каждый кавалеръ сѣлъ за столъ подлѣ доставшейся ему дамы. Русскія дамы, извѣстныя теперь иностранцамъ своею образованностію и любезностію, и тогда уже отличались этими качествами. Послушайте, друзья мои, какъ императрица была любезна въ этотъ день. Вы помните, что при взятіи Данцига попались къ намъ въ плѣнъ многіе французскіе офицеры. Плѣнниковъ привезли въ Петербургъ, и государыня назначила для представленія ихъ день бала въ гротѣ Лѣтняго сада. Всѣ они, какъ люди, потерявшіе вмѣстѣ съ родиной всѣ радости свои, отправились на балъ и представленіе свое очень печально. Но какое же удовольствіе

ожидало ихъ тамъ! Анна Іоанновна приняла ихъ какъ самая ласковая и добрая хозяйка; этого еще недовольно: она вотъ что сказала начальнику ихъ графу Ламотту: «Вы можетъ быть, удивляетесь, что я выбрала такое время для представленія вашего. Французы чрезвычайно дурно обходились съ моими подданными, имѣвшими несчастіе попасть въ ихъ руки; и хотя я могла бы нынѣ отмстить за нихъ, но довольствуюсь сдѣланною вамъ теперь непріятностію. Соотечественницы ваши славятся любезностію и я надѣюсь, что нѣкоторыя изъ здѣшнихъ дамъ своею бесѣдою доставятъ вамъ пріятное развлеченіе». Тогда же сказала она тѣмъ изъ дамъ, которыя умѣли говорить по-французски, чтобы онѣ постарались заставить французскихъ офицеровъ забыть на этотъ вечеръ о ихъ плѣнѣ. И порученіе государыни было исполнено такъ хорошо, что одинъ изъ плѣнныхъ отвѣчалъ на ея слова слѣдующими, сказанными отъ искренняго сердца: «Ея величество нашла способъ два раза побѣдить насъ: мы противъ воли нашей положили оружіе предъ ея храбрыми войсками, а теперь сердца наши охотно покоряются прекраснымъ нашимъ побѣдительницамъ».

Какая же разница между этимъ праздникомъ, о которомъ даже просвѣщенные французы съ восхищеніемъ писали въ отечество, и свадьбою въ ледяномъ домѣ! Но какъ ни удивительны были эти противоположности, какъ ни тяжелы были иногда увеселенія двора Анны Іоанновны для бѣдныхъ забавниковъ, но можно ли сравнить эту тягость съ тѣмъ, что терпѣлъ народъ во время жестокаго владычества Бирона, съ тѣмъ, чему подвергались жертвы его? Умъ хитраго корыстолюбца былъ особенно изобрѣтателенъ для случаевъ къ его обогащенію; онъ старался пользоваться всѣми средствами, но ни одно изъ нихъ не было для него такъ выгодно, какъ слѣдующее.

Онъ представилъ императрицѣ необходимость собрать всю государственную *недоимку:* это значитъ всѣ тѣ деньги, какія недоплачены были въ казну людьми, платящими подати. Надобно сказать читателямъ моимъ, что эта недоимка всегда существуетъ, и государи наши всегда оказываютъ снисхожденіе къ бѣднымъ людямъ, которые не въ состоя-

нiи вдругъ заплатить долгъ свой и приказываютъ взыскивать его безъ всякихъ притѣсненiй. Слѣдуя такому примѣру, и Анна Iоанновна не думала измѣнять приказанiй своихъ предшественниковъ; но Биронъ, предлагая ей взыскать недоимку, предлагалъ въ то же время и самыя легкiя средства для этого взысканiя. Привыкнувъ одобрять все, что находилъ нужнымъ герцогъ, императрица согласилась и въ этотъ разъ на предложенiе его, и съ того времени бѣдный народъ терпѣлъ ужасную участь.

Биронъ началъ съ того, что учредилъ для этого взысканiя особенное присутственное мѣсто, которое называлось *доимочнымъ приказомъ*. Оно получило самое строгое повелѣнiе взыскивать деньги безъ всякихъ отговорокъ. Зная, что̀ значитъ повелѣнiе Бирона и угрозы его, чиновники приказа точно съ такою же строгостiю разсылали указы по областямъ къ воеводамъ. А воеводы, не смотря на то, что были начальники областей, боялись одного имени Бирона, особливо послѣ того, какъ нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ темницахъ за медленное взысканiе. Послѣ этого предоставляю вамъ самимъ подумать, какъ взыскивалась эта недоимка и что̀ терпѣли несчастные, не бывшiе въ состоянiи заплатить ее! Все, что̀ невинное воображенiе ваше, еще не привыкшее къ ужасамъ, можетъ представить себѣ,— вѣрно будетъ еще мало и не дастъ вамъ настоящаго понятiя о злобѣ Бирона. Но я не буду описывать ее вамъ подробно; довольно сказать, что со времени учрежденiя доимочнаго приказа какое-то всеобщее унынiе и ужасъ распространились по всей Россiи! Страдали крестьяне; терпѣли и помѣщики ихъ. Тѣ и другiе часто умирали или въ темницахъ, или въ мученiяхъ пытки. Плачъ народа доходилъ до самой столицы, но заглушался въ ней старанiями многочисленной толпы приверженцевъ, или, лучше сказать, шпiоновъ герцога курляндскаго. Эти недостойные люди были такъ искусны въ своемъ низкомъ ремеслѣ, что нельзя было сказать противъ Бирона ни одного слова, котораго бы онъ не узналъ! Огромныя суммы денегъ, раздаваемыя доносчикамъ, увеличивали число ихъ и вскорѣ разорвали почти всѣ связи родства и дружбы: многiе, спасая себя, предавали родственниковъ и знакомыхъ своихъ,

измѣняли обѣщаніямъ, рѣшались на все, чтобы только избавиться отъ ужаса попасть въ руки шпіоновъ Бирона! Но часто все это не помогало, и несчастные погибали, сдѣлавъ своимъ низкимъ поступкомъ только то, что нѣсколько новыхъ жертвъ гибло вмѣстѣ съ ними.

Такъ страдалъ народъ, и государыня, исполненная безпредѣльной довѣренности къ любимцу своему, ничего не знала о томъ, и если иногда доходили до нея какіе нибудь невыгодные для него слухи, она никогда не вѣрила имъ и тотчасъ же разсказывала о нихъ со всѣми подробностями Бирону, который, разумѣется, находилъ всегда средства и оправдаться, и наказать дерзкихъ, осмѣлившихся думать объ его низверженіи. Въ числѣ такихъ жертвъ мстительности герцога курляндскаго былъ и тотъ кабинетъ-министръ Волынскій, о которомъ читатели мои уже слышали нѣсколько: онъ заплатилъ жизнію за свое покушеніе обнаружить Бирона. Но его ли только судьба служила доказательствомъ могущества этого злобнаго духа-губителя русскихъ въ теченіе десяти лѣтъ? Нѣтъ, не только многіе знатнѣйшіе роды вельможъ гибли или были сосланы въ это время, но даже всѣ члены семейства императорскаго были болѣе или менѣе въ зависимости отъ Бирона. Главное лицо изъ нихъ представляла молодая племянница государыни, дочь сестры ея, герцогини мекленбургской, принцесса Екатерина. Она привезена была двѣнадцати лѣтъ ко двору Анны Іоанновны и съ того времени носился въ народѣ слухъ, что императрица вдовствующая и уже нѣсколько разъ отказывавшаяся отъ второго супружества, назначаетъ своею наслѣдницею эту единственную дочь родной сестры своей и послѣднюю отрасль поколѣнія Іоанна Алексѣевича. Этотъ слухъ еще болѣе подтвердился потомъ, когда маленькая принцесса приняла греческую вѣру, когда ее назвали по имени императрицы — Анною, и наконецъ уже начали говорить о выборѣ супруга для нея. Дворы австрійскій и прусскій наперерывъ искали чести представить жениха для такой знаменитой невѣсты, и первый одержалъ побѣду: племянникъ императрицы австрійской, принцъ брауншвейгскій, *Антонъ Ульрихъ,* былъ назначенъ женихомъ молодой принцессы и въ 1733 году прі-

ѣхалъ для того въ Петербургъ. Но что значило общее согласіе обоихъ дворовъ, что значила воля самой императрицы, желавшей этого брака, предъ замыслами честолюбца, который считалъ все возможнымъ для себя. Въ головѣ его мелькнула дерзкая мысль, что и сынъ его могъ бы быть достойнымъ женихомъ принцессѣ Аннѣ, и принцъ брауншвейгскій прожилъ болѣе шести лѣтъ въ Россіи, напрасно ожидая дня своей свадьбы. Наконецъ, въ 1739 году новыя старанія австрійскаго двора заставили императрицу рѣшиться, прежде нежели Биронъ привелъ къ концу свой смѣлый планъ, и свадьба принцессы совершилась того же года, 3-го іюля, со всѣмъ великолѣпіемъ, которое Анна Іоанновна очень любила.

Не думайте однакожъ, чтобы герцогъ курляндскій спокойно разстался съ намѣреніемъ, болѣе шести лѣтъ его занимавшимъ. Нѣтъ, наружное спокойствіе его на свадьбѣ герцога брауншвейгскаго означало какіе-нибудь новые замыслы, таившіеся въ головѣ его. Нельзя было узнать ихъ, потому что хитрецъ умѣлъ быть скромнымъ, но можно было догадываться нѣсколько по разговорамъ придворныхъ: послѣ свадьбы принцессы Анны уже никто не называлъ ее наслѣдницею престола, но только матерью будущаго наслѣдника, потому что императрица торжественно объявила, что отдастъ престолъ одному изъ будущихъ сыновей своей племянницы.

ИМПЕРАТОРЪ ІОАННЪ И РЕГЕНТСТВО БИРОНА.

1740 годъ.

12-го августа 1740 года Анна Іоанновна имѣла радость увидѣть этого наслѣдника: у принцессы Анны, которую послѣ крещенія называли великою княгинею *Анною Леопольдовною*, родился сынъ *Іоаннъ*.

Императрица, съ нѣжностію матери, приняла новорожденнаго въ объятія свои и по какому-то предчувствію уже тогда такъ безпокоилась о будущности его, что посы-

лала къ одному изъ ученѣйшихъ членовъ академіи наукъ, Вольфгангу Крафту, спросить о судьбѣ новорожденнаго, которую тогда еще считали возможнымъ предсказать по звѣздамъ. Здѣсь кстати сказать читателямъ моимъ, что императрица Анна Іоанновна была нѣсколько суевѣрна. Она вѣрила предсказаніямъ и любила астрологовъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ нихъ, по имени Бухнеръ, предсказалъ ей однажды, что она взойдетъ на престолъ. Хотя предсказанія бываютъ обыкновенно ложны, но случай допустилъ, что гаданіе Вольфганга Крафта сбылось, и несчастія, предсказанныя Іоанну Антоновичу, впослѣдствіи совершились. Это царственное дитя, названное императоромъ при самомъ рожденіи своемъ, было точно несчастливо! Казалось даже, что оно принесло съ собою несчастіе и для всего семейства царскаго. Государыня вскорѣ занемогла и 6-го октября, прежде нежели малюткѣ исполнилось два мѣсяца, она упала въ сильный обморокъ, садясь за обѣдъ, а 17-го того-жъ мѣсяца скончалась въ ужасныхъ страданіяхъ отъ припадковъ падагры и каменной болѣзни. Такая смерть при 46-ти-лѣтнемъ возрастѣ императрицы не могла не назваться преждевременною, но она не составляла еще главнаго несчастія маленькаго императора: главное заключалось въ горестной судьбѣ родителей его, оставленныхъ Анною Іоанновною въ совершенной зависимости отъ Бирона. Этотъ коварный человѣкъ умѣлъ и послѣ смерти государыни удержать при себѣ неограниченную власть свою, и вотъ какимъ образомъ.

Въ тотъ самый день, какъ императрицѣ сдѣлалось дурно за обѣдомъ и какъ она почти безъ чувствъ еще лежала окруженная врачами, испуганный Биронъ уже послалъ за важнѣйшими изъ вельможъ: графомъ Минихомъ, двумя кабинетъ-министрами, княземъ Черкасскимъ и оберъгофмаршаломъ графомъ Левенвольдомъ. Съ притворнымъ отчаяніемъ и слезами описалъ онъ имъ горесть свою о томъ несчастномъ состояніи, которое угрожаетъ Россіи послѣ кончины императрицы, оставляющей наслѣдникомъ трона двухъ-мѣсячнаго младенца. Искусно представлялъ онъ, какихъ опасностей надобно ожидать и отъ шведовъ, которые вѣрно воспользуются случаемъ, чтобы напасть на

Россію, и отъ народа, уже не одинъ разъ показывавшаго непокорность свою во время малолѣтства государей, и отъ вліянія родителей и родственниковъ маленькаго императора на дѣла государственныя. Въ заключеніе заботливый герцогъ сказалъ, что единственное средство для отвращенія отъ Россіи всѣхъ этихъ несчастій состоитъ въ томъ, чтобы ввѣрить правленіе такой особѣ, которая бы, кромѣ опытности въ дѣлахъ, имѣла твердость духа, необходимую для обузданія враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Вы, вѣрно, догадаетесь, что *такою особою* герцогъ считалъ не другого кого, какъ самого себя. Четверо слушателей его догадались объ этомъ еще скорѣе васъ, но только усерднѣйшіе приверженцы его, Черкасскій и Бестужевъ, подтвердили мысль его и тотчасъ же сказали, что, кромѣ его свѣтлости [1]), не знаютъ никого достойнѣе управлять русскимъ царствомъ. Графы Минихъ и Левенвольдъ чувствовали всю несправедливость этихъ словъ и потому не такъ скоро рѣшились сказать свое мнѣніе, однакожъ, видя, что всякое противорѣчіе было бы напрасно и, можетъ быть, погубило бы ихъ впослѣдствіи, принуждены были также согласиться и тотчасъ же отправиться къ одному изъ главныхъ товарищей ихъ, и на этотъ разъ по дѣйствительной болѣзни не пріѣхавшему на тайное совѣщаніе — къ графу Остерману. Подробно разсказавъ ему обо всемъ, что происходило во дворцѣ, они именемъ Бирона просили его приготовить на другой день два манифеста: одинъ о наслѣдникѣ, еще не объявленномъ всенародно; другой о правителѣ, который долженъ быть опекуномъ его и управлять всѣми дѣлами государства до семнадцатилѣтняго возраста императора. Графъ Остерманъ, никогда не любившій ни съ кѣмъ ссориться и хитростію нрава удержавшійся на своемъ мѣстѣ въ продолженіе шести царствованій, видѣлъ необходимость согласиться съ желаніемъ Бирона и на другой же день больной явился во дворецъ съ двумя манифестами. Первый — о наслѣдникѣ престо-

---

[1]) Биронъ, какъ герцогъ, имѣлъ титулъ *свѣтлости;* впослѣдствіи же, во время своего регентства, онъ пользовался даже титуломъ *высочества.*

ла—императрица подписала тотчасъ, но второй нѣсколько дней держала подъ изголовьемъ своимъ. Болѣзненныя страданія Анны Іоанновны не имѣли вліянія на ея умственныя способности; напротивъ того, онѣ, казалось, были свѣтлѣе, нежели прежде. Биронъ уже не могъ съ прежнею скоростію преклонять ее на свои желанія и, не смотря на всѣ представленія его, умирающая государыня чувствовала, что маленькій императоръ могъ быть подъ опекою только у родителей своихъ, и потому никакъ не соглашалась назначить Бирона *регентомъ,* т. е. опекуномъ государя и правителемъ государства. Но недостойный герцогъ курляндскій употреблялъ столько стараній и хитростей, что наконецъ успѣлъ, и Анна Іоанновна, уже изнуренная предсмертными мученіями, уже, можетъ быть, неимѣвшая полнаго понятія о томъ, что̀ дѣлала, подписала гибельный актъ, предавшій народъ ея жесточайшему врагу его,—подписала указъ о регентствѣ Бирона!

Можно вообразить себѣ, какъ еще увеличилась власть этого ужаснаго человѣка надъ Россіей съ той минуты, какъ онъ сдѣлался ея правителемъ! Можно вообразить, что̀ терпѣла она! Но, благодаря Бога, всегда благодѣтельно управляющаго міромъ и всѣми живущими въ немъ, это ужасное регентство было непродолжительно! Прошло не болѣе трехъ недѣль и грознаго правителя уже не было, и онъ готовился уже получить награду за множество злодѣяній своихъ!

Человѣкъ, осмѣлившійся возстать на дерзкаго и побѣдить его, былъ, можетъ быть, столько же честолюбивый, столько же желавшій возвыситься, но вовсе не столько жестокій и несправедливый—фельдмаршалъ Минихъ. Помогая намѣреніямъ Бирона при кончинѣ императрицы, Минихъ думалъ, что могущественный правитель подѣлится съ нимъ безпредѣльною властію своею; но замѣтивъ съ первыхъ дней, что регентъ хочетъ повелѣвать одинъ не только всѣми подданными императора, но даже и самыми родителями его, Минихъ началъ думать о томъ, какъ бы поправить ошибку свою и избавить всѣхъ отъ общаго гонителя. Лучшее средство къ тому могла доставить ему только та, которой по всѣмъ правамъ принадлежало первое

мѣсто въ государствѣ,—только родительница императора, и она тѣмъ скорѣе могла сдѣлать это, что каждый день вмѣстѣ съ супругомъ своимъ переносила жестокія оскорбленія отъ гордаго правителя. Графъ Минихъ, пользовавшійся его довѣренностію и исполнявшій важнѣйшія порученія его, часто приходилъ къ великой княгинѣ съ разными приказаніями и заставалъ ее почти всегда въ горести о несчастной судьбѣ своей. Въ одно изъ такихъ посѣщеній эта молодая и извѣстная добрымъ сердцемъ своимъ принцесса съ горькими слезами объявила фельдмаршалу, что, будучи не въ состояніи болѣе переносить дерзости Бирона, она рѣшается уѣхать съ супругомъ и съ сыномъ въ Германію и жить тамъ до совершеннолѣтія послѣдняго. Только этой минуты и ожидалъ Минихъ: сильное огорченіе принцессы ручалось ему за ея согласіе на все, и онъ сказалъ ей, что она, какъ мать императора, не только имѣетъ право, но даже обязанность дѣйствовать рѣшительно для освобожденія подданныхъ его отъ несчастій, какія они терпятъ отъ самовластія регента. Первымъ шагомъ къ тому было арестованіе Бирона, и Минихъ бралъ на себя это трудное, казавшееся невозможнымъ дѣло.

Анна Леопольдовна, кроткая, нечестолюбивая и боязливая, какъ женщина, проведшая первую молодость свою въ чрезвычайной зависимости [1]), сначала испугалась смѣлаго предложенія фельдмаршала; но его всѣмъ извѣстныя твердость и благоразуміе, мысль о счастіи, которая всегда сопровождала его намѣренія, и всего болѣе—мысль о томъ унизительномъ положеніи, до котораго доводилъ ее и супруга ея надменный Биронъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ принудившій принца Ульриха отказаться отъ всѣхъ военныхъ должностей его и даже запретившій ему выѣзжать нѣсколько времени изъ дворца,—все это вмѣстѣ произвело такое сильное вліяніе на молодую княгиню, что она съ необыкновенною ей рѣшительностію согласилась на предложеніе Миниха и предоставила ему полную свободу дѣйствовать, какъ онъ найдетъ лучше.

---

[1]) Императрица Анна Іоанновна приказывала всегда имѣть самый строгій надзоръ за малѣйшими поступками своей племянницы.

Минихъ не хотѣлъ откладывать до другого дня и въ ту же самую ночь рѣшился схватить правителя. Осторожный фельдмаршалъ имѣлъ для того важныя причины: въ этотъ день былъ въ караулѣ Преображенскій полкъ, находившійся подъ личнымъ его начальствомъ и слѣдовательно болѣе другихъ ему преданный. И въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро объявилъ онъ о своемъ намѣреніи въ караулѣ Зимняго дворца, гдѣ жилъ императоръ и его родители, всѣ офицеры и солдаты съ жаромъ поклялись исполнить его желаніе, чего бы оно ни стоило имъ. То же самое усердіе встрѣтилъ онъ и въ томъ отрядѣ, который стоялъ на караулѣ въ Лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ жилъ Биронъ и гдѣ еще выставлено было со всею приличною пышностію тѣло императрицы. И такъ, безъ всякихъ затрудненій, даже безъ малѣйшаго шума, но посреди ночной тишины адъютантъ фельдмаршала, подполковникъ Манштейнъ и съ нимъ 20 человѣкъ солдатъ, взятыхъ отъ караула Зимняго дворца, дошли до самой спальни герцога курляндскаго. Разбуженный голосомъ Манштейна отъ глубокаго сна, несчастный началъ было кричать изъ всей силы. Но что могли сдѣлать эти крики? Триста человѣкъ дворцоваго караула были преданы фельдмаршалу и, не трогаясь съ мѣста, ожидали приказанія его, между тѣмъ какъ самъ онъ съ шестидесятью товарищами ихъ стоялъ у самаго въѣзда дворца. Все было кончено въ нѣсколько минутъ: герцогъ полуодѣтый, въ накинутой на него солдатской шинели, посаженъ въ карету графа Миниха и отвезенъ на гауптвахту Зимняго дворца. Въ ту же ночь взятъ былъ и братъ его Густавъ Биронъ и болѣе всѣхъ преданный ему кабинетъ-министръ графъ Бестужевъ.

Страшна была эта ночь для кроткой души принцессы Анны Леопольдовны! Привыкнувъ всегда страшиться Бирона [1]), она приходила въ ужасъ отъ одной мысли о неудачѣ Миниха, и все время отсутствія его провела въ томительной тоскѣ у колыбели императора, почивавшаго сномъ

---

[1]) Фельдмаршалъ Минихъ говоритъ въ запискахъ своихъ, что онъ былъ нѣсколько разъ свидѣтелемъ, какъ дрожала принцесса, когда Биронъ приходилъ къ ней.

ангельскаго спокойствія въ то самое время, какъ въ судьбѣ его совершилась такая важная перемѣна. Она совершилась, и принцесса съ восторгомъ и неизъяснимою благодарностію встрѣтила своего избавителя. Онъ первый имѣлъ по всей справедливости принадлежавшую ему честь поздравить ее и назвать *правительницею* государства.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА АННА ЛЕОПОЛЬДОВНА.

отъ 1740 до 1741 года.

(1 годъ).

Давно уже не было такого веселья въ Петербургѣ, какъ въ день, наставшій послѣ тревожной ночи, когда съ утра разнеслась по всѣмъ домамъ вѣсть, что страшный для всѣхъ герцогъ курляндскій уже не раздаетъ грозныхъ приказаній своихъ въ лѣтнемъ дворцѣ императорскомъ, но, лишенный свободы, ожидаетъ наказанія на безчисленныя злодѣянія свои. Сначала никто не хотѣлъ вѣрить такой новости и, привыкнувъ къ коварному нраву правителя, всѣ считали ее хитростью, выдуманною имъ для погубленія какихъ нибудь новыхъ жертвъ. Но когда потомъ увидѣли, что всѣ находившіеся въ столицѣ полки сходились на площадь дворцовую и всѣ знатнѣйшіе вельможи съѣзжались въ придворную церковь—приносить присягу въ вѣрности матери императора, какъ великой княгинѣ и правительницѣ государства, всѣ повѣрили своему счастію и сдѣлались такъ веселы, что нѣсколько дней ничего не слышно было въ Петербургѣ, кромѣ благодарственныхъ моленій въ церквахъ и шумныхъ пированій въ домахъ. Послѣ страха, который внушалъ суровый видъ прежняго регента, всѣ съ восхищеніемъ смотрѣли на молодую правительницу. Плѣнительная наружность и доброе сердце ея, казалось, такъ вѣрно обѣщали имъ счастливую будущность! Они видѣли исполненіе надеждъ своихъ въ милостяхъ, которыми она осыпала всѣхъ пострадавшихъ при Биронѣ; въ улучшеніяхъ, которыя дѣлала по разнымъ частямъ правленія; на-

конецъ въ снисходительности, съ которою она каждую недѣлю принимала во дворцѣ просьбы всѣхъ, кто имѣлъ до нея какую либо нужду. Но все это счастливо продолжалось только до тѣхъ поръ, пока люди, окружавшіе престолъ, еще не опомнясь отъ ужаса, въ какомъ держалъ ихъ страшный Биронъ, думали только о своемъ счастливомъ освобожденіи отъ него и, неувѣренные еще въ безопасности своей, какъ будто боялись не быть добрыми. Но какъ скоро тишина и спокойствіе утвердились, дурныя склонности начали выходить наружу, и снова все заволновалось при дворѣ, такъ ненадолго успокоенномъ! Главными лицами были тогда тамъ: принцъ, супругъ правительницы; фельдмаршалъ Минихъ, которому она обязана была своимъ возвышеніемъ, и графъ Остерманъ. Первый, къ несчастію, былъ человѣкъ вовсе неспособный къ правленію; послѣдніе два—враги между собою. Удивительно было это нерасположеніе другъ къ другу людей, одаренныхъ столь многими прекрасными качествами! Особенно удивителенъ былъ въ этомъ случаѣ Минихъ, котораго жизнь представляла такое множество дѣлъ славныхъ и благородныхъ. Какъ могло какое-нибудь мелочное чувство помѣщаться въ этой героической, великой душѣ? Но я скажу вамъ причину этого, милые читатели мои. Минихъ былъ чрезвычайно честолюбивъ, а вмѣстѣ съ честолюбіемъ душа наша обыкновенно принимаетъ много дурного. И такъ, хотя жаль мнѣ разочаровать васъ нѣсколько о любимцѣ нашемъ фельдмаршалѣ,—побѣдителѣ турокъ и поляковъ,—но надобно сказать, что множество прекрасныхъ свойствъ его помрачалось чрезмѣрнымъ честолюбіемъ. Увеличиваясь съ лѣтами, оно было впослѣдствіи одною изъ главныхъ причинъ почти всѣхъ дѣйствій его. Вы видѣли, какъ для этого честолюбія онъ помогалъ возвышаться Бирону; какъ потомъ, для этого же честолюбія, свергнулъ его; вы увидите теперь, какъ, наконецъ, для этого честолюбія, онъ потеряетъ довѣренность молодой родительницы императора. Фельдмаршалу давно чрезвычайно хотѣлось получить самую важную изъ почестей военныхъ — чина *генералиссимуса* войскъ. Показавъ такъ много усердія Аннѣ Леопольдовнѣ, онъ непремѣнно ожидалъ отъ нея

исполненія своего давнишняго желанія, но правительница сдѣлала генералиссимусомъ русскихъ войскъ супруга своего, а въ утѣшеніе фельдмаршалу приказала только написать въ указѣ слѣдующія слова: «Графъ Минихъ, пріобрѣвъ своими великими заслугами достоинство генералиссимуса, уступаетъ оное родителю императора».

Такое утѣшеніе не удовлетворило гордую душу Миниха и оскорбило честолюбіе принца. Анна не думала о неудовольствіи супруга, котораго можно было скоро успокоить; но огорченіе освободителя ея отъ власти жестокаго регента сильно тревожило ея добрую душу и она спѣшила придумать какое нибудь новое вознагражденіе. Она радовалась, когда ей пришла мысль сдѣлать его первымъ министромъ. Но это опять было неудачно: званіе перваго министра и вообще главное управленіе всѣми дѣлами государственными, во все время царствованія императора Іоанна, принадлежало графу Остерману. Могъ ли теперь не оскорбиться этотъ знаменитѣйшій министръ своего времени, поступивъ вдругъ подъ начальство Миниха? Остерманъ оскорбленъ былъ до такой степени, что, забывъ всѣ великія заслуги, оказанныя Минихомъ отечеству, началъ искать средствъ погубить его.

Такъ Анна Леопольдовна, не смотря на всѣ старанія, не достигла успѣха. Это доказало еще разъ, что одного добраго сердца недостаточно для того, кому опредѣлено судьбою управлять царствомъ. Здѣсь необходимы еще проницательность, твердость, величайшая дѣятельность, а всѣхъ этихъ качествъ недоставало молодой родительницѣ Іоанна. Особливо послѣднее такъ было далеко отъ нея, что нерѣдко, когда министры приходили къ ней поутру съ докладами дѣлъ, она откровенно говорила имъ: «Ахъ! еслибы сынъ мой скорѣе дожилъ до тѣхъ лѣтъ, чтобы могъ самъ править государствомъ!» Удивительно ли послѣ того, что эта принцесса не умѣла съ пользою употребить людей, окружавшихъ ее, не умѣла согласить ихъ выгодъ и потушить ихъ ссоръ, и потомъ вмѣстѣ съ ними погибла! Первый шагъ къ этой погибели правительница сдѣлала въ то время, когда, слушая Остермана, уже замышлявшаго паденіе Миниха, она повѣрила хитрымъ разсказамъ его о

томъ, что честолюбіе фельдмаршала не удовлетворится никакими почестями, что онъ будетъ стремиться все выше и выше. Искусный хитрецъ умѣлъ очень кстати сказать ей и то, что Биронъ, въ это время все еще судившійся въ Шлиссельбургской крѣпости, объявилъ въ показаніяхъ своихъ, что никогда и въ голову ему не пришла бы мысль быть регентомъ, еслибы Минихъ не умолялъ его объ этомъ самымъ убѣдительнымъ образомъ. Съ перваго же раза цѣль Остермана была достигнута: легковѣрная правительница потеряла всю довѣренность къ Миниху, и начала сама думать о средствахъ, какъ бы удалить его не только отъ участія въ дѣлахъ государственныхъ, но даже и отъ двора. И судьба представила удобный къ тому случай.

Въ это время въ Европѣ началась война за наслѣдство австрійскихъ владѣній. Въ числѣ государей, споривших о томъ съ императрицею Маріею-Терезіею, былъ также ближайшій сосѣдъ Россіи—король прусскій, только что заключившій дружественный союзъ съ русскими, слѣдовательно не ожидавшій, чтобы они вздумали помогать австрійцамъ, тѣмъ болѣе, что шведы готовились въ то самое время объявить войну отечеству нашему. Но австрійская императрица была ближайшая родственница принца Антона, и Анна Леопольдовна хотѣла помогать ей, не смотря на явныя невыгоды, какія могли произойти для русскихъ отъ этой помощи. Графъ Остерманъ утверждалъ въ этомъ намѣреніи великую княгиню, потому что зналъ совершенно противное мнѣніе фельдмаршала и ожидалъ большой пользы для себя отъ несогласія, какое необходимо должно было произойти оттого между имъ и правительницею. Злое ожиданіе министра исполнилось. Минихъ, со всею откровенностію воина, сказалъ великой княгинѣ, что сколько опасно во время ожиданій войны съ Швеціею отправить многочисленное войско на помощь чужому государству, столько и неблагородно измѣнить союзнику, положившемуся на слово наше. Правительница нашла такія слова дерзкими и, чтобъ наказать Миниха, исполнила намѣреніе свое и заключила союзъ съ Австріею, не спрашивая болѣе совѣтовъ его. Огорченный до глубины души Минихъ не могъ перенесть равнодушно такого оскорбленія

и попросилъ себѣ отставку, тайно надѣясь, что она не будетъ дана ему. Но надежда и тутъ обманула его: Анна Леопольдовна не только тотчасъ же, съ внутреннимъ удовольствіемъ, дала ему отставку, но съ нетерпѣніемъ каждый день спрашивала у окружавшихъ ее, переѣхалъ ли фельдмаршалъ изъ ближняго сосѣдства его со дворцомъ въ собственный домъ его на другой сторонѣ Невы. Робкая принцесса недаромъ справлялась объ этомъ: съ тѣхъ поръ, какъ Остерманъ напугалъ ее честолюбивыми замыслами Миниха, она не проводила спокойно ни одного часа: каждую ночь перемѣняла спальню, удвоивала караулъ во дворцѣ и безпрестанно вспоминала о томъ, съ какимъ искусствомъ фельдмаршалъ умѣлъ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ схватить могущественнаго регента. Боязливое сердце ея страшилось такой же участи, пока Минихъ участвовалъ въ правленіи, или даже только жилъ подлѣ дворца. Но едва переѣхалъ онъ за Неву и великая княгиня совершенно успокоилась, вовсе не воображая, что теперь-то, съ удаленіемъ ревностнѣйшаго служителя и умнѣйшаго совѣтника, она сама приготовила величайшія для себя опасности и лишила себя средствъ видѣть ихъ и избавиться отъ нихъ!

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА.

1741 годъ.

Удивительно читать въ исторіи нашей, друзья мои, что русскіе отдали корону царей своихъ младенцу, сыну принца чужестраннаго и принцессы почти также чужестранной, въ то время, когда у престола ихъ расцвѣтала прекрасная отрасль того, кому этотъ престолъ обязанъ былъ и императорскимъ величіемъ своимъ, и своею славою? Удивительно видѣть, что они почитали наслѣдницею его рожденную въ чужой землѣ принцессу-лютеранку, потому только, что она была внука царя, никогда не управлявшаго ими, и какъ будто забывали о княжнѣ, соединенной

съ ними одною вѣрою и отечествомъ, о княжнѣ—родной дочери великаго Петра ихъ! Такое ослѣпленіе, долго существовавшее, болѣе всего приписать должно кроткому сердцу Елисаветы Петровны, всегда находившему болѣе удовольствій въ наслажденіяхъ тихой жизни и не помышлявшей о правахъ своихъ на престолъ незабвеннаго родителя. Во время царствованія Анны Іоанновны и ужасныхъ дѣлъ жестокаго любимца ея Елисавета начала еще болѣе бояться опасностей, окружающихъ престолъ, и еще тверже рѣшилась никогда не искать его. Можетъ быть такая безпечность продолжалась бы во всю жизнь Елисаветы, но, видя безпрестанныя ошибки въ правленіе Анны Леопольдовны, особенно со времени удаленія Миниха, Елисавета Петровна замѣтила, что съ самымъ добрымъ сердцемъ и самыми хорошими намѣреніями можно поступать дурно, и это привело ее къ мысли: справедливо ли дѣлала она, предоставляя престолъ, а съ нимъ и судьбу нѣсколькихъ милліоновъ людей правленію слабой принцессы и отдаленному царствованію младенца-императора? Правда, что эта мысль, слегка мелькнувшая, не развилась бы въ спокойномъ и нечестолюбивомъ сердцѣ ея, еслибы не старались объ этомъ многочисленные приверженцы ея и всѣ тѣ люди, которые безпрестанно смотрѣли на легкомысленные поступки правительницы. Ошибки Анны Леопольдовны сдѣлались еще непростительнѣе съ тѣхъ поръ, какъ она лишила довѣренности своей и второго изъ умнѣйшихъ совѣтниковъ своихъ графа Остермана и начала во всемъ слѣдовать наставленіямъ новаго любимца своего, саксонскаго посланника графа Линара. Такіе безпорядки не могли не встревожить людей, истинно-преданныхъ отечеству. Къ нимъ присоединились еще нѣкоторые иностранцы, желавшіе для выгодъ государствъ своихъ перемѣны въ русскомъ правительствѣ. Это были по большой части французы и шведы. Первымъ нужно было отклонить Россію отъ участія въ дѣлахъ австрійцевъ, которымъ отъ всей души хотѣла помогать Анна Леопольдовна; вторые все еще не теряли надежды возвратить области, завоеванныя у Швеціи Петромъ Великимъ, и думали, что Елисавета, изъ благодарности къ усердію ихъ, исполнитъ эту надежду. Между ними главными дѣй-

ствующими лицами были французскій посланникъ маркизъ *де-ла-Шетарди* и домашній докторъ великой княжны *Лестокъ.* Они-то болѣе всѣхъ старались о восшествіи ея на престолъ: первый не только составилъ планъ дѣйствій противъ правительницы, но даже доставлялъ Елисаветѣ Петровнѣ значительныя суммы денегъ, нужныя на расходы въ такомъ случаѣ; а послѣдній, находясь безотлучно при цесаревнѣ, ободрялъ ее въ тѣ минуты, когда робость и нерѣшительность овладѣвали душой ея. По общему совѣту обоихъ, прежде всего надобно было склонить на свою сторону гвардейскіе полки, и Елисаветѣ не трудно было сдѣлать это: солдаты любили въ ней дочь Петра, и каждый, кому открывали ея намѣреніе принять правленіе,— радовался и готовъ былъ жертвовать жизнію за *матушку* [1]). Двѣнадцать гренадеръ преображенскаго полка были первые, узнавшіе объ этой новости; они начали потомъ склонять своихъ товарищей и поступали въ этомъ случаѣ такъ неосторожно, что только одна непонятная безпечность правительницы была причиной, что предпріятіе не открылось. Самъ де-ла-Шетарди и особенно Лестокъ были еще болѣе неосторожны, нежели преображенцы: послѣдній такъ открыто говорилъ вездѣ о своихъ замыслахъ, что въ скоромъ времени всѣ подробности его сдѣлались извѣстны графу Остерману, который, не смотря на то, что былъ уже въ немилости у правительницы и страдалъ жестоко отъ болѣзни, принималъ еще живѣйшее участіе въ судьбѣ наслѣдниковъ Анны Іоанновны и, испугавшись опасностей, какія угрожали имъ, приказалъ перенести себя на носилкахъ во дворецъ и здѣсь съ большимъ страхомъ разсказалъ Аннѣ Леопольдовнѣ все, что̀ готовилось для нея. Но удивительно было невниманіе къ нему великой княгини! Можетъ быть по волѣ Божіей оно нужно было для того, чтобы передать престолъ Россіи знаменитому поколѣнію

---

[1]) *Матушка наша*—было имя, которымъ называли великую княжну солдаты. Они восхищены были ласковостію ея, особенно съ тѣхъ поръ, какъ, слѣдуя наставленіямъ своихъ совѣтниковъ, она еще увеличила простоту обхожденія своего съ ними и иногда, вмѣсто прогулки, пріѣзжала въ казармы, позволяла солдатамъ говорить съ нею о своихъ нуждахъ.

Петра; какъ бы то ни было, только Анна Леопольдовна во все то время, пока говорилъ Остерманъ, занималась новымъ платьецемъ, сдѣланнымъ для малютки-императора, и когда огорченный министръ кончилъ рѣчь свою, она, вмѣсто отвѣта, съ восхищеніемъ показала ему это платье и не переставала хвалить цвѣтъ и покрой его. Съ такимъ же равнодушіемъ принимала она предостереженія и другихъ приверженцевъ своихъ и всѣмъ имъ отвѣчала только то, что она увѣрена въ добромъ расположеніи къ ней великой княжны, вовсе не помышляющей о престолѣ.

Между тѣмъ у цесаревны, которая одна лучше всѣхъ своихъ сообщниковъ умѣла скрывать свои намѣренія, почти все уже было готово; недоставало только твердости и рѣшимости царствовать: Елисавета съ каждымъ днемъ откладывала и только тогда рѣшилась исполнить свое намѣреніе, когда уже опасно было медлить: намѣренія ея сдѣлались извѣстны многимъ, и съ каждымъ днемъ и сама цесаревна, и всѣ ея приверженцы могли ожидать погибели. Но и тутъ надобно было много усилій, чтобы заставить ее дѣйствовать. Кромѣ всего, что можно было сказать при этомъ случаѣ, Лестокъ употребилъ еще одно средство: онъ принесъ великой княжнѣ аллегорическую картину, на которой съ одной стороны она представлена была въ коронѣ, а съ другой—въ покрывалѣ монахини съ разными орудіями казни кругомъ. Подавая эту картину цесаревнѣ, усердный докторъ еще болѣе убѣдилъ ее, сказавъ: «Избирайте, ваше высочество, быть императрицею или страдать въ монастырскомъ заключеніи и видѣть погибель людей, вамъ преданныхъ». Эти слова произвели свое дѣйствіе въ полной мѣрѣ. Елисавета ужаснулась и монастыря, и мысли быть причиною несчастія своихъ усердныхъ приверженцевъ. Въ слѣдующую ночь назначили произвесть важный переворотъ, не сказывая ни слова французскому посланнику. На это была важная причина: проницательная Елисавета узнала, что преданность его къ ней была неискренняя: онъ условился съ шведами, что корабли ихъ подойдутъ къ Петербургу, заставятъ силою Анну Леопольдовну и сына ея отказаться отъ престола, возведутъ на него Елисавету, и тогда можно будетъ требовать отъ новой, возведенной

ими императрицы согласія на всѣ условія, какія вздумается имъ предложить для выгодъ государствъ своихъ. Къ счастію Россіи, эта хитрость была во-время проникнута и всѣ послѣднія дѣйствія великой княжны удачно скрыты отъ де-ла-Шетарди.—Возвратимся же къ нашему разсказу. Назначенный для переворота день былъ 24-го ноября 1741 года. Чѣмъ болѣе приближалась рѣшительная минута, тѣмъ сильнѣе билось сердце кроткой царевны. Чтобъ успокоить себя, она начала молиться, и долго, долго стояла предъ образомъ Богоматери, какъ будто испрашивая благословеніе ея на правое дѣло свое и на народъ, котораго судьба должна была чрезъ нѣсколько часовъ совершиться. Успѣхъ, увѣнчавшій желанія Елисаветы, не смотря на малыя средства ея, на неосторожность дѣйствовавшихъ лицъ и происшедшую оттого поспѣшность, съ которою надобно было дѣйствовать, доказываетъ, что молитвы доброй княжны не были напрасны. Когда всѣ уже во дворцѣ уснули глубокимъ сномъ, Лестокъ явился сказать о томъ Елисаветѣ. Поручая жребій свой Богу, она чувствовала необыкновенную бодрость въ душѣ своей. Лестокъ спѣшилъ воспользоваться такимъ расположеніемъ и, не медля ни минуты, уговорилъ царевну ѣхать въ преображенскій полкъ, гдѣ уже нетерпѣливо ожидали ее триста человѣкъ приверженцевъ ея изъ нижнихъ чиновъ. Офицеровъ еще не успѣли склонить на сторону будущей императрицы; но она нѣсколькими словами убѣдила тѣхъ изъ нихъ, которыхъ нашла въ караульнѣ. Для того ей стоило только сказать: «*Вы знаете, чья я дочь, идите за мною!*»—«*Готовы, матушка!*»—было отвѣтомъ солдатъ. Офицеры изъявили такую же готовность, и безъ малѣйшаго шума и кровопролитія въ ту же ночь взяли подъ стражу: правительницу со всѣмъ ея семействомъ, фельдмаршала графа Миниха, графа Остермана, оберъ-гофмаршала графа Левенвольда и вице-канцлера графа Головкина. Въ три часа утра Елисавета Петровна, возвратясь во дворецъ свой, въ разныхъ комнатахъ котораго сидѣли всѣ взятые подъ стражу, послала камергера своего графа Шувалова объявить французскому посланнику объ этомъ счастливомъ окончаніи. Можно представить себѣ, какъ удивленъ и раз-

досадованъ былъ де-ла-Шетарди этою поспѣшностію и такимъ успѣхомъ! Онъ еще восхищался своимъ прекрасно-устроеннымъ планомъ, а царевна уже какъ государыня Россіи принимала присягу новыхъ подданныхъ своихъ и имѣла утѣшеніе быть обязанною только имъ, а не иностранцамъ — за престолъ, такъ справедливо ей возвращенный.

НЕПОСТОЯНСТВО СЧАСТІЯ.

отъ 1741 до 1742 года.

(1 годъ).

Милые читатели! На землѣ нѣтъ ничего непостояннѣе счастія: вѣчность и ея безконечныя, чистыя радости ожидаютъ насъ тамъ, за гробомъ, у того милосердаго Спасителя, Который такъ божественно открылъ намъ ее; здѣсь же все невѣрно, все перемѣняется не только съ каждымъ годомъ, но часто даже съ каждымъ днемъ. Итакъ, будемъ спокойны, когда намъ весело; будемъ спокойны и тогда, когда вмѣсто веселья случится намъ въ жизни проводить такіе дни, которые называются у насъ *черными*. Что такое спокойствіе возможно—въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія: во всѣ времена и во всякой землѣ бывали люди, доказавшіе это. Пріятно читать разсказы о судьбѣ такихъ людей, пріятно узнавать подробности жизни ихъ въ то время, когда лишенные блеска, окружавшаго ихъ въ счастіи, они украшались другимъ, болѣе прекраснымъ—блескомъ истиннаго достоинства человѣка. Хотите ли вы послушать о такихъ истинно-превосходныхъ людяхъ? Исторія наша представляетъ намъ теперь случай поговорить о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Слушайте же.

Читая въ послѣднемъ разсказѣ нашемъ о переворотѣ, возвратившемъ на престолъ русскій драгоцѣнное поколѣніе одного изъ великихъ царей земныхъ, вы, не смотря на радость свою объ этомъ счастливомъ происшествіи, вѣрно съ

состраданіемъ подумали о судьбѣ этой, хотя слишкомъ безпечной, но доброй и кроткой правительницы и ея маленькаго сына, такъ рано осчастливленнаго и такъ скоро лишеннаго счастія? Вы вѣрно подумали также и о знаменитыхъ людяхъ, пострадавшихъ вмѣстѣ съ ними? Напримѣръ, объ этомъ храбромъ, благородномъ фельдмаршалѣ Минихѣ, объ этомъ умномъ графѣ Остерманѣ, объ этомъ преданномъ и къ императрицѣ Аннѣ, и къ племянницѣ ея—графѣ Левенвольдѣ? Всѣ они, по необходимости, должны были раздѣлить несчастіе принцессы, которую такъ усердно старались поддерживать на тронѣ, не принадлежавшемъ ей, и всѣ они показали столько твердости, столько благородной покорности судьбѣ своей, что жизнь ихъ съ того времени можетъ быть полезнымъ урокомъ и для старшихъ, и для младшихъ читателей моихъ. Начнемъ съ главнаго лица, съ принцессы-правительницы.

Несчастіе, поразивъ Анну Леопольдовну жестокою горестію, возвысило добрыя свойства души ея: она сдѣлалась самою заботливою матерью, самою мужественною утѣшительницею бѣднаго семейства своего. Супругъ ея не имѣлъ половины ея твердости духа, ея покорности судьбѣ, и все время, пока она была жива, положеніе его не могло назваться совершенно несчастнымъ, хотя нѣкоторымъ образомъ и сама она виновата была въ продолжительности своего заключенія: когда императрица Елисавета Петровна предложила ей отказаться за сына отъ короны русской, она никакъ не согласилась на это предложеніе и тѣмъ возбудила подозрѣніе, что надежда возвратить эту корону еще живетъ въ душѣ ея. Съ этою надеждою она и скончалась въ 1746 году, оставивъ супругу своему, кромѣ бывшаго императора, принца Іоанна, еще четырехъ дѣтей, родившихся въ заключеніи: принцевъ *Петра* и *Алексѣя* и принцессъ *Екатерину* и *Елисавету*. Мѣста заключенія ихъ перемѣнялись нѣсколько разъ: сначала содержались они въ Рижской крѣпости, потомъ въ Динаминдѣ, оттуда перевезены были въ Раненбургъ, городъ Рязанской губерніи. Здѣсь принцъ Іоаннъ Антоновичъ былъ разлученъ съ родителями своими, которыхъ никогда не видѣлъ болѣе: его отвезли въ Шлиссельбургскую крѣпость: ихъ—въ не-

большой городокъ Архангельской губерніи, Холмогоры, гдѣ и скончалась Анна Леопольдовна. Супругъ и дѣти ея провели въ этомъ городкѣ еще болѣе тридцати лѣтъ. Скучна и единообразна была жизнь ихъ, но они переносили свое несчастіе съ терпѣніемъ. Единственнымъ наставникомъ молодыхъ принцевъ и принцессъ былъ отецъ ихъ, который, не имѣя самъ отличнаго образованія, могъ научить ихъ только чтенію и письму. Чтеніе церковныхъ книгъ доставляло имъ лучшее утѣшеніе. Не получивъ понятія ни о какихъ наукахъ и искусствахъ, они часто не знали, что дѣлать, и очень радовались, когда научились у отца играть въ вистъ и ломберъ. Кромѣ картъ, имѣли они еще одно удовольствіе: у нихъ была старая карета, въ которой позволялось имъ иногда ѣздить прогуливаться саженъ на двѣсти отъ дома ихъ; но прогулка ихъ никогда не простиралась далѣе высокой стѣны, окружавшей мѣсто жилища ихъ. Вотъ какую жизнь вели дѣти принцессы, управлявшей обширнѣйшимъ въ свѣтѣ царствомъ, братья и сестры принца, названнаго императоромъ еще въ колыбели! Какой полезный урокъ представляетъ намъ эта жизнь! Особливо, если сказать вамъ и то, что они были почти всегда спокойны и веселы. Какъ же стыдно должно быть тѣмъ изъ насъ, друзья мои, которые, наслаждаясь свободою, счастіемъ и всѣми удовольствіями жизни въ образованномъ обществѣ, вздумали бы скучать отъ какой нибудь небольшой непріятности, отъ какого нибудь несбывшагося желанія! А вѣдь бываютъ у насъ такія слабыя существа, не правда ли? Вѣрно каждому изъ насъ случалось видѣть ихъ, а можетъ быть случалось и самимъ испытать эту слабость. Итакъ, въ такіе скучные и, можно сказать, несносные часы, совѣтую вамъ, милые читатели мои, вспомнить самимъ и напомнить другимъ о дѣтяхъ принца Антона Брауншвейгскаго: разскажите имъ о той твердости, съ которою они переносили свое несчастіе [1]). Разскажите имъ также, что

[1]) Семейство принца Антона Брауншвейгскаго не могло наслаждаться свободою, не смотря даже на желаніе императрицъ Елисаветы и потомъ Екатерины II доставить ему эту свободу: многіе злонамѣренные люди пользовались именемъ принца Іоанна и братьевъ его, чтобы заводить безпокойства въ народѣ, и въ 1764 году несчастный

этою удивительною твердостію, этимъ счастливымъ расположеніемъ духа они болѣе всего обязаны были тому рѣдкому согласію, которое всегда царствовало въ семействѣ ихъ, и той сильной привязанности, которую они всѣ чувствовали другъ къ другу. Находясь въ такомъ состояніи, они могли считать величайшимъ бѣдствіемъ только смерть отца своего, случившуюся въ 1776 году [1]).

Такъ и въ самомъ несчастіи можно заслужить славу и уваженіе людей; и въ самомъ несчастіи можно пользоваться пріятными минутами: наше душевное счастіе зависитъ отъ насъ самихъ. Если для доказательства этой истины вамъ недовольно будетъ того примѣра, какой представляетъ семейство принца Брауншвейгскаго, то послушайте еще о другихъ, также знаменитыхъ людяхъ.

Вы знаете, сколько славы и счастія окружали графовъ Миниха и Остермана во время царствованія императрицы

Іоаннъ Антоновичъ сдѣлался жертвою заговора, затѣяннаго нѣкоторыми злоумышленниками, хотѣвшими самовольно освободить его.

[1]) Однакожъ судьба ихъ съ тѣхъ поръ начала улучшаться. Императрица Екатерина II посылала не одинъ разъ приближенныхъ къ себѣ особъ узнавать о положеніи ихъ, приказывала имѣть о нихъ самыя усердныя попеченія, и наконецъ, спустя четыре года послѣ смерти принца Антона, императрица, удостовѣрясь, что освобожденіе дѣтей его не можетъ имѣть никакихъ важныхъ слѣдствій для государства, рѣшилась отправить ихъ въ Данію подъ покровительство родной тетки ихъ, королевы датской Юліаны-Маріи, которая, такъ же какъ и король, сынъ ея, съ удовольствіемъ приняли это предложеніе, и положено было перевезти ихъ въ городокъ Горсенсъ, лежащій внутри Ютландіи. Великая Екатерина со всею заботливостію доброй родственницы отправила дѣтей принца Брауншвейгскаго въ новое жилище ихъ: 200,000 рублей выдано было для покупки всѣхъ нужныхъ для нихъ вещей; путешествіе ихъ изъ Архангельска до Даніи совершилось на прекрасномъ фрегатѣ, со всѣми удобствами, какія только можно было доставить путешественникамъ. Во все время пребыванія ихъ въ Горсенсѣ они получали богатый пенсіонъ (по 8,000 руб. каждый) отъ двора русскаго. Но повѣрите ли вы, друзья мои, что, не смотря на все это видимое улучшеніе судьбы, дѣти Анны Леопольдовны не чувствовали себя счастливѣе въ Даніи и даже скучали о разлукѣ со многими изъ тѣхъ людей, которые выросли вмѣстѣ съ ними въ холмогорскомъ заключеніи ихъ. Особенно скучала принцесса Екатерина; даже здоровье ея отъ того разстроилось и она черезъ полтора года скончалась. Жизнь братьевъ и сестеръ ея была также непродолжительна, но и въ короткое время они успѣли привязать къ себѣ всѣхъ, кто зналъ ихъ въ Горсенсѣ, и память о кротости и добротѣ ихъ существуетъ и до сихъ поръ въ этомъ городкѣ.

Анны. Побѣды перваго и государственный умъ второго восхищали русскихъ, удивляли иностранцевъ. Но въ правленіе Анны Леопольдовны счастіе ихъ поколебалось отъ вліянія любимцевъ ея: не смотря на всю преданность ихъ къ принцессѣ, они не были любимы ею. Цесаревна также не могла быть хорошо расположена къ нимъ: они явно были на сторонѣ правительницы и ревностно подстерегали всѣ движенія великой княжны и приверженцевъ ея, чтобы доносить о томъ принцессѣ. И за то вмѣстѣ съ судьбою ея рѣшилась и ихъ судьба: вы уже слышали, что они въ ту же несчастную для нея ночь были взяты подъ стражу. Поступки ихъ и другихъ знатныхъ особъ, взятыхъ вмѣстѣ съ ними, приказано было разсмотрѣть въ особенной, нарочно назначенной для того слѣдственной комиссіи, гдѣ главными членами были: *Ушаковъ*, генералъ-прокуроръ *Левашевъ*, оберъ-шталмейстеръ *Куракинъ* и тайный совѣтникъ *Нарышкинъ*. Два мѣсяца съ половиной продолжалось разсмотрѣніе и по окончаніи его найдены болѣе всѣхъ виновными въ дѣлѣ о наслѣдствѣ престола — Остерманъ и Минихъ. Кромѣ того, что обвиняли ихъ въ пристрастіи къ Аннѣ Леопольдовнѣ и сыну ея, говорили даже, что Минихъ въ ту ночь, когда схваченъ былъ герцогъ Биронъ, дѣйствовалъ именемъ Елисаветы Петровны, и что только для ея имени солдаты въ караульняхъ дворцовыхъ рѣшились повиноваться ему. Такое увѣреніе объ участіи царевны въ заговорѣ и послѣ того объявленіе, что правительницею государства назначается не она, но принцесса Анна, не могли не казаться важными преступленіями въ глазахъ новой императрицы и всѣхъ приверженцевъ ея, и слѣдственная комиссія приговорила къ смерти преступниковъ. Но казнь не была объявлена имъ до того самаго дня, когда назначено было ея исполненіе. День сей былъ 18-е января 1742 года. Ничего не зная о судьбѣ, ихъ ожидавшей, осужденные были выведены изъ мѣста заключенія своего, Петропавловской крѣпости, и отведены на площадь Васильевскаго острова, противъ дома коллегій. Во время печально-торжественнаго шествія только одинъ больной въ сильной подагрѣ Остерманъ не шелъ пѣшкомъ: его везли въ простыхъ, худо предохранявшихъ отъ стужи саняхъ.

Но, не смотря на жестокія страданія души и тѣла, онъ былъ спокоенъ, точно такъ же, какъ и знаменитый товарищъ его несчастія Минихъ, подходившій твердыми шагами къ площади посреди другихъ преступниковъ. Ужасный видъ ожидалъ ихъ на этой площади: противъ Военной коллегіи былъ поставленъ эшафотъ, окруженный войскомъ. Но и при этомъ видѣ спокойная наружность фельдмаршала не измѣнилась: онъ съ обыкновенною привѣтливостію своею кланялся офицерамъ и солдатамъ, которыхъ узнавалъ въ рядахъ знакомыхъ полковъ и которые съ горестію смотрѣли на сѣрое платье преступника, покрывавшее прежняго знаменитаго начальника ихъ. Остерманъ первый взнесенъ былъ на эшафотъ. Больной несчастливецъ, съ непокрытою головою, выслушалъ приговоръ комиссіи, осуждавшей его на казнь. Съ прежнимъ спокойствіемъ онъ положилъ голову на плаху и уже ожидалъ смертельнаго удара, какъ вдругъ объявлена была милость императрицы, перемѣнившей смертную казнь его на ссылку въ Сибирь. Такая же милость объявлена была и графу Миниху, и всѣмъ другимъ преступникамъ: Елисаветѣ, кроткой и набожной, всегда ужасна казалась мысль отнять жизнь у человѣка, и впослѣдствіи времени она совсѣмъ отмѣнила смертную казнь въ отечествѣ нашемъ и тѣмъ прекрасною чертою отличила его отъ всѣхъ другихъ государствъ Европы.

Помилованные преступники въ тотъ же день отправлены были въ мѣста, назначенныя для ихъ жительства: Остерманъ—въ тотъ же самый сибирскій городъ *Березовъ*, куда сосланъ былъ князь Меншиковъ; Минихъ—въ мѣсто ссылки герцога Бирона, городъ *Пелымъ* [1]). Здѣсь, въ этомъ мѣстѣ изгнанія и горести, вы увидите, милые читатели, нашего Миниха лучшимъ, нежели гдѣ нибудь. Казалось, несчастіе послужило къ совершенствованію его хорошихъ качествъ и къ уничтоженію дурныхъ. Прежде одинъ изъ главныхъ недостатковъ его было чрезвычайное честолюбіе, и если что нибудь оскорбляло въ немъ это чувство, онъ былъ совершенно несчастливъ, даже въ счастливомъ положеніи

[1]) *Пелымъ* находится недалеко отъ того мѣста, гдѣ рѣчка Пелымъ соединяется съ Тавдою. Теперь это уже не городъ, но слобода Тобольской губерніи, Туринскаго уѣзда.

своемъ; былъ недоволенъ всѣми окружавшими его людьми. Теперь онъ жилъ въ томъ городѣ, куда, по предложенію его, сосланъ былъ прежде самый жестокій врагъ его, уже возвращенный оттуда; этого еще мало: онъ жилъ даже въ томъ самомъ домѣ, который построенъ былъ по собственному плану его для этого врага! Какое положеніе могло быть еще печальнѣе, еще унизительнѣе? И при всемъ томъ Минихъ не чувствовалъ и половины того нестерпимаго огорченія, какое испытывалъ въ дни славы своей отъ какой нибудь небольшой неудачи въ своихъ честолюбивыхъ планахъ. Нѣтъ! онъ былъ почти всегда спокоенъ, даже иногда веселъ: съ кроткою покорностію судьбѣ утѣшалъ онъ супругу свою, когда она скучала о разлукѣ съ единственнымъ сыномъ ихъ, оставшимся съ семействомъ въ Лифляндіи; съ отраднымъ благочестіемъ христіанина разговаривалъ о святыхъ истинахъ вѣры съ другомъ, ниспосланнымъ ему самимъ Богомъ во время несчастія. Это былъ домашній священникъ его, пасторъ *Мартенсъ*, желавшій сопровождать его на мѣсто ссылки и получившій на то позволеніе государыни. Какое прекрасное доказательство дружества! Какъ немногіе друзья могутъ сравниться съ добрымъ Мартенсомъ! И сколько пользы, сколько утѣшенія приносилъ онъ бѣдному изгнаннику! Какъ умѣлъ онъ дѣлить съ нимъ всѣ заботы, всѣ огорченія и также всѣ тихія радости, иногда залетавшія въ печальное жилище ихъ! Они вмѣстѣ работали въ маленькомъ огородѣ, разведенномъ подлѣ домика ихъ, вмѣстѣ занимались столь усладительнымъ для несчастныхъ чтеніемъ Священнаго Писанія, вмѣстѣ утѣшали этимъ чтеніемъ домашнихъ. Пасторъ часто служилъ всю обѣдню и два раза въ день собиралъ всѣхъ служителей для молитвы. Развлеченіемъ для изгнанниковъ были газетные листки, которыми обвертывали сѣмена для огорода и другія вещи, посылаемыя къ нимъ изъ Петербурга. Какъ любопытны казались имъ въ это время самыя запоздалыя извѣстія! Разсуждая о нихъ, друзья проводили часто съ пріятностію нѣсколько часовъ сряду. Такъ протекли семь лѣтъ, и Богу угодно было еще разъ испытать твердость Миниха: несравненный другъ его скон-

чался. Невозможно описать горести, которою поражено было бѣдное сердце страдальца! Но и тутъ оно сохранило свое удивительное мужество, свою кроткую покорность волѣ Божіей, и еще гораздо болѣе: съ этого времени набожный изгнанникъ считалъ долгомъ замѣнить для домашнихъ своихъ все то, чего лишились они въ благочестивомъ пасторѣ. Онъ принялъ на себя всѣ обязанности его, и ревность, съ которою онъ исполнялъ ихъ, въ самомъ дѣлѣ прекрасно напоминала имъ ангела-утѣшителя ихъ. Такъ благочестивыя занятія, утверждая съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе душу Миниха въ ея святой покорности волѣ Господа, имѣли благодѣтельное вліяніе и на его здоровье, и вы удивитесь, друзья мои, когда я скажу вамъ, что чрезъ двадцать лѣтъ изгнанія онъ, возвращенный изъ ссылки императоромъ Петромъ III, снова явится при дворѣ въ славѣ и счастіи. Увѣренные въ этомъ, мы спокойнѣе можемъ оставить его теперь въ Пелымѣ, чтобъ сказать нѣсколько словъ о товарищѣ его, вмѣстѣ съ нимъ осужденномъ на изгнаніе.

Графъ Остерманъ, честолюбивый въ счастіи, хотя съ твердостію покорился судьбѣ своей, но при болѣзненномъ положеніи своемъ прожилъ не болѣе пяти лѣтъ въ мѣстѣ изгнанія своего: въ 1747 году онъ скончался на 61 году отъ рожденія.

Говоря объ этихъ знаменитыхъ несчастливцахъ, нельзя не вспоминать о жестокомъ герцогѣ, любимцѣ императрицы Анны Іоанновны, хотя онъ менѣе всѣхъ заслуживаетъ состраданіе наше. Съ восшествіемъ на престолъ Елисаветы Петровны участь его облегчилась; ему позволено было оставить Пелымъ и жить въ Ярославлѣ, гдѣ выдавалась ему отъ казны значительная сумма на содержаніе [1]). Впослѣдствіи времени императоръ Петръ III,

---

[1]) Чтобы дать читателямъ моимъ небольшое понятіе о тогдашнемъ достаточномъ состояніи Бирона, не смотря на носимое имъ имя изгнанника, я разскажу случай, который, вѣрно, покажется имъ любопытнымъ. Недалеко отъ Ярославля, гдѣ жилъ бывшій герцогъ, было имѣніе одного богатаго помѣщика. Страстно любя охоту, Биронъ часто занимался ею вмѣстѣ съ сосѣдомъ своимъ, и такъ полюбилъ его, что даже вызвался крестить родившуюся у него тогда дочь. Малютка, въ самомъ дѣлѣ окрещенная имъ, получила въ подарокъ отъ крест

добрый и сострадательный, простилъ совершенно вины его и позволилъ ему пріѣхать въ Петербургъ, а Екатерина II возвратила ему даже и герцогство курляндское. Но онъ владѣлъ имъ не болѣе шести лѣтъ: въ 1769 году онъ отказался отъ этого владѣнія и передалъ всѣ свои права старшему сыну своему, который, спустя двадцать-пять лѣтъ также сложилъ съ себя достоинство герцога, и Курляндія, при случившемся въ то время раздѣленіи Польши, присоединена къ Россіи. Это было въ 1795 году.

Но воображеніе наше, всегда съ любопытствомъ желающее преждевременно проникнуть въ будущее и видѣть судьбу людей, такъ много отличавшихся отъ своихъ современниковъ, увлекаетъ насъ за собою къ годамъ, еще не наступившимъ для нашей исторіи: 1795 годъ еще далеко отъ насъ. Мы еще въ 1742 — при началѣ царствованія Елисаветы Петровны. Возвратимся же ко двору ея, друзья мои: тамъ ожидаетъ насъ много новаго и прекраснаго.

НАСЛѢДНИКЪ ПРЕСТОЛА И ЕГО СУПРУГА.

Когда волненіе, сопровождавшее восшествіе на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, утихло и всѣ лица, виновныя въ продолжительномъ удаленіи ея отъ наслѣдства, такъ справедливо принадлежавшаго ей и по праву рожденія, и по духовному завѣщанію ея родительницы, были наказаны, а приверженцы, показывавшіе ей

наго отца своего прекрасный изумрудный крестъ, стоившій въ то время около 500 рублей. Такой богатый подарокъ доказываетъ, что безчисленныя сокровища его не всѣ были у него отняты съ перемѣною судьбы его.

Эта крестница герцога Бирона была добродѣтельной жизни, которою радовала многочисленное семейство свое. Сострадательная и благочестивая, она всегда съ радостью вспоминала о томъ, что день крещенія ея случился въ самую распутицу, такъ что Биронъ, не смотря на все свое желаніе, не могъ пріѣхать самъ и мѣсто его заступалъ другой. «Благодарю Бога моего, съ кротостію говорила набожная старушка, что — такой жестокій человѣкъ не держалъ меня на рукахъ при купѣли!»

столько усердія и преданности, награждены [1]), новая императрица обратила вниманіе и попеченіе свое на то, чтобы отнять у вельможъ возможность сдѣлать еще разъ такую же несправедливость, и назначеніемъ наслѣдника престола утвердила будущее счастіе и безопасность народа.

Елисавета Петровна, имѣвъ несчастіе съ смертію принца голштинскаго, епископа любскаго, лишиться жениха любимаго ею и избраннаго родительницею ея, рѣшилась никогда не вступать въ супружество. И такъ, надобно было избрать лицо, ближайшее послѣ нея къ великому Преобразователю Россіи, и это былъ—родной сынъ старшей сестры ея Анны Петровны, герцогъ голштинскій *Карлъ-Петръ-Ульрихъ.* Онъ былъ владѣтельнымъ принцемъ Шлезвигъ-Голштинскаго герцогства, но что̀ значило оно въ сравненіи съ неизмѣримымъ царствомъ Россіи, гдѣ, кромѣ величія, ожидала его и искренняя привязанность нѣжной тетки? Увѣренная, что онъ согласится оставить германское владѣніе свое для престола русскаго, императрица, тотчасъ по восшествіи, отправила къ нему, съ лестнымъ предложеніемъ своимъ, барона *Корфа.* И она не ошиблась: въ началѣ февраля мѣсяца 1742 года герцогъ, только что достигшій въ это время четырнадцатилѣтнаго возраста, былъ уже въ Петербургѣ. Императрица приняла его съ восторгомъ. Каждый день она искала средствъ показать ему любовь свою: то жаловала его орденами, то ордена украшала бриліантами, то возвышала его чинами: такъ, чрезъ пять дней пріѣзда своего онъ былъ уже подполковникомъ преображенскаго полка. Но, утѣшаясь бу-

[1]) Главными изъ нихъ, кромѣ Лестока, получившаго при этомъ случаѣ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и должность перваго врача при дворѣ, были: графы *Разумовскій* и *Воронцовъ,* два брата *Шуваловы* и камеръ-юнкеръ *Балкъ.* Всѣ они награждены были чинами и почестями. Но отличную награду получили тѣ преображенцы, которые усерднѣе всѣхъ помогали правому дѣлу царевны. Рота ихъ названа была *лейбъ-компаніею;* всѣ унтеръ-офицеры и рядовые въ ней сдѣлались дворянами; тѣмъ же изъ нихъ, которые были уже дворяне, даны къ старымъ гербамъ—новые. Званіе *капитана* этой роты приняла на себя сама императрица; *капитанъ-поручикомъ* сдѣланъ былъ служившій въ русской службѣ генералъ-принцъ Гессенъ-Гомбурскій; *поручиками*—камергеры Разумовскій и Воронцовъ; *подпоручиками* — камергеры: Александръ и Петръ Ивановичи Шуваловы.

дущимъ наслѣдникомъ своимъ, Елисавета Петровна въ то же время думала о томъ, чтобы окончить воспитаніе его такъ, какъ прилично было для наслѣдника короны русской, и почти съ первыхъ же дней пріѣзда его назначены были къ нему три наставника: *Симеонъ Тодорскій*, бывшій потомъ епископомъ костромскимъ, *Исаакъ Веселовскій* и профессоръ *Штелинъ*. Первый училъ его закону греко-россійскому, второй—языку русскому, третій—исторіи и математикѣ. Такимъ образомъ большая часть времени принца посвящалась ученью; оно прервано было на нѣсколько времени только путешествіемъ всего двора въ Москву на коронацію и праздниками этой коронаціи, которая, по словамъ историковъ, происходила *съ пышностію, дотолѣ неизвѣстною въ Россіи*. Увеселенія при дворѣ состояли въ великолѣпныхъ иллюминаціяхъ и фейерверкахъ, въ спектакляхъ итальянской оперы и маскарадахъ, которые иногда продолжались нѣсколько вечеровъ сряду. Въ то время, когда вельможи и дворянство восхищались удовольствіями образованности, простой народъ не менѣе ихъ веселился на площадяхъ московскихъ, гдѣ разставлены были, въ видѣ красивыхъ пирамидъ, жареные быки, начиненные птицами и рыбами, окруженные грудами хлѣбовъ, калачей и пироговъ. Представьте еще при этомъ фонтаны, которые били не водою, но виномъ краснымъ и бѣлымъ и вы будете имѣть полное понятіе объ удовольствіи веселившихся. Радость двора и народа при торжественныхъ праздникахъ коронованія Елисаветы еще не утихла, какъ новыя причины подали случай къ новымъ веселостямъ: война, начатая шведами въ правленіе Анны Леопольдовны за Выборгскую провинцію, хотя и оканчивалась на короткое время перемиріемъ при вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны, но вскорѣ потомъ опять возобновилась отъ неумѣренныхъ требованій шведовъ и съ мая мѣсяца продолжалась съ самымъ блестящимъ успѣхомъ для русскихъ. Императрица получала изъ Финляндіи почти безпрестанно извѣстія о побѣдахъ фельдмаршала Ласси надъ генераломъ Левенгауптомъ. Правда, что эти побѣды доставались недорого нашему фельдмаршалу: въ шведскомъ правленіи былъ тогда величайшій безпорядокъ. Ко-

ролева и сестра Карла II Ульрика-Элеонора незадолго передъ тѣмъ скончалась, оставивъ на престолѣ своемъ супруга, стараго и слабаго принца гессенскаго, пользовавшагося только именемъ короля. Дѣтей у нихъ не было, и потому вельможи королевства послѣ смерти государыни своей занялись избраніемъ наслѣдника, который бы принялъ правленіе послѣ кончины супруга ея. Обративъ все свое вниманіе на этотъ важный выборъ, они дурно распорядились военными дѣйствіями противъ Россіи и, отнявъ полную власть отъ главнокомандующаго войсками ихъ въ Финляндіи Левенгаупта, они приказали ему составить военный совѣтъ, который бы разсматривалъ и рѣшалъ всѣ дѣла арміи. Въ этомъ совѣтѣ засѣдали даже всѣ полковники, находившіеся въ то время въ войскѣ. Многочисленность членовъ должна была по необходимости произвесть несогласіе мнѣній и медленность въ дѣлахъ, и это было главною причиною неудачъ Левенгаупта и счастливыхъ успѣховъ фельдмаршала Ласси,—успѣховъ, дошедшихъ наконецъ до того, что Швеція не только уже не требовала назадъ Выборга, но уступала Россіи еще одну провинцію свою, и именно: Кюменегардскую съ тремя находившимися въ ней городами: *Нейшлотомъ*, *Вильманстрандомъ* и *Фридрихсгамомъ*. Такимъ образомъ рѣка Кюмень сдѣлалась границею между двумя государствами, и миръ заключенъ былъ въ городѣ Або 16-го іюня 1743 года.

Между тѣмъ верховные чины Швеціи, занимавшіеся избраніемъ наслѣдника престола, послѣ продолжительныхъ разсужденій, остановили единодушно желанія свои на томъ же самомъ принцѣ голштинскомъ, котораго и Россія съ любовію приняла на престолъ свой. Шведы, хотя знали уже о пріѣздѣ его въ Россію и о томъ восторгѣ, съ которымъ русскіе по справедливости приняли внука великаго государя своего, но все еще думали, что нѣмецкій принцъ, не привыкшій къ нравамъ и обычаямъ русскимъ, предпочтетъ престолъ въ землѣ, имѣющей болѣе сходства съ отечествомъ его, и для того отправили къ нему пословъ своихъ съ предложеніемъ короны шведской. Эти послы, которыми были графъ *Бонде* и бароны *Гамильтонъ* и *Шаферъ*, пріѣхали въ Москву, гдѣ находился въ это время моло-

дой герцогъ. Онъ тронутъ былъ лестною честью, ему оказанною, благодарилъ усердныхъ шведовъ, но отказался отъ предложенія ихъ, какъ уже избранный наслѣдникъ престола русскаго, готовившійся принять вѣру греческую и съ нею вмѣстѣ присягу въ вѣрности будущихъ подданныхъ своихъ. Все это въ самомъ дѣлѣ исполнилось въ ноябрѣ 1742 года, и послѣ крещенія принцъ уже назывался *великимъ княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ.*

Елисавета Петровна, всегда сильно привязанная къ своему племяннику, полюбила его еще болѣе съ того времени, какъ послѣ принятія греческой вѣры онъ сдѣлался въ глазахъ ея совершенно русскимъ княземъ. Съ нѣжностію заботясь о судьбѣ его, она заранѣе желала устроить его семейное счастіе и потому прежде, нежели ему исполнилось 16 лѣтъ, уже начала думать о той, которая современемъ должна быть его супругою. Выборъ ея остановился на принцессѣ Амаліи, сестрѣ одного изъ умнѣйшихъ государей того времени, прусскаго короля Фридриха II; но, неизвѣстно по какимъ причинамъ, онъ не могъ согласиться на этотъ союзъ и чрезъ посланника своего Мардефельда предложилъ другую невѣсту: родственницу свою, принцессу Софію-Августу Ангальтъ-Цербстскую. Мать ея, принцесса *Іоанна*, была родная сестра покойнаго принца, епископа любскаго, жениха императрицы Елисаветы, и этого было довольно для чувствительнаго сердца государыни, чтобы заочно согласиться назвать племянницею своею принцессу Ангальтъ-Цербстскую, о достоинствахъ которой уже многіе говорили съ восхищеніемъ.

Все, что красота имѣетъ величественно-привлекательнаго, составляло наружность этой принцессы: орлиный носъ, прелестный ротъ, голубые глаза, то горделивые, то чрезвычайно кроткіе, темныя брови и невыразимо-плѣнительная улыбка. Если ростъ ея не принадлежалъ къ самымъ высокимъ, то возвышался величіемъ чела и важностію поступи. Но эта важность исчезала въ необыкновенной прелести всѣхъ движеній, когда молодая принцесса, живая, остроумная, игривая, шутила съ окружавшими ее придворными и часто мучила своими рѣзвостями старыхъ надзирательницъ своихъ. Шутки продолжались до тѣхъ

поръ, пока она замѣчала, что которая нибудь изъ нихъ начинала сердиться, и тогда рѣзвое дитя превращалось снова въ то милое, кроткое существо, котораго одна улыбка, одинъ взглядъ счастливили каждаго изъ приближенныхъ.

Такова была четырнадцати-лѣтняя принцесса Софія-Августа, когда въ началѣ 1744 года привезена была своею родительницею въ Москву, какъ невѣста наслѣдника престола. Съ восхищеніемъ увидѣли ее и императрица, и будущій супругъ ея, и весь дворъ. Это общее восхищеніе, удовлетворяя всѣ желанія дѣтскаго сердца принцессы, придавало новую прелесть плѣнительной любезности, которою она очаровала новое отечество свое. Любимая всѣми съ первыхъ дней своего появленія, она сама также скоро полюбила всѣхъ и невинная, веселая, наслаждалась съ безпечностію младенца всѣми удовольствіями, которыми императрица старалась окружить пріѣзжихъ гостей своихъ. Праздники и балы были такъ великолѣпны, что, казалось, должны были изумить четырнадцати-лѣтнюю принцессу одного изъ самыхъ бѣдныхъ дворовъ Германіи; но этого не чувствовала будущая царица Россіи: такъ справедливо, что для души великой нѣтъ ничего необыкновеннаго. Она смотрѣла на все, какъ будто ужъ имѣя прежде понятіе о чудесахъ, ею видѣнныхъ; разговаривала безъ замѣшательства съ иностранными посланниками и министрами, съ вельможами и полководцами; самый нравъ ея, откровенный и пылкій, недолго скрывался въ принужденности недавняго знакомства съ лицами, ее окружавшими, и вскорѣ явился предъ ними во всемъ своемъ блескѣ, во всей своей увлекательной прелести. Всѣ дамы, приставленныя къ ней, были очарованы ея привѣтливостію и, привыкнувъ къ важности обычаевъ придворныхъ, дивились простотѣ обхожденія и еще болѣе—рѣзвостямъ молодой принцессы, которая часто пугала ихъ своими шутками: напримѣръ, входя съ поспѣшностію на звонъ колокольчика въ ея комнату, онѣ иногда не находили въ ней никого и, съ безпокойствомъ пробѣгая глазами всѣ мѣста, гдѣ могли надѣяться увидѣть ее, слышали снова обманчивый звонъ: онъ не переставалъ раздаваться въ той самой комнатѣ. Когда уже удивленіе ихъ готово было обратиться въ досаду и ужасъ,

за звономъ колокольчика слѣдовалъ веселый, громкій смѣхъ, и прелестная головка Софіи-Августы показывалась изъ-подъ пышной кровати ея: тамъ рѣзвая принцесса пряталась, чтобы пошутить надъ приближенными своими.

Казалось, такая рѣзвость и живость нрава должны бы отдалять принцессу отъ занятій глубокомысленныхъ; но, напротивъ того, въ этомъ-то согласіи противоположностей и заключалась главная прелесть ея: веселую и игривую въ часы отдохновеній, ее видѣли въ высочайшей степени внимательною и прилежною во время уроковъ [1]). Особенно желаніе знать русскій языкъ было въ ней такъ сильно, что часто для занятія заданными ей уроками она вставала по ночамъ и проводила нѣсколько часовъ за книгами въ то время, когда все около нея погружено было въ глубокій сонъ. Это неумѣренное прилежаніе едва не сдѣлалось гибельно для Россіи: вставъ однажды ночью съ постели и безъ обуви пройдя до письменнаго стола, принцесса опасно занемогла: двадцать семь дней не имѣли надежды на ея выздоровленіе. Португальскому доктору Саншесу она была обязана своимъ спасеніемъ, а отечество наше—счастіемъ.

Въ іюнѣ того же 1744 года Софія-Августа уже такъ хорошо знала законъ греческій, что могла принять крещеніе и мѵропомазаніе, послѣ которыхъ уже называлась *великою княжною Екатериною Алексѣевною*. На другой же день было обрученіе ея съ великимъ княземъ; свадьба же совершилась не прежде какъ 21-го августа 1745 года. Будучи невѣстою, Екатерина ѣздила съ женихомъ и императрицею въ Кіевъ, котораго святыя мѣста высоко уважаемы были набожною Елисаветою Петровною. Возвращаясь оттуда, великій князь занемогъ корью и вскорѣ потомъ оспою. Эта жестокая болѣзнь, еще не сдѣлавшаяся въ то время безопасною отъ прививанья, оставила въ немъ такіе сильные слѣды, что даже всѣ черты лица его, прежде довольно привлекательныя, измѣнились и составили разительную противоположность съ прелестнымъ лицомъ его невѣсты.

---

[1]) Такъ же, какъ и великій князь, женихъ ея, она училась закону греко-россійскому у Симеона Тодорскаго, а русскому языку—у Василія Ададурова.

СОСТОЯНІЕ ЕВРОПЫ ВО ВРЕМЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ.

отъ 1745 до 1756 года.

(11 лѣтъ).

Съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Великій поставилъ отечество наше на такую высокую степень между государствами Европы, оно пріобрѣтало почти съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе вліянія на судьбу ихъ. При Елисаветѣ Петровнѣ это вліяніе сдѣлалось еще сильнѣе и замѣтнѣе, и для того, чтобы имѣть полное понятіе о происшествіяхъ ея царствованія, надобно намъ взглянуть на тогдашнее состояніе государствъ европейскихъ.

Оно было самое смутное. Въ 1740 году умеръ римскій императоръ Карлъ VI[1]). Не имѣя сына, онъ духовнымъ завѣщаніемъ оставилъ престолъ дочери своей Маріи-Терезіи, о которой вы уже слышали нѣсколько въ разсказѣ нашемъ о правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ.

Богатое наслѣдство рѣдко достается безъ спора: принцесса Марія-Терезія еще не успѣла принять его, какъ со всѣхъ сторонъ явились искатели, изъ которыхъ иные объявили, что имѣли болѣе права на корону отца ея, нежели она сама; другіе требовали только отдѣленія нѣкоторыхъ областей отъ имперіи. Въ числѣ первыхъ находились дворы, соединенные родствомъ съ австрійскими императорами: баварскій, саксонскій и испанскій; въ числѣ послѣднихъ опаснѣйшимъ былъ знаменитый въ то время король прусскій Фридрихъ II, о которомъ впослѣдствіи мы будемъ говорить подробнѣе: этотъ государь названъ исторіею *Великимъ*, и потому заслуживаетъ особенное вниманіе наше. Управляя съ рѣдкимъ искусствомъ королевствомъ своимъ, онъ первый возвелъ Пруссію на ту высокую степень, которую съ тѣхъ поръ она занимаетъ между государствами европейскими. Онъ почиталъ нужнымъ, для безопасности

---

[1]) *Римскими* или *нѣмецкими* императорами называли въ то время нынѣшнихъ австрійскихъ.

владѣній своихъ, присоединить къ нимъ область Силезію, принадлежавшую наслѣдницѣ престола нѣмецкаго. Фридрихъ II предложилъ Маріи-Терезіи самую дѣятельную помощь свою противъ всѣхъ враговъ, если только она согласится уступить ему Силезію. Но Марія-Терезія была одарена твердостію необыкновенною: еще не почитая положенія своего безнадежнымъ, она не согласилась на предложеніе Фридриха, хотя въ это самое время число враговъ ея увеличивалось и они уже опустошали войною прекрасныя области наслѣдницы Карла VI. Особенно опасенъ былъ для нея король французскій, который съ такимъ усердіемъ помогалъ баварскому герцогу *Карлу,* что даже успѣлъ короновать его нѣмецкимъ императоромъ подъ именемъ *Карла VII.* Не смотря на все это, Марія-Терезія не хотѣла уступить Фридриху Силезіи, не хотѣла принять его вспомогательнаго войска. Въ числѣ земель, принадлежавшихъ отцу ея, находилось также королевство венгерское, издавна извѣстное вѣрностію и усердіемъ къ государямъ своимъ. Сюда-то удалилась дочь Карла VI искать защитниковъ противъ многочисленныхъ враговъ своихъ; но прежде нежели они успѣли собраться, Фридрихъ II уже вошелъ съ войскомъ въ Силезію и вскорѣ завладѣлъ почти всею этою областію. Положеніе Маріи-Терезіи было самое горестное: на сторонѣ ея была только Англія, но и ту французы лишили всѣхъ средствъ помогать ей. Несчастная государыня рѣшилась прибѣгнуть къ императрицѣ русской. Англичане также съ своей стороны просили Елисавету Петровну о помощи противъ Франціи и, какъ друзья, говорили за Марію-Терезію. Русская императрица, глубоко тронутая печальнымъ положеніемъ знаменитой государыни, не отказала ей въ помощи. Тридцать шесть тысячъ войска, подъ начальствомъ князя Репнина, было отправлено на помощь къ ней въ Германію, въ іюлѣ 1748 года, и уничтожило гордость всѣхъ враговъ ея: они тотчасъ показали готовность мириться съ нею, и не далѣе, какъ въ октябрѣ того же года, миръ былъ заключенъ въ городѣ Ахенѣ. Марія-Терезія получила наконецъ наслѣдство свое, потерявъ изъ него только завоеванную Фридрихомъ Силезію. Въ то же время и супругъ ея, герцогъ Францъ, избранъ былъ императоромъ нѣмецкимъ, и

тѣмъ съ бо́льшимъ единодушіемъ, что Карла VII уже не было на свѣтѣ. Такъ участіе Россіи прекратило кровопролитный споръ почти всей Европы, но ненадолго: не прошло и. двухъ лѣтъ, какъ новая жестокая война, извѣстная въ исторіи подъ именемъ *Семилѣтней*, распространилась не только въ Европѣ, но даже и въ другихъ частяхъ свѣта.

Первая искра вспыхнула въ Америкѣ между французами и англичанами за небольшое пространство необработанной земли. Вскорѣ потомъ французы взяли островъ Минорку, принадлежавшій англичанамъ, и намѣрены были отнять у Англіи и другую принадлежащую ей область — Ганноверъ. Пруссія, по просьбѣ англійскаго короля, рѣшилась защищать это сосѣдственное съ нею владѣніе. Австрія, почитавшая себя обиженною Фридрихомъ за Силезію, стала помогать Франціи. Съ нею соединилась Саксонія, Швеція, многіе владѣтельные германскіе князья, и наконецъ Россія, союзница Австріи. Такимъ образомъ почти вся Европа увлечена была въ эту войну и, позабывъ, что первою причиною несогласія были американскія земли, такъ далеко отъ нея лежавшія, видѣла главнаго врага своего въ Фридрихѣ прусскомъ. Здѣсь, читатели мои, я разскажу нѣсколько обѣщанныхъ вамъ подробностей объ этомъ знаменитомъ государѣ. Люди, возвышающіеся надъ другими своими необыкновенными достоинствами, принадлежатъ не одному своему народу; не для однихъ пруссаковъ нужно знать все, что дѣлалъ хорошаго Фридрихъ II, — и другіе народы могутъ извлечь пользу изъ описанія славной жизни его.

Дѣтство Фридриха не было такъ счастливо и блистательно, какъ обыкновенно бываетъ дѣтство принца-наслѣдника престола. Отецъ его, король Фридрихъ-Вильгельмъ, будучи отъ природы весьма суроваго нрава, обходился съ нимъ, съ самаго малолѣтства, неласково, и даже явно показывалъ болѣе любви къ брату его, второму сыну своему, принцу Августу-Вильгельму. Не находя никогда удовольствія въ занятіи науками и даже чувствуя отвращеніе ко всему, что только походило на ученость, король вовсе не считалъ нужнымъ дать отличное образованіе своимъ дѣтямъ, и Фридрихъ обязанъ былъ самому себѣ всѣмъ тѣмъ,

что сдѣлалъ онъ впослѣдствіи, какъ просвѣщеннѣйшій человѣкъ и знаменитый писатель своего вѣка.

Поставленный въ такія обстоятельства при самомъ началѣ жизни, Фридрихъ не могъ быть счастливымъ, не могъ быть даже довольнымъ въ отечествѣ, и потому неудивительно, что желалъ отправиться въ путешествіе по чужимъ краямъ. Необыкновенный умъ и наблюдательность его оправдывали въ полной мѣрѣ это желаніе. Не соединяя съ этимъ намѣреніемъ ни одной дурной мысли, онъ откровенно сказалъ о немъ отцу и сдѣлалъ положеніе свое вдвое тягостнѣе: королю не понравилось желаніе его и суровый отказъ былъ отвѣтомъ на просьбу сына. Когда же принцъ, увлеченный пылкимъ нравомъ своимъ, вздумалъ настаивать и говорилъ даже нѣкоторымъ изъ друзей своихъ, что онъ непремѣнно поѣдетъ, король заключилъ его въ крѣпость Кистринъ, гдѣ Фридрихъ пробылъ болѣе восьми мѣсяцевъ. Не подумайте однакожъ, друзья мои, чтобы онъ, находясь въ скучномъ затворничествѣ, роптать на отца или на судьбу свою. Нѣтъ, напротивъ того, онъ скоро почувствовалъ, что самъ былъ виноватъ, и вмѣсто того, чтобы терять время въ напрасномъ огорченіи, онъ старался употребить его на то, чтобы вознаградить недостатокъ воспитанія своего, которое до тѣхъ поръ было совершенно военное: король, почитавшій званіе солдата выше всякаго другого, пріучалъ его только къ перенесенію трудностей войны и не заботился ни о чемъ другомъ. Фридрихъ, не смотря на свое довольно слабое сложеніе, былъ здоровъ и крѣпокъ, благодаря безпрестаннымъ тѣлеснымъ упражненіямъ, предписаннымъ его родителемъ; любилъ точность и порядокъ во всемъ, ненавидѣлъ праздность и забавы, но не имѣлъ ни досуга, ни позволенія отъ короля заниматься науками, страстно имъ любимыми. Это позволеніе дано было ему только въ Кистринѣ, и принцъ позабылъ, что онъ въ заключеніи; съ восторгомъ предался онъ своимъ любимымъ склонностямъ, читалъ всѣхъ лучшихъ писателей того времени, сочинялъ самъ, и когда, по окончаніи ареста, возвратился въ Берлинъ, всѣ удивились познаніямъ, пріобрѣтеннымъ имъ въ такое короткое время. Образованность ума внушила ему еще болѣе почтительности къ отцу, и съ того

времени до самой кончины короля, случившейся въ 1740 году, уже не было между ними никакихъ неудовольствій. На двадцать-восьмомъ году своего возраста Фридрихъ II вступилъ на престолъ, стало быть рожденіе его было въ 1712 году. Петръ Великій былъ крестнымъ отцомъ Фридриха II и, узнавъ это, тѣмъ досаднѣе слышать, что этотъ крестникъ былъ во враждѣ съ дочерью своего знаменитаго воспріемника, которая въ 1756 году съ удовольствіемъ присоединилась къ числу жесточайшихъ враговъ его и даже поклялась никогда не мириться съ нимъ. Не обстоятельства постороннія и не старанія Австріи навлекли на Фридриха такое сильное негодованіе Елисаветы Петровны. Нѣтъ! Онъ самъ виноватъ былъ въ этомъ: увлекаемый острымъ умомъ своимъ и живостію нрава, онъ часто имѣлъ привычку шутить и насмѣхаться и даже описывать въ смѣшныхъ стихахъ тѣхъ людей, которые ему не нравились, или на кого онъ сердился. Такъ, не одинъ разъ случалось, что въ минуту досады онъ неосторожно говорилъ и писалъ о непріятельницахъ своихъ, императрицахъ русской и австрійской. Слова и сочиненія его доходили до нихъ и были первою причиною несогласій между тремя дворами. Это несогласіе впослѣдствіи увеличилось еще болѣе между Россіей и Пруссіей и произвело войну, о подробностяхъ которой вы узнаете изъ слѣдующаго разсказа.

ВОЙНА СЪ ПРУССІЕЙ И КОНЧИНА ИМПЕРАТРИЦЫ.

отъ 1756 до 1762 года.

(6 лѣтъ).

Слава короля Фридриха и храбрость, которою всегда отличалось войско, находившееся подъ его начальствомъ, представляли много опасностей для всякаго народа, начинавшаго съ нимъ войну, и потому Елисавета Петровна, отправляя въ Пруссію войско свое, долго размышляла о томъ, кому поручить начальство надъ нимъ. Выборъ былъ тѣмъ труднѣе, что двое изъ опытнѣйшихъ пол-

ководцевъ ея, графъ Румянцовъ и фельдмаршалъ Ласси, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ скончались. Между тѣмъ въ 1756 году четыре новые генерала удостоились получить званіе фельдмаршаловъ. Это были: князь *Трубецкой*, графы *Разумовскій*, *Бутурлинъ* и *Апраксинъ*. Императрица избрала послѣдняго, и въ 1757 году война съ Пруссіей началась съ самымъ счастливымъ успѣхомъ: 19-го августа одержалъ Апраксинъ при деревнѣ Гросъ-Егерсдорфѣ блестящую побѣду надъ пруссаками, о славѣ которыхъ такъ много говорила въ то время вся Европа. Русскіе, съ восторгомъ услышавшіе объ этой побѣдѣ, вскорѣ потомъ были чрезвычайно удивлены поступками фельдмаршала: онъ не только не воспользовался своимъ успѣхомъ и не погнался за бѣжавшимъ отъ него непріятелемъ, но даже вышелъ изъ завоеванныхъ областей Пруссіи. Ни русскіе, ни пруссаки не понимали сначала, что это значило, и только чрезъ нѣсколько времени узнали о причинахъ, по которымъ Апраксинъ поступалъ такъ странно. Вотъ онѣ.

Великій князь Петръ Ѳеодоровичъ не всѣми былъ любимъ при дворѣ: многіе вельможи, не смотря на давно принятую имъ вѣру греческую, не считали его совершенно русскимъ княземъ и все еще видѣли въ немъ иностраннаго принца, особливо въ то время, когда онъ слишкомъ явно показывалъ пристрастіе свое ко всему, что̀ только имѣло какое нибудь отношеніе къ королю Фридриху II. Надобно сказать читателямъ моимъ, что Петръ Ѳеодоровичъ чувствовалъ такое чрезвычайное уваженіе къ достоинствамъ этого государя, что не только восхищался каждымъ поступкомъ его, но даже открыто говорилъ о своемъ желаніи подражать ему во всемъ. Это не могло нравиться русскимъ, привыкшимъ въ продолженіе всего царствованія Елисаветы Петровны видѣть въ Фридрихѣ непріятеля отечества ихъ. Но великій князь не обращалъ вниманія на ропотъ недовольныхъ, не думалъ даже о томъ, что сама императрица болѣе всѣхъ ненавидѣла Фридриха, и продолжалъ неосторожною откровенностію своею увеличивать число враговъ своихъ. Сильнѣйшимъ между ними былъ канцлеръ графъ Бестужевъ, который

такъ не любилъ великаго князя, что доносилъ на него императрицѣ и даже старался о томъ, чтобы онъ удаленъ былъ отъ престола. Но, прежде нежели Бестужевъ успѣлъ въ своихъ дерзкихъ намѣреніяхъ, императрица вдругъ занемогла. Болѣзнь ея вскорѣ сдѣлалась такъ опасною, что не оставалось никакой надежды на выздоровленіе. Всѣ при дворѣ погружены были въ глубокую горесть, но болѣе всѣхъ канцлеръ. Судьба угрожала ему не только потерею государыни-благодѣтельницы, но и гнѣвомъ наслѣдника ея, такъ жестоко оскорбленнаго имъ. Въ то время, какъ онъ печально размышлялъ о затруднительномъ положеніи своемъ, получается извѣстіе о побѣдѣ Апраксина при Гросъ-Егерсдорфѣ. Апраксинъ былъ другъ и повѣренный его. Отправляясь въ походъ, онъ получилъ отъ канцлера повелѣніе государыни стараться всѣми силами побѣдить Фридриха. Удачное начало восхищало фельдмаршала и потому съ радостію спѣшилъ онъ увѣдомить друга и покровителя своего о побѣдѣ. Но мысли графа Бестужева были теперь совсѣмъ другія: не придумавъ еще никакого средства загладить вины свои предъ наслѣдникомъ, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, воспользоваться первымъ случаемъ, чтобъ угодить ему, и въ тотъ же день отправлено было графу Апраксину приказаніе перемѣнить расположеніе свое къ Фридриху и не только не нападать болѣе на его владѣнія, но даже оставить и завоеванныя уже области. И такъ, милые читатели мои, теперь вы знаете причины, по которымъ такъ странно дѣйствовалъ Апраксинъ въ Пруссіи. Но какъ жестоко ошибся въ разсчетѣ своемъ канцлеръ! Здоровье императрицы, противъ ожиданія всѣхъ, поправилось. Негодованіе ея было чрезвычайно, когда она узнала о томъ, что сдѣлалъ фельдмаршалъ. Вовсе не подозрѣвая, чтобы въ этомъ дѣлѣ виновенъ былъ и канцлеръ, пользовавшійся величайшею довѣренностію при дворѣ, государыня сначала наказала только одного Апраксина, но черезъ полгода потомъ, когда комиссія, производившая слѣдствіе надъ фельдмаршаломъ, открыла всѣ подробности дѣла, и графъ Бестужевъ подвергся строгому наказанію: онъ лишенъ былъ всѣхъ чи-

новъ, должностей и орденовъ и сосланъ навсегда въ одну изъ деревень своихъ.

Между тѣмъ мѣсто Апраксина въ арміи заступилъ генералъ *Ферморъ.* Онъ не имѣлъ значительныхъ успѣховъ въ сраженіяхъ съ Фридрихомъ, хотя въ началѣ своего вступленія въ должность главнокомандующаго и взялъ городъ Кенигсбергъ и крѣпость Кистринъ. Но за то принявшій послѣ него начальство надъ русскими войсками фельдмаршалъ графъ *Салтыковъ* и начальникъ союзнаго австрійскаго войска баронъ *Лаудонъ* своими искусными распоряженіями и храбростію довели знаменитаго короля прусскаго до того, что въ сраженіи при Куннерсдорфѣ, въ іюлѣ 1759 года, онъ, съ отчаяніемъ смотря на свою разбитую и бѣжавшую армію, восклицалъ: «*Неужели ни одно ядро не поразитъ меня!*» И говоря это, онъ нарочно бросался въ мѣста самыя опасныя до тѣхъ поръ, пока адъютанты его, замѣтивъ русскій сильный отрядъ, скакавшій прямо на него, не рѣшились взять за повода лошадь его и увлечь его съ поля сраженія. Эта битва, гдѣ русскіе показали самымъ блистательнымъ образомъ свою храбрость, надолго оставалась въ памяти ихъ и пруссаковъ и можетъ быть рѣшила бы тогда же судьбу войны, еслибы австрійцы съ прежнимъ жаромъ продолжали участвовать въ ней; но, неизвѣстно по какимъ причинамъ, графъ Салтыковъ видѣлъ въ главнокомандующемъ ихъ съ каждымъ днемъ менѣе и менѣе усердія. Можетъ быть это происходило отъ неудовольствія, какое не могли не чувствовать австрійцы, видя, что во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходили они вмѣстѣ съ русскими войсками, жители отдавали преимущество послѣднимъ не только въ отношеніи славы ихъ, но даже и въ отношеніи поступковъ ихъ съ городами завоеванными. Напримѣръ, при взятіи въ 1760 г. Берлина, всѣ жаловались на поведеніе австрійскихъ солдатъ, которые, не смотря на запрещеніе своего начальника, грабили безъ всякой жалости несчастную столицу пруссаковъ, въ то время, когда русскіе не только отличались великодушіемъ и покорностію къ своимъ начальникамъ, но даже, по просьбѣ берлинцевъ, получили приказаніе отъ своего фельдмаршала остановить своевольства союзниковъ.

При этомъ случаѣ одинъ изъ русскихъ генераловъ, защищавшій отъ дерзкихъ нападеній Потсдамъ, сохранилъ отъ разграбленія сокровища этого прекраснаго загороднаго дворца королей прусскихъ. За то иностранные писатели того времени съ удивленіемъ и благодарностью говорили, что имя *варваровъ Сѣвера*, которымъ тогда еще называли русскихъ, совершенно несправедливо приписывается народу доброму и великодушному.

Несогласіе между главнокомандующими русскимъ и австрійскимъ продолжались и тогда, когда уже графъ Салтыковъ, по причинѣ болѣзни своей, сдалъ начальство надъ арміею фельдмаршалу графу Бутурлину. Но этихъ несогласій не довольно было, чтобъ доставить побѣду Фридриху, потому что если отъ нихъ терялись успѣхи той части союзнаго войска, которою распоряжались оба предводителя, за то другая часть его, состоявшая изъ однихъ русскихъ и ввѣренныхъ начальству графа Румянцева, отличалась чудесами храбрости въ Помераніи, гдѣ ей поручено было взять крѣпость Кольбергъ. Здѣсь-то въ первый разъ является свѣту имя знаменитѣйшаго изъ воиновъ русскихъ—*Суворова*, о которомъ вы, милые читатели мои, услышите впослѣдствіи много прекраснаго и чрезвычайнаго. Въ это время онъ былъ еще только подполковникомъ, но дѣла его уже въ полной мѣрѣ показывали, какого великаго полководца посылало въ немъ небо Россіи.

Крѣпость Кольбергъ не могла долго противиться и 4 декабря 1761 года сдалась. Русскіе вмѣстѣ съ нею взяли 2,903 человѣка плѣнныхъ и 146 пушекъ. Такая важная побѣда обѣщала имъ новые блестящіе успѣхи въ войнѣ съ Пруссіею, какъ вдругъ все перемѣнилось: въ арміи получено было извѣстіе о кончинѣ императрицы Елисаветы Петровны и съ тѣмъ вмѣстѣ повелѣніе новаго императора прекратить всѣ непріятельскія дѣйствія противъ короля прусскаго. 25-го декабря, въ самый день Рождества Христова, скончалась эта государыня отъ жестокихъ припадковъ падучей болѣзни, усилившихся съ лѣта 1761 года. Многіе изъ современниковъ императрицы полагали, что война съ Пруссіею имѣла сильное вліяніе на ея здоровье. Такое мнѣніе очень вѣроятно, потому что набожная госуда-

рыня часто посреди жестокихъ страданій своихъ въ последнее время съ горестію сознавалась, что мысль о прусской войнѣ, стоившей Россіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ около 300,000 человѣкъ, тревожила ея сердце. Исполненная самыми благочестивыми чувствованіями, она переносила съ удивительною твердостію мучительную болѣзнь свою.

Русскіе называли царствованіе Елисаветы Петровны счастливымъ, еще болѣе—называли его *золотымъ вѣкомъ* Россіи. И это было справедливо: она царствовала послѣ ужасныхъ лѣтъ владычества Бирона, и царствовала съ материнскою любовью къ подданнымъ. Кромѣ того, царствованіе ея можно было по справедливости назвать счастливымъ и по тому блистательному успѣху, которымъ всегда оканчивались не только дѣла, но даже намѣренія и желанія ея. Удачное исполненіе важнѣйшихъ изъ нихъ уже извѣстно читателямъ моимъ изъ всѣхъ разсказовъ нашихъ о ея царствованіи, но сколько было еще такихъ, которыя, не будучи важными, имѣли также много вліянія на тогдашнее состояніе русскихъ. Напримѣръ, она любила науки и изящныя искусства и желала, чтобы подданные ея занимались ими, чтобы у нихъ были люди, которые поощряли бы ихъ къ этимъ занятіямъ, подавали бы имъ примѣръ, какъ преодолѣвать трудности, соединенныя съ ними, и при ней явился геній, которому опредѣлено показывать путь ко всему изящному умамъ обыкновеннымъ, при ней явился первый великій поэтъ Россіи—*Ломоносовъ*. Блестящее явленіе было такъ удивительно и имѣло такія важныя послѣдствія для ученаго и литературнаго міра Россіи, что маленькіе друзья мои вѣрно не будутъ досадовать, если мы сдѣлаемъ небольшое отступленіе отъ описанія царственной жизни Елисаветы и разскажемъ нѣсколько подробностей о судьбѣ этого необыкновеннаго человѣка. Впрочемъ, это почти не будетъ отступленіемъ: мы говорили о намѣреніяхъ и желаніяхъ императрицы, а многія изъ нихъ были приведены въ исполненіе Ломоносовымъ.

Деревнѣ Денисовской, лежащей въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Холмогоръ, маленькаго городка Архангельской губерніи, принадлежитъ честь быть мѣстомъ рожденія пер-

ваго поэта русскаго. Отецъ его, *Василій Ломоносовъ*, былъ простой крестьянинъ, занимавшійся рыбнымъ промысломъ. Правду сказать, Василій былъ умнѣе другихъ рыбаковъ, своихъ товарищей: однажды онъ вздумалъ построить галіотъ, т. е. родъ небольшого корабля, о постройкѣ котораго земляки его вовсе не имѣли понятія, и сдѣлалъ это такъ удачно, что съ того времени началъ ѣздить для промысла своего даже до морей Бѣлаго и Сѣвернаго. Эти поѣздки съ каждымъ годомъ подавали ему болѣе и болѣе надежды нажить современемъ порядочное состояніе. Въ такихъ обстоятельствахъ былъ умный и дѣятельный Василій въ 1711 году, когда у него родился сынъ *Михаилъ*. Добрый рыбакъ радовался рожденію его, думая видѣть въ немъ наслѣдника будущаго небольшого богатства своего, но ошибся: маленькій сынъ его росъ совсѣмъ не наслѣдникомъ ему, и когда, десятилѣтняго, отецъ взялъ его съ собою въ одну изъ поѣздокъ своихъ на ловлю, Михайло не по-дѣтски, не по-крестьянски любовался прекраснымъ, необозримымъ видомъ моря и небесъ, которыя казались такъ обыкновенны и отцу его, и всѣмъ спутникамъ ихъ. Многіе изъ нихъ даже смѣялись надъ мальчикомъ, когда онъ молча смотрѣлъ почти по цѣлымъ часамъ на тихую поверхность воды, на отражавшіяся въ ней облака, на лучи солнца, съ такимъ блескомъ игравшіе въ ней. Но малютка еще болѣе любилъ то время, когда прелестная картина спокойствія моря перемѣнялась и по гладкой равнинѣ его начала разыгрываться буря. Какъ радовался Миша, что увидитъ теперь и бѣлыя волны на морѣ, и свѣтлую молнію въ темныхъ тучахъ; что услышитъ свистъ вѣтра, перекаты грома! И въ ударахъ грома, и въ свистѣ вѣтра, и въ шумѣ волнъ ему слышалось что-то особенное, что-то такое, чего онъ не понималъ дѣтскимъ, необразованнымъ умомъ своимъ, но что какъ будто чувствовалъ душою. Это чувство, развиваясь въ немъ съ каждымъ годомъ болѣе, обратилось наконецъ въ непреодолимое желаніе узнать ближе чудеса природы, восхищавшія его на дикой его родинѣ, узнать причины и этого вѣчно стройнаго движенія солнца, и этой неподражаемой красоты небесъ, возвышаемой въ странахъ холодныхъ прекрасными

сѣверными сіяніями, и великолѣпной необозримости морей, наконецъ узнать лучше и совершеннѣе то могущественное Существо, Которое съ такимъ величіемъ образовало всѣ созданныя имъ творенія. Никто въ деревнѣ Денисовской и даже въ городѣ Холмогорахъ не могъ удовлетворить это необыкновенное въ быту крестьянскомъ желаніе пламеннаго сердца молодого Михайла. Напрасно спрашивалъ онъ людей грамотныхъ: одинъ изъ нихъ, приходскій дьячокъ, научилъ его только читать; но съ однимъ чтеніемъ многому ли научишься, особливо въ такомъ мѣстѣ, гдѣ и читать нечего? Михайло вскорѣ сдѣлался лучшимъ чтецомъ за обѣднями и заутренями, прочиталъ въ досужные часы всѣ книги, какія были въ церкви, и все не былъ доволенъ своею ученостью и просилъ у учителя своего какихъ нибудь другихъ, свѣтскихъ книгъ, но, къ величайшему сожалѣнію своему, узналъ, что на русскомъ языкѣ трудно найти другія книги, кромѣ духовныхъ, и что на латинскомъ есть всякія книги, а этому языку можно научиться только въ Москвѣ, Кіевѣ и Петербургѣ, гдѣ заведены для того училища.

Грустно было Михайлѣ слышать это. И Москва, и Кіевъ, и Петербургъ далеко, очень далеко отъ Холмогоръ. А ему хоть бы взглянуть только на рѣдкія книги! Судьба на этотъ разъ была очень благосклонна къ нему: въ домѣ одного богатаго холмогорскаго жителя Христофора Дудина онъ увидѣлъ—не духовныя, но гражданскія книги, и восторгъ его былъ неописанъ. Но какъ бы вы думали, какія были эти книги? Старинная славянская грамматика и ариѳметика, напечатанная при Петрѣ Великомъ для морскихъ учениковъ! При всемъ томъ онѣ показались молодому Ломоносову такъ занимательны, что онъ выпросилъ ихъ себѣ у Дудина, какъ драгоцѣнность, и съ тѣхъ поръ читалъ ихъ безпрестанно и съ такимъ вниманіемъ, что въ скоромъ времени выучилъ наизусть каждую страницу. Но могли ли и эти книги удовольствовать его страсть къ ученью? Нѣтъ, напротивъ того, малыя понятія, какія онъ получилъ изъ нихъ, воспламенили его еще болѣе и еще сильнѣе возбудили въ немъ желаніе узнать прославляемый учителемъ его латинскій языкъ, на которомъ писались всѣ книги.

Какъ сладкая мечта мелькала иногда въ головѣ будущаго поэта мысль увидѣть счастливую Москву, гдѣ были латинскія училища. Но какъ сдѣлать это? Нельзя было и думать, чтобы отецъ-крестьянинъ согласился отпустить единственнаго сына своего въ такую даль и за такимъ дѣломъ, которое не могло казаться ему иначе, какъ ненужнымъ и даже пустымъ. И безъ того доброму Василію не нравилось вѣчное занятіе сына съ книгами Дудина, особливо, когда вторая жена его, уже мачиха Михайлы, съ досадою нашептывала ему, что изъ молодого пасынка ея не будетъ пути, что онъ за книгами часто забываетъ нужную работу. Послѣ того, какъ приступить къ отцу съ просьбою, которой онъ вовсе не могъ ожидать? Но непреодолимая страсть придала мужество молодому человѣку: онъ рѣшился хотя намекнуть о путешествіи своемъ и съ перваго же слова отца потерялъ всю надежду на успѣхъ. Въ этой безнадежности прожилъ онъ до семнадцатилѣтняго возраста своего. Тутъ терпѣніе его истощилось, жизнь сдѣлалась еще грустнѣе отъ увеличившейся ненависти мачихи и доведенной до крайности; но болѣе нежели прежде увѣренный въ силахъ своихъ, онъ рѣшился бѣжать изъ дома родительскаго и пѣшкомъ дойти до Москвы. Но съ какими трудностями соединился этотъ побѣгъ! Надобно было найти товарищей, которые бы знали и дорогу въ Москву, и самую Москву, потому что Михайло зналъ все это такъ же мало, какъ пятилѣтній ребенокъ. Къ счастію, къ отцу его каждую зиму пріѣзжали московскіе торговцы за покупкою рыбы. На нихъ-то надѣялся онъ; ихъ-то съ нетерпѣніемъ ожидалъ цѣлое лѣто и цѣлую осень 1728 года. Наконецъ настала зима, московцы пріѣхали, закупили все, что для нихъ было нужно, и уже собрались ѣхать домой. Вотъ они и уѣхали, и, спустя день послѣ ихъ отъѣзда, въ зимнюю холодную ночь, пустился за ними и молодой Ломоносовъ. Горько было ему оставить добраго отца, и оставить какъ преступнику, безъ его согласія, безъ его благословенія. Но онъ надѣялся возвратиться къ нему современемъ съ честью, надѣялся утѣшить старость его своими успѣхами въ ученомъ свѣтѣ, и эта надежда помогла ему перенесть тяжкую минуту разлуки.

О! еслибы вы знали, друзья мои, сколько трудовъ, сколько испытаній ожидало молодого бѣглеца съ первымъ шагомъ его изъ дома родительскаго! Началось съ того, что едва черезъ цѣлыя сутки не ходьбы, но почти бѣга, нагналъ онъ обозъ московскій, уже въ семидесяти верстахъ отъ Холмогоръ; потомъ едва умолилъ главнаго приказчика взять его съ собою; наконецъ, вышедъ изъ дома безъ куска хлѣба, безъ копѣйки денегъ, съ однимъ богатствомъ своимъ—двумя книгами Дудина—онъ едва не умеръ отъ голода, и всю дорогу до Москвы ѣлъ то, чѣмъ изъ милости кормили его обозные извозчики и не слишкомъ щедрый хозяинъ ихъ. А сколько непріятностей ожидало его въ самой Москвѣ! Какъ часто, даже и тогда, когда уже онъ, по старанію одного добраго монаха, помѣщенъ былъ ученикомъ въ Заиконоспасскую академію, терпѣлъ онъ голодъ и всякую нужду! Казенный воспитанникъ получалъ въ то время алтынъ, т. е. *три копѣйки* въ день. Изъ этой малой суммы Ломоносовъ употреблялъ денежку на хлѣбъ, денежку на квасъ, а остальное на бумагу и всѣ нужныя для него вещи. Даже и платья не давалось отъ казны, всѣ ученики получали его отъ своихъ родственниковъ; у Ломоносова же ихъ не было, и такъ онъ часто ходилъ въ лохмотьяхъ. Но онъ не замѣчалъ ихъ, онъ немного смотрѣлъ даже и на великолѣпіе Москвы: во все время своего ученья тамъ, классы и книги составляли для него міръ, въ которомъ онъ блаженствовалъ. И за то какъ быстры, какъ велики были успѣхи его, не смотря на все стѣсненіе, какимъ тогдашній способъ ученья ограничивалъ эти успѣхи. Чтобы вы имѣли понятіе объ этомъ, милые читатели мои, стоитъ только разсказать вамъ одинъ случай. Ломоносовъ, будучи въ грамматическомъ классѣ, скоро выучилъ всѣ правила этимологіи латинскаго языка и просилъ позволенія учить синтаксисъ. Учитель его, іеромонахъ Конашевскій, сдѣлалъ ему выговоръ за нетерпѣніе и приказалъ ему заниматься одною этимологіей. Необыкновенный ученикъ повиновался по наружности, но въ то же время тайно и безъ всякой посторонней помощи училъ синтаксисъ и зналъ его безошибочно къ первому экзамену. Но что-жъ? Когда онъ просилъ экзаменовать

его въ этомъ предметѣ, его не только не спросили, но даже наказали за нетерпѣливость и непослушаніе: онъ просидѣлъ двое сутокъ въ *темной* комнатѣ и съ тѣхъ поръ скрывалъ отъ неумолимыхъ учителей своихъ то, что зналъ лишняго противъ приказаній ихъ.

Въ шесть лѣтъ такого медленнаго ученья онъ изучилъ все, что знали его наставники, и особенно языки латинскій и греческій, такъ хорошо, что даже иногда писалъ на нихъ стихи. Въ 1735 году въ Петербургскую Академію Наукъ требовали изъ Заиконоспасской нѣсколько отличныхъ семинаристовъ для продолженія курса физики и математики у петербургскихъ профессоровъ. Первый выборъ, безъ всякаго сомнѣнія, палъ на Ломоносова,—и кто опишетъ восторгъ его, когда онъ узналъ о томъ! Курсы ученья въ Заиконоспасскомъ монастырѣ и въ Кіевской духовной академіи были уже давно имъ кончены, и посреди этой бездѣйственности, мучительной для генія, онъ вдругъ, по собственнымъ заслугамъ своимъ, удостоивался чести учиться у людей умнѣйшихъ во всей Россіи!

То же неутомимое прилежаніе, которымъ славился онъ въ академіи Московской, отличало его и въ Петербургской, и до такой степени, что чрезъ нѣсколько времени онъ посланъ былъ на казенный счетъ въ Германію усовершенствоваться въ философіи, химіи и горномъ дѣлѣ: эти три науки были его любимыми предметами. Въ городѣ Марбургѣ, у знаменитаго профессора Вольфа, началось новое образованіе перваго русскаго ученаго, котораго великія способности вскорѣ сдѣлались извѣстны нѣмецкимъ профессорамъ. Онъ провелъ въ Германіи нѣсколько лѣтъ, и здѣсь-то въ 1738 году открылось въ полной мѣрѣ поэтическое дарованіе его: онъ написалъ русскіе стихи на славную побѣду графа Миниха при Хотинѣ, во время продолжавшейся тогда войны съ Турціей. Надобно сказать вамъ, читатели мои, что написать въ то время стихи значило совсѣмъ не то, что значитъ теперь написать ихъ: тогда русскій языкъ еще не былъ такъ обработанъ, чтобъ могли быть введены въ него разныя мѣры стихосложенія, и если кто нибудь изъ людей ученыхъ отваживался быть поэтомъ, то стихи его были просто набранныя строки, безъ всякаго

правильнаго размѣра слоговъ, совершенно необходимаго при всякомъ стихотвореніи. Ломоносовъ первый показалъ соотечественникамъ своимъ это, и его стихи на взятіе Хотина были удивительнымъ, неслыханнымъ произведеніемъ того времени. За то сколько и шума сдѣлали они не только между учеными и литераторами, но даже и при дворѣ! Императрица Анна Іоанновна получила ихъ отъ президента Академіи Наукъ, барона Корфа, съ гордостію представлявшаго государынѣ удивительное произведеніе ученика Академіи. Вѣрно многіе изъ читателей полюбопытствуютъ прочитать хотя нѣсколько строкъ изъ этихъ столь прославленныхъ тогда стиховъ, и потому мы представляемъ здѣсь два первыхъ куплета ихъ:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,
Въ долинѣ тишина глубокой,
Внимая нѣчто ключъ молчитъ,
Который завсегда журчитъ,
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится;
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы,
Далече дымъ въ поляхъ курится.

Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сестръ музыку,
Пермесскимъ жаромъ я горю,
Теку поспѣшно къ оныхъ лику.
Врачебной дали мнѣ воды:
Испей и всѣ забудь труды;
Умой росой кастальской очи,
Чрезъ степь и горы взоръ простру,
И духъ свой къ тѣмъ странамъ вперю,
Гдѣ всходитъ день по темной ночи.

Вамъ, молодые читатели мои, конечно, можетъ быть не совсѣмъ понравятся эти стихи, но императрица восхищалась ими, приказала отпечатать нѣсколько экземпляровъ и раздала ихъ самымъ приближеннымъ къ себѣ особамъ на одномъ изъ пышныхъ собраній двора. Но поэтъ ничего не зналъ о торжествѣ своемъ: онъ жилъ въ это время въ Германіи и уже не въ прежнемъ счастливомъ однѣми науками положеніи, но жилъ въ бѣдности, кото-

рую навлекъ на себя знакомствомъ съ нѣкоторыми изъ нѣмецкихъ студентовъ и раннею женитьбою на молодой дѣвушкѣ, хотя очень доброй и умной, но не имѣвшей никакого состоянія. Бѣдность его вскорѣ дошла до того, что онъ долженъ былъ оставить въ Германіи и всѣ ученыя занятія свои, и жену свою, и бѣжать отъ долговъ въ Россію. Дорогою онъ едва не былъ завербованъ въ число прусскихъ гусаръ [1]), но успѣлъ счастливо убѣжать отъ нихъ и достигъ наконецъ до Петербурга, въ первый годъ царствованія императрицы Елисаветы. Наконецъ только эта государыня, отличавшаяся просвѣщеннымъ умомъ и прекраснымъ вкусомъ, оцѣнила въ полной мѣрѣ геній великаго подданнаго своего и устроила его колебавшуюся, такъ долго ненадежную судьбу. Но здѣсь надобно отдать справедливость и тѣмъ достойнымъ лицамъ въ исторіи нашей, которыя представили императрицѣ и молодого поэта, и жалкое положеніе его. Это были вельможи, всегда отличавшіеся любовью къ наукамъ и искусствамъ, это были *Шуваловы*. Покровительству ихъ обязанъ былъ Ломоносовъ и тѣмъ, что необыкновенный умъ и обширная ученость его были узнаны и признаны, и тѣмъ, что легкіе проступки его молодости были забыты, и тѣмъ, что враги его, эти неизбѣжные спутники отличныхъ дарованій, начали менѣе вредить ему: однимъ словомъ, обязанъ былъ совершенно новою жизнію. Получивъ мѣсто адъюнкта, потомъ профессора Академіи, онъ имѣлъ уже достаточное жалованье, чтобы существовать безъ нужды не только

[1]) Большая часть читателей моихъ вѣрно не знаютъ слова: *вербовать?* Вотъ что значитъ оно: въ Пруссіи не набирали въ то время рекрутъ такъ, какъ набираютъ ихъ у насъ, но дѣлали это слѣдующимъ образомъ: выбирали нѣсколькихъ бойкихъ человѣкъ солдатъ и отправляли ихъ съ старшимъ вахмистромъ или унтеръ-офицеромъ ходить по деревнямъ и городкамъ, и стараться заманивать ласками и обѣщаніями, а чаще обманомъ и деньгами, молодыхъ людей въ службу королевскую. Такъ попался къ нимъ и нашъ Ломоносовъ. Убѣжавъ изъ Марбурга, онъ два дня ходилъ по лѣсамъ безъ всякой пищи и наконецъ въ одномъ постояломъ дворѣ встрѣтился съ отрядомъ вербовщиковъ, не имѣя о нихъ никакого понятія. Они угостили его, и когда бѣдный молодой человѣкъ заснулъ, нашили ему красный воротникъ на кафтанъ, положили въ карманъ нѣсколько серебряныхъ денегъ и проснувшагося поздравили солдатомъ его величества короля прусскаго. Счастіе, что Ломоносовъ нашелъ средство убѣжать отъ нихъ.

одному, но даже и съ женою, вскорѣ призванною имъ изъ Германіи. Кромѣ того, онъ получалъ часто богатые подарки за прекрасные стихи, которые писалъ на разные случаи, чаще всего по просьбѣ благодѣтелей своихъ, Шуваловыхъ. Вы, вѣрно, прочтете, друзья мои, эти стихи, достойно восхищавшіе въ то время русскихъ, такъ точно, какъ восхищаются они теперь стихами лучшихъ поэтовъ нашихъ. Между ними есть такіе, которые и до сихъ поръ еще читаются съ наслажденіемъ, не смотря на почти полтора вѣка, послѣ нихъ протекшіе, и на быстрые успѣхи языка нашего. Напримѣръ, прочтите начало одной изъ его одъ на восшествіе на престолъ императрицы Елисаветы Петровны:

«Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.
Благословенное начало
Тебѣ, богиня, возсіяло,
И нашихъ искренность сердецъ
Предъ трономъ Вышняго пылаетъ.
Да счастіемъ твоимъ вѣнчаетъ
Его средину и конецъ».

Или окончаніе этой оды:

«Но если гордость ослѣпленна
Дерзнетъ на насъ воздвигнуть рогъ,
Тебѣ, въ женахъ благословенна,
Противъ ея помощникъ Богъ.
Онъ верхъ небесъ къ тебѣ преклонитъ,
И тучи страшныя нагонитъ
Во срѣтенье врагамъ твоимъ.
Лишь только ополчишься къ бою,
Предъидетъ ужасъ предъ тобою
И слѣдомъ воскурится дымъ».

Теперь не хотите ли прочесть, какъ въ наше время другой поэтъ описалъ въ четырехъ строкахъ судьбу и геній Ломоносова?

«Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря,
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ».

Нужно ли сказать, что эти строки—Пушкина?

Но продолжительность отступленія нашего напоминаетъ, что пора намъ разстаться съ первымъ поэтомъ нашимъ. Однакожъ, прежде нежели мы сдѣлаемъ это, надобно разсказать вамъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ дней его жизни. Это былъ день представленія его императрицѣ Елисаветѣ, которая, желая видѣть поэта, чтобы лично благодарить за одно изъ лучшихъ сочиненій его — *Похвальное слово* ей, сказанное въ торжественномъ собраніи Академіи 1749 года.

Въ первую минуту, когда Шуваловъ объявилъ Ломоносову объ этомъ милостивомъ желаніи, сердце его затрепетало отъ радости: оно такъ давно было исполнено живѣйшею благодарностію къ высокой покровительницѣ, такъ давно мечтало о счастіи излить лично предъ нею эту пламенную благодарность. Невозможно описать, что чувствовалъ онъ, сидя въ каретѣ вмѣстѣ съ добрымъ Шуваловымъ и несясь по дорогѣ къ Царскому Селу, гдѣ государыня проводила въ этотъ годъ лѣто. Какъ ни блистательно сіяла золотая кровля новаго дворца царскосельскаго, недавно построеннаго императрицею, какъ ни великолѣпно было все окружавшее это истинно-царское жилище Елисаветы, но Ломоносовъ не могъ ничѣмъ восхищаться, ни о чемъ думать, но весь погруженъ былъ въ одно чувство: въ счастіе представиться государынѣ. Столько же мало впечатлѣній произвели на него и безчисленныя богатства, украшавшія пышныя комнаты, по которымъ онъ шелъ до той, гдѣ, наконецъ, увидѣлъ царицу Сѣвера. Прекрасна и величественна явилась она поэту! Съ благоговѣніемъ устремилъ онъ восхищенные взоры свои на это прелестное лицо дочери могущественнаго, великаго генія Россіи. Пораженный какъ будто какимъ-то очарованіемъ, Ломоносовъ стоялъ безмолвенъ, неподвиженъ, а между тѣмъ императрица уже оставила работу, которою занималась, и съ привлекательною любезностію, составлявшею отличительнѣйшее свойство ея, сказала: «Я въ долгу у васъ, г. Ломоносовъ. Вы такъ хорошо умѣете хвалить меня, а я еще ни разу не поблагодарила васъ за это. Примите же теперь мое благоволеніе». И съ сими словами привѣтливая государыня подала ему руку.

Ломоносовъ въ неизъяснимомъ восторгѣ упалъ на колѣни и едва могъ выразить свою глубокую благодарность:

сердце его было слишкомъ полно, а это всегда мѣшаетъ быть краснорѣчивымъ. Елисавета понимала чувства его и, продолжая милостиво разговаривать съ нимъ, съ участіемъ разспрашивала о женѣ и дочери его, и незабвенный для поэта нашего разговоръ кончился такою царскою милостію, о какой онъ не могъ и воображать: государыня подарила ему помѣстье близь Петербурга, на берегу Финскаго залива. Оно называлось Коровалдай.

Осчастливленный такимъ лестнымъ благоволеніемъ, Ломоносовъ съ этого времени съ новымъ жаромъ принялся за многочисленные труды свои и по Академіи, и по тѣмъ порученіямъ, какія часто дѣлалъ ему знаменитый покровитель наукъ и художествъ, Шуваловъ. Такъ, въ 1754 году онъ просилъ его сдѣлать планъ для университета въ Москвѣ, и къ 1755 это высшее учебное заведеніе, этотъ памятникъ просвѣщенной государыни и двухъ главныхъ участниковъ его учрежденія—Шувалова и Ломоносова, уже было открыто. Это открытіе, столь важное для будущаго просвѣщенія Россіи, восхитило радостію сердце поэта.

Но, не смотря на все счастіе, которымъ, казалось, наслаждался Ломоносовъ, у него было много дней, самыхъ горестныхъ, самыхъ тяжелыхъ для сердца! Это были тѣ дни, въ которые онъ терпѣлъ отъ злобы людей, ненавидѣвшихъ его за дарованіе, такъ много возвышавшее его надъ ними. Къ числу такихъ, по несчастію, принадлежали даже нѣкоторые изъ членовъ Академіи, и всѣхъ болѣе секретарь ея, *Тредіаковскій*. Воображая себя также поэтомъ, онъ писалъ самые дурные стихи того времени, но все-таки ихъ читали и даже иногда находили хорошими, какъ вдругъ явился Ломоносовъ съ своею правильною, звучною поэзіей, и на стихи Тредіаковскаго посыпались насмѣшки. Онъ возненавидѣлъ новаго поэта, и эта ненависть дѣлала много вреда Ломоносову, потому что Тредіаковскій, будучи секретаремъ Академіи, имѣлъ вліяніе на членовъ ея и нерѣдко располагалъ ихъ противъ Ломоносова.

Но величайшее зло состояло въ томъ, что пламенное сердце поэта было слишкомъ чувствительно къ незаслуженнымъ оскорбленіямъ и непріятнымъ слѣдствіямъ не-

согласія между академиками, которое чрезвычайно вредило распространенію просвѣщенія въ Россіи, просвѣщенія, столь драгоцѣннаго для Ломоносова. Досадуя на это, онъ чувствовалъ такое огорченіе, въ которомъ не могли утѣшить его благородные защитники его, Шуваловы. Какъ часто съ истинною печалью онъ говорилъ имъ: «Ахъ! какъ много могъ бы я сдѣлать въ моемъ званіи профессора и члена Академіи, и какъ мало мои товарищи даютъ мнѣ волю дѣлать!» Знаменитые покровители утѣшали его, сколько могли, и иногда помогали его непріятнымъ обстоятельствамъ, и когда нельзя было помочь, совѣтывали имѣть болѣе терпѣнія и ждать всего отъ времени.

Кромѣ обширныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ по всѣмъ частямъ наукъ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ, царствованіе Елисаветы Петровны отличалось счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ и въ другихъ отношеніяхъ.

При ней образовался первый истинно-русскій театръ: нѣсколько человѣкъ изъ самаго простого званія, но съ рѣдкими дарованіями, сошлись въ Ярославлѣ, и безъ всякаго ученія, по одной собственной охотѣ, играли между собою разныя пьесы. Удачныя представленія подали мысль одному изъ нихъ, купеческому сыну Ѳеодору Волкову сдѣлать домашній театръ ихъ пообширнѣе и открыть его за деньги для всѣхъ жителей Ярославля. Такъ начался первый вольный театръ русскій. Слухъ о дарованіяхъ новыхъ актеровъ вскорѣ дошелъ до императрицы, и она желала видѣть ихъ. Вся труппа привезена была въ Петербургъ и до того восхитила представленіями своимъ высокую покровительницу изящныхъ искусствъ, что въ 1756 году составленъ былъ придворный русскій театръ и счастливые ярославцы заняли мѣста лучшихъ актеровъ. Изъ нихъ впослѣдствіи особенно прославился знаменитый трагикъ *Дмитревскій*. Директоръ этого театра былъ *Александръ Петровичъ Сумароковъ*, сочинявшій первыя трагедіи и комедіи русскія. Дѣлая во всемъ быстрые успѣхи, соотечественники наши имѣли уже въ это время и повременное изданіе или журналъ. Онъ назывался «*Ежемѣсячныя сочиненія*» и издавался академикомъ Миллеромъ.

Къ счастливѣйшимъ же происшествіямъ царствованія Елисаветы принадлежитъ увеличеніе отечества нашего цѣлою новою областію, извѣстною до сихъ поръ подъ названіемъ *Новороссійской*. Вотъ какъ она составилась на югѣ отечества нашего. Въ грозное правленіе императрицы Анны и герцога Бирона множество русскихъ семействъ бѣжало заграницу. При Елисаветѣ же, кроткой и милосердой, не только они всѣ возвратились, но вслѣдъ за ними перешли въ Россію и многіе иностранцы, въ особенности сербы, народъ, происходившій такъ же, какъ и русскіе, отъ славянскаго племени. Правительство наше поселило ихъ въ степяхъ южной Россіи и назвало новороссіянами.

Такъ все блистало счастіемъ, все увѣнчано было успѣхомъ въ двадцатилѣтнее царствованіе Елисаветы. Въ то время, какъ генералы ея удачно побѣждали героя Фридриха, почитаемаго всѣми непобѣдимымъ, она украшала сѣверную столицу свою съ царскимъ великолѣпіемъ, всегда любимымъ ею. Можно и теперь видѣть памятники прекраснаго и пышнаго вкуса ея, это—дворцы Зимній и Царскосельскій, чудесная церковь въ послѣднемъ, морской соборъ св. Николая въ той части Петербурга, которая называется Коломною, Воскресенскій дѣвичій монастырь на берегахъ Невы. Маленькіе читатели мои не найдутъ Воскресенскаго монастыря теперь подъ этимъ названіемъ, потому что мы называемъ его *Смольнымъ*. Онъ не достроился при Елисаветѣ Петровнѣ и примѣчателенъ былъ въ то время только по той причинѣ, которая подала государынѣ мысль построить его: это было намѣреніе ея передать правленіе великому князю Петру Ѳеодоровичу и окончить дни свои въ монастырѣ,—намѣреніе, о которомъ говорила она чрезъ четыре года послѣ вступленія своего на престолъ и которое потомъ перемѣнилось.

Богатство двора при императрицѣ Елисаветѣ и пышные праздники ея приводятъ въ удивленіе всѣхъ, кто знаетъ придворныя записки того времени. Кромѣ собраній у императрицы по воскресеньямъ, во дворцѣ ея давались два раза въ недѣлю маскарады. Одинъ изъ этихъ маскарадовъ былъ для придворныхъ и другихъ знатныхъ особъ,

которыхъ число простиралось выше двухъ сотъ человѣкъ. На другомъ же маскарадѣ, гдѣ позволялось быть всѣмъ, число гостей часто доходило до восьмисотъ человѣкъ. Однажды государынѣ, любившей веселыя шутки, вздумалось, чтобы на одномъ изъ придворныхъ маскарадовъ всѣ мужчины были одѣты въ женскія, а всѣ женщины въ мужскія платья. И въ этомъ странномъ переодѣваньи она сама была прелестнѣе всѣхъ: мужской нарядъ шелъ чрезвычайно къ ея величественному росту. Она часто надѣвала также охотничье платье, потому что любила охоту и искусно стрѣляла изъ ружья. Это увеселенiе нравилось многимъ изъ государынь нашихъ. Императрица Анна Iоанновна была также очень искусна въ стрѣльбѣ, и въ лѣто 1740 года, во время пребыванiя своего въ Петергофѣ, она застрѣлила множество дикихъ козъ, зайцевъ и утокъ. Даже великая княгиня Екатерина Алексѣевна любила охоту и часто занималась ею въ первые годы пребыванiя ея въ Россiи. Но она дѣлала это просто, отправляясь въ ораніенбаумскій лѣсъ съ однимъ старымъ егеремъ и охотничьею собакою. Императрица же Елисавета Петровна соединяла и съ этимъ увеселенiемъ пышность, вездѣ сопровождавшую ее, и изъ записокъ того времени можно видѣть, что дни, проведенные ею на охотѣ, походили на великолѣпные праздники. Особенно примѣчателенъ изъ нихъ былъ 4-го октября 1751 года, когда охота происходила въ Красномъ Селѣ, и одни охотничьи платья для особъ, участвовавшихъ въ ней, стоили болѣе 20,000 рублей.

Но, не смотря на эту склонность къ веселостямъ и блеску, Елисавета Петровна отличалась рѣдкимъ благочестiемъ. Празднованiе всякаго счастливаго происшествiя ея царствованiя начиналось всегда приношенiемъ благодарственныхъ молитвъ Богу, и иногда въ церквахъ оставались даже памятники этой благодарности: такъ, изъ серебра, въ первый разъ полученнаго при ней изъ рудниковъ русскихъ, была сдѣлана рака, въ которой почиваютъ мощи св. Александра Невскаго. И въ числѣ благословенiй, всегда ниспосылаемыхъ Богомъ душамъ благочестивымъ, было одно, исполнившее величайшею радостiю не только сердце набожной государыни, но и всѣхъ

ея подданныхъ: это было открытіе въ 1756 году мощей новаго чудотворца *св. Димитрія Ростовскаго,* жившаго во время Петра Великаго.

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ III.

1762 годъ.

Чрезвычайна была перемѣна, происшедшая въ Россіи съ восшествіемъ на престолъ Петра III: новый императоръ, казалось, былъ во всемъ различнаго мнѣнія съ покойною императрицею. Читатели мои уже слышали о мирѣ его съ жестокимъ врагомъ Елисаветы, Фридрихомъ II. Но это было не все; вслѣдъ за извѣстіемъ о мирѣ, которое еще не могло назваться дурнымъ, но, напротивъ того, могло обрадовать многихъ, русскіе услышали вѣсти вовсе нерадостныя: всѣ разсказывали другъ другу, что государь хвалитъ и награждаетъ только иностранцевъ; что, не довѣряя подданнымъ своимъ, онъ окружилъ себя, вмѣсто гвардіи, отрядомъ голштинцевъ, выписанныхъ изъ отечества его [1]); наконецъ, что весь народъ русскій сдѣлался какъ будто подвластнымъ королю прусскому, потому что Петръ Ѳеодоровичъ такъ преданъ ему, что малѣйшія желанія его почитаетъ священными. Сначала такіе слухи считали несправедливыми, считали выдумками враговъ императора, но вскорѣ должны были повѣрить имъ. Да и кто бы не повѣрилъ? Все доказывало справедливость разсказчиковъ: и русскіе солдаты, одѣтые, по приказанію императора, въ новые мундиры, точно такіе, какіе были у солдатъ прусскихъ, и удовольствіе, съ которымъ императоръ вводилъ всѣ эти перемѣны, и радость его при полученіи

[1]) Корпусъ голштинцевъ, состоящій изъ 3,000 человѣкъ, выписанъ былъ изъ Германіи спустя нѣсколько лѣтъ послѣ пріѣзда принца. Это было любимое войско Петра III. Оно всегда стояло на квартирахъ тамъ, гдѣ великій князь проводилъ большую часть своего времени: въ Ораніенбаумѣ, одномъ изъ увеселительныхъ дворцовъ государей нашихъ, лежащемъ на берегу морскомъ и составляющемъ теперь собственность государыни великой княгини Екатерины Михаиловны.

отъ Фридриха чина генералъ-лейтенанта его службы, и наконецъ торжественное объявленіе о томъ, что недавно заключенный миръ уже нарушенъ, и войско русское, сражавшееся въ Германіи противъ Фридриха, должно было идти теперь на враговъ его. Вмѣстѣ съ печальною вѣстью объ этой новой войнѣ Петръ Ѳеодоровичъ объявилъ подданнымъ своимъ и о томъ, что онъ самъ будетъ предводительствовать своею арміею, что самъ отправится съ ней въ Германію прежде нежели будетъ короноваться. Послѣднее извѣстіе огорчило русскихъ болѣе всего: по набожности своей, они находили въ одномъ этомъ случаѣ столько причинъ къ обвиненію императора, что въ сердцѣ ихъ истребилась послѣдняя искра привязанности къ наслѣднику Елисаветы. Съ тѣхъ поръ они начали забывать даже то добро, которое онъ сдѣлалъ для нихъ въ первые дни своего восшествія на престолъ и которое состояло въ большихъ преимуществахъ, данныхъ дворянству, и въ уничтоженіи страшной для всѣхъ *Тайной канцеляріи*, такого присутственнаго мѣста, гдѣ разсматривались дѣла по разнымъ доносамъ и въ особенности по тѣмъ, которые извѣстны были подъ названіемъ *слово и дѣло* [1]).

Это были два важныя благодѣянія Петра Ѳеодоровича народу его, но ихъ не оцѣнили тогда въ полной мѣрѣ, такъ велико было общее неудовольствіе! Вскорѣ оно достигло высочайшей степени: всѣ узнали, что Петръ не

---

[1]) Читателямъ моимъ вѣрно трудно понять, что значатъ эти слова. Они значили встарину очень много. Всякаго, кто произнесетъ ихъ, гдѣ бы то ни было, полицейскіе чиновники брали, какъ такого человѣка, который знаетъ какое нибудь важное дѣло и желаетъ объявить его только государю или высшимъ чиновникамъ его, засѣдавшимъ въ Тайной канцеляріи. Съ величайшею поспѣшностію его представляли туда и тутъ-то начинались разспросы и слѣдствіе надъ тѣми людьми, на которыхъ доносилъ закричавшій: *слово и дѣло!* При такомъ случаѣ не дѣлали исключеній ни для кого, и самыя важныя лица подвергались такому же строгому суду и часто даже пыткамъ, какъ и самыя ничтожныя. Вы можете представить себѣ, какъ часто злые люди пользовались правомъ доносителя, и объявляли вещи небывалыя, чтобы избавиться самимъ отъ какихъ нибудь непріятностей. Особливо сколько разъ крѣпостные люди, недовольные господами своими, доносили на невинныхъ, и этими доносами губили ихъ подъ тяжкимъ судомъ Тайной канцеляріи. Петру III обязаны мы уничтоженіемъ этого жестокаго судилища.

отдавалъ справедливости прекраснымъ качествамъ супруги своей, что она страдала отъ его невниманія, отъ оскорбленій, какія причиняла ей дерзость приближенныхъ къ императору. Приверженцы Екатерины узнали даже и то, что Петръ Ѳеодоровичъ имѣетъ тайное намѣреніе развѣстись съ нею. Такое ужасное извѣстіе встревожило все, что̀ умѣло чувствовать въ отечествѣ нашемъ; холодность же императора къ единственному сыну и наслѣднику его, восьмилѣтнему великому князю Павлу Петровичу, довела до крайности опасенія приверженцевъ Екатерины и заставила ихъ рѣшиться на всѣ пожертвованія, чтобы спасти ее. Эта рѣшительность казалась имъ необходимою, потому что уже все было готово къ перевороту и даже назначенъ день для исполненія его. Это было 28-го іюня, ровно черезъ полгода послѣ кончины Елисаветы. Но наканунѣ дня, который могъ быть такъ пагубенъ для счастія русскихъ, преданнѣйшіе изъ подданныхъ Екатерины и сына ея произвели перемѣну, совершенно противоположную той, какую намѣревался сдѣлать императоръ. Екатерина возведена была на престолъ супруга своего.

Неожиданность этого происшествія, поспѣшность, съ которою оно должно было совершиться по причинѣ того переворота, какой назначался императоромъ, увѣренность въ бѣдствіи своемъ, все это вмѣстѣ заставило Екатерину не колебаться въ выборѣ и дать свое согласіе на желаніе народа, не смотря на кротость, съ которою она до сихъ поръ переносила свои страданія: она должна была дать свое согласіе, потому что этотъ народъ только отъ нея одной могъ ожидать своего счастія и потому что сынъ ея былъ еще такъ молодъ, что не могъ замѣнить ее.

Въ то время, какъ въ Петербургѣ всѣ съ единодушнымъ восторгомъ присягали императрицѣ, Петръ Ѳеодоровичъ, ничего не зная о томъ, находился, по обыкновенію, въ своемъ любимомъ загородномъ дворцѣ Ораніенбаумѣ и размышлялъ о томъ важномъ происшествіи, которое, по назначенію его, должно было совершиться на другой день. Вдругъ узнаетъ онъ новость совершенно противную! Не имѣя особенной смѣлости въ характерѣ, онъ выслушалъ всѣ подробности о ней съ чрезвычайнымъ разстройствомъ

духа и не только не изъявилъ желанія противиться тому, что уже произошло въ Петербургѣ, но на другой день самъ написалъ письмо къ императрицѣ, въ которомъ отказался навсегда отъ престола русскаго, изъявляя желаніе уѣхать въ свое голштинское герцогство. Вѣроятно, это желаніе было бы исполнено, но Петръ III вскорѣ потомъ, 6-го іюля 1762 года, скончался.

Семейство императора Петра III.

Супруга: принцесса Ангальтъ-Цербстская *Софія-Августа*, при св. мѵропомазаніи нареченная Екатериною Алексѣевною, родилась 21-го апрѣля 1728, вступила на престолъ всероссійскій 28-го іюня 1762 года.

Сынъ ихъ: великій князь Павелъ Петровичъ, родился 20-го сентября 1754 года.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРЫ ИШИМОВОЙ

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Жуковскій

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1890

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ПЕРВЫЯ ПЯТЬ ЛѢТЪ ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II.

ОТЪ 1762 ДО 1767 ГОДА.

Уже имѣя понятіе объ Екатеринѣ четырнадцати-лѣтней, вы, милые читатели, вѣрно съ большимъ любопытствомъ ожидали описанія того времени, когда она сдѣлалась обладательницею обширнаго отечества нашего. Точно, это время столько же замѣчательно, какъ и эпоха царствованія Петра I. Можно сказать даже, что время Екатерины довершило начинанія Петра: при немъ Россія, принимая европейскую образованность, еще походила только на очеркъ будущей прекрасной картины; при ней—обозначались всѣ формы этой картины, она получила всѣ тѣ краски, которыя, вѣроятно, назначалъ имъ начертатель ихъ. Угадать намѣренія генія, окончить въ совершенствѣ начатое имъ, не могло быть дѣломъ государя обыкновеннаго, и Небо послало русскимъ великую Екатерину.

Все, что вы услышите теперь, подтвердитъ вамъ это. Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II отечество наше озарилось новымъ блескомъ счастія и славы. Вы будете удивляться дѣламъ этой государыни, какъ удивлялись нѣкогда дѣти грековъ и римлянъ, слушая разсказы о знаменитыхъ подвигахъ боговъ и героевъ своихъ. Да, въ тѣ баснословныя времена Екатерина, вѣрно, была бы названа богинею. Послушайте, что̀ сдѣлала она въ первое пятилѣтіе своего правленія: это можетъ служить для васъ нѣкоторымъ образомъ мѣрою того, что совершилось у насъ въ продолженіе ея тридцатичетырехъ-лѣтняго царствованія.

Одно изъ первыхъ императорскихъ повелѣній Екатерины было подтвержденіе о томъ, что уже сдѣлалъ супругъ ея: подтвержденіе объ уничтоженіи Тайной канцеляріи. Кроткая душа ея приходила въ ужасъ при мысли о страданіяхъ, какимъ могли подвергаться и невинные, и виновные въ такомъ судилищѣ, гдѣ все предоставлено было на волю судей, которые часто могли быть или жестоки, или пристрастны.

Показавъ согласіемъ съ благодѣтельною волею Петра III сострадательность сердца своего и любовь свою къ правосудію, Екатерина спѣшила обратить главное вниманіе свое на это правосудіе, и сенатъ, образованный Петромъ Великимъ, какъ верховное мѣсто для отправленія правосудія, получилъ новое, улучшенное преобразованіе: Екатерина раздѣлила его на департаменты и старалась внушить каждому сенатору, что первою обязанностію его есть сохраненіе непоколебимой справедливости. Такія же подтвержденія, вмѣстѣ съ особеннымъ наставленіемъ, разосланы были отъ государыни ко всѣмъ начальникамъ областей.

Успокоивъ себя такимъ образомъ въ отношеніи, драгоцѣннѣйшемъ для того, кому назначено Небомъ управлять судьбою народовъ, императрица начала помышлять о важномъ государственномъ дѣлѣ, къ совершенію котораго еще не могъ приступить Петръ I, хотя такъ же, какъ и Екатерина, видѣлъ необходимость его.

Оно состояло вотъ въ чемъ, друзья мои. Вамъ извѣстно изъ разсказовъ нашихъ, какъ всегда набожны были русскіе, какъ велико было усердіе ихъ къ Богу. Многіе изъ богатыхъ бояръ и помѣщиковъ, а въ древнѣйшія времена и сами великіе князья, считали непремѣннымъ долгомъ христіанина оставлять при смерти своей большія суммы денегъ монастырямъ на поминовеніе души своей. Владѣтели крестьянъ и земель назначали нерѣдко на этотъ предметъ не только доходы съ цѣлыхъ деревень, но даже самыя эти деревни со всѣми живущими въ нихъ людьми отдавали въ вѣчное владѣніе церквамъ и монастырямъ. Такимъ образомъ монастыри съ каждымъ годомъ, или, лучше сказать, съ смертію каждаго богатаго человѣка получали новыя пріобрѣтенія, и наконецъ богатства, принадлежав-

шія имъ, сдѣлались такъ велики, что однихъ крестьянъ монастырскихъ считалось болѣе 900,000 душъ. Правда, что нѣкоторыя обители употребляли сокровища свои на помощь отечеству въ бѣдственныя времена его, но, говоря вообще, къ чему были богатства для людей, отказавшихся отъ всякаго излишества? Екатерина умѣла съ такимъ сильнымъ краснорѣчіемъ представить этотъ вопросъ монашеству, что всѣ члены его убѣждены были въ необходимости пожертвовать отечеству имѣніями церковными, и съ готовностію, дѣлающею честь усердію и безкорыстнымъ чувствамъ ихъ, согласились на эту жертву. Такимъ образомъ всѣ монастырскіе крестьяне сдѣлались вдругъ принадлежащими государству и увеличили доходы его нѣсколькими милліонами рублей [1]). Большую часть этихъ денегъ государыня употребила на заведеніе домовъ инвалидныхъ, богадѣтеленъ, больницъ и на улучшеніе и новое устройство духовныхъ училищъ.

Вскорѣ Екатерина нашла новое средство и увеличить доходы государства, и улучшить состояніе многихъ областей его. Вы знаете, какъ обширны эти области, сколько почти каждая имѣетъ земель незаселенныхъ, необработанныхъ, ожидающихъ только старательныхъ жителей, чтобы сдѣлаться плодоносными. И вотъ государыня предлагаетъ нѣкоторымъ изъ трудолюбивыхъ обитателей Германіи такія выгодныя условія, въ случаѣ переселенія ихъ въ Россію, что они соглашаются оставить отечество. Имъ отводятъ обширныя пространства земли въ разныхъ губерніяхъ нашихъ, особенно въ южныхъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ необитаемыя, дикія пустыни превращаются въ богатыя селенія, гдѣ зеленѣютъ сады и возвышаются каменныя зданія, гдѣ цвѣтутъ искусства, ремесла, промышленность и торговля. Счастливое состояніе этихъ селеній вызываетъ изъ земли нѣмецкой новыхъ охотниковъ ѣхать въ Россію, и они уже посылаютъ депутатовъ къ императрицѣ съ просьбою о принятіи ихъ въ число ея подданныхъ. Къ такимъ поселенцамъ принадлежатъ *гернгутеры* или обще-

---

[1]) Эти крестьяне поступили въ управленіе нарочно - учрежденной для нихъ *Коллегіи экономіи* и были названы отъ того *экономическими*.

ство евангелическихъ братьевъ, получившее отъ Екатерины во владѣніе свое прекрасную степь въ Саратовской губерніи, на берегу Волги, недалеко отъ города Царицына. Они называли свое селеніе *Сарептою*. Оно существуетъ и теперь подъ тѣмъ же именемъ и такъ же, какъ и при Екатеринѣ, славится и плодоносными полями своими, и чистыми, добрыми нравами жителей. Нѣсколько колоній поселено было и около Петербурга.

Благодѣтельствуя такимъ образомъ своему собственному народу и чужестранцамъ, имѣя безпрестанною мыслію— счастіе подданныхъ своихъ, Екатерина въ 1766 году, не болѣе какъ чрезъ четыре года послѣ своего восшествія на престолъ, удивила не только Россію, но даже и Европу, дѣломъ, которое одно могло обезсмертить ея драгоцѣнное для насъ имя.

Императрица часто и долго размышляла о важности назначенія своего управлять судьбою милліоновъ людей и о томъ, какъ бы лучше исполнить священныя обязанности свои. Слѣдствіемъ такихъ размышленій была мысль о новыхъ законахъ для управленія государственнаго, о законахъ такихъ, которые бы согласны были съ духомъ, нравами и обычаями каждаго изъ разнородныхъ племенъ, живущихъ въ обширномъ царствѣ ея. Какъ скоро эта высокая мысль блеснула въ умѣ Екатерины, чистѣйшая радость наполнила сердце ея и тѣмъ сладостнѣе, что живость нрава не дозволяла ей въ первую минуту предвидѣть всѣхъ трудностей, соединеннныхъ съ ея прекраснымъ намѣреніемъ. Оно казалось ей легко, возможно; въ геніальной головѣ ея тотчасъ образовался планъ для исполненія: отъ каждаго народа, или, лучше сказать, отъ каждаго племени народовъ, населяющихъ Россію, соберутся депутаты въ Москву; каждый изъ нихъ привезетъ съ собою подробное свѣдѣніе о нуждахъ страны своей, о средствахъ, какъ лучше управлять ею; изъ многочисленнаго собранія этихъ депутатовъ составится комиссія, которой всѣ члены будутъ разсуждать о приведеніи въ лучшее исполненіе благодѣтельнаго намѣренія государыни. Для наставленія ихъ въ этомъ важномъ разсужденіи Екатерина написала книгу, удивившую Европу, написала *Наказъ*, названный писате-

лями чужестранными и нашими—*безсмертнымъ* и *божественнымъ*. Въ этомъ сочиненіи она говоритъ къ подданнымъ своимъ, какъ нѣжная мать къ дѣтямъ, о счастіи и о средствахъ достигнуть его, о разныхъ образахъ правленія и въ особенности о монархическомъ, какъ о самомъ близкомъ къ отечеству ихъ; представляетъ имъ государя самодержавнаго, какъ истиннаго отца многочисленнаго семейства, и доказываетъ эту истину прекраснымъ примѣромъ своимъ. Съ какимъ удовольствіемъ прочитаете этотъ Наказъ, милые читатели, тогда, когда въ состояніи будете понимать все высокое достоинство его! Съ какими утѣшительными мыслями остановитесь на кроткихъ словахъ, которыми государыня повелѣваетъ депутатамъ: смягчить строгость уголовныхъ законовъ, отмѣнить пытки, не наказывать преступленій недоказанныхъ. «*Лучше простить десять виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго*», вотъ слова ея въ этомъ прекрасномъ мѣстѣ Наказа! Наконецъ, сдѣлавъ наставленія комиссіи по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, Екатерина оканчиваетъ книгу свою слѣдующими словами: «*Сохрани Боже, чтобы, по совершеніи сего законодательства, какой нибудь народъ былъ счастливѣе русскаго!*»

Въ исторіи всѣхъ временъ свѣта нѣтъ примѣра, чтобы какой нибудь правитель народа съ такою заботливостью, съ такимъ мудрымъ предвидѣніемъ всѣхъ случаевъ, наконецъ съ такимъ снисходительнымъ вниманіемъ къ подданнымъ сдѣлалъ планъ для начертанія законовъ. Екатерина сдѣлала еще болѣе: когда съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ Россіи депутаты не удовлетворили въ полной мѣрѣ желаніямъ ея и въ теченіе семи лѣтъ трудовъ и разсужденій не могли согласиться между собою о томъ важномъ предметѣ, который былъ порученъ имъ, государыня увидѣла необходимость приступить самой къ составленію законовъ и рѣшилась исполнить это. Все, что написано ею въ этомъ отношеніи, было такъ превосходно, что Фридрихъ II — этотъ умнѣйшій государь своего времени—написалъ о ней слѣдующія строки къ одному французскому писателю: «Aucune femme n'avait encore été législatrice,

cette gloire était réservée à l'impératrice Cathérine, qui la mérite bien» [1]).

Таковы были дѣла новой государыни русскихъ внутри царства ея; посмотримъ теперь, въ какомъ отношеніи была она къ другимъ государствамъ европейскимъ. Большая часть ихъ, при вступленіи Екатерины на престолъ, была еще занята войною съ Пруссіей. Особенно Австрія, Франція и Саксонія не хотѣли слышать о мирѣ, хотя Фридрихъ II почти безпрестанно одерживалъ надъ ними побѣды. Всѣ непріятели этого воинственнаго короля ожидали, что также и Екатерина возобновитъ съ ними войну, прекращенную супругомъ ея; но проницательная государыня понимала лучше другихъ Фридриха и, противъ ожиданій всѣхъ, вмѣсто войны заключила съ нимъ дружественный союзъ. Такая развязка удивила всѣхъ и доставила спокойствіе странамъ, опустошеннымъ продолжительною войною: непріятели Пруссіи начали смотрѣть на нее другими глазами съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась союзницею сильной Россіи, и скорѣе, нежели можно было ожидать, согласились на миръ, заключенный въ Губертсбургѣ.

Между тѣмъ какъ государства не по доброй волѣ, но изъ одного благоразумія помирившіяся съ Фридрихомъ, съ завистію смотрѣли на возрастающее могущество Россіи, Екатерина обратила особенное вниманіе свое на сосѣднюю съ нею Польшу.

Ужасное разстройство этого жалкаго государства не поправлялось. Поляки, съ шумомъ избирая королей своихъ, не успокоивались во время царствованія ихъ. Это несчастное право избирательства, данное имъ королемъ Сигизмундомъ II, было причиною всѣхъ безпорядковъ. Съ каждымъ царствованіемъ поляки менѣе и менѣе уважали избираемыхъ государей своихъ; съ каждымъ царствованіемъ вельможи условіями своими стѣсняли власть королевскую и распространяли свою собственную, такъ что, наконецъ, пра-

---

[1]) *Еще ни одной женщины не было законодательницею; императрицѣ Екатеринѣ принадлежитъ эта слава, въ полной мѣрѣ ею заслуженная.*

вленіе Польши сдѣлалось почти республиканскимъ, или, лучше сказать, такимъ, гдѣ всякій дѣлалъ, что хотѣлъ. Такое состояніе, предвѣщая близкое паденіе государства, могло нарушать спокойствіе и другихъ, сосѣдственныхъ съ нимъ земель. Смерть Августа III увеличила опасность положенія Польши: избраніе новаго короля происходило въ этотъ разъ съ безпорядками, доселѣ небывалыми. Поляки поступали какъ настоящіе мятежники и тѣмъ заставили иностранныхъ государей вмѣшаться въ ссоры ихъ, доходившія уже до кровопролитія.

Франція, болѣе всѣхъ недовольная вліяніемъ Екатерины на дѣла европейскія, спѣшила показать свою древнюю значительность въ Европѣ и готовилась прежде всѣхъ принять участіе въ происшествіяхъ польскихъ; но Екатерина и Фридрихъ предупредили искусныхъ политиковъ и остановили всѣ намѣренія ихъ: зная, что участіе Франціи навлечетъ непремѣнно новую войну на Польшу, и можетъ быть и на сосѣдей ея, они заключили оборонительный союзъ, т. е. условились помогать другъ другу въ случаѣ войны, и кромѣ того, король прусскій предоставилъ Россіи, какъ государству, бывшему всегда въ ближайшихъ сношеніяхъ съ одноплеменною ему Польшею, принять главное участіе въ настоящемъ несчастномъ положеніи ея. Франція, слабая противъ этихъ двухъ могущественныхъ союзниковъ, принуждена была оставить гордое намѣреніе свое усмирить поляковъ и съ новою досадою уступить эту честь императрицѣ русской.

Екатерина, чувствуя важность дѣла, предоставленнаго ей, обратила на него все свое вниманіе и, долго размышляя о положеніи Польши, рѣшила, что лучшимъ средствомъ для успокоенія ея было бы избраніе королемъ природнаго поляка, а не кого либо изъ иностранныхъ принцевъ, какъ было то прежде. Мудрая государыня предложила мысль свою польскому сейму. Своевольное собраніе сначала оскорбилось этимъ предложеніемъ, называло его нарушеніемъ ихъ народной свободы, но потомъ, получивъ извѣстіе о приближеніи войскъ русскихъ, согласилось съ справедливымъ мнѣніемъ Екатерины и присягнуло въ вѣрности тому, кого она сама признала достойнымъ короны

польской—отличнѣйшему изъ поляковъ того времени по образованію и душевнымъ качествамъ—*Станиславу-Августу, графу Понятовскому.*

Ни одно изъ иностранныхъ государствъ не спорило съ волею Екатерины и молчаніе главнѣйшихъ изъ нихъ—Австріи, Франціи, Турціи и Англіи подтвердило избраніе Станислава. Это избраніе, вѣроятно, возвратило бы Польшѣ прежнее счастіе ея, потому что Станиславъ имѣлъ всѣ достоинства государя добраго, справедливаго и попечительнаго о нуждахъ народа; но безпокойный, упрямый духъ поляковъ увлекалъ ихъ къ погибели: новый порядокъ въ отечествѣ ихъ не нравился имъ, потому что былъ учрежденъ Россіею; общее неудовольствіе увеличивалось отъ споровъ, происшедшихъ тогда въ этомъ несчастномъ государствѣ между католиками и людьми, принадлежавшими къ другимъ исповѣданіямъ, и сеймъ, радуясь случаю затѣять новые безпорядки, объявилъ повелѣніе преслѣдовать и лишать чести и жизни гражданской всѣхъ несогласныхъ въ чемъ нибудь съ правилами вѣры католической. Можно представить себѣ, сколько новыхъ бѣдствій должно было произвесть такое повелѣніе и какой ужасной участи могли подвергнуться тѣ несчастные, которыхъ велѣли преслѣдовать! Поляки называли ихъ *диссидентами.* Они состояли изъ людей разныхъ исповѣданій и въ особенности—изъ христіанъ греческихъ; это и было главною иричиною нападенія на нихъ: поляки думали досадить тѣмъ императрицѣ русской. Но и на этотъ разъ судьба принудила ихъ покориться той, которой власти они давно такъ желали избѣгнуть: диссиденты прибѣгли къ покровительству Екатерины, и она вступилась за обиженныхъ.

Но убѣдить упрямыхъ поляковъ всегда было дѣло трудное: они отвѣчали отказомъ на всѣ кроткія и миролюбивыя убѣжденія Екатерины возвратить диссидентамъ права ихъ, и только тогда уже согласились на требованія ея, когда и диссиденты, и защищавшій ихъ Станиславъ вышли изъ терпѣнія и, надѣясь на помощь Россіи, рѣшились оружіемъ остановить несправедливость, а войско русское получило приказаніе государыни идти къ границамъ Польши.

Такимъ образомъ Екатерина во второй разъ утвердила

Станислава на престолѣ польскомъ, во второй разъ заставила поляковъ повиноваться себѣ, во второй разъ возбудила своимъ могуществомъ сильное неудовольствіе Франціи, привыкшей распоряжаться дѣлами польскими и принужденной уступить теперь власть свою въ этомъ отношеніи новой, такъ быстро возвысившейся имперіи.

Вотъ дѣла Екатерины въ первыя пять лѣтъ ея царствованія! Слава, которую они предвѣщали Россіи, заставляла досадовать не одну Францію: и другія государства европейскія начали опасаться новаго могущества, наначали стараться о томъ, чтобы ослабить его. На слѣдующихъ страницахъ читатели увидятъ, какъ были слабы эти усилія и какъ блистательны побѣды царицы сѣверной надъ замыслами враговъ ея!

ПЕРВАЯ ВОЙНА ТУРЕЦКАЯ И ПЕРВОЕ РАЗДѢЛЕНІЕ ПОЛЬШИ.

отъ 1767 до 1772 года.

(5 лѣтъ).

Турція прежде всѣхъ показала свое неудовольствіе Екатеринѣ, хотя и нельзя было ожидать отъ нея этого. Правда, султанъ Мустафа III не самъ вздумалъ о томъ; нѣтъ, такая смѣлая мысль не явилась бы въ умѣ его, еслибы не внушенія Франціи: не имѣя силъ дѣйствовать противъ Россіи прямо, она старалась тайно вооружать противъ нея государей другихъ земель. Мустафа первый склонился на ея хитрыя убѣжденія и объявилъ Екатеринѣ, что онъ намѣренъ защищать поляковъ и требуетъ, чтобы русскіе вывели свои войска изъ Польши и не вмѣшивались въ дѣла ея. Такое требованіе отъ государства, нѣсколько разъ испытавшаго могущество Россіи, было очень дерзко; чтобъ чувствительнѣе наказать султана, Екатерина не обратила ни малѣйшаго вниманія на слова его и продолжала дѣйствовать попрежнему въ Польшѣ, гдѣ безпокойные поляки

сдѣлались еще своевольнѣе съ тѣхъ поръ, какъ узнали о заступленіи за нихъ Турціи. Въ одномъ изъ городовъ ихъ, *Боръ,* даже явно составилась сильная партія мятежниковъ, назвавшая себя *конфедераціею,* отъ слова confederation — *союзъ,* и сговорившаяся дѣйствовать противъ Россіи и избраннаго ею короля Станислава. Ужасно было состояніе Польши въ это время. *Конфедераты,* т. е. члены конфедераціи, были по большей части люди самые пылкіе, необузданные, можно сказать, даже отчаянные, рѣшившіеся дѣйствовать противъ силъ могущественной государыни и власти короля своего. Они поступали такъ несправедливо и такъ жестоко съ диссидентами и со всѣми приверженцами законной власти Станислава, что великодушная Екатерина считала долгомъ своимъ покровительствовать этимъ несчастливцамъ. Войска ея защищали ихъ даже и тогда, когда собственное государство ея имѣло нужду въ защитѣ ихъ: турецкій султанъ, покоряясь болѣе и болѣе вліянію Франціи, исполнилъ угрозы свои и объявилъ рѣшительно войну Россіи. Это объявленіе сопровождалось поступкомъ истинно турецкимъ: русскій посланникъ въ Константинополѣ *Обрѣзковъ* былъ заключенъ въ тамошнюю государственную темницу, извѣстную подъ названіемъ *Семибашеннаго зáмка.* Кромѣ того, по приказанію султана, распущены были между чернью константинопольскою разные противъ русскихъ слухи, до того взволновавшіе ее, что она бросилась на всѣхъ христіанъ и не только грабила, но даже умерщвляла ихъ, а крымскіе татары въ то же время и также по внушенію турокъ сдѣлали набѣгъ въ нашу Новороссійскую область.

Столько оскорбленій возбудили въ полной мѣрѣ негодованіе Екатерины и заставили ее, не смотря на все отвращеніе къ пролитію крови—начать войну, на которую, можно сказать, ее вызвали. Приготовляясь къ этой войнѣ, императрица предвидѣла всѣ трудности вести ее въ то время, когда часть войскъ должна была сражаться въ Польшѣ съ конфедератами. Все въ такомъ важномъ случаѣ зависѣло отъ искуснаго выбора главнокомандующихъ, и взоры Екатерины остановились на двухъ генералахъ: князѣ *Александрѣ Михайловичѣ Голицынѣ* и графѣ

Петръ Александровичъ Румянцевъ. Зная о дѣлахъ ихъ во время прошедшей войны съ Пруссіей, проницательная государыня какъ будто предугадывала счастливые успѣхи, ожидавшіе въ Турціи ея войско, и уже думала, какъ награждать храбрыхъ. Постигая въ совершенствѣ малѣйшія чувства и впечатлѣнія сердца человѣческаго, она умѣла дѣйствовать на него съ неподражаемымъ искусствомъ. Ко многимъ случаямъ, очевидно доказавшимъ это, надобно причислить также и учрежденіе ордена св. Великомученика Георгія: оно сдѣлано было предъ самымъ выступленіемъ войска въ походъ. Высокое уваженіе и лестныя почести, соединенныя съ новымъ орденомъ, внушали пылкое желаніе заслужить его, но онъ назначался наградою только тѣмъ воинамъ, которые отличатся самою безстрашною храбростію на полѣ сраженія. Сколько новыхъ героевъ могла прибавить въ рядахъ русскихъ мысль получить отъ государыни безпредѣльно-любимой новое, знаменитое отличіе. Судя по чудесамъ храбрости, какія оказаны были русскими во время этой войны съ турками, можно было сказать, что они всѣ, отъ главнокомандующихъ до послѣдняго солдата, желали получить орденъ св. Георгія. Послушайте, друзья мои, о дѣлахъ ихъ.

Начальникъ первой арміи князь Голицынъ началъ свои дѣйствія въ Молдавіи тѣмъ, что взялъ города турецкіе:—*Хотинъ* и *Яссы,* но вскорѣ потомъ отозванъ былъ для совѣтовъ ко двору, и мѣсто его занялъ главнокомандующій второю арміею графъ Румянцевъ.

Вѣрно многіе изъ читателей моихъ видѣли высокую колонну, такъ стройно и красиво возвышающуюся на площади Васильевскаго острова, между Академіею Художествъ и Первымъ кадетскимъ корпусомъ [1]). Если вы внимательно разсматривали эту колонну—какъ должно разсматривать каждую примѣчательную вещь—то вѣрно видѣли, что золотыя буквы ея составляютъ только два небольшія слова: *Румянцева побѣдамъ.* Но какъ много значатъ эти два слова! Сколько славы заключается въ нихъ! Не имѣя возможности описать въ краткихъ разсказахъ нашихъ всю

---

[1]) Въ этомъ корпусѣ воспитывался графъ П. А. Румянцевъ.

знаменитую жизнь Румянцева, взглянемъ хотя на главнѣйшія побѣды этого славнаго полководца, на побѣды, сдѣлавшія имя его безсмертнымъ. Ихъ было двѣ и обѣ происходили въ окрестностяхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ нѣкогда жестоко страдалъ духъ Петра въ день Прутскаго мира. Здѣсь Румянцевъ явился какъ будто мстителемъ за славу Великаго: казалось, геній Петра помогалъ ему, потому что побѣды его были неслыханны! Первая, при рѣчкѣ *Ларгѣ*, 8-го іюля 1770 года, послѣ восьми-часового сраженія съ войскомъ, гораздо многочисленнѣйшимъ русскихъ и находившимся подъ начальствомъ трехъ пашей и хана крымскаго, доставили Румянцеву весь турецкій лагерь, оставленный убѣжавшимъ непріятелемъ, тридцать три мѣдныя пушки, множество плѣнниковъ, знаменъ, припасовъ и военныхъ снарядовъ. Здѣсь орденъ св. Георгія въ первый разъ украсилъ собою грудь безстрашныхъ воиновъ Екатерины. Съ нетерпѣніемъ они ожидали его, съ горделивою радостію надѣли. Они имѣли полное право гордиться: побѣда ихъ удивила Европу, и при всемъ томъ она была только предвѣстіемъ другой знаменитѣйшей, одержанной Румянцевымъ чрезъ двѣ недѣли потомъ, 21-го іюля при рѣчкѣ *Кагулѣ*. Еслибы она случилась не въ новѣйшія времена и не подтверждалась вѣрнѣйшими доказательствами, всѣ считали бы ее баснею, далекою отъ истины! Вообразите, что здѣсь семнадцать тысячъ русскихъ побѣдили сто пятьдесятъ тысячъ турокъ и сто тысячъ татаръ, зашедшихъ къ нимъ въ тылъ! Генералы, раздѣлившіе съ Румянцевымъ честь этой битвы, были тѣ же, которые участвовали въ сраженіи при Ларгѣ: принцъ *Браунгшвейгскій*, князь *Репнинъ*, *Боуръ*, *Потемкинъ*, *Гудовичъ*, *Племянниковъ* и *Олицъ*; но лучшая слава ея, но минута побѣды принадлежала одному Румянцеву, и вотъ какимъ образомъ: когда къ концу сраженія главный начальникъ турецкой арміи послалъ 10,000 янычаръ подкрѣпить слабѣющихъ съ каждою минутою турокъ, и эти необузданные, жестокіе воины, выскочивъ вдругъ изъ закрывавшей ихъ лощины, бросились съ страшнымъ крикомъ, съ саблями и кинжалами на русское войско, оно смѣшалось, и три полка побѣжали... Увидѣвъ это, Румянцевъ говоритъ окружав-

шимъ его офицерамъ: «Теперь дошло дѣло до насъ!» и съ быстротою молніи бросается на встрѣчу бѣгущимъ. Одно восклицаніе героя остановило ихъ: «*Стой, ребята!*» сказалъ Румянцевъ, и полки остановились, какъ будто по какой-то волшебной силѣ, и воины вспомнили долгъ свой! Въ ту же минуту они снова обратились на непріятелей, и угрызенія совѣсти, желаніе смыть стыдъ своего бѣгства въ глазахъ любимаго начальника, возбудили въ нихъ невѣроятную храбрость: они разбили корпусъ янычаръ, и главный начальникъ турокъ, визирь, увидѣвъ лучшихъ защитниковъ своихъ почти уничтоженными, обратился въ бѣгство, а за нимъ и вся армія. Русскіе долго гнались за ними и несчастные турки, не успѣвавшіе спасаться отъ штыковъ, погибали въ Дунаѣ, черезъ который должны были переплывать. Весь лагерь съ драгоцѣнностями визиря, сто сорокъ пушекъ, шестьдесятъ знаменъ, двѣ тысячи плѣнныхъ были наградою побѣдителей, прежде нежели они получили награду сладостнѣйшую—благоволеніе императрицы и тѣ безчисленныя отличія, которыми она любила осыпать заслуги и преданность къ отечеству.

Побѣда кагульская открыла за собою русскимъ цѣлый рядъ другихъ побѣдъ. Вскорѣ послѣ донесенія Румянцева о знаменитомъ дѣлѣ его, государыня получала безпрестанно новыя извѣстія, изъ которыхъ каждое увеличивало справедливое торжество ея надъ врагами, старавшимися вредить Россіи. Въ слѣдующемъ августѣ мѣсяцѣ генералъ *Вейсманъ* овладѣлъ турецкою крѣпостію *Исакчею;* графъ *Панинъ* взялъ знаменитый городъ Бендеры; генералъ *Тотлебенъ* на Кавказѣ—крѣпости *Мериполь* и *Багдадъ*. Кромѣ того, грузинскій царь Ираклій, бывшій данникомъ турокъ, отказался отъ нихъ и перешелъ со всѣмъ войскомъ своимъ на сторону русскихъ. Другая область Кавказская—*Имеретія,* также просила Россію о покровительствѣ. Однимъ словомъ, судьба, казалось, нарочно собрала случаи, чтобы показать могущество Екатерины и слабость турокъ; но ни одна изъ побѣдъ, одержанныхъ русскими, не произвела такого сильнаго впечатлѣнія на турокъ, какъ случившееся въ то же время чудесное и, если можно, еще

болѣе удивительное дѣло русскихъ, нежели побѣда кагульская. Оно заслуживаетъ подробнѣйшаго разсказа:

Екатерина, отправляя при началѣ войны съ Турціей сухопутное войско свое къ сѣвернымъ границамъ непріятеля, отправила въ то же время и къ южнымъ морскія силы свои изъ Кронштадта и Архангельска. Соединенный флотъ двухъ портовъ сдѣлалъ тогда въ первый разъ важное путешествіе отъ морей Бѣлаго и Балтійскаго до моря Средиземнаго. Торжественно прошелъ онъ мимо коварной Франціи, еще торжественнѣе вступилъ въ воды Архипелага: тамъ ожидали воиновъ русскихъ, какъ спасителей своихъ, слабые потомки могущественныхъ грековъ, проводившіе несчастную жизнь подъ жестокою властію покровителей своихъ и много ожидавшіе отъ этой войны турокъ съ единовѣрцами ихъ. Корабли русскіе, которыми командовали два адмирала—*Спиридовъ* и *Эльфинстонъ*—были подъ главнымъ начальствомъ одного изъ первыхъ генераловъ Екатерины: графа *Алексѣя Григорьевича Орлова*. Подошедши къ берегамъ Мореи, они безъ труда овладѣли двумя крѣпостями греческими и были приняты жителями съ восторгомъ. Многіе изъ грековъ присоединились къ нашимъ войскамъ. Султанъ испугался и послалъ флотъ свой въ Морею, чтобы уничтожить нашъ. Но этотъ флотъ, почти вдвое сильнѣе нашего, не могъ, однако же, противиться ему и, избѣгая сраженія, не пошелъ въ Морею, но поплылъ къ берегамъ Малой Азіи, гдѣ надѣялся получить еще подкрѣпленіе изъ Константинополя. Но графъ Орловъ лишилъ его этой надежды, погнавшись за нимъ съ своимъ флотомъ. Турки не рѣшились и тутъ вступить въ бой и расположились въ проливѣ Хіосскомъ подъ защитою береговыхъ батарей. Храбраго Орлова не остановило ни превосходство мѣста, занятаго турками, ни превосходство силы ихъ противъ нашей, и онъ приказалъ адмиралу Спиридову напасть на самый большой изъ кораблей турецкихъ: на девяносто-пушечную *Султанію*. Жаркое сраженіе началось, и въ то время, когда огненныя ядра летали съ одного корабля на другой, турецкій загорѣлся, зажегъ потомъ и русскій, *Св. Евстафій*, и оба взлетѣли на воздухъ. Едва начальники ихъ и нѣсколько

человѣкъ спаслись отъ смерти. Турки, испуганные такимъ ужаснымъ происшествіемъ, спѣшили удалиться отъ кораблей русскихъ и завели весь флотъ свой въ небольшой заливъ, омывавшій берега мѣстечка *Чесмы*. Безразсудные въ страхѣ своемъ не подумали, что̀ можетъ случиться съ ними въ этомъ заливѣ, и радовались, что успѣли запереться въ немъ.

Графъ Орловъ также радовался этому, но совсѣмъ съ другою цѣлью. Какъ скоро оробѣвшіе турки немного успокоились и, можетъ быть, большая часть изъ нихъ заснула, графъ, напротивъ того, объявилъ своимъ воинамъ, что они не будутъ спать въ эту ночь, и ровно въ 12 часовъ, 26-го іюня 1770 года, приказалъ открыть сраженіе. Въ то самое время, какъ началось оно, русскій офицеръ *Ильинъ* и англичанинъ *Дюгдаль*, презирая всѣ опасности, какія угрожали имъ, непримѣтно ввели въ средину турецкаго флота четыре зажигательныя судна, которыя тотчасъ исполнили свое дѣло: зажгли корабли непріятельскіе! Едва ли какое нибудь другое зрѣлище могло сравниться ужасомъ своимъ съ этимъ разрушительнымъ пожаромъ! Корабли, обыкновенно запасающіеся порохомъ, взлетали на воздухъ со взрывами, потрясавшими землю на разстояніи восьмидесяти верстъ! Обломки ихъ, огромные, обвитые пламенемъ, снова летѣли сквозь густо-клубившійся дымъ въ море, и только тамъ, подъ волнами, покраснѣвшими отъ крови убитыхъ и тонувшихъ тѣлъ, утихалъ грозный свистъ ихъ и они выплывали на поверхность воды почернѣвшими бревнами. Пять часовъ губительное пламя переходило съ одного судна на другое, и когда наконецъ, уничтоживъ послѣднее, потухло,—на мѣстѣ, гдѣ было шестнадцать кораблей и около ста другихъ судовъ грозной Турціи, сдѣлалось все тихо и пусто!... Взволнованное море перестало пѣниться и вскорѣ на поверхности его не осталось даже и слѣдовъ страшнаго разрушенія: вода была такъ спокойна, какъ будто не скрывалось подъ нею ничего ужаснаго. А между тѣмъ тамъ было поглощено около 20,000 турокъ, погибшихъ вмѣстѣ съ кораблями своими! Немногіе спаслись и принесли извѣстіе султану о неслыханномъ бѣдствіи флота его. Тогда-то Мустафа III пожалѣлъ отъ всей души, что

послушалъ совѣтовъ хитрой Франціи. Страхъ, наведенный на него графомъ Орловымъ, былъ такъ великъ, что онъ тотчасъ далъ повелѣніе укрѣплять Константинополь и въ то же время сдѣлать Екатеринѣ предложеніе о мирѣ. Переговоры открылись въ городѣ *Фокшанахъ*, и пока они продолжаются, посмотримъ, что дѣлается въ Польшѣ.

Со времени войны Россіи съ Турціей дерзкіе поступки конфедератовъ дошли до такой степени, что они рѣшились лишить Станислава короны и даже умертвить его. Это безбожное намѣреніе едва не удалось: одинъ Богъ спасъ короля.

Такія происшествія поляковъ привели въ сильное негодованіе сосѣдственныя съ ними государства: Россію, Австрію и Пруссію. Екатерина отправила для усмиренія мятежниковъ новой отрядъ войска подъ начальствомъ уже давно извѣстнаго въ то время военною славою—Суворова. Побѣды, всегда сопровождавшія этого генерала, были неразлучны съ нимъ и въ Польшѣ: города Минскъ, Слонимъ, Краковъ и многіе другіе были вскорѣ покорены имъ. Конфедераты бѣжали изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ появлялся онъ, и умоляли о пособіи французовъ, какъ вѣрныхъ помощниковъ во всѣхъ дерзкихъ покушеніяхъ своихъ противъ Россіи и Станислава. Но посланное изъ Франціи вспомогательное войско узнало также искусство распоряженій и храбрость Суворова. Вмѣстѣ съ побѣдою, одержанною надъ французами, и со взятіемъ русскими крѣпости *Ченстоховской*, исчезли всѣ надежды мятежниковъ польскихъ: они снова покорились Екатеринѣ и власти короля, ею даннаго имъ; но ни она, ни союзники ея: императрица австрійская Марія-Терезія и король прусскій, не хотѣлъ оставить поляковъ ненаказанными, и чтобъ предупредить новые безпорядки, какихъ можно было ожидать въ государствѣ, гдѣ власть короля и самая особа его перестали почитаться священными — рѣшились ослабить силы Польши, отдѣливъ отъ нея нѣсколько областей. Первая мысль о такомъ отдѣленіи принадлежала императрицѣ австрійской и королю прусскому, которые, усмиряя мятежниковъ, заняли войсками нѣсколько округовъ Польши и уже не хотѣли возвращать ихъ назадъ. Они почитали себя справедливыми, *во-первыхъ*, потому, что

эти округи первноначально принадлежали имъ и были только завоеванные поляками, *во-вторыхъ* потому, что убытки, причиненные Австріи и Пруссіи усмиреніемъ мятежниковъ польскихъ, требовали вознагражденій. Однакожъ ни Австрія и ни Пруссія не могли исполнить такого важнаго намѣренія безъ согласія Россіи. Екатерина была очень удивлена, получивъ о томъ первое извѣстіе: если Польша владѣла землями, ей не принадлежавшими, то, что очевиднѣе всего доказывало это несправедливое владѣніе, какъ не Бѣлоруссія и области, отнятыя у Россіи Гедиминомъ и Стефаномъ Баторіемъ? Если должно было взыскать съ поляковъ вознагражденіе за убытки, то кто имѣлъ болѣе правъ на это вознагражденіе, какъ не Екатерина, которой войско не оставляло Польши во все время мятежей ея? И такъ, чтобы получить согласіе Екатерины, надобно было предложить и ей участіе въ раздѣлѣ Польши. Марія-Терезія и Фридрихъ такъ и сдѣлали. Екатеринѣ оставалось только согласиться на исполненіе намѣренія, придуманнаго вовсе не ею, и когда она дала на это согласіе, и въ сентябрѣ 1772 года получила во владѣніе свое давно принадлежавшую Россіи Бѣлоруссію [1]), враги ея сказали, что раздѣленіе Польши было дѣломъ императрицы русской, и обвинили Екатерину въ несправедливости въ то время, когда она имѣла гораздо справедливѣйшія права, нежели союзники ея, на новопріобрѣтенныя области. Но государыня въ спокойствіи совѣсти, ничѣмъ не упрекавшей ее въ этомъ случаѣ, не обращала вниманія на неправильныя сужденія и даже клеветы, которыми враги старались помрачать ея имя. Она могла прощать ихъ: послѣ знаменитыхъ побѣдъ ея, это было единственное средство, которымъ завистники могли отомщать за великую славу ея и счастіе Россіи. Но мы дошли теперь

---

[1]) *Бѣлоруссія* заключалась въ это время въ семи провинціяхъ польскихъ: *Двинской, Полоцкой, Витебской, Могилевской, Оршанской, Мстиславской* и *Рогачевской;* пространство ихъ заключало въ себѣ 3,440 квадр. миль, жителей 1.360,000.

Австрія получила лучшую часть, и именно всѣ земли, лежащія по лѣвому берегу Вислы, простиравшіяся на 2700 квадр. миль и имѣвшія 1.930,000 жителей.

Пруссіи досталась вся западная часть Польши, кромѣ городовъ Данцига и Торна, заключавшая въ себѣ 900 миль и 960,000 жителей.

до такихъ происшествій, которыя были единственными бѣдствіями царствованія Екатерины. Пройдемъ же скорѣе этотъ печальный періодъ времени, чтобы отдохнуть потомъ на страницахъ новаго величія этой государыни.

МОРОВАЯ ЯЗВА И ПУГАЧЕВЪ.

отъ 1772 до 1775 года.

(3 года).

Вы знаете, милые читатели мои, что есть болѣзни, страшно заразительныя, т. е. такія, которыя сообщаются отъ одного человѣка другому при одномъ прикосновеніи къ зараженному. Благодаря милосердію Божію, такое ужасное бѣдствіе не случается въ мірѣ часто, и не въ каждой странѣ можетъ случаться: оно свойственно очень жаркимъ климатамъ. Горестно бываетъ положеніе страны, гдѣ оно появится! Окруженные смертію, люди забываютъ тамъ не только всѣ обязанности жизни общественной, но даже всѣ связи родства и дружбы, и, думая только о собственномъ сохраненіи, съ отвращеніемъ и страхомъ смотрять на умирающихъ, еще такъ недавно любимыхъ ими. Вы все это знаете, потому что, вѣрно, помните тотъ разсказъ нашъ, гдѣ описывается одна изъ подобныхъ болѣзней, свирѣпствовавшая въ Москвѣ въ 1352 году, при великомъ князѣ Симеонѣ, сынѣ Іоанна Калиты, и извѣстная тогда подъ именемъ *черной смерти*.

Въ 1771 году Москва снова испытала это несчастіе: Турція, въ то время воевавшая съ русскими, какъ будто въ отмщеніе за частыя пораженія, сообщила имъ свою ужасную заразительную болѣзнь, свою *моровую язву* или *чуму*, быстро распространившуюся отъ южныхъ областей Россіи до древней столицы ея. Несчастія, сопровождавшія эту болѣзнь, были безчисленны: сначала люди гибли, потому что не понимали ее и не брали тѣхъ предосторожностей, которыя необходимы въ такомъ случаѣ; потомъ, когда отъ

правительства уже объявлено было о заразительности появившейся болѣзни и приняты всѣ мѣры, нужныя для прекращенія ея, нашлись люди безразсудные, недовольные строгостію этихъ мѣръ или, можетъ быть, думавшіе при общемъ безпорядкѣ поправить свое собственное состояніе, — нашлись люди, которые распускали на народѣ слухи, что показавшаяся въ народѣ болѣзнь не чума, но только *горячка съ пятнами*, и что доктора напрасно морятъ больныхъ въ карантинахъ [1]). Какъ скоро такая глупая сказка распространилась по городу, весь порядокъ разрушился. Больные перестали слушаться врачей своихъ; родственники перестали думать объ осторожности, и уже не отсылали зараженныхъ въ учрежденныя для того больницы, но прятали ихъ въ домахъ своихъ и сами ходили за ними. Разумѣется, что ужасная болѣзнь усиливалась и безразсудный народъ, не понимая, что самъ былъ виною того, приходилъ въ отчаяніе. Въ горести своей онъ искалъ спасенія въ благочестивыхъ молитвахъ. Читатели мои слышали уже о чудотворномъ образѣ Богородицы Боголюбской, такъ много уважаемомъ русскими. Этотъ образъ висѣлъ въ то время у воротъ Варварскихъ. Набожные москвитяне, съ полною вѣрою къ чудесамъ его, начали приходить къ нему съ молитвами о прекращеніи своихъ бѣдствій, и потомъ, по обыкновенію, прикладывались къ священному изображенію небесной Защитницы, не одинъ разъ спасавшей ихъ. Толпы богомольцевъ съ каждымъ днемъ увеличивались: между ними были и выздоравливавшіе, и начинавшіе чувствовать болѣзнь. И зараза распространилась оттого. Съ ужасомъ увидѣлъ это добродѣтельный и умный архіепископъ московскій Амвросій. Этотъ благочестивый пастырь могъ назваться въ то время настоящимъ ангеломъ-хранителемъ Москвы. Съ первыхъ дней появленія язвы

[1]) *Карантиномъ* (отъ французскихъ словъ *сорокъ-одинъ день, quarante-un*) называется время, которое больные и выздоравливающіе отъ заразительной болѣзни должны провести отдѣльно отъ здоровыхъ, чтобы не заразить ихъ. Карантину подвергаются и здоровые люди, если они ѣдутъ или идутъ изъ такого мѣста, гдѣ свирѣпствуетъ чума, и эта-то мѣра всѣхъ досаднѣе была для безразсудныхъ, не понимавшихъ ея спасительныхъ дѣйствій.

онъ посвятилъ себя спасенію ближнихъ, и не было средства, котораго бы онъ не употребилъ, чтобы предупредить распространеніе болѣзни; особенно съ тѣхъ поръ, какъ многіе изъ высшихъ чиновниковъ и вельможъ московскихъ, спасая себя отъ общаго бѣдствія, разъѣхались изъ Москвы, и несчастная столица осталась на попеченіи почти одного Амвросія.

Вы можете понять теперь, какъ велико было огорченіе его, когда онъ увидѣлъ толпы, сходившіяся у воротъ Варварскихъ. Онъ чувствовалъ, что не только трудно, но даже опасно будетъ остановить стеченіе народа въ одно мѣсто, однакожъ рѣшился сдѣлать это. Сначала онъ представлялъ имъ всѣ опасности, какимъ подвергались они, сходясь толпами, но потомъ, когда никакія убѣжденія не подѣйствовали, приказалъ снять образъ со стѣны. Боже мой! сколько бѣдъ произошло отъ этого приказанія! Народъ пришелъ въ бѣшенство, забылъ о болѣзни и съ звѣрскими криками бросился къ Чудову монастырю, гдѣ думалъ найти архіепископа. Друзья несчастнаго скрыли его въ монастырѣ Донскомъ, но ненадолго: убійцы нашли его и тамъ и безжалостно умертвили въ то самое время, какъ онъ молился за враговъ своихъ. Это было 16-го сентября 1771 года. Совершивъ такое злодѣяніе, безсмысленная толпа буйныхъ безумцевъ два дня не переставала грабить и убивать, и тѣмъ удобнѣе, что усмирить ихъ было некому; большая часть войскъ была въ Турціи и Польшѣ; изъ полицейской же команды многіе умерли отъ язвы, число другихъ было недостаточно для удержанія мятежниковъ. Положеніе Москвы дѣлалось опасно. Великая государыня, которой одно слово могло бы привесть все въ порядокъ, была далеко отъ нея, и прежде нежели дошло бы до слуха ея важное извѣстіе о происшествіяхъ московскихъ, безчисленныя несчастія могли совершиться.

Но во всѣ времена опасностей Россіи являлись люди, готовые жертвовать собою для спасенія отечества. Такъ было и въ этотъ разъ. Въ Москвѣ жилъ тогда генералъ *Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ*. Въ царствованіе Елисаветы онъ извѣстенъ былъ своими военными заслугами; въ это же время, по слабости здоровья, занимался дѣлами гра-

жданскими въ званіи сенатора, стало быть не имѣлъ особенной обязанности заботиться объ усмиреніи мятежниковъ; но чувство любви къ отечеству громко говорило ему объ обязанности каждаго человѣка заботиться о счастіи своихъ согражданъ. Покорный этому священному голосу, благородный Еропкинъ рѣшился на дѣло, избавившее москвитянъ отъ явной гибели: онъ набралъ около двухъ сотъ человѣкъ служащихъ и отставныхъ солдатъ, и съ этимъ слабымъ по числу, но сильнымъ по преданности отрядомъ бросился на многочисленныя и яростныя толпы бунтовщиковъ. Рѣшительность нападенія, и еще болѣе—нѣсколько пушекъ, къ которымъ по необходимости храбрый генералъ долженъ былъ прибѣгнуть, скоро усмирили безумцевъ и возвратили спокойствіе встревоженной столицѣ, прежде нежели успѣлъ пріѣхать туда посланный для этого усмиренія отъ государыни князь *Григорій Григорьевичъ Орловъ.*

Князь Орловъ пользовался особенною довѣренностью императрицы не только потому, что былъ братомъ знаменитаго героя Чесмы: онъ пріобрѣлъ собственными достоинствами и эту довѣренность, и всѣ милости, которыми Екатерина осыпала его. Онъ заслужилъ ихъ еще болѣе въ несчастное время моровой язвы въ Москвѣ. Слѣдуя прекрасному примѣру Еропкина, князь Орловъ сдѣлался вторымъ благодѣтелемъ москвитянъ: неусыпныя попеченія и благоразумныя распоряженія его, соединенныя часто съ опасностію собственной жизни, облегчали съ каждымъ днемъ болѣе несчастное состояніе столицы. Гибельное распространеніе болѣзни начало уменьшаться, и наконецъ, черезъ годъ, она совершенно прекратилась. Москвитяне отдохнули, но съ ужасомъ увидѣли, что между ними недоставало болѣе 100,000 человѣкъ! Съ того времени многолюдство старшей столицы нашей значительно уменьшилось и не могло уже впослѣдствіи дойти до прежней степени.

Государыня съ величайшею щедростію наградила великодушныхъ спасителей Москвы: Еропкинъ, кромѣ большихъ денежныхъ суммъ, въ которыхъ нуждался по небогатому состоянію своему, получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, не смотря на чинъ его [1]), еще не дававшій

[1]) Еропкинъ былъ генералъ-поручикомъ въ это время.

ему права на столь важное отличіе; князь Орловъ, уже украшенный всѣми орденами,—золотую медаль съ самымъ лестнымъ изображеніемъ его готовности жертвовать собственною жизнію для пользы ближнихъ, и, кромѣ того, еще драгоцѣннѣйшая награда ожидала его въ Царскомъ Селѣ: тамъ онъ долженъ былъ въѣхать въ тріумфальныя ворота съ надписью: *Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва.* Какія жертвы не были бы вознаграждены такими высокими почестями? Какой подданный, насладившись до такой степени благодарностію государыни, не рѣшился бы на новое самоотверженіе? Такъ Екатерина умѣла владѣть сердцами, умѣла возбуждать ихъ къ новымъ подвигамъ какою-то особенностію наградъ своихъ. Воздвигая тріумфальныя ворота князю Орлову, она необыкновенно отличила и брата его, графа Алексѣя: онъ названъ былъ *Орловымъ-Чесменскимъ.* Соединивъ такимъ образомъ имя героя съ именемъ того мѣста, гдѣ пріобрѣлъ онъ громкую славу свою, Екатерина однимъ словомъ передала потомству исторію лучшей эпохи его жизни. Съ того времени это отличіе вошло въ обыкновеніе, и впослѣдствіи мы увидимъ его соединеннымъ со многими знаменитыми именами.

Новое названіе графа Орлова должно напомнить вамъ, друзья мои, войну Турціи съ Россіей, оставленную нами въ разсказѣ происшествій 1772 года почти оконченною. Всѣ, принимавшіе участіе въ ея окончаніи, ошиблись такъ же, какъ и мы: мирные переговоры въ Фокшанахъ не имѣли никакого успѣха, потому что Франція усерднѣе, нежели когда нибудь, продолжала вредить Россіи. Въ это время она уже склонила на свою сторону и Англію, и вмѣстѣ съ нею такъ сильно дѣйствовала на турокъ, что уполномоченные министры, съѣхавшіеся въ Фокшаны для разсужденія о мирѣ, скоро разъѣхались съ тѣмъ, чтобы опять возобновить непріятельскія дѣйствія.

Такая неожиданная смѣлость турокъ послѣ величайшаго унынія ихъ покажется для васъ не такъ удивительною, когда я скажу вамъ, что, кромѣ внушеній Франціи и Англіи, было еще одно обстоятельство, которое ободрило побѣжденную Турцію къ новымъ нападеніямъ на ея побѣдителей: это былъ слухъ, распространившійся по всей

Европѣ о затруднительномъ и даже опасномъ положеніи Россіи: турки спѣшили воспользоваться имъ.

Но прежде нежели мы увидимъ, чѣмъ кончатся новыя надежды враговъ Екатерины, для читателей моихъ, вѣрно, любопытно узнать, отчего распространился такой невыгодный для отечества нашего слухъ. О! были важныя причины для того, и вотъ въ чемъ состояли онѣ.

Едва жители Москвы и окружающихъ ее губерній начали приходить въ себя отъ миновавшихъ ужасовъ моровой язвы, какъ неожиданное никѣмъ происшествіе поразило новымъ страхомъ еще неуспокоенные умы ихъ: получено было извѣстіе отъ оренбургскаго губернатора, что между казаками, живущими въ окрестностяхъ его губерній, вспыхнуло возмущеніе, что начальникъ мятежниковъ называетъ себя *императоромъ Петромъ III* и, пользуясь этимъ именемъ, быстро покоряетъ всѣ мѣста, мимо которыхъ проходитъ, и уже грозитъ гибелью самому Оренбургу.

Такое дерзкое намѣреніе и успѣхъ, сопровождавшій его, не могли не испугать всякаго, кто имѣлъ понятіе о временахъ прежнихъ самозванцевъ и о многочисленности и духѣ казаковъ—сосѣдей Оренбурга. Чтобъ и вы могли получить такое же понятіе, надобно разсказать вамъ объ этихъ казакахъ.

Ихъ называютъ теперь казаками *уральскими*, но въ то время они назывались *яицкими*, по имени рѣки *Яика*, нынѣшняго *Урала*. Трудно рѣшить, откуда пришли первые поселенцы ихъ на берега этой рѣки, однакожъ, судя по собственнымъ преданіямъ ихъ и по словамъ достовѣрнѣйшихъ писателей, первые казаки яицкіе были выходцы съ Дона. Они, какъ и всѣ казаки, жили сначала разбоями, проводили весну и лѣто до глубокой осени въ разъѣздахъ по широкому Яику и даже по морю Каспійскому, грабили суда, проходившія тамъ, и на зиму съѣзжались въ бѣдныя селенія свои около нынѣшняго Уральска. Разбои, бывшіе ремесломъ новыхъ поселенцевъ яицкихъ береговъ, заставляли ихъ иногда бояться сосѣдей, обитавшихъ по обѣимъ сторонамъ этого же Яика. Взглянувъ на карту Россіи, вы увидите на правой сторонѣ его обширную степь

Волжскую, по которой кочевали въ то время остатки ордъ татарскихъ; на лѣвой — земли киргизъ-кайсаковъ: тѣ и другіе были иногда опасны для казаковъ яицкихъ. Чтобы имѣть сильное покровительство, они просили царя Михаила Ѳеодоровича принять ихъ подъ свою высокую руку. Заселеніе береговъ Яика людьми, подвластными Россіи, было очень выгодно для нея: они могли оберегать отъ непріятелей границы ея. И такъ, царь принялъ благосклонно новыхъ подданныхъ, пожаловалъ имъ грамоту на рѣку Яикъ, т. е. подарилъ имъ ее и позволилъ *набирать къ себѣ на житье вольныхъ людей.*

Съ этого времени число яицкихъ казаковъ безпрестанно умножалось, но, къ несчастію, понятія ихъ о гражданской жизни не улучшались: они все также разбойничали, и даже еще болѣе: теперь уже, выѣзжая на Каспійское море, они соединялись съ донскими казаками и грабили не только торговыя суда персіянъ, но даже приморскія селенія ихъ. Не одинъ разъ шахъ жаловался царю, и казаки, узнавъ объ этомъ, молили о прощеніи государя и заслуживали вины свои въ походахъ нашихъ въ Польшу и подъ Ригу; но, возвратясь на родину, многіе изъ нихъ принимались опять за прежнее ремесло. Такъ жили яицкіе казаки до временъ Петра I. Великій преобразователь, обращая благодѣтельный взоръ на все, жившее въ царствѣ его, не могъ оставить безъ вниманія и это неустроенное войско: онъ учредилъ у нихъ общій порядокъ управленія и отдалъ ихъ въ вѣдомство военной коллегіи. Но законы благоустроеннаго общества не понравились самовольнымъ жителямъ береговъ Яика: они часто возмущались; хотѣли даже убѣжать въ степи Киргизскія или къ туркамъ: одна привязанность къ родной, во всемъ обильной сторонѣ удерживала ихъ. Имъ не хотѣлось разстаться съ богатыми берегами Яика и потому они скоро оставляли намѣреніе свое, но за то безпрестанно показывали непослушаніе къ начальникамъ, которые и сами нѣсколько виноваты были: пользуясь данною имъ властію, они иногда притѣсняли своихъ подчиненныхъ. Казаки, вмѣсто того, чтобы просить о разобраніи ссоръ ихъ и ожидать отъ суда удовлетворенія, управлялись сами. Такъ случилось и въ 1771 году.

Екатерина для усмиренія мятежниковъ послала генерала *Фреймана,* который исполнилъ дѣло свое очень хорошо: всѣ они были пойманы и главные наказаны. Строгость наказанія и благоразумныя мѣры вновь учрежденнаго начальства [1]) усмирили самыхъ смѣлыхъ изъ нихъ и, казалось, навсегда уничтожили ихъ дерзкія намѣренія.

Но напрасно было такое ожиданіе! не прошло двухъ лѣтъ, какъ безпокойное войско снова заволновалось. На этотъ разъ, однакожъ, не одни казаки были виноваты: къ нимъ явился злодѣй, обманувшій логковѣріе ихъ. Это былъ бѣглый донской казакъ *Емельянъ Пугачевъ.*

Никогда ни одинъ человѣкъ не соединялъ въ себѣ столько дерзости и ничтожества, какъ этотъ низкій обманщикъ. Что болѣе доказывало то и другое, какъ не мысль простого, безграмотнаго казака представлять лицо императора? Это былъ тотъ самый обманщикъ, который назвалъ себя Петромъ III. Неизвѣстно, съ этою ли безумною мыслью онъ пришелъ на Яикъ или она поселилась въ головѣ его тамъ, когда онъ узналъ безпокойный духъ тамошнихъ казаковъ и легкость, съ которою можно было склонить ихъ къ мятежу, только въ концѣ 1772 года онъ появился въ селеніяхъ ихъ, жилъ въ работникахъ то у одного хозяина, то у другого; потомъ, не имѣя настоящаго письменнаго вида, былъ пойманъ, какъ бродяга отосланъ въ Казань, содержался около полугода въ тамошней тюрьмѣ, наконецъ успѣлъ убѣжать оттуда въ іюнѣ 1773 года, и опять къ яицкимъ казакамъ. Но въ этотъ разъ онъ шатался по хуторамъ ихъ уже не въ смиренномъ видѣ работника или донского бѣглеца; нѣтъ, теперь онъ окружилъ себя тайною, разсказывалъ о приключеніяхъ своихъ только избраннымъ сообщникамъ и тѣ уже объявляли другимъ, что подъ именемъ Емельяна Пугачева скрывается человѣкъ важный и знаменитый, что этотъ человѣкъ есть императоръ Петръ III, почитаемый народомъ за умершаго, но проживавшій около года въ Кіевѣ, потомъ въ Константинополѣ, наконецъ на Дону. «Оттуда»,—

---

[1]) Прежнее казацкое правленіе было уничтожено и начальникомъ казацкаго войска яицкаго сдѣланъ комендантъ Яицкаго городка.

говорили простодушнымъ казакамъ хитрые товарищи ихъ, сдѣлавшіеся друзьми Пугачева,—«оттуда батюшка нашъ пришелъ къ намъ на Яикъ; но сначала приняли его здѣсь за бродягу и отправили въ Казань. Богъ помогъ ему уйти оттуда и онъ благополучно опять явился къ намъ и мы, братцы, ужъ не выдадимъ его теперь и постоимъ за него. Онъ пойдетъ съ нами управляться съ нашими судьями, всѣхъ ихъ смѣнитъ,—самъ онъ говоритъ, что они судятъ неправедно, поставитъ новыхъ, дастъ намъ денегъ, сколько захотимъ!»

Такъ, или почти такъ, говорили приверженцы Пугачева и слова ихъ такъ сильно дѣйствовали на яицкихъ жителей, что въ сентябрѣ того же 1773 года шайка Пугачева состояла уже изъ 3,000 человѣкъ пѣхоты и конницы. Семь крѣпостей по берегамъ Яика и Илека были взяты имъ, прежде нежели губернаторъ оренбургскій, какъ ближайшій начальникъ того края, успѣлъ показать значительное спротивленіе его дерзости; слабыя распоряженія этого начальника только увеличивали успѣхи мятежниковъ. Вотъ одно доказательство этого: въ оренбургской тюрьмѣ содержался въ то время разбойникъ, по имени *Хлопуша*. Двадцать лѣтъ ужасалъ онъ грабительствомъ въ тѣхъ краяхъ, нѣсколько разъ былъ ссылаемъ въ Сибирь и нѣскольо разъ убѣгалъ оттуда опять въ Оренбургъ. Можно ли было представить себѣ, что губернатору придетъ мысль употребить этого злодѣя на увѣщаніе Пугачева? Онъ освободилъ его изъ тюрьмы и послалъ къ мятежникамъ съ предложеніемъ сдаться. Разумѣется, что Хлопуша взялся въ точности исполнить порученіе и, явясь къ Пугачеву, сдѣлался одинъ изъ преданнѣйшихъ приверженцевъ его. Вообще, малое вниманіе, обращаемое на первые шаги этого важнаго впослѣдствіи мятежника, было главною причиною его невѣроятныхъ успѣховъ. Не прежде какъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ посланъ былъ для усмиренія его изъ Петербурга генералъ-маіоръ *Каръ*. Но распоряженія его были также неудачны, и въ декабрѣ, когда мятежники, съ каждымъ днемъ усиливаясь, доходили уже до окрестностей Казани, императрица, на мѣсто Кара отправила генералъ-аншефа *Бибикова*,—вы-

боръ, въ полной мѣрѣ доказавшій проницательность государыни.

Александръ Ильичъ Бибиковъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, которые заслуживаютъ особенное вниманіе наше и которыми славилось царствованіе Екатерины. Кромѣ важныхъ заслугъ, оказанныхъ имъ отечеству въ продолженіе службы его, онъ особенно отличился въ опасное время Пугачевскаго бунта. Когда онъ получилъ важное порученіе государыни, народъ былъ уже вездѣ въ большемъ уныніи, повторяя разсказы о страшныхъ дѣлахъ самозванца, который ужасалъ жестокостію, неслыханною со временъ владычества татарскаго. Въ городахъ и селеніяхъ, покоренныхъ имъ, онъ казнилъ безъ разбора всѣхъ дворянъ и чиновниковъ, принималъ въ шайку свою только чернь, позволялъ ей пить и грабить, сколько она хотѣла. Такое позволеніе привлекло къ нему толпы башкирцевъ, калмыковъ и киргизовъ, разсѣянныхъ по обширнымъ степямъ Оренбургской губерніи, а съ такими дикими помощниками дерзкій злодѣй могъ сдѣлать много вреда,—и чего не могли опасаться тогда несчастные, которымъ угрожалъ онъ нашествіемъ! Ужасъ распространялся во всѣхъ мѣстахъ, куда онъ приближался. Дворяне, на которыхъ болѣе всего нападалъ онъ, бросали домы и имѣніе, спасая въ бѣгствѣ только себя и дѣтей своихъ.

Въ такомъ состояніи нашелъ Бибиковъ и Казань, пріѣхавъ туда 25-го декабря 1773 года. Его твердость и дѣятельныя распоряженія разсѣяли общее уныніе, и многіе изъ убѣжавшихъ жителей возвратились. Дворянство казанское сдѣлало еще болѣе: увлекаясь прекраснымъ примѣромъ Бибикова, который, не смотря на свое разстроенное здоровье, безотчетно жертвовалъ собою отечеству, оно также спѣшило доказать свое усердіе и предложило составить и вооружить на свой счетъ конное войско. Это благородное предложеніе было исполнено скоро и точно: съ каждыхъ двухъ сотъ душъ взяли одного рекрута, и отлично устроенный отрядъ порученъ начальству родственника Бибикова—генералу *Ларіонову*.

Екатерина была глубоко тронута преданностію казанцевъ и долго думала, какъ бы достойно наградить ее.

Чувствительной, исполненной благодарностію государынѣ представилась мысль, которая могла болѣе всего обрадовать дворянъ казанскихъ: она написала Бибикову, что желаетъ быть принятою въ сословіе ихъ и, какъ помѣщица казанская, пожертвовала также нѣсколько тысячъ рублей въ ту сумму, которая собиралась на общественное войско. Такая честь, такое лестное изъявленіе благодарности царицы обожаемой восхитили казанцевъ. Они не знали какъ изъяснить и радость свою, и величайшую признательность. Изъяснили то и другое и рѣчью дворянскаго предводителя своего, изъяснили и письмомъ къ государынѣ. Любопытно будетъ для васъ, милыя дѣти, узнать, что и эта рѣчь, и это письмо были сочинены *Державинымъ*, молодымъ гвардейскимъ офицеромъ, служившимъ при главнокомандующемъ, — тѣмъ самымъ Державинымъ, который впослѣдствіи былъ однимъ изъ лучшихъ поэтовъ нашихъ. Мы вѣрно еще будемъ имѣть случай представить здѣсь что нибудь изъ стихотвореній его, а теперь не хотите ли знать, какъ писалъ онъ въ то время прозою? Вотъ нѣсколько строкъ изъ письма дворянства казанскаго къ императрицѣ:

«Что ты съ нами дѣлаешь, въ трехъ частяхъ свѣта владычество имѣющая? Славимая въ концахъ земныхъ, честь царей, украшеніе коронъ, изъ боголѣпія величества своего, изъ сіянія славы своея, снисходишь и именуешься нашею *казанскою помѣщицею!* Та, которая даетъ законы полвселенной, подчиняетъ себя нашему постановленію! Та, которая владычествуетъ нами, подражаетъ нашему примѣру! Тѣмъ ты болѣе, тѣмъ ты величественнѣе!»

Живѣйшее чувство преданности говоритъ въ каждой строкѣ этого письма, котораго очень небольшую часть вы прочли здѣсь, друзья мои. Живѣйшимъ чувствомъ преданности исполнены были и всѣ дѣйствія дворянъ казанскихъ и даже войска, собраннаго ими, и потому дѣла, находившіяся въ распоряженіи Бибикова, шли очень успѣшно. Генералы и офицеры, отправленные имъ въ разныя стороны для истребленія мятежниковъ, безпрестанно увѣдомляли его объ удачныхъ дѣйствіяхъ своихъ: такъ генералъ-маіоръ *князь Голицынъ* въ мартѣ 1774 года освобо-

дилъ несчастный Оренбургъ, осаждаемый Пугачевымъ въ теченіе шести мѣсяцевъ; въ то же время храбрый подполковникъ *Михельсонъ*, которому впослѣдствіи принадлежала честь послѣдняго пораженія мятежника, избавилъ отъ него Уфу; генералъ *Мансуровъ*—крѣпости и городки Илецкій и Яицкій, взятыя имъ при началѣ возмущенія.

Съ такими помощниками умный Бибиковъ, вѣроятно, довершилъ бы скоро погибель злодѣя, но здоровье его разстроилось еще болѣе отъ трудовъ и безпокойствъ, а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ скончался отъ горячки. Казанцы были неутѣшны о потери своего избавителя,—такъ они, по справедливости, называли Бибикова. Но не одни они плакали по немъ: сама государыня приняла живѣйшее участіе въ потери, которая вскорѣ сдѣлалась общею горестью: съ смертію Бибикова Пугачевъ снова усилился и въ іюнѣ мѣсяцѣ уже ворвался въ Казань, и хотя только одинъ день пробылъ въ ней, но успѣлъ разграбить и сжечь всѣ церкви и домы ея [1]) и увести въ плѣнъ 10,000 жителей. На этотъ разъ Михельсонъ былъ освободителемъ несчастнаго города: онъ выгналъ жестокаго мятежника изъ стѣнъ его, возвратилъ свободу плѣнникамъ, уже уведеннымъ въ лагерь Пугачева, и на нѣсколько дней остался въ разоренномъ городѣ, чтобы хотя сколько нибудь успокоить несчастныхъ жителей.

Между тѣмъ злодѣй шелъ далѣе съ остатками шайки своей, почти совершенно разбитой Михельсономъ. Къ несчастію, эта шайка, всегда состоявшая изъ бродягъ и самыхъ дурныхъ людей, могла очень скоро снова наполняться: прошло немного дней и у него была уже не одна тысяча дерзкихъ товарищей. Онъ переправился съ ними за Волгу, по дорогѣ къ Москвѣ, взялъ Пензу и Саратовъ. Ужасъ овладѣлъ всѣми и препятствовалъ предаваться радости, тогда случившейся въ Россіи: новыя побѣды Румянцева въ странахъ, лежащихъ уже за Дунаемъ, наведя страхъ на всю имперію турецкую, принудили

[1]) Изъ 2,800 домовъ въ Казани сгорѣло тогда 2,057, кромѣ того двадцать пять церквей и три монастыря! Послѣ этого можно судить объ ужасахъ, сопровождавшихъ бунтъ Пугачева.

ее наконецъ къ миру, знаменитому для русскихъ и заключенному въ Кучукъ-Кайнарджи, 10-го іюля 1774 года. Этотъ миръ доставилъ Россіи Кинбурнъ, Азовъ, Таганрогъ и часть Крымскаго полуострова; утвердилъ независимость татаръ крымскихъ и кубанскихъ и тѣмъ уменьшилъ число подданныхъ турецкихъ, всегда наносившихъ вредъ Россіи, а теперь искавшихъ ея покровительства; наконецъ этотъ миръ открылъ русскимъ свободное плаваніе по Черному морю и по всѣмъ турецкимъ морямъ. Нельзя было не радоваться такому счастливому окончанію войны, которую враги Екатерины замыслили на гибель царства ея. Но кто могъ думать о радости, получая безпрестанно самыя печальныя извѣстія о жестокой судьбѣ городовъ и селеній, занятыхъ безчеловѣчнымъ мятежникомъ.

Окончаніе войны доставило императрицѣ возможность отправить къ войскамъ, сражавшимся съ Пугачевымъ, двухъ изъ лучшихъ генераловъ ея: графа Панина и Суворова. Но они оба пріѣхали къ арміи въ то время, когда уже храбрый Михельсонъ совершенно разбилъ злодѣя въ нынѣшней Саратовской губерніи, при городѣ Царицынѣ. Пугачевъ успѣлъ переправиться съ нѣсколькими казаками назадъ за Волгу и, потерявъ всю надежду, хотѣлъ бѣжать въ степи Киргизскія; но казаки, начиная уже думать о томъ, какъ бы заслужить прощеніе правительства, рѣшились выдать дерзкаго предводителя своего и привезли его связаннаго въ Яицкій городокъ, гдѣ онъ представленъ былъ Суворову, только что пріѣхавшему туда. На вопросы, которыя дѣлали самозванцу о причинахъ его дерзости, онъ отвѣчалъ: «*Богу угодно было наказать Россію чрезъ мое окаянство*».

Изъ Яицкаго городка его повезли въ Симбирскъ, въ деревянной клѣткѣ на двухколесной телѣгѣ. Двѣ пушки и многочисленный отрядъ солдатъ, бывшихъ подъ начальствомъ Суворова, сопровождали его. Въ Симбирскѣ онъ пробылъ недолго и отправленъ былъ въ Москву, гдѣ совершились надъ нимъ судъ и потомъ казнь. Во все время суда, продолжавшагося около двухъ мѣсяцевъ, онъ сидѣлъ на монетномъ дворѣ, прикованный къ стѣнѣ. Любопытные могли видѣть его съ утра до вечера, и говорятъ, что

взоры и голосъ его были такъ страшны, что многія женщины, при видѣ его, падали въ обморокъ. Наконецъ судьба его рѣшилась: онъ и пятеро главныхъ сообщниковъ его приговорены были къ смерти, восемнадцать другихъ—къ ссылкѣ въ Сибирь. Люди, которые видѣли эту казнь, разсказывали, что голосъ злодѣя былъ страшенъ даже и тогда, когда онъ, стоя на эшафотѣ, долженъ былъ отвѣчать на вопросы исполнителей приговора и громко, предъ всѣмъ народомъ, объявить, что онъ бѣглый донской казакъ Зимовейской станицы, *Емелька Пугачевъ*[1]).

Послѣ нѣсколькихъ земныхъ поклоновъ золотоверхимъ соборамъ и церквамъ московскимъ, Пугачевъ поклонился на всѣ стороны и сказалъ: «Прости, народъ православный; отпусти въ чемъ я согрубилъ предъ тобою... прости, народъ православный!»

Это были послѣднія слова преступника: чрезъ нѣсколько мгновеній потомъ его уже не было; но воспоминаніе о немъ еще долго пугало не только дѣтей, случайно видѣвшихъ его, но даже и взрослыхъ людей, и слово *Пугачевщина*, означая время его страшнаго бунта, всегда будетъ выражать въ понятіяхъ русскаго одну изъ ужаснѣйшихъ эпохъ исторіи отечественной.

---

[1]) Здѣсь надобно сказать читателямъ о благородномъ поступкѣ казаковъ зимовейскихъ. Узнавъ, что самозванецъ Пугачевъ есть уроженецъ станицы или деревни ихъ, они просили у государыни позволенія перенести жилища свои на другое мѣсто, чтобы не имѣть ничего общаго съ злодѣемъ. Они соглашались даже и на то, чтобы новое мѣсто было *менье выгодно,* нежели прежнее. Екатерина тронута была такимъ доказательствомъ усердія ихъ, но не хотѣла, чтобы они потерпѣли напрасные убытки, и для того перемѣнила только имя станицы ихъ, и вмѣсто Зимовейской назвала ее—*Потемкинской,* securityнаваніе, которого важность вы узнаете въ одномъ изъ слѣдующихъ разсказовъ.

Въ то же время и для той же причины перемѣнила императрица и названіе рѣки *Яика* на *Уралъ.*

ТОРЖЕСТВО МИРА СЪ ТУРЦІЕЙ И УЧРЕЖДЕНІЕ ГУБЕРНІЙ.

1775 годъ.

Много терпѣла бѣдная Москва въ послѣдніе четыре года! И ужасы моровой язвы, и страхъ, наведенный возмущеніемъ Пугачева, и наконецъ, судъ и казнь злодѣя, происходившіе въ стѣнахъ ея, все это распространило такое грустное уныніе по обширному городу, что, казалось, жители его совсѣмъ позабыли о веселіи, которое всегда было отличительною ихъ чертою. Вдругъ всѣ печальныя лица оживились, всѣ сердца забились радостію: разнеслась вѣсть, что государыня пріѣдетъ въ Москву праздновать славный Кайнарджискій миръ съ турками. Москвитяне, зная какъ добра государыня, осмѣливались думать, что она желаетъ утѣшить ихъ драгоцѣннымъ присутствіемъ своимъ за претерпѣнныя бѣдствія и не знали, какъ выразить и восторгъ, и благодарность свою. Они не ошиблись: Екатерина, обладавшая въ совершенствѣ тайною счастливить людей, въ самомъ дѣлѣ хотѣла праздновать знаменитый миръ въ Москвѣ для того, чтобы шумомъ этого торжества разсѣять уныніе ея жителей, чтобы знаками любви своей утѣшить ихъ. Это было первою цѣлію доброй, чувствительной государыни, второю—было самое торжество, которому она желала придать какъ можно болѣе блеска. Она любила блескъ, когда онъ нуженъ былъ, чтобы показать могущество царства ея, любила величаться превосходствомъ этого царства предъ другими, любила придавать всѣмъ обстоятельствамъ, относившимся до него, всю приличную имъ важность. Напримѣръ, какъ величественна была эта государыня, когда, украшенная всѣми знаками императорскаго достоинства, окруженная всѣмъ великолѣпіемъ двора своего, принимала иностранныхъ министровъ и посланниковъ! Прелестное лицо ея выражало тогда столько величія, столько важности, что всѣ видѣвшіе ее робѣли, какъ въ присутствіи существа неземного. Самые близкіе изъ придворныхъ, принятые въ домашній

кругъ императрицы, едва узнавали въ ней ту, съ которою наканунѣ такъ откровенно, такъ смѣло разговаривали. Перемѣна, которую находили между Екатериною, принимавшею избранныхъ гостей своихъ на маленькихъ вечерахъ, и Екатериною на тронѣ, въ торжественный день представленія двора, была чрезвычайно удивительна, и современники подтверждаютъ это многими анекдотами, изъ которыхъ нѣкоторые особенно любопытны. Напримѣръ, вотъ одинъ.

Однажды пріѣхалъ въ Петербургъ посланникомъ французскаго короля г. Веракъ, славившійся своимъ остроуміемъ и смѣлостію. За нѣсколько дней до представленія его Екатеринѣ онъ получилъ отъ знакомыхъ своихъ не одно предостереженіе о томъ, чтобы не сробѣть предъ государынею. Веселому французу показалось это странно; онъ смѣялся надъ излишнею заботливостію друзей своихъ и успокоивалъ ихъ тѣмъ, что онъ уже не въ первый разъ будетъ представлять лицо своего государя. Съ большою самонадѣянностію Веракъ отправился во дворецъ въ день своего представленія. Но какъ скоро онъ увидѣлъ Екатерину въ коронѣ и порфирѣ, какъ скоро глаза его встрѣтили ея взоры, въ которыхъ сіяло неизъяснимое величіе, смѣлость француза превратилась въ такое замѣшательство, что онъ въ одну минуту позабылъ всю длинную, давно заготовленную рѣчь и нѣсколько разъ повторялъ только начало ея: «Le roi, mon maître, le roi, mon maître...» [1]). Наконецъ Екатерина сжалилась надъ нимъ и съ улыбкою снисходительности договорила важную рѣчь его словами: «Il est de mes amis!» [2]).

Въ другой разъ то же самое случилось съ однимъ архіереемъ въ церкви, мимо которой государыня проѣзжала въ одно изъ путешествій своихъ по Россіи. Онъ, какъ и г. Веракъ, приготовилъ рѣчь, которою хотѣлъ встрѣтить императрицу при входѣ въ церковь. Но какъ скоро онъ увидѣлъ Екатерину, языкъ его, какъ будто онѣмѣвшій,

---

[1]) Король, мой государь, король, мой государь...

[2]) Онъ въ дружбѣ со мною.

едва могъ выговорить только: «Всемилостивѣйшая государыня, всемилостивѣйшая государыня!» Императрица, всегда сохранявшая удивительное присутствіе духа, умѣла и его такъ же, какъ г. Верака, вывести изъ замѣшательства. Съ обыкновенною привѣтливостію своею она подошла къ оробѣвшему пастырю и сказала ему: «Я прошу вашего благословенія».

Былъ также похожій на это случай и съ Александромъ Ильичемъ Бибиковымъ, о которомъ мы уже говорили. Екатерина любила и уважала Бибикова, и поэтому обходилась съ нимъ просто. Однажды ему надобно было произнести ей рѣчь отъ комиссіи составленія законовъ. Государыня шутя говорила ему наканунѣ: «Смотри не оробѣй!» — Помилуйте, ваше величество, отвѣчалъ Бибиковъ,—отъ чего? Я привыкъ къ вашимъ милостямъ, всякій день въ короткой бесѣдѣ съ вами.—«Однакожъ, остерегись», прибавила государыня,—«я тебя предупреждаю!» И что-жъ? на другой день онъ увидѣлъ государыню на тронѣ и долго не могъ оправиться отъ смущенія, чтобы сказать свою рѣчь.

По этимъ примѣрамъ можно судить, въ какой степени Екатерина обладала искусствомъ дѣйствовать на сердца и какъ естественно было въ ней это величіе, которымъ она удивляла всѣхъ. Здѣсь кстати представить читателямъ моимъ Екатерину, такъ какъ видѣлъ ее поэтъ, о которомъ мы уже упоминали, — Державинъ. Стихотвореніе, вѣрною кистію описывающее ее, называется «*Изображеніе Фелицы*». Державинъ начинаетъ его обращеніемъ къ живописцу, котораго проситъ написать изображеніе Екатерины, и разсказываетъ, какія черты составляютъ ее. Это стихотвореніе тѣмъ болѣе интересно, что вмѣстѣ съ этими чертами онъ часто соединяетъ въ описаніи своемъ и важнѣйшія происшествія изъ жизни великой государыни. Въ слѣдующихъ трехъ куплетахъ вы увидите описаніе прекрасной наружности Екатерины:

«Небесно-голубые взоры
И по ланитамъ нѣжна тѣнь,
Сквозь мракъ временъ, стихіевъ споры,
Блистали бы какъ ясный день;

Какъ утрення заря весення,
Такъ улыбалась бы она;
Какъ пальма, въ раѣ насажденна,
Такъ возвышалась бы стройна,

Какъ пальма клонитъ благовонну
Вершину и лицо свое,
Такъ тиху, важну, благородну
Ты поступь напиши ее.
Коричными чело власами,
А перломъ перси осѣни;
Премудрость и любовь устами,
Какъ розы дышутъ, изъясни.

Представь въ лицѣ ея геройство.
Въ очахъ—величіе души;
Премилосердно, нѣжно свойство
И снисхожденье напиши;
Не позабудь пріятность въ нравѣ
И кроткій гласъ ея рѣчей.
Во всей изобрази ты славѣ
Владычицу души моей».

Но въ куплетѣ, который слѣдуетъ за этимъ, вы увидите описаніе не только наружности государыни, но и той минуты, когда она, въ день восшествія своего на престолъ, предводительствовала гвардіею и принимала присягу ея, сидя на бѣлой лошади, въ военной одеждѣ:

Одѣнь въ доспѣхи, въ брони златы
И въ мужество ея красы,
Чтобъ шлемъ блисталъ на ней пернатый,
Зефиры вѣяли власы;
Чтобъ конь подъ ней главой крутился
И бурно бразды опѣнялъ.
Чтобъ Нордъ сѣдой ей удивился
И обладать собой избралъ.

Избралъ—и падши на колѣна,
Поднесъ бы скиптръ ей и вѣнецъ.
Она, мольбой его смягченна
И ставъ владычицей сердецъ,
Безстрашно узы-бъ разрѣшила
Издревле скованныхъ цѣпьми,
Свободой бы рабовъ плѣнила
И нарекла себѣ дѣтьми.

Въ этихъ послѣднихъ строкахъ поэтъ говоритъ о томъ манифестѣ, которымъ императрица подтвердила права, данныя супругомъ ея дворянству.

Теперь послушайте, какъ хорошо описаны имъ тогдашнія границы отечества нашего:

«Престолъ ея на Скандинавскихъ,
Камчатскихъ и Златыхъ горахъ.
Отъ странъ таймурскихъ до кубанскихъ
Поставь на сорокъ-двухъ столпахъ [1]).
Какъ восемь бы зерцалъ стояли
Ея великія моря;
Съ полнеба звѣзды освѣщали
Вокругъ багряная заря.

Средь дивнаго сего чертога
И велелѣпной высоты,
Въ величествѣ, въ сіяньи Бога
Ее изобрази мнѣ ты:
Чтобъ, сшедъ съ престола, подавала
Скрижаль заповѣдей святыхъ;
Чтобы вселенна признавала
Гласъ Божій, гласъ природы въ нихъ».

Здѣсь послѣднія четыре строки относятся къ божественному Наказу ея, о которомъ мы уже говорили, друзья мои. Помните, какъ она созвала разноплеменныхъ подданныхъ своихъ для разсужденій о новыхъ законахъ? Поэтъ живо представляетъ здѣсь и это необыкновенное происшествіе въ исторіи царствъ:

«Чтобъ дики люди отдаленны,
Покрыты шерстью, чешуей,
Пернатыхъ перьемъ испещренны,
Одѣты листьемъ и корой,
Сошедшися къ ея престолу
И кроткихъ внявъ законовъ гласъ,
По желтосмуглымъ лицамъ долу
Струили токи слезъ изъ глазъ.

Струили-бъ слезы и блаженство
Своихъ проразумѣя дней,
Забыли бы свое равенство

[1]) Сорокъ два столпа означаютъ здѣсь 42 тогдашнія губерніи.

И были всѣ подвластны ей:
Финнъ въ морѣ, блѣдный, рыжевласый,
Не разбивалъ бы кораблей,
И узкоглазый гуннъ жалъ класы
Среди сѣдыхъ, сухихъ зыбей.

Припомни, чтобъ она вѣщала
Безчисленнымъ ея ордамъ;
— Я счастья вашего искала
И въ васъ его нашла я вамъ,
Ставъ сами вы себѣ послушны:
Живите, славьтеся въ мой вѣкъ,
И будьте столь благополучны
Колико можетъ человѣкъ».

Я думаю, вы помните, любезные читали, и то, когда именно Екатерина наша сказала эти драгоцѣнныя для народа русскаго слова, которыя наполняютъ здѣсь послѣднія двѣ строки?

Но послѣ большого нашого отступленія въ страну высокой поэзіи Державина возвратимся къ скромному описанію нашему празднованія Кайнарджискаго мира. Почти всѣ генералы, отличившіеся во время войны, сопровождали государыню въ Москву. Екатерина желала, чтобы знаменитѣйшему изъ нихъ, графу Румянцеву, отдана была почесть, достойная побѣдъ его: чтобы онъ въѣхалъ въ городъ на торжественной колесницѣ, въ ворота тріумфальныя; но побѣдитель турокъ былъ столько же скроменъ, какъ и великъ: онъ упросилъ государыню избавить его отъ чести, столь высокой, и въѣхалъ въ столицу просто.

Торжество мира началось не веселостями, но, по благочестивому обычаю русскихъ, началось прежде всего принесеніемъ благодаренія Богу. Императрица [1]), по особенной

[1]) Эта великая государыня, не смотря на то, что родилась и прожила до четырнадцатилѣтняго возраста въ странѣ нѣмецкой, умѣла, можно сказать, переродиться во второмъ отечествѣ своемъ, умѣла сдѣлаться русскою во всѣхъ отношеніяхъ. Она слѣдовала всѣмъ обычаямъ нашимъ, начиная отъ самыхъ важныхъ до самыхъ простыхъ. Въ воскресные дни всегда бывала у заутрени и обѣдни, во время постовъ показывала собою примѣръ набожности и воздержанія. Въ праздники любила веселиться такъ же, какъ веселились ея подданные; напримѣръ въ святки, при дворѣ пѣли подблюдныя пѣсни, играли въ жмурки, фанты и хороводы. На Святой недѣли всѣ, безъ различія званія, христосова-

набожности своей, ходила пѣшкомъ въ Троицкую лавру св. Сергѣя поклониться тамъ мощамъ угодника, всегда чудесно помогавшаго народу ея, и потомъ уже, возвратясь изъ этого благочестиваго путешествія, она отдала повелѣніе дѣлать приготовленія къ торжеству. Главное мѣсто для него было назначено на полѣ Ходынскомъ. Въ короткое время это обширное поле покрылось множествомъ легкихъ прекрасныхъ строеній, которыя представляли глазамъ удивленныхъ жителей Москвы какой-то новый волшебный городъ: это было ничто иное, какъ разныя увеселительныя залы, галлерея, театры въ видѣ крѣпостей, городовъ и даже кораблей. Названія ихъ напоминали всѣ знаменитыя происшествія войны турецкой: тутъ можно было видѣть и Азовъ, и Чесму и Кайнарджи.

Приготовленія кончились не прежде 10-го іюля, и съ нетерпѣніемъ ожидаемые праздники начались въ тотъ торжественный день. Рано поутру главныя улицы московскія наполнились народомъ. По обѣимъ сторонамъ ихъ стояли ряды солдатъ. Предъ обѣднею раздался громъ пушекъ: государыня, со всею многочисленною свитою придворныхъ, шла изъ дворца въ Успенскій соборъ. Она была въ коронѣ и порфирѣ, подъ балдахиномъ, который несли восемь генералъ-маіоровъ, шнуры держали восемь генералъ-поручиковъ. Предъ императрицею шелъ графъ Румянцевъ, главное лицо торжества.

Послѣ обѣдни и молебна шествіе отправилось такимъ же порядкомъ въ Грановитую палату. Здѣсь императрица

лись, мѣнялись яйцами; на масляницѣ — катались съ горъ и еще чаще—въ саняхъ. Это послѣднее катанье было необыкновенно: нѣсколько маленькихъ саней привязывали однѣ къ другимъ; въ первыя же большія сани запрягали лошадей десять или двѣнадцать и такимъ образомъ эти лошади тащили за собою весь поѣздъ. При такомъ катаньѣ нерѣдко случалось, что нѣкоторыя изъ маленькихъ саней на поворотѣ улицъ опрокидывались; но какъ сани ѣхали тихо, то для сидѣвшихъ въ нихъ не было никакихъ послѣдствій, кромѣ того, что они отъ всей души смѣялись и заставляли другихъ смѣяться надъ своимъ паденіемъ и неловкостію. Вообще веселость и непринужденность были всегда главною прелестію общества Екатерины. Прибавьте къ тому, что она чаще всего говорила по-русски, что она любила этотъ языкъ какъ свой родной, что она любила русскихъ какъ дѣтей своихъ, и вы поймете причину той безпредѣльной привязанности, которую русскіе чувствовали къ своей государынѣ.

желала лично раздать награды храбрымъ генераламъ своимъ. Эта картина была неописанно прекрасна. Вообразите себѣ славную палату Грановитую, т. е. огромный, великолѣпный залъ, гдѣ возвышался древній тронъ царей русскихъ; вообразите на этомъ тронѣ государыню, которой лицо сіяло небесною кротостію и величіемъ, которой каждое движеніе было исполнено прелести и достоинства; вообразите толпу воиновъ, изъ которыхъ почти каждый отличился чѣмъ нибудь особеннымъ — и потомъ скажите, какая картина могла быть прекраснѣе и величественнѣе? Эта необыкновенная раздача наградъ припоминала времена рыцарства, когда знаменитѣйшія принцессы собственными руками надѣвали лавровые вѣнки на героевъ-побѣдителей. Очарованіе было тѣмъ совершеннѣе, что и здѣсь также главный полководецъ получилъ вѣнокъ; только лавровые листья этого вѣнка не были обыкновенные зеленые, украшающіе природныя вѣтви этого знаменитаго дерева, но были золотые, осыпанные крупными брилліантами. Кромѣ того, Румянцевъ получилъ брилліантовую шпагу и масличную вѣтвь за миръ; получилъ орденъ св. Андрея, подмосковную деревню съ 5,000 душъ крестьянъ и съ громкимъ именемъ *Кайнарджи,* въ память той деревни, въ которой заключенъ миръ, 100,000 рублей на постройку дома и, наконецъ, знаменитое названіе *Задунайскаго.* Вотъ примѣръ, по которому можно судить, съ какою щедростію Екатерина награждала усердныхъ подданныхъ своихъ. И прочіе генералы получили каждый по заслугамъ своимъ. Попечительная государыня, при общей радости, не забыла также и народъ: ему сдѣлали большія облегченія въ податяхъ, освободили множество заключенныхъ въ темницахъ, простили значительное число разнаго рода преступниковъ, и особенно всѣхъ участвовавшихъ въ бунтѣ Пугачева.

Такъ кончился первый день торжества великодушной Екатерины. Послѣ того было при дворѣ нѣсколько баловъ, обѣдовъ, а потомъ 21-го числа праздникъ на полѣ Ходынскомъ. Въ этотъ день государыня хотѣла веселиться вмѣстѣ съ народомъ. Съ такою же пышностію, какъ и въ первый разъ, отправилась она въ новопостроенный прелестный го-

родокъ Ходынскій. Тамъ въ каждомъ изъ устроенныхъ легкихъ зданій приготовлено было что нибудь особенное. Прежде всего государыня и весь дворъ взошли въ высокую галлерею, откуда видна была вся площадь. Съ первыми шагами ея тамъ раздались сигнальные выстрѣлы и упали покрывала съ возвышеній, разставленныхъ въ разныхъ мѣстахъ площади, и шумно забили фонтаны, до той минуты никѣмъ не примѣченные. И знаете ли, что̀ было подъ покрывалами? Цѣлые жареные быки съ позолоченными рогами, наполненные разными съѣстными припасами и лакомствами, а фонтаны били вкусными винами виноградными. Веселье счастливаго народа было въ тотъ день неописанно, государыня любовалась необыкновеннымъ обѣдомъ, который, разумѣется, кончился въ нѣсколько минутъ. При такихъ случаяхъ каждому позволялось показывать удальство свое, и лучшіе куски царскаго угощенія обыкновенно доставались самымъ ловкимъ и смѣлымъ. Кому же удалось сорвать голову быка съ его позолоченными рогами, тотъ получалъ еще награжденіе отъ государыни. Послѣ этого вы можете представить себѣ, съ какимъ усердіемъ бросился народъ на высокія пирамиды кушаньевъ и какъ скоро быки исчезли изъ глазъ зрителей! Послѣ сытнаго обѣда добрая царица веселила гостей своихъ разными забавами. Во всѣхъ концахъ площади гремѣла музыка, фигляры ходили по канатамъ, фокусники удивляли народъ чудесами проворства и ловкости.

Между тѣмъ въ одномъ изъ лучшихъ зданій новаго городка, въ Азовской крѣпости, приготовленъ былъ великолѣпный обѣдъ для 319 особъ первыхъ чиновъ государства. Здѣсь, за пышнымъ столомъ, государыня опять отличила главнаго виновника праздника: Румянцевъ сидѣлъ подлѣ нея, мать его — подлѣ наслѣдника престола, великаго князя Павла Петровича. И какъ будто считая всѣ милости свои недостаточными для вознагражденія того, кто жертвовалъ за отечество жизнію и съ такою славою избавилъ его отъ опасностей, Екатерина довершила торжество Румянцева новымъ знакомъ благоволенія своего: въ концѣ обѣда взяла бокалъ шампанскаго, привстала съ мѣста своего и при громѣ пушекъ пила здоровье героя

Задунайскаго. Сколько благодарности, сколько усердія къ престолу чувствовало въ это время благородное сердце фельдмаршала и сколько блаженства разливалось въ сердцѣ его счастливой матери,—этого невозможно описать.

Однимъ днемъ не кончились праздники на Ходынской площади: 23-го числа были тамъ опять новыя увеселенія. Въ этотъ разъ они начались послѣ обѣда. Государыня со всѣмъ дворомъ ходила тамъ по ярмаркѣ Таганрогскаго городка, покупала множество товаровъ, ей ненужныхъ, чтобы только обрадовать торговцевъ. Въ шесть часовъ лучшіе артисты давали оперу; потомъ въ одной изъ галлерей былъ маскарадъ; наконецъ, на корабляхъ, построенныхъ на Ходынской площади, сожженъ былъ фейерверкъ, напомнившій великолѣпнымъ пламенемъ своимъ побѣду русскихъ при Чесмѣ.

Вотъ какъ праздновала великая государыня знаменитыя побѣды своихъ воиновъ! Пышность этихъ праздниковъ поразила удивленіемъ всѣхъ иностранныхъ министровъ, тутъ находившихся, и особенно посланника турецкаго, пріѣхавшаго отъ государя своего съ грамотою мира и съ драгоцѣнными подарками.

Примѣчательный по этому миру 1775 годъ сдѣлался еще примѣчательнѣе для русскихъ по новому великому дѣлу государыни. Занимаясь съ самаго восшествія своего на престолъ улучшеніемъ законодательства, занимаясь сочиненіемъ безсмертнаго Наказа своего, Екатерина видѣла, какъ много недостатковъ было во всѣхъ частяхъ управленія колоссальнаго государства, котораго образованіе, такъ быстро совершаемое рукою Петра Великаго, прервано было его преждевременною кончиною. Она видѣла, что все начатое имъ требовало продолженія тѣхъ попеченій, при которыхъ такъ хорошо возрастало его твореніе; видѣла, что многія, еще ненужныя при немъ перемѣны дѣлались необходимыми при новыхъ обстоятельствахъ царства, со всѣхъ сторонъ увеличеннаго пріобрѣтеніями. Эти перемѣны всего нужнѣе были въ общемъ устройствѣ областей, въ ихъ управленіи и даже въ самомъ раздѣленіи. Многія изъ нихъ были такъ велики и пространствомъ, и населенностію, что начальственныя въ нихъ лица затрудня-

лись въ отправленіи должностей своихъ, тѣмъ болѣе, что эти должности, давно учрежденныя, уже не согласовались съ настоящимъ положеніемъ жителей, такъ много измѣнившимся противъ прежняго. И такъ, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства, сообразивъ ихъ со всею проницательностію мудрой законодательницы, Екатерина рѣшилась дать новое образованіе всему составу своей обширной имперіи и раздѣлить ея неправильныя и несоразмѣрныя области на правильныя, одинаково-устроенныя *губерніи*. Всѣ мѣры для такого раздѣленія, всѣ законы новаго управленія, всѣ обязанности новыхъ чиновниковъ были обдуманы и написаны самою государынею въ книгѣ, извѣстной подъ названіемъ *Учрежденіе о губерніяхъ*. По этому превосходному и такъ много прославившему Екатерину учрежденію раздѣлена вся Россія почти на одинаковыя пространства, названныя *намѣстничествами*. Такое названіе произошло отъ того, что главныя лица, назначенныя управлять ими, были названы государынею *намѣстниками*. Екатерина такъ любила русскій языкъ, что и для должностей предпочитала русскія названія, напримѣръ: *намѣстникъ, исправникъ, засѣдатель* и проч. Послѣдніе и теперь такъ называются; *намѣстники* же впослѣдствіи стали называться *генералъ-губернаторами*. Эти важныя лица государственныя, получившія въ книгѣ *Учрежденіе о губерніяхъ* подробное наставленіе отъ императрицы, какъ отправлять многочисленныя обязанности свои, замѣнили прежнихъ *воеводъ*, которые въ областяхъ, имъ ввѣренныхъ, пользовались такою властію, что рѣшеніе всѣхъ дѣлъ областныхъ жителей зависѣли отъ нихъ и воеводской ихъ канцеляріи, куда надобно было пріѣзжать каждому, кто имѣлъ какое нибудь дѣло до воеводы, какъ ни велико было бы разстояніе до областного города; теперь же, въ новыхъ губерніяхъ, каждый городъ и округъ его имѣли своихъ судей для разбора дѣлъ, и если нужно было высшее разрѣшеніе начальства, то отсылались однѣ бумаги въ тѣ мѣста, которыя учреждены были въ главномъ городѣ губерніи. Такимъ образомъ явились у насъ въ уѣздныхъ городахъ суды *Уѣздный* и *Земскій*, а въ губернскихъ, кромѣ этихъ судовъ, учреждены были палаты: *Казенная*, *Гражданская* и *Уго-*

ловная и *Правленіе губернское.* Для купечества и мѣщанства учреждены особенные суды: въ губернскихъ городахъ — *магистраты,* а въ уѣздныхъ — *ратуши.* Кромѣ того, въ *Учрежденіи о губерніяхъ* улучшены правила для полиціи и обращено материнское вниманіе государыни на безпомощное состояніе дѣтей, которыя, потерявъ въ младенческомъ возрастѣ родителей, оставались съ имѣніемъ своимъ на рукахъ родственниковъ, часто пользовавшихся беззащитнымъ сиротствомъ ихъ и разорявшихъ наслѣдство ихъ. Для такихъ бѣдныхъ дѣтей и для управленія имѣніями ихъ учреждено также особенное присутственное мѣсто, подъ названіемъ *Опеки* — для дворянства, *Сиротскаго суда* — для купечества и мѣщанства. Дѣтей же, которымъ родители не оставляли никакого состоянія и которыя, слѣдовательно, не имѣли никакой надежды получить не только воспитаніе, но даже часто и содержаніе, государыня брала подъ свое особенное покровительство и для нихъ учредила *Приказъ общественнаго призрѣнія,* — такое присутственное мѣсто, которому поручены были всѣ народныя школы, гдѣ учились такія дѣти, и всѣ богоугодныя заведенія для другихъ бѣдныхъ, т. е. богадѣльни, больницы, домы для больныхъ неизлечимыхъ, для лишенныхъ ума, домы воспитательные и сиротскіе, гдѣ жили и учились дѣти-сироты совершенно безпомощныя и не имѣвшія даже и родственниковъ, которые бы могли сколько нибудь заботиться о нихъ. Изъ этого описанія вы видите, какъ важна и благодѣтельна была цѣль Приказа общественнаго призрѣнія. Не менѣе важно было учрежденіе еще одного присутственнаго мѣста — *Совѣстнаго суда.* Здѣсь назначено было разсматривать дѣла, не подходящія подъ общія правила законовъ, напримѣръ: преступленія, недоказанныя ясными свидѣтельствами, или сдѣланныя людьми безумными или малолѣтними, которые не могли понимать всей важности проступка своего; однимъ словомъ, всѣ такія дѣла, гдѣ надобно было судить болѣе по совѣсти, нежели по доказательствамъ преступленія.

Вотъ какъ прекрасно устроены были всѣ части новаго управленія! Вотъ какъ малѣйшія обстоятельства ихъ были удивительно предвидѣны и обдуманы правительницею-го-

сударынею! 7-го ноября 1775 года обнародованъ былъ манифестъ о новомъ учрежденіи, и первыя явившіяся въ Россіи губерніи были *Тверская* и *Смоленская*. Онѣ открыты были прежде всѣхъ другихъ для образца, для испытанія новыхъ учрежденій, и когда увидѣли прекрасное устройство ихъ, когда почувствовали благодѣтельныя слѣдствія порядка, вмѣстѣ съ ними распространившагося, всѣ благословляли новую милость императрицы. Она сама удостовѣрилась въ величайшей пользѣ новыхъ распоряженій и приказала ввести ихъ во всѣ мѣста своихъ владѣній.

ВООРУЖЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТЪ ИЛИ НОВАЯ СЛАВА ЕКАТЕРИНЫ.

ОТЪ 1775 ДО 1780 ГОДА.

(5 лѣтъ).

Послѣ всего того, что мы читали о дѣлахъ Екатерины, вы, вѣрно, удивитесь, милые читатели, увидѣвъ заглавіе этого разсказа. Неужели эта громкая, многоразличная, можно сказать, почти безпредѣльная слава можетъ еще увеличиться новою? Да, друзья мои, такова сила генія. Онъ не истощается отъ лѣтъ, не утомляется отъ дѣятельности; способности его, напротивъ того, съ лѣтами совершенствуются, съ дѣйствіями развиваются, и тамъ, гдѣ человѣкъ обыкновенный останавливается, считая всѣ обязанности свои исполненными, геніальный — не видитъ еще и половины дѣлъ своихъ оконченными. Не удивляйтесь же возрастающей съ каждымъ годомъ славѣ Екатерины: духъ ея безпрестанно стремился къ увеличенію этой славы, а тогдашнее состояніе Европы безпрестанно представляло ей случаи къ тому.

Вскорѣ послѣ Кайнарджискаго мира безпокойные турки снова заволновались; всего болѣе огорчила ихъ независимость Крыма, и съ досады на потерю знаменитаго полуострова, они всѣми силами старались по крайней мѣрѣ уменьшить сближеніе его съ Россіею и не хотѣли утвер-

ждать хана Сагинъ-Гирея, избраннаго крымцами съ согласія покровительствовавшей имъ Россіи. Чтобы предупредить опасныя слѣдствія новыхъ раздоровъ, Екатерина приказала войскамъ своимъ снова подвинуться къ границамъ турецкимъ, и особенно къ предмету споровъ—Крыму,—графъ Румянцевъ, снова главный начальникъ войскъ русскихъ, уже принужденъ былъ начать непріятельскія дѣйствія, какъ вдругъ всѣ неудовольствія прекращены были совсѣмъ неожиданнымъ образомъ: Франція, прежде всегда старавшаяся вредить Россіи въ дѣлахъ ея съ Турціей, вдругъ сдѣлалась защитницей нашей и убѣжденіями своими заставила султана вспомнить условія Кайнарджискаго мира и снова подтвердить ихъ въ полной силѣ: независимость Крыма во второй разъ была признана, и Сагинъ-Гирей названъ ханомъ. Но отъ чего произошла такая перемѣна въ расположеніи Франціи? Отъ того, что она сама имѣла нужду въ помощи сильной Россіи, отъ того, что боялась войны съ англичанами за возобновившіеся споры о владѣніяхъ въ Америкѣ. Но и кромѣ этихъ споровъ между англичанами и французами, въ Европѣ происходили тогда еще другія безпокойства, отвлекшія вниманіе всѣхъ государствъ отъ турокъ, заставлявшія многія изъ нихъ желать, чтобы Россія, успокоенная миромъ съ Турціей, обратила могущественное вліяніе свое на дѣла ихъ. Вотъ въ чемъ состояли эти дѣла.

Въ концѣ 1777 года скончался баварскій курфирстъ Максимиліанъ, не оставивъ дѣтей. Родственники его, считавшіе себя наслѣдниками, явились съ всѣхъ сторонъ. То были младшій баварскій домъ, супруга курфирста саксонскаго, герцогъ Мекленбургъ - Шверинскій и герцогъ Пфальцскій. Столько искателей наслѣдства, конечно, не могли кончить дѣла безъ спора. Нѣкоторые изъ нихъ были въ родствѣ съ дворомъ прусскимъ, другіе—со австрійскимъ, а Фридрихъ II и Марія-Терезія были всегда такъ несогласны между собою, что, казалось, радовались каждому случаю къ войнѣ. Наслѣдство же баварское представляло имъ тѣмъ болѣе такихъ случаевъ, что одинъ изъ наслѣдниковъ, герцогъ-палатинъ, уступилъ за денежное вознагражденіе всѣ права свои императрицѣ австрійской и сыну

ея Іосифу, бывшему уже тогда императоромъ. Началось раздѣленіе страны осиротѣвшей: Марія-Терезія хотѣла присвоить себѣ слишкомъ великій участокъ наслѣдства; король прусскій вступился за права герцоговъ Саксонскаго и Пфальцскаго, и война началась. Фридрихъ, не смотря на старость свою, начальствовалъ самъ арміею; но примѣтно было, что прежняя пылкость и мужество уже не оживляли храбраго короля и всѣ движенія войскъ его были медленны, а самъ онъ вмѣсто того, чтобы, какъ прежде, въ походной палаткѣ чертить планы сраженій, сидѣлъ чаще всего въ покойныхъ квартирахъ за письменнымъ столикомъ и занимался литературою.

Ведя войну въ такомъ расположеніи духа, Фридрихъ, вѣроятно, не скоро бы окончилъ ее, еслибы сильная союзница его Россія не склонилась на просьбы его и не взяла сторону его и тѣхъ изъ принцевъ-искателей наслѣдства баварскаго, которые были подъ защитой его. Это случилось въ то самое время, когда окончилась война русскихъ съ турками, и было причиною, ускорившею ея окончаніе. Какъ скоро войско Екатерины получило повелѣніе идти на помощь къ королю прусскому, Марія-Терезія сдѣлалась гораздо сговорчивѣе въ спорахъ о Баваріи; другіе участники наслѣдства послѣдовали примѣру ея, и императрицѣ русской принадлежала честь окончить важную для Европы ссору почти всей Германіи. При этомъ случаѣ много пострадала гордость австрійскаго двора. Давно ли онъ былъ первымъ, знаменитѣйшимъ, древнѣйшимъ по своему императорскому достоинству въ Европѣ? А теперь новое, еще такъ недавно образованное государство пользовалось уже первенствомъ и заставляло всѣ другія государства покоряться своей волѣ! Марія-Терезія никогда не могла простить Екатеринѣ этого обиднаго для Австріи превосходства Россіи. Но съ завистію смотря на славу императрицы русской, она не могла тайно не удивляться ей, особливо когда вскорѣ потомъ новое дѣло Екатерины заставило самыхъ жестокихъ враговъ ея согласиться, что она справедливо занимала первое мѣсто между европейскими государями, ей современными.

Важность этого дѣла болѣе всего доставила Екатеринѣ

ту новую славу, о которой мы говорили въ началѣ этого разсказа. Вотъ подробности его.

Вѣрно всѣ вы, друзья мои, уже понимаете, сколько пользы приноситъ торговля государствамъ и даже всякому небольшому обществу людей. Она удовлетворяетъ всѣ нужды ихъ, доставляетъ одной странѣ произведенія другой, знакомитъ ихъ между собою, переноситъ просвѣщеніе изъ мѣстъ образованныхъ въ селенія дикія, еще лишенныя этого счастія. Всѣ эти выгоды дѣлаются особенно важны, если торговля производится посредствомъ мореплаванія, соединяющаго между собою самыя отдаленныя страны, почему мудрые государи и правители народные всегда покровительствовали мореплаванію и торговлѣ. Прежде всѣхъ въ Европѣ начала славиться этимъ покровительствомъ Англія, и въ то время, когда открытіе Америки, и вмѣстѣ съ нею открытіе безчисленныхъ богатствъ ея, произвело между государствами европейскими много споровъ и войнъ за владѣнія въ Новомъ Свѣтѣ, Англія, одна Англія защищала торговлю, которая имѣла большую нужду въ этой защитѣ: безпокойства народныя, несогласіе и войны бываютъ всегда для нея губительны. Англія умѣла спасти ее въ это смутное время, распространяя во всѣхъ странахъ правило, что опустошенія войны не должны касаться до тѣхъ государствъ, которыя не участвуютъ въ ней, и что корабли ихъ могутъ безъ всякой опасности ходить съ товарами своими по всѣмъ морямъ. Здѣсь надобно сказать вамъ, что такое неучаствующее въ войнѣ, т. е. незащищающее ни ту, ни другую изъ спорящихъ сторонъ государство называется *нейтральнымъ*, отъ слова *нейтралитетъ* (неучастіе).

И такъ, нейтральные корабли, благодаря покровительству Англіи, долго пользовались правами своими и безопасно привозили товары даже въ такія государства, которыя вели войну. Но великодушіе англичанъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока на моряхъ были у нихъ опасные соперники, французы; когда же во время одной войны съ Франціей удалось имъ истребить почти всю морскую силу этого государства и сдѣлаться повелителями всѣхъ морей, дѣло взяло другой оборотъ: англичане увидѣли, что защита

торговли нейтральныхъ государствъ лишаетъ ихъ больших выгодъ, и только ихъ однихъ, потому что всѣ другія государства уже не имѣли возможности спорить съ ними на морѣ. Для чего же и противъ кого защищать то, что только они одни могли брать, безъ всякихъ споровъ, по праву сильнаго? Разсуждая такимъ образомъ, англичане начали поступать совершенно противъ того, какъ поступали прежде, и если они имѣли войну съ какимъ либо государствомъ, то всякій корабль, шедшій туда или оттуда, дѣлался законною собственностію ихъ, какъ скоро они могли только захватить его. Въ это время они уже не обращали вниманія на то, что такой корабль могъ быть нейтральнымъ: они присвоивали себѣ всякій, и тѣмъ удобнѣе, что вели войну съ многими государствами, особливо съ тѣхъ поръ, какъ начались безпокойства въ американскихъ владѣніяхъ ихъ и нѣкоторыя изъ государствъ европейскихъ вмѣшались въ эти ссоры.

Такимъ образомъ торговля, притѣсняемая однимъ изъ сильнѣйшихъ народовъ морскихъ, не могла не придти въ упадокъ. Каждое государство болѣе или менѣе почувствовало это, но ни одно не осмѣливалось спорить съ могущественною, непобѣдимою на морѣ Англіей. Положеніе многочисленнаго класса людей, занимавшихся торговлею, сдѣлалось особенно стѣснительно и несчастно съ 1778 года, когда открылась явная война у англичанъ съ французами въ Америкѣ. Скажемъ подробнѣе о причинахъ этой важной войны.

Англичане, всегда отличавшіеся торговыми дѣлами и мореходствомъ, основали много колоній въ Сѣверной Америкѣ. Эти колоніи, состоя первоначально изъ нѣсколькихъ семействъ, начали быстро увеличиваться переселенцами изъ Англіи, а впослѣдствіи времени и изъ другихъ государствъ европейскихъ. Такіе успѣхи произошли отъ выгодъ, предоставленныхъ англійскимъ правительствомъ жителямъ новыхъ областей и отъ изобилія природы американской, обѣщавшей богатства даже и тѣмъ людямъ, которые, не смотря на свои неутомимые труды, не могли избавиться отъ бѣдности въ Европѣ. Такимъ образомъ англійскія провинціи въ Сѣверной Америкѣ сдѣлались, на-

конецъ, столько многолюдны и сильны, что могли уже составить отдѣльное государство, независящее отъ прежняго отечества его, Англіи. Отдаленность этого отечества, неудобства сношеній съ нимъ и происходившіе оттого безпорядки въ правленіи заставляли американскихъ англичанъ сильно желать освобожденія отъ зависимости Старой-Англіи. Но они не достигли бы такъ скоро исполненія своего желанія, еслибы французы не помогли имъ и деньгами, и войскомъ. И вотъ та война въ Америкѣ, о которой мы говорили теперь и во время которой англичане, болѣе нежели когда нибудь, притѣсняла торговлю не только государствъ воевавшихъ съ ними, но даже и нейтральныхъ. Всѣ жаловались, роптали на эту несправедливость, но никто не смѣлъ вступиться за обиженныхъ. Наконецъ явилась великодушная защитница, и это была государыня русская. Трудно было взять на себя это важное дѣло, но Екатерина не боялась трудностей: въ необыкновенномъ умѣ ея уже былъ прекрасно придуманъ планъ защиты. Онъ долженъ былъ заключаться въ союзѣ государей, добровольно соединившихся, чтобы покровительствовать нейтральные корабли и защищать ихъ отъ всякихъ нападеній тѣхъ государствъ, которыя вели между собою войну. Этотъ союзъ названъ былъ *вооруженнымъ нейтралитетомъ*. Правила его сочинены были самою императрицею и потому должны быть любопытны для насъ, милые читатели мои.

Въ первой и главной статьѣ ихъ сказано было, что нейтральные корабли имѣютъ совершенную свободу ѣздить по всѣмъ морямъ и входить во всѣ гавани воюющихъ государствъ; что всѣ вещи, находящіяся на такихъ корабляхъ, хотя бы и непріятельскія, считаются неприкосновенными, кромѣ одной контрабанды, т. е. запрещенныхъ товаровъ, а въ этомъ случаѣ запрещенными товарами почитались только военные снаряды и припасы, которые бы могли быть полезны для непріятелей. Такая контрабанда отбиралась правительствомъ воюющаго государства, все же прочее могло безопасно перевозиться на нейтральномъ кораблѣ. Правила вооруженнаго нейтралитета заключались торжественнымъ объявленіемъ императрицы,

что всѣхъ нарушителей ихъ она будетъ почитать своими врагами, и флотъ ея всегда готовъ будетъ наказать ихъ.

Теперь вы понимаете, какимъ великимъ благодѣяніемъ была эта мысль Екатерины для торговли и купечества всѣхъ странъ свѣта? Съ невольнымъ чувствомъ удивленія къ законодательницѣ принятъ былъ новый законъ ея почти всѣми государствами европейскими. Франція и Испанія были первыя, открыто одобрявшія намѣренія императрицы русской и даже приступившія къ знаменитому союзу ея. Примѣру ихъ тотчасъ же послѣдовали: Данія, Швеція, Голландія, Пруссія, Австрія, Португалія и королевство обѣихъ Сицилій. Англія хотя не вступила въ этотъ союзъ, но и не опровергала благотворительныхъ правилъ его и, напротивъ того, показала къ нимъ все заслуженное ими уваженіе. Она надѣялась, что, благодаря войнѣ, все еще продолжавшейся въ Америкѣ, и безпокойствамъ, которыя начинались тогда во Франціи и уже предвѣщали ужасный переворотъ, вскорѣ потомъ совершившійся въ этой несчастной странѣ, союзъ вооруженнаго нейтралитета будетъ существовать недолго и уничтожится самъ собою, безъ опаснаго спора съ его учредительницею. Ожиданія Англіи, посредствомъ тайныхъ стараній ея, точно исполнились впослѣдствіи времени, но по крайней мѣрѣ нѣсколько лѣтъ сряду торговые люди всѣхъ частей свѣта благословляли великую государыню Россіи за свою безопасность и счастіе.

Новая слава Екатерины доставила ей новыхъ почитателей во всѣхъ странахъ, куда доходилъ слухъ о дѣлахъ ея. Не говоря о многихъ государяхъ; не говоря объ отличнѣйшихъ изъ ученыхъ людей Франціи и Германіи, съ которыми она переписывалась и которые давно уже оцѣнили геніальный умъ и высокія достоинства ея, въ 1780 году, спустя три мѣсяца послѣ обнародованія манифеста о вооруженномъ нейтралитетѣ, число приверженцевъ царицы сѣверной увеличилось лицомъ знаменитымъ: императоръ австрійскій Іосифъ II, сынъ Маріи-Терезіи, пріѣхалъ въ Россію единственно для того, чтобы лично узнать ту великую государыню, о которой молва разносила по свѣту такъ много чудеснаго и которую мать его очень не любила. Не раздѣляя этого нерасположенія, но, наслушав-

шись о немъ, Іосифъ пріѣхалъ къ русскимъ съ предубѣжденіемъ противъ Екатерины. Но какъ перемѣнились чувства его, когда онъ увидѣлъ ее! Это достопамятное свиданіе происходило въ Бѣлоруссіи, которую императрица ѣздила осматривать въ 1780 году, въ первый разъ послѣ присоединенія этой страны къ ея древнему отечеству. Іосифъ, услышавъ объ этомъ, просилъ у нея позволенія пріѣхать туда же. Екатерина, съ удовольствіемъ соглашаясь на просьбу его, назначила городъ *Могилевъ* мѣстомъ свиданія. Нетерпѣливый императоръ, подъ простымъ именемъ *графа Фалькенштейна*, пріѣхалъ туда прежде государыни, и чтобъ увидѣть ее нѣсколькими часами ранѣе, ѣздилъ до мѣстечка Шклова, гдѣ представился ей, и потомъ поспѣшилъ впередъ, чтобы имѣть удовольствіе встрѣтить ее при въѣздѣ въ Могилевъ. Этотъ въѣздъ былъ торжественный: жители всей Бѣлоруссіи желали показать усердіе свое государынѣ, и всѣ сословія ихъ участвовали въ пышной встрѣчѣ, ей сдѣланной. Іосифъ, пользуясь своимъ инкогнито, вмѣшивался въ это время въ толпы народныя и былъ свидѣтелемъ той искренней привязанности, которую чувствовали къ Екатеринѣ ея подданные, и того очарованія, которое эта удивительная государыня разливала вокругъ себя. Невольно покорился и онъ этому очарованію, и предубѣжденіе, внушенное ему матерью, разсѣялось при первомъ разговорѣ съ Екатериною: высокій умъ величія, которымъ исполненъ былъ видъ императрицы, благородство, которымъ дышала каждое слово ея, и при всемъ этомъ пріятная простота обхожденія, такъ поразили сына Маріи-Терезіи, что онъ, почти не обращая вниманія на великолѣпные праздники двора, которые давались въ Могилевѣ, желалъ наслаждаться только бесѣдою государыни. Съ этого времени прежнія частыя неудовольствія между дворами русскимъ и австрійскимъ замѣнились искреннимъ дружествомъ, которое черезъ четыре мѣсяца потомъ еще болѣе утвердилось: Марія-Терезія скончалась и Іосифъ сдѣлался одинъ обладателемъ престола.

Не одинъ Могилевъ удостоился чести принимать высокаго гостя чужеземнаго: императоръ австрійскій ѣздилъ оттуда въ Москву, а потомъ и въ Петербургъ, куда го-

сударыня возвратилась прямо изъ Бѣлоруссіи [1]). Любопытный Іосифъ осматривалъ всѣ примѣчательности въ городахъ, мимо которыхъ проѣзжалъ, восхищался Москвою, ея старинными, величественными дворцами, ея живописными окрестностями.

Оставивъ древнюю столицу русскихъ, Іосифъ съ удивленіемъ увидѣлъ себя менѣе нежели въ трое сутокъ въ новой. Здѣсь на каждомъ шагу удивленіе его увеличивалось. Все, что разсказывали ему о красотѣ и великолѣпіи

---

[1]) Возвращеніе ея въ Петербургъ было особенно примѣчательно въ этотъ разъ. Дворянство петербургское, глубоко чувствуя и славу императрицы, и всѣ благодѣянія, какія изливала она на царство свое, желало показать ей свою безпредѣльную любовь и благодарность. Скоро придуманъ былъ планъ и приступлено къ его исполненію: положили поднести императрицѣ названіе *Великой* и *Матери отечества* и построить великолѣпныя тріумфальныя ворота для торжественной встрѣчи. Собрали уже и большую сумму денегъ для этой постройки, но прежде нежели она началась, Екатерина узнала обо всемъ и вотъ что написала съ дороги къ генералъ-губернатору петербургскому: «Увѣдомилась я, что дворянство С.-Петербургской губерніи вздумало приносить мнѣ титулы и собирается сдѣлать огромныя встрѣчи. Вамъ извѣстенъ образъ мыслей моихъ, а потому и судить можете, коль излишнимъ и непристойнымъ все то я почитаю. Не пріобрѣтеніе пустыхъ названій есть предметъ моего царствованія, но доставленіе блага и спокойствія отечеству и вознесеніе славы и величія его, почему и не можетъ иное мнѣ пріятно быть, какъ повиновеніе волѣ моей, ревностное каждымъ званія на него возложеннаго исполненіе, вмѣсто упражненія въ подобныхъ выдумкахъ. Равнымъ образомъ и встрѣча для меня не нужна. Чего ради я желаю, чтобъ собранныя деньги отданы были въ приказъ общественнаго призрѣнія для употребленія на дѣла полезныя. Сіе письмо сообщить князю Александру Алексѣевичу Вяземскому, такъ какъ можете сдѣлать сіе со многими другими, кои будутъ любопытствовать о семъ. Пребываю, впрочемъ, къ вамъ доброжелательная.

Екатерина.

«PS. Сіе есть непремѣнная воля моя, которую выполнить вамъ предписываю».

Такое скромное отреченіе отъ почести, принятой многими знаменитыми государями, сдѣлано было уже не въ первый разъ Екатериною: еще въ 1767 году, послѣ блистательнаго пятилѣтія ея царствованія, сенатъ опредѣлялъ поднести ей названіе *Премудрой* и воздвигнуть памятникъ, для котораго уже собрано было 52,000 рублей. Екатерина отказалась отъ того и другого, и, прибавивъ къ собраннымъ деньгамъ своихъ 150,000 руб., отдала ихъ для училищъ, больницъ и богадѣленъ. Такой отказъ для великой души былъ не труденъ, и благословеніе нѣсколькихъ тысячъ бѣдныхъ, осчастливленныхъ новымъ благодѣяніемъ ея, конечно стоили самаго великолѣпнаго памятника.

города, такъ недавно еще созданнаго, показалось ему недостаточно, когда онъ собственными глазами увидѣлъ чудесное творенiе Петра. Онъ отказался на нѣсколько дней отъ удовольствiй двора, чтобы въ подробности разсмотрѣть достопримѣчательности того мѣста, гдѣ семьдесятъ семь лѣтъ тому назадъ не было ничего, кромѣ дикаго лѣса и болота. Съ какимъ благоговѣнiемъ взоры его обращались, въ это время уединенiя, на низенькiй дворецъ великаго преобразователя Россiи, на этотъ первый домикъ Петербурга! Кто изъ иностранцевъ могъ ожидать, что въ такое короткое время, противъ этого скромнаго жилища основателя столицы, возвысится величественное зданiе дворца его наслѣдниковъ, что въ пышныхъ комнатахъ этого дворца будетъ часто рѣшаться участь государствъ европейскихъ! Конечно, никто, когда самъ Iосифъ, видѣвшiй все собственными глазами, едва вѣрилъ имъ: такъ все окружавшее Екатерину походило на мiръ волшебный! Императоръ особенно чувствовалъ это въ Царскомъ Селѣ, котораго пышныя красоты въ самомъ дѣлѣ поражали удивленiемъ всѣхъ, видѣвшихъ ихъ. Кромѣ прелестей природы и искусства, такъ прекрасно соединенныхъ въ этомъ очаровательномъ мѣстѣ, Екатерина, для увеселенiя гостя своего, каждый день придумывала новыя удовольствiя. Балы, спектакли, концерты мѣнялись безпрестанно, то же разнообразiе наблюдалось и въ прогулкахъ: начинаясь въ царскосельскомъ саду, онѣ часто оканчивались въ павловскомъ; даже обѣды не были всегда одинаковы, и если вы хотите знать, гдѣ Екатерина всего болѣе любила кушать съ гостями своими, то, бывая въ саду Царскаго Села, попросите показать вамъ небольшое двухъ-этажное строенiе въ родѣ павильона или бесѣдки, извѣстное подъ названiемъ *Эрмитажа*. Здѣсь вы увидите столъ, устроенный съ особеннымъ механизмомъ; по звону колокольчика приборы его опускаются внизъ и являются оттуда съ другими кушаньями, такъ что можно обѣдать безъ всякой прислуги наверху; она нужна бываетъ только внизу, для перемѣны блюдъ и тарелокъ.

Графъ Фалькенштейнъ былъ и въ Кронштадтѣ, и даже въ Сестребекѣ. Наконецъ, обозрѣвъ въ столицѣ и въ окрестностяхъ все достойное вниманiя, и въ особенности по-

рядокъ военныхъ и благотворительныхъ заведеній, восхищенный Россіею и получивъ удостовѣреніе въ дружествѣ Екатерины, Іосифъ оставилъ сѣверную столицу нашу, исполненный глубокаго уваженія и преданности къ ея повелительницѣ.

Императоръ австрійскій былъ не первымъ царственнымъ гостемъ Екатерины: шведскій король Густавъ III и братъ Фридриха II, принцъ Гейнрихъ прусскій, пріѣзжали за нѣсколько лѣтъ до него. Принцъ Гейнрихъ былъ даже не одинъ разъ, и пріѣздъ его въ 1776 году имѣлъ важное слѣдствіе: супружество наслѣдника престола русскаго съ племянницею Фридриха, принцессою Виртембергскою, извѣстною всѣмъ намъ подъ драгоцѣннымъ именемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Она была второю супругою великаго князя Павла Петровича. Первая—принцесса Гессенъ-Дармштадтская Августа-Вильгельмина, названная при мѵропомазаніи *Натальею Алексѣевною,* жила очень недолго въ Россіи и скончалась въ томъ самомъ 1776 году, когда принцъ прусскій былъ въ Петербургѣ. Онъ былъ свидѣтелемъ сильной горести цесаревича о потерѣ нѣжнолюбимой супруги, старался вмѣстѣ съ императрицею утѣшать его, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ предложилъ ему въ супружество племянницу свою. Великій князь ѣздилъ съ нимъ въ Берлинъ и отъ самого Фридриха Великаго получилъ руку прелестной невѣсты своей, и вмѣстѣ съ нею—то рѣдкое, семейственное счастіе, которымъ наслаждался въ продолженіе всей жизни своей. Первымъ сыномъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, первымъ утѣшеніемъ великой родительницы ихъ, былъ великій князь *Александръ,* родившійся 12-го декабря 1777 года. Это былъ впослѣдствіи времени незабвенный императоръ нашъ Александръ I.

КНЯЗЬ ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ.

Много людей знаменитыхъ великими дарованіями явилось при Екатеринѣ: царствованіе ея было особенно счастливо въ этомъ случаѣ, или, лучше сказать, геній ея умѣлъ угадывать такихъ людей, умѣлъ извлекать ихъ изъ неизвѣстности и, украсивъ всѣмъ блескомъ, котораго они были достойны, открывалъ для нихъ то поприще, гдѣ они могли быть вполнѣ полезны обществу. Между лицами, вознесенными такимъ образомъ Екатериною на высоту почестей, князь *Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій* занимаетъ первое мѣсто по важности тѣхъ происшествій, которыя въ исторіи отечества нашего соединяются съ его именемъ. Все, что касается до этого человѣка, необыкновеннаго во многихъ отношеніяхъ, чрезвычайно любопытно, и потому самые частные случаи жизни его не могутъ назваться излишними въ исторіи.

Отецъ Григорія Александровича былъ небогатый отставной маіоръ, служившій прежде въ гарнизонномъ полку. Со времени отставки онъ жилъ въ маленькомъ помѣстьѣ своемъ, недалеко отъ Смоленска, и здѣсь-то, въ сентябрѣ 1739 года, родился у него сынъ, впослѣдствіи столь знаменитый. Вовсе не подозрѣвая эту будущую знаменитость малютки, скромный маіоръ, часто терпѣвшій нужду по стѣсненнымъ обстоятельствамъ своимъ, заботился только о томъ, чтобы доставить сыну состояніе болѣе выгодное и также родъ службы, которой бы не былъ соединенъ съ издержками, для него невозможными. Думая такимъ образомъ, онъ не находилъ ничего лучше духовнаго званія, и потому далъ сыну своему первое образованіе въ Смоленской семинаріи. Наслышавшись съ дѣтства о назначеніи своемъ, молодой Потемкинъ, казалось, получилъ къ нему склонность, и впослѣдствіи времени, окончивъ курсъ въ семинаріи, онъ былъ переведенъ въ Московскій университетъ, гдѣ, по способностямъ своимъ и прилежанію, считался однимъ изъ отличнѣйшихъ учениковъ. Но, получивъ въ 1756 году золотую медаль за успѣхи, онъ совсѣмъ пересталъ ходить въ университетъ и все время свое про-

водилъ съ монахами Заиконоспасскаго и Греческаго монастырей. Потемкинъ, казалось, любилъ удивлять неожиданностію поступковъ своихъ и непостоянствомъ своего вкуса. Послѣднее было отличительною чертою его въ продолженіе всей жизни и особенно обнаружилось въ то время, когда ему надобно было выбрать родъ жизни. Всѣ ожидали, что онъ изберетъ монашество или службу гражданскую, которая современемъ могла бы довести его до желаемыхъ почестей; но, къ удивленію всѣхъ, Потемкинъ избралъ другой путь. Онъ захотѣлъ быть военнымъ. Военная служба была въ то время лучшею дорогою для людей, желавшихъ и имѣвшихъ возможность отличаться, но это состояніе было затруднительно для бѣднаго молодого человѣка: Потемкинъ нуждался въ пособіи. Въ немъ принималъ участіе *Амвросій*, архіепископъ крутицкій и можайскій, тотъ самый, который послѣ, во время чумы, погибъ отъ мятежниковъ московскихъ; онъ особенно любилъ умнаго Григорія Александровича. Видя его мужественно-прекрасную наружность, его величественный, можно сказать даже колоссальный ростъ; восхищаясь его рѣдкими способностями и какъ будто предчувствуя, что они доведутъ любимца его до желаемой цѣли, онъ одобрилъ его намѣреніе и доставилъ средства исполнить его: пятьсотъ рублей сдѣлали Потемкина богачемъ. Получивъ ихъ отъ добраго друга своего, онъ тотчасъ же отправился въ Петербургъ и записался въ конную гвардію. Предчувствіе не обмануло Амвросія: Потемкинъ вскорѣ замѣченъ былъ въ полку не только какъ усердный исполнитель своей должности, но какъ образованный молодой человѣкъ. Не увлекаясь этимъ лестнымъ мнѣніемъ начальниковъ и товарищей своихъ, онъ, напротивъ того, старался въ полной мѣрѣ заслуживать его и почти все свободное время свое употреблялъ на изученіе французскаго языка, которымъ тогда мало занимались въ университетѣ и которое было необходимо для людей высшаго общества, а молодой Потемкинъ непремѣнно хотѣлъ принадлежать къ нимъ. И это желаніе и вообще всѣ мечты его о возвышеніи скоро начали осуществляться по самому странному, неожиданному и, казалось, ничтожному случаю. Это было въ день

восшествія на престолъ императрицы Екатерины и почти въ самыя тѣ минуты, когда она принимала отъ гвардіи присягу въ вѣрности. Окруженная всѣми полками, государыня, верхомъ на прекрасной лошади, держала въ рукахъ шпагу, для которой вдругъ вздумала спросить темлякъ. Потемкинъ, въ это время вахмистръ въ полку своемъ, былъ одинъ изъ первыхъ, услышавшихъ слова императрицы. Сорвать свой собственный темлякъ, подъѣхать къ государыни и поднести его—было дѣломъ одной минуты для молодого, ловкаго, пламенно-усерднаго гвардейца. Съ обыкновенною благосклонностію своею императрица приняла эту услугу и Потемкинъ хотѣлъ уже отъѣхать къ своему мѣсту, какъ вдругъ лошадь его, привыкшая къ эскадронному ученью, остановилась подлѣ лошади государыни и, не смотря на всѣ усилія всадника, не хотѣла отойти отъ нея.

Екатерина обратила вниманіе на молодого встревоженнаго вахмистра и, чтобъ ободрить его, заговорила съ нимъ. Его наружность и разговоръ такъ понравились императрицѣ, что на другой же день она пожаловала его офицеромъ гвардіи и потомъ камеръ-юнкеромъ двора своего.

Такимъ образомъ самое маловажное происшествіе открыло передъ Потемкинымъ то поприще могущества и славы, о которомъ онъ мечталъ, какъ будто по предчувствію, въ студенческіе годы свои.

Первое дѣло, которое поручили ему по части министерской и дипломатической, было увѣдомленіе посла нашего при шведскомъ дворѣ графа Остермана о восшествіи на престолъ императрицы. Удачно исполнивъ сдѣланное ему порученіе, онъ воротился изъ Стокгольма съ новыми надеждами на возвышеніе и не ошибся: отличныя его способности пріобрѣли ему благосклонность знаменитѣйшихъ въ то время изъ приближенныхъ государыни—Орловыхъ. Вліяніе ихъ увеличило благоволеніе къ нему императрицы и довершило успѣхи его на блистательномъ поприщѣ, такъ неожиданно открывшемся передъ нимъ. Онъ удостоился чести быть принятымъ въ самое короткое общество императрицы и здѣсь-то, въ этой прекрасной сферѣ, гдѣ все дышало умомъ, любезностію и совершенною простотою въ

обхожденіи, окончилось образованіе молодого Потемкина и развился въ полной мѣрѣ необыкновенный геній его. Въ 1768 году онъ былъ уже дѣйствительный камергеръ и секундъ-ротмистръ конной гвардіи. Но легко получаемыя награды не удовлетворяли его возвышеннаго честолюбія: онъ желалъ заслужить ихъ вполнѣ, желалъ возвыситься надъ другими истиннымъ достоинствомъ, а не однѣми почестями, и обрадовался, когда открывшаяся въ 1769 году война съ турками доставила ему прекрасный къ тому случай. Во все продолженіе ея онъ находился въ дѣйствующей арміи, сначала подъ начальствомъ князя Голицына, а потомъ фельдмаршала графа Румянцева; отличался храбростію во всѣхъ дѣйствіяхъ противъ непріятеля, и особенно въ сраженіяхъ при Фокшанахъ, Ларгѣ и Кагулѣ, при взятіи Измаила, Киліи, однимъ словомъ, во всѣхъ главныхъ дѣлахъ русскихъ войскъ, и за то награжденъ былъ чиномъ генералъ-маіора и потомъ въ 1772 году—генералъ-поручика. Въ 1778 г., когда армія наша уже перешла за Дунай, Потемкинъ показалъ чудеса храбрости при самомъ переходѣ и потомъ въ сраженіи подъ Силистріей; но неизвѣстно почему остался безъ награжденія. Оскорбленный такимъ невниманіемъ начальства и увѣренный въ справедливости императрицы, всегда щедро награждавшей усердіе подданныхъ, онъ осмѣлился написать къ ней письмо, столь же необыкновенное, какъ необыкновенно было все въ этомъ человѣкѣ. Это письмо, начинаясь искуснымъ описаніемъ огорченія, какое причиняла ему мысль, что можетъ быть государыня считаетъ его менѣе другихъ достойнымъ высочайшихъ милостей, оканчивалось слѣдующими строками: «Симъ будучи терзаемъ, принялъ дерзновеніе, павъ къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества, просить, ежели служба моя достойна вашего благоволенія, и когда щедрота и высокомонаршая милость не оскудѣваютъ, разрѣшить сіе сомнѣніе мое, пожалованіемъ меня въ генералъ-адъютанты вашего императорскаго величества. Сіе не будетъ никому въ обиду, а я приму за верхъ моего счастія, тѣмъ паче, что, находясь подъ особливымъ покровительствомъ вашего величества, удостоюсь принимать премудрыя ваши повелѣнія и, вни-

кая въ оныя, сдѣлаюсь вящше способнымъ къ службѣ вашего императорскаго величества и отечества».

Потемкинъ просилъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ отличій, и государыня, проникнувшая геніальными взорами все, чего можно было ожидать отъ Потемкина и что скрывалось подъ странностями, иногда его отличавшими, не только исполнила просьбу его, но даже сама собственноручнымъ письмомъ увѣдомила его объ этомъ. И это письмо чрезвычайно любопытно; нѣсколько словъ, взятыхъ изъ него, могутъ показать возвышенный образъ мыслей Екатерины. Напримѣръ слѣдующее выраженіе Великой: «Признаюсь, что и сіе мнѣ весьма пріятно, что довѣренность ваша ко мнѣ была такова, что вы просьбу вашу адресовали прямо письмомъ ко мнѣ, а не искали побочными дорогами».

Восхищеніе Потемкина при чтеніи этого лестнаго для него письма было неописанно: никогда счастіе его не казалось ему такъ велико. Исполненный живѣйшею благодарностію, онъ желалъ лично засвидѣтельствовать ее глубоко - уважаемой государынѣ и Кайнарджискій миръ доставилъ ему возможность сдѣлать это; онъ оставилъ армію и пріѣхалъ въ Петербургъ. Никто изъ возвратившихся генераловъ, побѣдителей турокъ, не былъ веселѣе Потемкина въ первое время новаго появленія его при дворѣ: всѣ восхищены были его любезностію и тѣмъ выраженіемъ счастія, которое, казалось, дышало на лицѣ его. Вдругъ новая перемѣна желаній, новое непостоянство вкуса или, лучше сказать, новый припадокъ странностей, неразлучныхъ съ характеромъ этого удивительнаго человѣка, измѣнилъ совершенно родъ жизни его: изъ придворнаго, самаго любезнаго и привлекательнаго въ обществѣ, онъ сдѣлался задумчивымъ, угрюмымъ, не сталъ ѣздить ко двору, наконецъ объявилъ, что желаетъ постричься въ монахи и для того пріѣхалъ въ Александро-Невскій монастырь. Сначала никто не хотѣлъ вѣрить распространившемуся слуху, но когда точно узнали, что храбрый генералъ, недовольный свѣтомъ, надѣлъ уже монашеское платье, отростилъ бороду и учился службѣ церковной, всѣ сожалѣли о важной потерѣ, какую дѣлало государство, лишаясь такого человѣка. Императрица, болѣе всѣхъ любившая это государство и

лучше всѣхъ понимавшая достоинства Потемкина, не могла не раздѣлять общаго сожалѣнія и не употребить всѣхъ стараній своихъ, чтобы остановить исполненіе страннаго намѣренія. Можетъ быть, имѣя непріятелей при дворѣ или еще не вполнѣ довольный возвышеніемъ своимъ, Потемкинъ желалъ обратить на себя вниманіе государыни, пользоваться особенною довѣренностію ея, и не ошибся въ средствѣ: Екатерина осыпала его новыми милостями, поручила ему важнѣйшія изъ дѣлъ, и тронутый благодѣяніями ея, пристыженный недѣятельностію своею въ то время, когда отечество ожидало отъ него такъ много, Потемкинъ сбросилъ монашескую одежду и явился ко двору. Съ этихъ поръ начинается эпоха блистательнѣйшей славы его и великихъ заслугъ, оказанныхъ имъ Россіи. Получивъ въ числѣ новыхъ наградъ чинъ генералъ-аншефа и за храбрость въ войнѣ турецкой—орденъ св. Георгія 2-го класса, онъ почти въ то же время (въ 1775 году) сдѣланъ былъ генералъ-губернаторомъ, или, какъ чаще называли тогда, *царскимъ намѣстникомъ* губерній: Новороссійской и Азовской. Находясь въ этой должности, имѣлъ онъ въ первый разъ случай показать, къ какимъ важнымъ дѣламъ способенъ былъ его возвышенный, твердый и рѣшительный духъ.

Вотъ что сдѣлалъ онъ. Вы, вѣрно, не забыли, читатели мои, казаковъ запорожскихъ? Вы, вѣрно, помните, что эти казаки были самые дерзкіе, самые непокорные и самые жестокіе люди изъ всѣхъ племенъ, своевольствовавшихъ въ порубежныхъ краяхъ отечества нашего. Ни образованіе и устройство, которымъ подвергались всѣ эти поколѣнія, каждое въ свою очередь, ни перемѣны, улучшавшія состояніе малороссійскихъ казаковъ во время власти надъ ними королей польскихъ и потомъ государей русскихъ, не имѣли почти никакого вліянія на судьбу запорожцевъ: съ упрямствомъ отвергая всякій порядокъ, даже всѣ условія жизни общественной [1]), они продолжали буй-

[1]) Читатели мои, конечно, помнятъ также и то, что запорожскіе казаки не терпѣли жизни семейственной и почти всѣ оставались всегда холостыми.

ную и своевольную жизнь свою и послѣ подданства Россіи Хмѣльницкаго. Они дѣлали еще гораздо болѣе, не смотря на это подданство малороссійскихъ казаковъ, къ которымъ и сами принадлежали, они присягали не одинъ разъ то султану турецкому, то снова королю польскому, измѣняли даже Петру Великому, и только послѣ Полтавской побѣды его нѣсколько усмирѣли. Но и то было ненадолго: въ царствованіе преемниковъ Петра своевольства ихъ начались съ новою силою и при Екатеринѣ II достигли такой степени, что запорожцы захватывали не только земли, принадлежавшія сосѣдственной съ ними Новороссійской губерніи, но даже и мирныхъ жителей ея. Этого еще мало: однажды они силою увели къ себѣ около восьми тысячъ душъ изъ гусарскаго и пикинернаго полковъ, составлявшихъ главную часть населенія Новороссійской губерніи. Но здѣсь кстати сказать вамъ, друзья мои, и объ этой сосѣдней запорожцамъ губерніи, обратившей на себя все вниманіе Потемкина. Онъ почти былъ первымъ образователемъ Новой-Россіи, этого примѣчательнаго края въ отечествѣ нашемъ. Подъ его дѣятельнымъ и просвѣщеннымъ управленіемъ новороссійская степь, или все то пространство по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, изъ котораго составляются теперь губерніи *Екатеринославская* и *Херсонская*, перестала быть настоящею *степью* и потому справедливость требуетъ разсказать вамъ подробнѣе о дѣйствіяхъ его на этомъ, можно сказать, блистательномъ поприщѣ для Потемкина, какъ генералъ-губернатора новороссійскаго. И такъ, мы оставимъ покамѣсть безпокойныхъ казаковъ запорожскихъ и тѣмъ удобнѣе можемъ сдѣлать это, что исторія Новой-Россіи, соединяясь съ ихъ собственною исторіею, сама собою приведетъ насъ къ нимъ.

Еще въ 1740 году новороссійская степь была совершенно безлюдна. Такъ какъ она лежала на границахъ нашихъ съ Турціею и Польшею, то на нѣкоторыхъ мѣстахъ ея, ближе къ русскимъ владѣніямъ, строили только небольшія крѣпости и селили нѣсколько легкихъ войскъ, какъ обыкновенно дѣлалось это на границахъ. Они состояли по большей части изъ сербовъ, славившихся своею храбростію и вызванныхъ на службу къ намъ, какъ ис-

кусныхъ оберегателей границъ. Но число этихъ войскъ было такъ невелико, что при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ состояло только изъ *шести сотъ* человѣкъ *сербскаго гусарскаго* полка. Эти гусары примѣчательны, какъ первые извѣстные жители новороссійской степи.

Впослѣдствіи времени присоединились къ нимъ другіе полки изъ вызванныхъ такимъ же образомъ въ Россію *волоховъ, грузинъ, болгаръ* и *грековъ*. Русскіе же поселенцы Новой-Россіи состояли, какъ читатели мои уже знаютъ, изъ бѣглецовъ великороссійскихъ и малороссійскихъ, оставившихъ отечество свое въ грозное правленіе Бирона и возвратившихся при кроткой дочери Петра I. Такъ было до 1751 года, въ которомъ населенность значительно увеличилась цѣлою колоніею изъ 218 человѣкъ сербовъ, испросившихъ у императрицы Елисаветы позволеніе поселиться на плодоносныхъ мѣстахъ степи и подданными ея, и защитниками границъ. Большая часть этихъ выходцевъ, которыхъ начальникъ былъ отставной полковникъ австрійской службы *Иванъ Хорватъ*, были люди военные и должны были остаться такими, получивъ отъ императрицы землю для селенія своего. Такимъ образомъ составилось *первое военно-земледѣльческое поселеніе* въ степи новороссійской.

Выгоды, которыми пользовались эти поселенцы, привлекали въ Россію безпрестанно новыхъ выходцевъ изъ разныхъ странъ. Почти съ каждымъ годомъ появлялись новые полки гусаръ, казаковъ и пикинеровъ, строились крѣпости и шанцы, и въ 1753 году были уже и города. Со времени военно-земледѣльческихъ поселеній всѣ являвшіеся охотники жить въ Новой-Россіи должны были записываться въ полки ея. Къ нимъ же, по повелѣнію императрицы Елисаветы, причислялись и всѣ старообрядцы, и русскіе крестьяне, нѣкогда бѣжавшіе въ Польшу и потомъ возвращенные въ отечество милостивыми указами государей своихъ. Такимъ образомъ все населеніе Новой-Россіи, названное въ 1725 году *Новосербіею*, состояло изъ людей военныхъ. Они зависѣли отъ военной коллегіи и генерала, которому поручалось отъ императрицы наблюденіе за порядкомъ военныхъ укрѣпленій и шанцевъ. И такъ,

цѣль правительства была достигнута и границы имперіи, съ юга и юга-востока, защищены отъ нападеній непріятельскихъ живою стѣною воиновъ, состоящею въ 1762 году изъ 38,000 человѣкъ. Это число, можетъ быть достаточное для начала, не могло казаться достаточнымъ въ то время, когда на престолъ русскій вступила государыня съ геніемъ Екатерины и ея обширными планами объ усовершенствованіи всѣхъ частей имперіи. Читатели мои уже знаютъ, какъ съ самаго начала царствованія своего она заботилась о заселеніи безлюдныхъ, но плодоносныхъ странъ своего царства. При этомъ случаѣ Новороссійскій край и его неизмѣримая, цвѣтущая степь не могли не обратить ея особеннаго вниманія, и она занялась образованіемъ его тотчасъ послѣ того, какъ указомъ 1762 года объявила Европѣ, что Россія предлагаетъ изобильныя поля свои всѣмъ желающимъ селиться на нихъ. Это образованіе совершалось въ комитетахъ, нарочно для того составленныхъ ею изъ людей опытныхъ и хорошо знавшихъ тотъ край. Послѣ продолжительныхъ разсужденій ихъ рѣшено было въ мартѣ 1764 года устроить Новосербію по примѣру прочихъ губерній и назвать ее *Новороссійскою*. Въ первый разъ тогда явилось это названіе. Новая губернія раздѣлилась на три провинціи: *Елисаветградскую*, *Екатерининскую* и *Бахмутскую*. Благодаря благосклонности, съ которою государыня принимала иностранныхъ переселенцевъ, въ 1768 году было уже въ трехъ провинціяхъ 100,000 жителей обоего пола. Начавшаяся въ этотъ годъ война съ Турціей нанесла много вреда новой губерніи, какъ самой близкой къ турецкимъ владѣніямъ, но за то Кайнарджиской миръ доставилъ безчисленныя выгоды, расширивъ эту самую губернію до того, что она у Керчи и Кинбурна коснулась береговъ Чернаго моря, столь нужныхъ для торговли Россіи. Удивительно было, что населенность края не потерпѣла отъ опустошеній войны, и съ окончаніемъ ея, въ 1774 году, считалось въ Новой-Россіи уже 158,097 человѣкъ жителей.

Послѣ славнаго мира благосостояніе области нарушалось только сосѣдствомъ запорожцевъ, и населенность въ той сторонѣ, гдѣ жили эти дерзкіе наѣздники, была гораздо

менѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ, потому что они не только мѣшали заводить селенія, но даже, какъ читатели уже видѣли, захватывали въ плѣнъ не одну тысячу человѣкъ изъ полковъ новороссійскихъ. Съ тѣми же людьми, которыхъ правительство посылало для усмиренія ихъ, они поступали какъ съ непріятелями и безъ всякаго страха къ государынѣ осмѣливались брать ихъ подъ стражу.

Въ такомъ состояніи было запорожское войско, или, какъ называли тогда, *Запорожская сѣча*, когда Потемкинъ сдѣланъ былъ генералъ-губернаторомъ новороссійскимъ. Быстрый умъ его скоро проникнулъ, какъ могло быть опасно для южной Россіи это скопище дерзкихъ разбойниковъ, еслибы снова вздумало присоединиться къ Турціи или Польшѣ. Столько же рѣшительный, какъ и скорый, Григорій Александровичъ тогда же принялъ непремѣнное намѣреніе уничтожить эту опасность, покоривъ наконецъ запорожцевъ законамъ благоустроеннаго общества. Эта мысль для всѣхъ, знавшихъ своевольный духъ запорожцевъ, казалась невозможною къ исполненію; но Потемкинъ исполнилъ ее со всѣмъ успѣхомъ, какого только могъ одинъ онъ ожидать.

Къ запорожцамъ отправленъ былъ многочисленный отрядъ поселенныхъ войскъ новороссійскихъ, подъ начальствомъ генералъ-поручика *Петра Текелія*, уроженца Моравіи, отличавшагося необыкновенною храбростію съ самаго начала поселенія своего въ Новосербіи. Исполненный негодованія къ дерзкимъ казакамъ, отъ которыхъ такъ много терпѣла гостепріимная страна, сдѣлавшаяся вторымъ отечествомъ его, онъ выступилъ въ походъ съ непремѣннымъ намѣреніемъ усмирить ихъ и, благодаря искуснымъ распоряженіямъ начальника своего, совершенно успѣлъ въ томъ. Запорожцы, приведенные къ покорности силою, въ нѣсколько разъ превосходившею ихъ, согласились на всѣ условія, предложенныя Потемкинымъ, а эти условія состояли въ томъ, чтобы они вступили въ гражданское сословіе государства, т. е. жили бы въ семействахъ, занимались земледѣліемъ и повиновались всѣмъ учрежденіямъ правительства. Только согласившіеся на все это могли остаться на родинѣ, а казаки вообще менѣе другихъ на-

родовъ любятъ разставаться съ нею; и такъ эта привязанность и могущество власти, покорившей ихъ, сдѣлали то, что большая часть изъ запорожцевъ рѣшилась перемѣнить буйный родъ жизни своей на мирное состояніе гражданъ. Это прибавило къ жителямъ Новой-Россіи около 100,000 человѣкъ. Ихъ раздѣлили и поселили въ разныхъ мѣстахъ. Земли же, принадлежавшія Запорожской сѣчи или нѣкогда присвоенныя ею, лежавшія по лѣвую сторону Днѣпра, поступили въ Азовскую, съ правой же стороны—въ Новороссійскую губернію, которая съ усмиреніемъ запорожцевъ, такъ много вредившихъ ея благосостоянію, начала быстро процвѣтать, и украшенная новыми селеніями и городами, съ увеличившимся почти втрое народонаселеніемъ, получила въ 1784 году новое имя *екатеринославскаго намѣстничества.* Подъ этимъ именемъ соединились двѣ губерніи: Новороссійская и Азовская.

Такимъ образомъ Потемкинъ въ одно время достигъ двухъ цѣлей: улучшенія состоянія Новой-Россіи и усмиренія старинныхъ мятежниковъ. Послѣднее удивило всѣхъ; никто не ожидалъ, чтобы можно было уничтожить затрудненія, до сихъ поръ непреодолимыя. Но трудности никогда не останавливали Потемкина; напротивъ того, онъ, казалось, любилъ ихъ и всегда тѣмъ охотнѣе рѣшался на дѣло, чѣмъ несбыточнѣе оно казалось для другихъ. Лучшимъ доказательствомъ этого было предположеніе, составлявшее любимую мечту его въ продолженіе почти всей блистательной эпохи его жизни,—предположеніе, не только удивлявшее всѣ другія государства европейскія, но даже наводившее на нихъ невольный страхъ. Это была мысль уничтожить турецкую имперію въ Европѣ и на мѣстѣ ея возстановить такъ давно упавшую и столь знаменитую прежде имперію греческую. Пламенное участіе, которое Потемкинъ принималъ всегда въ судьбѣ христіанъ, и особенно христіанъ единовѣрцевъ своихъ, вѣроятно было первою причиною, внушившею ему эту великую мысль. Исполненный рѣдкимъ усердіемъ въ вѣрѣ и ко всему, что̀ касалось до нея, онъ желалъ соединенія всѣхъ исповѣданій христіанскихъ. Особенно древнее раздѣленіе церкви на латинскую и греческую было всегда предметомъ искреннихъ

сожалѣній и любимыхъ разговоровъ его. Съ такимъ образомъ мыслей и чувствованій могъ ли онъ не огорчаться несравненно болѣе несчастнымъ положеніемъ грековъ, такъ давно страдавшихъ подъ властію магометанъ? Онъ сокрушался о судьбѣ ихъ еще тогда, когда, приготовляясь къ духовному званію, изучалъ со всею подробностію церковную исторію въ Смоленской семинаріи и потомъ въ Московскомъ университетѣ. Когда же судьба открыла передъ нимъ совершенно новое поприще, однимъ изъ первыхъ желаній его было освобожденіе христіанъ греческихъ отъ продолжительнаго рабства и возстановленіе славы и счастія знаменитой ихъ имперіи. Первая мысль объ этомъ важномъ дѣлѣ принадлежала фельдмаршалу Миниху: во время двадцатилѣтняго изгнанія его онъ такъ много занимался планомъ о возстановленіи Греціи, что даже сочинилъ объ этомъ предметѣ цѣлый проектъ и, возвратясь изъ Сибири, не одинъ разъ говорилъ о немъ. Императрица Екатерина слушала съ удовольствіемъ, но могла ли она думать, чтобы восьмидесятилѣтній воинъ могъ привести въ исполненіе намѣреніе, требовавшее безчисленныхъ трудовъ и долговременныхъ усилій? Когда же этотъ великій планъ сдѣлался цѣлію Потемкина, полнаго силъ и жизни, неутомимодѣятельнаго, во всемъ счастливаго,—возможность исполненія сдѣлалась вѣроятнѣе.

Быстрый и пылкій умъ его, казалось, вовсе не замѣчалъ препятствій, окружавшихъ цѣль его, и уже заранѣе радовался торжеству своему. Какъ будто для подтвержденія высокихъ надеждъ Григорія Александровича, въ 1779 году случилось происшествіе, несказанно восхитившее его: у наслѣдника престола, великаго князя Павла Петровича, родился второй сынъ, названный *Константиномъ*. Это имя, такъ живо напоминающее славу Греціи, казалось смѣлому полководцу и министру счастливымъ предзнаменованіемъ, и при видѣ царственнаго новорожденнаго ему мечталось, что на младенческой головкѣ его уже славный вѣнецъ императоровъ греческихъ. Но онъ таилъ еще эту мысль въ глубинѣ души своей и только одна великая государыня знала и, можетъ быть, съ удовольствіемъ слушала мечты его о будущей прекрасной судьбѣ Греціи и новомъ ве-

личіи одного изъ внуковъ своихъ. Послѣ же усмиренія запорожцевъ, Потемкинъ началъ дѣйствовать открытѣе. Великій планъ его непремѣнно требовалъ сильнаго флота на Черномъ морѣ и совершенно свободнаго плаванія по немъ. Послѣднимъ хотя и пользовались русскіе со времеми Кайнарджискаго мира, но полуостровъ Крымъ, населенный татарами, старинными врагами Россіи, причинялъ ей сосѣдствомъ своимъ еще много вреда, не смотря на независимость свою отъ Турціи; флота же не могли завести на Черномъ морѣ, потому что ни одного приморскаго портоваго города не принадлежало имъ на берегахъ его. Эти два важныя обстоятельства показывали Потемкину двѣ необходимости: покорить Крымъ владычеству Екатерины и основать русскій портъ на Черномъ морѣ. Послѣднее исполнено было въ самомъ скоромъ времени: въ 1778 году при лиманѣ и устьѣ рѣки Днѣпра, въ 70 верстахъ отъ берега морского, заложенъ генералъ-губернаторомъ новороссійскимъ городъ *Херсонъ* съ большою крѣпостью и адмиралтействомъ для постройки кораблей. Неожиданное и, можно сказать, почти волшебное появленіе этого города посреди необитаемыхъ степей было удивленіемъ для всѣхъ, мало знавшихъ удивительнаго Потемкина. Довольный удачнымъ началомъ, онъ поселился въ новомъ городѣ, быстро достигшемъ цвѣтущаго состоянія во всѣхъ частяхъ устройства своего, и даже въ торговлѣ съ греческими островами, Константинополемъ и Франціей, и отсюда-то наблюдалъ проницательными взорами Крымъ, думая о томъ, какими бы средствами можно было покорить его, не проливая, однако же, крови русскихъ. Безпокойные крымцы вскорѣ сами представили ему эти средства.

Читатели мои уже видѣли, что Кайнарджискій миръ доставилъ Россіи такое значительное вліяніе на судьбу этого полуострова, что ханы, правители его, назначались не иначе, какъ съ согласія государыни русской. Такимъ образомъ въ 1777 году Екатерина утвердила ханомъ крымскихъ татаръ одного изъ образованнѣйшихъ князей ихъ, *Сагинъ-Гирея.* Турки сначала спорили, однакожъ потомъ и они согласились на этотъ выборъ. Но новый ханъ не нравился подданнымъ своимъ, потому что, будучи про-

свѣщеннѣе своихъ соотечественниковъ, оставлялъ многіе изъ грубыхъ обычаевъ ихъ и вводилъ новые. Братъ его, Батый-Гирей, былъ начальникомъ недовольныхъ и потому неудивительно, что дерзость ихъ принудила хана оставить престолъ и удалиться въ Таганрогъ. Однакожъ могущественная покровительница его, Екатерина, возвратила ему потерянное царство.

Между тѣмъ противники его нашли также защитника себѣ: турецкій султанъ прислалъ на помощь къ нимъ пашу съ отрядомъ янычаръ, и судьба бѣднаго Сагина сдѣлалась еще несчастнѣе, нежели была прежде. Преслѣдуемый братомъ, нелюбимый подданными, устрашаемый силою турокъ и жестокостью ихъ къ врагамъ своимъ, онъ не находилъ другого средства къ спасенію, какъ, предложивъ корону свою императрицѣ русской, отдать себя совершенно подъ ея могущественное покровительство. Это предложеніе хана императрицѣ не только сдѣлано было чрезъ Григорія Александровича, но даже и внушено имъ же. Много стараній надобно было ему употребить, много трудностей преодолѣть, чтобъ совершить это важное дѣло, которому препятствовали, сколько могли, и турки, и многіе изъ подданныхъ Сагина; но счастливый во всѣхъ предпріятіяхъ своихъ, онъ успѣлъ и въ этомъ совершенно: значительная пенсія, назначенная отъ двора хану, удовлетворила всѣ желанія его, а нѣсколько полковъ нашихъ, подъ начальствомъ генерала де-Бальмена, навели такой страхъ на подданныхъ его, что они, не думая о сопротивленіи, признали надъ собою власть Россіи и тогда же дали присягу въ вѣрности Екатеринѣ.

Такъ безъ кровопролитія, одними искусными распоряженіями Потемкина, покорено было отечеству нашему цѣлое царство, знаменитое еще въ глубокой древности. Выгоды этого новаго пріобрѣтенія были такъ велики, подробности, касающіяся до исторіи Крыма, такъ любопытны, что, заслуживая полное вниманіе наше, милыя дѣти, требуютъ особеннаго разсказа и тѣмъ болѣе, что съ исторіею *русскаго* Крыма соединяется чрезвычайно-занимательное происшествіе для русскихъ: путешествіе императрицы въ это новое владѣніе ея, спустя четыре года послѣ его по-

коренія, случившагося въ 1783 году. Все это, друзья мои, вы найдете на слѣдующихъ страницахъ; нынѣшній же разсказъ нашъ о знаменитѣйшемъ изъ приближенныхъ Екатерины мы окончимъ описаніемъ тѣхъ новыхъ почестей, которыя были наградою великихъ дѣлъ его.

Еще въ 1775 году Потемкинъ былъ уже *графомъ* русской имперіи за дѣятельное участіе въ заключеніи Кайнарджискаго мира. Въ 1776 году получилъ *княжеское* достоинство имперіи римской и титулъ *свѣтлѣйшаго*. Вообще иностранные государи уважали Григорія Александровича за личныя достоинства его и за ту высокую довѣренность, которою онъ пользовался при дворѣ Екатерины. Они старались показать ему свое милостивое расположеніе: король польскій пожаловалъ его орденомъ *Бѣлаго Орла* и *св. Станислава*, Фридрихъ Великій—орденомъ *Чернаго Орла*, король датскій—*Слона*, король шведскій — *Серафима*. Но всѣ эти чужестранные ордена не столько обрадовали его, сколько въ 1782 году новый русскій орденъ *св. Равноапостольнаго князя Владиміра*, учрежденный Екатериною и прежде всѣхъ возложенный ею на будущаго покорителя Крыма. Въ самомъ дѣлѣ, не прошло года послѣ того и Крымъ принадлежалъ Россіи. Главною же наградою, полученною Потемкинымъ за Крымъ, было названіе *Таврическаго*. Вы, вѣрно, удивляетесь, милые читатели, отчего Таврическаго, а не Крымскаго? Оттого, что полуостровъ Крымъ во время древней и самой блистательной славы своей назывался *Тавридою*. Екатерина, покоривъ его своей власти, назвала снова Тавридою, какъ будто желая возвратить ему вмѣстѣ съ этимъ именемъ и прежнюю славу. Никто не могъ такъ хорошо понять и исполнить это благодѣтельное желаніе Великой, какъ новый князь Таврическій, и оно было поручено ему съ тою же надеждою на успѣхъ, которую онъ всегда умѣлъ прекрасно оправдывать. Пожалованный чиномъ генералъ-губернатора, Потемкинъ съ обыкновеннымъ жаромъ своимъ принялся за новое дѣло, ввѣренное его попеченіямъ, и съ обыкновенною быстротою своею совершалъ его. Дикія степи новой Тавриды, подобно степямъ новороссійскимъ, какъ будто какимъ-то волшебствомъ превращались

въ обработанныя поля. Бѣдные татарскіе города и деревни приняли другой видъ, потому что уже не были разбросаны на мѣстахъ пустынныхъ, но оживлялись сосѣдствомъ богатыхъ селеній русскихъ. И не только селенія, но даже цѣлые города вскорѣ обязаны были своимъ существованіемъ неутомимой дѣятельности Потемкина. Кромѣ Херсона, построеннаго въ близкомъ сосѣдствѣ Крыма, гдѣ нѣкогда процвѣталъ *Херсонесъ*, знаменитый въ древности, Григорій Александровичъ основалъ въ самомъ Крымѣ такой городъ, который одинъ могъ навсегда прославить его имя, еслибы оно не соединялось съ такимъ множествомъ другихъ знаменитыхъ дѣлъ: этотъ городъ есть *Севастополь*, построенный на берегу ближайшаго къ Черному морю залива и заключающій въ себѣ одинъ изъ лучшихъ портовъ въ свѣтѣ. Гавань севастопольская простирается во внутренность залива на *шесть* верстъ длины и на *три* версты ширины. Берега залива на такомъ большомъ пространствѣ имѣютъ еще нѣсколько меньшихъ заливцевъ или бухтъ, которые всѣ представляютъ множество удобствъ для стоянки кораблей, потому что глубина воды во всѣхъ мѣстахъ этой превосходной гавани такъ велика, что самыя огромныя суда могутъ подходить къ берегу, а это достоинство принадлежитъ къ важнѣйшимъ для гавани. Севастопольскій портъ имѣетъ еще другое, не менѣе важное преимущество: онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ высокими горами, которыя защищаютъ вошедшіе въ него корабли отъ всѣхъ вѣтровъ. Со всѣми выгодами, такъ щедро разсыпанными природою на это прекрасное мѣсто, Потемкинъ соединилъ все, что могъ произвесть его геній, его твердая воля, его дѣятельность и тѣ могущественныя средства, которыя были даны ему великою государынею. Не прошло трехъ лѣтъ, какъ въ новомъ портѣ Севастопольскомъ было уже адмиралтейство и въ немъ нѣсколько тысячъ работниковъ: былъ сильный горнизонъ, множество магазиновъ, два госпиталя, нѣсколько гаваней для купечества и для карантина; однимъ словомъ, Севастополь былъ многолюдный, величественный городъ. Но мы забываемъ, что Севастополь, это прекрасное твореніе природы и Потемкина, принадлежитъ къ красотамъ Крыма, о ко-

торомъ предстоитъ намъ цѣлый разсказъ. Не будемъ же отдѣлять ихъ одну отъ другой, но взглянемъ на все цѣлое прекрасной Тавриды, такъ какъ она представилась восхищеннымъ взоромъ новой обладательницы своей и всѣмъ счастливымъ спутникамъ ея достопамятнаго путешествія, по справедливости называемаго историками *торжественнымъ* и *величественнымъ шествіемъ* ея отъ сѣверной столицы до самыхъ южныхъ странъ новыхъ владѣній Россіи.

ПОЛУОСТРОВЪ КРЫМЪ И ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ.

1787 годъ.

На пространствѣ обширнаго отечества нашего Крымъ есть одна изъ самыхъ примѣчательныхъ странъ и въ отношеніи физическомъ, и въ отношеніи историческомъ. Нигдѣ природа не разсыпала съ такою щедростію красоты свои, нигдѣ не произошло столько важныхъ событій, столько знаменитыхъ дѣлъ, какъ въ этой прекрасной странѣ—Италіи нашей. Красоты эти цвѣтутъ и теперь, и многимъ изъ читателей моихъ можетъ представиться случай видѣть ихъ: стоитъ только доѣхать до Крыма. Но отъ прошедшихъ событій этого края осталось очень мало слѣдовъ и только въ исторіи можно найти ихъ. А любопытно было бы узнать все, что̀ разсказывается о Крымѣ! Вы повѣрите этому, друзья мои, когда я скажу вамъ, что онъ былъ уже страною знаменитою за нѣсколько столѣтій до Рождества Христова. Да, за нѣсколько столѣтій до Рождества Христова тамъ жили уже народы, отличавшіеся отъ другихъ своею образованностію, своими успѣхами въ наукахъ, мореплаваніи и торговлѣ. Но напередъ угадывая желаніе ваше узнать подробно исторію прекраснѣйшей изъ областей нашихъ, я опишу ее съ самаго начала.

Первые извѣстные намъ обитатели Тавриды въ XII и XIII вѣкѣ до Р. Х. были *тавры*. Имя ихъ происхо-

дитъ отъ горъ, которыхъ такъ много на родинѣ ихъ: *Тавръ*, на ассирійскомъ языкѣ значитъ *гора*. Тавры были очень жестоки и даже дики. Они приносили въ жертву своимъ богамъ всѣхъ чужестранцевъ, которые имѣли несчастіе претерпѣть кораблекрушеніе у береговъ ихъ.

Чрезъ нѣсколько столѣтій къ таврамъ пришли съ сѣвера Европы и, по увѣренію историковъ, съ полуострова Ютландіи *кимвры* или *киммеріане*. По примѣру всѣхъ завоевателей, они покорили природныхъ жителей Тавриды, сдѣлались главнымъ народомъ этой страны, построили на азіатскомъ берегу ея городъ *Киммеріонъ*, который вы теперь найдете на картѣ подъ именемъ *Тамани*. По имени ихъ проливъ, отдѣляющій европейскую часть Крыма отъ азіатской, получилъ названіе *Киммерійскаго*. Мы зовемъ его теперь *Таврическимъ*. Но слава кимвровъ не была продолжительна: они, въ свою очередь, были побѣждены и выгнаны изъ Тавриды *скиѳами*. Этотъ послѣдній народъ до такой степени отличался грубостію нравовъ своихъ и своимъ безчеловѣчіемъ, что греки называли ихъ именемъ всѣ необразованные народы: *скиѳъ* значило тогда то же, что *варваръ*. Сдѣлавшись обладателями Тавриды, они смѣшались съ ея первоначальными жителями и оттого страна получила новое названіе *Тавро-Скиѳіи*.

Но это все народы дикіе, необразованные, — гдѣ же тѣ, о которыхъ разсказъ можетъ быть любопытенъ? Они уже передъ вами, милые читатели мои.

Вы, вѣрно, давно уже знаете, что греки были однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ въ древности? Въ странѣ ихъ процвѣтали науки и искусства, оружіе ихъ славилось побѣдами, корабли ихъ плавали по отдаленнымъ морямъ. Въ V вѣкѣ до Р. Х. они въ первый разъ доѣхали до пролива Киммерійскаго, восхищены были красотами природы въ этой тогда еще дикой странѣ, предвидѣли множество выгодъ отъ заведенія въ ней колоній и основали въ сосѣдствѣ отъ Тамани городъ *Фанагорію*. Разсказы ихъ на родинѣ о прекрасномъ климатѣ и богатствахъ Тавриды возбудили и въ соотечественникахъ ихъ желаніе селиться тамъ, и греческія колоніи начали одна за другою являться на всемъ южномъ берегу Тавриды. Самыя важныя изъ

этихъ селеній были *Пантикапея* или нынѣшняя *Керчь, Ѳеодосія* и *Мегариче,* послѣ названный *Херсонесомъ.* Быстро начали процвѣтать новыя колоніи; суда изъ Греціи и другихъ отдаленнѣйшихъ странъ приходили къ нимъ съ богатыми товарами. Въ это время уже громко славился Херсонесъ, сдѣлавшійся вскорѣ важною республикою, не смотря на то, что владѣнія его простирались только на двѣнадцать верстъ въ длину и ширину. Соперникомъ Херсонеса, процвѣтавшаго на южномъ берегу Тавриды, было другое селеніе грековъ, въ то же время основанное въ восточной части полуострова и называвшееся *Босфоромъ.* Это былъ тотъ же городъ, который назывался прежде Пантикапея, а нынѣ Керчь. Но Босфоръ не былъ республикою, какъ Херсонесъ; здѣсь цари управляли народомъ и многіе изъ нихъ были знамениты.

Между тѣмъ, какъ эти главныя селенія грековъ, вмѣстѣ со многими другими по берегамъ Чернаго моря, проливали образованность на востокѣ и югѣ Тавриды, все пространство ея къ западу и сѣверу было во власти тавро-скиѳовъ, часто нападавшихъ на чужеземцевъ, поселившихся въ странѣ ихъ. Греки, будучи не въ силахъ защищать себя отъ варваровъ, просили иногда помощи у сосѣднихъ государей и тѣмъ погубили себя. Одинъ изъ этихъ государей, царь понтійскій Митридатъ-Евпаторъ подъ видомъ помощи завладѣлъ почти всею Тавріею и готовъ былъ идти въ Римъ; но римляне имѣли въ это время славнаго полководца своего Помпея: онъ остановилъ блестящіе успѣхи Митридата, лишилъ его всѣхъ завоеваній и покорилъ власти Рима всѣ селенія греческія въ Тавридѣ. Это случилось за 65 лѣтъ до Р. Х. Херсонесцы ничего не потеряли при этомъ покореніи: важная торговля ихъ и услуги, которыя имъ случалось иногда оказывать побѣдителямъ своимъ, сражаясь съ непріятелями ихъ, доставляли имъ покровительство Рима. Они даже оставлены были на своихъ прежнихъ правахъ. Съ Босфоромъ же было иначе: жители его получали царей отъ Рима. Судьба босфорцевъ сдѣлалась впослѣдствіи еще хуже: въ началѣ IV вѣка по Р. Х. они покорены были новыми, пришедшими въ Таврію завоевателями—*сарматами,* отъ кото-

рыхъ помогали имъ освободиться на нѣкоторое время жители Херсонеса; но въ концѣ того же столѣтія царство Босфорское навсегда разрушено было *гуннами.*

Удивительно было это множество народовъ, попеременно владѣвшихъ прекрасной и несчастной Тавридой. Какъ будто всѣ они наперерывъ стремились быть ея повелителями! За гуннами являются въ VIII вѣкѣ *казары.* Власть ихъ, вѣроятно была или продолжительнѣе, или прочнѣе другихъ, потому что слѣды ея остались въ новомъ имени Тавриды: она названа была *Казаріею.* Съ X вѣка исторія Тавриды начинаетъ сближаться нѣсколько съ нашею. Вы, вѣрно, вспомните, что въ 988 году совершилось въ Херсонесѣ важнѣйшее происшествіе для русскихъ: принятіе христіанской вѣры государемъ ихъ. Херсонесъ, вмѣстѣ съ другими селеніями греческими, былъ тогда подъ властію Восточной имперіи. Владиміръ, какъ будто желая не испросить, но завоевать себѣ достойную супругу, ходилъ войною на Херсонъ и овладѣлъ не только имъ, но и Ѳеодосіею, и многими другими мѣстами въ Тавридѣ и Тамани. Но, сдѣлавшись супругомъ царевны, онъ возвратилъ братьямъ ея, императорамъ константинопольскимъ, всѣ завоеванія свои, кромѣ Тамани, извѣстной въ исторіи нашей подъ именемъ Тмутараканской области. Греки также недолго оставались владѣтелями прелестной Тавриды. Въ половинѣ XI вѣка новые варвары смѣнили печенѣговъ: это были *половцы.* Они завладѣли Тавридой и почти два вѣка называли ее своею. Наконецъ въ 1233 году являются послѣдніе завоеватели ея—*татары.* Тотъ же Батый, губитель отечества нашего, былъ ужасомъ и Тавриды: онъ отправилъ для покоренія ея одного изъ полководцевъ своихъ *Ногая,* — съ многочисленнымъ войскомъ. Ногай былъ достойный исполнитель безчеловѣчнаго хана: онъ не только покорилъ, но, по обыкновенію татаръ, и разорилъ Тавриду. Участь ея раздѣлили и нѣкоторые изъ греческихъ городовъ и селеній, только не тѣ, которые, благодаря обширной торговлѣ своей, пользовались уваженіемъ и покровительствомъ государствъ сильныхъ, какъ, напримѣръ, Херсонесъ и Кафа, или Ѳеодосія, незадолго до того поступившая подъ защиту и власть Генуэзской республики, одной изъ сильнѣйшихъ

въ то время морскихъ державъ. Генуэзцы владѣли въ Тавріи не одною Кафою: и многія другія изъ прежнихъ селеній греческихъ уже принадлежали имъ. Соперники торговли ихъ на Черномъ морѣ были только венеціане, также сильные мореплаваніемъ и владѣвшіе тогда *Азовомъ*. Города, находившіеся подъ такимъ покровительствомъ, тѣмъ скорѣе избѣгли власти татаръ, что по богатству своему могли платить деньгами за свободу и безопасность свою, и такимъ образомъ татары собирали дань со всѣхъ городовъ и селеній южнаго берега Тавриды, уцѣлѣвшихъ отъ разрушительной власти ихъ. Такъ продолжалось болѣе двухъ столѣтій. Генуэзцы въ теченіе этого времени усилились до того, что Кафа уже перестала повиноваться татарамъ съ прежнею покорностію и обладатели Тавріи такъ раздражены были гордостью и своевольствами генуэзцевъ, что въ 1475 году рѣшились просить помощи у турокъ. Помощь была подана, но такъ, что и татары, и генуэзцы пожалѣли искренно о томъ, что не окончили ссоръ своихъ безъ посредниковъ. Городъ Кафа былъ разоренъ, 40,000 жителей его, генуэзцевъ, посланы въ Константинополь, знатнѣйшіе домы и церкви разрушены! Этого было еще недовольно для самыхъ жестокихъ изъ завоевателей Тавриды: турки въ то же время разграбили и другія селенія грековъ, венеціанъ и генуэзцевъ, и знаменитые города: *Судагъ*, *Балаклава*, *Инкерманъ*, *Херсонъ*, *Танаисъ* или *Азовъ*, *Керчь*, *Манкупъ*—почти исчезли со всѣми своими богатствами. Даже самые татары, призвавшіе къ себѣ турокъ, не избѣжали жестокости ихъ: ханъ крымскихъ татаръ *Менгли-Гирей* взятъ былъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Константинополь, гдѣ прожилъ три года, ожидая рѣшенія судьбы своей. Наконецъ султанъ возвратилъ ему ханство его, короновалъ его въ Константинополѣ и въ сопровожденіи сановниковъ турецкихъ отправилъ въ приморскій, еще уцѣлѣвшій городъ греческій *Евпаторію*, нынѣшній *Козловъ*. Хотя подданные Менгли-Гирея были очень недовольны тою властію, какую взяли турки надъ ханомъ и царствомъ ихъ, но сдѣлать было нечего: они не могли свергнуть этой власти почти во все время существованія ихъ. А это продолжалось не одно столѣтіе. Крымскіе татары довольно из-

вѣстны читателямъ изъ прежнихъ разсказовъ нашихъ. Зависимые отъ Турціи, но въ то же время и покровительствуемые ею, много причинили они зла отечеству нашему своими набѣгами, своими варварскими жестокостями. Бывали они и въ Москвѣ нашей и оставляли въ ней ужасную о себѣ память! Разоряли и другіе города, и только Кайнарджискимъ миромъ усмирены были нѣсколько, и то ненадолго. Наконецъ князю Потемкину удалось обратить этихъ безпокойныхъ и опасныхъ сосѣдей Россіи въ мирныхъ и полезныхъ гражданъ. Вы уже слышали, какимъ образомъ онъ сдѣлалъ это и намъ остается теперь узнать то состояніе Крыма, когда онъ былъ уже русскою областью. Одно изъ лучшихъ средствъ для этого есть описаніе путешествія императрицы въ эту знаменитую страну. Обратимся же къ нему и тѣмъ скорѣе, что оно доставитъ намъ случай узнать не одинъ Крымъ: но вмѣстѣ съ нимъ и другія примѣчательныя области и города, мимо которыхъ проѣзжала государыня, и людей, которые составляли избранное число спутниковъ ея, и много любопытныхъ подробностей того времени, въ которое случилось это примѣчательное путешествіе.

Многіе знаменитые иностранцы приглашены были императрицею участвовать въ путешествіи. Это были послы: французскій — *Сегюръ*, англійскій — *Фицъ-Гербертъ*, австрійскій—*Кобенцель*. Здѣсь же находился столь извѣстный своимъ остроуміемъ и любезностію принцъ *де-Линь*. Кромѣ того, въ свитѣ государыни были многіе изъ знатнѣйшихъ чиновъ двора и генераловъ, не говоря уже о томъ множествѣ чиновниковъ придворныхъ, которымъ поручены были разныя должности при этомъ великолѣпномъ, дотолѣ неслыханномъ въ Россіи путешествіи. Какъ вы думаете, сколько экипажей надобно было, чтобы помѣстить всю свиту? Четырнадцать каретъ, а саней сто шестьдесятъ четыре! Лошадей же приготовлялось на каждой станціи 560!

Въ такомъ-то пышномъ поѣздѣ императрица отправилась изъ Царскаго Села 18-го января 1787 года. Сюда приказано было пріѣхать всѣмъ спутникамъ ея и здѣсь простилась она съ семействомъ своимъ. Трогательно было

это прощаніе: Екатерина съ неописанною нѣжностію любила внуковъ своихъ, великихъ князей Александра и Константина, изъ которыхъ старшему было въ это время не болѣе девяти лѣтъ. Цѣлуя и обнимая ихъ въ минуту разлуки, она такъ много плакала, что родители царственныхъ малютокъ едва могли утѣшить ее. Но подобныя минуты великая государыня называла минутами слабости; она не позволяла себѣ долго предаваться имъ и, заключивъ нѣжнѣйшія чувства опечаленной матери семейства въ сокровенной глубинѣ души своей, она чрезъ нѣсколько часовъ послѣ выѣзда изъ Царскаго Села была уже попрежнему спокойна, думала уже попрежнему, что сердце ея принадлежало, кромѣ собственныхъ дѣтей ея, другому безчисленному семейству — народу ея, и счастіе этого народа сдѣлалось попрежнему любимою мыслію Великой. Польза Россіи была цѣлію путешествія ея [1]); стало быть все вниманіе государыни должно было обратиться на эту благодѣтельную для насъ цѣль. Иначе не могла думать Екатерина. Русскіе, привыкшіе къ тому совершенству, съ которымъ исполняла она священный долгъ царицы, не удивлялись ни ея рѣшимости на нѣсколько времени разлучиться съ драгоцѣннымъ ей семействомъ, ни тому величайшему вниманію, какое обращала она на все, относившееся до ея путешествія. Но за то много дивились этому иностранные министры, сопровождавшіе императрицу. Любопытно читать въ запискахъ ихъ, какъ искренно отдавали они справедливость знаменитымъ дѣламъ и всѣмъ поступкамъ Екатерины: шесть мѣсяцевъ путешествія, въ продолженіе которыхъ они были каждый день съ нею, доставили имъ возможность видѣть ее вблизи и вполнѣ удостовѣриться, какъ превышала она всѣхъ другихъ государей европейскихъ того времени. Особенно любопытны въ этомъ случаѣ записки французскаго посланника графа Сегюра: онъ былъ одинъ изъ умнѣйшихъ, образованнѣйшихъ и усерднѣйшихъ почитателей Екатерины и у него подробно описано путешествіе въ Крымъ. Но если оно казалось такъ

---

[1]) По этому случаю выбита была и медаль въ 1787 году: на одной сторонѣ ея изображенъ былъ портретъ государыни, на другой—карта всего путешествія съ надписью: *путь на пользу.*

любопытно для иностранца, во сколько разъ любопытнѣе покажется оно для васъ, милые читатели! Поспѣшимъ же удовлетворить этому любопытству.

Прежде всего скажу вамъ, какіе города проѣхала государыня, начиная отъ самаго Петербурга до Крыма. Это маршрутъ ея. Первый городъ послѣ Царскаго Села былъ Рожественъ, потомъ Луга, Порховъ, Великіе Луки, Велижъ, Смоленскъ, Мстиславль - Чириковъ, Новгородъ-Сѣверскій, Сосница, Черниговъ, Нѣжинъ, Козелецъ, Кіевъ, Терехтеміровъ, Коневъ, Черкаскъ, Кременчугъ, Переволочна, Кайдаки, Екатеринославль и Херсонъ.

Въ шесть дней государыня была уже въ Смоленскѣ,— это 700 верстъ отъ Петербурга. Вы удивитесь скорости этого путешествія, когда я скажу вамъ, что обыкновенный порядокъ въ образѣ жизни императрицы нисколько не измѣнялся: вставала она въ дорогѣ точно такъ же, какъ и въ Петербургѣ, въ шесть часовъ; точно такъ же занималась докладами, потомъ завтракала и принимала посланниковъ, сопровождавшихъ ее. Въ 9 часовъ отправлялись въ путь и останавливались въ два—для обѣда; послѣ обѣда ѣхали до семи часовъ вечера. Съ семи до девяти государыня проводила время опять съ своею свитою; съ девяти до одиннадцати—работала въ кабинетѣ. Можно ли было не удивляться этой дѣятельности?

Зимніе, темные вечера, которые у насъ еще такъ длинны въ половинѣ января, не останавливали великолѣпнаго поѣзда; напротивъ того, придавали ему новый блескъ: по обѣимъ сторонамъ дороги зажигались тогда большіе костры дровъ въ довольно близкомъ разстояніи одинъ отъ другого. Эти яркіе огни, озаряя мракъ зимнихъ вечеровъ, проливали веселіе на всѣ окрестности дороги, по которой быстро неслись экипажи государыни однимъ длиннымъ безконечнымъ рядомъ. Не буду говорить вамъ о томъ восторгѣ, съ которымъ жители этихъ окрестностей спѣшили видѣть царицу свою, съ какимъ усердіемъ другіе пріѣзжали для того изъ дальнихъ округовъ, съ какимъ терпѣніемъ жили нѣсколько дней на одномъ мѣстѣ для того только, чтобы на минуту увидѣть ее. Все это вамъ извѣстно по чувствамъ собственнаго сердца: даже и тѣ изъ

васъ, которые родились и живутъ въ Петербургѣ, вѣрно не одинъ разъ съ нетерпѣливымъ усердіемъ бѣжали къ тому мѣсту, гдѣ могли надѣяться видѣть государя. Что же надобно думать о тѣхъ, которые лишены этого счастія и живутъ далеко отъ мѣстъ, оживленныхъ его присутствіемъ. Какъ велико должно быть ихъ восхищеніе при надеждѣ видѣть его! Это испытали въ 1787 году всѣ губерніи, мимо которыхъ проѣзжала незабвенная государыня. Но какъ быстръ казался для нихъ этотъ поѣздъ! Жители Смоленска первые осчастливлены были болѣе продолжительнымъ присутствіемъ ея: здѣсь назначено было отдохновеніе послѣ шестидневной ѣзды и государыня пробыла въ этомъ городѣ три дня. Но ей угодно было только называть это отдохновеніемъ, чтобы исполнить желаніе народа и доставить ему возможность полюбоваться своею *Матушкою* подолѣе; въ самомъ же дѣлѣ такіе дни могли утомить болѣе самаго путешествія: въ продолженіе ихъ государыня безпрестанно занята была то аудіенціями, то представленіями, кромѣ того давала балъ для смоленскаго дворянства. На этомъ балѣ было триста дамъ, которыя удивили петербургскихъ пріѣзжихъ, и даже посланниковъ иностранныхъ, отличнымъ вкусомъ и блескомъ нарядовъ своихъ. Въ Кіевѣ ожидало всѣхъ удивленіе другого рода: къ пріѣзду государыни съѣхались туда не одни дворяне русскіе, но и многіе знаменитые иностранцы. Сверхъ того собрались тамъ депутаты отъ всѣхъ разноплеменныхъ подданныхъ Екатерины. Чрезвычайно разнообразно было многочисленное общество, встрѣтившее императрицу. Тутъ были и казаки съ Дона, и другіе съ Урала, и третьи, недавно вступившіе въ число подданныхъ Россіи—запорожцы, и кочующіе киргизы, и дикіе калмыки, своею некрасивою наружностію пугавшіе иностранцевъ, никогда ихъ не видавшихъ. Смотря на нихъ, боязливые называли ихъ потомками гунновъ и припоминали давноминувшую славу страшнаго царя ихъ Атиллы. Послѣ этого, уже давно нестрашнаго, но только безобразнаго племени, красовались ловкіе, недавно покорившіеся Россіи черкесы; за ними также подданные ея—крымскіе татары. Поодаль отъ нихъ, на мѣстѣ болѣе почетномъ, стоялъ съ свитою царевичъ грузинскій, недавно присяг-

нувшій на подданство Екатерины. И посреди этого разнообразнаго общества вообразите тѣхъ, которыхъ можно было справедливо назвать виновниками этого самаго разнообразія, вообразите генераловъ, побѣдителей большей части народовъ, тутъ собравшихся. И фельдмаршалъ Румянцевъ, и князь Потемкинъ, и храбрый Суворовъ,—всѣ они были въ Кіевѣ. Первый, какъ генералъ-губернаторъ кіевскій, встрѣтилъ государыню на границѣ губерніи, ему ввѣренной; второй приготовлялся встрѣтить ее въ Екатеринославской. Такъ какъ эта губернія вмѣстѣ съ Крымомъ была предметомъ путешествій императрицы, то князю Таврическому предстояло болѣе дѣла, нежели всѣмъ другимъ начальникамъ губерній, мимо которыхъ проѣзжала государыня. Къ тому же, ему такъ хотѣлось показать царицѣ-благодѣтельницѣ своей, съ какимъ усердіемъ старался онъ о благосостояніи края, ему ввѣреннаго, и какіе быстрые успѣхи были слѣдствіемъ стараній его. Совершенно занятый этою мыслію, онъ нерѣдко отказывалъ себѣ въ удовольствіи присутствовать на праздникахъ, которыми добрая государыня веселила жителей Кіева во время своего почти трехмѣсячнаго пребыванія тамъ, и отправлялся въ мѣста, ввѣренныя начальству его, по дорогѣ къ Крыму, смотрѣть за приготовленіями къ пріему государыни. И за то какъ прекрасно вознаграждены были старанія и заботливость его! Нигдѣ путешествіе не казалось такъ пріятно для императрицы и всѣхъ спутниковъ ея, какъ въ губерніяхъ, порученныхъ князю Потемкину. Онъ умѣлъ соединить въ нихъ все, что̀ могло доставить удовольствіе не только глазамъ, но и душѣ, и уму. Что могло быть пріятнѣе для государыни, пламенно желавшей счастія и славы народу своему, какъ не видъ цвѣтущихъ селеній въ мѣстахъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ совершенно необитаемымъ? И этотъ видъ представлялся ей довольно часто на протяженіи береговъ величественнаго Днѣпра, когда она проѣзжала мимо ихъ, оставивъ Кіевъ. Надобно сказать вамъ, милыя дѣти, что императрица могла въ полной мѣрѣ наслаждаться прекрасною картиною новаго заселенія: путешествіе ея изъ Кіева было уже не сухимъ путемъ, но по водамъ Днѣпра въ большихъ, нарочно для того устроен-

ныхъ судахъ. Число ихъ простиралось до сорока шести; людей же, составлявшихъ экипажъ, до 416 человѣкъ. Семь великолѣпныхъ галеръ, убранныхъ съ царскою пышностію, ѣхали впереди всего флота: на первой находилась императрица, на шести остальныхъ—ея свита. Каждая галера имѣла свою собственную музыку. Неописанно-прелестна была картина этого путешествія въ то время, когда теплая, майская погода, которою могутъ хвалиться южныя губерніи наши, вызывала знаменитыхъ путешественниковъ не только на палубу судовъ, но даже нѣкоторыхъ на легкіе челноки и лодки, быстро мелькавшіе по обѣимъ сторонамъ эскадры, при звукахъ тихой, пріятной музыки, всегда такъ хорошо согласующейся съ журчаніемъ волнъ, съ ихъ переливающимся плескомъ. Въ такіе часы иностранные спутники императрицы воображали себя въ мірѣ очарованій, называли великолѣпный флотъ и все, что принадлежало къ нему, не иначе, какъ *созданіями волшебства*. И они были правы: это плаваніе по Днѣпру и этотъ Днѣпръ съ своими зелеными островами, съ своими шумными, какъ будто облитыми пѣною порогами, съ своими берегами, уже не пустынными, но покрытыми толпою любопытныхъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ имперіи, чтобы видѣть величественное шествіе государыни, все это вмѣстѣ точно не походило на міръ обыкновенный, но на что-то волшебное, непостижимое. Очарованіе дѣлалось еще совершеннѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на обширныхъ равнинахъ береговъ Днѣпра носились, быстро маневрируя, легкія войска казаковъ, между тѣмъ какъ окружавшіе ихъ города, селенія и загородные домы жителей красовались всѣмъ убранствомъ, какое только могло быть придумано усердіемъ народа и изобрѣтательнымъ умомъ начальника его. Тутъ были и тріумфальныя ворота, и легкіе, нарочно построенные храмы прелестной архитектуры, и гирлянды изъ цвѣтовъ и зелени, спускавшіеся красивыми фестонами по всѣмъ зданіямъ, на которыя могли упасть взоры императрицы. Счастливая радостью народа, восхищенная его усердіемъ, Екатерина, по замѣчанію спутниковъ своихъ, никогда не была такъ довольна, весела и говорлива, какъ во время этого путешествія водою. Такое расположеніе

духа августѣйшей хозяйки имѣло вліяніе на всѣхъ гостей ея, и смѣло можно сказать, что во всей Европѣ не было тогда общества, въ которомъ бы представлялось такое прекрасное соединеніе ума, любезности, пріятныхъ шутокъ и острыхъ словъ. Мнѣ очень хотѣлось бы, милые читатели, дать вамъ хотя небольшое понятіе о тонѣ этого общества, о томъ, что говорилось въ немъ; для этого надобно разсказать вамъ объ одномъ или двухъ такихъ случаяхъ, которые могутъ нѣсколько удовлетворить мое и, конечно, ваше желаніе.

Екатерина, разговаривая однажды съ тремя сопровождавшими ее посланниками, спросила у нихъ въ шутку, какъ они думаютъ, чѣмъ была бы она, родившись на свѣтъ мужчиною и частнымъ человѣкомъ? Фицъ-Гербертъ отвѣчалъ, что ея величество, вѣроятно, была бы мудрымъ законодателемъ; Кобенцель — великимъ министромъ или посланникомъ; графъ Сегюръ — знаменитымъ полководцемъ. «О! всѣ вы ошиблись», сказала императрица: — «я знаю мою пылкую голову: я отважилась бы на все для славы и, не дослуживши до поручика, въ первомъ сраженіи положила бы голову».

Въ другой разъ разговоръ шелъ о томъ, что̀ думаетъ Европа о путешествіи государыни русской къ южнымъ владѣніямъ ея. При этомъ случаѣ Европа болѣе всего боялась, что Россія съ помощью императора австрійскаго, который въ это время спѣшилъ въ Херсонъ для свиданія съ Екатериною, завоюетъ, по извѣстному всѣмъ плану Потемкина, не только Турцію, но и Персію и даже, можетъ быть, Индію и Японію. Одинъ изъ посланниковъ, разсказывая въ шуткахъ объ этомъ, прибавилъ:

— Словомъ сказать, ваше величество, странствующій кабинетъ вашъ занимаетъ и безпокоитъ теперь всѣ другіе.

— Стало быть, сказала императрица, — этотъ кабинетъ петербургскій, плывущій теперь по волнамъ Днѣпра, очень великъ, что дѣлаетъ столько хлопотъ другимъ?

— Точно такъ, государыня, отвѣчалъ тогда принцъ де-Линь: — и между тѣмъ нѣтъ такого, который бы былъ менѣе его; нѣсколько дюймовъ — вотъ весь размѣръ его: онъ простирается только отъ одного виска до другого.

Вы, конечно, догадываетесь, друзья мои, что остроумный принцъ де-Линь разумѣлъ подъ этимъ кабинетомъ возвышенное чело Екатерины, гдѣ такъ ясно выражались глубокія думы, геніальныя мысли ея.

Вотъ какъ свободно было обращеніе въ этомъ избранномъ обществѣ императрицы, какъ непринужденна веселость! Удивительно ли послѣ того, что всѣ, наслаждавшіеся столь многими удовольствіями, называли путешествіе свое очаровательнымъ? Вскорѣ оно получило новый блескъ: на тогдашней границѣ Польши, въ мѣстечкѣ Каневѣ, ожидалъ государыню король, возведенный нѣкогда ею на престолъ польскій, *Станиславъ-Августъ*. Непріятныя обстоятельства заставляли его въ это время искать снова покровительства прежней благодѣтельницы своей и просить у ней свиданія для переговоровъ. Невозможно описать усердія и пышности, съ которыми онъ встрѣтилъ императрицу. Многочисленное войско польское, богато одѣтое, въ сіяющемъ вооруженіи, покрывало всѣ возвышенности и равнины Канева. Дворъ варшавскій, сопровождая государя своего, увеличивалъ великолѣпіе торжества, которое продолжалось безпрерывно цѣлый день, проведенный здѣсь государынею. Въ это короткое время смиренные жители небольшого мѣстечка были свидѣтелями и великолѣпнаго обѣда, и бала, и иллюминаціи, и фейерверка. Государыня, тронутая усердіемъ Станислава и стѣсненнымъ положеніемъ его, обѣщала ему покровительство свое противъ враговъ его, и на другой день онъ разстался съ нею, утѣшенный и осчастливленный ея участіемъ.

Чрезъ нѣсколько дней потомъ знаменитая флотилія остановилась предъ *Кременчугомъ*, городомъ екатеринославскаго намѣстничества. Здѣсь князь Потемкинъ, безпрестанно старавшійся разнообразить прекрасныя картины, которыя появлялись предъ восхищенными взорами государыни на берегахъ Днѣпра, представилъ новое неожиданное для всѣхъ зрѣлище. Это были маневры расположенныхъ тутъ войскъ конницы и пѣхоты. Иностранцы съ удивленіемъ смотрѣли на воинственную красоту, на стройныя движенія ихъ. Что же должна была чувствовать государыня, видя столько порядка, столько выгодъ жизни

общественной, столько счастливыхъ и трудолюбивыхъ жителей тамъ, гдѣ, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, такъ часто встрѣчали дерзкія шайки разбойниковъ и столько было слышно разсказовъ объ ужасныхъ дѣлахъ ихъ! Она исполнена была глубокою благодарностію къ виновнику этой счастливой перемѣны, князю Потемкину, и такъ восхищалась всѣмъ видѣннымъ ею, что не однажды изъявила сожалѣніе свое о скоромъ окончаніи плаванія: гдѣ начинались опасные пороги Днѣпра, нельзя уже было ѣхать водою и путешествіе продолжалось сухимъ путемъ. Въ томъ мѣстѣ, которое называлось *Кайдаки,* государыня встрѣчена была императоромъ нѣмецкимъ. Прибывши въ Херсонъ, онъ не имѣлъ терпѣнія ожидать тамъ прибытія Екатерины и спѣшилъ къ ней навстрѣчу. Императрица умѣла цѣнить такое дружелюбіе и, узнавъ о приближеніи высокаго гостя, сама выѣхала къ нему навстрѣчу.

Князь Потемкинъ радовался пріѣзду императора: въ окрестностяхъ Кайдаковъ онъ приготовлялъ важное торжество, которому присутствіе Іосифа II долженствовало придать еще болѣе блеска: это была закладка *Екатеринослава,* главнаго города екатеринославскаго намѣстничества. Давно уже составленъ былъ планъ и выбрано мѣсто для этого города, но Григорій Александровичъ желалъ, чтобы первый камень знаменитаго города положенъ былъ виновницею его существованія и, счастливый во всемъ, успѣлъ и въ этомъ сверхъ ожиданія своего: не только великая государыня его, но и императоръ австрійскій любовались избраннымъ имъ мѣстоположеніемъ на высокомъ берегу прекраснаго Днѣпра и, заложивъ основаніе Екатеринослава, сдѣлали незабвеннымъ имя его, не смотря на то, что важность этого города впослѣдствіи времени далеко не достигла той степени, какую предназначалъ ей основатель его.

Изъ Екатеринослава знаменитые путешественники, направляя путь свой къ Херсону, въѣхали въ *степь Новороссійскую.* Это была настоящая степь: вся дорога до Херсона, простираясь болѣе нежели на триста верстъ, была ничто иное, какъ обширные луга, покрытые травою, не оживленные ни однимъ деревцомъ и изрѣдка только

освѣжаемые небольшими ручейками. Единственныя живыя существа, встрѣчавшіяся въ этихъ зеленыхъ пустыняхъ, были стада барановъ и табуны лошадей; хозяева круглый годъ оставляли ихъ на богатой и дешевой паствѣ.

Послѣ такой однообразной и почти печальной картины какъ хорошъ, какъ удивителенъ показался путешественникамъ Херсонъ — это новое, едва осмилѣтнее твореніе Потемкина! Оно въ самомъ дѣлѣ заслуживало удивленія, и чтобъ доставить читателямъ моимъ самое первое и самое любопытное описаніе его, я сдѣлаю всего лучше, если представлю здѣсь собственное письмо императрицы, писанное ею изъ Херсона къ генералу Еропкину. Послушайте, какъ много скажетъ оно вамъ въ короткихъ словахъ.

«13-го мая 1787 г. Вчерашній вечеръ, въ 6-мъ часу, мы пріѣхали въ здѣшній городъ. Дитя сіе не существовало 8 лѣтъ назадъ. Сначала проѣхали каменныя казармы шести полковъ, потомъ поворотили направо, въѣхали въ крѣпость, которая состоитъ въ отдѣлкѣ, совсѣмъ поспѣетъ въ нынѣшнее лѣто и несравненно лучше Кіево-Печерской. Внутри крѣпости военныя строенія, многія окончены, нѣкоторыя приводятся въ отдѣлку. Церковь каменная, прекрасная. Когда я говорю—каменная, не подумайте, чтобы подъ симъ разумѣлся кирпичъ. Здѣсь инова камня не знаютъ, какъ тотъ, который, вынувъ изъ земли, кладутъ въ стѣну. Онъ крѣпче плиты и сырость не принимаетъ. Выѣхавъ изъ крѣпости, повернули мы въ адмиралтейство, въ которомъ всѣ магазины, строенія каменнаго, покрыты желѣзомъ. На стапеляхъ нашли мы готовый 80-ти пушечный корабль, который въ субботу, Богъ дастъ здоровье, спустимъ на воду. Возлѣ сего 60-ти пушечный готовый, возлѣ сего — фрегатъ 55-ти пушечный. Сіи корабли изъ той комнаты, въ которой къ вамъ пишу, видны и садъ сего дома возлѣ адмиралтейства и стапель. Купеческаго города, который съ другой стороны составляетъ предмѣстье, я еще не видала, но, сказываютъ, не хуже. Народа здѣсь, окромѣ военныхъ, великое множество, и разноязычные съ большей части Европы. Я могу сказать, что мои намѣренія въ семъ краю приведены до такой степени, что нельзя оныхъ оставить безъ достодолжной

похвалы. Усердное попеченіе вездѣ видно и люди къ тому избраны способные...» Какъ вознаграждали эти строки Потемкина за все усердіе и за всѣ труды его!

У Кизикерменя, небольшого городка, лежащаго въ 75 верстахъ отъ Херсона и называвшагося нѣкогда греками *Ольвіополемъ*, а русскими — *Бѣлою Вѣжею* или *Бериславлемъ*, знаменитые путешественники переѣхали Днѣпръ и были встрѣчены тамъ отрядомъ, составленнымъ изъ молодыхъ знатнѣйшихъ татарскихъ семействъ, недавно покорившихся Россіи. Имъ поручено было отъ соотечественниковъ ихъ свидѣтельствовать государынѣ глубокое уваженіе и просить позволенія сопровождать ее. Екатерина не только согласилась съ обыкновенною благосклонностію своею на эту просьбу, но даже объявила, что на все время путешествія и пребыванія своего въ Крымѣ она не желаетъ имѣть другой стражи, другихъ защитниковъ отъ всякой опасности, кромѣ новыхъ подданныхъ своихъ.

Такая смѣлая рѣшительность, такая увѣренность въ народѣ, бывшемъ всегда жесточайшимъ врагомъ русскихъ, удивили всю иностранную свиту великой царицы. Удивленіе еще болѣе увеличилось, когда татары въ полной мѣрѣ оправдали эту довѣренность и преданностію къ новой повелительницѣ своей могли сравниться съ русскими подданными ея: не было опасности, на которую бы они ни рѣшились для ея спокойствія. Они особенно доказали это въ Бахчисараѣ, гдѣ едва было не случилось величайшаго несчастія для Россіи. Бахчисарай лежитъ въ узкой долинѣ, окруженной высокими скалами. Дорога, проложенная по спуску съ крутой горы, очень опасна и здѣсь-то горячія крымскія лошади, не привыкшія къ необыкновенной тяжести кареты, въ которой находилась государыня, взбѣсились, закусили удила и понеслись между скалами. Ужасъ овладѣлъ всею свитою императрицы. Она одна, какъ разсказывалъ потомъ императоръ, сидѣвшій вмѣстѣ съ нею въ каретѣ, не измѣнилась въ лицѣ! Съ невыразимымъ трепетомъ всѣ ожидали минуты, когда экипажъ на всемъ быстромъ бѣгу своемъ опрокинется на острыя скалы и разлетится вдребезги. Въ отчаяніи никто не имѣлъ способности думать о помощи и спасеніи, но татарскій от-

рядъ, составлявшій почетную стражу государыни, уже вихремъ несся вслѣдъ за каретою, уже опередилъ ее и, бросившись съ совершеннымъ самоотверженіемъ навстрѣчу бѣшенымъ лошадямъ, остановилъ ихъ.

Пріятно было Екатеринѣ, за спасеніе жизни своей, благодарить народъ, едва три года бывшій въ подданствѣ ея. И гдѣ же? Во дворцѣ царей, нѣкогда страшныхъ для Россіи, теперь не существовавшихъ болѣе! Надобно сказать вамъ, милые читатели мои, что городъ Бахчисарай былъ столицею Крыма, когда имъ владѣли татары. Здѣсь жили ихъ ханы, и великодушная государыня не сдѣлала ни малѣйшей перемѣны не только во дворцѣ ихъ, но даже во всемъ городѣ. По приказанію ея, онъ не заселялся русскими и остался съ одними татарскими жителями своими. Отъ этого азіатская наружность его сохранилась въ немъ болѣе, нежели въ прочихъ городахъ Крыма. Наслѣдники Екатерины уважали волю ея и въ Бахчисараѣ до сихъ поръ все выражаетъ народный характеръ его. И теперь еще мечети его и дворцы, фонтаны и кладбища дышатъ востокомъ и своею необыкновенностію привлекаютъ взоры каждаго путешественника. Особенно примѣчательна одна главная улица его: она узка, такъ что двѣ кареты, встрѣтясь, едва могутъ разъѣхаться въ ней и, протягиваясь въ длину на полторы версты, представляетъ по сторонамъ своимъ два ряда деревянныхъ лавокъ, совершенно открытыхъ. Проѣхавъ по ней одинъ разъ, можно получить точное понятіе о нравахъ, промышленности и степени образованности крымскихъ татаръ. Въ этихъ лавкахъ отправляются всѣ ремесла и искусства, и проходитъ почти вся жизнь ихъ. Здѣсь можно видѣть, какъ они подковываютъ лошадей своихъ, пекутъ хлѣбы, готовятъ кушанье, продаютъ разные товары, однимъ словомъ, занимаются всѣми своими дѣлами. Если и теперь еще Бахчисарай представляетъ такую вѣрную картину татарскаго города, то легко представить, что̀ было въ немъ тогда, когда протекло не болѣе трехъ лѣтъ послѣ его покоренія. Всѣ пріѣхавшіе съ государыней воображали себя какъ будто перенесенными въ какое нибудь азіатское царство, тѣмъ болѣе, что всѣ они помѣщены были въ великолѣпномъ Бахчисарайскомъ

дворцѣ, гдѣ оставались даже нѣкоторые изъ служителей послѣдняго хана. Объ этомъ, равно какъ и о прекрасномъ дворцѣ, очень хорошо разсказываетъ графъ Сегюръ въ своихъ запискахъ. Я думаю, читатели мои не будутъ недовольны, если я приведу нѣсколько строкъ изъ нихъ:

«Ихъ императорскія величества занимали комнаты хана. Фицъ-Гербертъ, Кобенцель, принцъ де-Линь и я помѣщены были въ гаремѣ, передъ окнами котораго зеленѣли красивые сады, окруженные въ самомъ дѣлѣ очень высокими стѣнами.

«Въ каждой комнатѣ вся мебель заключалась въ одномъ широкомъ и спокойномъ диванѣ, простиравшемся во всю длину стѣны. Средину комнаты занималъ большой четвероугольный бассейнъ изъ бѣлаго мрамора; струи свѣжей, прозрачной воды безпрестанно лились изъ его трубочекъ.

«Разрисованныя стекла освѣщали слабымъ свѣтомъ эти комнаты; даже когда отворяли окна, солнце едва могло проникать сквозь густыя вѣтви деревъ розовыхъ, лавровыхъ, жасминныхъ, гранатовыхъ и апельсинныхъ: листья ихъ покрывали эти окна какъ будто зелеными рѣшетками.

«Онажды, во время чрезвычайныхъ жаровъ, случилось мнѣ лежать на моемъ диванѣ. Сладко наслаждаясь журчаніемъ воды, свѣжестію прохлады и благоуханіемъ цвѣтовъ, я погрузился въ нѣгу востока и лежалъ, мечтая какъ паша; вдругъ является предо мною низенькій старикъ съ бѣлой бородою, въ длинномъ платьѣ, въ красной шапочкѣ на головѣ.

«Его видъ, смиренное положеніе, азіатскій поклонъ довершили мое очарованіе и нѣсколько минутъ я могъ воображать себя настоящимъ княземъ мусульманскимъ: мнѣ казалось, что предо мною стоялъ какой нибудь ага или бостанджи, ожидая священныхъ приказаній моихъ».

Однако же это былъ не ага и не бостанджи, а просто садовникъ хана Сагинъ-Гирея, пришедшій къ французскому посланнику съ предложеніемъ показать ему все, достойное любопытства во дворцѣ Бахчисарайскомъ. Надобно сказать, что этотъ дворецъ очень великъ и безъ проводника можно заблудиться въ немъ. Такъ много прекраснаго, много примѣчательнаго, и между прочимъ фонтанъ,

такъ увлекательно, такъ мило воспѣтый нашимъ незабвеннымъ, такъ рано покинувшимъ насъ пѣвцомъ—нашимъ Пушкинымъ.

Однакожъ, заговорясь о Бахчисараѣ, мы забыли, что не съ него начинается Крымъ; что онъ лежитъ почти на югѣ полуострова, и что, слѣдовательно, не ему должны бы принадлежать первыя страницы нашего описанія Тавриды. Но не безпокойтесь, милые читатели мои, вы ничего не потеряли: начало, или, правильнѣе сказать, *сѣверъ* Крымскаго полуострова совсѣмъ не примѣчателенъ ни въ историческомъ отношеніи, ни по природѣ своей: отъ Кезикерменя или Бериславля начинается степь *ногайская,* страна безводная и необитаемая. На ней не видно даже и стадъ, оживлявшихъ степь новороссійскую. Только у самаго перешейка Перекопскаго однообразная картина нѣсколько измѣняется и глазамъ путешественниковъ, утомленнымъ безжизненностію, является съ правой стороны *Черное,* съ лѣвой стороны *Гнилое* море или *Сивашъ;* впереди же ровъ и валъ, простирающійся на семь верстъ, т. е. во всю ширину перешейка. Но это разнообразіе ненадолго: за Перекопью—это значитъ уже въ Крымѣ—та же безплодная и безлюдная пустыня: на пространствѣ 132 верстъ до Акмечети, или, какъ мы называемъ этотъ городъ, *Симферополя,* нѣтъ ничего, кромѣ одной гладкой равнины, покрытой засохшею травою. Такой печальный видъ дѣлается еще скучнѣе, потому что никто не ожидаетъ найти его въ Крымѣ! всѣ наслышались объ очаровательныхъ красотахъ его. Но эти красоты являются не прежде какъ тамъ, гдѣ начинаются гористыя мѣста Тавриды, простирающіяся по всему южному ея берегу: здѣсь-то ея прелести, здѣсь-то ея лучшія сокровища. Бахчисарай есть первый городъ, встрѣчаемый въ горахъ. Императрица, знаменитый гость ея и вся свита ихъ были восхищены имъ, и прежняя столица Крыма, лежащая въ 30 верстахъ отъ *Симферополя,* имѣла счастіе видѣть пять дней въ стѣнахъ своихъ новую обладательницу свою. Эти оба города, и въ особенности Бахчисарай, имѣютъ прекрасныя окрестности. Высокія горы, огромныя скалы какъ будто осѣняютъ ихъ со стороны моря. Въ двадцати верстахъ отъ Симферополя гордо поднимаетъ

вершину свою высочайшая изъ горъ Крыма: *Чатырдагъ*. Она возвышается на 790 саженъ надъ поверхностію моря; вся длина ея, начиная съ самой подошвы, простирается на десять, ширина же на пять или шесть верстъ.

Оставивъ Бахчисарай, высокіе путешественники объѣхали прелестныя долины, разбросанныя въ его окрестностяхъ и, переѣхавъ рѣку Кабарду съ ея живописными берегами, похожими на безпрерывный садъ, въ тотъ же день пріѣхали къ обѣду въ *Севастополь*, недавно созданный Потемкинымъ на мѣстѣ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ знаменитыми развалинами—двухъ *Херсонесовъ*, *Ѳеодосіи* или нынѣшняго *Инкермана*, *Симѳолона* или турецкой *Балаклавы* и *Партеніона*, гдѣ теперь монастырь св. Георгія. Посреди этой почтенной древности, юный, прелестный Севастополь, построенный на горѣ, возвышающійся полукружіемъ надъ моремъ, походилъ на миловиднаго младенца, любующагося собою въ зеркалѣ водъ. Развалины второго и самаго знаменитаго въ исторіи Херсонеса лежатъ не болѣе какъ на полторы версты разстоянія отъ Севастополя, и жители послѣдняго безъ всякой жалости перевезли въ новое селеніе почти всѣ камни древняго города и построили изъ нихъ свои домы. Нельзя не жалѣть объ этомъ конечномъ разрушеніи зданій, столь славныхъ въ древности, хотя уничтожающіеся остатки ихъ и ожили въ новыхъ строеніяхъ. Но обратимся къ пріѣзду туда Екатерины.

По приказанію Потемкина построены были дворцы почти въ каждомъ городѣ, гдѣ на нѣсколько времени останавливалась государыня. Такіе дворцы иногда встрѣчались путешественникамъ и тамъ, гдѣ ихъ никто не могъ ожидать—посреди степей и пустынь новороссійскихъ. Дворецъ, приготовленный въ Севастополѣ, былъ особенно хорошъ. Онъ построенъ былъ противъ самаго залива, составляющаго знаменитый портъ Севастопольскій. Но все приготовлено было такъ, что при началѣ обѣда, въ день пріѣзда туда государыни, нельзя было обратить на это особеннаго вниманія. Прекрасная музыка встрѣтила знаменитое общество при самомъ входѣ и продолжалась во все время стола. Вдругъ, при одномъ изъ самыхъ гармониче-

скихъ мѣстъ ея, отворились двери балкона и чудное, величественное зрѣлище представилось взорамъ всѣхъ присутствовавшихъ. Прекрасный отрядъ конницы поставленъ былъ въ одну линію передъ окнами дворца. Въ ту минуту, когда эти окна отворились, линія раздѣлилась, и императрица, и всѣ гости ея увидѣли обширный заливъ и посреди его огромный флотъ, построенный и снаряженный въ два года! Эта картина, грозная для враговъ Россіи, но величественно-привлекательная для государыни ея, оканчивалась моремъ, котораго зеленыя волны, едва колеблемыя весеннимъ вѣтромъ, казалось, манили въ безграничную даль свою стройныя суда, совсѣмъ готовыя и въ путь, и въ битву! Залпъ изъ всѣхъ пушекъ грозной эскадры привѣтствовалъ государыню. Слушая его, посланники, окружавшіе Екатерину, опасались за Турцію; они знали, что несогласія между нею и Россіею готовы были возобновиться. Потемкинъ съ радостію ожидалъ этого, какъ случая къ новой славѣ Россіи. Нѣкоторые же изъ иностранцевъ по той же причинѣ очень желали, чтобы миръ сохранился, и такимъ образомъ черноморскій флотъ, съ такимъ неожиданнымъ блескомъ представленный взорамъ Екатерины въ Севастополѣ, возбудилъ различныя чувства во всѣхъ зрителяхъ, и общимъ было только одно: удивленіе къ невѣроятной дѣятельности Потемкина. Можно ли было представить себѣ, смотря на этотъ прекрасно-устроенный портъ, на этотъ сильный флотъ, на возвышавшійся надъ ними величественно-красивый Севастополь, можно ли было представить себѣ, что все это сотворено въ два или три года? Разсмотрѣвъ со всею подробностію это новое чудо Потемкина, изъявивъ ему за то свою искреннѣйшую благодарность, государыня возвратилась для легкаго отдыха въ Бахчисарай. Оттуда путешествіе продолжалось въ Симферополь. Здѣсь императрица и всѣ ея спутники восхищались новыми красотами мѣстоположенія. Симферополь лежитъ посреди гладкой равнины, окруженной холмами. Долины, раздѣляющія эти холмы, можно назвать настоящими садами, украшенными всѣми лучшими растеніями юга. Богатые татары, жители Симферополя, умѣютъ выбирать самыя живописныя группы деревьевъ и посреди

ихъ строятъ прелестные кіоски. Легкіе куполы этихъ турецкихъ бесѣдокъ, расписанные самыми яркими красками, красуясь въ воздухѣ вмѣстѣ съ пирамидальными вершинами величественныхъ тополей, придаютъ необыкновенную прелесть окрестностямъ Акмечети.

Пробывъ здѣсь сутки, государыня, императоръ и ихъ свита отправились въ *Карасу-Базаръ*, называемый нѣкогда греками *Мавронъ-Кастронъ*. Этотъ городъ принадлежитъ къ самымъ большимъ въ Крымѣ, но не имѣетъ ничего особенно примѣчательнаго. Домы его, какъ всѣ домы татаръ, низки и построены неправильно. Крымскія горы составляютъ здѣсь настоящую цѣпь и отсюда только простираются, не прерываясь, въ одну сторону до Бахчисарая, въ другую — до *Стараго-Крыма*. Но если здѣсь природа не поражала взоры знаменитыхъ путешественниковъ ничѣмъ особеннымъ, то удивлялъ ихъ почти на каждомъ шагу князь Потемкинъ. Солдатами полковъ, расположенныхъ въ Крымѣ, сдѣланы были не только прекрасныя, широкія дороги въ мѣстахъ, гдѣ прежде нельзя было проѣхать, но даже разведенъ обширный англійскій садъ по берегамъ рѣки Карасу и въ немъ построенъ великолѣпный дворецъ для принятія императрицы. Этого еще не довольно. Въ вечеръ пріѣзда ея, когда уже солнечные лучи исчезли въ темныхъ долинахъ и государыня прогуливалась въ прекрасномъ, созданномъ для нея саду, всѣ горы, видимыя въ окружности двадцати верстъ, вдругъ зажглись разноцвѣтными огнями, и въ этомъ свѣтломъ горизонтѣ величественный Чатырдагъ, поднимая выше всѣхъ вершину свою, сіялъ блескомъ, превосходившимъ все окружавшее его: на немъ горѣлъ вензель Екатерины и фейерверкъ, во время котораго взлетѣло на воздухъ триста тысячъ ракетъ. Это чудо, никогда невиданное татарами, вывело ихъ изъ обыкновеннаго равнодушія и холодности ихъ: они съ восхищеніемъ смотрѣли на мелькавшіе передъ ними волшебные огни, и въ Крымѣ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ были старики, вспоминавшіе объ этомъ прелестномъ явленіи, такъ поразившемъ ихъ въ дѣтствѣ.

На другой день великолѣпнаго праздника, восхитившаго и Екатерину, и Іосифа, путешествіе продолжалось уже

въ горахъ, по дорогѣ къ *Судаку*. Это одинъ изъ древнихъ городовъ и портовъ Крыма. Генуэзцы называли его *Солдаіа*, а турки, побѣдители ихъ,—*Судакъ*. Отъ всей древней славы этого города осталась теперь только одна слава его виноградниковъ: они лучшіе во всемъ Крымѣ. Изъ Судака царственные путешественники пріѣхали въ *Старый-Крымъ*, принадлежавшій также къ древнимъ городамъ Тавриды; оттуда въ сосѣдственный съ нимъ городъ *Кафу*, который въ счастливый день прибытія къ нему императрицы получилъ новое имя, или, лучше сказать, возвратилъ прежнее: Екатерина назвала его *Ѳеодосіею*, именемъ, даннымъ ему греками при основаніи его. Турки, завладѣвшіе имъ впослѣдствіи, были поражены его великолѣпіемъ и потому назвали *Керимъ-Стамбуломъ*, т. е. *Крымскимъ Константинополемъ;* послѣ же разоренія его татарами онъ назывался *Кафою*.

Изъ Ѳеодосіи государыня намѣрена была проѣхать по берегамъ Азовскаго моря въ сѣверномъ направленіи ихъ, чтобы видѣть города Маріуполь, Таганрогъ, Черкаскъ и Азовъ, но приближавшаяся осень, нездоровый воздухъ этой части береговъ азовскихъ, важныя дѣла, требовавшія присутствія императрицы въ Петербургѣ, заставили ее отложить это намѣреніе и такимъ образомъ Ѳеодосія сдѣлалась послѣднимъ Крымскимъ городомъ, посѣщеннымъ Екатериною; отсюда она отправилась въ возвратный путь.

Проѣхавъ снова степи крымскія и ногайскія, знаменитые путешественники прибыли въ Кезикермень и здѣсь царственный гость Екатерины разстался съ нею, удивленный всѣмъ видѣннымъ имъ въ Россіи и болѣе всего великою царицею этой Россіи. Онъ гордился дружествомъ, которое оказывала ему Екатерина, и восхищался мыслію, что оно еще болѣе утвердилось во время путешествія.

Изъ Кременчуга императрица поѣхала не такъ, какъ ѣхала туда, т. е. не на Кіевъ, но чрезъ Полтаву, Харьковъ, Курскъ, Орелъ и Тулу—въ Москву. Однакожъ, прежде нежели мы послѣдуемъ за нею въ эту древнюю столицу нашу, остановимся на Полтавѣ и скажемъ нѣсколько словъ о новой неожиданности, которую князь Таврическій приготовилъ здѣсь для государыни. Конечно, вамъ

не нужно напоминать о важности имени Полтавы. Каждый, кто одинъ разъ слышалъ о славномъ событіи, случившемся при ней, вѣрно, никогда не забудетъ его. Вообразите же удивленіе императрицы, когда этотъ незабвенный для насъ день Полтавы повторился живою картиною предъ глазами Екатерины! Князь Потемкинъ, на самомъ мѣстѣ побѣды Петра, собралъ многочисленный корпусъ войскъ и въ искусныхъ маневрахъ ихъ представилъ знаменитую битву со всею возможною точностію. Ни малѣйшія подробности не были забыты, и все происходило съ такимъ правдоподобіемъ, съ такою вѣрностію, что зрители невольно перенеслись въ минувшее, и глаза Екатерины заблистали горделивою радостію. Очевидцы говорили, что въ эти минуты въ ней видна была не только государыня, носившая корону, возвеличенную днемъ Полтавы, но можно было думать, что въ жилахъ этой государыни лилась кровь героя Полтавскаго: столько величія и счастія выражалось на прекрасномъ лицѣ ея. Князь Таврическій, вполнѣ вознагражденный за все оказанное имъ усердіе новыми милостями императрицы, сопровождалъ ее до Харькова. Отсюда онъ возвратился въ Кременчугъ къ важной должности своей начальника края, близкаго къ безпокойной Турціи, гдѣ уже снова замышляли противъ Россіи; Екатерина знала о томъ и потому поручила Потемкину быть готовымъ къ походу, какъ скоро получится извѣстіе о нарушеніи мира со стороны турокъ.

Въ Москвѣ иностранная свита государыни удивлена была великолѣпными праздниками, которые давались въ честь радостнаго пріѣзда. Особенно праздникъ графа Шереметева внесенъ былъ въ записки всѣхъ посланниковъ. Они говорили, что никогда не видывали въ одномъ мѣстѣ столько золота и серебра, столько фарфора и мрамора. Весь хрусталь, покрывавшій столъ на сто приборовъ, украшенъ былъ прекраснѣйшими алмазами и другими драгоцѣнными каменьями. Однимъ словомъ, не видѣвшіе собственными глазами почти не могли вѣрить такому чрезвычайному богатству. Кромѣ этой роскоши, Шереметевъ удивилъ всѣхъ самымъ праздникомъ: главную часть его составлялъ прекраснѣйшій спектакль, на которомъ представлена была *рус-*

ская опера и балетъ. И какъ бы вы думали, милые читатели, не только всѣ дѣйствующія лица этой оперы и балета, т. е. актеры и актрисы, танцоры и танцорки, но даже сочинители стиховъ оперы и музыки ея, даже архитекторъ, построившій театръ, и живописецъ, украсившій его—были всѣ дворовые люди графа Шереметева! Что же послѣ того должны были думать тѣ изъ иностранцевъ, которые все еще называли иногда Россію землею *варваровъ?* О! имъ очень совѣстно было удостовѣриться въ противномъ. Все путешествіе Екатерины прекрасно показало имъ и всей Европѣ степень образованности Россіи, и все то, чего можно было ожидать отъ ея такъ быстро создавшагося могущества. Послѣ этого путешествія всѣ еще болѣе начали опасаться намѣреній Потемкина въ отношеніи Турціи, и успѣхъ его казался многихъ несомнѣннымъ. Это заставило враговъ Россіи дѣйствоватъ скорѣе и перемѣнить планъ свой: прежде они старались о мирѣ, который бы не допустилъ Россію распространить владѣнія свои; теперь сильнѣйшія изъ нихъ вздумали, что нападеніе со стороны турокъ еще болѣе повредитъ Россіи, и начали хлопотать о войнѣ. Для этого имъ надобно было представить туркамъ опасное положеніе ихъ и они заговорили о намѣреніяхъ Потемкина, о надеждахъ грековъ, и наконецъ убѣдили султана въ томъ, что, для избѣжанія бѣды, надобно предупредить русскихъ и объявить имъ войну прежде, нежели они сами нападутъ на турецкія области. При этомъ случаѣ англичане дѣйствовали противъ Екатерины еще болѣе, нежели французы: они особенно не любили ее со времени учрежденія вооруженнаго нейтралитета. Къ нимъ присоединилась также и Пруссія, потому что короля, высоко уважавшаго знаменитую государыню русскую, уже не было: Фридрихъ Великій скончался въ 1786 году, а племянникъ и наслѣдникъ его Фридрихъ Вильгельмъ II увлеченъ былъ внушеніями Англіи и почиталъ необходимостію вредить могуществу Россіи. Столько непріятелей не могли не имѣть скораго успѣха, и едва прошелъ мѣсяцъ послѣ возвращенія императрицы въ Петербургъ, какъ уже получено было извѣстіе, что, по приказанію султана, русскій посланникъ въ Константинополѣ *Булгаковъ* поса-

женъ въ семибашенный замокъ и война объявлена. Какъ ни велика была несправедливость Турціи, объявлявшей эту войну безъ всякой основательной причины, какъ ни радовался Потемкинъ этому, давно ожидаемому имъ случаю къ началію военныхъ дѣйствій противъ турокъ, но Екатерина, увлекаемая чувствами своего человѣколюбиваго сердца, забыла на этотъ разъ о всѣхъ высокихъ планахъ Потемкина и расположена была склониться къ миру, еслибы турки имѣли благоразуміе воспользоваться этимъ расположеніемъ. Къ несчастію своему, турки думали совсѣмъ иначе, и въ слѣдующемъ разсказѣ мы увидимъ, какъ гордо они мечтали о силѣ своей и какъ обманулись въ ней!

ВТОРАЯ ВОЙНА СЪ ТУРЦІЕЙ И СУВОРОВЪ.

отъ 1787 до 1790 года.

(3 года).

Гордость турокъ лучше всего доказывалась тѣми безразсудными требованіями, которыя они осмѣлились предложить Екатеринѣ. Можно ли было представить себѣ, что они хотѣли, чтобы Россія отказалась отъ всѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ ею Кайнарджискимъ миромъ и возвратила бы опять Крымъ подъ власть ихъ! Такъ объявлено было посланнику нашему, и можно представить, съ какимъ негодованіемъ онъ услышалъ такое предложеніе. Несогласіе его привело въ гнѣвъ султана, или, лучше сказать, султанъ искалъ случая прогнѣваться и—Булгаковъ заключенъ былъ въ темницу.

Екатерина, удостовѣрясь въ непремѣнномъ желаніи турокъ начать войну, приступила съ своею обыкновенною твердостію къ необходимымъ распоряженіямъ. Она раздѣлила войско, назначенное для вступленія въ Турцію, на двѣ главныя арміи: *екатеринославскую* и *украинскую*. Первою начальствовалъ *Таврическій*, второю—*Румянцевъ-Задунайскій*.

Не смотря на высокія достоинства, отличавшія этихъ двухъ полководцевъ, не смотря даже на одинаковую, без-

предѣльную преданность ихъ къ императрицѣ, они не были въ согласіи другъ съ другомъ. Потемкинъ былъ почти пятнадцатью годами моложе фельдмаршала Румянцева и подъ начальствомъ его совершилъ свои первые военные подвиги въ дѣйствующей арміи 1768 года. Румянцевъ такъ же, какъ и архіепископъ Амвросій, предугадывалъ высокую участь, ожидавшую молодого Потемкина, бывшаго въ это время генералъ-маіоромъ, и даже старался доставлять ему случаи къ отличіямъ. Стало быть чувство благодарности и чувство уваженія къ лѣтамъ и къ тѣмъ высокимъ достоинствамъ, которыми славился Румянцевъ, должны бы навсегда привязать къ нему Потемкина; но случилось иначе, и счастливый ученикъ въ знаменитѣйшіе дни своей славы вовсе не думалъ щадить чувствительность заслуженнаго фельдмаршала и всегда почиталъ себя важнѣе его. Чтобы читатели могли лучше судить объ этомъ, я предложу имъ нѣсколько словъ одного изъ очевидцевъ и знаменитыхъ спутниковъ Екатерины во время путешествія ея въ Крымъ. Вотъ что говоритъ онъ: «Фельдмаршалъ Румянцевъ, генералъ-губернаторъ Малороссіи, встрѣтилъ императрицу на границахъ Кіевской губерніи. На лицѣ стараго и знаменитаго воина ясно выражались отличительныя черты его характера: смѣсь скромности и благородства, которыми всегда сопровождается истинное достоинство. Но это пріятное выраженіе помрачалось легкою тѣнью печали и досады при видѣ предпочтенія, оказываемаго во всемъ князю Потемкину».

Когда чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того началась война турецкая, Румянцевъ почувствовалъ еще болѣе огорченія. Князь Таврическій былъ главнымъ распорядителемъ войны, и можно сказать, что отъ того она шла медленнѣе, нежели всѣ прежнія войны русскихъ съ турками. Между тѣмъ, какъ Румянцевъ, всегда спокойный, но дѣятельный въ начертаніи плановъ, стройно подвигалъ свою украинскую армію къ границамъ Молдавіи, Потемкинъ, дѣйствуя лично въ мѣстахъ, самыхъ опасныхъ, предавался съ обыкновеннымъ спокойствіемъ странностямъ своего характера. То дѣятельный, то безпечный, онъ то удивлялъ всѣхъ смѣлостію своихъ предпріятій, то приво-

дилъ войско въ уныніе своимъ бездѣйствіемъ. Такъ было въ то время, когда онъ осаждалъ *Очаковъ*, и вообще во все продолженіе этой войны. Трудно было понимать удивительнаго Потемкина, однакожъ были люди, очень хорошо его знавшіе и съ величайшею вѣрностію изобразившіе характеръ его. Воспользуемся ихъ замѣчаніями и особенно послушаемъ того изъ нихъ, кто былъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ знаменитымъ покорителемъ Крыма, послушаемъ принца де-Линь: какъ генералъ австрійской службы, онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ русскихъ съ турками въ 1787 и 1788 годахъ; онъ былъ также при осадѣ Очакова подъ личнымъ начальствомъ Таврическаго. Описаніе Потемкина, сдѣланное имъ, такъ любопытно, что мы приведемъ его здѣсь слово въ слово. Вотъ что писалъ принцъ изъ лагеря Очаковскаго къ графу Сегюру: «Я вижу здѣсь начальника арміи, который безпрестанно трудится, а имѣетъ самый лѣнивый видъ. Боязливый за другихъ, храбрый самъ по себѣ, онъ часто подъ сильнымъ огнемъ батареи спокойно раздаетъ приказанія и при всемъ томъ онъ болѣе Улисъ, нежели Ахиллъ. Безпокоясь въ ожиданіи опасности, онъ дѣлается бодръ съ наступленіемъ ея. Грустный посреди удовольствій, несчастный отъ великости своего счастія, угрюмый, непостоянный, онъ можетъ восхищаться всѣмъ и тотчасъ же получать отвращеніе отъ всего; онъ, въ одно время, и важный философъ, и искусный министръ, и десяти-лѣтній ребенокъ; онъ незлопамятенъ, проситъ прощенія у тѣхъ, кого огорчитъ, и старается какъ можно скорѣе загладить несправедливость».

Однакожъ, не смотря на эти послѣднія качества, выхваляемыя принцемъ де-Линь, Румянцевъ не былъ доволенъ Потемкинымъ и, чувствуя болѣзнь въ ногахъ, въ началѣ 1789 года, просилъ увольненія и охотно удалился въ кіевское помѣстье свое. Здѣсь онъ проводилъ все время свое въ чтеніи, которое всегда было его любимымъ занятіемъ, и въ бесѣдахъ съ своими поселянами. Здѣсь же онъ, при всемъ неудовольствіи своемъ на Потемкина, со слезами услышалъ о смерти его и умѣлъ отдать ему справедливость слѣдующими словами, сказанными ему въ то время,

когда домашніе его съ удивленіемъ смотрѣли на его слезы: *«Чему вы удивляетесь, что я плачу? Потемкинъ былъ мнѣ соперникомъ; но Россія лишилась въ немъ великаго мужа, а отечество—усерднѣйшаго сына».*

Теперь, читатели мои, когда уже вы довольно знакомы съ двумя знаменитѣйшими людьми вѣка Екатерины, надобно сказать вамъ о третьемъ, о современникѣ ихъ, не менѣе знаменитомъ, героѣ *Суворовѣ.* Уже нѣсколько разъ имя его являлось въ разсказахъ нашихъ, уже нѣсколько разъ онъ удивлялъ насъ своею храбростію: теперь же мы дошли до того времени, съ котораго начинается блистательнѣйшая эпоха его славы—до войны 1787 года, и слѣдовательно теперь надобно поговорить подробнѣе о жизни и дѣлахъ знаменитѣйшаго изъ полководцевъ XVIII столѣтія.

Къ сожалѣнію, исторія разсказываетъ намъ очень мало о дѣтствѣ *Александра Васильевича Суворова:* мы знаемъ только, что отецъ его, генералъ-аншефъ и сенаторъ Василій Ивановичъ Суворовъ, происходилъ отъ шведско-финляндской фамиліи, былъ крестникомъ Петра Великаго и, занимая почетное мѣсто по части дипломатической, назначалъ и для единственнаго сына своего то же поприще. Для того онъ и не записалъ его ни въ какой гвардейскій полкъ, какъ дѣлали почти всѣ знаменитые люди того времени. Это обыкновеніе, впослѣдствіи столь справедливо отмѣненное, часто доставляло дѣтямъ, записаннымъ въ полки при самомъ рожденіи, чинъ офицера гвардіи въ четырнадцать или пятнадцать лѣтъ. Такіе офицеры не имѣли никакого понятія о службѣ и не переносили никакихъ трудностей ея. Но судьба, готовя Суворову высочайшую славу на поприщѣ военномъ, конечно хотѣла, чтобы онъ узналъ въ подробности всѣ степени жизни воина и для того не допустила его попасть въ число офицеровъ, легко получавшихъ офицерскій чинъ свой. Съ нимъ, напротивъ того, было совсѣмъ иначе: приготовляясь до двѣнадцатилѣтняго возраста своего къ службѣ гражданской и дипломатической, молодой Александръ Васильевичъ получилъ отъ родителей своихъ самое лучшее въ то время воспитаніе. Кромѣ языковъ французскаго и нѣмецкаго, онъ

зналъ англійскій и итальянскій [1]). Но любимою наукою и самымъ пріятнымъ занятіемъ его съ дѣтства была исторія. Читая въ ней описаніе героевъ древнихъ и новыхъ, восхищаясь дѣлами ихъ, онъ чувствовалъ высокое назначеніе свое, и воинственный геній его пробудился при именахъ Александра, Аннибала, Цезаря и Карла XII. Однакожъ Суворовъ никогда не былъ точнымъ подражателемъ котораго либо изъ этихъ знаменитыхъ и любимыхъ имъ полководцевъ; нѣтъ, онъ умѣлъ отличать лучшія качества въ каждомъ изъ нихъ и подражать только тому, что̀ было истинно высоко и превосходно въ нихъ. Такъ, напримѣръ, онъ любилъ неустрашимость, отважность и быстроту героя шведскаго, но всегда осуждалъ его излишнюю пылкость, неразсчетливость, недостатокъ образованія и осторожности. Онъ разсуждалъ такимъ образомъ не только въ то время, когда былъ уже начальникомъ войска, но даже и тогда, когда, будучи еще въ дѣтствѣ, занимался любимымъ своимъ чтеніемъ. Удивительно было видѣть его въ это время! Смотря на пламенное участіе, съ которымъ онъ слѣдовалъ за своими избранными героями, на счастіе, которымъ наслаждался, бесѣдуя съ ними въ своей уединенной комнатѣ и забывая въ этой бесѣдѣ весь міръ,—можно было предвидѣть его блестящіе успѣхи въ дѣлахъ военныхъ, можно было предсказать его будущую славу [2]). Можетъ быть,

---

[1]) Суворовъ всегда утверждалъ, что начальнику войска непремѣнно нужно говорить на языкѣ того народа, съ которымъ онъ ведетъ войну. Впослѣдствіе времени Суворовъ выучился еще языкамъ: *турецкому, персидскому* и *финскому;* первому—во время продолжительныхъ воинъ съ турками; второму—въ Астрахани, гдѣ жилъ онъ годъ для усмиренія безпокойствъ, начинавшихся между сосѣдними персіянами, и третьему—въ Финляндіи.

[2]) Такъ и случилось однажды. Молодой Суворовъ, проводя большую часть своего времени за книгами, часто не выходилъ по цѣлымъ днямъ изъ своей комнаты. Отцу, строго смотрѣвшему за нимъ, не совсѣмъ нравилось это, и иногда онъ несправедливо подозрѣвалъ его въ шалостяхъ. Въ одинъ изъ такихъ дней пріѣзжаетъ къ нему искренній другъ его и извѣстный отличными способностями своими, арабъ воспитанникъ Петра Великаго, генералъ *Ганнибалъ.* Старый сенаторъ, ворча на то, что цѣлый день не видалъ сына, просилъ друга своего зайти нечаянно въ его комнату и посмотрѣть, что дѣлаетъ шалунъ. Ганнибалъ исполнилъ желаніе хозяина и нашелъ молодого Суворова, глубоко погруженнаго въ чтеніе. Онъ не могъ не удивиться такому прилежанію въ мальчикѣ, и удивился еще болѣе, когда, заговоривъ съ нимъ,

имѣя эту увѣренность, отецъ его безъ огорченія увидѣлъ планъ свой разрушеннымъ: будущій дипломатъ его спросилъ позволенія вступить въ военную службу, и благоразумный Василій Ивановичъ далъ охотно свое согласіе. Старикъ сожалѣлъ только о томъ, что сыну его, не записанному ни въ какомъ полку, трудно будетъ дослужиться до офицерскаго чина. Но не такъ думалъ молодой Александръ Васильевичъ: увлекаемый непреодолимою страстію къ военному званію, онъ доволенъ былъ, что пройдетъ всѣ степени его, и обрадовался, когда его записали въ семеновскій гвардейскій полкъ простымъ солдатомъ. Это было въ 1742 году, въ то самое время, когда ему минуло двѣнадцать лѣтъ отъ роду. Въ 1747 году, то есть черезъ пять лѣтъ послѣ того, онъ сдѣланъ былъ капраломъ, въ 1749—унтеръ-офицеромъ, потомъ сержантомъ, и не прежде какъ въ 1754 году, когда усердная служба его въ гвардіи сдѣлалась извѣстна всѣмъ начальникамъ его, онъ переведенъ былъ поручикомъ въ армію. Съ этихъ поръ производство чиновъ его пошло гораздо скорѣе и въ 1756 году онъ былъ уже подполковникомъ. Но всѣ эти успѣхи мало радовали геройскую душу молодого воина: онъ не былъ еще ни въ одномъ сраженіи, не пріобрѣталъ кровію отличій своихъ. Наконецъ въ 1759 году пламенное желаніе его исполнилось: полкъ, гдѣ находился онъ, назначенъ былъ въ походъ противъ пруссаковъ. Читатели мои, конечно, помнятъ, что въ это время пруссаки, подъ начальствомъ славнаго короля своего Фридриха, вели съ Россіей, Австріей и Франціей войну, извѣстную подъ именемъ Семилѣтней. Здѣсь-то, въ этой знаменитой школѣ, имѣя предъ глазами великій примѣръ царственнаго героя, Суворовъ началъ въ первый разъ примѣнять къ опытамъ военные уроки. Онъ замѣчалъ всѣ дѣйствія Фридриха, всѣ причины побѣдъ его, изучалъ всѣ правила, по которымъ поступалъ онъ, и послѣдствія показали, до какой степени воспользовался Суворовъ превосходнымъ образцомъ своимъ: система войны, какой держался онъ, будучи предводите-

---

узналъ его обширныя и основательныя свѣдѣнія. Возвратясь къ счастливому отцу, почтенный генералъ сказалъ: «Нѣтъ, братъ Василій Ивановичъ, его бесѣда лучше нашей: *съ такими гостями, какіе у него, уйдетъ онъ далеко!*»

лемъ войска, совершенно сходствовала съ смѣлою системою Фридриха. Но не будемъ спѣшить: герою нашему еще далеко до предводительства: онъ еще только подполковникъ въ сраженіи Куннерсдорфскомъ, столь несчастливомъ для Фридриха. Это была первая битва, въ которой участвовалъ Суворовъ и въ которой обратилъ на себя особенное вниманіе своего начальника князя Волконскаго и потомъ фельдмаршаловъ: графовъ Румянцева и Фермора. Послѣдній, будучи и самъ героемъ на полѣ битвы, чрезвычайно полюбилъ Суворова и доставлялъ ему всѣ случаи отличаться. Храбрый подполковникъ безпрестанно былъ въ авангардѣ, участвовалъ во всѣхъ трудныхъ предпріятіяхъ и жадно искалъ опасностей и славы. Пруссаки скоро почувствовали силу страшной руки его, которая была неутомима во все продолженіе этой войны: Суворовъ былъ и при взятіи генераломъ Тотлебеномъ Берлина, и способствовалъ паденію Колберга, прославившаго въ первый разъ имя Румянцева. Извѣстно, что этою славною побѣдою русскихъ окончилась война Семилѣтняя и императоръ Петръ III заключилъ миръ съ Фридрихомъ.

Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины Суворовъ, въ чинѣ полковника астраханскаго полка, вызванъ былъ въ Петербургъ: проницательная государыня уже знала всю цѣну знаменитаго подданнаго своего и старалась не терять его изъ вида. Суворовъ прожилъ такимъ образомъ въ Петербургѣ до 1768 года: въ это время началась война съ польскими конфедератами и онъ отправленъ былъ въ Варшаву. Читатели мои уже знаютъ, какъ прославился Суворовъ въ этой войнѣ. Ему принадлежала честь совершеннаго усмиренія конфедератовъ и покоренія ихъ законной власти короля Станислава. Чинъ генералъ-маіора и орденъ св. Анны, св. Александра Невскаго и св. Великомученика Георгія были наградами побѣдъ его. Онъ возвратился въ Петербургъ въ 1773 году и почти въ тотъ же день просилъ у императрицы позволенія участвовать въ войнѣ съ турками. Екатерина знала, сколько пользы принесетъ присутствіе его въ арміи, и спѣшила отправить его къ графу Румянцеву. Необыкновенные успѣхи этой войны, оконченной славнымъ Кайнарджискимъ миромъ

также извѣстны читателямъ. Суворовъ принималъ участіе почти въ каждомъ изъ главныхъ сраженій и особенно отличился взятіемъ одного важнаго турецкаго городка—*Туртукая,* лежащаго на берегу дунайскомъ. Но не хотите ли вы узнать ближе героя нашего? Прочитайте донесеніе его фельдмаршалу Румянцеву объ этой новой побѣдѣ. Вотъ оно слово въ слово:

«Слава Богу! слава вамъ!
Туртукай взятъ—и я тамъ!»

Это необыкновенное донесеніе можно назвать вѣрнымъ изображеніемъ Суворова; онъ всегда отличался глубокою набожностію, и она дышетъ въ первомъ восклицаніи его «*Слава Богу!*» Онъ былъ скроменъ такъ, какъ рѣдко можетъ быть скроменъ счастливый и искусный воинъ, и не эта ли скромность видна въ словахъ его: «*слава вамъ!*» Онъ былъ чрезвычайно быстръ въ дѣйствіяхъ и краткокъ въ рѣчахъ, и какъ хорошо выразилось это въ послѣдней строкѣ его донесенія! Наконецъ стихотворная форма этого донесенія не показываетъ ли, что онъ любилъ поэзію? Это заставляло его иногда отвѣчать стихами на письма къ нему Державина и восклицать: «Еслибы я не былъ полководцемъ, то былъ бы писателемъ!»

Но, говоря о нравственныхъ качествахъ и природныхъ способностяхъ Суворова, должно сказать читателямъ о томъ, чѣмъ прежде всего удивлялъ онъ каждаго, кто его видѣлъ: о его странностяхъ. Никогда человѣкъ, достигавшій такого почетнаго мѣста въ обществѣ, не имѣлъ такъ мало сходства въ обычаяхъ съ другими людьми, какъ Суворовъ. Не только въ важныхъ дѣлахъ, но и въ самыхъ мелочахъ былъ онъ необыкновененъ. Мы должны обратить вниманіе на странности его тѣмъ болѣе, что дошли до того времени, какъ онѣ начали дѣлаться извѣстными и въ арміи, и даже при дворѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ дѣятельное участіе Суворова въ счастливомъ покореніи Крыма покрыло новымъ блескомъ уже знаменитое имя его.

Можно ли представить себѣ, что этотъ человѣкъ, столь возвышенный надъ другими, могъ заслуживать когда нибудь названіе *чудака.* Многіе, непостигавшіе его генія, считали его такимъ, особенно иностранцы, для которыхъ

постигнуть его было еще труднѣе, потому что, не зная ни языка, ни нравовъ, ни обычаевъ нашихъ, они находили удивительнаго генерала еще страннѣе, нежели соотечественники его. Да и кто не нашелъ бы его страннымъ, когда онъ... что̀ бы разсказать вамъ о немъ, милые читатели, болѣе необыкновенное?—Да, когда онъ, напримѣръ, выбѣгалъ въ лагерѣ изъ палатки своей, становился на одну ногу и изъ всѣхъ силъ кричалъ: «*Кукареку! кукареку!*» Вамъ кажется это смѣшно и невѣроятно, друзья мои, но это была совершенная правда. Послушайте далѣе: кто не нашелъ бы его страннымъ, еслибы видѣлъ, какъ онъ каждый день во время походовъ ѣлъ вмѣстѣ съ солдатами сухари и кашу ихъ; садился за обѣдъ свой въ 8 или 9 часовъ утра; приказывалъ выносить изъ отведенныхъ ему квартиръ мебели и вмѣсто нихъ приносить только связку сѣна и чанъ съ холодной водой: на сѣнѣ онъ всегда спалъ, водою окачивался каждое утро, даже и зимой. Передъ сраженіемъ, сѣвъ на лошадь, кричалъ солдатамъ: «На кони! на кони! кто со мной не поѣдетъ, того волки съѣдятъ!» — Однимъ словомъ, нельзя исчислить всего, что дѣлалъ страннаго Суворовъ, а такимъ образомъ, какъ не прослыть у людей чудакомъ? Но между этими самыми людьми были и такіе, которые не судили по одной наружности, но разсматривали причины дѣйствій. Они видѣли, что простыя привычки, такъ много отличавшія его отъ высшаго круга, къ которому принадлежалъ онъ, имѣли особенную цѣль. Что могло лучше сблизить полководца съ воинами его, какъ не образъ жизни, совершенно одинакій? Что могло скорѣе всего побудить ихъ къ перенесенію всѣхъ трудностей военныхъ, какъ не высокій примѣръ его? Могли ли они жаловаться на скорость маршей, на скудость пищи, на краткій отдыхъ во время походовъ, когда самъ начальникъ ихъ шелъ подлѣ нихъ и тѣмъ же шагомъ, какъ и они; ѣлъ съ ними кашицу, спалъ еще менѣе ихъ, потому что пѣлъ пѣтухомъ гораздо ранѣе настоящихъ пѣтуховъ. О! они не только не жаловались, но одинъ взглядъ на него заставлялъ ихъ забывать всѣ опасности, одинъ звукъ необыкновеннаго пѣнія разливалъ какое-то общее неизъяснимое веселіе по всему лагерю, не смотря на то, что это пѣніе

было всегда сигналомъ къ битвѣ [1]). Стало быть всѣ дѣйствія Суворова имѣли цѣлію привязать къ себѣ войско такъ, чтобы оно имѣло какъ бы одну съ нимъ душу, и потомъ, какою-то особенностію поступковъ, сдѣлаться въ глазахъ этого войска существомъ, отличнымъ отъ другихъ людей. Эта цѣль была въ полной мѣрѣ достигнута: каждый солдатъ Суворова любилъ его болѣе жизни; каждый солдатъ, видя въ немъ человѣка сверхъестественнаго, почиталъ себя непобѣдимымъ подъ начальствомъ его, и былъ точно непобѣдимымъ: извѣстно, что во все время продолжительной службы Суворова онъ не проигралъ ни одного сраженія. Военная исторія всѣхъ вѣковъ не представляетъ подобнаго примѣра, и этимъ неизмѣннымъ счастіемъ Суворовъ обязанъ былъ болѣе всего безпредѣльной преданности къ нему солдатъ и офицеровъ.

И такъ, теперь, читатели мои, вы понимаете цѣль необыкновенныхъ странностей знаменитаго полководца нашего; она была благородна и высока, и потому всѣ шутки Суворова, даже плоскія по наружности, всѣ, даже самое *кукареку* его, заслуживаютъ не смѣхъ, но удивленіе наше. Многіе изъ современниковъ его присоединили къ этой цѣли еще другую причину, о которой историки того времени говорятъ съ достовѣрностію въ сочиненіяхъ своихъ, и это заставляетъ и насъ повторить ихъ заключенія.

Суворовъ, вступивъ на военное поприще гораздо позже своихъ сверстниковъ, проходилъ его безъ покровительства, и, какъ читатели мои видѣли, долго оставался въ нижнихъ чинахъ. Между тѣмъ для души его, любившей славу, лестно было обратить на себя вниманіе государыни. Но какъ сдѣлать это? чѣмъ отличить себя въ толпѣ соперниковъ, изъ которыхъ большая часть была выше его чинами? Въ то время, когда онъ разсуждалъ объ этомъ, сама императрица вывела его изъ затрудненія, случайно сказавъ въ избранномъ обществѣ ея, что почти всѣ великіе люди, о которыхъ говоритъ исторія, имѣли свои странности, свои

[1]) Суворовъ обыкновенно дѣлалъ эту шутку только въ тѣ дни, когда назначалось сраженіе, когда приказано было войску по первымъ пѣтухамъ вставать, по вторымъ—собираться, по третьимъ—выступать.

особенныя привычки и даже недостатки, отъ которыхъ ни время, ни старанія, ни самая слава не могли освободить ихъ.

— Да это и не нужно, прибавила Великая,—человѣкъ съ сильнымъ характеромъ и глубоко погруженный въ планы свои, конечно, не будетъ много заботиться о томъ, чтобы исправить какіе нибудь недостатки свои, вовсе неважные и нѣкоторымъ образомъ отличающіе его отъ толпы.

И такъ, слыша, съ какою снисходительностію императрица извиняла легкіе недостатки людей, способныхъ на дѣла великія, онъ осмѣлился безъ страха употребить единственное средство, которымъ могъ отдѣлиться отъ толпы и обратить на себя вниманіе царицы. Средство его тѣмъ удобнѣе казалось ему, что оно заключалось въ тѣхъ же странностяхъ, которыми онъ уже давно дѣйствовалъ на умы своихъ подчиненныхъ, и вотъ вторая, столько же правдоподобная, какъ и первая причина тѣхъ необыкновенныхъ поступковъ Суворова, по которымъ многіе называли его чудакомъ.

Послѣ этого отступленія, необходимаго для того, чтобы читатели имѣли полное понятіе о знаменитомъ полководцѣ нашемъ, обратимся къ описанію побѣдъ его, для которыхъ 1787 годъ былъ началомъ самой блистательной эпохи.

Турки, объявивъ войну Россіи, сдѣлали первое нападеніе изъ Очаковской крѣпости своей на лежащій противъ нея, въ двухъ миляхъ разстоянія, небольшой городокъ нашъ *Кинбурнъ,* построенный на косѣ или остроконечномъ мысѣ степи ногайской. Кинбурнъ могъ быть важнымъ завоеваніемъ для турокъ, потому что открывалъ удобную дорогу къ Херсону и въ Крымъ; но, къ счастію, въ это время въ Кинбурнѣ былъ для осмотра войскъ Суворовъ, и вы можете представить себѣ, что туркамъ удалось только подумать объ этомъ завоеваніи. Вовсе не ожидая, однакожъ, своего несчастія, они съ большою самонадѣянностію выступили изъ Очакова въ числѣ 6,000 человѣкъ отборнаго войска, которому приказано было отъ паши очаковскаго побѣдить или умереть; оттого и всѣ высадившія ихъ на берегъ кинбурнскій суда должны были отъѣхать назадъ къ Очакову. Въ то время, когда въ Кинбурнѣ увидѣли,

что турки подъѣзжаютъ къ косѣ и нѣкоторыя суда уже высаживаютъ войска, Суворовъ спалъ послѣ ранняго обѣда своего. Адъютантъ, пришедшій доложить объ этомъ, разбудилъ его. Храбрый генералъ на сей разъ не вскочилъ съ обыкновенною своею поспѣшностію, но, спокойно оставаясь на постели, сказалъ: «*Не мѣшайте имъ, пусть всѣ вылѣзутъ*».—Въ самомъ дѣлѣ русскіе ни однимъ выстрѣломъ не показали, что замѣтили высадку, и турецкое войско, радуясь, что застанетъ врасплохъ малочисленный гарнизонъ кинбурнскій, состоящій едва изъ 3-хъ тысячъ человѣкъ, вскорѣ было все на песчаномъ мысѣ. Но того только и ожидалъ Суворовъ: приказанія его уже были отданы и полки русскіе понеслись вихремъ на непріятеля, который изъ осаждающаго вдругъ сдѣлался самъ осажденнымъ. Девять часовъ продолжалось жестокое сраженіе, потому что турки были въ отчаяніи: ихъ ожидала вѣрная смерть или подъ штыками русскихъ, или въ морѣ. Такъ и случилось, и изъ 6,000 лучшихъ воиновъ Очакова возвратилось домой едва 700. Эта блистательная побѣда, одержанная Суворовымъ надъ непріятелемъ, вдвое превосходившимъ число его войска, имѣла важныя слѣдствія; турки потеряли надежду овладѣть Херсономъ и Крымомъ, потому что Суворовъ укрѣпился въ Кинбурнѣ и, построивъ на концѣ косы батарею, наносилъ великій вредъ всѣмъ турецкимъ кораблямъ, покушавшимся проходить въ лиманъ, и тѣмъ подавалъ большую помощь нашему флоту. Онъ сторожилъ такимъ образомъ турокъ около года, и имя его сдѣлалось уже страшно и въ Константинополѣ, особенно когда, въ августѣ 1788 года, Потемкинъ началъ осаду Очакова и Суворовъ былъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ помощниковъ его. Эта осада знаменита въ военной исторіи. Очаковъ былъ важнымъ городомъ для турокъ и для Потемкина: первые видѣли въ немъ единственное оставшееся у нихъ мѣсто соединенія съ татарами, всегда вѣрными союзниками ихъ; послѣдній, по той же самой причинѣ, почиталъ всѣ новыя владѣнія Россіи на югѣ непрочными безъ завоеванія Очакова. И такъ, обѣ стороны сражались съ отчаяннымъ мужествомъ; необыкновенно холодная зима, какой жители того края никогда прежде не испытывали,

увеличивала бѣдствія войны, но не поколебала храбрости русскихъ, и наконецъ послѣ четырехъ мѣсяцевъ осады, 6-го декабря, Очаковъ палъ передъ ними. Суворовъ, къ величайшему сожалѣнію своему, не участвовалъ въ славѣ этого дня: за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ онъ получилъ тяжелую рану, которая едва было не лишила Россію одного изъ знаменитѣйшихъ сыновъ ея. Лежа больной въ Кинбурнѣ, онъ слышалъ страшную пальбу приступа, и доктора, окружавшіе его, едва могли успокоивать сильное волненіе пылкой крови его: онъ то огорчался своимъ бѣдствіемъ, то слишкомъ сильно радовался новой славѣ безпредѣльно любимаго отечества.

Со взятіемъ Очакова военныя дѣйствія остановились, какъ и всегда бываетъ, въ продолженіе зимы. Въ это время знаменитые побѣдители турокъ: князь Потемкинъ и выздоровѣвшій отъ ранъ Суворовъ были призваны государынею въ Петербургъ, и при этомъ случаѣ послѣдній получилъ брилліантовое перо на каску, съ литерою *К.*, т. е. *Кинбурнъ*. Кромѣ того, незадолго передъ тѣмъ получилъ онъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Но чѣмъ болѣе награждала его благодарная царица, тѣмъ болѣе старался онъ показать ей свое усердіе, и какъ скоро весна наступила, отправился въ армію. На этотъ разъ ему назначено было помогать австрійскому генералу принцу Саксенъ-Кобургскому. Надобно сказать, что австрійцы въ то время были вѣрнѣйшіе союзники русскихъ, и съ первымъ извѣстіемъ о войнѣ, объявленной турками, императоръ Іосифъ II писалъ къ Екатеринѣ слѣдующее: «Получа извѣстіе, что одинъ изъ слугъ вашихъ въ Константинополѣ посаженъ въ семибашенный замокъ, я,—другой слуга вашъ, посылаю противъ мусульманъ въ походъ мои войска».

Но австрійцевъ всегда упрекали въ холодности характера и чрезвычайной медленности поступковъ. Сколько разъ проигрывали они сраженія потому только, что въ военномъ совѣтѣ ихъ не могли скоро рѣшиться на тѣ или другія мѣры! Сколько разъ генералы ихъ ждали по цѣлымъ недѣлямъ этихъ рѣшеній и оттого теряли и время, и случаи къ побѣдѣ! Турки пользовались такою выгодною для нихъ нерѣшимостію и, нападая быстро на австрійцевъ, всегда

увѣрены были въ побѣдѣ: часто случалось даже, что они отмщали имъ за то, что сами терпѣли отъ русскихъ.

Такъ было и въ 1789 году. Много потерявъ въ недавней борьбѣ съ Россіей, турки рѣшились поправить обстоятельства свои въ Австріи и для того, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, обратили на нее всѣ главныя силы свои. Распоряженія ихъ шли тѣмъ живѣе, что на престолѣ константинопольскомъ, съ апрѣля 1789 года, былъ новый султанъ, молодой и пылкій *Селимъ III.* По приказанію его, 50-тысячный корпусъ пошелъ на принца Кобургскаго, стоявшаго въ Валахіи, и въ окрестностяхъ мѣстечка *Фокшанъ.* Подъ начальствомъ принца было только 18,000 человѣкъ. Узнавъ о неожиданной опасности, угрожавшей ему, и никакъ не надѣясь получить скорую помощь отъ австрійцевъ, онъ послалъ просить о ней Суворова, котораго корпусъ расположенъ былъ въ 84-хъ верстахъ отъ Фокшанъ. Въ тридцать шесть часовъ эти 84 версты пройдены Суворовымъ съ семи тысячнымъ отборнымъ отрядомъ его войска. Такая скорость перехода была неслыханна въ исторіи новѣйшихъ войнъ, и принцъ Кобургскій едва вѣрилъ глазамъ своимъ, увидѣвъ предъ собою русскихъ въ ту самую минуту, когда приходъ ихъ спасалъ его отъ величайшей опасности. Здѣсь въ первый разъ узнали другъ друга два славные полководца, и это знакомство совершилось при такихъ любопытныхъ подробностяхъ, что разсказомъ о нихъ я думаю угодить моимъ читателямъ.

Какъ скоро Суворовъ дошелъ до лагеря принца, принцъ, и отъ безпокойства, въ которое повергло его безпрестанное ожиданіе нападенія турокъ, и отъ нетерпѣнія видѣть знаменитаго героя русскаго, спѣшилъ въ его палатку. Люди Суворова отвѣчали, что генералъ молится и что въ это время никто не смѣетъ входить къ нему съ докладомъ. Огорченный принцъ удалился и чрезъ нѣсколько времени явился во второй разъ. Суворовъ ужиналъ и также не могъ принять его. Между тѣмъ уже вдали показывались легкіе отряды турецкихъ войскъ. Принцъ, доведенный до крайности, покушается въ третій разъ видѣть Суворова, но ему говорятъ, что онъ спитъ. Наконецъ, въ 11 часовъ вечера

австрійскій генералъ, не видавшись съ русскимъ, не сказавъ ни слова ни о положеніи своемъ и непріятельскомъ, ни о какихъ либо распоряженіяхъ, получаетъ отъ него приказъ начинать сраженіе. Этотъ приказъ, написанный Суворовымъ по-французски, былъ предметомъ удивленія всѣхъ военныхъ людей того времени: его перечитывали и переводили на разные языки. Какъ же послѣ этого пропустить его въ разсказахъ нашихъ? Прочтите его въ подлинникѣ:

«Comme l'armée est assez reposée (т. е. съ 5 часовъ вечера, когда она достигла австрійскаго лагеря), elle se mettra en mouvement à deux heures du matin. Elle marchera sur trois colonnes. Les troupes impériales auront la droite et la gauche; je serai au centre. On attaquera les postes de l'ennemi avec toutes les forces sans s'amuser à le chasser des broussailles et des bois, qui sont sur la droite, afin d'arriver à la pointe du jour à la Putna qu'on passera pour coutinuer l'attaque. On dit, qu'il n'y a que cinquante mille turcs, et que cinquante mille autres sont à quelques marche en arrière. Il vaudrait mieux qu'ils fussent ensemble: ils seraient battus dans le même jour, et tout serait fini. Mais puisqu'il en est autrement, nous commencerons par ceux-ci, et avec la bravoure des troupes et la grâce de Dieu, nous remporterons la victoire» [1]).

Принцъ Кобургскій въ точности исполнилъ полученныя предписанія, не смотря на то, что былъ старшимъ генераломъ и по праву долженъ бы быть главнымъ начальникомъ соединеннаго войска. Но онъ не раскаивался въ своей уступчивости: предположенія Суворова сбылись,

---

[1]) Такъ какъ войско уже довольно отдохнуло, то оно двинется съ мѣста въ два часа утра. Оно пойдетъ тремя колоннами. Императорскія войска будутъ составлять правое и лѣвое крыло, я буду въ срединѣ. Мы нападемъ всѣми силами на посты непріятельскіе, не теряя времени на то, чтобы выгнать его изъ кустарниковъ и лѣса, находящихся на правой сторонѣ, и съ разсвѣтомъ придемъ къ Путнѣ и перейдемъ ее для продолженія нападенія. Говорятъ, что здѣсь только пятьдесятъ тысячъ турокъ и что пятьдесятъ тысячъ другихъ еще остались на нѣсколько маршей назади. Лучше было бы, еслибъ они были уже вмѣстѣ: въ одинъ день побили бы ихъ, и — дѣло кончено. Но если уже случилось не такъ, то начнемъ съ этихъ, и съ храбростію войскъ и милостію Божіею побѣдимъ ихъ.

и 25,000 австрійцевъ и русскихъ разбили 50,000 турокъ. Эта славная побѣда положила начало тому дружеству, которое впослѣдствіи всегда соединяло обоихъ полководцевъ. Дѣйствуя во всемъ съ совершеннымъ согласіемъ, они чрезъ два мѣсяца послѣ Фокшанской побѣды одержали другую, еще болѣе знаменитую, на берегахъ рѣки *Рымника*. Здѣсь тѣ же 25,000 воиновъ разбили 100,000 армію турецкую подъ начальствомъ самого великаго визиря. Имя Суворова было первое и здѣсь, какъ при Фокшанахъ, и награды одна за другою посыпались къ нему отъ обоихъ дворовъ императорскихъ. Необыкновенная щедрость, сопровождавшая всегда дары Екатерины, была и на этотъ разъ не менѣе удивительна: Суворовъ получилъ отъ нея бриллiантовые знаки ордена св. Андрея Первозваннаго и бриллiантовую шпагу съ лавровымъ вѣнкомъ и надписью: *побѣдителю визиря*. Обѣ вещи стоили 60,000 руб. Но тѣмъ не ограничились еще милости императрицы къ знаменитому полководцу: спустя нѣсколько времени, онъ получилъ *графское* достоинство съ именемъ *Рымникскаго* и орденъ св. великомученика Георгія 1-го класса. Императоръ Іосифъ пожаловалъ ему также графское достоинство Римской имперіи. Суворовъ восхищался до чрезвычайности этими милостями. Онъ любилъ чины и почести, когда они были въ полной мѣрѣ заслужены. Любопытно письмо его къ дочери, которая воспитывалась въ это время въ Смольномъ монастырѣ. Я увѣрена, что оно столько же понравится читателямъ моимъ, сколько, вѣроятно, понравился читателямъ приказъ, отданный принцу Кобургскому. Читайте:

«Въ октябрѣ 1789 года.

«Comtesse de deux empires! [1]) Любезная Наташа Суворочка! Ай-да! надобно тебѣ всегда только благочестіе, благонравіе, добродѣтель. Скажи Софьѣ Ивановнѣ и сестрицамъ—у меня горячка въ мозгу; да кто и выдержитъ! Слышала ли, сестрица, душа моя? Еще de ma magnanime mère [2])

---

[1]) Графиня двухъ имперій.

[2]) *Отъ моей великодушной матушки*—такъ называлъ онъ государыню.

рескриптъ на полулистѣ, будто Александру Македонскому: знаки св. Андрея тысячъ въ пятьдесятъ, да выше всего, голубушка, первый классъ св. Георгія. Вотъ каковъ твой папенька, за доброе сердце, чуть, право, отъ радости не умеръ! Божіе благословеніе съ тобою.

Отецъ твой

графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій».

Новый графъ, исполненный невыразимой благодарности, желалъ изъявить ее государынѣ новыми чудесами храбрости, но, къ сожалѣнію, его война съ турками въ 1790 году приняла другой оборотъ: императоръ австрійскій Іосифъ II скончался, а братъ и наслѣдникъ его Леопольдъ II, не любя войны отъ природы, долженъ былъ избѣгать ее въ это время и по разнымъ другимъ причинамъ, важнымъ для государства его. И такъ, въ Австріи начали стараться о мирѣ съ турками, а Суворовъ былъ посланъ на помощь къ австрійцамъ. Скучая бездѣйствіемъ своимъ, онъ наконецъ осенью 1790 года обрадованъ былъ важнымъ порученіемъ Потемкина—взять неприступную крѣпость *Измаилъ*, построенную при устьѣ Дуная и справедливо называвшуюся *ключемъ* ко входу въ Турецкую имперію. Уже болѣе семи мѣсяцевъ Измаилъ осаждаемъ былъ русскими войсками, и продолжительныя неудачи этой осады принудили наконецъ Потемкина поручить ее тому, кто никогда не зналъ неудачъ. Трудно было это порученіе: Измаильская крѣпость имѣла все, чтобы заслуживать названіе *неприступной:* и сильныя укрѣпленія, и многочисленный гарнизонъ, увеличенный войсками, выведенными изъ городовъ и крѣпостей, покоренныхъ русскими и австрійцами, и безчисленные запасы во всѣхъ родахъ потребностей военныхъ. Кромѣ того, Измаилъ защищенъ былъ общимъ мнѣніемъ турокъ, что онъ послѣдній оплотъ ихъ государства, и грознымъ повелѣніемъ султана каждому изъ правовѣрныхъ—не сдаваться никакимъ образомъ. Все это было страшно, но не для Суворова. Пришедши къ Измаилу, онъ на другой же день послалъ къ тамошнему пашѣ требованіе сдать крѣпость. Паша гордо отвѣчалъ, что скорѣе *воды Дуная остановятся въ своемъ теченіи и небо падетъ на землю, нежели Измаилъ сдастся русскимъ*.

Графъ, видя такую непреклонность, приготовилъ войско свое къ самому упорному сопротивленію со стороны турокъ: воспламенилъ сердца воиновъ представленіемъ славы и выгодъ, которыя ожидаютъ побѣдителей въ богатомъ Измаилѣ; напомнилъ имъ всѣ прежнія побѣды ихъ, и когда они уже горѣли нетерпѣніемъ сразиться и побѣдить, искусный полководецъ повелъ ихъ на приступъ въ 5 часовъ утра 11-го декабря 1790 года. Ничто не могло сравниться съ ужасомъ этого приступа: пылкая неустрашимость русскихъ была въ этотъ день безпримѣрна, но и сопротивленіе турокъ было отчаянно, и только послѣ восьми часовъ жесточайшей битвы русскіе одержали чудесную побѣду, и гордый Измаилъ покорился Суворову. Съ восторгомъ отправилъ онъ тотчасъ два донесенія: въ первомъ къ императрицѣ писалъ онъ: *Измаилъ у ногъ вашихъ*,—во второмъ,—къ князю Потемкину: *русскій флагъ на стѣнахъ Измаила*.

Но теперь, когда эта новая побѣда героя нашего, распространивъ ужасъ до самаго Константинополя, ручается намъ за безопасность южныхъ областей нашихъ, взглянемъ на сѣверъ, давно оставленный нами: тамъ происходятъ дѣла, вовсе неожиданныя для насъ.

ВОЙНА И МИРЪ СЪ ШВЕЦІЕЮ.

1790 годъ.

Швеція со временъ Карла XII лишилась большей части своего блеска, и сестра его Ульрика-Элеонора, и супругъ ея, и наконецъ избранный наслѣдникъ ихъ герцогъ голштинскій Адольфъ-Фридерикъ не только не могли поддержать славу знаменитаго героя шведскаго, но даже не могли сохранить собственнаго достоинства своего, и при послѣднемъ изъ нихъ, Адольфѣ-Фридерикѣ, самодержавное правленіе Швеціи превратилось почти въ аристократическое, т. е. такое, гдѣ вельможи имѣли болѣе власти, нежели самъ король. Но съ смертію его все перемѣнилось: старшій сынъ и наслѣдникъ его Густавъ III былъ принцъ, одаренный отъ природы высокими достоинствами. Съ са-

маго вступленія своего на престолъ онъ дѣйствовалъ съ такимъ искусствомъ и рѣшительностію, что въ короткое время поправилъ ошибки своихъ предшественниковъ и возвратилъ коронѣ шведской все прежнее достоинство ея: переворотъ, быстро и безъ малѣйшаго пролитія крови сдѣланный имъ въ правленіи, заставилъ недоброжелателей его—которыми были знатнѣйшія лица въ государствѣ — покориться ему и уважать его. Отличаясь образованностію, силою характера и истинно-отеческою любовію къ подданнымъ, Густавъ III составилъ бы счастіе ихъ, еслибы прекрасныя качества его не помрачались чрезвычайною гордостію, еще болѣе увеличившеюся послѣ счастливаго успѣха, съ которымъ произвелъ онъ перемѣну въ правленіи. Считая себя съ тѣхъ поръ на ряду съ величайшими государями, онъ воображалъ, что назначенъ судьбою для совершенія дѣлъ самыхъ необыкновенныхъ, самыхъ важныхъ для Швеціи. Безпрестанно занятый этою гордою мыслію, онъ забывалъ, что счастіе народа было всегда знаменитѣйшимъ, важнѣйшимъ дѣломъ государя и искалъ знаменитости своей въ славѣ и подвигахъ военныхъ. Такое расположеніе духа естественно внушило ему желаніе къ распространенію предѣловъ государства его, а при этомъ случаѣ онъ прежде всего обратилъ взоръ на Россію: она владѣла землями, нѣкогда принадлежавшими Швеціи, и возвращеніе этихъ земель сдѣлалось любимою мыслію Густава. Но это дѣло было очень трудно, во-первыхъ, потому, что и Лифляндія, и даже не такъ давно завоеванная Петромъ Великимъ часть Финляндіи уже привыкли къ новымъ владѣтелямъ и не искали освобожденія своего отъ нихъ; во-вторыхъ, могущество этихъ владѣтелей, въ сравненіи съ Швеціей, было такъ велико, что нападеніе на нихъ можно было назвать безразсудною смѣлостію. Все это сначала представлялось Густаву, но потомъ мало-по-малу опасенія его совершенно исчезли: ослѣпленному гордостію, ему казалось, что геній его побѣдитъ силу,—и походъ на Россію былъ рѣшенъ. Обстоятельства благопріятствовали его намѣренію: всѣ войска русскія были заняты войною съ турками и сѣверныя границы наши были почти беззащитны, тѣмъ болѣе, что Екатерина, не нарушая ничѣмъ дружескихъ отно-

шеній своихъ къ шведамъ, вовсе не ожидала нападеній со стороны ихъ. Пользуясь такимъ положеніемъ дѣлъ, Густавъ спѣшилъ начать военныя дѣйствія, но для этого нужна была причина. Тотъ недолго ищетъ, кто хочетъ найти ее: въ балтійскихъ портахъ Россіи приготовлялись корабли къ походу въ Архипелагъ противъ турокъ, и Густавъ, какъ будто не зная куда назначались эти корабли, объявилъ народу своему, что Россія готовится напасть на Швецію и что непремѣнно должно предупредить это нападеніе. Напрасно посланникъ нашъ въ Стокгольмѣ, графъ Разумовскій, старался увѣрить въ несправедливости такого объявленія, напрасно объяснялъ, что корабли русскіе идутъ въ Турцію. Король, искавшій только предлога къ ссорѣ, нашелъ объясненія графа дерзкими и, радуясь новой причинѣ къ неудовольствію, объявилъ войну въ такихъ грозныхъ, въ такихъ высокомѣрныхъ выраженіяхъ, что многіе изъ читавшихъ ноту, присланную имъ по этому случаю въ Петербургъ, сомнѣвались въ полномъ ли разсудкѣ находился король, писавшій ее. Онъ требовалъ въ этой нотѣ не только примѣрнаго наказанія графу Разумовскому за дерзкія выраженія его, не только уступки всей части Финляндіи, Кареліи и губерніи Кексгольмской, присоединенныхъ къ Россіи миромъ Ништадтскимъ, потребовалъ даже, чтобы русскіе уступили весь Крымъ—союзникамъ его, туркамъ[1]), требовалъ, чтобы они очистили отъ войскъ всѣ пограничныя мѣста свои съ Швеціей, обезоружили всѣ корабли свои на Балтійскомъ морѣ и спокойно смотрѣли бы, какъ король шведскій, въ полномъ вооруженіи арміи и флота своего, будетъ ожидать заключенія мира Екатерины съ Турціей. Прочитавъ все это и слышавъ, что король шведскій приглашаетъ уже придворныхъ дамъ своихъ на торжественное молебствіе въ нашъ Петропавловскій соборъ и на балъ — въ Петергофъ, современники не могли не усумниться въ его здравоуміи. Нельзя не подивиться при этомъ случаѣ, до чего гордость

---

¹) За годъ передъ тѣмъ Густавъ III, убѣждаемый внушеніями Англіи и Пруссіи и собственнымъ желаніемъ своимъ вредить Россіи, заключилъ союзъ съ Турціей.

доводитъ людей! Но обыкновенный конецъ высокомѣрныхъ замысловъ бываетъ — неудача. Такъ случилось и съ Густавомъ III. Полки русскіе, скоро собранные подъ начальство самого наслѣдника престола великаго князя Павла Петровича и генераловъ Пушкина и Михельсона, смирили гордость его на самыхъ первыхъ шагахъ его въ Финляндіи.

Въ то же время и на морѣ одержана побѣда адмираломъ *Грейгомъ* надъ шведскимъ флотомъ, который былъ подъ начальствомъ брата королевскаго герцога *Зюдерманландскаго*. Неудачи Густава вскорѣ еще увеличились, войска его, удостовѣрясь, что русскіе не думали нападать на нихъ, начали роптать на напрасное пролитіе крови, и офицеры, вспомнивъ о прежнемъ правленіи, уничтоженномъ Густавомъ, осмѣлились явно противиться волѣ его въ лагерѣ подъ Фридрихсгамомъ и, вмѣсто нападенія на этотъ городъ, ушли съ полками своими за 25 верстъ оттуда. Крайность такого положенія, уничтоживъ на этотъ разъ величайшій порокъ Густава—надменность—явила въ полномъ блескѣ его хорошія качества: онъ съ твердостію переносилъ свое несчастіе, какъ заслуженное наказаніе за свою гордость, и, не смотря на всѣ препятствія и неудачи, поддерживалъ войну въ теченіе двухъ лѣтъ. Много побѣдъ одержали русскіе въ это время, но и шведы показали не менѣе храбрости, и особенно примѣчательно было сраженіе 24-го мая 1790 года у Красной-Горки, въ 30 верстахъ отъ Кронштадта.

Оно происходило съ величайшимъ упорствомъ съ обѣихъ сторонъ, и пушечные выстрѣлы его были такъ сильны и такъ часты, что въ Петербургѣ окна дрожали. Всѣ жители столицы были въ большомъ страхѣ, кромѣ императрицы, сохранившей величайшее присутствіе духа и какъ будто увѣренной въ побѣдѣ. Увѣренность ея въ полной мѣрѣ оправдалась: вице-адмиралъ *Крузъ* и подоспѣвшій къ нему на помощь начальникъ ревельской эскадры адмиралъ *Чичаговъ* принудили шведскій флотъ удалиться въ Выборгскій заливъ, гдѣ находился и самъ король съ своимъ галернымъ флотомъ. Здѣсь-то, снова доведенный до крайности, Густавъ показалъ геройскій духъ свой. Окруженный со всѣхъ сторонъ кораблями русскими, онъ былъ въ

такомъ положенiи, что начальникъ флота нашего, извѣстный адмиралъ, прославившiйся на Черномъ морѣ, принцъ Нассау-Зигенъ уже предлагалъ ему сдаться; уже всѣ думали, что судьба Швецiи рѣшена, какъ вдругъ отчаянная мысль спасаетъ Густава: онъ рѣшается прорваться съ флотомъ своимъ сквозь всѣ корабли русскiе и успѣваетъ въ этомъ смѣломъ намѣренiи! Правда, что онъ потерялъ много при этомъ случаѣ: восемь кораблей, пять фрегатовъ, множество другихъ судовъ и около 5,000 человѣкъ войска, но за то спасъ честь свою.

Послѣ такой важной потери Густавъ началъ желать искренно мира, не смотря на довольно значительную побѣду, одержанную имъ при Свенкезундской гавани, гдѣ излишняя пылкость принца Нассау и окружавшихъ его офицеровъ вовлекла ихъ въ большую опасность и стоила пятидесяти судовъ, отнятыхъ у насъ шведами. Это было уже послѣднее важное сраженiе на морѣ; на сухомъ же пути русскiе еще не одинъ разъ побѣждали шведовъ подъ начальствомъ генерала Игельстрома и, наконецъ, 9-го августа 1790 года заключили миръ въ деревнѣ *Верелахъ*. Границы обоихъ государствъ остались тѣ же, какъ были и до начала войны; слѣдовательно всѣ великiе планы Густава не имѣли ни малѣйшаго успѣха и послужили только горькимъ урокомъ для его гордости. Для Екатерины же, всегда чувствовавшей свое достоинство, но никогда не гордившейся имъ, эта неожиданная война была новою славою и новымъ случаемъ, при которомъ въ блескѣ явились высокiя качества души ея: во время опасности Петербурга, когда флотъ шведскiй былъ такъ близко отъ него, она одна оставалась спокойною, она одна не измѣнила ни въ чемъ ежедневный порядокъ свой и принимая, какъ всегда, свое вечернее общество, была попрежнему со всѣми милостива и разговорчива. Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ она спросила въ шутку графа Сегюра: что говорятъ о ней въ городѣ?—и когда тотъ отвѣчалъ, что, по причинѣ приближенiя шведовъ, всѣ ожидаютъ отъѣзда ея въ Москву,—великая государыня сказала:

— Я не поѣду—будьте увѣрены. Знаю, что товарищи ваши, иностранные министры, ломаютъ теперь голову надъ

тѣмъ, что̀ имъ думать; о чемъ молчать, и что̀ писать домой. Я выведу васъ изъ этого затрудненія: напишите двору вашему, что я остаюсь въ столицѣ моей, а если и выѣду, то развѣ только навстрѣчу къ королю шведскому.

Послѣдствія доказали справедливость словъ императрицы: она выдержала съ совершеннымъ спокойствіемъ опасность, грозившую ей, и заключила миръ съ Швеціей безъ всякой потери для Россіи. Вскорѣ потомъ и жители южныхъ областей нашихъ насладились тишиною: миръ съ Турціей также заключился. Но прежде нежели мы порадуемся этому, раздѣлимъ тогдашнюю печаль Россіи: она лишилась одного изъ знаменитѣйшихъ сыновъ своихъ.

СМЕРТЬ ПОТЕМКИНА И МИРЪ СЪ ТУРЦІЕЮ.

ОТЪ 1790 ДО 1792 ГОДА.

(2 года).

То былъ свѣтлѣйшій князь Таврическій. Впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ его кончиною, было разительно: въ то самое время, какъ блестящая слава, продолжительное могущество и счастливые успѣхи во всемъ болѣе прежняго возвышали его въ глазахъ прочихъ людей, вдругъ разнеслась вѣсть объ его смерти! Но остановимся на минуту, и пока эта печальная картина въ порядкѣ разсказовъ нашихъ не явилась еще предъ нами, взглянемъ въ послѣдній разъ на знаменитаго полководца и вельможу Екатерины.

Съ 1790 года всѣ замѣчали въ немъ какую-то необыкновенную мрачность и задумчивость. Такое расположеніе духа было тѣмъ удивительнѣе, что оно было продолжительно и постоянно: ни военныя распоряженія, ни побѣды русскихъ надъ турками, прежде доставлявшія ему столько радости, ни переговоры о мирѣ съ Турціей, ничто не могло развлечь его: онъ не принималъ участія въ происшествіяхъ, которыя имѣли самую близкую связь съ его любимыми намѣреніями. Такое равнодушіе и такое явное уныніе того,

предъ чьимъ могуществомъ все преклонялось, не могло не имѣть важной причины, и всѣ окружавшіе его, всѣ друзья и всѣ враги его начали съ жаднымъ любопытствомъ доискиваться этой причины. Долго всѣ старанія были напрасны: ничто, по наружности, не показывало никакой перемѣны въ судьбѣ князя Таврическаго, особливо въ тѣ дни, когда онъ думалъ о томъ, чтобы скрывать расположеніе души своей и великолѣпными праздниками веселилъ жителей молдавскаго города *Яссы,* назначеннаго мѣстомъ мирныхъ переговоровъ съ Турціей. Милости императрицы къ знаменитому фельдмаршалу были все такъ же велики: награды за успѣхи войскъ въ эту послѣднюю, еще не оконченную, войну такъ же пышны, какъ были и прежде, и въ томъ же самомъ 1790 году Григорій Александровичъ получилъ сто тысячъ рублей, лавровый вѣнокъ, украшенный изумрудами и брилліантами въ сто пять десятъ тысячъ, и золотую медаль, выбитую въ честь его. Однимъ словомъ, для многихъ все казалось попрежнему, но другіе были проницательнѣе: они видѣли, что самолюбіе князя страдало, и вскорѣ нашли тому причину.

Уже прошло болѣе шестнадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Григорій Александровичъ, достигнувъ высочайшихъ отличій и оправдывая ихъ своими заслугами, не зналъ никого себѣ равнаго въ Россіи. Знаменитый фельдмаршалъ Румянцевъ уже оставилъ славное свое поприще и жилъ въ деревнѣ. Совершенно успокоясь съ того времени въ своихъ честолюбивыхъ планахъ, князь Таврическій увѣренъ былъ, что уже никто, при жизни его, не возвысится наравнѣ съ нимъ. Равнодушно смотрѣлъ онъ на всѣхъ, болѣе и менѣе извѣстныхъ изъ приближенныхъ къ государынѣ: никто изъ нихъ не казался опаснымъ для самолюбія его. Но изъ числа ихъ въ 1790 году началъ обращать на себя болѣе вниманія генералъ-маіоръ кавалергардскаго корпуса графъ *Платонъ Александровичъ Зубовъ,* и гордый Потемкинъ началъ безпокоиться, не смотря на всю свою увѣренность. И это безпокойство было причиною той мучительной тоски, которую онъ чувствовалъ даже и тогда, когда, въ февралѣ 1791 года, пріѣхалъ въ Петербургъ и лично удостовѣрился въ прежнемъ благоволеніи къ нему

императрицы. Въ шумѣ удовольствій старался онъ заглушить эту тоску и потому охотно посѣщалъ всѣ обѣды и балы, которые давались по случаю его пріѣзда, и наконецъ самъ далъ въ честь Екатерины праздникъ столь блистательный, столь необыкновенный, что долго не могли наговориться о немъ и тѣ, которые видѣли его собственными глазами, и тѣ, которые только слышали чудесные разсказы. Послѣднее удовольствіе вы, милыя дѣти, можете имѣть и теперь: первый и уже извѣстный вамъ поэтъ того времени, Гавріилъ Романовичъ Державинъ, довольно подробно описалъ этотъ праздникъ стихами и прозой. И такъ, если вы хотите читать описаніе, котораго искусство совершенно перенесетъ васъ въ давно-минувшіе часы великолѣпнаго праздника, то возьмите сочиненіе Державина. Для того же, чтобы удовлетворить сколько нибудь любопытству вашему въ эту настоящую минуту и доставить вамъ хотя небольшое понятіе объ этомъ праздникѣ, который, можно сказать, былъ послѣднимъ радостнымъ днемъ Потемкина,—я скажу нѣсколько словъ о немъ.

Таврическій дворецъ, котораго прекрасный садъ, вѣрно, извѣстенъ многимъ изъ васъ, былъ мѣстомъ, гдѣ происходило это пышное торжество. Онъ получилъ свое названіе въ память покоренія Тавриды и былъ подаренъ Потемкину за нѣсколько недѣль до праздника, даннаго 28-го апрѣля 1791 года. Надобно сказать вамъ, друзья мои, что онъ данъ былъ по случаю торжества побѣдъ надъ Турціей, но главною цѣлію Потемкина было, кажется, желаніе показать государынѣ всю безпредѣльную преданность его къ ней. Достойно оцѣнивая это усердіе подданнаго, столь знаменитаго заслугами, сами высокіе члены августѣйшаго семейства приняли участіе въ необыкновенномъ праздникѣ и великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи были въ числѣ двадцати четырехъ паръ кадрили или балета, которымъ открылся балъ и который отличался такимъ великолѣпіемъ, что однихъ брилліантовъ на бѣлыхъ платьяхъ дѣйствовавшихъ въ немъ лицъ считалось болѣе нежели на *десять* милліоновъ рублей! Представьте же себѣ, читатели мои, что двадцать четыре пары, составленныя изъ молодыхъ, прелестнѣйшихъ особъ двора, танцовали въ огромномъ залѣ,

окруженномъ въ два ряда колоссальными столбами, украшенномъ богатыми ложами, раздѣлявшими эти столбы, освѣщенномъ, вмѣсто люстръ, большими хрустальными, гранеными шарами, отражавшими и собственно свой огонь, и милліоны огней, висѣвшихъ вокругъ нихъ. Это отраженіе, повторяясь еще разъ въ безчисленныхъ зеркалахъ, превращало залъ въ какой-то храмъ очарованія, особливо когда восхищенные зрители переступали за огромные столбы, окружавшіе залъ танцовальный. За этими столбами былъ прелестный зимній садъ изъ лавровыхъ, померанцовыхъ и миртовыхъ деревьевъ, съ песчаными дорожками, съ зелеными возвышенностями, съ прозрачными фонтанами, съ зеркальнымъ гротомъ, съ прекрасною мраморною статуею императрицы, съ высокою золотою пирамидою въ честь ея, даже съ птичками, летавшими тамъ какъ будто на открытомъ воздухѣ. По этому одному началу праздника можно судить, до какой степени простирались удовольствія, пышность и блескъ его, и оттого я не буду входить въ подробности о немъ, не буду разсказывать, какъ маскарадъ, балъ, спектакль, иллюминація и ужинъ смѣнялись какъ бы по знаку волшебному и веселили разнообразіемъ своихъ гостей, которыхъ число доходило до 3,000 человѣкъ. Все это вы найдете въ прекрасномъ описаніи Державина; но мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы прочли здѣсь изъ него то мѣсто, гдѣ разсказываетъ онъ о необыкновенномъ ужинѣ. Этотъ ужинъ, кромѣ чрезвычайнаго великолѣпія, замѣчателенъ былъ даже по одному устройству столовъ, которые поставлены были такъ, что безчисленное множество гостей, сидѣвшихъ за ними, обращено было къ лицу императрицы. Это были самыя величественныя и самыя роскошныя минуты торжества князя Таврическаго и—поэтъ нашъ искусно описалъ ихъ:

«Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
Разсыпала по нихъ и злато, и сребро:
Восточный, западный, сѣдые океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ несли тельцовъ и дичь;
Вѣнчанна класами хлѣбъ Волга подавала;
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
Рифей, нагнувшися, въ топазны, аметистны

Лилъ кубки медъ златой, древъ искрометный сокъ,
И съ Дона сладкія и Крымски вкусны вина;
Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бельта съ рукъ
Въ фарфорѣ, кристаллѣ, чужія питья, снѣди,
Носила по гостямъ, какъ будто бы стыдясь,
Что подчивать должна такъ прихоть по неволѣ.
Обилье тучное всѣмъ простирало длань,
Картины по стѣнамъ, огнями освѣщенны,
Казалось, ожили, и рдяны лица ихъ
Изъ мрака выставя, на славный пиръ смотрѣли,
Лукуллы, Цезари, Траянъ, Октавій, Титъ,
Какъ будто изумясь, сойти со стѣнъ желали,
И вопросить: кого такъ угощаетъ свѣтъ?
Кто, кромѣ насъ, владѣть отважился вселенной?»

И послѣ такого блеска, послѣ такого величія, что̀ было съ княземъ Таврическимъ чрезъ четыре мѣсяца? Больной и грустный, онъ снова жилъ въ Яссахъ, занимаясь по наружности мирными переговорами съ турками, но внутренно не переставая желать войны. Это тайное его желаніе часто обнаруживалось въ сильныхъ спорахъ съ полномочными, съѣхавшимися въ Яссахъ; но, по мѣрѣ усиленія болѣзни, которая была злая эпидемическая лихорадка, свирѣпствовавшая въ Молдавіи и особенно въ Яссахъ въ 1791 году, эта пылкость его начала ослабѣвать и наконецъ, въ началѣ октября, убійственная тоска, почти ни на минуту не покидавшая его, превратилась въ настоящее предчувствіе смерти. Вѣря этому предчувствію, онъ спѣшилъ оставить вредный въ то время воздухъ Яссъ и ѣхать въ Очаковскую область, куда привлекало его новое, любимое имъ мѣсто—городъ *Николаевъ,* основанный имъ не болѣе двухъ лѣтъ назадъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Инегулъ впадаетъ въ Бугъ. Это соединеніе двухъ рѣкъ представляло большія удобства для порта и подало Потемкину первую мысль объ основаніи здѣсь корабельной верфи. Построенный вскорѣ послѣ побѣды Очаковской и на землѣ, принадлежавшей Очакову, новый портъ обязанъ былъ ему своимъ именемъ: Потемкинъ назвалъ его въ честь св. чудотворца Николая, въ день котораго взятъ былъ Очаковъ. Николаевъ въ первый годъ существованія своего уже приносилъ много пользы черноморскому флоту, и потому былъ особенно любимъ основателемъ его: не смотря на множество занятій, Потемкинъ

часто думалъ о постройкѣ его зданій и судовъ, посылалъ туда иностранныхъ архитекторовъ и плѣнныхъ турокъ для работы. Какъ восхищался онъ, когда получилъ извѣстія, что на Черное море отправлялись уже корабли, построенные въ Николаевѣ! Наконецъ къ Николаеву стремился онъ въ послѣдніе часы своей жизни. «По крайнѣ мѣрѣ умру въ Николаевѣ!» говорилъ онъ 5-го октября 1791 года, и непремѣнно хотѣлъ въ тотъ же день выѣхать изъ Яссъ. Напрасно любимая племянница его графиня *Браницкая*, жившая въ домѣ его и не отлучавшаяся отъ него во все время болѣзни, умоляла его подождать, если не выздоровленія, то по крайней мѣрѣ облегченія страданій его. Упрямый, можетъ быть по причинѣ болѣзни, остался непреклоненъ и—поѣхалъ. Графиня ѣхала въ одной каретѣ съ нимъ. Сначала свѣжій воздухъ, казалось, оживилъ потухающія силы больного, но едва проѣхали тридцать верстъ, какъ обыкновенная тоска его начала увеличиватьея и наконецъ на 38-й верстѣ дошла до такой мучительной степени, что несчастный князь не могъ продолжать ѣзды: вышелъ изъ экипажа и легъ у дороги на разостланномъ плащѣ. Здѣсь-то, вдали отъ всякой пышности міра и людей, такъ усердно поклоняющихся ей, въ пустынной степи, безъ пособій, облегчающихъ страданія, кончилась жизнь, столь полная славы и счастія! Можно было сказать, что кончина Таврическаго была такъ же необыкновенна, какъ и жизнь его. Державинъ, пораженный, какъ и всѣ, неожиданнымъ извѣстіемъ о смерти Потемкина, прекрасно описалъ ее въ своемъ стихотвореніи—«*Водопадъ*»:

«Чей одръ—земля, кровъ—воздухъ синь,
Чертоги—вкругъ пустынны виды?
Не ты ли счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?» и проч.

Тѣло его привезено было въ Херсонъ и тамъ погребено. Величайшее сожалѣніе Екатерины сопровождало Потемкина въ его раннюю могилу [1]). Высоко цѣня важныя

[1]) Князь Таврическій скончался на 52 году своей жизни. Здоровье и крѣпкое сложеніе, казалось, обѣщали ему дни гораздо продолжительнѣйшіе.

заслуги его отечеству, она оказала памяти его справедливую почесть: къ дню торжества славнаго мира съ Турціей, въ заключеніи котораго такъ велико было участіе Потемкина, она повелѣла заготовить *въ память Потемкина грамоту съ приписаніемъ въ оной завоеванныхъ имъ крѣпостей и разныхъ сухопутныхъ и морскихъ побѣдъ, войсками его одержанныхъ;* грамоту эту хранить въ соборной церкви города Херсона, гдѣ соорудить мраморный памятникъ Таврическому, а въ арсеналѣ того же города помѣстить изображеніе его, и въ честь ему выбить медаль.

И такъ, въ торжественный день празднованія мира, заключеннаго, чрезъ три мѣсяца потомъ, графомъ Безбородко въ Яссахъ, имя Потемкина, уже умершаго, озарилось новымъ блескомъ, и онъ, какъ бы еще живой, участвовалъ въ славномъ торжествѣ.

Выгоды новаго мира были очень велики: Турція, начавшая войну съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы возвратить Крымъ, кончила тѣмъ, что не только подтвердила права Россіи на Крымъ, но уступила ей большую часть береговъ Чернаго моря, т. е. Очаковъ и всѣ земли, лежащія между Днѣпромъ и Днѣстромъ; обязалась защищать русскіе корабли отъ африканскихъ разбойниковъ и еще сверхъ того заплатить Россіи за нанесенные убытки 15.000,000 піастровъ. Говоря объ этомъ послѣднемъ условіи мирнаго Ясскаго договора, нельзя не разсказать новой прекрасной черты великой Екатерины. Зная, что турки съ неудовольствіемъ принуждены были согласиться на невыгодный для нихъ миръ и что гнѣвъ султана ожидалъ въ Константинополѣ старшаго изъ турецкихъ полномочныхъ, присланныхъ въ Яссы — *Юсуфа-пашу,* за согласіе его на платежъ 15.000,000 піастровъ, согласіе, вынужденное у него стѣсненными обстоятельствами Турціи и твердостію воли Потемкина, — Екатерина отказалась отъ нихъ! Турки, придающіе много цѣны золоту, удивлены были такимъ великодушіемъ, и бѣдный Юсуфъ-паша, обязанный спасеніемъ головы своей этому великодушію, благословлялъ во всю жизнь безпримѣрную царицу Сѣвера.

ПОЛЬША.

отъ 1792 до 1795 года.

(3 года).

Въ то время, когда Россія, процвѣтая подъ спасительною защитою самодержавнаго правленія, наслаждалась всѣмъ счастіемъ и всею славою, какія могла доставить ей знаменитая государыня ея, почти всѣ другія царства Европы далеки были отъ счастья и славы! Тамъ происходили ужасные безпорядки, и общимъ началомъ ихъ была—Франція. Жители этой несчастной страны, всегда извѣстные своимъ легкомысліемъ и непостоянствомъ, вовлекли въ то время свое отечество въ неслыханныя бѣдствія. Со времени войны, происходившей въ Америкѣ между Англіею и Сѣверо-Американскими колоніями, многіе французы, участвовавшіе въ ней, возвратились въ Европу съ легкомысленными мечтами о независимости и съ безразсуднымъ желаніемъ перемѣны въ правленіи своемъ. Такое желаніе, ни на чемъ не основанное и противное тѣмъ правиламъ, которыя составляли счастіе отечества ихъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, довело французовъ до величайшихъ безпорядковъ. Почти съ каждымъ днемъ безпорядки увеличивались, и менѣе нежели въ три года достигли до ужасной степени. Слѣдуя новому, своевольному образу мыслей, они перестали считать *священною* власть государя,—эту власть, установленную закономъ Божіимъ, а послѣ того удивительно ли, что они мало-по-малу перестали бояться и Самого Бога! А человѣкъ, дошедшій до такого жалкаго состоянія, человѣкъ, сошедшій до несчастія позабыть милосерднаго Творца своего,—чего не сдѣлаетъ, на какія злодѣянія не рѣшится? Это доказали въ полной мѣрѣ тогдашніе французы. Какъ скоро необузданное своеволіе довело ихъ до забвенія Бога, всѣ преступленія казались имъ позволенными, и—всѣ несчастія были посланы правосудіемъ небеснымъ на безбожниковъ. Добродѣтельный король ихъ Людовикъ XVI былъ первою жертвою ужаснаго переворота, происшедшаго тогда во Фран-

ціи: безумцы, проповѣдуя свободу, начали тѣмъ, что отняли ее у законнаго повелителя своего. Этого еще мало: они лишили его жизни! Вы ужасаетесь, милые читатели мои? Они подвергли той же части и все семейство его и всѣхъ тѣхъ, кто показывалъ малѣйшую привязанность къ нему, или къ прежнему порядку правленія. Страшно описывать и невозможно описать всѣхъ ужасовъ, какіе происходили тогда во Франціи: довольно сказать, что не одинъ годъ кровь лилась тамъ рѣкою; что неслыханныя злодѣйства, подъ названіемъ справедливыхъ дѣлъ, совершались тамъ ежедневно. Но Богъ наказалъ злодѣевъ: одни изъ нихъ какъ будто бы нарочно старались объ истребленіи другихъ. Всѣ государства Европы съ негодованіемъ смотрѣли на жалкое состояніе Франціи. Многія изъ нихъ прервали всѣ сношенія свои съ нею, и въ этомъ числѣ не могла не быть Россія, управляемая мудрою государынею. Россія сдѣлала еще болѣе: она была спасительнымъ убѣжищемъ для нѣкоторыхъ изъ французскихъ принцевъ, несчастныхъ родственниковъ Людовика XVI. Екатерина имѣла даже великодушное намѣреніе отправить войско для усмиренія страшнаго безначалія Франціи, но прежде нежели эта благодѣтельная мысль приведена была въ исполненіе, которое, по тогдашнему положенію Европы, было очень трудно, безуміе французовъ произвело новое зло: во многихъ государствахъ нашлись послѣдователи безбожныхъ правилъ ихъ, и можно представить, какихъ новыхъ ужасовъ надобно было ожидать отъ этого!

Одно изъ такихъ государствъ, ближайшее къ Россіи, и по сношеніямъ, и по самому положенію своему,—было польское. Тамъ явилось нѣсколько ревностныхъ приверженцевъ нововведеній французовъ, и они-то, подъ предводительствомъ главнаго изъ нихъ — *Игнатія Потоцкаго*, вздумали сдѣлать важныя перемѣны въ правленіи своемъ. Вмѣсто короля Станислава они назначали принца Саксонскаго, которому отдавали престолъ польскій въ наслѣдственное владѣніе; вмѣсто законовъ, одобренныхъ Екатериною, написали новую конституцію. Государыня русская не могла остановить этихъ своевольствъ при самомъ началѣ ихъ: войска ея были въ одно и то-же время заняты

на границахъ Турціи и Швеціи, но съ заключеніемъ мира въ той и другой сторонѣ она почла обязанностію своею уничтожить зло, котораго слѣдствія были такъ гибельны и которое распространилось въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ царствомъ ея. Король прусскій, разсуждая одинаково съ Екатериною въ этомъ отношеніи и уже испытавъ опасность сосѣдства съ государствами, зараженными безумными правилами французовъ, вступилъ въ дружественный союзъ съ русской императрицею для усмиренія польскихъ мятежниковъ, и войска ихъ на короткое время принудили поляковъ отмѣнить новую конституцію и привести все государство въ прежній порядокъ. Слѣдствіемъ побѣдъ пруссаковъ и русскихъ было второе раздѣленіе Польши между этими двумя государствами. Россія при этомъ случаѣ возвратила области, за нѣсколько вѣковъ предъ тѣмъ принадлежавшія ей и отнятыя князьями литовскими. Это были области: Минская, Подольская, часть Волыни и часть Литвы, всего до 4,000 квадратныхъ миль. Пруссія получила Данцигъ, Торунь, Плоцкъ, Познань, Калишъ, т. е. часть сѣверо-западной Польши, пространствомъ на 1,000 квадратныхъ миль. Это происходило въ сентябрѣ 1793 года.

И такъ, спокойствіе возстановилось въ Польшѣ, и она, простираясь еще на 4,000 кв. миль и имѣя 3.600,000 жителей, могла бы еще существовать въ ряду государствъ европейскихъ, и узнавъ изъ опытовъ, сколько вреда причиняетъ народу непокорный духъ его, научиться, наконецъ, цѣнить покровительство могущественной государыни русской. Подъ этимъ сильнымъ покровительствомъ поляки еще могли бы составить особенное государство; но Провидѣніе предназначало имъ соединиться съ ихъ единоплеменниками; они должны были возвратиться къ тѣмъ, съ которыми первоначально составляли одинъ народъ, должны были слить съ судьбою и славою этого народа свою собственную судьбу и древнюю славу. Но прежде нежели совершилось это соединеніе, оба народа должны были еще разъ испытать печальныя слѣдствія ссоръ своихъ. Прошло не болѣе шести мѣсяцевъ послѣ усмиренія ихъ—и усмиренія, вѣроятно, несовершеннаго, потому что войска русскія еще оставались для сохраненія тишины въ Варшавѣ

и ея окрестностяхъ, какъ уже въ Краковѣ вспыхнула новая *революція* [1]), сопровождаемая ужасами, походившими на ужасы революціи французской. Главные участники и распорядители ея уговорились сдѣлать въ одинъ день и въ одинъ часъ нечаянное нападеніе на русскихъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только находились войска наши. Ужасный заговоръ имѣлъ полный успѣхъ, и почти всѣ русскіе, находившіеся въ Польшѣ, погибли неожиданною смертію! Екатерина ужаснулась, получивъ это извѣстіе, и, видя необходимость усмирить мятежниковъ польскихъ съ большею твердостію, нежели прежде, отправила къ нимъ графа Суворова. Одно имя знаменитаго полководца уже ручалось за успѣхъ дѣла и наполняло страхомъ сердца главныхъ участниковъ заговора противъ русскихъ.

Графъ, какъ главнокомандующій войскъ, расположенныхъ въ губерніяхъ Екатеринославской и Таврической и въ новопріобрѣтенной области Очаковской, жилъ въ это время въ Херсонѣ и занимался укрѣпленіемъ мѣстъ, пограничныхъ съ Турціей. Такое занятіе Суворовъ, страстно любившій военную дѣятельность, называлъ бездѣйствіемъ и потому чрезвычайно обрадовался важному порученію, сдѣланному ему императрицею. Уже давно онъ съ отвращеніемъ и ужасомъ слушалъ страшные разсказы о французской революціи и потомъ о пагубномъ дѣйствіи ея на другія государства; уже давно хотѣлось ему перевѣдаться за то съ французами. Нерѣдко даже, какъ будто предчувствуя все зло, какого можно было ожидать отъ безпорядковъ Франціи, онъ говорилъ съ какимъ-то нетерпѣливымъ безпокойствомъ государынѣ: «Матушка, пошли меня на французовъ!»—И прежде нежели это пламенное желаніе графа исполнилось, революція польская и вѣроломное умерщвленіе, при этомъ случаѣ, русскаго гарнизона совершились. Императрица избрала Суворова быть мстителемъ за невинно-пролитую кровь соотечественниковъ. Австрія и король прусскій приняли сторону Россіи, и послѣдній даже на-

[1]) Такъ французы называли ужасный переворотъ, сдѣланный ими въ своемъ правленіи, и такъ съ тѣхъ поръ часто называютъ возмущенія народныя.

чалъ уже осаду Варшавы вмѣстѣ съ генераломъ Ферзеномъ. Быстро приближался туда же Суворовъ съ двѣнадцатитысячнымъ корпусомъ войска, какъ вдругъ на границахъ Польши узналъ, что король прусскій принужденъ былъ снять осаду, чтобъ поспѣшить для усмиренія мятежниковъ въ областяхъ своихъ, присоединенныхъ отъ Польши, а генералъ Ферзенъ, не имѣя войска, достаточнаго для продолженія осады, послѣдовалъ примѣру его и также отступилъ.

Такая неожиданная перемѣна обстоятельствъ остановила бы всякаго другого полководца, — но не Суворова. Съ небольшимъ отрядомъ своимъ, чрезвычайно уменьшеннымъ отъ встрѣчъ съ непріятелемъ и побѣдъ надъ нимъ, онъ рѣшился на приступъ къ столицѣ мятежниковъ, въ одномъ предмѣстіи которой было 30,000 войска! Съ первою мыслію о приступѣ Суворовъ приказалъ всѣмъ русскимъ войскамъ, разсѣяннымъ въ Польшѣ, собраться къ одному мѣсту — къ собственному отряду его. И все это соединенное войско могло составить не болѣе 22,000 человѣкъ! Это число Суворовъ считалъ достаточнымъ для покоренія Варшавы съ ея сильно-укрѣпленнымъ предмѣстіемъ *Прагою.*

Одинъ изъ лучшихъ помощниковъ его въ этомъ знаменитомъ дѣлѣ былъ генералъ Ферзенъ. Спѣша соединить корпусъ свой съ корпусомъ графа, онъ встрѣченъ былъ на дорогѣ главнымъ генераломъ поляковъ — славнымъ Костюшкою, желавшимъ воспрепятствовать этому соединенію. Зная весь вредъ, какой бы потерпѣли русскіе, въ случаѣ если-бы Костюшкѣ удалось исполнить свое желаніе, Ферзенъ не только приготовился мужественно отразить нападеніе его, но даже рѣшился напасть первый. Смѣлость его вполнѣ вознаградилась: Костюшка былъ совершенно разбитъ, потерялъ убитыми 6,000, плѣнными 1,600 человѣкъ, всю артиллерію и, наконецъ, самъ попался въ плѣнъ.

Послѣ этой славной битвы, повергшей въ глубокое уныніе поляковъ, особенно по причинѣ плѣна важнѣйшаго изъ военачальниковъ, дѣйствовавшихъ въ революціи ихъ, Ферзенъ спѣшилъ соединиться съ Суворовымъ; другой изъ главныхъ генераловъ русскихъ, находившійся въ Польшѣ,

Дерфельденъ, сдѣлалъ то же съ своимъ отрядомъ, и такимъ образомъ къ 22-му октября двадцати-двухъ-тысячный корпусъ собрался уже подъ начальствомъ Суворова.

Не любя откладывать того, что уже могло быть сдѣлано, графъ послѣ двухъ-дневнаго отдыха собравшагося войска подошелъ къ стѣнамъ Праги и на другой же день, 25-го октября, въ 5 часовъ утра, началъ приступъ къ обширному предмѣстію, представлявшему отдѣльный городъ. Отчаяніе съ одной стороны и неутомимое, можно сказать, безпримѣрное мужество съ другой — были равно удивительны, но первое должно было, наконецъ, уступить могущественнымъ усиліямъ второго, и чрезъ четыре часа битвы Прага, не смотря на многочисленность войска, на силу укрѣпленій своихъ, на всю видимую невозможность быть побѣжденною, пала предъ несравненнымъ героемъ Россіи. Лучшіе историки, описывавшіе это удивительное происшествіе, говорятъ, что въ лѣтописяхъ военныхъ рѣдко случается встрѣтить предпріятіе, которое было бы такъ смѣло по плану, такъ искусно по исполненію и такъ важно по своимъ слѣдствіямъ. Послѣднее было особенно справедливо: взятіе Праги потушило въ одинъ день все ужасное пламя революціи польской и цѣною пролитой крови возстановило общественное спокойствіе. Дорога была эта цѣна для поляковъ: у нихъ погибло 13,000 человѣкъ на полѣ сраженія, 2,000 человѣкъ потонуло въ Вислѣ и болѣе 14,000 взято въ плѣнъ!

Такое совершенное пораженіе привело въ ужасъ главныхъ мятежниковъ. Съ горестію смотрѣли они со стѣнъ столицы своей на блистательную побѣду Суворова и тогда же признали необходимость покориться его непобѣдимой силѣ. Однакожъ еще три дня продолжались переговоры объ условіяхъ, на которыхъ хотѣли сдать Варшаву войску русскому, и наконецъ графъ съ угрозою долженъ былъ предписать слѣдующія условія: «1) Всѣмъ полякамъ положить оружіе. 2) Оставить только 600 человѣкъ пѣхоты и 400 конницы для короля. 3) Отдать королю всѣ должныя почести, которыхъ лишило его безумство мятежниковъ. 4) Прислать всѣ оружія, всю артиллерію и вообще всѣ военные снаряды въ Прагу. 5) Немедленно освобо-

дить всѣхъ русскихъ, взятыхъ въ плѣнъ, и наконецъ, 6) къ 8-му числу ноября, для торжественнаго вшествія побѣдителей въ Варшаву, навести разрушенный мостъ чрезъ Вислу».

Поляки принуждены были согласиться на всѣ предложенныя условія и въ точности исполнить ихъ. Ужасы революціи научили ихъ цѣнить въ полной мѣрѣ наставшую тишину, и 8-ое ноября, казалось, было и для нихъ днемъ радостнымъ: они встрѣтили русскихъ со всѣми знаками покорности и даже усердія. Мирные граждане, обыкновенно болѣе всѣхъ страждущіе въ дни мятежа, бросались къ ногамъ графа, называли его избавителемъ своимъ, кричали: «Да здравствуетъ Екатерина! да здравствуетъ Суворовъ!» Но торжественнѣе всего была та минута, когда, при самомъ входѣ въ Варшаву, Суворовъ встрѣченъ былъ начальникомъ ея, поднесшимъ ему ключи города. Благочестивый герой съ какимъ-то благоговѣйнымъ и сладостнымъ чувствомъ принялъ ихъ, поцѣловалъ и, поднявъ къ небу, сказалъ растроганнымъ голосомъ: «Всемогущій Боже! благодарю Тебя, что эти ключи не стоятъ такъ дорого, какъ...» Слезы помѣшали ему продолжать, и только взоры его показывали на несчастную Прагу.

Мѣры, принятыя имъ для усмиренія остальныхъ мятежниковъ, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ Польши, были такъ хорошо придуманы, такъ искусно исполнены, что никакія безпокойства не нарушили болѣе возстановленной тишины, и поляки съ покорностію согласились на новое и послѣднее раздѣленіе государства ихъ. Они тѣмъ скорѣе могли согласиться, что самъ король ихъ, наскучивъ бѣдствіями, тѣсно-соединенными въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ съ престоломъ польскимъ, отказался отъ обладанія имъ. Екатерина, не пользуясь правомъ побѣдительницы,— правомъ, по которому она могла бы сдѣлаться нераздѣльною обладательницою страны, покоренной ею безъ помощи союзниковъ, и напротивъ того, желая сколько возможно согласить выгоды Польши съ необходимостію уничтожить ея отдѣльное существованіе въ ряду государствъ европейскихъ, предложила королю и союзникамъ собрать сеймъ въ городѣ *Гродно*. Здѣсь, на этомъ сеймѣ, рѣшена была въ послѣд-

ній разъ судьба поляковъ, и царство ихъ окончательно раздѣлилось между Россіею, Австріею и Пруссіею. *Первая* получила Вильну, Гродно, остальную часть Волыни, Самогитіи, Троки, Брестъ и Хельмъ, всего пространствомъ на 2,030 квадр. миль, а жителей 1.176,590 человѣкъ.

Австрія получила Краковъ, Сендомирское воеводство, Любвинъ, части Хельма, Подляхіи, Мазовіи, всего на 834 кв. мили съ 1.037,732 человѣкъ жителей.

Пруссіи достались: Варшава, Бѣлый-Стокъ, воеводство Августовское, части Мазовіи, Разы, Плоцка, Троковъ, всего на 997 кв. миль съ 939,297 человѣками жителей.

Станиславу-Августу, отказавшемуся отъ престола, назначено было на годовое содержаніе 200,000 червонцевъ отъ Россіи и Пруссіи. Издавна пользуясь покровительствомъ Екатерины, онъ надѣялся окончить дни свои въ ея владѣніяхъ спокойнѣе, нежели гдѣ нибудь, и потому вскорѣ послѣ окончанія сейма отправился въ Гродно, а потомъ въ Петербургъ, гдѣ впослѣдствіи и скончался.

Такъ уничтожилось мятежное королевство польское, такъ безпокойные поляки были сами виною этого уничтоженія. Герой, смирившій ихъ, еще около года оставался въ Варшавѣ и новыхъ областяхъ русскихъ, и наконецъ, устроивъ все, что̀ нужно было для безопасности и спокойствія ихъ, поѣхалъ также въ Петербургъ. Тамъ ожидали его новыя почести и награды щедрой государыни; но онъ получилъ уже самую лестную для него еще за годъ предъ тѣмъ, за славное взятіе Праги,—чинъ фельдмаршала. Подробности этого пожалованія очень любопытны. Графъ, одержавъ безпримѣрную побѣду, сохранилъ свою обыкновенную скромность и въ донесеніи его императрицѣ было на сей разъ еще болѣе краткости, нежели когда нибудь. Онъ написалъ только: «*Ура, Прага!*»—Государыня, еще болѣе остроумная и чрезвычайно восхищенная знаменитою побѣдою, отвѣчала также двумя словами: «*Ура, фельдмаршалъ!*»

Прежде нежели мы окончимъ настоящій разсказъ нашъ, читатели мои должны узнать, что, вмѣстѣ съ ново-пріобрѣтенными областями польскими, Россія получила еще новое владѣніе: Курляндія, со временъ своего герцога Кетлера

зависѣвшая отъ Польши, не захотѣла болѣе признавать надъ собою власть государства разрушающагося, и прежде нежели судьба его рѣшилась на Гродненскомъ сеймѣ, предложила себя въ вѣчное подданство императрицѣ русской.

Такимъ образомъ Россія, увеличенная со всѣхъ сторонъ, вознесенная на высокую степень славы, наслаждалась совершеннымъ счастіемъ, какъ вдругъ ужасный ударъ судьбы неожиданно поразилъ ее.

КОНЧИНА ЕКАТЕРИНЫ.

1796 годъ.

Постоянная дѣятельность, съ которою великая государыня проводила каждый день своей жизни, неутомимые труды ея по дѣламъ государственнымъ, безпрестанная и всегда одинаковая заботливость о счастіи подданныхъ, внушали русскимъ столько довѣренности къ судьбѣ своей, что, безпечно наслаждаясь своимъ счастіемъ, они считали его безконечнымъ, а государыню свою—безсмертною. Совершенное здоровье императрицы и чистыя радости, которыя украшали жизнь ея въ кругу августѣйшаго семейства, подтверждали надежды русскихъ. Они тѣмъ охотнѣе предавались имъ, что происшествія, случившіяся въ Россіи въ послѣднія пять или шесть лѣтъ царствованія Екатерины, особенно располагали всѣхъ къ радости.

Кромѣ славы, которою въ это время покрывалось имя русскихъ въ Турціи и Польшѣ, много пріятнаго случилось въ семействѣ царскомъ, а это всегда бывало для народа русскаго особенною священною радостію. Сначала это было умноженіе дома императорскаго рожденіемъ дочерей у наслѣдника престола, великихъ княженъ Маріи, Екатерины и Ольги Павловнъ, потомъ, въ 1793 году, обрученіе старшаго сына его великаго князя Александра Павловича. Это былъ любимый внукъ императрицы: невозможно описать, какъ велика была ея привязанность къ нему. Всѣ попеченія, какія только можетъ придумать любовь нѣжнѣй-

шей матери, лелѣяли счастливое дѣтство его. Нерѣдко она сама присутствовала при урокахъ, а въ краткія минуты отдыха находила иногда время заниматься сочиненіемъ нравоучительныхъ дѣтскихъ повѣстей. Все это было для любимца сердца ея, для ея *Александра*[1]). Съ восхищеніемъ смотрѣла она на цвѣтущую юность его и на прекрасныя способности его ума и сердца.

Съ наступленіемъ для великаго князя пятнадцати-лѣтняго возраста государыня уже заботилась о томъ, чтобы при жизни своей соединить его съ подругою, столь же прелестною, столь же кроткою, какъ онъ: избранная невѣста—*Луиза-Марія-Августа*, дочь маркграфа Баденскаго, названная при мѵропомазаніи Елисаветою Алексѣевною, была ангелъ и видомъ, и душою. Въ маѣ 1793 года совершилось обрученіе ея съ великимъ княземъ, а 28-го сентября того же года — бракосочетаніе. Радость, съ которою императрица праздновала этотъ драгоцѣнный для нея день, соединясь съ торжествомъ мира, заключеннаго въ то же самое время съ Турціей, распространилась по всей Россіи, была радостію для всѣхъ подданныхъ Екатерины. Надобно было видѣть, съ какимъ восторгомъ слушали они разсказы о малѣйшихъ подробностяхъ, касавшихся до молодого великаго князя и великой княгини! Какъ веселились они этою постоянною заботливостію государыни о счастіи прекрасныхъ супруговъ. Она безпрестаннно готовила для нихъ какое нибудь новое удовольствіе. Однимъ изъ прекрасныхъ доказательствъ этого служитѣ пышный дворецъ Александровскій въ Царскомъ Селѣ. Какъ ни чудесно великолѣпное устройство его и въ цѣломъ, и въ частяхъ отдѣльныхъ, императрица все еще не находила его жилищемъ, въ полной мѣрѣ достойнымъ обожаемаго внука ея, и безпрестанно придумывала новыя для него украшенія.

Но эта исключительная привязанность къ великому князю Александру не простиралась въ великой душѣ Екатерины до того, чтобы вредить любви ея къ младшимъ внукамъ. Нѣтъ, нѣжность души ея была такъ велика, что

---

[1]) *Мой Александръ!* Такъ всегда называла Екатерина молодого князя.

каждый изъ дѣтей ея находилъ въ материнскомъ сердцѣ ея всю полноту любви, все совершенство попеченій.

Такъ среди семейнаго счастія и громкой славы государственной встрѣтила императрица и послѣдній годъ своей жизни — 1796. Радостное начало его, казалось, вовсе не предвѣщало горестнаго окончанія: 2-го февраля было обрученіе и потомъ 15-го — бракосочетаніе второго внука ея великаго князя Константина Павловича съ принцессою Кобургскою, *Юліею,* названною при мѵропомазаніи великою княжною Анною Ѳеодоровною. Вскорѣ послѣ веселыхъ, продолжительныхъ и великолѣпныхъ праздниковъ, обыкновенно сопровождающихъ такой случай, новая радость восхитила весь домъ царскій: 25-го іюня у наслѣдника престола, къ особенной радости всего августѣйшаго семейства, послѣ нѣсколькихъ великихъ княженъ родился третій сынъ—въ Бозѣ почивающій императоръ Николай Павловичъ. Эта семейственная радость была послѣднею для Екатерины: чрезъ четыре мѣсяца потомъ, 6-го ноября, насталъ страшный день для Россіи. По утру этого дня государыня проснулась въ совершенномъ здоровьѣ, провела, по обыкновенію, время свое до завтрака, была весела, а вскорѣ потомъ, незамѣтно для всѣхъ окружавшихъ ее, почувствовала дурноту и упала въ обморокъ. Представьте себѣ, милые читатели мои, испугъ той изъ приближенныхъ дамъ императрицы, которая, вошедши въ комнату, увидѣла государыню, лежавшую безъ чувствъ! Надобно знать всю мѣру привязанности, какую внушала Екатерина, чтобы понять и особенную горесть каждаго, и общую печаль, и смятеніе всѣхъ тѣхъ, кто былъ въ это время во дворцѣ.

Всѣ усилія любимаго лейбъ-медика императрицы Роджерсона были безполезны: ударъ паралича былъ такъ силенъ, что никакими средствами нельзя было возвратить умирающей ни памяти, ни языка. Нѣсколько часовъ сохранялось въ ней только дыханіе, и въ ночь того же дня оно прекратилось навѣки, и—Екатерины, могущественной, несравненной въ ряду царей земныхъ, Екатерины, генія-хранителя не только Россіи, но и всей Европы, не стало! Сколько вліянія эта знаменитая государыня имѣла на спо-

койствіе Европы въ то смутное время повсемѣстныхъ волненій, произведенныхъ ужасами французской революціи, и сколько печали и страха распространило вездѣ извѣстіе о ея кончинѣ, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ одного иностраннаго писателя:

«La Russie, invincible au-dedans, crainte et considérée au-dehors, dominant par les armes et par la politique, était la puissance préponderante de l'Europe, la préservatrice des trônes ébranlés, et l'étoile polaire, que cherchaient les peuples, menacés de naufrage, lorsque Cathérine, qui l'avait élevée à cette situation honorable et brillante, termina sa glorieuse carrière. Est-il donc étonnant, que sa mort ait causé tant de douleur et d'effroi, puisqu'à sa vie était attachée, pour un si grand nombre, la sécurité, ce premier des biens de l'homme?» [1]).

Если кончина Екатерины опечалила государства иностранныя, что же она должно была произвесть въ странѣ, которой Екатерина посвятила жизнь свою,—въ странѣ, которую она любила какъ свое отечество? О! горесть, поразившая ее, была неописанна, и очевидцы, бывшіе въ Петербургѣ въ несчастный день 6-го ноября, разсказываютъ, что во все время неизвѣстности, т. е. пока доктора напрасно употребляли всевозможныя старанія привести въ чувство государыню, жители Петербурга были въ какомъ-то мрачномъ оцѣпенѣніи: встрѣчавшіеся смотрѣли съ безпокойствомъ другъ на друга, не смѣли ни о чемъ спрашивать, какъ будто боясь услышать страшный отвѣтъ о томъ, что уже нѣтъ ихъ благодѣтельницы, ихъ незабвенной матери. Когда же разнеслась страшная вѣсть по городу, не было мѣры слезамъ, не было утѣшенія печали огорченныхъ! Единственною отрадою оставалось для нихъ воспоминаніе о тѣхъ безчисленныхъ благодѣяніяхъ, которыя

---

[1]) Россія, непобѣдимая внутри, уважаемая до страха за предѣлами своими, превышавшая другія государства и оружіемъ, и политикою, была первымъ царствомъ Европы, хранительницею потрясенныхъ троновъ и полярною звѣздою народовъ, боявшихся кораблекрушенія, когда Екатерина, возвысившая ее на эту почетную и блистательную степень, окончила свое славное поприще. Послѣ этого удивительно ли, что кончина ея причиняла столько горести и ужаса? Съ жизнію ея соединилась для многихъ народовъ *безопасность*—это первое благо человѣка.

такъ убѣдительно доказывали ея материнскую любовь къ нимъ. Проливая слезы, они исчисляли ея благотворенія и такимъ образомъ находили облегченіе печали своей въ мысли о ея вѣчномъ существованіи въ мірѣ небесномъ и о ея нескончаемой славѣ въ мірѣ земномъ.

Такая мысль есть лучшее утѣшеніе для осиротѣвшихъ, а воспоминаніе о дѣлахъ, совершенныхъ душою, покинувшею насъ, — есть лучшая дань, приносимая ея памяти. Послѣдуемъ же примѣру соотечественниковъ нашихъ того времени и усладимъ горестный разсказъ нашъ о кончинѣ незабвенной нѣсколькими словами о тѣхъ дѣлахъ ея, которыя еще неизвѣстны вамъ, милые читатели.

Главное мѣсто занимаетъ здѣсь дѣло, чрезвычайно важное для высшаго класса народа нашего: *грамота, пожалованная дворянству россійскому* 21-го апрѣля 1785 года. Это былъ актъ, которымъ не только подтверждались права и преимущества, данныя дворянамъ русскимъ императоромъ Петромъ III, но и предоставлялись новыя, дотолѣ неизвѣстныя имъ. Грамота, жалованная дворянству, устроивала состояніе дворянъ во всѣхъ отношеніяхъ, исполняла сердце ихъ вѣчно благодарностію къ государынѣ и новымъ усердіемъ къ престолу и отечеству. Въ то же время, т. е. 21-го же апрѣля 1785 года, и среднее состояніе, или купечество и мѣщане, получили подобный же актъ объ устройствѣ ихъ сословія. Этотъ актъ извѣстенъ подъ названіемъ *Городового положенія*. Великая государыня не забыла при этомъ случаѣ и низшій классъ своихъ подданныхъ,—крестьянъ и крѣпостныхъ людей: всѣмъ владѣльцамъ ихъ строго запрещалось жестоко обращаться съ ними. При томъ она обнародовала особенный указъ, въ которомъ навсегда запрещалось упоминать слово *рабъ* въ прошеніяхъ, подаваемыхъ на Высочайшее имя, и предписывалось замѣнить его простымъ словомъ: *вѣрный подданный*.

Мудрая законодательница, такъ прекрасно устроившая судьбу всѣхъ сословій государства своего и такъ много заботившаяся о просвѣщеніи ихъ, не могла не обратить вниманія на ближайшее средство къ просвѣщенію и смягченію нравовъ—на воспитаніе женщинъ. Кто болѣе всѣхъ

имѣетъ вліяніе на первое образованіе ума и сердца ребенка? Конечно—мать. Чьи наставленія скорѣе всего напечатлѣваются въ его памяти? Конечно — матери. Какое же несчастіе, если эта первая руководительница, данная человѣку самою природою, не имѣетъ возможности исполнить какъ должно своей священной обязанности! Екатерина видѣла недостатокъ въ этомъ отношеніи у русскихъ и положила основаніе къ исправленію его: она учредила въ Петербургѣ, при основанномъ императрицею Елисаветою монастырѣ Воскресенскомъ (или нынѣшнемъ Смольномъ) училище для воспитанія благородныхъ и также мѣщанскихъ дѣвицъ.

Вскорѣ послѣ этого важнаго событія въ дѣлѣ просвѣщенія совершилось другое, не менѣе важное: улучшеніе учебныхъ заведеній для дѣтей мужескаго пола. Корпуса: Первый кадетскій, Морской и Артиллерійскій были почти совсѣмъ преобразованы и во всѣхъ частяхъ усовершенствованы. Кромѣ того, учреждены три новыя училища! *Горное, Лекарское* и *Судоходное,* а чрезъ нѣсколько лѣтъ потомъ просвѣщенная государыня увеличила быстрые успѣхи образованности въ царствѣ своемъ учрежденіемъ *народныхъ училищъ* по всей имперіи. Съ того времени средства къ просвѣщенію, сосредоточенныя прежде въ однѣхъ столицахъ, сдѣлались доступными и для самыхъ отдаленныхъ обитателей обширныхъ странъ нашего отечества.

Но, желая исчислить все, что сдѣлала Екатерина въ теченіе своего царствованія, мы никогда не кончили бы, милые читатели мои, потому что не въ однихъ важныхъ событіяхъ видны черты ея геніальнаго, великаго духа: и въ малѣйшихъ дѣлахъ, совершенныхъ ею, проявляются эти высокія качества, стало быть и малѣйшія дѣла ея любопытны и достойны описанія. Не имѣя возможности совершить дѣло столь трудное, мы заключимъ настоящій разсказъ нашъ еще одною прекрасною чертою Екатерины.

Въ 1787 году *прививаніе оспы* уже употреблялось во многихъ мѣстахъ Европы, но въ Россіи еще не вѣрили благодѣтельному дѣйствію этого изобрѣтенія и даже боялись его. Какъ вразумить предубѣжденныхъ и спасти отъ гибели безчисленное множество дѣтей, умиравшихъ отъ

страшной заразы оспы естественной? Екатерина никогда не колебалась тамъ, гдѣ дѣло шло о спасеніи жизни человѣческой. Не смотря на сорокалѣтній возрастъ свой въ то время, она не имѣла еще оспы, и вмѣсто того, чтобы опасаться этой ужасной болѣзни, великая благодарила Бога, что Онъ избралъ ее орудіемъ спасенія милліоновъ людей, и съ совершеннымъ спокойствіемъ духа привила себѣ оспу, чтобы примѣромъ своимъ убѣдить подданныхъ въ пользѣ прививанія. Этого еще недовольно: счастливо перенеся весь ходъ болѣзни, она приказала привить ее и единственному сыну и наслѣднику своему великому князю Павлу Петровичу! Могъ ли такой высокій примѣръ самоотверженія не подѣйствовать на подданныхъ, умѣвшихъ цѣнить знаменитую государыню свою? При первомъ извѣстіи о немъ, они убѣждены были въ спасительныхъ дѣйствіяхъ прививанія, и съ тѣхъ поръ уже съ полною довѣренностію къ августѣйшей матери народа, приносили младенцевъ своихъ подъ ланцетъ прививателей.

Теперь, милые читатели мои, послѣ этого прекраснаго доказательства безпредѣльной любви Екатерины къ подданнымъ ея, можно судить о великости удара, поразившаго ихъ 6-го ноября 1796 года, и о невыразимой горести ихъ!

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ I.

отъ 1796 до 1797 года.

(1 годъ).

Необыкновенная дѣятельность отличала царствованіе императора Павла Петровича. Съ первыхъ дней своего восшествія на престолъ онъ неутомимо занимался дѣлами государственными, и множество новыхъ законовъ и учрежденій, въ короткое время данныхъ имъ народу, доказываютъ, сколько правосудія, любви къ подданнымъ и желанія видѣть ихъ счастливыми заключалось въ сердцѣ этого государя. Взглянемъ на важнѣйшія изъ этихъ постановленій.

Первое, изданное почти при самомъ началѣ его царствованія, было — *Воинскій уставъ,* въ которомъ заключались разныя перемѣны и улучшенія въ устройствѣ всего войска. Потомъ вниманіе государя обратилось на важнѣйшее присутственное мѣсто, гдѣ отправлялось верховное правосудіе,—на Сенатъ. Перемѣны, сдѣланныя здѣсь, были очень важны. Замѣтивъ недостатокъ чиновниковъ, необходимыхъ для скорѣйшаго производства дѣлъ, новый императоръ приказалъ увеличить число ихъ, а для окончанія множества дѣлъ нерѣшенныхъ учредилъ три новые временные департамента. Чрезъ мѣсяцъ потомъ новое распоряженіе государя показало заботливость его о правосудіи и на будущее время: при Сенатѣ учредилась школа для обученія *титулярныхъ юнкеровъ,* т. е. молодыхъ людей, приготовляемыхъ для гражданской службы.

Почти въ то же самое время сдѣлано было преобразованіе по части военнаго судопроизводства и по части медицинской, которыя обѣ столь важны для государства: въ первой учрежденъ былъ *генералъ-аудиторіатъ,* т. е. такое присутственное мѣсто, гдѣ разсматриваютъ уголовныя дѣла военныхъ чиновъ; во второмъ—*врачебныя управы,* или высшее начальство, учрежденное въ каждой губерніи для медицинскихъ чиновниковъ, въ ней служащихъ.

Въ книгопечатаніи и во всемъ, что касается до этого важнаго предмета въ государствѣ, учрежденъ былъ также новый порядокъ: государь исполнилъ одно изъ послѣднихъ предположеній родительницы своей и утвердилъ правила цензуры, назначивъ съ тѣмъ вмѣстѣ и первыхъ шесть цензоровъ. Цензура значитъ разсматриваніе книгъ, приготовляемыхъ къ печатанію. Это разсматриваніе дѣлается для того, чтобы въ книгахъ не было ничего противнаго законамъ Божіимъ и государственнымъ, нравственности и вообще порядку образованнаго общества; цензорами же называются тѣ чиновники, которымъ поручается это разсматриваніе.

Въ февралѣ 1797 года, т. е. не болѣе какъ чрезъ три мѣсяца послѣ восшествія на престолъ императора, изданъ былъ *Уставъ военнаго флота.* Здѣсь собраны были правила, которыми улучшалось устройство всѣхъ частей флота.

Это новое преобразованіе было необходимо по причинѣ перемѣнъ, происшедшихъ въ положеніи и обстоятельствахъ Россіи со времени первоначальнаго учрежденія морскихъ силъ ея.

Но главнѣйшія изъ дѣлъ, совершенныхъ императоромъ Павломъ въ началѣ его царствованія, было учрежденіе объ императорской фамиліи. Актъ объ этомъ важномъ событіи въ законодательствѣ отечества нашего объявленъ былъ въ торжественный день коронованія государя, 5-го апрѣля 1797 года, и тогда же положенъ для храненія на престолѣ Успенскаго собора. Этимъ драгоцѣннымъ для насъ актомъ новый императоръ и супруга его, императрица Марія Ѳеодоровна, утвердили будущее спокойствіе и счастіе Россіи, опредѣливъ порядокъ наслѣдованія престола, и вообще все, что только можетъ касаться до устройства императорской фамиліи, на вѣчныя времена. Любопытно видѣть, съ какою мудрою предусмотрительностію заботливый государь и супруга его предвидѣли всѣ затрудненія, могущія встрѣтиться впослѣдствіи, какъ старались предупредить ихъ и согласить счастіе семейства своего съ выгодами народа до самыхъ отдаленныхъ потомковъ того и другого.

Главнѣйшею статьею акта объ учрежденіи императорской фамиліи было наслѣдованіе престола въ родѣ старшаго сына императора до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать мужеское колѣно его; съ окончаніемъ же его право наслѣдства переходитъ ко второму сыну императора, и такъ далѣе до послѣдняго потомка его мужескаго колѣна, съ смертію котораго престолъ дѣлался наслѣдіемъ женскаго колѣна послѣдне-царствовавшаго императора.

Второю важною статьею акта было назначеніе доходовъ на содержаніе императорской фамиліи до позднѣйшихъ потомковъ ея. Для этихъ доходовъ отдѣлялись одинъ разъ навсегда изъ государственныхъ владѣній имѣнія, извѣстныя прежде подъ именемъ *дворцовыхъ* и названныя съ этого времени *удѣльными*. Управленіе удѣльными имѣніями поручено было особенному присутственному мѣсту, названному *Департаментомъ Удѣловъ*.

Такимъ образомъ, изъ этого краткаго описанія дѣлъ,

совершенныхъ императоромъ Павломъ, почти въ первые дни его царствованія, можно заключить о неутомимыхъ трудахъ его. Каждый день съ 5-ти часовъ утра онъ начиналъ ихъ, и эта дѣятельность государя имѣла вліяніе и на подданныхъ его: всѣ они съ усердіемъ спѣшили къ должностямъ своимъ съ ранняго утра.

Та же самая дѣятельность, которая удивляла всѣхъ въ императорѣ, отличала и его августѣйшую супругу, императрицу Марію Ѳеодоровну въ томъ дѣлѣ, которое Богъ предоставилъ ея ангельскому сердцу. Я говорю о тѣхъ безчисленныхъ благодѣяніяхъ, которыми эта, прославившаяся небесною кротостію государыня счастливила младенчество и старость, сиротство и бѣдность въ обширномъ царствѣ своемъ. Но, коснувшись этихъ священныхъ страницъ въ исторіи Маріи и отечества нашего, остановимся передъ ними съ любовію и благоговѣніемъ: событія, изображенныя на нихъ, безпримѣрны въ лѣтописяхъ свѣта, прекрасны, какъ прекрасна была душа Маріи, драгоцѣнны для сердца каждаго русскаго. Остановимся передъ ними и, воздавая глубокую, искреннюю дань благодарности царицѣ, посланницѣ небесъ, сдѣлаемъ хотя краткое, мимолетное обозрѣніе всего того, что совершила она на землѣ и что, конечно, когда нибудь явится свѣту во всемъ величіи своемъ подъ перомъ историка, достойнаго описывать дѣла *незабвенной*.

Чтобы сдѣлать это краткое обозрѣніе сколько возможно полнѣе, и потому понятнѣе для васъ, милые читатели, мы исключимъ его изъ обыкновеннаго порядка хронологіи нашихъ разсказовъ и, не прерывая современными, посторонними происшествіями, представимъ отдѣльнымъ повѣствованіемъ, въ которомъ будетъ говориться только о прекрасной судьбѣ всего того, что жило и цвѣло подъ материнскимъ покровительствомъ императрицы Маріи въ продолженіе послѣднихъ тридцати-двухъ лѣтъ, проведенныхъ ею на землѣ.

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ.

Императрица Марія Θеодоровна, призванная Богомъ быть величайшею благотворительницею своего вѣка, одарена была отъ природы всѣми качествами, которыя должны сопровождать благотворительность—это божественное свойство человѣка. Любовь и состраданіе сіяли въ каждой чертѣ ея неизъяснимо-прелестнаго лица; смиреніе и кротость выражались въ каждомъ поступкѣ ея. Супруга и впослѣдствіи—мать императоровъ, она никогда не любила пользоваться вліяніемъ, такъ справедливо принадлежавшемъ ей, всегда удалялась отъ участія въ важныхъ дѣлахъ государственныхъ, которыя должны зависѣть только отъ одной особы, и во все время царствованія трехъ императоровъ была, по словамъ одного изъ писателей нашихъ,—только *министромъ благотворительности.*

Такъ, это самое приличное названіе для тебя, небесная Марія! Оно въ полной мѣрѣ выражаетъ то, чѣмъ ты всегда желала быть, кроткая посредница между трономъ и безчисленнымъ множествомъ несчастныхъ, утѣшенныхъ тобою; дѣтей, воспитанныхъ твоими материнскими попеченіями; больныхъ, облегченныхъ твоею благостію!

Святое и счастливое для милліоновъ посредничество незабвенной началось съ первыхъ дней царствованія императора Павла Петровича. Постигая вполнѣ ангельскія качества супруги своей, онъ какъ будто предчувствовалъ все благо, которое она прольетъ на одну изъ важнѣйшихъ частей благосостоянія государственнаго—на воспитаніе женщинъ, и потому спѣшилъ ввѣрить его сердцу ея, и 12-го ноября 1796 года, т. е. черезъ шесть дней послѣ своего восшествія на престолъ, поручилъ ей главное начальство надъ *Воспитательнымъ обществомъ благородныхъ дѣвицъ.*

Это первое изъ нашихъ женскихъ учебныхъ заведеній, болѣе извѣстное подъ именемъ Смольнаго монастыря, было основано въ 1764 году по плану тайнаго совѣтника Бецкаго, и—какъ все первоначальное, еще неиспытанное и малоизвѣстное, — имѣло много недостатковъ въ общемъ устройствѣ своемъ. Напримѣръ, въ числѣ воспитанницъ были

благородныя и мѣщанскія, а между тѣмъ планъ ученія и воспитанія былъ совершенно одинакій для обоихъ классовъ, какъ будто бы воспитанницы, оставивъ мѣсто воспитанія своего, должны были начинать одинакій образъ жизни и въ свѣтѣ. Потомъ ихъ принимали въ училище на шестомъ году отъ рожденія, когда нѣжный возрастъ ихъ требовалъ еще гораздо болѣе надзора нянюшекъ, нежели ученія, и оставляли на *двѣнадцать* лѣтъ, въ теченіе которыхъ онѣ могли совершенно позабыть домъ родительскій и отвыкнуть отъ всѣхъ связей родства, которыя во всю жизнь нашу должны составлять наше первое счастье. Наконецъ и хозяйственная часть общества находилась въ большомъ разстройствѣ: кромѣ недостатковъ, которые оказались по всѣмъ отраслямъ расходовъ, оно имѣло еще около 73,000 руб. долгу. Въ такомъ-то положеніи приняла императрица подъ начальство свое главнѣйшее изъ заведеній для воспитанія дѣвицъ! Я разскажу вамъ подробно о томъ, какое чудо материнское сердце нѣжной Маріи произвело въ короткое время здѣсь и вы можете по этому первому и важнѣйшему примѣру судить, что совершала она потомъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ.

Щедрое благодѣяніе было первымъ началомъ дѣйствій ея по новому управленію: на другой же день своего вступленія она пожаловала на ежегодное пособіе заведенію по 15,000 руб. изъ собственной своей казны и внушила великимъ княгинямъ Елисаветѣ Алексѣевнѣ и Аннѣ Ѳеодоровнѣ, и великимъ княжнамъ, дочерямъ своимъ, такое же желаніе благодѣтельствовать воспитательному обществу. Изъ этихъ общихъ пожертвованій императорской фамиліи, назначенныхъ только на издержки чрезвычайныя, напримѣръ на вспоможеніе бѣднымъ дѣвицамъ при ихъ выпускѣ, на награды наставницамъ и учителямъ и проч., составился капиталъ, извѣстный подъ именемъ *кассетной* суммы. Можно ли безъ удивленія представить себѣ, что этотъ капиталъ, покрывая каждый годъ процентами своими множество издержекъ, возросъ въ 1829 году до 1.289,310 рублей! Но оставимъ удивленіе наше и постепенно дойдемъ до чудесныхъ послѣдствій благотворнаго управленія императрицы Маріи.

Кромѣ кассетнаго капитала, опредѣленнаго на расходы, не включенные въ общій штатъ, государыня испросила у супруга своего всю сумму, нужную для уплаты долга 73,000 руб., и, кромѣ того, 30,000 руб. прибавки въ годъ къ доходамъ общества.

Приведя такимъ образомъ въ совершенный порядокъ хозяйство заведенія, высокая благотворительница обратила свое материнское вниманіе на самое воспитаніе и ученіе, и улучшенія, сдѣланныя по этой части, были не менѣе изумительны. Вмѣсто *пятидесяти* благородныхъ и *шестидесяши* мѣщанскихъ воспитанницъ,—число, для котораго первоначально было устроено заведеніе и которое впослѣдствіи увеличилось почти вчетверо и оттого вовлекло въ долги заведеніе,—государыня назначила принимать до 300 воспитанницъ благородныхъ и 200 мѣщанскихъ, раздѣлила планъ ученія ихъ и сдѣлала каждый болѣе приличнымъ для будущаго состоянія воспитанницъ: приказала принимать ихъ на 9-мъ году возраста и оставлять въ училищѣ не болѣе девяти лѣтъ. Такимъ образомъ, нѣжнѣйшая мать не могла бы лучше и заботливѣе придумать всего, что служило къ улучшенію воспитанія во всѣхъ его отношеніяхъ.

Воспитательное общество или Смольный монастырь оставался въ этомъ положеніи до 1813 года. Въ теченіе того времени цѣны на всѣ потребности жизни возвысились, и между тѣмъ желаніе дѣлать добро въ императрицѣ оставалось все столько же сильнымъ и дѣятельнымъ. Исполняя это благодѣтельное желаніе, она испросила у царствовавшаго тогда сына ея императора Александра Павловича новую прибавку къ годовымъ доходамъ общества, и эта прибавка была очень значительна: 68,000 руб. каждый годъ.

Между тѣмъ въ 1817 году исполнено было одно изъ первыхъ желаній императрицы: изданъ былъ общій планъ воспитанія и ученія для всѣхъ заведеній, о которомъ долго размышляла заботливая попечительница дѣтства русскаго и котораго сочиненіе поручено было комитету, составленному изъ самыхъ образованныхъ и опытныхъ въ этомъ дѣлѣ людей. Главнымъ же руководствомъ для нихъ были соб-

ственные опыты и наблюденія императрицы, и такъ, не удивительно, что новый планъ былъ превосходно обдуманъ и въ скоромъ времени приведенъ къ исполненію по всѣмъ заведеніямъ, состоявшимъ тогда подъ начальствомъ государыни, и число этихъ заведеній въ 1817 г. было уже такъ велико, что только одна удивительная дѣятельность августѣйшей покровительницы и явное благословеніе Божіе, всегда осѣнявшее святыя дѣла ея, дѣлаютъ вѣроятными тѣ чудеса, которыя совершались подъ ея распоряженіями. Можно ли представить себѣ, что вмѣсто одного Воспитательнаго общества, принятаго государынею въ 1796 году,—подъ начальствомъ ея было уже въ 1817—*тридцать четыре* заведенія. И изъ этого числа, кромѣ общества, только два было прежнихъ: *Воспитательный домъ въ Петербургѣ* и *Воспитательный домъ въ Москвѣ.* Всѣ другія были основаны императрицею! И это еще только до 1817 года. Послѣ же того, до дня кончины ея, поразившей Россію въ октябрѣ 1828, учреждено еще *шесть* новыхъ! Но, увлекаясь этими удивительными событіями въ исторіи человѣчества и благотворительности, мы забываемъ опять о постепенности въ разсказѣ нашемъ. Возвратимся же къ тому времени, какъ государыня, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ управленія воспитательнымъ обществомъ, удивила супруга своего тѣмъ цвѣтущимъ состояніемъ, до котораго достигло уже заведеніе подъ ея начальствомъ. Исполненный благодарности къ августѣйшей помощницѣ царственныхъ трудовъ своихъ и радуясь счастію безчисленнаго множества малютокъ, которыхъ настоящая судьба такъ быстро и такъ изумительно улучшилась въ самое короткое время, императоръ пламенно желалъ поручить тому же материнскому сердцу тысячи другихъ дѣтей, еще болѣе достойныхъ состраданія и попечительности его небесной подруги. Это были тѣ бѣдныя дѣти, которыя воспитываются въ воспитательныхъ домахъ. Такъ какъ въ эти домы, по милосердію государей, учреждавшихъ ихъ, принимаются безъ всякихъ затрудненій всѣ дѣти, которыхъ только принесутъ или привезутъ туда, то разумѣется, что всякій бѣдный, и, конечно, не очень заботливые отецъ или мать, которымъ сколько нибудь трудно воспитывать дитя свое дома, отдаютъ его туда, да иногда и не придутъ

узнать здорово ли оно, или уже перестало жить на свѣтѣ! Вы удивляетесь этому, милые читатели; вамъ, привыкшимъ къ нѣжности родителей вашихъ, кажется эта холодность— дѣломъ невѣроятнымъ. Ахъ! друзья мои, когда вы поживете на свѣтѣ поболѣе, вы увидите, что она очень вѣроятна, что она существуетъ къ несчастію людей и потому, какъ должны вы быть благодарны къ Богу, если Онъ въ милосердіи Своемъ даровалъ вамъ добрыхъ и нѣжныхъ родителей,—это первое счастіе въ жизни, эту первую радость сердца! Наслаждайтесь же этимъ счастіемъ и радостію, если они вамъ ниспосланы, и пожалѣйте о дѣтяхъ домовъ воспитательныхъ: большая часть изъ нихъ даже не знаетъ своихъ родителей! Что можетъ быть достойнѣе жалости этихъ бѣдняжекъ, крошечныхъ, миленькихъ, хорошенькихъ, которыхъ принесутъ туда вскорѣ послѣ рожденія ихъ, почти ничѣмъ непокрытыхъ, часто голодныхъ, и оставятъ на рукахъ чужихъ людей! Можно представить себѣ, какъ чужіе люди будутъ смотрѣть за этими маленькими, почти брошенными твореніями! Но добрые государи наши умѣли и чужихъ людей заставить любить этихъ бѣдныхъ дѣтей и усердно ходить за ними: они даютъ за это хорошее жалованье, награды, милость свою, и такъ неудивительно, что даже и тѣ изъ надзирательницъ и надзирателей, которые не таковы, чтобы дѣлать добро по чувству сердца, дѣлаютъ его изъ желанія заслужить благоволеніе царское. Но какъ, не смотря на всѣ старанія благодѣтельныхъ учредителей, злоупотребленія не могутъ не вкрасться въ такое дѣло, гдѣ участвуютъ тысячи разнаго рода и званія лицъ, то и этотъ пріютъ сиротства и младенчества не избавился отъ нихъ, и положеніе, въ которомъ государыня, по волѣ и просьбѣ супруга своего, приняла въ 1797 году подъ свое начальство воспитательные домы: Петербургскій и Московскій, было самое жалкое. Доходы ихъ, которыхъ главнѣйшая часть заключалась въ оборотѣ учрежденной при каждомъ домѣ сохранной и ссудной [1]) казны, были въ величайшемъ упадкѣ

[1]) Первая, т. е. *сохранная казна,* принимала отъ публики на сохраненіе деньги: вторая, *ссудная,* отдавала ихъ заимообразно подъ залогъ недвижимыхъ имѣній, а въ ломбардѣ — подъ ручные залоги. Проценты, выручаемые изъ этихъ оборотовъ, назначались на содер-

отъ безпорядковъ, до которыхъ доведены были эти обѣ казны. Разстройство было такъ велико, что даже довѣріе къ сохранной казнѣ потерялось, и многіе, положившіе туда капиталы, отдавали билеты свои съ большою уступкою, чтобы только получить хотя какую нибудь часть денегъ. Послѣ этого удивительно ли, что разстройство распространилось по всѣмъ частямъ, зависящимъ отъ домовъ воспитательныхъ, и что самые домы, а слѣдовательно и невинныя дѣти, воспитанники ихъ, болѣе всѣхъ терпѣли отъ того? И въ этомъ состояніи императрица Марія приняла подъ свое могущественное покровительство эту огромную и во всемъ составѣ своемъ разстроенную массу людей и дѣлъ. Что же совершила съ нею великая благотворительница? Прежде всего обратила вниманіе на приведеніе въ порядокъ каждой казны воспитательнаго дома, учредила *Опекунскій совѣтъ* изъ людей, особенно знающихъ это дѣло, дала каждому изъ нихъ подробныя, ею самою сочиненныя и даже ею же переписанныя наставленія, имѣла съ ними частыя совѣщанія; однимъ словомъ, трудилась сама неутомимо и тѣмъ заставила принять жаркое участіе въ великомъ дѣлѣ ея. Слѣдствіемъ всего этого была быстрая, почти невѣроятная перемѣна въ состояніи всѣхъ кассъ воспитательнаго дома: менѣе нежели въ одинъ годъ все приведено было въ самый стройный порядокъ и, вмѣсто общаго недостатка въ деньгахъ, всѣ казны были полны доходовъ. Лучшимъ доказательствомъ этой удивительной перемѣны служитъ то, что уже въ 1799 году, т. е. не болѣе какъ чрезъ два года отъ начала управленія своего, императрица могла уже ссудить супруга своего изъ суммъ воспитательнаго дома *двумя милліонами* рублей для начатія канала на рѣкѣ Вытегрѣ.

Но важная польза, на какую употреблены были эти два милліона рублей, не значили почти ничего въ сравненіи съ тѣмъ благомъ и съ тѣми безчисленными выгодами, какія императрица Марія мудрыми и въ полной мѣрѣ человѣколюбивыми распоряженіями своими извлекла изъ

жаніе воспитательныхъ домовъ. На такомъ же основаніи, но со всѣми улучшеніями, сдѣланными покойною незабвенною императрицей, существуютъ и теперь воспитательные домы, сохранная и ссудная казны и ломбарды.

суммъ воспитательныхъ домовъ. О первомъ и главнѣйшемъ благѣ, о счастіи нѣсколькихъ тысячъ несчастныхъ дѣтей, мы уже говорили и будемъ говорить подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, но теперь скажемъ нѣсколько словъ о другихъ, столько же важныхъ выгодахъ для общества, о великодушныхъ, истинно-царскихъ пособіяхъ, сдѣланныхъ тѣмъ разстроеннымъ помѣщикамъ и владѣльцамъ, которые закладывали свои имѣнія въ ссудной казнѣ, и тѣмъ бѣднымъ людямъ, которые прибѣгали съ ручными залогами къ ломбарду. Для всѣхъ такихъ даны были императрицею новыя права и преимущества, увеличенъ срокъ времени, на который можно было закладывать имѣніе, уменьшено число процентовъ, обыкновенно платимыхъ при этомъ случаѣ, однимъ словомъ, сдѣлано все, чѣмъ только возможно облегчить стѣсненное состояніе людей, пришедшихъ въ разореніе.

Но хотите ли вы самымъ яснымъ образомъ и въ самыхъ короткихъ словахъ узнать, что сдѣлала императрица Марія для домовъ воспитательныхъ и, слѣдовательно, для всего того безчисленнаго множества людей, которые получаютъ отъ нихъ помощь? Для этого стоитъ только показать разность между тѣми суммами, которыя обращались въ обоихъ домахъ (С.-Петербургскомъ и Московскомъ) тогда, когда императрица приняла на себя управленіе ими, и тѣми, какія остались въ обращеніи при кончинѣ ея. Взгляните и подивитесь тому, что̀ она сдѣлала!

При вступленіи ея величества (въ 1797 г.) ежегодное обращеніе обоихъ домовъ было 16.000,000 рублей. Къ 1-му января 1829 г.—623.000,000 рублей.

Теперь подумайте о различіи пользы, какую могли принести 16.000,000 и 623.000,000. Различіе почти неизмѣримое, едва вѣроятное!

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ, не менѣе удивительныхъ.

Положенныхъ въ сохранную казну С.-Петербургскаго воспитательнаго дома капиталовъ было:

	въ 1797 году.	*въ 1828 году.*
	5.000,870 р.[1])	240.506,956 р.
Изъ ссудной казны подъ залогъ имѣній выдано	5.311,944 »	259.771,089 »
Изъ ломбарда подъ ручные залоги выдано	73,968 »	7.800,000 »

Таково было блистательное устройство доходовъ воспитательнаго дома! Взглянемъ же теперь на главную цѣль его учрежденія,—на малютокъ, воспитанныхъ имъ. Здѣсь увидимъ мы истинную сферу, для которой рождена была кроткая Марія, здѣсь увидимъ мы тотъ прекрасный міръ, въ которомъ она дѣйствовала, какъ свѣтлый ангелъ-примиритель несчастныхъ младенцевъ съ жестокою судьбою, ожидавшею ихъ при первомъ появленіи на свѣтъ! Послушаемъ, что сказала она, когда въ первый разъ пріѣхала къ бѣднымъ сиротамъ, что сказала она окружавшимъ ее въ то время чиновникамъ, которые всѣ уже исполнены были тѣмъ стремленіемъ къ добру и тою любовію къ ближнимъ, которыя незабвенная государыня умѣла внушать всѣмъ подчиненнымъ своимъ. Растроганная смиреннымъ и, можно сказать, даже жалкимъ видомъ малютокъ, боязливо смотрѣвшихъ на императрицу и не смѣвшихъ подойти къ ней, не смѣвшихъ отвѣчать на ея нѣжныя ласки [2]), государыня сказала: «счастливы мы, что призваны воспитывать для добродѣтели этихъ невинныхъ дѣтей и возвратить ихъ обществу полезными его членами. Примемся за это прекрасное дѣло съ неутомимою ревностію, но не забудемъ, что тогда только старанія наши принесутъ пользу истинную, когда будутъ проистекать изъ сердца, исполненнаго любви».

Можно по справедливости сказать, что въ этихъ немногихъ словахъ заключалась вся исторія небесной Маріи и вся тайна той всемогущей силы, посредствомъ которой она производила чудеса, столь удивительныя для насъ. Да, милыя дѣти, только любовь,—это сладкое чувство, которому такъ легко покоряется все,—могла дѣйствовать съ такимъ непостижимымъ успѣхомъ, съ какимъ дѣйствовала импе-

---

[1]) Суммы вездѣ здѣсь показаны ассигнаціями.

[2]) Удивительна была разница между этою первою встрѣчею императрицы и послѣдовавшими потомъ, когда ангельская душа Маріи уже привлекла къ себѣ сердца робкихъ малютокъ, когда, ободряемыя ея неподражаемою снисходительностію, веселыя отъ того счастія, которое она проливала на нихъ, они не боялись уже подходить къ ней и радостно бѣжали навстрѣчу, чтобы скорѣе увидѣть свою *милую, ненаглядную!* Такою именно была она для всякаго заведенія, находившагося подъ ея начальствомъ, такою именно называло ее сердце каждаго и каждой изъ воспитанниковъ и воспитанницъ ея.

ратрица Марія на всѣхъ и на все, находившееся подъ ея покровительствомъ. Это прекрасно сказано однимъ изъ приближенныхъ ея, имѣвшихъ счастіе видѣть вблизи все совершенное несравненною государынею. Хотите ли, мы подѣлимся съ вами тѣмъ пріятнымъ удовольствіемъ, какое каждый изъ русскихъ такъ живо чувствуетъ, читая что либо касающееся до императрицы Маріи Өеодоровны. Это удовольствіе цѣнится тѣмъ болѣе, что рѣдко можно пользоваться имъ: еще никто не писалъ драгоцѣнной для человѣчества исторіи Маріи. И такъ, прочтите нѣсколько строкъ близкаго очевидца ея прекрасныхъ дѣлъ и вы, вѣрно, поблагодарите меня за нихъ. Если же кому либо изъ васъ захочется узнать всю превосходную статью, изъ которой взятъ этотъ отрывокъ—для такихъ я скажу, что ее можно найти въ 1-й книгѣ прекраснаго, драгоцѣннаго для насъ именемъ Пушкина, журнала «*Современникъ*» на 1836 годъ. Прочтите тамъ всю эту статью, а здѣсь будьте довольны слѣдующими строками:

«Императрица постигла высочайшую тайну, какъ властвовать сердцами подчиненныхъ своихъ. Въ духѣ истинно-христіанскомъ она образовала царство любви, которая въ каждомъ сердцѣ составляла одно главное побужденіе. Другими средствами невозможно было и дѣйствовать успѣшно на избранномъ ею поприщѣ. Для физическихъ занятій легко придумать все: и правила, какъ устроить ихъ, и формы, какъ ихъ повѣрять. Надъ душою нѣтъ власти, кромѣ силы душевной. Въ этомъ убѣжденіи императрица всякое лицо, вступавшее въ область попечительности ея, признавала равно достойнымъ своего вниманія. Подъ своимъ начальствомъ на всѣхъ степеняхъ она желала видѣть такихъ людей, которыхъ дѣятельность была бы лучемъ ея центральной дѣятельности. Она нисходила къ каждому изъ нихъ и освящала его сердце тою любовію, которая все одушевляла въ кругу ея благотворительности. Она изучила человѣка во всѣхъ его возрастахъ, подъ вліяніемъ всякой страсти, во всякомъ состояніи, во всѣхъ отношеніяхъ: не было примѣра, чтобы кто нибудь изъ подчиненныхъ ея не предался всей ревности къ исполненію долга, къ какой только онъ способенъ былъ по душѣ своей. Въ ея сферѣ

должность и счастіе значило одно и то же. Пусть сообразятъ, какая внимательность со стороны особы, столь высоко поставленной Провидѣніемъ, потребна была къ самымъ мелкимъ обстоятельствамъ частныхъ людей, чтобы никогда и нигдѣ не измѣнить симъ правиламъ. Еслибы возможно было собрать въ одно цѣлое разнообразныя черты умилительно-трогательной ея попечительности о каждомъ лицѣ, которое состояло въ какомъ нибудь къ ней отношеніи, эта картина человѣколюбія, благости и мудрости была бы орошаема сладкими слезами всего человѣчества».

Съ умиленіемъ узнавъ теперь о кроткой и, можно сказать, божественной силѣ, которою дѣйствовала могущественнѣйшая изъ царицъ земныхъ, взглянемъ на самыя дѣйствія ея. Нѣжное, въ полной мѣрѣ материнское вниманіе ея обратилось прежде всего на существа слабѣйшія изъ всѣхъ покровительствованныхъ ею,—на младенцевъ новорожденныхъ, приносимыхъ въ воспитательный домъ. Нельзя исчислить благодѣяній, какія излила она на этихъ несчастныхъ малютокъ! Все, что̀ только касалось до нихъ, было преобразовано и устроено самымъ лучшимъ образомъ. Попечительная государыня заботилась не только о кормилицахъ ихъ, на содержаніе которыхъ въ заведеніе жертвовала ежегодно по 9,000 руб. изъ своей собственной казны, но даже о томъ, чтобы бѣдняжки не терпѣли отъ холода, когда случалось зимою доставлять ихъ въ воспитательный домъ изъ отдаленныхъ частей города. Для этого она учредила въ разныхъ мѣстахъ особенныя *пріемныя,* куда приносились малютки прямо изъ домовъ бѣдныхъ родителей ихъ, и оттуда уже, съ осторожностію и, можно сказать даже, съ материнскою заботливостію доставлялись въ воспитательный домъ. Что же касается до дѣтей, которыхъ отдавали кормить въ деревни крестьянкамъ (потому что ихъ было такъ много, что нельзя было всѣхъ вскормить въ домѣ), то о тѣхъ, императрица, казалось, заботилась еще съ большею попечительностію, потому что они не были въ глазахъ у ней. Какъ часто она говорила о нихъ съ тѣми докторами и чиновниками, которые обязаны были въ извѣстное время объѣзжать всѣ деревни, гдѣ были такія дѣти! Какъ просила ихъ добрая государыня заботиться о здоровьи малю-

токъ, смотрѣть за тѣмъ, чтобы ихъ содержали въ чистотѣ и довольствѣ! А когда она видѣла тѣхъ крестьянокъ, которымъ онѣ поручались, то всегда обходилась съ ними самымъ милостивымъ образомъ и трогательно просила ихъ любить и беречь *дѣтокъ ея*, — такъ она называла бѣдныхъ малютокъ. И тѣмъ крестьянкамъ, которыя отличались своею заботливостію объ этихъ чужихъ для нихъ дѣтяхъ, государыня назначала денежныя награды и другіе подарки.

Замѣтивъ потомъ, что эти дѣти, жившія до семи-лѣтняго возраста въ деревняхъ, отставали въ образованіи своемъ отъ тѣхъ, которыя воспитывались въ самомъ домѣ, императрица основала для нихъ въ 1802 году отдѣльное *Пріуготовительное заведеніе* въ Гатчинѣ. На основаніе этого новаго заведенія великодушная благотворительница пожертвовала опять изъ собственной казны своей 21,000 руб. Здѣсь семи-лѣтніе мальчики обучались четыре года и потомъ поступали въ воспитательный домъ, гдѣ проходили въ теченіе шести лѣтъ всѣ науки, какія преподаютъ въ гимназіяхъ. Окончивъ этотъ курсъ, отличнѣйшіе могли поступать въ университеты и академіи наукъ, художествъ и медицины, смотря по ихъ способностямъ.

Мальчики, которые не показывали особенныхъ дарованій, не проходили всѣхъ классовъ ученія, но еще изъ среднихъ опредѣлялись простыми писцами въ разныя присутственныя мѣста; другіе же — въ типографію воспитательнаго дома, гдѣ исправляли должности печатниковъ и наборщиковъ, или обучались какому нибудь ремеслу въ разныхъ заведенныхъ при домѣ мастерскихъ и, достигнувъ 21 года возраста своего, выпускались съ небольшимъ капиталомъ, который уже могъ накопиться у нихъ отъ работы ихъ, всегда справедливо цѣнимой и выгодно сбываемой до дня выпуска ихъ. Наконецъ были и такіе изъ воспитанниковъ, которые назначались въ крестьянское званіе. Не думайте, чтобъ это званіе дѣлало ихъ менѣе счастливыми. Нѣтъ, государыня заботилась одинаково о всѣхъ дѣтяхъ своихъ, и крестьяне ея были самые счастливые изъ всѣхъ крестьянъ на свѣтѣ. Она устроила судьбу ихъ самымъ лучшимъ образомъ: купила на счетъ воспитатель-

наго дома 23,000 десятинъ земли въ Саратовской губерніи, приказала построить въ ней *пять* отдѣльныхъ деревень, каждую изъ *ста* дворовъ, и такимъ образомъ поселила тамъ *пятьсотъ* семействъ изъ взрослыхъ воспитанниковъ дома. Имъ дано много правъ и преимуществъ и открыты всѣ средства выйти трудолюбіемъ и прилежаніемъ въ мѣщанское и купеческое званія.

Весь этотъ обширный планъ, по которому такъ прекрасно устроена была судьба питомцевъ домовъ воспитательныхъ, сочиненъ былъ подъ руководствомъ императрицы, основанъ на совершенномъ знаніи ея всѣхъ нуждъ и выгодъ воспитывающихся, исполненъ самой нѣжной о нихъ заботливости. Нельзя надивиться тому, какъ ни одно малѣйшее обстоятельство не было забыто, какъ обо всемъ было передумано августѣйшею матерью несчастныхъ сиротъ! Вы видѣли уже, какъ благодѣтельны были всѣ распоряженія, касавшіяся до мальчиковъ воспитательнаго дома; теперь посмотримъ на судьбу дѣвочекъ. Здѣсь, такъ же какъ и тамъ, все зависѣло отъ способностей и прилежанія воспитанницъ. Самыя отличныя изъ нихъ приготовлялись быть домашними наставницами, т. е. *гувернантками*, и гувернантками не въ столицахъ, гдѣ число ихъ всегда бываетъ велико, но внутри государства, и особенно у помѣщиковъ, живущихъ въ деревняхъ своихъ. Нельзя не замѣтить и въ этомъ случаѣ мудрой попечительности государыни. Сколько затрудненій имѣли прежде семейства, живущія не только въ отдаленныхъ помѣстьяхъ своихъ, но даже и въ губернскихъ городахъ, имѣть наставницу для дѣтей своихъ! Какъ боялись многія изъ образованныхъ дамъ и дѣвицъ ѣхать далеко отъ большого города въ какую нибудь глушь и жить тамъ съ людьми, вовсе незнакомыми имъ и между тѣмъ имѣвшими право нѣкоторымъ образомъ располагать ими. Императрица Марія своими превосходно образованными гувернантками уничтожила всѣ эти затрудненія и сдѣлала тѣмъ величайшее благо для просвѣщенія внутри отечества нашего.

Въ классѣ гувернантокъ, гдѣ обучаются избранныя изъ воспитанницъ, преподаются не только языки: русскій, французскій и нѣмецкій, но и рисованіе, танцованіе, му-

зыка и всѣ женскія рукодѣлья. Окончивъ курсъ, отличнѣйшія получаютъ званіе *кандидатокъ* и еще годъ учатся педагогіи. Помогая въ то же время гувернанткамъ и учителямъ, онѣ практически приготовляются къ званію наставницъ и, по прошествіи года, поступаютъ въ частные дома во внутренности Россіи. Императрица, отпуская изъ материнскаго пріюта бѣдныхъ сиротъ своихъ, заботливо придумала все, что касается до пользы ихъ. Начальство воспитательнаго дома, имѣя ихъ всегда подъ своимъ покровительствомъ, заключаетъ контракты съ тѣми семействами, въ которыя поступаютъ воспитанницы его гувернантками. Такой контрактъ избавляетъ молодую дѣвушку отъ всѣхъ непріятностей, какія, можетъ быть, могли бы случиться съ нею въ мѣстѣ отдаленномъ и между людьми чужими, и въ то же время обязываетъ и ее пробыть не менѣе шести лѣтъ въ одномъ домѣ, разумѣется въ такомъ случаѣ, если она не имѣетъ основательныхъ причинъ быть недовольною этимъ домомъ. По прошествіи срочныхъ лѣтъ, которыя служатъ какъ будто изъявленіемъ признательности воспитанницы къ заведенію за превосходное образованіе свое, она можетъ избрать себѣ мѣстопребываніе, гдѣ захочетъ. Вы, можетъ быть, думаете, что здѣсь оканчиваются благодѣянія государыни, что воспитанница ея, охраняемая высокимъ покровительствомъ въ лѣта неопытности, теперь уже навсегда разстается съ заведеніемъ, бывшимъ колыбелью ея? Нѣтъ, друзья мои, она всегда остается подъ покровительствомъ его и вмѣстѣ съ свободою мѣстопребыванія получаетъ извѣстный капиталъ, составленный, по приказанію государыни, изъ суммы, на имя ея положенной въ ломбардъ въ то время, когда она поступила въ классъ гувернантокъ, и изъ части шести-лѣтняго жалованья ея, прилагаемой каждый годъ къ этой суммѣ. Такимъ образомъ воспитанница, кромѣ образованія—этого достоянія ничѣмъ неоцѣнимаго—получала еще отъ августѣйшей благотворительницы такое денежное награжденіе, котораго достаточно было не только на первое обзаведеніе, но даже и на приданое, въ случаѣ замужества.

Воспитанницы низшихъ классовъ, одаренныя меньшими способностями, обучаются одному какому нибудь от-

дѣльному искусству, напримѣръ музыкѣ или рисованію, или разнымъ женскимъ рукодѣліямъ. Кромѣ того, есть такія, которыхъ опредѣляютъ на фабрики или обучаютъ какому нибудь ремеслу, и наконецъ такія, которыхъ назначаютъ въ крестьянское званіе.

Вотъ, милые читатели, подробное описаніе тѣхъ благодѣтельныхъ распоряженій, которыми императрица устроила счастіе бѣдныхъ дѣтей, оставленныхъ родителями. Чтобы показать, до какой степени простиралась заботливость ея о нихъ, я скажу вамъ еще объ одномъ изъ заведеній, основанныхъ ею: это былъ *домъ призрѣнія* для тѣхъ изъ питомцевъ воспитательнаго дома, которые по какой нибудь неизлечимой болѣзни или увѣчью, или по лѣтамъ своимъ, не могли сами снискивать себѣ пропитанія. Помѣщая *сто* такихъ несчастныхъ въ этомъ спокойномъ пріютѣ, неподражаемая государыня трогательно говорила: «Они найдутъ здѣсь многихъ знакомыхъ, многихъ товарищей юности своей и въ обществѣ ихъ будутъ менѣе чувствовать несчастіе свое, нежели между чужими людьми».

Это еще не все. Императрица основала въ Петербургѣ *Училище глухо-нѣмыхъ*, и въ Гатчинѣ—*Училище для лишенныхъ зрѣнія* питомцевъ дома воспитательнаго. Они обучаются тамъ всему, чему только можно учить ихъ въ горестномъ состояніи ихъ и, наслаждаясь благами, о которыхъ не могли воображать прежде, благословляютъ августѣйшую благотворительницу свою.

Такъ императрица Марія проливала радость и счастье на все, что только было подъ ея благотворнымъ покровительствомъ. Нельзя безъ удивленія сказать, что одни воспитальные дома, въ теченіе ея управленія, образовали 230,000 сиротъ! И кромѣ этого, важнаго блага, какое получило государство въ такомъ великомъ числѣ людей образованныхъ, совершенно сходно съ назначеніемъ ихъ, сколько еще другихъ благотвореній оказала ангельская душа императрицы посредствомъ домовъ воспитательныхъ! Двадцать заведеній существовало суммами, принадлежавшими имъ! И все это прекрасное существованіе было дѣломъ Маріи! Но не думайте, милые читатели, чтобы сердце ея удовольствовалось тѣмъ. Нѣтъ! дѣятельность ея можно было на-

звать безпредѣльною, и вотъ послушайте, сколько другихъ учебныхъ и благотворительныхъ заведеній основано было ею отдѣльно отъ домовъ воспитательныхъ.

Первое мѣсто между ними занимаетъ *институтъ Екатерининскій,* учрежденный императрицею въ 1798 году для такихъ дѣвицъ, которыя по чинамъ отцовъ своихъ не могли поступать въ Смольный монастырь. Названіе *Екатерининскаго* онъ получилъ оттого, что главную часть доходовъ своихъ имѣетъ изъ суммъ ордена св. Екатерины. Такъ какъ планъ ученія и воспитанія былъ совершенно одинакій съ принятымъ въ воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ и попеченія августѣйшей покровительницы вскорѣ довели новое заведеніе до возможной степени совершенства, то многіе изъ высшаго званія родители начали отдавать туда дочерей своихъ, и теперь почти только по старшинству учрежденія Смольный монастырь имѣетъ преимущество передъ институтомъ Екатерининскимъ. Въ немъ воспитывается *шестьдесятъ* дѣвицъ на счетъ института и *двѣсти сорокъ* пансіонерокъ, изъ которыхъ каждая платитъ по девяти сотъ рублей въ годъ.

Черезъ четыре года потомъ, и именно въ 1802 году, учрежденъ второй Екатерининскій институтъ—въ Москвѣ. На основаніе его государыня пожертвовала опять изъ собственной казны своей единовременно 17,400 руб. и ежегодно по 6,000 руб. Кромѣ того, значительныя пожертвованія сдѣланы членами императорской фамиліи: нѣжная и добродѣтельная мать-государыня умѣла внушить и августѣйшимъ дѣтямъ своимъ то же святое чувство любви къ ближнему, которое такъ неизмѣнно горѣло въ груди ея, и великіе князья и княжны всегда участвовали въ благотвореніяхъ незабвенной родительницы своей. Въ Екатерининскомъ институтѣ въ Москвѣ обучается *восемьдесятъ* неплатящихъ воспитанницъ и сто пятьдесятъ четыре пансіонерки.

По образу обоихъ Екатерининскихъ институтовъ, дворянство Новороссійской губерніи основало въ 1817 году въ Харьковѣ институтъ для тамошнихъ дворянокъ. Государыня удостоила принять его подъ свое покровительство, и теперь Харьковскій институтъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду воспитательныхъ заведеній нашихъ.

Думая безпрестанно о распространеніи круга своей благотворительной дѣятельности и обращая равное вниманіе на всѣ состоянія подданныхъ супруга своего, императрица Марія еще въ 1798 году взяла подъ свое покровительство Коммерческое училище, основанное въ Москвѣ Прокофіемъ Акинѳіевичемъ Демидовымъ и со времени основанія своего, въ 1772 году, разстроенное во многихъ отношеніяхъ. Государыня, чтобы успѣшнѣе преобразовать это училище, перевела его въ Петербургъ, сама собственноручно составила планъ, по которому устроила его, и жертвовала изъ собственной казны своей, по 3,000 руб. въ годъ, на воспитаніе нѣсколькихъ бѣдныхъ дѣтей. Очевидная польза, какую приносило это заведеніе, и цвѣтущее состояніе его возбудили желаніе и въ московскомъ купечествѣ основать такое же училище, и оно существуетъ въ Москвѣ съ 1804 года. Основатели его, по обыкновенію, просили покровительства императрицы, которая и здѣсь пожаловала единовременно 26,500 рубл. и ежегодно 3,000 рублей.

Въ 1807 году попеченіями государыни возродилось къ новой жизни женское отдѣленіе Военно-сиротскаго дома въ Петербургѣ. Это заведеніе основано было императоромъ Павломъ I и теперь извѣстно подъ названіемъ *Павловскаго кадетскаго корпуса*. Женское же отдѣленіе для благородныхъ дѣвицъ, преобразованное, улучшенное во всѣхъ отношеніяхъ и учрежденное почти совершенно по плану Екатерининскаго института,—называется нынѣ *Павловскимъ институтомъ*. Низшее отдѣленіе его, состоящее изъ дочерей солдатскихъ, устроено также совершенно сходно съ своею цѣлію и воспитанницы его учатся всему тому, чего требуетъ будущее состояніе ихъ. Впослѣдствіи государыня, по примѣру этого низшаго отдѣленія Павловскаго корпуса, учредила училища солдатскихъ дочерей въ Петербургѣ и училища для дочерей матросовъ и морскихъ солдатъ въ Севастополѣ и Николаевѣ.

Но мы никогда не кончили бы, еслибы думали говорить о всѣхъ тѣхъ благотворительныхъ дѣлахъ, о всѣхъ тѣхъ святыхъ начинаніяхъ, которыя совершила императрица Марія во время жизни своей. Конечно, можно исчислить, сколько основано ею заведеній учебныхъ и богоугод-

ныхъ, можно исчислить даже и то, сколько успокоено тамъ несчастливцевъ, сколько воспитано дѣвицъ; но кто когда нибудь исчислитъ тѣ блага, какія пролились на Россію вмѣстѣ съ этимъ улучшеннымъ воспитаніемъ женщинъ? Кто исчислитъ, сколько семействъ осчастливлено развитыми талантами или основательными познаніями, или наконецъ дѣтскимъ добродушіемъ и невинностію этихъ новыхъ воспитанницъ? Не говоря уже о сильномъ вліяніи образованности женщинъ на общество, не говоря о томъ счастіи, какое проливаетъ образованная мать на семейство свое, каждая изъ воспитанницъ Маріи принесла въ родительскій домъ любовь, постоянно воспитавшую ее, радость, неразлучную спутницу ея счастливаго дѣтства, и ласковое слово царицы-*маменьки!* [1]) Не забудьте, милыя дѣти, что эта добрая царица приказывала объявлять при выпускѣ воспитанницамъ всѣхъ заведеній ея, чтобы они во время нужды или какого либо несчастія, съ ними случившагося, обращались чрезъ начальство того заведенія, къ которому они принадлежали, къ самой государынѣ, и нѣжное сердце этой государыни всегда находило средства помочь имъ и отвратить отъ семейства ихъ по крайней мѣрѣ тѣ несчастія, которыя происходятъ отъ бѣдности и недостатковъ. Дальновидная, изобрѣтательная любовь Маріи умѣла доставить имъ это важное пособіе и на все будущее время существованія заведеній, и вотъ какимъ образомъ: государыня, при каждомъ изъ этихъ заведеній составила значительный капиталъ, котораго проценты назначены на вспоможенія, награды и пенсіи всѣмъ лицамъ, находившимся подъ покровительствомъ ея, напримѣръ чиновникамъ, служившимъ при заведеніяхъ ея, наставницамъ, учителямъ, питомцамъ воспитательныхъ домовъ, во всѣхъ различныхъ должностяхъ и званіяхъ ихъ, бѣднымъ воспитанницамъ, выходящимъ замужъ, и проч. Заботливость государыни простиралась до такой степени, что въ отношеніи классныхъ дамъ она постановила для тѣхъ изъ нихъ, которыя отставлялись за старостію и болѣзнями съ пенсіей, отводить отъ казны удобныя жилища въ строеніяхъ, принадлежащихъ Смольному

---

[1]) Императрица была такъ милостива, что во многихъ заведеніяхъ позволяла воспитанницамъ называть себя *maman*.

монастырю, чтобы онѣ могли провести въ покоѣ остатокъ дней своихъ. Какъ трогательны слова, сказанныя ею при этомъ случаѣ! «Онѣ жили между нами, говорила добрая государыня, — пока были молоды и въ силахъ; жестоко было бы, еслибъ онѣ нынѣ, въ старости, принуждены были отыскивать себѣ жилища, нанимать ихъ и жить между чужими!»

Устроивъ такимъ прекраснымъ образомъ судьбу всего, что только по чему либо относилось къ заведеніямъ, государыня часто думала о будущности этихъ заведеній и пламенно желала, чтобы всѣ они твердо существовали и тогда, когда она вмѣстѣ съ жизнію лишится и счастія покровительствовать имъ. Для этого она безпрестанно заботилась о томъ, чтобы составить каждому изъ нихъ особенный капиталъ, котораго проценты современемъ могли бы обезпечить все содержаніе ихъ. Основаніемъ этого капитала всегда была сумма, пожертвованная императрицею изъ собственной казны для каждаго заведенія, и вообразите, друзья мои, что это удивительное, почти невѣроятное предпріятіе—поддерживать безъ всякихъ расходовъ существованіе огромныхъ заведеній—увѣнчалось полнымъ успѣхомъ! Маріинскій институтъ [1]) и многія другія вскорѣ уже имѣли капиталы, достаточные для содержанія своего, а въ 1830 году прекращенъ отпускъ ежегодныхъ суммъ изъ государственнаго казначейства и на слѣдующія заведенія: оба воспитательные дома, воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ, оба Екатерининскіе и Александровскій институты, и суммы, нужныя для содержанія ихъ, получаются съ того времени изъ кассъ воспитательныхъ домовъ. Вотъ самое убѣдительное доказательство того благословенія Божія, которое всегда благодатно сопровождало всѣ начинанія императрицы Маріи. Что другое, кромѣ этой святой силы, могло такъ чудесно довершить начатое ею! Вы, конечно, удивитесь, милые читатели, когда скажу я вамъ, что разсказъ нашъ еще не окончится тѣмъ и что вы услышите еще много такого, чему съ трудомъ повѣрите. На-

[1]) Одно изъ любимыхъ заведеній императрицы, основанное ею въ 1797 году изъ собственныхъ суммъ и находившееся впослѣдствіи подъ покровительствомъ ея императорскаго высочества государыни великой княгини Елены Павловны.

примѣръ, какъ не удивиться тому, что императрица, не смотря на безчисленное множество занятій по заведеніямъ, непосредственно принадлежавшимъ ей, находила еще время обращать вниманіе на разныя другія благодѣтельныя учрежденія и принимать въ нихъ жаркое участіе. Вотъ послушайте! Въ 1797 году она изъ собственной казны своей назначила по 20,000 руб. въ годъ на пенсіи бѣднымъ вдовамъ военныхъ офицеровъ. По обыкновенному распоряженію императрицы часть этой суммы обращалась на раздачу пенсій, а остатокъ на основаніе капитала, который бы впослѣдствіи могъ доставить 20,000 руб. процентовъ. И это предположеніе государыни также совершилось, и 20,000 руб. уже давно составляютъ сумму процентовъ накопившагося капитала и каждый годъ избавляютъ отъ крайнихъ нуждъ многія бѣдныя семейства. Но чтобы дать полное понятіе о томъ, что̀ сдѣлала императрица Марія въ этомъ отношеніи, я выпишу число суммъ, до которыхъ достигли въ 1830 году всѣ основанные ею капиталы. Здѣсь, безъ всякихъ описаній, посредствомъ однихъ цифръ можно видѣть великость совершеннаго Маріею.

Основанные капиталы:

На пенсіи вдовамъ военнослужащихъ	967,053 р.	Изъ собственной казны государыни.
На содержаніе воспитывающихся въ разныхъ заведеніяхъ пансіонерокъ императрицы . .	429,000 »	
Кассетный капиталъ	1.289,315 »	Изъ пожертвованій императрицы и ея семейства.
На пенсіи чиновникамъ и служащимъ при воспитательномъ домѣ	936,548 »	Изъ кассъ воспитательнаго дома.
На пенсіи ихъ вдовамъ	310,245 »	
На пенсіи сердобольнымъ вдовамъ	53,931 »	
На воспитаніе вдовьихъ дѣтей	9,375 »	
На награжденіе воспитанникамъ, выпускаемымъ въ званіе врачей, учителей и проч.	80,436 »	
На награжденіе воспитанницамъ, выпускаемымъ въ званіе наставницъ	202,395 »	
На награжденіе воспитанникамъ, опредѣленнымъ мастерами на фабрики	94,245 »	
На награжденіе воспитанникамъ, отличающимся въ наукахъ	11.726 »	
На приданое воспитанницамъ	95,618 »	

И кромѣ всего этого, государыня въ 1802 году основала въ Гатчинѣ *домъ призрѣнія* для 80-ти больныхъ старцевъ, крестьянъ вотчинъ ея, а въ Павловскѣ—больницу на тридцать кроватей.

Въ 1807 и 1812 годахъ учредила въ Петербургѣ при Маріинской больницѣ для бѣдныхъ, ею же основанной въ 1803 году, временныя отдѣленія для *пятидесяти* раненыхъ офицеровъ до совершеннаго ихъ выздоровленія. Послѣ войны 1812 года пожаловала 20,000 руб. разоренныимъ жителямъ Москвы и Смоленска. Въ 1815 основала *домъ призрѣнія* для инвалидовъ. Въ 1821—*домъ призрѣнія* въ Симферополѣ для *тридцати* престарѣлыхъ русскихъ воиновъ. Въ 1823—*странно-пріимный домъ* въ Таганрогѣ. Въ 1824—августѣйшая благотворительница пролила безчисленныя милости на пострадавшихъ отъ сильнаго случившагося тогда наводненія; наконецъ въ 1828,—по просьбѣ его величества императора Николая I, приняла подъ свое покровительство всѣ зависящія отъ Приказа общественнаго призрѣнія богоугодныя заведенія въ Петербургѣ, и хотя это былъ уже послѣдній годъ ея прекрасной жизни, но и этотъ короткій срокъ не помѣшалъ ей совершить множество величайшихъ благодѣяній. Она успѣла улучшить во всѣхъ отношеніяхъ состояніе городской Обуховской больницы, богадѣльни, сиротскаго дома и совершить полное преобразованіе *дома умалишенныхъ*. Особенно для этихъ несчастныхъ она сдѣлала добро, ничѣмъ неоцѣнимое: состояніе ихъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніи до того было улучшено, что чрезъ нѣсколько недѣль управленія государыни никто не узнавалъ ихъ. Кротость и ласковость, которыя предписано было непремѣнно имѣть въ обращеніи съ ними, казалось поселили и въ нихъ эти оба чувства, и они сдѣлались такъ смирны, покорны и ласковы, что могли вскорѣ быть въ церкви при богослуженіи. Въ тотъ же самый годъ, съ наступленіемъ весны, государыня замѣтила тѣсноту и неудобство дома, въ которомъ помѣщены были эти несчастные, и тогда же рѣшилась устроить для нихъ жилища за городомъ. Для этого она купила прекрасную дачу на 7-й верстѣ петергофской дороги. Большой садъ, принадлежавшій къ ней, представляетъ самыя удобныя и пріятныя

мѣста для прогулокъ, а для больныхъ такого рода эта главная необходимость. Проводя большую часть времени на чистомъ воздухѣ, въ занятіяхъ, какія только могутъ нравиться имъ, пользуясь полною, возможною для нихъ свободою, видя около себя людей, похожихъ не на суровыхъ надзирателей, но на ласковыхъ родственниковъ, заботящихся о нихъ,—бѣдные страдальцы начали вести совсѣмъ новую жизнь, и многіе въ скоромъ времени выздоровѣли, а другіе подали надежду къ выздоровленію. Но нѣжное, ангельское сердце Маріи уже не насладилось этою радостію на землѣ: въ октябрѣ того же 1828 года она скончалась и осиротѣвшія дѣти ея всѣхъ возрастовъ и всѣхъ состояній долго оплакивали эту невозвратную потерю. Съ удаленіемъ ея изъ міра земного, гдѣ столько лѣтъ она благодѣтельствовала, гдѣ проливала добро на милліоны людей, казалось, все осиротѣло. Всѣ плакали, потому что не было дома, который бы не участвовалъ непосредственно или посредственно въ ея благодѣяніяхъ. А бѣдныя дѣти! О! сколько слезъ они пролили, когда имъ сказали, что они уже никогда, никогда болѣе не увидятъ своей милой благодѣтельницы! Начальницы и классныя дамы всѣхъ институтовъ не знали какъ утѣшить бѣдныхъ малютокъ. Имъ удалось это только тогда, когда онѣ начали говорить дѣтямъ, что обожаемая государыня ихъ наслаждается теперь у Бога блаженствомъ, никогда не скончаемымъ, за добрыя дѣла свои; что она теперь изъ земного ангела, какимъ всѣ привыкли называть ее, сдѣлалась ангеломъ небеснымъ; что она молится за всѣхъ дѣтей своихъ у престола Божія и что поручаетъ ихъ на землѣ великодушному сыну своему императору Николаю Павловичу и его супругѣ. Только эти утѣшительныя слова и пріѣздъ молодой государыни успокоили нѣсколько встревоженныя сердца дѣтей ея, и они могли умѣрить неутѣшную печаль свою. Послѣ этой печали дѣтства, забывшаго въ жестокую минуту потери своей всю игривую веселость своего счастливаго возраста, что̀ сказа́ть о горести того безчисленнаго множества или слабыхъ, или больныхъ, или престарѣлыхъ несчастливцевъ, которые были призрѣны и успокоены Маріею? Эта горесть людей, близкихъ къ мо-

гилѣ, не могла утѣшиться скоро: она облегчалась только надеждою скораго соединенія съ незабвенною покровительницею. Но что говоримъ мы о горести тѣхъ, которые существовали благодѣяніями императрицы? Она не удивительна, когда мы скажемъ, что весь народъ вообще и всѣ классы его въ особенности поражены были ея кончиною въ самое сердце. Эта общая горесть прекрасно выражена любимымъ поэтомъ нашимъ В. А. Жуковскимъ. Зная, сколько удовольствія можетъ доставить вамъ это превосходное стихотвореніе, сколько благородныхъ и нѣжныхъ чувствованій оно возбудитъ въ душѣ вашей, и притомъ какъ вѣрно опишетъ то, что происходило въ душѣ русскихъ во время этой кончины, я выпишу его здѣсь.

ЧУВСТВО ПЕРЕДЪ ГРОБОМЪ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ.

ВЪ НОЧЬ НАКАНУНѢ ЕЯ ПОГРЕБЕНІЯ.

И такъ, твой гробъ съ мольбой объемлю,
И такъ, покинула ты землю,
Небесно-чистая душа,
Какъ Божій ангелъ, соверша
Межъ нами путь благотворящій,
Какъ день, безъ облакъ заходящій,
Ты удалилася отъ насъ!
Неизъяснимый смертный часъ!
Еще досель не постигаемъ,
Что на землѣ тебя ужъ нѣтъ!...
Тобой былъ такъ украшенъ свѣтъ!
Еще такъ тѣсно мы сливаемъ
Тебя со всѣмъ, что въ мірѣ есть
Намъ драгоцѣннаго, святого,
Еще привычкою обрѣсть
Тебя всѣ мнимъ среди земного;
А ты?.. О! каждому изъ насъ
Часть жизни умерла съ тобою!
Съ твоей отшедшею душою
Какой-то сладкій свѣтъ угасъ,
Которымъ сердце ободрялось,
Въ которомъ таинство являлось
Святого Промысла ему.
Тобою радуясь безпечно,
Мы жизнь твою считали вѣчной....

И вдругъ ко гробу твоему
Идемъ на вѣчную разлуку.
Твою-ль цѣлуемъ мы въ слезахъ,
Досель подательницу благъ,
Теперь безчувственную руку?
Ты-ль въ багряницѣ, подъ вѣнцомъ
Съ симъ безотвѣтственнымъ лицомъ
На гласъ любви, на гласъ печали?
Такою-ль мы тебя видали!
Сей погребальный ѳиміамъ,
Сей ликъ, едва въ немъ зримый намъ,
Сія возвышенная рака,
Среди таинственнаго мрака
Одна стоящая въ лучахъ,
Блистанье гробового трона,
Главы лишенная корона,
Порфира падшая на прахъ...
Невыразимое видѣнье!
Трепещетъ здѣсь воображенье
Предъ ужасомъ небытія...
Но здѣсь же умиленно я
Отраднымъ ангеломъ на землю
Сходящій сладкій голосъ внемлю:
Не возмущайтеся душой! [1])
О! это ты! сей голосъ твой.
Заутра пышность сей гробницы,
Сей прахъ минувшія царицы
Землѣ навѣки отдадутъ.
Но что̀ же, что̀ въ ней погребутъ?
Лишь гробъ, лишь скрытое во гробѣ,
Лишь смерти безъименный знакъ;
Въ земной таинственной утробѣ
Отъ глазъ сокроетъ вѣчный мракъ
Одинъ лишь видъ уничтоженья.
Одинъ сѵмволъ небытія...
Но жизнь прекрасная твоя,
Сѵмволъ прекрасный Провидѣнья,
Межъ нами будетъ, какъ была,
Всегда жива, чиста, свѣтла,
Воспоминаньемъ благодатна
И сердцу вѣчно безутратна.

Въ рѣшительной прощанья часъ
Съ любовью, съ горкимъ сокрушеньемъ,
Съ невыразимымъ умиленьемъ

---

[1]) Въ эту ночь было читано Евангеліе: *Да не смущается сердце ваше.*

Я падаю въ послѣдній разъ
Передъ гробницею твоею...
О! я дерзаю передъ нею
За всю отчизну говорить,
И въ голосъ мой соединить
Всѣ голоса, въ сіе мгновенье
Въ одно сліянное моленье.

«Благодаримъ, благодаримъ
Тебя за жизнь твою межъ нами:
За тронъ твой, царскими дѣлами
И сердцемъ благостнымъ твоимъ
Украшенный, превознесенный;
За образецъ, тобой явленный
Божественныя чистоты,
За прелесть кроткой простоты
Среди блистанья царской славы,
За младость дѣвъ, за жизнь дѣтей,
За чистые душой твоей
Полвѣка сохраненны нравы;
За благодать, съ какою ты
Спѣшила въ душный мракъ больницы,
Въ пріютъ страдающей вдовицы
И къ колыбели сироты...
Съ тобой часть жизни погребая,
И матерь милую свою
Въ тебѣ могилѣ уступая,
Въ минуту скорбную сію,
Въ единый плачъ, сліясь сердцами,
Всѣ предъ тобою говоримъ:
«*Благодаримъ! благодаримъ!*
И нѣкогда потомки съ нами
Всѣ повторятъ: *благодаримъ!*»

Къ этимъ стихамъ, столь поэтическимъ и столь вѣрно изображающимъ Марію, прибавимъ еще нѣсколько подробностей, собранныхъ нами отъ тѣхъ особъ, которыя имѣли счастіе близко знать покойную императрицу. Какъ удивительна, какъ неподражаема была эта государыня во всѣхъ отношеніяхъ жизни, разсматривать ли ее какъ супругу, или какъ мать, или какъ царицу!

Начнемъ съ ея семейной жизни. Она любила супруга своего съ величайшею нѣжностію: всѣ малѣйшія желанія его для нея были закономъ. Она уважала всѣ его привычки, и даже тогда, когда его уже не было на свѣтѣ.

Память его была для нея самою драгоцѣнною святынею. До самой кончины своей она проводила каждое время года тамъ, гдѣ жила съ нимъ. Всѣ помнятъ, что съ 1-го мая до октября она оставалась въ Павловскѣ и на октябрь переѣзжала въ Гатчину: что она не дѣлала ни малѣйшей перемѣны ни въ расположеніи, ни въ убранствѣ комнатъ своихъ, и что онѣ оставались всегда такими, какъ были при обожаемомъ ею супругѣ.

Нѣжнѣйшая любовь ея къ дѣтямъ, въ которыхъ Провидѣніе такъ явно передъ нами показало къ ней благость свою, ни съ чѣмъ не можетъ быть сравнена. Ни лѣта, ни санъ, ни разлука, ничто не могло и малѣйше поколебать тѣхъ. чувствъ безпредѣльной ихъ преданности и благоговѣнія къ ней, которыя она умѣла поселить въ нихъ своею материнскою попечительностію объ ихъ дѣтствѣ. Двое изъ сыновей ея, облеченные императорскою властію, всегда являлись предъ нею, какъ предъ своею законною повелительницею. Еслибы въ ея взорѣ показалась тѣнь неудовольствія или неодобренія, никто изъ нихъ не имѣлъ бы духу оставить ее, не вымоливъ себѣ всегдашней ея нѣжности и ласки. Ея дочери, пріѣзжая изъ-заграницы, высчитывали минуты, которыя могли проводить съ нею.

Воспитаніемъ первыхъ сыновей ея занималась еще сама императрица Екатерина. Для государя императора Николая Павловича и для великаго князя Михаила Павловича она избрала въ наставники людей, лично ей извѣстныхъ. И при всемъ томъ ея заботливость простиралась до того, что каждый изъ наставниковъ обязанъ былъ письменно представлять ей уроки, которые предполагалъ давать великимъ князьямъ. Это такъ сблизило ее съ наставниками дѣтей ея, что всѣ они до смерти государыни оставались въ числѣ самыхъ приближенныхъ къ ней особъ. Изъ нихъ Шторхъ и Аделунгъ даже лѣтомъ всегда получали квартиры въ Павловскѣ, чтобы удобнѣе находиться въ избранномъ обществѣ императрицы. Дыша такимъ невыразимымъ благоволеніемъ ко всему, что касалось только ея семейства, императрица была строга къ одной себѣ. Она удалялась всего, что мы называемъ сладостію отдохновенія. Покойная одежда, покойная мебель, легкое развлеченіе—все это для нея не

существовало. Съ 9-го часа утра начинались доклады. Минуты не смѣлъ опоздать ни одинъ изъ секретарей ея. Дѣла шли стройно, мѣрно, неизмѣнно ни въ какомъ отношеніи и ни по какому случаю. Разсказывали какъ вещь необыкновенную, въ 1816 году, что 9-го февраля не сошла отъ нея одна изъ бумагъ, наканунѣ отправленныхъ въ ея канцелярію. Въ этотъ день была свадьба великой княжны Анны Павловны. Между тѣмъ эта же бумага 10-го февраля уже была утромъ подписана императрицею. Государыня въ кабинетѣ своемъ всегда сидѣла на соломенномъ плетеномъ стулѣ; она держалась прямо, никогда не опираясь на спинку стула. Даже на экзаменахъ въ ея заведеніяхъ, гдѣ она просиживала отъ 9 часовъ утра до 3-хъ пополудни, а иногда и долѣе, для ея особы всегда ставили простой соломенный стулъ. Точность ея въ дѣлахъ не измѣнялась ни въ какомъ случаѣ. Въ Екатерининскомъ институтѣ одинъ изъ недавно опредѣлившихся учителей, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ, позволилъ себѣ пріѣхать на экзаменъ при императрицѣ въ 9¼ часовъ. Его встрѣчаютъ извѣстіемъ, что государыня изволитъ ожидать его четверть часа, такъ какъ онъ долженъ былъ начинать. Не желая привести въ бо̀льшее замѣшательство этого молодого человѣка, государыня не позволила экзаменовать изъ другого предмета и, замѣтивъ испуганный видъ его при входѣ въ залъ, съ обыкновенною ласковостію спросила у него, отчего онъ опоздалъ. Ободренный благосклонностію государыни, но все еще встревоженный мыслію о своей неисправности, робко отвѣчалъ онъ, что у него передъ отъѣздомъ изъ дому сдѣлалось головокруженіе. Заботливость императрицы о подчиненномъ выразилась самымъ трогательнымъ образомъ. Разспросивъ его подробно о здоровьѣ его, она не иначе приказала ему экзаменовать, какъ усадивъ его на покойномъ стулѣ, чтобы онъ не утомился.

Государыня, чувствуя, что съ каждымъ часомъ она можетъ сдѣлать что нибудь полезное, чрезвычайно дорожила своимъ временемъ и никогда не употребляла его на одни удовольствія, даже часы, опредѣляемые на прогулки, между утренними занятіями и обѣдомъ, она проводила въ

обозрѣніи своихъ заведеній. Она слѣдовала этому правилу и лѣтомъ, когда жила за городомъ, и располагала самыя прогулки свои такимъ образомъ, чтобы въ это же время имѣть случай произвести какое нибудь обозрѣніе.

Ея вечера были усладительною для всѣхъ бесѣдою. Она всегда являлась съ какою нибудь работою. Назначалось чтеніе. Всѣ были безъ малѣйшаго принужденія. Ни одинъ изъ лучшихъ нашихъ литераторовъ не лишенъ былъ счастія читать что нибудь свое—для государыни. Карамзинъ, Крыловъ, Жуковскій и многіе другіе принимаемы были у нея какъ гости и какъ друзья. Не говоря о ближайшихъ, — драгоцѣннымъ вниманіемъ ея пользовались самые незначущіе чиновники. Она лично знала всякаго, кто только былъ въ ея службѣ, и въ доказательство этого я разскажу вамъ, милыя дѣти, одинъ изъ самыхъ трогательныхъ случаевъ.

Въ 1826 году, отправившись въ Москву, государыня вспомнила, что здѣсь остался боленъ одинъ изъ учителей въ ея заведеніи. Въ Москвѣ въ это время происходили приготовленія къ коронаціи, въ это время тамъ же родилась внука императрицы великая княжна Елисавета Михаиловна; въ это же время въ Бѣлевѣ скончалась императрица Елисавета Алексѣевна. И что-жъ? Къ больному учителю является одинъ изъ докторовъ государыни и объявляетъ, что онъ получилъ повелѣнія ея: *во-первыхъ,* узнать, кто его лечитъ, *во-вторыхъ,* въ какой степени находится болѣзнь, и *въ-третьихъ,* еженедѣльно доставлять ей рапорты о состояніи здоровья его. Не умилительна ли эта трогающая душу заботливость царицы объ одномъ изъ младшихъ чиновниковъ ея заведеній и въ то время, когда собственное сердце ея было встревожено различными и противорѣчащими ощущеніями?

Всѣмъ извѣстна была привязанность государыни къ воспитанницамъ ея заведеній. Часто пріѣзжала она изъ Павловска въ городъ, чтобы навѣстить и потѣшить букетомъ цвѣтовъ какую нибудь больную дѣвушку, если узнавала, что это ее порадуетъ и, можетъ быть, облегчитъ. Въ больницахъ она являлась ангеломъ-утѣшителемъ. Она не только лично и часто осматривала больныхъ, но даже

нерѣдко присутствовала при трудныхъ и для многихъ невыносимыхъ операціяхъ, потому только, что больные не соглашались подвергнуться имъ иначе, какъ въ ея присутствіи. Такое безразсудное желаніе страдальцевъ служитъ сильнѣйшимъ доказательствомъ той безпредѣльной благосклонности, какую всегда показывала имъ государыня.

Ея благочестіе было безпримѣрное. Въ продолженіе великаго поста она говѣла и на первой, и на послѣдней недѣлѣ. Распространеніе религіозныхъ мыслей и чувствованій она почитала важнѣйшею своею обязанностію. Однажды, окончивъ экзаменъ изъ исторіи русской словесности, она сказала учителю: «Я чрезвычайно довольна всѣмъ, что слышала, но мнѣ показалось, что вы не довольно подробно говорили о писателяхъ духовныхъ».—Словомъ, нельзя представить ни одной стороны въ жизни, гдѣ бы она не являлась высокимъ образцомъ.

Теперь, милые читатели, когда вы имѣете уже—хотя краткое, но сколько возможно для васъ—полное понятіе о высокихъ качествахъ императрицы Маріи Ѳеодоровны и о томъ безчисленномъ добрѣ, которое пролила она на отечество наше, обратимся снова къ 1797 году. Вы помните, что для большей полноты разсказа нашего о томъ, что̀ совершено было императрицею на благотворительномъ поприщѣ ея, мы нарушили хронологическій порядокъ нашей исторіи и разсказали событія, касавшіяся до нея въ этомъ отношеніи нѣсколькими годами далѣе того времени, до котораго дошло наше общее повѣствованіе. Увѣренные, что это небольшое отступленіе отъ принятаго правила не повредило разсказу нашему, мы, сохраняя послѣдовательность его, возвращаемся къ тому мѣсту, откуда прервали его, т. е. къ царствованію императора Павла I и къ эпохѣ самой блистательной этого царствованія.

РУССКІЕ ВЪ ИТАЛІИ И ШВЕЙЦАРІИ.

отъ 1797 до 1801 года.

(4 года).

Вы, конечно, помните, милые читатели, что̀ мы говорили въ разсказахъ нашихъ объ ужасномъ переворотѣ, происшедшемъ во Франціи въ концѣ XVIII столѣтія, и о пагубномъ вліяніи этого переворота на многія государства европейскія. Вы, конечно, помните все, что̀ произошло отъ того въ Польшѣ. Но еслибы вы могли представить себѣ, сколько бѣдствій эта страшная революція произвела въ другихъ царствахъ! Еслибы вы могли сообразить, до какой степени ужасовъ дошли французы съ тѣхъ поръ, какъ объявили себя республиканцами, т. е. людьми, не признающими власти королевской! Безумно покорившись республиканскому правленію, они сдѣлали еще хуже: захотѣли ввести его въ другія государства. Неудивительно, что они нашли во многихъ мѣстахъ приверженцевъ: они проповѣдывали всѣмъ свободу и равенство. Гдѣ же нѣтъ такихъ людей, которые желали бы освободиться отъ власти, удерживающей ихъ отъ пороковъ и страстей? О! это обольстительное слово, казалось, было выше самой свободы! Равенство означаетъ то состояніе общества, когда всѣ члены его равны между собою, когда между ними нѣтъ ни болѣе, ни менѣе знатныхъ, но всѣ находятся въ одномъ званіи и пользуются равными правами гражданина. Такъ всегда бываетъ въ республикахъ. Скажите, какъ же людямъ низшихъ сословій, къ которымъ всегда принадлежитъ большая часть возмутителей общаго спокойствія, не желать было такимъ легкимъ образомъ сравниться съ первѣйшими людьми въ отечествѣ своемъ? Какъ было имъ не броситься съ жадностію къ такой новости, тѣмъ болѣе, что французы обманчиво описывали имъ выгоды и счастіе этой свободы и этого равенства; тѣхъ же, которые были не такъ легковѣрны, чтобы увлечься ихъ описаніями, они принуждали силою повиноваться себѣ. О! сколько несчастій испытали тогда почти всѣ земли европейскія! Безбожные французы

(они въ полной мѣрѣ были достойны такого названія: вы знаете уже, что они въ безуміи своемъ забыли Бога), безбожные французы шли войною туда, гдѣ не принимали преступныхъ правилъ ихъ, и законные государи не въ состояніи были защитить подданныхъ своихъ: республиканцы нападали на нихъ первыхъ и, отнимая у нихъ наслѣдственные престолы, покоряли власти своей области ихъ съ названіемъ республикъ. Такимъ образомъ они завоевали уже Нидерланды и назвали ихъ *Батавскою* республикою; завоевали всю сѣверную часть Италіи и сдѣлали изъ нея двѣ республики: *Цизальпинскую* и *Лигурійскую;* завоевали и Щвейцарію, и королевство Неаполитанское, и обратили ихъ въ республики *Гельветическую* и *Парѳенопейскую.* Этого еще было мало. Они привели въ разстройство почти всю Германію: нѣкоторыя области ея уже принадлежали французамъ, другія готовы были перейти на ихъ сторону, увлекаясь ложными понятіями о мнимой свободѣ. Наконецъ и священная свобода первосвященника церкви католической не избавилась отъ общаго бѣдствія: онъ вмѣстѣ съ многими другими законными государями лишился принадлежавшихъ ему областей, отвезенъ былъ во Францію какъ плѣнникъ, и Римъ — эта древняя столица міра — призналъ надъ собою власть французовъ, которые, видя свои необыкновенные успѣхи, уже считали себя непобѣдимыми и замышляли обратить всю Европу въ одну обширную республику. Такіе дерзкіе замыслы сдѣлались главною мыслію французовъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ на степень перваго полководца ихъ возвысился молодой человѣкъ, не знатный родомъ, но одаренный умомъ необыкновеннымъ, характеромъ сильнымъ, честолюбіемъ непомѣрнымъ. Это былъ Наполеонъ Бонапартъ, о которомъ вы услышите много впослѣдствіи. Онъ-то своимъ военнымъ искусствомъ, своею твердою волею и непоколебимымъ мужествомъ доставилъ французамъ блестящіе успѣхи ихъ и поселилъ въ нихъ гордую мысль о непобѣдимости ихъ. Подъ его предводительствомъ они навели страхъ на всѣ государства европейскія, и Австрія, болѣе всѣхъ оскорбленная за Германію, первая вздумала о сопротивленіи ужасной силѣ, покорявшей все, что̀ встрѣчалось ей

на пути. Англія раздѣляла это справедливое негодованіе, но соединенныя усилія обоихъ государствъ не въ состояніи были поколебать безпрестанно возраставшее могущество республики Французской. Они обратились къ тому, отъ кого одного могла ожидать спасеніе вся Европа—къ императору русскому. Павелъ I, отличавшійся глубокою преданностію къ вѣрѣ и справедливости, давно съ негодованіемъ смотрѣлъ на беззаконія Франціи и удивлялся терпѣнію государей сосѣдственныхъ съ нею земель. Воззванія Австріи и Англіи приняты имъ были съ удовольствіемъ, и вскорѣ къ союзу трехъ сильнѣйшихъ государствъ европейскихъ приступили и многія другія: Пруссія, Германія, Неаполь, Турція и мальтійскіе рыцари. Всѣ они желали одного: освободить завоеванныя французами области Италіи, Швейцаріи, Германіи и Голландіи и возвратить законнымъ государямъ принадлежавшіе имъ престолы. Велика и славна была такая цѣль союза, но какъ трудно казалось для всѣхъ достигнуть ее! Гдѣ взять военачальника, которому бы единодушно повиновалось войско, составленное изъ различныхъ народовъ? Одно это обстоятельство приводило въ большое затрудненіе союзниковъ, какъ вдругъ взоры главнѣйшихъ изъ нихъ, императора австрійскаго и короля англійскаго, согласно остановились на героѣ, которому такъ давно уже дивилась Европа—на фельдмаршалѣ русскомъ графѣ Суворовѣ. Въ это время онъ былъ уже въ отставкѣ и жилъ въ деревнѣ своей Кончанскѣ, Новгородской губерніи. Здѣсь, проводя въ глубочайшемъ уединеніи спокойные и, можетъ быть, по причинѣ непривычнаго для него бѣздѣйствія, скучные дни, онъ съ огорченіемъ смотрѣлъ на происшествія Европы и сожалѣлъ, что судьба не исполнила пламеннаго желанія его и ему не удалось поспорить въ военномъ искусствѣ съ французами, которыхъ всѣ уже считали непобѣдимыми. При мыслѣ о войнѣ съ ними сильно еще волновалась старая кровь его, сильно говорило сердце, что онъ побѣдилъ бы ихъ. И вотъ въ одну изъ такихъ печальныхъ для него минутъ, въ мартѣ 1799 года, подаютъ ему письмо отъ государя. Съ благоговѣніемъ онъ принялъ и поцѣловалъ его (такъ всегда дѣлалъ онъ со всѣми вещами, получаемыми имъ отъ государей его).

Какъ же велико было восхищеніе его, когда онъ прочиталъ въ этомъ письмѣ слѣдующія строки, написанныя собственною рукою императора Павла: «Я рѣшился послать васъ въ Италію на помощь къ его величеству императору и королю, моему союзнику и брату. Суворову не нужны ни побѣды, ни лавры; но отечеству нуженъ Суворовъ, и желанія мои согласны съ желаніями Франца II, который, поручая вамъ начальство надъ своею арміей, проситъ васъ принять это достоинство. И такъ, отъ Суворова зависитъ согласиться на желаніе отечества и просьбу Франца II».

Съ наслажденіемъ перечитывалъ фельдмаршалъ это драгоцѣнное письмо. Оно, казалось, возродило его къ новой жизни и возбудило въ немъ всю прежнюю дѣятельность. Не теряя ни минуты, поѣхалъ онъ, по приказанію государя, въ Петербургъ. Здѣсь ожидала его милость царская, прежде нежели начались новые подвиги его: императоръ Павелъ I пожаловалъ ему знаки вновь учрежденнаго имъ въ Россіи ордена св. Іоанна Іерусалимскаго[1]). Въ то время, когда государь собственными руками надѣвалъ на Суворова этотъ орденъ, знаменитый и скромный фельдмаршалъ, полный радостнаго чувства, воскликнулъ: «*Боже, спаси царя!*» На это остроумный государь отвѣчалъ: «Тебѣ предстоитъ спасать царей!»

Эти пророческія слова императора приняты были Суворовымъ, какъ будто благословеніе свыше на дѣла великія, въ самомъ дѣлѣ предстоявшія ему, и желаніе совершить ихъ запылало еще сильнѣе въ груди его. Всегда исполненный надежды на помощь Божію и на храбрость своихъ *чудо-богатырей*[2]), онъ весело отправился въ Вѣну и встрѣченъ былъ тамъ съ тѣмъ восторгомъ, какой вездѣ и всѣмъ внушала слава его. Начиная съ императора, до послѣдняго изъ подданныхъ его, всѣ какъ будто наперерывъ старались изъявить знаменитому фельдмаршалу свое ува-

---

[1]) Этотъ орденъ кавалеровъ Мальтійскихъ или рыцарей острова Мальты принятъ былъ императоромъ Павломъ подъ особенное покровительство при самомъ восшествіи его на престолъ, а потомъ въ октябрѣ 1798 года и установленъ въ Россіи.

[2]) Такъ Суворовъ всегда называлъ солдатъ русскихъ.

женіе, любовь и ту радость, которую проливало на все присутствіе его. Одинъ изъ иностранныхъ писателей, находясь въ это время въ Вѣнѣ, такъ описываетъ чувства тамошнихъ жителей къ нашему незабвенному герою: «Ce que nous avons vu et considéré attentivement, et comme un frappant phénomène, c'est la joie, la confiance et l'espoir que la présence de Souvoroff inspirait, depuis le plus mince particulier, jusqu'au plus grand seigneur, depuis le soldat jusqu'au général en chef. Il semblait que la monarchie Autrichienne était animée d'une nouvelle vie, et que les plus hautes destinées l'attendaient: tant est grande l'influence du génie et d'un noble caractère. Voilà, par exemple, une espèce d'originalité, qui caractérisait Souvoroff, et elle n'est pas commune[1])».

На эти искреннія чувства Суворовъ отвѣчалъ такими же, и вскорѣ живѣйшее дружество соединило его съ Францомъ II, а любовь и благодарность за изъявляемую преданность—съ народомъ его. Получивъ отъ императора званіе фельдмаршала и главнаго начальника всей союзной арміи, онъ отправился черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда своего въ Верону, гдѣ была главная квартира союзной арміи. Прощаясь съ императоромъ, Суворовъ съ увѣренностію обѣщалъ прислать ему вскорѣ вѣсти о побѣдахъ, и не ошибся. При самомъ вступленіи его въ Италію, гдѣ назначено было главное мѣсто войны, побѣды, какъ обыкновенныя спутницы, уже ожидали его: русскія войска отняли у французовъ крѣпости: *Бресчіо, Бергамо, Лекко, Кремо* и *Кремону*. Здѣсь отличались генералы: *князь Багратіонъ* и *Милорадовичъ*. Въ сраженіи при Кассано присутствовалъ лично самъ Суворовъ, и оно было одно изъ самыхъ блистательныхъ, одно изъ тѣхъ, которыя рѣшили

---

[1]) Внимательно и какъ разительный феноменъ разсматривали мы ту радость, довѣренность и надежду, которыя присутствіе Суворова внушало каждому, начиная отъ самаго незначущаго частнаго человѣка до знаменитѣйшаго вельможи, начиная отъ солдата до главнокомандующаго арміею. Казалось, что имперія Австрійская одушевилась новою жизнію, и что великая судьба ожидала ее; такъ могущественно вліяніе генія и благороднаго характера. Вотъ оригинальная черта, отличавшая Суворова, и надобно признаться, что она не очень обыкновенна.

судьбу Верхней Италіи. Начальникомъ непріятельской арміи былъ здѣсь славный генералъ *Моро*. Суворовъ совершенно разбилъ его, принудилъ бѣжать, и этою побѣдою уничтожилъ республику Цизальпинскую и вступилъ въ Ломбардію. Жители столицы ея, Милана, встрѣтили его какъ своего избавителя. Архіепископъ, со всѣмъ духовенствомъ и государственными чинами, вышелъ къ самымъ городскимъ воротамъ. Увидя духовную процессію, набожный фельдмаршалъ сошелъ съ лошади и, принявъ благословеніе архіепископа, сказалъ: «Я пришелъ возстановить вѣру Іисуса Христа, возвратить папѣ престолъ его, привести снова народы къ уваженію должному царской власти. Званіе ваше возлагаетъ на васъ обязанность помогать моему похвальному намѣренію, и я надѣюсь на эту помощь».

Великъ былъ восторгъ къ имени Суворова во всѣхъ мѣстахъ, пострадавшихъ отъ самовластія французовъ, но послѣ торжественной встрѣчи его въ Миланѣ, послѣ небольшой, но сильной рѣчи, гдѣ такъ ясно объявлена была благодѣтельная цѣль похода русскихъ войскъ, жители Италіи и всѣхъ покоренныхъ Франціею областей не знали мѣры восхищенію и усердію своему къ фельдмаршалу русскому. Они собственными глазами увидѣли въ немъ храбраго полководца, великодушнаго побѣдителя, благочестиваго защитника вѣры и законной власти. Они желали ему успѣха, молились о немъ, и молитвы ихъ были услышаны: побѣды одна за другой прославляли героя русскаго. Не прошло двухъ мѣсяцевъ отъ вступленія союзныхъ войскъ въ Италію, какъ уже, кромѣ Милана, многіе важнѣйшіе города и крѣпости (Пескьера, Тортона, Пичигетона, Александрія, Туринъ) сдались союзникамъ. Сдача Александріи была особенно примѣчательна тѣмъ, что Суворовъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ эту крѣпость. Онъ желалъ этой торжественности потому, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ пріѣхалъ въ армію и уже участвовалъ въ подвигахъ ея второй сынъ императора Павла Петровича, двадцати-лѣтній тогда великій князь Константинъ Павловичъ. Присутствіе его доказывало, какое живѣйшее участіе принималъ августѣйшій родитель его въ дѣлѣ союзниковъ.

Итальянцы, смотря на молодого князя, уже отличившагося въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, одушевлялись новыми надеждами, чувствовали новыя силы противиться врагамъ своимъ, а Суворову это и нужно было: съ единодушнымъ усердіемъ жителей и храбростію своихъ войскъ онъ надѣялся сдѣлать все.

Въ Туринѣ ожидало фельдмаршала самое блистательное торжество. Великолѣпнѣйшая иллюминація освѣтила городъ въ день его вшествія туда, и въ театрѣ, куда онъ пріѣхалъ по приглашенію, увѣнчанъ былъ бюстъ его лавровымъ вѣнкомъ. Изображеніе всѣхъ побѣдъ его окружали этотъ бюстъ, а громкія восклицанія: «Да здравствуетъ Суворовъ!» наполняли воздухъ. Это усердіе чужестранцевъ до того тронуло знаменитаго воина, что слезы умиленія полились изъ глазъ его.

Вскорѣ послѣ того восторгъ и надежды итальянцевъ еще болѣе увеличились: 5-го мая союзники одержали важную побѣду надъ французскимъ генераломъ Моро при Сенъ-Жуліано (близь Александріи) и принудили его даже къ бѣгству въ горы Генуэзскія. Здѣсь думалъ онъ поправить свои обстоятельства, соединившись съ другимъ французскимъ генераломъ Макдональдомъ, котораго войско расположено было по берегамъ рѣки Требіи, знаменитой еще во времена владычества римлянъ въ Европѣ: на поляхъ, орошенныхъ этою рѣкою, они имѣли сраженіе съ карѳагенянами и были побѣждены славнымъ полководцемъ ихъ Аннибаломъ. Такое воспоминаніе и такое поле сраженія въ полной мѣрѣ достойно было *новаго Аннибала*. Такъ называли часто Суворова. И какъ же оправдалось это названіе! Побѣда, одержанная имъ на поляхъ Требіи, принадлежитъ къ знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ, какими прославился онъ. Макдональдъ—на котораго ему надобно было напасть, чтобы предупредить соединеніе его съ Моро—отличался военными заслугами, начальствовалъ храброю арміею, одушевленъ былъ также мыслію о томъ, что за 2,000 лѣтъ происходило на берегахъ Требіи; и такъ, неудивительно, что онъ употребилъ всѣ силы, истощилъ все искусство свое, чтобы побѣдить, и, вѣроятно, удачно исполнилъ бы свое намѣреніе, еслибы имѣлъ дѣло не съ

Суворовымъ. Но здѣсь это было невозможно. Не только русскіе, но и всѣ иностранные писатели согласно говорятъ, что при Требіи Суворовъ лучше всего доказалъ непобѣдимость свою. Битва продолжалась три дня, 5, 6 и 7-го іюня, и окончилась почти совершеннымъ пораженіемъ французовъ. Они потеряли около 20,000 человѣкъ и большую часть артиллеріи и военныхъ снарядовъ. Самъ Макдональдъ и почти всѣ генералы его были ранены. Моро, вышедшій было изъ горъ, чтобы соединиться съ нимъ, принужденъ былъ снова удалиться туда же. Но чтобы имѣть вѣрное понятіе о важности побѣды при Требіи и въ то же время о скромности Суворова, надобно прочитать письмо, которое славный фельдмаршалъ нашъ написалъ по этому случаю къ австрійскому императору: «L'officier, chargé de cette dépèche informera Votre Majesté des détals glorieux pour ses troupes de la triple bataille de la Trébia. Le courage admirable que les français ont déployé n'a été pour les troupes coalisées qu'un motif d'en montrer un supérieur. Nos succès sont dûs à la brave armée, que je commande. Quant à moi, je n'ai d'autre mérite que d'avoir executé les ordres de Votre Majesté. Elle m'a ordonné de délivrer l'Italie de la présence de l'ennemi. L'ennemi a été chassé, l'Italie est libre [1])».

Необыкновенные успѣхи русскихъ въ Италіи испугали Французскую республику: она отправила еще 70,000 человѣкъ для подкрѣпленія своей разбитой арміи и приготовила еще 50,000 чел. съ тою же цѣлію. Начальникомъ новой арміи былъ молодой и славный генералъ *Жуберъ*, сбиравшійся отплатить Суворову за побѣды его. Со всѣмъ нетерпѣніемъ двадцати-лѣтняго юноши, со всею самонадѣянностію этого смѣлаго возраста устремился онъ къ крѣпости Тортонѣ, которая еще принадлежала французамъ

[1]) Офицеръ, которому поручена эта депеша, увѣдомитъ ваше величество о подробностяхъ славной для войскъ нашихъ трехдневной битвы при Требіи. Удивительное мужество французовъ было для союзныхъ войскъ побудительною причиною къ оказанію еще бо̀льшаго. Мы обязаны успѣхомъ нашей храброй арміи, которою я командую. Что же касается до меня, то я исполнилъ только повелѣніе вашего величества. Вы приказали мнѣ освободить Италію отъ непріятеля. Непріятель изгнанъ, и Италія свободна.

и была для нихъ послѣднимъ средствомъ имѣть нѣкоторое вліяніе на Ломбардію. Удачное сохраненіе этой крѣпости отъ власти союзниковъ могло даже перемѣнить ходъ войны въ пользу французовъ. Жуберъ зналъ это и потому спѣшилъ къ Тортонѣ, какъ къ такому мѣсту, при которомъ онъ долженъ былъ покрыться громкою славою. Но и Суворовъ зналъ это еще лучше его, и потому съ своей стороны спѣшилъ навстрѣчу къ Жуберу. Любопытно было видѣть это столкновеніе двухъ полководцевъ, столь различныхъ между собою лѣтами, но столь хорошо равнявшихся пылкостію и мужествомъ! Семидесяти-лѣтній Суворовъ даже превзошелъ своего соперника быстротою дѣйствій. Слѣдуя своему обыкновенному правилу, что нападающая сторона всегда выигрываетъ передъ тою, на которую дѣлается нападеніе, онъ и здѣсь поступилъ также, и прежде нежели Жуберъ успѣлъ сдѣлать свои распоряженія, даже прежде нежели онъ дошелъ до Тортоны, Суворовъ уже встрѣтилъ его за нѣсколько миль до этой крѣпости, въ мѣстечкѣ *Нови*, и первый началъ сраженіе. Оно было ужасно, потому что съ обѣихъ сторонъ было много мужества и искусства. Французы показали столько неустрашимости, защищались такъ храбро отъ нападеній русскихъ, что была даже минута, въ которую знаменитый фельдмаршалъ въ первый разъ въ жизни усомнился въ возможности побѣды своей. Но это была только одна минута: слѣдующая за нею уже принесла ему увѣренность въ этой побѣдѣ, а молодому Жуберу — смерть. Онъ раненъ былъ пулею и чрезъ нѣсколько часовъ потомъ скончался. Вмѣстѣ съ нимъ убито было на полѣ сраженія восемь тысячъ французовъ; множество ихъ взято было въ плѣнъ, и, кромѣ того, вся артиллерія ихъ досталась въ руки союзниковъ.

Сраженіе при Нови принадлежитъ къ самымъ знаменитымъ. Суворовъ самъ говорилъ, что никогда не видалъ битвы болѣе упорной. Военные же писатели сравниваютъ его съ важнѣйшими сраженіями прошедшаго столѣтія, напримѣръ Полтавскимъ и Куннерсдорфскимъ. Побѣда Суворова была на этотъ разъ тѣмъ важнѣе для него, что убѣдила враговъ его въ истинѣ искусства его: между ними были такіе, которые изъ зависти оспаривали достоинство

военныхъ знаній его и безстыдно говорили, что онъ побѣждаетъ однимъ только счастіемъ, и только однихъ турокъ и поляковъ, не столь искусныхъ въ военномъ дѣлѣ, какъ другіе народы. При Нови онъ доказалъ всю несправедливость такого обвиненія, сражаясь съ однимъ изъ отличнѣйшихъ генераловъ того времени. Со всѣхъ сторонъ посыпались на него новые знаки уваженія государей. Король сардинскій пожаловалъ ему достоинство фельдмаршала войскъ своихъ и принца, и гранда своего государства. Городъ Туринъ поднесъ богатую шпагу, украшенную алмазами. Императоръ Францъ II, не имѣя уже для него новыхъ знаковъ отличія, выражалъ ему благодарность свою самыми лестными письмами. Но императоръ Павелъ превзошелъ всѣхъ своею щедростію при этомъ случаѣ. Онъ пожаловалъ храброму подданному своему княжество имперіи Русской съ именемъ *Италійскаго*, столь приличнымъ освободителю Италіи. Кромѣ того, онъ прислалъ ему портретъ свой, украшенный брилліантами при письмѣ, въ которомъ самыми лестными выраженіями просилъ его носить этотъ знакъ признательности государя къ подданному, прославившему царствованіе его. Этого еще мало: государь, принося Богу благодареніе за побѣды въ Италіи, приказалъ, чтобы Суворову оказывали воинскія почести, подобныя отдаваемымъ особѣ императора, даже въ присутствіи его величества.

Но это были почти послѣднія почести, оказанныя славному фельдмаршалу: онѣ были для него предвѣстниками печальныхъ, хотя не менѣе славныхъ дней. Такая удивительная перемѣна въ судьбѣ побѣдителя, и вообще въ судьбѣ всей войны, произошла вскорѣ послѣ сраженія при Нови. Трудно рѣшить, какая была причина тому, только эта побѣда, вмѣсто того, чтобы, по мнѣнію Суворова, доставить союзникамъ чрезвычайныя выгоды и даже открыть входъ въ юго-восточныя области Франціи, не сдѣлала ничего. Союзныя войска, послѣ невѣроятныхъ успѣховъ своихъ, какъ будто утомились, и Богъ знаетъ, отъ зависти ли къ славѣ Суворова, или просто по одному духу несогласія, только придворный Верховный совѣтъ вѣнскій, распоряжавшій дѣлами войны и только Суворову уступавшій на

нѣкоторое время это право свое, распорядился на этотъ разъ такъ, что все созданное побѣдами фельдмаршала русскаго уничтожилось. Слѣдуя этому странному распоряженію, часть австрійской арміи, дѣйствовавшая противъ французовъ въ Швейцаріи подъ начальствомъ эрцгерцога Карла, должна была идти къ Рейну потому только, что тамъ показался небольшой и вовсе неопасный отрядъ непріятеля; Суворовъ же долженъ былъ оставить освобожденную имъ Италію и занять съ своею очень уменьшившеюся арміею мѣсто эрцгерцога въ Швейцаріи. Такое перемѣщеніе войска влекло за собою самыя дурныя слѣдствія: въ Швейцаріи оставались еще части русской и австрійской армій подъ начальствомъ генераловъ Римскаго-Корсакова и Готца. Отступленіе эрцгерцога оставляло ихъ вовсе беззащитными противъ нападеній главнаго французскаго войска, которое подъ начальствомъ Массены сторожило все движеніе ихъ и ожидало только удобнаго случая сдѣлать нападеніе. Суворовъ предугадывалъ это и оттого съ величайшимъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на распоряженіе придворнаго военнаго совѣта, и съ горестію разстался съ Италіей, которой жители неутѣшно плакали по немъ, какъ будто предчувствуя возвращеніе прежнихъ бѣдствій своихъ.

Ни они, ни Суворовъ не ошиблись: французы начали торжествовать съ той самой минуты, какъ предписанія вѣнскаго совѣта были исполнены. Массена напалъ на Корсакова и Готца прежде, нежели успѣлъ соединиться съ ними Суворовъ. И этому соединенію помѣшалъ также вѣнскій совѣтъ: Суворовъ, дошедши съ величайшею поспѣшностію до Беллицоны, не нашелъ пособій, которыя были необходимы для перехода черезъ Альпійскія горы и которыя Австрія обѣщала непремѣнно приготовить для него. Пять дней ожидалъ онъ исполненія этого обѣщанія и— напрасно! Ни полторы тысячи муловъ, на которыхъ надобно было перевозить военные снаряды и припасы, ни самые эти припасы для продовольствія войска не приходили и фельдмаршалъ, будучи не въ состояніи удерживать долѣе нетерпѣнія своего, перешелъ Альпы и перевезъ снаряды и сколько могъ собрать запасовъ — на казацкихъ лошадяхъ, которыхъ было не болѣе какъ полторы тысячи

въ войскѣ его. Утомленные необыкновеннымъ походомъ воины, вступивъ въ средину высочайшихъ горъ Европы, увидѣли самую неприступную изъ нихъ *Сенъ-Готардъ* и услышали повелѣніе начальника своего взойти на нее. Въ первый разъ повелѣніе его показалось имъ невозможнымъ къ исполненію; мужество ихъ поколебалось и тихій, невнятный ропотъ пробѣжалъ по толпѣ, окружавшей героя. Онъ замѣтилъ, что происходило въ сердцахъ храбрыхъ товарищей его и въ ту же минуту рѣшилъ сомнѣніе ихъ. «Братцы! закричалъ онъ солдатамъ, — ройте мнѣ яму: здѣсь похороните меня, не могу пережить своей славы,— вы не русскіе, вы мнѣ уже не дѣти! Мнѣ ничего не остается, кромѣ смерти».

Милые читатели! вы, какъ русскіе, можете понять, какое дѣйствіе произвели эти слова на солдатъ нашихъ. Они устыдились своей минутной слабости и въ восторгѣ и слезахъ закричали: «Съ нами Богъ! Отецъ нашъ Суворовъ! веди насъ!»

Съ этой минуты они уже не боялись опасностей, которыя встрѣчались почти на каждомъ шагу этого труднаго похода. Они преодолѣвали всѣ затрудненія его и, преодолѣвая ихъ, еще одерживали побѣды надъ непріятелями, неожиданно являвшимися къ нимъ по дорогѣ изъ-за скалъ Сенъ-Готарда. Этого еще мало: достигнувъ ледяной вершины этой неприступной горы, они имѣли кровопролитное сраженіе съ укрѣпившимися тамъ французами и вытѣснили ихъ оттуда въ долину Урзенъ. Здѣсь французы, будучи не въ силахъ выдержать долѣе жестокую борьбу, побѣжали. Дорога, по которой имъ надобно было спасаться, была почти непроходима. Высочайшія горы и глубокія пропасти окружали ихъ со всѣхъ сторонъ; и надъ одной изъ этихъ пропастей висѣлъ тоненькій мостикъ, черезъ который надобно было проходить. Этотъ мостъ называется *Чортовымъ,*— названіе, доказывающее опасность перехода. Французы, гонимые страхомъ, кое-какъ сдѣлали опасную переправу и, чтобы самымъ вѣрнымъ средствомъ избавиться отъ погони, разрушили за собою воздушный мостъ. Но какъ они ошиблись, воображая остановить этимъ русскихъ, и русскихъ подъ начальствомъ Суворова! Не было случая,

который бы могъ остановить ихъ: разрушенный мостъ былъ снова построенъ. Офицеры шарфами своими связывали доски его, солдаты перекидывали эти доски надъ пропастями и по этой зыбкой, едва державшейся дорогѣ перешло храброе войско и догнало непріятеля у деревни Альдорфъ. Здѣсь, на водахъ прекраснаго озера Луцернскаго, французы нашли свое спасеніе, бросившись на лодки, которыя отвезли ихъ въ кантонъ Унтервальденъ.

Суворовъ, спѣша соединиться съ Римскимъ-Корсаковымъ и Готце, не остановился здѣсь, но отправился прямо къ кантону Швицу, чрезъ долину Муттенъ. Въ этой долинѣ, до которой такъ трудно было достичь, фельдмаршалъ узнаетъ, что оба генерала, единственные помощники его въ Швейцаріи, разбиты! Если въ теченіе всей славной жизни своей Суворовъ былъ чѣмъ нибудь пораженъ, то, конечно, этимъ извѣстіемъ! Онъ не могъ помыслить безъ ужаса, что слава русскихъ, это драгоцѣннѣйшее благо его, померкнетъ въ Швейцаріи; что никто, ни даже самъ онъ, не въ состояніи будетъ возвратить ей прежній блескъ ея, потому что долина Муттенъ, окруженная со всѣхъ сторонъ высочайшими горами, была окружена еще войскомъ французскимъ, втрое многочисленнѣйшимъ войска русскаго. Казалось, вѣрная смерть ожидала храбрый отрядъ, такъ смѣло взобравшійся на чуждыя ему высоты. Глаза всей Европы жадно устремлены были на героя, такъ долго побѣждавшаго и наконецъ—побѣжденнаго, хотя не искусствомъ и храбростію непріятеля, но по крайней мѣрѣ несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Такъ думали, такъ ожидали всѣ, кромѣ одного Суворова. Нѣтъ, герой Россіи не пришелъ въ совершенное уныніе и здѣсь надѣялся на себя и на солдатъ своихъ и тогда, когда, казалось, уже не было никакой надежды. Онъ не только не думаетъ быть побѣжденнымъ, но еще первый нападаетъ на Массену, разстроиваетъ передовые отряды его, беретъ въ плѣнъ четыреста человѣкъ, бросаетъ нѣсколько пушекъ его въ пропасти. Но все это отчаянное мужество не помогаетъ положенію его. Рано или поздно, оно должно окончиться плѣномъ: силы непріятельскія слишкомъ превышаютъ малый остатокъ русскихъ. И ужасную участь его должен разъ-

дѣлить съ нимъ сынъ императора молодой великій князь, ввѣренный его попеченіямъ и отличившійся неустрашимостію, достойною славнаго учителя, даннаго ему родителемъ. Нѣтъ, онъ не могъ перенести такой мысли и рѣшился на послѣднее, только ему одному возможное средство. Изъ долины Муттенъ былъ еще одинъ выходъ, который могъ избавить русскихъ отъ плѣна: вершина одной изъ высочайшихъ горъ Альпійскихъ—Глариса. Но и эту, можно сказать, тропинку, по которой только два человѣка шли рядомъ и подлѣ которой съ одной стороны была неприступная скала, а съ другой — Клейнталерское озеро, стерегли французы у выхода; съ боку же стрѣляла въ нее непріятельская артиллерія, расположенная по другую сторону озера. И здѣсь-то надобно было пройти безстрашному отряду русскихъ. Суворовъ показываетъ этотъ путь солдатамъ своимъ и говоритъ, что только имъ могутъ они спасти честь свою, сына императора и славу фельдмаршала ихъ. Этихъ словъ было довольно для воиновъ русскихъ. Громкими криками просили они *отца своего* вести ихъ, и—безпримѣрное мужество побѣдило всѣ препятствія. Тропинка была очищена отъ французовъ и, опрокинутые передовые отряды ихъ, спасаясь бѣгствомъ отъ русскихъ, увлекли за собою и всѣхъ остальныхъ товарищей своихъ, такъ что русскіе удачно достигли Глариса. Здѣсь Суворовъ съ минуту могъ еще быть въ нерѣшимости о томъ, что̀ дѣлать, могъ еще имѣть мысль о нападеніи! Геній его, безпримѣрно отважный, еще хотѣлъ бы устремиться на французовъ, бывшихъ въ долинѣ, сквозь ряды ихъ до озера Цюрихскаго, соединиться съ австрійскимъ корпусомъ Готце и остатками русскаго Римскаго-Корсакова. Но, взглянувъ на горсть храбрыхъ товарищей своихъ, истощенныхъ трудностями похода, и узнавъ въ Гларисѣ, что состояніе разбитаго войска Корсакова было хуже, нежели онъ воображалъ по первымъ извѣстіямъ, непобѣдимый герой долженъ былъ покориться судьбѣ своей и рѣшился въ первый разъ въ жизни отступить отъ непріятеля, имѣя случай сразиться съ нимъ.

Но это самое отступленіе принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ побѣдъ его: такъ велики были трудности, съ ка-

кими оно соединялось, такъ невѣроятны были усилія, съ какими надобно было произвесть его. Чтобы читатели могли имѣть вѣрнѣйшее понятіе объ этомъ знаменитомъ подвигѣ Суворова и воинахъ его, я представлю здѣсь собственный разсказъ о переходѣ Альпійскихъ горъ одного изъ очевидцевъ и участниковъ этого славнаго похода [1]). «Надобно было перейти черезъ горы Бинтнеръ, Ринкненъ и Паниксъ, подобныя Сенъ-Готарду, возвышающіяся надъ пропастями, покрытыми вѣчными снѣгами. Русскіе восходили къ облакамъ по крутизнѣ горъ, скользкой отъ вновь падающаго снѣга, гдѣ никогда не было слѣдовъ человѣческихъ; гдѣ измученные мулы и казачьи лошади безпрестанно должны были останавливаться и часто падали въ бездны, гдѣ не отыскивали даже кустарника, чтобы развесть огонь и согрѣться. Жизнь храбрыхъ воиновъ, изнуренныхъ походами, нуждающихся въ пищѣ, обуви и одеждѣ, на каждомъ шагу подвергалась опасности. На горѣ Бинтнеръ надобно было подниматься противъ шумящихъ потоковъ водопада, который многихъ пѣшихъ и конныхъ низвергалъ въ бездны. Темныя ночи и раскаты грома довершали опасности этого похода. Поднимаясь на высоты горъ, воины должны были сойти въ необитаемую часть Граубиндена, въ пустынныя равнины, сокрытыя отъ нихъ подъ мрачными туманами. Престарѣлый вождь и порученный его попеченіямъ юный сынъ императора русскаго проходили опасное и славное поприще, какъ вѣрные, дружелюбные сотоварищи ихъ. Семидесяти-лѣтній старецъ совершилъ походъ свой на казачьей лошади; синій плащъ и круглая шляпа съ большими полями была единственною защитою его противъ суровой и ненастной погоды; вмѣстѣ съ великимъ княземъ проводили они ночи подъ открытымъ небомъ, имѣли пристанище только въ сараяхъ, гдѣ въ лѣтнее время укрываются отъ непогоды стада. Наконецъ, послѣ шестнадцати-дневнаго побѣдоноснаго странствованія по Альпійскимъ горамъ, русскіе достигли Коира и потомъ Линдау 28-го сентября 1799 года».

---

[1]) Д. ст. сов. Егоръ Фуксъ, служившій въ то время при фельдмаршалѣ Суворовѣ и описавшій исторію Россійско-Австрійской кампаніи 1790 года.

Отсюда фельдмаршалъ приготовился къ возвращенію въ Россію и, не смотря на всѣ убѣжденія союзниковъ, постигавшихъ тогда ошибку свою и чрезвычайно сожалѣвшихъ о неблагодарности своей къ знаменитому герою русскому, не согласился помогать имъ болѣе. «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ всѣмъ посланникамъ и повѣреннымъ въ дѣлахъ дворовъ лондонскаго и вѣнскаго, явившимся къ нему для переговоровъ,—нѣтъ, довольно, что одинъ разъ обманули меня; но быть обманутымъ два раза было бы уже слишкомъ стыдно для лѣтъ моихъ и опытности». Вскорѣ послѣ того онъ получилъ отъ государя своего повелѣніе возвратиться съ войскомъ въ Россію. Императоръ Павелъ I былъ справедливо недоволенъ союзниками, которые гораздо болѣе заботились о частныхъ выгодахъ своихъ, нежели о пользѣ общей.

Суворовъ, возвращаясь на сей разъ изъ похода, можетъ быть самаго знаменитаго изъ всѣхъ совершенныхъ имъ, былъ мраченъ, недоволенъ судьбою и людьми, и въ первый разъ этотъ характеръ, твердый при всякой перемѣнѣ счастія, поколебался отъ тѣни, брошенной на блистательную славу его, или, можетъ быть, отъ сожалѣнія о томъ, что всѣ усилія, всѣ славныя побѣды его въ Италіи не принесли той пользы, какую надѣялся онъ доставить всей Европѣ уничтоженіемъ республики Французской. Это печальное состояніе души имѣло такое сильное вліяніе на все существо его, что онъ сдѣлался боленъ вскорѣ послѣ возвращенія своего въ Петербургъ, въ февралѣ 1800 года, и не позже какъ 6-го мая того же года скончался. Великій князь наслѣдникъ престола Александръ Павловичъ и ученикъ героя, получившій за военныя заслуги свои отъ родителя титулъ цесаревича, великій князь Константинъ Павловичъ, высоко уважавшій и искренно любившій фельдмаршала, были при послѣднихъ минутахъ его съ изъявленіями участія императора, родителя ихъ, и приняли отъ него нѣсколько наставленій въ дѣлѣ военномъ, о которомъ умирающій еще имѣлъ твердость говорить почти въ минуты кончины.

Можно представить себѣ, какъ горестно было для Суворова разставаться съ жизнію, когда онъ уже зналъ, что

съ удаленіемъ его изъ Италіи и Швейцаріи французы начали снова покорять все своему владычеству! Благочестивая душа его, постигавшая предъ кончиною еще глубже и живѣе все величіе Бога и святой религіи Его, содрогалась, помышляя о судьбѣ міра, или по крайней мѣрѣ Европы въ то время, когда безумію французовъ покорятся всѣ жители ея. Съ этою печальною мыслію онъ скончался. Тѣло его погребено въ монастырѣ Александро-Невскомъ, а памятникъ, воздвигнутый въ честь ему, находится противъ Троицкаго моста, на такъ называемой Суворовской площади.

Предчувствіе, которое печалило знаменитаго фельдмаршала въ послѣднія минуты его жизни, начало, очевидно, оправдываться вскорѣ послѣ его смерти: могущество французовъ быстро возросло съ 1800 года, и молодой герой ихъ Наполеонъ Бонапарте, пользуясь властію, которою онъ обязанъ былъ генію своему и важнымъ заслугамъ, оказаннымъ Франціи, началъ приводить въ нѣкоторый порядокъ хаосъ республики Французской, и съ 1800 года учредилъ въ ней правленіе, похожее на то, какое нѣкогда было въ Римѣ, — правленіе консульское. Учредитель порядка, казавшагося спасительнымъ послѣ ужасовъ безначалія, получилъ достойную награду за дѣло свое: его избрали первымъ консуломъ республики Французской. Съ этимъ именемъ, напоминавшимъ такъ много знаменитаго въ древности, слава Бонапарте, казалось, получила новый блескъ, и новыя побѣды его распространили опять владычество французовъ въ Италіи, едва только что освободившейся отъ завоевателей своихъ. Миръ въ Люневилѣ, устроенный совершенно по желанію французовъ, заставилъ австрійцевъ снова пожалѣть о томъ, что русскихъ уже не было въ станѣ ихъ. Между тѣмъ Бонапарте, замышляя обширные планы къ увеличенію могущества своего, зналъ, что ему трудно будетъ дѣйствовать безъ помощи императора русскаго. Это убѣжденіе заставляло его стараться всѣми силами о томъ, чтобы императоръ Павелъ I раздѣлилъ непріязненныя намѣренія его противъ нѣкоторыхъ изъ государей европейскихъ, и особенно противъ короля англійскаго. Обстоятельства благопріятствовали желаніямъ перваго кон-

сула. Императоръ, кромѣ прежнихъ причинъ къ неудовольствію на англичанъ за Суворова и войско русское въ Швейцаріи, имѣлъ еще новыя: англичане упросили его помочь имъ изгнать французовъ изъ Голландіи, но войско, посланное императоромъ русскимъ въ Голландію, имѣло такую же участь, какъ и то, которое подъ начальствомъ Суворова помогало австрійцамъ биться съ французами въ Италіи и Швейцаріи: кромѣ того, англичане завладѣли островомъ Мальтою, принадлежавшимъ ордену св. Іоанна Іерусалимскаго, который былъ подъ особеннымъ покровительствомъ государя русскаго, — и вообще начали опять оказывать столько несправедливостей кораблямъ другихъ націй, что Павелъ принужденъ былъ отказаться отъ союза съ ними и возобновить безсмертное учрежденіе родительницы своей — *вооруженный нейтралитетъ.* И такъ, Бонапарте нашелъ императора Павла готовымъ раздѣлить его неудовольствіе на англичанъ. Съ ними соединились: Пруссія, Данія и Швеція, и можетъ быть Англія испытала бы важный переворотъ въ судьбѣ своей, еслибы Богу угодно было продлить жизнь императора. Но онъ скончался прежде, нежели война съ англичанами началась, а именно 12-го марта 1801 года.

Эта кончина, произведя важный переворотъ въ политическомъ отношеніи Европы, погрузила въ глубочайшую горесть семейство царское, такъ рано осиротѣвшее! Трогательнѣе всего была печаль императрицы Маріи Ѳеодоровны: вы знаете, милые читатели, что она обожала супруга своего. Какая картина могла быть умилительнѣе той, которую представляла эта вѣнценосная вдова и мать, окруженная семействомъ своимъ! Здѣсь-то болѣе, нежели гдѣ нибудь, высокія качества ея явились въ полномъ блескѣ. Перенося съ величайшею твердостію тоску о невозвратной потерѣ своей, она въ то же время проливала утѣшеніе въ сердца дѣтей своихъ и была вознаграждена за страданія свои тѣмъ рѣдкимъ, можно сказать даже безпримѣрнымъ союзомъ дѣтской и родственной любви, въ которомъ августѣйшее семейство ея всегда представляло высокій образецъ.

Семейство императора Павла I.

Супруги: 1-я — принцесса Гессенъ-Дармштадтская Августа-Вильгельмина, при мѵропомазанiи нареченная *Наталiею* Алексѣевною. 2-я — принцесса Виртембергская, при мѵропомазанiи нареченная *Марiею* Θеодоровною.

Дѣти отъ послѣдней.

Великiй князь *Александръ,* наслѣдовалъ престолъ. Великiй князь *Константинъ.* Великiй князь *Николай.* Великiй князь *Михаилъ.* Великая княжна *Александра,* была въ супружествѣ за палатиномъ венгерскимъ. Великая княжна *Елена,* была въ супружествѣ за герцогомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ. Великая княжна *Марiя,* въ супружествѣ за великимъ герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ. Великая княжна *Ольга,* скончалась въ малолѣтствѣ. Великая княжна *Екатерина,* была въ первомъ супружествѣ за принцемъ Георгомъ Голштейнъ-Ольденбургскимъ, во второмъ — за королемъ Виртембергскимъ Вильгельмомъ I. Великая княжна *Анна,* вдовствующая королева Нидерландская.

СОСТОЯНIЕ ЕВРОПЫ ВЪ ПЕРВЫЕ ЧЕТЫРЕ ГОДА ЦАРСТВОВАНIЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

отъ 1801 до 1805 года.

Въ 1714 году Петръ I, одержавъ важную побѣду надъ шведскимъ флотомъ при островахъ Аландскихъ, сказалъ въ торжественной рѣчи своей по этому случаю слѣдующiя примѣчательныя слова: «Природа сотворила *токмо единую Россiю* и она не должна имѣть никакого соперника». Всѣ дѣйствiя императора Александра, во время двадцати-пятилѣтняго правленiя его, подтверждали эти слова Великаго: все, казалось, клонилось къ тому, чтобы оправдать ихъ, все, и обстоятельства случайныя, и воля государя.

Я думаю излишне будетъ напоминать вамъ, милые читатели, что императоръ Александръ Павловичъ былъ стар-

шимъ сыномъ императора Павла I и супруги его императрицы Маріи Өеодоровны. Вы знаете также, что онъ былъ любимецъ великой бабушки своей и что она сама воспитала его, сама приготовила его царствовать. Описаніе тридцати-четырехъ лѣтъ правленія ея доказало намъ, что главнымъ основаніемъ важной науки государей, главною причиною счастливыхъ царствованій ихъ, великая Екатерина считала любовь народа, и немногіе изъ государей умѣли внушить эту любовь до такой степени, какъ императоръ Александръ. Природа одарила его всѣми качествами, достойными любви; воспитаніе развило до высочайшей степени эти драгоцѣнные дары, и августѣйшій внукъ Екатерины представилъ собою образецъ государя, обожаемаго народомъ. Мы говорили уже о любви, такъ сильно чувствуемой къ нему во всѣхъ мѣстахъ обширнаго отечества нашего, еще въ то время, когда онъ былъ наслѣдникомъ престола; она возрастала потомъ съ его лѣтами и съ тою молвою, которая разносила по всему царству слухъ объ ангельской добротѣ его сердца, о его кроткомъ нравѣ, о его прелестной наружности; наконецъ, она выразилась сильнѣе, нежели когда нибудь, при его восшествіи на престолъ, и выразилась не только въ Россіи между подданными его, но даже и въ чужихъ краяхъ, между иностранцами: восторгъ ихъ къ молодому императору былъ такъ великъ, что одинъ изъ лучшихъ поэтовъ Германіи, Клопштокъ, написалъ оду на случай его восшествія на престолъ.

Александръ не могъ быть равнодушенъ къ такому общему выраженію любви: она глубоко трогала сердце его, отъ природы чрезвычайно чувствительное, и исполненный благодарности къ августѣйшей бабкѣ, воспитательницѣ своей, онъ, въ первомъ данномъ имъ указѣ народу, объявилъ: «Мы будемъ царствовать по сердцу и законамъ нашей бабки Екатерины II». — Вслѣдъ затѣмъ онъ спѣшилъ показать и подданнымъ своимъ то чувство, которое наполняло сердце его къ нимъ: это была нѣжнѣйшая заботливость обо всемъ, что касалось до улучшенія состоянія ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Здѣсь открывается предъ нами длинный рядъ благодѣяній Александра. Вниманіе его прежде всего обратилось на тѣхъ изъ подданныхъ его, которыхъ

положенiе было несчастливо, и 15-го марта, т. е. чрезъ три дня послѣ восшествiя его на престолъ, прощены всѣ содержавшiеся по дѣламъ тайной экспедицiи, и самое это присутственное мѣсто, учрежденное для разбирательства важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ и принимавшее иногда при этомъ разбирательствѣ мѣры слишкомъ строгiя, было уничтожено. Вообще кроткая душа Александра была до такой степени исполнена милосердiя, что самые преступники не лишены были его состраданiя, и все, что̀ отягощало судьбу ихъ, напримѣръ наказанiя слишкомъ жестокiя, пытки при допросахъ, все это было отмѣнено имъ; даже висѣлицы, которыя обыкновенно ставились въ городахъ при публичныхъ мѣстахъ для того, чтобы выставлять на нихъ на показъ народу имена преступниковъ, были уничтожены: милосердый государь находилъ эту мѣру правосудiя слишкомъ тягостною для родственниковъ несчастнаго, подвергшагося наказанiю.

Столько великодушiя къ людямъ, наименѣе достойнымъ царственныхъ милостей, показываетъ, до какой степени сердце Александра исполнено было заботливости о счастiи всѣхъ другихъ подданныхъ его. Приступая къ разсмотрѣнiю всего сдѣланнаго имъ въ этомъ отношенiи, мы прежде всего должны остановить вниманiе на благотворномъ стремленiи молодого императора доставить народу своему главное основанiе счастiя—образованность и съ нею вмѣстѣ всѣ блага, отъ нея проистекающiя. Въ этомъ случаѣ превзошелъ онъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. «Примѣра не было въ исторiи», — сказалъ одинъ изъ извѣстныхъ литераторовъ нашихъ, постоянно и почти исключительно посвящающiй прекрасные труды свои успѣхамъ просвѣщенiя по учебной части,— «примѣра не было въ исторiи, когда бы съ такимъ одушевленiемъ и ревностiю заботилось правительство о водворенiи въ государствѣ любви къ наукамъ, какъ въ первые годы царствованiя императора Александра. До него просвѣщенiе представляло одинъ изъ тѣхъ предметовъ, на которые смотрятъ какъ на прiятность, какъ на удобство, какъ на предметъ изъ числа полезныхъ, но еще не необходимый.

При немъ оно поступило въ разрядъ предметовъ государственныхъ. Судьбою наукъ стали такъ заниматься, какъ до сихъ поръ занимались только государственными имуществами, военными силами и проч.»

1802 годъ былъ важнѣйшею эпохою этой счастливой перемѣны. 8-го сентября этого года учреждены были для лучшаго дѣйствія по всѣмъ частямъ государственнаго управленія *восемь* министерствъ, и въ числѣ ихъ—*министерство народнаго просвѣщенія.* Самое названіе уже показываетъ благотворную цѣль этого отдѣленія правительственной власти и все добро, какое оно могло произвесть. Новое министерство въ самомъ дѣлѣ было источникомъ, изъ котораго просвѣщеніе обильно полилось во всѣ стороны обширнаго отечества нашего и въ этомъ прекрасномъ разливѣ было столько порядка, столько точности и постепенности, что нельзя не удивляться совершенству, съ какимъ придуманы были всѣ малѣйшія подробности новаго устройства. Чтобы доставить читателямъ сколько возможно лучшее понятіе объ этомъ важнѣйшемъ учрежденіи въ дѣлѣ образованности Россіи, надобно разсказать нѣсколько подробнѣе о томъ, что сдѣлало министерство народнаго просвѣщенія тотчасъ послѣ своего учрежденія. Подъ начальствомъ его былъ единственный, существовавшій тогда университетъ Московскій. По примѣру этого университета, министерство основало *три* новые, въ городахъ: Вильнѣ, Харьковѣ и Казани; предположило еще три другіе: въ Кіевѣ, Устюгѣ-Великомъ и Тобольскѣ, и подчинило начальству каждаго изъ нихъ цѣлый округъ учебныхъ заведеній. Эти заведенія состоятъ изъ губернскихъ гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Первое образованіе начинается въ училищахъ приходскихъ, изъ которыхъ воспитанники поступаютъ въ училища уѣздныя и, наконецъ, въ гимназіи. Познанія, какія преподаются въ этихъ трехъ заведеніяхъ, весьма достаточны для многихъ гражданскихъ должностей, тѣхъ же изъ воспитанниковъ, которые желаютъ и могутъ идти выше по части наукъ или литературы, университетъ радушно принимаетъ въ свои учебные залы и щедро осыпаетъ важными преимуществами отличившагося ученика,

изъ какого бы званія онъ ни происходилъ [1]). Такимъ образомъ поприще обширное, удобное и, говоря по справедливости, самое лестное и пріятное открыто было, по волѣ просвѣщеннаго государя, каждому изъ подданныхъ его. Какъ подвинула эта благодѣтельная воля успѣхи просвѣщенія! Казалось одно обнародованіе ея, одна извѣстность о желаніи государя образовать подданныхъ своихъ, уже образовали множество изъ нихъ: почти во всѣхъ концахъ Россіи показалось какое-то общее стремленіе къ просвѣщенію, какое-то необыкновенное усердіе согласоваться съ желаніями молодого императора. Цѣлыя сословія и многія изъ частныхъ лицъ жертвовали имѣніемъ своимъ для основанія учебныхъ обществъ и учебныхъ заведеній. Такъ основались два знаменитыя училища высшихъ наукъ въ Ярославлѣ и Нѣжинѣ; первое—пожертвованіями статскаго совѣтника Демидова, второе—графа Безбородко. Такъ составились въ Москвѣ и Петербургѣ разныя замѣчательныя общества. Въ первой *три:* одно—для историческихъ изысканій; другое — для распространенія свѣдѣній по части естествоиспытанія; третье—по части словесности. Въ Петербургѣ также образовались одно за другимъ три общества: первое — общество любителей наукъ, словесности и художествъ; второе—бесѣда любителей русскаго слова, и третье—общество соревнователей просвѣщенія и благотворенія. Говоря объ этихъ обществахъ, кстати будетъ сказать вамъ, милые читатели, что императоръ Александръ обращалъ такое вниманіе на все, относящееся къ просвѣщенію, что даже давалъ именные указы о томъ, чтобы издатели публичныхъ вѣдомостей извлекали изъ иностранныхъ журналовъ и сочиненій все, что относилось до открытія по разнымъ частямъ наукъ, ремеслъ, художествъ и земледѣлія, и чтобы помѣщали всѣ такія статьи въ вѣдомостяхъ своихъ.

Прекрасныя дѣйствія министерства народнаго просвѣщенія могутъ дать понятіе и объ остальныхъ *семи*, вмѣстѣ

[1]) Студенты, слушающіе курсы наукъ въ университетахъ, уже считаются на службѣ, а окончившіе его удовлетворительно—выпускаются съ чинами разныхъ классовъ, смотря по степени успѣховъ ихъ въ ученіи и познаніяхъ.

съ нимъ учрежденныхъ министерствахъ. Они были: 1) министерство военныхъ сухопутныхъ силъ, 2) министерство морскихъ силъ, 3) министерство иностранныхъ дѣлъ, 4) министерство юстиціи 5) министерство внутреннихъ дѣлъ, 6) министерство финансовъ, 7) министерство коммерціи.—Всѣ части, ввѣренныя этому новому управленію, двигались стройно и отчетливо, всѣ доказывали успѣхи гражданской образованности народа.

Получивъ теперь нѣкоторое понятіе о внутреннемъ состояніи Россіи въ первые годы царствованія незабвеннаго императора Александра, вы, конечно, желаете узнать, въ какихъ отношеніяхъ была въ то время Россія съ другими государствами. Для этого взглянемъ на тогдашнее состояніе всей Европы. Вы помните, какое потрясеніе почувствовала она отъ революціи французской. Нѣсколько государствъ, исчезнувшихъ изъ списка владѣній европейскихъ, и нѣсколько другихъ, вновь образованныхъ, перемѣнили почти совершенно видъ Европы. Въ началѣ XIX столѣтія, т. е. въ то время, о которомъ мы говоримъ теперь, всеобщее волненіе начинало мало-по-малу утихать: во Франціи явился счастливый воинъ, которому удалось необыкновеннымъ умомъ своимъ обуздать необузданныхъ. Вы видѣли, какъ сильно уже было могущество его въ 1801 году и какъ для увеличенія его онъ искалъ благосклонности императора Павла I. Общее неудовольствіе на англичанъ сблизило ихъ и война уже готова была начаться, какъ вдругъ разнеслась вѣсть о кончинѣ императора. Кроткій Александръ не могъ безъ сожалѣнія думать о нарушеніи мира, только что заключеннаго послѣ ужасныхъ кровопролитій, происходившихъ въ Европѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ революціи французской, и употребилъ всѣ старанія, чтобы примирить непріязненныя государства. Успѣхъ увѣнчалъ желанія августѣйшаго посредника, и прежде нежели кончился 1801 годъ, мирные договоры заключены были не только между Россіею и Англіею, казавшимися ближе всѣхъ другихъ къ разрыву, но даже и между всѣми другими несогласовавшимися между собою государствами, кромѣ Франціи и Англіи. Обыкновенное нерасположеніе ихъ другъ къ другу означалось въ то время сильнѣе, нежели

когда нибудь. Однакожъ въ началѣ 1802 года Амьенскій миръ окончилъ и эти несогласія. Примиреніе было не совсѣмъ искреннее со стороны Англіи, оно вынуждено было могуществомъ перваго консула Франціи,—могуществомъ, которое въ этотъ годъ украшено было новою и, по справедливости сказать, истинною славою: 18-го апрѣля, въ первый день Пасхи, Бонапарте возстановилъ христіанскую религію, изгнанную изъ Франціи, со временъ безумной революціи. Благотворныя послѣдствія этого возстановленія были неисчислимы. Вообразите страну, въ которой въ теченіе многихъ лѣтъ забыта была священнѣйшая обязанность человѣка—благоговѣніе къ Творцу его и, слѣдовательно, всѣ другія, основанныя на ней; вообразите, какую жизнь могли вести люди, которые никогда и ничего не уважали и не любили, потому что нельзя чувствовать никакой любви и уваженія безъ любви къ Богу, безъ страха къ Его великому правосудію! Вообразите же такую ужасную страну и такихъ жалкихъ людей, и потомъ оцѣните, сколько добра сдѣлалъ Бонапарте, возвративъ ихъ къ Богу и ко всему счастію, проистекающему отъ Бога! Всѣ государи европейскіе, услышавъ эту новость, столь важную не только для народа французскаго, но и для всѣхъ другихъ, находившихся въ сношеніяхъ съ нимъ, не могли не принять живѣйшаго участія въ ней: въ эту минуту многіе изъ нихъ даже забыли оскорбленія, нанесенныя имъ первымъ консуломъ, и въ святомъ порывѣ благородныхъ сердецъ своихъ простили ему многое. Что-жъ касается до французовъ, то, конечно, восхищеніе и благодарность ихъ къ Бонапарте достигли въ это время высочайшей степени. Они долго придумывали, какимъ образомъ выразить ему чувства свои, и въ сентябрѣ мѣсяцѣ объявили, что избираютъ его *первымъ консуломъ* на всю жизнь. Такое отличіе — предъ двумя другими консулами, товарищами его, смѣнявшимися чрезъ каждые три года—возвысивъ его почти до степени государя, открыло честолюбію его новое, обширное поле. Счастливъ бы онъ былъ, еслибы не увлекся этою опасною страстію сердца человѣческаго, еслибъ остался доволенъ высокимъ званіемъ, на которое возвела его судьба! Но въ ослѣпленіи, всегда неразлучномъ съ често-

любцами, Бонапарте не думалъ, что въ званіи перваго консула на всю жизнь онъ обладалъ, безъ имени государя, властію, равнявшеюся съ царскою, и безразсудно устремился за этимъ именемъ. Чтобъ получить его, онъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ, даже спокойствіемъ совѣсти. Да, съ сожалѣніемъ надобно сказать, что этотъ человѣкъ сдѣлалъ преступленіе, которое всегда останется для него упрекомъ. Грустенъ разсказъ объ этомъ, но исторія неумолима; страницы ея, какъ чистое зеркало, отражаютъ добро и зло, совершаемое въ мірѣ. Онѣ сохранили въ подробности жестокое дѣло Бонапарте. Вотъ оно.

Простирая гордые замыслы свои на сиротѣвшій престолъ Франціи, первый консулъ очень хорошо зналъ, что это священное наслѣдіе короля-мученика принадлежало ближайшимъ родственникамъ его, французскимъ принцамъ, изгнаннымъ изъ отечества. Многіе изъ государей европейскихъ покровительствовали имъ и доставляли въ областяхъ своихъ хранительное убѣжище отъ преслѣдованій безумнаго народа и его жестокихъ правителей. Со времени владычества Бонапарте эти преслѣдованія перестали быть такъ ужасны, какъ прежде, и всѣ изгнанные французы, и въ томъ числѣ и ихъ принцы королевской крови, начали вести жизнь болѣе спокойную. Одинъ изъ нихъ, племянникъ короля, молодой и отличавшійся высокими достоинствами, принцъ Энгіенскій былъ даже такъ довѣрчивъ къ славѣ перваго консула, что беззаботно жилъ почти на самой границѣ Франціи, въ герцогствѣ Баденскомъ. Этотъ молодой принцъ прекрасными качествами своими обращалъ всегда особенное вниманіе французовъ и потому казался для Бонапарте опаснѣе всѣхъ прочихъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ замышлять о приведеніи республиканской Франціи подъ власть монархическаго государя и о возложеніи на себя короны его. Увлеченный мыслію удобно завладѣть ею и утвердить ее въ потомствѣ своемъ, и ободряемый привязанностію къ нему народа французскаго, готоваго съ восторгомъ назвать его государемъ своимъ, первый консулъ съ досадою смотрѣлъ на изгнанное семейство королей Франціи и на приверженцевъ ихъ. Послѣдніе безпокоили его почти столько же, какъ и первые: усердіе

къ законнымъ владѣтелямъ родины заставило ихъ часто употреблять усилія для возвращенія имъ престола. Эти усилія, хотя безплодныя въ сравненіи съ дѣятельностію многочисленной толпы республиканцевъ, могли найти покровительство и помощь иностранныхъ государей, и тогда какая опасность угрожала могуществу Бонапарте! Мысль о давно недовольной французами Англіи и о примирившейся съ нею Россіи увеличивала невольный страхъ знаменитаго консула, и въ это самое время онъ услышалъ, что въ зȧмкѣ Эттенгеймскомъ, гдѣ жилъ герцогъ Энгіенскій, бываютъ тайныя собранія многихъ изъ приверженцевъ королевской фамиліи. Этого было довольно, чтобы возбудить сильный гнѣвъ и всѣ опасенія Бонапарте: не изслѣдовавъ цѣли этихъ собраній и дѣйствительно ли они бываютъ въ зȧмкѣ герцога, онъ отдаетъ приказаніе немедленно схватить несчастнаго принца, не смотря на то, что онъ жилъ во владѣніяхъ чужого государя, и отвезти во французскій городъ Страсбургъ. Здѣсь потомокъ королей и одинъ изъ ближайшихъ наслѣдниковъ престола Франціи былъ посаженъ въ темницу, преданъ военному суду за измѣну отечеству и за участіе въ заговорѣ на жизнь перваго консула и чрезъ три дня послѣ взятія его разстрѣлянъ! Поспѣшность и тайна этого суда достаточно доказываютъ невинность молодого принца и виновный умыселъ перваго консула; но французы того времени, въ пылу слѣпого восхищенія къ герою своему, не смѣли считать его способнымъ къ преступленію и повѣрили торжественнымъ объявленіямъ его о винѣ герцога. Несчастный принцъ погибъ, и никто не явился для защиты его! Напротивъ того, почти въ то же время, трибунатъ и сенатъ республиканской Франціи разсуждали о поднесеніи первому консулу императорскаго достоинства съ наслѣдственною властію въ его потомствѣ. Чрезъ нѣсколько дней потомъ, 18-го мая 1804 года, это предложеніе дѣйствительно было сдѣлано Бонапарте и 20-го того же мѣсяца было принято имъ. Восторгъ народа и войска къ новому императору былъ неописанъ: всѣ видѣли въ немъ родоначальника новаго, знаменитѣйшаго поколѣнія царей и неблагодарно забывали тѣхъ, которыхъ предки въ теченіе нѣсколькихъ

столѣтій были королями и благодѣтелями ихъ. Такъ думали легкомысленные французы, преклоняясь предъ величіемъ новаго государя своего; но этого мнѣнія ихъ не раздѣляли другіе народы, и во многихъ государствахъ не только не признавали новаго достоинства бывшаго консула, но даже прервали всѣ сношенія съ Франціею съ того времени, какъ узнали о несчастной кончинѣ невиннаго герцога Энгіенскаго. Впрочемъ, не смотря на это общее неудовольствіе и на оскорбленія, причиненныя императоромъ французовъ многимъ владѣтельнымъ принцамъ европейскимъ [1]), 1804 годъ прошелъ довольно тихо; казалось, всѣ приготовлялись къ войнѣ, всѣ ожидали, что она начнется вмѣстѣ съ 1805 годомъ, и—не ошиблись.

ВОЙНЫ СЪ ФРАНЦІЕЮ И МИРЪ ТИЛЬЗИТСКІЙ.

отъ 1805 до 1808 года.

(3 года).

22-го ноября 1804 года Бонапарте коронованъ былъ императоромъ французовъ, подъ именемъ Наполеона I. Вскорѣ послѣ этого священнаго обряда, совершеннаго по желанію гордаго честолюбца самимъ папою, нарочно призваннымъ для того во Францію, къ новому императору явилось депутатство отъ Итальянской республики, находившейся, какъ читателямъ извѣстно, совершенно подъ властію Франціи. Итальянцы умоляли Наполеона принять ихъ подъ покровительство еще болѣе близкое и, обративъ республику ихъ—по примѣру Французской имперіи—въ королевство, согласиться быть *королемъ Италіи*. Можно догадаться, по какому внушенію все это происходило и потому нельзя удивляться,

---

[1]) Бонапарте, провозгласивъ себя императоромъ французовъ и вскорѣ потомъ королемъ итальянскимъ, присоединилъ въ то же время Парму, Піаченцу и Лигурійскую республику къ Франціи; отдалъ герцогство Піомбино сестрѣ своей Элизѣ, республику Лукkскую—зятю своему Мюрату; республикѣ Батавской или Голландской приготовлялъ короля также изъ своего дома.

что Наполеонъ скоро согласился на принятіе короны итальянской, съ тѣмъ, однакожъ, условіемъ, что только онъ одинъ будетъ соединять ее съ французскою; послѣ же смерти его онѣ должны раздѣлиться! Онъ тогда же назначилъ наслѣдника новой короны своей и назвалъ его *вице-королемъ* Италіи: это былъ пасынокъ его, принцъ Евгеній Богарне, незадолго передъ тѣмъ усыновленный и искренно любимый имъ.

Но, кажется, по мѣрѣ возвышенія душа счастливаго воина и искуснаго покровителя народовъ дѣлалась болѣе и болѣе себялюбивою, болѣе и болѣе гордою: уступивъ престолъ Италіи принцу Евгенію, Наполеонъ тѣмъ не менѣе желалъ совершить надъ собою обрядъ коронованія на этотъ престолъ, можетъ быть потому, что корона Италіи, извѣстная подъ именемъ *желѣзной*, была знаменитѣйшею въ Европѣ: она лежала болѣе четырнадцати столѣтій безъ употребленія, и только для перваго императора французовъ была вынута съ благоговѣніемъ изъ сокровищницы Монза. Второе коронованіе императора происходило въ Миланѣ съ такимъ же великолѣпіемъ, какъ первое, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ въ Парижѣ. Обрядъ церемоніала былъ тотъ же и здѣсь, какъ и тамъ. Наполеонъ не допустилъ ни папу, на миланскаго кардинала Капрару возложить на себя корону: каждый разъ онъ собственными руками бралъ ее съ алтаря и возлагалъ на голову. Въ Миланѣ, надѣвая ее, онъ сказалъ: «Dieu me la donne, gare à qui la touche!» [1])

Нельзя было не удивляться дерзкой самонадѣянности этихъ словъ каждому, кто зналъ, что, по мирнымъ договорамъ Люневильскому и Амьенскому, Франція не должна была сдѣлать ни малѣйшей перемѣны въ образѣ правленія республикъ, утвержденныхъ этими договорами. А она образовала изъ себя имперію и присоединила къ этой имперіи республики Лигурійскую и Лукскую, превратила Итальянскую въ королевство, подвластное ей, и все это не только безъ согласія, но даже безъ всякаго сношенія съ другими державами! Такое нарушеніе договоровъ ясно показало государямъ европейскимъ, до какой степени можетъ дойти честолюбіе Наполеона и какая опасность угрожаетъ вла-

---

[1]) Богъ далъ мнѣ ее, бѣда тому, кто прикоснется къ ней!

дѣніямъ ихъ! Главнѣйшіе изъ нихъ: императоры россійскій и австрійскій и король англійскій, были первые, рѣшившіеся показать сопротивленіе могучей силѣ человѣка, напоминавшаго дѣлами своими великихъ завоевателей древняго міра: они заключили между собою союзъ, котораго цѣлію было остановить необузданное стремленіе его къ владычеству и доставить потрясенной въ самомъ основаніи Европѣ міръ и спокойствіе. Но благодѣтельный союзъ не принесъ ожидаемой всѣми пользы: англичане, во всякомъ случаѣ, занимались болѣе частными выгодами торговли своей, нежели общимъ благосостояніемъ Европы, а австрійцы, по дурно составленному въ Вѣнѣ плану войны и по неудачнымъ распоряженіямъ главныхъ генераловъ своихъ, въ особенности одного изъ нихъ, барона Макка, представили такое слабое сопротивленіе французамъ, что Наполеонъ истребилъ почти всю армію ихъ, прежде нежели она успѣла соединиться съ русскою, шедшею къ ней на помощь. Съ остатками австрійскаго войска Маккъ принужденъ былъ сдаться военноплѣннымъ.

Это начало войны не могло не произвесть унынія въ австрійскомъ народѣ, не могло не разстроить плановъ союзныхъ войскъ и потому неудивительно, что они дѣйствовали такъ безуспѣшно противъ торжествующихъ французовъ, что и русскіе отряды, пришедшіе на помощь къ нимъ подъ начальствомъ Голенищева-Кутузова, должны были начать почти отступленіемъ. Но и на этомъ отступленіи они отличили себя не одинъ разъ своею необыкновенною храбростію. Такъ Кутузовъ одержалъ блистательную побѣду при Кремсѣ, гдѣ французы потеряли до 6,000 человѣкъ и 5 пушекъ; такъ шеститысячный отрядъ русскихъ подъ начальствомъ Багратіона, окруженный 40,000 арміею французовъ, какъ будто въ укоризну слабаго Макка, согласился лучше умереть, нежели сдаться, и отчаянно, съ потерею 2,000 человѣкъ, пробился сквозь непріятеля. Но все это не помогало австрійцамъ: почти въ самую минуту побѣды своей Кутузовъ узналъ, что они уже сдали французамъ Вѣну, и снова принужденъ былъ къ отступленію. Сдача столицы произошла въ то время, когда императоръ австрійскій, отправясь для свиданія съ императоромъ Александромъ

въ Брюннъ, поручилъ ее оберъ-камергеру графу Вурбна, который, не имѣя никакихъ военныхъ достоинствъ, заботился только о сохраненіи общественнаго порядка и, строго наблюдая его, послалъ самъ къ Наполеону съ предложеніемъ о сдачѣ города. Второе непонятное дѣло лица, начальствовавшаго въ Австріи, совершенное въ то самое время, когда императоръ австрійскій придумывалъ все возможныя средства отразить непріятеля! Доказательствомъ тому служитъ несогласіе его на мирныя условія, предложенныя ему Наполеономъ, и желаніе его рѣшить войну оружіемъ. Императоръ Александръ раздѣлялъ мнѣнія Франца II, и генералъ Савари, присланный къ нему отъ Наполеона также для условій о мирѣ, поѣхалъ назадъ безъ всякаго успѣха. И такъ, союзники рѣшили дать генеральное сраженіе. Оно было при Аустерлицѣ, въ Моравіи, 20-го ноября 1805 года и было неудачно для арміи австрійско-русской. Превосходство силъ и все возможныя при сраженіяхъ выгоды были на сторонѣ французовъ. Австрійцы же, не досчитываясь множества изъ товарищей, убитыхъ или взятыхъ въ плѣнъ, были унылы и недовѣрчивы къ начальникамъ, а положеніе русскихъ не могло быть лучше, потому что они сражались въ чужой землѣ и вмѣстѣ съ войскомъ, безпрестанно побѣждаемымъ. Кромѣ того, они нуждались въ пищѣ и другихъ военныхъ припасахъ, не получая пособій, обѣщанныхъ Англіею. Все это облегчило для Наполеона побѣду при Аустерлицѣ, — побѣду, которая была такъ страшна для австрійцевъ, что они поспѣшили заключить отдѣльно отъ союзниковъ миръ съ Франціей, въ Пресбургѣ, 14-го декабря 1805 года. Наполеонъ предлагалъ миръ и Россіи, но императоръ Александръ нашелъ условія его несогласными съ спокойствіемъ Европы и потому отказался отъ нихъ и приказалъ войскамъ своимъ возвратиться въ отечество.

Опасенія Александра были справедливы: вскорѣ послѣ мира Пресбургскаго, такъ непрочно успокоившаго Европу, новые замыслы императора французовъ опять встревожили ее. Присоединяя области Италіи и Германіи одну за другою къ Франціи, или покоряя ихъ болѣе или менѣе ея вліянію, Наполеонъ ясно обнаруживалъ предъ взорами всѣхъ намѣреніе свое быть основателемъ *всемірной мо-*

нархіи. Послѣ Пресбургскаго мира, унизившаго первое по старшинству государство европейское до державы второстепенной, дерзкое намѣреніе Наполеона получило новую силу: онъ началъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Въ томъ же 1805 году онъ изгналъ изъ Неаполитанскаго королевства царствовавшую тамъ фамилію Анжуйскую и отдалъ его брату своему Іосифу, а Батавскую или Голландскую республику, превративъ въ королевство,—брату своему Людовику. Области германскія, изъ которыхъ большая часть была обязана Франціи или существованіемъ своимъ, или преобразованіемъ изъ герцогствъ въ королевства, изъ графствъ въ герцогства, — получили устройство, согласное съ цѣлію императора французовъ: онъ составилъ изъ нихъ *союзъ рейнскій* и назвалъ себя *протекторомъ* его. Это названіе доказывало степень зависимости ихъ и въ то же время внушало живѣйшія опасенія тѣмъ изъ государей, которые заботились болѣе другихъ о спокойствіи и счастіи народовъ европейскихъ. Это были: императоръ Александръ и король прусскій, Фридрихъ Вильгельмъ III. Еще за годъ передъ тѣмъ, и именно въ октябрѣ 1805 года, предъ начатіемъ войны французовъ съ австрійцами, самая искренняя дружба соединила короля прусскаго съ императоромъ русскимъ. Проѣзжая къ арміи своей въ Австріи, Александръ былъ въ Берлинѣ. Слухъ о высокихъ достоинствахъ Фридриха-Вильгельма давно расположилъ къ нему сердце государя русскаго до того, что онъ пламенно желалъ личнаго свиданія съ нимъ. Это свиданіе, въ самомъ дѣлѣ, утвердило союзъ, основанный на взаимномъ, глубокомъ уваженіи, и съ того времени соединило неразрывными узами два народа, достойные одинъ другого. Тѣнь Фридриха Великаго, этого славнаго государя, котораго любопытную исторію вы, милые читатели, безъ сомнѣнія, помните, осѣнила благословеніемъ своимъ этотъ союзъ потомка своего съ кроткимъ царемъ Россіи,—союзъ, по которому они дали клятву быть друзьями и въ то же время союзниками для защиты государей и народовъ, обиженныхъ похитителемъ престола французскаго. Прекрасенъ былъ этотъ союзъ, но много надобно было вытерпѣть вѣнценоснымъ друзьямъ, прежде нежели дружество ихъ при-

несло блистательные плоды. Въ августѣ 1806 года объявлено было соединеніе Россіи и Пруссіи противъ Франціи. Наполеонъ, имѣвшій причину подозрѣвать, что будетъ сопротивленіе дерзкому могуществу его, не выводилъ войскъ своихъ изъ Германіи и Австріи, хотя и долженъ былъ сдѣлать это по условіямъ мира Пресбургскаго, и армія его была въ готовности дѣйствовать противъ Пруссіи, прежде нежели вспомогательное войско Александра достигло границъ прусскихъ. Отсюда произошли безчисленныя выгоды для французовъ, которые превосходили числомъ армію прусскую и были предводительствуемы самимъ Наполеономъ, а громкое имя его никогда не внушало его воинамъ такого энтузіазма, какъ въ это время: клики побѣдъ ихъ надъ имперіею австрійскою еще раздавались въ Европѣ, и Аустерлицкое сраженіе придало Наполеону особенный блескъ героя. И такъ, увѣренный въ легкости побѣды надъ Пруссіей до прибытія русскихъ войскъ, тѣмъ болѣе, что она была ослаблена войною прошедшаго года, императоръ французовъ спѣшилъ пользоваться выгоднымъ положеніемъ своимъ, которое вскорѣ сдѣлалось еще выгоднѣе оттого, что Пруссія ошиблась точно такъ же, какъ и Австрія: начала войну съ французами, не дождавшись русскихъ, шедшихъ къ ней на помощь. Наполеонъ съ многочисленною арміею своею въ сраженіи при Іенѣ уничтожилъ почти все войско прусское: часть его была разбита, другая—взята въ плѣнъ, третья—положила оружіе сама, и побѣдитель уже безъ битвы вошелъ въ Берлинъ и Варшаву, принадлежавшую тогда Пруссіи. Королевская фамилія удалилась въ Кенигсбергъ. Но и тамъ она недолго оставалась въ спокойствіи: ненависть Наполеона къ королю прусскому за союзъ его съ Александромъ, единственнымъ изъ государей европейскихъ, который казался еще опаснымъ для могущества Франціи, была такъ велика, что онъ не щадилъ ничего, чѣмъ только можно было поразить чувствительнѣе благородное сердце Фридриха. Города Пруссіи переходили одинъ за другимъ во власть французовъ. Наконецъ, въ декабрѣ 1806 года, явились русскіе подъ начальствомъ фельдмаршала Каменскаго, и Наполеонъ съ ожесточеніемъ и тою самонадѣянностію, какую

должны были внушить ему побѣды его, бросился на войско опаснѣйшаго изъ противниковъ его. Первое сраженіе русскихъ съ французами было при Полтускѣ. Оно было кровопролитно, но нерѣшительно: каждая изъ двухъ сторонъ присвоивала себѣ честь побѣды. Каменскій, вскорѣ послѣ этой битвы, сдѣлался боленъ: начальство надъ арміею поручено было *Беннигсену*. Новый главнокомандующій, вмѣстѣ съ прусскимъ генераломъ Лестокомъ, одержалъ знаменитую побѣду, 29-го января 1807 года, при Прейсишъ-Эйлау. Но Наполеонъ не признавалъ себя побѣжденнымъ: онъ только не могъ на этотъ разъ овладѣть Кенигсбергомъ, но за то овладѣлъ Данцигомъ, и тѣмъ очень усилился въ Пруссіи. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ и счастливый завоеватель покорилъ власти своей почти все государство Фридриха. Послѣдняя рѣшительная побѣда его была при *Фридландѣ*, 2-го іюня 1807 года. Русскіе и пруссаки показали здѣсь чудеса храбрости, и около полудня побѣда склонялась уже на ихъ сторону, но къ вечеру счастіе снова обратилось къ тогдашнему любимцу своему, и онъ остался побѣдителемъ. Слѣдствіемъ этой побѣды было взятіе Кенигсберга, откуда семейство короля уже переѣхало въ Мемель, самый сѣверный городъ прусскихъ владѣній. Армія союзниковъ, утомленная тяжкимъ днемъ Фриндландскимъ, отступила къ небольшому городку прусскому *Тильзиту* и даже переправилась уже на другую сторону Нѣмана рѣки, на лѣвомъ берегу которой онъ построенъ.

Здѣсь, въ этомъ маленькомъ Тильзитѣ, открылась взорамъ Европы картина любопытнѣйшая, совершалось дѣло, важнѣйшее для всего политическаго міра ея; здѣсь свидѣлись два знаменитѣйшіе государя того времени: здѣсь узнали другъ друга два повелителя Европы: Александръ и Наполеонъ. Но прежде нежели мы приступимъ къ описанію подробностей свиданія, столь важнаго своими послѣдствіями, взглянемъ на взаимныя отношенія императоровъ другъ къ другу и на положеніе тѣхъ изъ государствъ европейскихъ, которыхъ судьба почему либо соединена была съ судьбами Россіи и Франціи.

Мы видѣли уже, что англійскій король былъ однимъ

изъ противниковъ Наполеона еще въ то время, когда послѣдній былъ только первымъ консуломъ республики Французской. Можетъ быть онъ былъ главнѣйшимъ изъ нихъ, можетъ быть большая часть другихъ слѣдовала только внушеніямъ его, и вотъ почему: Наполеонъ съ того самаго времени, какъ овладѣлъ верховною властью во Франціи, стремился всѣми силами къ уничтоженію всего, что̀ вредило могуществу страны, вознесшей его на такую блистательную высоту, а англичане всегда были первыми врагами французовъ. Успѣхи ихъ почти во всѣхъ родахъ славы страшили перваго консула; оскорбленія, наносимыя ихъ своевольнымъ флотомъ кораблямъ всѣхъ другихъ націй приводили въ негодованіе того, кто, возстановляя порядокъ въ ужасной республикѣ Французской, долженъ былъ подавать собою примѣръ правосудія и безпристрастія. Такое отношеніе Бонапарте къ Англіи и потребность въ сильной помощи для сокрушенія ея могущества и для своихъ собственныхъ успѣховъ на пути къ трону Франціи заставили перваго консула искать благосклонности сильнѣйшаго изъ государей европейскихъ — императора Павла I. Павелъ уважалъ великія заслуги, оказанныя первымъ консуломъ Франціи, и самъ исполненъ былъ негодованія на несправедливости англійскаго флота. Совершенно соглашаясь съ Бонапарте въ необходимости остановить своевольство англичанъ на моряхъ, императоръ уже возобновилъ знаменитое учрежденіе родительницы своей—*вооруженный нейтралитетъ* и заключилъ союзъ съ Франціей.

Кончина Павла, вскорѣ потомъ послѣдовавшая, перемѣнила эти страшныя для Англіи распоряженія: молодой наслѣдникъ его боялся новой войны, новаго кровопролитія, такъ ужасно опустошавшихъ Европу въ концѣ минувшаго столѣтія, и склонился на убѣжденія англичанъ, обѣщавшихъ вознаградить всѣ несправедливости, оказанныя ими на моряхъ. Между тѣмъ Бонапарте, быстро возвышаясь, не имѣлъ вскорѣ нужды искать чуждой помощи: императору французовъ англичане уже не казались страшны и онъ думалъ уже не о томъ, чтобы защитить себя отъ нихъ, но о томъ, чтобы покорить и ихъ своей власти, чтобы отнять у нихъ выгоды торговли ихъ, такъ много

возвышавшія Англію надъ другими государствами, и для этого ему нужна была помощь государя русскаго, а онъ вмѣстѣ съ Австріею былъ противъ новаго императора. Мы видѣли уже, какъ побѣды Наполеона заставили послѣднюю перемѣнить расположеніе свое, но Россія, хотя и союзница Австріи, все еще оставалась твердою, все еще не признавала Наполеона государемъ Франціи и, чтобы противиться ему, соединилась теперь съ Пруссіею. Мы видѣли, какъ и Пруссія подверглась общей участи государствъ европейскихъ, какъ и ея отборное войско сдѣлалось жертвою ненасытнаго честолюбія Бонапарте. Наконецъ дошла очередь и до Россіи. Но для побѣды надъ нею нужно было много усилій, тѣмъ болѣе, что въ союзѣ съ нею была теперь жестокая противница французовъ— Англія. Изобрѣтательный умъ завоевателя нашелъ средство и здѣсь достичь своей цѣли: онъ разсчиталъ всѣ отношенія Россіи къ Турціи и по этому расположилъ планъ свой. Въ 1806 году пріѣхалъ въ Константинополь французскій посланникъ Себастіяни, искусный политикъ, которому не трудно было внушить турецкому султану Селиму III, что русскій императоръ имѣетъ непріязненныя намѣренія противъ Турціи, что Англія согласилась помогать ему и что императоръ французовъ, будучи *другомъ*[1]) султана, совѣтуетъ ему взять всѣ мѣры предосторожности и даже предлагаетъ ему помощь противъ соперницъ его. Султанъ имѣлъ легкомысліе повѣрить всему, что говорилъ ему Себастіяни, умѣвшій въ короткое время снискать полную его довѣренность и—война съ Россіею загорѣлась въ то самое время, когда большая часть войскъ русскихъ сражалась въ Пруссіи противъ французовъ. Раздѣливъ такимъ образомъ силы Россіи, Наполеонъ легче могъ одержать побѣду надъ русскими войсками, тѣмъ болѣе, что Англія не всегда была вѣрною имъ помощницею, а чаще предпочитала общему дѣлу свои собственныя торговыя выгоды.

Въ такомъ состояніи были дѣла главныхъ государствъ европейскихъ въ то время, когда важная побѣда, одер-

[1]) Наполеонъ приказалъ посланнику своему такъ называть его.

жанная Наполеономъ надъ союзною арміею прусско-русскою подъ Фридландомъ, вознесла еще выше честолюбивыя мечты его и разстроила еще болѣе положеніе непріятелей его. Почти все королевство Прусское было уже во власти его, слѣдовательно сопротивленіе со стороны Фридриха-Вильгельма было невозможно. Императоръ русскій стоялъ съ арміею, утомленною походами и сраженіями, на границѣ владѣній своихъ и не могъ подкрѣпить ее свѣжими войсками, потому что они нужны были на обширномъ пространствѣ границъ его съ Турціей. И такъ, необходимость заставляла и его кончить войну. Самъ императоръ французовъ, не смотря на свои счастливые успѣхи, желалъ мира: армія его потеряла много отъ отчаянной храбрости русскихъ и пруссаковъ. Однимъ словомъ, все предвѣщало миръ, и переговоры о немъ открылись чрезъ нѣсколько дней послѣ сраженія Фридландскаго въ томъ самомъ Тильзитѣ, на которомъ мы остановили разсказъ нашъ. Мы говорили о свиданіи императоровъ и обѣщали читателямъ нашимъ нѣсколько любопытныхъ о томъ подробностей. Это свиданіе происходило спустя три дня послѣ перемирія, заключеннаго на мѣсяцъ, въ теченіе котораго положено было разсуждать объ условіяхъ окончательнаго мира, и происходило на рѣкѣ Нѣманѣ, раздѣлявшей обѣ арміи. Мы сказали уже, что русско-прусская армія послѣ сраженія Фридландскаго переправилась на правый берегъ этой рѣки, а французская стояла противъ нея—на лѣвомъ, въ городкѣ Тильзитѣ. Такъ какъ демаркаціонная линія, т. е. та, которая должна была раздѣлять арміи, проходила посрединѣ Нѣмана, то эта средина и назначена была мѣстомъ свиданія. Для этого построили на ней, на двухъ плотахъ, два павильона: одинъ, обширнѣе и лучше, для императоровъ, другой — для свитъ ихъ. Двѣ большія, но обыкновенныя лодки приготовлены были на обоихъ берегахъ для того, чтобы привезти въ одно время къ плотамъ обоихъ императоровъ. Съ какою точностію ни старались исполнить это, однакожъ лодка Наполеона успѣла доѣхать до плота нѣсколькими секундами прежде, такъ что императоръ французовъ успѣлъ быстро пройти павильонъ и встрѣтить императора русскаго при входѣ его

на плотъ. Государи обнялись—и это было предвѣстіемъ мира для войскъ ихъ, смотрѣвшихъ съ обоихъ береговъ на эту любопытную встрѣчу монарховъ своихъ и сопровождавшихъ радостными восклицаніями первое объятіе ихъ. Оно было въ то же время залогомъ того взаимнаго расположенія, которое оба императора почувствовали другъ къ другу. Александръ, съ умомъ, какимъ одарила его природа, и съ тѣмъ тонкимъ образованіемъ, какое получилъ онъ отъ тщательнаго воспитанія, не могъ не отдавать должной справедливости великимъ дѣламъ Наполеона, какъ возстановителя разрушенной Франціи. Наполеонъ не могъ не уважать высокихъ качествъ Александра, не могъ не плѣниться очаровательностію обращенія его, слывшаго неподражаемымъ; наконецъ, не могъ не стараться о пріобрѣтеніи расположенія его, какъ такого государя, съ помощію котораго онъ всего вѣрнѣе могъ покорить вліянію своему послѣднихъ оставшихся у него враговъ—англичанъ.

Императоръ французовъ не ошибся въ ожиданіи своемъ: Александръ недоволенъ былъ Англіею, не исполнявшей и половины обѣщаній, сдѣланныхъ ею Россіи, какъ союзницѣ своей, и разрывъ съ нею рѣшенъ былъ почти въ самомъ началѣ разговора императоровъ. Этотъ разговоръ продолжался два часа. По окончаніи его, обѣ свиты государей позваны были къ нимъ въ большой павильонъ и здѣсь-то многія лица изъ этихъ свитъ увидѣли на тѣсномъ пространствѣ плота и осѣнявшей его палатки тѣхъ двухъ великихъ монарховъ, отъ воли которыхъ зависѣла тогда участь всей Европы. Они разсказывали еще нѣсколько интересныхъ подробностей, которыя, вѣрно, понравятся моимъ читателямъ. Напримѣръ, хотите ли знать, какъ одѣтъ былъ императоръ Александръ? Въ преображенскомъ мундирѣ, покроя того времени, въ короткихъ ботфортахъ, на правомъ плечѣ аксельбантъ, черезъ плечо андреевская лента, безъ эполетъ, потому что ихъ тогда не носили. Прическа его была такая же, какую носятъ и теперь военные, но только съ пудрою. Шляпа высокая, по краямъ ея замѣтенъ былъ бѣлый плюмажъ, наверху черный султанъ. Перчатки бѣлыя, лосинныя и гораздо

длиннѣе нынѣшнихъ. Императоръ французовъ былъ въ мундирѣ старой гвардіи, въ лентѣ Почетнаго Легіона и въ этой маленькой шляпѣ, которую, вѣрно, всѣ вы видѣли на портретахъ и гипсовыхъ изображеніяхъ его. Очевидцы говорятъ, что онъ очень походилъ тогда на эти извѣстныя всѣмъ изображенія его; что, подъѣзжая къ павильону, онъ даже стоялъ въ лодкѣ съ сложенными на груди руками, какъ представляютъ его. Любезность обращенія Александра такъ извѣстна, что излишне было бы сказывать вамъ, друзья мои, какъ милостиво разговаривалъ онъ со всею свитою Наполеона, которая состояла изъ Мюрата, Бертье, Бессьера, Дюрока и Коленкура. Императоръ французовъ былъ также очень привѣтливъ съ генералами, сопровождавшими Александра. Кромѣ великаго князя Константина Павловича—этого храбраго воина, молодого товарища Суворова и ревностнаго сотрудника августѣйшаго брата своего—свита русская состояла изъ князей Ливена и Лобанова, генераловъ Бенингсена и Уварова. Разговаривая съ Бенингсеномъ, Наполеонъ сказалъ: «Vous étiez méchant à Eilau!» и потомъ прибавилъ: «J'ai toujours admiré votre talent—votre prudence encore plus!»

На другой день это свиданіе повторилось. Вмѣстѣ съ императоромъ русскимъ пріѣхалъ въ этотъ разъ другъ и союзникъ его — король прусскій. Послушаемъ, что сказалъ объ этомъ примѣрномъ государѣ одинъ изъ очевидцевъ, покойный генералъ Д. В. Давыдовъ, бывшій тогда только адъютантомъ при генералѣ Багратіонѣ:

«О! какъ явственно — не взирая на мою молодость — какъ явственно поняла душа моя глубокое, но нѣмое горе этого добродѣтельнаго отца своего народа, этого добродѣтельнѣйшей жизни человѣка! Съ какими полными слезъ глазами, но и съ какимъ восторгомъ глядѣлъ я на монарха, сохранившаго все наружное безмятежіе, все достоинство высокаго сана своего при погибели, казалось, неотразимой и окончательной».

Таково дѣйствительно было положеніе Фридриха-Вильгельма, но вліяніе знаменитаго друга его, вліяніе Александра на императора французовъ произвело счастливую перемѣну въ расположеніи его къ Пруссіи: изъ всего королевства,

завоеваннаго имъ, онъ хотѣлъ и, по примѣру областей Италіи, могъ не возвращать королю ничего, но, по убѣжденію Александра, возвратилъ болѣе половины, т. е. всѣ земли, лежащія по правому берегу Эльбы, кромѣ южной и небольшой части западной Пруссіи, составлявшихъ нѣкогда области, присоединенныя отъ Польши. Эти области и вообще все поступившее въ разныя времена къ Пруссіи отъ Польши [1]), должно было, подъ названіемъ *герцогства Варшавскаго*, перейти во владѣніе короля саксонскаго.

Императоръ Александръ, заключая въ Тильзитѣ миръ съ Наполеономъ, заключилъ въ то же время и союзъ съ нимъ противъ непріятелей государствъ ихъ. По договорамъ этого мира и союза, Франція должна была принять на себя посредничество между Россіей и Турціей, а Россія принять такое же между Франціей и Англіей. Кромѣ того, Наполеонъ, изъ свиданій и личныхъ переговоровъ своихъ съ государемъ русскимъ, извлекъ еще другія, важныя выгоды: Александръ трактатомъ Тильзитскимъ призналъ не только его императоромъ французовъ, но и трехъ братьевъ его: Іосифа, Людовика и Іеронима — королями неаполитанскимъ, голландскимъ и вестфальскимъ.

Такъ счастливый завоеватель Европы удачно достигъ цѣли своей и, благодаря силѣ убѣжденій своихъ, дружеству Александра къ Фридриху-Вильгельму и обстоятельствамъ, которыя заставляли императора русскаго уступить необходимости,—получилъ все, чего желалъ отъ Россіи и Пруссіи. Скоро увидимъ мы, какою цѣною заплатитъ онъ за снисходительное великодушіе Александра и добродѣтельную терпѣливость Фридриха-Вильгельма.

---

[1]) Изъ всѣхъ этихъ областей одна *Бѣлостокская* поступила въ это время къ владѣніямъ русскимъ.

ЗАВОЕВАНІЕ ФИНЛЯНДІИ.

отъ 1808 до 1810 года.

(2 года).

Прочитавъ заглавіе этого разсказа, читатели мои, конечно, вспомнятъ области, завоеванныя Петромъ I у Швеціи и лежащія въ сосѣдствѣ съ нашимъ Петербургомъ. Вы вспомните также, что эти завоеванныя тогда области составляли только часть цѣлой страны, извѣстной подъ именемъ Финляндіи. Но слыхали ли вы, что эта Финляндія съ 1809 года принадлежитъ вся Россія и что она прекрасна? Красота мѣстоположеній, величественная пустынность ихъ и добрые, простые нравы жителей представляютъ здѣсь пріятное и рѣдкое въ Европѣ соединеніе. Высокія горы, прелестныя озера, окруженныя самыми живописными берегами, напоминаютъ на каждомъ шагу красоты Швейцаріи, и многіе изъ путешественниковъ, имѣвшіе возможность любоваться обѣими странами, согласно называютъ Финляндію—*Русскою Швейцаріею.* Даже между народными пѣснями ихъ, какъ внушенными одинаковою природою, есть разительное сходство. Съ этимъ согласны и поэты Финляндіи. Кстати вспомнили мы о нихъ. Одинъ и лучшій теперь изъ этихъ поэтовъ, Рунебергъ, есть страстный любитель и самый образованный наблюдатель прекрасной природы своего отечества. Изъ поэтическихъ описаній его можно получить самое вѣрное понятіе объ увлекательныхъ, разнообразныхъ красотахъ Финляндіи, этой прелестной частицы нашей обширной Россіи. Читатели наши, вѣрно, довольны будутъ, если я сообщу имъ здѣсь нѣкоторыя изъ наблюденій, сдѣланныхъ Рунебергомъ во время путешествія его по родинѣ. Напримѣръ, хотите ли прочесть нѣсколько строкъ его о различіи мѣстоположеній береговыхъ и внутреннихъ странъ Финляндіи? Вотъ онѣ:

«Между тѣмъ, какъ по береговой дорогѣ, особливо по южной, деревня за деревней и домъ за домомъ свидѣтельствуютъ о цвѣтущемъ народонаселеніи, по дорогамъ внутреннимъ можно проѣхать цѣлыя мили, не увидѣвъ ни

слѣда хижины; а если, наконецъ, и встрѣтится жилье, то оно виситъ на скатѣ огромной, песчаной горы, или, выглядывая изъ дикихъ рощей, окружающихъ полузакрытое озеро, мелькаетъ какъ чуждый наростъ на здоровомъ и величественномъ деревѣ природы».

Далѣе, разсуждая о различіи природы финляндской, онъ говоритъ: «Не желая доказывать превосходства одного изъ нихъ предъ другимъ (верхняго и нижняго края Финляндіи) въ отношеніи къ отличительнымъ свойствамъ каждаго, я думаю, что никогда тотъ же самый человѣкъ не привяжется съ одинакою любовью къ различнымъ характерамъ нашей земли. Кто поживетъ довольно долго подъ вліяніемъ той или другой мѣстности, тотъ глубоко сохранитъ въ душѣ только одну изъ нихъ, а не обѣ, къ которой бы, впрочемъ, ни влекли его священныя узы сердца. Умъ, настроенный къ спокойнымъ, поэтическо-религіознымъ созерцаніямъ, предпочтетъ верхнія страны. Кипящій жизнію, смѣлый, предпріимчивый духъ, вѣроятно, полюбитъ болѣе берега морскіе, а человѣкъ разсчетливый, заводчикъ-хозяинъ изберетъ прибрежныя равнины. Но такъ какъ, безъ сомнѣнія, первый изъ этихъ характеровъ вѣрнѣе всѣхъ воспринимаетъ и съ наибольшимъ сознаніемъ хранитъ впечатлѣнія, производимыя природою, то можно вообще, въ отношеніи къ высшимъ требованіямъ, отдать преимущество тѣмъ мѣстамъ, которыя всего сильнѣе дѣйствуютъ на такую душу. Въ самомъ дѣлѣ, трудно вообразить выраженіе Божественнаго болѣе ясное, болѣе дивное и возвышающее какъ то, которое представляетъ внутренняя Финляндія въ своемъ величественномъ очертаніи, въ своей пустынности, въ своемъ глубокомъ, невозмутимомъ спокойствіи. Море, какъ оно ни мощно, не всегда носитъ такую печать Божественности. Только въ безграничной тишинѣ его духъ видитъ и обнимаетъ безконечность: взволнованное бурей, оно изъ Божества становится исполиномъ, и человѣкъ уже не поклоняется, но готовится къ битвѣ. Къ мѣстамъ, которыя могутъ служить вѣрными представителями внутренней Финляндіи, какъ относительно природы, такъ и въ разсужденіи характера жителей, должно, по всей справедливости, причислить и отдѣльно лежащій, бѣдный, но пре-

красный приходъ Саріерви. Ничто не дѣйствуетъ на душу сильнѣе дремучихъ неизмѣримыхъ лѣсовъ пустыни. По нимъ гуляешь, какъ по дну морскому, въ непрерывной, однообразной тишинѣ, и только высоко надъ головою слышишь вѣтръ въ вершинахъ елей и въ подоблачныхъ вѣнцахъ дикихъ сосенъ. Тамъ и сямъ встрѣчаешь, будто сходъ въ подземное царство, лѣсное озеро: по крутизнамъ, въ его обросшее деревьями ложе никогда не слеталъ заблудшійся вѣтерокъ; его поверхности никогда ничто не струило, кромѣ плесканія стаи окуней, кромѣ плаванія одинокаго нырка. Глубоко подъ ногами стелется небо, еще спокойнѣе горняго, и будто при вратахъ вѣчности, кажется, боги и духи окружаютъ тебя: безпрестанно ищешь ихъ взорами, слухомъ, ежеминутно хочешь уловить шопотъ ихъ. Съ другой стороны слышится журчаніе ручья. Идешь туда, думаешь, что онъ уже близехонько и, однакожъ, не видишь ничего, кромѣ поросшей верескомъ степи и тѣсныхъ рядовъ сосенъ, на ней стоящихъ. Наконецъ, на разстояніи полета брошенной палки берегъ начинаетъ показывать верхи своихъ березъ. Тогда только, достигнувъ края степи, видишь между листьевъ проблескъ воды, и если, желая спуститься безопаснѣе, правою рукою ухватишься за корень одной березы, то лѣвою можешь держаться за верхнія вѣтви другой. Дошедши до самаго ручья, видишь надъ собой только узкую въ нѣсколько саженъ ширины полосу неба, а по обѣимъ сторонамъ непроницаемую ткань листьевъ и стволовъ. Ежели послѣ другихъ странствованій, между однообразныхъ деревьевъ, по степи доберешься наконецъ до границы ея, то взорамъ представится вдругъ, какъ бы по волшебному слову, картина необычайно разнообразная и обширная: рядъ озеръ съ зелеными островами, рѣки, поля и холмы. Изумительно, какъ много измѣненій свѣта и мрака здѣсь можно обнять однимъ взглядомъ, отъ черныхъ елей болотной долины до сосноваго лѣса, возвышающагося за ними, и березъ, которыя въ видѣ вѣнца обхватываютъ подошву и бедра дальней горы. Все это становится еще прекраснѣе, когда въ лѣтній день солнце, прерываемое облаками, безпрестанно играетъ оттѣнками».

Такова Финляндія, милые читатели! Какъ же не лю-

бопытно знать, какъ досталась намъ эта земля, прелестная красотами, столь разнообразными. Долго владѣла Россія только тѣми областями ея, которыя завоеваны были Петромъ Великимъ, т. е. Кареліею, Ингерманландіею и городами Кексгольмомъ и Выборгомъ. Не одинъ разъ послѣ того короли шведскіе покушались возвратить ихъ, но русскіе знали важность пріобрѣтенія своего, и потому всѣ усилія шведовъ были напрасны: завоеванныя провинціи какъ будто сроднились съ новымъ отечествомъ своимъ и Швеція мало-по-малу начала забывать потерю свою, какъ вдругъ на престолъ ея взошелъ, въ 1792 году, государь, извѣстный въ исторіи многими странностями и необдуманною отважностію, съ которою онъ рѣшался на самыя невѣроятныя предпріятія: это былъ Густавъ IV Адольфъ. Отецъ его, Густавъ III, съ самаго младенчества воспитывалъ его какъ спартанца. Густавъ, котораго купали еще груднымъ ребенкомъ въ ледяныхъ ваннахъ, пріобрѣталъ съ лѣтами не только крѣпость тѣла, но и твердость духа, обратившуюся впослѣдствіи въ необыкновенное упорство нрава. Все должно было повиноваться однажды принятому имъ образу мыслей и никакія разсужденія не могли отвести его отъ намѣренія, на которое онъ рѣшился. Такая настойчивость не одинъ разъ была причиною важныхъ неудовольствій въ политическихъ сношеніяхъ его съ другими государствами, и наконецъ погубила его, не смотря на благородную цѣль, которая на этотъ разъ была первымъ предметомъ упорства его.

Со времени бѣдственной кончины французскаго короля Людовика XVI и изгнанія несчастнаго семейства его, Густавъ IV сдѣлался пламеннымъ защитникомъ ихъ и непримиримымъ врагомъ французовъ и всѣхъ предводителей ихъ, одинъ за другимъ возстававшихъ на Бурбоновъ. Въ свою очередь и Наполеонъ сдѣлался предметомъ его ненависти, которая справедливо увеличилась потомъ убіеніемъ герцога Энгіенскаго и восшествіемъ на императорско-французскій престолъ того, кто, по мнѣнію Густава, долженъ былъ возложить поднесенную ему корону на главу Людовика XVIII, родного брата царственнаго мученика. Исполненный негодованія, истинно-рыцарскаго, король шведскій не думалъ таить его и открыто представлялъ всѣмъ дво-

рамъ европейскимъ необходимость вступиться за обиженныхъ наслѣдниковъ французскаго престола. Этого еще мало. Упорно держась принятаго имъ мнѣнія о Наполеонѣ, Густавъ никогда не соглашался признать его императоромъ французовъ, называлъ его не иначе, какъ похитителемъ короны ихъ, и даже осмѣлился показать до такой степени отвращеніе свое къ могущественнѣйшему въ то время изъ повелителей Европы, что не принялъ отъ короля прусскаго посланныхъ ему знаковъ ордена Чернаго Орла, потому что ихъ получилъ и Наполеонъ, котораго онъ не могъ уважать.

Съ истиннымъ огорченіемъ смотрѣлъ король шведскій, какъ необыкновенное счастіе Наполеона, болѣе и болѣе возвышая его, примирило, наконецъ, съ нимъ всѣхъ враговъ его. Государи, имѣя въ виду пользу народовъ своихъ и прекращеніе кровопролитія, согласились на миръ съ человѣкомъ, съ которымъ внутренно, можетъ быть, желали бы еще долго вести войну. Но Густавъ не имѣлъ этого благоразумія и, увлеченный непреодолимымъ упрямствомъ своимъ, забывалъ о страданіяхъ народа во время войны. Онъ желалъ, чтобы она продолжалась, а между тѣмъ Тильзитскій миръ былъ уже заключенъ и врагами французовъ остались одни англичане. Съ жаромъ занимался онъ планами, какъ бы соединиться съ ними, какъ вдругъ узнаетъ новость, удивившую и оскорбившую всѣ дворы европейскіе.

Данія, во все время смятеній, волновавшихъ Европу со времени французской революціи, оставалась нейтральною, т. е. она не вмѣшивалась въ споры другихъ государствъ и не держала стороны ни одного изъ нихъ. Казалось, такое миролюбивое расположеніе должно было бы предохранить ее отъ всякихъ нападеній, тѣмъ болѣе, что и географическое положеніе ея отдѣляло ее отъ тѣхъ странъ, гдѣ происходили важнѣйшіе политическіе перевороты. Исполненная чистыхъ намѣреній, она была спокойна даже до безпечности, и на островахъ, которые составляютъ королевство ея и мимо которыхъ—какъ, вѣроятно, читателямъ моимъ извѣстно—лежитъ путь всѣмъ кораблямъ, проходящимъ въ море Балтійское, не было почти совсѣмъ войска, на бастіонахъ ихъ—пушекъ; ни одно изъ укрѣпленій морскихъ и сухопутныхъ не было приготовлено къ отраженію непрія-

теля. И посреди такого состоянія жители Копенгагена вдругъ, въ іюнѣ 1807 года [1]), видятъ у береговъ своихъ военные корабли Англіи! Сначала это не устрашило ихъ, потому что назначеніе флота было тотчасъ объявлено: говорили, что онъ шелъ въ Пруссію, и никто не воображалъ, чтобы англійскій флотъ, послѣ столь многихъ годовъ дружества, могъ имѣть непріязненныя намѣренія противъ Даніи. Но прошло нѣсколько дней, — и начальникъ англійскаго флота сдѣлалъ правительству датскому, отъ имени короля своего, объявленіе самое странное, самое удивительное: предполагая, что Данія, при положеніи дѣлъ въ Европѣ послѣ Тильзитскаго мира, вовлечена будетъ нѣкоторыми государствами въ войну съ Англіею, король англійскій настоятельно требовалъ, чтобы весь военный флотъ датскій отданъ былъ ему и оставался какъ бы подъ стражею у него до тѣхъ поръ, пока всеобщее спокойствіе не будетъ возстановлено въ Европѣ. Къ такому непостижимому объявленію со стороны націи, всегда любившей величаться своею справедливостію и благородствомъ, прибавлены были самыя оскорбительныя угрозы, въ случаѣ отказа Даніи исполнить требованіе короля англійскаго. Но могло ли какое либо правительство, чувствующее достоинство свое, согласиться на такое униженіе? Всѣ сословія народа датскаго, оскорбленныя въ лицѣ правительства ихъ, соединились подъ начальство своего дѣятельнаго и всѣми искренно любимаго кронпринца, употребили все, что только можно было придумать къ защитѣ столицы, на которую нападеніе сдѣлано было такъ неожиданно и, не смотря на всю малочисленность войска своего въ сравненіи съ сильнымъ флотомъ англійскимъ, рѣшились не сдавать Копенгагена до послѣдней крайности. Но англичане не были тронуты этою благородною рѣшимостью: они исполнили со всею строгостію повелѣніе короля своего, и несчастная столица Даніи должна была вытерпѣть всѣ ужасы жестокой и продолжительной осады. Наконецъ, разрушенная бомбардированіемъ, безжалостно выжженная пожарами и въ рединѣ

---

[1] Т. е. чрезъ мѣсяцъ послѣ заключенія Тильзитскаго мира, чрезвычайно непріятнаго для англичанъ.

города, и въ прекрасныхъ предмѣстіяхъ своихъ, уничтоженная горестною картиною отчаянія гражданъ, схоронившихъ подъ развалинами домовъ семейства свои, она принуждена была сдаться и согласиться на всѣ условія, предписанныя англійскимъ правительствомъ. Однакожъ англичане еще несовсѣмъ были довольны: имъ не удалось овладѣть особою короля, который подъ защитою смѣлаго сына своего, кронпринца, въ виду кораблей непріятельскихъ счастливо переплылъ изъ Зеланда въ Голштинію. Оскорбленный въ высочайшей степени, король датскій представилъ на судъ государей европейскихъ недостойное дѣло правительства Англіи, и всѣ увидѣли необходимость ограничить несправедливую власть англичанъ на моряхъ. Императоръ Александръ, какъ главнѣйшій охранитель спокойствія моря Балтійскаго, столь ужасно нарушеннаго англичанами, первый объявилъ Англіи, что прерываетъ всѣ сношенія свои съ нею и не возобновитъ ихъ до тѣхъ поръ, пока Данія не будетъ удовлетворена въ полной мѣрѣ. Онъ предложилъ и королю шведскому, котораго владѣнія простирались также по берегамъ моря Балтійскаго, вступить въ союзъ съ русскими для защиты кораблей государствъ нейтральныхъ. Въ это самое время Густавъ IV, какъ мы уже сказали, погруженъ былъ въ размышленія, совершенно противныя предложенію Александра: онъ думалъ, какъ бы ему сблизиться съ англичанами. Жестокая несправедливость ихъ противъ датчанъ не унижала ихъ въ глазахъ его: ослѣпленный негодованіемъ на французовъ, онъ видѣлъ въ ней только желаніе противиться могуществу ихъ, а это желаніе было такъ согласно съ его собственнымъ, что онъ, вмѣсто того, что принять предложеніе Александра, заключилъ союзъ съ Англіею. Такой поступокъ Густава IV нельзя было принять иначе, какъ объявленіемъ войны, и войска императора русскаго, подъ начальствомъ графа Буксгевдена, пошли въ Финляндію.

Это было въ началѣ февраля 1808 года. Шведы, хотя и ожидали непріятельскихъ дѣйствій со стороны русскихъ и потому приготовили значительное войско въ Финляндіи, но никакъ не думали, чтобы они начались въ зимнее время. Быстрота движеній русской арміи доставила ей важныя выгоды передъ шведами: пораженные неожиданностію, они

должны были отступать при самомъ началѣ войны и такимъ образомъ къ 13-му февраля уступить непріятелю всю Кюменгардскую губернію. Только у Гельсингфорса они рѣшились дать сраженіе, но и оно было несчастливо для нихъ. 18-го февраля русскіе уже взяли этотъ городъ, а вслѣдъ затѣмъ и всю Гельсингфорскую область. Наконецъ, 10-го марта имъ принадлежалъ уже и Або, первый изъ городовъ шведской Финляндіи и съ нимъ вмѣстѣ вся нижняя Финляндія. Между тѣмъ Густавъ IV съ первымъ извѣстіемъ о вступленіи русскихъ войскъ въ его владѣнія,—вступленіи, котораго онъ самъ былъ единственною причиною, показалъ новую, необыкновенную сторону своего характера: онъ приказалъ арестовать русскаго посланника въ Стокгольмѣ, г-на Алопеуса, не дозволять ему имѣть съ кѣмъ либо свиданія, отобрать всѣ его бумаги, запечатать посольскій архивъ. Такое нарушеніе всѣхъ народныхъ правъ и неприкосновенности особы посла могло быть извинительно только въ государствѣ полудикомъ, еще не знакомомъ съ обыкновеніями народовъ просвѣщенныхъ, но здѣсь, въ отношеніи Швеціи, всѣ извиненія были неумѣстны: поступокъ Густава IV явно основывался на его увѣренности въ помощи союзниковъ его, англичанъ, которые, побуждая его къ войнѣ съ Россіею, обѣщали ему важныя пособія и войсками морскими, и сухопутными, и деньгами. Эти войска уже были готовы къ отплытію изъ Англіи и ожидали только благопріятнаго вѣтра. Такимъ образомъ важная опасность угрожала со стороны Швеціи границамъ Россіи, слѣдовательно и сѣверной столицѣ ея. Чтобы обезопасить эту священную драгоцѣнность Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы не оставить безъ наказанія оскорбленія, нанесеннаго достоинству имперіи русской жестокимъ поступкомъ короля шведскаго съ г. Алопеусомъ, императоръ Александръ объявилъ всѣмъ иностраннымъ дворамъ, что присоединяетъ *навсегда* шведскую Финляндію къ государству русскому. Такое объявленіе не только не усмирило Густава, но возбудило еще болѣе упорство его и, не имѣя терпѣнія дождаться англичанъ, которые, по обыкновенію своему, всегда медленно оказывали обѣщанную помощь, онъ приказалъ всѣмъ молодымъ людямъ въ государствѣ своемъ отъ 18 до 36 лѣтъ вступить въ военную службу

и отправиться къ финляндской арміи. Общее неудовольствіе, съ которымъ шведы смотрѣли съ самаго начала на войну, начатую королемъ ихъ съ Россіею, чрезвычайно усилилась при извѣстіи объ этомъ народномъ ополченіи, поразившемъ горестію почти каждое семейство. Но Густавъ, въ пылу упрямства своего и занятый единственною мыслію возвратить потерянную Финляндію, не обращалъ вниманія на огорченіе и ропотъ своихъ подданныхъ: онъ спѣшилъ отправлять новонабранное войско къ арміи и не имѣлъ утѣшенія видѣть вознагражденіе жертвъ, принесенныхъ народомъ его: успѣхи войны оставались попрежнему на сторонѣ русскихъ. Храбрымъ солдатамъ нашимъ не нужно было учиться побѣждать трудности, какія представляетъ война въ странѣ, подобной Финляндіи: имъ еще памятны были высокія горы Швейцарскія и льды, покрывающіе ихъ. И такъ, они съ легкостію взбирались на крутизны Финляндіи, съ тою же непоколебимою твердостію переносили холодъ сѣвера, какъ нѣкогда, въ Италіи, жаръ юга и еще болѣе: на второй годъ войны, въ февралѣ 1809 года, они совершили дѣло, которое называютъ безпримѣрнымъ въ исторіи: одно отдѣленіе войска, подъ начальствомъ князя Багратіона, перешло изъ Або по льду на Аландскіе острова и завладѣло ими, а другое, подъ командою генерала Барклая-де-Толли, изъ Вазы на шведскій берегъ, въ Умео. Послѣдній переходъ былъ особенно замѣчателенъ; онъ происходилъ по льдамъ Ботническаго залива, подъ 64° сѣверной широты и при 30° мороза! Это смѣлое дѣло рѣшило судьбу войны. Шведы увидѣли русскихъ уже за границами Финляндіи, въ самой Швеціи. Испуганные такими быстрыми успѣхами непріятеля и приведенные въ отчаяніе упорствомъ короля своего, они рѣшились дѣйствовать противъ приказаній его, и графъ Кронштедтъ, охранявшій съ отрядомъ войска городъ Умео, объявилъ Барклаю-де-Толли, что весь шведскій народъ желаетъ мира и не намѣренъ болѣе проливать безполезно кровь свою. Вслѣдъ за этимъ объявленіемъ послѣдовала сдача Умео. Вы, конечно, удивляетесь смѣлости графа Кронштедта и вообще всѣхъ шведовъ, поступавшихъ такимъ образомъ въ отношеніи къ королю своему. Но въ это время проис-

ходили въ Швеціи большіе безпорядки; король поссорился уже и съ англичанами за то, что они, вмѣсто обѣщанной помощи, начали также склонять его къ миру съ Россіей. Онъ приказалъ наложить запрещеніе на всѣ корабли ихъ, находившіеся въ шведскихъ гаваняхъ. Эта ссора съ новымъ сильнымъ непріятелемъ показала шведамъ всю опасность, какой подвергались они подъ властію государя, съ равнодушіемъ располагавшаго судьбою ихъ. Вынужденные крайностію, они рѣшились освободиться отъ власти его и 15-го марта 1809 года король Густавъ-Адольфъ уже не царствовалъ болѣе: опечаленный неудачами разнаго рода, онъ, повидимому, безъ сожалѣнія сложилъ съ себя корону, уступилъ престолъ дядѣ своему, герцогу Зюдерманландскому, и вскорѣ потомъ, выѣхавъ изъ Швеціи, поселился въ Швейцаріи, гдѣ жилъ подъ именемъ полковника Густавсона.

Между тѣмъ первымъ дѣломъ новаго короля, вступившаго на престолъ подъ именемъ Карла XIII, было — заключить миръ съ Россіею: Швеція, изнуренная трудною и безполезною войною, имѣла нужду въ немъ. Переговоры происходили въ одномъ изъ городовъ Финляндіи, Фридрихсгамѣ. 5-го сентября 1809 года они были окончены и миръ заключенъ. Онъ доставилъ Россіи Аландскіе острова и всю Финляндію до рѣки Торнео и границъ Норвегіи.

Вотъ какимъ образомъ русскіе пріобрѣли прекрасную Финляндію. Это пріобрѣтеніе было очень важно, можно сказать, даже необходимо для безопасности Петербурга нашего. Не одинъ разъ онъ подвергался нападеніямъ въ тѣ времена, когда только небольшое пространство отдѣляло его отъ владѣній шведскихъ; теперь же это пространство увеличилось до 3,000 кв. миль. Оно состоитъ изъ высокихъ горъ и скалъ, во многихъ мѣстахъ неприступныхъ и вездѣ трудныхъ для нападенія, заселено народомъ, въ высочайшей степени честнымъ, добрымъ, искренно-преданнымъ государямъ нашимъ, которые положили прочное основаніе этой преданности тѣмъ, что оставили Финляндію на тѣхъ же самыхъ правахъ и законахъ, какіе были у ней въ то время, когда она принадлежала Швеціи. Политическая жизнь ея осталась все та же, какою она привыкла жить; перемѣнилось только имя владѣтеля ея, и пере-

мѣнилось съ большими для нея выгодами: сильное могущество императоровъ русскихъ хранительно защищаетъ ее отъ волненій и бурь, какія были удѣломъ ея во время тревожнаго правленія королей шведскихъ, всегда болѣе или менѣе старавшихся вредить Россіи посредствомъ Финляндіи, а щедрые дары ихъ помогаютъ тому классу народа, который долженъ снискивать себѣ пропитаніе отъ произведеній земли: она, богатая красотами дикими и величественными, бѣдна во многихъ мѣстахъ Финляндіи произведеніями. Скалы и вообще вся каменистая почва лишаютъ ее плодородія, и жители по большей части бѣдны. Но не хотите ли, друзья мои, прочесть еще нѣсколько строкъ изъ путешествія Рунеберга? Вы узнаете въ нихъ любопытную черту изъ быта поселянина финскаго.

Описавъ со всею подробностію финскую избу, которую крестьянинъ раздѣляетъ не только со всѣмъ семействомъ, но даже и со всѣмъ домашнимъ скотомъ своимъ, Рунебергъ говоритъ: «Въ составѣ финской избы названы нищіе и нахлѣбники. Тѣ и другіе такъ обыкновенны и такъ важны въ хозяйствѣ, что имѣютъ право на описаніе болѣе подробное. Нахлѣбникъ — вторая ласточка финскаго поселянина. Подобно ей, онъ подъ крестьянскою крышей требуетъ мѣста для себя и для своихъ; подобно ей, никогда не получаетъ въ томъ отказа и, какъ она, живетъ тѣмъ, что̀ Богъ пошлетъ. Плата его за постой состоитъ обыкновенно въ томъ, что онъ бросаетъ въ избу дрова чрезъ волоковое окно. Остальные труды его въ вознагражденіе хозяевъ зависятъ совершенно отъ его доброй воли. Такой человѣкъ, если онъ не знаетъ никакого ремесла, иногда промышляетъ рыбною ловлею или охотой, и сверхъ того пользуется безъ позволенія, но и безъ запрета хозяевъ, тою выгодою, что на ихъ землѣ пускаютъ палу [1]) для посѣва рѣпы и обращаетъ произрастенія въ свою собственность. Если ему удастся запастись коровой, то она живетъ вмѣстѣ съ хозяйскими и становится такимъ же привилегированнымъ дармоѣдомъ въ своемъ хлѣвѣ, какъ

[1]) Особый родъ земледѣлія: для пріобрѣтеній земли, годной къ засѣву, вырубаютъ часть лѣса и жгутъ срубленныя деревья. Пала употребительна и въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ сѣверныхъ губерній, гдѣ живутъ финны.

владѣлецъ ея въ углу избы. Такъ какъ нужды нахлѣбника невелики, а по безотчетной добротѣ хозяина повинности еще менѣе значительны, то ясно, что онъ болѣе всякаго другого слѣдуетъ врожденной наклонности финновъ къ безпечности и лѣни. Потому-то и видишь его почти всегда отдыхающимъ, зимой передъ печью на лавкѣ, лѣтомъ—на голой землѣ на солнцѣ. Безъ сомнѣнія, большое число такихъ нахлѣбниковъ вредитъ какъ земледѣлію вообще, такъ и особенно крестьянину, который держитъ ихъ у себя; но съ другой стороны не умилительно ли видѣть, съ какимъ благородствомъ души онъ раздѣляетъ почти безвозмездно тѣсное жилище и часто малое достояніе свое съ голодными и безпріютными земляками?»

Описаніе о нищихъ еще трогательнѣе. Эти подробности о Финляндіи не возбудятъ ли въ васъ, милыя дѣти, желанія узнать ее ближе? Въ такомъ случаѣ читайте Рунеберга; вы найдете его въ прекрасныхъ переводахъ извѣстнаго литератора нашего Я. К. Грота. Для образца этихъ переводовъ мы представимъ вамъ здѣсь одинъ изъ нихъ, изъ котораго вы узнаете трогательное преданіе, разсказываемое въ одномъ бѣдномъ семействѣ; оно дополнитъ нѣсколько наше небольшое описаніе нравовъ финляндцевъ, которое вы прочли въ этой главѣ.

ВЕЧЕРЪ НА РОЖДЕСТВО.

Надъ степью блѣдный мѣсяцъ плылъ,
Голодный звѣрь въ ущельи вылъ,
Въ селѣ далекомъ лаялъ песъ.
Въ ту пору путникъ шелъ чрезъ лѣсъ
Въ пустыню, гдѣ былъ кровъ его.
Морозитъ; завтра Рождество.

Глухою, снѣжною тропой,
Усталый, онъ спѣшитъ домой
Къ женѣ, къ малюткамъ дорогимъ,
И хлѣбъ для праздника роднымъ
Несетъ онъ съ барскаго двора:
Имъ въ пищу служитъ лишь кора.

Но меркнетъ, меркнетъ въ вышинѣ,
Вдругъ отрокъ виденъ въ сторонѣ:
Къ сугробу молча прислоненъ,
Дыханьемъ руки грѣетъ онъ,

И мнится, пламя жизни въ немъ
Погаснуть хочетъ вмѣстѣ съ днемъ.

«Куда твой путь, бѣдняжка мой?
Приди погрѣться къ намъ домой».
И онъ иззябшаго беретъ.
Вотъ наконецъ онъ у воротъ;
Вотъ онъ вошелъ на пиръ къ роднымъ,
Съ гостинцемъ, съ другомъ молодымъ.

У печки тамъ жена его
Младенца кормитъ своего:
«Какъ ты себя заставилъ ждать!
Приди-жъ къ огню, поближе сядь;
Ты также!» Ласкова, нѣжна,
Дитя къ огню ведетъ она.

И чрезъ мигъ, послушно ей,
Взвивалось пламя ужъ рѣзвѣй;
Не помня нужды, весела,
Тогда свой хлѣбъ она взяла,
На столъ снесла его, потомъ
И крынку съ жидкимъ молокомъ.

Ихъ полъ для жданнаго денька
Соломой былъ прикрытъ слегка.
Съ него всталъ рой ребятъ къ столу.
Одинъ лишь гость еще въ углу.
Хозяйка бѣднаго беретъ,
И также къ ужину ведетъ.

Когда молитва отошла,
Хозяйка хлѣбецъ почала.
«Благословенъ убогихъ даръ!»
Промолвилъ отрокъ: дивный жаръ
Съ слезой въ очахъ его сіялъ,
Когда свою онъ долю взялъ.

Мать рѣжетъ хлѣбъ и для дѣтей,
Но хлѣбъ все цѣлъ да цѣлъ у ней.
На гостя юнаго она
Вперяетъ взоръ, изумлена;
И смотритъ, смотритъ: что же съ нимъ?
Внезапно весь онъ сталъ другимъ.

Въ очахъ, какъ на небѣ, свѣтло;
Блеститъ таинственно чело,
Слетаетъ съ нѣжныхъ плечъ покровъ,
Какъ передъ утромъ паръ съ луговъ.
Привѣтный ангелъ обнаженъ;
Какъ Божій рай прекрасенъ онъ

Денница радости взошла;
Въ сердцахъ надежда расцвѣла,
И незабвенъ былъ вечеръ сей
Подъ кровомъ набожныхъ людей.
Гдѣ пиръ прекраснѣе бывалъ?
Здѣсь добрый ангелъ пировалъ.

Чрезъ много зимъ, на мѣстѣ томъ
И я былъ въ ночь предъ Рождествомъ,
Еще стоялъ смиренный кровъ,
И жилъ тамъ правнукъ тѣхъ жильцовъ;
И онъ уже старъ былъ, ужъ сѣдѣлъ,
Но у того-жъ стола сидѣлъ.

Такъ чудно было, такъ свѣтло!
Жена сидѣла близь него,
И рядъ дѣтей ихъ окружалъ:
Молитвой воздухъ тамъ дышалъ;
И вѣрилось, обитель та
Какъ нѣкій храмъ была свята.

Горѣла свѣчка на столѣ
(Одна лишь и была въ семьѣ!):
Тамъ бѣлый хлѣбъ и молоко;
Но ихъ не трогаетъ никто.
«Чье это мѣсто?» я спросилъ;
«Тамъ» мнѣ сказали: «ангелъ былъ».

НОВЫЕ УСПѢХИ РУССКИХЪ ВЪ ДѢЛАХЪ ВОЕННЫХЪ И ГРАЖДАНСКИХЪ.

отъ 1810 до 1812 года.

(2 года).

Почти въ то самое время, когда русскіе сдѣлали на сѣверѣ такое важное пріобрѣтеніе владѣній и на югѣ покорилась имъ новая страна: Грузія добровольно, по просьбѣ собственныхъ царей своихъ, принесенной еще покойному императору Павлу Петровичу, присоединена была къ Россіи. Императоръ Александръ доставилъ важныя выгоды членамъ царскаго грузинскаго дома и назначилъ каждому изъ нихъ значительную пенсію. Они были довольны и, оставивъ Грузію, переѣхали на жительство въ Москву и Петербургъ.

Новое могущество, доставленное Россіи этимъ легкимъ пріобрѣтеніемъ цѣлой области, заключавшей въ себѣ 4,000 кв. миль и около 2.000,000 жителей, и новое состояніе этой самой области, прежде слабой правленіемъ, а теперь сильной защитою и покровительствомъ императора русскаго, не могли понравиться сосѣдямъ ея—персіянамъ. Они лишились многихъ выгодъ, которыми привыкли пользоваться въ Грузіи, и боялись усилившагося вліянія русскихъ на дѣла ихъ. Чтобы помочь себѣ въ томъ и другомъ случаѣ, они неблагоразумно вздумали открыть войну съ Россіею. Въ 1804 году они начали ее и постепенно продолжали до 1812 года. Можно было предвидѣть, чѣмъ кончится война персіянъ, непривыкшихъ къ военному дѣлу, съ русскими, имѣвшими одну изъ лучшихъ армій: по миру, заключенному въ 1812 году, въ Гулистанѣ, Персія должна была уступить Россіи всѣ земли свои, лежащія на западной сторонѣ Каспійскаго моря до рѣки Арраса.

Впрочемъ, война съ Персіей, во всѣ времена, не считалась у русскихъ дѣломъ важнымъ: и въ этотъ разъ о ней мало говорили, и гораздо болѣе занимались войною, начавшеюся съ Турціей, спустя два года послѣ персидской, и продолжавшейся также до 1812 года.

Читателямъ моимъ извѣстно уже, какъ началась она. Наполеонъ, причинившій ее изъ политическихъ видовъ, думалъ, что всѣ несогласія, возбужденныя имъ между Россіей и Турціей, кончатся вмѣстѣ съ Тальзитскимъ миромъ. Но ожиданія его не исполнились, и принятое имъ посредничество было неудачно: турки, много теряя по торговлѣ своей отъ разрыва съ Англіею, спѣшили примириться съ ней, а это примиреніе неизбѣжно влекло для нихъ за собою войну съ Россіей. И такъ, она снова началась, и фельдмаршалъ *князь Прозоровскій* во второй разъ вступилъ въ Молдавію и Валахію и вскорѣ потомъ перешелъ за Дунай. Въ 1809 году онъ скончался послѣ кратковременной болѣзни и мѣсто его заступилъ князь *Багратіонъ*. Подъ начальствомъ этого храбраго полководца русскіе въ томъ же 1809 году взяли крѣпость *Измаилъ*, а въ слѣдующемъ 1810, при новомъ главнокомандующемъ, заступившемъ мѣсто князя Багратіона,—*Каменскомъ*, важную

крѣпость *Силистрію*. При Каменскомъ русскіе одержали также знаменитыя побѣды надъ турками при Базарджикѣ, Разградѣ и при рѣкѣ Янтрѣ.

Успѣхи русскихъ приводили Турцію тѣмъ въ бо́льшее уныніе, что при дворѣ константинопольскомъ происходили въ это время дѣла, истинно ужасныя. Въ концѣ 1807 года султанъ Селимъ III свергнутъ былъ съ престола янычарами [1]), которые ненавидѣли его за то, что онъ хотѣлъ образовать ихъ по-европейски. Мѣсто его заступилъ двоюродный братъ его *Мустафа*. Не прошло года, какъ новое возмущеніе свергло и Мустафу и на мѣсто его возвело брата его *Махмуда*. При Махмудѣ также начинались безпокойства, и дерзкіе янычары уже хотѣли снова сдѣлать султаномъ Мустафу, но Махмудъ былъ твердъ и умѣлъ избавиться отъ бѣды, повидимому неминуемой: онъ велѣлъ умертвить Мустафу и съ того времени, какъ единственный потомокъ царскаго поколѣнія, остался обладателемъ престола его, и чрезъ двадцать лѣтъ потомъ умѣлъ наконецъ уничтожить войско, причинявшее во всѣ времена столько бѣдствій народу его.

При такомъ несчастномъ состояніи дѣлъ турки не могли бы вести съ успѣхомъ войну, еслибъ непріятелемъ ихъ были и не русскіе, которые и на сухомъ пути, и на морѣ безпрестанно одерживали надъ ними побѣды. Кромѣ арміи, находившейся подъ начальствомъ фельдмаршаловъ, о которыхъ мы уже говорили, адмиралъ *Сенявинъ* прославилъ имя свое на водахъ, омывающихъ южные берега Турціи. До заключенія мира Тильзитскаго онъ сражался не съ одними турками, но и съ французами. Онъ защищалъ отъ нихъ Іоническіе острова и восточные берега Адріатическаго моря, и вездѣ былъ побѣдителемъ до тѣхъ поръ, пока миръ, заключенный съ Франціею, не перемѣнилъ совершенно положенія флота нашего въ Средиземномъ морѣ. Англичане сдѣлались врагами русскихъ, и корабли ихъ, которыхъ было около береговъ Турціи гораздо болѣе, нежели русскихъ, употребили всѣ средства, чтобы вредить

---

[1]) Корпусомъ янычаръ называлось въ Турціи войско, составлявшее тѣлохранителей султана или его гвардію.

намъ и довели храбраго Сенявина до того, что онъ долженъ былъ сдаться имъ на капитуляцію. Но эта сдача не принадлежала къ происшествіямъ войны турецкой: русскій флотъ имѣлъ дѣло съ англичанами уже тогда, когда, узнавъ о мирѣ Тильзитскомъ, прекратилъ военныя дѣйствія съ турками и, оставивъ берега ихъ, возвращался въ отечество. Слѣдовательно, неуспѣхъ Сенявина не могъ порадовать константинопольскихъ жителей. Они погружены были въ уныніе и отъ побѣдъ русскихъ на сухомъ пути, и отъ собственнаго разстройства въ правленіи. Султанъ Махмудъ ободрилъ ихъ нѣсколько. Онъ вступилъ на престолъ въ то самое время, когда побѣды Каменскаго наводили такой страхъ на турокъ, что они уже начинали думать о мирѣ. Отважный и твердый Махмудъ рѣшился продолжать войну. Для лучшаго успѣха ея онъ смѣнилъ стараго визиря Юсуфа-пашу и на мѣсто его къ Шумлѣ, гдѣ стояли тогда русскіе, послалъ молодого и храбраго Ахмета-Агу, и съ нимъ 50,000 отборнаго войска. Въ это время и въ русской арміи главнокомандующій перемѣнился: на мѣсто заболѣвшаго Каменскаго поступилъ *Голенищевъ-Кутузовъ,* котораго имя, черезъ годъ потомъ, сдѣлалось однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ именъ для Россіи. Армія турецкая съ войскомъ, вновь присланнымъ отъ султана, была втрое многочисленнѣе русской; но знаменитый ученикъ Суворова оправдалъ славу своего учителя: Ахмедъ-Ага былъ разбитъ при Рущукѣ и обратился въ бѣгство. Едва успѣлъ онъ переправиться черезъ Дунай въ лодкѣ, забывъ объ арміи своей, которая должна была сдаться русскимъ. Это было въ декабрѣ 1811 года, а въ маѣ 1812 Россія воспользовалась плодами этой знаменитой побѣды Кутузова: въ *Бухарестѣ* заключенъ былъ миръ, по которому Турція уступила Россіи *Бессарабію,* до рѣки Прута.

И такъ, мы дошли теперь до 1812 года, до этой знаменитѣйшей эпохи въ новѣйшей исторіи отечества нашего. Но прежде нежели мы развернемъ страницы, блестящія славою Россіи, взглянемъ на внутреннее устройство ея, безпрестанно улучшаемое молодымъ императоромъ, на тѣ удивительные успѣхи въ дѣлѣ просвѣщенія, которые такъ отличали его царствованіе отъ всѣхъ предшествовавшихъ ему.

Мы видѣли уже, что сдѣлано было въ первые годы этого славнаго царствованія. Слѣдующія за ними улучшенія были продолженіемъ прекраснаго начала. Однимъ изъ главныхъ занятій государя было, какъ и прежде: образованіе его подданныхъ. Въ этомъ важномъ дѣлѣ государственномъ царственная заботливость его производила съ каждымъ годомъ новые, драгоцѣнные плоды. Вы знаете уже, какой блестящій переворотъ во всемъ составѣ образованности Россіи произвело учрежденіе министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1804 году стараніями министерства совершилось новое важное дѣло: основанъ былъ въ С.-Петербургѣ *Педагогическій институтъ,* т. е. такое учебное заведеніе, гдѣ молодые люди приготовлялись быть преподавателями и наставниками юношества.

С.-Петербургскій Педагогическій институтъ, съ своимъ улучшеннымъ во всѣхъ частяхъ устройствомъ, образовался изъ существовавшей прежде *Учительской гимназіи.* Онъ долженъ былъ составлять современемъ отдѣленіе Петербургскаго университета; потому онъ и получилъ устройство университетское. Воспитанники его пользовались всѣми правами студентовъ университетскихъ съ тою только разницею, что, какъ обязанные образованіемъ своимъ правительству, они должны были прослужить извѣстное число лѣтъ преподавателями по той части, къ которой готовились въ институтѣ.

Имъ предоставлено было судьбою счастіе разлить новый свѣтъ образованности по всѣмъ частямъ обширнаго отечества нашего: окончивъ курсъ, они должны были заступить мѣста учителей въ различныхъ близкихъ и дальнихъ губерніяхъ нашихъ.

Въ 1807 году былъ первый выпускъ *ста* воспитанниковъ Педагогическаго института, и императоръ Александръ, подражая во всемъ августѣйшей бабкѣ своей, за двадцать два года передъ тѣмъ посѣтившей Учительскую гимназію, присутствовалъ при торжественномъ актѣ перваго курса Педагогическаго института. Три часа выслушивалъ онъ съ своею неподражаемою снисходительностію лекціи, читанныя по разнымъ предметамъ студентами, кончившими курсъ. Участіе, какое принималъ онъ въ буду-

щихъ наставникахъ, было неудивительно: онъ видѣлъ въ нихъ людей, которымъ назначено было судьбою исполнить его любимые планы, осуществить его лучшія желанія. Это были будущіе образователи народа его, и Александръ желалъ возвысить знаніе ихъ еще болѣе: *двѣнадцать* отличнѣйшихъ отправлены были въ чужіе края для дальнѣйшаго образованія.

Такъ Педагогическій институтъ, неизмѣнно пользуясь особеннымъ благоволеніемъ государя, продолжалъ существованіе свое до 1819 года, въ которомъ учрежденъ былъ *С.-Петербургскій университетъ,* и въ составъ его вошелъ и Педагогическій институтъ. Возвратимся назадъ къ 1811 году. Здѣсь ожидаетъ насъ событіе, не менѣе любопытное: въ 1811 году основанъ былъ въ Царскомъ Селѣ Императорскій *лицей.* Чтобы скорѣе всего овладѣть вашимъ вниманіемъ, милые читатели, я скажу вамъ, что это новое учебное заведеніе было мѣстомъ образованія нашего незабвеннаго поэта Пушкина. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ воспитанниковъ, поступившихъ туда; онъ былъ свидѣтелемъ того живѣйшаго участія, какое Александръ и всѣ члены августѣйшаго семейства его принимали въ основаніи заведенія, назначеннаго для образованія отличнаго по рожденію юношества. Самое мѣсто, избранное для учрежденія лицея, уже доказывало величайшее благоволеніе государя къ молодымъ воспитанникамъ: тамъ, гдѣ знаменитая изъ царицъ земныхъ отдыхала отъ царственныхъ трудовъ своихъ, тамъ, гдѣ самъ онъ учился у ней высокой наукѣ государей, гдѣ протекли лучшіе дни его свѣтлаго дѣтства и первой юности, гдѣ и въ настоящее время любилъ онъ уединяться отъ шумныхъ заботъ и безпрерывной дѣятельности столицы, тамъ желалъ онъ образовать цвѣтъ дворянства, приготовить лучшихъ представителей народа его. Это желаніе, такъ хорошо выражающее душу Александра, было увѣнчано съ самаго начала полнымъ успѣхомъ: первый выпускъ воспитанниковъ былъ блистательный по дарованіямъ ихъ, былъ незабвенный по явленію поэта, бывшаго впослѣдствіи представителемъ нашей словесности. Здѣсь нельзя лучше почтить память учрежденія лицея, и память генія, такъ рано покинувшаго насъ, какъ вспомнивъ одно изъ послѣднихъ стихотвореній

его, написанное на *день лицея*[1]). Оно тѣмъ болѣе кстати быть заключенiемъ настоящаго разсказа нашего, что поэтъ упоминаетъ въ немъ о важнѣйшихъ происшествiяхъ того времени: это стихотворенiе можетъ быть для читателей прекраснымъ введенiемъ въ знаменитѣйшую эпоху нашей исторiи. Оно приготовитъ ихъ къ тому чувству, съ какимъ должны они смотрѣть на славныя событiя *двѣнадцатаго года*.

ЛИЦЕЙСКАЯ ГОДОВЩИНА.

1836 годъ.

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сiялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
И тѣсною сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче, и смѣлѣй;
Мы пили всѣ за здравiе Надежды
И Юности и всѣхъ ея затѣй.

Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился;
Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился:
Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ;
Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется,
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ:
И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается;
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Всему пора: ужъ двадцать-пятый разъ
Мы празднуемъ Лицея день завѣтный;

[1]) Такъ воспитанники Лицея называли и до сихъ поръ называютъ день торжественнаго открытiя Императорскаго Царскосельскаго Лицея. Это событiе, столь важное и драгоцѣнное для нихъ, происходило въ присутствiи императора и всей августѣйшей фамилiи 19-го октября 1811 года. Личные участники этого дня всегда съ наслажденiемъ вспоминали малѣйшiя подробности его. Списки рѣчей, сказанныхъ тогда директоромъ ихъ ст. сов. *Малиновскимъ* и профессорами *Куницынымъ* и *Кошанскимъ*, хранились у нихъ, какъ драгоцѣнности, напоминавшiя имъ лучшiя минуты жизни. Каждый годъ, и они, и младшiе товарищи-преемники ихъ, т. е. воспитанники послѣдовавшихъ выпусковъ, празднуютъ 19-е октября, какъ день священный. Сколько бы судьба, положенiе въ жизни, родъ службы ни раздѣляли ихъ, въ этотъ день они сходятся и съ совершенно-братскою любовiю вспоминаютъ *день Лицея*. Имя Пушкина—при жизни его — придавало какую-то веселую горделивость этимъ торжественнымъ собранiямъ: по смерти — оно навѣвало неотразимую грусть на осиротѣвшихъ товарищей; влiянiю ея покорялись и самые младшiе изъ пирующихъ, и душевный вздохъ, свѣтлая слеза, высокая мысль приносились въ дань *генiю Лицея*.

Прошли года чредою незамѣтной;
И какъ они перемѣнили насъ!
Недаромъ—нѣтъ!—промчалась четверть вѣка—
Не сѣтуйте: таковъ судьбы законъ;
Вращается весь міръ вкругъ человѣка
Ужель одинъ недвижимъ будетъ онъ?

Припомните, о други, съ той поры,
Когда нашъ кругъ судьбы соединили,
Чему, чему свидѣтели мы были!....
Игралища таинственной игры,
Металися смущенные народы,
И высились, и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возникъ Лицей,
Какъ царь для насъ открылъ чертогъ царицынъ
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей:
Тогда гроза двѣнадцатаго года
Еще спала, еще Наполеонъ
Не испыталъ великаго народа,
Еще грозилъ и колебался онъ.

Вы помните: когда текла за ратью рать:
Со старшими мы братьями прощались,
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ.... И племена сразились,
Русь обняла кичливаго врага,
И заревомъ московскимъ озарились
Его полкамъ готовые снѣга.

Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался.
Какой восторгъ тогда предъ нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ онъ—
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!
Вы помните, какъ оживились вдругъ
Сіи сады, сіи живыя воды,
Гдѣ проводилъ онъ славный свой досугъ!

И нѣтъ его—и Русь оставилъ онъ,
Взнесенную надъ міромъ изумленнымъ;
И на скалѣ, изгнанникомъ забвеннымъ
Всему чужой, угасъ Наполеонъ.
И новый царь, безстрашный и могучій,
На рубежѣ Европы бодро всталъ;
. . . .

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА.

1812 годъ.

Угасъ Наполеонъ!.... Какъ невѣроятны показались бы эти слова, еслибы кто произнесъ ихъ до 1812 года! Европѣ, оглушенной громомъ его побѣдъ, покоренной подъ власть его, казалось, что безсмертіе соединено было съ тѣмъ величайшимъ могуществомъ, до котораго достигъ въ это время Наполеонъ. Но прежде нежели вы, милые читатели, прочтете о чудномъ разрушеніи этого необыкновеннаго величія земного, вы должны узнать всю мѣру высоты, на которую оно было вознесено.

Миръ Тильзитскій можно назвать главнымъ основаніемъ послѣдней, блистательнѣйшей эпохи славы Наполеона: онъ разъединилъ Россію съ Англіей и тѣмъ уничтожилъ послѣднее могущество, которое въ состояніи было противостать всесокрушающей силѣ покорителя Европы: Россія соединилась съ нимъ и для англичанъ не осталось болѣе никакой надежды. Торговля ихъ, составляющая въ то же время и жизнь ихъ, подверглась величайшей опасности: по условіямъ мира Тильзитскаго всѣ гавани европейскіе закрылись для кораблей англійскихъ. Напрасно старался лондонскій кабинетъ тайно склонять государства къ разрыву съ Франціей: всѣ боялись могущества, еще болѣе усилившагося отъ союза съ Россіею. Только одна Португалія, которая по торговлѣ своей была въ совершенной зависимости отъ англичанъ, покорилась желанію ихъ и необдуманно рѣшилась противиться Наполеону: гавани ея открылись для кораблей англійскихъ.

Какъ скоро извѣстіе объ этомъ получено было во Франціи, судьбу Португаліи можно было считать рѣшенною, потому что войска французскія тотчасъ же отправились туда. Никакое завоеваніе не доставалось Наполеону такъ легко, какъ завоеваніе Португаліи. Прежде нежели армія его достигла Лиссабона, королевская фамилія, по какому-то непонятному чувству безнадежности или нежеланія защищать кровопролитіемъ права свои, оставила столицу и отправилась въ американскія владѣнія свои. Послѣ такого

поступка правителей государства народъ не могъ противиться, и французскія войска, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, вступили въ Лиссабонъ, а императоръ французовъ, безъ всякихъ предварительныхъ переговоровъ съ дворомъ португальскимъ, торжественно объявилъ Европѣ, что «*домъ Браганцскій пересталъ царствовать*». Намѣреніе его было раздѣлить Португалію и большую часть областей ея присоединить къ Франціи. Для этого нужно было согласіе короля испанскаго, сосѣда и близкаго родственника королевско-португальской фамиліи.

Слабый Карлъ IV былъ тогда на тронѣ Испаніи. Согласіе его не трудно было получить: министръ, управлявшій имъ, *Годой,* извѣстный подъ именемъ *князя Мира,* былъ давно въ распоряженіи Франціи. Но Наполеону уже мало казалось одной Португаліи: ему хотѣлось завладѣть и Испаніей и, къ несчастію, это сначала удалось.

Годой, изъ собственныхъ выгодъ, разстроилъ согласіе въ королевскомъ семействѣ: внушилъ слабому королю, что наслѣдникъ престола, принцъ Фердинандъ Астурійскій, участвуетъ въ заговорѣ противъ него. Раздраженный отецъ приказалъ судить принца совершенно невиннаго. Народъ вступился за Фердинанда, заключилъ въ темницу хитраго министра и испуганный король, потерявъ въ немъ своего руководителя, отказался отъ трона и отдалъ его Фердинанду.

Но Наполеону не нужно было этого возобновленнаго согласія въ семействѣ королевскомъ, и французскія войска спѣшили нарушить его. Они вошли въ Мадритъ и въ тотъ же день Карлъ IV объявилъ, что отреченіе его отъ престола было вынужденное и что онъ опять возлагаетъ на себя корону.

Такое объявленіе, конечно, было дѣломъ Наполеона. Всѣ удостовѣрились въ этомъ тогда же, потому что король торжественно просилъ свиданія у императора французовъ для совѣщаній о разстроенномъ состояніи своего государства.

Наполеонъ какъ будто ожидалъ этого случая, столь удобнаго для распоряженія дѣлами Испаніи по своей волѣ и поспѣшилъ на мѣсто свиданія, назначеннаго въ Байоннѣ.

Могущественный посредникъ пригласилъ туда и принца Фердинанда. И какое же было послѣдствіе этихъ торжественныхъ совѣщаній? Фердинандъ съ покорностію сына возвратилъ отцу корону, возложенную на него, а Карлъ IV уступилъ всѣ свои права на нее Наполеону! Непонятно, какъ могъ человѣкъ, такъ сильно желавшій сдѣлать имя свое великимъ и безсмертнымъ, поступать такъ несогласно со всѣмъ тѣмъ, что доставляетъ истинное безсмертіе, что носитъ отпечатокъ истиннаго величія! Этого мало, что Наполеонъ принудилъ слабаго короля къ такой унизительной для сана королевскаго уступчивости; онъ созвалъ еще *юнту*, или собраніе изъ знатнѣйшихъ испанцевъ [1]), и предложилъ имъ выбрать въ короли одного изъ своихъ братьевъ. Пораженные уступчивостью короля своего, испанцы какъ будто въ какомъ-то оцѣпенѣніи повиновались и выбрали *Іосифа*, уже бывшаго въ то время королемъ неаполитанскимъ. Но это перемѣщеніе съ одного трона на другой не затруднило того, кто такъ неразборчиво раздавалъ эти троны. Іосифъ пріѣхалъ въ Мадритъ, а мѣсто его въ Неаполѣ заступилъ зять Наполеона *Мюратъ*.

Но завоеваніе Испаніи и Португаліи, казавшееся сначала столь легкимъ для Наполеона, обратилось вскорѣ въ труднѣйшее, какое когда либо представлялось ему. Не болѣе мѣсяца народъ съ какою-то безчувственностію покорялся повелѣнію монарха своего, отдавшагося во власть Наполеона. Это усыпленіе или, лучше сказать, эта тишина передъ бурею продолжалась и тогда, когда испанцы знали, что принцъ Фердинандъ послѣ байонскихъ совѣщаній увезенъ былъ плѣнникомъ во Францію. Всѣ страдали за него, называли его царственнымъ мученикомъ, но ропотъ еще не обнаруживался слишкомъ ясно, еще какъ будто ожидалъ случая, который скоро представился: разнесся слухъ, что французы хотятъ похитить и увезти во Францію и послѣдняго инфанта, малолѣтняго принца Франциска, уѣхавшаго въ Бразилію съ дворомъ португальскимъ. Этотъ слухъ, казалось, былъ сигналомъ къ возстанію всего народа испанскаго. 2-го мая 1808 года онъ разнесся и съ этого

---

[1]) Число ихъ простиралось до 150 человѣкъ.

дня началась жестокая, ужасная борьба испанцевъ съ утѣснителями ихъ отечества. Они въ первый разъ вскричали въ этотъ день: — Да здравствуетъ Фердинандъ VII! Смерть французамъ! — И съ этого дня, въ самомъ дѣлѣ, начались безпрестанныя пораженія французовъ въ Испаніи! Всѣ сословія народа, не исключая даже монаховъ и женщинъ, вооружались и явно, тайно, кинжалами, ядомъ, однимъ словомъ, всѣми возможными средствами умерщвляли французовъ и, конечно, гибли сами. Но такая смерть не пугала испанцевъ; они искали ее какъ святого пожертвованія; они увѣрены были, что за нею ожидаетъ ихъ вѣнецъ мучениковъ, умирающихъ за вѣру, за государя, за отечество. Война, которую они вели съ того времени, не походила на войну обыкновенную, это была война партизанская, т. е. война, производимая малыми отрядами, безъ правильныхъ войскъ, безъ правильныхъ сраженій или лучше объяснить такъ: война отечественная, народная, гдѣ бились безпрестанно, гдѣ бились чѣмъ ни попало, гдѣ переносили всѣ трудности военныя съ желѣзнымъ терпѣніемъ. Эти воины, безстрашные, неумолимые, вступившіе въ неправильные ряды свои изъ всѣхъ званій, состояній, даже часто изъ обоего пола народа, назывались *герильясами*. Отряды ихъ, ничтожные въ глазахъ Наполеона, были первые, поколебавшіе основаніе его исполинскаго могущества. Всѣ усилія французскихъ войскъ, разсѣянныхъ по Испаніи, не могли истребить этихъ жестокихъ мстителей славы королевской и чести народной. Они губили ихъ безжалостно, но на мѣсто этихъ погибшихъ являлись новые мстители, которые надъ окровавленными тѣлами отцовъ и братьевъ, матерей и сестеръ клялись новою ненавистью къ французамъ и страшно исполняли свои клятвы. Однимъ словомъ, французы не находили спокойнаго убѣжища во всей Испаніи: вездѣ ожидала ихъ смерть въ безчисленныхъ видахъ, изобрѣтенныхъ оскорбленнымъ народомъ. Однакожъ французы все еще держались въ ней, все еще владѣли Мадритомъ, все еще называли Испанію страною, покоренною ими, Іосифа—королемъ испанскимъ. Трудно было поддерживать это завоеваніе, тѣмъ болѣе, что и португальцы послѣдовали примѣру

испанцевъ и были, сверхъ того, подъ защитою англичанъ, приславшихъ на помощь къ нимъ свое войско.

Воины Наполеона въ первый разъ узнали возможность неудачъ, счастливый полководецъ ихъ въ первый разъ не зналъ, какъ усмирить враговъ. Но его устрашали не одни испанцы и португальцы, которыхъ онъ все еще не считалъ врагами важными: его безпокоили еще военныя приготовленія Австріи, продолжавшіяся весь 1808 годъ. Кромѣ многочисленной арміи, императоръ австрійскій, рѣшившійся истребить память объ униженіи достоинства имперіи своей во время послѣдней борьбы съ Наполеономъ, созвалъ *земское ополченіе*. Каждый изъ воиновъ его стремился исполнить желаніе государя: число ихъ простиралось до 350,000 человѣкъ.

Такое множество людей, рѣшившихся на отчаянную битву, не могло не внушить безпокойства тому, кому угрожало нападеніе ихъ. Императоръ французовъ всего болѣе боялся, чтобы и Россія не соединилась съ Австріей, избиравшей столь удобное время для отмщенія оскорбленій, нанесенныхъ ей. И для того ему нужно было увидѣться съ императоромъ Александромъ, нужно было удостовѣриться въ мирномъ расположеніи его и онъ пригласилъ государя на конгрессъ въ саксонскій городъ *Эрфуртъ*.

Александръ, великодушный, благородный, свято хранившій договоры, заключаемые имъ, объявилъ Наполеону, что условія мира Тильзитскаго будутъ во всей точности исполняемы, пока французы будутъ наблюдать то же.

Успокоенный съ этой важнѣйшей для него стороны, Наполеонъ возвратился изъ Эрфурта въ Парижъ съ новыми замыслами на гибель испанцевъ, на пораженіе австрійцевъ. Франція должна была набрать для него свѣжее войско, рейнскій союзъ — выставить стотысячную армію. Счастіе не покидало избалованнаго любимца своего: желанія Наполеона были исполнены. Испанцы горестно почувствовали, что число войскъ французскихъ умножилось въ отечествѣ ихъ, однакожъ благородные защитники все еще не поколебались въ своемъ сопротивленіи и также ревностно продолжали его, хотя число ихъ съ каждымъ днемъ значительно уменьшалось. Что-жъ касается до ав-

стрійцевъ, то напрасны были всѣ продолжительныя и дорого стоившія имъ усилія и приготовленія: война, начавшаяся у нихъ съ французами, въ апрѣлѣ 1809 года, не смотря на многочисленную армію, шла неудачно и кончилась въ октябрѣ того же года Вѣнскимъ миромъ, который былъ невыгоднѣе всѣхъ прежнихъ: по тягостнымъ условіямъ его, Австрія теряла до $3^1/_2$ милліоновъ жителей. Къ Баваріи отошли: Зальцбургъ, Инфиртель, Браунау и Гаусрукъ; части Каринтіи, Карніоліи, Далмаціи и Кроаціи составили новыя иллирійскія провинціи, отданныя Франціи и распространившія владѣнія этого исполинскаго государства до границъ Турціи; восточная Галиція и въ ней полтора милліона жителей присоединены были къ Варшавскому герцогству.

Присоединеніе Галиціи и оттого увеличеніе герцогства Варшавскаго нарушило трактатъ Тильзитскій, по которому устранялось всякое увеличеніе этого герцогства, какъ области сосѣдней и тогда враждебной Россіи. Это было первою искрою несогласія между кабинетами русскимъ и французскимъ,—обстоятельствомъ, прояснившимъ для императора Александра тайные замыслы Наполеона. Государь тогда же говорилъ о нихъ французскому посланнику Коленкуру и просилъ его подтвердить императору, что онъ первый не нарушитъ мира, но будетъ отражать малѣйшее нападеніе. Коленкуръ старался увѣрить государя въ дружелюбномъ и миролюбивомъ расположеніи Наполеона, но не успѣлъ: подозрѣніе съ того самаго времени осталось въ душѣ Александра и, по мѣрѣ дѣйствій императора французовъ, подтверждалось болѣе и болѣе.

Вскорѣ новое обстоятельство усилило неудовольствіе обоихъ дворовъ. Наполеонъ, увеличивая съ каждымъ годомъ славу свою, рѣшился придать ей послѣдній блескъ и навсегда утвердить ее,—рѣшился вступить въ супружество съ принцессою котораго либо изъ знаменитыхъ дворовъ Европы.

Но у него давно была супруга, и супруга коронованная имъ, императрица Жозефина. Благодарная и великодушная, она нѣжно любила Наполеона и потому не от-

казалась отъ предложенія его, счастіемъ своимъ пожертвовать благу Франціи, для котораго, по словамъ императора, нуженъ былъ наслѣдникъ его имени. Жозефина согласилась развестись съ супругомъ, и разводъ, предписанный имъ самимъ, былъ дѣломъ нѣсколькихъ дней.

Получивъ разрѣшеніе духовенства на вступленіе въ новый бракъ, Наполеонъ обратилъ взоры свои, столь же ненасытные, какъ и честолюбіе его, на знаменитѣйшіе изъ дворовъ Европы, и Александру представлено было желаніе императора французовъ получить руку одной изъ великихъ княженъ, августѣйшихъ сестеръ его. Не получая долго никакого отвѣта на предложеніе, которое, по его мнѣнію, не могло произвесть ничего, кромѣ пріятнаго чувства при всякомъ дворѣ, гдѣ бы ни было сдѣлано, Наполеонъ терялъ терпѣніе, приходилъ въ негодованіе. Получивъ потомъ удостовѣреніе, что отвѣтъ не можетъ быть удовлетворителенъ, онъ спѣшилъ объявить предложеніе свое къ двору австрійскому.

Въ Вѣнѣ, гдѣ еще во всемъ примѣтны были свѣжіе слѣды присутствія могущественнаго побѣдителя, въ Вѣнѣ, еще такъ недавно покоренной его неодолимою силою, нельзя было отвѣчать на предложеніе императора французовъ иначе, какъ согласіемъ, и дочь Франца II, эрцъ-герцогиня Марія-Луиза, была принесена въ жертву спокойствію Европы. Наполеонъ, сдѣлавшись супругомъ ея, гордился уже не однимъ величіемъ дѣлъ своихъ, но и знаменитостію рода, съ которымъ соединилъ свой, долженствовавшій начать новое и—по его мнѣнію—первое изъ поколѣній царскихъ.

Замыслы, еще надменнѣйшіе, затаились съ того времени въ душѣ его. Къ ненасытному честолюбію, теперь такъ хорошо удовлетворенному, присоединилось желаніе отмстить за оскорбленіе, нанесенное ему дворомъ русскимъ, и мысль о всемірной имперіи начала сильнѣе занимать его, особенно съ тѣхъ поръ, какъ счастіе, всегда баловавшее его, даровало ему и сына-наслѣдника, которому онъ могъ передать все изумительно-созданное имъ величіе. Въ мартѣ 1811 года родился этотъ наслѣдникъ, еще до рожденія названный *королемъ римскимъ* и окруженный съ первыхъ минутъ жизни своей всѣмъ блескомъ, какой только

могъ изобрѣсть для него восхищенный и могущественный отецъ его. Съ полною довѣренностію къ судьбѣ, которая никогда не казалась ему столь благосклонною, Наполеонъ рѣшился приступить къ исполненію своихъ честолюбивыхъ замысловъ.

Разрывъ съ Россіею долженствовалъ быть первымъ шагомъ къ всемірному обладанію, потому что она одна представляла препятствіе могущественному завоевателю. Но Александръ, дорожа спокойствіемъ Европы, столь часто и столь гибельно нарушаемымъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, не начиналъ спора, хотя нарушеніе Тильзитскаго трактата въ отношеніи герцогства Варшавскаго и подавало ему поводъ къ тому. Наполеонъ нашелъ новый случай сдѣлать вызовъ великодушному монарху Россіи.

Когда въ 1810 году—вскорѣ послѣ знаменитаго бракосочетанія императора французовъ—присоединены были къ его имперіи новыя владѣнія: Голландія, половина Вестфаліи, часть Тироля, страна между Сѣвернымъ и Балтійскимъ морями и вольные города Бременъ, Гамбургъ и Любекъ,—въ числѣ земель, такъ беззаконно присвоенныхъ Наполеономъ, были и владѣнія герцога Голштейнъ-Ольденбургскаго, находившагося въ ближайшемъ родствѣ съ императоромъ Александромъ [1]). Сначала изъ уваженія къ этому родству предложенъ былъ герцогу размѣнъ владѣній его на какую нибудь другую область, принадлежащую Франціи, но когда герцогъ не согласился разстаться съ подданными, съ которыми домъ его соединенъ былъ въ теченіе десяти вѣковъ, то Наполеонъ, не спрашивая болѣе согласія его, назначилъ ему взамѣнъ владѣній его княжество *Эрфуртъ* и отправилъ въ Ольденбургъ французскихъ комиссаровъ для опечатанія всѣхъ казенныхъ суммъ и образованія внутренняго управленія герцогства.

Императоръ Александръ, узнавъ о такой несправедливости отъ самаго свѣтлѣйшаго родственника своего и отъ

---

[1]) Въ 1809 году великая княжна Екатерина Павловна вступила въ супружество съ его свѣтлостью принцемъ Георгіемъ Голштейнъ-Ольденбургскимъ. Ея императорское высочество оставалась въ Россіи, гдѣ супругъ ея занималъ мѣсто военнаго генералъ-губернатора ярославскаго, тверского и нижегородскаго.

посла русскаго въ Парижѣ князя Куракина, едва могъ вѣрить ей и, приписывая все происшествіе какому нибудь недоразумѣнію со стороны комиссаровъ, приказалъ князю Куракину удостовѣриться съ большею точностію о случившемся и потребовать объясненія отъ двора французскаго. Государь при этомъ случаѣ приказалъ напомнить Наполеону, что 12-ою статьею Тильзитскаго договора владѣнія герцога Голштейнъ-Ольденбургскаго были обезпечены; что императоръ русскій, какъ глава голштейнскаго дома, есть также и наслѣдникъ герцога, и что, слѣдовательно, въ случаѣ, если тамъ нанесено будетъ оскорбленіе герцогу, онъ принужденъ будетъ защищать права его и свои собственныя.

Что же отвѣчалъ Наполеонъ на эти законныя требованія государя русскаго? Странно видѣть, до какихъ ложныхъ умствованій можетъ дойти умъ человѣческій, когда ему нужно прикрыть свою несправедливость! Вотъ любопытный въ этомъ отношеніи отвѣтъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ князю Куракину: «Конечно, Эрфуртъ по пространству и народонаселенію не можетъ быть достаточнымъ вознагражденіемъ; но земля плодороднѣе, нежели въ Ольденбургѣ, жители промышленнѣе и богаче, доходы одинаковы, а императоръ Наполеонъ оставляетъ герцогу прежніе его удѣлы въ Ольденбургѣ. Въ Эрфуртѣ нѣтъ дворца, но, помнится мнѣ, есть большой домъ, гдѣ герцогъ можетъ удобно помѣститься. Что касается до нарушенія 12-й статьи Тильзитскаго мира, то, безъ сомнѣнія, она служитъ въ пользу герцогу; но въ ней также сказано, что, до окончанія войны съ Англіею, французскія войска будутъ занимать герцогство. Во время заключенія Тильзитскаго мира Ольденбургъ находился во власти императора Наполеона, который, возвративъ свое завоеваніе герцогу, исполнилъ договоръ. Потомъ возникли новыя политическія соображенія, вслѣдствіе которыхъ нужно было присоединить сію область къ Франціи; но герцогъ оттого совершенно ничего не теряетъ: императоръ Наполеонъ отдачею Эрфурта хочетъ сдѣлать ему полное вознагражденіе и тѣмъ явить новое свидѣтельство дружбы къ государю. Въ происшествіяхъ бываетъ неотвратимая случай-

ность и надобно покориться ей. Мелкія владѣнія не могутъ оставаться, когда ихъ существованіе противно политикѣ и выгодамъ большихъ державъ, которыя, подобно быстрымъ потокамъ, поглощаютъ все, что встрѣчаютъ въ своемъ теченіи. Вотъ правила императора Наполеона, и онъ не можетъ отказаться отъ мѣры, единожды имъ принятой, тѣмъ болѣе, что декретомъ сената, присоединившимъ Ольденбургъ къ Франціи, почитаетъ себя совершенно связаннымъ».

Такое настоятельное защищеніе дѣла, въ полной мѣрѣ несправедливаго, ясно доказывало желаніе Наполеона нарушить согласіе, препятствовавшее намѣреніямъ его, тѣмъ болѣе, что и на второе предложеніе двора русскаго о томъ, чтобы Наполеонъ подписалъ актъ, въ которомъ бы обѣщалъ никогда не стараться о возстановленіи польскаго королевства, императоръ французовъ отвѣчалъ, *хотя возстановленіе Польши и не входитъ въ его политическія предначертанія, однако подписаніе подобнаго акта было бы несовмѣстно съ его достоинствомъ*. Къ этому надобно прибавить, что въ то же самое время во всей Франціи и во всѣхъ подвластныхъ ей и союзныхъ съ нею областяхъ арміи наполнялись, цѣлые полки учреждались вновь, оружія и военные снаряды запасались, однимъ словомъ, дѣлались всѣ приготовленія къ войнѣ. Здѣсь кстати показать читателямъ всѣ военныя силы Наполеона въ это время величайшаго могущества его и ту огромную часть изъ нея, которую онъ, подъ именемъ *великой арміи*, назначилъ для замышляемаго имъ покоренія Россіи.

Въ февралѣ 1811 года дѣйствующихъ французскихъ войскъ состояло по спискамъ:

Въ Испаніи	305,245	человѣкъ
» Италіи	47,846	»
» Иллиріи и на Іоническихъ островахъ	16,685	»
» Голландіи	22,823	»
» Германіи	47,250	»
» Франціи	198,610	»
Гвардіи	37,302	»
Итого	675,761	человѣкъ

Съ февраля началось счисленіе этихъ войскъ и къ половинѣ октября того же 1811 года было уже окончено, и армія французская состояла уже изъ 850,000 человѣкъ. Кромѣ того, Наполеонъ имѣлъ 337,000 человѣкъ вспомогательнаго войска изъ всѣхъ подвластныхъ ему королевствъ. И изъ сего-то, можно сказать, исполинскаго войска, простиравшагося до 1.187,000 человѣкъ, императоръ французовъ въ началѣ 1812 года образовалъ такъ называвшуюся *великую армію*. Она состояла изъ 610,000 строевыхъ, а съ чиновниками и со всѣми вообще людьми, принадлежавшими къ арміи подъ названіемъ нестроевыхъ, до 700,000 человѣкъ.

Въ этомъ огромномъ ополченіи участвовали слѣдующіе народы: французы, итальянцы, швейцарцы, нидерландцы, австрійцы, венгерцы, баварцы, виртембергцы, саксонцы, вестфальцы, разные другіе народы рейнскаго союза, пруссаки, поляки, иллирійцы, португальцы и плѣнные испанцы.

Все русское войско, уже усиленное къ марту 1812 года, состояло изъ 590,973 человѣкъ, но изъ этого числа только 218,000 могли быть употреблены противъ непріятеля; остальные должны были охранять огромное протяженіе границъ нашихъ и, кромѣ того, участвовать въ войнѣ съ турками, еще въ то время неоконченной.

Наполеонъ употребилъ всѣ силы, чтобъ она и не была окончена: французскіе курьеры безпрестанно ѣздили отъ него въ Константинополь съ наставленіями французскому посланнику. Но всѣ усилія были напрасны: турки, убѣжденные побѣдами Кутузова въ необходимости мира съ Россіей, заключили его въ то самое время, когда Наполеонъ болѣе всего старался вооружить ихъ противъ русскихъ.

Также мало успѣха имѣли старанія его о войнѣ и у шведовъ. Послѣ многихъ тревогъ и волненій Швеція только что достигла въ это время спокойствія, котораго не хотѣла подвергать новымъ опасностямъ: на тронѣ Густава-Адольфа былъ попрежнему дядя его Карлъ XIII, но наслѣдникомъ этого короля, не имѣвшаго дѣтей, былъ избранъ, по желанію народа и, конечно, по вліянію императора французовъ, французскій маршалъ *Бернадотъ*, принцъ Понтекорво. Но, способствуя избранію своего маршала въ кронпринцы

шведскіе, Наполеонъ ошибся въ разсчетѣ. Бернадотъ, сдѣлавшись наслѣдникомъ престола знаменитаго Густава Вазы и принявъ лютеранское исповѣданіе, какъ будто переродился въ настоящаго шведа. Благородное сердце говорило ему, что вся жизнь его должна быть посвящена теперь Швеціи, и никакія убѣжденія Наполеона не могли заставить его на минуту позабыть о выгодахъ ея. Увѣренный, что эти выгоды заключались не въ спорахъ съ Россіею, но, напротивъ того, въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ нею, наслѣдный принцъ шведскій отвергнулъ всѣ лестныя обѣщанія, сдѣланныя ему Наполеономъ за помощь шведовъ противъ Россіи, и предложилъ самъ эту помощь императору русскому.

Такой возвышенный образъ мыслей достойно оцѣненъ былъ Александромъ, и искреннее дружество соединило его съ того времени съ наслѣдникомъ шведскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, это былъ единственный принцъ, осмѣлившійся явно взять сторону Александра, оставленнаго въ то время всѣми державами. Безъ сомнѣнія, многія изъ нихъ чувствовали справедливость права, защищаемаго имъ; безъ сомнѣнія, многіе изъ нихъ тайно желали успѣха ему, а не Наполеону; но явно они всѣ были врагами его, всѣ шли на него, подъ предводительствомъ Наполеона.

Удивительную картину представляла Европа въ то время, когда намѣренія Франціи противъ Россіи уже были всѣмъ извѣстны, но война не была еще обнародована: когда всѣ войска Наполеона были уже расположены на пути къ Россіи, когда и въ Россіи приготовлялись встрѣтить непріятеля, а между тѣмъ все было тихо, все погружено въ какое-то таинственное ожиданіе, которое походило на тишину, предвѣстницу бури. И во время этой грозной тишины посланники обоихъ государствъ вели, по обыкновенію, переговоры, даже переѣзжали отъ одного государя къ другому съ порученіями, клонившимися, повидимому, болѣе къ миру, нежели къ войнѣ.

Это было удивительно для толпы, но понятно для всякаго, кто зналъ коротко Наполеона и Александра: первый—домогавшійся величія всѣми средствами, не хотѣлъ явиться въ глазахъ Европы несправедливымъ начинателемъ спора; второй—благочестивый и кроткій, страшился

излишнею пылкостію преждевременно подвергнуть Европу новому кровопролитію, на которое совѣсть допускала его рѣшиться только въ послѣдней крайности. Сколько же искренній миръ далекъ былъ отъ нихъ обоихъ, можно видѣть изъ того, что Наполеонъ не только мечталъ, но даже говорилъ уже съ приближенными своими о завоеваніи у англичанъ Индіи, съ помощію покоренной Россіи, а императоръ Александръ почти въ то же самое время писалъ къ своему главнокомандующему слѣдующее: «Прошу васъ, не робѣйте предъ затрудненіями, полагайтесь на Провидѣніе Божіе и Его правосудіе. Не унывайте, но укрѣпите вашу душу великою цѣлію, къ которой мы стремимся, избавить человѣчество отъ ига, подъ коимъ она стонетъ: и освободить Европу отъ цѣпей».

Такова была цѣль великодушныхъ усилій Александра, но, не смотря на всю возвышенность ея, онъ считалъ долгомъ своимъ избѣгать сколько можно войны и потому предложилъ посланнику, въ послѣдній разъ пріѣзжавшему къ нему отъ императора французовъ, самыя легкія условія къ сохраненію мира. Соглашаясь даже на вознагражденіе герцога Ольденбургскаго другими владѣніями въ Германіи, императоръ русскій настаивалъ только на выводѣ французскихъ войскъ изъ Пруссіи и герцогства Варшавскаго.

Наполеонъ назвалъ это настояніе, имѣвшее цѣлію спокойствіе и безопасность Пруссіи и Россіи, оскорбительнымъ для своего достоинства и для независимости короля прусскаго, и подъ этимъ ничтожнымъ и несправедливымъ предлогомъ рѣшился вторгнуться въ Россію, даже не объявивъ ей надлежащимъ образомъ войны. Отдавъ повелѣніе арміи своей, стоявшей уже на Вислѣ, идти ускореннымъ маршемъ къ границамъ русскимъ и перейти пограничную рѣку Нѣманъ, близъ Ковно, онъ въ то же время обнародовалъ слѣдующій приказъ:

«Солдаты! Вторая война польская началась. Первая кончилась подъ Фридландомъ и Тильзитомъ. Въ Тильзитѣ Россія поклялась на вѣчный союзъ съ Франціей и войну съ Англіею. Нынѣ нарушаетъ она клятвы свои и не хочетъ дать никакого объясненія о странномъ поведеніи своемъ, пока орлы французскіе не возвратятся за Рейнъ, предавъ

во власть ея союзниковъ нашихъ. Россія увлекается рокомъ! Судьба ея должна исполниться. Не почитаетъ ли она насъ измѣнившимися? Развѣ мы уже не воины аустерлицкіе? Россія поставляетъ насъ между безчестіемъ и войною. Выборъ не будетъ сомнителенъ. Пойдемъ же впередъ! Перейдемъ Нѣманъ, внесемъ войну въ русскіе предѣлы. Вторая польская война, подобно первой, прославитъ оружіе французское; но миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ и положитъ конецъ пятидесяти-лѣтнему кичливому вліянію Россіи на дѣла Европы».

Вмѣстѣ съ арміею французскою прочитали этотъ приказъ и поляки, и были восхищены имъ. Онъ какъ будто сочиненъ былъ для возбужденія ихъ къ мятежу, и легкомысленные увлеклись лестными обѣщаніями повелителя Европы и, избавляясь отъ отеческой власти царя единоплеменнаго, сами положили на себя оковы жестокаго и чуждаго для нихъ государя завоевателя. Въ Польшѣ и въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ нея къ Россіи, жители отложились отъ русскихъ и готовились встрѣтить французовъ, какъ возстановителей своего отечества. Вотъ еще важная потеря для Россіи, или, лучше сказать, вотъ еще нѣсколько тысячъ новыхъ ей враговъ. Что же дѣлалъ царь ея въ это трудное время опасностей, угрожавшихъ престолу его? О! дѣла царя ея, которымъ такъ справедливо можетъ гордиться она, видны лучше изъ его собственныхъ словъ къ народу. Напримѣръ, вотъ первый его приказъ арміямъ, отданный 13-го іюня, на другой день вступленія французовъ въ отечество наше:

«Съ давняго времени примѣчали мы непріязненные противъ Россіи поступки французскаго императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оные. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ нашемъ желаніи сохранить тишину, принуждены мы были ополчиться и собрать войска наши; но и тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ нашей имперіи, не нарушая мира, бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемаго нами спокойствія. Французскій императоръ, нападеніемъ на войска наши при Ковно,

открылъ первый войну. И такъ, видя его никаками средствами непреклоннаго къ миру, не остается намъ ничего иного, какъ, призвавъ на помощь Свидѣтеля и Защитника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы наши противъ силъ непріятельскихъ. Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины! вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На начинающаго Богъ!»

Прочитавъ этотъ приказъ, исполненный такой кротости и такого благочестія, не представляется ли вамъ, милые читатели, все, что̀ могъ совершить и что̀, въ самомъ дѣлѣ, совершилъ государь, дѣйствовавшій въ такомъ духѣ? Конечно, сердце, столь великодушное, душа, столь твердо надѣющаяся на Бога, средства, столь сильныя, какія могла представить государю своему могучая Россія, не могли не побѣдить врага, гордившагося только силою собственнаго генія, надѣявшагося только на людей, увлеченныхъ этимъ геніемъ. Такъ во всѣ времена древнія и новѣйшія, когда Россіи суждено было бороться съ нападавшими на нее врагами, вѣра и благочестіе народа и царей ея спасали ее даже и тогда, когда погибель казалась неизбѣжною. Такъ она лучше всѣхъ другихъ государствъ въ исторіи мира оправдала истину священнаго изреченія: «*Надѣющіеся на Господа не постыдятся!*» Но никогда еще эта истина не являлась глазамъ людей въ такомъ яркомъ свѣтѣ, какъ въ 1812 году; никогда положеніе Россіи не было опаснѣе, никогда враги ея—многочисленнѣе и искуснѣе въ наукѣ побѣждать. Но что̀ значила эта многочисленность и это искусство предъ могуществомъ Того, Чью помощь призывали русскіе и прежде всѣхъ—благочестивый царь ихъ! Вы видѣли уже это въ первомъ воззваніи его къ войскамъ. Теперь прочтите, что̀ писалъ онъ для всеобщаго обнародованія, въ собственноручномъ рескриптѣ къ фельдмаршалу графу Салтыкову, глубоко уважаемому имъ воспитателю дѣтства и юности его:

«Графъ Николай Ивановичъ!

«Французскія войска вошли въ предѣлы нашей имперіи. Самое вѣроломное нападеніе было возмездіемъ за строгое

наблюденіе союза. Я, для сохраненія мира, истощилъ всѣ средства, совмѣстныя съ достоинствомъ престола и пользою моего народа. Всѣ старанія мои были безуспѣшны. Императоръ Наполеонъ въ умѣ своемъ положилъ твердо — разорить Россію. Предложенія самыя умѣренныя остались безъ отвѣта. Внезапное нападеніе открыло явнымъ образомъ лживость подтверждаемыхъ въ недавнемъ еще времени миролюбивыхъ обѣщаній. И потому не остается мнѣ иного, какъ поднять оружіе и употребить всѣ врученные мнѣ Провидѣніемъ способы къ отраженію силы силою. Я надѣюсь на усердіе моего народа и храбрость войскъ моихъ. Будучи въ нѣдрахъ домовъ своихъ угрожаемы, они защитятъ ихъ съ свойственною имъ твердостію и мужествомъ. Провидѣніе благословитъ праведное наше дѣло. Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудили насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ».

Въ этомъ второмъ воззваніи заключается опять цѣлый рядъ знаменитыхъ дѣлъ Александра. Достопамятныя слова: «Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ», — были началомъ успѣховъ русскихъ, были основаніемъ, на которомъ твердость царя воздвигла величественное зданіе славы народа его и въ то же время погибели могущественнѣйшаго изъ завоевателей. Вполнѣ постигая важность торжественнаго изреченія своего, Александръ, во все пребываніе французовъ въ государствѣ своемъ, не склонился ни на какія предложенія Наполеона о мирѣ и тѣмъ довелъ гордаго начинателя брани до той крайности, въ которой впослѣдствіи мы увидимъ его и которая была грозною предвѣстницею его совершеннаго паденія.

Послѣ этихъ двухъ воззваній императора, имѣвшихъ такое важное вліяніе на судьбу отечественной войны нашей, вамъ остается узнать, милые читатели, еще два, и — исторія знаменитаго двѣнадцатаго года развернется предъ вами со всею своею ясностію, простотою и трогающимъ душу краснорѣчіемъ. Первое изъ нихъ обращено было къ древней столицѣ нашей—Москвѣ, второе—ко всему народу.

«Первопрестольной столицѣ нашей Москвѣ.

«Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любезное наше отечество. Хотя пылающее мужествомъ ополченное россійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломысліе, однакожъ, по отеческому сердолюбію и попеченію нашему о всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, не можемъ мы оставить безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности. Да не возникнетъ изъ неосторожности нашей преимущество врагу. Того ради, имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны, собрать новыя внутреннія силы, наипервѣе обращаемся мы къ древней столицѣ предковъ нашихъ, Москвѣ. Она всегда была главою прочихъ городовъ россійскихъ, она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны отечества для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ. Спасеніе вѣры, престола, царства того требуетъ. И такъ, да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства нашего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и православная наша церковь; да составитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи! Мы не умедлимъ сами стать посреди народа своего въ сей столицѣ и въ другихъ государства нашего мѣстахъ для совѣщанія и руководствованія всѣми нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низвергнуть насъ, на главу его и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи».

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

«Непріятель вступилъ въ предѣлы наши и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазнами потрясть спокойствіе великой сей державы. Онъ по-

ложилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу ея и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестію въ устахъ несетъ онъ вѣчныя для ней цѣпи и оковы. Мы, призвавъ на помощь Бога, поставляемъ въ преграду ему войска наши, кипящія мужествомъ попрать, опрокинуть его, и то, что̀ остается неистребленнаго, согнать съ лица земли нашей. Мы полагаемъ на силу и крѣпость ихъ твердую надежду, но не можемъ и не должны скрыть отъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, что собранныя имъ разнодержавныя силы велики и что отважность его требуетъ неусыпнаго противъ нея бодрствованія. Сего ради, при всей твердой надеждѣ на храброе наше воинство, полагаемъ мы за необходимо нужное собрать внутри государства новыя силы, которыя, нанося новый ужасъ врагу, составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ.

«Мы уже воззвали къ первопрестольному граду нашему Москвѣ; а нынѣ взываемъ ко всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ нами единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ—Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ — Палицына, въ каждомъ гражданинѣ — Минина. — Благородное дворянское сословіе! Ты во всѣ времена было спасителемъ отечества. — Святѣйшій сѵнодъ и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи.—Народъ русскій! храброе потомство храбрыхъ славянъ! Ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ, со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ.

«Для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ предоставляется во всѣхъ губерніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ ими для защиты отечества людей, избирая изъ среды самихъ себя начальника надъ

оными и давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ главный надъ всѣми предводитель».

Имѣя понятіе о томъ, какое дѣйствіе производятъ на русскихъ слова царя ихъ, вамъ, милые читатели, не трудно будетъ угадать, что̀ произвели эти два манифеста! Точно, здѣсь заключался длинный рядъ смѣлыхъ подвиговъ, великодушныхъ пожертвованій, безпредѣльнаго самоотверженія. Волшебному дѣйствію слова царскаго покорились всѣ состоянія, всѣ возрасты.

11-го іюля эти манифесты обнародованы были въ Москвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ московскіе жители узнали, что государь самъ прибудетъ въ столицу ихъ къ вечеру того же дня. Надобно было видѣть, какой переворотъ въ расположеніи духа жителей произвели эти два извѣстія! Уже четыре недѣли какъ Наполеонъ и многочисленное разноплеменное воинство его были въ Россіи, и во все это время, казавшееся столь продолжительнымъ для нетерпѣнія русскихъ, не только не было одержано ни одной побѣды надъ непріятелемъ, но главнокомандующіе армій русскихъ, Барклай-де-Толли и князь Багратіонъ, даже отступали отъ французовъ и, какъ будто всѣми силами стараясь избѣгать сраженія съ ними, уступали имъ города и цѣлыя области. Этого требовало соединеніе армій нашихъ, уже раздѣленныхъ французами; но народъ не понималъ, къ чему служатъ такія мѣры благоразумія и осторожности, и необдуманно обвиняя военачальниковъ въ робости и маломъ усердіи къ защитѣ отечества, унывалъ духомъ и жалѣлъ, что не ему предоставлено идти перевѣдаться съ врагомъ за царя и родину. Особенно москвичи разсуждали такимъ образомъ, потому что были ближе другихъ къ непріятелю и, какъ жители столицы, во всѣ времена славившейся усердіемъ къ престолу, считали себя болѣе другихъ обязанными явиться на защиту священныхъ драгоцѣнностей, хранившихся въ ихъ храмахъ Божіихъ, въ ихъ дворцахъ царскихъ. И въ такомъ расположеніи духа находятъ ихъ два манифеста государя, и извѣстіе о скоромъ прибытіи его! Невыразимы были чувства, смѣнившія унылость ихъ! Имъ казалось, что они выходили изъ душной темницы на свѣжій, благоуханный воздухъ. Предъ

ними открывалось счастье, которое казалось несуществующимъ для нихъ! Они могли показать усердіе свое къ отечеству, и самъ царь призывалъ ихъ на это святое дѣло! И они въ тотъ же день надѣялись увидить этого царя, это *красное солнце* Россіи.

Весь вечеръ 11-го числа народъ толпился на Поклонной горѣ и около заставы Дорогомиловской, откуда надобно было ѣхать государю. Каждый стремился прежде всѣхъ увидѣть его; всѣ сговаривались отложить лошадей у экипажа его и на себѣ ввезти въ столицу отца-государя. Но Александръ, кроткій, смиренный болѣе всѣхъ царей земныхъ, вполнѣ умѣя цѣнить любовь народа своего, не любилъ принимать торжественно пылкихъ изліяній ея и всегда старался уклониться отъ почестей, которыя желали воздать ему. Такъ случилось и въ этотъ разъ. Онъ приказалъ распустить слухъ, что онъ остался ночевать на послѣдней станціи; народъ разошелся по домамъ, и въ 12 часовъ ночи государь незамѣтно для всѣхъ въѣхалъ въ столицу.

На другой день императоръ, не смотря на всю скромность свою, не могъ уже уклониться отъ торжественной встрѣчи: съ ранняго утра кремлевскія площади покрылись народомъ, слѣдившимъ малѣйшее движеніе во дворцѣ государя. Но въ 10 часовъ Александръ показался на *Красномъ крыльцѣ.* Всегда трудно описать восторгъ русскихъ въ ту минуту, когда они видятъ появленіе государей своихъ на Красномъ крыльцѣ; невозможно описать тотъ, который разлился въ сердцахъ всего народа въ утро 12-го іюля 1812 года! звонъ колоколовъ, этотъ священный голосъ церкви, столь высоко-чтимый благочестивымъ народомъ и царями его, и громкое, пламенно-усердное *ура!* раздались вмѣстѣ въ эту торжественную минуту и вскорѣ покрыты были новымъ восклицаніемъ: «Веди насъ, отецъ нашъ!—кричали вѣрныя дѣти Александра всѣхъ званій и возрастовъ:—веди насъ, отецъ нашъ! Умремъ или истребимъ злодѣя!» Тронутый государь съ минуту обозрѣвалъ сонмы усерднаго народа и потомъ продолжалъ свое шествіе къ Успенскому собору, гдѣ въ этотъ день назначенъ былъ благодарственный молебенъ по случаю мира съ тур-

ками, принятаго государемъ въ это трудное для Россіи время за особенную милость Божію.

15-е іюля былъ день еще болѣе торжественный и сладостный для народа русскаго. Въ этотъ день въ Слободскомъ дворцѣ съѣхалось дворянство и купечество съ просьбою къ государю принять предлагаемыя ими пособія. Эти пособія исполнены были такой безпредѣльной преданности къ престолу и отечеству, что императоръ не могъ безъ слезъ благодарить вѣрныхъ подданныхъ своихъ. Прерывающимся голосомъ онъ сказалъ имъ: «иного я не ожидалъ и не могъ ожидать: вы оправдали мое о васъ мнѣніе».

Но еще лестнѣе было для дворянства и купечества московскихъ слѣдующее письмо государя къ графу Салтыкову: «Пріѣздъ мой въ Москву имѣлъ настоящую пользу. Въ Смоленскѣ дворянство предложило мнѣ на вооруженіе 20,000 человѣкъ, къ чему уже тотчасъ приступлено. Въ Москвѣ—одна сія губернія даетъ мнѣ десятаго съ каждаго имѣнія, что составитъ до 80,000 чел., кромѣ поступающихъ охотно изъ мѣщанъ и разночинцевъ. Денегъ дворяне жертвуютъ до трехъ милліоновъ; купечество же — слишкомъ до десяти. Однимъ словомъ, *нельзя не быть тронутымъ до слезъ,* видя духъ, оживляющій всѣхъ, и усердіе, и готовность каждаго содѣйствовать общей пользѣ».

Еслибы Наполеонъ, этотъ великій завоеватель, этотъ непобѣдимый воинъ своего вѣка, могъ имѣть простое понятіе о силѣ вѣры и благочестія, о могуществѣ любви, основанной на нихъ и соединяющей государя съ народомъ его, какъ далека была бы отъ него мысль о покореніи Россіи! Какое различіе между несмѣтными полками, соединенными его геніемъ, и войскомъ, не столь многочисленнымъ, но собравшимся во имя Божіе! Даже вновь набранные отряды *ополченій,* это войско, образованное изъ простыхъ крестьянъ, даже и они, ведомые пламеннымъ чувствомъ преданности своей къ государю и отечеству, отличались неустрашимостію удивительною!

Не менѣе удивительна была и поспѣшность, съ которою эти отряды образовались: московское ополченіе еще въ августѣ мѣсяцѣ присоединилось къ главной арміи. Смоленское и калужское готовы были къ битвамъ почти въ то же

время. С.-Петербургское и новогородское, лучше всѣхъ образованныя, въ началѣ сентября явились на подкрѣпленіе корпуса графа Витгенштейна, охранявшаго отъ непріятеля дорогу къ сѣверной столицѣ. Однимъ словомъ, въ два мѣсяца образовалась новая армія въ 130,000 чел. Не всѣ воины ея, конечно, могли приносить такую пользу, какъ старые солдаты дѣйствующихъ армій, но каждый изъ нихъ могъ быть въ резервѣ, т. е. въ такомъ отдѣленіи войска, изъ котораго пополнялись мѣста убитыхъ и раненыхъ въ полкахъ.

Но возвратимся къ дѣйствіямъ армій русскихъ. Мы оставили ихъ отступающими отъ непріятеля для соединенія разрозненныхъ силъ. Не смотря на всѣ старанія французовъ помѣшать этому соединенію, оно совершилось 22-го іюля у Смоленска и здѣсь-то было первое кровопролитное сраженіе русскихъ съ французами,—сраженіе, продолжавшееся два дня, 4-го—5-го августа. Здѣсь отличались генералы *Коновницынъ, Ермоловъ* и *Раевскій*. Но, не смотря на всю храбрость свою, русскіе должны были уступить Смоленскъ, или, лучше сказать, горящія развалины его французамъ, чтобъ защитить отъ нихъ дорогу, по которой было сообщеніе съ хлѣбородными полуденными губерніями нашими. Они отступили на Вязьму.

Какъ ни кровопролитна была битва у Смоленска, но все-таки ея нельзя было назвать генеральною, которой желало все войско и весь народъ. Первое, горя нетерпѣніемъ сразиться, уже начинало роптать, и главнокомандующій Барклай-де-Толли рѣшился удовлетворить его. Но прежде нежели избрано было для того удобнѣйшее мѣсто, къ арміи пріѣхалъ новый начальникъ —*князь Кутузовъ*.

Князь Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ былъ тотъ самый главнокомандующій русскою арміею въ Турціи, который умѣлъ искусствомъ и храбростію своею заставить турокъ заключить столь необходимый для Россіи миръ, не смотря на всѣ старанія французскаго императора помѣшать тому. Отличаясь съ молодыхъ лѣтъ и военными, и дипломатическими достоинствами, онъ не одинъ разъ бывалъ уже и начальникомъ арміи, и посланникомъ при чужестранныхъ дворахъ, и вездѣ съ полнымъ успѣхомъ и истинною славою оканчивалъ возложенныя на него

порученія. Императрица Екатерина II и императоры Павелъ и Александръ всегда оказывали ему равное благоволеніе. Возвратясь послѣ славнаго мира турецкаго въ Петербургъ, онъ принятъ былъ жителями столицы съ восхищеніемъ, тѣмъ болѣе, что общее уныніе было уже тогда повсемѣстно. Взоры всѣхъ съ надеждою обратились на свѣжіе лавры, такъ недавно украсившіе генерала, знаменитаго сподвижника Суворова, и какъ скоро ополченія нѣсколькихъ губерній были готовы явиться къ арміи, обѣ столицы единодушно назвали его главнымъ начальникомъ этого новаго войска, опредѣленнаго въ защиту отечества.

Императоръ, ожидая большихъ успѣховъ для арміи отъ того восторга, съ какимъ принятъ былъ Кутузовъ, и имѣя самъ истинное понятіе о высокихъ достоинствахъ его, поручилъ ему начальство надъ всѣми своими арміями, и вотъ тогда-то онъ прибылъ къ нимъ, спустя нѣсколько дней послѣ сраженія у Смоленска.

Одобряя въ полной мѣрѣ намѣренія Барклая-де-Толли дать, наконецъ, генеральное сраженіе, Кутузовъ самъ избралъ для того мѣсто при селѣ *Бородинѣ*. Этотъ выборъ рѣшилъ безсмертную славу дотолѣ никому неизвѣстнаго села; при Бородинѣ, 26-го августа, произошло одно изъ знаменитѣйшихъ сраженій, какія когда либо записывались въ военной исторіи народовъ: 108,000 русскихъ въ смертельной битвѣ сражались здѣсь съ 180,000 лучшаго войска Наполеона, самимъ имъ предводительствуемаго, и, не смотря на превосходство силъ непріятеля, на славу предводителя его, русскіе сражались такъ отчаянно, что въ продолженіе цѣлаго дня, во время котораго не прерывался громъ 2,000 орудій, не уступлено было французамъ ни на одинъ шагъ земли! Они не только не подвинулись впередъ, но даже отступили нѣсколько назадъ. Убитыхъ и раненыхъ генераловъ и другихъ высшихъ чиновъ было такъ много при Бородинѣ, что это сраженіе названо французами *битвою генераловъ*.

Ни съ чѣмъ нельзя сравнить радости, какая разлилась по всѣмъ мѣстамъ Россіи при полученіи извѣстія объ этой побѣдѣ; она казалась для всѣхъ предвѣстницею многихъ другихъ, столь же знаменитыхъ, и даже предвѣстни-

цею изгнанія французовъ изъ отечества. Но сколь же велика была горесть всѣхъ, когда чрезъ нѣсколько дней потомъ узнали, что Москва, эта драгоцѣнная святыня русскихъ, этотъ завѣтный храмъ ихъ величія, славы и счастія, оставлена всѣмъ войскомъ, дотолѣ стремившимся защищать ее всею кровію своею, оставлена беззащитная во власть непріятеля. О! сколько слезъ пролили о ней вѣрныя дѣти ея, начиная отъ фельдмаршала, осужденнаго прежде всѣхъ на принесеніе этой жертвы, и царя, съ христіанскимъ смиреніемъ покорившагося волѣ Провидѣнія, до послѣдняго изъ воиновъ, опредѣленныхъ на защиту ея, до слабѣйшихъ изъ женщинъ, раздѣлявшихъ съ супругами, сыновьями и отцами святое чувство любви къ отечеству, до младшаго изъ дѣтей, уже достигшихъ способности понимать слово: *отечество*.

Но обстоятельства были таковы, что великая жертва была необходима; Москва и ея окрестности представляли самое невыгодное мѣстоположеніе для большого сраженія, да и рѣшиться на него благоразуміе запрещало, потому что послѣ Бородинскаго сраженія войско русское уменьшилось почти до 52,000 чел., а французская армія все еще имѣла слишкомъ 100,000 чел. И такъ, надобно было рѣшиться или навѣрное потерять все войско и потомъ столицу, или одну столицу и сохранить войско, съ которымъ можно было надѣяться возвратить ее. Мудрый и дальновидный военачальникъ недолго колебался въ выборѣ, и съ растерзаннымъ сердцемъ, объявивъ въ совѣтѣ собранныхъ имъ первыхъ генераловъ армій, что *потеря столицы не есть еще потеря отечества,* приказалъ войску отступать.

Всю ночь передъ утромъ отступленія князь Кутузовъ провелъ въ глубокой горести и, по свидѣтельству одного изъ самыхъ приближенныхъ и любимыхъ имъ офицеровъ, нѣсколько разъ плакалъ. Всѣ генералы, офицеры и вообще все войско раздѣляло съ начальникомъ своимъ эту священную горесть, и лагерь русскій въ эту послѣднюю ночь, проведенную имъ передъ оставляемою Москвою, представлялъ самую унылую картину.

Печальное утро настало. Это было 2-го сентября. Съ разсвѣтомъ его войска начали вступать въ Дорогомиловскую

заставу, чтобы, прошедши городъ, выдти у Коломенской. Между тѣмъ жителямъ, еще за нѣсколько недѣль до того, объявлено было объ опасности столицы и предоставлены всѣ средства къ выѣзду со всѣмъ имуществомъ. Правительство также вывезло въ Казань всѣ присутственныя мѣста, кромѣ сената, всѣ учебныя заведенія, всѣ казенныя вещи. Здѣсь главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и, такъ сказать, душою, которою жила столица въ это горестное время, предшествовавшее ея гибели, былъ генералъ-губернаторъ ея графъ *Растопчинъ*.

Нельзя было найти человѣка болѣе способнаго для утѣшенія бѣдныхъ московскихъ жителей, какъ былъ этотъ доблестный, этотъ истинно-русскій вельможа! Онъ исполнялъ не только долгъ свой помогать москвичамъ въ трудныхъ и печальныхъ обстоятельствахъ ихъ, но онъ даже занимался тѣмъ, чтобы сколько можно одобрять и поддерживать ихъ. Во все время опасности Москвы, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ войско Наполеона вступило въ Россію и направило путь свой къ Москвѣ, онъ безпрестанно выдавалъ для простого народа небольшія печатныя объявленія, въ которыхъ разговаривалъ съ нимъ, какъ равный имъ простолюдинъ, и всегда такъ понятно для нихъ и въ то же время такъ остроумно и забавно, что всякій изъ читателей его невольно развеселялся и съ новою бодростію повторялъ завѣтное слово русскаго: «*Умремъ за батюшку-царя и за Русь православную*».

Чтобъ дать вамъ понятіе, милые читатели, объ этихъ воззваніяхъ графа Растопчина къ московскимъ жителямъ, мы представимъ здѣсь одно изъ самыхъ трогательныхъ, изданное за нѣсколько дней до оставленія Москвы, когда еще вопросъ о сдачѣ ея непріятелю не былъ рѣшенъ и, напротивъ того, все войско и всѣ жители готовились умереть на стѣнахъ ея.

«Братцы! Сила наша многочисленна и готова положить животъ, защищая отечество, и не впустить злодѣя въ Москву. Но должно пособить и намъ свое дѣло сдѣлать: грѣхъ тяжкій своихъ выдавать: Москва наша мать. Она насъ поила и обогатила. Я васъ призываю именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы,

земли Русской. Вооружитесь, кто чѣмъ можетъ, и конные, и пѣшіе, возьмите только на три дня хлѣба, идите со крестомъ, возьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменіемъ собирайтесь тотчасъ на Трехъ-Горахъ: я буду съ вами; вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ вышнихъ—кто не отстанетъ; вѣчная память—кто мертвый ляжетъ; горе на страшномъ судѣ—кто отговариваться станетъ!»

Всѣ жители съ восхищеніемъ приняли это воззваніе къ битвѣ, всѣ съ радостію готовились побѣдить или умереть, и вдругъ 1-го сентября всѣ погрузились въ неописанное уныніе: фельдмаршалъ прислалъ графу Растопчину увѣдомленіе объ оставленіи Москвы. Не смотря на всю очевидную невозможность спасти ее, всѣ, начиная отъ графа до послѣдняго дворянина въ опустѣвшихъ домахъ столицы, были недовольны, и только одно глубокое уваженіе къ прославленнымъ сѣдинамъ 67-лѣтняго фельдмаршала и безпредѣльная довѣренность къ нему царя и всей Россіи удержали ропотъ войска и народа и внушили обоимъ ту безмолвную покорность, съ которою, 2-го сентября, первое—уныло проходило по улицамъ московскимъ, а второй—еще унылѣе провожалъ глазами удалившихся защитниковъ своихъ.

Многіе изъ жителей вышли изъ города вмѣстѣ съ войскомъ, потому что выѣзды ихъ все еще продолжались, и по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ графомъ Растопчинымъ, число всѣхъ остававшихся къ 2-му сентября въ Москвѣ русскихъ было не болѣе 10,000 человѣкъ.

Прежде нежели всѣ русскія войска успѣли пройти Москву, французскіе отряды уже показались у Дорогомиловской заставы, и аррьергардъ нашъ, въ которомъ обыкновенно бываютъ и всѣ обозы войска, могъ бы очень пострадать отъ непріятеля въ тѣсныхъ улицахъ московскихъ; но имъ начальствовалъ храбрый генералъ *Милорадовичъ*, и его твердостію и благоразуміемъ французы остановлены были отъ дерзости, на которую уже нѣкоторые изъ нихъ покушались: онъ послалъ офицера объявить передовымъ отрядамъ непріятеля, которыми командовалъ король неаполитанскій, что если французы нападутъ на него въ то время, когда онъ будетъ проходить чрезъ Москву, то *онъ будетъ*

защищаться до послѣдней крайности, зажжетъ городъ и подъ его развалинами погребетъ себя и непріятеля.

Грозное обѣщаніе воина, прославившагося еще подъ знаменами Суворова въ Италіи, произвело дѣйствіе, какого онъ могъ ожидать: король-кавалеристъ — такъ называли иногда Мюрата — согласился не тревожить выходящаго изъ города войска до тѣхъ поръ, пока послѣдняя обозная повозка его не будетъ за Коломенской заставой.

Такимъ образомъ, кромѣ аррьегарднаго войска, множество людей, успѣвшихъ выѣхать изъ Москвы въ это выигранное Милорадовичемъ время, обязаны были ему спасеніемъ жизни и имущества своего.

Наконецъ въ два часа подъѣхалъ и Наполеонъ къ Дорогомиловской заставѣ, гдѣ онъ остановился и долго ожидалъ депутатовъ изъ Москвы и знаменитыхъ древностію ключей ея. Но напрасно было ожиданіе: никто не являлся изъ опустѣвшаго города. Невыразимо было удивленіе его, когда онъ узналъ, что всѣ правительственныя лица, все дворянство, всѣ сословія жителей московскихъ выѣхали, и онъ дѣлался обладателемъ покинутаго всѣми, почти пустыннаго города!

Никакими словами нельзя выразить того, что̀ происходило въ душѣ гордаго завоевателя. Это было и чувство обманутой надежды увѣнчать свою славу, и чувство стыда такой великой и такъ торжественно предъ всѣми признанной ошибки, и чувство униженія самоувѣренности предъ величественною простотою народа, безъ сожалѣнія покинувшаго жилища и драгоцѣнности свои для спасенія чести и независимости родины. Но это было еще только начало бѣдствій Наполеона. Въ Москвѣ они увеличились еще гораздо болѣе: къ вечеру перваго же дня, проведеннаго тамъ французами, показался дымъ, и наконецъ и пламя въ разныхъ частяхъ города. Это былъ пожаръ, произведенный жителями Москвы въ собственныхъ домахъ ихъ; это былъ пожаръ, въ которомъ горѣло чистое пламя любви къ отечеству русскихъ, это былъ пожаръ, охватившій со всѣхъ сторонъ исполинское величіе Наполеона и испепелившій его до праха.

Ужасенъ былъ видъ Москвы на другой, на третій и

на четвертый день: пламя свирѣпствовало все болѣе и болѣе. Горѣли церкви, дворцы, частные домы; горѣли древнія рощи и великолѣпные сады, окружавшіе ихъ; горѣли мосты и суда на рѣкахъ. Сильный вихрь бросалъ во всѣ стороны горящія головни. Крики несчастныхъ жителей, спасавшихся то отъ огня, то отъ нападавшихъ на нихъ французовъ, раздавались въ воздухѣ. Однимъ словомъ, всѣ ужасы разрушенія міра, казалось, носились надъ несчастною Москвою и силились поглотить эту растерзанную жертву чести народной со всѣми виновниками ея погибели. Наполеонъ, минутный обладатель священнаго Кремля, съ невыразимой тоскою, какъ будто съ предчувствіемъ своего близкаго паденія, смотрѣлъ на страшное море пламени, обливавшее городъ. Пораженный этимъ зрѣлищемъ, онъ воскликнулъ, стоя на балконѣ дворца Кремлевскаго: «Москвы нѣтъ болѣе! Я лишился награды, обѣщанной войскамъ!... Русскіе сами зажигаютъ!... Какая чрезвычайная рѣшительность! Что за люди! Это скиѳы...»

Вскорѣ въ Кремлѣ нельзя было оставаться безъ опасности: пожаръ начинался и тамъ, и Наполеонъ выѣхалъ въ загородный Петровскій дворецъ. Огонь свирѣпствовалъ съ одинаковою силою до 7-го сентября и началъ утихать только 8-го числа. Въ это горестное время французы напомнили Москвѣ всѣ ужасы варварскихъ нашествій, какимъ подвергалась она во время владычества татаръ. Получивъ отъ императора своего позволеніе на грабежъ столицы, они предались ему съ необузданностію, въ которой какъ будто желали заглушить все негодованіе свое на неудачный походъ. Безъ всякаго уваженія къ храмамъ Божіимъ они грабили святыни церквей, ризы образовъ, богатыя облаченія священниковъ; безъ всякаго состраданія къ полу и возрасту оскорбляли оставшихся жителей, отнимали у несчастныхъ послѣднее имущество ихъ, выгоняли ихъ изъ послѣднихъ жилищъ ихъ—подваловъ и погребовъ, куда бѣдные старались скрыться отъ жестокости враговъ своихъ.

Неистовства французовъ надъ несчастными жителями не прекратились и послѣ того, какъ пожаръ утихъ: они грабили до тѣхъ поръ, пока еще находили что нибудь въ

обгорѣлыхъ стѣнахъ церквей и домовъ, они мучили человѣчество, пока еще оставалась тѣнь его въ истощенныхъ, почти полумертвыхъ жителяхъ.

Между тѣмъ Наполеонъ 9-го сентября переѣхалъ снова въ Кремлевскій дворецъ, и тамъ, скрывая даже отъ всѣхъ приближенныхъ своихъ терзавшее его безпокойство, ожидалъ, что русскій императоръ пришлетъ просить его о мирѣ. Долго еще будетъ ожидать онъ; мы пока успѣемъ заглянуть въ родной нашъ лагерь, къ нашему опытами умудренному фельдмаршалу, къ нашимъ храбрымъ воинамъ.

До 5-го сентября главнокомандующій велъ свое войско все по Коломенской дорогѣ, чтобы увѣрить непріятеля, что онъ перейдетъ за рѣку Оку, между тѣмъ какъ намѣреніе его было сдѣлать кругъ и снова подойти къ Смоленской дорогѣ, откуда онъ былъ гораздо опаснѣе для французовъ, нежели въ другихъ мѣстахъ. Хитрость удалась: Наполеонъ, обманутый отрядами, нарочно посланными княземъ Кутузовымъ по Коломенской дорогѣ, долго не зналъ, гдѣ находится русская армія, и только 14-го сентября открылъ ее на Калужской дорогѣ.

Русскіе отступали еще до 20-го числа, и въ этотъ день остановились въ укрѣпленномъ лагерѣ у села Тарутина, въ 80-ти верстахъ отъ Москвы. Здѣсь, разсматривая въ первый разъ выгодное для лагеря мѣстоположеніе на высокомъ берегу рѣки Нарвы, фельдмаршалъ воскликнулъ: «Теперь ни шагу назадъ!» И онъ сдержалъ слово: русскіе уже не отступали болѣе, но три недѣли оставались въ Тарутинѣ, и въ теченіе этого времени князь Кутузовъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы скорѣе пополнить свои арміи. Старанія его имѣли полный успѣхъ: изъ всѣхъ губерній сбирались ополченія, формировались новые полки, являлись на службу отставные дворяне, приходили многочисленные отряды казаковъ съ Дону. Въ рядахъ сихъ послѣднихъ часто видали престарѣлаго дѣда вмѣстѣ съ молоденькимъ внукомъ, едва вышедшимъ изъ дѣтства; часто случалось даже, что въ избу, служившую квартирой фельдмаршалу, приходили крестьянскіе мальчики лѣтъ 10 и 12 и усердно просили у *дѣдушки* (такъ они называли

князя) не ружей, которыя были для нихъ слишкомъ тяжелы, но пистолетовъ.

Фельдмаршалъ съ радостію смотрѣлъ на это почти поголовное вооруженіе народа, развившееся съ новою силою послѣ оставленія Москвы и бѣдствій ея подъ властію непріятеля. Онъ съ радостію смотрѣлъ на усиленіе армій, и планы, гибельные для войска французскаго, располагались въ умѣ его; а между тѣмъ, пока еще не настало время для исполненія ихъ, французовъ окружали новыя опасности, доселѣ еще неизвѣстныя для нихъ въ землѣ Русской: открылась война *партизанская*. Вы уже имѣете понятіе о ней, милые читатели, по описанію того, что происходило во время народной войны въ Испаніи. Партизаны наши были почти то же, что испанскіе герильясы. Одинакія побужденія одушевляли ихъ и одинаковы были ихъ послѣдствія: въ Россіи повторились надъ французами сцены Испаніи; въ Россіи начали гибнуть они точно такъ же, какъ гибли и тамъ. Но такъ какъ наши партизаны составлены были изъ войскъ регулярныхъ и именно изъ малыхъ отрядовъ, отдѣленныхъ отъ полковъ подъ начальствомъ одного изъ офицеровъ, то они дѣйствовали гораздо правильнѣе и успѣшнѣе испанскихъ. Отряды же крестьянъ и другихъ охотниковъ, добровольно выступившихъ на защиту отечества и вооруженныхъ на подобіе герильясовъ и такъ же какъ герильясы исполненныхъ жесточайшей ненависти къ французамъ, эти отряды, присоединяясь къ партизанамъ, поступали охотно подъ начальство и безусловное распоряженіе начальника партіи. Слѣдовательно, безпорядковъ было здѣсь менѣе, но духъ, оживлявшій воиновъ русскихъ и испанскихъ, былъ совершенно одинакій, и народная война Россіи была столько же ужасна для французовъ, какъ и война Испаніи. Она произвела новое бѣдствіе для Наполеона: страшный голодъ въ Москвѣ. Большая часть припасовъ сгорѣла во время пожара, другая выѣзжавшими жителями нарочно потоплена была въ рѣкѣ, такъ что французы недолго могли довольствоваться тѣмъ, что нашли въ Москвѣ: надобно было отправлять отряды для отысканія продовольствія по деревнямъ и селамъ окрестнымъ, и тутъ-то открывалось обширное поле для дѣйствій партизановъ:

они нападали на эти отряды и причиняли имъ всякій разъ столько вреда, что, наконецъ, французамъ нельзя было выѣзжать за пять верстъ отъ Москвы безъ большихъ конвоевъ, и страшный голодъ распространился въ несчастной столицѣ до того, что побѣдоносное воинство императора французовъ принуждено было питаться воронами и падалиной кошекъ и лошадей.

Наконецъ терпѣніе Наполеона уже истощилось въ ожиданіи отъ Александра предложеній о мирѣ: прошло три недѣли томительнаго пребыванія его въ Москвѣ, и онъ рѣшился самъ предложить этотъ столь сильно желаемый имъ миръ. Но жестоко ошибся онъ и на этотъ разъ въ предположеніяхъ своихъ. Императоръ русскій, твердо рѣшившійся отмстить жестокому оскорбителю отечества и народа его, не хотѣлъ слышать о мирѣ, и презрительное молчаніе было отвѣтомъ на письмо къ нему Наполеона: письмо, посланное къ государю съ однимъ отставнымъ гвардейскимъ офицеромъ *Яковлевымъ*, оставшимся за болѣзнію дяди въ Москвѣ и потомъ отправленнымъ въ Петербургъ Наполеономъ.

Не получивъ ожидаемаго отвѣта, императоръ французовъ сдѣлалъ новое покушеніе къ миру: послалъ 23-го сентября къ князю Кутузову своего генералъ-адъютанта Лористона для переговоровъ. Фельдмаршалъ, объявивъ посланнику, что государь запретилъ ему даже произносить слова: *миръ* и *перемиріе*, могъ обѣщать только то, что онъ донесетъ его величеству о желаніи Наполеона. Отвѣтомъ императора Наполеону было то же молчаніе; князю Кутузову—повелѣніе поспѣшить возобновленіемъ военныхъ дѣйствій.

Князь не замедлилъ исполненіемъ воли государя; но прежде, нежели мы устремимся за арміею его, съ этихъ поръ побѣдоносною, скажемъ нѣсколько словъ объ отдѣльныхъ войскахъ французскихъ и нашихъ, о корпусахъ, дѣйствовавшихъ справа и слѣва отъ центра, находившагося подъ личнымъ предводительствомъ Наполеона и князя Кутузова. Они расположены были такъ: въ Полоцкѣ—французскій маршалъ Сенъ-Сиръ и противъ него—нашъ генералъ графъ Витгенштейнъ, прославившійся защитою Пе-

тербургской дороги, на которую французы сдѣлали было смѣлое покушеніе. Противъ Риги, защищаемой нашимъ генераломъ *Эссеномъ*—маршалъ Макдональдъ; противъ *Игнатьева* въ Бобруйскѣ — польскій генералъ *Домбровскій;* противъ *Эртеля* въ Мозырѣ—австрійскій генералъ *Моръ;* противъ *Тормасова* и *Чичагова,* начальника дунайской арміи, пришедшей послѣ турецкаго мира въ *Луцкъ,* гдѣ стоялъ Тормасовъ,—также австрійскій генералъ, князь *Шварценбергъ* и французскій *Ренье.*

Всѣ начальники отдѣльныхъ русскихъ войскъ располагали свои дѣйствія по плану, начертанному самимъ государемъ, и всѣ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Тормасовъ и Чичаговъ также заставили австрійцевъ отступить. Но какъ направленіе духа, оживлявшее ихъ, такъ же какъ и непріятелей ихъ, зависѣло отъ главныхъ армій, то мы и обратимся снова къ симъ послѣднимъ.

6-го октября произошло, наконецъ, первое наступательное дѣйствіе русскихъ, до сихъ поръ только оборонявшихся. Французскій корпусъ, подвергшійся этому нападенію, былъ подъ начальствомъ короля неаполитанскаго и расположенъ близъ укрѣпленнаго лагеря русскихъ при *Тарутинѣ.* Сраженіе 6-го октября, гдѣ особенно отличились генералы Беннингсенъ, Милорадовичъ, Орловъ-Денисовъ, Дохтуровъ и гдѣ смерть похитила у русскихъ одного изъ храбрѣйшихъ героевъ ихъ генерала Багговута, — прославило Тарутино, славное уже и потому одному, что оно было послѣднимъ предѣломъ нашествія враговъ: далѣе этого, прежде столь неизвѣстнаго, а теперь столь знаменитаго села французы не проникли въ Россію [1]).

---

[1]) Село *Тарутино* принадлежало въ то время оберъ-гофмейстеринѣ Нарышкиной. Князь Кутузовъ, оставляя знаменитый лагерь 11-го октября, просилъ письмомъ помѣщицу, чтобъ укрѣпленія тарутинскія, *близъ коихъ остановился быстрый потокъ разорителей, грозившій наводнить всю Россію,*—остались неприкосновенными. «Вы не имѣете нужды воздвигать памятниковъ, — говоритъ фельдмаршалъ въ концѣ письма своего, — тарутинскія укрѣпленія, грозно возвышающіяся между спокойными вашими нивами, будутъ сами по себѣ неизгладимыми слѣдами русскаго мужества и русской славы».

Однакожъ впослѣдствіе времени и памятникъ украсилъ это знаменитое мѣсто. Сынъ фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго, получивъ Тарутино въ наслѣдство отъ г-жи Нарышкиной, отпустилъ

Наполеонъ, услышавъ о сильномъ пораженіи, претерпѣнномъ королемъ неаполитанскимъ, какъ бы проснулся отъ летаргическаго сна, овладѣвшаго имъ въ Москвѣ. Онъ постигъ тогда, что, сдѣлавъ нападеніе, русскіе не будутъ просить мира, и ужаснулся положенія своего. Еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ располагался уже оставить Москву, гдѣ не надѣялся болѣе дождаться отвѣта Александра на мирныя предложенія свои. Сраженіе при Тарутинѣ рѣшило всѣ сомнѣнія его, и на другой же день послѣ него онъ выѣхалъ изъ несчастной столицы, такъ разрушенной и разоренной, что всѣ исчисленія, впослѣдствіи сдѣланныя правительствомъ объ убыткахъ, потерпѣнныхъ ею, кажутся невѣроятными, не смотря на всю достовѣрность свою. Вотъ небольшой отрывокъ изъ подробныхъ и огромныхъ счетовъ по этому предмету.

До нашествія Наполеона считалось въ Москвѣ: монастырей, соборовъ, церквей, казенныхъ строеній, частныхъ домовъ и фабрикъ 9,257. Изъ нихъ сгорѣло 6,496; всѣ прочіе болѣе или менѣе разграблены. Потеря *частныхъ людей* въ столицѣ и уѣздахъ превышала 271 милл. руб. По дѣламъ комитета министровъ показано разореніе въ 278.966,289 руб., а по дѣламъ государственнаго казначейства въ 280.006,507 руб.

Ко всѣмъ ужасамъ, какіе происходили въ Москвѣ въ продолженіе шестинедѣльнаго пребыванія тамъ знаменитѣйшихъ армій, Наполеонъ собственно самъ прибавилъ новый, и можно, по всей справедливости, сказать величайшій: онъ, при отъѣздѣ своемъ, приказалъ маршалу Мортье взорвать Кремль и зажечь въ немъ дворецъ, казармы и всѣ еще уцѣлѣвшія казенныя зданія. Это варварское приказаніе, покрывшее стыдомъ завоевателя XIX вѣка, было въ точности исполнено. Но оно заключило въ себѣ и наказаніе его: распространившійся слухъ о сокрушеніи священнаго Кремля наполнилъ новымъ ожесточеніемъ сердца вои-

---

крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы, чтобы село не переходило во владѣніе частныхъ лицъ. Благодарные крестьяне, чувствуя, сколько они обязаны воспоминанію о 1812 годѣ, пожелали воздвигнуть памятникъ на собственный свой счетъ. Государь императоръ Николай Павловичъ позволилъ имъ это, и въ 1834 году памятникъ оконченъ и освященъ.

новъ и народа русскаго, усилилъ желаніе ихъ мстить жестоко губителю драгоцѣнности ихъ, и французы испытывали на себѣ это мщеніе каждый день, можно сказать— даже каждый часъ, пока находились въ Россіи. Солдаты и крестьяне: старики и молодые люди, даже женщины и слабыя дѣти,—все стремилось къ истребленію ихъ всѣми возможными средствами.

12-го октября было кровопролитное сраженіе у Малоярославца, небольшого городка Калужской губерніи. Здѣсь предусмотрительный фельдмаршалъ уничтожилъ намѣреніе Наполеона — направить отступленіе свое изъ Москвы по хлѣбороднымъ губерніямъ нашимъ и заставилъ его возвратиться по тому же разоренному имъ самимъ пути, которымъ онъ, побѣдоносный, шелъ въ Москву. Важныя послѣдствія, зависѣвшія отъ сраженія при Малоярославцѣ, придали необыкновенное ожесточеніе войскамъ обѣихъ сторонъ. Несчастный городъ переходилъ нѣсколько разъ отъ русскихъ къ французамъ и отъ французовъ опять къ русскимъ. Наконецъ послѣдніе одержали побѣду.

Принужденный отступить по прежней дорогѣ, Наполеонъ предвидѣлъ гибель полковъ своихъ отъ недостатка продовольствія, котораго невозможно было отыскать въ мѣстахъ, опустошенныхъ за два мѣсяца передъ тѣмъ, и потому приказалъ производить это отступленіе съ чрезвычайною поспѣшностію. Марши французскихъ войскъ походили на бѣгство. Однакожъ и оно не спасало несчастныхъ, потому что, кромѣ голода, отъ котораго Наполеонъ думалъ избавить ихъ въ Смоленскѣ, было на пути ихъ еще другое, можетъ быть величайшее для нихъ зло: летучіе отряды партизановъ и казаковъ, являвшіеся съ неминуемою гибелью во всѣхъ мѣстахъ, куда только показывались отряды непріятеля для отысканія продовольствія, и истребленіе ихъ, какъ и чѣмъ только возможно было.

Кромѣ этихъ безпрестанныхъ, небольшихъ, но изнурительныхъ нападеній, какія терпѣли французы, нѣсколько важныхъ сраженій близъ *Вязьмы* и у *Краснаго* довершили ужасное разстройство ихъ арміи. Съ сихъ поръ возвратный походъ французовъ представляетъ настоящее бѣгство, сопровождаемое голодомъ и всѣми бѣдствіями. Генераламъ

Милорадовичу, Коновницыну, предводителю казаковъ графу Платову и партизанамъ поручено было отъ фельдмаршала преслѣдовать непріятеля и сколько можно болѣе вредить ему. Съ жаромъ исполнили они порученіе, въ которомъ заключалась воля царя, чтобы *пожаръ Москвы потушенъ былъ кровью враговъ ея.*

Но ничьи преслѣдованія не были такъ чувствительны для войска французскаго, какъ преслѣдованія казаковъ. Гибельныя паденія на *бусурмановъ,* осквернителей церквей Божіихъ и оскорбителей отечества, такъ отличали воиновъ Дона, что одно имя ихъ внушало не только страхъ, но какое-то оцѣпенѣніе французамъ. Они блѣднѣли, увидѣвъ издали казака, обращались въ бѣгство или клали оружіе, когда онъ приближался. Благодаря этому невыразимому страху и удивительной ловкости казаковъ въ набѣгахъ, въ теченіе шести недѣль преслѣдованія непріятеля они совершили дѣла, истинно безпримѣрныя. Исчислено по достовѣрнымъ извѣстіямъ, что полки донскихъ казаковъ, предводительствуемые самимъ атаманомъ графомъ Платовымъ, взяли у непріятеля въ это короткое время болѣе 5,000 орудій, несмѣтные обозы, 50,000 человѣкъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ восемь генераловъ, тринадцать полковниковъ и слишкомъ 1,000 штабъ- и оберъ-офицеровъ. Кромѣ того, они возвратили большую часть добычи, похищенной непріятелемъ въ церквахъ московскихъ, и именно *сорокъ пудовъ* серебра, и, отличаясь всегда особеннымъ благочестіемъ и набожностію, принесли все это серебро въ даръ храму Казанской Божіей Матери въ С.-Петербургѣ. Вы можете видѣть, милыя дѣти, это приношеніе храбрыхъ и усердныхъ къ церкви Господней донцовъ: оно заключается въ чудесномъ серебряномъ иконостасѣ этой церкви. Подъ главными образами его есть и подпись: «*Отъ усерднаго приношенія войска донского*».

Въ то время, какъ главная армія Наполеона, предводительствуемая имъ самимъ, въ самомъ жалкомъ положеніи, доведенномъ до послѣдней крайности наступившими въ концѣ октября морозами, спѣшила къ выходу своему изъ Россіи, и другіе отдѣльные корпуса ея претерпѣвали пораженіе отъ поставленныхъ противъ нихъ русскихъ

войскъ. Графъ Витгенштейнъ овладѣлъ уже Полоцкомъ, потомъ одержалъ еще побѣду при Чашникахъ. Адмиралъ Чичаговъ принудилъ австрійцевъ, подъ начальствомъ князя Шварценберга, заключить съ нимъ условіе, по которому они обязались выйти изъ предѣловъ Россіи.

Наконецъ, почти всѣ отдѣльные корпуса, по назначенію фельдмаршала, должны были сойтись у береговъ рѣки *Березины*. Здѣсь Наполеонъ могъ еще имѣть надежду къ спасенію: за Березиной были еще войска, принадлежавшія къ его арміи, были еще Литва и Курляндія, города: Вильно, Гродно и Ковно, гдѣ думалъ онъ найти продовольствіе и запасы военные. Кутузовъ зналъ всю важность переправы непріятеля за Березину и всѣ распоряженія его въ послѣднее время имѣли одну цѣль: не допустить его до этой переправы. Но или генералы отдѣльныхъ корпусовъ не могли съ нужной быстротою пройти обширныхъ разстояній, раздѣлявшихъ ихъ, или не могли получать во-время сообщаемыхъ другъ другу извѣстій, или Провидѣніе имѣло въ этомъ дѣлѣ особенную, для насъ скрытую, цѣль, только усилія фельдмаршала, до сихъ поръ всегда удачныя, на этотъ разъ не имѣли успѣха, и 15-го ноября Наполеонъ перешелъ Березину. Конечно, эта переправа дорого стоила ему: онъ потерялъ до 20,000 плѣнныхъ, нѣсколько тысячъ убитыхъ и потонувшихъ въ рѣкѣ, 25 пушекъ, много другихъ орудій и огромный обозъ, но все-таки онъ перешелъ, и желанія императора Александра и фельдмаршала не были исполнены: «не истребили русскіе враговъ своихъ до *послѣдняго* человѣка». Фельдмаршалъ чрезвычайно досадовалъ на эту неудачу, и не прежде какъ чрезъ нѣсколько часовъ успокоился и сказалъ: «Богъ довершитъ то, чего не успѣли сдѣлать отдѣльные генералы. Немногаго недоставало и нашъ братъ, псковскій дворянинъ, взялъ бы Наполеона въ плѣнъ!»

Но и за Березиной надежда обманула императора французовъ: спасеніе ожидало его только во Франціи, и 24-го ноября онъ объявилъ своимъ маршаламъ и корпуснымъ командирамъ: Мюрату, Бертье, вице-королю Даву, Нею, Мюртье, Лефебру и Бессьеру, что онъ уѣзжаетъ въ

Парижъ, гдѣ присутствіе его необходимо для образованія новой арміи.

Грустно было маршаламъ разстаться съ повелителемъ своимъ и разстаться въ обстоятельствахъ, тѣмъ болѣе трудныхъ, что на время отступленія своего онъ поручалъ начальство надъ арміею Мюрату, который давно потерялъ всю бодрость духа и думалъ только о томъ, какъ бы ему самому спастись изъ Россіи.

Экипажи отправлявшагося въ путь императора были вовсе не пышны: карета, взятая у какого-то помѣщика, и сани. Въ первой сидѣлъ онъ самъ съ Коленкуромъ, подъ именемъ котораго надѣялся доѣхать до Франціи; въ саняхъ — оберъ-гофмаршалъ Дюрокъ и генералъ Мутонъ. Изъ всѣхъ трофеевъ, увозимыхъ изъ Россіи героемъ, за нѣсколько недѣль непобѣдимымъ, были: соболья, крытая зеленымъ бархатомъ шуба и теплая шапка. Морозъ, жестокій врагъ войска Наполеонова, доходилъ въ день отъѣзда его до 28 градусовъ и на этотъ разъ былъ для него истинно-спасителенъ: онъ остановилъ отъ выѣзда на тотъ вечеръ и ночь партизановъ Сеславина, разъѣзжавшихъ по большой дорогѣ, и тѣмъ избавилъ императора французовъ отъ неминуемаго плѣна. Онъ счастливо пронесся по опасному пути своему во всю прыть лошадей, и въ утро 26-го ноября былъ уже за границею Россіи, такъ жестоко оскорбленной имъ и такъ грозно отмстившей ему за это оскорбленіе.

Послѣ отъѣзда его французскія войска, доведенныя давно до совершеннаго разстройства, пришли въ еще бо́льшее уныніе. Русскимъ уже не предстояло надобности сражаться съ остатками главной арміи, бывшей подъ предводительствомъ Наполеона, а надобно было только умѣть распорядиться, куда помѣщать плѣнныхъ, отдававшихся цѣлыми отрядами и полками, и больныхъ—отъ холода и всякаго рода лишеній, какія испытала несчастная армія, увлеченная обольстительною надеждою побѣды въ землю, всегда умѣвшую храбро защищать себя.

Русскіе почти безъ боя вступили 28-го ноября въ Вильно и нашли въ ней болѣе 40 пушекъ, 15,000 больныхъ и богатыя заготовленія съѣстныхъ припасовъ и военныхъ ве-

щей. 30-го ноября французы отступили до города Ковно, оставили тамъ еще новыхъ 2,000 плѣнныхъ и 10 орудій, и наконецъ 1-го декабря перешли за пограничную рѣку нашу Нѣманъ въ числѣ 20,000 человѣкъ.

Кромѣ этихъ 20,000 были еще въ Россіи два отдѣльные корпуса арміи Наполеона, въ которыхъ считалось около 60,000 человѣкъ: Макдональда — у Риги и князя Шварценберга—въ Гродненской губерніи. Мы уже видѣли, что послѣдній заключилъ родъ перемирія съ русскими, по которому къ 13-му декабря всѣ австрійцы выступили изъ Россіи. Въ корпусѣ Макдональда было все вспомогательное войско пруссаковъ подъ командою двухъ генераловъ ихъ: Іорка и Массенбаха. Во время отступленія ихъ, общаго со всѣми французскими войсками къ Нѣману, начальникъ передового отряда корпуса Витгенштейнова, генералъ-маіоръ Дибичъ, успѣлъ искусно отдѣлить пруссаковъ отъ Макдональда и заставить первыхъ заключить съ нами условіе о нейтралитетѣ впредь до повелѣнія короля прусскаго. Это было первое явное отпаденіе отъ Наполеона, и король Фридрихъ-Вильгельмъ III былъ доволенъ имъ, потому что оно спасло около 20,000 человѣкъ лучшаго войска его.

Макдональдъ, оставленный такимъ образомъ пруссаками, спѣшилъ спасаться съ остатками своего корпуса; однакожъ 22-го декабря онъ имѣлъ еще жаркое сраженіе съ русскими, въ которомъ потерялъ до 1,500 убитыми и 500 плѣнными. Онъ ушелъ въ Кенигсбергъ, оттуда на другой день поспѣшно вышелъ, потому что по слѣдамъ его шли русскіе. Богатая добыча досталась послѣднимъ въ Кенигсбергѣ: множество русскихъ плѣнныхъ, отправленныхъ прежде въ этотъ городъ французами, много значительныхъ запасовъ, 8,000 усталыхъ и больныхъ и 1,300 плѣнныхъ французовъ.

Такъ, въ концѣ декабря 1812 года послѣдніе изъ непріятелей Россіи были прогнаны за границы ея [1]) и великія слова Александра исполнились: ни единаго непріятельскаго воина не осталось въ царствѣ его.

---

[1]) «Изъ 700,000 непріятелей, которые вошли въ Россію, возвратилась назадъ едва ли десятая часть, т. е. около 70,000 человѣкъ. Осталь-

Мы видѣли этого великодушнаго государя въ минуту глубокой горести его въ Москвѣ, съ такимъ самоотверженіемъ доказывавшей ему любовь и преданность свою. Взглянемъ на него теперь въ первую минуту великаго торжества его, когда онъ, радостный, благодарный къ доброму народу своему, явился въ Вильно тотчасъ послѣ полученія извѣстія о занятіи ее нашими войсками.

Это было 11-го декабря. Сильный морозъ, постоянно продолжавшійся въ это время, смягчался нѣсколько лучами зимняго солнца, довольно ярко блиставшими, хотя на дворѣ уже было 4 часа послѣ полудня. Въ Вильно уже знали, что государь пріѣдетъ изъ Петербурга, и въ тотъ день пришло уже извѣстіе, что онъ на послѣдней станціи отъ Вильны. Все собралось къ зàмку, гдѣ приготовлена была квартира для императора и гдѣ также жилъ и фельдмаршалъ. Въ 5-мъ часу и онъ вышелъ на подъѣздъ ожидать государя.

ные 600,000 человѣкъ погибли въ сраженіяхъ и отъ ранъ, голода и стужи, убиты поселянами, взяты въ плѣнъ съ бою, или сдались добровольно, предпочитая временную неволю неизбѣжной смерти. Плѣнныхъ осталось въ Россіи до 200,000 человѣкъ, и въ томъ числѣ 48 генераловъ и болѣе 4,000 офицеровъ. Въ губерніяхъ Смоленской, Московской, Калужской, Могилевской, Витебской, Гродненской, Виленской и Минской сожжено и зарыто въ ямы 300,000 труповъ. Много человѣческихъ тѣлъ находилось въ рѣкахъ, озерахъ и болотахъ, было съѣдено хищными звѣрями и сгнило въ лѣсахъ, пещерахъ и разсѣлинахъ горъ, куда во время бѣгства своего укрывались враги. Въ Ковно уложено было на льду Нѣмана и спущено въ рѣку 15,000 труповъ. Растерявъ людей, Наполеонъ утратилъ все огнестрѣльное и бѣлое оружіе, казну, армейскія тяжести, лошадей и награбленную въ Россіи добычу. Хотя въ бѣгствѣ своемъ онъ сожигалъ, взрывалъ на воздухъ, ломалъ и топилъ знамена, штандарты, оружіе и обозы, однако за всѣмъ тѣмъ отбито у непріятелей силою или кинуто ими на дорогахъ великое количество казны, комиссаріатскихъ и провіантскихъ запасовъ, артиллерійскихъ снарядовъ, обозовъ, до ста знаменъ и штандартовъ и болѣе тысячи пушекъ. Таковы были трофеи отечественной войны, по количеству своему неимѣвшія равныхъ себѣ въ исторіи. Пространство отъ Москвы до Нѣмана, покрытое обломками Наполеоновыхъ армій, уподоблялось морскому берегу, на который разъяренныя волны выбрасываютъ остатки разбитыхъ бурею и потонувшихъ кораблей. Непріятельскія орудія свезены были въ Москву и сложены тамъ въ Кремлѣ, а знамена и штандарты поставлены въ с.-петербургскомъ Казанскомъ соборѣ, гдѣ признательность Александра указала мѣсто вѣчнаго успокоенія полководцу, подъ предводительствомъ котораго пріобрѣтены многочисленные трофеи».

(Изъ *Описанія отечественной войны 1812 года,* соч. ген.-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго).

Всѣ военные, толпившіеся у подъѣзда и около всего дворца, давно не видали знаменитаго начальника своего въ такомъ парадѣ одѣтаго. Во время войны и неразлучныхъ съ нею заботъ и безпокойствъ онъ носилъ всегда сюртукъ, который не скидалъ и ночью. Теперь былъ на немъ полный генеральскій мундиръ, съ шарфомъ чрезъ плечо. Въ рукѣ держалъ онъ строевой рапортъ, въ которомъ готовился лично донесть императору о спасеніи отечества. Пріятно было каждому изъ воиновъ взглянуть на торжествующій видъ своего побѣдоноснаго предводителя, пріятно было каждому изъ народа видѣть храбраго избавителя отъ бѣдствій, разорявшихъ отечество.

Въ исходѣ 5-го часа раздались въ улицахъ радостныя восклицанія народа и у подъѣзда остановилась тройка лошадей, запряженныхъ въ открытыхъ дорожныхъ саняхъ, гдѣ сидѣлъ государь. Снѣгъ и иней покрывалъ одежду его. Фельдмаршалъ спѣшилъ подойти къ нему, и восхищенный императоръ обнялъ спасителя царства своего, и рука объ руку пошелъ съ нимъ во дворецъ. Здѣсь первымъ дѣломъ государя было—наградить фельдмаршала. Эта награда была знаменитѣйшими для воина русскаго: орденъ св. Георгія 1-й степени, поднесенный князю на серебряномъ блюдѣ оберъ-гофмаршаломъ двора. Незадолго передъ тѣмъ, за побѣды, такъ часто одержанныя войсками нашими въ Смоленской губерніи, фельдмаршалъ получилъ названіе *князя Смоленскаго* и титулъ *свѣтлости*.

Слѣдующій день, 12-го декабря, день рожденія государя, кажется избранъ былъ имъ для изъявленія благодарности его всей арміи въ лицѣ собравшихся во дворцѣ генераловъ. Изъявляя эту благодарность, онъ, между прочимъ, сказалъ имъ эти примѣчательныя слова: «Вы спасли не одну Россію, вы спасли Европу».

Въ этотъ день у фельдмаршала былъ обѣденный столъ; во время обѣда палили изъ Наполеоновыхъ пушекъ французскимъ порохомъ, и вечеромъ на балѣ, данномъ также фельдмаршаломъ, предъ государемъ повергнуты были новые трофеи его храбрыхъ войскъ: знамена, отнятыя графомъ Платовымъ у непріятеля и за полчаса до бала привезенныя къ князю Кутузову.

Наградивъ главнаго виновника русской славы 1812 г. и потомъ всѣхъ болѣе или менѣе отличившихся генераловъ-сподвижниковъ его, императоръ желалъ, чтобы каждый изъ участниковъ знаменитой войны сохранилъ навсегда память признательности его и отечества, чтобъ каждый носилъ съ собою очевидное свидѣтельство своего участія, и для того онъ установилъ серебряную медаль съ надписью на одной сторонѣ: *1812 годъ* подъ лучами *Всевидящаго Ока*, а на другой: «*Не намъ, не намъ, а имени Твоему*». Такая надпись выражала самымъ лучшимъ образомъ скромную и благочестивую душу Александра.

Послѣ этихъ торжественныхъ изъявленій благодарности всему войску, послѣ объявленія еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ благодарственнаго манифеста народу, государь занялся тотчасъ попеченіемъ о пособіяхъ несчастнымъ жителямъ Москвы и другихъ губерній, разоренныхъ непріятелемъ во время ужаснаго нашествія его. Все, что̀ только могло облегчить положеніе бѣдныхъ страдальцевъ, было придумано и исполнено императоромъ и его августѣйшимъ семействомъ: государыни императрицы Елисавета Алексѣевна и Марія Ѳеодоровна и государыни: великая княгиня Екатерина Павловна и великая княжна Анна Павловна пролили безчисленныя благодѣянія въ этотъ годъ бѣдствій народныхъ.

Подъ покровительствомъ императрицы Елисаветы Алексѣевны составилось въ Петербургѣ *Женское Патріотическое общество,* облегчившее въ скоромъ времени участь многихъ осиротѣвшихъ страдальцевъ. Кромѣ пособій, какія почетные члены, избираемые по большей части изъ первыхъ особъ двора и столицы, оказывали бѣднымъ всѣхъ состояній, Патріотическое общество основало впослѣдствіи прекрасное заведеніе для образованія дочерей убитыхъ и раненыхъ въ Отечественную войну офицеровъ,—заведеніе, извѣстное теперь подъ названіемъ *Патріотическаго института,* и нѣсколько *Патріотическихъ школъ,* гдѣ дочери бѣдныхъ людей низшихъ сословій обучаются всему, что̀ можетъ обезпечить жизнь ихъ на будущее время.

Второе учредившееся въ Петербургѣ въ 1812 году общество было: *Сословіе призрѣнія разоренныхъ отъ непріятеля.* Здѣсь принимались всѣ добровольныя прино-

шенія въ пользу пострадавшихъ и разоренныхъ отъ непріятеля городскихъ и сельскихъ жителей. Кромѣ того, въ Петербургѣ учредилась газета, донынѣ существующая подъ названіемъ «*Русскаго Инвалида*». Всѣ вырученныя за нее деньги обращались въ пользу изувѣченныхъ въ сраженіяхъ воиновъ и осиротѣвшихъ семействъ ихъ. Обильно лились приношенія всѣхъ сословій народа русскаго и въ эти два общества, но самые щедрые дары обыкновенно присылались отъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Государыня препровождала ихъ всегда при слѣдующей запискѣ: «Отъ счастливой матери и дѣтей ея». Ея величество разумѣла подъ этими словами—едва вышедшихъ въ то время изъ дѣтства великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича и великую княжну Анну Павловну. Ихъ императорскія высочества, принимая живѣйшее участіе въ бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ народомъ и войскомъ, нетерпѣливо желали сколько возможно болѣе облегчить участь многочисленныхъ страдальцевъ и потому всегда желали участвовать въ благотвореніяхъ августѣйшей родительницы своей.

Великая княгиня Екатерина Павловна, жительствуя въ это время въ Ярославлѣ, гдѣ супругъ ея былъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, имѣла случай быть ближе всѣхъ другихъ особъ императорской фамиліи къ несчастливцамъ московскимъ и смоленскимъ, и потому благотворенія, пролитыя ея прекрасною душою на разоренный край, были невыразимо велики. Участіе, принимаемое ея высочествомъ въ малѣйшихъ происшествіяхъ, касавшихся до театра войны, простиралось до такой степени, что командиръ казачьяго полка, стоявшаго на Ярославской дорогѣ во время приближенія непріятеля къ Москвѣ, обязанъ былъ обо всемъ, что̀ случалось примѣчательнаго на пути, ввѣренномъ ему, доносить прямо великой княгинѣ, не смотря на слабое состояніе здоровья, въ которомъ она находилась тогда за нѣсколько времени передъ тѣмъ, и именно 14-го августа она даровала жизнь принцу Петру Георгіевичу, который посвящалъ эту прекрасную жизнь счастію всего, что̀ только принадлежитъ любимой имъ Россіи, и особенно счастію молодого поколѣнія ея, получавшаго образованіе въ воспитательныхъ заведеніяхъ, состоявшихъ подъ покровитель-

ствомъ ея величества государыни императрицы Маріи Александровны, а теперь—нынѣ благополучно царствующей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, и такимъ образомъ оправдывалъ славу, которою судьба запечатлѣла время его рожденія.

Это участіе императорской фамиліи въ бѣдствіяхъ народа было неописанно въ 1812 году. Но человѣколюбивое сердце Александра не удовольствовалось благодѣяніями, изливаемыми имъ на подданныхъ: онъ вошелъ въ горестное положеніе и тѣхъ несчастныхъ, которые увлечены были ненасытнымъ завоевателемъ отъ родины и семействъ ихъ, и погибали среди всѣхъ ужасовъ народной ненависти, въ странѣ, чуждой для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Вы догадаетесь, что я говорю о плѣнныхъ, оставшихся въ Россіи въ 1812 году. Положеніе этихъ несчастныхъ было невыразимо. Разлученные со всѣмъ, что было для нихъ драгоцѣнно въ отечествѣ ихъ, лишенные всего необходимаго въ жизни, окруженные врагами, справедливо ожесточенными противъ нихъ, они должны были переносить болѣе, нежели можетъ переносить природа человѣческая. Государь, въ высочайшей степени сострадательный, предписалъ всѣмъ мѣстнымъ начальствамъ оказывать имъ всевозможныя пособія. Онъ приказалъ снабжать ихъ пищею, въ которой часто они нуждались до того, что умирали съ голоду, одеждою, которая также была для нихъ необходима въ большомъ количествѣ по причинѣ жестокихъ морозовъ, продолжавшихся почти всю зиму 1812 года; приказалъ спасать ихъ отъ мщенія крестьянъ, отъ оскорбленій солдатъ, однимъ словомъ приказалъ облегчить положеніе ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, и несчастные страдальцы, проклиная Наполеона, честолюбіе котораго такъ безжалостно погубило счастіе ихъ, благословили Александра, возвратившаго ихъ отъ ужасовъ смерти къ жизни.

Такъ прекрасно исполнилъ Александръ великое призваніе свое! Горделивый мститель оскорбителя вѣры и чести народной, непримиримый врагъ нарушителя общественнаго спокойствія, онъ явился побѣдителемъ кроткимъ и снисходительнымъ къ воинству побѣжденному. Онъ явился утѣшителемъ для тѣхъ самыхъ несчастныхъ, которые пришли нарушить тишину его царства.

Въ слѣдующемъ разсказѣ мы увидимъ, какъ этотъ знаменитый государь довершилъ великое дѣло борьбы своей съ Наполеономъ, какъ сокрушилъ надменное могущество его и возвратилъ престолы европейскіе законнымъ владѣтелямъ ихъ.

АЛЕКСАНДРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

Труденъ былъ подвигъ, на который рѣшался Александръ: *освободить порабощенную Европу*,—но счастіе многихъ народовъ зависѣло отъ этой рѣшимости и великодушное сердце его не могло медлить: войска русскія послѣ чудесъ храбрости, оказанныхъ ими въ отечествѣ, получили повелѣніе перейти за границу. Тамъ все еще покорно было власти Наполеона, исключая Англіи, Швеціи и Испаніи, но всѣ онѣ были такъ далеко отъ Россіи, что не могли принимать дѣятельнаго участія въ великомъ намѣреніи ея—низвергнуть несправедливое владычество Наполеона. И такъ, она должна была выступить одна на славный подвигъ, и ей одной принадлежала вся честь его.

Первая соединившаяся съ нею союзница была Пруссія. Долго терзаемые самовластіемъ Наполеона, пруссаки наконецъ рѣшились послѣдовать примѣру испанцевъ и русскихъ: поголовное ополченіе ихъ на утѣснителей отечества можно было назвать сигналомъ къ всеобщему возстанію народовъ противъ французовъ. 3-го марта въ Бреславлѣ возобновленъ былъ союзъ Александра съ королемъ прусскимъ, и съ этихъ поръ оба государя были почти неразлучны. Они не поколебались при торжественныхъ объявленіяхъ французовъ о томъ, что Наполеонъ въ скоромъ времени возвратится изъ Франціи съ новою 250,000 арміею, и исполненные высокой цѣли своей, освободить Европу, рѣшились идти впередъ.

Въ это время между всѣми государствами Европы важнѣйшее мѣсто занимала Австрія: силы ея не были истощены минувшею войною съ Россіею и потому судьба начинавшейся великой борьбы много зависѣла оттого, на

чью сторону Австрія склонится. Прежде всего она приняла на себя посредничество: императоръ Францъ предложилъ зятю своему склонить императора русскаго къ миру. Но Наполеонъ, надменный и въ самомъ несчастіи своемъ, отвергнулъ это посредничество и, увѣренный, что тесть его никогда не рѣшится взять сторону его соперника, гордо отвѣчалъ на предложеніе его, что онъ самъ ведетъ переговоры съ друзьями и непріятелями своими, и что скоро принудитъ русскихъ къ миру.

Послѣ такого отвѣта Австрія начала усиливать свои арміи, но намѣренія ея не были извѣстны до тѣхъ поръ, пока успѣхи союзниковъ были сомнительны. Главною причиною, которой русскіе приписывали этотъ неуспѣхъ, была смерть спасителя Россіи, славнаго вождя ея воинства, фельдмаршала Кутузова. 16-го апрѣля она горестно поразила не только русскихъ, но и всю союзную армію. Фельдмаршалъ прибылъ 6-го числа этого мѣсяца вмѣстѣ съ войскомъ въ прусскій городокъ Бунцлау и не имѣлъ уже силы выѣхать изъ него. Съ сокрушеннымъ сердцемъ и какъ бы съ предчувствіемъ кончины своей, онъ чрезъ четыре дня потомъ отпустилъ армію въ дальнѣйшій путь, а самъ остался больной сильною простудою въ постели и черезъ недѣлю потомъ скончался. Тѣло его со всѣми возможными почестями привезено было въ Петербургъ и погребено въ соборѣ Казанской Божіей Матери, украшенномъ трофеями побѣдъ его. Тамъ, осѣненный знаменами, отнятыми подъ начальствомъ его, хранимый божественнымъ покровомъ Св. Дѣвы, которой изображеніе сіяетъ надъ тихою могилою его и свѣтомъ неугасаемой лампады своей освѣщаетъ ее, тамъ покоится онъ сладкимъ сномъ смертнаго, совершившаго на землѣ славное назначеніе свое. Входя въ эту церковь, милыя дѣти, подойдите съ благоговѣніемъ къ этой гробницѣ, священной для каждаго русскаго.

Есть еще памятникъ князю Смоленскому: его соорудилъ король прусскій въ томъ самомъ городѣ, гдѣ скончался фельдмаршалъ: въ Бунцлау. На немъ сдѣлана слѣдующая надпись на русскомъ языкѣ: «До сихъ мѣстъ князь Кутузовъ-Смоленскій довелъ побѣдоносныя россій-

скія войска; но здѣсь смерть положила предѣлъ славнымъ днямъ его. Онъ спасъ отечество свое и отверзъ путь къ избавленію Европы; да будетъ благословенна память героя».

До самой кончины фельдмаршала успѣхи русскихъ и потомъ соединившихся съ ними прусскихъ войскъ шли довольно счастливо. 20-го января поляки и защитники ихъ, французы, сдали Варшаву русскимъ, находившимся подъ начальствомъ Милорадовича. Чтобъ показать читателямъ духъ, въ которомъ русскіе производили свои завоеванія, довольно разсказать о томъ, какой отвѣтъ далъ Милорадовичъ депутатамъ Варшавы, вручившимъ ему ключи ея съ мольбою о пощадѣ этого столь много виновнаго передъ русскими города: «Церкви и законы ваши останутся неприкосновенными и государь, изъ особеннаго покровительства къ Варшавѣ, освобождаетъ ее отъ постоя. Императоръ не желаетъ проливать кровь за кровь и платить разрушеніемъ за разрушеніе; даже для самыхъ виновныхъ отложилъ онъ судъ свой, карая ихъ одною милостію».

Прочитавъ съ удивленіемъ къ Александру эти слова, сказанныя генераломъ его народу, жестоко оскорбившему достоинство Россіи, вы, милые читатели, вѣроятно, съ удовольствіемъ прочитаете слова другого генерала русскаго. Это донесеніе графа Витгенштейна князю Смоленскому, писанное 27-го февраля, въ тотъ день, когда онъ вступилъ въ Берлинъ. Король прусскій тогда еще не былъ союзникомъ государя нашего. «Дружескій пріемъ жителей былъ неописанный. Принцъ Гейнрихъ, окруженный генералами, выѣхалъ ко мнѣ навстрѣчу за четыре версты отъ заставы, и все это пространство было покрыто несчетнымъ множествомъ всякаго званія людей. Въ самомъ городѣ кровли, заборы, окна домовъ были наполнены зрителями, и въ продолженіе нашего шествія изо ста тысячъ устъ раздавались восклицанія: «*Да здравствуетъ Александръ, нашъ избавитель!*» На всѣхъ лицахъ видны были чувствованія живѣйшей радости. Никакая кисть не въ состояніи выразить этого восхитительнаго зрѣлища, недоставало только присутствія нашего августѣйшаго монарха».

Такой же пріемъ сдѣланъ былъ русскимъ войскамъ,

чрезъ нѣсколько дней потомъ, въ Гамбургѣ, также освобожденномъ ими отъ власти французовъ, болѣе семи лѣтъ угнетавшей ихъ.

Въ Силезію русскіе вступили уже вмѣстѣ съ пруссаками, т. е. послѣ заключенія союза между Александромъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Необыкновенное усердіе показали и жители Силезіи. Въ городахъ ея духовенство встрѣчало государя нашего съ крестами, дѣвушки осыпали дорогу его цвѣтами, народъ безпрестанно толпился на улицахъ. Предъ домомъ, гдѣ остановился онъ въ первомъ городѣ Силезіи, Миличѣ, построены были двѣ пирамиды съ надписью: «*нѣмцы русскимъ*». При видѣ фельдмаршала, толпы народныя кричали: «*Vivat der grosse Alte! Vivat unser Grossvater Kutusow!*»

О пріемѣ, сдѣланномъ войскамъ нашимъ въ Силезіи, Кутузовъ съ восторгомъ писалъ къ друзьямъ своимъ. Это было незадолго до кончины его. Первое важное сраженіе союзниковъ съ французами было уже послѣ этой кончины, 2-го мая, близь Люцена. Императоръ Александръ и король прусскій лично участвовали въ немъ; Наполеонъ также. Побѣда склонилась на сторону послѣдняго и хотя онъ ничего не выигралъ ею, но гордость его была опять до того вознесена этимъ возвращеніемъ счастья, что, говоря о посредничествѣ австрійцевъ, все еще старавшихся о мирѣ, онъ сказалъ одному изъ приближенныхъ къ себѣ министровъ: «Если они мнѣ наскучатъ, то я, во что бы то ни стало, заключу отдѣльный миръ съ Александромъ и тогда мы справимся съ гг. австрійцами». Эти оскорбительныя слова дошли до императора австрійскаго и можетъ быть рѣшили его взять, наконецъ, сторону союзныхъ государей. Но онъ еще не такъ скоро объявилъ свою рѣшимость и прежде употребилъ послѣднія усилія, чтобы всѣхъ склонить къ миру. Заключенное около этого времени перемиріе подавало ему удобный къ тому случай. Однакожъ старанія его были напрасны: Наполеонъ не соглашался на уступки, какихъ требовали отъ Франціи союзники для заключенія мира; онъ не встревожился даже мыслію, что Австрія можетъ перейти на сторону его непріятелей и съ надменностію отвергъ всѣ предложенія и

императора тестя своего, и другихъ государей. Тогда-то Францъ I, заботясь о сохраненіи достоинства имперіи своей, — достоинства, такъ часто оскорбляемаго Наполеономъ, приступилъ къ союзу Россіи и Пруссіи и, подобно имъ, объявилъ войну Франціи.

Эта война, которую можно было назвать теперь *войною всей Европы*, началась съ окончаніемъ перемирія, 30-го іюля. Армій было теперь три: первая—главная или богемская, состоявшая изъ 250,000 человѣкъ, подъ начальствомъ австрійскаго фельдмаршала князя Шварценберга; вторая—прусская, изъ 80,000, подъ начальствомъ прусскаго генерала Блюхера и, наконецъ, третья—сѣверная, изъ 70,000 человѣкъ, подъ начальствомъ шведскаго наслѣднаго принца. Въ каждой изъ этихъ армій была часть русскихъ войскъ и, кромѣ того, 40,000-й корпусъ ихъ шелъ въ Германію подъ командою Беннингсена.

Знаменитое сраженіе при Дрезденѣ открыло войну. Оно такъ же, какъ и Люценское, кончилось въ пользу Наполеона, но такъ же, какъ и при Люценѣ, онъ не извлекъ никакихъ выгодъ изъ своей побѣды и, напротивъ того, чрезъ три дня потомъ, 18-го августа, въ сраженіи при *Кульмѣ*, потерялъ и малѣйшіе плоды ея. Здѣсь отличилась небольшая часть или, точнѣе сказать, одна дивизія русской гвардіи, которая подъ начальствомъ графа *Остермана-Толстого* и генерала *Дибича*, въ числѣ 8,000 человѣкъ, держалась въ теченіе цѣлаго дня противъ 30,000 корпуса Наполеона. Наконецъ, только къ вечеру подошли въ подкрѣпленіе русскимъ—пруссаки и соединенное войско одержало совершенную побѣду надъ французами, которые потеряли въ этотъ день 12,000 плѣнныхъ (въ этомъ числѣ были четыре генерала и корпусный начальникъ *Вандамъ*), нѣсколько знаменъ, 84 орудія и весь обозъ.

Побѣда при Кульмѣ была особенно пріятна для императора Александра, потому что это была первая совершенная побѣда, при которой онъ лично присутствовалъ и которую имѣлъ полное право приписать себѣ: мысль къ нападенію на корпусъ Вандама принадлежала Остерману и большая часть войскъ, бывшихъ въ дѣлѣ, были русскія. Въ память этой побѣды и въ доказательство благодарности

своей къ храбрымъ воинамъ, такъ часто отличавшимся въ то славное для русскихъ время, Александръ учредилъ комитетъ для вспомоществованія и успокоенія всѣхъ раненыхъ, не имѣвшихъ достатка и нуждавшихся въ содержаніи. Этотъ комитетъ, долженствующій безчисленными благодѣяніями, проливаемыми имъ на заслуженныхъ воиновъ, свидѣтельствовать и позднѣйшимъ потомкамъ о признательности Александра, извѣстенъ подъ именемъ *комитета 18-го августа*,—день сраженія Кульмскаго.

Сраженіе при Кульмѣ примѣчательно еще и потому, что вмѣстѣ съ нимъ окончились всѣ успѣхи Наполеона: можно сказать, что съ этихъ поръ счастіе совершенно оставило прежняго любимца своего. Примѣру счастія, казалось, послѣдовали и союзники его: владѣтели германскіе, одинъ за другимъ, начали оставлять его знамена. Первые, рѣшившіеся на это, были короли: баварскій, виртембергскій и великій герцогъ баденскій. Въ Саксоніи и Вестфаліи только короли были еще покорны ему, но народы ихъ перешли уже на сторону союзниковъ.

Между тѣмъ войско, вновь собранное Наполеономъ, сошлось въ окрестностяхъ Лейпцига. Это подало императору Александру мысль окружить со всѣхъ сторонъ непріятеля и однимъ ударомъ побѣдить его совершенно. Государь нашъ могъ быть увѣренъ въ мужествѣ всего войска: здѣсь готовилась къ битвѣ за независимость свою почти вся Германія. Ужасно было сраженіе Лейпцигское! Три дня—5-го, 6-го и 7-го октября—продолжалось оно. Три дня не переставали гремѣть 2,000 орудій, не переставали биться около 500,000 воиновъ на пространствѣ одной мили! Обѣ стороны были одушевлены необыкновеннымъ мужествомъ: союзники защищали права угнетенныхъ народовъ; Наполеонъ—свою великую славу, близкую съ совершенному паденію. Первые одержали побѣду, и столь полную, что всѣ новыя силы Наполеона, собранныя послѣ гибельнаго для него похода въ Россію, были уничтожены: изъ 300,000 арміи, выставленной снова Франціею безжалостному повелителю ея, едва 70,000 человѣкъ спаслись изъ Лейпцига и устремились, быстро отступая, въ отечество. Эта отступленіе представляло картину, похожую на ту, какую за

годъ передъ тѣмъ видѣли русскіе при бѣгствѣ французовъ изъ Москвы: голодъ и болѣзни и здѣсь, такъ же какъ и тамъ, съ каждымъ днемъ уменьшали несчастное войско Наполеона, такъ что, выдержавъ еще одно сраженіе при *Ганау*, онъ привелъ съ собою во Францію не болѣе 40,000 человѣкъ.

Лейпцигское сраженіе, послѣднее въ войнѣ 1813 года, произвело рѣшительную перемѣну въ судьбѣ Наполеона: послѣдніе подвластные ему государи и государства оставили его. Король датскій, долго и искренно преданный ему, отказался отъ него; Голландія свергла насильственное владычество Франціи и призвала на престолъ свой принцевъ Оранскихъ; наконецъ, даже и неаполитанскій король, обязанный всѣмъ величіемъ своимъ императору французовъ, уѣхалъ въ Италію, чтобы на свободѣ размышлять о томъ, какимъ образомъ оставить прежняго благодѣтеля своего.

Покинутый такимъ образомъ всѣми, Наполеонъ не имѣлъ утѣшенія и въ извѣстіяхъ изъ Испаніи, гдѣ все еще бились войска его: начальникъ англичанъ, помогавшихъ испанцамъ, лордъ Веллингтонъ безпрестанно поражалъ французовъ и быстро уничтожалъ беззаконное владычество въ ней императора ихъ.

Такъ окончился 1813 годъ. Съ началомъ 1814 года союзники, по плану войны, начавшейся въ самой Франціи,—плану, начертанному императоромъ Александромъ и утвержденному всѣми союзниками его,—спѣшили перейти за Рейнъ, въ предѣлы Франціи. Главные корпуса русскіе, находившіеся подъ личнымъ предводительствомъ государя, сдѣлали этотъ переходъ въ самый день новаго года. Фельдмаршалъ Блюхеръ, одинъ изъ непримиримѣйшихъ непріятелей Наполеона, горѣвшій желаніемъ отмстить французамъ за оскорбленное ими отечество его, Пруссію, перешелъ Рейнъ также въ день новаго года, но по другому стилю.

И такъ, два раза грозно отпраздновалось для Наполеона начало 1814 года, но онъ не показывалъ унынія, не показывалъ болѣе готовности къ миру, нежели прежде, и, не смотря на ропотъ всей Франціи, истерзанной двумя не-

удачными войнами, на слезы семействъ, изъ которыхъ почти въ каждомъ оплакивали потерю или отца, или брата, или сына — отдалъ приказаніе набирать снова войско, старался возбуждать народъ къ общему возстанію, даже посылалъ для того сенаторовъ въ разныя области, но старанія его были напрасны; энтузіазмъ французовъ къ прежнему герою ихъ миновался и они всѣ желали мира, тѣмъ болѣе, что поступки союзныхъ государей и особенно главнаго изъ нихъ, императора русскаго, внушали имъ чрезвычайную довѣренность. И кто бы не почувствовалъ довѣренности къ Александру, прочитавъ слѣдующее воззваніе его къ воинамъ при вступленіи ихъ въ предѣлы Франціи:

«Воины! Мужество и храбрость ваши привели васъ отъ Оки на Рейнъ. Они ведутъ насъ далѣе. Мы переходимъ за оный, вступаемъ въ предѣлы той земли, съ которою ведемъ кровопролитную, жестокую войну. Мы уже спасли, прославили отечество свое, возвратили Европѣ свободу ея и независимость. Остается увѣнчать великій подвигъ сей желаемымъ миромъ. Да водворится на всемъ шарѣ земномъ спокойствіе и тишина! Да будетъ каждое царство подъ единою собственнаго правителя своего властію и законами благополучно! Да процвѣтаютъ въ каждой землѣ, ко всеобщему благоденствію народовъ, вѣра, языкъ, науки, художества и торговля. Сіе есть намѣреніе наше, а не продолженіе брани и разоренія. Непріятели, вступя въ средину царства нашего, нанесли намъ много зла, но и претерпѣли страшную казнь. Гнѣвъ Божій поразилъ ихъ. Не уподобимся имъ: человѣколюбивому Богу не можетъ быть угодно безчеловѣчіе и звѣрство. Забудемъ дѣла ихъ; понесемъ къ нимъ не месть и злобу, но дружелюбіе и простертую для примиренія руку. Слава россіянина—низвергать ополченнаго врага и, по исторженіи изъ рукъ его оружія, благодѣтельствовать ему и мирнымъ его собратіямъ. Сему научаетъ насъ свято-почитаемая въ душахъ нашихъ православная вѣра: она божественными устами вѣщаетъ намъ: *любите враги наши и ненавидящимъ васъ творите добро*. Воины! Я несомнѣнно увѣренъ, что вы, кроткимъ поведеніемъ своимъ въ землѣ непріятельской, столько же побѣдите ее великодушіемъ своимъ, сколько оружіемъ, и, со-

единяя въ себѣ храбрость воина противъ вооруженныхъ, съ благочестіемъ христіанина противъ безоружныхъ, довершите многотрудные подвиги свои сохраненіемъ пріобрѣтенной уже вами славы мужественнаго и добронравнаго народа. Вы ускорите чрезъ то достигнуть конца желаній нашихъ—всеобщаго мира. Я увѣренъ также, что начальствующіе надъ вами не оставятъ взять нужныхъ для сего и строгихъ мѣръ, дабы несогласные съ нимъ поступки нѣкоторыхъ изъ васъ не помрачили къ общему нашему прискорбію того добраго имени, которымъ вы доселѣ по справедливости славитесь».

Однакожъ, не смотря на расположеніе большей части французовъ къ императору Александру, война 1814 года въ предѣлахъ Франціи началась довольно успѣшно для Наполеона: ему удалось выиграть нѣсколько сраженій у прусскаго фельдмаршала Блюхера, который въ то время былъ боленъ. Это внушило ему снова столько увѣренности, что онъ опять отвергъ всѣ предложенія союзныхъ государей, еще разъ согласившихся помириться съ нимъ на условіяхъ, которыя не могли назваться иначе, какъ выгодными для Наполеона въ тогдашнихъ его обстоятельствахъ. Эти условія заключались въ томъ, чтобы императоръ французовъ отказался отъ всѣхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ Франціею съ 1792 года, и отъ всякаго вліянія на области, составлявшія эти пріобрѣтенія, т. е. на Испанію, Италію, Рейнскій союзъ и Швейцарію. Такая жертва казалась слишкомъ великою для честолюбія Наполеона, и, отказавшись отъ нея, онъ навсегда погубилъ себя: союзные государи увидѣли необходимость избавить Европу отъ непреклоннаго утѣснителя ея. Здѣсь прекрасно является великодушіе императора австрійскаго, который во второй разъ имѣлъ твердость счастьемъ дочери своей пожертвовать спокойствію народовъ. Онъ согласился на то, чтобы зять и внукъ его были лишены престола французскаго.

Когда союзники рѣшались на эту послѣднюю мѣру, совѣщанія о мирѣ, происходившія въ городѣ Шатильонѣ, прекратились. Между тѣмъ военныя дѣйствія не останавливались во все время продолженія ихъ. Въ первыхъ числахъ марта перемѣнился только планъ ихъ. Наполе-

онъ, оставивъ Блюхера, бывшаго долгое время предметомъ нападеній его, обратилъ всѣ силы свои на то, чтобы разбить по частямъ арміи сподвижниковъ. Полководецъ столь опытный, какъ Наполеонъ, легко могъ бы сдѣлать это, еслибы императоръ Александръ не поспѣшилъ соединить разрозненныя части главной арміи и не принялъ дѣятельнаго участія въ распоряженіяхъ военными дѣлами. Главнымъ начальникомъ всѣхъ войскъ сдѣланъ былъ, съ общаго согласія союзныхъ государей, австрійскій фельдмаршалъ князь Шварценбергъ. Извѣстно, что необыкновенная медленность почти всегда отличала военныя распоряженія австрійцевъ. Такъ случилось и въ этотъ разъ: нерѣшительность князя Шварценберга и другихъ генераловъ, составлявшихъ военный совѣтъ его, была удивительна. Они, казалось, вовсе не думали о томъ, что Наполеонъ, находясь въ собственномъ государствѣ своемъ, имѣетъ гораздо болѣе средствъ вредить непріятелямъ, нежели они ему, и безпечно оставались въ главной квартирѣ при селеніи Арсисѣ, откладывая со дня на день нападеніе на войска французскія до тѣхъ поръ, пока 6-го марта императоръ Александръ пріѣхалъ въ Арсисъ. Всѣ, начиная съ самого князя Шварценберга, больного подагрою, были рады этому пріѣзду, какъ будто пробудившему отъ сна австрійцевъ. Князь Шварценбергъ такъ оживленъ былъ присутствіемъ молодого, мужественнаго и смѣлаго государя нашего, что на другой же день рѣшился перемѣнить оборонительное положеніе свое на наступательное, т. е. рѣшился не только защищаться отъ нападеній, но и сдѣлать нападеніе, чтобы не допустить Наполеона разбить поодиночкѣ корпуса союзниковъ. 7-го марта онъ началъ военныя дѣйствія и располагался дать большое сраженіе при Арсисѣ, но Наполеонъ уклонился отъ него, и Арсисское сраженіе осталось примѣчательно только тѣмъ, что здѣсь въ послѣдній разъ встрѣтились Александръ и Наполеонъ.

Когда Наполеонъ, не принявъ сраженія при Арсисѣ, отступилъ, всѣ думали, что это отступленіе онъ дѣлаетъ къ Парижу, чтобы защищать главное мѣсто государства, источникъ силы и могущества своего; но, къ удивленію

всѣхъ, онъ пошелъ въ другую сторону, какъ будто бы думая напасть на тѣ корпуса непріятельскихъ войскъ, которые оставались еще отдѣленными отъ главной арміи ихъ. Эта была военная хитрость, которою Наполеонъ думалъ спасти Парижъ, увлекши за собой войско союзниковъ. Но прежній страхъ къ имени знаменитаго завоевателя уже исчезъ: союзные государи, въ числѣ которыхъ и въ этомъ случаѣ первымъ былъ Александръ, не остановились на мысли преслѣдовать Наполеона со всѣми своими войсками, но, отплативъ хитростію за хитрость, отправили за нимъ только небольшую часть ихъ, съ приказаніемъ слѣдовать за непріятелемъ такимъ образомъ, какъ будто бы за нимъ шло все войско. Наполеонъ повѣрилъ, а союзные государи между тѣмъ вели главную армію къ Парижу и отдали приказаніе фельдмаршалу Блюхеру сдѣлать то же съ своею. 16-го марта назначено было имъ соединиться въ окрестностяхъ Парижа, а 17-го вмѣстѣ подступить къ нему.

Прежде нежели совершилось это соединеніе, главная армія должна была встрѣтиться съ корпусами французскихъ маршаловъ Мармона и Мортье, оставленными для защиты Парижа, и имѣть съ ними сраженіе. Оно происходило при *Феръ-Шампенуазѣ* и покрыло славою русскихъ, и въ особенности великаго князя цесаревича Константина Павловича. Сдѣсь кстати сказать читателямъ моимъ, что не только онъ, сподвижникъ Суворова на высотахъ Альпійскихъ и въ Италіи, участвовалъ въ тогдашней войнѣ съ Наполеономъ, но даже и великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ въ это время успѣли уже выпросить у августѣйшей родительницы своей давно желаемое позволеніе пріѣхать въ армію. Судьба, однакожъ, не хотѣла, чтобы юношескіе дни ихъ подверглись малѣйшей опасности: они пріѣхали во Францію тогда, когда уже войска союзниковъ были на дорогѣ къ Парижу, и эта дорога, по причинѣ непріятелей, могущихъ встрѣтиться на ней, сдѣлалась опасною. Государь послалъ извѣстить объ этомъ великихъ князей. Посланный встрѣтилъ ихъ въ мѣстечкѣ *Везулѣ,* уже на французской сторонѣ Рейна. Съ большимъ огорченіемъ узнали они о невозможности продолжать пу-

тешествіе свое въ армію и возвратились изъ Везуля въ Базель, въ которомъ оставались до вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ.

Это вступленіе не было слишкомъ легкимъ дѣломъ для союзниковъ; войска, оставшіяся въ Парижѣ, и корпусы маршаловъ Мармона и Мортье, отступавшіе передъ непріятелями до самыхъ стѣнъ столицы, защищались съ неустрашимымъ мужествомъ. Ихъ умолялъ о томъ братъ Наполеона Іосифъ, оставленный главнымъ начальникомъ и, въ случаѣ нападенія непріятелей, главнымъ защитникомъ Парижа. Чтобы показать, до какой степени Іосифъ расположенъ былъ противиться союзнымъ войскамъ, надобно разсказать, какъ встрѣченъ былъ французами офицеръ, посланный отъ государя съ первыми мирными предложеніями. Это былъ флигель-адъютантъ *Орловъ*. Отправляя его, государь сказалъ слѣдующія примѣчательныя слова: «Поѣзжай. Для предупрежденія кровопролитія уполномочиваю тебя прекратить огонь вездѣ, гдѣ надобно и, безъ всякой отвѣтственности остановить самыя рѣшительныя атаки, даже побѣду. Парижъ, лишенный своихъ блуждающихъ защитниковъ и своего великаго человѣка, не можетъ устоять: я въ этомъ убѣжденъ. Но, даровавъ мнѣ силу и побѣду, Богу угодно, чтобъ я употреблялъ ихъ для мира и спокойствія вселенной. Если можемъ достигнуть этого безъ боя, тѣмъ лучше; если нѣтъ, то уступимъ необходимости и будемъ сражаться. Доброю ли волею или силою, на штыкахъ или церемоніальнымъ маршемъ, на развалинахъ или въ чертогахъ, но сегодня же Европа должна ночевать въ Парижѣ».

Но Орловъ не могъ исполнить порученія государя; во всѣхъ мѣстахъ цѣпи непріятельской его встрѣчали ружейные выстрѣлы, такъ что онъ долженъ былъ возвратиться, не начавъ переговоровъ, и французы только тогда рѣшились просить пощады, когда войско союзниковъ, въ числѣ которыхъ главную и бо̀льшую часть составляли въ этотъ день русскіе, принудили ихъ къ тому упорною битвою на высотахъ, окружающихъ Парижъ. Генералы, отличившіеся въ этой битвѣ, были: *Барклай-де-Толли, Ланжеронъ, графъ Милорадовичъ* и *Раевскій*.

Въ то время, когда маршалы Мортье и Мармонъ принуждены были просить пощады, главнаго начальника Парижа Іосифа Бонапарте не было уже тамъ: оставаясь на высотахъ Монмартра, гдѣ происходило главное сраженіе, до тѣхъ поръ, пока показалась вдали армія Блюхера, шедшая на условленное соединеніе подъ стѣнами Парижа, онъ выѣхалъ изъ столицы, оставивъ маршаламъ слѣдующую записку, писанную въ то самое время, когда приближающееся новое войско союзниковъ убѣдило его въ невозможности противиться долѣе могуществу, стремившемуся покорить французовъ: «Если господа маршалы Мортье и Мармонъ не могутъ удержаться на позиціи, то разрѣшаю имъ вступить въ переговоры съ россійскимъ императоромъ и княземъ Шварценбергомъ, которые передъ ними. Войскамъ отступить въ Луару».

Эта записка рѣшила судьбу Парижа. Офицеръ, посланный Мармономъ просить о прекращеніи военныхъ дѣйствій и согласія на перемиріе, приведенъ былъ къ государю нашему на гору Роменвильскую въ ту самую минуту, когда его величество намѣревался отдать гвардіи своей повелѣніе идти впередъ, чтобы встрѣтить побѣду, которая уже носилась надъ воинствомъ русскимъ вмѣстѣ съ двуглавыми орлами ихъ. Робко приблизился посланный къ Александру и исполнилъ порученіе свое.

Неизъяснимо-сладостна была для государя русскаго эта минута покорности гордыхъ враговъ его! Какъ хорошо вознаграждена была твердость, которую онъ показывалъ во все время борьбы своей съ непріятелемъ, почитаемымъ всѣми непобѣдимымъ! Эта непреклонная твердость была, можетъ быть, главною причиною невѣроятныхъ успѣховъ русскихъ въ войнѣ съ Наполеономъ. Императоръ сохранилъ ее и въ эту послѣднюю минуту, когда принималъ мирныя предложенія парижанъ: его величество сказалъ посланному отъ маршала Мармона, что соглашается на просьбу его остановить сраженіе, но съ условіемъ, чтобы Парижъ былъ сданъ, «*иначе,*—прибавилъ онъ,—къ вечеру не узнаютъ мѣста, гдѣ была ваша столица». Такая рѣшительность заставила маршаловъ не медлить отвѣтомъ и не предлагать слишкомъ затруднительныхъ условій сдачи. Они испросили

только дозволеніе выйти со всѣми войсками изъ Парижа и идти съ ними по дорогѣ, какую сами изберутъ себѣ. Почти во всемъ прочемъ городъ предоставлялся великодушію союзныхъ государей,—великодушію, вполнѣ оправданному, особенно со стороны русскихъ войскъ: величайшій порядокъ и подчиненность сохранялись у нихъ до такой степени, что нельзя было подумать, чтобы солдаты вступили въ столицу того самаго народа, который, не болѣе какъ за годъ передъ тѣмъ, безжалостно сокрушалъ церкви и жилища, умерщвлялъ женъ и дѣтей ихъ.

Но взглянемъ на это вступленіе; оно представитъ вамъ, милые читатели, прекрасную и самую пріятную для русскаго картину. 19-го марта былъ знаменитый день, назначенный для того. Не только рано утромъ начались приготовленія, но даже всю ночь большая часть войска не спала отъ нетерпѣнія увидѣть славную цѣль своихъ трудныхъ походовъ. Государь ночевалъ въ зàмкѣ Бонди, находящемся въ окрестностяхъ Парижа. Въ 8 часовъ утра онъ выѣхалъ оттуда. Король прусскій и гвардія русская встрѣтили его на дорогѣ, а въ трехъ верстахъ отъ Парижа—многіе изъ жителей. Всѣ стремились видѣть Александра, всѣ спрашивали: гдѣ онъ? и, увидѣвъ его, не могли налюбоваться его прекрасною наружностію, надивиться его увлекательной привѣтливости. Восхищеніе, съ которымъ парижане смотрѣли на императора русскаго, было такъ велико, что многіе изъ нихъ на торжественной встрѣчѣ кричали ему: «Царствуйте надъ нами, или дайте намъ монарха, который былъ бы на васъ похожъ!»

Съ удивленіемъ смотрѣли они также и на русскія войска: ихъ веселый видъ, порядокъ и даже какая-то щеголеватость въ одеждѣ, образованность и ласковость офицеровъ поражали французовъ до такой степени, что они не разъ говорили русскимъ: «Вы не русскіе, вы вѣрно эмигранты!»

Все это, вмѣстѣ съ восклицаніями: «да здравствуетъ Александръ! да здравствуютъ русскіе!» раздавалось со всѣхъ сторонъ 19-го марта, когда союзныя войска проходили по улицамъ парижскимъ, и во все время пребыванія ихъ въ Парижѣ французы показывали къ русскимъ гораздо болѣе довѣренности, и даже какого-то радушія и любви, нежели

къ австрійцамъ и пруссакамъ: они видѣли только въ императорѣ Александрѣ и его воинахъ спасителей своихъ отъ тѣхъ бѣдствій, какія заставилъ ихъ вытерпѣть Наполеонъ въ послѣднее время своего владычества, и ему представилъ сенатъ французскій опредѣленіе, которымъ лишилъ Наполеона престола.

Отвѣтъ государя сенаторамъ, представившимъ это опредѣленіе, былъ слѣдующій: «Человѣкъ, называвшійся моимъ союзникомъ, напалъ на мое государство несправедливымъ образомъ, а посему я веду войну съ нимъ, а не съ Франціей. Я другъ французовъ. Настоящій вашъ поступокъ, коимъ вы лишили престола Наполеона и его семейства, еще болѣе связуетъ меня съ вами. Благоразуміе требуетъ, чтобы во Франціи учреждено было правительство на основаніяхъ твердыхъ и согласныхъ съ настоящимъ просвѣщеніемъ сего государства. Союзники мои и я будемъ покровительствовать свободу вашихъ засѣданій».

Опредѣленіе сената и отвѣтъ Александра были роковыми ударами, рѣшившими судьбу Наполеона: до обнародованія ихъ никто не зналъ, какія будутъ послѣдствія побѣдъ союзниковъ. Теперь сдѣлалось извѣстно, что престолъ французскій долженъ возвратиться законнымъ владѣтелямъ, и братъ Людовика XVI, Людовикъ XVIII, тогда же признанъ былъ королемъ французскимъ. 22-го апрѣля онъ пріѣхалъ въ Парижъ и встрѣченъ былъ жителями съ живѣйшимъ восторгомъ. 18-го мая заключенъ былъ всеобщій миръ, по условіямъ котораго Франція вошла въ тѣ самыя границы, какія она имѣла до 1791 года, т. е. до начала революціи ея. Всѣ государства, оскорбленныя ею, получили удовлетвореніе. Испанія возвращена была ея законному государю; Голландія обращена въ королевство; папа, все еще находившійся въ плѣну, возвратилъ вмѣстѣ съ свободою и священный престолъ свой. Прочія же государства, болѣе или менѣе пострадавшія отъ владычества Наполеона, еще не были устроены трактатомъ 18-го мая: для нихъ и вообще для всего, что требовало устройства послѣ ужаснаго переворота, произведеннаго опустошительнымъ геніемъ Наполеона, назначенъ былъ особенный конгресъ, долженствовавшій собраться въ Вѣнѣ.

Возстановляя Бурбоновъ на тронѣ Франціи, союзные государи въ то же время окончательно рѣшили все, что̀ касалось до будущаго существованія Наполеона: ему предоставлено было съ сохраненіемъ титула императора избрать для жительства какую либо отдаленную отъ Франціи область. Онъ избралъ островъ Эльбу и 10-го апрѣля, за 11 дней до прибытія въ Парижъ Людовика XVIII, отправился туда изъ дворца своего Фонтенбло, куда пріѣхалъ въ тотъ же день, какъ союзные государи вступили въ Парижъ.

Когда все такимъ образомъ приведено было въ порядокъ, котораго необходимо требовали обстоятельства, великодушный примиритель царей и Европы, добрый, навѣки незабвенный для французовъ Александръ, отправился черезъ три дня послѣ заключенія знаменитаго мира, т. е. 21-го мая, посѣтить Англію. Восторгъ, возбуждаемый именемъ его въ это время, былъ повсемѣстный: англичане не находили словъ къ изъявленію его при видѣ *избавителя Европы*—такъ обыкновенно называли Александра,—и во все время пребыванія его въ Лондонѣ (съ 25-го мая по 11-е іюня) праздники и общее веселіе не переставали. Точно также принятъ былъ Александръ и въ Голландіи, куда онъ пріѣхалъ изъ Англіи. Наконецъ, въ половинѣ іюня, онъ возвратился въ сѣверную столицу свою, послѣ отсутствія, продолжавшагося полтора года. Здѣсь-то надобно было видѣть восторгъ народа! Здѣсь-то надобно было оцѣнить любовь, какую внушалъ Александръ! У Казанскаго собора, куда государи наши имѣютъ обыкновеніе пріѣзжать, возвращаясь изъ путешествій своихъ, толпы народа явились задолго до пріѣзда его, чтобы встрѣтить несравненнаго государя своего и поздравить его съ пріѣздомъ. Всегда снисходительный и ласковый, онъ смиренно принялъ пылкія и шумныя изъявленія радости дѣтей своихъ; они безумолкно кричали громкое ура свое, окружали экипажъ, останавливали государя при входѣ въ церковь, цѣловали его ноги и одежду.

Искренняя любовь и преданность всѣхъ сословій народа къ Александру выразилась чрезъ нѣсколько дней потомъ гораздо возвышеннѣе и сильнѣе: государственный совѣтъ, сѵнодъ и сенатъ, исполненные ими въ лицѣ своего

народа, положили поднести государю титулъ Благословеннаго и воздвигнуть ему памятникъ. Они явились къ нему съ этимъ предложеніемъ, но скромный и въ полной мѣрѣ достойный названія *Благословеннаго,* Александръ отказался отъ почести, казавшейся для него пріятною только потому, что она изъявляла чувства къ нему народа. Вотъ достопамятныя слова, въ которыхъ онъ благодарилъ за нее: «Да соорудится мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ [1]), какъ оный сооруженъ въ чувствахъ моихъ къ вамъ. Да благословляетъ меня въ сердцахъ своихъ народъ мой, какъ я въ сердцѣ моемъ благословляю оный! Да благоденствуетъ Россія, и да будетъ надо мною и надъ нею благословеніе Божіе!»

Какъ хорошо выражаютъ эти немногія слова любовь Александра къ подданнымъ его и его благочестіе и смиреніе! Однакожъ, не смотря на то, что онъ отказался отъ названія, столь приличнаго счастливому царствованію его, оно осталось его принадлежностью, и съ драгоцѣннымъ именемъ Александра мы всегда соединять будемъ названіе «Благословеннаго».

Чтобы понять вполнѣ чувства, одушевлявшія русскихъ къ обожаемому государю ихъ, мы представимъ здѣсь нѣсколько стиховъ изъ «*Посланія*», написаннаго къ нему въ то время В. А. Жуковскимъ. Ничто не показываетъ въ немногихъ словахъ такъ отчетливо и прекрасно всѣхъ превосходныхъ свойствъ Благословеннаго царя Россіи, какъ это стихотвореніе, полное высокой поэзіи. Вѣрно отрывокъ, представленный здѣсь, заставитъ читателей отыскать въ сочиненіяхъ знаменитаго поэта нашего этотъ священный гимнъ души, потрясенной высокимъ чувствомъ любви къ царю и отечеству.

---

[1]) Желаніе Благословеннаго исполнилось, и народъ въ чувствахъ своихъ соорудилъ ему памятникъ вѣчный, хотя и невидимый. Но государь императоръ Николай Павловичъ воздвигнулъ въ 1835 году и видимое знаменіе безпредѣльной любви и благодарности Россіи къ Александру—прекрасную Александровскую колонну на площади передъ Зимнимъ дворцомъ государей нашихъ.

. . . .

На лиру съ гордостью подъемлетъ взоръ пѣвецъ...
О дивный вѣкъ, когда пѣвецъ царя—не льстецъ,
Когда хвала—восторгъ, гласъ лиры—гласъ народа,
Когда все сладкое для сердца: честь, свобода,
Великость, слава, миръ, отечество, алтарь,
Все, все слилось въ одно святое слово: царь.
И кто не закипитъ восторгомъ пѣснопѣнья,
Когда и нищета, подъ кровлею забвенья,
Послѣдній бѣдный лептъ за ликъ твой отдаетъ!
О! онъ, какъ друга тѣнь, отрадный свѣтъ ліетъ
Нѣмымъ присутствіемъ въ обители страданья...
Пусть облечетъ во власть святый обрядъ вѣнчанья;
Пусть вѣрности обѣтъ, отечество и честь
Велятъ намъ за царя на жертвы жизнь принесть —
Отъ подданныхъ царю колѣнопреклоненье;
Но дань свободная, дань сердца—уваженье,
Не власти, не вѣнцу, но человѣку дань.
О, царь! не скипетромъ блистающая длань,
Не прахомъ праотцевъ дарованная сила
Тебѣ любовь твоихъ народовъ покорила,
Но трона красота—великая душа;
Безсмертныя дѣла смиренно соверша,
Воззри на твой народъ, простертый предъ тобою;
Благослови его державною рукою;
Тобою-предводимъ, со славой перешедъ
Указанный Творцемъ путь опыта и бѣдъ,
Преобразованный, исполненъ жизни новой
По манію царя, на все, на все готовый—
Довѣренность, любовь и благодарность онъ
Съ надеждой передъ твой приноситъ царскій тронъ.
Предстатель за царей народъ у Провидѣнья,
О! наши къ небесамъ дойдутъ благословенья:
Повѣрь народу, царь, имъ будешь счастливъ ты.
Поставившій тебя въ семъ блескѣ красоты
Передъ ужасною погибели пучиной,
Побѣдоноснаго надъ грозною судьбиной —
Ужель на краткій мигъ Онъ намъ тебя явилъ?
О, нѣтъ! Онъ нашихъ золъ печатью утвердилъ
Завѣтъ, хранитъ въ тебѣ всѣ блага, намъ священны—
И не обманетъ насъ отъ вѣка Неизмѣнный.
Прими-жъ, въ виду небесъ, свободный нашъ обѣтъ
За благость царскую, краснѣйшую побѣдъ,
За то величіе, въ какомъ явилъ ты міру
Столь древле-славную отцовъ твоихъ порфиру,
За вѣру въ страшный часъ къ народу твоему,
За имя, данное на всѣ вѣка ему —

Здѣсь окружая твой престолъ, Благословенный,
Подъемлемъ руку всѣ въ рукѣ твоей священной,
Какъ предъ ужасною святыней алтаря,
Обѣтъ нашъ предъ ней: все въ жертву за царя.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ государь отправился снова въ чужіе края. Въ это время открылся въ Вѣнѣ назначенный конгрессъ. Въ слѣдующемъ разсказѣ мы увидимъ, какое неожиданное происшествіе случилось прежде нежели совѣщаніе его кончились.

КОНГРЕСЪ ВЪ ВѢНѢ.

1815 годъ.

Никакое описаніе не можетъ дать лучшаго понятія о замѣчательнѣйшемъ времени настоящаго столѣтія,—о времени великаго переворота, произведеннаго русскими въ политическомъ мірѣ Европы низверженіемъ Наполеона, какъ описаніе Вѣнскаго конгреса. Начиная отъ главнаго виновника этого переворота, императора Александра, до самыхъ младшихъ участниковъ въ немъ—герцоговъ и князей союза Рейнскаго, все явилось на знаменитое совѣщаніе, которое своею высокою важностію, своимъ царственнымъ блескомъ, своими необыкновенными праздниками напоминало рыцарскую Германію и великолѣпные сеймы ея. Между всѣми съѣхавшимися владѣтельными государями и другими членами царствующихъ домовъ, первое мѣсто, конечно, занималъ Александръ. Горделивая имперія австрійская, не смотря на всѣ древнія права своего старшинства, уступала на этотъ разъ первенство хотя юной, но такъ хорошо доказавшей могущество свое Россіи. И такъ, можно сказать по справедливости, что съ перваго дня пріѣзда государя въ Вѣну вниманіе всѣхъ обращено было на него и на русскихъ. Пушечные выстрѣлы возвѣстили о прибытіи его, 13-го сентября. Знаменитые вельможи и придворные чины австрійскіе, отличавшіеся всегда своею важностію, теперь, казалось, вовсе позабыли о ней,

и съ непритворнымъ нетерпѣніемъ спѣшили во дворецъ встрѣтить *примирителя Европы*. Между ними обращалъ на себя особенное вниманіе тотъ самый остроумный принцъ де-Линь, который за двадцать восемь лѣтъ передъ тѣмъ былъ однимъ изъ участниковъ знаменитаго путешествія императрицы Екатерины въ Крымъ, и за пятьдесятъ—уже удивлялъ Европу своимъ умомъ и образованностію. Теперь было ему уже около 80 лѣтъ, но, не смотря на эту глубокую старость, онъ бодро и весело явился встрѣчать покрытаго славою внука великой и искренно-любимой имъ государыни. Весело было смотрѣть на этого удивительнаго человѣка, сохранившаго и въ преклонныхъ лѣтахъ всѣ тѣ любезныя качества, которыя дѣлали его избраннымъ человѣкомъ общества столь знаменитыхъ особъ прошедшаго вѣка, каковы были: Великая Екатерина и Великій Фридрихъ. И теперь, при дворѣ Франца I, какъ при дворѣ предшественника его Іосифа, онъ продолжалъ удивлять всѣхъ своимъ веселымъ и любезнымъ нравомъ, своимъ пріятнымъ остроуміемъ. Хотите ли имѣть доказательства послѣдняго? О! вѣрно хотите, потому что вы еще помните, что говорилъ онъ объ умѣ Великой Екатерины? Теперь послушайте, что сказалъ онъ о двухъ внукахъ ея, великихъ княгиняхъ Маріи Павловнѣ и Екатеринѣ Павловнѣ, прибывшихъ также въ Вѣну для свиданія съ августѣйшимъ братомъ и также присутствовавшихъ во дворцѣ, при встрѣчѣ его. «Великая княгиня Марія, — говорилъ принцъ,— привязываетъ къ себѣ сердца, а Екатерина—беретъ ихъ приступомъ».

Такъ знаменитѣйшее изъ царскихъ семействъ Европы, было предметомъ разговора придворныхъ австрійскихъ въ то время, какъ громъ пушекъ возвѣстилъ прибытіе главы его. Прекрасная картина явилась въ эту минуту предъ глазами ожидавшей, нетерпѣливой толпы! Императоръ Александръ и императоръ Францъ, встрѣтившій знаменитаго гостя своего въ самую минуту пріѣзда его, шли рука объ руку между двумя рядами придворныхъ, на лицахъ которыхъ изображалось въ полной мѣрѣ необыкновенное, живѣйшее участіе, внушаемое въ то время Александромъ ка-

ждому, кто только малѣйшимъ образомъ постигалъ важность переворота, произведеннаго имъ въ Европѣ.

За двумя императорами, такъ превосходно доказавшими свой возвышенный образъ мыслей въ настоящемъ положенiи дѣлъ политическихъ, шелъ столь же великодушный въ бѣдствiяхъ, какъ скромный въ счастiи, король прусскiй. Онъ велъ обѣихъ прекрасныхъ великихъ княгинь нашихъ. За ними шло нѣсколько королей и множество принцевъ и принцессъ. Вы удивляетесь, милыя дѣти, при этомъ словѣ *множество*. Но оно совершенно справедливо, и чтобы вы имѣли точное понятiе о томъ, какъ велико было число съѣхавшихся по случаю конгреса въ Вѣну лицъ царствующихъ домовъ, надобно назвать вамъ по именамъ всѣхъ тѣхъ особъ, которыя приглашались къ государю, когда онъ давалъ у себя обѣденные столы. Это было въ то время, когда и императрица Елисавета Алексѣевна прiѣхала въ Вѣну, и этимъ прiѣздомъ, не смотря на всю скромность свою, увеличила блескъ двора русскаго и прiятность общества, съѣхавшагося въ столицу Австрiи. Вотъ списокъ высокихъ гостей, собиравшихся къ государю и государынѣ:

Императоръ австрiйскiй. Супруга его. Прусскiй король. Датскiй король. Виртембергскiй король. Баварскiй король. Великая княгиня Марiя Павловна. Великая княгиня Екатерина Павловна. Наслѣдный австрiйскiй принцъ. Эрцъ-герцоги: Карлъ, Антонъ, Райнеръ, Палатинъ, Людвигъ, Рудольфъ, Iоаннъ, Фердинандъ. Неаполитанскiй принцъ Леопольдъ. Эрцъ-герцогини: Леопольдина, Клементина, Беактриксъ. Герцогъ Альбертъ Саксенъ-Тешенскiй. Прусскiе принцы: Вильгельмъ, Августъ. Курфистръ Гессенъ-Кассельскiй. Принцъ Гольштейнъ-Бекскiй. Баварскiй наслѣдный принцъ. Баварскiй принцъ Карлъ. Виртембергскiй наслѣдный принцъ. Виртембергскiй принцъ Фердинандъ. Великiй герцогъ Баденскiй. Герцогъ Веймарскiй. Дармштадтскiй наслѣдный принцъ. Герцогъ Кобургскiй. Принцесса Турнъ и Таксисъ. Наслѣдный принцъ Мекленбургъ-Стрелицкiй. Кобургскiе принцы: Леопольдъ, Фердинандъ. Бывшiй вице-король италiйскiй. Гессенъ-Гомбургскiй наслѣдный принцъ. Гессенъ-Гомбургскiе принцы: Фердинандъ,

Людвигъ. Нассаускій герцогъ. Нассаускій наслѣдный принцъ. Принцъ Гессенъ-Филиппстальскій.

Все это знаменитое собраніе вмѣстѣ съ его величествомъ и императрицею Елисаветою Алексѣевною составляло 47 человѣкъ. Кромѣ того, государь всегда приглашалъ на такіе обѣды трехъ находившихся въ Вѣнѣ фельдмаршаловъ: герцога Веллингтона и князей Шварценберга и Вреде.

Узнавъ теперь число участвовавшихъ въ конгресѣ, читатели могутъ представить себѣ, какъ многочисленны и какъ многоразличны были дѣла, представленныя на сужденіе его. Каждый изъ королей и принцевъ имѣлъ какую нибудь просьбу: однимъ надобно было возвратить отнятыя французами земли, другихъ—вознаградить за потерпѣнныя потери, третьихъ—за испытанное униженіе; однимъ словомъ, всѣ явились съ требованіями, которыя согласить надобно было большое искусство. Не смотря на то, совѣщанія Вѣнскаго конгреса достигли цѣли своей во всѣхъ отношеніяхъ: они удовлетворили каждое государство. Имперія австрійская, королевства: прусское, неаполитанское и сардинское возстановлены были во всѣхъ прежнихъ правахъ своихъ; изъ голландской республики основалось нидерланское королевство; обиженные Наполеономъ владѣтели Германіи и Италіи получили точное и справедливое распредѣленіе границъ своихъ; Швейцарія возвратила права свои; Россія также была частію вознаграждена за великія пожертвованія свои—утвержденіемъ за нею герцогства варшавскаго подъ названіемъ *Царства Польскаго*. Изъ владѣній Германіи составленъ былъ германскій союзъ, котораго членами сдѣланы были, начиная съ Австріи, всѣ царствующіе домы Германіи. Наконецъ духъ благочестія и доброта сердца Александра были первыми источниками, откуда произошла мысль о *Священномъ союзѣ*, учрежденномъ потомъ между Австріею, Россіею и Пруссіею. Цѣлію этого союза было: поддержаніе независимости каждаго государства на основаніяхъ нравственности и священныхъ истинъ Евангелія. Не смотря на эти столь различныя и столь важныя занятія конгреса, августѣйшія лица, составлявшія его, и всѣ особы, принадлежавшія къ свитѣ ихъ, предавались самой искренней веселости, которую могло про-

известь только чувство радости, ощущаемой всѣми при мысли объ избавленіи отъ всеобщаго утѣснителя. Вѣна представляла картину безпрерывныхъ праздниковъ, которые были тѣмъ пріятнѣе, что съ каждымъ изъ нихъ соединялось что-то необыкновенное. Напримѣръ, 23-го сентября императоръ австрійскій давалъ праздникъ въ честь инвалидовъ въ саду Аугартенскомъ. Заслуженные и изувѣченные воины обѣдали въ присутствіи монарховъ и всего двора. Посреди ихъ возвышалась колонна, сдѣланная совершенно по модели той колонны, какую намѣревались воздвигнуть въ Москвѣ изъ орудій, отнятыхъ у непріятелей. Внизу этого почетнаго памятника, такъ явно для всѣхъ присутствовавшихъ свидѣтельствовавшаго побѣду русскихъ надъ общими врагами, стояло изображеніе государя, вѣнчаемаго славою. Умилительна была эта картина для русскихъ, особенно въ тѣ минуты, когда они видѣли слезы, блиставшія на глазахъ императрицы Елисаветы Алексѣевны и великихъ княгинь.

6-го октября праздновалось въ *Пратерѣ*[1]) воспоминаніе бывшаго въ этотъ день за годъ передъ тѣмъ Лейпцигскаго сраженія. Тридцать тысячъ войска прежде явились передъ монархами въ блестящемъ парадѣ, потомъ угощаемы были обѣдомъ.

На другой день и государю угодно было праздновать славную Лейпцигскую битву великолѣпнымъ обѣдомъ, къ которому, кромѣ царственныхъ гостей, приглашены были всѣ находившіеся тогда въ Вѣнѣ участники знаменитаго сраженія. Убранство залы и столовъ состояло все изъ военныхъ трофеевъ. Вездѣ видны были трехцвѣтныя французскія знамена и круглые щиты, на которыхъ означались сраженія, выигранныя союзниками въ послѣдніе походы.

Примѣчателенъ былъ также праздникъ, данный во время краткаго пребыванія императоровъ и короля прусскаго въ Венгріи. Это было собираніе винограда на прекрасномъ островѣ, лежащемъ на Дунаѣ, въ трехъ верстахъ отъ Офена. Пятьдесятъ человѣкъ молодыхъ людей и пятьдесятъ прелестныхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ платья народовъ, живу-

---

[1]) Извѣстное прекрасное мѣсто гулянья въ Вѣнѣ.

щихъ въ Венгріи, разсѣяны были по цвѣтущему винограднику, при пѣніи венгерскихъ пѣсенъ срѣзывали грозды и подносили ихъ августѣйшимъ гостямъ своимъ. Одна изъ нихъ сказала при этомъ случаѣ привѣтствіе государю, пользовавшемуся вездѣ особеннымъ предъ другими отличіемъ.

Говоря о праздникахъ двора австрійскаго, мы не упоминаемъ о балахъ и вечернихъ собраніяхъ обыкновенныхъ, безпрестанно даваемыхъ то государями, то послами и вельможами ихъ. Они были такъ многочисленны, что наконецъ утомили общество, расположенное къ необыкновенной веселости. Надобно было придумать что нибудь новое, и вотъ съ первымъ выпавшимъ снѣгомъ назначено невиданное дотолѣ въ Вѣнѣ катанье въ великолѣпныхъ саняхъ, сдѣланныхъ въ родѣ колесницъ и покрытыхъ золотомъ. Но это прекрасное катанье едва не разстроилось: снѣгу было такъ мало, что нѣсколько сотъ человѣкъ сбирали его на поляхъ и усыпали имъ дорогу для катанья.

Это необыкновенное гулянье окончилось еще болѣе необыкновеннымъ праздникомъ: въ огромнѣйшемъ вѣнскомъ манежѣ данъ былъ карусель, при которомъ исполнены были со всею точностію всѣ обряды каруселей среднихъ вѣковъ. Кавалеры въ красной одеждѣ того времени сражались точно такъ, какъ нѣкогда сражались рыцари на турнирахъ и каруселяхъ своихъ, а дамы, въ самомъ великолѣпномъ убранствѣ, сидѣли въ ложѣ, нарочно для того приготовленной, и раздавали точно такъ же, какъ и красавицы старинныхъ временъ, награды побѣдителямъ.

Этого еще было недовольно: чрезъ нѣсколько недѣль при дворѣ устроился театръ, на которомъ представляли живыя картины и играли комедіи. Однимъ словомъ, веселости не прерывались, потому что всѣ расположены были веселиться и что эта веселость не подвержена была никакимъ стѣсненіямъ, которыхъ можно было ожидать при столь многочисленномъ собраніи монарховъ и августѣйшихъ членовъ семействъ ихъ. Этою непринужденностію всѣ обязаны были также императору Александру. Не говоря уже о любезности обхожденія, которая привлекала къ нему сердца всѣхъ, онъ, узнавъ, при самомъ открытіи конгреса, что разсуждаютъ о томъ, какой этикетъ надобно наблюдать въ

собраніи государей, предложилъ, чтобы всѣ они занимали мѣста по лѣтамъ своимъ и такимъ образомъ тѣ, которые были старѣе, садились выше младшихъ себя. Такое предложеніе государя русскаго имѣло тѣмъ болѣе цѣны въ глазахъ всѣхъ, что онъ былъ самый младшій изъ всѣхъ коронованныхъ особъ.

Между лицами, принимавшими непосредственное участіе въ этихъ праздникахъ, находился и воспитатель императора Александра Павловича *Лагарпъ*. Онъ также былъ въ это время въ Вѣнѣ, какъ уполномоченный отъ одного изъ швейцарскихъ кантоновъ, и обращалъ на себя общее вниманіе, какъ наставникъ, самымъ блистательнымъ образомъ оправдавшій довѣренность великой государыни, избравшей его въ воспитатели къ знаменитому внуку ея. Глубокое уваженіе и признательность къ нему государя были такъ искренни и велики, что нерѣдко во время величайшей славы своей онъ говаривалъ: «Еслибы не было Лагарпа, то не было бы и Александра!»

Это собственное сознаніе августѣйшаго воспитанника должно высоко вознести Лагарпа въ глазахъ всѣхъ русскихъ. Что-жъ касается до его чувствъ къ государю, то онъ до самой смерти своей не могъ говорить о немъ безъ восхищенія и надобно было видѣть, съ какимъ восторгомъ слушали въ Вѣнѣ разсказы его о дѣтствѣ и первой молодости великаго питомца его! Онъ обыкновенно часто прерывалъ разсказы свои восклицаніями: «Ни для одного смертнаго природа не была столь щедра, какъ для Александра!» Восклицаніе, доказывающее необыкновенныя способности государя и скромность наставника.

Но возвратимся къ конгресу. Уже мѣсяцевъ семь продолжался онъ и совѣщанія его почти всѣ были кончены, какъ вдругъ союзные государи получаютъ извѣстіе, что Наполеонъ тайно отъ англійской эскадры, долженствовавшей смотрѣть за нимъ, оставилъ островъ Эльбу и на пяти судахъ съ отрядомъ приверженцевъ, простиравшимся не свыше 1,140 человѣкъ, явился у береговъ Франціи. 1-го марта онъ вступилъ на нихъ близь небольшого городка *Канна*, а 8-го уже былъ въ *Греноблѣ* и имѣлъ 6,000 человѣкъ войска. Братъ Людовика XVIII графъ д'Артуа

и маршалъ Макдональдъ приготовили было ему сильное сопротивленіе, но войско ихъ, при появленіи прежняго любимаго начальника, перешло все на его сторону и защитники короля должны были удалиться въ Парижъ, куда и Наполеонъ быстро подвигался съ своими приверженцами. Число ихъ до того увеличилось, что Людовикъ XVIII 19-го марта принужденъ былъ оставить бурную столицу, для которой правленіе его было слишкомъ кротко и снисходительно. На другой же день, 20-го марта, Наполеонъ съ торжествомъ въѣхалъ въ нее, не имѣвъ ни одного сраженія на всемъ пути своемъ отъ береговъ Средиземнаго моря. Успѣхъ, доселѣ неслыханный! Но мы вскорѣ увидимъ, былъ ли онъ продолжителенъ.

Извѣстіе о бѣгствѣ бывшаго императора французовъ сначала не произвело сильнаго впечатлѣнія на конгресъ Вѣнскій: всѣ почли это новое покушеніе неважнымъ и думали, что оно можетъ быть уничтожено собственными силами Людовика XVIII. Одинъ Александръ, избранный Провидѣніемъ для сокрушенія могущества Наполеона, думалъ иначе. Онъ сказалъ: «Случай сей будетъ дѣйствительно маловажнымъ, если союзные государи не будутъ почитать его маловажнымъ». Эти слова того, кто такъ хорошо доказалъ уже проницательность и искусство свое въ борьбѣ съ непобѣдимымъ дотолѣ непріятелемъ, имѣли свое дѣйствіе, и 25-го марта Россія, Австрія, Пруссія и Англія заключили между собою трактатъ, по которому каждая обязывалась выставить и содержать въ полѣ по 150,000 человѣкъ войска до тѣхъ поръ, пока Бонапарте не будетъ совершенно низверженъ.

Единодушіе союзниковъ было такъ спасительно для Европы, что менѣе нежели въ три мѣсяца и даже прежде нежели успѣли собраться всѣ войска, дерзкіе замыслы Наполеона были всѣ уничтожены. Честь этого послѣдняго пораженія принадлежала арміямъ англійской и прусской. Будучи ближайшими къ Франціи, онѣ подверглись первыя нападенію Наполеона. Начальниками ихъ были: лордъ Веллингтонъ и Блюхеръ. Французы начали съ послѣдняго. Наполеонъ напалъ на него у деревни Линьи и послѣ жесточайшей битвы, въ которой надобно было удивляться взаимной

ненависти пруссаковъ и французовъ, Наполеону удалось еще разъ оставить за собою поле сраженія: онъ выигралъ его, но безъ всякой для себя пользы, потому что все войско его было такъ изнурено, что не могло преслѣдовать Блюхера, успѣвшаго уйти для соединенія съ Веллингтономъ. На другой и на третій день Наполеонъ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ не допустить ихъ до соединенія и напалъ на Веллингтона при *Ватерлоо.* Здѣсь-то, въ этомъ незначительномъ мѣстечкѣ Бельгіи, Веллингтонъ одержалъ наконецъ послѣднюю побѣду надъ непреклоннымъ завоевателемъ и соединился съ Блюхеромъ,—во-время подоспѣвшимъ къ нему на помощь—на мызѣ *Бель-Альянсъ.* Наполеонъ, совершенно разбитый, поспѣшно уѣхалъ въ Парижъ и 21-го іюня издалъ прокламацію, въ которой отказался отъ престола французскаго и провозгласилъ императоромъ сына своего Наполеона II.

Но эта прокламація, послѣдняя надежда прежняго счастливца, была отвергнута всѣми союзными государями и даже большею частію французовъ, которыхъ усердіе послѣ Ватерлооскаго сраженія чрезвычайно охладѣло. Наполеонъ уже никакъ не могъ надѣяться, чтобы они, только что пораженные потерею 200,000 войска, еще разъ согласились собрать для него новое. Погруженный въ уныніе, онъ со страхомъ получалъ безпрестанныя извѣстія о приближеніи союзныхъ государей съ войсками ихъ къ Парижу и дошелъ въ это время до такой слабости, что министръ полиціи Фуше овладѣлъ имъ какъ плѣнникомъ и уже хотѣлъ выдать его Людовику XVIII, какъ вдругъ, какъ бы опомнясь, бывшій императоръ рѣшился тайно оставить Францію и уѣхать въ Америку. Но судьба и тутъ была противъ него: англичане подстерегли корабль, на которомъ онъ отправился, и принудили его сдаться. Онъ привезенъ былъ въ Англію, а оттуда, по рѣшенію союзныхъ государей, отправленъ на островъ св. Елены, лежащей въ Африкѣ на Ѳіопскомъ морѣ, къ сѣверо-западу отъ мыса Доброй-Надежды.

На этомъ каменистомъ островѣ, окруженномъ пустыннымъ моремъ, назначено было угаснуть генію, болѣе двадцати лѣтъ удивлявшему, или, справедливѣе сказать, терзавшему міръ своимъ честолюбіемъ. Но оставимъ его,

грустно плывущаго въ мѣсто его изгнанія, — честолюбіе его уже не нарушитъ болѣе спокойствія Европы,—и взглянемъ на эту Европу, снова встревоженную послѣднимъ покушеніемъ утѣснителя ея и снова явившуюся въ Парижѣ въ лицѣ главнѣйшихъ представителей ея—государей: русскаго, австрійскаго и прусскаго.

Веллингтонъ и Блюхеръ вступили въ Парижъ въ концѣ іюня и были въ самомъ затруднительномъ положеніи до прибытія туда государей. Волненіе и споры слышны были со всѣхъ сторонъ: иные изъ французовъ желали возвращенія Бурбоновъ, другіе—Наполеона или, по крайней мѣрѣ, сына его, третьи не хотѣли ни того, ни другого, и изъ этихъ различныхъ желаній и требованій возникалъ такой безпорядокъ, что оба фельдмаршала союзныхъ войскъ не знали, какъ утишить начинающуюся бурю. Въ то время въ Парижѣ былъ генералъ *Чернышевъ*. Къ нему обратились Веллингтонъ и Блюхеръ, прося его представить императору Александру, что только присутствіе его можетъ еще спасти французовъ, покоривъ ихъ законному повелителю. Государь получилъ подробное объ этомъ донесеніе Чернышева въ Сенъ-Дизье, за 220 верстъ отъ Парижа, посреди своего войска. Вмѣстѣ съ нимъ были и августѣйшіе союзники его: императоръ австрійскій и король прусскій. Состояніе духа парижскихъ жителей встревожило Александра тѣмъ болѣе, что прибытіе его вмѣстѣ съ арміею въ Парижъ не могло послѣдовать ранѣе семи или осьми сутокъ. А сколько бѣдствій могло совершиться въ это время! Государь не только самъ рѣшился немедленно ѣхать туда безъ войска, но даже склонилъ и другихъ государей сопутствовать ему. Три государя, съ свитою, состоявшею не болѣе какъ изъ семи человѣкъ, безъ всякаго военнаго прикрытія, кромѣ 50 человѣкъ казаковъ, выставляемыхъ на каждой станціи, проѣзжали по землѣ непріятельской, гдѣ на каждомъ шагу можно было встрѣтить недовольныхъ и ожесточенныхъ. Но французы, какъ будто все еще оглушенные шумомъ послѣднихъ побѣдъ союзниковъ, какъ будто пораженные неслыханною дотолѣ смѣлостію монарховъ, смотрѣли спокойно на чудный поѣздъ, сходились толпами въ почтовыхъ селеніяхъ, чтобы взглянуть на пе-

ремѣну лошадей, окружали экипажи и иногда кричали: «да здравствуетъ король римскій!» —иногда же: «да здравствуетъ Людовикъ XVIII!» но чаще всего: «да здравствуетъ Александръ!» —Другіе государи всегда оставались при немъ въ тѣни, и народъ французскій почиталъ одного его властелиномъ судьбы своей.

Такъ безъ всякихъ приключеній совершилось опасное путешествіе: 29-го іюля государь и августѣйшіе спутники его пріѣхали въ Парижъ, и присутствіе ихъ, вовсе неожиданное, изумило всѣхъ жителей, и какъ бы волшебною силою усмирило волненіе умовъ. Людовикъ XVIII, за два дня передъ тѣмъ прибывшій въ Парижъ, почувствовалъ благотворное вліяніе, произведенное появленіемъ Александра на легкомысленный народъ свой, и во второй разъ благословилъ спасителя своего семейства и царства.

Но въ то же время, когда столица Франціи, по крайней мѣрѣ по наружности, была уже спокойна и предана королю своему, во многихъ областяхъ ея буря еще не утихла, мятежи безпрестанно возобновлялись и проливалась кровь невинныхъ, какъ обыкновенная жертва, приносимая ненависти партій.

Такое состояніе несчастнаго государства заставило союзныхъ монарховъ продлить свое пребываніе въ Парижѣ около трехъ мѣсяцевъ и принять противъ французовъ мѣры болѣе строгія, нежели прежде. По мирному трактату, снова заключенному въ Парижѣ, Франція должна была уменьшить предѣлы свои и лишиться Бельгіи, Эльзаса, Лотарингіи и Савойи; заплатить 700 милліоновъ франковъ военной контрибуціи и содержать у себя въ продолженіе пяти лѣтъ союзную армію, которой поручено было наблюдать за сохраненіемъ спокойствія. Русскихъ оставлено было во Франціи 40,000 человѣкъ подъ начальствомъ графа Воронцова.

Устроивъ такимъ образомъ дѣла несчастной Франціи сколько можно лучше и согласнѣе съ нуждами ея, союзные государи, къ величайшему огорченію парижанъ, показавшихъ въ это время самую легкомысленную страсть къ забавамъ и веселостямъ, не смотря на стѣсненное положеніе отечества, назначили день отъѣзда изъ Парижа.

Но прежде нежели наступилъ онъ, государю угодно было сдѣлать смотръ своей арміи въ прекрасной долинѣ Шампаньи, близь города *Вертю*. День, назначенный для того, былъ знаменитый въ исторіи русскаго войска — 26-е августа. Казалось, слава Бородинской битвы, такъ грозно поразившая французовъ за три года передъ тѣмъ, озарила новымъ блескомъ русскихъ воиновъ подъ лазурнымъ небомъ Франціи, на прекрасныхъ лугахъ ея.

Съ удивленіемъ смотрѣли всѣ иностранцы на это изумительно-стройное, чудное войско, которое, не смотря на продолжительный походъ и скорость переходовъ, было во всѣхъ отношеніяхъ въ томъ самомъ прекрасномъ порядкѣ, въ какомъ выступило изъ отечества. Смотря на густыя колонны, съ невѣроятною стройностію проходившія мимо, фельдмаршалы союзныхъ войскъ не могли удерживать восклицаній своихъ. «Я никогда не воображалъ,—сказалъ Веллингтонъ,—чтобы можно было довести армію до такой степени совершенства!» — Другой же англичанинъ, сиръ Сидней Смитъ, прибавилъ: «Этотъ смотръ есть урокъ, который императоръ русскій даетъ другимъ народамъ». И точно, 150,000 человѣкъ войска, въ такомъ чудесномъ устройствѣ явившагося вдали отъ обширнаго отечества своего, могло служить лучшимъ доказательствомъ великой силы этого отечества и мѣры наказанія, какое ожидало дерзновенныхъ оскорбителей его.

Говоря объ этомъ великолѣпномъ смотрѣ русской арміи, надобно сказать читателямъ моимъ, что въ немъ участвовали и молодые великіе князья, находившіеся въ то время въ арміи: великій князь Николай Павловичъ велъ бригаду гренадеръ, а великій князь Михаилъ Павловичъ командовалъ пятью ротами конной артиллеріи.

Послѣ смотра, повтореннаго два раза (26-го и 29-го августа), государь въ день праздника св. Александра Невскаго желалъ, чтобы войско его принесло торжественное моленіе Богу, и вотъ новое, прекрасное зрѣлище открылось взорамъ чужестранцевъ. Посреди обширной равнины Вертю поставленъ былъ алтарь, и знаменитое воинство, столь же благочестивое, какъ и царь его, преклонило колѣна предъ

высочайшимъ могуществомъ Того, Кто вознесъ его выше другихъ народовъ.

Здѣсь, какъ заключеніе разсказа о войнѣ 1815 года, очень кстати помѣстить приказъ, отданный государемъ войскамъ его послѣ смотра при Вертю. Они приготовлялись въ это время къ возвращенію въ отечество.

«Измѣна и коварные замыслы врага всеобщаго покоя привели васъ, храбрые воины, опять на тѣ поля, гдѣ не съ большимъ за годъ одержали вы побѣду надъ непріятелемъ, и по пятамъ его проложили себѣ путь къ Парижу. Благодареніе Всевышнему, храбрость ваша, всему свѣту извѣстная, не имѣла новаго испытанія, ибо мѣры, предпринятыя союзными державами вообще, противупоставили оплотъ дерзости Наполеона Бонапарте, прежде нежели вознадобилась помощь ваша на полѣ битвы, и самъ онъ наконецъ достался въ плѣнъ. Но тѣмъ не менѣе быстрымъ переходомъ отъ Днѣпра и Двины къ Сенѣ вы показали, что спокойствіе Европы не есть чуждое для Россіи дѣло и что, не взирая ни на какое разстояніе, вы, по гласу отечества и царя, вездѣ, гдѣ должно поборать правдѣ. Отпуская теперь васъ въ любезное отечество, пріятно мнѣ изъявить вамъ, *сослуживцамъ* моимъ, благодарность за усердіе ваше и за ту исправность, какую нашелъ я при осмотрѣ рядовъ вашихъ на поляхъ Шампани. Смотръ сей, гдѣ въ глазахъ союзныхъ государей и полководцевъ ихъ оспаривали другъ друга полки и артиллерія въ устройствѣ, движеніяхъ и исправности одежды и аммуниціи, остается навсегда памятникомъ вашимъ. Благодарю также васъ за сохраненіе строгой дисциплины и за доброе поведеніе въ иностранныхъ земляхъ, которому отдаютъ справедливость сами обыватели.

«Да сопутствуетъ вамъ благословеніе Предвѣчнаго на возвратномъ шествіи вашемъ. Мощная десница Его, сохранивъ насъ отъ золъ, войною наносимыхъ, указуетъ намъ нынѣ путь въ нѣдра семейственныя. Восчувствуйте благость Его къ себѣ, помня безпрестанно святый законъ Его, и что милосердіе Божіе вездѣ намъ было помощію, ибо всегда возлагали все упованіе наше на Него».

Это лестное названіе *сослуживцевъ*, данное здѣсь государемъ его воинамъ, повторено и въ памятникѣ, сооруженномъ имъ въ честь ихъ въ Царскомъ Селѣ.

16-го сентября Александръ выѣхалъ изъ Парижа. Онъ простился съ союзными государями на три года, потому что въ послѣднемъ мирномъ договорѣ назначено было, чтобы высокіе союзники съѣзжались чрезъ три года для совѣщанія о мѣрахъ къ обезпеченію счастія народовъ и къ сохраненію мира.

Возвращаясь въ Россію, опечаленную долгимъ отсутствіемъ его, государь заѣзжалъ въ Берлинъ и потомъ былъ въ Варшавѣ. Радость, съ которою въ этотъ разъ встрѣтили его поляки, была чрезвычайна.

Наконецъ 1-го декабря сѣверная столица обрадована была возвращеніемъ обожаемаго государя, покрывшаго новымъ блескомъ имя русскихъ. Александръ былъ въ это время на высочайшей степени своей славы. Возстановитель спокойствія, снова нарушеннаго въ Европѣ, онъ такъ возвышался надъ всѣми другими монархами европейскими, что по справедливости можно было назвать его величайшимъ изъ нихъ. Принеся такъ много жертвъ счастію чуждыхъ ему народовъ и устроивъ, наконецъ, это счастіе прочнымъ образомъ, Александръ возвратился въ отечество съ сладкою мыслію, что теперь онъ можетъ посвятить всѣ дни свои пріятной заботливости о судьбѣ своихъ подданныхъ.

Прекрасно выражаетъ Жуковскій эту заботливость императора въ томъ же самомъ «*Посланіи*» къ нему, о которомъ мы уже говорили:

«Отважною вступить дерзаю, царь, мечтою
Въ чертогъ священный твой, гдѣ ты одинъ съ собою,
Одинъ, въ тотъ мирный часъ, когда лежитъ покой
Надъ скромныхъ жребіемъ безпечною главой,
Когда лишь бодрствуютъ цари и Провидѣнье.
О, царь! въ сей важный часъ, когда Нева въ теченьѣ
Объемлетъ предъ тобой тотъ усыпленный храмъ,
Гдѣ свой безсмертный слѣдъ, свой прахъ оставилъ намъ
Твой праотецъ, нашъ Петръ, царей земныхъ учитель,
Я зрю тебя, племенъ несмѣтныхъ повелитель,
Сей окруженнаго всемірной тишиной,
Надъ полвселенною парящаго душой,—

Гдѣ все твое, гдѣ ты надъ всѣхъ судьбою властенъ,
Гдѣ ты одинъ всѣхъ благъ, одинъ всѣхъ бѣдъ причастенъ,
Уполномоченный отъ неба судія—
О! сколь божественна въ сей часъ душа твоя!
Сей полный взоръ любви, сей взоръ воспламененный—
За насъ онъ возведенъ къ Правителю вселенной;
За насъ ты предстоишь, какъ жертва, передъ Нимъ.
Отечество, внимай: «Творецъ, всѣ благи имъ!
Не за величіе, не за вѣнецъ ужасный,—
За власть благотворить, удѣлъ царей прекрасный,
Склоняю, царь земли, колѣна предъ тобой,
Безстрашный подъ твоей незримою рукой,
Твоихъ намѣреній надъ ними совершитель!...
Покойся мой народъ, не дремлетъ твой хранитель:
Такъ—*мой* народъ! Творецъ, онъ весь въ душѣ моей;
На удивленіе народовъ и царей,
Его могуществомъ и счастіемъ прославлю,
И тронъ свой алтаремъ любви ему поставлю;
Какъ небо надъ моей простертою главой,
Гдѣ звѣздъ безчисленныхъ ненарушимый строй,
Такъ стройно будь мое владычество земное.
Правленье Божества зерцало мнѣ святое.
Все здѣсь для блага будь, какъ все для блага тамъ!
А Ты, дарующій и тронъ, и власть царямъ,
Ты, на совѣтѣ ихъ сѣдящій благодатью,
Ознаменуй Твоей дѣла мои печатью:
Да имя чистое въ наслѣдіе вѣкамъ
Съ примѣромъ благости и славы передамъ,
Отецъ моей семьи и другъ Твоей вселенны!»

Молитва Александра была услышана, и послѣднее десятилѣтіе царствованія его было счастливѣйшимъ для народа его и наименѣе примѣчательнымъ для исторіи. Такъ и всегда бываетъ: истинное счастіе далеко отъ шумныхъ побѣдъ и громкой славы. Русскіе достигли его въ это послѣднее время жизни незабвеннаго государя своего, и вы увидите, милые читатели, какъ тихо и безмятежно протекло для нихъ это счастливое время.

ПОСЛѢДНІЯ ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСАНДРА I.

отъ 1815 до 1825 года.

Семейство царское, безпрестанно разлучаемое съ императоромъ въ продолженіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ великой борьбы его съ Наполеономъ, печально раздѣляло общія бѣдствія Европы, и не одинъ разъ страшилось за драгоцѣнную жизнь его и неустрашимаго брата его великаго князя Константина Павловича. Впослѣдствіи, когда и младшіе великіе князья пожелали, не смотря на чрезвычайную молодость свою, участвовать въ трудностяхъ войны, августѣйшее семейство испытало еще болѣе грусти и страха. Къ собственной горести присоединилось и страданіе за народъ и войско, долженствовавшее такъ часто оставлять отечество для жестокихъ битвъ въ странахъ чуждыхъ.

Наконецъ съ окончаніемъ 1815 года все перемѣнилось: спокойствіе Европы и соединенное съ нимъ возвращеніе государя въ Петербургъ—были первыми радостями семейства императорскаго. Вскорѣ потомъ происшествія, одно за другимъ послѣдовавшія въ немъ, были какъ бы вознагражденіемъ за долгія страданія.

Великая княгиня Екатерина Павловна, лишившаяся супруга своего за два года передъ тѣмъ, вступила во второе супружество съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ.

Въ февралѣ 1816 года праздновалось бракосочетаніе великой княжны Анны Павловны съ наслѣдникомъ престола нидерландскаго, принцемъ Оранскимъ.

Въ 1816 году было бракосочетаніе великаго князя Николая Павловича съ старшею дочерью короля прусскаго, принцессою Шарлотою, нареченною въ святомъ мѵропомазаніи Александрою Ѳеодоровною.

Посреди этихъ семейственныхъ радостей, посреди отдохновенія, необходимаго послѣ столь великихъ трудовъ, Александръ не оставлялъ ни на минуту своихъ государственныхъ занятій, и можно по справедливости сказать—

съ каждымъ днемъ прибавлялъ что нибудь къ благосостоянію своихъ подданныхъ. Мы скажемъ здѣсь о важнѣйшихъ изъ дѣлъ его.

Въ 1817 году учрежденъ Коммерческій Банкъ, благодѣтельный для купечества, которое могло за небольшіе проценты получать изъ него ссуды денегъ. Въ этомъ же году облегчены какъ торговыя, такъ вообще и всѣ судоходныя сообщенія введеніемъ *пароходовъ*, дотолѣ неизвѣстныхъ въ Россіи. Привыкнувъ смотрѣть на пароходы наши, какъ на вещь обыкновенную, вы не можете представить себѣ, милые читатели, какъ благодѣтельно было это новое учрежденіе во всѣхъ отношеніяхъ, сколько оно облегчило сношенія съ иностранными государствами и также внутреннюю торговлю, потому что вскорѣ послѣ введенія пароходовъ между Петербургомъ и Ревелемъ появились они и во внутренности государства, на рѣкахъ и каналахъ судоходныхъ.

Въ это же время положено было начало другому важному облегченію сношеній внутреннихъ: утвержденъ проектъ объ устроеніи насыпной дороги, т. е. *шоссе*, между Москвою и Петербургомъ. Эта прекрасная дорога, столь много облегчающая частые переѣзды между столицами, сдѣлана была на двѣсти верстъ при жизни государя, основателя ея, совершенно же окончена спустя нѣсколько лѣтъ послѣ кончины его. Она составляетъ одинъ изъ примѣчательныхъ памятниковъ царствованія Александра.

Къ 1817 году принадлежитъ также замѣчательнѣйшее событіе для торговли всего южнаго края Россіи, или лучше сказать, всей Новой Россіи: городъ Одесса сдѣланъ портофранко, т. е. вольнымъ портомъ, въ который можно привозить всѣ товары изъ иностранныхъ государствъ безъ пошлины, обыкновенно платимой за нихъ.

Исторія Одессы, этого юнаго и цвѣтущаго города Новой Россіи, этого средоточія всей торговли ея, такъ любопытна, что нельзя не разсказать по крайней мѣрѣ главныхъ событій ея. Хотя онъ находится въ близкомъ сосѣдствѣ съ Крымомъ, но, читая описаніе этого знаменитаго полуострова и путешествія туда императрицы Екатерины, вы не могли ничего узнать объ Одессѣ, потому что она

тогда еще не существовала и самое мѣсто, гдѣ построена она, находилось во власти турокъ. Только послѣ взятія Очакова и именно въ 1789 году, это мѣсто завоевано было русскими. Находясь въ восьмидесяти верстахъ отъ Очакова, оно составляло въ то время небольшую турецкую крѣпость *Хаджибей*, важную для турокъ, потому что она охраняла заливъ, въ которомъ военныя и торговыя суда ихъ находили пристанище во время непогодъ.

Хаджибей, не представлявшій собою при взятіи его русскими ничего другого, кромѣ дурно и неправильно построеннаго турецкаго зáмка, извѣстенъ былъ еще въ XI вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ: на мѣстѣ его было тогда греческое селеніе, называвшееся на языкѣ грековъ — *гаванью Истріянъ*. Раздѣляя участь многихъ сѣверо-западныхъ греческихъ селеній, опустошенныхъ нашествіями разноплеменныхъ народовъ, оно долго оставалось въ неизвѣстности, но въ XV вѣкѣ опять явилось подъ именемъ *Качибея* (Сасуђеі) и подъ покровительствомъ Литвы. Наконецъ, послѣ новаго разоренія, претерпѣннаго отъ нашествія турокъ, Качибей превратился уже въ маленькую турецкую крѣпость Хаджибей и оставался такою до взятія его русскими.

Такъ какъ все, касающееся до мѣста столь любопытнаго, какъ Одесса, должно быть интересно для читателей, надобно сказать имъ и имя того изъ русскихъ, кто взялъ Хаджибей. Это былъ генералъ-маіоръ Іосифъ де-Рибасъ, лицо знаменитое въ исторіи Новороссійскаго края. Уроженецъ Неаполя, онъ двадцатилѣтнимъ юношей узналъ графа Орлова-Чесменскаго въ лучшіе дни его блестящей славы на морѣ и, увлеченный ею, вступилъ по приглашенію его въ русскую морскую службу. Онъ проходилъ ее съ особеннымъ отличіемъ и черезъ десять лѣтъ, въ 1780 году, былъ уже полковникомъ и командиромъ маріупольскаго полка въ херсонскомъ войскѣ. Это привело его въ Новую Россію подъ начальство перваго образователя ея, Потемкина. Пылкій и дѣятельный, де-Рибасъ радовался и такому необыкновенному начальнику, каковъ былъ Потемкинъ, и такому обширному поприщу, какое представляла ему страна новая, полная красотъ природы и поэзіи, ожидавшая только

искусныхъ рукъ, чтобы развить богатства свои. Но частыя войны съ Турціей препятствовали этому развитію и заставляли обращать все вниманіе на одно охраненіе прекрасныхъ мѣстъ Новой Россіи отъ нападенія непріятелей, а не на украшеніе ихъ. Такимъ образомъ для этого же охраненія взятъ былъ и за̀мокъ Хаджибей. Будучи главнымъ виновникомъ этого пріобрѣтенія, де-Рибасъ принималъ дѣятельное участіе и во всѣхъ послѣдующихъ побѣдахъ, одержанныхъ русскими въ продолженіе этой войны. Онъ былъ ревностнымъ помощникомъ Суворова до самаго дня заключенія Ясскаго мира, 23-го декабря 1791 года. Въ это время съ пріобрѣтеніемъ всей Очаковской области и безопасность Новой Россіи утвердилась на основаніяхъ болѣе прочныхъ. Границею русскою со стороны Турціи сдѣлалась рѣка Днѣстръ и по русскому берегу ея надобно было строить цѣлую линію крѣпостей. Построеніе одной изъ нихъ назначено было вблизи разореннаго хаджибейскаго за̀мка. Она долженствовала быть самою полезною, потому что имѣла обширный рейдъ для гребного флота и это обратило на нее особенное вниманіе *Экспедиціи строенія южныхъ крѣпостей*. Такъ назывался нарочно учрежденный для такихъ построекъ комитетъ, котораго начальникомъ былъ графъ Суворовъ, а главными членами-распорядителями: генералъ де-Рибасъ и инженеръ-полковникъ де-Воланъ. Какъ оживился духъ пламеннаго де-Рибаса, когда онъ получилъ это мѣсто, столь согласное съ склонностями его и представлявшее столь обширное поле для его неутомимой дѣятельности! Онъ искренно любилъ страну, давно сдѣлавшуюся вторымъ отечествомъ его и искалъ случаевъ доказать ей усердіе свое, превышающее, по его мнѣнію, то, которое онъ уже такъ часто доказывалъ въ битвахъ за нее.

И вотъ желаемый случай представился: кромѣ важной крѣпости, которую назначено было строить въ Хаджибеѣ и которой основаніе уже положено было 10-го іюня 1793 года, въ совѣтѣ Великой Екатерины рѣшено было имѣть на Черномъ морѣ большой военно-торговый портъ и выборъ мѣста, гдѣ устроить его, палъ на тотъ же самый Хаджибей, въ которомъ уже строилась русская крѣпость. Де-

Рибасъ сдѣлался еще довольнѣе: новый портъ и съ нимъ вмѣстѣ новый городъ поручены были исключительно ему. Онъ удостоился по этому случаю лестнаго рескрипта отъ императрицы, который примѣчателенъ тѣмъ, что объяснялъ словами великой государыни будущее назначеніе и судьбу новаго города. Вотъ эти строки, извлеченныя изъ рескрипта: «Потщитеся, дабы созидаемый вами городъ представлялъ торгующимъ не только безопасное отъ непогодъ пристанище, но защиту, одобреніе, покровительство и, словомъ, всѣ зависящія отъ васъ въ дѣлахъ ихъ пособія, чрезъ что, безъ сомнѣнія, какъ торговля наша въ тѣхъ мѣстахъ процвѣтетъ, такъ и городъ сей наполнится жителями въ скоромъ времени».

Эти слова императрицы можно назвать пророческими: такъ прекрасно они исполнились! Новый городъ, получившій названіе *Одессы,* въ воспоминаніе лежавшаго близъ него въ древности греческаго селенія *Ордиссосы* [1]), возросталъ какъ бы волшебною силою подъ распоряженіями де-Рибаса.

22-го августа 1794 года началось его существованіе: въ этотъ день положены первые основные камни для церквей св. Николая и св. Екатерины, и менѣе нежели черезъ годъ было уже въ Одессѣ около 2,500 жителей. Кораблей пришло въ портъ ея 86, а отошло 64.

Эти первые успѣхи юнаго города еще порадовали великую основательницу его въ послѣдніе дни жизни ея, и 22-го октября 1796 года, т. е. за двѣ недѣли до кончины своей, она подписала указъ объ учрежденіи въ Одессѣ цензуры для привозимыхъ туда иностранныхъ книгъ. Это учрежденіе ставило новый портъ на ряду съ четырьмя главными и единственными городами, куда позволенъ былъ привозъ книгъ изъ чужихъ краевъ: Петербургомъ, Москвою, Ригою и Радзиviловымъ.

Но чтобъ имѣть полное понятіе о томъ, съ какою быстротою возрастала юная Одесса, мы послушаемъ одного почтеннаго путешественника [2]), ѣздившаго по всему Крыму

---

[1]) Это названіе значитъ по-гречески—*великій торговый путь.*

[2]) «*Путешествіе по всему Крыму и Бессарабіи въ 1799 году*». Павломъ Сумароковымъ.

и Бессарабіи въ 1799 году. Въ это время еще не исполнилось и пяти лѣтъ существованія новаго порта и города, и вотъ что̀ онъ говоритъ о нихъ: «Уже былъ вечеръ, какъ я въѣхалъ въ Одессу, и при всемъ моемъ предварительномъ о немъ понятіи, явленіе возрожденнаго сего города привело меня въ чрезвычайное удивленіе. Я проѣзжалъ, оставляя въ лѣвой рукѣ синѣющееся море, мимо огромныхъ и освѣщенныхъ каменныхъ зданій, хорошихъ обывательскихъ строеній, широкими, правильными улицами и наконецъ привезенъ былъ въ обширный домъ генерала князя Волконскаго. Оный обнесенъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, какъ за̀мокъ, каменными строеніями и отдавался въ наймы разнымъ лицамъ. Возможно ли, разсуждалъ я самъ съ собою, что когда у всѣхъ прочихъ народовъ, для построенія и приведенія въ цвѣтущее состояніе города, потребно цѣлое столѣтіе, а чтобъ у россовъ только три или четыре года на то было достаточно? Не Цирцея ли силою волшебства его произвела?»

«....Положеніе Одессы есть на горѣ, при самомъ Черномъ морѣ, весьма красивое, гдѣ съ лѣвой стороны природа, составляя изъ крутыхъ береговъ предъ нею полукружіе, ограждаетъ гавань ея отъ погодъ. Расположенная по равнинѣ, она простирается версты на *три* въ длину и версты на *двѣ* въ ширину большими прямыми улицами, которыя, имѣя каменныя мостовыя, вмѣщаютъ въ себѣ площади и построенія по нихъ: исключая малаго числа деревянныхъ домовъ, всѣ суть каменные, новѣйшаго вкуса, однако же во многихъ по городу мѣстахъ находятся пустыни; притомъ разныя въ немъ заведенія, иныя начатыя, другія болѣе половины сдѣланныя, нѣкоторыя и къ концу приведенныя, остаются еще недовершенными».

Сочинитель нашелъ въ Одессѣ три еще неоконченныя церкви, 506 домовъ, 232 землянки, 500 лавокъ, 36 хлѣбныхъ магазиновъ и 4,147 человѣкъ жителей. Но возвратимся къ описанію его.

«Возрастающая Одесса часъ-отъ-часу пріобрѣтала новыя силы и распространеніе. Число жителей ея умножалось, мѣста для построенія домовъ и лавокъ разбираемы были въ великомъ количествѣ; начались хорошія общества,

балы, хотѣли заводить театръ, и въ странѣ оной, до того пустынной, толпы народа, успѣхами торговли ободренныя, воспѣли свое блаженство. Она, по своему мѣстоположенію, не только что далеко превосходитъ всѣ прочіе наши порты, но современемъ можетъ вступить въ совмѣстничество съ петербургскимъ. Прилегающая къ ней польская Украйна не имѣетъ, кромѣ оной, другого выхода всѣмъ своимъ произведеніямъ, къ чему Днѣпръ и Днѣстръ подаютъ выгодныя средства, а безъ нея всѣ пути къ тому остались бы пресѣченными, и изобиліе того края пребыло бы безполезнымъ. Иностранныхъ земель, какъ-то: полуденной Германіи и Франціи, всей Италіи, Архипелагскихъ острововъ, Турціи, Анатоліи и Египта купеческія суда удобнѣе пристани въ Россіи имѣть не могутъ. Однимъ словомъ, она есть средоточіе всей нашей торговли и надежное для имперіи сокровище...»

Такова была Одесса въ 1799 году. Въ 1803 г. въ ней было уже болѣе 9,000 человѣкъ жителей, въ гавань ея пришло 552 корабля; вывезено изъ нея въ чужіе края одной пшеницы на 3.110,076 руб., привезено же товаровъ на 936,189 руб.

Съ этого года существованіе Одессы получило новое, еще блистательнѣйшее направленіе: военнымъ губернаторомъ и градоначальникомъ ея сдѣлался одинъ изъ благороднѣйшихъ сыновъ растерзанной въ то время монархической Франціи, одинъ изъ образованнѣйшихъ эмигрантовъ ея—герцогъ Эммануилъ *Дюплесси-Ришелье.* Соединяя съ прекрасными качествами своими необыкновенную преданность къ несчастному семейству Людовика XVI, онъ, съ самаго начала пребыванія своего въ Россіи, принявшей его въ службу свою, послѣ ужасовъ Франціи, обратилъ на себя особенное вниманіе великаго князя Александра Павловича. Въ 1796 году его высочество пригласилъ его въ свиту свою и съ того времени Ришелье былъ въ числѣ самыхъ близкихъ особъ, окружавшихъ Александра. Узнавъ коротко всѣ достоинства его, государь, смотрѣвшій съ особенною любовію на портъ Одесскій, какъ на одно изъ послѣднихъ твореній Екатерины, надѣялся найти въ герцогѣ все то, что̀ нужно было для окончательнаго устрой-

ства возникающаго города, и ожиданія его исполнились самымъ лучшимъ образомъ: Одесса, съ перваго года управленія новаго градоначальника, начала стремиться къ своему усовершенствованію съ быстротою, почти невѣроятною. Ришелье сначала только пламенно желалъ оправдать довѣренность высоко уважаемаго имъ государя, но потомъ онъ чрезвычайно полюбилъ городъ, котораго судьба такъ много зависѣла отъ него, и все вниманіе, всѣ старанія его были устремлены на то, чтобы утвердить благосостояніе его на самыхъ прочныхъ основаніяхъ. Невозможно исчислить всего, чѣмъ обязана была Одесса герцогу; въ короткихъ словахъ можно сказать только то, что въ 1803 году, когда герцогъ принялъ въ управленіе свое новый городъ и портъ, въ нихъ было не болѣе 8,000 человѣкъ жителей и 800 домовъ и землянокъ. Черезъ одиннадцать же лѣтъ потомъ, въ 1814 году, когда онъ оставилъ Одессу, она имѣла 2,000 красивыхъ домовъ и около ста прекрасныхъ дачъ и садовъ; кромѣ того, она имѣла всѣ общественныя зданія, необходимыя въ большомъ портовомъ городѣ, напримѣръ таможню, карантинъ, театръ, госпиталь и другія строенія; торговля ея простиралась на 40 или 50 милліоновъ въ годъ, а жителей уже было около 25,000 человѣкъ. Для образованія этого, уже столь многочисленнаго народонаселенія, стараніями герцога учреждены были всѣ учебныя заведенія, какія положено имѣть въ губернскихъ городахъ; сверхъ того при коммерческой гимназіи— *благородный институтъ* для высшаго образованія новороссійскаго юношества; другой *благородный институтъ* для воспитанія дѣвицъ, и наконецъ *лицей Ришельевскій*, основанный уже послѣ отъѣзда герцога. Привязанность герцога къ Одессѣ оставалась все та же и въ то время, когда онъ уже совсѣмъ выѣхалъ изъ Россіи и, снова вступивъ въ службу отечества своего, жилъ въ Парижѣ. И тамъ онъ съ восхищеніемъ принималъ всѣхъ одесскихъ гражданъ, которыхъ судьба увлекала иногда такъ далеко отъ отечества, и съ любовію разспрашивалъ обо всемъ, что касалось до незабвеннаго для него города.

Благосостояніе Одессы, украшенной и вознесенной герцогомъ до званія перваго торговаго города на югѣ Рос-

сіи, увеличено было, какъ мы уже сказали, новымъ благодѣяніемъ государя въ 1817 году: портъ ея сдѣланъ былъ *порто-франко*. Вся торговля южной Россіи почувствовала благотворныя дѣйствія этой заботливости о ней государя.

Къ довершенію разсказа нашего объ Одессѣ, милые читатели, вамъ непремѣнно надобно узнать нѣсколько строкъ, написанныхъ о ней Пушкинымъ во время его жизни тамъ въ 1824 году:

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной.
Тамъ долго ясны небеса,
Тамъ хлопотливо торгъ обильный
Свои подъемлетъ паруса;
Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ;
Все блещетъ югомъ и пестрѣетъ
Разнообразностью живой.
Языкъ Италіи златой
Звучитъ по улицѣ веселой,
Гдѣ ходитъ гордый славянинъ,
Французъ, испанецъ, армянинъ,
И грекъ, и молдаванъ тяжелый,
И сынъ египетской земли,
Корсаръ въ отставкѣ, Морали.

Это—Одесса въ послѣдніе годы царствованія Александра, стало быть прежде нежели исполнилось тридцать лѣтъ ея существованія. Успѣхъ, понятный только въ Россіи и не удивляющій только русскихъ. Мы такъ привыкли къ этимъ успѣхамъ, что даже не замѣчаемъ ихъ: они кажутся намъ дѣломъ обыкновеннымъ; но надобно спросить у иностранцевъ о томъ, какъ поражаетъ ихъ все то, что дѣлается въ Россіи. Напримѣръ, сколько удивленія чувствовали тѣ изъ нихъ, которые въ концѣ 1817 года пріѣхали въ Москву по случаю пребыванія тамъ императорской фамиліи? Изумленные прекрасными зданіями столицы, жертвы отечества, они едва вѣрили, чтобы за пять только лѣтъ назадъ она представляла груду обгорѣлыхъ развалинъ. Слѣды ужаснаго разоренія почти исчезли; все блистало пышностію, дышало счастіемъ; народъ былъ въ томъ упоительномъ весельи, какое онъ всегда чувствуетъ, видя посреди себя семейство царское; августѣйшіе члены этого семейства исполнены были также всею радостію неви-

данныхъ счастливыхъ событій и еще радостнѣйшими ожиданіями: молодая великая княгиня Александра Ѳеодоровна готовилась быть матерью, и этотъ младенецъ—первое дитя счастливѣйшаго брака, долженствовавшій родиться въ древней столицѣ государства, казался еще до рожденія какою-то особенною драгоцѣнностью и семейства своего, и народа. Какъ будто предчувствуя будущее назначеніе его, московскіе жители гордились заранѣе высокою честью, ожидавшею ихъ, и съ пламеннымъ усердіемъ молились о благополучномъ рожденіи его. 17-го апрѣля 1818 года оно совершилось, и великій князь Александръ Николаевичъ, явился свѣту для будущаго счастія полсвѣта. Никакое описаніе не изображаетъ такъ истинно и хорошо этого знаменитаго дня Россіи, какъ описаніе, сдѣланное тогда Жуковскимъ въ его превосходномъ посланіи къ государынѣ (тогда великой княгинѣ) Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Вотъ нѣсколько стиховъ, въ которыхъ поэтъ обращается къ юной родительницѣ новорожденнаго:

«Прекрасное Россіи упованье
Тебѣ въ твоемъ младенцѣ отдаетъ,
Тебѣ его младенческія лѣта!
Отъ ихъ пеленъ ко входу въ бури свѣта
Пускай тебѣ вослѣдъ онъ перейдетъ.
Съ душой, на все прекрасное готовой,
Наставленный: достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровый,
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
Лѣта пройдутъ: подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ!*
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага *всѣхъ—свое* позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать...
Вотъ правила царей великихъ внуку!
Съ тобой ему начать сію науку!»

Счастливая Москва назвала первая *своимъ*—юнаго князя, сдѣлавшагося впослѣдствіи *нашимъ общимъ* благомъ, *нашею общею* радостію.

5-го мая происходило крещеніе новорожденнаго въ знаменитомъ Чудовомъ монастырѣ. Воспріемникомъ его отъ купѣли былъ августѣйшій дѣдъ его, король прусскій, нарочно для того прибывшій въ Москву. Торжественные праздники, начавшіеся по этому радостному случаю въ Москвѣ, окончились въ Петербургѣ, куда въ іюнѣ мѣсяцѣ возвратилась вся императорская фамилія и царственный родственникъ и гость ея.

Въ сентябрѣ 1818 года назначенъ былъ въ Ахенѣ первый, послѣ Вѣнскаго конгреса, съѣздъ государей, членовъ Священнаго союза. Императоры русскій, австрійскій и король прусскій пріѣхали въ Ахенъ въ половинѣ сентября; Франція и Англія, принадлежавшія также къ Священному союзу, прислали полномочныхъ своихъ.

Главнымъ предметомъ совѣщаній на этомъ новомъ конгресѣ долженствовалъ быть вопросъ о томъ, выводить ли союзныя войска изъ Франціи? Снисходительный Людовикъ XVIII, надѣясь, что довѣренность его къ народу сблизитъ съ нимъ этотъ легкомысленный народъ, умолялъ самъ союзныхъ государей о выводѣ войскъ ихъ. На конгресѣ ахенскомъ исполнено было его желаніе, но это исполненіе не принесло съ собою ожидаемыхъ плодовъ: можетъ быть выступленіе войскъ, соединяясь съ какими нибудь небывалыми дотолѣ празднествами, и новость положенія, столь дорого цѣнимая французами, заняли на нѣсколько времени вниманіе ихъ до того, что они позабыли обыкновенное занятіе свое—безпокойное участіе въ дѣлахъ правительства; но какъ скоро прелесть новизны исчезла, все пошло по старому, съ тою только разницею, что теперь они уже не боялись быть наказанными: иностранныхъ войскъ, надзиравшихъ за безпокойнымъ народомъ, уже не было. Приверженцы порядка и законной власти боялись за короля и опасенія ихъ оправдались: не прошло двухъ лѣтъ послѣ выступленія союзныхъ войскъ изъ Франціи, какъ племянникъ Людовика XVIII, долженствовавшій современемъ наслѣдовать престолъ его, герцогъ Беррійскій,

палъ подъ ударами убійцы. Это ужасное злодѣяніе, поразивъ жестокою горестію семейство королевское, потрясло снова и всю Францію; но убійца, совершая страшное дѣло свое, не зналъ, что у герцога Беррійскаго долженствовалъ вскорѣ родиться сынъ. Эта неожиданная новость разрушила на-время всѣ дальнѣйшіе замыслы заговорщиковъ, которые не могли дѣйствовать успѣшно безъ народа, а народъ весь погруженъ былъ въ участіе къ оставшейся молодой принцессѣ, вдовствующей супругѣ герцога Беррійскаго, и его новорожденному сыну, герцогу Бордосскому. Назначенный судьбою быть возстановителемъ угасавшаго поколѣнія Бурбоновъ, юный принцъ Бордосскій внушалъ столь необыкновенное чувство, столь трогательное вниманіе къ себѣ, что легкомысленные французы въ первые мѣсяцы и даже—годы его существованія были совершенно покорены имъ: безпокойства народныя утихли, не смотря на то даже, что въ это время во всей Европѣ царствовалъ какой-то духъ мятежа: вездѣ хотѣли перемѣнъ и улучшеній въ правительствѣ, и революціи португальская, неаполитанская и пьемонтская слѣдовали одна за другою. Начало всѣхъ ихъ было въ Испаніи, въ этой несчастной землѣ, погруженной въ безначаліе во время плѣна короля ея во Франціи и борьбы народной съ Наполеономъ. Фердинандъ VII, можетъ быть отвыкшій въ несчастіи носить съ достоинствомъ корону свою, принужденъ былъ уступить настоянію возмутителей и дать имъ конституцію, какой они требовали. Это согласіе произвело величайшее зло и съ того времени начались безпрестанныя безпокойства въ государствахъ, до которыхъ доходили слухи о происшествіяхъ испанскихъ. Португалія была первая, получившая конституцію по примѣру испанцевъ. Вскорѣ потомъ то же самое произошло и въ итальянскихъ государствахъ. Но тамъ возмутители спокойствія, состоявшіе всѣ изъ карбонаріевъ [1]), усмирены были новымъ конгресомъ союзныхъ государей, собравшимся въ городѣ Троппау, на которомъ рѣшено было уничтожить силою оружія зло, грозившее

---

[1]) Такъ назывались члены тайныхъ обществъ, учредившихся для ниспроверженія законныхъ властей.

новымъ бѣдствіемъ Европѣ. Спокойствіе въ Неаполѣ, Сициліи и Пьемонтѣ возстановили австрійскія войска, прежде нежели русскія успѣли явиться туда по рѣшенію монарховъ. Но едва совершилось это благодѣтельное дѣйствіе Священнаго союза государей, какъ новое событіе обратило опять вниманіе всей Европы. Греки, такъ долго стенавшіе подъ властію турокъ, возстали противъ своихъ утѣснителей, и въ каждой европейской области нашлись защитники этого, по мнѣнію многихъ, праваго дѣла. Они помогали несчастнымъ грекамъ деньгами, оружіемъ и часто даже пожертвованіемъ собственной жизни, сражаясь въ рядахъ ихъ. Почти всѣ увѣрены были, что Россія воспользуется случаемъ, чтобы потрясти могущество Турціи, такъ часто вредившей ей, и всѣми силами будетъ помогать грекамъ свергнуть иго, столь долго носимое ими. Но какъ же всѣ ошиблись, когда узнали о словахъ, сказанныхъ Александромъ французскому министру Шатобріану на конгресѣ, бывшемъ по случаю греческихъ дѣлъ въ Веронѣ, въ 1822 году. Вотъ эти примѣчательныя слова, объясняющія причину, по которой Россія не приняла участія въ борьбѣ грековъ съ турками: «Я радъ, что всѣ узнаютъ истинную цѣль и чистоту моихъ намѣреній. Враги наши говорятъ, будто слово *союзъ* служитъ только къ прикрытію честолюбивыхъ замысловъ. Можно ли помышлять нынѣ о какихъ либо частныхъ выгодахъ, когда просвѣщенная Европа находится въ опасности? Россія, Англія, Франція, Пруссія, Австрія имѣютъ одну и ту же политику, которую бы долженствовали принять всѣ народы и государи для всеобщаго блага. Будучи увѣренъ въ истинѣ правилъ, на коихъ основанъ мною Священный союзъ, я первый долженъ былъ показать все сіе на самомъ опытѣ. Случай къ тому представился. Въ Греціи произошло возмущеніе. Ничего, конечно, не было согласнѣе съ моею пользою, съ выгодами моего народа, съ мнѣніемъ моей имперіи, какъ священная война противъ Турціи; но въ возмущеніи Пелопонеса примѣтилъ я признаки революціи. Съ сей минуты я удержался отъ войны. Чего ни дѣлали для разорванія союза! Всячески старались то возбудить мое подозрѣніе, то растрогать мое самолюбіе за явное оскорбленіе моей особы. Весьма худо меня знали,

если думали, что правила мои происходятъ отъ тщеславія или что я не могу предать забвенію причиненнаго мнѣ оскорбленія. Нѣтъ! Я никогда не отдѣлюсь отъ монарховъ, соединенныхъ со мною дружествомъ. Весьма позволительно намъ имѣть явные союзы, дабы защищать себя отъ тайныхъ обществъ. И что бы могло побудить меня къ нарушенію моихъ правилъ? Нужно ли мнѣ еще распространять предѣлы моей монархіи? Провидѣніе ввѣрило мнѣ 58 милліоновъ подданныхъ и 900,000 воиновъ, не для удовлетворенія честолюбія, но для защиты религіи, нравственности и правосудія, для утвержденія правилъ благоустройства, на коихъ основываются человѣческія общества и счастіе народовъ».

Можно, по всей справедливости, сказать, что счастіе народовъ было, точно, первою и драгоцѣннѣйшею цѣлью Александра. Сострадательный и человѣколюбивый въ полномъ значеніи слова, онъ принесъ много жертвъ этой благородной, возвышенной цѣли. Устроивая, сколько возможно лучше, благосостояніе народовъ, которыхъ судьба зависѣла отъ рѣшенія его на конгрессахъ, добродѣтельный государь заботился о счастіи собственныхъ подданныхъ съ неутомимымъ усердіемъ. Чтобы лучше сблизиться съ ними и узнать ихъ нужды, онъ часто предпринималъ путешествія по различнымъ губерніямъ нашего обширнаго отечества. Отдаленныя и близкія, онѣ равно были предметомъ его заботливости, и въ сентябрѣ 1824 года въ числѣ многихъ другихъ мѣстъ, посѣтилъ государь края, никогда дотолѣ невидавшіе монарховъ своихъ: Екатеринбургъ, Пермь и Оренбургъ. Восторгъ жителей былъ неописанъ, но вы можете судить о немъ, милые читатели, зная привязанность народа русскаго къ царю своему. Привыкнувъ считать и называть его *земнымъ Богомъ* своимъ, они всѣ утверждались въ этомъ мнѣніи, при видѣ Александра: его снисходительность, благодушіе, состраданіе поистинѣ могли назваться божественными. Во всякомъ мѣстѣ кратковременнаго пребыванія своего онъ оставлялъ множество несчастныхъ примиренныхъ съ судьбою: бѣдные получали отъ щедрой руки его пособіе, невинные—правосудіе, виновные—прощеніе. Чувствуя безчисленныя благодѣянія, проливаемыя государемъ, всѣ

эти различные классы людей и вмѣстѣ съ ними всѣ другіе, которые въ довольномъ состояніи своемъ осчастливлены были одною сладостію лицезрѣнія его, не могли иначе называть его, какъ ангеломъ-утѣшителемъ. Но вотъ насталъ день, принесшій съ собою для Россіи новое доказательство справедливости этого названія.

7-го ноября 1824 года, спустя нѣсколько дней послѣ возвращенія государя изъ его далекаго путешествія, Петербургъ сдѣлался жертвою ужаснаго наводненія. Будучи въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ отъ моря, онъ всегда болѣе или менѣе подверженъ былъ разливу его, но никогда этотъ разливъ не достигалъ до такой страшной степени, какъ въ несчастный день 7-го ноября. Бѣдствіе, причиненное имъ, было тѣмъ ужаснѣе, что никто изъ жителей, не запомня ничего подобнаго, никакъ не ожидалъ его, и что оно съ своей стороны неслось навстрѣчу къ нимъ съ быстротою почти невѣроятною. Когда утро 7-го ноября началось вѣтромъ, жестоко дувшимъ съ моря, жители Петербурга, не предчувствуя ужасной судьбы, ожидавшей ихъ чрезъ нѣсколько часовъ, казалось, расположены были къ какой-то особенной веселости, и во всѣхъ домахъ, болѣе или менѣе, шутили надъ проходившими и проѣзжавшими по улицамъ: сильный вѣтеръ срывалъ шляпы и шапки, салопы и плащи. Но вотъ изъ рѣшетокъ на мостовыхъ начала показываться вода. Это былъ случай къ новой забавѣ, потому что вода вырывалась въ видѣ маленькихъ красивыхъ фонтановъ. Наконецъ она выступила на мостовую, разлилась по набережнымъ Невы, Фонтанки и каналовъ, вынесла съ собою на улицы и площади городскія всѣ большія и малыя суда и барки, стоявшія на ней, и ужасъ поразилъ жителей тѣмъ страшнѣе и убійственнѣе, что разразился надъ ними мгновенно и неожиданно. Невозможно исчислить бѣдствій, причиненныхъ этимъ ужаснымъ наводненіемъ, и особенно въ мѣстахъ ближайшихъ къ берегу, какъ, напримѣръ, въ Гавани и другихъ частяхъ Васильевскаго острова, на сторонѣ Петербургской и въ Коломнѣ: были люди, потерявшіе въ одинъ день половину семейства своего; были другіе, получившіе въ этотъ день смертельныя болѣзни; наконецъ, были и такіе, которые,

будучи разлучены съ семействами своими во время бѣдствія, не нашли и слѣдовъ жилищъ своихъ, унесенныхъ волнами. Не одинъ несчастный потерялъ навѣки разсудокъ въ такомъ убійственномъ положеніи. Здѣсь-то, посреди этого хаоса бѣдствій, императоръ Александръ явился снова ангеломъ-утѣшителемъ человѣчества. Не только по окончаніи наводненія, продолжавшагося около 10 часовъ сряду, но даже въ самые эти страшные часы, когда почти всѣ роды опасностей носились надъ несчастною столицею, его величество отдавалъ самъ приказанія, — какимъ образомъ помогать погибающимъ, посылалъ въ разныя стороны своихъ приближенныхъ, умолялъ ихъ не щадить ничего для спасенія несчастливцевъ и на другой же день приказалъ выдать милліонъ рублей для вспомоществованія разореннымъ. Но эта сумма была только началомъ тѣхъ безчисленныхъ благодѣяній, какія впослѣдствіи всѣмъ потерпѣвшимъ отъ наводненія оказаны были комиссіею, учрежденною нарочно для того, чтобы отыскивать этихъ несчастныхъ и помогать имъ всѣми возможными средствами. Усерднѣйшимъ членомъ благодѣтельной комиссіи можно было назвать самого государя, который лично осматривалъ всѣ потерпѣвшія части города, лично распоряжался, какъ помочь пострадавшимъ въ первые дни и съ неутомимостію заботился впослѣдствіи о судьбѣ ихъ до тѣхъ поръ, пока она не была улучшена во всѣхъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ отеческія попеченія государя смягчили жестокость бѣдствія, постигшаго столицу его, но не могли истребить ужаснаго потрясенія, произведеннаго имъ. Какое-то неотразимое уныніе тяготѣло долго надъ высшими классами общества; что-жъ касается до низшихъ, то тамъ всѣ суевѣрно думали, что такое страшное несчастіе посѣтило недаромъ столицу царскую, что оно предвѣщаетъ какую нибудь бѣду еще бо̀льшую. Со страхомъ припоминали тогда старики, что въ 1777 году, предъ самымъ рожденіемъ кроткаго, обожаемаго государя, Петербургъ также потерпѣлъ сильное наводненіе; что оно повторилось потомъ, хотя въ меньшей степени, въ годъ его восшествія на престолъ. Эти почти позабытые случаи ожили теперь въ па-

мяти народа и невольно внушали какое-то тревожное ожиданіе.

Это мнѣніе народа, казалось, раздѣлялъ и самъ государь. Отличаясь необыкновеннымъ благочестіемъ во всѣ возрасты жизни своей и особенно со времени знаменитой войны, такъ явно оправдавшей надежды его на промыслъ Божій, Александръ привыкъ находить во многихъ событіяхъ, съ нимъ случавшихся, какое-то указаніе воли Провидѣнія, какое-то небесное предостереженіе для будущаго. Такому религіозному расположенію души много содѣйствовало постоянное чтеніе книгъ священнаго писанія, которымъ государь занимался каждый день въ извѣстные часы[1]). Привыкнувъ такъ часто углубляться въ размышленія о святыхъ истинахъ вѣры, знаменитѣйшій изъ царей своего времени научался съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе отвращать сердце свое отъ величія земного и возносить его къ величію небесному. Удивительно ли послѣ того, если мысль о смерти—этомъ неизбѣжномъ пути къ радостямъ неба—перестала казаться страшною набожному государю; если она сдѣлалась потомъ одною изъ привычныхъ мыслей его, и наконецъ, если столь ужасное всеобщее бѣдствіе, какимъ было наводненіе 1824 года, сблизило его еще болѣе съ нею, и невольно навело на размышленія о суевѣрномъ страхѣ народа за судьбу его. Какъ бы то ни было, только впечатлѣніе, произведенное этимъ бѣдствіемъ на чувствительную душу Александра, было очень продолжительно и такъ сильно, что, казалось, всѣ мысли его послѣ того получили какое-то грустное направленіе, которое тѣмъ болѣе поддерживалось въ немъ, что здоровье супруги его, императрицы Елисаветы Алексѣевны, находилось въ это время въ самомъ разстроенномъ состояніи. Доктора, истощивъ всѣ пособія науки своей, не находили другого средства къ поправленію драгоцѣннаго здоровья, какъ южный кли-

[1]) Его величество съ такою точностію исполнялъ эту обязанность, что даже во время войны, и въ самые дни сраженій, происходившихъ подъ личнымъ распоряженіемъ его, онъ не пропускалъ ее, и прочитывалъ все, что обыкновенно назначено было для ежедневнаго чтенія: одну главу изъ пророчествъ, другую изъ Евангелія, третью—изъ посланій Апостольскихъ.

матъ, и государынѣ въ ея болѣзненномъ состояніи предстояло еще огорченіе разлуки съ августѣйшимъ семействомъ. Для жительства ея величества избранъ былъ городъ Таганрогъ, въ Екатеринославской губерніи. Приготовленія къ пребыванію тамъ императрицы дѣлались въ теченіе лѣта 1825 года, и въ первыхъ числахъ сентября назначенъ отъѣздъ.

Но государь желалъ лично обозрѣть все, что сдѣлано было для успокоенія супруги его, прежде нежели она прибудетъ туда, желалъ самъ встрѣтить ее въ мѣстахъ, которыя долженствовали возвратить ей здоровье, и для того отправился туда нѣсколькими днями ранѣе государыни. Обстоятельства, сопровождавшія этотъ послѣдній выѣздъ императора изъ столицы его, имѣли въ себѣ нѣчто особенное. Когда впослѣдствіи они сдѣлались извѣстны, всѣ увидѣли, что благочестивая душа Александра, столь преданная Господу, удостоилась отъ Него какого-то таинственнаго откровенія о томъ, что̀ должно было случиться. Подлинно, нельзя назвать иначе того темнаго предчувствія, которое, казалось, имѣлъ государь, уѣзжая изъ Петербурга. Между многими случаями, доказавшими это, скажемъ по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ, всѣмъ извѣстныхъ.

Вмѣсто Казанскаго собора, гдѣ государь имѣлъ обыкновеніе молиться передъ каждымъ выѣздомъ своимъ изъ Петербурга, на этотъ разъ избранъ былъ имъ монастырь св. Александра Невскаго. Такой выборъ былъ тѣмъ болѣе удивителенъ, что за одинъ только день до отъѣзда государь посѣтилъ монастырь по случаю торжественнаго праздника 30-го августа. Въ этотъ самый день его величество объявилъ высокопреосвященному митрополиту, что желаетъ въ день отъѣзда своего, 1-го сентября, отслужить молебенъ предъ священною гробницею св. Александра. Желая принести Богу моленіе свое въ уединеніи отъ всѣхъ, государь пріѣхалъ въ монастырь одинъ, безъ всякой свиты, и въ 4 часа утра. Весь городъ погруженъ былъ въ глубокій сонъ, никакъ не воображая, что надъ нимъ, ни для кого незамѣтно, протекала ночь послѣдняго прощанья съ Благословеннымъ.

Между тѣмъ таинственное пребываніе государя въ стѣ-

нахъ монастырскихъ, не смотря на краткость времени, было полно самыхъ грустныхъ впечатлѣній. Отслушавъ молебенъ въ какомъ-то особенно благоговѣйномъ расположеніи духа[1]), его величество посѣтилъ митрополита и потомъ еще одного монаха-схимника. Кромѣ необыкновенности, которою всегда болѣе или менѣе отличаются слова и рѣчи человѣка, давно отказавшагося отъ міра и живущаго въ однихъ, ничѣмъ не развлекаемыхъ размышленіяхъ о Богѣ и будущей жизни, императоръ пораженъ былъ всѣмъ, что увидѣлъ въ отшельнической кельѣ схимника. Стѣны и полъ, обитые чернымъ въ той комнатѣ, гдѣ принималъ онъ государя, еще ничего не значили въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ показалъ онъ въ другой, когда его величество спросилъ, гдѣ спитъ онъ? Это былъ гробъ со всѣми принадлежностями его: въ немъ-то проводилъ благочестивый старецъ немногіе часы, назначенные имъ для успокоенія своего. Не смотря на грусть, какую необходимо должны были внушить столь мрачные предметы,—въ государѣ ни малѣйшимъ образомъ не измѣнилось то невыразимое благоволеніе, которымъ онъ такъ счастливилъ всѣхъ приближавшихся къ нему и, начиная съ схимника до послѣдняго монаха изъ всего провожавшаго его духовенства, всѣ сохранили въ сердцѣ своемъ сладкое воспоминаніе о его необыкновенной кротости, о его ласковой привѣтливости. Но подъ этимъ пріятнымъ расположеніемъ духа добрый государь скрывалъ въ день отъѣзда своего въ Таганрогъ грусть, которая невольно тяготила сердце его и которая могла опечалить окружавшихъ его. Однакожъ былъ человѣкъ, замѣтившій ее, — это его кучеръ. Онъ, какъ единственный спутникъ его въ этотъ день, разсказалъ впослѣдствіи, что государь, всегда съ особеннымъ удовольствіемъ проѣзжавшій по своему любимому Каменноостровскому мосту, на этотъ разъ не только не показалъ ни малѣйшаго знака этого удовольствія, но даже съ особенною печалію смотрѣлъ и на величественную Неву, и

---

[1]) Во все время обыкновеннаго за молебномъ чтенія Евангелія государь стоялъ на колѣняхъ и просилъ митрополита положить священную книгу къ нему на голову.

на прекрасныя берега ея. Проѣзжая въ тотъ же день по дорогѣ въ Царское Село, его величество приказалъ на Пулковской горѣ остановиться и, стоя въ коляскѣ на ногахъ, долго и уныло смотрѣлъ на покинутый городъ. Это была минута прощанія торжественнаго, грустнаго, угаданнаго любящею душою.

Но съ этимъ днемъ отъѣзда окончились печальныя предчувствія государя: во всю дорогу до Таганрога онъ былъ спокоенъ и даже веселъ; его занимала пріятная мысль, что здоровье кроткаго ангела, супруги его, будетъ возстановлено, что, наконецъ, она избавлена будетъ отъ страданій. Полный этою мыслью, его величество былъ необыкновенно веселъ и въ Таганрогѣ, занимаясь сначала приготовленіями къ принятію государыни, а потомъ встрѣчею ея.

Императрица, соединенная съ супругомъ, съ которымъ такъ грустно разлучали ее то войны, то частыя путешествія его, видѣвшая доказательство любви его въ тѣхъ нѣжныхъ попеченіяхъ, какими онъ безпрестанно окружалъ ее; обрадованная его непритворною веселостію, такъ рѣдко замѣчаемою въ немъ послѣ бѣдствія Петербурга въ ноябрѣ 1824 года, — почувствовала облегченіе съ первыхъ дней своего пребыванія въ Таганрогѣ. Очевидное поправленіе здоровья ея распространило такую радость на всѣхъ окружавшихъ ее и особенно на супруга ея, что всѣ съ огорченіемъ думали о предполагаемомъ путешествіи государя въ Крымъ, долженствовавшемъ снова разлучить августѣйшихъ супруговъ: самъ же императоръ былъ такъ недоволенъ этимъ путешествіемъ, что готовъ былъ отмѣнить его и не сдѣлалъ это только потому, что еще прежде далъ слово осмотрѣть Крымъ графу Воронцову, имѣвшему тамъ большія помѣстья, и уже два года управлявшему въ то время Новороссійскимъ краемъ.

И такъ, къ общему сожалѣнію и оставшихся, и отъѣзжавшихъ, государь отправился въ это несчастное, послѣднее путешествіе его. Уѣзжая чрезвычайно неохотно, его величество не одинъ разъ сокращалъ свой маршрутъ, до тѣхъ поръ, пока въ немъ считалось уже только семнадцать дней, необходимыхъ для обозрѣнія замѣчатель-

наго полуострова. 20-го сентября былъ день отъѣзда. 5-го ноября — день возвращенія. О! какъ различны были эти два дня для Таганрога! Государь, цвѣтущій здоровьемъ и красотою, полный силъ и надеждъ, возвратился больнымъ, унылымъ, слабымъ. Позднее время года, сильные вѣтры, дувшіе у береговъ морскихъ и на горахъ, вредныя испаренія въ мѣстахъ болотныхъ, и особенно въ Козловѣ (Евпаторіи), гдѣ государь осматривалъ церкви, мечети, синагоги, казармы и даже карантины; малая осторожность, какую принималъ онъ во время путешествія по странѣ, гдѣ часто свирѣпствуютъ прилипчивыя болѣзни, и при обозрѣніи не только карантиновъ, гдѣ находились люди, пріѣзжавшіе изъ странъ зараженныхъ, но даже судовъ, еще не освидѣтельствованныхъ начальствомъ карантиновъ, все это вмѣстѣ подвергло его величество вліянію одной изъ гибельныхъ лихорадокъ крымскихъ. Неумолимая, сначала медленно и ни для кого незамѣтно, сокрушала прекрасную жертву свою; императоръ съ первыхъ дней путешествія уже носилъ ее въ груди своей, но, ненавидя всякое леченіе и всякія лекарства, никакъ не соглашался на принятіе ихъ до тѣхъ поръ, пока они уже не могли принести ему пользы.

Въ день возвращенія въ Таганрогъ, состояніе здоровья государя еще поддерживалось радостью свиданія съ супругою, къ которой нѣжность, казалось, увеличивалась въ немъ по мѣрѣ приближенія роковой разлуки; но на другой же день, 6-го ноября, лихорадочные припадки показались въ такой сильной степени, что государь, не смотря на свое отвращеніе къ лекарствамъ, согласился проглотить 8 пилюль, и на другой день принять новое лекарство, которое, однакожъ, не помогло много. Съ 7-го числа его величество пересталъ заниматься дѣлами, и смотря на кипы бумагъ, скопившихся въ кабинетѣ его, изъявлялъ часто сожалѣніе о своемъ бездѣйствіи. До 14-го числа болѣзнь съ каждымъ днемъ увеличивалась, но не было еще ничего слишкомъ страшнаго, какъ вдругъ въ этотъ день слабость и лихорадка достигли такой сильной степени, что лейбъ-медикъ государя Виллів потерялъ почти всю надежду и объявилъ о томъ императрицѣ.

Какъ описать, что почувствовала эта несчастная государыня, услышавъ приговоръ, отнимавшій у нея обожаемаго супруга, и въ то время, когда онъ принадлежалъ ей гораздо болѣе, нежели прежде? Только одна святая помощь Господа, въ которой Онъ никогда не отказываетъ столь благочестивой и столь совершенной христіанкѣ, какою была императрица Елисавета, доставили ей силы перенесть жестокій ударъ, поразившій ее такъ неожиданно. Она перенесла его и сдѣлала еще болѣе: при своемъ слабомъ и снова жестоко потрясенномъ здоровьѣ, собрала столько твердости, что приготовила супруга своего къ мысли о разлукѣ съ землею и о приготовленіи къ вѣчности. Съ неподражаемымъ смиреніемъ благочестивѣйшаго христіанина онъ 15-го числа исповѣдался и потомъ въ присутствіи императрицы, не покидавшей ни на минуту августѣйшаго супруга своего, причастился св. Таинъ.

Почувствовавъ сладкое спокойствіе, обыкновенно слѣдующее за этимъ священнымъ дѣйствіемъ, государь съ сердечнымъ удовольствіемъ благодарилъ супругу, и съ этого дня согласился на все, что̀ предлагали ему доктора. Но поздно было это согласіе: никакія пособія, отъ которыхъ онъ отказался наканунѣ, теперь уже не помогли, и 16-го числа болѣзнь достигла высочайшей степени. Государь былъ почти въ безпрестанномъ безпамятствѣ до утра 18-го. Въ этотъ день онъ, казалось, почувствовалъ нѣкоторое облегченіе и во всѣхъ сердцахъ ожила надежда, но она совершенно разрушилась къ вечеру того же дня.

Трогательно было послѣднее прощаніе умирающаго съ горестною супругою его. Въ одну изъ тѣхъ немногихъ минутъ, въ которыя возвращались къ нему память и чувства, потухающіе взоры его открылись и искали государыню. Печальная супруга наклонилась къ своему отлетавшему ангелу и онъ взялъ ея руку, поднесъ къ губамъ своимъ и потомъ прижалъ къ груди. Это была послѣдняя ласка, оказанная имъ на землѣ, послѣднее чувство, съ которымъ онъ переселился на небо, потому что безпамятство и жаръ, возобновившіеся вскорѣ потомъ, уже не прекращались до самой кончины, которая послѣдовала на другой день, 19-го числа, за 10 минутъ до полудня.

Императрица, до конца сохранившая твердость свою, собственными руками закрыла глаза Александра, навѣки потерявшіе ангельское выраженіе ихъ, и завязала платкомъ сомкнувшіяся уста, еще такъ недавно радовавшія всѣхъ своею привѣтливостію. Исполнивъ горестный долгъ свой, августѣйшая страдалица, уже безъ притворнаго спокойствія, теперь болѣе ненужнаго для супруга ея, предалась невыразимой печали своей, со всею горестію души нѣжно любящей. Не болѣе полугода послѣ кончины императора государыня могла переносить безотрадную жизнь свою. Въ маѣ мѣсяцѣ 1826 года и Елисаветы не стало! Всѣ искренно преданные этой незабвенной государынѣ не могли много огорчаться ея кончиною: потерявъ на землѣ все, что̀ было мило ея нѣжному сердцу, она не жила въ нашемъ грустномъ для нея мірѣ, но, страдая, безпрестанно стремилась душою къ своимъ свѣтлымъ ангеламъ, ожидавшимъ ее на небесахъ, въ лицѣ супруга и двухъ дѣтей ихъ, скончавшихся въ младенчествѣ. Ея величество скончалась на возвратномъ пути въ Петербургъ, въ городѣ Бѣлевѣ, Тульской губерніи. Тѣло ея, такъ же какъ и тѣло супруга ея, привезено было въ столицу, съ такими сладкими надеждами отпустившую любимцевъ своихъ въ путешествіе, казавшееся спасительнымъ.

И такъ, смертные останки императора Александра, сопровождаемые воплями и горестными слезами подданныхъ, провезены были съ торжественно-печальною пышностію отъ одного края царства его до другого. Такъ нѣкогда въ древней исторіи римской встрѣчаемо и провожаемо было плачущимъ народомъ, отъ одного города до другого, тѣло императора Траяна, названнаго *отцомъ отечества* и скончавшагося, подобно Александру, — на границѣ имперіи своей. Благодарные римляне, привезя священные для нихъ останки въ славную столицу свою, погребли ихъ подъ колонною, воздвигнутою въ честь Траяна. Русскіе, положивъ драгоцѣнный прахъ въ храмѣ Божіемъ, обыкновенномъ мѣстѣ вѣчнаго успокоенія царей ихъ, воздвигли также въ честь ангела, оставившаго ихъ, великолѣпную колонну, которая простою надписью своею въ продолженіе

вѣковъ будетъ краснорѣчиво выражать чувство ихъ къ Благословенному: «*Александру I-му благодарная Россія*».

Семейство императора Александра I.

Супруга: Принцесса Баденская Луиза-Марія-Августа, при мνропомазаніи нареченная Елисаветою Алексѣевною.

Дѣти отъ нея: Великая княжна *Марія,* великая княжна *Елисавета,* скончались во младенчествѣ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

3/-

бр –

